
НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ,
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.
1876
ГОДЪ СЕДЬМОЙ
НИВА
ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАВАЕМЫЙ
А. Ф. МАРКСОМЪ
На Большой Морской
и углу Невскаго просп.
д. Росмана, № 9.
П. МАРКОВ. рис.
К. ВЕЙЕРМАНЪ.

Оглавленіе „Нивы“ за 1876 годъ.

Стр.

I. Стихотворенія.

Весной 300
Восточные отголоски. **Щ.** 508, 561, 610
Встрѣтилъ тебя. **И.** 8
Гимнъ Славянамъ 573
Дѣти мстители. **Щ** 677
Изъ Путевой книжки **W. W.** 716, 273
Изъ Гейне. **Ив. Т. Х.** 447
Изъ Трегера. **Ѳ. Берга** 545
Изъ Гейне, **П. В. Б.** 781, 819
Изъ Петефи. **Ѳ Берга** 748
Маленькая Герцоговинка. **Б.** 77
Маленькій мститель. **Ѳ. Берга** 524
М. Г. Черняеву 652
На возстаніе Славянъ 680
На полѣ битвы 696
Ночь. (изъ Лангфелло). **П. В.** 98
Разбитая лира. **А. М-въ** 42
Славянская борьба **А Круглова** 553
Я помню, стонала и выла мятель **В С-въ** 176

II. Романы, повѣсти, разсказы и проч.

Въ домѣ Коммерціи Совѣтника. **Марлита.** 63, 74, 93, 110, 131, 148, 164, 181. 204, 223. 242, 258, 277, 292, 309, 328, 350, 367, 398, 414, 430
Въ новый путь. Записки молодой дѣвушки 459, 474
Въ тихой пристани. (сцены) 726
Встревоженный городъ. **Д. Стахѣева.** 492, 509, 524, 540, 556
Золотошвейка. **Н.-ый.** 573, 588
Круговоротъ жизни. **Д. Стахѣева.** 427
Кто лучше (изъ кавалерійской жизни) **В. Крестовскаго** 2, 20, 37, 54
Княжна Острожская, истор. повѣсть. **Вс. Соловьева.** 636, 656, 668, 684, 704, 716, 732, 748, 769, 784, 800, 822, 835, 852
На волосокъ отъ смерти. Разсказъ. 890
На жизнь и на смерть, (съ Англійскаго) 451
На перевязочномъ пунктѣ (записки) **Н. Каразина.** 756
Новое мѣсто. **Н. Успенскаго** 447
Обжинки, повѣсть. **Полонскій Панычъ.** 604, 620
Роковой приказъ (истор. разсказъ), **Гильтля** 812
Старый Солдатъ. **Б. В-въ** 67
Чѣмъ покорила? Повѣсть **Иванова** 881

III. Біографіи и Характеристики.

Абдулъ Рахманъ Автобачи 163
Алексѣй Александровичъ, Великій Князь 217
Абдулъ Гамидъ II. Новый Турецкій Султанъ. 603
Андраши, Министръ. 851
Антонелли Кардиналъ 792
Бэръ, Карлъ Эрнестъ 846
Бременская ученая Экспедиц. (Брэмъ, Финшъ и Вальбургъ) 744
Гнѣдичъ, Николай Ивановичъ 53
Гумбертъ, Принцъ Итальянскій и его супруга. 491
Горскій, Александръ Васильевичъ 747
Гончаровъ, Иванъ Александровичъ 324
Лучичъ, Архимандритъ 561
Донъ-Педро II, Бразильскій Импер. и его супруга 580
Дохтуровъ, Дмитрій Петровичъ 831
Жоржъ Зандъ 480
Игнатьевъ, Николай Павловичъ 508
Иліо Марковъ и Степанъ Караджа болг. герои 516
Карлъ I, князь Румынскій 833
Кантеміръ Антіохъ, Князь 441
Кирѣевъ, Николай Алексѣевичъ. 523
Лукка, пѣвица 864
Марія Николаевна, Великая Княгиня 143
Михаилъ, Митрополитъ Сербскій. 545
Марковъ, М. Н. Генералъ. 555
Направникъ, Эдуардъ Францовичъ 683
Новоселовъ, Семенъ Корниловичъ 715
Николай Николаевичъ (старш.) В. К. 821
Островскій. Александръ Николаевичъ 1
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ 19
Пржевальскій, Николай Михайловичъ 345
Палацкій, Францъ 425
Предводители Сербскихъ войскъ (Ранко-Алимпичъ, Милойко-Лешанинъ, Милутинъ Ивановичъ. Мирковичъ, Никифоръ Іовановичъ и Косто Бутовичъ 532
Предвод. Сер. войскъ: (Захъ, Николичъ и Милайковичъ. 547
Петровъ, Осипъ Афонасьевичъ 377
Предводители и Герои Славянскаго возстанія. 516
Ристичъ Іованъ, Сербскій министръ 587
Раевскій, Николай Николаевичъ 651
Скайлеръ, Американскій консулъ въ Константинополѣ 779
Струве, Инженеръ-Полковникъ 797
Суворовъ, А. А. Князь Италійскій. 91
Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ 255
Султанъ, Мурадъ V. 410
Самаринъ, Юріи Ѳедоровичъ. 473
Треповъ, Ѳ. Ѳ. Спб. Градоначальникъ. 147
Турецкіе генералы паши: Керимъ, Дервишъ, Мухтаръ и Авди 629
Христіанъ IX. Датскій король и его супруга 520
Цеко-Петковичъ, болгарскій герой 777
Черняевъ, Михаилъ Григорьевичъ 487
Шевченко, Тарасъ Григорьевичъ 35
Эллiотъ, Англійскій посланникъ въ Константинополѣ. 664
Языковъ, Николай Михайловичъ. 73

IV. Историко-археологическіе очерки.

Ассирія и Вавилонъ по изслѣдованію клинообраз. письма 780
Везалій, мученикъ за науку 176
Елизавета Тюдоръ и Марія Стюартъ 44
Ермакъ, покоритель Сибири 708
Изъ исторіи Кавказа. **Н. Данченно** 288
Куликовская битва 766
Народы Турціи и ихъ взаим. отношенія 533, 464
Нашествіе варваровъ на Римъ 340
Осада Пскова Стефаномъ Баторіемъ 26
Отъ пирамидъ до Сенъ-Готаргскаго туннеля 86
Паденіе Константинопол въ 1453 г. 593, 565
Первый Стрѣлецкій бунтъ 257
Признаніе Бориса на царство 830, 847
Севастопольскій памятникъ 230
Сербскій князь, Георгій Черный. 396
Спасскія ворота, въ Москвѣ 834
Храмъ Зевса, въ Олимпіи 192
Черногорія и Черногорскіе Правители 197

V. Этнографическія картины и культурно-историческіе очерки.

Алексинацъ 622
Артъ Ригійская желѣзная дорога въ Швейцаріи 652
Баши-бузуки 487
Бразилія и ея литература 613
Бѣлградъ 378
Военныя силы Сербіи 483
Валахи 98
Великоруссы 123
Вербное Воскресенье, въ Москвѣ 222
Вершины полисадъ на р. Гудзонѣ 173
Госпиталь въ Парачинѣ 568
Делиградскія укрѣпленія 619
Добыча съ берега Каспійскаго моря. **Н. Наразина** 273
Енисейскъ 411
Иванонъ день и его канунъ. **Н. Зуева.** 434
Импер. фарфоровый зав. въ С-Пет. 782
Изъ Придворной Англійской жизни. 157
Изъ путев. набросковъ. **Н. Данченно** 307
Кавказъ (горы Казбекъ и Эльборусъ). 798
Константинополь 763
Крушевацъ городъ 612
Крѣпость Никшичъ 375
Конскій барышникъ на Дону 342
Литовцы 41
Лодки и мельницы на Дунаѣ 793
Люцернъ въ Швейцаріи 411
Митавскій дворецъ 731
Наши деньги 818
Нишъ, крѣпость турец. 661
Нищіе на Руси. **Садовникова.** 393
Обычай празднованія Елки 881
Очерки Сербіи 483
Орелъ, городъ 160
Пенза, городъ 811
Петергофъ, его паркъ и фонтаны 500
Пигмеи древнихъ. **Юрія Арсеньева** 648, 626
Подгорица. мѣстечка 536
Постройка Ново-Литейнаго моста въ С.-Петербургѣ 674
Прага 644
Рабочій день на биржѣ 362
Разинскій бунтъ 741, 757
Румынка 467
Рущукъ, крѣпость на Дунаѣ 729
Самаркандскіе нищіе. **Н. Каразина** 10
Салоники 361
Саксонскій садъ въ Варшавѣ и его исторія 625
Сераево, главный гор. Босніи 693
Сербскій лит. зав. въ Майдапекѣ 597
Соликамскъ 457
Спуцъ, турецкое укрѣпленіе 610
Сравнительныя силы Европейскихъ государствъ 680
Старинное Русское вооруженіе 635
Татарскій табунъ на ярмаркѣ 45
Тверская губернія и ея промыслы 701
Тегеранскіе типы 410
Типы восточной Сибири (женщина въ Иркутскѣ) 810
Торжокъ 379
Турецкое укрѣпленіе на Дунаѣ 591
Тюбингенъ 426
Тюркменки, купающія лошадей 300
Уборка винограда въ Медокѣ 834
Ужица, крѣпость 539
Филипполь 624
Ферганская область (бывшій Коканъ) 238
Черновицы. **Невельснаго.** 470
Шекспиръ и сценическое искусство его времени 725

VI. Путешествія.

Аксенская желѣзная дорога 861
Водопадъ въ Крыму. **Невельснаго** 395
Въ верховьяхъ Ріона. **Н. Д.** 203
Принцъ Уэльскій въ Индіи 129, 384
Синай гора и Синайскій монастырь. 571
Экспедиціи въ Арктическія страны 194
Эмсъ 355

VII. Естествознаніе.

Буйволъ. **Н. Зуева** 347
Везувій 247
Водобоязнь. **Д-ра Рейха** 548
Водопадъ Ніагара 712
Гигантское дерево въ Калифорніи 374
Ласка 864
Лисица. **Н. Зуева** 412
Любовь, ненависть и ревность у рыбъ. 614
На берегахъ Балтійскаго моря 434
Орангъ-Утангъ и Горилла въ Берлинѣ. 581
Орелъ царственный. **Н. Зуева.** 562
Плащеносная ящерица. **Н. Зуева** 384
Рыба телескопъ 298
Рѣчная скопа 268
Серна. **Н. Зуева** 327
Сурки. **Н. Зуева** 98
Цапля Голіафъ 777
Эхневмонъ и очковая змѣя 709

VIII. Живопись.

Амуръ и Психея, ст. Россетти 677
Взятіе Богоматери. Карт. Мурильо 565
Виноиатая. Рис. Смита. 119
Во время жатвы. Карт. Бугеро 545
Въ минуты раздумья. Карт. Кабанеля. 520
Военный совѣтъ у Иско Павловича 214
Деревенскій кабакъ. Рис. Ріу 271
Далила. Карт. Даль Аква 252
Дѣвушка съ мячикомъ. 890
Еврейка Тетуанская. 596
Женщина со свѣчей. Карт. Рубенса 665
Завтракъ на полѣ 432
Запрещенные плоды. Карт. Тульмуша. 383

Стр.
Зимой. Рис. Джіакомели 702
Клеопатра. Карт. Макарта 761
Корыстный поцѣлуй. Карт Комана. 561
Кошка изъ дому — мыши на столъ. 284
Крысоловка. Двѣ карт. Тейера 693
Картины Спб. Эрмитажа 865
Крещеніе въ Катакомбахъ 864
Литературный альбомъ:
Людмила у Черномора. **Пушкина** 374
Страшная месть **Н. Гоголя** 645
Ундина (Фукэ) **Жуковскаго** 29
Любовное письмо. Карт. **Эрдмана** 67
Мавританка. Карт. Кормана 711
Маленькіе птицеловы. Карт. **Тильца.** 174
Молодая Мавританка. Карт. **Вейбарда.** 340
Мститель. Карт. Миловановича 696
На одну минуту. Карт. Вастага 776
Невольничій рынокъ. Картина **Даль-Аква** 268
Ожиданіе. Карт **Бютена** 326
Онъ будетъ нашъ. Карт. Журдана 355
О печатаніи картинъ **красками** 700
По дорогѣ въ школу. Карт. Боль 297
Пѣвчіе. Карт. Брюно 793
Разсвѣтъ. Карт. Петра Арбо 580
Распятіе. Карт. Боппа 234
«Рѣзнушка» и «У колодца». **Чижова** 173
Роза Понпонъ. Карт. Бертрана 214
Ручеекъ. Карт. Буланже 745
Ресфа. (Карт. Беккера). 80
Рѣшительная минута. Кар. Журдана. 612
Сандрильона Кар. Бертрана 889
Семейная сцена. Рис. Коверзнева 97
Силуэты Бэма 886
Сонъ. Група **Моро** 745
Сонъ. Карт. Лекадера 325
Спящая красавица 700
Среди природы. Рис. **Медвѣдева** 395
Страшный судъ **Микель-Анджелло** 810
Счастливые дни. Карт. **Шаплена** 581
Съ добрымъ утромъ. Карт. Гольшмана 451
Сѣверо-Американскій охотникъ 761
Тоже своего рода Елка 886
Тріумфъ Галатеи. Карт. **Доминикино** 626
Трудный выборъ. Карт. **Грицнеро** 831
Филиппъ II, Испанскій. Карт. **Бартча.** 847
Характерныя женскія лица 224
Христосъ, благ. дѣтей Карт. Монтинажа. 532
Четвероногіе ребята 889

IX Новыя изобрѣтенія.

Аппаратъ для стирки бѣлья 269
Броненосная поповка «Новгородъ» 109
Вагонъ америк. поѣздовъ 284
Воздушная паровая лодка 286
Воздушная почта 8
Желѣзно-конная дорога. 179
Ламанщскій туннель 156
Новый исполинскій телескопъ 193
Пистолетъ, дѣйств. сжатымъ воздух. 270
Плавучая грузоподъемная машина 269
Посуда фабрики Боде 423
Спасит.снарядъ и сигн. при кораблекр. 118
Тачка желѣзнодорожная 286
Термометръ, вдѣланный въ трость 456
Третій педаль у рояля 586

X. Изъ современной жизни.

Аттака турками добровольцевъ 661
Битва между Требинье и Рагузой 183
Битва при Великомъ Изворѣ 596
Битва при Янковой Клиссурѣ 609
Бой славянъ съ турками 160
Болгарка, спасающаяся отъ турокъ 661
Болгарская деревня, разграбленная. 537
Болгарскіе бѣглецы въ Балканахъ 581
Бѣгство турокъ при Яворѣ 745
Взятіе Княжеваца 596
Взятіе укрѣпленія при Бабиной Главѣ 517
Возвращеніе сербскихъ дѣтей домой 729
Всемірная выставка въ Филадельфіи. 66, 395, 504 и 847, 861
Выставка въ Гельсингфорсѣ 482
Герцеговинскія женщины въ бою 141
Звѣрства Баши-бузуковъ 648
Кокоревская мельница 238
Корреспонденты въ Герцеговинѣ 119
Освященіе работъ Спб морск. кан. 601
Отъѣздъ сербскаго князя къ войску. 520
Пребываніе Бразильскаго Императора въ С.-Петербургѣ 617
Процессъ Струсберга 728
Путешествіе съ необыкн. скоростью 597
Русскіе добровольцы въ Сербіи 729
Сербскіе добровольцы 613
Сербскіе монахи и офицеры обсуждаютъ планъ сраженія 677
Сербскіе раненые, сожигаемые 645
Сербскій лазаретъ 696
Сраженіе при Казіакѣ 569
Стычка сербовъ съ черкесами 548
Съѣздъ оріенталистовъ 664
Тилигульская катастрофа 82
Убійство консуловъ въ Салоникахъ. 375
Уличные типы въ Турціи 624
Хасанъ-Бей, убійца 506
Черногорско-Турецкая война 697
Черняевъ на редутѣ при Шамутовацѣ. 667
Четыре турецкихъ пули 816

XI. Судебная хроника.

Дѣло Струсберга моск. банка 252—776
Дѣло Овсянникова о поджогѣ 11— 30

XII. Библіографія.

Баянъ 150 пѣсенъ для дѣтей 775
Исторія русской жизни **Забѣлина** 537
Исторія Османлисовъ **Шлейдера** 569
Календарь **З. Гоппе** 794
Картины по св. истор. **Михайловскаго.** 794
Книга о Кіев. богатыр. **Авенаріуса** 100
Книжка **Щербинской** 775
На просторѣ. Очерки **Н. Данченко** 455
Настоящее положеніе Болгаръ 696
Обществ. и дом. жизнь животныхъ 406
Пожарная книга. **А. Н—въ** 48
Путешествіе **Костенко** 419
Русскія охоты и акваріумы **Соколова** 325
Русскій дѣт. пѣсенникъ **Фаминцина** 775

XIII. Политическое обозрѣніе.

Стр.: 49, 176, 233, 300, 342, 376, 392, 403, 422, 439, 455, 471, 488, 505, 522, 537, 553, 570, 585, 601, 616, 629, 650, 665, 680, 697, 713, 729, 745, 762, 777, 795, 815, 850, 867, 894

XIV. Смѣсь.

Адская машина 32
Американскія желѣзныя дороги 235
Бразильская водяная змѣя 326
Вліяніе корней живыхъ растеній 234
Дни счастія 105
Жалованье духовенства въ Англіи 794
Замѣтки о локомотивѣ 301
Крещеніе 26
Кровожадное дерево 52
Къ картѣ Славяне-Турецкой войны 505
Лаконическое завѣщаніе 106
Масачузецкая тюрьма 177
Медали въ память соб. въ Герцеговинѣ. 234
На днѣ рѣки 10
На каткѣ. 15
Нижегородская ярмарка и ея обороты 617
О банкахъ 45—70
Объ истребленіи дичи 234
О почтовыхъ маркахъ 87
Парижскіе омнибусы 794
Пожизненная пенсія Великобританіи 127
Полярный климатъ 713
Послѣдніе часы Мексиканскаго Императора 127
Работы по сооруженію Росс жел. дорогъ 776
Рѣчь профессора Вирхова. 697
Самая большая фабрика спичекъ 358
Смертность и религія человѣческаго рода. 106
Снѣжки, рис. Брауна 82
Сохраненіе картофеля 177
Средство сдѣлать утокъ жирными 177
Счастливое государство 746
Съѣдобная земля 794
Тверскія сыроварни 234
Число локомотивовъ на земномъ шарѣ 794
Юбилей Сѣверо-АмериканскихъШтатовъ. 145

XV. Тиражъ выигрыш. Госуд. Банка.

1 го займа 22 тир. стр. 34, 23 тир. стр. 490,
2-го займа 20 тир. стр. 196, 21 тир. стр. 633.

XVI. Моды и выкройки.

Моды за	Янв. 1876 г.	съ	22	рис. и	21	выкр
»	» Февраль	»	31	»	24	»
»	» Мартъ	»	33	»	25	»
»	» Апрѣль	»	32	»	19	»
»	» Май	»	32	»	36	»
»	» Іюнь	»	37	»	32	»
»	» Іюль	»	38	»	24	»
»	» Августъ	»	32	»	24	»
»	» Сентябрь	»	36	»	21	»
»	» Октябрь	»	33	»	28	»
»	» Ноябрь	»	46	»	24	»

XVII. Шахматныя задачи.

Въ №№ 1, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 17, 18, 20, 24, 25, 27, 39, 40, 41, 42, 47.

Почтовый ящикъ.

въ №№ 16, 17, 18, 19, 20, 24, 25, 27, 28, 33, 34, 37, 38, 39 40, 42, 43, 44, 45, 47, 49, 50.

Архитектура.

Стр.
Галлерея въ Миланѣ 338
Дворецъ В. К. Влад. Алекс. 793
Дворъ Полаццо Веккіо во Флоренціи. 831
Новая опера въ Парижѣ 446
Эдистонскій маякъ 348

Рисунки.

Абдулъ Рахманъ, глава Кипчаковъ 164
Абдулъ Гамидъ II, тур. султанъ. 603
Аксенская жел. дор. въ Швейцаріи. 863
Алексинацъ (три рисунка) 622
Алексѣй Александровичъ, В. Князь 217
Амер. жел. дорога: внутренность салона 282
Внутрен. дамск. отдѣл. 282
Общій видъ столовой 283
Амер. выст. зданіе садовод. 56
» Художеств. произвед. 57
» Сельско-хоз. произв. 58
» Для машинъ 59
общій видъ главн. зданія 60
павильонъ женскаго труда 404
улица ведущая къ выставкѣ 498
отдѣленіе садоводства 498
внутренній видъ зданія 844—845
Андраши, графъ 851
Антонелли, кардиналъ 778
Аппаратъ для стирки бѣлья 270
Артъ-Ригійск. жел. дор. (3 рис.) 653—654
Аттака при Мрзолѣ 663
Барельефы на скалахъ въ Персіи 786
Баши-бузукъ, возвращ. съ грабежа 481
Бивуакъ Хорватовича 678
Битва при Великомъ Изворѣ. 598
» » Бабиной Главѣ 511
» » Янковой Клиссурѣ. 606
Болгарка, спасающ. отъ турокъ 659
Болгарская деревня (разбой турокъ) 535
Болгарскіе бѣглецы въ Балканахъ 578
Бомбандированіе турецкаго караула. 590
Борисъ Годуновъ (призв. на царство) 825
Бременская экспедиція (3 портрета) 738
Буйволъ 348
Бѣгство турокъ при Яворѣ 743
Бѣлградъ (видъ города) 380
» (видъ княжеск. дворца) 484
» (зданіе м—ва иностр. дѣлъ) 485
» (выходъ войскъ) 485
Бэръ, Карлъ Эрнстъ 840
Валахъ на лошади 95
Везалій, Андрей, при вскрытіи трупа 175
Везувій (видъ вершины) 249
Великорусскіе типы 121
Вербицъ, министръ Черногоріи 200
Вер. воскрес. въ Москвѣ, въ XVII ст. 221
Весна, рис. Джіакомели 428
Взятіе Божьей Матери (Мурильо) 563
Взятіе Княжевца 598
Виноватая (картина Смидта) 117
Во время жатвы (картина Бугеро) 543
Водопадъ въ Крыму 401
Военныя силы европейскихъ государствъ 681
Возвращеніе сербскихъ дѣтей домой 727
Воздушная паровая лодка 286
Воздушная почта 4
Волки (нападеніе) 274
Враги христіанства (сцена въ Турціи) 627
Въ зимнемъ саду 5
Въ минуту раздумья 515
Въ тихой пристани (карт. Пальмера) 723
Галлерея въ Миланѣ 331

Стр.
Гельсингфорсъ (зданіе выставки) 477
Герцеговина 77
Герцеговинскія женщины въ бою 140—141
Герц. возс. Битва Требинье и Рагуз. 183
Бой славянъ съ турками 159
Воен. сов. въ лаг. Пеко Павлов. 209
Корресп. газетъ въ славян. лаг. 120
Медаль въ память событій 232
Гигантское дерево въ Калифорніи 368
Гнѣдичъ, Николай Ивановичъ 53
Гончаровъ, Иванъ Александровичъ 318
Горскій, Александръ Васильевичъ 747
Госпиталь военный, при Парачинѣ 566
Гудзонъ рѣка въ Америкѣ 171
Гумбертъ, итальянскій принцъ 491
Дворецъ В. К. Влад. Александров. 791
Делиградъ (укрѣпленіе) 620
Деньги (золот. и серебр. монета) 817
Деньги (кред. билеты) 820
Деревенскій кабакъ, карт. Ріу 271
Добрыня Никитичъ, въ отъѣздѣ 103
Далила карт. Даль-Аква 245
Донъ-Педро, Бразильскій императоръ и его супруга 574
До свиданія въ буд. году 895
Дохтуровъ, Дмитрій Петровичъ 824
Дунай (лодки и мельницы) 790
Дучичъ, архимандритъ 562
Дѣвушка съ мячикомъ 892
Дѣти-мстители, рис. Каразина 679
Еврейка, тетуанская 595
Елизавета 43
Елка 880
Енисейскъ (ратуша и главн. улица) 420
Ермакъ, покоритель Сибири 702—703
Желѣзно-дорожная тачка 286
Желѣзно-конная дор. (новый вагонъ) 179
Женщина въ Иркутскѣ 804
Женщина со свѣчей, карт. Рубенса 655
Жоржъ-Зандъ 476
Заводъ литейный въ Майданпекѣ 599
Завтракъ на полѣ 436
Запрещенные плоды, карт. Тульмуша 385
Захъ, генералъ 547
Звѣрства Баши-бузуковъ въ Сербіи 647
Зимній день въ Голландіи 190
Зимой, рис. Джіакомели 758
Знамя, отправ. изъ Москвы въ Сербію 770
Игнатьевъ, Николай Павловичъ 507
Илья Муромецъ и Калина-царь 102
Ихневмонъ и очковая змѣя 710
Кавказъ (долина рѣки Ріона) 201
Казбекъ, гора 801
Кантеміръ Антіохъ, князь 441
Карлъ I, князь Румынскій 833
Карта населенія Турціи 461
Карта славяно-турецкой войны 502—503
Картины Эрмитажа 863
Кирѣевъ, Николай Алексѣевичъ 523
Клеопатра (карт. Макарта) 750—751
Кокоревская мельница послѣ пожара 237
Конскій барышникъ на Дону 339
Константинополь (шесть видовъ) 763—766
Корыстный поцѣлуй 559
Кошка изъ дому—мыши на столъ 279
Крещеніе въ Катакомбахъ 855
Кромвель, оставляющій Англію 809
Крушевацъ (видъ города) 614
Крысоловка (двѣ карт. Тейера) 686—687
Куликовская битва 767
Ларсъ (военно-грузинская дорога) 291
Ласка въ вороньемъ гнѣздѣ 859
Лисица и ея потомство 421
Литейный мостъ 674—675
» » (общій видъ) 798
Литовцы 38
Лѣто, рис. Джіакомели 429
Любовное письмо, карт. Эрдмана 61
Людмила въ замкѣ Черномора 369
Люцернъ въ Швейцаріи 417
Мавританка въ гаремѣ 711
Маленькіе птицеловы 174
Маргарита, итальянская принцесса 491
Марія Николаевна, велик. княгиня 137
Марковъ, генералъ-лейтенантъ 555
Масляница, картина Сверчкова 854
Матросъ спасительной станціи 116
Маякъ Эддистонскій 349
Медокъ (уборка винограда 5 рис.) 835—836
Милайковичъ, полковникъ 547
Миланъ, кн. предъ отъѣзд. въ армію 519
Митавскій дворецъ 731
Михаилъ, сербскій митрополитъ 547
Молодая мавританка, карт. Вайбарда 335
Мститель, карт. Миловановича 691
Мурадъ V, турецкій султанъ 409
На днѣ рѣки 13
На каткѣ 9
На одну минуту, карт. Вастага 771
Направникъ, капельм. русской оперы 683
Нашествіе варваровъ на Римъ 338
Невольничій рынокъ, Даль-Аква 266—267
Ніагара, водопадъ 706
Николай Николаевичъ ст., вел. князь 821
Николай Черногорскій и его супруга 197
Николичъ, полковникъ 547
Никшичъ, крѣпость 373
Нишъ, видъ города 662
Нищіе на Руси 393
Новая опера въ Парижѣ:
« восемь музъ (жив. г. Бодри) 452—453
« Группа скульптора Карпо 448
« Общій видъ 444—445
Новоселовъ, С. М., генералъ 715
Норденшильдъ, профессоръ 191
Общ. и дом жизнь жив. р. Гранвиля 406—407
Ожиданіе, карт. Бютена 311
Онъ будетъ нашъ (дѣти рыболовы) 353
Орангъ-Утангъ и Горилла 582—583
Орелъ, благородный 558
Орелъ (видъ города) 158
Осада Пскова Баторіемъ 27
Островскій, Александръ Николаевичъ 1
Пальміери, итальян. професс. 248
Паровой свистокъ (предостерег.) 112
Паулина Лукка 858
Пенза (видъ города) 808
Перевязочный пунктъ, при Дьюнишѣ 759
Переходъ сербовъ черезъ Дрину 754
Петергофъ (видъ дворца) 494
» фонтанъ Нептунъ 495
» фонтанъ Самсонъ 499
Петковичъ, Цеко (славянск. вождь) 774
Петровъ, Осипъ Аѳонасьевичъ 377
Пистолетъ, дѣйс. сжатымъ возд. 270
Плавучая подъемная машина 270
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ 19
Подгорица, на границѣ Альбаніи 534
По дорогѣ въ школу, карт. Бокъ 295
Пожарные инструменты 48—49
Палацкій, Францъ 425
Палаццо Веккіо во Флоренціи 829
Поповка «Новгородъ» 109
Прага (башни и статуи на мосту) 638—639
Праздникъ крещенія у грековъ 22
Предвод. и герои славян. возстанія 510
» сербскихъ войскъ 531
Пржевальскій, Никол. Михайловичъ 345
Пули турецкія (четыре) 816
Путешествіе принца Уэльскаго:
Дорожн. экипажъ для дамъ 132
Индѣйскія касты 136
Индѣйскія пагоды 133
Охота на ланей съ пантерой 389
Тигръ 129
Ѣзда на слонахъ чрезъ горы 132
Пѣвчіе, карт Брюно 787
Рабочій день на баржѣ 365
Разбитая лира (Шаплена) 39
Разбойники на берегу Каспія 275
Разинскій бунтъ (два рисунка) 734, 735
Разсвѣтъ, карт. Арбо 575
Раевскій, Николай Николаев. полк. 651
Распятіе, карт. Бонна 225
Рссфа въ борьбѣ съ хищ. птиц. 76
Ристичъ, Іованъ. Сербскій Министръ 587
Роза Помпонъ, карт Бертрана 205
Румынка 465
Ручеекъ, карт. Буланже 739
Рущукъ, видъ 726
Рыба-телескопъ 298
Рѣзвушка, статуя Чижова 166
Рѣшительная минута, карт. Журдана 611
Савраска, рис. Каразина 883
Саксонскій садъ въ Варшавѣ 630
Салоники (видъ города) 361
Самаринъ, Юрій Ѳедоровичъ 473
Самаркандскіе нищіе 12
Сандрильона, кар. Бертрана 888
Сборъ Морской травы 437
Севастопольскій памятникъ 228—229
Село въ Тверской губерн. 699
Семейная сцена (Коверзнева) 94
Сераево (видъ города) 694
Сербскіе добровольцы (Богдановъ и Долматовъ) 727
Сербскіе добровол., рис. Каразина 615
Сербскіе монахи и офицеры 678
Сербскіе раненые, сжигаем. турками 643
Сербскій лазаретъ въ Моравск. дол. 690
Серна 327
Сіонъ и Орсетъ, горы на Кавказѣ 290
Силуэты Бема 882
Сикстинская капелла въ Ватиканѣ 805
Синай гора и монастырь 571
Скайлеръ, Америк. консулъ 779
Скопа рѣчная 263
Скутари (видъ города) 550
Смерть Сербск. князя Георгія Черн. 405
Снѣжки 81
Соликамскъ 457—460
Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ 255
Сомдерничъ, Секр. кн. Черног. 200
Сонъ, карт. Лекадера 319
Сонъ, группа Моро 742
Спасительныя лодки и снаряды 113
Спасскія ворота, въ Москвѣ 837
Спуцъ, турецк. укр. 607
Сраженіе при Казіакѣ 567
Среди природы, рис. Медвѣдева 397
Старинное русское вооруженіе 635
Старый солдатъ 65
Статуи Россетти (Амуръ и Психея) 670, 671
Страшная месть (къ пов. Гоголя) 646
Струве, А. Е. Инженеръ-Полковник. 797
Струсбергъ (засѣд. Окруж. суда) 722
Стрѣлецкій бунтъ, рис. Медвѣдева. 259
Стычка подъ Гинцовымъ 551
Суворовъ, А. А. Графъ Рымн. 91
Сурки 93
Счастливые дни, кар. Шаплена 579
Съ добрымъ утромъ, кар. Гольтмана 449
Сѣверо-Американскій охотникъ 755
Татарскій табунъ на ярмаркѣ 46
Тегеранскіе типы 413
Телескопъ (новый) въ парижской обсерваторіи 187
Термометръ, вдѣланный въ трость 456
Тилигульская катастрофа 85
Торжокъ (видъ города) 381
Тоже, Елка своего рода 887
Треповъ, Ѳ. Ѳ. Спб. Градоначальникъ 147
Тріумфъ Галатеи, кар. Доминкино 631
Три поѣздочки Ильи Муромца 102
Трудный выборъ, карт. Гроцнера 828
Туннель меж. Франц. и Англіей. 150—151
Турецкіе генералы (4 портрета) 634
Турецкое укрѣпленіе на Дунаѣ 591
Тюбингенъ городъ 433
Тюркменки, купающія лошадей 299
Убійство консуловъ въ Салоникахъ 372
Ужица (Сербская крѣпость) 539
Указатели колебаній земли 250
У колодца, Груна Гохова 167
Ундина (рыцарь Гульбрандтъ) 31
Фарфоровый заводъ Имп. въ Спб. 5 рис. 782—784
Ферганской области карта 240—241
Филиппополь (видъ города) 623
Филиппъ II и его дочь (Испанскій) 841
Характерныя женскія лица 323
Хассанъ-Бей, убійца Турецк. Министровъ 506
Храмъ Зевса въ Олимпіи 182
Христіанъ IX и его супруга 518
Христосъ, благословляющій 526—527
Цапля Голіафъ 775
Церковь приходская въ русс. дер. 307
Цѣлованіе руки при англійск. дворѣ 155
Четвероногіе ребята 8(1
Черновицы (видъ зала семинаріи) 468
„ (видъ семинаріи) 468
Черногорско-Турец. война 695
Черняевъ, Михаилъ Григорьевичъ 484
„ при Шуматовацѣ 667
Чертова долина, на Кавказѣ 287
Чурила Пленковичъ 103
Шекспиръ при дворѣ Елизаветы 718—719
Шевченко, Тарасъ Григорьевичъ 35
Эллiотъ (англ. посолъ въ Констант.) 666
Эльборусъ, гора 800
Эмсъ (виды города) 356—357
Этюдъ съ натуры, карт. Рюдо 707
Юмористическ. очерки 16, 50, 68, 88, 106, 124, 145, 162, 195, 212, 302, 322, 360, 424, 472
Языковъ, Николай Михайловичъ 73
Ящерица плащеносная 388

Дозволено цензурою СПБ. 15 Декабря 1876 г. **Контора изданія:** Въ Спб., Большая Морская № 9. Тип. Траншеля, Анг. пр., № 10.

№ 1 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 3 Января 1876 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

При этомъ № прилагается для всѣхъ Гг. подписчиковъ стѣнной календарь на 1876 г., какъ I премія на 1876 годъ.

Кромѣ того при этомъ № прилагаются „Парижскія Моды“ за Январь съ 23 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 21 чертежомъ.

Александръ Николаевичъ Островскій.

Александръ Николаевичъ Островскій известный драматическій писатель, родился въ Москвѣ 30-го марта 1824 года. Воспитываясь сначала дома, а затѣмъ въ одной изъ московскихъ гимназій, по прохожденіи которой онъ поступилъ въ Московскій университетъ, курсъ котораго и окончилъ съ успѣхомъ. Склонность къ литературѣ проявилась у Александра Николаевича очень рано—и онъ началъ писать еще въ гимназіи, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе своихъ учителей и наставниковъ. Задумавъ посвятить себя литературной дѣятельности, А. Н. Островскій обратился сначала исключительно къ изображенію жизни нашего купечества. Почти всѣ первыя произведенія его взяты изъ этого быта и это даетъ имъ нѣкоторый вполнѣ своеобразный оттѣнокъ. Но такъ какъ купеческій бытъ изученъ авторомъ серьезно и основательно, и пьесы его полны глубокой жизненной правды и глубокаго драматическаго смысла, то, взятыя вмѣстѣ, они составляютъ замѣчательную страницу въ исторіи русской литературѣ и даютъ А. Н. Островскому право на званіе лучшаго современнаго драматурга. Первымъ шагомъ А. Н. Островскаго на литературномъ поприщѣ была небольшая комедія «Семейная картина, написанная имъ въ 1846 году. Это первое произведеніе молодаго писателя обратило на него общее вниманіе: по поводу этой пьесы разнесся даже слухъ, что она написана не имъ, а какимъ-то безъизвѣстнымъ актеромъ: критика отнеслась благосклонно къ автору. Вскорѣ вслѣдъ за первою пьесою явился цѣлый рядъ послѣдовательныхъ произведеній А. Н. Островскаго, все болѣе и болѣе увеличивавшихъ его извѣстность. Такъ, въ 1847 году появились его «Сцены изъ Замоскворѣцкой жизни» и небольшой этюдъ

Александръ Николаевичъ Островскій. Рисов. и грав. А. Нейманъ.

«Очерки Замоскворѣчья», Успѣхъ этихъ небольшихъ пьесъ поощрилъ молодаго писателя къ дальнѣйшей дѣятельности на избранномъ имъ поприщѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдилъ его въ своихъ новыхъ произведеніяхъ не выходить изъ этой среды, столь богатой характерами и мотивами коренной русской жизни.

Четырехактная комедія «Свои люди сочтемся» поставила имя А. Н. Островскаго на ряду съ лучшими писателями того времени. Въ этомъ произведеніи уже были совершенно видны всѣ достоинства автора, строгая обдуманность и выработанносъь, что вмѣстѣ съ новостью быта, выводимаго имъ, новостью языка въ произведеніи—подѣйствовала сильно на читающую публику и успѣхъ пьесы въ чтеніи былъ громадный, хотя поставить на сцену ее и не позволили.

Произведеніе это вызвало цѣлый рядъ рецензій, которыя, несмотря на все различіе взглядовъ рецензентовъ, какъ на пьесу такъ и вообще на требованія отъ драматическаго искуства, всѣ единогласно признали ее достойною быть причисленною къ замѣчательнымъ произведеніямъ а ея автора къ крупнымъ талантамъ первой величины. Однимъ словомъ успѣхъ былъ громадный, побудившій Островскаго еще въ томъ же году написать небольшую сцену «Утро молодаго человѣка», а затѣмъ и сцену «Неожиданный случай». Въ 1852 году появилось второе большое произведеніе Островскаго «Бѣдная невѣста». Пьеса эта была принята нѣсколько холодно, за то появившаяся въ 1853 году комедія «Не въ свои сани не садись», и въ 1855 году «Бѣдность не порокъ», возвысили еще болѣе литерарурную репутацію ихъ автора. Далѣе слѣдовало болѣе слабое произведеніе: «Не такъ живи какъ хочется». «Въ чужомъ пиру похмѣлье» и сцены «Праздничный сонъ до обѣда» и «Не сошлись характерами» понравились публикѣ, особенно послѣднія, хотя это только рядъ живыхъ, хорошо веденныхъ сценъ, безъ самостоятельной серьезной задачи. Затѣмъ въ 1857 году Островскій написалъ «Доходное мѣсто», имѣвшее громадный успѣхъ», благодаря искусно затронутому въ немъ живому, современному вопросу и удачно обрисованнымъ темнымъ сторонамъ высшаго и низшаго чиновническаго быта.. Въ 1859 г. появились новыя произведенія Островскаго: драма «Гроза» и комедія «Воспитанница», которую смѣло можно причислить къ лучшимъ пьесамъ русскаго репертуара. Увлекательный языкъ, полный драматизма сюжетъ, произвели впечатлѣніе на всѣхъ. Послѣ этихъ прекрасныхъ, истинно художественныхъ вещей, слѣдующія произведенія Островскаго стали слабѣе и представляли чисто внѣшній интересъ живыхъ сценъ и блестящаго изложенія. Онъ взялся за историческія драмы, съ которыми талантъ его не имѣетъ ничего общаго. Первыя историческія драмы Островскаго, или какъ онъ самъ называетъ ихъ «драматическія хроники» стали появляться въ печати съ 1862 года. Первою изъ этихъ драматическихъ хроникъ, съ которою познакомилась публика, была драма въ 5-ти дѣйствіяхъ «Кузьма Мининъ Сухорукъ», напечатанная въ январской книжкѣ «Современника» того года. Несмотря на художественную отдѣлку и на нѣкоторые весьма рельефныя сцены, эта историческая драма не имѣла успѣха. Вслѣдъ за драмой «Кузьма Мининъ» въ томъ же «Современникѣ» за 1865 г. появилась его вторая драматическая хроника «Воевода или сонъ на Волгѣ», поставленная затѣмъ на сцену. Въ 1867 г. были имъ напечатаны еще 2 драмы: «Дмитрій Самозванецъ» и «Тушино» и наконецъ въ началѣ 1868 драма въ 5 дѣйствіяхъ «Василиса Мелентьева». Какъ драма «Воевода, или сонъ на Волгѣ» имѣла успѣхъ при постановкѣ ея на сценѣ, благодаря художественной игрѣ Самойлова, такъ и «Дмитрій Самозванецъ» не прошелъ незамѣченнымъ благодаря хорошему исполненію Монахова. Не смотря на эти важныя удачи, всѣ его драмы, при всѣхъ ихъ внѣшнихъ литературныхъ достоинствахъ оказались гораздо слабѣе его бытовыхъ комедій. Впрочемъ и кромѣ своихъ историческихъ хроникъ, Островскій не переставалъ писать и бытовыхъ комедій и драмъ и одновременно съ сочиненіемъ поименованныхъ хроникъ, имъ были написаны: въ 1863 году четырехъ-актная драма «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», а въ слѣдующихъ затѣмъ двухъ годахъ сцены и картинки изъ московской жизни: «Тяжелые дни» въ 3 дѣйствіяхъ, «Шутники» въ 4 дѣйствіяхъ и «На бойкомъ мѣстѣ», комедія въ 3 дѣйствіяхъ. Картинки изъ московской жизни «Шутники» были особенно удачны.

Къ числу трудовъ Островскаго, относящихся къ этому времени, слѣдуетъ причислить его прекрасный переводъ комедіи Шекспира «Усмиреніе своенравной». Но исключая этихъ трудовъ, комедіи и сцены написанные одновременно съ его драматическими хрониками были уже значительно слабѣе первыхъ, какъ-то: «На всякаго мудреца довольно простоты». «Бѣшеныя деньги», «Лѣсъ», «Не все коту масляница», «Не было гроша да вдругъ алтынъ» и «Комикъ». Самымъ выдающимся произведеніемъ изъ всѣхъ исчисленныхъ пьесъ была комедія «Не все коту масляница», которая по своей живости и правдивости и полнѣйшему отсутствію натянутости, которая начала проглядывать въ комедіяхъ Островскаго, вполнѣ выказала блестящій талантъ автора, напомнивъ прежнія творенія его въ родѣ «Свои люди—сочтемся» и другихъ. надѣлавшихъ такъ много шума.

Къ числу послѣднихъ сочиненій Александра Николаевича слѣдуетъ причислить и его переводы нѣсколькихъ весьма слабыхъ комедій въ родѣ «Заблудшей овцы», на которой онъ даже не выставилъ своего имени, «Рабство мужей», «Семья преступниковъ» и т. п.

Сочиненія А. Н. Островскаго были изданы сначала въ 1859 году графомъ Кушелевымъ-Безбородко, и затѣмъ Кожанчиковымъ въ 1868 и 70 году въ 5 томахъ. Переводы же изданы были въ 1872 году, ко дню юбилея 25-лѣтней литературной его дѣятельности.

День юбилея 15-го марта 1872 года почитатели его таланта праздновали въ художественномъ клубѣ, хотя самъ юбиляръ по болѣзни на торжество и не могъ явиться. На торжественномъ обѣдѣ послѣ тоста провозглашеннаго въ честь отсутствующаго виновника торжества, чтобы ознаменовать этотъ день, была составлена подписка, причемъ было постановлено на эти деньги учредить въ дерев-нѣ, постоянномъ мѣстопребываніи драматурга, школу его имени. По окончаніи обѣда, собраніе художниковъ отправило Александру Николаевичу адресъ, а любители драматическаго искуства поднесли юбиляру роскошный альбомъ.

Въ заключеніе нашего краткаго біографическаго очерка мы должны сказать, что Александръ Николаевичъ Островскій, явился продолжателемъ слав-ной дѣятельности Гоголя и Грибоѣдова, и создалъ самобытную русскую комедію, причемъ разработалъ цѣлую область, до него нетронутую литературою. Познакомивъ публику съ бытомъ русскаго купечества, Островскій обогатилъ нашу литературу и сцену.

Богатый репертуаръ пьесъ его, до сихъ поръ не сходящихъ со сцены, самымъ лучшимъ образомъ доказываетъ заслуги Александра Николаевича Островскаго.

В. Л.

Кто лучше?

Изъ очерковъ кавалерійской жизни.

(Посвящается другу моему Ицкѣ Янкелевичу Штралецкому).

Въ одно прескверное утро поручикъ Болиголова очутился въ пренепріятныхъ обстоятельствахъ. Обстоятельства эти—Богъ ихъ знаетъ почему—въ общежитіи извѣстны преимущественно подъ именемъ „критическихъ“. Именно въ это самое скверное утро въ карманахъ поручика Болиголова, по самомъ тщательномъ разслѣдованіи, не оказалось ни копѣйки наличныхъ денегъ.

„И дернула-жъ нелегкая засѣсть съ этимъ капитанъ-прохвостомъ“ мысленно укоряетъ себя поручикъ, вспоминая вчерашній штоссъ у какого-то проѣзжаго авантюриста, пана Ивановскаго, который встрѣтясь въ ресторанѣ гостинницы кое съ кѣмъ изъ офицеровъ, отрекомендовался имъ отставнымъ капитаномъ, познакомился, зазвалъ къ себѣ въ нумеръ, велѣлъ подать шампанскаго, затѣмъ предложилъ играть, а затѣмъ... поручикъ Болиголова очутился „въ критическихъ“.

...И дернулажъ... Нѣтъ, да вѣдь какъ! По первому абцугу... Вѣдь болѣе тысячи въ выигрышѣ былъ... и забастовать бы,—Такъ нѣтъ же!.. А тутъ вдругъ тррахъ!—и пошло, и пошло... Какъ будто заколодило, проклятое!“

— Ваше благородіе, Штралецкій пришелъ.

— Кто?

— Штралецкій, Ицко.

— А, чертъ!.. Этого еще не доставало!.. Вѣдь сказано же тебѣ, болванъ, чтобы никого!.. Ну, что же я буду съ нимъ дѣлать?!... Пошелъ, скажи, что сплю... еще не просыпались-молъ.

— Да я, ваше благородіе, я имъ изволилъ уже такъ

докладывать, а они—„ничего, говорятъ, мы подождемъ, посидимъ“.

— А, чертъ его!.. Ну, нечего дѣлать зови!...

* * *

— Зждрастуте вамъ, гасшпидинъ сперучникъ.

— Здравствуй, Ицко. Садись.

— Нѣ, можно и пасштаять... Ви позволите?

— Какъ знаешь. Что скажешь хорошаго?

— А ви сшто скажите?

— Да что, братъ, у меня все скверно... Вотъ, проигрался вчера.

— Огхъ, сшлихалъ, сшлихалъ, сшлихалъ... сшлихалъ! грустно качаетъ головой Ицко.

— Да, братъ, увы!.. проигрался... и потому ты пришелъ совершенно напрасно.

— Напрасшнiй!.. А почомъ ви зжнаете, что я напрасшнiй?

— Да потому что изъ моего долга я не могу теперь отдать тебѣ ни копѣйки.

— А на сшто минѣ ваше кипэйке?.. Пфэ!.. Зжвините, когда жъ я вамъ говорилъ сшто на вашъ долгхъ? Я толки зайшолъ взнать чи ви зждравiй?

— Здоровъ, какъ видишь.

— Н-но, зжвините, а я себѣ думаю, сшто ви не зждравiй?

— Почему жъ ты это думаешь?

— Такъ. Бо я сшлихалъ, сшто ви досталъ себѣ карманне чагхотке, и я-жъ прiйшолъ спытать у васше благородю, чи не хочете ви медицинске средство?

— Денегъ, что-ли? недовѣрчиво покосился на Ицку поручикъ.

— Такъ.

— Да ты развѣ дашь?

— Н-ну, якъ не я самъ, то можна сдобить. У мине естъ одногхо щаловѣкъ, мой гхаросшiй зжнакомiй, и онъ даетъ на гхаросшiй пурцентъ... Алежъ ви понимаете, на гхоросшiй пурцентъ, подъ вэксюль, то можна зъ нимъ поговорить.

— О, благодѣтель рода человѣческаго! Прiиди въ объятiя мои! вскричалъ, простирая руки, обрадованный Болиголова.

— Алежъ на гхаросшiй пурцентъ! знаменательно поднялъ Ицко указательный палецъ.

— Сшлихалъ, сшлихалъ, сшлихалъ! благодушно передразнилъ поручикъ, у котораго въ головѣ сейчасъ же замелькали свои соображенiя: „Четыреста рублей остальнаго долга дослать капитану, тридцать рублей въ бакалейную лавку, двѣнадцать сапожнику,—и того четыреста-сорокъ-два рубля... Стало быть, пятьсотъ рублей.“—Мнѣ нужно пятьсотъ рублей, Ицко.

— Пьятсо-отъ!?.. Пфс...

— Никакъ не менѣе.

— Алежъ за много пурценты выйдетъ, съ участiемъ предостерегъ Ицко, какъ-бы самымъ родственнымъ образомъ входя въ денежные интересы и разсчеты поручика: — Уй, какъ замного!.. Бо тотъ одного щаловѣкъ, мой знакомiй, онъ беротъ ни меньшъ якъ десёнтъ пурценты на мясёнцъ.

— Десять въ мѣсяцъ! въ ужасѣ всплеснулъ руками поручикъ:—десять въ мѣсяцъ!.. Пощади. Бога ради!

— Н-ну, кабъ то билъ я, то какъ я васъ люблю, то ябъ изъ васъ ажъ ни одного пурцентъ; а ни вэксюль, а ни расписке, а такъ, на одного честю. Алежъ то не я,—то мой зжнакомiй.

— Да вѣдь это-жъ безбожно!

— Н-ну и сшто ви гхочите—жидъ, якъ естъ жидъ! То не Еврей, не Езраэлитъ, а жидъ пархатый, и пурценты его жидовски... такiй сшволачъ! Н-но... а когда вамъ надо, то сшто ви будете щдѣлать?—ви будете давать и не десёнть, а двапасты, и тринасты, и пьятнасты... Та-акъ?

Поручикъ Болиголова сидитъ, не отвѣчая ни слова, но все болѣе и болѣе погружаясь въ мрачное раздумье.

— Н-ну, то какъ же будетъ? переминаясь съ ноги на ногу, тихимъ вопросомъ прерываетъ Ицко минутное молчанiе.

— Да ужъ и самъ не знаю какъ! совздохомъ пожалъ поручикъ плечами: — только десять въ мѣсяцъ—этого я рѣшительно не могу.

— Зачѣмъ такъ?

— Да видишь ли, еслибъ я намѣренъ былъ никогда не платить моихъ долговъ, то я бы охотно согласился не то что на десять, а хоть на сто въ мѣсяцъ; но такъ какъ я имѣю обыкновенiе долги мои платить, то...

— Понимаю, понимаю! сообразительно подмигнулъ Ицко:—то десёнтъ будетъ вамъ замного... Я и самъ себѣ такъ мыслялъ... Н-но, пазжвольте, я заразъ побѣгу, повидаю того сшволоча, поговору, — може, онъ будетъ согласный и на меньшъ.

И благодѣтельный Ицко, не дожидаясь отвѣта, стремительно пустился обдѣлывать „айнъ вигодни гешефтъ для гасшпидинъ сперучникъ“.

* * *

Черезъ полчаса Штралецкiй входитъ снова. На лицѣ его какое-то странное выраженiе: не то онъ торжествуетъ, не то чѣмъ-то смущенъ отчасти.

— Ну, что, Ицко?

— Естъ! многозначительнымъ и таинственнымъ шепотомъ докладываетъ онъ томящемуся поручику, и затѣмъ сразу же вынимаетъ изъ кармана вексельную бумагу и пачку засаленныхъ „жидовскихъ“ ассигнацiй, кладя передъ нимъ на столъ и то, и другое.

— Насколько? лаконически вопрошаетъ Болиголова.

— Этъ!.. Сшволачъ!.. презрительно и грустно махнулъ рукой Ицко.

— Десять, что-ли?

— Н-ну и сшто ви хочете! разражается онъ потокомъ досады: — когда-жъ я вамъ говору, сшто жидъ, какъ естъ жидъ! Зжвините!

— Да ты безъ прелюдiй, говори прямо: десять?

— Такъ! съ грустнымъ вздохомъ и смущенно потупляя глаза, высказался наконецъ Ицко.

— Не нужно! рѣшительнымъ движенiемъ, но съ внутреннею досадой отодвинулъ отъ себя Болиголова и деньги, и вексельную бумагу.

Штралецкiй съ грустно-покорнымъ видомъ не торопливо сталъ припрятывать и то и другое въ свой старенькiй сафьянный и очень вмѣстительный бумажникъ, доставшiйся ему по наслѣдству отъ отца, если даже и не отъ дѣда еще.

Въ это время вошелъ деньщикъ и подалъ Болиголовѣ письмо, пояснивъ, что принесъ-де факторъ изъ гостинницы.

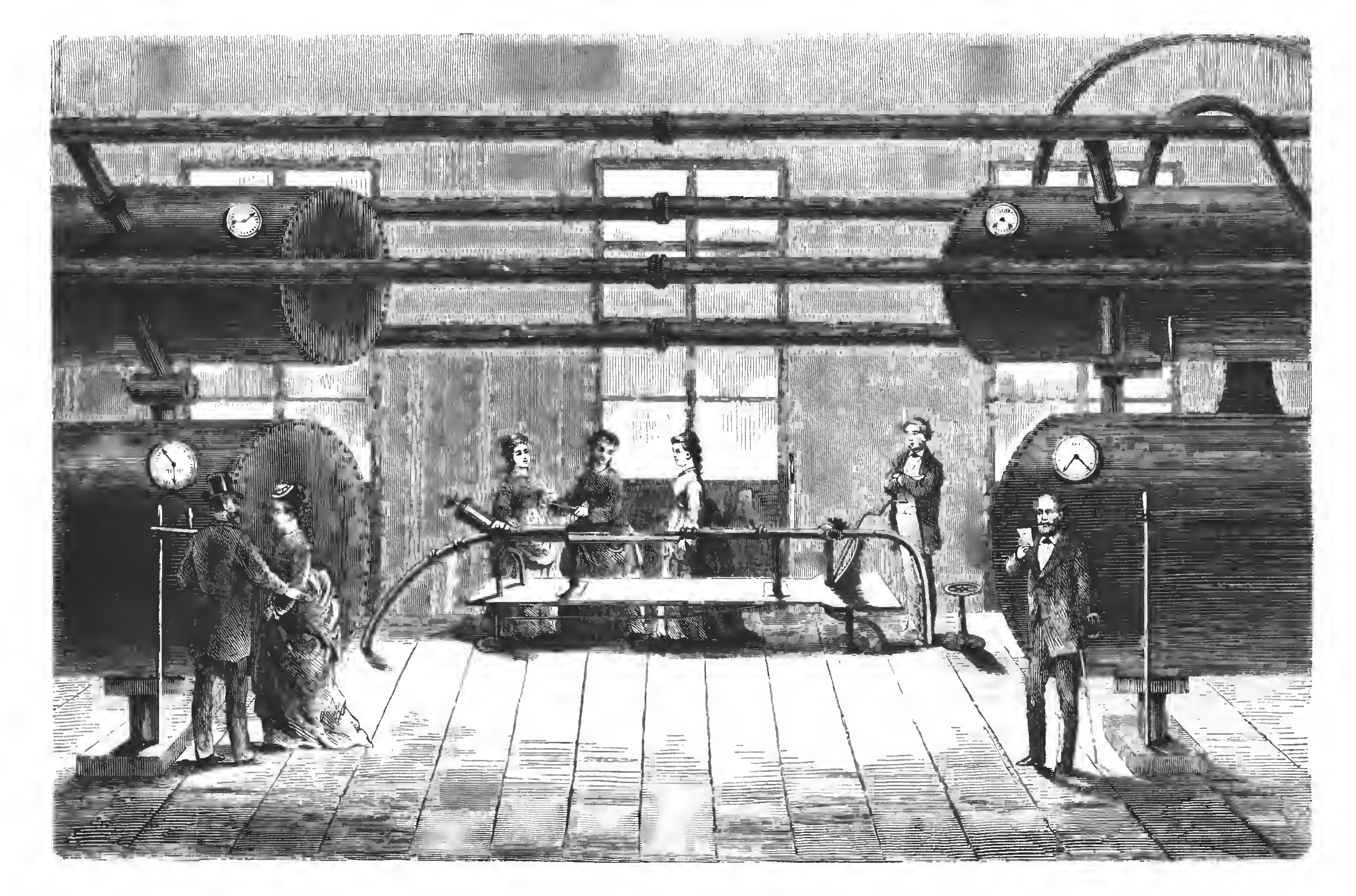
Болиголова какъ-бы инстинхтивно догадываясь, что содержанiе письма не должно быть ему особенно прiятнымъ, досадливо сорвалъ конвертъ и принялся разбирать безграмотное писанiе.

„Милостивой Государь!

„Потому что я есть намѣренный ѣхать сегодня далѣй, то и остаюся у надежде, что вы не задержите меня съ присылкой достального вашего долгу четырехъ стовъ рубли. Съ отличнымъ уваженемъ имѣю честь быть капитанъ Ивановскiй“.

Судорожнымъ движенiемъ скомкавъ въ рукѣ письмо, Болиголова досадливо швырнулъ его въ уголъ и молча сталъ ходить по комнатѣ.

Ицко Янкелевичъ, скромно сложивъ на желудкѣ пальцы, какъ сторожкiй звѣрёкъ, внимательно слѣдилъ своими пытливыми глазками за каждымъ движенiемъ поручика, который долго еще, словно маятникъ,

Воздушная почта. Рисов. Цанберъ, гравир. Кольбъ.

Въ зимнемъ саду. Картина Тони Февръ, гравир. Дюмонъ.

болтался изъ угла въ уголъ по комнатѣ, тщетно соображая какъ ему быть и все-таки ни до чего не додумался.

Такимъ образомъ проходитъ минутъ десять, съ одной стороны во внутренней борьбѣ, съ другой во внимательномъ наблюденіи этого состоянія: одинъ все ходитъ, другой слѣдитъ глазами, но оба не подаютъ о себѣ другъ другу ни малѣйшаго знака, ни звука, ни взгляда, словно бы тутъ вовсе и нѣтъ другого человѣка, а ходитъ одинъ Болиголова или сидитъ одинъ Ицка. Но наконецъ, послѣдній медленно подымается съ мѣста и съ глубокимъ, соболѣзнующимъ вздохомъ произноситъ:

— До сшведанью вамъ, госшпидинъ сперучникъ.

— Постой ты, чертъ! Куда ты? словно бы очнувшись, остановилъ его Болиголова.

— Н-но? вопросительно подымаетъ къ его лицу свои взоры Штралецкій.

— Погоди... Останься, пожалуйста.

— Алежъ зжвините, не маю часу.

— Да ну тебя! Не ломайся!... Давай, чтоли вексель!

— Н-но... А и сшто съ того будетъ? разставилъ Ицко свои растопыренныя ладони.

— Какъ „что будетъ!?" Ты мнѣ дашь деньги, я тебѣ подпишу вексель—и только.

— Алежъ таки жидовски пурценты, хай имъ чо-ртъ! И минѣ-жъ такъ жалко зъ васъ... И за сшто ви тому сшвблачу будете платить такъ замного!?.. Цфуй!..

— Да ну тебя, въ самомъ дѣлѣ! Не мучь, пожалуйста, давай скорѣе!

— Н-ну, какъ ви еже такъ хочете, то хай, будетъ такъ! Хай будетъ по ва́шому!

И Штралецкій съ покорнымъ видомъ снова выложилъ на столъ вексель и деньги.

Черезъ пять минутъ сдѣлка была окончена. Болиголова принялся пересчитывать пачку.

— Ицко! съ непріятнымъ недоумѣніемъ воскликнулъ онъ, дойдя до послѣдней бумажки: — да вѣдь тутъ не пятьсотъ. а только четыреста-пятьдесятъ?!

— То такъ естъ, утвердительно согласился Штралецкій.

— А гдѣ-жъ остальные?

— А тожъ, зжвините, тожъ пойдутъ за пурценты... То вже такій порадокъ, жебы пурценты навсегда за мѣсёнцъ упередъ.

— Да вѣдь я такимъ образомъ опять останусь безъ копѣйки!?

— А на сшто вамъ кипэйке? Вижъ аймѣете крадитъ! гхардсши гасшпида живутъ безъ кипэйке, и никто съ того не жалуесе, абы былъ крадитъ!

Дѣлать нечего,—и огорченному поручику волей-неволей пришлось согласиться съ этимъ убѣдительнымъ аргументомъ.

* * *

Проходитъ мѣсяцъ—и какъ разъ день въ день, часъ въ часъ къ Болиголовѣ является Ицка Янкелевичъ Штралецкій.

— Зжвините, я прійшолъ напомнять...

— Знаю, знаю! И самъ не хуже тебя помню, да дѣлать-то, братъ, нечего: денегъ нѣтъ, не получилъ еще.

— Пфс... Когда ви хочете знать, то я и самъ въ сабѣ такъ мислялъ, сшто нѣтъ... Н-ну, а сшто-жъ теперъ будетъ?

— Не знаю. Что захочешь, то и будетъ.

— То надо вэксюлъ до протэсту...

— Протестуй, пожалуй.

— Алежъ съ того будетъ шкандалъ?!..

— Какъ знаешь.

— Н-ну, я не хбчу кабъ вамъ билъ шкандалъ, бо я васъ такъ люблю и вважаю... И на пбслю того зачѣмъ намъ будетъ шкандалъ? Ну, скажитъ пиэжалуста!

— Однако, какъ же ты думаешь сдѣлать?

— Н-ну, и сшто я буду думать?!—Я-жъ завсѣмъ маленькій щаловѣкъ, сшто я могу сабя думать?.. То еже ви за мене додумайтю.

— И радъ бы, Ицко милѣйшій, да придумать ничего не могу. Думай ужъ ты за меня, я тебя уполномочиваю.

— Я?!.. Пфс... Н-ну, якъ такъ, то за позволеньемъ панскимъ, якъ такъ позвбли, то ябъ сабѣ думалъ, сшто налучше всего зновъ переписать вэксюлъ.

— Ицко! воскликнулъ повеселѣвшій Болиголова:— майнъ аллерлибстеръ Ицко! У тебя, чертъ возьми, геніальная голова! Умри, Ицко,—лучше этого ничего не сочинишь ты!

„Гасшпидинъ" Штралецкій тотчасъ же вытащилъ изъ боковаго кармана дѣдовскій бумажникъ, аккуратно порылся въ немъ и досталъ вексель Болиголовы вмѣстѣ съ новою вексельною бумагой.

— Пышить, васше благхородю, „одъ сего щисла повиненъ естъ на сшумма пьятсотъ-пьятдесентъ-пьять рубли на одного мѣсёнцъ".

Болиголова, просто въ ужасѣ нѣкоемъ, положилъ перо.

— Ицко! прервалъ онъ Еврея:—Ицко! Умилосердись! Вѣдь десять процентовъ, я понимаю, можно еще, пожалуй, дать на одинъ мѣсяцъ; но на два—это, согласись самъ, будетъ уже слишкомъ „замного". Это не возможно!..

— Пышить, васше благхородю, настойчиво но деликатно повторяетъ Ицко:—пышить „одъ сего щисла повиненъ естъ на сшумма пьятсотъ-пьятьдесентъ-пьять рубли.

— Ицко! Проклятый! Вѣдь это ужъ проценты на проценты! Вѣдь ты безъ ножа рѣжешь!

— Зжвините, якъ то можна безъ ножа зарѣзать?! Сшто это ви такого говбритю! оправдываясь, съ чувствомъ собственнаго достоинства отмахивается Ицко:— И еще въ дода́текъ, кабъ то билъ я; а вижъ знаете сшами, сшто то не я, то мой зжнакбмій, одного щаловѣкъ, — то все онъ, а не я... И сшто я зъ нимъ буду издѣлать, якъ онъ такій сшволачъ, такій жидъ! Онъ же мене тягнетъ за горло, ну а я еже по своёмъ неволю зъ васъ тягну.

— Да вѣдь вексель на твое имя!

— Ну, а у того сшвблача естъ другій вэксюлъ, и тотъ вэксюлъ еже естъ написа́ный на мого имену, и онъ, гавору вамъ, въ мене тянетъ! Яжъ сшамъ плачу ему десёнтъ пурценты.

Въ концѣ концовъ вексель переписываетэя еще на мѣсяцъ, совершенно сообразно желанію Ицки.

Проходитъ новый мѣсяцъ—и отъ слова до слова повторяется таже самая исторія: вексель переписывается снова, но уже не на 555, а на 606 р. 50 к. Болиголова видитъ наконецъ, что такимъ образмомъ незамѣтно зарвешься гораздо чувствительнѣе, чѣмъ въ какой-бы то ни было капитанскій штоссъ, а потому твердо рѣшается прекратить дальнѣйшее и при томъ столь систематическое обираніе своего кармана. Но какъ въ этомъ случаѣ поступить злосчастному поручику?

* * *

Приходитъ слѣдующій срокъ, приходитъ и Ицка, съ предложеніемъ обмѣнять старый вексель на новый въ 665 р. 50 к. Но поручикъ рѣшительно объявляетъ дѣлай что хочешь, поступай какъ знаешь, а переписывать болѣе ни за что не стану!

— Ну, додумайте-жъ, якимъ-бы спбсобомъ мнѣ развязаться зъ тымъ сшвблачомъ! Развяжитъ мене бо онъ зъ мене тягнетъ!

— Да что, братъ, какъ ни думаю, а выходитъ все на одно! вздыхаетъ Болиголова, наигрывая пальцемъ объ палецъ:—Изъ имѣнія ранѣе четырехъ мѣсяцевъ и думать нечего ни о какой получкѣ... А вотъ, развѣ что...

Если-бы въ Петербургъ поѣхать, — такъ бы, пожалуй, что сейчасъ же у родныхъ досталъ себѣ денегъ и расплатился бы...

— Ну, то пышить имъ, нехай присылаютъ! съ живостью подхватилъ Ицка.

— Писалъ! съ безнадежнымъ вздохомъ махнулъ рукою поручикъ—да не помогаетъ... Безъ личнаго свиданія ничего не подѣлаешь. Пишутъ въ отвѣтъ: пріѣзжай-де самъ, потолкуемъ, посмотримъ и устроимъ какъ нибудь все дѣло. Вотъ и письмо,—читай хоть самъ, пожалуй.

И Болиголова, для пущей убѣдительности, далъ Ицкѣ письмо петербургскаго родственника. Тотъ повертѣлъ его и такъ, и сякъ въ рукахъ, постарался прочесть, кое-что разобралъ и убѣдился.

— Ну, то надо ѣхать до Петерзбургу, присовѣтовалъ онъ.

— Нѣтъ—Вишь—ты, какой прыткій! Сейчасъ и до Петерзбургу! А на какіе шиши я поѣду?

— Якъ то на сшисши? въ недоумѣніи заморгалъ Ицка.

— Да такъ, что на дорогу нужны же деньги, а у меня ни гроша.

Ицка раздумался

— И то вже будетъ завѣрно, сшто ви у Петерзбургу сдобудете деньгувъ? поборая въ себѣ послѣднія колебанія, осторожно спросилъ онъ послѣ минуты раздумья.

— Навѣрное добылъ бы, удостовѣрилъ поручикъ:— Вотъ тебѣ и письмо въ доказательство.

— Н-ну, то настягайте ваша сшаблюка, ходите до гасшпидинъ пулковникъ и беритъ отпускъ! самымъ положительнѣйшимъ образомъ порѣшилъ вдругъ Ицка.

— Да говорятъ же тебѣ толкомъ, что нѣтъ у меня денегъ на дорогу.

— То вже не ваша забота. Беритъ отпускъ.

— Да вѣдь надо же мнѣ, наконецъ, и жить чѣмъ въ Петербургѣ, хоть на первые-то дни, ну самъ подумай!..

— То вже, кажу, не ваша забота. Беритъ отпускъ, настоятельно и увѣренно подтверждаетъ Ипта, очевидно, весьма довольный въ душѣ тою новою комбинаціей, которая пришла ему въ голову.

Болиголова послѣдовалъ благому совѣту, подстегнулъ саблю, отправился къ полковому командиру,—и чрезъ два часа адъютантъ привезъ къ нему уже подписанный и припечатанный билетъ въ 28-ми дневный отпускъ.

Ицка Янкелевичъ, необыкновенно довольный собою и своею изобрѣтательностью, собственноручно помогалъ деньщику возиться надъ чемоданомъ Болиголовы, и укладывать необходимыя вещи.

— Ицко! пожимая плечами, время отъ времени вопрошаетъ его поручикъ: — да разъясни же ты мнѣ наконецъ, какъ же это будетъ? Взаймы, чтоли, достанешъ ты намъ на дорогу, или какъ?

— Этъ!... Сшто такого!... То вже не ваша забота! зжвините! вы тольки ѣхайте! каждый разъ отвѣчаетъ Ицка такимъ тономъ, какъ бы желая сказать: „не приставай, молъ! знаю что дѣлаю! Ужь будешь доволенъ!“

И вотъ, онъ выказываетъ необычайную дѣятельность: считаетъ сколько платковъ носовыхъ уложено въ чемоданъ, все это записываетъ себѣ на особую бумажку— „для памяти“,—упаковываетъ сюртукъ, мундиръ, эполеты, этишкеты и прочія офицерскія вещи, заботливо освѣдомляется „чи не забито еще чего?“ приводитъ двухъ извощиковъ, на одного сажаетъ поручика, на другаго валитъ чемоданъ, на чемоданъ же взбирается самъ, съ какимъ то своимъ собственнымъ узелкомъ подъ-мышкою, и торжественно препровождаетъ все это на желѣзную дорогу.

— Билетъ одъ первій клясъ и билетъ одъ багажъ, любезно преподнесъ онъ Болиголовѣ два билета, предварительно потискавшись, понюхавъ и похлопотавъ у обѣихъ кассъ—пассажирской и багажной:—Вже будьте сшпакойній, вже все готово и я зъ вами.

— Какъ! И ты тоже ѣдешъ?! непритворно изумился поручикъ.

— А такъ! До Петерзбурга! Вже и билетъ досталъ сабѣ! Въ кампанія зъ вами!

— И тоже въ первомъ классѣ? подтрунилъ тотъ.

— Ну-у!.. Пфай!.. Сшто ви говоритю! Я дже сшпигался! выпучивъ глаза и словно бы дѣйствительно въ испугѣ, сталъ отмахиваться Ицка:—У первій клясcъ!.. От-то!.. Чи я сдурилъ, чи сшто!.. Для сабя у первій!.. Я сабѣ взялъ у третій, а кабъ еще билъ чтвортый, то я бы взялъ у чтвортый... Жалъ, очинъ жалъ, сшто нѣтъ чтвортый клясcъ! съ легкимъ вздохомъ сожалѣнія покачалъ онъ головою:—Но такій глупій порадокъ на тымъ залѣзномъ колею!.. Очень доволна глупій!

Затѣмъ, таинственно поманивъ къ себѣ поручика и отведя его нѣсколько въ сторону, Штралецкій, какъ-бы подъ величайшимъ секретомъ и съ опаской, чтобы кто не подслушалъ, заговорилъ ему шепотомъ:

— Зжвините, якъ вамъ сшто схочется, чи то покушить, чи то выпить сшто, то вы все сабѣ спрашуйте, сшто ви схочете; а на потомъ ви толки моргнить до меня, то я вже буду издѣсь, при вашемъ особу, и я вже самъ буду заплатить у буфэтъ... Пизжалуста!

— Стало быть, я ѣду на полномъ твоемъ иждивеніи? со смѣхомъ спросилъ поручикъ.

— Такъ. За мой щотъ, якъ бы то мой багажъ, подтвердилъ Ицка:—бо я знаю, ви такій блягхородній щаловѣкъ, ви мене не схочете абидѣть, и ви менѣ будете отдавать увше, и никакой споръ, и никакой моровая шудія у насъ не будетъ. Такъ?

— Быть по твоему! соглашается Болиголова и, ничто же сумняся, оба отправились въ путешествіе—одинъ въ первомъ, другой въ третьемъ классѣ.

* * *

Пріѣхали въ Вильну, гдѣ вечерній пассажирскій поѣздъ стоитъ болѣе часу. Путешествующая публика разсаживается за сервированными столами, при чемъ немедленно же поднимается и обыкновенная стукотня ножей и вилокъ и бѣготня нумерованныхъ фрачныхъ лакеевъ съ блюдами и тарелками Здѣсь Болиголова, на бѣду Ицкѣ, встрѣтился со старыми знакомыми, гусарскими офицерами, которые стоятъ частью въ городѣ, частью въ ближайшихъ окрестностяхъ, и вѣчно ко времени прихода поѣздовъ, наѣзжаютъ въ вокзалъ, ради собственнаго развлеченія. Сѣли за ужинъ, потомъ шампанское, а Ицка изъ отдаленнаго угла, съ затаенною тоскою въ сердцѣ своемъ, наблюдаетъ и загадываетъ себѣ—потребуетъ ли шампанскаго панъ споручникъ или не потребуетъ? и когда потребуетъ, то много ли потребуетъ? и сколько ему, Ицкѣ, за то заплатить придется?...

Потребовалъ!

— Огхъ!.. Айнъ бутелькесъ! со вздохомъ мутящаго сокрушенія считаетъ про-себя Штралецкій.—Уй! нохъ айнъ бутелькесъ! цвай буделькесъ! хлопнувъ руками объ полы, и качая головой, шепчетъ онъ минутъ черезъ десять.

— Эй, Ицка! заплати тамъ по счету! кивнулъ ему поручикъ, окончивъ ужинъ —и господинъ Штралецкій, несказанно обрадовался тѣмъ, что всѣ его страхи и опасенія ограничились только двумя бутылками, предупредительно спѣшитъ исполнить волю своего „багажа“.

— Зжвините! Сшлюхайте! поспѣшая за нимъ послѣ перваго звонка, убѣдительно шепчетъ онъ на ухо съ умоляющимъ видомъ:—не купійте вже большъ шимпаньскаго! бо оно для головы сшамое паскудство! И мнѣ жъ такъ дожалю, какъ ви будете нездаровій... Купійте лепшъ водка, чи то киньякъ съ цукернемъ,— сшами блягхородно напитке!

И всю дорогу, на каждой станціи, гдѣ только есть буфетъ, Ицко непремѣнно выскакиваетъ изъ своего вагона и начинаетъ расхаживать по платформѣ мимо купэ, занятаго его живымъ „багажемъ"? Иногда багажъ выходилъ, и тогда Ицко уже зналъ свою роль и вытаскивалъ бумажникъ, иногда же не выходилъ—и гасшпидинъ Штралецкій, съ облегченнымъ и временно успокоеннымъ сердцемъ, возвращался въ свой вагонъ, въ ожиданіи дальнѣйшаго томленія передъ слѣдующимъ буфетомъ.

И такимъ-то образомъ пріѣхали они наконецъ въ Петербургъ. Предупредительный и расторопный Ицко тотчасъ же самъ и карету нанялъ, самъ и багажъ получилъ, и отъ всѣхъ мелочныхъ хлопотъ избавилъ своего кліента, и только когда все уже было у него готово и все исправлено, спросилъ его приподнимая шапку:

— А до какого гостинницу прикажете?

— Въ Бель-вю пошелъ, на Невскій.

— Въ бель-вю сшлюхай! не безъ гордаго сознанія собственнаго достоинства повелительно крикнулъ онъ извощику, взгромоздясь съ чемоданами къ нему на козла. Ицко былъ теперь гордъ и веселъ сознаніемъ, что и онъ „тоже въ сшталицу" и притомъ „ѣхаитъ въ каретахъ" и стало быть можетъ впослѣдствіи у себя дома разсказывать, „всшакимъ сшволочамъ" какъ это онъ „билъ на сшталицу" и какъ въ каретахъ ѣхалъ.

* * *

Былъ у Болиголовы въ Петербургѣ довольно близкій родственникъ и въ тоже время добрый другъ, который занимался изданіемъ одного весьма скромно распространеннаго журнала. На этомъ-то родственникѣ главнѣйшимъ образомъ и зиждились всѣ надежды, планы и разсчеты поручика; къ нему то онъ поѣхалъ тотчасъ-же, едва успѣлъ переодѣться съ дороги. Послѣ первыхъ родственныхъ привѣтствій и объятій, причины пріѣзда въ Петербургъ были объяснены немедленно, тѣмъ болѣе что родственникъ редакторъ былъ уже заранѣе ознакомленъ съ этими причинами изъ писемъ поручика.

— Мм... Вотъ видишь ли, заговорилъ онъ нѣсколько морщясь и пружась:—въ данную минуту дѣла мои нѣсколько плоховаты: журналъ идетъ мм. тово... то есть такъ себѣ, ни шатко, ни валко, а коли говорить откровенно, то болѣе пожалуй что и валко... Подписка слаба, сотрудники, бумага, типографія, то да се... Однимъ словомъ не въ авантажѣ обрѣтаемся.

Всеволодъ Крестовскій.

(Продолженіе будетъ).

Стихотвореніе.

Н. Н—ой.

Встрѣтилъ тебя—и на мигъ предо мной
Юность мелькнула, пахнуло весной..
Боже—какъ жизнь насъ съ тобою измяла—
Сколько въ ней горя, какъ радости мало!

* * *

Гаснутъ надежды одна за другой.
Нѣтъ ужъ теперь не подняться мнѣ кажется—
Прежнее слово, какъ прежде, не скажется,
Прежняя пѣсня, какъ прежде, не сложится
Что-то надорвано, какъ то неможется...

* * *

Грудь точно камнемъ сдавило опять—
Рано ужъ что-то смеркаться—то начало...
Чтобы судьба впереди ни назначила
Скучно опять начинать!

* * *

Дни вы безпутные, дни вы тяжелые,
Всѣмъ вы тяжелые, всѣмъ невеселые!
Брань, да покоръ да вражда,
Все сорвалось точно—бьется и тянется...
Что-то погибнетъ да что-то останется?...

Н.

Воздушная почта.

Окружающій насъ воздухъ, благодаря своей упругости, можетъ сильно сжиматься и разширяться. Это свойство его получило много общеполезныхъ примѣненій. такъ напр., Монсенисскій тоннель былъ построенъ съ помощью машинъ, дѣйствовавшихъ посредствомъ сжатаго воздуха. Кромѣ того, въ Лондонѣ, Нью-Іоркѣ, Парижѣ, а въ послѣднее время даже въ Вѣнѣ посредствомъ сжатаго воздуха производится передача писемъ, газетъ и большихъ пакетовъ. Первую мысль къ устройству воздушной почты подалъ проектъ такъ называемой желѣзной воздушной дороги шведскаго инженера Эриксона, который хотѣлъ примѣнить къ дѣлу идею Медхорста и др., о перевозкѣ посредствомъ сжатаго воздуха людей, посылокъ и грузовъ. Эриксонъ скоро однако замѣтилъ, что воздушная желѣзная дорога невозможна и потому отказавшись отъ этой мысли, предался исключительно устройству своей извѣстной машины, которая, дѣйствуя съ помощью воздуха, разрѣженнаго и сгущеннаго посредствомъ теплоты, должна была, по мысли изобрѣтателя, конкурировать съ паровыми машинами. Калорическая машина подала мысль воспользоваться воздухомъ для перевозки незначительныхъ тяжестей, чему воздушная почта и была обязана своимъ происхожденіемъ. Часть воздуха, сгущенная или разрѣженная въ одномъ мѣстѣ, всегда стремится притти въ равновѣсіе съ остальной атмосферой, вслѣдствіе чего, посредствомъ искуственнаго попеременнаго сгущенія и разрѣженія можно породить двигательную силу, достаточную для перевозки тяжестей. Сжатый воздухъ употребляется въ Нью-Іоркѣ для перевозки по всей длинѣ главной улицы вагоновъ съ пассажирами, въ другихъ же городахъ употребляется исключительно только для доставки писемъ, газетъ и проч. Устройство воздушной почты легко понять—стоитъ только вообразить нѣсколько пунктовъ, отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніи нѣсколькихъ верстъ и соединенныхъ между собою цѣлою системою герметически спаянныхъ желѣзныхъ трубокъ, совершенно гладкихъ внутри и въ которыхъ съ помощью остроумныхъ примѣненій, можно произвести, по желанію, разрѣженіе или сгущеніе воздуха. Въ извѣстныхъ мѣстахъ желѣзныхъ трубъ устроены герметически закупоренныя отверстія, которыя можно открывать и закрывать помощью особаго аппарата. Если въ подобное отверстіе опустить желѣзный цилиндръ, содержащій въ себѣ письма, пакеты и т. д. и прилегающій плотно къ стѣнкамъ трубы, а затѣмъ разрѣдить воздухъ находящійся въ трубѣ впереди цилиндра и сгустить воздухъ, находящійся сзади его, то цилиндръ устремится впередъ съ невѣроятной быстротой, такъ какъ сжатый воздухъ, находящійся сзади его, будетъ стремиться разшириться. Въ Нью-Іоркѣ и Лондонѣ сгущеніе и разрѣженіе воздуха производится постоянно, такъ что цилиндры съ посылками могутъ быть отправляемы каждую минуту; въ Парижѣ же и Вѣнѣ цилиндры отправляются только въ извѣстные часы. Воздушные насосы, доставляющіе двигательную силу, дѣйствуютъ въ послѣднемъ случаѣ не прямо на систему трубъ, какъ въ Англіи и Америкѣ, а на два большихъ пріемника или резервуара, изъ которыхъ въ одномъ заключается сгущенный, а въ другомъ разрѣженный воздухъ. При опусканіи цилиндра въ желѣзную трубку, воздухъ, содержащійся въ послѣдней приводится, посредствомъ одного изъ пріемниковъ въ разрѣженное состояніе, затѣмъ станція, для которой назначается посылка, увѣдомляется по телеграфу объ отправкѣ. Быстрота съ которой цилиндръ двигается въ трубкѣ простирается до 28 аршинъ въ секунду, но можетъ быть доведена, въ случаѣ надобности, до 84 аршинъ, такъ что цилиндръ можетъ пройти разстояніе въ 75 верстъ, съ нѣсколькими промежуточными станціями въ полтора часа. При управленіи воздушной почтой, надо, во избѣжаніе несчастій, соблюдать много предосторожностей. Такъ какъ сжатый воздухъ, находящійся давленіемъ трехъ атмосферъ, нагрѣвается и осаждается и подъ осаждаетъ влажность на холодныхъ стѣнкахъ желѣзныхъ трубъ, то устраиваются подземные пріемники для этой влаги.

На картинкѣ изображенъ видъ вѣнской станціи воздушной почты, устроенной инженерами фонъ-Фельбингеромъ и Кристингомъ на протяженіи около 15 верстъ. Устройство ея обошлось около 222.000 рублей и со дня своего открытія (въ апрѣлѣ ны-

На катке. Картина Бутибона, рисов. на дереве Хольцъ, гравир. Езерскій, Собств. Гуппиля и К°. въ Париже.

нѣшняго года) она уже дала вполнѣ удовлетворительные результаты. Два большихъ желѣзныхъ пріемника, находящихся на правой сторонѣ картинки, содержатъ въ себѣ сгущенный воздухъ, находящійся же на лѣвой — разрѣженный. Служба при полученіи и отправкѣ посылокъ исполняется обыкновенно женщинами. На картинкѣ изображено, какъ отправщица кладетъ цилиндръ, наполненный письмами и посылками въ трубу, верхняя половина которой открыта. Вслѣдъ за цилиндромъ вкладывается плотно прилегающій къ стѣнамъ трубы кружокъ и затѣмъ труба закрывается герметически. Съ помощью пріемниковъ, изображенныхъ на лѣвой сторонѣ картины, воздухъ въ трубкахъ, по которымъ долженъ идти цилиндръ разрѣжается; затѣмъ трубы приводятся въ соединеніе съ пріемниками, содержащими сгущенный воздухъ. Послѣдній неудержимо устремляется въ трубы и гонитъ цилиндръ съ невѣроятной быстротой къ назначенной цѣли. Станція, на которую долженъ идти цилиндръ, уже заранѣе увѣдомлена по телеграфу и тамъ вынимаютъ его съ помощью особаго аппарата. Тѣмъ же путемъ цилиндръ возвращается обратно. Воздушной почтѣ по всей вѣроятности предстоитъ великая будущность.

Самаркандскіе нищіе.

Чѣмъ менѣе развитъ народъ, чѣмъ ниже стоитъ уровень его цивилизаціи,—тѣмъ замѣтнѣе его общественные недуги, между которыми нищенство занимаетъ безспорно первенствующее мѣсто.

Нельзя сказать, чтобы цивилизація истребляла съ корнемъ это зло;—часто мы видимъ поразительную нищету рядомъ съ роскошью и комфортомъ цивилизованной жизни,—какъ на примѣръ подобнаго сопоставленія мы можемъ указать на Англію. Но въ цивилизованныхъ государствахъ, не добившись уничтоженія зла, умѣютъ, по крайней мѣрѣ, скрывать его, тщательно прятать отъ глазъ наблюдателя, некрасивыя на видъ, оскорбляющія глазъ, его проявленія. У народа полудикаго, варварскаго, не заботятся объ этомъ, и зло является наружу во всей своей непривлекательной наготѣ, занимаетъ виднѣйшія мѣста въ общей картинѣ общежитія, часто заслоняя собою болѣе отрадныя явленія.

Трудно отдать преимущество первому ли способу —скрыванія, или беззастѣнчивости втораго, да это и не составляетъ предмета нашего короткаго очерка, а потому переходимъ прямо къ рисунку нашего извѣстнаго художника, такъ ярко и вѣрно перенесшаго на полотно и бумагу картины почти неизвѣстной жизни—варварскаго востока, центральныхъ пунктовъ Средней Азіи.

Здѣсь нищество не носитъ на себѣ вовсе клейма порока —оно даже получаетъ какъ бы въ религіозный характеръ, освящается и обычаемъ, и вѣрованіями невѣжественныхъ массъ, и является среди этихъ массъ первенствующимъ, учащимъ, проповѣдующимъ, пользуясь привиллегіями святости, составляющими часто даже предметъ зависти болѣе обезпеченныхъ классовъ.

Многочисленныя шайки юродствующихъ, такъ - называемыхъ „дивона“ — развѣ это не тѣже отвыкшіе отъ труда, излѣнившіеся бродяги, покрытые пестрымъ рубищемъ, забравшіе въ свои руки право публичной проповѣди, право, которымъ они пользуются исключительно какъ средствомъ добыванія легкаго хлѣба?.. Эти шайки имѣютъ свою организацію, раздѣляются на группы, на ордена, во имя того или другаго святаго, и, если самая ихъ бродячая жизнь и неизбѣжныя съ нею лишенія и болѣзни выхватываютъ жертвы изъ ихъ рядовъ, то на подобныя мѣста легко отыскиваются новые члены тунеядныхъ корпорацій и не даютъ уменьшаться нищенствующимъ легіонамъ, наводняющимъ всѣ людныя мѣста, площади передъ мечетями, базарные пункты, навѣсы городскихъ рынковъ и бойкіе перекрестки проѣздныхъ дорогъ.

Всякій раззорившійся, всякій пострадавшій отъ какого нибудь частнаго или общественнаго бѣдствія, не думаетъ прежде всего поправиться, собраться съ силами и занять свое прежнее положеніе... Нѣтъ.,. „Такъ угодно было Аллаху,—такова его святая воля“, рѣшаетъ обезкураженный, слабохарактерный фанатикъ—и спокойно идетъ нищенствовать, не боясь, что его встрѣтитъ позоръ и униженіе.

Постоянные войны, которые велись за послѣднее время въ Средней Азіи, почти непрерывно смѣняя одна другую, не мало тоже способствовали развитію здѣсь нищенства,—особенно въ Самаркандѣ, въ этомъ ультраазіатскомъ городѣ, въ этомъ папскомъ Римѣ мусульманскаго міра... и не мудрено, что это явленіе настолько поразило нашего художника, настолько остановило на себѣ его вниманіе, что онъ посвятилъ ему такую значительную часть своего труда, давъ намъ цѣлый рядъ вѣрныхъ, художественныхъ этюдовъ, снимокъ одного изъ которыхъ мы и предлагаемъ читателямъ на страницахъ нашего журнала.

Жаркое полуденное солнце накаливаетъ высокую глиняную стѣну, вдоль которой тянется проѣздная бухарская дорога... У этой стѣны, плотно прижавшись къ ней спинами, неподвижно стоятъ живые существа, покрытые грязью и пылью, обвѣшанныя вмѣсто одежды грязными лохмотьями, кишащими паразитами,—лохмотьями, утратившими послѣдніе признаки какаго-нибудь покроя... Съ перваго взгляда и не разберешь, въ чемъ одѣты эти жалкія существа...

Помутившійся взглядъ безжизненно, вяло устремляется на дорогу; сухія, поблекшія губы машинально, безсознательно бормочатъ изрѣченія корана, призывъ къ подаянію...

Вы ѣдете мимо—не успѣваютъ въ вашихъ ушахъ замереть послѣднія ноты этого призыва, какъ вотъ уже раздаются новые, тождественные звуки—и долго, долго преслѣдуютъ васъ эти завыванія, пока вы не минуете бойкаго мѣста и не выѣдете на безлюдный просторъ примыкающей къ городу пустыни. Да и тамъ часто вы не найдете себѣ покоя: какъ изъ-подъ земли, чуть ли не изъ-подъ ногъ вашего коня выползаетъ отрепанное, грязное, заражающее воздухъ существо и гнусливымъ голосомъ начинаетъ пѣть все одну и туже, безконечную, во вѣки вѣковъ неизмѣнную, монотонную пѣсню...

Это тѣ, которые боятся конкурентовъ по ремеслу, они предпочитаютъ степное безлюдье населеннымъ мѣстамъ, роютъ себѣ близь дороги крохотныя землянки— и выползаютъ изъ своихъ норъ, едва только заслышатъ топотъ приближающагося коня, или визгливый скрыпъ тяжело нагруженной арбы.

Будемъ ждать и надѣяться, что рано или поздно благотворная цивилизація проникнетъ и сюда, въ эти варварскія захолустья и уничтожитъ заразительное зло,— если цивилизація эта, дѣйствительно, съумѣетъ его уничтожить. Вѣрнѣе, что она прикроетъ его только красивою занавѣскою, спрячетъ отъ глазъ наблюдателя, какъ сдѣлала она въ нашихъ европейскихъ, развитыхъ, благоустроенныхъ государствахъ.

Н. Каразинъ.

На днѣ рѣки.

Беззвучно и знойно дышетъ лѣтній полдень. Едва плещутся рѣчныя волны, ясно отражая въ себѣ голубое небо съ лѣниво ползущими по нему ярко бѣлыми облаками. Такъ и хочется броситься въ эти тихія, прозрачныя воды и освѣжиться отъ мучительнаго зноя...

Быстро летитъ наша лодка подъ дружнымъ напоромъ

веселъ. Высоко вздымаются брызги при каждомъ ударѣ и обдаютъ насъ прохладой, и сверкаютъ на солнцѣ радужными цвѣтами... Тише! Кинемте весла; берега далеко—давайте купаться съ лодки! Взгляните какъ чиста вода — вотъ столпъ солнечныхъ лучей пронизалъ ее и освѣтилъ до самаго дна. Вереницы рыбъ снуютъ по всѣмъ направленіямъ. Водоросли тянутся причудливыми извивами. На днѣ разбросаны ракушки. Тутъ не глубоко, тутъ, если даже не умѣть плавать, такъ и то утонуть невозможно...

Но... но что это такое? Что это — смотрите! Вотъ тамъ! Тамъ... видите... что-то бѣлое... большое... Неужели?!. да... да... Боже мой... это... это человѣческое тѣло!! Невольный ужасъ леденитъ насъ. Смѣшанное чувство паническаго страха и мучительной жалости овладѣваетъ нами! А между тѣмъ, помимо воли, глаза прикованы къ ужасному предмету...

Подъѣдемъ ближе... тише! Смотрите — это женщина... молодая женщина! Смерть и вода еще не исказили, не обезобразили прекрасныя формы ея тѣла. Она будто спитъ въ этомъ подводномъ царствѣ, среди растеній, среди играющихъ рыбъ, подъ глубоко проникающимъ лучемъ лѣтняго солнца... Она будто спитъ запрокинувъ красивую голову, разметавъ блѣдныя руки... разсыпались ея густые волосы и тихое теченіе воды оплело ихъ между стебельками растеній...

Что же это такое? Кто эта несчастная женщина? Вольно или невольно легла она въ эту волшебную, прозрачную и страшную постель, съ которой никогда не встаютъ? Но развѣ можно терять время! Быть можетъ она еще жива, быть можетъ еще можно спасти ее! Скорѣе! Скорѣе! Дружными усиліями постараемся достать ее и положить въ лодку... Но она мертва! Спасти ее невозможно!..

Все ей оставилось, все ей простилося;
Если пятно на ней было—такъ смылося:
Много страдавшимъ прощается многое!
Все миновалось—что прежде безславило
Жизнь ея горькую; смерть ей оставила—
Только невинное, только прекрасное! *)

О, какъ молода она, какъ была прекрасна! Что привело ее къ ранней погибели, если только она сама пожелала смерти?.. Какъ рѣшить это?.. Быть можетъ...

Какое намъ дѣло до ея таинственной повѣсти, хотя бы въ ней были даже позоръ и преступленіе—смерть разрѣшила ея страданія, разрѣшила и вину ея...

...Сложимъ на грудь, истомленную битвою,
Руки крестомъ ей, какъ будто съ молитвою
Въ вѣчность она отошла...

и поплывемъ съ нашей ужасной находкою туда, къ берегу, гдѣ можетъ быть найдется хоть одинъ человѣкъ, который зналъ ее, любилъ и который горько заплачетъ надъ ея безвременной могилой!..

W—d.

Судебная хроника.

Дѣло Овсянникова о поджогѣ.

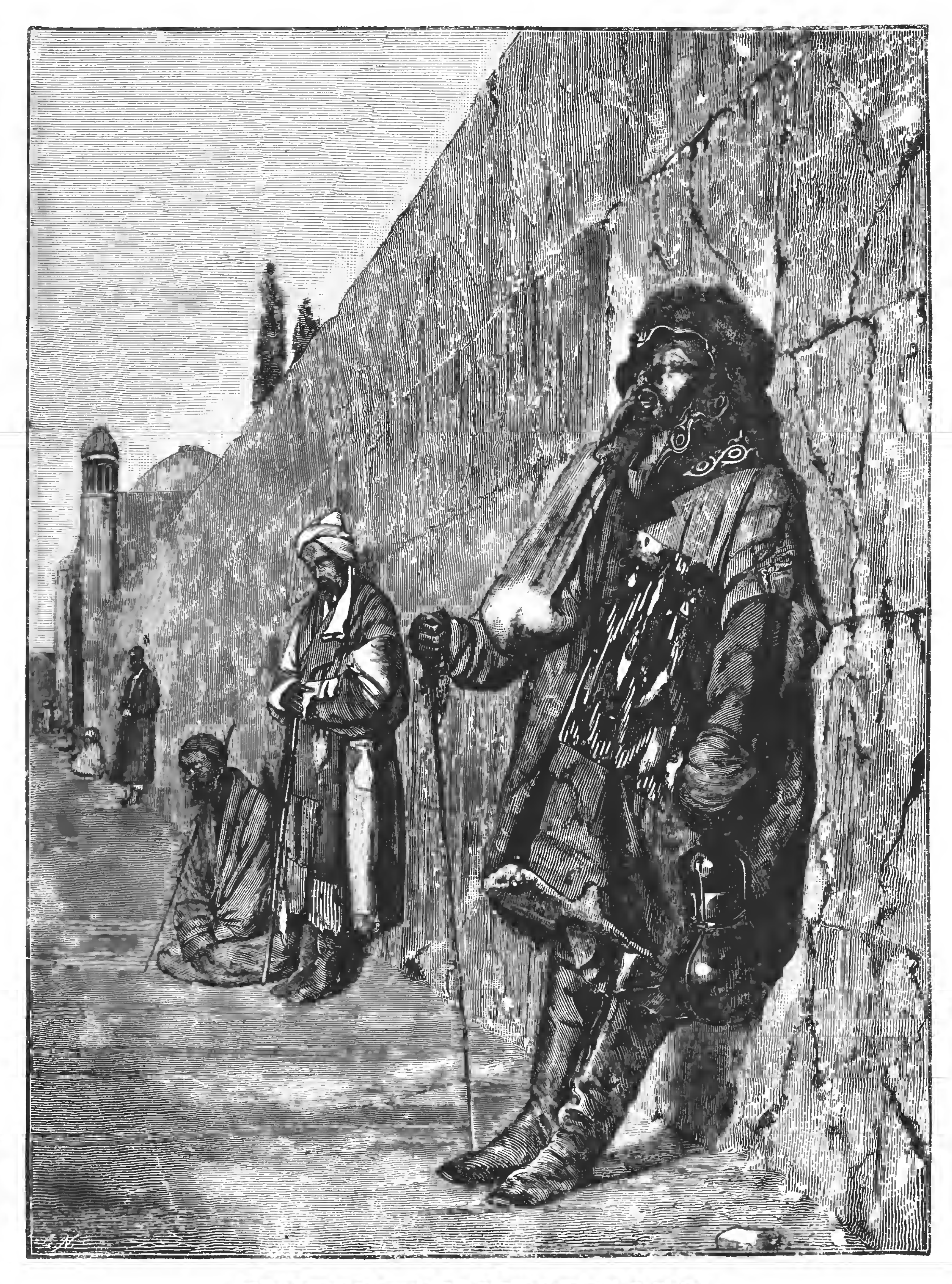
Условія еженедѣльнаго журнала не позволяли намъ слѣдить, подобно ежедневной газетѣ, за интересующимъ всѣхъ дѣломъ Овсянникова о поджогѣ мельницы. Теперь же, желая ознакомить съ нимъ нашихъ читателей, мы представляемъ объ немъ возможно полный отчетъ. Приговоръ же по этому дѣлу подробно изложенъ въ № 51 «Нивы».

Въ числѣ судебныхъ процесовъ, занимавшихъ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ вниманіе большинства, безспорно первое мѣсто заняло дѣло коммерціи совѣтника, спб. 1-й гильдіи купца Степана Тарасовича Овсянникова, ржевскаго 2-й гильдіи купца Андрея Петровича Левтѣева и ржевскаго мѣщанина Дмитрія Артемьева Рудометова, обвиняемыхъ въ поджогѣ паровой мукомольной мельницы, принадлежавшей коммерціи совѣтнику Кокореву. По дѣлу этому было вызвано 119 свидѣтелей, а на скамьяхъ защиты можно было видѣть цвѣтъ нашей адвокатуры: Спасовича—въ качествѣ гражданскаго истца отъ страховыхъ обществъ, Потѣхина—въ качествѣ защитника главнаго подсудимагѣ Овсянникова, Языкова—принявшаго на себя защиту Левтѣева и наконецъ Соколовскій—назначенный судомъ для защиты Рудометова. Обвиненіе поддерживалъ товарищъ прокурора Жуковскій, предсѣдательствовалъ Лопухинъ.

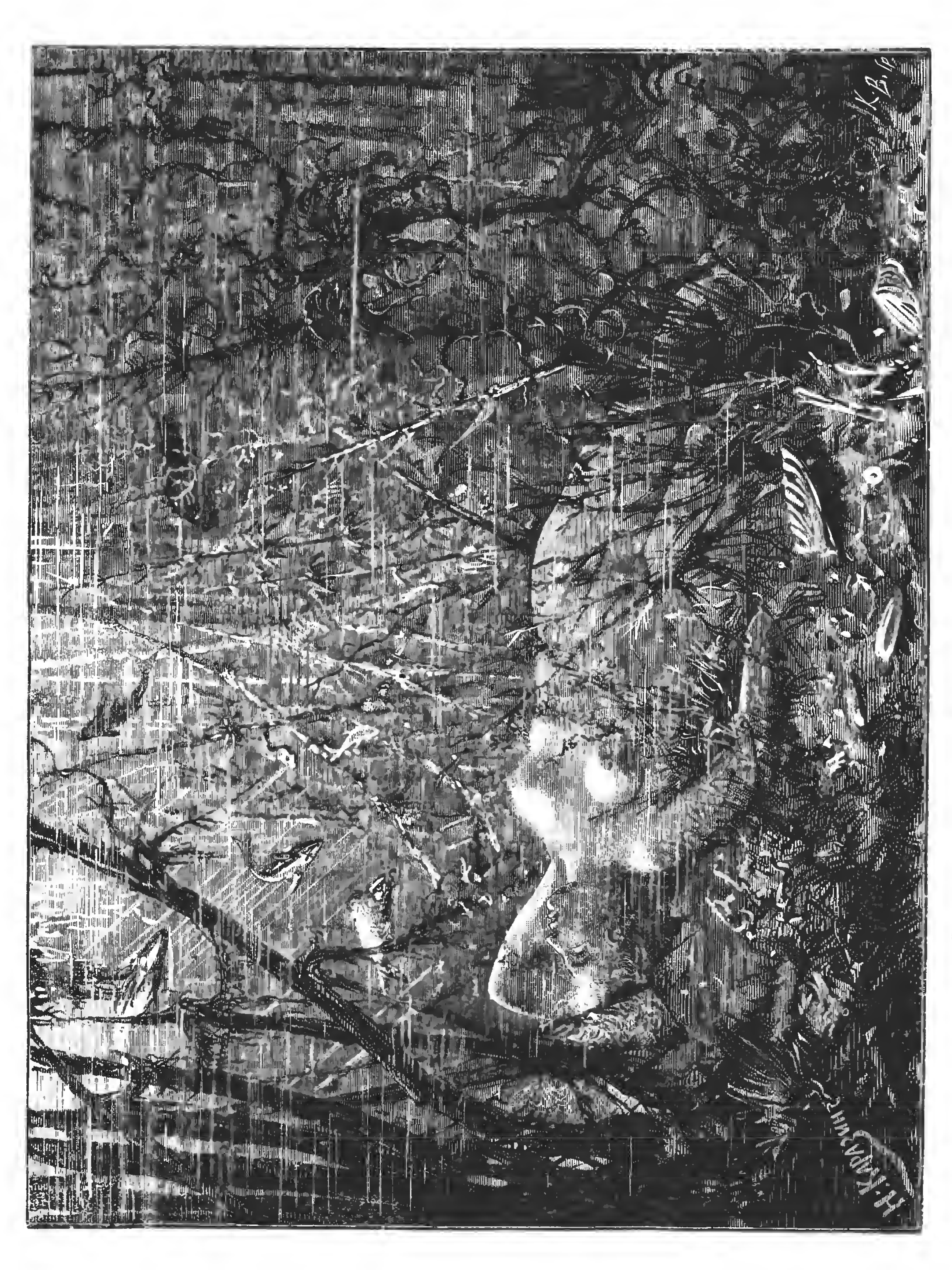
Сущность этого интереснаго дѣла, привлекшаго въ залы засѣданія и въ зданіе суда громадное количество народа въ продолженіи всего времени разбирательства, заключалась въ слѣдующемъ:

2-го февраля 1875 года на углу Измайловскаго проспекта и Обводнаго канала сгорѣла обширная паровая мельница коммерціи совѣтника Василія Александровича Кокорева, арендуемая поставщикомъ военнаго министерства коммерціи совѣтникомъ Степаномъ Тарасовичемъ Овсянниковымъ и застрахованная въ страховыхъ обществахъ «Якорь» и варшавскомъ въ суммѣ 700 тысячъ руб. сер. Пожаръ начался около 5 часовъ по полуночи и быстро распространился по всему зданію, которое сгорѣло за исключеніемъ наружныхъ стѣнъ, кочегарни и небольшаго отдѣленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ сгорѣли, по показанію его, Овсянникова, и его управляющаго, ржевскаго купца А. П. Левтѣева, 13,955 кулей муки, принадлежащихъ военному вѣдомству и сложенныхъ въ магазинномъ отдѣленіи мельницы. Первоначально мѣстною полиціею не было усмотрѣно признаковъ поджога мельницы и въ составленномъ протоколѣ высказано предположеніе, что пожаръ могъ произойти отъ неосторожности рабочихъ. При повѣркѣ полицейскаго дознанія, по распоряженію прокурора С.-Петербургскаго окружнаго суда выяснился однако рядъ обстоятельствъ, указывающихъ на умышленный поджогъ. Такимъ образомъ было обнаружено, что пожаръ начался въ помѣщеніяхъ мельницы, запертыхъ и удаленныхъ отъ жилыхъ квартиръ; что за два дня до пожара мельницы были прекращены работы, при чемъ машины и топка котловъ остановлены, а также прекращено снабженіе зданія газомъ; что наканунѣ пожара была выпущена вода изъ трубъ и бака, устроенныхъ какъ для отопленія мельницы паромъ, такъ и на случай пожара; что прекращеніе работъ послѣдовало безъ видимой причины двумя мѣсяцами раньше предполагавшагося срока; что одновременно съ этимъ распущены почти всѣ работники; что послѣдніе поденщики, нанятые для очистки зданія, ушли за 12 часовъ до начала пожара и послѣ нихъ мельница была со всѣхъ сторонъ заперта; что пожаръ произошелъ за два дня до срока страхованія и наканунѣ обѣщанной Овсянниковымъ уплаты преміи; наконецъ, что какъ положительно выяснено многими свидѣтелями, пожаръ начался одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ, весьма удаленныхъ одно отъ другаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что выпускъ воды и распущеніе рабочихъ, способствовавшіе успѣху поджога, послѣдовали по приказанію управляющаго Овсянникова, купца Левтѣева, и что количество сгорѣвшаго на мельницѣ хлѣба, заявленное Овсянниковымъ и Левтѣевѣмъ, было значительно преувеличенно. Независимо отъ сего было обнаружено, что пожаръ мельницы приносилъ значительные выгоды арендатору ея, коммерціи совѣтнику Овсянникову. Вслѣдствіе сего прокуроромъ было предложено судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ Киприму произвести предварительное слѣдствіе о поджогѣ вышеозначенной мельницы. Данныя, обнаруженныя предварительнымъ слѣдствіемъ, заключаются въ слѣдующемъ: сгорѣвшая мельница, какъ видно изъ собранныхъ свѣдѣній, была построена коммерціи совѣтникомъ Я. Я. Фейгинымъ, согласно контракту, заключенному имъ съ военнымъ министерствомъ 30-го іюня 1867 года. По силѣ этого контракта Фейгину была предоставлена на 9 лѣтній срокъ поставка провіанта и фуража для войскъ с.-Петербургскаго военнаго округа и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей, продовольствуемыхъ изъ петербургскихъ магазиновъ, съ тѣмъ чтобы хлѣбъ доставлялся въ зернѣ и перемалывался подъ надзоромъ интендантства на особой мельницѣ, которую Фейгинъ обязывался выстроить на свой счетъ. Такимъ образомъ предполагалось улучшить довольствіе войска и устранить злоупотребленія, постоянно повторявшіяся при прежней системѣ краткосрочныхъ подрядовъ и поставокъ провіанта мукою помола низовыхъ губерній. По истеченіи контрактнаго срока казна была въ правѣ пріобрѣсти мельницу въ собственность покупкою. Для постройки была уступлена Фейгину, за незначительную плату, казенная земля. Постройка мельницы стоила Фейгину болѣе 900 тыс. рублей и была окончена въ 1871 году. Въ техническомъ отношеніи, по удостовѣренію экспертовъ, мельница эта была впол-

*) «*Мостъ вздоховъ*» Томаса Гуда.

Самаркандскіе нищіе. Рис. В. Верещагина, грав. Е. Напѣръ.

На днѣ рѣки. Оригинальный рисунокъ Н. Н. Каразина, грав. К. Вейерманъ.

нѣ образцовая. Въ пожарномъ отношеніи мельница, по отзыву экспертовъ, была обезпечена устройствомъ по всему зданію отопленія паромъ, трубъ со многими пожарными кранами и рукавами, а также бака на чердакѣ, вмѣщавшаго въ себѣ 6,000 ведеръ воды. Кромѣ того, для большаго обезпеченія отъ огня, вода на мельницу была проведена какъ изъ городскаго невскаго водопровода, такъ и изъ обводнаго канала, откуда накачивалась въ бакъ посредствомъ особой паровой топки. По заключенію экспертовъ запасъ воды на мельницѣ былъ такъ великъ, что при исправномъ содержаніи трубъ и бака можно было залить всякое помѣщеніе мельницы, гдѣ бы ни начался пожаръ. Какъ видно изъ дѣла, Левтѣевъ состоялъ повѣреннымъ Овсянникова по подряднымъ дѣламъ съ 1862 года и пользовался полнымъ довѣріемъ хозяина Левтѣевъ получалъ содержанія по 6,000 руб.; а въ послѣднее время по 8,000 р. въ годъ, кромѣ разъѣздныхъ денегъ; имѣлъ даровой экипажъ, лошадей и квартиру отъ Овсянникова, въ домѣ его на Калашниковскомъ проспектѣ. Кромѣ значительнаго содержанія, какъ видно изъ торговыхъ книгъ Овсянникова, Левтѣевъ былъ связанъ денежными дѣлами Овсянникова, ставя свои бланки на векселяхъ Овсянникова на крупныя суммы, въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Передъ пожаромъ мельницы, Левтѣевымъ, какъ обнаружено слѣдствіемъ, были сдѣланы слѣдующія распоряженія: а) прекращенъ перемолъ на мельницѣ; б) распущены мельничные рабочіе; в) прекращена топка и г) выпущена вода изъ всѣхъ трубъ и бака мельницы. Значеніе этихъ распоряженій выяснено при слѣдствіи съ достаточною ясностью. Прекращеніе перемола и распущеніе рабочихъ послѣдовало 30-го января, за два дня до пожара. Прекращеніе работъ Овсянниковымъ, Левтѣевымъ и другими служащими объяснялось различно. Первоначально во время дознанія Левтѣевъ заявилъ, что работа была прекращена вслѣдствіе порчи паровыхъ котловъ, трубъ и вообще кочегарнаго отдѣленія. Таже причина прекращенія работъ была указана въ рапортѣ окружному интенданту чиновнику Квадри, наблюдавшему за помоломъ на мельницѣ со стороны интендантства. Между тѣмъ по осмотрѣ экспертомъ Полемъ кочегарнаго отдѣленія, поврежденія, указанныя Левтѣевымъ, оказались неимѣющими никакого значенія, и экспертъ призналъ, что машины на мельницѣ были вполнѣ годны для безостановочной работы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. При дальнѣйшемъ производствѣ дѣла какъ Левтѣевъ, такъ и самъ Овсянниковъ представили иныя объясненія, заявляя, что работы были прекращены вслѣдствіе достаточнаго количества помолотой муки, вполнѣ обезпечивавшей продовольствіе войскъ до сентября мѣсяца. Такое объясненіе дано и другими служащими Овсянникова.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ прекращенія работъ было распущеніе большей части мельничныхъ рабочихъ; самая мельница заперта и осталась въ полномъ распоряженіи немногихъ главныхъ служащихъ Овсянникова, которые на ней жили; кромѣ того остановка работъ давала предлогъ къ прекращенію паровой топки и къ выпуску воды изъ бака и трубъ мельницы. По объясненію всѣхъ служащихъ на мельницѣ, Левтѣевъ приказалъ прекратить топку и выпустить воду на томъ основаніи, что топить мельницу за прекращеніемъ работъ дорого, а воду слѣдуетъ выпустить для предупрежденія замерзанія трубъ и бака! По объясненію машиниста Кильпіо и швейцара Семенова, Левтѣевъ приказалъ выпустить воду еще до прекращенія работъ на мельницѣ. За день до пожара Левтѣевъ справлялся выпущена ли вода и получилъ въ отвѣтъ, что это исполнено будетъ на слѣдующій день. Наконецъ накануне пожара главный приказчикъ Морозовъ доложилъ Левтѣеву въ швейцарской, при его пріѣздѣ, что вода выпущена. Въ ночь, послѣ того какъ всѣ означенныя распоряженія Левтѣева были исполнены, мельница сгорѣла. Время, когда начался пожаръ, выяснено слѣдствіемъ весьма точно. Изъ дѣла видно, что 1-го февраля до 5 часовъ вечера нѣсколькими рабочими производилась обычная при остановкахъ перемола чистка мельницы. По уходѣ рабочихъ, въ 7 часу приказчики Овсянникова обошли мельницу и заперли всѣ выходы. Затѣмъ вечеромъ и ночью всѣ служащіе спали въ своихъ квартирахъ, кромѣ дворника Клокова, дежурившаго на улицѣ и ночнаго сторожа Рудометова, караулившаго во дворѣ мельницы. Ночью, по объясненію Рудометова, Клокова и Семенова, все было благополучно и никто въ мельницу не входилъ. Въ 5 часовъ пополуночи дежурные на каланчѣ Нарвской части замѣтили на дворѣ мельницы первый дымокъ, а затѣмъ, спустя минутъ десять, свѣтъ, послѣ чего на каланчѣ была поднята тревога. Такимъ образомъ мельница загорѣлась несомнѣнно около 5 часовъ пополуночи. Затѣмъ цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній удостовѣрено, что огонь показался одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Весьма скоро, въ теченіе не болѣе получаса, пламя объяло все зданіе, чему, по заявленію пожарныхъ, способствовало какъ деревянное внутреннее устройство мельницы, такъ равно и благопріятное для распространенія огня положеніе вѣялочной трубы. Но въ началѣ пожара, какъ положительно удостовѣрено свидѣтелями Гранфельдомъ, Иконниковымъ, Самсоновымъ и Григорьевымъ, кромѣ означенныхъ трехъ пунктовъ, всѣ остальныя части мельницы были темны, и въ нихъ не было замѣтно ни огня, ни дыма. Притомъ, какъ удостовѣрено показаніями означенныхъ свидѣтелей и произведенными осмотрами, подвалы, смежные съ подвалами магазиннаго отдѣленія, частью вовсе были изъяты отъ дѣйствія огня, частью же загорѣлись послѣ прибытія пожарныхъ.

Во всякомъ случаѣ противоположный конецъ подвала магазиннаго отдѣленія, гдѣ былъ замѣченъ огонь, былъ удаленъ отъ вѣялки болѣе чѣмъ на 12 саженъ. Всѣ изложенныя данныя приводятъ къ заключенію, что огонь въ подвалѣ магазиннаго отдѣленія не могъ перейти отъ вѣялочной трубы, и что пожаръ начался одновременно и самостоятельно въ различныхъ, весьма удаленныхъ одинъ отъ другаго пунктахъ зданія. Обстоятельство это устраняетъ само собою предположеніе о случайномъ происхожденіи пожара и доказываетъ, что мельница умышленно была подожжена съ разныхъ концовъ, причемъ были выбраны самые удобные для успѣшнаго поджога пункты, и поджогъ осуществленъ въ наиболѣе для сего удобный моментъ, въ глухое темное время, когда на мельницѣ всѣ спали, дворники ушли и на дворѣ оставался одинъ ночной сторожъ Рудометовъ. Приготовительныя къ поджогу распоряженія, какъ изложено выше, были сдѣланы Левтѣевымъ. Затѣмъ вся обстановка поджога указывала, что зажечь мельницу могъ кто-либо изъ служащихъ, близкій и преданный Левтѣеву, знакомый съ устройствомъ мельницы и имѣвшій возможность пройти незамѣтно въ тѣ помѣщенія мельницы, гдѣ начался пожаръ Такимъ лицомъ былъ сторожъ Рудометовъ. По объясненію Рудометова, онъ первый изъ служащихъ на мельницѣ замѣтилъ огонь. Подъ утро предъ началомъ пожара онъ ходилъ по всему двору и былъ на дворикѣ у деревянной трубы вѣялки. На дворѣ не было никого видно. Пройдя по двору до Измайловскаго проспекта, минутъ черезъ пять, онъ пошелъ обратно и вдругъ увидѣлъ, что горитъ внутри трубы вѣялки. Горѣла нижняя часть трубы, на разстояніи не болѣе сажени Отъ испуга онъ весь дрожалъ и потерялъ голосъ, однако побѣжалъ будить прикащиковъ Овсянникова; затѣмъ вернулся на мѣсто пожара но мѣръ къ тушенію пожара никакихъ не принялъ, постоялъ около горѣвшей трубы и пошелъ къ себѣ собирать имущество. Въ это время пріѣхали пожарные. Затѣмъ слѣдствіемъ обнаруженъ рядъ обстоятельствъ, разъяснившихъ, что поджогъ мельницы приносилъ значительныя выгоды арендатору ея; коммерціи совѣтнику Овсянникову; что объясненія Овсянникова и Левтѣева о понесенныхъ первымъ пожарныхъ убыткахъ несправедливы, и наконецъ что поджогъ былъ нуженъ Овсянникову для устраненія конкурренціи Кокорева по подрядамъ. Какъ собственникъ мельницы, Кокоревъ при наступленіи въ 1876 году срока арендаго контракта мельницы могъ по своему усмотрѣнію назначить Овсянникову новыя тяжелыя условія или, отказавъ въ арендѣ, тѣмъ самымъ устранить для Овсянникова возможность получить самый подрядъ. По удостовѣренію Кокорева, онъ имѣетъ въ виду въ случаѣ выгодныхъ цѣнъ будущаго подряда, взять его на себя, въ противномъ же случаѣ—отдать мельницу въ аренду съ платою по крайней мѣрѣ въ 100,000 рублей. Отношенія Кокорева къ Овсянникову послѣ тяжбы были таковы, что по заявленію перваго онъ не желалъ имѣть съ Овсянниковымъ общаго дѣла по подряду. Разсчетъ Овсянникова ясно видѣнъ затѣмъ изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Какъ на самомъ мѣстѣ пожара, такъ и во время производства слѣдствія, Овсянниковъ заявлялъ, что хотя мельница была застрахована имъ, но тѣмъ не менѣе онъ отказывается отъ всякаго притязанія на страховое вознагражденіе и признаетъ, что таковое долженъ получить собственникъ мельницы Кокоревъ. Согласно сему Овсянниковъ, какъ самъ призналъ, прямо съ пожара пріѣхалъ къ Кокореву и вручилъ ему полисы страховыхъ обществъ на мельницу въ 700,000 р. Для разъясненія этого обстоятельства при слѣдствіи были потребованы находящіяся свѣдѣнія изъ страховыхъ обществъ, при чемъ оказалось, что о переходѣ мельницы отъ Фейгина въ собственность Кокорева страхователь Овсянниковъ обществамъ не заявилъ; равнымъ образомъ Овсянниковымъ былъ скрытъ отъ общества выпускъ воды изъ трубъ и бака. При такихъ условіяхъ, на основаніи уставовъ страховыхъ обществъ, договоръ страхователя долженъ считаться ничтожнымъ и нарушеннымъ. Овсянниковъ не могъ не знать объ этомъ общемъ правилѣ страхованія, какъ въ виду постоянныхъ отношеній своихъ къ страховымъ обществамъ, изъ коихъ въ сѣверномъ обществѣ онъ былъ однимъ изъ учредителей и членомъ совѣта, такъ равно въ виду того, что означенныя правила напечатаны на самомъ полисѣ общества «Якорь», находившемся до самаго пожара у Овсянникова: Такимъ образомъ Кокоревъ лишенъ права на страховое вознагражденіе и полисы, переданные ему съ такой поспѣшностью Овсянниковымъ, не имѣютъ въ дѣйствительности никакой цѣнности. Вообще, по объясненію Кокорева, Овсянниковъ былъ въ духѣ, шутилъ, обѣщалъ въ будущемъ переговорить съ Кокоревымъ о возобновленіи мельницы и о будущемъ подрядѣ, а ровно ни однимъ словомъ не упомянулъ о своихъ убыткахъ и о сгорѣвшемъ имуществѣ, хотя по указанію Левтѣева уже зналъ, что сгорѣвшая мука на мельницѣ не застрахована. Лишеніе Кокорева страховаго за мельницу вознагражденія несомнѣнно входило въ разсчетъ Овсянникова, такъ какъ получивъ страховое вознагражденіе, Кокоревъ могъ возобновить мельницу и конкурренція его по подрядамъ не устранялась. По показанію Овсянникова, отвѣтственнымъ лицомъ за всѣ распоряженія по мельницѣ долженъ быть управ-

ляющій его Левтѣевъ, который пользовался полнымъ его довѣріемъ и отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ давалъ не лично ему, а конторѣ. Притомъ, по объясненію Овсянникова, онъ цѣлый годъ не былъ ни на мельницѣ: ни въ магазинахъ, и не зналъ что тамъ дѣлается. Прекращены работы были съ его, Овсянникова, разрѣшенія, по случаю достаточнаго количества намолотой муки, но выпускъ воды и прекращеніе топки были личныя распоряженія Левтѣева. Далѣе, по объясненію Овсянникова, онъ по старости лѣтъ вовсе не разсчитывалъ на будущій долгосрочный подрядъ и не взялъ бы таковой на себя. Наконецъ, относительно причины пожара, Овсянниковымъ первоначально было указано, что пожаръ могъ произойти вслѣдствіе искры, зароненной рабочими въ вѣялкахъ, или попавшей изъ главной дымовой трубы въ подземные каналы, сообщавшіяся съ зерносушильнею и трубою вѣялки. Въ слѣдующихъ объясненіяхъ Овсянниковъ напротивъ указывалъ, что мельница могла быть подожжена Кокоревымъ черезъ прикащика Кузнецова, съ цѣлью получить страховое вознагражденіе, превышавшее дѣйствительную стоимость мельницы. Объясненіе Овсянникова о нежеланіи вступать въ казенные подряды и о возможности поджога Кокоревымъ, какъ указано выше опровергнуто слѣдствіемъ; равнымъ образомъ и прочія объясненія Овсянникова относительно происхожденія пожара, какъ въ виду несомнѣнныхъ доказательствъ того, что мельница была зажжена одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ, такъ и по соображеніи заключенія экспертовъ, признавшихъ воспламененіе отъ дымовой трубы, по условіямъ тяги, невозможнымъ, должны считаться опровергнутыми. Наконецъ объясненіе Овсянникова о томъ, что онъ не входилъ въ распоряженія Левтѣева мельницею, опровергнуты Левтѣевымъ; всѣ распоряженія были лишь исполненіемъ личныхъ приказовъ Овсянникова, къ коему онъ по заведенному порядку являлся каждый день два раза: утромъ — для полученія приказаній на текущій день; а вечеромъ — для сдачи отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Левтѣевъ добавилъ, что въ частности прекращеніе работъ послѣдовало именно по приказу Овсянникова, а вода была выпущена по совѣту машиниста Кильціо. Третій обвиняемый, Рудометовъ, никакихъ объясненій въ свое оправданіе не представилъ, вполнѣ подтвердивъ относительно обстоятельствъ пожара вышеизложенныя первоначальныя свои объясненія.

(Окончаніе будетъ).

Смѣсь.

На каткѣ.

Къ зимнимъ удовольствіямъ безспорно принадлежитъ катанье на конькахъ. Пріятное въ связи съ полезнымъ всегда благотворно дѣйствуетъ на организмъ человѣка. Движеніе на чистомъ воздухѣ укрѣпляетъ тѣло, возбуждаетъ хорошій аппетитъ, а вѣдь извѣстно, что въ здоровомъ тѣлѣ здоровъ и духъ: *mens sana in corpore sano*, какъ гласитъ классическая поговорка. — Многіе однакоже побаиваются коварной ледяной поверхности, потому что не полагаются на ловкость, на крѣпость своихъ ногъ (осенно — дамы) и предпочитая скользить сидя въ креслахъ съ полозьями, *на половину*, такъ сказать, наслаждаются быстрымъ полетомъ по льду. Здоровая молодежь, отличается отвагою и смѣлостью: надѣясь на свои молодыя силы, ловкость, она называетъ робкихъ трусами и трусихами. Что-жъ, за то и удовольствія они испытываютъ больше! „Бояться волковъ — въ лѣсъ не ходить“, говоритъ молодежь, подкрѣпляя эту поговорку другою сентенціею: „Смѣлымъ Богъ владѣетъ!“ Она танцуетъ на каткѣ, придумываетъ разныя хитрыя фигуры, пишетъ ногами вензеля, перегоняетъ другъ дружку, сталкивается, па́даетъ, вскакиваетъ и—глядишь — опять на ногахъ, опять летитъ сломя голову по гладкому синему полю!... Вотъ, посмотрите: двѣ молодыя дѣвушки, взявшись за руки, устроили для одной „трусихи“ *живую* изящную арку—маленькія тріумфальныя ворота, черезъ которыя и пролетаетъ трусиха на великолѣпномъ креслѣ, подталкиваемомъ прекраснымъ джентльменомъ, безъ сомнѣнія — храбрымъ конькобѣжцемъ.

Въ Зимнемъ Саду.

Подъ широкими листьями тропическихъ растеній зимняго сада — помѣстилась прелестная группа. Молодая красавица-мать говоритъ что-то улыбаясь сидящему у ногъ ея на полу ребенку. Можетъ быть говорится что не надо мучить такъ бѣдную собаку, которая такъ терпѣливо и послушно подчиняется своей крошечной любимой хозяйкѣ, которая увѣряетъ быть можетъ мать, что собакѣ это ничего. Сестра молодой женщины дразнитъ сидящаго въ богатой клѣткѣ попугая, который собирается укусить бѣленькій пальчикъ. Въ саду такъ хорошо, уютно! Пусть снѣгъ носится хлопьями въ воздухѣ, пусть морозный вѣтеръ бьетъ потоками снѣгу въ зеркальныя стекла... Человѣкъ суровою зимою перенесъ въ свой домъ весну, цвѣты—и наслаждается ими, когда кругомъ бушуетъ вьюга.

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ, И ПРОЧ. И ПРОЧ. И ПРОЧ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ.

Въ 16-й день сего декабря любезнѣйшая наша невѣстка, ея императорское высочество великая княгиня Ольга Ѳеодоровна, супруга любезнѣйшаго нашего брата, его императорскаго высочества, великаго князя Михаила Николаевича, разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ намъ племянника, а ихъ императорскимъ высочествамъ сына, нареченнаго Алексіемъ.

Таковое императорскаго нашего дома приращеніе пріемля новымъ ознаменованіемъ благодати Божіей, въ утѣшеніе намъ ниспосланной, мы вполнѣ удостовѣрены, что всѣ вѣрноподданные наши вознесутъ съ нами ко Всевышнему теплыя молитвы о благополучномъ возрастѣ и преуспѣяніи новорожденнаго.

Повелѣваемъ писать и именовать во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приличествуетъ, сего любезнѣйшаго намъ племянника, новорожденнаго великаго князя, его императорскимъ высочествомъ.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ 16-й день декабря, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ семьдесятъ пятое, царствованія же нашего въ двадцать первое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«Александръ».

Военное дѣло.

— Изъ напечатаннаго въ «Турк. Вѣд.» приказа генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го, отъ 26 октября, видно, что командированные въ Гиссаръ и Кулябъ, въ теченіе двухмѣсячной поѣздки своей, майоръ Маевъ, подпоручикъ Вишневскій и астрономъ Шварцъ посѣтили всѣ наиболѣе замѣчательные города Гиссара, проникли въ мѣстности, донынѣ еще неносѣщенныя ни однимъ европейскимъ путешественникомъ и дошли до границъ Дарваза и Кундуза, подвергаясь вліянію крайне зловреднаго климата, отозвавшагося весьма тяжело на здоровьѣ одного изъ членовъ экспедиціи, подпоручика Вишневскаго. Несмотря на болѣзнь свою, подпоручикъ Вишневскій не оставлялъ, однако, начатыхъ имъ работъ и, по возвращеніи генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го изъ похода въ Ходжентъ, представилъ весьма отчетливую, полную и подробную карту Гиссара и Куляба, вполнѣ знакомящую съ краемъ, до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ ученому міру. Майоромъ Маевымъ составлено подробное топографическое описаніе пройденной экспедиціей мѣстности, а астрономъ Шварцъ опредѣлилъ 14 пунктовъ въ гиссарскихъ и кулябскихъ владѣніяхъ.

Морское дѣло.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, наши военныя суда, плавающія на заграничныхъ водахъ, находились на слѣдующихъ путяхъ и пунктахъ. Въ тихомъ океанѣ: винтовый 12-ти пушечный корветъ «Аскольдъ» прибылъ въ портъ Нагасаки; винтовый 6-ти пушечный клиперъ «Всадникъ» 21 августа снялся съ Хакодатскаго рейда для слѣдованія въ Аниву, въ постъ Корсаковскій, гдѣ должны начаться работы засѣдающей на клиперѣ коммисіи для приведенія въ исполненіе трактата. заключеннаго съ японскимъ правительствомъ по принятію во владѣніе острова Сахалина и сдачѣ Курильскихъ острововъ; винтовый 5-пушечный клиперъ «Гайдамакъ» 1 октября прибылъ во Владивостокъ; винтовый 10-ти пушечный корветъ «Баянъ» 2 августа снялся съ рейда г. Нагасаки для слѣдованія во Владивостокъ. Въ Средиземномъ морѣ: винтовый 18-ти пушечный фрегатъ «Свѣтлана», подъ командою Его Императорскаго Высоч. Вел. Кн. Алексѣя Александровича, 12 октября прибылъ въ портъ Пирей. Стаціонеры, находящіеся въ распоряженіи нашего посольства въ Константинополѣ, пароходъ (колесный)—«Тамань»—въ Константинополѣ и винтовая шхуна «Псезуапе» 25 октября вышла изъ Пирея для плаванія по архипелагу съ заѣздомъ въ Смирну на одинъ мѣсяцъ.

Петербургскія извѣстія.

— На разсмотрѣніе здѣшней городской ду-

мы поступаетъ записка гласнаго К—ва о продажѣ свободныхъ участковъ городской земли. Перечисляя въ запискѣ всѣ незанятые участки, принадлежащіе городу, г. К—въ приходитъ къ тому заключенію, что при настоящей высокой цѣнности земли продажа ихъ или сдача въ аренду могла бы послужить хорошимъ источникомъ для покрытія дефицита городскаго бюджета.

— Въ виду того, что большинство нашихъ крестьянъ, вслѣдствіе незначительности количества привозимыхъ ими на продажу въ городъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, эти послѣдніе сбываются ими, благодаря эксплоатаціи торговцевъ, по самой низкой цѣнѣ, въ административныхъ сферахъ, какъ мы слышали, возбужденъ вопросъ о мѣрахъ для содѣйствія организаціи крестьянскихъ артелей для торговли сельско-хозяйсвенными продуктами.

время своихъ дѣтей въ частныя учебныя заведенія.

Отовсюду.

— Въ «Вѣстн. Желѣз. Дорогъ» напечатано слѣдующее: «По полученнымъ изъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, сообщеніе въ № 256 «Одесскаго Вѣстника» о столкновеніи поѣздовъ на лозово севастопольской жел. дор., причемъ будто бы ранено 200 человѣкъ, лишено всякаго основанія; никакихъ несчастныхъ случаевъ съ людьми на этой дорогѣ не было». Охотно вѣрятъ, что число лицъ, пострадавшихъ при катастрофѣ между станціями Мерефа и Борки не достигаетъ громадной цифры 200 человѣкъ, но что при этой катастрофѣ были убитые и раненые — это единогласно подтверждается цѣлымъ рядомъ корреспонденцій.

— По слухамъ, на разсмотрѣніе мини-

привода, а посредствомъ балансовъ съ грузомъ тяжести. «Самодвигатель» Голдырева имѣетъ передній, задній, средній, малый и большой ходы. Силы машины имѣетъ равныя силамъ паровыхъ машинъ и можетъ замѣнить ихъ на желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ и фабрикахъ.

Биржевыя извѣстія

22 декабря

Выигрышные билеты 1-го займа дѣлали по 232 р. Со 2-мъ займомъ дѣлъ почти не было. Продавцы требуютъ за нихъ $225^1/_2$ р. Покупатели удерживаются на $224^3/_4$ р.

Съ фондами цѣны оставались прежнія. За ренту заплачено $104^1/_4$ и $^1/_2$ р. За облигаціи центр. банка (43 л)—109 Ѣ.

Изъ акцій банковъ были сдѣлки: варшавскаго по 267 р.. центр. банка русск. поземельн. кред. по 119 и $118^1/_2$ р.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

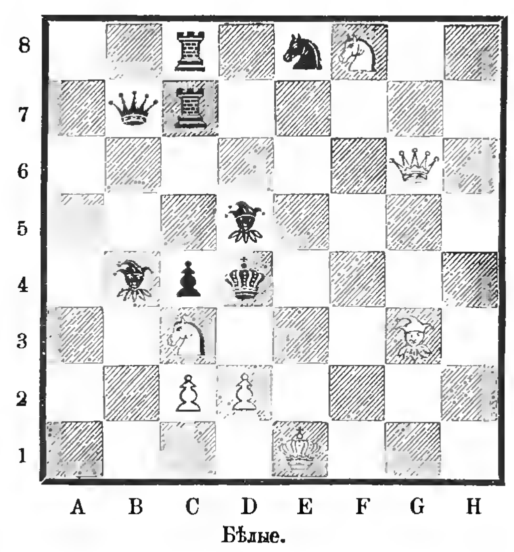

На базарѣ.

Эй хохолъ, что хочешь за индюшку?
— Пятьдесятъ карбованцевъ.
Что ты умомъ повихнулся, вонъ за попугая просятъ пятьдесятъ, та птица говоритъ, а твоя что?
— А моя птица думаетъ.

ЗАДАЧА

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

РѢШЕНІЕ.

Задачи въ «Нивѣ» № 52. (1875 г.)

Бѣлые.	Черные.
1) h5 — g6	1) h8 — g8
2) h7 — f3	2) g8 — h8
3) f5 — f3 + +	

Московскія извѣстія.

— «Пет. Вѣд.» сообщаютъ изъ Москвы, что, съ 20 декабря, ликвидаціонная коммиссія по дѣламъ московскаго ссуднаго банка приступитъ, вѣроятно, къ возвращенію вкладовъ. Не знаемъ, на сколько достовѣрно сообщаемое извѣстіе, но, по словамъ корреспондента, оно произвело въ Москвѣ радостное впечатлѣніе.

— «Русск. Лист.» слышалъ изъ вполнѣ достовѣрнаго источника, что слѣдствіе по дѣлу московскаго ссуднаго банка ведется такъ успѣшно, что надо предполагать, что оно будетъ совершенно окончено не позднѣе января мѣсяца будущаго года.

— По полученнымъ изъ вѣрнаго источника свѣдѣніямъ, старообрядцы, послѣ нѣсколькихъ, какъ извѣстно, неудачныхъ попытокъ получить разрѣшеніе на открытіе собственной школы, начали помѣщать въ настоящее

стерства путей сообщенія поступили произведенныя изыскапія для вновь проектированной линіи нижне-волжской желѣзной дороги, отъ берега р. Волги, противъ города Саратова, до Элтонскаго озера, на протяженіи 120 верстъ.

— Одновременно съ обсужденіемъ вопроса о преобразованіи полиціи внутри Россіи будетъ внесенъ на разсмотрѣніе въ законодательномъ порядкѣ проектъ правилъ объ учрежденіи и способѣ содержанія въ нѣкоторыхъ городахъ пригородной полиціи.

— Изъ Севастополя капитанъ Вешенскій сообщаетъ «Одесскому Вѣстнику» слѣдующее: «Крестьянинъ-механикъ Пермской губерніи, Кунгурскаго уѣзда, Лаврентій Болдыревъ, 19 ноября, представилъ г. министру путей сообщенія проектъ и чертежи вновь изобрѣтенной имъ машины, которая будетъ дѣйствовать безъ огня, паровъ, пружинъ и

Пользовались также спросомъ акціи главн. общ. по 162, $163^1/_2$ р.; рыбинскія по 83 р.; московско брестскія по 61 р.; балтійскія по $86^1/_2$ р., и одесскія по 40 р.

Стало извѣстно, что недовыручка по Одесской желѣзной дорогѣ по 1 ноября этаго года простирается на весьма значительную сумму, превосходящую 2 милліона рублей.

СОДЕРЖАНІЕ: Александръ Николаевичъ Островскій (съ портретомъ).—**Кто лучше?** Изъ очерковъ кавалерійской жизни. (Посвящается другу моему Ицкѣ Янкелевичу Штралецкому). **Всеволодъ Крестовскій.** — Стихотвореніе **Н.**—Воздушная почта (съ рисункомъ).—Самаркандскіе нищіе (съ рисункомъ) **Н. Каразина.** — На днѣ рѣки (съ рисункомъ) — Судебная хроника. Дѣло Овсянникова о поджогѣ. — Смѣсь (съ 2-мя рисунками). Юмористическіе очерки (съ рисункомъ). — Шахматы. — Разныя извѣстія.—Приложеніе объявленій.—**Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за Январь съ 23 рисунками и большой листъ выкроекъ.**

Редакторъ **Ф. Бергъ (Бо[illegible]ъ).**

При этомъ № прилагается Календарь на 1876 г. Моды за Январь съ 23 рисунками и большой листъ выкроекъ и прилож. объявленій на стр. 17 и 18, и прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ книжнаго магазина Ступина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 20 Декабря 1875 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш. Морская, [illegible] Англ. пр. № 10.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ **С.-Петербурга и Москвы** поступило въ продажу новое сочиненіе извѣстнаго французскаго писателя **Ж. Верна**.

„ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВЪ"

Въ переводѣ **Марка-Волчка**, въ *3-хъ* томахъ, съ 150 гравюрами, рисованными въ Парижѣ. **Цѣна 6 р.** С.П.Б. 1875. Изящное изданіе, могущее служить роскошнымъ подаркомъ въ учебныхъ заведеніяхъ и въ частныхъ семействахъ. Переплетенные экземпляры во всѣхъ магазинахъ можно получить съ приплатою 1 р. или 1 р. 20.

По сходству основной мысли новое сочиненіе Ж. Верна можетъ быть сравнено съ **Рабинзономъ Крузе**, но съ тѣмъ отличительнымъ преимуществомъ, что здѣсь могучія силы природы покоряются непреодолимой силѣ человѣческаго ума и новѣйшихъ открытій науки. Передъ читателемъ проходятъ всѣ періоды міроваго возрожденія: отъ появленія перваго человѣка на землѣ до разрушенія міра. Каждый томъ этого сочиненія имѣетъ особое заглавіе:

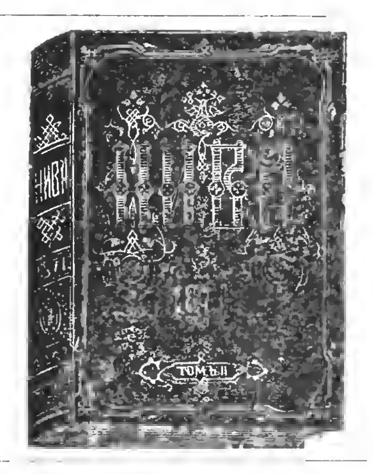
I томъ. «**Крушеніе въ воздухѣ**». Аэронавты заброшены на необитаемый островъ.
II » «**Покинутый**». Одичалый до скотоподобія человѣкъ и очеловѣченная обезьяна.
III » «**Тайна**». Кончина маленькаго міра и разоблаченная тайна знаменитаго капитана Немо, проплывшаго 80 тысячъ верстъ подъ водой на кораблѣ Nautilus.

Редакція журнала «Природа и люди» по обстоятельствамъ, отъ нея совершенно независящимъ, **вынуждена отказаться отъ своего изданія,** не смотря на заготовленный уже литературный и художественный матеріялъ, на значительныя затраты и успѣшную подписку.

Подписчики могутъ получить деньги обратно въ мѣстахъ подписки.

КРЫШКИ

для переплета „Нивы" 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876 г. по образцу показанному рядомъ 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплесть „Ниву" въ такую коленкоровую крышку.

ВЪ МАГАЗИНѢ БУМАГЪ
КОНСТАНТИНА ЧЕРНОХВОСТОВА.

БУМАГА. БУМАГА.

Въ Гостин. дворѣ, по Зеркальн. лин. № 35, въ СПБ.

ПОЛУЧЕНЫ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ

БОНБОНЬЕРКИ.

Въ самомъ разнообразномъ выборѣ и хлопушки съ сюрпризами к полными костюмами отъ 5 к. с.

Елки отъ 20 к., свѣчи парафиновыя 20 к. пачка, металъ магніи, бенгальскія огни всѣхъ цвѣтовъ, зажигательныя нитки, блестящія украшенія для елокъ.

Цвѣты фарфоровыя въ натуральномъ видѣ.

Фигуры и каррикатуры изъ гипса и битона.

Абожуры всѣхъ величинъ и фасоновъ.

Писчая и почтовая бумага какъ французск., такъ и здѣшн. лучш. фабр. а также и всѣ проч. сорта бумаги, канцелирскія, чертежныя и классныя матеріалы, **поставка бумаги по контрактамъ съ залогомъ принимается съ уступкой.**

Вещи для письменнаго стола, бювары, портфели, чернильницы на мраморѣ, бронзѣ и чугунѣ, вѣчныя черния, отъ 40 к. штука, карандаши копировальныя и для мѣтки для бѣлья, ручки съ чернилами.

Предметы для учащихся: глобусы, готовальни, пинали, тетради графленыя въ сѣтку отъ 4 коп. сер., ранцы, сумки и проч. предметы, вещи изъ папье-маше съ живописью изъ русскаго быта, портъмонэ и прочіе предметы.

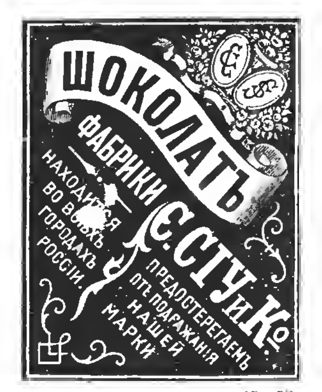
Альбомы отъ 60 к., большой выборъ вещей для подарковъ изъ николя, бронзы, чугуна и хрусталя. Вѣнская гнутая мебель братьевъ **Тонетъ**, всѣ сорта обыкновенной и дѣтской. 3—3

ПОДПИСКА НА „ДОНСКУЮ ГАЗЕТУ"
въ 1876 году.

„Донская Газета" въ **1876** году будетъ издаваться по прежней программѣ и выходить **2** раза въ недѣлю, въ размѣрѣ печатнаго листа. Годовая цѣна изданія остается прежняя (**8** руб. съ пересылкою и доставкою), а полугодовая—**4** руб. **50** коп. Для училищъ и гимназій Области войска Донскаго, выписывающихъ каждое не болѣе одного экземпляра, цѣна изданія: годовая—**6** руб. и полугодовая—**3** руб. **50** коп. Мѣсячные подписчики платятъ **1** руб.—Въ **1876** году „Донской Газетѣ" будутъ помѣщаемы телеграммы Русскаго Телеграфнаго Агентства о важнѣйшихъ явленіяхъ нашей и иностранной политики.

Подписка принимается въ г. Новочеркаскѣ, по Платовскому проспекту, домъ Карасева (бывшій Ильина).

3—3

45—22

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.
въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы *В. В. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ" 1875 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Клюшникова*. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы" 1875 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Шпильгагена*. Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ" 1875 г. 1 р. съ пересылкой.

Изданія Г. ГЕССЕЛЯ въ Лейпцигѣ:

РУЧНОЙ СЛОВАРЬ Русско-Нѣмецкій и Нѣмецко-Русскій. HANDWÖRTERBUCH der russischen u. deutschen Sprache. Zum Hand- u. Schulgebrauch nach den neusten und besten Quellen bearbeitet von *Fr. Booch, Ad. Frei* u. *Fr. Messer*.

I. Deutsch-Russisches Wörterbuch	2 Руб.	50	коп.
въ переплетѣ	3 »	25	»
II. Russisch-Deutsches Wörterbuch	4 »	—	»
въ переплетѣ	4 »	—	»

Нѣмецко-Русскій и Русско-Нѣмецкій КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬ. Deutsch-Russisches und Russisch-Deutsches Taschenwörterbuch von *Ad. Frei*.

I. Deutsch-Russ Taschenwörterb.	— Руб.	90	коп.
въ переплетѣ	1 »	40	»
II. Russ.-Deut. Taschenwörterb.	1 »	10	»
въ переплетѣ	1 »	60	»

УЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ Русско-Нѣмецкій и Нѣмецко-Русскій. Schulwörterbuch der russischen und deutschen Sprache von *Ad. Frei*

Schulwörterbuch	2 Руб.	50	коп.
въ переплетѣ	3 »	25	»

Эти изданія можно выписывать черезъ книжный магазинъ:
К. Риккера въ С.-Петербургѣ, по Невскому проспекту № 16.
Г. Гессель, въ С.-Петербургѣ, по Невскому проспекту № 13.
Колесова и Михина, въ С.-Петербургѣ, № 13. въ Гостинномъ Дворѣ.
М. О. Вольфа въ С.Петербургѣ въ Гост. Двор.

4—3

„РУССКІЙ МІРЪ"
въ 1876 году

съ пересылкой и доставкой

За годъ . 10 р.
» полгода 5 »

Меньше полугода за каждый мѣсяцъ 1 р.

3—3

26—6

---

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—26

VORTHEILHAFT!!

Ein solides Haus (Galanteriebranche) sucht in allen Städten thätige Verkäufer gegen hohe Provision. **Franço Offerten in deutscher Sprache mit C. R. an die Redaction dieses Blattes.** 10—3

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 20 Декабря 1875 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб. Больш. Морск., д. № ... Тип. ... пр. № 10.

№ 2 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 10 Января 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп

М. П. Погодинъ.

(Скончался 8-го декабря 1875 года). М. П. Погодинъ родился въ Москвѣ 11 ноября 1800 года отъ весьма бѣдныхъ родителей принадлежащихъ къ крестьянскому сословію. Раннее свое дѣтство М. П. провелъ также въ Москвѣ, подъ впечатлѣніемъ событій отечественной войны; эти событія, глубоко запавшія въ молодую душу М. П., были отчасти причиною его желанія подробно ознакомиться съ исторіей. Въ 1813 году М. П. благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ и частной благотворительности, поступилъ въ 1 московскую гимназію. Любовь къ отечественной исторіи и непреодолимое желаніе изучить ее, уже съ четырнадцатилѣтняго возраста занимали М. П. и первымъ его пріобрѣтеніемъ для ознакомленія съ русской исторіей, несмотря на скудныя средства его, была исторія Карамзина, которую покойный чтилъ въ теченіе всей своей жизни. Окончивъ гимназическій курсъ, М. П. былъ переведенъ въ Московскій университетъ, гдѣ съ новыми силами принялся за изученіе исторіи; сближаясь съ профессорами и товарищами, значительно повліявшими на его воззрѣнія, М. П. рѣшился выступить на литературномъ поприщѣ, написавъ въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» статью подъ заглавіемъ «Сатирическій разборъ историческихъ таблицъ Филистри». Окончивъ университетскій курсъ, М. П. получилъ мѣсто учителя исторіи въ университетскомъ пансіонѣ и въ тоже время покровительствуемый извѣстнымъ литературнымъ меценатомъ, канцлеромъ Румянцевымъ, поручавшимъ молодому М. П. весьма серьезные переводы, занялся ими. Начавшіеся въ то время скептическое, совершенно новое направленіе нѣкоторыхъ русскихъ историковъ, заставило М. П. заняться подробнымъ изученіемъ русскихъ лѣтописей и т. п. и тэма для диссертаціи на степень магистра уже взята была М. П. изъ древнерусской исторіи и относилась до происхожденія Руси, доказывая ея нормандское происхожденіе. Съ этого времени, т. е. съ 1824 года, М. П. получилъ въ Московскомъ Университетѣ каѳедру всеобщей и русской исторіи. Въ теченіи своей профессорской дѣятельности. М. П. пріобрѣлъ любовь и расположеніе студентовъ и обратилъ на себя вниманіе рѣчами, произнесенными имъ на универси-

Михаилъ Петровичъ Погодинъ. Фотогр. на деревѣ П. П. Тимохинъ, грав. К. Вейерманъ.

тетскихъ актахъ; изъ этихъ рѣчей большой фуроръ произвела рѣчь «о значеніи университетовъ» и рѣчь «объ ученомъ сословіи». Разсматривая и изучая лѣтописи, М. П. обращалъ вниманіе и на иностранную литературу, касающуюся древней Россіи, и выбранныя имъ статьи печатались вмѣстѣ съ его личными изысканіями въ «Русскомъ Историческомъ Сборникѣ», Московскомъ Вѣстникѣ», и въ нѣкоторыхъ другихъ журналахъ». Въ то же время М. П. трудился и надъ другими изслѣдованіями по части древнерусской исторіи и труды свои выпускалъ отдѣльными книгами и брошюрами, изъ которыхъ особенно замѣчательнымъ его трудомъ было «Изслѣдованіе Несторовой лѣтописи». Занимаясь серьезной разработкой историческихъ вопросовъ, М. П. обратилъ вниманіе на начатую Карамзинымъ попытку введенія преподаванія исторіи въ школахъ и вскорѣ издалъ два руководства: «Начертаніе русской исторіи» для гимназій» и «Начертаніе русской исторіи для уѣздныхъ училищъ». Переводя многія историческія иностранныя сочиненія, М. П. умѣлъ склонить къ тому же и учениковъ своихъ и какъ результатъ этой ученической работы подъ его редакціей,—переводы эти были своевременно изданы и обратили на себя вниманіе современнаго ему общества.

Большимъ успѣхомъ въ свое время пользовались изданныя М. П. сочиненія подъ заглавіемъ «Историческіе афоризмы», лекціи по Герену», «историческо-критическіе отрывки» и нѣкоторыя другія. Въ 1844 году М. П. окончилъ свою профессорскую дѣятельность и вышелъ изъ университета, но все таки оставался при академіи наукъ, членомъ которой былъ избранъ вскорѣ по окончаніи университетскаго курса. Затѣмъ М. П. занялся приведеніемъ всѣхъ своихъ сочиненій и работъ въ систематическій порядокъ, результатомъ чего было изданіе въ 1846 году перваго тома собранія всѣхъ сочиненій его по русской исторіи, вышедшихъ впослѣдствіи въ количествѣ 7 томовъ. Первый томъ заключалъ въ себѣ собранныя авторомъ свѣдѣнія «О древнѣйшихъ источникахъ»; II т.—«О происхожденіи Руси»; III т. «Нормандскій періодъ»; IV т.—«Удѣльный періодъ»; V-й т.—«Междоусобныя войны»; VI т.—«Библіографическій списокъ князей до Монголовъ» и VII т.—«Учрежденія». Этотъ послѣдній томъ вышелъ уже въ 1854 году. Дальнѣйшая дѣятельность М. П. уже непринадлежала исключительно исторіи, такъ какъ онъ занялся литературой вообще, журнальной въ особенности. Статьи же его по русской исторіи уже приняли полемическій характеръ, такъ какъ съ этого времени стали появляться въ печати взгляды и предположенія по древне русской исторіи,—идущіе совершенно въ разрѣзъ взглядамъ М. П. Погодина и онъ всѣми силами отстаивалъ свою теорію и свои пріемы. Вотъ краткій перечень литературной дѣятельности М. П. Погодина съ 1825 года по 1854 годъ; сюда только не вошли его вышесказанныя сочиненія: «нѣсколько повѣстей и драмъ, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ; сотрудничество въ «Московскомъ Вѣстникѣ», «Зрителѣ», «Телескопѣ», «Московскомъ наблюдателѣ» и изданіе журнала «Москвитянинъ». Статьи М. П., помѣщаемые въ журналахъ и въ особенности въ «Москвитянинѣ», отличались славянофильскимъ направленіемъ и возбуждали весьма оживленную полемику въ журналахъ противоположнаго направленія. Наклонность М. П. къ публицистикѣ главнымъ образомъ вытекала изъ его ученыхъ путешествій за границу, по славянскимъ землямъ и по Россіи: свѣдѣніями, почерпнутыми въ этихъ путешествіяхъ, М. П. считалъ долгомъ подѣлиться съ публикой: путешествія эти дали ему возможность собрать коллекцію историческихъ памятниковъ, которые извѣстны подъ именемъ «Погодинскаго древнехранилища» и пріобрѣтены отъ него впослѣдствіи Императорской публичной библіотекой за 150,000 рублей серебромъ. Путешествіе покойнаго по Польскимъ и другимъ заграничнымъ славянскимъ землямъ и изученіе быта и состоянія обитателей этихъ земель, дали мысль М. П. объ улучшеніи участи этихъ обитателей и о возможности и необходимости болѣе тѣсныхъ сношеній между другими славянскими племенами. Дипломатическіе взгляды покойнаго на славянскій вопросъ сдѣлали его извѣстнымъ покойному Императору Николаю Павловичу, съ которымъ онъ неоднократно удостоивался бесѣдовать о положеніи славянскихъ племенъ. Мысль объ устройствѣ историческихъ съѣздовъ предложена также М. П., осуществленіе которыхъ покойный находилъ весьма благодѣтельнымъ средствомъ для Россіи. Съ поѣздкою за границу и по славянскимъ землямъ связано также предложенное М. П. и вскорѣ введенное преподаваніе славянскихъ нарѣчій въ университетахъ. Сочувствуя славянамъ, покойный устроилъ славянскіе комитеты сперва въ Москвѣ, а затѣмъ и по всей Россіи, которые и по нынѣ приносятъ весьма большую пользу страждущимъ славянамъ. Въ числѣ дипломатическихъ предсказаній покойнаго имъ первымъ изъ русскихъ было предсказано политическое объединеніе Германіи, незамедлившее вскорѣ осуществиться. Популярность М. П. между славянами всѣхъ племенъ возрастала годъ отъ году и сношенія его въ славянскими литераторами и учеными не прекращались до самой его смерти. Личное сочувствіе покойнаго къ славянамъ выразилось многократными случаями его ходатайства предъ обществомъ и частными лицами о матеріальной помощи нуждающимся братіямъ; кромѣ того М. П. неоднократно, по мѣрѣ силъ, лично помогалъ нѣкоторымъ славянскимъ литераторамъ и ученымъ, напр. въ изданіи ихъ сочиненій и т. п. Письма покойнаго, выражающіе его политическія воззрѣнія на славянскій вопросъ во время крымской компаніи, пріобрѣли большую извѣстность за границею и были отпечатаны сначала въ Лейпцигѣ, а затѣмъ уже и въ Москвѣ; во всѣхъ этихъ письмахъ покойный М. П. высказывалъ, что для блага своего Россія должна дать какъ внутренней, такъ и внѣшней политикѣ направленіе чисто національное. Послѣднія внутреннія реформы въ Россіи вызвали М. П. еще на новую дѣятельность, которая съ новой силою поглотила весь умъ покойнаго и выразилась въ постоянномъ участіи М. П. на земскихъ, думскихъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ, гдѣ слово его имѣло большое значеніе. Занявшись общественной дѣятельностью и службою, покойный не бросалъ и свой спеціальности; сношенія и переписка его съ извѣтными русскими и иностранными учеными продолжалась своимъ порядкомъ. Результатомъ его послѣднихъ трудовъ по русской исторіи были «Изслѣдованія о Сперанскомъ», «О Карамзинѣ», «О Дмитріѣ Донскомъ», «О Скопинѣ-Шуйскомъ», «О Посошковѣ» и проч., самымъ послѣднимъ его трудомъ было «Описаніе первыхъ 17 лѣтъ жизни Императора Петра Великаго».

Утрата М. П. Погодина весьма чувствительна для всего русскаго общества и Московскаго въ особенности, которое такъ еще недавно (въ 1871 году) привѣтствовало 50 лѣтіе ученой и литературной дѣятельности М. П. и выразило ему любовь и сочувствіе.

Кто лучше?

Изъ очерковъ кавалерійской жизни.

(Посвящается другу моему Ицкѣ Янкелевичу Штралецкому).

(Продолженіе).

Болиголова при этомъ сюрпризѣ подсвиснулъ и, что называется, повѣсилъ носъ на квинту.

— Но... это, въ сущности, ничего не значитъ! ободрительно продолжалъ редакторъ:—и я надѣюсь, что могу помочь тебѣ во всякомъ случаѣ.

— То-есть какъ же это? воспрянулъ духомъ поручикъ.

— А вотъ видишь ли, есть тутъ у меня одинъ сотрудникъ... По части искусства пишетъ...

— Искусства деньги занимать, что-ли? улыбнулся Болиголова.

— Мм... н-нѣтъ, по части искусства вообще: о живописи, о скульптурѣ и музыкѣ... больше все это съ эстетической стороны... съ высоты вѣчныхъ идеаловъ...

— Ну, такъ что же? спросилъ поручикъ:—При чемъ тутъ идеалы и эстетика?

— А при томъ, что онъ въ тоже время очень полезный человѣкъ... И я самъ иногда въ крутыя минуты у него пользуюсь.

— Идеалами?

— Нѣтъ деньгами.

— Въ займы денегъ, что-ли?

— Да, на солидный процентъ и подъ вѣрное обезпеченіе, или подъ вѣрное поручительство.

— И идеалы сему не препятствуютъ?

— Ни мало! Напротивъ, очень помогаютъ. Я за это доставляю ему авторское удовольствіе видѣть свои статьи и свое имя въ печати.

— И стало быть, твое поручительство имѣетъ требуемую силу?

— Мм... Въ извѣстной степени, да.

— Такъ поручись за меня, голубчикъ! Ты самъ вѣдь знаешь, что изъ деревни черезъ четыре мѣсяца...

— За этимъ дѣло не станетъ, перебилъ редакторъ:— но,.. надо чтобы ты самъ ему понравился.

— Кому?

— Да все-жъ ему, сотруднику.

— Это зачѣмъ-же?

— А затѣмъ что онъ требуетъ извѣстнаго уваженія къ своей особѣ да еще солидарности со своими убѣжденіями, а главное, почтенія къ его познаніямъ и таланту.

— Пфу ты, чортъ! Какія штуки еще!

— Да, не иначе! А ты, конечно, и не читалъ его произведеній? спросилъ редакторъ.

— Я?! удивился поручикъ: — я, мой другъ, кромѣ „Уставовъ" рѣшительно ничего не читаю. А развѣ это нужно?

— Необходимо. Я дамъ тебѣ двѣ-три книжки моего журнала и укажу... Ты и знакомься предварительно, и если хочешь имѣть успѣхъ, то пожалуйста какъ можно болѣе ловкихъ комплиментовъ! Понимаешь?

— Ну, чортъ возьми, задача! закусивъ усъ, пробормоталъ поручикъ: — Однако, нечего дѣлать! вздохнулъ онъ:—Только какъ-же и когда ты мнѣ это устроишь?

— А постараюсь завтра-же, успокоилъ родственникъ.— У меня завтра редакціонное утро, продолжалъ онъ:— сотрудники собираются, будетъ и онъ вѣроятно, а для пущей вѣрности я даже пошлю ему записку, чтобы приходилъ непремѣнно и постараюсь предупредить его, а ты пріѣзжай около часу и познакомишься... Только не позабудь прочитать статьи предварительно.

— Нечего дѣлать, коли нужно, такъ хоть всю ночь и все утро убью на это. Только чортъ возьми, добавилъ Болиголова, какъ-бы размышляя съ самимъ собою:—эстетика, идеалы и деньги въ ростъ...

— Знаменіе времени, милый, улыбнулся редакторъ.

— Хм... знаменіе,.. Н-нѣтъ у насъ эти дѣла съ Ицкой Янкелевичемъ, какъ видно, гораздо проще выходятъ.

И поручикъ, пока до времени, успокоился духомъ, въ ожиданіи завтрашнихъ успѣховъ.

— Уже поздно вечеромъ вернулся онъ въ свой нумеръ. Сонный Штралецкій, помѣстясь на стулъ, давно ужъ поджидалъ тамъ его возвращенія.

— Ну и шшто? спросилъ онъ съ любопытствомъ, которое очевидно томило его душу тоскою ожиданія.

— Завтра! Завтра, мейнъ аллерлибстеръ Ицко! увѣреннымъ тономъ успокоилъ его поручикъ.

— Зжавтра?... И то вже будетъ за вѣрно?

— По крайней мѣрѣ, такъ обѣщано.

— Ну, хвàла Богху!... Ио я буду ждать до зжавтра, успокоился Ицко.

— Какъ же ты помѣстился и гдѣ устроился? спросего Болиголова, раздѣваясь:—тоже въ этой гостинницѣ?

— Шшто-о?.. Въ этомъ гостинницу?.. А хай ему чортъ! отмахнулся Штралецкій:—тутай меньшъ якъ на пултóра рубли и нумера нѐма, и усшё такъ задорого, такъ задорого — ай-вай!... Я улёковалъ сабе на Ссадовомъ улицу въ Кукановъ домъ у Малкувскъ перевулекъ, — тамъ усшё насши... У одногхо Еврей улёковался за два злóты на сутку... И я вже покушилъ, покупилъ сабе булке та щилетке—хвàла Богху, на ссами отлични маниръ!.. До сшвиданью вамъ, гасшпидинъ сперучникъ... Сшпите!

И Ицко осторожно, на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

* * *

На слѣдующій день, пріѣхавъ къ редактору въ назначенное время, Болиголова засталъ уже тамъ нѣсколько гостей сотрудниковъ, изъ которыхъ иные покосились на его кавалерійскій мундиръ со свойственною нѣкоторымъ литераторамъ угрюмостью, которая по большей части бываетъ у нихъ совершенно безпричинною. Впрочемъ, въ данную минуту Болиголовѣ было не до разбирательствъ кто какимъ взглядомъ на него взираетъ. Протянувъ руку редактору, онъ мелькомъ взглянулъ ему въ глаза пытливо выспрашивающимъ выраженіемъ, которое, казалось, говорило: „ну что, успѣшно-ли?" — „благополучно!" отвѣтили ему изъ подтишка глаза редактора.—Поручикъ успокоился, усѣлся въ кресло и закурилъ папиросу. Сотрудники, межъ тѣмъ продолжали вести разговоры, т. е. ругали чью-то статью, поносили заочно какого-то литератора, сообщали нѣсколько сплетень про общихъ враговъ и отсутствующихъ пріятелей, злословили какихъ-то постороннихъ редакторовъ, презрительно относились о какихъ-то постороннихъ газетахъ и журналахъ,—словомъ сказать, редакціонное утро было таково, какъ и всѣ, ему подобныя. Но все это для озабоченнаго по своему Болиголовы не представляло ни малѣйшаго интереса. Разсматривая этихъ господъ, онъ думалъ про себя: „который же изъ васъ, любезные друзья, есть благодѣтель рода человѣческаго?"—и никакъ не могъ съ точностью уяснить себѣ этого вопроса: всѣ они какъ-то болѣе походили на ищущихъ и берущихъ деньги, чѣмъ на дающихъ оныя.—„Который же изъ васъ даетъ, въ самомъ дѣлѣ? Этотъ ли совершенно приличный джентельментъ, или тотъ пискливый замарашка, или наконецъ сей космлатый субъектъ, что похожъ болѣе на (*воскресенскаго*) дьякона, чѣмъ на „цивильнаго" человѣка?

Редакторъ между тѣмъ поднялся съ мѣста и кивкомъ предложилъ поручику слѣдовать за собою въ другую комнату.

— Ну что, прочелъ статью-то? быстро и съ озабоченнымъ видомъ спросилъ онъ.

— Прочесть-то прочелъ, только, признаюсь, для меня это отчасти темна вода въ облацѣхъ.

— Ну, ничего... Хвали!.. Ты только хвали, знай, да поддакивай.

— Пфу ты, какое подлое положеніе! пожалъ плечами поручикъ.

— Ага, братъ, умѣешь кататься, умѣй и тово... понимаешь?

И подойдя къ двери, редакторъ высунулъ изъ нея голову къ сотрудникамъ.

— Анатолій Барисовичъ, пожалуйте сюда на минутку, съ особенною мягкостью въ голосѣ, позвалъ онъ кого-то,—и въ тужъ минуту въ дверяхъ появился совершенно приличный джентельменъ, съ золотымъ пенсне, которое придавало какой-то особенный и какъ бы зловѣщій блескъ его совершенно круглымъ, хищно-совинымъ глазамъ. Джентельменъ былъ непріятно-красивъ собою и очень старательно заботился чтобы всѣмъ манерамъ своимъ придавать изящную и плавную округленность. Онъ какъ-бы постоянно помнилъ про-себя объ этомъ.

— Позвольте, господа, познакомить васъ, началъ редакторъ, обращаясь къ обоимъ:—господинъ Шмецъ, — поручикъ Болиголова, о которомъ я вамъ говорилъ давеча.

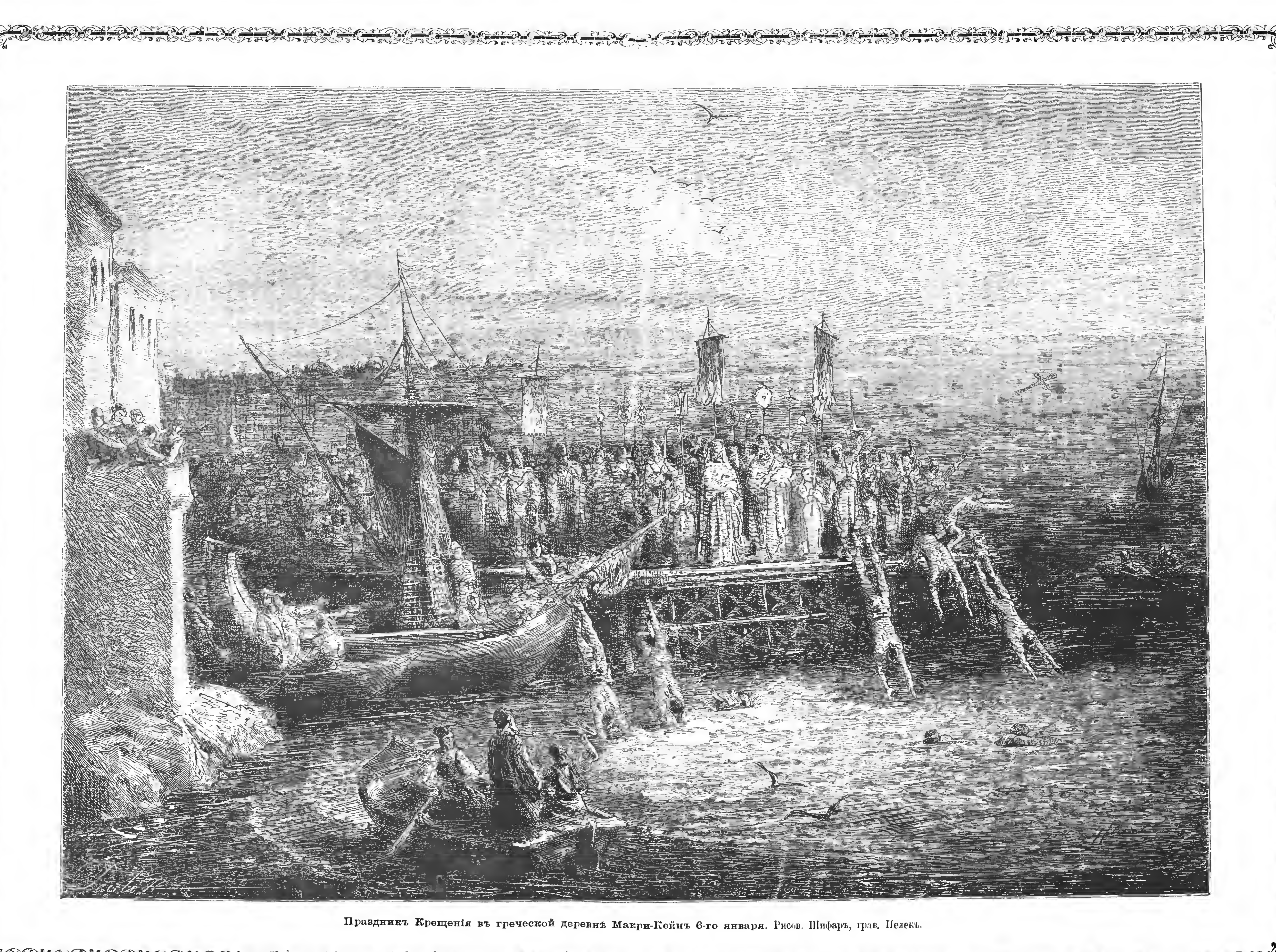
Господинъ Шмецъ оскалилъ улыбкою свои щучьи зубы и протянулъ руку. То и другое было продѣлано имъ съ очень изящною любезностью.

— Ваше имя давно уже извѣстно мнѣ по литературѣ, пробормоталъ межъ тѣмъ поручикъ, памятуя дружескій завѣтъ насчетъ возможно большаго количества комплиментовъ.

— А!... А вы развѣ читаете? спросилъ размякшимъ отъ удовольствія голосомъ польщенный авторъ, даже не сообразивъ, что вопросъ былъ и глупъ, и неловокъ.

„Кромѣ „Уставовъ" ничего" чуть было не сорвалось съ языка поручика, но хорошо, что спохватился во время.

— О, какъ-же! поспѣшилъ онъ поддакнуть:—Ваши статьи объ искусствѣ, это... это въ своемъ родѣ... перлы... Я просто въ восторгѣ... и въ особенности отъ послѣдней статьи... Превосходно! Превосходно!!.. Я, какъ

Праздникъ Крещенія въ греческой деревнѣ Макри-Кейнъ 6-го января. Рисов. Шифаръ, грав. Пелекъ.

и вы же, поклонникъ чистаго искусства, а потому и вашъ поклонникъ.

Въ улыбающихся глазахъ господина Шмеца показалось даже нѣкое масло умиленія. Онъ съ чувствомъ поспѣшилъ еще разъ пожать руку поручика, который въ это самое время думалъ про себя: „О, Болиголова, сколь ты врешь и сколь кривишь душою!“..

— Мнѣ очень пріятно за наше время, заговорилъ межъ тѣмъ господинъ Шмецъ уже съ нѣкоторымъ нахальствомъ признаннаго авторитета:—да, именно, знаете ли за наше время, когда наконецъ и подъ военнымъ мундиромъ встрѣчаешь иногда пониманіе и любовь къ интересамъ высшаго порядка.

„Ахъ ты, сшволачъ ты, сшволачъ!“ подумалъ при этомъ комплиментѣ Болиголова, невольно какъ-то вспомнивъ любимое выраженіе и еврейскій акцентъ Ицки Штралецкаго. Но увы!—крутыя обстоятельства рѣшительно не допускали поручика отвѣтить этому Шмецу за его комплиментъ такъ, какъ-бы слѣдовало по совѣсти и какъ навѣрное отвѣтилъ-бы онъ, не будь у него этихъ проклятыхъ крутыхъ обстоятельствъ. А теперь, вмѣсто того, пришлося только пробормотать нѣчто въ родѣ, что давно уже, молъ, желалъ имѣть честь познакомиться съ вами.

— Н-да, да... и мнѣ самому тоже очень пріятно, растягивая слова, цѣдилъ сквозь зубы господинъ Шмецъ, уже тономъ нѣкотораго покровительства:—А вы, вѣроятно, и сами кое-что пописываете?

„Кромѣ векселей и росписокъ ничего“ хотѣлось-бы отвѣтить поручику, но... благоразуміе пересилило, и онъ ограничился однимъ скромнымъ „нѣтъ“, произнесеннымъ даже какъ будто со вздохомъ сожалѣнія.

— Но это все равно! какъ-бы въ утѣшеніе ему, замѣтилъ литераторъ:—И мнѣ во всякомъ случаѣ будетъ очень пріятно видѣть васъ у себя... Заходите, какъ нибудь...

— Когда позволите? поспѣшилъ освѣдомиться поручикъ.

— Когда хотите, все равно... По вечерамъ только я обыкновенно въ оперѣ или во французскомъ театрѣ, ну а потомъ, конечно заѣдешь въ какой нибудь кабачекъ въ родѣ Бореля или Татаръ, поужинать... Я, знаете, люблю говорилъ Шмецъ нѣсколько небрежнымъ тономъ и какъ-то все поёживаясь да поводя плечами:—эдакъ легкій ужинъ со стаканомъ добраго винца. А самое лучшее—приходите ко мнѣ завтракать, предложилъ онъ: — я завтракаю обыкновенно дома, въ двѣнадцать часовъ... Мы закусимъ и потолкуемъ за доброю сигарой... Да вотъ что: приходите мой адресъ извѣстенъ редакціи, а впрочемъ — вотъ моя карточка. Ровно въ двѣнадцать васъ будетъ ожидать уже сочный кусокъ ростбифа. Мой поваръ готовитъ не дурно, — покрайней мѣрѣ, я имъ пока доволенъ.

Послѣднія слова свои господинъ Шмецъ произносилъ уже въ дверяхъ, возвращаясь въ кабинетъ редактора, гдѣ все еще жарко спорили и кричали о чемъ-то компанія сотрудниковъ. Онъ считалъ, что достаточно уже обласкалъ представленнаго ему офицера и что аудіенція его съ нимъ прводолжалось тоже достаточно.

— Ну, что, каково я подличалъ? спросилъ Болиголова у редактора, когда наконецъ всѣ литераторы разошлися.

— Отмѣнно хорошо! похвалилъ тотъ:—я даже и не ожидалъ отъ тебя такого искусства. Теперь, братъ, почти уже можно сказать, что дѣло въ шляпѣ.

— Да, но однако онъ вѣдь и не заикнулся про дѣло-то?

— Мм... видишь-ли, онъ вообще объ этой матеріи больше помалчиваетъ; но это, въ сущности, ничего не значитъ, и ты можешь быть совершенно покоенъ. Отправляйся къ нему завтракать, но только ровно къ двѣнадцати,—не проси и не прошалаберничай! онъ человѣкъ аккуратный и по этому же качеству судитъ о степени благонадежности своихъ кліентовъ.

— Да ты, голубчикъ, говорилъ-ли съ нимъ, предупредилъ-ли его какъ слѣдуетъ? озабоченно спросилъ поручикъ: — меня все сомнѣніе беретъ, что о дѣлѣ-то онъ ни полслова.

— Эхъ, любезный другъ! махнулъ рукою редакторъ:—ужъ разъ что завтракать пригласилъ и самъ время назначилъ, такъ стало быть и говорилъ, и предупредилъ,—не безпокойся! Приглашеніе къ завтраку прямо означаетъ, что дѣло твое на хорошей дорогѣ. Безъ того, повѣрь, не пригласилъ-бы!

И обнадеженный поручикъ успокоился до завтра.

А вечеромъ опять таки засталъ онъ въ своемъ нумерѣ терпѣливо ожидавшаго Ицку.

— Н-ну, и сшто? спросилъ Ицко по вчерашнему.

— Завтра! Завтра, мейнъ аллерлибстеръ Ицко!

— Алежъ зжвините, и вчера было зжавтра, и зжавтра стало вже сшвóдню, а ви изновъ мнѣ говдрите „зжавтра“...

— Ну да; мнѣ говорятъ „завтра“, и *я* тебѣ говорю „завтра“.

— Такъ. То зжавтра?... И то вже будетъ за вѣрно?

— Надѣюсь, навѣрное.

— Н-ну, то хай будетъ такъ. До сшвиданью вамъ, гасшпидинъ сперучникъ. Сшпите!

* * *

На карманныхъ часахъ Болиголовы было безъ трехъ минутъ двѣнадцать, когда онъ подъѣхалъ на извощикѣ къ дому, гдѣ обиталъ господинъ Шмецъ, этотъ современный „благодѣтель рода человѣческаго“ — благодѣтель высшаго полета, или, говоря его же словами, „высшаго порядка“, являвшій собою между подобными благодѣтелями типъ новый, и при томъ такой, какого не доводилось еще наблюдать армейскому уланскому поручику, имѣвшему доселѣ дѣла только съ разными Ицками да мадамъ Ривками.

Болиголова, поднявшись на лѣстницу взглянулъ еще разъ на часы, гдѣ стрѣлка показывала двѣнадцать безъ полуторы минуты, а онъ нарочно заѣзжалъ сегодня въ часовой магазинъ Винтергальтера и попросилъ поставить твои стрѣлки точь въ точь по адмиралтейской пушкѣ. Передъ поручикомъ красовалась высокая дверь, обитая зеленымъ сукномъ, съ бронзовыми гвоздиками, съ мѣдною щелью, надъ которой было вырѣзано четкими буквами „*для писемъ и газетъ*“ и съ мѣдною же доскою, гдѣ столь же четко кидалось въ глаза имя, отечество и фамилія „благодѣтеля“. Твердо помня замѣчаніе родственника о безпримѣрной аккуратности господина Шмеца и о томъ какую важную роль это качество должно играть въ его собственномъ дѣлѣ, Болиголова, чтобы быть аккуратнымъ до высшей степени педантизма, рѣшилъ себѣ, что лучше ужъ обождать передъ дверью даже и эти полторы минуты, и потому нажалъ пуговку электрическаго звонка не ранѣе какъ обѣ стрѣлки совершенно сошлись въ одной точкѣ цифрблята надъ знакомъ XII, что случилось какъ разъ въ ту секунду, когда съ адмиралтейства раздался гулъ полуденнаго выстрѣла. Дверь отворилась тотчасъ же, но не совсѣмъ, а только на одну четверть: она была на цѣпи, такъ что пока не снята эта цѣпь, что могло быть сдѣлано только посредствомъ какого-то особаго секрета, никто и никакими судьбами не могъ бы проникнуть въ квартиру господина Шмеца.—„Что это отъ воровъ ли такая предосторожность, или отъ тѣхъ, кто за его благодѣнія ходитъ морду бить ему?“ подумалъ себѣ легкомысленный поручикъ. Между тѣмъ въ щель выглядывала гладко выбритая физіономія дюжаго ливрейнаго лакея.

— Дома Анатолій Борисовичъ?

— Ваша фамилія? не отвѣчая на вопросъ, спросилъ тотъ.

Болиголова подалъ свою карточку.

Лакей прочелъ ее, и результатомъ этого было то, что дверь, немедленно же освободясь отъ цѣпи, вполнѣ раскрылась предъ поручикомъ.

— Обождите въ пріемной: Анатолій Борисычъ сейчасъ выйдти изволятъ, проговорилъ лакей, направляя гостя въ смежную комнату.

Болиголова, оставшись одинъ, оглядѣлся вокругъ.— „Фу, ты, какая роскошь!" невольно подумалось ему, при видѣ всѣхъ этихъ массивныхъ бронзъ, инкрустацій, мозаикъ, фарфоровъ и старинной дубовой мебели съ удивительною рельефною рѣзьбою. Каждая вещь являла, въ своемъ родѣ, замѣчательное произведеніе искусства и самымъ нагляднымъ образомъ доказывала, что у господина Шмеца, дѣйствительно, есть и пониманіе, и достаточно изящнаго вкуса, но... въ тоже время коллекція эта дѣлала такое впечатлѣніе, которое невольно наводило на мысли, что всѣ эти вещи попали сюда съ аукціоновъ, либо изъ кладовой закладчика. На стѣнахъ этой пріемной красовались картины Лагоріо, Боголюбова, Маковскаго и др. На столахъ и пьедесталахъ стояли бронзы Либериха, мраморы Каменскаго и Бродскаго,—тѣ и другіе въ несомнѣнныхъ оригиналахъ, и это сочетаніе именъ явно указывало, что господинъ Шмецъ предпочитаетъ, а можетъ быть и поощряетъ вообще русскую школу, русское искусство. Впрочемъ, Болиголова еще ранѣе изъ его статей объ искусствѣ и о прочихъ матеріялахъ уразумѣлъ, что господинъ Шмецъ отнюдь не принадлежитъ къ числу нигилистовъ; напротивъ, изъ этихъ статей явствовало, что онъ хотя и либераленъ, но какъ либераленъ? Въ самомъ благонамѣренномъ смыслѣ,—то-есть уважаетъ во-первыхъ почтенное сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, и всѣ прочія благодѣянія съ нимъ сопряженныя, во—вторыхъ, гласныя кассы ссудъ, и вообще благодѣтельную гласность въ третьихъ, готовъ содѣйствовать и народному образованію, не иначе какъ по системѣ бароновъ Корфа и Косинского, но, при всѣмъ либерализмѣ этого сорта, въ господинѣ Шмецъ, относительно искусства, проявлялся болѣе всего русскій націоналъ и даже, кое въ чемъ, съ консервативнымъ оттѣнкомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ вопросахъ политическихъ господинъ Шмецъ былъ самымъ доброкачественнымъ патріотомъ, хотя подъ часъ и не прочь былъ подпустить въ свой патріотизмъ дѣлу „гражданской скорби", но только немножко, въ самомъ умѣренномъ количествѣ, такъ, чтобы о немъ каждый могъ подумать, что сей господинъ Шмецъ не то что совсѣмъ либералъ и не то что совсѣмъ консерваторъ, но можетъ, по обстоятельствамъ, сдѣлаться и тѣмъ, и другимъ, вообще какъ ему заблагоразсудится, въ силу своей собственной независимости.

Господинъ Шмецъ, но смотря на свое предупрежденіе, что ровно въ двѣнадцать часовъ Болиголову будетъ уже ожидать дымящійся паромъ кусокъ сочнаго росбифа, заставилъ таки поручика около десяти минутъ прождать своего выхода въ пріемную. Но за то, что это былъ за выходъ!.. Прежде всего невидимою рукою растворилась одна изъ дверей — и въ комнату вбѣжалъ, обнюхивая воздухъ породистый бульдогъ съ отвратительною злобною оскаленною мордой и остановился какъ разъ противъ Болиголовы, уставивъ и расширивъ на него пытливыя ноздри и не менѣе пытливые взоры. Такъ и казалось, что уськни его только хозяйскій голосъ, бульдогъ въ тоже мгновенье вопьется зубами въ незнакомаго человѣка, какимъ въ данную минуту являлся предъ нимъ нашъ поручикъ.

„Гм... Если только сюда приходятъ иногда за тѣмъ, чтобы морду бить, то предосторожность недурная, да и дрессура отличная", подумалъ себѣ Болиголова, оглядывая собаку не безъ сомнѣній насчетъ дружелюбности ея намѣреній.

Но размышленіе это было прервано шлепаньемъ шаркающихъ туфель — и въ тужъ минуту въ дверяхъ появился господинъ Шмецъ, небрежно и быстро поигрывая на пальцѣ шелковыми кистями роскошнѣйшаго атласнаго халата, и появился весь такой свѣжій, только что вымытый, благоухающій и сіяющій улыбкой.

— Pardon, Бога ради! развязно заговорилъ онъ, дѣлая видъ будто изъ скромности запахиваетъ грудь съ умѣренно-смущеннымъ видомъ:—pardon, cher monsieur Болиголова! Я заставилъ васъ подождать немного, но это не моя вина... Я только что взялъ мою утреннюю ванну, а этотъ каналья, мой камердинеръ, забылъ, что вышелъ весь флаконъ ароматической эссенціи, которую я обыкновенно вливаю въ мою ванну (это, знаете-ли, необыкновенно освѣжаетъ организмъ), и я вынужденъ былъ дожидаться пока этотъ негодяй леталъ на извощикѣ въ косметическій магазинъ... Простите, Бога ради!.. Душевно радъ видѣть васъ! говорилъ Шмецъ, тряся руку поручика своею мягкою, свѣжею и душистою рукою. — Но вы, впрочемъ, необыкновенно аккуратны! прибавилъ онъ въ видѣ комплимента.

— Да, я былъ у вашей двери ровно въ двѣнадцать часовъ, по пушкѣ.

— О, какъ-же, какъ-же! подхватилъ Шмецъ: — я знаю, знаю... У меня у самаго часы всегда по пушкѣ, и мнѣ тотчасъ-же доложили о васъ, но... вы уже знаете обстоятельство... Я, признаюсь, очень люблю аккуратность, и хотя по натурѣ вовсе не Нѣмецъ („Такъ уже навѣрное Жидъ", подумалъ при этомъ поручикъ), но относительно аккуратности всегда желалъ-бы быть самымъ педантическимъ Нѣмцемъ,—это моя слабость... Я очень уважаю въ другихъ это, рѣдкое въ наши дни, качество, и очень требователенъ къ самому себѣ, а потому надѣюсь, вы теперь понимаете мою невольную манкировку?

Болиголова только молча поклонился на все это словоизліяніе.

— Ну, однако, соловья баснями не кормятъ! съ нѣкоторою озабоченною торопливостью, потирая руки, продолжалъ Шмецъ: — и я полагаю, что нашъ скромный завтракъ уже ожидаетъ насъ въ столовой. Пожалуйте!.. Прошу покорно!

И они прошли въ столовую, отдѣланную дубомъ, въ русскомъ вкусѣ. Роскошный буфетъ. въ видѣ избы, съ поставцами, полками, гребешками, пѣтушками и коньками, былъ весь уставленъ серебряными и позолоченными чашками, братынями, стопами, кружками, тарелками и блюдами Овчинниковской и Сазиковской работы и занимая видное мѣсто въ комнатѣ, производилъ эффектъ необычайный. Дубовый столъ, покрытый нѣжно бѣлою, какъ снѣгъ серебристою скатертью, съ большими цифрами *А* и *Ш* подъ дворянскою короной, красовался по срединѣ комнаты, сверкая яснымъ хрусталемъ и серебряными приборами. Два гладко выбритые лакея въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, замѣчательные своими необычайно солидными и важными физіономіями, отодвинули отъ стола два стула съ высокими рѣзными спинками—и хозяинъ съ гостемъ заняли мѣста.

— Какъ военный человѣкъ, вы, конечно, пьете водку? любезно замѣтилъ первый, раскрывая необыкновенно изящный шкафчикъ-погребецъ, гдѣ помѣщалось нѣсколько графинчиковъ:—которую прикажите? Здѣсь и *амеръ-блянишъ*, и джинъ, и алляшъ, и листовка, и очищенная, но... лучше всего я порекомендую вамъ вотъ что. Вы вѣдь служите въ Литвѣ,—стало быть, вѣроятно, имѣете понятіе о доброй старушкѣ—Литевкѣ?... Посмакуйте-ка эту и скажите какова!

И аккуратно наливъ дозу старки въ рюмочку, которая была величиною не болѣе какъ съ наперстокъ, онъ любезно подалъ ее поручику.

„Ужъ лучше бы и не дразнилъ, а далъ бы, какъ

слѣдуетъ настоящую рюмку очищенной", кисловато помыслилъ про себя этотъ.

— Ну-съ? Какъ вы находите? вопросилъ господинъ Шмецъ, уже заранѣе впиваясь въ гостя торжествующимъ взглядомъ.

Болиголова, конечно, похвалилъ его нектаръ, ибо успѣлъ замѣтить, что если господинъ Шмецъ вообще предлагаетъ, угощаетъ или показываетъ что либо у себя въ квартирѣ, то это дѣлается такимъ самодовольнымъ и заранѣе торжествующимъ тономъ, который необходимо требуетъ безусловной похвалы, восторга и удивленія.

— Ну-съ, а теперь приметесь за росбифъ! аппетитно потирая руки, предложилъ хозяинъ.

Важный лакей въ бѣлыхъ перчаткахъ снялъ съ серебряной миски массивную крышку — и два говяжьи куска защекотали своимъ вкуснымъ паромъ обоняніе сосгольниковъ.

— Куски оба хороши, но... берите этотъ!.. Онъ, кажись, будетъ посочнѣе, любезно предложилъ господинъ Шмецъ, собственноручно подвигая къ гостю горячую серебряную миску. — Ну-съ, а насчетъ винца? продолжалъ онъ, снова впиваясь въ Болиголову своими торжествующими круглыми глазками: — какое вы предпочитаете? Не стѣсняйтесь:—это рѣшительно все равно, потому что я, для своихъ потребностей, держу свой домашній погребъ, гдѣ, къ услугамъ своихъ пріятелей, имѣются всѣ лучшіе сорта. Но... что до меня, то я за моимъ скромнымъ завтракомъ предпочитаю бутылочку бургонскаго. Одобряете-ли мой вкусъ?

— Какъ нельзя болѣе! любезно замѣтилъ поручикъ.

— Въ такомъ случаѣ, очень радъ, и тѣмъ болѣе что это не нарушаетъ моей привычки, а то знаете-ли, какъ-то скучно и менѣе вкусно пить одно вино, въ то время какъ добрый пріятель, сидя вмѣстѣ съ вами, смакуетъ другое... Отъ однородности вина является однородность ощущеній вкуса, что сообщаетъ однородную теплоту обоимъ организмамъ, а отъ этой теплоты уже естественно рождается и симпатическая однородность впечатлѣній, мысли и настроенія, не такъ-ли? Это, знаете-ли, очень глубокое физіологическое наблюденіе, и честь его, надо сознаться, я долженъ приписать самому себѣ, моему собственному анализу.

Всеволодъ Крестовскій.

(Окончаніе будетъ).

Крещеніе.

Каждому случалось конечно присутствовать при водосвятіи на праздникъ Крещенія, которое напр. здѣсь въ Петербургѣ и въ Москвѣ совершается съ такою торжественностью. Не смотря на холодъ и „Крещенскій" морозъ, усердствующіе обыкновенно кидаются въ освященную воду, въ прорубь—Іордань... У нашихъ единовѣрцевъ грековъ онъ совершается не съ меньшею торжественностью, но на благодатномъ югѣ броситься въ голубыя волны въ это время—не то что въ нашу прорубь.

Рисунокъ представляетъ торжество это въ греческой деревнѣ. Патріархъ съ духовенствомъ сопровождаемый многочисленною толпою съ хоругвями и образами выходитъ на берегъ моря, на особо устроенный для этого торжества помостъ и согласно древнему обычаю, какъ можно далѣе кидаетъ въ море деревянный крестъ.

Въ тотъ самый моментъ какъ крестъ погружается въ волны, не смотря на холодъ (хотя не такой какъ у насъ) въ эту пору года, какъ у насъ-же, молодые люди наперерывъ кидаются въ море и стараются взять крестъ, колыхающійся на волнахъ. Тотъ кто, преодолѣвъ всѣ трудности—успѣетъ схватить крестъ, принимается съ почетомъ на берегу и за тѣмъ въ деревнѣ. Каждый сельчанинъ жертвуетъ деньги, чтобы дать возможность счастливому пловцу отдохнуть послѣ труднаго плаванья. Половина собранной такимъ образомъ суммы поступаетъ въ доходъ мѣстной церкви, другая же дѣлится между всѣми пловцами, которые и тратятъ ихъ тутъ же на праздникѣ.

Осада Пскова Стефаномъ Баторіемъ.

Когда на московскій престолъ сѣлъ одинъ изъ суровыхъ собирателей земли русской, великій князь Иванъ Васильевичъ III, русская земля стала рости, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ, сплачиваясь въ одно цѣльное, московское государство. Окрестные города съ князьями и землями не въ силахъ были долго сопротивляться и покорялись: окраины государства, заселенные инородцами признавали силу великаго московскаго князя и тоже склоняли голову.

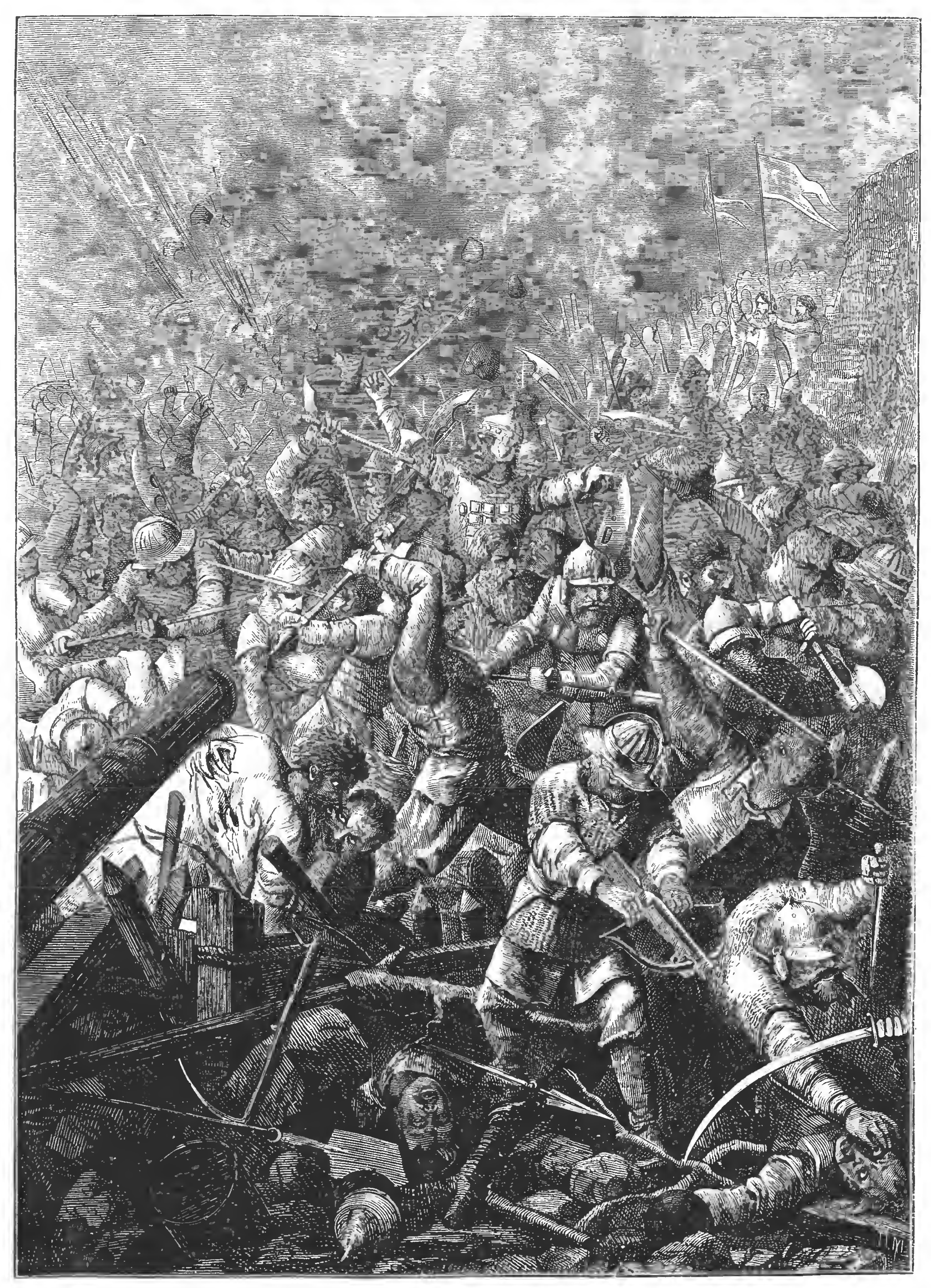
Такая участь постигла при Иванѣ III Новгородъ, Хлыновъ (Вятку), Тверь и Пермь; при сынѣ его Василіѣ II города Псковъ, Казань и др. въ царствованіе внука, Ивана IV Грознаго инородческія владѣнія: Казань, Астрахань и западную часть царства сибирскаго. Въ головѣ московскаго царя и самодержца созрѣвала мысль о возможности пробраться на западъ, къ Балтійскому морю и черезъ него завести дѣятельныя сношенія съ Европой и ея цивилизаціей. То, что впослѣдствіи было приведено въ исполненіе Петромъ, являлось уже въ видѣ смѣлой попытки еще въ XVI вѣкѣ у царя Ивана IV-го. Послѣдній не удовлетворялся однимъ русскимъ моремъ, черезъ которое завязались сношенія съ Англіей: оно лежало на далекомъ сѣверѣ и представляло судоходству тьму неудобствъ. Лѣто по сѣверѣ длилось не болѣе двухъ мѣсяцевъ, остальное время года стояла лютая зима, море заковывалось въ ледъ, огромныя массы котораго, разбитыя вѣтромъ, носились на страхъ запоздалымъ пловцамъ.

На западѣ Балтійское море представляло всѣ удобства для сношеній, а Ливонія, лежавшая на дорогѣ, была великимъ соблазномъ по своей слабости и доступности. У Москвы велись съ ней къ тому же давніе счеты: ливонскіе рыцари, потомки прежнихъ меченосцевъ, не пускали въ Русь ни вещей, ни нужныхъ людей, опасаясь переимчивости молодаго европейскаго ученика. Западъ дѣйствительно боялся этого и слабая орденская земля, подкрѣпляемая ободреніемъ сильныхъ державъ, исполняла роль осматривающаго чемоданы таможеннаго чиновника. Требовался къ царскому двору какой-нибудь предметъ роскоши и привозили его изъ-за границы въ одинъ изъ ливонскихъ портовъ, онъ такъ и не попадалъ въ Москву; надо было умнаго человѣка, литейнаго мастера или живописца—повторялась таже исторія.

Завоевать Ливонію значило для высшаго класса Московіи очень много, потому что у него, еще въ то далекое отъ насъ время, явился спросъ на разные предметы культуры и благодаря естественной преградѣ, лежавшей на западѣ, плохо удовлетворялся.

Въ этомъ видна рѣзкая разница между нѣмцами временъ Ивана IV и нѣмцами Петра I. Одни тормозили русскую цивилизацію, другіе старались ее привить. Война Московіи съ Ливоніей была неизбѣжна. Полное незнаніе рыцарей, что имъ дѣлать и что предпринимать въ виду сильныхъ сосѣдей, принудило вступить въ союзъ съ Польшей, гдѣ въ то время королевствовалъ Сигизмундъ Августъ. Это послужило Ивану IV предлогомъ для начала войны съ нѣмецкимъ орденомъ. Видя въ такомъ союзѣ и другихъ неисполненіяхъ мирнаго договора личную обиду, онъ послалъ въ Ливонію войска изъ татаръ и черкесовъ, подъ начальствомъ бывшаго казанскаго царя Шигъ-Алея. Кончался первый мѣсяцъ 1558 года, когда эта орда переступила ливонскую границу и начала свои опустошенія. Дикимъ полчищамъ Московскаго царя сдавались крѣпости, замки и города; страна задымилась пожарами, застонала, обливаясь людскою кровью.

Рознь, лежавшая между завоевавшими Ливонію нѣмцами и покоренными финнами, не давала послѣднимъ возможности смотрѣть на вторженіе русскихъ войскъ какъ на общую бѣду съ господами рыцарями. Народъ былъ такъ забитъ и апатиченъ,

Осада Пскова Стефаномъ Баторіемъ. Рисов. на дер. Медвѣдевъ, гравир. К. Вейерманъ.

что къ дѣлу раззоренія замковъ отнесся совершенно равнодушно: ему было все равно, кто бы всталъ на смѣну прежнихъ тирановъ, которые, будучи потомками нѣкогда славнаго рыцарства, выродились въ довольныхъ помѣщиковъ, ѣли, охотились, пьянствовали, не заботясь о будущемъ, сваливъ всю эту заботу на покореннаго туземца - крестьянина, слабаго и безотвѣтнаго. Въ начатой Иваномъ IV войнѣ главнымъ образомъ пострадалъ опять таки онъ: около каждаго замка была деревня, она тоже не спасалась отъ огня и грабежа... Народу негдѣ было искать спасенія... Если бы рыцари откинули прочь свою лѣность и праздность, такое внезапное вторженіе сильнаго сосѣда не имѣло бы мѣста. Швеція, воспользовавшись удобной минутой, начала тоже наступательныя движенія. Выставить противъ было нечего, кромѣ какой нибудь горсти негодныхъ солдатъ—Польша и Германія только обѣщали, но ничего не исполняли; минута раздѣла Ливоніи казалось была близка, но магистръ ордена, Кетлеръ, далъ дѣламъ рѣшительный оборотъ: онъ передалъ власть надъ Ливоніей королю Сигизмунду Августу, а самъ обязывался находиться въ вассальныхъ отношеніяхъ, властвуя надъ выговоренной Курляндіей и Семгаліей. Это случилось въ ноябрѣ 1561 года. Рыцари, пишетъ историкъ того времени, снимая свои мантіи не могли удержаться отъ слезъ.

Для Ивана VI дѣла приняли худшій оборотъ: вмѣсто слабой землицы, помогать которой всѣ отступились, врагомъ являлась сильная въ то время Польша. Въ ней, вскорѣ послѣ бѣгства бездарнаго Генриха Анжуйскаго, взошла на престолъ энергичная личность бывшаго трансильванскаго воеводы Стефана Баторія. Московскія войска въ длинный промежутокъ польскаго междуцарствія (республики) овладѣли нѣсколькими пограничными городами и Стефанъ поклялся воротить своему королевству все, что у него отнято. Настойчивость его въ дѣлѣ достиженія цѣли бросалась въ глаза современникамъ и не въ малый укоръ ставилъ ему Иванъ IV, что онъ человѣкъ, который если *уцѣпится* за которое дѣло, то всегда на своемъ поставить хочетъ. Прибавьте къ этой чертѣ личную храбрость и умѣнье вести войну и тогда нетрудно будетъ рѣшить, насколько такой противникъ могъ быть опасенъ.

Кромѣ личныхъ средствъ въ распоряженіи Стефана Баторія находились наемныя войска изъ венгровъ и нѣмцевъ, хорошая артиллерія и возможность быстраго наступательнаго движенія.

У Ивана IV войска были разбросаны по границамъ, а линія которую послѣдняя представляли была очень длинна. Московскій царь требовалъ у новаго короля Польши возврата взятыхъ орденскихъ владѣній, какъ своей старинной отчины. Переговоры тянулись долго и кончились тѣмъ, что въ іюнѣ 1579 года Баторій объявилъ Московіи войну и вмѣсто того чтобы идти въ Ливонію, гдѣ война еще тянулась съ временными перерывами и куда стянулись русскія войска, двинулся совершенно неожиданно въ землю врага и черезъ какихъ нибудь два мѣсяца стоялъ подъ стѣнами недавно отнятаго у Польши Полоцкѣ.

Не желая брать на себя грѣхъ пролитія крови, умывая руки, Стефанъ Баторій, взявъ городъ приступомъ, писалъ Московскому царю слѣдующее: «такъ какъ намъ не годилось исполнить твое требованіе (возвратить Ливонію) то мы сѣли на копя и пошли подъ отчинный нашъ городъ Полоцкъ, который Господь Богъ намъ и возвратилъ. *Слѣдовательно* кровь христіанская проливается отъ тебя!» Въ сношеніяхъ съ сильнымъ врагомъ Иванъ Грозный выказывалъ трусость и наказывалъ гонцамъ своимъ говорить съ польскимъ королемъ осторожно, терпѣть, жаловаться на безчестье *не прытко* и пр. Самъ царь не обходился однако, при случаѣ, безъ намековъ королю на то, что онъ государь только со вчерашняго дня. Стефанъ Баторій обходился съ московскими послами непочтительно, при имени Грознаго не вставалъ, о государевомъ здоровьи, какъ водилось тогда, не спрашивалъ, а къ самому царю писалъ бранныя посланія, въ которыхъ называлъ Грознаго московскимъ фараономъ, волкомъ среди овецъ, человѣкомъ ядовитымъ, ничтожнымъ и грубымъ. «Для чего ты къ намъ не пріѣхалъ съ своими войсками, для чего своихъ подданныхъ не оборонялъ» писалъ онъ къ нему послѣ взятія Полоцка, «и бѣдная курица нередъ ястребомъ и орломъ птенцовъ своихъ крыльями покрываетъ, а ты—орелъ двухглавый прячешься!»

Рыцарь въ душѣ и на дѣлѣ, Баторій вызывалъ Грознаго на поединокъ, не желая бить даромъ людскую кровь.

Сердце Грознаго срывалось въ этихъ случаяхъ на послахъ отъ польскаго короля и окружающихъ; онъ не приказывалъ звать къ своему обѣду и не давалъ имъ продовольствія; вторые терпѣли отъ его вспыльчивости: яркій примѣръ его раздражительности въ это время — сыноубійство. За взятіемъ Полоцка слѣдовали другія не менѣе удачныя осады Сокола, Велижа, Усвята, Великихъ Лукъ, Острова. Король не разъ ворочался въ Польшу за деньгами и свѣжими силами, склонялъ на свою сторону сеймъ, выставляя всю пользу войны съ Московіей и опять принимался за ратные подвиги, получивши желаемое. Съ нимъ неотлучно присутствовалъ канцлеръ Замойскій, его любимецъ и человѣкъ очень образованный.

Раздумавъ идти на Новгородъ, Баторій подступилъ къ самой сильной въ то время крѣпости московскаго государства—Пскову, подъ стѣнами котораго его счастью суждено было измѣниться. Былъ Августъ мѣсяцъ 1581 года. Старый Псковъ часто безпокоили сосѣдніе нѣмцы и его укрѣпленія могли выдержать долгую осаду. На вершинѣ городскаго холма возвышался дѣтинецъ, обнесенный стѣной изъ большихъ плитъ, необыкновенной толщины. По мѣрѣ расширенія города по рѣкамъ Псковѣ и Великой возникали новыя крѣпостныя стѣны, то каменныя, то деревянныя—дубовыя. Поправки стѣнъ и башенъ производились часто: въ поврежденіяхъ отъ внѣшнихъ враговъ небыло недостатка. Промежутки между башнями застилались тесомъ, со скатами на обѣ стороны. Линія городскихъ укрѣпленій нарушалась многими каменными выступами. Но не однѣ стѣны служили Пскову защитой: каждый горожанинъ, имѣвшій силу держать въ рукѣ сѣкиру былъ вмѣстѣ и воинъ. Въ то время какъ Стефанъ Баторій подошелъ къ городу, въ немъ насчитывалось до 50,000 пѣшихъ и до 7,000 конныхъ людей—сила не малая. Пороху и *наряду* *) было достаточно для долгой обороны, нищи—тоже. Надежды горожанъ возлагались на двухъ искусныхъ воеводъ, бывшихъ въ то время во Псковѣ: Ивана Петровича Шуйскаго и Василья Федоровича Скопина.

Поляковъ, Венгровъ и Нѣмцевъ у Баторія было до ста тысячъ, однако король, увидавъ высокія и крѣпкія стѣны Пскова, замѣтилъ свою ошибку въ разсчетѣ: онъ не подозрѣвалъ до этого что городъ такъ хорошо укрѣпленъ и соображалъ сколько надо имѣть пѣхоты; для взятія стѣнъ приступомъ оказалось что наличныхъ силъ, собственно пѣшихъ людей, надо втрое больше того сколько приведено; конница безполезна въ дѣлѣ осады. Въ добавокъ пороху было очень недостаточное количество, ядеръ и пр. тоже, а стѣны видимо отличались крѣпостью и толщиной, требовали частой стрѣльбы изъ орудій, тогда еще недавно появившихся на полѣ военныхъ дѣйствій.

1-го Сентября непріятель однако началъ свои осадныя работы, которыя состояли въ копаньи *бороздъ* (траншей) 7-го загремѣла пальба изъ тяжелыхъ единороговъ. На слѣдующій день счастье стало склонятся на сторону энергичнаго Стефана: стѣну въ одномъ мѣстѣ пробили и пошли на приступъ, при чемъ удалось взять и занять двѣ башни: Свиную и Покровскую. Знамя взявшаго уже колыхалось на высотѣ псковскихъ твердынь. Горожане падали духомъ.

Иванъ Шуйскій и Печерскій игуменъ Тихонъ, изъ которыхъ первый отличался личной храбростью, а второй — силой вѣры и краснорѣчіемъ—вышли къ псковскому народу и воодушевили его, сказавъ что надо отбиться отъ врага во чтобы то ни стало. Псковичи кинулись къ пролому и началась страшная рѣзня... Свиная башня взлетѣла черезъ нѣсколько часовъ навоздухъ; Венгры были выгнаны изъ Покровской, при чемъ и съ той и съ другой стороны потери были довольно значительны.

Не надо думать что прежнія битвы отличались большей человѣчностью чѣмъ теперь; судить по числу убиваемыхъ триста лѣтъ назадъ и въ настоящее время. Битва подъ Псковомъ походила на бойню гдѣ люди забывали что они не звѣри и каждый схватившійся съ другимъ въ рукопашную видѣлъ въ соперникѣ дѣйствительнаго врага, напрягалъ всѣ усилія, чтобы его уничтожить. Палицы, сѣкиры, мечи, копья, самострѣлы, камни даже зубы все пускалось въ ходъ. Тяжелые стѣсняющіе доспѣхи сбрасывались и русскіе дрались въ одныхъ рубашкахъ съ остервененіемъ дикаго звѣря. Густыя бороды ратниковъ придавали еще болѣе внушительный видъ и безъ того суровымъ лицамъ. Картина смятенія, крика и кровавой передѣлки холоднымъ оружіемъ заволакивалась дымомъ ударявшей пушки...

Потери Баторія были значительнѣе русскихъ утратъ: у него убитыхъ собрали болѣе пяти тысячъ и въ томъ числѣ погибъ храбрый предводитель Венгровъ Гавріилъ Бекешъ; Псковичи потеряли 863 чел. убитыми, да раненыхъ оказалось болѣе полутора-тысячъ. Насталъ мирный промежутокъ: военныя дѣйствія прекратились за недостаткомъ пороха у осаждавшихъ. За нимъ послали къ курляндскому герцогу.

Къ довершенію королевской неудачи, начались морозы; войско стало выказывать явное неудовольствіе, негодовало на Замойскаго, который хотѣлъ завести у наемщиковъ строгую дисциплину. Баторій рѣшилъ оставить своего канцлера подъ Псковомъ, а самъ поѣхалъ въ Польшу доложить сейму о ходѣ дѣлъ, запастись деньгами и всѣмъ нужнымъ. Грозный давно желалъ мира, но король не соглашался на такого рода сдѣлки и хотѣлъ добиться своего. Въ тоже время онъ плохо разсчитывалъ на поддержку отъ сейма и былъ поставленъ этимъ въ затруднительное положеніе. Послѣднимъ и воспользовался Иванъ IV. Нѣсколько разъ обращаясь къ иностраннымъ державамъ а въ томъ числѣ къ Папѣ съ просьбами о умиротвореніи безпокойнаго Стефана, онъ добился того, что папскій посолъ, іезуитъ Поссевинъ взялся за дѣло посредничества. По миру, заключенному на десять лѣтъ, въ декабрѣ 1581 года, недалеко отъ Запольи или Запольскаго Яма, въ деревнѣ Киверовой горѣ, Московское государство вынуждено было отказаться отъ всего что было захвачено въ злополучной Ливоніи и отложить такимъ образомъ свои покушенія на Балтійское море до болѣе удобнаго случая, который, какъ извѣстно, представился въ началѣ прошлаго столѣтія.

*) Пушекъ

Рыцарь въ заколдованномъ лѣсу.

(Ундина, Жуковскаго, подражаніе Ламоттъ Фукэ).

Фридрихъ де Ламоттъ-Фукэ принадлежалъ къ семейству нормандскихъ эмигрантовъ. Онъ родился въ Бранденбургѣ въ 1781 году и былъ одно время офицеромъ, но въ послѣдствіи, принужденный болѣзнію выйти въ отставку, онъ переселился въ Берлинъ, гдѣ и жилъ до самой своей смерти въ 1843 году. Матеріалы для своихъ произведеній Фукэ бралъ большей частью изъ жизни среднихъ вѣковъ. Въ его стихотвореніяхъ мы часто встрѣчаемъ рядомъ съ теплымъ и нѣжнымъ чувствомъ какую то искуственную и принужденную холодность. Его волшебные и рыцарскіе романы отличаются такою же фантастичностью какъ и произведенія его предшественниковъ. Сказка «Ундина» принадлежитъ къ лучшимъ его произведеніямъ. Въ ней разсказываются похожденія водяныхъ духовъ, не имѣющихъ души, но которые одаряются ею за особенную доброту и благодѣянія людямъ.

Жуковскій увлекся Ундиной Фукэ и, начавши вольный ея переводъ, съумѣлъ не только воспроизвести всю красоту подлинника, но далеко превзошелъ автора и такимъ образомъ создалъ почти совершенно оригинальное произведеніе, заслужившее громадную извѣстность.

Разсказъ, послужившій темою для прилагаемой картинки, былъ сообщенъ рыцаремъ Гульбрандомъ, попавшимъ въ бѣдную хижину рыбака, гдѣ онъ по случаю разлитія ручья долженъ былъ остаться нѣсколько дней сначала по неволѣ, а потомъ уже по собственному своему желанію, влюбившись въ прелестную Ундину, пріемную дочь стараго рыбака иего жены.

Ухаживая во время турнира за одной изъ городскихъ красавицъ, гордой и своенравной, но въ тоже время и легкомысленной Бертольдой, и уже почти увѣренный въ своемъ успѣхѣ, онъ попросилъ у нее однажды подарить ему перчатку, на что она и согласилась но съ условіемъ, если онъ рѣшиться съѣздить одинъ въ заколдованный лѣсъ и принести вѣсти о томъ, что тамъ происходитъ. Не была дорога рыцарю перчатка, но не желая изъ тщеславія отказаться отъ требуемаго, онъ согласился и отправился въ путь.

Спокойно сіяли деревья
Въ блескѣ зари, полосами лежавшемъ на зелени дерна — разсказывалъ рыцарь—
Было свѣжо; благовонныя листья такъ сладко шептались,
Все такъ манило подъ сумракъ прозрачный. что по неволѣ
Злишься на глупость людей, которымъ страшныя лица въ райскомъ
Мѣстѣ такомъ могли померещиться. Въѣхалъ я въ чащу:
Мало по малу все стало пустынно и тихо, густой
Лѣсъ предо мной и за мною сдвигался, какъ будто хватая
Тысячью рукъ волшебныхъ меня. Опасаясь возвратный
Путь потерять, я коня удержалъ: посмотрѣть, высоко ли
Вошло солнце, хотѣлъ я; глаза подымаю, и что же
Вижу? Черное что-то копошется въ вѣтвяхъ дубовыхъ.
Я подумалъ, что то былъ медвѣдь; обнажилъ поспѣшно
Мечъ. Но вдругъ человѣческимъ голосомъ, дикимъ, визгливымъ
Мнѣ закричали, кстати пожаловалъ, милости просимъ
Мы ужъ и вѣтокъ сухихъ наломали, чтобъ было на чемъ намъ
Вашу милость изжарить. Потомъ съ отвратительно-дикимъ
Смѣхомъ оскаливши зубы, чудовище такъ зашумѣло
Вѣтвями дуба, что конь мой, шарахнувшись, бросился мимо,
Вскачь, и я неуспѣлъ разглядѣть, какой такой гнѣздился
Дьяволъ...
Конь мой
Мчался, какъ бѣшеный... Имъ овладѣть не имѣлъ я
Силы; вдругъ передъ нами стремнина, и скачетъ со мной онъ
Прямо въ нее: но въ самое жъ это мгновенье кто-то
Длинный, огромный, сѣдой, перерѣзавши нашу дорогу
Вдругъ передъ дикимъ конемъ повалился, и конь отшатнувшись,
Сталъ, и снова я имъ овладѣлъ. Озираюсь и что же?
Мой спаситель былъ не сѣдой великанъ, а блестящій
Пѣнистый ручей, бѣжавшій съ холма.

Но не успѣлъ рыцарь опомниться, какъ видитъ вдругъ, что подлѣ него стоитъ

Отвратительный, грязный горбунъ, землянаго
Цвѣта лице, носъ огромный такой, что кажись,
Былъ онъ длинною со все остальное тѣло урода.
Онъ хохоталъ. оскаливъ зубы, шаркалъ ногами,
Гнулся въ дугу. Я его оттолкнулъ, и, коня повернувши
Былъ готовъ пуститься въ обратный путь... но карликъ
Прянувъ какъ кошка, дорогу коню заслонилъ. Берегися.
Я закричалъ, раздавлю Но уродъ изковеркавшись снова,
Началъ визжать: сперва заплати за работу: ты въ пропасть
Вмѣстѣ съ конемъ бы летѣлъ, когда бы не я подвернулся.

Рыцарь кинулъ ему золотой, но карликъ все не отставалъ и все преслѣдовалъ его, онъ бросилъ ему еще одну золотую монету, но тотъ расхохотался и закричалъ: поддѣльное золото! золота много есть у меня! погляди, полюбуйся.

И въ эту минуту
Мнѣ показалось, что вдругъ просвѣтлѣла земная утроба,
Дернъ изумруднымъ, прозрачнымъ сдѣлался: взоръ мой свободно
Могъ сквозь него проницать въ глубину; и тогда мнѣ открылось
Область подземныхъ гномовъ: они гомозились, роились
Комкались въ клубы, вились, развивались, сгребали металлы
Сыпали въ кучи рубинъ и сапфиръ и смарагдъ и пускали
Вихри песка золотаго другъ другу въ глаза. Мой сопутникъ
Быстро метался то внизъ, то вверхъ, и ему подавали
Слитки огромные золота; мнѣ показавъ ихъ со смѣхомъ
Каждый онъ въ бездну бросалъ, и, изъ пропасти въ пропасть
со звономъ
Падая, всѣ въ глубинѣ исчезали со звономъ. Тогда онъ монету,
Данную мною, швырнулъ съ пронзительныхъ хохотомъ бездну;
Хохотомъ, шиканьемъ. свистомъ ему отвѣчали изъ бездны.

И вдругъ всѣ гномы затолпились, забѣгали и полѣзли къ верху, растопыривъ на рыцаря свои длинные, покрытые пылью металловъ когти. Ужасъ объялъ рыцаря и онъ, давъ шпоры коню пустился безъ оглядки и очнувшись увидѣлъ, что кругомъ его уже нѣтъ никого, въ лѣсу все темно и уже вечерѣетъ и сквозь деревья мелькаетъ тропинка, ведущая въ городъ. Онъ торопится въѣхать на нее, но...

Что то сѣдое,
Зыбкое, дымъ не дымъ, туманъ не туманъ, поминутно
Видъ свой мѣняя, стало межъ вѣтвей и мнѣ заслонило
Путь: я пытаюсь объѣхать его, но куда ни поѣду
Тамъ и оно; разсердившись скачу на проломъ, но на встрѣчу
Прыщетъ мнѣ пѣна, и ливнемъ холоднымъ я обданъ и рвется
Конь мой назадъ; ослѣпленъ, промоченъ до костей бросаюсь
Вправо и влѣво, но все немогу попасть на тропинку,
Бѣлый никакъ на нее не пускаетъ меня. Попытаюсь
Ѣхать обратно—за мной по пятамъ онъ, по смиренъ и волю
Путь продолжать мнѣ даетъ: но лишь только опять на тропинку
Въѣду—онъ тутъ и опять заслоняетъ ее и холодной
Пѣной меня обдаетъ. Наконецъ поневолѣ я выбралъ
Ту дорогу, къ которой меня онъ тѣснилъ такъ ужасно.

И такъ, противъ воли продолжая путь по указываемому этимъ привидѣніемъ направленію, рыцарь въѣхалъ на поляну, гдѣ стояла избушка рыбака.

Итакъ рыцарь изъ царственныхъ палатъ, съ шумныхъ турнировъ и баловъ, очутился въ маленькой бѣдной лачугѣ, среди старичковъ, мельника и его жены. и въ обществѣ красавицы дочки. Но его не тянуло назадъ въ шумное общество, и общество Ундины...

И прелестью проницала, тишина
Душу Гульбранда, какъ прелесть весны, какъ волшебство
Звуковъ, когда мы такъ полны болѣзненно-сладкою думой.

Но случай прибавилъ къ нимъ еще одного человѣка и этотъ незнакомецъ, занесенный на образовавшійся вслѣдствіе сильныхъ разливовъ островъ, былъ священникъ.

Только этого человѣка и не доставало, чтобы составить счастье Ундины и рыцаря, которые смотрѣли на него какъ самимъ провидѣніемъ данное благо. И долго не думая Гульбрандъ объявилъ себя женихомъ прекрасной Ундины. Послѣ вѣнчанья, когда старики съ отеческой любовью обняли обоихъ новобрачныхъ, Ундина, спокойно стоявшая во время — вдругъ начала шалить. всѣхъ тормошить, причемъ и священникъ не былъ оставленъ въ покоѣ, такъ что наконецъ замѣтилъ, что нужно бы было въ такія минуты думать о своей душѣ, а не шалить такъ легкомысленно...

Душу? смѣясь закричала Ундина,
А если кому души не досталось,
Что тому дѣлать?.

Оскорбленный священникъ строго взглянулъ на нее и поручивъ молодую жену мужу вышелъ изъ хижины вмѣстѣ съ стариками.

Милый, ты вѣрно также покинешь меня, прошептала
Робко Ундина, но чѣмъ же я бѣдная, чѣмъ виновата?
Руки ея такъ призывно, такъ жарко къ нему поднялися
Взоры ея такъ похожи на небо прекрасное стали
Голосъ ея такъ глубоко изъ сердца раздался, что рыцарь
Все позабылъ и въ порывѣ любви протянулъ къ ней объятья.

Такъ прошелъ первый день; на второй около **вечера Ундина**

съ лаской просила Гульбранда слѣдомъ за нею идти и повела его въ лѣсъ, на островокъ окруженный водами разлившагося ручья и усѣвшись подъ деревомъ Ундина начала:

Слушай. Ты долженъ
Знать ужъ на дѣлѣ узналъ ты, что есть на свѣтѣ созданья,
Вамъ подобныя видомъ, но съ вами различнаго свойства;
Рѣдко вы видите ихъ. Въ огнѣ живутъ Саламандры,
Чудные, рѣзвые, легкіе: въ нѣдрахъ земли, не приступныхъ
Свѣту, водятся хитрые Гномы; въ воздухѣ вѣютъ
Сильфы; лоно морей, озеръ и ручьевъ населяютъ
Духи веселыя водъ. Прекрасно и вольно живется
Тамъ, подъ звонкохрустальными сводами; небо и солнце
Свѣтятъ сквозь нихъ: и небесныя звѣзды туда проницаютъ;
Тамъ на высокихъ деревьяхъ коралловыхъ пурпуромъ яркимъ,
Темнымъ сапфиромъ блистаютъ плоды; тамъ гуляешь по мягкимъ
Свѣжимъ песочнымъ коврамъ, узорами раковинъ пестрыхъ
Хитро украшеннымъ; многое, бывшее чудомъ минувшихъ
Лѣтъ, облеченное тайнымъ [серебряныхъ водъ покрываломъ,
Видится тамъ въ величавыхъ развалинахъ: всё онъ съ любовью
Ихъ объемлетъ, въ мохъ и цвѣты водяные ихъ рядитъ
Пышнымъ вѣнцомъ тростниковъ ихъ сѣдыя главы обвиваетъ.
Жители странъ водяныхъ обольстительно—много прекраснѣй
Самыхъ людей. Случалось не разъ, что рыбакъ поглядѣвши
Дѣву морскую,—когда, изъ воды подымаяся тайно,
Пѣла она и качалась на зыбкой волнѣ—повергался
Въ хладную влагу за нею. Ундинами чудныя эти
Дѣвы слывутъ у людей. И, вдругъ, ты теперь предъ собою
Въ самомъ дѣлѣ видишь Ундину.—Гульбрандт содрогнулся:
Холодъ по членамъ его пробѣжалъ; неподвиженъ, какъ камень,
Молча и дико смотрѣлъ онъ въ лицо разсказчицы милой,
Силъ не имѣя очей отвести. Покачавъ головою,
Грустно замолкла она, вздохнула, потомъ продолжала:
Видомъ наружнымъ мы тоже, что люди, быть можетъ и лучше,
Нежели люди; но съ нами не то, что съ людьми, покидая
Жизнь, мы вдругъ пропадаемъ какъ призракъ и тѣломъ и духомъ
Гибнемъ вполнѣ, и самый нашъ слѣдъ исчезаетъ, изъ праха
Въ лучшую жизнь переходите вы; а мы остаемся
Тамъ, гдѣ жили, въ воздухѣ, искрѣ, волнѣ и пылинкѣ.
Намъ души не дано; пока продолжается наше
Здѣсь бытіе, намъ стихіи покорны; когда жъ умираемъ,
Въ ихъ переходимъ мы власть, и онѣ насъ вмигъ истребляютъ:

Послѣ этого объясненія миръ, покой и довольство водворились въ хижинѣ. Но рыцарь задумывалъ вмѣстѣ съ ундинами вернуться къ себѣ на родину въ свой замокъ на Дунаѣ. Прошло нѣсколько времени, ручей уже вошелъ въ свои берега и рыцарь, простившись съ добрыми старичками. въ сопровожденіи священника вступились въ путь къ тому имперскому городу, откуда рыцарь гордой красавицей посланъ былъ въ заколдованный лѣсъ. Во время странствованія по лѣсу къ нимъ присоединился еще третій человѣкъ, — онъ оказался дядей Ундины— лѣснымъ водопадомъ, который отрѣзалъ обратный путь рыцарю въ первые дни пребыванія его въ хижинѣ рыбака. Сопровождаемые имъ, дошли путники до окончанія лѣса, гдѣ Ундина обратившись къ дядѣ своему Струю сказала:

Вотъ и лѣсу конецъ."
Помощь твою теперь не нужно, оставь насъ; скорѣе
Съ миромъ исчезни! Струй разсердился: онъ сдѣлалъ такую
Страшную харю и такъ глазами сверкнулъ, что Ундина
Громко вскрикнула...

Рыцарь увидѣвъ ея испугъ, выхватилъ свой мечъ и хотѣлъ ударить имъ Струя; но тотъ разсыпался водопадомъ, обдавъ рыцаря холодною пѣной. Но лѣсъ окончился и они благополучно добрались до города.

Судебная хроника.

Дѣло Овсянникова о поджогѣ.

(Окончаніе).

Товарищъ прокурора *Жуковскій* обвиненіе свое построилъ, главнымъ образомъ, на исчисленіи тѣхъ выгодъ, которыя Овсянниковъ могъ имѣть отъ уничтоженія мельницы, въ связи съ долгосрочнымъ контрактомъ по поставкѣ провіанта въ Военное Министерство. Изъ данныхъ, добытыхъ какъ предварительнымъ, такъ и судебнымъ слѣдствіемъ, видно, что поставку въ Петербургъ выгоднѣе было производить мукою, нежели рожью; цѣна на муку мало измѣняется и кромѣ того, при провозѣ рожь гораздо скорѣе подвергается порчѣ вслѣдствіе подмочки, между тѣмъ какъ муку послѣ порчи можно сдабривать, а потому и удобнѣе доставлять хлѣбъ мукою, а не зерномъ. Затѣмъ при доставкѣ хлѣба мукою, расходъ на перемолъ остается у контрагента въ барышахъ и въ годъ барышъ этотъ достигаетъ до 400 тыс. р. Обращаясь къ самому пожару прокуроръ указалъ на то, что когда Помощникъ Градоначальника заявилъ Овсянникову предположеніе о поджогѣ, то Овсянниковъ исчезъ и его не могли найдти, между тѣмъ какъ Овсянниковъ на судѣ заявлялъ, что онъ слѣдовалъ за Помощникомъ Градоначальника и лазилъ даже съ опасностью жизни въ машинное отдѣленіе; пожарные этого факта также не подтвердили. Принимая въ соображеніе отношенія Овсянникова къ интендантству и тѣ весьма скромныя указанія окружнаго интенданта Скворцова на явившіеся у него подозрѣнія: «не продаетъ-ли Овсянниковъ казенную муку» и что отношенія между интендантствомъ и Овсянниковымъ дѣлаются натянутыми, можно объяснить себѣ расположеніе Овсянникова къ сдѣланному имъ пожертвованію, чрезъ что можно было имѣть болѣе шансовъ заручиться правомъ на заключеніе долгосрочнаго контракта съ 1876 года. Пожертвованіе хотя и было сдѣлано; но нельзя сказать, чтобы оно ввело Овсянникова въ большіе убытки, если вспомнить, что на мельницѣ не было столько муки, сколько числилось по книгамъ интендантства, и то, что интендатство платило ему 8 руб. 31 к. за куль и наконецъ, что горѣлой муки было продано нѣсколько тысячъ кулей частнымъ лицамъ по настоящей цѣнѣ, такъ что купецъ Шубинъ телеграммою просилъ даже Овсянникова не присылать ему горѣлой муки; то увидимъ, что это пожертвованіе раскладывалось и на частныхъ лицъ, и убытокъ, такимъ образомъ, не былъ великъ. Обращаясь затѣмъ къ разсмотрѣнію отношеній Овсянникова къ Кокореву оказывается, что мельница была для нихъ не болѣе, какъ финансовой операціей. такъ что даже тяжба за нее не была препятствіемъ къ хорошимъ между ними отношеніямъ, что доказывается даже и тѣмъ, что Кокоревъ Овсянникову способствовалъ въ покупкѣ дома Утина и даже купчая на этотъ домъ совершалась въ квартирѣ Кокорева; между тѣмъ какъ на судѣ ихъ отношенія кажутся — иными: одинъ—оправдываетъ себя по обвиненію въ поджогѣ, другой—доказываетъ свой ущербъ отъ этого поджога.—Вообще, это люди, обладающіе практическимъ тактомъ, неспособные портить дѣло изъ за взаимныхъ отношеній.

Затѣмъ, товарищъ прокурора, сводя вмѣстѣ всѣ факты этого дѣла, указалъ на распоряженіе Левтѣева относительно выпуска воды изъ бака, представляющее собой приготовленіе къ поджогу, который лежитъ въ интересахъ Овсянникова: что только благодаря этому поджогу, онъ получилъ возможность заявить право на конкуренцію полученія долгосрочнаго контракта, такъ какъ трудно было ожидать. чтобы кто-нибудь предложилъ интендантству возобновить мельницу. Говоря о Рудометовѣ, положеніе котораго въ настоящемъ дѣлѣ является крайне щекотливымъ, товарищъ прокурора указалъ на то, что Рудометовъ измѣнилъ свое первое показаніе, гдѣ онъ сказалъ, что его не было на дворѣ, а онъ ушелъ въ кухню въ пятый этажъ и задремалъ! Но въ зерно сушильнѣ тлѣніе трухи распространяетъ сильный горѣлый запахъ, какъ бы торфа, слѣдовательно, какимъ же образомъ, идя въ кухню, Рудометовъ не обратилъ вниманія на это тлѣніе?

Слѣдовательно, если признать распоряженія Левтѣева приготовленіями къ поджогу, который былъ въ интересахъ Овсянникова, то легко вывести что фактическимъ виновникомъ въ настоящемъ дѣлѣ можетъ быть только Рудометовъ. Рудометова встрѣчаютъ вездѣ: на дворѣ, на лѣстницахъ: ему ввѣрено охраненіе мельницы и его никто не контролируетъ; трудно, чтобы кто нибудь другой рѣшился на поджогъ, безъ соглашенія съ нимъ, опасаясь встрѣтить его въ любомъ помѣщеніи мельницы. Затѣмъ, если принять во вниманіе отношенія, которыя существовали между Левтѣевымъ и Рудометовымъ, можно придти къ заключенію, что изъ всѣхъ служащихъ на мельницѣ, Левтѣевъ съ большею прочностью могъ ввѣрить тайну преступленія Рудометову. Сгорѣвшая мельница была построена, чтобы кормить солдатъ; но такой точки зрѣнія у Овсянникова не существовало; это удостовѣряется тѣмъ приказомъ министерства, въ силу котораго онъ былъ удаленъ отъ казенныхъ подрядовъ. Правительству трудно бороться съ злоупотребленіями когда и такое лицо, на которое оно могло бы разсчитывать, лицо, которое гордится своими пожертвованіями, своимъ общественнымъ положеніемъ, отступаетъ отъ своихъ служебныхъ обязанностей, и также мало думаетъ о своемъ меньшомъ братѣ, который не присутствуетъ здѣсь и не знаетъ, что его скудный паекъ служитъ для эксплуатаціи милліонеру.

Гражданскій истецъ коммерціи совѣтникъ Кокоревъ, (владѣлецъ сгорѣвшей мельницы), допуская существованіе поджога, въ подтвержденіе своего предположенія указывалъ на свидѣтеля Клокова, который показалъ, что онъ нашелъ маленькую дочь Рудометова въ швейцарской въ то время, когда тамъ не было ни матери, никого изъ старшихъ, это, какъ будто, выражало какую-то предварительную заботливость—ожидая пожара, перемѣстить маленькаго ребенка поближе къ выходу.

Указывая затѣмъ на выгоды подряда, особенно при веденіи дѣла такимъ образомъ какъ оно велось у Овсянникова, когда

Литературный альбомъ. Ундина. Соч. Фукэ, переводъ Жуковскаго. Рыцарь Гульбрандъ въ заколдованномъ лѣсу. Рисов. П. Каразинъ, грав. К. Вейерманъ.

онъ забывалъ выгоды всѣхъ, исключая самаго себя—онъ закончилъ свое слово слѣдующимъ обращеніемъ къ гг. присяжнымъ засѣдателямъ: Часъ приближается, когда представители народной совѣсти, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей произнесутъ свой приговоръ надъ подсудимыми; да часъ приближается... когда всякое проявленіе человѣческаго ума относительно производимаго процесса умолкнетъ, когда самъ законъ, съ его вѣковою мудростью и опытностью, будетъ безмолвствовать, и наступитъ минута неписпріятнаго владычества совѣсти; въ моментъ этаго владычества совершается тайная связь видимаго міра съ невидимымъ! Въ этотъ моментъ вдохновеніе нисходитъ на совѣсть лицъ избранныхъ для произнесенія приговора и это вдохновеніе руководитъ всѣмъ его направленіемъ! Нѣтъ сомнѣнія, что вдохновеніе совѣсти—произнести приговоръ чистѣйшей правды. Не напрасно-же на Русской землѣ существуетъ вѣковѣчная пословица: «правда свѣтлѣе солнца!».. ея лучи животворятъ всѣхъ, ея исчезновеніе погружаетъ всѣхъ въ мракъ; вотъ почему, когда наступаетъ моментъ рѣшенія уголовнаго процесса—всѣ наблюдающіе за этимъ дѣломъ, не только находящіеся въ судѣ, но и за стѣнами суда, а при важныхъ процессахъ цѣлая страна—ожидаютъ проявленія правды, истины, обновляющей и очищающей цѣлую страну. Близокъ часъ, когда 12 представителей народной совѣсти уединятся для совѣщанія; это совѣщаніе будетъ заключать въ себѣ священнодѣйствіе свободнаго человѣческаго духа, не смѣняемаго никакимъ писаннымъ закономъ; священнодѣйствіе, совершаемое на алтарѣ совѣсти! Да святится и превозносится на этомъ алтарѣ имя Вѣчной правды проявленіемъ правды.

Защитникъ Овсянникова, присяжный повѣренный *Потѣхинъ*, въ своей защитѣ между прочимъ указалъ на то, что какъ изъ обвинительнаго акта, такъ и изъ рѣчи товарища прокурора видно, что Овсянниковъ былъ головою, Левтѣевъ — проворной ногой, а Рудометовъ—послушной рукой. Обвиненіе окружило ихъ такъ, что никто иной не могъ произвести поджога, кромѣ ихъ. Хотя представитель интересовъ страховыхъ обществъ, желая оставить лазейки, чтобы разрушить цементъ, связывающій подсудимыхъ — допускаетъ, что обвиненіе можетъ только обрушиться на Овсянникова и Левтѣева, отъ обвиненія же Рудометова почти отказался, предоставляя это совѣсти присяжныхъ, дойдя даже до того, что предполагаетъ возможность поджога черезъ кого-нибудь другаго—но врядъ ли возможно идти такъ далеко. Обвиненіе также съ точностью перечислило всѣхъ лицъ, кто и по какимъ причинамъ могъ совершить поджогъ и указало, что остается единственный путь поджога—путь проложенный Рудометовымъ.

Но прежде чѣмъ придти къ такому заключенію, нужно задаться сперва вопросомъ: дѣйствительно ли Овсянниковъ та голова, которая умыслила поджогъ? Главныя существенныя доказательства, что тутъ былъ умыселъ и подстрекательство со стороны Овсянникова, выражаются, по мнѣнію прокуратуры, одними выгодами, которыя Овсянниковъ могъ имѣть отъ уничтоженія мельницы. Но высчитать выгоды, барыши, убытки и пріобрѣтенія по бюджетнымъ предположеніямъ, по мнѣнію защиты, не возможно: для этого нужно требовать, чтобы цифры были по возможности вѣрны, чтобы всѣ плюсы и минусы были соображены. Но обвиненіе поступаетъ не такъ. Оно останавливается на выгодахъ отъ помола и разсчитывая, что 2 года выгоды отъ помола должны дать 200 тысячъ, упускаетъ изъ виду то, что должно требоваться для превращенія ржи въ муку, гдѣ бы превращеніе это не производилось; не можетъ же обвиненіе сказать, что превращеніе это дѣлалось въ низовыхъ губерніяхъ чудеснымъ образомъ — оно должно сказать, что и тамъ за него платили. Главныя данныя для обвиненія видятъ въ томъ, что Овсянниковъ стремился завладѣть долгосрочнымъ подрядомъ, а для этого нужно было устранить всякую возможную конкуренцію. Какъ обвиненіе, такъ и повѣренный страховыхъ обществъ желаютъ доказать, что безъ мельницы невозможно существованіе самаго долгосрочнаго подряда. Если это такъ, то возможно-ли, чтобы Овсянниковъ, желая получить долгосрочный контрактъ, сознавая, что онъ имѣетъ смыслъ только при существованіи мельницы, разрушаетъ, уничтожаетъ ее и ставитъ невозможнымъ заключеніе долгосрочнаго контракта. Улики эти, по мнѣнію защиты, не страшны. Нужно серьезно отличить выгоды, какъ послѣдствія содѣяннаго преступленія.

Доказывая затѣмъ невозможность поджога какъ по мѣсту и времени. равно и исполненія его однимъ лицемъ, и говоря о несообразности и рискованности его, въ то время когда на мельницѣ было болѣе 25 лицъ и присутствовалъ Кузнецовъ, игравшій роль шпіона Овсянникова.

Г. Потѣхинъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «гг. присяжные засѣдатели! Я увѣренъ, что у васъ достанетъ гражданскаго мужества счистить съ этого дѣла наросты, чтобы судить Овсянникова не какъ семьянина, не какъ купца, не какъ человѣка съ общественной дѣятельностью, ни за его характеръ, ни за его отношенія къ семьѣ, а какъ преступника, только по тому вопросу, поджегъ или не поджегъ онъ эту мельницу».

Защитникъ другаго подсудимаго, Левтѣева—присяжный повѣренный *Языковъ*, находилъ, что обвиненіе въ дѣлахъ о поджогахъ является обыкновенно съ небольшими уликами, и что это совершенно естественно, такъ какъ никто не станетъ поджигать публично, а обвинять при отсутствіи уликъ въ томъ преступленіи, въ которомъ обвиняютъ Левтѣева, это все равно, если бы его обвиняли въ убійствѣ, и старались доказать, что онъ проживалъ съ фальшивымъ видомъ. Самая главная улика противъ Левтѣева—это выпускъ воды, — также является не вѣскою.

Защитникъ третьяго подсудимаго, Рудометова, присяжный повѣренный *Соколовскій*, находилъ, что его защита представляется дѣломъ болѣе легкимъ, нежели товарищамъ его по защитѣ: что ему не нужно имѣть дѣла съ математическими выкладками и съ разными техническими приспособленіями. Его кліентъ человѣкъ маленькій и между нимъ и Овсянниковымъ существуетъ громадное разстояніе въ общественномъ положеніи. Если вспомнить показанія свидѣтелей Рудометова, то окажется, что Рудометовъ былъ и сторожемъ, и поваромъ, и посыльнымъ, Возможно ли послѣ этого допустить, какую либо солидарность между нимъ и Овсянниковымъ. Затѣмъ, защита обратила вниманіе на ту обстановку, въ которой жилъ Рудометовъ. Онъ жилъ на мельницѣ съ женою и дочерью, тамъ-же жили прикащики. Рудометовъ — чернорабочій, и если бы у него шли переговоры съ Левтѣевымъ о поджогѣ, то, безъ всякаго сомнѣнія, эти переговоры не могли-бы укрыться отъ остальныхъ, живпихъ на мельницѣ. Овсянниковъ милліонеръ, воспользовался-ли Рудометовъ за приведеніе въ исполненіе его преступнаго замысла хотя одной копѣйкой изъ его милліоновъ? Нѣтъ. Матеріальное положеніе его осталось тоже и лишь только прибавилось 17 руб. долгу. Развѣ такъ вознаграждаютъ милліонеры своихъ слугъ? Въ виду несостоятельности обвиненія противъ Рудометова, защита просила оправдать его.

По постановкѣ вопросовъ присяжные вынесли приговоръ уже извѣстный нашимъ читателямъ. («Нива» № 51).

Смѣсь.

Адская машина для взрыва судовъ. Извѣстно, что финикіяне, при помощи весьма замысловатыхъ приборовъ, спускались на дно моря и отрѣзывали якорныя канаты непріятельскихъ гомеръ, такъ что гомеры прибивало волнами къ берегу и онѣ дѣлались добычею непріятеля. Одинъ французскій артиллерійскій лейтенантъ, Денойрусъ, придумалъ приборъ, который можетъ быть примѣненъ къ разрывнымъ снарядамъ (адская машина), употребляемымъ для уничтоженія непріятельскихъ судовъ. Опыты надъ этимъ приборомъ были недавно произведены въ Англіи, въ Alexandre palace, въ присутствіи комитета адмиралтейства. Было доказано, что человѣкъ, вооруженный этимъ приборомъ, можетъ оставаться и работать подъ водою въ продолженіи двухъ часовъ, нисколько не сообщаясь съ поверхностью воды. Водолазъ можетъ двигаться подъ водою во всѣхъ направленіяхъ, погружаться и подниматься какъ ему вздумается. Путеводителемъ для него служитъ компасъ, а читать по немъ онъ можетъ при свѣтѣ лампы, зажигаемой и гасимой когда угодно; при этихъ средствахъ, для него очень легко убрать разрывные снаряды, помѣщенные непріятелемъ, и поставить свои для уничтоженія непріятельскихъ судовъ. Операціи эти какъ дознано опытомъ, могутъ быть произведены въ полнѣйшемъ секретѣ и человѣкъ, на котораго возлагается эта обязанность, также огражденъ отъ наблюденій, какъ рыба на днѣ морскомъ. Напримѣръ, солдатъ, вооруженный этимъ снарядомъ, можетъ спуститься въ русло рѣки, и, путеводимый компасомъ, направиться къ стоящему на якорѣ судну, подняться до боковъ судна или спуститься до его подводной части, прикрѣпить тамъ принесенный имъ разрывной снарядъ (torpille) возвратиться на берегъ съ веревкою, привязанною къ этой адской машинѣ и произвести взрывъ. Такимъ же образомъ онъ можетъ сдѣлать безвредными снаряды, положенные непріятелемъ. По словамъ «Morning Post» опыты оказались весьма удовлетворительными. Люди, производившіе эти опыты, оставались болѣе трехъ четвертей часа подъ водою и производили всѣ вышеописанные маневры. Члены адмиралтейской коммисіи высказали свое полное одобреніе этому изобрѣтенію.

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

Циркуляръ министра финансовъ казеннымъ палатамъ и областнымъ правленіямъ о примѣненіи закона 5-го іюня 1873 года о сборѣ съ содержанія.

При примѣненіи Высочайше утвержденнаго 9-го іюня 1873 г; мнѣнія государственнаго совѣта о сборѣ съ содержанія при увеличеніи онаго и при поступленіи на государственную службу, возбужденъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли производить вычетъ изъ содержанія преподавателей и другихъ служащихъ лицъ, увеличеннаго по случаю преобразованія уѣздныхъ училищъ въ городскія.

По соображеніи означеннаго вопроса съ закономъ 9-го іюня 1873 г., о сборѣ при увеличеніи содержанія состоящимъ въ государственной службѣ лицамъ и при поступленіи на службу, вопросъ этотъ, по соглашенію моему съ государственнымъ контролеромъ и министромъ народнаго просвѣщенія, разрѣшенъ слѣдующимъ образомъ:

Такъ какъ, на основаніи 3 примѣч. къ п. 1 ст. I закона 9-го іюня 1873 г., установленному симъ закономъ сбору не подлежитъ содержаніе, увеличенное по случаю изданія новыхъ штатовъ, то при преобразованіи уѣздныхъ училищъ въ городскія, со введеніемъ новыхъ штатовъ, не подлежатъ вычету съ повышенныхъ окладовъ тѣ преподаватели и другія служащія лица, которыя при означенномъ преобразованіи остались на должностяхъ равныхъ или соотвѣтствующихъ прежнимъ ихъ должностямъ.

Объ этомъ даю знать казеннымъ палатамъ и областнымъ правленіямъ для руководства.

Дѣла церкви.

Въ «Варш. Дн.» пишутъ: «Православное духовенство варшавской епархіи на дняхъ получило отъ бывшаго своего, глубоко уважаемаго и искренно любимаго архипастыря, высокопреосвященнѣйшаго Іоанникія, нынѣ архіепископа херсонскаго и одесскаго, новый знакъ его отеческой благопопечительности. Зная нужды вдовствующихъ, сиротствующихъ и заштатныхъ лицъ изъ духовенства варшавской епархіи и желая усилить средства облегченія этихъ нуждъ, высокопреосвященнѣйшій Іоанникій препроводилъ въ варшавское епархіальное попечительство пять тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобъ этотъ капиталъ навсегда оставался неприкосновеннымъ, подъ именемъ его высокопреосвященства, а проценты съ онаго обращались на пособія означеннымъ лицамъ.

Морское дѣло.

Въ «Кроншт. Вѣст.» помѣщены слѣдующія свѣдѣнія о плаваніи клипера «Всадникъ» къ берегамъ острова Сахалина съ членами коммисіи, назначенной для пріема южной части острова отъ японскаго правительства и водворенія на островѣ новаго управленія, которое будетъ сосредоточено въ Дуэ и въ Корсаковскомъ постѣ.

Плавая съ членами коммисіи, клиперъ „Всадникъ“ посѣтилъ всѣ населенныя мѣста на восточномъ и западномъ берегахъ острова Сахалина.

Передача острова нашему правительству послѣдовала съ нѣкоторой торжественностью въ заливѣ Анивѣ. Изъ Дуэ клиперъ «Всадникъ» отправился въ Де-Кастри, а потомъ въ Хакодате, гдѣ встрѣтилъ на рейдѣ клиперъ „Гайдамакъ“, возвратившійся изъ крейсерства въ Охотскомъ морѣ и Сѣверномъ океанѣ. Вслѣдъ затѣмъ туда же пришелъ и винтовой корветъ „Аскольдъ“, подъ флагомъ начальника отряда контръ-адмирала Пузино. 28-го сентября „Всадникъ“, слѣдуя за «Аскольдомъ», снялся съ якоря и направился въ Іокогаму, куда суда наши прибыли 3-го октября и гдѣ застали на рейдѣ винтовой корветъ „Баянъ“ и паровой клиперъ «Абрекъ“. «Гайдамакъ» же снова отправился во Владивостокъ и долженъ былъ затѣмъ также придти въ Іокагаму, гдѣ адмиралъ перенесъ свой флагъ на корветъ „Баянъ» и намѣревался простоять до половины ноября. Въ концѣ ноября корветъ «Аскольдъ» ожидалъ приказаній возвратиться въ Россію; адмиралъ же на корветѣ «Баянъ» съ однимъ изъ клиперовъ собирался на югъ въ Гонъ-Конгъ. Паровой клиперъ «Абрекъ» долженъ былъ идти въ Владивостокъ, а другой клиперъ, по выбору адмирала, долженъ былъ остаться на станціи въ Іокогамѣ, въ распоряженіи нашего посланника.

— Смотритель либавскихъ маяковъ сообщаетъ въ „Кроншт. Вѣст.», что потерпѣвшій крушеніе 1-го декабря, близъ малаго либавскаго маяка, напротивъ оконечности сѣверной дамбы, россійскій купеческій баркъ «Рига», 11-го числа, при крѣпкомъ W вѣтрѣ въ 8 и 9 балловъ, совершенно разбился въ виду всего города. Сначала баркъ накренило на лѣвый бокъ и смыло волненіемъ все бывшее на палубѣ; затѣмъ корпусъ судна отъ большой зыби и волненія переломился, причемъ свалились гротъ-мачта съ реями. Наконецъ, черезъ нѣсколько часовъ, все судно развалилось и раздробленные члены его унесло по теченію, вмѣстѣ съ мелкимъ разбитымъ льдомъ. Спасти что-нибудь не было возможности: часовыхъ на суднѣ не было.

Петербургъ и Москва.

Высочайше утвержденная ликвидаціонная коммисія по дѣламъ коммерческаго ссуднаго банка въ Москвѣ объявила: 1) что, по опредѣленію коммисіи 15-го декабря 1875 года, претензіи кредиторовъ московскаго ссуднаго банка по билетамъ на процентные вклады, на основаніи 1,960 и 1,980 ст. уст. о торг. несост., отнесены къ долгамъ перваго рода и втораго разряда; 2) что, вслѣдствіе разрѣшенія господина министра финансовъ, съ 23-го декабря 1875 года начата выдача предварительнаго дивидента по означеннымъ вкладнымъ билетамъ въ размѣрѣ 50 процентовъ, считая круглыми рублями (безъ копѣекъ). Выдача эта будетъ производиться въ московской конторѣ государственнаго банка, слѣдующимъ порядкомъ: пріемъ объявленій, съ приложеніемъ вкладныхъ билетовъ, совершается ежедневно, кромѣ неприсутственныхъ дней, съ 11 часовъ утра до 2-хъ часовъ пополудни; выдача же денегъ, съ возвратомъ вкладныхъ билетовъ, будетъ производиться въ слѣдующій присутственный день по пріемѣ объявленій, въ тѣ же часы.

— Въ «Сенат. объяв. о запрещеніяхъ на имѣнія» напечатаны запрещенія на недвижимыя имущества (дома и земли) членовъ совѣта коммерческаго и ссуднаго банка Бенедикта Антоновича Гивартовскаго, Даніила Даніиловича Шумахера, Ивана Артемьевича Ляпина, Николая Ивановича Ильина, Николая Михайловича Бостанджогло, Петра Павловича Сорокоумовскаго, Николая Семеновича Грачева, Андрея Александровича Корзинкина и Петра Гавриловича Волкова, вслѣдствіе иска къ нимъ въ 4,323,232 руб. 28 к. со стороны вкладчиковъ и акціонеровъ коммерческаго и ссуднаго банка, по уголовному дѣлу о злоупотребленіяхъ членовъ совѣта означеннаго банка.

— На дняхъ, какъ передаютъ газеты, состоялось окончательное разрѣшеніе давать всѣ вообще театральныя представленія, въ здѣшнихъ Императорскихъ театрахъ, въ теченіе нынѣшняго великаго поста, за исключеніемъ первой и послѣдней недѣли. На нынѣшній разъ это разрѣшеніе не коснется итальянской оперы, вѣроятно, потому, что дирекція не успѣла заключить контрактовъ съ иностранными артистами; легко можетъ статься, что таже причина не позволитъ продолжать сезона и въ здѣшнемъ французскомъ театрѣ.

— Примѣръ Ковнера нашелъ себѣ подражателя. На дняхъ, какъ сообщаютъ „Моск. Вѣд“, на биржѣ распространилось извѣстіе, что въ трехъ московскихъ банкахъ и у нѣсколькихъ частныхъ дисконтеровъ однимъ и тѣмъ же лицомъ учтено фальшивыхъ векселей на сумму свыше полумилліона руб. сер. Представившій ихъ къ учету, маклеръ Вальтеръ, скрылся изъ Москвы еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ и, какъ говорятъ, въ послѣднее время проживалъ въ Лондонѣ. Векселя писаны преимущественно отъ имени Реутовской мануфактуры, съ бланками бр. Еремѣевыхъ.

Слухи.

— По слухамъ, сообщаемымъ газетою «Сибирь», предположенія коммисіи о поземельномъ устройствѣ крестьянъ и инородцевъ Сибири находится нынѣ въ разсмотрѣніи главныхъ сибирскихъ начальствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ разсматриваются и предположенія объ административномъ устройствѣ крестьянъ.

— Въ туже газету сообщаютъ въ видѣ слуха, что въ административныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ о пересмотрѣ и дополненіи существующихъ правилъ о судопроизводствѣ по дѣламъ объ оскорбленіи въ печати частныхъ лицъ, при чемъ, какъ говорятъ, они должны подвергнуться радикальнымъ измѣненіямъ.

— «Нижег. Справ. Лист.» сообщаетъ о существующемъ предположеніи построить конно-желѣзную дорогу отъ Моршанска, черезъ Шацкъ, Темниковъ и Арзамасъ до Нижняго-Новгорода. Такая новость многихъ удивила. Торговцы и промышленники, какъ моршанскіе, такъ и нижегородскіе, не придумаютъ, что будутъ возить по этой дорогѣ.

С.-Петербургская биржа.

ВЕКСЕЛЬНЫЕ КУРСЫ.

30-го декабря 1875 г.

На 3 мѣсяца:

На Лондонъ	31 5/16	7/32	—	п. за 1 р.
» Амстердамъ	—	—	—	г. пф. 1 »
» Гамбургъ	265 3/4	1/4	—	пф. за 1 р.
» Парижъ	327	326 1/2	—	сан. за 1 »
» Берлинъ	—	265 1/2	—	пф. за 1 »

		Покупатели.	Продавцы.	Продано.
Полуимперіалы	6 32		--	—
Дисконты	6 и 7%			
4% мет. б. гос. б.				
февральскіе.	150 д.	—	—	—
августовскіе.	120	—	—	—
5% бил. гос. б. 1 в.	100	100 1/4	—	—
» » » » 2 »	99 3/4	—	—	100
» » » » 3 »	99 3/4	100	—	—

Фонды.

6% серебромъ	117 1/2	—	—	—
5% бил. г. б. 1820	102 1/8	—	—	—
5% би » » 1822	116	—	—	—
5 » » г. б. 1854	99 3/4	—	7/8	—
» » » » 1855	116 1/2	-	—	—
5% бил. г, б. 1862	116 1/2	—	—	—
4 » » » » 1840	95	—	—	—
4 » 2, 3 и 4 займ.	95	—	—	—
4 » 5 займа	92	—	—	—
4 » не прер. дохода.	89	—	—	—
4 » финлянд. займа.	80	—	—	—
5% внутр. съ выигр. заемъ 1864 г.	226 1/2	227 1/2	229	227
» внутр. съ выигр. заемъ 1866 г.	211	222 1/2	223	221
» выкуп. свидѣт.	99 3/4		—	—

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Г. Ф. Сел--ву въ Кимрѣ. По возобновленіи подписки на второе полугодіе, подписчики перваго полугодія получаютъ всѣ безплатныя преміи, приложенныя къ журналу «Нива» за подписной годъ.

1-й заемъ 1864 года. 22-й тиражъ 2-го Января 1876 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 13 ноября 1864 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 2-го Января 1876 года Правленіемъ Банка въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербурской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
56	40	500	4929	35	500	9584	7	10000	13740	18	40000	15721	2	500	17919	14	500
213	46	1000	4973	42	8000	9631	20	500	13799	46	500	15744	48	500	17933	14	500
424	25	500	5036	42	500	9666	44	500	13835	48	500	15751	39	500	17969	49	500
463	38	500	5053	7	500	9847	22	500	13847	9	500	15781	32	500	18044	4	500
471	19	1000	5342	32	1000	9877	13	500	14020	39	500	15782	36	500	18092	43	500
553	45	1000	5446	24	500	9929	31	500	14142	30	1000	15795	47	500	18163	44	5000
573	49	500	5452	15	500	10084	5	500	14146	42	500	15796	29	500	18257	10	500
714	38	500	5540	5	500	10136	27	500	14149	21	500	15874	22	500	18297	2	1000
819	33	500	5543	18	500	10251	9	500	14234	4	500	15885	22	500	18410	12	500
857	14	500	5563	16	500	10328	23	500	14276	46	500	15923	3	1000	18485	42	500
878	45	500	5599	12	500	10363	9	500	14340	30	500	15977	7	500	18546	3	500
891	14	500	5611	11	500	10408	41	500	14552	32	500	15990	33	500	18569	42	500
899	38	500	5636	24	8000	10640	10	500	14567	7	500	16027	12	500	18637	29	500
929	44	500	5640	6	500	10643	48	500	14653	30	500	16064	36	5000	18686	28	500
1053	18	500	5649	6	500	10757	28	1000	14974	16	500	16175	36	500	18752	33	500
1100	39	500	5674	4	500	10773	23	500	15028	50	500	16403	38	1000	18763	36	500
1185	34	500	5713	15	500	10842	11	500	15052	26	500	16591	50	500	18814	38	1000
1495	24	1000	5902	14	500	10856	43	500	15087	38	500	16838	24	500	18856	2	500
1501	11	500	5962	25	500	11028	22	500	15121	22	1000	16845	22	1000	18899	48	500
1631	36	500	6008	18	500	11032	4	500	15208	27	500	16890	24	500	18925	35	500
1651	40	500	6017	42	500	11043	11	500	15253	24	500	16959	12	500	18933	14	500
1823	31	1000	6040	25	200000	11130	43	500	15293	23	500	16973	27	500	19165	30	10000
1874	15	500	6169	12	500	11185	32	500	15317	47	500	17037	35	500	19215	48	500
2083	27	500	6260	36	500	11298	40	500	15460	22	500	17106	29	500	19226	34	500
2088	48	500	6262	26	500	11362	36	500	15462	26	500	17171	14	500	19245	36	500
2168	20	5000	6290	7	500	11384	1	500	15481	49	500	17226	29	500	19532	28	500
2173	21	500	6361	38	500	11414	45	1000	15496	21	500	17393	28	500	19546	30	500
2186	32	500	6457	4	500	11450	20	500	15519	5	500	17456	16	500	19626	39	500
2194	29	500	6505	10	500	11498	11	500	15501	36	500	17459	9	500	19807	1	75000
2287	12	500	6529	25	500	11529	9	500	15592	38	1000	17558	35	500	19903	12	500
2344	12	500	6700	26	500	11577	32	500	15644	6	500	17763	31	500	19932	47	500
2389	21	500	6761	31	500	11646	35	500	15653	17	1000	17813	38	500	19948	45	10000
2471	50	500	6762	2	5000	11651	36	500	15678	8	500	17877	31	500	19983	44	500
2521	36	500	6769	7	500	11657	34	500	15718	14	500	17896	39	500	19991	39	500
2587	21	500	6809	45	500	11667	7	500									
2637	16	500	6857	35	500	11750	7	500									
2654	47	500	6900	41	500	11819	19	500									
2674	7	500	7031	47	500	11853	38	500									
2728	48	5000	7221	31	500	11854	22	500									
2770	9	5000	7418	7	500	11868	17	500									
2787	29	500	7551	11	500	11985	35	500									
2802	48	500	7561	10	500	12072	8	500									
2811	35	500	7565	16	500	12090	44	500									
2938	34	500	7576	43	500	12117	18	500									
3026	8	500	7690	9	500	12228	18	500									
3028	25	500	7796	40	500	12294	40	500									
3034	18	500	7848	9	500	12361	32	500									
3115	6	500	7930	22	500	12380	22	500									
3122	19	500	8087	44	500	12397	30	500									
3310	40	8000	8171	32	500	12569	14	500									
3393	2	500	8467	20	500	12618	50	500									
3462	28	500	8561	21	8000	12634	14	500									
3526	17	500	8600	47	500	12631	45	500									
3594	28	500	8810	20	5000	12755	36	500									
3600	36	1000	8857	1	500	12759	28	500									
3681	21	8000	8876	41	500	12854	50	500									
3681	34	500	8886	16	500	12907	43	500									
3716	23	500	8959	40	500	13095	27	500									
3774	7	1000	9064	3	500	13271	29	500									
4000	47	500	9119	24	500	13315	30	500									
4109	7	500	9119	46	500	13480	7	1000									
4287	35	500	9164	47	500	13524	39	25000									
4357	15	500	9252	41	500	13571	41	500									
4442	2	500	9299	29	500	13643	14	500									
4499	6	500	9446	8	500	13681	28	500									
4516	25	500	9555	30	500	13720	1	5000									

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го Апрѣля 1876 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 1-го внутреннаго 5% съ выигрышами займа 1864 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка, 2-го Января 1876 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

1282, 1607, 1671, 1859, 1899, 2359, 2639, 3325, 3497, 3678, 4110, 4314, 4502, 5140, 5790, 7377, 7801, 8002, 8969, 9227, 9324, 9691, 10060, 10578, 10927, 11167, 11387, 11479, 11885, 12751, 13089, 13336, 13448, 13607, 14882, 14906, 15086, 15255, 15725, 15798, 16092, 16284, 16730, 17910, 18179, 18513, 18736, 19135, 19165, 19635, 19639, 19691, 19693, 19878.

Всего 54 серіи, составляющія 2,700 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 120 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го Апрѣля 1876 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ: М. П. Погодинъ (съ портретомъ). — **Кто лучше?** Изъ очерковъ кавалерійской жизни. (Посвящается другу моему Ицкѣ Янкелевичу Штралецкому). **Всеволодъ Крестовскій** (продолженіе). — Крещеніе (съ рисункомъ). — Осада Пскова Стефаномъ Баторіемъ (съ рисункомъ) **Садовскаго**. — Рыцарь въ заколдованномъ лѣсу (съ рисункомъ). **Ф. Бергъ**. — Судебная хроника. Дѣло Овсянникова о поджогѣ (окончаніе). — Смѣсь. — Разныя извѣстія. — Тиражъ 1-го внутренняго съ выигрышами займа.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ)**.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 5 Января 1875 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш. Морская, д. № . Тип. Бермана, Англ. пр. № 16.

ЛИТЕРАТУРЫ,
№ 3 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 19 Января 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

Шевченко—южно-русскій народный поэтъ въ полномъ смыслѣ этого великаго слова: его знаетъ и помнитъ тотъ народъ, изъ котораго онъ вышелъ. Не фраза, сказанная во время, не головное чувство, выраженное въ гладкихъ стихахъ—были думы знаменитаго кобзаря, нѣтъ, онъ зналъ и горе и радости своего народа, самъ былъ какъ извѣстно крѣпостнымъ и впослѣдствіи съумѣлъ отзываться на это горе, эти радости, понимать ихъ сердцемъ. Его поэзія, однимъ словомъ, была не просто сочувствіемъ обычнымъ человѣка «цивилизованнаго» къ народу. Въ ней слышалась доля, выстраданная лично. Тарасъ Григорьевичъ родился 25-го февраля 1814 г. въ селѣ Моренцахъ, Кіевской губерніи, Звенигородскаго уѣзда, въ имѣніи помѣщика Энгельгардта. Отецъ его былъ крѣпостнымъ и дѣтство будущаго поэта Малороссіи ничѣмъ не отличалось отъ дѣтства другихъ крестьянскихъ ребятъ. За Тарасомъ никто не смотрѣлъ, онъ могъ дѣлать что хочетъ. У родителей не было много свободнаго времени: на ихъ плечахъ лежала барщина. У шаловливаго и бѣгавшаго на свободѣ мальчика развилась любознательность: пяти лѣтъ онъ захотѣлъ узнать гдѣ конецъ свѣту и дойти до той черты горизонта, гдѣ небо упиралось въ землю. Задумано-сдѣлано: пятилѣтній Тарасъ вышелъ изъ села съ твердымъ намѣреніемъ взобраться на близь лежавшій холмъ и посмотрѣть съ него. Его удивленію не было границъ, когда, взойдя на холмъ, онъ увидалъ опять много земли и ту же черту, только отодвинутую еще дальше. Это нисколько не измѣнило намѣренія Тараса идти на другой день съ тою же цѣлью. Попавшіеся на дорогѣ обозчики, завидя ребенка въ полѣ, привезли его домой.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Рисов. и грав. А. Нейманъ.

Приведенный случай—не единственный примѣръ того, что крестьянскія дѣти, выросшія на лонѣ природы, ищутъ сами отвѣтовъ на окружающія загадки. Стоитъ только заглянуть въ біографіи нашихъ самоучекъ.

На осьмомъ году мальчикъ остался круглымъ сиротой. Отецъ, умирая,

ничего ему не оставилъ. «Сыну моему, Тарасу, ничего не надо, были слова Григорія Шевченки, «онъ не будетъ кое какимъ человѣкомъ, изъ него выйдетъ или отъявленный негодяй, или что нибудь очень хорошее». Жажда знанія неоставляла ребенка. На девятомъ году Шевченко поступилъ на выучку, къ дьячку Бугорскому, который былъ горькимъ пьяницей. Права послѣдняго надъ учениками были неограниченныя: на мальчиковъ возлагались разныя домашнія работы и исполненіе всякихъ хозяйскихъ прихотей. Положеніе Тараса, какъ сироты, было однимъ изъ худшихъ. Въ два года тяжелаго ученья онъ успѣлъ однако пройти *граматку, часловець* и псалтырь. Въ знакъ особеннаго благоволенія дьячекъ посылалъ его читать надъ покойниками, причемъ молодому чтецу выпадала одна десятая копѣйка, а остальныя деньги шли на пропой учителю. Бугорскій не жалѣлъ при случаѣ подзатыльниковъ и розогъ, будучи твердо увѣренъ, что главная наука въ этомъ и всѣ школяры, долбившіе у него азбуки и часословы, очень не взлюбили своего ментора. «Этотъ первый деспотъ, говоритъ Шевченко, на котораго я наткнулся въ моей жизни, поселилъ во мнѣ на всю жизнь глубокое отвращеніе и презрѣніе ко всякому насилію одного человѣка надъ другимъ».

Кончилось тѣмъ, что Тарасъ собственноручно высѣкъ безчувственно пьянаго учителя, укралъ у него книжку съ плохими гравюрами (изъ особенной любви къ картинкамъ) и бѣжалъ въ мѣстечко Лисянку. Здѣсь онъ нашелъ себѣ другаго учителя, но и этотъ былъ не лучше перваго. Маляръ-дьяконъ заставилъ Тараса цѣлыхъ три дня растирать краску на желѣзномъ листѣ и таскать съ рѣчки тяжелыя ведра съ водой. На четвертый день ученикъ опять бѣжалъ въ село Тарасовку, къ иконописцу дьячку. Послѣдній слылъ въ околодкѣ за великаго художника, потому что лучше его никто не могъ написать святыхъ Ивана Воина и великомученика Никиту.

Къ великому горю Тараса, желавшаго во что бы то ни стало выучиться рисовать, новый учитель нашелъ его ни на что неспособнымъ и рѣшилъ, что онъ не можетъ быть даже портнымъ, или бондаремъ.

Судьба дѣлала все на перекоръ желаніямъ четырнадцатилѣтняго мальчика и Шевченко, любившій читать и смотрѣть книжныя *кунштики* (гравюры) задумалъ уже сдѣлаться *«пастыремъ стадъ непорочныхъ»* роднаго села, разсчитывая на большій досугъ, нужный ему для излюбленныхъ занятій. Однако и этому желанію не суждено было исполниться.

Помѣщикъ Энгельгардтъ взялъ къ себѣ Тараса въ казачки и нарядилъ въ тиковую куртку. Обязанность казачка соотояла въ томъ, чтобы торчать все время въ передней, молчать, вести себя смирно и бросаться со всѣхъ ногъ лишь когда баринъ спроситъ трубку или стаканъ воды. Все это однако не мѣшало Тарасу мурлыкать себѣ подъ носъ гайдамацкія пѣсенки и тайкомъ срисовывать барскія картины украденнымъ у конторщика карандашемъ. «Въ то время, говоритъ Шевченко, я не особенно тяготился своимъ положеніемъ, но теперь страшно и больно вспомнить о быломъ».

Разъѣзжая съ бариномъ то въ Кіевъ, то въ Вильну, то въ Петербургъ, молодой Тарасъ не стѣсняясь сдиралъ со стѣнъ постоялыхъ дворовъ лубочныя картины для пополненія своей коллекціи. Страсть къ живописи въ немъ усиливалась и накликала разъ на него бѣду.

На Николинъ день 1829 года, когда панъ и пани уѣхали въ собраніе, онъ зажегъ свѣчу, досталъ свои картинки и расположился рисовать въ одной изъ комнатъ опустѣвшаго дома. Неожиданно вернувшійся помѣщикъ надавалъ Тараскѣ пощечинъ за неосторожное обращеніе съ огнемъ, а на другой день велѣлъ кучеру выдрать его на конюшнѣ.

16-ти лѣтъ Шевченко испыталъ новое чувство: онъ влюбился въ польку-швею и изъ любви къ ней выучился по польски; по счастье было не продолжительно: баринъ переѣхалъ жить въ Петербургъ и взялъ съ собой казачка Тараса. Замѣтивъ вскорѣ въ своемъ дворовомъ дѣйствительное влеченье къ живописи, онъ отдалъ его на четыре года въ ученье къ цѣховому мастеру Ширяеву, писавшему вывѣски. Бѣгая по ночамъ въ Лѣтній садъ рисовать со статуй, Шевченко познакомился съ художникомъ землякомъ И. М. Сошенкомъ, который посовѣтовалъ ему позаняться писавьемъ акварельныхъ портретовъ. Въ томъ же Лѣтнемъ саду посѣтила его и задумчивая украинская муза, сложились первыя вдохновенья. Помѣщикъ нашелъ очень удобнымъ имѣть дворового живописца и Шевченко не разъ писалъ ему портреты съ его любовницъ, за что получалъ иной разъ по цѣлому рублю.

Черезъ Сошенко у Тараса Григорьевича завязались знакомства съ людьми причастными литературѣ и искуству. Молодой художникъ былъ представленъ конференцъ секретарю Академіи Художествъ Григоровичу, съ просьбой войти въ положеніе крѣпостнаго человѣка и помочь. Благодаря портрету Жуковскаго, написанному по желанію послѣдняго Брюловымъ, свобода Шевченки была куплена за 2.500 р. асс. Портретъ розыграли въ лотерею и 22-го апрѣля 1838 года было памятнымъ днемъ въ жизни будущаго поэта.

Украинская муза стала чаще и чаще овладѣвать вниманіемъ Шевченки, онъ видимо охладѣлъ къ живописи, хотя не бросалъ ее во всю жизнь. Въ 1840 году вышелъ «Кобзарь», первый сборникъ его стихотвореній. Русская критика встрѣтила книгу одобрительно, Украйна—съ неподдѣльнымъ восторгомъ. Поэма «Катерина» ходила на югѣ въ тысячахъ списковъ. Вскорѣ послѣ этого вышли «Гайдамаки».

Въ 1844 году Шевченко посѣтилъ родину. Здѣсь онъ предпринялъ художественное изданіе «Живописной Украйны» и свелъ знакомство съ образованными земляками Кулишомъ и Костомаровымъ, оказавшими сильное вліяніе на его развитіе. Тарасъ Григорьевичъ съ жаромъ накинулся на чтеніе, ознакомился съ исторіей и плодомъ этого поверхностнаго знакомства явилась прекрасная, по увѣренію читавшихъ, поэма: *«Іоаннъ Гуссъ»*, дошедшая до насъ въ отрывкѣ. Неполучившій образованія Шевченко поражалъ всѣхъ ясностью своихъ взглядовъ и мѣткостью сужденій. Въ 1847 году Шевченку постигло несчастіе: его разжаловали въ солдаты, лишивъ пріобрѣтеннаго имъ отъ Академіи, званія свободнаго художника, сослали въ Оренбургскій край. Сосланный поэтъ прожилъ около десяти лѣтъ вдали отъ родины и друзей, въ уѣздномъ городѣ, лишь изрѣдка переписываясь съ петербургскими знакомыми. Изъ Оренбурга Шевченку перевели въ Орскую крѣпость; изъ нея онъ ѣздилъ въ Аральской экспедиціи съ Бутаковымъ, въ качествѣ художника, а въ пятидесятомъ году былъ переведенъ въ Новопетровское укрѣпленіе. Онъ страшно тосковалъ. Время шло невообразимо скучно и однообразно: въ приготовленіяхъ къ смотру, чисткѣ амуниціи и выправкѣ. Единственнымъ развлеченіемъ стали книги и водка, которую онъ началъ пить въ усиленномъ размѣрѣ. «Солдату, пишетъ онъ, незадолго до своего освобожденія, «простительно окунуть иногда свою душу въ полштофъ сивухи».

Долгая опала, удаленіе отъ общества, не сломили въ Шевченкѣ *человѣка* и не заглушила въ конецъ поэтическаго дара. Прелестная поэма «Работница» была написана въ изгнаніи. Благодаря стараніямъ Ѳ. Толстаго Шевченкѣ выхлопотали прощеніе. 21-е іюля 1875 года былъ второй, памятный для поэта день.

Весной слѣдующаго года Тарасъ Григорьевичъ вернулся въ Петербургъ проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Нижнемъ, въ 1859 уѣхалъ на свиданье съ Украйной, гдѣ стояла его старая, крытая соломой хата и жила любимая сестра Ирина, бывшая, какъ и всѣ его родственники, еще крѣпостной.

Пожилой и уже надломленный жизнью, Шевченко желалъ отдохнуть душей; его сердце искало любви и сочувствія женщины. Видъ родныхъ мѣстъ Украйны навелъ его на мысль купить на Днѣпрѣ клочекъ земли, выстроить на немъ хату, жениться и зажить тихой семейной жизнью. Вернувшись въ Петербургъ, онъ велъ объ этомъ цѣлую переписку съ братомъ, приготовилъ и послалъ ему деньги на покупку земли. Мѣсто для хаты было выбрано на берегу родной рѣки, между Каневымъ и Пекарями.

Въ 1860 году вышло второе изданіе его «Кобзаря» съ новыми добавочными стихотвореніями. Шевченко уже давно пользовался заслуженной извѣстностью за выходящей изъ ряду вонъ поэтическій талантъ; но одно писаніе стиховъ его видимо не удовлетворяло и онъ предпринялъ изданіе цѣлаго ряда учебниковъ для своего народа, кромѣ того постоянно читалъ и занимался живописью.

Между тѣмъ здоровье было подточено.

«Другую недѣлю не выхожу изъ дома, писалъ онъ въ январѣ 1861 года, слабѣю и кашляю». Прошло двѣ недѣли — онъ едва держалъ перо въ рукахъ. Въ день своего рожденья. 25 февраля, Шевченко не могъ подняться съ постели, а на другой день умеръ отъ грудной водянки, 47 лѣтъ отъ роду.

Истинный народный поэтъ, вынесшій на себѣ всю тяжесть крѣпостнаго права, не дожилъ до дня его уничтоженія.

Нерадостной новостью была вѣсть о смерти Шевченко (*батьки Тараса*). Къ его памяти сказалось общее сочувствіе: львовская молодежь надѣла трауръ, въ Кіевской, Харьковской, Черниговской и Полтавской губерніяхъ служили панихиды Кіевляне предлагали перевезти умершаго поэта къ себѣ, на свой счетъ, какой то южно-русскій помѣщикъ заявилъ желаніе насыпать надъ тѣломъ Шевченки большую могилу въ своемъ имѣньи...

Въ апрѣлѣ 1861 года, было разрѣшено перевезти гробъ Шевченки со Смоленскаго кладбища на Украйну На родинѣ встрѣчали и провожали его массы народа Малороссы теряли въ немъ своего любимаго поэта.

Шевченко былъ похороненъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ при жизни предполагалъ поставить хату и найти скромное, но не дававшееся всю жизнь счастье.

«Якъ умру, то поховайте
Мене на могилі
Серед стѣпу широкого.
На Вкраіні милій...

Высокая насыпь, на крутомъ берегу Днѣпра, обложенная камнями и большой деревянный крестъ обитый жестью—такова могила Шевченки. Съ одной стороны зарѣчная даль, съ другой- склоны холмовъ, покрытые лѣсомъ. Покойникъ любилъ, говорятъ, сидѣть на этомъ мѣстѣ и слагать свои печальныя думы.

Тарасъ Григорьевичъ былъ средняго роста, коренастый, съ задумчивымъ выраженіемъ лица и мягкимъ, пріятнымъ голосомъ. Онъ любилъ общество, но нравился въ немъ не сразу. За то узнавъ его доброту, его готовность помочь всякому, подѣлиться послѣднимъ, нельзя было не полюбить Шевченку. По характеру—это былъ человѣкъ прямой, часто до грубости.

Кто лучше?

Изъ очерковъ кавалерійской жизни.

(Посвящается другу моему Ицкѣ Янкелевичу Штралецкому).

(Продолженіе).

А межъ тѣмъ, пока продолжалось это новое словоизліяніе любезнаго хозяина, лакей съ видомъ какого-то благоговѣйнаго почтенія, словно бы къ нѣкоему священному или драгоцѣнному предмету, бережно внесъ бутылку бургонскаго и, опасаясь какъ-бы не взболтнуть вино малѣйшимъ неосторожнымъ движеніемъ, положилъ бутылку въ наклонномъ положеніи на особо приспособленный серебряный снарядъ, который изображалъ собою нѣчто въ родѣ лафета морской или осадной пушки на колесахъ, такъ что бутылка, положенная на него, представляла въ нѣкоторомъ родѣ, видъ массивнаго артиллерійскаго орудія въ миніатюрѣ.

— Какъ видите, я тоже человѣкъ не безъ воинственныхъ замашекъ и наклонностей, замѣтилъ Шмецъ, указывая на снарядъ и видимо желая посредствомъ этого замѣчанія блеснуть слегка своимъ остроуміемъ.

Завтракъ былъ оконченъ и бутылка роспита. Лакеи принесли хозяину и гостю полосканье для рта и серебряный сервизъ съ кофеемъ.

— Нѣтъ, знаете-ли, пойдемте пить нашъ кофе въ кабинетъ, предложилъ Шмецъ:—я вамъ дамъ добрую сигарочку и мы, раскинувшись въ покойныхъ креслахъ, покалякаемъ на просторѣ.

„Слава Тебѣ, Господи! наконецъ-то можно будетъ и о дѣлѣ поговорить“, думаетъ себѣ Болиголова, но—не тутъ-то было—хозяинъ и „добрую сигарочку“ далъ, и въ покойныя кресла усадилъ, и кофею предложилъ, и самъ развалился на кушеткѣ, протянувъ свои ноги и небрежно-лѣниво какъ котъ, поигрывая кистями халата, но о дѣлѣ ни гу-гу! Напротивъ разговоръ его сводится на искусство, на „изящныхъ женщинъ“ по большей части его „добрыхъ пріятельницъ“, фотографическіе и иллюминованные портреты которыхъ украшали письменный столъ и шифоньерки его кабинета.

Господинъ Шмецъ, въ разговорѣ этомъ скромно и слегка даетъ чувствовать о своихъ успѣхахъ у этихъ „добрыхъ пріятельницъ“, между которыми фигурировали имена и извѣстныхъ актрисъ, и извѣстныхъ кокотокъ. Исключеніе дѣлалось имъ только въ пользу именъ „свѣтскихъ красавицъ“—„Это тутъ одна... женщина изъ общества, и потому! вы понимаете, я не смѣю назвать ее“, предупреждалъ онъ, чуть лишь болтовня его начинала неосторожно касаться портрета какой либо женщины этой категоріи.

„Господи! да скоро ли-жъ о дѣлѣ!?“ томится межъ тѣмъ въ глубинѣ души злосчастный поручикъ.

Но увы! о дѣлѣ пока все еще ни гу-гу, а разговоръ, т. е. вѣрнѣе сказать—неумолчная, и въ тоже время небрежно-лѣнивая болтовня господина Шмеца обрѣтаетъ для себя новую тему. Болтая-же исключительно почти одинъ, предоставляя Болиголовѣ только слушать да подъ часъ любезно поддакивать кивками головы или улыбкой. Эта тема нашлась въ переходѣ отъ женщинъ къ поэзіи, и господинъ Шмецъ, закатывая свои совино-круглые глаза, слащаво сталъ восторгаться стихами Фета, Полонскаго, Щербины и декламировать изъ нихъ кое-какіе отрывки.

— А вотъ, кстати! лѣниво поднялся онъ съ кушетки;—на дняхъ тутъ былъ у меня одинъ пріятель, еще молодой начинающій поэтъ, и оставилъ мнѣ кое-какіе свои вдохновенія. Мы ихъ прочтемъ, коли хотите. Я уже ихъ проглядывалъ и на мой вкусъ, право не дурно· Не знаю, какъ вы найдете...

— Да вѣдь я плохой цѣнитель, вздумалъ было отговориться поручикъ.

— О, нѣтъ, ни скромничайте! перебилъ его Шмецъ:—вы такъ умѣете понимать изящное... Меня, батюшка, не проведете: не говоря ужъ о моихъ статьяхъ, которымъ вы отдали справедливость, но судя ужъ потому только какъ вы глядѣли на мои мраморы и на мою скромную картинную галлерейку, я съ разу увидѣлъ, что въ васъ есть это тово... однимъ словомъ, бьется эта живая жилка... Надѣюсь, оцѣните и произведенія моего пріятеля.

Потому, какимъ все это высказывалось, а въ особенности по назойливости, съ которою навязывалось чтеніе стиховъ, Болиголовѣ не трудно было догадаться что подъ анонимомъ пріятеля, фигурируетъ самъ господинъ Шмецъ, въ качествѣ „молодаго начинающаго поэта“ и, конечно, не замедлитъ потребовать достодолжной и обязательной похвалы своимъ „вздохновеніямъ“.

— Ну, слушайте, напримѣръ, хоть вотъ это! предложилъ Шмецъ, доставъ изъ письменнаго стола тщательно переписанную и переплетенную тетрадку и началъ читать, съ декламаторскимъ придыханіемъ и слащавымъ закатываньемъ глазокъ:

Заунывно воетъ
Вѣтеръ подъ окномъ
Тьма ночная кроетъ
Лѣсъ и все кругомъ.
Луна, путь свершая
Разливаетъ блескъ,
Звѣздочки сверкая...
И мороза трескъ.
Вѣтерокъ подуетъ,
Ели зашумятъ,
Жалобно березы
Бѣлыя скрыпятъ.

— Какова картинка-съ!.. А?.. вскричалъ господинъ Шмецъ, изображая порывъ невольнаго восторга:—Жалобно березы бѣлыя скрипятъ — какова образность и музыкальность стиха! Неправда-ли? Вѣдь это что-жъ? Вѣдь это такъ-себѣ, пустякъ, бездѣлка, одинъ лишь мигъ, удачно уловленный изъ жизни природы, а между тѣмъ вы чувствуете, что тутъ есть, есть нѣчто... Эта простая картинка, по моему стоитъ фетовскихъ стиховъ—помните:

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна:
Снѣжная равнина,
Полная луна...

Фетовскіе стихи, словъ нѣтъ, хороши, но эти... эти, по моему. лучше, или по крайней мѣрѣ, я ихъ ставлю въ полный *пандань* между собою. Но вотъ, пожалуйста,

прослушайте еще вотъ эти! быстро подхватилъ Шмецъ, замѣтивъ, по выраженію лица Болиголовы, что тотъ, кажись, намѣревается перевести разговоръ на совершенно иную тему:—это недолго, всего одна минута, и притомъ вещица очень миленькая. которая, на мой взглядъ, ей-ей, ничѣмъ не хуже Лермонтовской „Русалки“, а ужъ о Гейневскихъ-то русалкахъ нечего и го-

И воду бурно колыхаетъ,
Катится на берегъ волна.
Волны русалка не боится,
Сидитъ недвижимо она,
По небу мѣсяцъ лишь катится
И плещетъ синяя волна.
Все тихо. Тихо воды плещутъ,

Литовцы. Рис. Фурье, грав. Посманъ.

ворить!—Эта одна, по моему, потягается со всѣми его Лурлеями! Вотъ посмотрите,—эта пьеска тоже „Русалкой“ называется.

И господинъ Шмецъ опять приступилъ къ чтенію:

Изъ волнъ могучихъ выплываетъ
Съ власами черными она,

Сидитъ русалочка одна,
На небѣ ярко звѣзды блещутъ,
Катится блѣдная луна.

-- Какъ вы находите? Вѣдь прелесть! Неправда ли?.. Скажите откровенно ваше мнѣніе!

— О, превосходно! съ самымъ серьознымъ видомъ

Разбитая лира. Картина Ш. Шаплена, грав. Паннемакеръ сынъ.

поспѣшилъ похвалить поручикъ и даже голосу своему придалъ при этомъ нѣкоторую потрясенность восторженнаго чувства, а самъ въ душѣ межъ тѣмъ думаетъ: „ай-ай, какой-же ты однако, мой другъ Болиголова, мерзавецъ, что у тебя хватаетъ духу такъ нагло лгать и хвалить эдакую плоскую чепуху, и все это потому только что тебѣ деньги до зарѣзу нужны!“...

— Ну вотъ, ну вотъ, я и зналъ, что найду въ васъ человѣка съ тонкимъ пониманіемъ! говорилъ торжествующій Шмецъ.—Ахъ, эта поэзія и ея святыя прелести! Ну подумайте, что въ состояніи замѣнить ихъ для души, и особенно въ меркантильное, матеріалистическое время?!.. Нѣтъ, кто что ни говори, а я искренно, всею душой люблю поэзію и никогда отъ нея не отстапу... Это единственный лучъ, который облагороживаетъ человѣческую душу и не даетъ ей окончательно зачерствѣть и погрязнуть въ эгоистическихъ интересишкахъ нашей современной жизни. Но вотъ, Бога ради, прослушайте еще одно стихотвореньице!

И господинъ Шмецъ неудержимо уже, въ какомъ-то поэтическомъ запоѣ, сталъ душить ошеломленнаго поручика, чтеніемъ своихъ стихотвореній, нанизывая ихъ одно за другимъ, безъ отдыха и перерыва, и только при каждомъ новомъ плодѣ своего вдохновенія:

— А это!.. А это?!.. А вотъ это еще!.. Посмотрите! Послушайте! И онъ декламировалъ и декламировалъ и самъ прислушивался къ музыкѣ своихъ стиховъ и упивался ею, и такимъ образомъ были прочитаны: „Сонъ“, затѣмъ „Мечты и грезы“, „къ матери-Музѣ“, затѣмъ „къ сиротѣ Полѣ“, къ какой-то „мамзель Лизель“, къ графинѣ К., къ баронессѣ М., сатира на г-жу Мокуръ, баллада подъ названіемъ „жена казака“, а затѣмъ уже пошло нѣчто совсѣмъ безобразное насчетъ „упругихъ персей“ и „ловкихъ диверсій“, да насчетъ участья, счастья и ада сладострастья... Поручикъ Болиголова даже вспотѣлъ отъ этой нескончаемой пытки.—„Да когдаже ты, музинъ сынъ, начнешь наконецъ о дѣлѣ!“ мыслилъ онъ, терзаясь и злобствуя втайнѣ:—„на смѣхъ, что-ли, послалъ меня любезнѣйшій кузенъ къ этому хлыщу! или все это идетъ за проценты?“.

Но наконецъ-то господинъ Шмецъ дошелъ до послѣдней страницы своей тетрадки, и замолкъ, съ видомъ сладостнаго разслабленія. Далѣе читать уже было нечего. Слава Тебѣ, Господи! Поручикъ разсчитывалъ сейчасъ-же приступить къ дѣлу: но опять-таки не тутъ-то это было!

— Знаете-ли, вы мнѣ можете сдѣлать большое одолженіе. началъ господинъ Шмецъ, пытливо смотря на поручима ласкающимъ взоромъ:—Возьмите-ка съ собою эту тетрадку и передайте ее вашему кузену — только чуръ! Бога ради, не говорите какъ и отъ кого вы ее получили... Это, видите-ли, до времени составляетъ чужой секретъ... („Врешь“ подумалъ Болиголова). Но да... секретъ, котораго раскрывать я не имѣю права... Но пусть вашъ кузенъ прочтетъ, выберетъ изъ этого нѣсколько вещицъ, которыя наиболѣе ему понравятся и отпечатаетъ въ своемъ журналѣ. Вамъ это, надѣюсь, очень легко будетъ сдѣлать.

— Но я думаю, вамъ-же еще легче, возразилъ Болиголова:—вѣдь вы его сотрудникъ.

— Н-да-а, оно конечно... кисловато поморщился господинъ Шмецъ:—но мнѣ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, не хотѣлось-бы чтобы это шло черезъ меня... И это собственно по отношенію къ другимъ сотрудникамъ... Я не желаю, чтобы они знали, что это идетъ отъ меня... Вы еще не знаете, что это за народъ: тутъ сейчасъ вѣдь интриги и прочее, а мнѣ, между тѣмъ, очень хотѣлось-бы провести въ свѣтъ молодой талантъ. Пусть сначала будетъ напечатано, прочтется публикой и тогда, смотря по степени успѣха, можно будетъ открыть и имя автора.

Нечего дѣлать! Пришлось поручику, въ ожиданіи благъ будущаго займа, согласиться на эту уступку, которая, по заявленію самаго Шмеца, будетъ принята имъ въ смыслѣ большаго одолженія. Онъ взялся передать тетрадь кузену-редактору.

— Однако... вотъ что, Анатолій Борисовичъ... помявшись немного, рѣшился онъ наконецъ самъ заговорить о дѣлѣ, видя, что Шмецъ рѣшительно не подымаетъ о немъ разговора.

Господинъ Шмецъ тотчасъ-же принялъ дѣловой, суховатый видъ, поджалъ губы и насторожилъ уши.

— Мнѣ кузенъ сказывалъ, продолжалъ Болиголова:— что онъ говорилъ вамъ насчетъ... насчетъ моего дѣла...

— То есть? заморгавъ глазами, какъ-то нервно подался впередъ литераторъ.

— То есть насчетъ того что мнѣ очень нужны были-бы деньги, и я ищу ихъ...

— Ахъ да! это о деньгахъ! съ небрежнымъ зѣвкомъ махнулъ Шмецъ рукою: — Какъ-же, какъ-же!.. Помню, онъ сказывалъ мнѣ что-то... Ну-съ, такъ что-же?

— Кузенъ рекомендовалъ мнѣ обратиться именно къ вашему содѣйствію.

— Хм... къ моему содѣйствію... То есть, какъ-же это?..

— А ужъ право не знаю. Вѣроятно, ему это болѣе извѣстно...

— Хм... То-есть, конечно, я настолько пріятель съ вашимъ кузеномъ, что не прочь сдѣлать для него, по силѣ возможности, какое нибудь пріятное одолженіе, но-о...

Господинъ Шмецъ остановился и нѣсколько задумался, пощелкивая пальцемъ объ палецъ и неопредѣленно устремивъ совиные глаза куда-то въ пространство.

— Какъ велика сумма, которую вы бы желали? спросилъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія.

— Тысячу рублей, доложилъ ему поручикъ.

— Тысячу рублей... Хм... Это такая ничтожная сумма, что... Видите-ли, я собственно подобнаго сорта дѣлами вовсе вѣдь не занимаюсь, заговорилъ Шмецъ какъ-бы оправдываясь: — то-есть надо вамъ знать, что въ коммерческомъ мірѣ я, дѣйствительно, веду дѣла, но дѣла слишкомъ крупныя, гдѣ иногда приходится на биржѣ изъ одного кармана въ другой перешвыривать цѣлые десятки, а то и сотни тысячъ... Вы понимаете, это совсѣмъ другая штука!.. Конечно, я могъ-бы охотно ссудить васъ изъ моихъ нормальныхъ денегъ. Но къ сожалѣнію, въ настоящую минуту совершенно не имѣю свободныхъ суммъ, которыми могъ-бы располагать по произволу; стало быть, надо обратиться къ займу, а занимать мнѣ—вы понимаете-ли—*мнѣ*, Анатолію Борисовичу Шмецу, который ведетъ дѣла свои en grand и вдругъ занимать какую нибудь ничтожную тысячу рублей—это... это, согласитесь, можетъ меня только скомпрометировать въ моемъ коммерческомъ мірѣ, можетъ даже кредитъ мой подорвать... Вотъ, если-бы вамъ нужно было двадцать, тридцать тысячъ,—ну, тогда другое дѣло! Я, пожалуй могъ-бы добыть вамъ у одного человѣка, банкиръ тутъ есть одинъ, мой пріятель,—но, надо знать, что это, батюшка мой, Жидъ, и потому даетъ разумѣется, не иначе какъ только подъ соотвѣтственное обезпеченіе, то есть подъ залогъ домовъ, земель или бумагъ достаточно солидной цѣнности. А такъ, безъ этого, я просто и ума не приложу чѣмъ тутъ помочь вамъ!

Господинъ Шмецъ видимо ломался и вралъ, съ цѣлью придать себѣ пущей важности въ глазахъ поручика. Какъ ни старался онъ напустить на себя поболѣе достоинства и презрительнаго тона, когда говорилъ, что вовсе не занимается „дѣлами *подобнаго сорта*“ однако-же Болиголова подмѣтилъ въ немъ черту совершенно общую и тождественную съ Ицкой Янкелевичемъ Штралецкимъ,—это именно упоминаніе про „одного человѣка“ и „пріятеля“, который какъ-бы нѣкій миѳъ, постоянно фи-

гурируетъ у всѣхъ подобныхъ господъ въ подобныхъ обстоятельствахъ: это, дескать, не отъ насъ, а все отъ того „одного человѣка“ зависитъ, все онъ-де, все тотъ-же самый нужный человѣкъ, все тотъ-же пріятель-Жидъ,—не Еврей, а просто Жидъ-пархатый; „сволочь“, которому необходимы вѣрныя обезпеченія и жидовскіе проценты, а безъ того-де мы бы сами всей душой готовы!

Болиголовѣ очень ужъ стало противно это ломанье господина Шмеца, такъ, что онъ не продолжалъ болѣе разговора, взялся за шапку и поднялся съ мѣста.

— Постойте, батенька, куда-же вы стремитесь! остановилъ его Шмецъ: — дайте-ка немножко пораскинуть умомъ,—авось либо и придумаемъ для васъ что нибудь подходящее... Говоря откровенно, я къ вамъ почувствовалъ большую симпатію, да и въ уваженіе къ рекомендаціи вашего кузена мнѣ-бы очень, очень хотѣлось оказать вамъ эту пустячную услугу. Присядьте-ка немного, а я подумаю...

Господинъ Шмецъ, напустивъ на себя сосредоточенно задумчивый видъ, потупилъ голову и медленно сталъ расхаживать по кабинету, играя халатными кистями.

— Вотъ что! сказалъ онъ наконецъ, остановясь предъ Болиголовымъ съ рѣшительнымъ видомъ:—самъ я, повторяю, этими дѣлами... ну, то-есть положительно не занимаюсь!.. Какъ тамъ ни извиняйте, какъ тамъ ни смотрите, а все оно какъ-то грязновато выходитъ... да и противно мнѣ... Что дѣлать! Характеръ ужъ такой!.. Будь у меня только свободныя—ей-Богу, послѣднія-бы отдалъ! Вѣрьте мнѣ, голубчикъ!.. Но давать въ ростъ, подъ вексель, на проценты—чортъ возьми! Я слишкомъ поэтъ, слишкомъ артистическая натура для этого!.. А мы вотъ что: есть тутъ у меня одинъ человѣкъ — онъ иногда по моимъ дѣламъ бѣгаетъ... Поговорите-ка вы съ нимъ, а я его предупрежу, и онъ вамъ навѣрное какъ нибудь это устроитъ...

— Очень хорошо, согласился поручикъ и освѣдомился когда именно и въ какой часъ можетъ состояться свиданіе съ „человѣчкомъ“.

— Да завтра,—чего-же откладывать! назначилъ господинъ Шмецъ:—являйтесь прямо къ завтраку и тутъ вы встрѣтитесь и, надѣюсь, дѣло ваше будетъ кончено съ полнымъ успѣхомъ. А тетрадку-то мою не забудьте, прибавилъ онъ, подавая поручику рукопись.—Пожалуйста, ужъ такъ, какъ я говорилъ... про стихи-то... ужъ я буду надѣяться...

И они разстались.

— Ну что? спросилъ редакторъ кузена, когда тотъ пріѣхалъ къ обѣду.

Болиголова въ подробности разсказалъ про свое утреннее посѣщеніе.

— Ломается, шельмецъ! Это его постоянная манера, замѣтилъ редакторъ, выслушавъ разсказъ:—и про биржевыя тысячи все это совралъ, покрайней мѣрѣ на двѣ трети! Ужъ что касается до стишковъ, то это, братъ, прямо контрибуція съ меня за мою рекомендацію... Эдакая гадина!

(Окончаніе будетъ).

Литовцы.

Литовцы, происшедшіе изъ смѣси разныхъ народовъ, считаются какъ бы полу-братьями славянъ, съ которыми они составляютъ отдѣльную вѣтвь индо-европейской семьи. Ближайшіе родственники литвино-славянъ суть германцы. Подъ именемъ литовскихъ народовъ разумѣются вообще два племени: литовское и латышское, соединенное между собою сходствомъ расъ. Потомки древнихъ порусcовъ, пруццовъ, дикаго народа, составлявшаго третье главное племя литовскихъ народовъ, исчезли уже болѣе двухъ столѣтій.

Это латышско-литовское племя заселяетъ западныя окраины Россіи, отъ Рижскаго залива до Западнаго Буга и простирается до 2.600,000 душъ Оно раздѣляется на двѣ вѣтви: *собственно литовцевъ* (въ томъ числѣ самогитовъ или жмудь), которые населяютъ губерніи ковенскую, виленскую, гродненскую, часть курляндской губерніи и отчасти сѣверную Польшу—и *латышей*, живущихъ въ губерніяхъ курляндской и лифляндской, и встрѣчающихся также въ псковской, ковенской, витебской и петербургской губерніяхъ.

Хотя по цивилизаціи и благосостоянію, самогиты въ ковенской губерніи и въ сѣверной Польшѣ, съ давнихъ поръ занимали первое мѣсто между литовскими народами, но литвины, особенно тѣ, что живутъ въ виленской и восточной части ковенской губерніи, все-таки должны считаться за коренной народъ литовской расы, вѣтви которой, въ очень отдаленныя эпохи, отдѣлялись отъ нея и смѣшивались съ другими народами, оказывавшими на нихъ весьма сильное вліяніе. Литовцы же составляли политическій центръ великаго княжества Литовскаго, занимавшаго всю теперешнюю западную территорію Россіи.

То, что мы знаемъ о литовскихъ народахъ въ теченіи первыхъ десяти вѣковъ христіанской эры, весьма неопредѣленно и ограниченно. Въ очень отдаленныя эпохи, мы уже находимъ значительные отпрыски этихъ народовъ въ иностранныхъ государствахъ, гдѣ они смѣшивались съ другими національностями, относясь часто враждебно къ своимъ соотчичамъ. Но распространеніе литовскаго племени шло вообще только на сѣверъ и западъ. Передвиженіе римскихъ племенъ имѣло своимъ результатомъ, происхожденіе изъ смѣси обѣихъ народностей, особаго племени, латышей. Эти послѣдніе вскорѣ подпали подъ власть нѣмецкихъ завоевателей, между тѣмъ какъ юго-западные литовцы основали сильное государтво подъ именемъ княжества Литовскаго. Такъ какъ исторія этого государства тѣсно связана съ судьбами западной Руси, то мы немного остановимся здѣсь на ней.

Великое княжество литовское занимало сѣверную и большую часть западной Россіи и главной своей массой лежало между Великороссіей и королевствомъ польскимъ, простираясь къ сѣверу до Курляндіи, Лифляндіи. Литовцы, ближайшіе сосѣди древней Пруссіи, являются лишь въ концѣ XII столѣтія подъ именемъ лештовъ. Сначала они жили между Мемелемъ и Двиною, куда вытѣснили ихъ славянскія племена. Въ этомъ новомъ отечествѣ они вскорѣ сдѣлались добычею своихъ сосѣдей, и до половины XIII столѣтія не имѣли никакого значенія въ средѣ европейскихъ народовъ. Однако, мало по малу, они завоевали себѣ независимость и расширили границы своихъ областей отъ Нѣмана до Днѣстра и отъ Буга до Днѣпра, такъ что нѣкоторое время Литовское княжество заключало въ своихъ предѣлахъ лучшую часть древней Руси, именно часть Великой Россіи съ Смоленскомъ и большую часть Малой Россіи съ Кіевомъ.

Настоящимъ основателемъ литовско-русскаго княжества былъ Гедиминъ (1320 — 1345). Этотъ могущественный князь расширилъ владѣніе своего народа до Волыни, Чернигова и Кіева и держалъ въ страхѣ монголовъ. Послѣ него, сынъ его Ольгердъ, угрожалъ сильному Тевтонскому ордену и монголамъ и распространилъ свое могущество до Восточной Руси, за Днѣпръ. При сынѣ и наслѣдникѣ Ольгерда, Ягеллѣ (1377 — 1434), Литовское княжество постигло самое памятное и самое важное, по своимъ результатамъ, событіе—присоединеніе его къ Польшѣ, съ которою впослѣдствіи оно слилось совершенно. Въ 1386 г. Ягелло принялъ католическое крещеніе и пріобрѣлъ польскую корону, посредствомъ брака съ Гедвигою, наслѣдницею польскаго престола послѣ короля Казиміра.

Окончательное соединеніе Литовскаго княжества съ Польскимъ королевствомъ совершилось почти черезъ двѣсти лѣтъ послѣ Ягелла, при послѣднемъ потомкѣ его, Сигизмундѣ-Августѣ (1569). Западная Русь, горячо преданная вѣрѣ своихъ предковъ, православію, никогда не желала соединенія съ поляками, и Литовское княжество неоднократно отдѣлялось отъ Польши, грозившей гоненіемъ православію. Соединенія этого желали, во первыхъ сами Ягеллоны, во вторыхъ польскіе вельможи, а главнымъ образомъ хлопотало объ этомъ латинское духовенство; послѣднее видѣло въ этомъ союзѣ удобное средство къ исполненію постоянной мысли римскаго двора подчинить греко-россійскую церковь папѣ, не терявшему надежды присвоить надъ нею власть, даже послѣ неудачныхъ попытокъ въ этомъ смыслѣ при Даніилѣ Романовичѣ и Александрѣ Невскомъ. Наконецъ послѣ двухвѣковыхъ усилій, поляки достигли своей цѣли: соединили Литовское княжество съ королевстомъ въ одну *Рѣчь Посполитую*, и ввели въ литовскую Русь унію, послужившую впослѣдствіи источникомъ столькихъ народныхъ бѣдствій и кровопролитій. Многочисленное православное населеніе Литвы слышать не хотѣло объ уніи, она вводилась насильно.

Съ несчастнымъ присоединеніемъ къ Польшѣ, прекращается самостоятельное существованіе Литовскаго княжества. Съ раздѣломъ Польши оно перешло къ Россіи, имѣя слѣдующія составныя части: собственно Литву, Полѣсье, Черную Русь, Бѣлую Русь (заключавшую три нынѣшнія губерніи: Витебскую, Могилевскую у Минскую) и Самогитію. Всѣ греко-уніатскія епископскія каѳедры перешли къ Россіи. Уже Екатерина II

взяла у присоединенной церкви Кіевское архіепископство, отдѣленное Ягелломъ еще въ началѣ XV столѣтія и всѣми мѣрами покровительствовала переходу уніатовъ въ господствующую православную церковь. Папа Пій VI въ 1698 г. вновь организовалъ унію, но безуспѣшно. Будучи дѣломъ немногихъ лицъ, руководимыхъ личными интересами, унія не находила себѣ почвы; переходы уніатовъ въ православіе повторялись чаще и чаще и унія теряла мало по малу всякую самостоятельность. Николай I, въ отношеніи уніатовъ слѣдовалъ политикѣ Екатерины; въ 1827 г. они были подчинены надзору министерства внутреннихъ дѣлъ (департаментъ иностранныхъ исповѣданій). Наконецъ, въ 1839 г. при умномъ руководителѣ тогдашнихъ уніатовъ, покойномъ митрополитѣ Іосифѣ, особенно крупный фактъ доказалъ всю несостоятельность уніи: 3 епископа и 1305 уніатскихъ священниковъ объявили въ Полоцкѣ совершенное отпаденіе отъ римско-католической церкви, прося императора и святѣйшій синодъ о принятіи ихъ въ греко-православную церковь-

Обратимся теперь къ кореннымъ обитателямъ Литвы, собственно литовцамъ.

Все что можетъ напоминать въ настоящее время литовскую національность, ограничивается языкомъ, нѣкоторыми особенностями костюма, да остатками язычества, въ которомъ народъ этотъ находился менѣе, чѣмъ пятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Все остальное неразрывно слито съ польскимъ элементомъ, не исключая католической религіи, къ которой почти исключительно принадлежатъ всѣ литовцы.

Число литовцевъ въ русской имперіи простирается до 1,480,000. Изъ этого числа главная масса населяетъ губерніи ковенскую и виленскую, остальные разсѣяны въ августовской провинціи въ Польшѣ, въ Курляндіи и въ Гроднѣ. Какъ мы уже говорили, они раздѣляются на собственно лутовцевъ (литвиновъ) к на самогитовъ (жмудь). Послѣдніе въ числѣ 440,000 занимаютъ восточную часть Ковенской губерніи, и въ числѣ 200,000 сѣверную часть августовской провинціи, что составляетъ вмѣстѣ 660,000 душъ. Какъ и литвины, всѣ самогиты католики. Между тѣми и другими существуетъ довольно замѣтная разница, какъ въ языкѣ, такъ и въ степени цивилизаціи, обычаяхъ, предразсудкахъ и даже одеждѣ; но чистый литовскій типъ представляютъ литовцы.

Это народъ мускулистаго, крѣпкаго сложенія; въ прежнія времена, когда они вели въ своихъ дремучихъ лѣсахъ дикую, вольную жизнь охотника, между ними бывали великаны. Въ послѣднее время ростъ ихъ сталъ замѣтно уменьшаться, однако онъ рѣдко бываетъ ниже средняго. Почти всѣ литовцы бѣлокуры, съ голубыми глазами на выкатѣ. Носъ у нихъ имѣетъ почти всегда античную форму, образуя одну прямую линію со лбомъ; кожа на лицѣ и тѣлѣ очень бѣла. Въ мѣстахъ, населенныхъ исключительно литовцами, женщины очень хороши собой; у нихъ голубые глаза, бѣлокурые волосы, правильныя черты лица; при этомъ онѣ чрезвычайно бѣлы и стройны. Мущины брѣютъ лицо, а волосы большею частію оставляютъ длинные съ прямымъ проборомъ по серединѣ головы. Костюмъ ихъ состоитъ изъ холщевой рубашки съ отложнымъ воротникомъ и такихъ же холщевыхъ панталонъ; рубашка подпоясана кожаннымъ поясомъ, у котораго висятъ ножъ и трубка. Лѣтомъ, сверхъ рубашки, надѣвается открытый спереди холщевый балахонъ; зимой и осенью балахонъ этотъ бываетъ изъ сукна, съ стоячимъ воротникомъ и карманами; онъ всегда подпоясанъ кожаннымъ поясомъ съ большой пряжкой. Въ сильные морозы носятъ коротенькіе овчинные кафтаны и шапки съ длинными ушками. Головной уборъ состоитъ обыкновенно изъ суконной фуражки, а лѣтомъ, на полевыхъ работахъ, изъ соломенной шляпы собственнаго крестьянскаго издѣлія. Женщины и дѣвушки ходятъ въ холщевыхъ рубашкахъ, короткихъ цвѣтныхъ, большею частію полосатыхъ, юбкахъ и узорчатыхъ на подолѣ передникахъ; кромѣ того, сверхъ рубашки, надѣвается корсажъ изъ синяго сукна или просто какой нибудь матеріи, безъ рукавовъ. Шея украшена бусами; голова покрыта большимъ бѣлымъ или цвѣтнымъ платкомъ; зимой его замѣняетъ капюшонъ въ видѣ чепчика. У молодыхъ дѣвушекъ изъ подъ платка висятъ двѣ косы, украшенныя лентами, а лѣтомъ цвѣтами. Въ большіе праздники голова не повязывается платкомъ. Лѣтомъ, онѣ большею частію босикомъ, а зимой въ лаптяхъ и онучахъ; башмаки надѣваются только въ большіе праздники. Праздничный костюмъ почти такой же и какъ и будничный, только сшитъ изъ болѣе тонкой матеріи.

Домашній бытъ литовскаго крестьянина бѣденъ и грязенъ. Избы малы, безъ пола и трубъ; онѣ раздѣляются на двѣ темныя каморки, гдѣ царствуетъ страшная духота и грязь, потому что тутъ же помѣщаются и куры, и вся домашняя скотина. Крыши крыты соломой. Несмотря на самый тяжелый трудъ, къ которому съ малолѣтства привыкъ здѣшній крестьянинъ, часто онъ не имѣетъ необходимыхъ средствъ къ существованію. Самое критическое для него время, весна. Зерна на посѣвъ нѣтъ, надо занимать у помѣщика, а чаще всего у жида, этой язвѣ, наводняющей весь край. Первые жиды, поселившіеся въ Литвѣ, пришли сюда изъ Кіева въ XII вѣкѣ. Они всѣми средствами эксплуатируютъ бѣдственное положеніе крестьянъ и страсть ихъ къ водкѣ; евреямъ это тѣмъ болѣе легко, что они монополизировали всю мелочную торговлю виномъ. При наиболѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, крестьянинъ ѣстъ картофель и самый грубый черный хлѣбъ, въ неурожайные же годы, довольно частые въ здѣшнемъ краѣ, онъ питается щавелемъ отваренномъ въ водѣ съ ничтожной примѣсью муки. Ужасно видѣть тогда этихъ несчастныхъ, умирающихъ съ голода, часто пораженныхъ заразительными болѣзнями. Лакомымъ кушаньемъ считается рыба и каша изъ недозрѣтой ржи. Соль употребляется здѣсь вообще мало. Гибельная страсть къ вину распространена повсемѣстно и играетъ важную роль при заключеніи всякихъ сдѣлокъ, причемъ крестьяне, разумѣется, дѣлаются жертвою безсовѣстнѣйшаго обмана.

Жизнь литовской крестьянки проходитъ въ лишеніяхъ и трудахъ: она во всемъ помогаетъ мущинѣ и даже беременная, до послѣдней минуты, исполняетъ самыя тяжелыя домашнія и полевыя работы. При родахъ она не получаетъ никакой помощи, кромѣ того, что бабка держитъ у нея передъ лицомъ свѣчку и колотитъ вѣникомъ въ потолокъ избы. Тотчасъ послѣ родовъ, бѣдной измученной роженицѣ даютъ выпить горячей водки съ красной глиной, мёдомъ, перцомъ и масломъ. Новорожденнаго ребенка моютъ въ холодной водѣ, въ память Баумы или Лаимы, богини плодородія растительнаго и животнаго царства.

Въ обычаяхъ литовцевъ вообще сохранилось много слѣдовъ язычества. Изъ народныхъ праздниковъ самый замѣчательный у нихъ *кекирисъ* (по русски кукало, по польски суботекъ), который празднуется наканунѣ Иванова дня съ такими же церемоніями и прыганіемъ черезъ зажженныя смоляныя бочки, какъ у чухонъ. Литовцы вѣрятъ, что въ ночь на Ивановъ день, животныя и деревья разговариваютъ между собой; въ эту ночь не выгоняютъ лошадей въ табунъ, чтобы ихъ не похитили вѣдьмы, которыя пролетаютъ на метлахъ въ Кіевъ. На другое утро ищутъ разныя травы, свѣтятъ ихъ и сохраняютъ какъ цѣлебныя средства.

Въ Рождественскій сочельникъ варятъ пшеничную или ячменную кутью, и, въ воспоминаніе ясель, въ которыхъ родился Спаситель, кладутъ сѣно подъ скатерть. Въ Крещенье на всѣхъ дверяхъ пишутъ буквы *С. М. В.* (Каспаръ, Мельхіоръ, Балтазаръ) и вездѣ кропятъ святой водой. Между Рождествомъ и Крещеньемъ, послѣ заката солнца не работаютъ, а собираются другъ у друга и гадаютъ.

Между литовцами грамотность распространена гораздо больше, нежели между ихъ сосѣдями, обитателями Бѣлоруссіи. Изъ нихъ половина умѣетъ читать священныя книги, написанныя на литовскомъ языкѣ. Литовскія преданія, пѣсни, пословицы, сохранившіяся въ большемъ числѣ служатъ очевидными доказательствами, что въ умственномъ отношеніи природа не обидѣла этого народа. Обыкновенно литовцевъ, равно какъ бѣлоруссовъ, считаютъ существами неповоротливыми, тупыми; однако, не смотря на ихъ апатичность и кажущееся тупоуміе, они часто выказываютъ совершенно противуположныя качества, Другой разъ, забитый крестьянинъ-литовецъ, какимъ нибудь неожиданнымъ замѣчаніямъ обнаруживаетъ такую опытность, такое глубокое пониманіе жизни, что съ изумленіемъ спрашиваешь себя, гдѣ и какими судьбами этотъ грубый, лишенный необходимаго человѣкъ, могъ пріобрѣсти столько наблюдательности и здраваго смысла.

Надо еще прибавить, что литовцы отличаются большой покорностью властямъ; глава семьи пользуется всегда большимъ почетомъ, всѣ члены семьи вполнѣ подчинены ему. Литовцы, вообще тихіе и набожные, иногда очень упрямы. Но особенно хороша въ нихъ одна черта—трогательная любовь къ родинѣ; къ скудному клочку земли, который они обработываютъ въ потѣ лица, чтобы кое-какъ прокормить свою семью.

Разбитая лира.

(Мотивъ Шенье).

Лиру разбила она—въ ней созвучія сердцу не слыша—
Въ горѣ, что муза чужда страстнымъ моленьямъ ея.
Дѣва—чего же ты въ лирѣ своей златострунной искала?
Выдалъ мнѣ тайну твою этотъ проказникъ Эротъ.

Ап. М—въ.

Королева англійская Елизавета подписываетъ смертный приговоръ Маріи Стюартъ. Картина Лизенмейера, съ новымъ способомъ для печати чрезъ посредство фотографіи, приготовлено Штабъ-Капит. Едреновымъ.

Елизавета Тюдоръ и Марія Стюартъ.

Елизавета дочь Генриха VIII и Анны Болейнъ родилась 7-го сентября 1533 года.

Въ ряду царственныхъ особъ Англіи трудно встрѣтить лицо, которое бы пользовалось большей популярностью между современниками и оставило бы болѣе блестящую по себѣ память въ потомствѣ.

Можно сказать положительно, что безъ ея содѣйствія протестантизмъ не одержалъ бы побѣды нетолько въ Англіи, но и во многихъ другихъ европейскихъ государствахъ. Елизавета являлась опорой протестантизма всюду, гдѣ только онъ нуждался въ ея помощи.

Въ то же самое время она упрочивала за страной своей первое мѣсто въ ряду европейскихъ державъ и положила основы того политическаго могущества, которому предстояло такое блестящее развитіе въ будущемъ.

Елизавета была женщина замѣчательнаго ума и образованія. Она владѣла въ совершенствѣ латинскимъ, французскимъ, испанскимъ, голландскимъ и итальянскимъ языками, изучала классиковъ и вообще подъ руководствомъ извѣстныхъ ученыхъ того времени получила блестящее образованіе.

Складъ ума ея былъ чисто мужской и вообще она отличалась отсутствіемъ женственности во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ ея характерѣ часто проявлялись тѣ же деспотическія наклонности, какъ и въ характерѣ отца ея Генриха VIII. Кромѣ деспотизма она отличалась въ своихъ дѣйствіяхъ безсовѣстнымъ коварствомъ и двуличностью.

Со всѣми своими достоинствами и недостатками она была такая истая англичанка, такъ домовита, положительна и практична, что англійскій народъ не могъ относиться къ ней несочувственно. Смертельными врагами ея являлись только католики, пресвитеріане и пуритане.

Благодаря ненависти католиковъ и враждѣ съ ними, царствованіе Елизаветы ознаменовалось борьбой съ Маріей Стюартъ, королевой Шотландской. Въ этой борьбѣ характеръ Елизаветы обрисовывается во всей своей безобразной наготѣ. Жестокость, ненависть, зависть, все это прикрытое отчаяннымъ лицемѣріемъ, вотъ черты, обнаруживпіяся въ ея отношеніяхъ къ Маріи Стюартъ. Первый поводъ къ гоненію на Марію подалъ отчасти папа Павелъ IV.

Вступивъ на престолъ Елизавета не хотѣла разрывать связи съ католической церковью и заявила святому отцу, что она не намѣрена тревожить своихъ поданныхъ изъ-за религіозныхъ убѣжденій. Это не понравилось Павлу IV. Онъ не довольствовался такого рода отношеніями къ католицизму и потому предъявилъ требованія, принять которыя было бы крайней нелѣпостью. Папа объявилъ англійскому повѣренному, между прочимъ, что по его мнѣнію Елизавета не законная дочь Генриха VIII и потому право на престолъ принадлежитъ не ей, а Маріи Стюартъ и предлагалъ разсудить этотъ вопросъ по всей справедливости. Конечно послѣ такого заявленія Елизавета не могла оставаться вѣрной римской церкви и должна была бояться Маріи какъ соперницы на англійскій престолъ и соперницы опасной, имѣвшей много приверженцевъ католиковъ; Марія могла къ тому же разсчитывать на Францію. Она была дочь Іакова V Шотландскаго. Мать ея была Марія Лотарингская, сестра Гизовъ, и по смерти мужа управляла Шотландіей.

Маленькую Шотландскую королеву увезли во Францію, гдѣ она воспитывалась и вышла замужъ за Франциска II. Характеръ, привычки и воспитаніе Маріи слишкомъ расходились съ строгими нравами ея родины, и до своего брака уже она пріобрѣла между шотландцами непримиримыхъ враговъ.

Въ это время у нихъ пользовался большимъ успѣхомъ Джонъ Ноксъ, обладавшій сильнымъ краснорѣчіемъ. Онъ проповѣдывалъ мрачный кальвинизмъ, учившій о грѣховности всякаго чувственнаго наслажденія и радости. Если такое строгое ученіе находило себѣ много приверженцевъ, какъ мы видимъ изъ исторіи Шотландіи, то какое же впечатлѣніе должна была произвести на этихъ фанатиковъ молодая, красивая, легкомысленная Марія, привыкшая къ той блестящей роскоши и тѣмъ непозволительнымъ по выраженію Шлоссера удовольствіямъ, которыми она была окружена при французскомъ дворѣ Екатерины Медичи.

Она не могла помириться съ строгимъ пресвитеріанскимъ ученіемъ и соотвѣтственнымъ ему шотландскимъ образомъ жизни; всю жизнь оставалась она живой, легкомысленной француженкой, составляя яркій контрастъ съ чопорной, строгой англичанкой Елизаветой, которую часто шокировала своей вѣтренностью, презиравшей всѣ приличія.

Съ того времени какъ умеръ Францискъ II и Марія переѣхала въ Шотландію, между ней и Елисаветой начинается открытая борьба. Королева Англіи начала съ того, что не позволила Маріи проѣхать черезъ свои владѣнія и послала даже корабли захватить ее въ плѣнъ, котораго Марія избѣгла совершенно случайно. Съ этихъ поръ жизнь ея полна несчастій и самыхъ трагическихъ приключеній.

Въ Шотландіи противъ нея начались возстанія, хотя на первыхъ порахъ она принята была своими подданными съ восторгомъ, но такое настроеніе не долго продолжалось, потому что они не могли простить ей ея поведенія. Возникли недовольства, постоянно встрѣчавшія поддержку со стороны Елизаветы, имѣвшей на Шотландію большое вліяніе.

Елизавета съ изумительной ловкостью обдѣлывала свои дѣла: она съумѣла поставить Марію въ полную отъ себя зависимость, такую зависимость, что послѣдняя не могла даже выйдти замужъ по своему желанію, а должна была подчиниться волѣ королевы Англіи, неизмѣнившей себѣ и тутъ.

Неодобривъ ея брака съ эрцгерцогомъ Карломъ, она сватала ее за своего любовника Лейстера, но конечно не могла этого дѣлать съ серьезнымъ намѣреніемъ. Марія поставленная въ такое положеніе рѣшилась выйдти за одного шотландскаго вельможу Генриха Дарнлея, графа Леннокса, человѣка грубаго, вспыльчиваго, преданнаго пьянству и крайне взбалмошнаго. Сначала она страстно любила его, потомъ вдругъ совершенно измѣнилась и не соглашалась болѣе раздѣлять съ нимъ власть.

Марія явно стала отдавать предпочтеніе своему секретарю и казначею Ричіо, который былъ ея любимцемъ еще до брака.

Такого рода отношенія ужасно бѣсили Дарнлея и онъ заключилъ союзъ съ самыми отчаянными противниками своей жены. Результатомъ этого союза было варварское убійство Ричіо въ кабинетѣ Маріи, въ ея присутствіи. Король съ своими сообщниками ворвался къ ней въ комнату, гдѣ она сидѣла съ Ричіо и двумя другими лицами. Онъ прямо объявилъ, что пришелъ убить красиваго секретаря. Напрасно Марія умоляла о пощадѣ, одинъ изъ заговорщиковъ приставилъ къ груди ея пистолетъ, а другой въ это время ударилъ кинжаломъ Ричіо. Его добили въ другой комнатѣ пятидесятью шестью ударами кинжала. Тѣмъ временемъ подоспѣли приверженцы королевы, но не могли помочь и Король рѣшилъ отвезти жену въ заключеніе, для того чтобы вынудить у нея согласіе на предложенныя условія.

Маріи однако удалось бѣжать. Во всей этой исторіи Елизавета играла самую гнусную роль: она знала о заговорѣ и тайно помогала заговорщикамъ деньгами, хотя и дѣлала видъ, что судьба Маріи ее очень безпокоитъ, велѣла даже поздравить свою соперницу съ благополучнымъ исходомъ дѣла; въ душѣ же она имъ была очень недовольна, такъ какъ вмѣстѣ съ своимъ главнымъ министромъ надѣялась воспользоваться вышеприведеннымъ случаемъ, чтобы овладѣть Шотландской короной.

Послѣ трагическаго происшествія съ Ричіо Марія помирилась съ мужемъ, но обращалась съ нимъ чрезвычайно не хорошо; отстранивъ его отъ дѣлъ, постоянно оскорбляла его.

Мѣсто Ричіо при ней занялъ графъ Ботвель, который съ двумя другими министрами завѣдывалъ государственными дѣлами.

Между мужемъ Маріи и этими тремя правителями установились настолько недружелюбныя отношенія, что Дарнлей потребовалъ ихъ удаленія, на что Марія не согласилась. Обоюдная ненависть дошла до того, что Ботвель съ своими товарищами рѣшилъ убить Дарнлея. Королева не могла не знать объ заговорѣ и отношенія къ мужу рисуютъ ее въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ: все говоритъ въ пользу того, что она была участницей преступленія.

Послѣ полуторогодовой размолвки съ мужемъ она вдругъ стала относиться къ нему, когда онъ захворалъ оспой, съ чрезвычайной нѣжностью. По ея просьбѣ Дарнлей поселился въ загородномъ домѣ гдѣ вскорѣ и былъ убитъ. Домъ былъ взорванъ, а трупъ короля найденъ въ сосѣднемъ саду, безъ всякихъ признаковъ обжога. Марія живши съ мужемъ не могла не знать, что заговорщики проводили мину подъ домъ и катастрофа произошла въ тотъ самый день, какъ она уѣхала въ свой дворецъ. Марія выказывала сильное огорченіе послѣ смерти мужа, но вмѣстѣ съ тѣмъ ея очень странное поведеніе наводило совсѣмъ на другія мысли.

Она не начала судебнаго преслѣдованія, пока не потребовалъ этого отецъ Дарнлея, графъ Ленноксъ.

Несмотря на то что улики противъ Ботвеля были очень вѣскія, Ленноксъ ничего не могъ добиться. Дѣло прекратили на половинѣ и Ботвель былъ оправданъ. Народъ остался недоволенъ такимъ отношеніемъ Маріи къ убійству мужа. Ея дѣйствія прямо наводили на мысль, что она была за одно съ убійцами мужа. Еще болѣе подтвердились эти подозрѣнія послѣдующими событіями. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того какъ Ботвель былъ привлеченъ къ суду Марія обвѣнчалась съ нимъ, что немало поразило всѣхъ.

Ботвель, отличавшійся отчаянной грубостью и очень сильными деспотическими наклонностями, женившись на Маріи сдѣлался въ полномъ смыслѣ ея тираномъ, чего хотѣлось ему добиться и относительно шотландцевъ. Этого не допустили его же прежніе товарищи.

Они взбунтовали народъ противъ него, силой заставили удалиться, а Марію привезли въ Эдинбургъ, гдѣ народъ встрѣтилъ свою королеву криками, не предвѣщавшими ничего хорошаго.

Послѣ всѣхъ этихъ происшествій ее отправили подъ строгимъ конвоемъ въ замокъ Лохлевенъ, гдѣ заставили отказаться отъ престола и поручить воспитаніе сына пуританамъ.

Марія благодаря содѣйствію одного юноши, бѣжала изъ заключенія.

Послѣ неудачной попытки возвратить свои права, она обратилась за помощью къ королевѣ англійской.

Съ этихъ поръ Марія уже была въ рукахъ Елизаветы, которая вскорѣ воспользовавшись различными интригами, заключила ее въ замокъ Тотбери. Съ заключеніемъ Маріи снова начались заговоры ярыхъ католиковъ и приверженцевъ шотландской королевы. Цѣлью ихъ было возвратить Маріи престолъ.

Тогдашній папа Пій VI принялъ также ея сторону и началъ борьбу съ Елизаветой, которую называетъ еретичкой. Онъ послалъ черезъ Испанію въ Англію буллу объ ереси и мнимомъ правѣ Елизаветы на престолъ. Этой буллой подданные освобождались отъ присяги.

Дѣйствія папы и приверженцевъ Маріи сильно вредили заключенной Королевѣ, да и не ей одной вредили они: борьба католицизма съ протестантизмомъ стоила жизни не одной тысячи людей.

Противъ католиковъ въ Англіи было издано множество карательныхъ законовъ. Елизавета не задумываясь казнила и мучила всѣхъ, не принадлежавшихъ къ протестантской церкви, но все это дѣлалось въ законныхъ формахъ и личнаго участія Елизавета, повидимому, ни въ чемъ не принимала, такъ что и тутъ осталась вѣрна своему характеру.

Изо дня въ день, въ продолженіи 14 лѣтъ, она мучила Марію. Каждая попытка со стороны приверженцевъ освободить ее, возбуждали въ Елизаветѣ злость и ненависть къ своей плѣнницѣ.

Съ каждымъ разомъ она выдумывала для нея новыя мученія.

Наконецъ въ 1586 году былъ открытъ заговоръ на жизнь Елизаветы, въ которомъ не замедлили обвинить и Марію, вслѣдствіе чего казнь ея была ускорена. Судьба шотландской королевы давно уже была рѣшена Елизаветой, но почему то все мѣшкали.

Личность Маріи Стюартъ, благодаря тѣмъ жестокостямъ, которымъ подвергала ее королева Англіи, много выиграла въ глазахъ современниковъ и потомства. Ея прежняя непривлекательная жизнь была забыта. Всѣ въ ней видѣли героиню, мученицу, судьба которой могла возбуждать одно сожалѣніе и симпатію. Елизавета на оборотъ возбуждала во всѣхъ справедливое чувство негодованія и своей личностью какъ бы оттѣняла жертву.

Передъ читателями картина Лизенмэйера. На ней изображенъ тотъ моментъ, когда Елизавета Тюдоръ подписываетъ приговоръ Маріи Стюартъ. Посмотрите съ какой тайной радостью она ищетъ глазами то мѣсто на листѣ, гдѣ однимъ взмахомъ пера можетъ наконецъ уничтожить свою соперницу, виновницу столькихъ опасеній и мученій.

Она подписала приговоръ, Марія пала ея жертвой, но не смотря на это королева съумѣла выгородить себя и показаться передъ народомъ неповинной въ смерти Маріи. Елизавета до конца осталась вѣрна себѣ.

Когда ей доложили, что казнь совершена, она розыграла отвратительную комедію: стонала, рыдала и вообще приняла это извѣстіе какъ неожиданность, заявивъ, что хотѣла отложить казнь и во всемъ обвинила своего секретаря Дэвисона; говорила, что онъ вынудилъ ея согласіе хитростью и поспѣшилъ имъ воспользоваться.

Чтобы доказать справедливость своихъ словъ, она удалила его отъ должности на нѣсколько лѣтъ, продержала въ заключеніи и конфисковала его имущество. Послѣ смерти Маріи, Елизавета на время оставила католиковъ и обратила свое вниманіе на другія дѣла Англіи.

О БАНКАХЪ.

Въ виду развитія у насъ въ Россіи банковой операціи, мы предносылаемъ настоящую замѣтку для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые мало знакомы съ этимъ важнымъ факторомъ, способствующемъ съ одной стороны къ сбереженію капиталовъ и облегченію общественнаго кредита, а съ другой—къ развитію торговли и промышленности.

Банки дѣлятся: на государственный, частные, городскіе, земскія, ипотечные, переводные и др. Государственный банкъ основанъ въ Россіи еще въ то время, когда у насъ вовсе не существовало частныхъ банковыхъ операцій. Съ развитіемъ акціонерныхъ компаній, съ развитіемъ экономическаго положенія страны явилась и потребность расширить банковый кредитъ, а въ послѣднее время Россія покрылась цѣлой сѣтью кредитныхъ учрежденій подъ разными наименованіями. Всѣ эти учрежденія болѣе или менѣе преслѣдуютъ ту основную идею, чтобы предоставить своимъ членамъ возможность выгодно помѣщать свои сбереженія и получать, на наивыгоднѣйшихъ для нихъ условіяхъ, посредствомъ ли дисконта векселей, или подъ залогъ процентныхъ и правительствомъ гарантированныхъ или негарантированныхъ, но имѣющихъ цѣнность бумагъ, недвижимостей, товаровъ и проч., необходимые для торговыхъ или промышленныхъ оборотовъ капиталы. Мы приведемъ здѣсь главныя основанія этихъ учрежденій. Производство операцій, предоставляемыхъ уставами банковыхъ обществъ, въ большинствѣ случаевъ, состоитъ: а) въ учетѣ представляемыхъ членами векселей — личныхъ или съ благонадежными на нихъ бланками: однимъ или болѣе; б) открытіе текущихъ счетовъ для своихъ членовъ, каждый членъ имѣетъ право вносить свои сбереженія, не стѣсняясь ихъ размѣрами, на текущій счетъ, причемъ на первый припятый для такого члена вкладъ выдается разсчетная книжка, въ которую записываются потомъ всѣ послѣдующія поступленія и отличаются выдачи денегъ вкладчикамъ. Полученіе обратно денегъ, внесенныхъ на текущій счетъ, всѣхъ или частями, производится немедленно по предъявленіи чека, на которомъ проставляется сумма, требуемая къ возвращенію. На деньги, внесенныя на текущій счетъ, идутъ проценты, опредѣленные по уставу; в) ссуды членамъ на извѣстный срокъ подъ залогъ товаровъ, драгоцѣнныхъ металловъ, государственныхъ процентныхъ бумагъ, акцій, облигацій, закладныхъ листовъ, недвижимостей: фабрикъ, заводовъ, домовъ, земель и проч.; г) пріемъ отъ членовъ къ учету вышедшихъ въ тиражъ процентныхъ бумагъ и купоновъ, которымъ минулъ срокъ; д) пріемъ вкладовъ для обращенія изъ процентовъ какъ на безсрочное время, такъ и на сроки, на разныхъ условіяхъ. Принятые отъ членовъ вклады или суммы, внесенныя въ кредитныя учрежденія на текущіе счеты, равно какъ и залоги, которымъ обезпечиваются выданныя имъ ссуды, ни въ какомъ случаѣ не подвергаются запрещенію или секвестру и выдаются банковыми учрежденіями посторонним лицамъ не иначе какъ по рѣшенію судебнаго мѣста. Всѣ внесенныя членами суммы обезпечиваются основнымъ и запаснымъ капиталами банковыхъ учрежденій, а также и всѣмъ имуществомъ, если таковое имѣется. При этомъ нужно замѣтить, что, на основаніи банковыхъ уставовъ основной или акціонерный капиталъ всякаго банка можетъ составлять $^1/_{10}$ часть всего капитала, ввѣреннаго ему членами изъ обращенія изъ процентовъ. Въ послѣднее время особенно замѣчается довольно сильное расширеніе операцій вкладовъ какъ срочныхъ, такъ и безсрочныхъ, равно и текущихъ счетовъ въ акціонерныхъ банкахъ коммерческаго кредита.

Упомянувъ о банкахъ вообще, мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ о московскомъ ссудномъ банкѣ, переживающемъ въ настоящее время свой кризисъ. Имѣя складочный капиталъ въ 3 мил. р., онъ располагалъ одними вкладами на опредѣленный срокъ болѣе чѣмъ на 11 мил. р., такъ что въ развитіи вкладной операціи онъ видѣлъ главную силу для своей дѣятельности, а отсюда само собою понятно, что чѣмъ у банка больше вкладовъ на срокъ, тѣмъ свободнѣе онъ можетъ дѣйствовать, тѣмъ обезпеченнѣе должно быть его положеніе и мы видимъ, что Московскій ссудный банкъ пользовался настолько громаднымъ кредитомъ, что его акціи въ свое время продавались съ значительною преміею, а обязательства его къ кредиторамъ доходятъ въ настоящее время до 217 р. Исторія крушенія этого банка уже извѣстна нашимъ читателямъ и мы можемъ сказать только, насколько выяснилось въ настоящее время его положеніе, что постигшая Московскій ссудный банкъ катастрофа имѣла исключительно мѣстный характеръ и нисколько не повліяла на остальныя банковыя учрежденія. Всѣ заявленныя требованія къ банку обезпечиваются какъ складочнымъ и запасными капиталами и всѣмъ его достояніемъ, такъ равно и имуществомъ лицъ, доведшихъ банкъ до нынѣшней его несостоятельности, и представляющими довольно почтенную цѣнность. По послѣднимъ извѣстіямъ удовлетвореніе вкладчиковъ уже началось пока въ въ размѣрѣ 50% всей суммы вклада. Коснувшись банковыхъ учрежденій, нелишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ и о мелкомъ кредитѣ, имѣющемъ важное значеніе для нашего сельскаго хозяйства.

(Окончаніе будетъ).

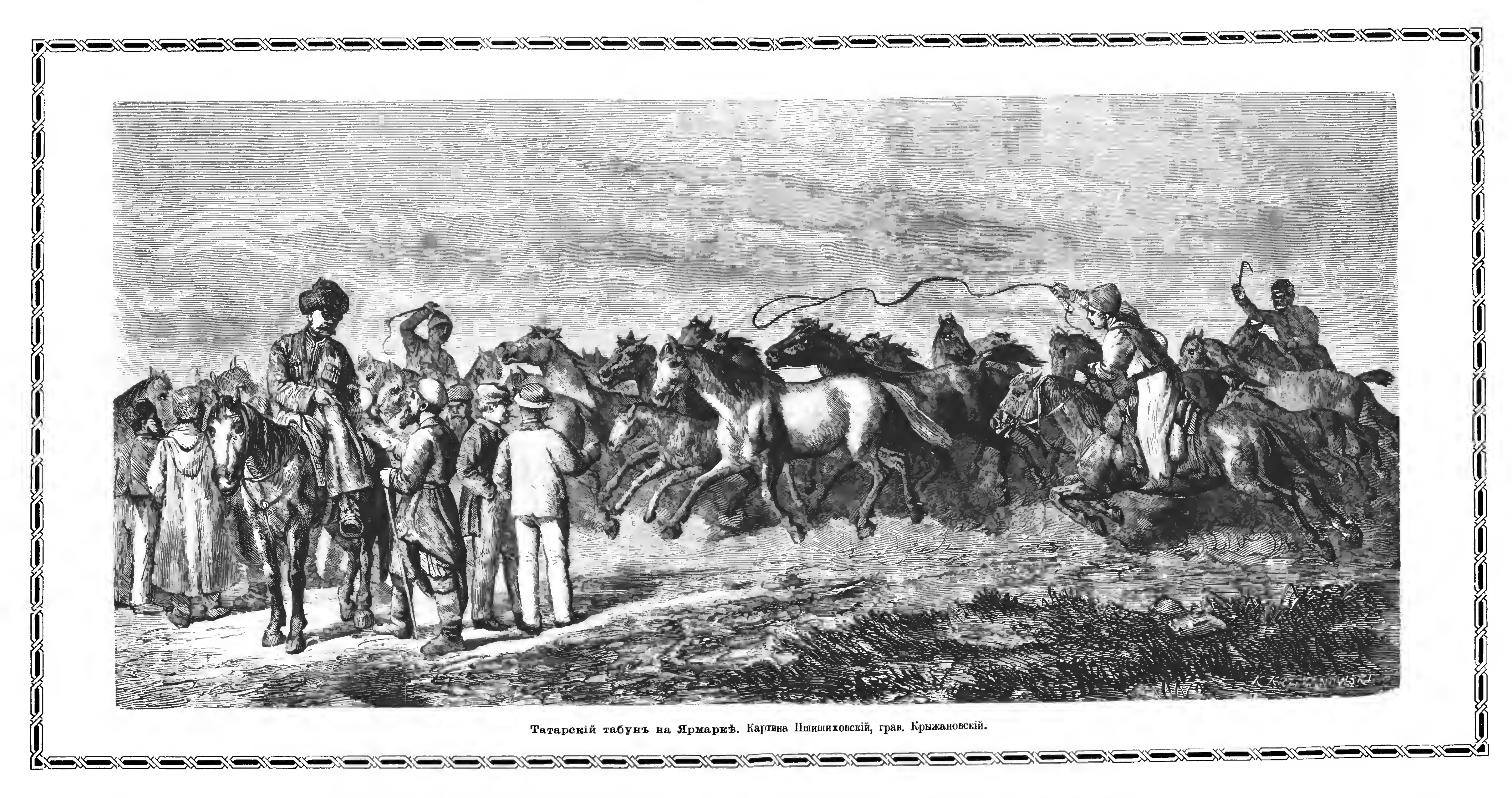
ТАТАРСКІЙ ТАБУНЪ НА ЯРМАРКѢ

Картина Пшишиховскаго.

Одна изъ сценъ обыкновенныхъ на такой ярмаркѣ, какъ напримѣръ „коренная“, близъ Курска, которую предполагаютъ перевести въ Курскъ, что очень заботитъ лицъ торгующихъ лошадьми, потому что у Курска нельзя будетъ найти того приволья и тѣхъ удобствъ какими теперь пользуется на коренной ярмаркѣ и въ

какихъ нуждается торговецъ этимъ живымъ товаромъ; кромѣ того у Курска пришлось бы продавцамъ и за самое мѣсто платить настолько дороже, что уже отъ этого одного цѣна лошадей для продажи можетъ увеличиться. Но обратимся къ нашей картинѣ! Почти посерединѣ ея стоятъ—очевидно два покупщика. — Для показа имъ двое татаръ сгоняютъ — крикомъ и нагайками—цѣлый табунъ лошадей, а третій татаринъ уже кинулъ свой арканъ, петля котораго уже летитъ надъ головою избранной имъ лошади; петля вотъ опустится, скользетъ на шею—и дикарка будетъ поймана!—Наши козаки, а также и татары, мастерски дѣйствуютъ арканомъ, — кидаютъ его мѣтко и ловятъ кого имъ угодно—иногда даже тигровъ. Арканъ—это страшное орудіе, когда оно въ умѣлой рукѣ ловкаго всадника на добромъ конѣ.—Въ войну двѣнадцатаго года казацкій арканъ принесъ намъ немало пользы, доставляя плѣнныхъ, отъ которыхъ получались важныя свѣдѣнія о французской арміи.

Чтобы поймать арканомъ нужна особенная сноровка; у неловкаго арканщика случается иногда, что пойманная лошадь падаетъ и притомъ ломаетъ себѣ ноги. — Налѣво отъ покупателей русскій мужичокъ подаетъ письмо татарскому „князю“; каждый зажиточный татаринъ называется княземъ; это титулъ, хоть и неравносильный обыкновенному у насъ княжескому, но давшій начало княжескому достоинству нѣкоторыхъ фамилій.—За головою лошади „князя“ — татарина, или можетъ быть какого нибудь „хаджи“, т. е. паломника, побывавшаго въ „каабѣ“—на могилѣ Мохаммеда, виденъ спиною къ зрителямъ картины, малороссійскій мужикъ, быть можетъ казакъ, покупающій лошадей у татарина, который стоитъ на лѣво отъ него, на краю картины.—Что этотъ покупатель именно малоросъ — на то указываютъ и форма его шапки изъ „сивыхъ мерлушекъ“. т. е. изъ сѣрыхъ барашковъ и его „кобенякъ“: такъ называется дополненіе къ верхней одежѣ изъ верблюжьей шерсти, настоящей, или хоть покрашенной въ такой цвѣтъ. Кобенякъ носится—или спущеннымъ на спину какъ на картинѣ Пшишиховскаго, или надѣтымъ на голову.—Дамскій костюмъ, перенятый съ арабскаго „бурку“, извѣстный подъ именемъ бурнуса, соединенъ съ такимъ же „капишономъ“, который по татарски называется кобенякомъ.

Татарскій табунъ на Ярмаркѣ. Картина Пшишиховскій, грав. Крыжановскій.

Большую часть картины занимаютъ лошади.—По наружности видно, что это лошади татарской породы, распространенной на обширныхъ пространствахъ сѣверной и средней Азіи и отчасти въ южной Россіи. Обширные табуны татарскихъ лошадей находятся еще въ полудикомъ состояніи — нерѣдко круглый годъ на подножномъ корму, который лошадь иногда бываетъ должна копытомъ откапывать изъ подъ снѣга. Татарская лошадь отличается необыкновенною неутомимостью, выносливостью и быстротою движеній. Ростъ и красота лошадей этой породы представляетъ множество отличій, напр. „туркменская“ лошадь—одна изъ самыхъ лучшихъ татарскихъ, по выразительности склада неуступаетъ знаменитой „арабской“ породѣ, хотя не отличается красотой, которая славится конь бедуина. — Чѣмъ далѣе на сѣверъ—тѣмъ замѣтнѣе неправильность формъ и тѣмъ менѣе ростъ лошади; но при этомъ сохраняются основныя достоинства этой породы—крѣпость и неутомимость; таковы лошади киргизскія, башкирскія и калмыцкія—съ густой шерстью, крѣпкими копытами и обширною дыхательною полостью носа, благодаря чему татарская лошадь и отличается своею выносливостію, подобно арабской, т. е. способностью безостановочно и для себя безвредно пробѣгать очень большое разстояніе—на десятки верстъ.

Библіографія.

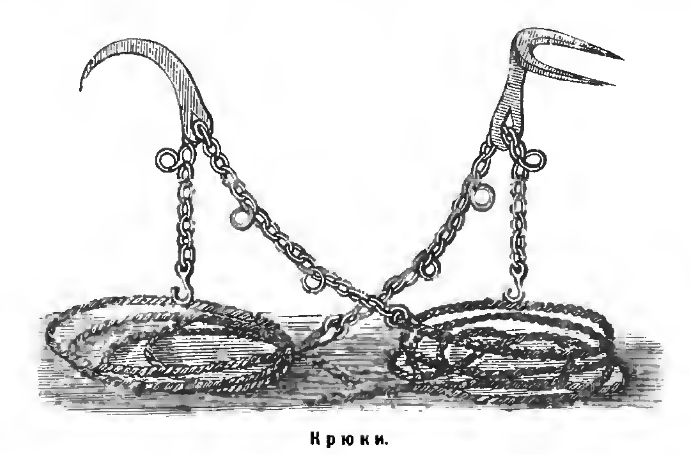
Пожарная книга. Постановленіе закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Составилъ А. Н—въ.

Еслибъ у насъ велась подробная статистика уничтожаемыхъ каждымъ пожаромъ строеній и, если бы, сдѣлать общій выводъ за 5—10 лѣтъ числа сгорѣвшихъ строеній, то, конечно, можно было бы ужаснуться такому выводу. Безошибочно можно сказать, что съ небольшимъ въ десятилѣтній періодъ Россія выстраивается вновь и затѣмъ все выстроенное опять погибаетъ отъ пламени. Въ «Русскомъ календарѣ» Суворина на 1876 годъ имѣется таблица о числѣ пожаровъ въ теченіи 1874 г., которыхъ насчитывается 26,326, а убытокъ ими причиненный, составляетъ сумму въ 58,897,888 р. Хотя данныя помѣщенныя въ этой таблицѣ и заимствованы, какъ намъ извѣстно, изъ оффиціальныхъ источниковъ, но несмотря на то ихъ нельзя признать совершенно полными, такъ какъ о весьма многихъ пожарахъ или вовсе не заявляется, или же заявляется только одинъ фактъ безъ всякихъ данныхъ. Но если даже принять приведенную въ таблицѣ сумму убытка за абсолютно вѣрную и притомъ уменьшить ее почти на 9 т., т. е. предположить, что пожарами истребляется въ годъ имуществъ на 50 мил. руб., то и тогда, въ десятилѣтній періодъ, убытокъ этотъ достигнетъ 500 м. р. *)! Цифра громадная! Болѣе всего страдаютъ отъ пожаровъ села и уѣздные города, что происходитъ, съ одной стороны отъ невѣжественности народа и неосторожнаго обращенія его съ огнемъ, а съ другой стороны отъ отсутствія правильной планировки построекъ и недостатка огнегасительныхъ средствъ, и наконецъ, отъ незнанія и неумѣнія тушить пожаръ. Хотя у насъ и существуютъ довольно подробныя законоположенія касательно осторожнаго обращенія съ огнемъ и строительства, но постановленія эти или вовсе не исполняются, или же исполняются какъ нибудь, притомъ же большинство съ законами этими, по отсутствію для нихъ систематическаго свода, совершенно незнакомо. Этотъ существенный недостатокъ восполненъ вышедшею въ нынѣшнемъ году «Пожарною книгою», составленной и изданной А. Н—вымъ. «Пожарная книга» Н—ва раздѣляется на три отдѣла: въ 1-мъ содержатся постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня; во 2-мъ руководство къ тушенію пожаровъ, въ 3-мъ врачебная помощь во время несчастныхъ случаевъ на пожарѣ; въ книгѣ имѣется, въ видѣ приложенія, проектъ устава общества вольной пожарной дружины и правила о торговлѣ охотничьимъ порохомъ, храненіи его и перевозкѣ. Если первый опытъ составителя названной книги и дѣйствительно страдаетъ, какъ онъ самъ говоритъ, недостатками, то, во всякомъ случаѣ, она представляется весьма полезною въ практическомъ отношеніи и ее смѣло можно рекомендовать не только земскимъ и волостнымъ управленіямъ, но и полицейскимъ управленіямъ нашихъ уѣздныхъ и губернскихъ городовъ, а также и частнымъ лицамъ. Особенно рекомендовали бы мы «Пожарную книгу» земствамъ.

Страховыя земскія учрежденія и земскія собранія изыскиваютъ всевозможныя средства къ уменьшенію числа пожаровъ и возможному ослабленію причиняемыхъ ими опустошеній. Стоитъ только просмотрѣть журналы особаго земскаго собранія и въ немъ непремѣнно найдется бездна всякаго рода постановленій, правилъ, инструкцій и т. п. Какъ бы ни полны казались всѣ эти правила и инструкціи, но въ нихъ нельзя найти ничего прямо относящагося къ дѣлу, всѣ эти правила быть можетъ и принесли бы большую пользу, если бы давались въ руководство людямъ болѣе интелигентнымъ, а не нашему безграмотному или еле грамотному крестьянину. Впрочемъ земства обращаются и къ практической сторонѣ предмета, заботясь о заведеніи въ селахъ пожарныхъ инструментовъ, но и въ этомъ случаѣ, вслѣдствіе знакомства съ дѣломъ только съ теоретической точки зрѣнія, земства не могутъ осуществить своихъ благихъ предположеній. Заведеніе въ селахъ такихъ же огнегасительныхъ средствъ, какъ и въ городахъ, помимо дороговизны, было бы безполезнымъ потому, что съ такого рода инструментами никто не съумѣетъ обращаться,—въ случаѣ же порчи—исправить, а между тѣмъ обыкновенныхъ огнегасительныхъ снарядовъ, которыя законъ предписываетъ имѣть въ каждомъ крестьянскомъ домѣ, въ большинствѣ случаевъ не содержится вовсе и притомъ еще нѣтъ людей, знающихъ пріемы тушенія пожаровъ. Въ виду такого положенія казалось бы, что села наши должны остаться въ беззащитномъ положеніи, но такъ какъ «Пожарная книга» даетъ выходъ изъ этой дилеммы и такъ какъ пожары въ селеніяхъ бываютъ чаще всего и опустошительнѣе чѣмъ гдѣ либо, то потому мы и останавливаемся на этомъ предметѣ и сдѣлаемъ нѣсколько общихъ, но весьма полезныхъ выписокъ изъ «Пожарной книги». Когда въ трубѣ загорится накопившаяся тамъ сажа и произойдетъ трубный выкидышъ, то *не слѣдуетъ лить воды въ трубу*, какъ это дѣлается, а бросить въ топящуюся печь полную горсть толченой сѣры и когда она сгорить, залить огонь и закрыть вьюшни. При этомъ надо предупредить людей, находящихся на крышѣ, чтобы они не подходили близко къ трубѣ. Воспламенившійся порохъ *не слѣдуетъ тушить водою*, а забрасывать пескомъ, землею, золой и т. п. *При внутреннемъ пожарѣ въ крестьянской избѣ, хатѣ*, или другомъ сельскомъ жиломъ строеніи, когда погасить его домашними средствами будетъ невозможно, нужно стараться *не выпустить огонь наружу*, для чего плотно затворить дверь, закрыть окна ставнями, заткнуть наружныя отдушины, впадины или подизбицы, наскоро замазать всѣ щели оконъ, дверей и отдушинъ глиною, или густо разведенною землею, если же замѣтятъ, что дымъ пробивается сквозь пазы бревенъ, то замазать и пазы. Въ то же время слѣдуетъ разобрать крышу, оттащить ея части дальше отъ горящей избы, какъ можно болѣе лить на потолочную настилку воды. Собравшійся на пожаръ народъ долженъ окружить горящую внутри избу съ запасомъ воды, крючьями, ведрами и проч. и разойтись не ранѣе, какъ дымъ перестанетъ вырываться изъ избы и на ощупь руками дверей и стѣнъ, а также чердачной настилки—они окажутся остывшими. Въ случаѣ же, когда отъ выкидыша въ трубѣ, или отъ молніи загорится крыша избы, то прежде всего надо разобрать крышу и снести ее на землю; вообще же при пожарѣ сельскомъ пожарныя трубы должно оставить безъ употребленія къ тушенію огня, а надо стараться направить всѣ усилія народа на сломку, растаскиваніе и обливаніе водой сосѣдственныхъ съ пожарищемъ крышъ и строеній. При пожарѣ овина, скирды или стога, должно окружить со всѣхъ сторонъ пожарище народомъ, заливать водою горящее сѣно или солому и осторожно разворачивать ихъ, *но не разметывая*, затаптывать ногами.

Во время пожаровъ не только въ селеньяхъ, но и въ городахъ, погибаетъ очень много домашняго скота, вслѣдствіе того, что животное при видѣ огня обнаруживаетъ желаніе приблизиться къ нему, а между тѣмъ большинство не знаетъ, какъ отвлечь животное отъ горящаго мѣста и тѣмъ спасти его отъ неминуемой гибели. «Пожарная книга» и въ этомъ отношеніи даетъ нѣсколько практическихъ наставленій. Общимъ правиломъ для спасенія животныхъ во время пожара изъ конюшенъ и хлѣвовъ—*поручать его тѣмъ людямъ, которые занимаются уходомъ за животными*, такъ какъ животное, привыкнувъ къ ихъ голосу, охотнѣе будетъ повиноваться. *Спасеніе лошадей.* При началѣ пожара на верховыхъ лошадей должно надѣть сѣдло и, сѣвъ на нихъ верхомъ, выѣхать изъ конюшни; на упряжныхъ же надѣть хомуты, уздечки, шлеи и вывести ихъ за поводья. Если же лошадь отъ испуга заупрямится, тогда нужно, отъ порога конюшни черезъ дворъ и за ворота накидать навозу и покрывъ голову лошади, такъ чтобы она не видала даже отраженія огня на землѣ, вывести ее за поводъ по навозу. *Рогатый скотъ* должно привязать за рога на одну общую веревку и вывести изъ хлѣва, подгоняя стадо съ боковъ и сзади. *Овецъ* выгоняютъ точно также, какъ ихъ обыкновенно выгоняютъ на паству, т. е. выбравъ передоваго барана тащить его впередъ, а стадо, въ случаѣ его упрямства, подгонять сзади. *Свиней* вытаскивать изъ хлѣва за уши или за задніе ноги; *домашнюю птицу* выносить въ корзинахъ. Если приведенные способы спасенія животныхъ будутъ безуспѣшны, то для вывода ихъ нужно разобрать одну изъ стѣнъ конюшни, хлѣва или сарая, или прорубать въ ней отверстіе въ противуположную отъ пожарища сторону.

Въ послѣднее время въ постановленіяхъ многихъ земскихъ собраній встрѣчаются опредѣленія о заведеніи въ селахъ *гидропультовъ*, или же объ ассигнованіи на покупку ихъ денегъ изъ страховаго капитала. Употребленіе гидропультовъ при тушеніи

Крюки.

наружныхъ пожаровъ въ селеньяхъ, какъ говоритъ «Пожарная книга», совершенно негодно, а потому и обзаведеніе ими сельскихъ пожарныхъ командъ едва ли не будетъ только излишней,

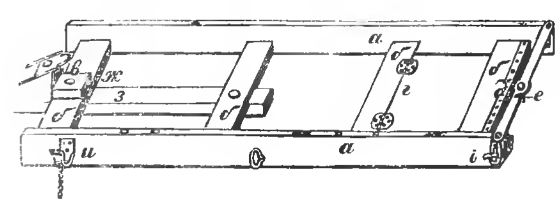
*) Такое предположеніе будетъ не преувеличеннымъ, такъ какъ въ 1873 г. убытокъ отъ пожара составилъ 45 м. р., а въ нынѣшнемъ году онъ будетъ больше убытка 1874 года.

безполезной тратой денегъ. Вообще при образованіи сельскихъ пожарныхъ командъ, по не дороговизнѣ, помимо многихъ другихъ снарядовъ, указанныхъ въ «Пожарной книгѣ», можно рекомендовать еще нѣкоторые инструменты, для ознакомленія съ которыми помѣщаемъ нѣсколько взятыхъ изъ названной книги рисунковъ, съ описаніемъ ихъ устройства и обращенія съ ними:

Пожарные крюки выковываются изъ желѣза и бываютъ одноконечные и двуконечные; они служатъ для растаскиванія частей горящихъ деревянныхъ зданій. Въ сквозное отверстіе нижняго конца каждаго крюка пропущена желѣзная цѣпь не менѣе сажени длиною, которая, находящимся на концѣ ея крючкомъ зацѣпляетъ за одно изъ звеньевъ; къ другому концу ея прикрѣплена веревка до 12 саж. длины. При помощи длиннаго багра, крюкъ зацѣпляютъ за верхнюю часть деревяннаго строенія или печной трубы, къ веревкѣ же приставляются рабочіе, которые натягивая веревку, ломаютъ захваченнымъ крюкомъ части зданія.

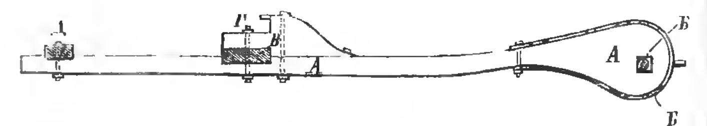
Лѣтній ходъ пожарной трубы, привозимой людьми и ея составныя части.

Станокъ дѣлается изъ сухаго вяза, ясеня или дуба. а) Деревянныя бруски; на одномъ изъ нихъ находятся двѣ застежки на пряжкахъ для помѣщенія топора, б) перекладины, г) ящикъ

1) Станокъ.

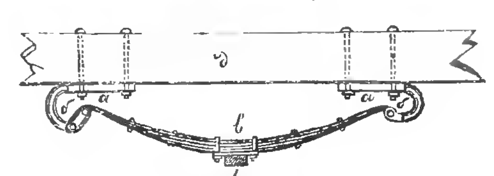
съ крышкой на петляхъ, въ немъ имѣется 3 отдѣленія: д) желѣзная оковка задняго бруска; о) крючекъ, на который надѣвается скобка пожарной трубы; в) отверстіе для шкворня; з) дышло; и) желѣзныя кольца для привязыванія веревокъ, за которыя берутся люди, помогающіе везти телѣжку.

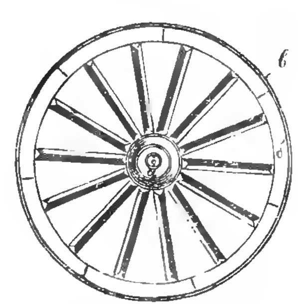
2. Дышло (деревянное).

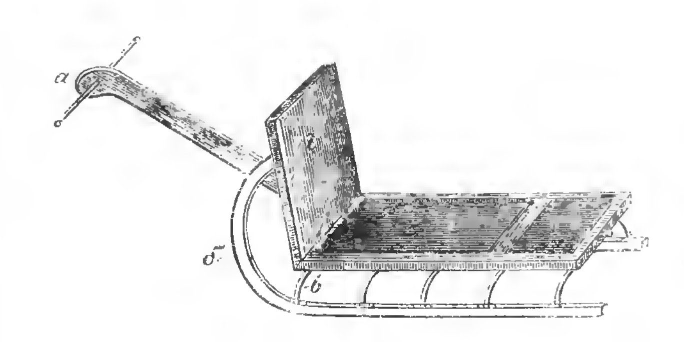
3. Ось (желѣзная).

4) Рессора (изъ 4-хъ стальныхъ пластинокъ).

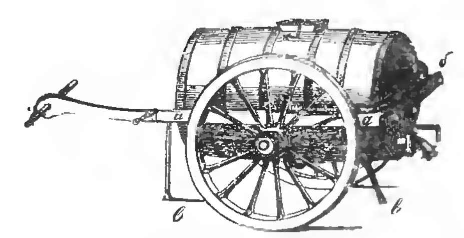

5) Колесо ($1^1/_2$ арш. въ поперечникѣ).

Зимній ходъ пожарной трубы.

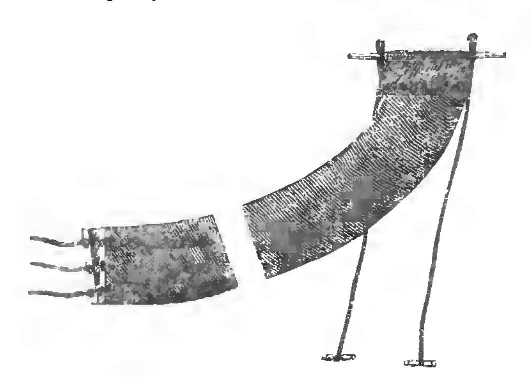
а) Дышло, такое же какъ и на лѣтнемъ ходѣ; б) полозья со стальными подрѣзами: в) желѣзныя копылья и г) глухой щитокъ.

Лѣтній ходъ пожарной бочки.

а) Станокъ изъ дерева (вязъ, ясснь, дубъ), къ брусьямъ котораго съ каждой стороны привинчено по 2 желѣзныхъ кольца, въ которыя продѣваются и застегиваются на пряжки ремни, продѣтые въ такіе же кольца или желѣзныя скобы, находящіяся по обѣимъ сторонамъ верхняго отверстія бочки; б) соединительныя перекладины; в) подставки. Дышло, колеса и рессоры такого же устройства какъ и въ лѣтнемъ ходѣ пожарной трубы.

При установкѣ пожарной трубы на двухколесномъ ходѣ слѣдуетъ снимать трубу съ телѣжки такъ: двое рабочихъ ставъ у колесъ, берутся съ обѣихъ сторонъ за коробъ трубы, третій, подойдя къ трубѣ спереди, поднимаетъ дышло такъ, чтобы задняя часть телѣжки совсѣмъ наклонилась къ землѣ, затѣмъ онъ вынимаетъ шкворень, и рабочіе спускаютъ трубу на землю.

Спасительный мѣшокъ.

Назначеніе спасительнаго мѣшка—спасеніе при сгорѣвшихъ лѣстницахъ обитателей верхнихъ этажей домовъ, въ которыхъ пожаръ. Спасительный мѣшокъ сшивается двойными нитками изъ парусины; длина его равняется 10 саженямъ, а ширина 2 аршинамъ. Въ верхній конецъ мѣшка вставляется разборная рогатка изъ четырехъ деревянныхъ брусковъ, соединенныхъ между собою въ видѣ рамы, которая зацѣпляется концами за оконные простѣнки. На нижнемъ концѣ мѣшка находится во всю его ширину клапанъ, который на три ремня застегивается желѣзными пряжками. Подъ клапанъ вставляется толстая палка, къ концамъ которой пожарные при установкѣ мѣшка привязываютъ веревки, которыми и натягиваютъ его.

Политическое обозрѣніе.

Говоря о томъ, что восточный вопросъ находится въ настоящее время въ фазисѣ проектовъ реформъ и указавъ на нѣкоторые изъ нихъ, мы упомянули о проектѣ графа Андраши. Одобренный сѣверными державами, онъ на первыхъ порахъ испыталъ довольно холодный и уклончивый пріемъ со стороны Англіи и Франціи; что же касается Турціи, то она съ самаго же начала прямо и рѣзко заявила, что не желаетъ принимать сообщенія державъ о необходимости турецкихъ реформъ, какъ несогласующихся съ державностью Порты. Дѣло, даже и тутъ, могло затянуться, конечно, не въ силу заявленія оттоманскаго правительства, а по причинѣ колебанія двухъ западныхъ державъ, принимавшихъ участіе въ парижскомъ конгрессѣ... Но наконецъ въ этихъ днахъ телеграфъ принесъ извѣстіе, что: «послы державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ, обратились, каждый особо, къ Портѣ, рекомендуя вниманію султана проектъ реформъ графа Андраши. Вмѣшательство европейскихъ

державъ—«въ настоящее время только офиціозное, дружественное» Вмѣстѣ съ этимъ сообщалось, что великій визирь взялъ назадъ вышеупомянутое заявленіе Порты, въ виду энергическихъ представленій по поводу его со стороны Австріи, отрицавшей у Порты право отказываться принять къ свѣдѣнію сообщенія, касающіяся сохраненія европейскаго мира.

Относительно самаго содержанія этого проекта изъ «достовѣрныхъ источниковъ» передаютъ, что предлагаемыя имъ реформы касаются только Герцеговины и Босніи. Равноправности вѣроисповѣданій для христіанскихъ подданныхъ Порты не требуется, а испрашиваются для нихъ только гражданскія права, преобразованіе судопроизводства и отмѣна существующей системы податей, а также и принудительныхъ работъ. Доходы каждой провинціи должны идти только на удовлетвореніе ея потребностей. Что касается гарантій точнаго исполненія реформъ, то проектъ содержитъ одно общее указаніе, не опредѣляя формы ихъ. Объ учрежденіи сѣверными державами опеки надъ Портой въ проектѣ не говорится ничего. Мы, — если свѣдѣнія изъ «достовѣрнаго источника» вполнѣ «достовѣрны», — не будемъ уже говорить о томъ, насколько требованія проекта австрійскаго министра совпадаютъ съ стремленіями возставшихъ для завоеванія свободы христіанъ, христіанъ, рѣшившихся или умереть, или добиться независимости... Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что константинопольскія газеты, даже оффиціальныя, неполнены разсказами, доказывающими безплодность декретированныхъ до сихъ поръ реформъ. Такъ, газета «Turquie» приводитъ слѣдующее письмо изъ одного округа: «Сложеніе податной недоимки и уничтоженіе добавочной четверти десятины хотя и предписаны императорскимъ фирманомъ, но до сего времени еще не приведены въ исполненіе въ этомъ округѣ. Десятина взимается въ прежнихъ размѣрахъ, а недоимки строго требуются, не смотря ни на какіе декреты. Законъ объ избраніи членовъ меджлисовъ остается мертвою буквой, что же касается членовъ административнаго совѣта, то эти личности не удовлетворяютъ требованіямъ закона. Эти учрежденія составлены изъ лицъ, способъ избранія и образъ дѣйствій которыхъ находятся въ совершенномъ противорѣчіи съ законами и содержащимися въ фирманахъ распоряженіями». Комментаріи намъ кажутся излишними.

Насколько же принятый державами проектъ, требующій реформы только для Герцеговины и Босніи и не удовлетворяющій стремленіямъ угнетеннаго христіанскаго населенія этихъ провинцій — насколько этотъ проектъ, повторяемъ мы, можетъ разрѣшить задачу въ смыслѣ сохраненія міра — укажутъ событія!

На театрѣ же военныхъ дѣйствій пока ничего не происходитъ. Обѣ стороны кажутся истощенными и, до времени, не ищутъ встрѣчъ. Согласно свѣдѣніямъ изъ хорошаго источника, Мухтару Пашѣ, новому турецкому главнокомандующему, предписано воздерживаться отъ наступленія на инсургентовъ, а стянуть войска къ черногорской границѣ и занять на ней важнѣйшіе стратегическіе пункты. Эта мѣра имѣетъ конечно явною цѣлью какъ прекращеніе прилива черногорцевъ въ ряды возставшихъ и, еще въ большей степени, принужденіе Черногоріи къ нейтралитету. Вмѣстѣ съ тѣмъ новому генералъ-губернатору Герцеговины, Аали Пашѣ (бывшему послу въ Парижѣ) поручено, тотчасъ же по прибытіи въ Мостаръ, созвать собраніе вліятельнѣйшихъ представителей населенія, которое составитъ меморію для султана, съ изложеніемъ всѣхъ жалобъ. Порта многаго ожидаетъ отъ Аали Паши, отъ избранія представителей возмутившагося населенія, а великія державы — отъ проекта графа Андраши—и прекрасно, но только что будетъ, что произойдетъ въ томъ случаѣ, если христіане Турціи не согласятся на условія австрійскаго проекта? Что произойдетъ тогда...

Во Франціи, въ послѣднее время, общественное мнѣніе было сильно встревожено возможностью новаго министерскаго кризиса, съ которымъ опять связано имя министра финансовъ Леона Сэ. Вотъ какъ передаютъ французскія газеты подробности начала и окончанія этого событія. Маршалъ Макъ-Магонъ, пригласивъ къ себѣ (8-го января) Л. Сэ, потребовалъ отъ него, чтобы онъ отказался отъ своей кандидатуры въ Сенѣ и Оазѣ. Министръ просилъ дать ему время на размышленіе; на слѣдующій день онъ имѣлъ новое свиданіе съ президентомъ, который при этомъ объявилъ ему, что желая въ виду предстоящихъ выборовъ сохранить единодушіе въ кабинетѣ, принужденъ просить Л. Сэ подать въ отставку. Послѣдній написалъ просьбу объ отставкѣ, въ которой объяснилъ, что подаетъ ее именно по требованію маршала. Дюфоръ, узнавъ о томъ, тотчасъ же объявилъ, что тоже выходитъ изъ министерства, но маршалъ рѣшительно отказался принять просьбу министра юстиціи объ отставкѣ. Бюффе даже предложилъ Дюфору замѣнить Л. Сэ Матье Бодэ или Тишранотъ де Боръ, бывшихъ министровъ при Тьерѣ. Газета «Temps» увѣряетъ, что Валлонъ и Деказъ, вмѣстѣ съ префектомъ полиціи Леономъ Рене также изъявили намѣреніе выйти въ отставку. Согласно новѣйшимъ извѣстіямъ, всѣ разногласія въ министерствѣ улажены и самъ герцогъ Мадженскій бросилъ просьбу Л. Сэ въ огонь. Такимъ образомъ, кризисъ считается совершенно устраненнымъ, чему явнымъ признакомъ считается между прочимъ, появленіе министра финансовъ на данномъ на этихъ днахъ маршаломъ вечерѣ.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

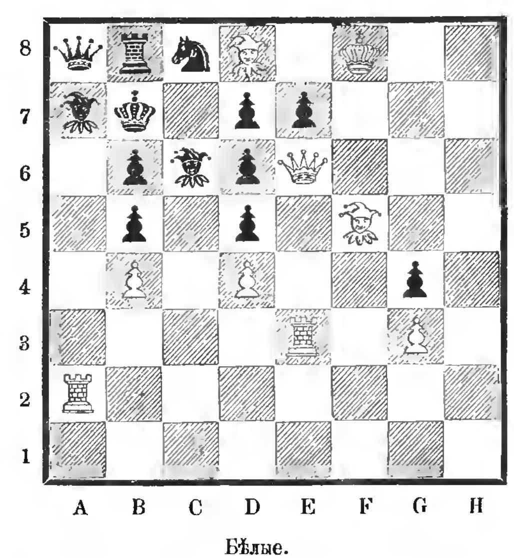

Вы, милостивая государыня, будьте по вѣжливей, и не забывайте что говорите съ генеральшей!

— А мнѣ что до того, что ты анаральша, я сама дрягильша.

ЗАДАЧА

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

РѢШЕНІЕ.

Задачи въ «Нивѣ» № 1.

Бѣлые.	Черные.
1) G6 — E6	1 Слонъ возметъ Ферзь
2) F8 — D6	или Ладья изъ C7 — E7
или Слонъ изъ G3—F2××	или Король изъ D4 — C5

Борьба въ Германіи правительства съ упорствующимъ католическимъ духовенствомъ продолжается. Въ последнее время судомъ по духовнымъ дѣламъ начатъ процессъ еще одного значительнаго прелата—Кельнекаго епископа, въ видахъ удаленія его съ занимаемой имъ каѳедры. Въ Баваріи закону о гражданскомъ бракѣ, противъ ожиданія, не оказано никакого сопротивленія со стороны духовенства. Напротивъ, даже съ нѣкоторыхъ каѳедръ раздались голоса, приглашавшіе паству подчиниться новому закону, съ другихъ же, вмѣстѣ съ такимъ же совѣтомъ, требовалось непремѣнное соблюденіе, послѣ совершенія гражданской формальности, церковнаго обряда, безъ котораго брачащіеся не были бы признаваемы за супруговъ.

Смѣсь.

Кровожадное дерево. Дерево это встрѣчается на островѣ Мадагаскарѣ. Стволъ его, вышиною около 8 футовъ имѣетъ видъ усѣченнаго конуса, вершина котораго вынута на подобіе чаши, въ которой выдѣляется сладкая, тягучая жидкость сильно опьяняющаго свойства. Съ вершины дерева свѣшиваются громадные листья, въ родѣ листьевъ агавы, но только загнутые на подобіе рога, загнутая часть котораго усажена колючими крючьями; листья эти имѣютъ до 12 ф. длины и до ф. толщины. Нѣсколько ниже листьевъ помѣщается рядъ волосатыхъ, заостренныхъ на концахъ зеленыхъ усовъ, длиною каждый до 8 футовъ. Между листьями и усами находится шесть бѣлыхъ прозрачныхъ щупальцовъ, длиною около 4 ф. имѣющихъ замѣчательное свойство постоянно находится въ движеніи. Этому дереву поклоняется дикое племя лкодосовъ, которые приносятъ ему даже человѣческія жертвы. Докторъ Личъ, открывшій и изслѣдовавшій это дерево, слѣдующимъ образомъ описываетъ это страшное жертвоприношеніе: жертвою избирается обыкновенно женщина, которую заставляютъ влѣзть на дерево и напиться находящейся тамъ жидкости. Но лишь только она въ опьяненіи пожелаетъ спрыгнуть съ дерева, щупальцы начинаютъ давить съ страшною силою, а листья смыкаются и окончательно раздавливаютъ несчастную жертву. Въ это время по дереву течетъ упомянутая выше сладковатая жидкость и мѣшается съ кровью жертвы; на эту жидкость дикари набрасываются съ необузданною жадностью и упоившись ею, начинаютъ дикую оргію. По прошествіи нѣкотораго времени дерево принимаетъ свой прежній видъ, а отъ несчастной жертвы остается только раздробленный скелетъ. Многія лѣсныя животныя нерѣдко дѣлаются добычею этого кровожаднаго растенія. Дерево людоѣдъ, кромѣ Мадагаскара, встрѣчается еще и на нѣкоторыхъ австралійскихъ островахъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Тарасъ Григорьевичъ Шевченко (съ портретомъ). — **Кто лучше?** Изъ очерковъ кавалерійской жизни (Посвящается другу моему Ицкѣ Янкелевичу Штралецкому). **Всеволодъ Крестовскій** (продолженіе). — Литовцы (съ рисункомъ). — Разбитая Лира (съ рисункомъ) **Ап. М—въ.** — Елизавета Тюдоръ и Марія Стюартъ (съ рисункомъ). — О банкахъ. — Татарскій табунъ на ярмаркѣ (съ рисункомъ) — Библіографія (съ 9-ю рисунками). — Политическое обозрѣніе. — Юмористическіе очерки (съ рисункомъ). — Шахматы. — Смѣсь. — Приложеніе. Объявленія.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Редакція журнала «Природа и люди» по обстоятельствамъ, отъ нея совершенно независящимъ, **вынуждена отказаться отъ своего изданія,** не смотря на заготовленный уже литературный и художественный матеріалъ, на значительныя затраты и успѣшную подписку.

Подписчики могутъ получить деньги обратно въ мѣстахъ подписки. 3—2

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 12 Января 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш. Морская, [illegible] пр. № 10.

№ 4 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 26 Января 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ.

«Ни чьей не ласкаемъ рукою
Отъ дѣтства я росъ одиновъ сиротою»...

Это автобіографическое двустишіе изъ стихотворенія «Дума» Такъ говоритъ Николай Ивановичъ Гнѣдичъ о своемъ дѣтствѣ. Происходя изъ старинной украинской фамиліи, — родился 2-го февраля 1789 года— Николай Ивановичъ въ самомъ раннемъ возрастѣ потерялъ отца и мать. Получивъ первоначальное образованіе въ полтавской семинаріи, Гнѣдичъ въ 1793 году, 9-ти лѣтнимъ ребенкомъ, былъ перемѣщенъ въ Харьковскій коллегіумъ и въ 1800 году, 16-лѣтнимъ юношей, поступилъ въ московскій университетъ и здѣсь въ сотоварществѣ Милонова. Кошанскаго и Буринскаго -будущихъ литераторовъ, изучалъ подъ руководствомъ А. Ѳ, Мерзлякова русскую словесность, а затѣмъ сталъ спеціально заниматься греческимъ языкомъ. Во время своего пребыванія въ университетѣ Гнѣдичъ обнаружилъ страсть не только къ драматической поэзіи, но и къ декламаціи, которою онъ увлекалъ своихъ товарищей занимая ихъ то одушевленнымъ чтеніемъ разныхъ писателей, особенно драматическихъ, то мастерскимъ выполненіемъ на сценѣ университетскаго театра главныхъ ролей изъ произведеній русскихъ трагиковъ. Эта любовь къ сценическому искусству выразилась и въ первомъ напечатанномъ трудѣ самаго Гнѣдича, который, еще будучи студентомъ, перевелъ съ французскаго стихами 6 актную трагедію Дюсиса «Абюфаръ», изданную въ 1802 году. Къ тому же времени относятся переводъ трагедіи Шиллера «Заговоръ Фіэско въ Генуѣ» и оригинальный романъ въ 2-хъ частяхъ «Донъ Коррадо де Геррера». Оба эти труда были напечатаны въ 1802 году, когда Гнѣдичъ, по окончаніи университетскаго курса, переселился изъ Москвы въ Петербургъ и поступилъ на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія, продолжая свою литературную дѣятельность. Къ этому времени

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. Рисов. и грав. А. Нейманъ.

относится его сотрудничество въ журналахъ: «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Журналѣ Россійской Словесности» и «Лицеѣ». Переводныя стихотворенія его «Послѣдняя пѣснь Оссіана» и «Красоты Оссіана», а равно какъ и прозаическій набросокъ «Синонимы» обратили на себя вниманіе знатоковъ. Гнѣдичъ, похоронилъ свою единственную сестру въ Полтавѣ, при чемъ имъ написано одно изъ лучшихъ его стихотвореній «Пѣснь при гробѣ матери». Онъ былъ радушно принятъ въ литературные кружки Державина, Оленина и Строганова, которые съ этого времени замѣняли ему родную семью. Одушевляемый и поддерживаемый частымъ сообществомъ такихъ дѣятелей какъ М. М. Херасковъ, Д. П. Горчаковъ, И. А. Крыловъ, С. А. Ширинскій-Шихматовъ, А. А. Писаревъ и др., Гнѣдичъ все тверже и тверже становился на литературномъ поприщѣ, пріобрѣтая себѣ извѣстность если еще не какъ серьезный и талантливый писатель, то по крайней мѣрѣ какъ прекрасный чтецъ и превосходный декламаторъ произведеній другихъ писателей. Извѣстность такого рода незамедлила сблизить Гнѣдича съ Е. С. Семеновой, впослѣдствіи княгиней Гагариной, извѣстною русскою сценическою артисткою того времени, для которой собственно Гнѣдичъ и передѣлалъ 5-ти актную комедію Шекспира «Король Лиръ», а затѣмъ перевелъ стихами трагедію Вольтера «Танкредъ». Питая особенное уваженіе къ Гомеру еще въ университетѣ, Гнѣдичъ и въ это время, занимаясь переводомъ и оригинальнымъ творчествомъ, непокидалъ своей любимой Илліады, которая, по словамъ одного изъ друзей его «была собесѣдницею, спутницею и услажденіемъ всей его жизни».—«Если въ Илліадѣ есть несовершенства, говоритъ Гнѣдичъ въ своихъ запискахъ,—то они похожи на неправильность природы, которая не смотря на несовершенства, нашему невѣжеству такими представляющіяся, очамъ внимательнымъ кажется всегда великою.

При такомъ взглядѣ на Илліаду, Гнѣдичъ, освоившись съ литературнымъ дѣломъ, принялся за вѣчно-юнаго старца Гомера и началъ переводъ Илліады александрійскими стихами съ седьмой пѣсни, до которой, какъ говорилось, дошелъ первый переводчикъ ея, извѣстный Е. И. Костровъ. Но несмотря на то, что въ послѣдствіи, когда Гнѣдичемъ были уже переведены VII, VIII, IX; X и XI части, нашлось еще 3 пѣсни Гомера, переведенные Костровымъ, только первенство осталось за Гнѣдичемъ и Великая Княгиня Екатерина Павловна, тогда принцесса Ольденбургская, обратила свое вниманіе на молодаго Гнѣдича и назначила ему по 1.000 р. въ годъ пожизненной пенсіи. Между тѣмъ С. С. Уваровъ, пожалованный впослѣдствіи графскомъ титуломъ, извѣстный эллинистъ вообще и поклонникъ Гомера въ особенности, сталъ совѣтовать Гнѣдичу заняться переводомъ Илліады сначала и не александрійскими стихами а гекзаметромъ. Первый опытъ, одобренный всѣми рѣшилъ споръ возникшій по этому вопросу между Капнистомъ и Уваровымъ и Гнѣдичъ выслушавъ всеобщее одобреніе, рѣшительно посвятилъ себя этому труду.

Занимаясь серьезно переводомъ Иліады, Гнѣдичъ въ то же время писалъ и оригинальныя вещи. Такъ къ этому времени нужно отнести его надѣлавшую много шума статью «о вкусѣ и его вліяніи на словесность и нравы», и извѣстную идиллію «Рыбаки», напечатанную уже въ 1822 году. Идиллія эта, посвященная авторомъ памяти графа А. С. Строганова, въ то время обратила на себя вниманіе знатоковъ и вызвала похвалы во всѣхъ критическихъ журналахъ того времени. Въ 1825 году Гнѣдичъ, по совѣту врачей, ѣздилъ на Кавказъ пользоваться тамошними минеральными водами, но возвратился еще болѣе разстроенный и хотя продолжалъ свои литературныя занятія по переводу Гомера, но былъ вынужденъ обратить серьезное вниманіе на свое здоровье и въ августѣ 1828 года поѣхалъ лечиться въ Одессу. Возвратившись, значительно возстановивъ свои силы въ концѣ 1828 года, Гнѣдичъ сталъ заниматься изданіемъ оконченной имъ Илліады, отрывки изъ которой онъ читалъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и обласканный Императоромъ Николаемъ I, посвятилъ ему свой 20 лѣтній трудъ. Въ предисловіи ко второму изданію самъ Гнѣдичъ писалъ: «Требованія перемѣняются, вкусъ вѣка пройдетъ, между тѣмъ какъ многія тысячи лѣтъ Гомеръ не проходитъ. Это памятникъ вѣковъ и т. д.

Появленіе Илліады Гомера въ русской печати было встрѣчено искреннимъ сочувствіемъ всѣхъ просвѣщенныхъ русскихъ людей, представитель которыхъ А. С. Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ мнѣній о трудѣ Гнѣдичѣ отозвался между прочимъ: «Наконецъ вышелъ въ свѣтъ давно и такъ нетерпѣливо ожидаемый переводъ Илліады!.. Съ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ, совершенію своего высокаго подвига». Кромѣ такого лестнаго, хотя и вполнѣ достойнаго отзыва объ Илліадѣ, Пушкинъ написалъ слѣдующее прекрасное стихотвореніе Гнѣдичу:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи:
Старца великаго тѣнь чую смущенной душей.

И дѣйствительно Илліада Гомера, понятная въ русскихъ гекзаметрахъ, составляетъ капитальный трудъ и не умирающую славу Гнѣдича, здоровье котораго, ослабленное усидчивою дѣятельностью и постояннымъ умственнымъ напряженіемъ, въ 1830 году растроилось настолько, что онъ долженъ былъ снова прибѣгнуть къ помощи искусственныхъ минеральныхъ водъ, для чего и поѣхалъ въ Москву. Здѣсь при похоронахъ А. А. Дельвига, какъ бы предчувствуя свою скорую кончину, Николай Николаевичъ относясь къ умершему сказалъ:

Другъ, до свиданья! Скоро и я наслаждусь моей частью,
Жилъ я, чтобы умереть; скоро умру чтобы жить.

Первое собраніе своихъ стихотвореній Гнѣдичъ издалъ въ концѣ 1832 году, собравъ ихъ изъ всѣхъ періодическихъ изданій, гдѣ они были разбросаны. Многіе были имъ передѣланы, многіе выкинуты. а нѣкоторые и написаны вновь, къ числу послѣднихъ относится стихотвореніе «Дума», которое мы и считаемъ не лишнимъ привести.

Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
Ничьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ сиротою,
Въ путь жизни пошелъ одинокъ,
Прошелъ одинокъ это тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойной Ливійской юдолѣ
Не встрѣтилась взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю,
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ.
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!

Съ наступленіемъ 1833 года въ альманахѣ появилось новое прекрасное стихотвореніе Гнѣдича «Ласточка», начинающееся такимъ воззваніемъ поэта:

Ласточка, ласточка, какъ я люблю твои вешнія пѣсни
Милый твой видъ я люблю, какъ весна и живой и веселый,
Пой, весны провозвѣстница, пой и кружись надо мною,
Можетъ быть сладкія пѣсни и мнѣ напоешь ты на душу!

Это граціозное стихотвореніе было какъ бы лебединою пѣснью поэта: простудившись очень сильно, Гнѣдичъ умеръ 3-го февраля 1833 года, ровно 49 лѣтъ отъ роду.

«Природа—говоритъ одинъ изъ друзей Гнѣдича — надѣлила его прекрасною душою и свѣтлымъ умомъ. Довѣрчивый, пламенный и постоянный въ дружбѣ, онъ былъ отмѣнно пріятенъ въ дружескихъ бесѣдахъ. Все доброе, все изящное находило въ немъ восторженнаго любителя... Довольно было одного звука изъ твореній Гайдена и Моцарта, однаго взгляда на созданіе Рафаэля и Микель-Анджело, одного счастливаго стиха великихъ поэтовъ, чтобы страстная, пылкая душа его пришла въ восторгъ и упоеніе. Съ младенческимъ радушіемъ онъ ободрялъ литературныя начинанія молодыхъ писателей, оживлялъ ихъ дарованія, согрѣвалъ ихъ душу и воображеніе, поддерживалъ ихъ въ преодолѣніи трудовъ, привѣтствовалъ при окончаніи. Зависть, какъ и всякое чувство низкое, не имѣла доступа къ его благородному сердцу: онъ обнималъ соперника по литературѣ съ такимъ же благородствомъ, съ какимъ умѣлъ чтить и превосходное дарованіе.».

Лучшимъ другомъ Гнѣдича былъ сослуживецъ его по публичной библіотекѣ И. А. Крыловъ. Много было у Гнѣдича и такихъ, никому неизвѣстныхъ друзей, которымъ онъ благодѣтельствовалъ, любя дѣлать это въ тайнѣ. Любимый всѣми при жизни какъ человѣкъ, Гнѣдичъ и какъ писатель всегда будетъ имѣть мѣсто въ исторіи русской литературы, принадлежащее ему по праву.

В. Л—евъ.

Кто лучше?

Изъ очерковъ кавалерійской жизни.

(Посвящается другу моему Ицкѣ Янкелевичу Штралецкому).

(Окончаніе).

Болиголова, между прочимъ разсказалъ и о томъ впечатлѣніи какое сдѣлала на него обстановка Шмецовской квартиры.

— Н-да, замѣтилъ на это редакторъ: — а не далѣе еще какъ пять лѣтъ назадъ этотъ самый Шмецъ ходилъ, буквально, въ заплатанныхъ сапогахъ и обличалъ

дворниковъ да городовыхъ въ уличныхъ газеткахъ, какъ вдругъ получилъ въ наслѣдство откуда-то тысячу рублей, и съ этой-то тысячи человѣкъ что называется жить пошелъ: все больше гвардейскимъ офицерамъ въ ростъ ссужалъ, и вотъ тебѣ результаты!

— Н-ну, и сшто? спросилъ вечеромъ Штралецкій, когда поручикъ вернулся въ свой нумеръ.

— Ахъ, аллерлибстеръ Ицко! Опять ты здѣсь!.. Завтра, братъ, завтра! было ему отвѣтомъ.

— Ой-вай!! Опьять зжавтра! И вчера било зжавтра, ы позавчо̀ра било зжавтра, и зновъ теперь зжавтра... Гасшпидинъ сперучникъ! остановился онъ вдругъ съ рѣшительнымъ видомъ предъ Болиголовымъ, ударивъ себя въ грудь рукою:—не говòрите мнѣ бо̀льшъ „зжавтра",—скажить пизжалуста „послю-зжавтра".

— Да зачѣмъ-же послѣзавтра, если говорятъ тебѣ: завтра!

— Нiѣтъ! нiѣтъ! замахалъ Еврей руками:—я вже не хо̀чу зж-втра! Мнѣ вже не надо зжавтра! Цуръ ему и пекъ ему, тому „зжавтра!".. Скажить мнѣ писжàлуста „послюзжавтра", и я вже не буду ждать, я вже цàлый день буду себѣ сшпакойнiй и не буду думать сабѣ все того мыслю, бо мнѣ-жъ такъ нудно, такъ нудво, — ой-вай!.. Ну, и скажить-же мнѣ „послюзавтра!"... Ну, и сшто вамъ сто̀итъ¡...

— Ну, ладно! Только проваливай! Послѣзавтра.

— Ну, то хай будетъ такъ!.. Но послюзжавтра? И то вже будетъ завiѣрно? Ну, гхаросшьо̀!.. благодару вамъ, гасшпидинъ сперучникъ, сшто ви ми мене всшпако̀или. До сшвиданью вамъ. Сшпите.

* * *

Ровно въ двѣнадцать часовъ Болиголова опять прiѣхалъ къ господину Шмецу, который уже не заставилъ себя ждать, по вчерашнему, а встрѣтилъ его въ своемъ кабинетѣ и все въ такомъ-же халатѣ, и все такой-же свѣжiй, сiяющiй и благоухающiй, только что выйдя изъ своей ванны.

Во время завтрака раздался звонокъ, и черезъ минуту вошелъ въ столовую, почтительно сгибая спинку и осторожно (вѣроятно тоже въ знакъ почтительности) ступая на носки маленькихъ и коротенькихъ ножекъ, какой-то молодой человѣкъ, съ крошечною французской бородкой, и усиками, закрученными въ струнку, весь раздушенный и завитой, въ кокахъ, счесанныхъ впередъ на виски, въ свѣженькомъ пиджакѣ, въ модномъ галстучкѣ, и въ лакированныхъ сапожкахъ, съ баиальной наружностью „кокодеса" мелкаго размѣра.

— А, это вы, Артёшка! небрежно кивнулъ ему Шмецъ, въ полъ-оборота.

— Я-съ, Анатолiй Борисовичъ!.. А что, скоро смахалъ?

— Скоро-то скоро, да есть-ли что путнаго?

— Есть! поспѣшилъ завѣрить Артёшка съ многозначительною миной.

— Ну, молодецъ! Можете за это выпить рюмку водки и спросить себѣ котлетку.

И кокодесъ, какъ обласканный пёсикъ, только что не виляя хвостикомъ, но за то весело потирая себѣ руки и улыбаясь своему патрону, аппетитно принялся за завтракъ.

Господинъ Шмецъ представилъ этого Артёшку своему гостю, когда изъ столовой, по вчерашнему, пошли всѣ въ кабинетъ курить сигары и пить кофей. Артёшка развязно, съ какимъ-то „канканчикомъ", въ манерахъ, присѣлъ за пiанино и съ бойкимъ шикомъ сталъ наигрывать самыя модныя французскiя шансонетки, рапортуя въ промежуткахъ между куплетами о своихъ вчерашнихъ вечернихъ похожденiяхъ, о томъ какъ успѣлъ онъ побывать и въ циркѣ Гинѐ, и въ театрѣ Берга, и въ Буфѣ, гдѣ познакомилъ стараго князя Колченогова съ Камиль-де-Лiонъ, и какъ князь пригласилъ его за это ужинать съ собою и съ Камилкой къ Борелю, и какъ завистливо смотрѣла на него за это Мокурка, которой онъ ужъ давно обѣщалъ насолить при случаѣ, и вчера какъ нельзя лучше успѣлъ все это устроить и исполнить такъ какъ Мокуркѣ очень и очень хотѣлось познакомиться съ княземъ, но онъ успѣлъ предупредить и не допустить до этого, и оказалъ услугу Камилкѣ, которая за это при случаѣ, конечно, поблагодаритъ его своею мимолетною благосклонностью.

— Каковъ мой Артешка! подмигивая на него поручику, смѣялся господинъ Шмецъ: — со всѣми француженками знакомъ, и всѣ эти берговскiя актриски за нимъ рѣшительно ухаживаютъ...

— Еще-бы! подхватилъ Артёшка; даже съ какимъ-то гордымъ самохвальствомъ и какъ будто вовсе не сознавая сколько мерзкой сущности заключалось въ его роли относительно князя и двухъ кокотокъ:—Еще бы имъ да не ухаживать за мною, продолжалъ онъ: — когда я могу любую изъ нихъ и устроить и разстроить, и денегъ добыть ей при случаѣ... Надо же за все за это пользоваться, тѣмъ болѣе, что я по натурѣ поклонникъ красоты и искусства!

„Чортъ васъ возьми, да когда-жъ вы наконецъ будете о дѣлѣ-то говорить со мною!" досадливо и тоскливо думаетъ себѣ поручикъ, а болтовня Артёшки межъ тѣмъ все льется и льется, въ перемѣжку съ пикантными шансонетками, и съ языка его такъ и сыплятся имена графа Коли, князя Сережи, и разныхъ Макурокъ, Камилокъ, Катей-чижиковъ, Щиманскихъ и т. п.

Болиголова, убѣдясь, что всей этой болтовнѣ, какъ видно, и конца не будетъ, взглянулъ на часы и рѣшительно взялся за шапку.

— Погодите минутку! остановилъ его Шмецъ: — я долженъ извиниться предъ вами, что оставляю васъ однихъ съ моимъ Артёшкой... Мнѣ надо одѣться, тороплюсь по дѣлу къ барону Гинцбургу (это имя было пущеро зря, очевидно, для пущаго шику) да надо еще къ Штиглицу заѣхать, а вы переговорите съ Артёшкой — онъ уже все знаетъ, и говоритъ, что устроилъ... Тѣмъ лучше! А пока—до прiятнаго свиданья.

И господинъ Шмецъ удалился въ свою гардеробную.

— Мнѣ Анатолiй Борисовичъ говорилъ уже о вашемъ дѣльцѣ, развязно предупредилъ кокодесъ, чуть лишь его патронъ вышелъ изъ комнаты. — Видите-ли, продолжалъ онъ, какъ-то торопливо подрыгивая колѣнкомъ и упорно созерцая пепелъ своей сигары: — Анатолiй Борисовичъ собственно вовсе вѣдь не занимается этими дѣлами — а это ужъ такъ только, не въ счетъ абонемента, по прiятельству... Ему даже вовсе непрiятны эти дѣла, могу васъ увѣрить! И онъ очень, очень щекотливъ на этотъ счетъ, право! Но... принимая во вниманiе ваше положенiе, желаетъ оказать вамъ дружескую услугу и потому обратился къ моему содѣйствiю...

— „Ахъ, Ты, Господи! И вѣчно у нихъ эти вилянья и длинныя прелюдiи!" съ досадой думалось межъ тѣмъ поручику.

— И я вотъ, какъ видите, цѣлое утро прорыскалъ по вашему дѣлу, продолжалъ Артёшка: — ну и дѣйствительно, кое что удалось таки устроить! Только считаю долгомъ предупредить, что наличными деньгами дать не соглашаются... деньгами вы не получите.

— А чѣмъ-же? спросилъ поручикъ.

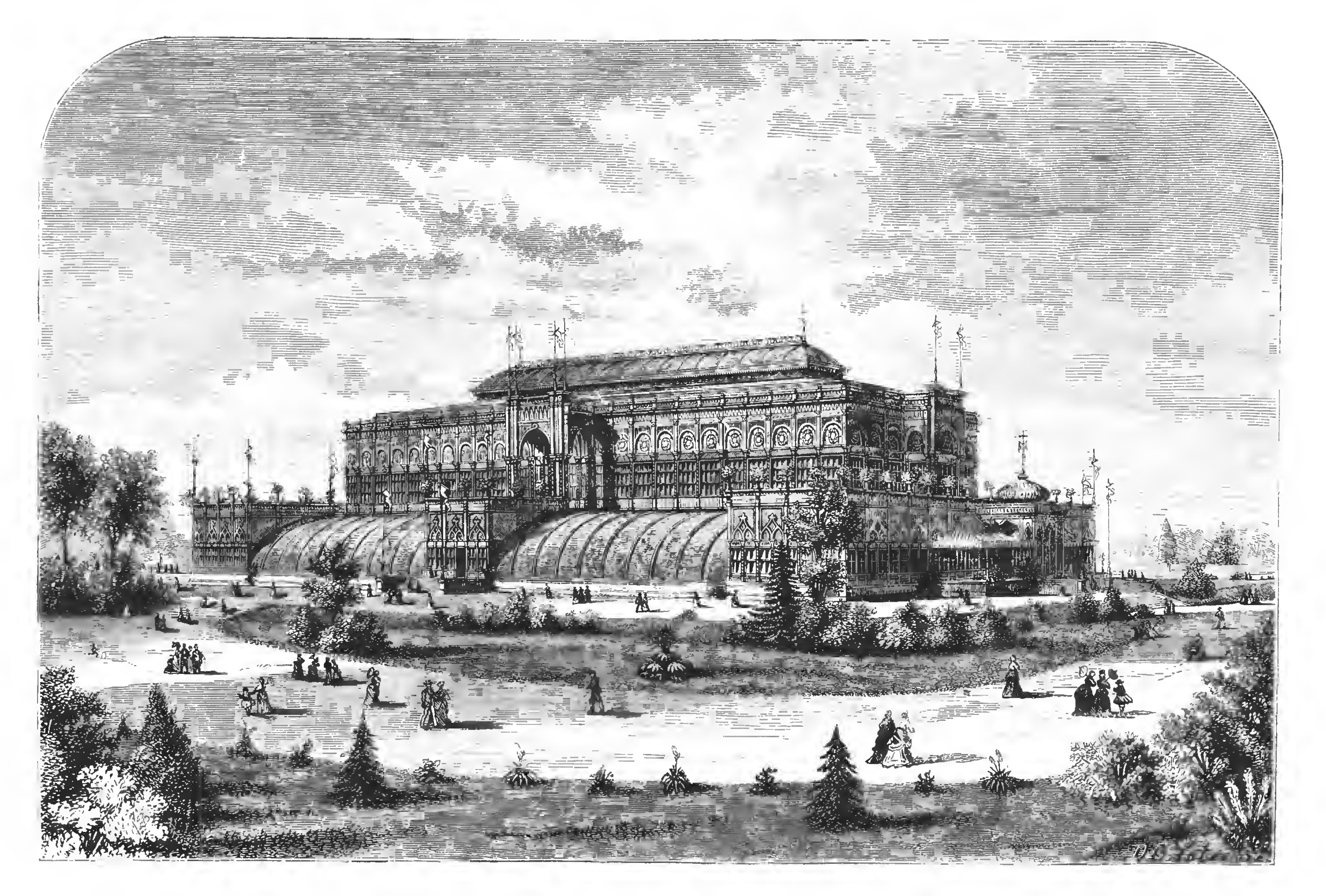
— Гробами-съ.

— Какъ?!.. Чѣмъ?!.. Какими гробами? вскричалъ Болиголова, разинувъ ротъ отъ удивленiя.

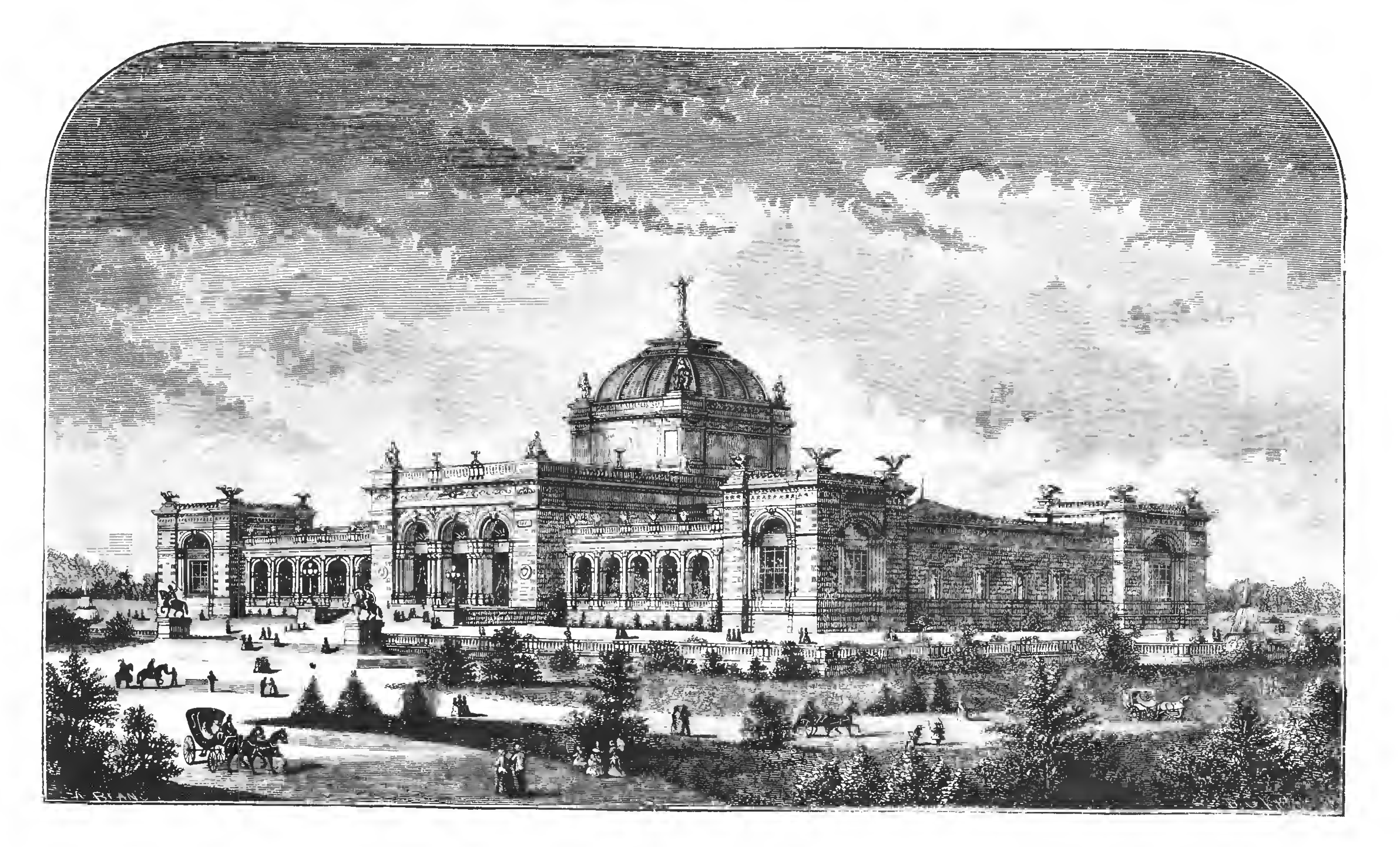
— Какъ какими? улыбнулся Артёшка: — обыкновенными гробами, въ какихъ покойниковъ хоронятъ.

— Да что же вы, милостивый государь, шутите надо мною, что-ли?!

— Я-съ? Помилуйте!.. Ни мало! Я вамъ говорю настоящее дѣло.

Всемірная выставка въ Филадельфіи. I. Зданіе для произведеній садоводства.

Всемірная выставка въ Филадельфіи. II. Зданіе для художественныхъ произведеній (живопись, скульптура, архитектура и проч.).

— Полноте! Какіе вздоры!.. Что-же я стану дѣлать съ вашими гробами?

— Ахъ, съ гробами все можно сдѣлать, все что угодно!.. Это, видите-ли, обыкновенно дѣлается такъ, что вы купите гробовъ на вексель, положимъ, хоть на три тысячи, а можете продать ихъ въ свою пользу, уже на наличныя деньги, но конечно съ очень значительною уступкой.

— Это что-то совсѣмъ не сообразное!.. Ну, подумайте сами, какому-же чорту я стану продавать ихъ— я, офицеръ, пріѣхавшій въ отпускъ на короткое время и вдругъ торговать гробами!...

— Отчего же нѣтъ? Помилуйте, у насъ это очень часто дѣлается, возрэзилъ Артёшка:—вы закупаете партію гробовъ и продаете ихъ гуртомъ въ какую нибудь больницу, или въ нѣсколько больницъ, частями. Для этого нужно только войдти въ предварительное соглашеніе съ кѣмъ либо изъ больничной администраціи, въ родѣ тамъ какого нибудь старшаго доктора или смотрителя, и если вы предложете имъ извѣстный процентъ съ каждаго вашего гроба, то они охотно согласятся на такую комбинацію. Это очень просто-съ.

— Ну, нѣтъ, ваша комбинація для меня вовсе неудобна! наотрѣзъ отказался поручикъ.

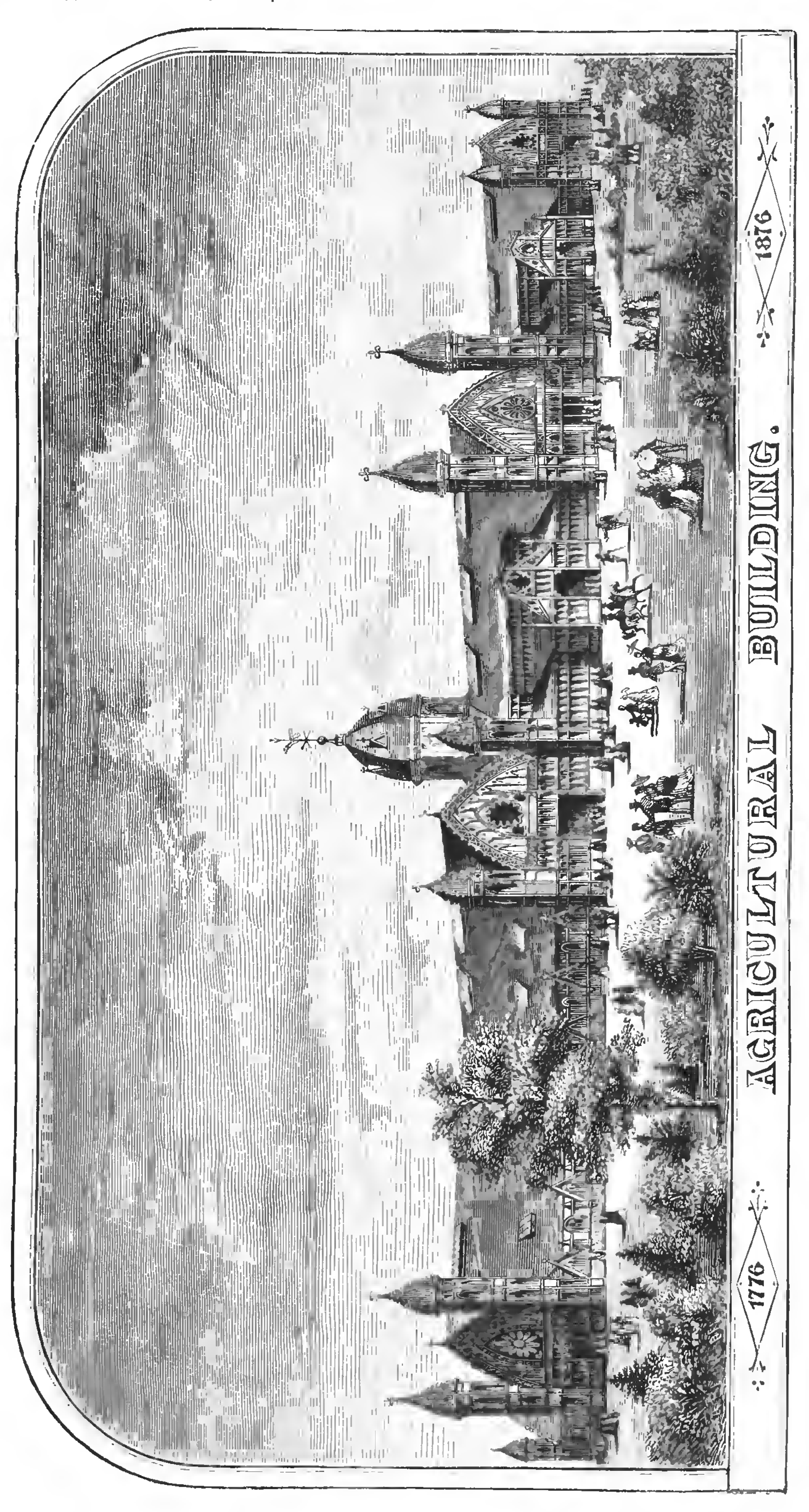
— Хм... Что-же такъ? ухмыльнулся Артешка.—Впрочемъ если неудобно, то я вамъ предложу другую: покупайте на вексель нѣсколько роялей.

— Часъ отъ часу не легче! воскликнулъ Болиголова, ударивъ себя объ полы: —то гроба, то рояли!... Да вы бы сообразили сперва хоть то, что куда же я поставлю ихъ до продажи-то?

— Да вамъ незачѣмъ и ставить: вы ихъ тотчасъ же заложите въ любую гласную кассу, или въ частный ломбардъ, или въ громоздкія движимости, куда угодно, и сразу получите наличными деньгами.

— Нѣтъ, это все слишкомъ сложно, и хлопотно, и окончательно для меня неудобно, отказался поручикъ.

— Хм... что-жъ тутъ дѣлать! смущенно пожалъ плечами кокодесъ, который уже разсчитывалъ на вѣрную поживу „куртажемъ“.—Въ такомъ случаѣ я поѣду, похлопочу еще разъ, авось что и удастся! юрко и обязательно предложилъ онъ въ ту же минуту: — до свиданья, господинъ Болиголова! Завтра въ эту пору вы уже найдете меня съ отвѣтомъ у Анатолія Борисовича.

Всемірная выставка въ Филадельфіи. III. Зданіе для сельско-хозяйственныхъ произведеній.

И юркій, маленькій Артёшка исчезъ, съ обычною своей вихлявой развязностью.

— Это, наконецъ, чортъ знаетъ что! восклицалъ поручикъ, разсказывая въ тотъ же день своему кузену-

редактору про необычайную комбинацію съ гробами и роялями. — И объясни ты мнѣ, пожалуйста, что такое въ сущности этотъ Артёшка и что за роль его у этого Шмеца?

— А это видишь - ли, другъ мой, пояснялъ редакторъ: — говорятъ что каждая большая акула, обыкновенно, имѣетъ при себѣ одну юркую, маленькую рыбку, которая всегда вьется и плаваетъ впереди акулы и отыскиваетъ для нея добычу. —вотъ, тоже самое и этотъ кокодесъ Артёшка при солидномъ господинѣ Шмецѣ, съ тою только разницею, что Артешка подъ-часъ служитъ для него и козломъ отпущенія, если нужно взвалить на него со своихъ плечъ какой либо грѣшокъ, или неловкость, или неудачу, и Артёшка за всѣ эти услуги получаетъ отъ него скромное, но приличное вознагражденіе.

* * *

Въ условленное время Болиголова встрѣтился съ кокодесомъ въ квартирѣ господина Шмеца. Это было уже послѣ завтрака, и потому господинъ Шмецъ вскорѣ оставилъ ихъ вдвоемъ, извиняясь, подъ вчерашнимъ предлогомъ, что ему нужно идти одѣваться.

— Ну-съ, господинъ поручикъ, устроилъ-таки я наконецъ ваше дѣло! уже въ нѣсколько фамильярномъ тонѣ заговорилъ, ходя вокругъ, раздушенный и завитой Артёшка.—Есть тутъ у меня, продолжалъ онъ: — одна почтенная, пожилая дама, и она, пожалуй согласна дать вамъ деньги, но только не менѣе какъ на пятнадцать процентовъ въ мѣсяцъ и еще съ однимъ маленькимъ, пустячнымъ условіемъ.

— Съ какимъ еще? угрюмо и подозрительно спросилъ поручикъ.

— О, это совершенныя пустяки которые, въ сущности, вамъ ровно ничего не будутъ стоить! предупредительно подхватилъ Артёшка:—вы дадите на себя вексель на пять мѣсяцевъ, гдѣ впередъ будутъ впитаны проценты и подпишетесь подъ нимъ не поручикомъ, а ротмистромъ или майоромъ.

— Это зачѣмъ-же? въ недоумѣніи спросилъ Болиголова, невольно сдѣлавшись еще подозрительнѣе.

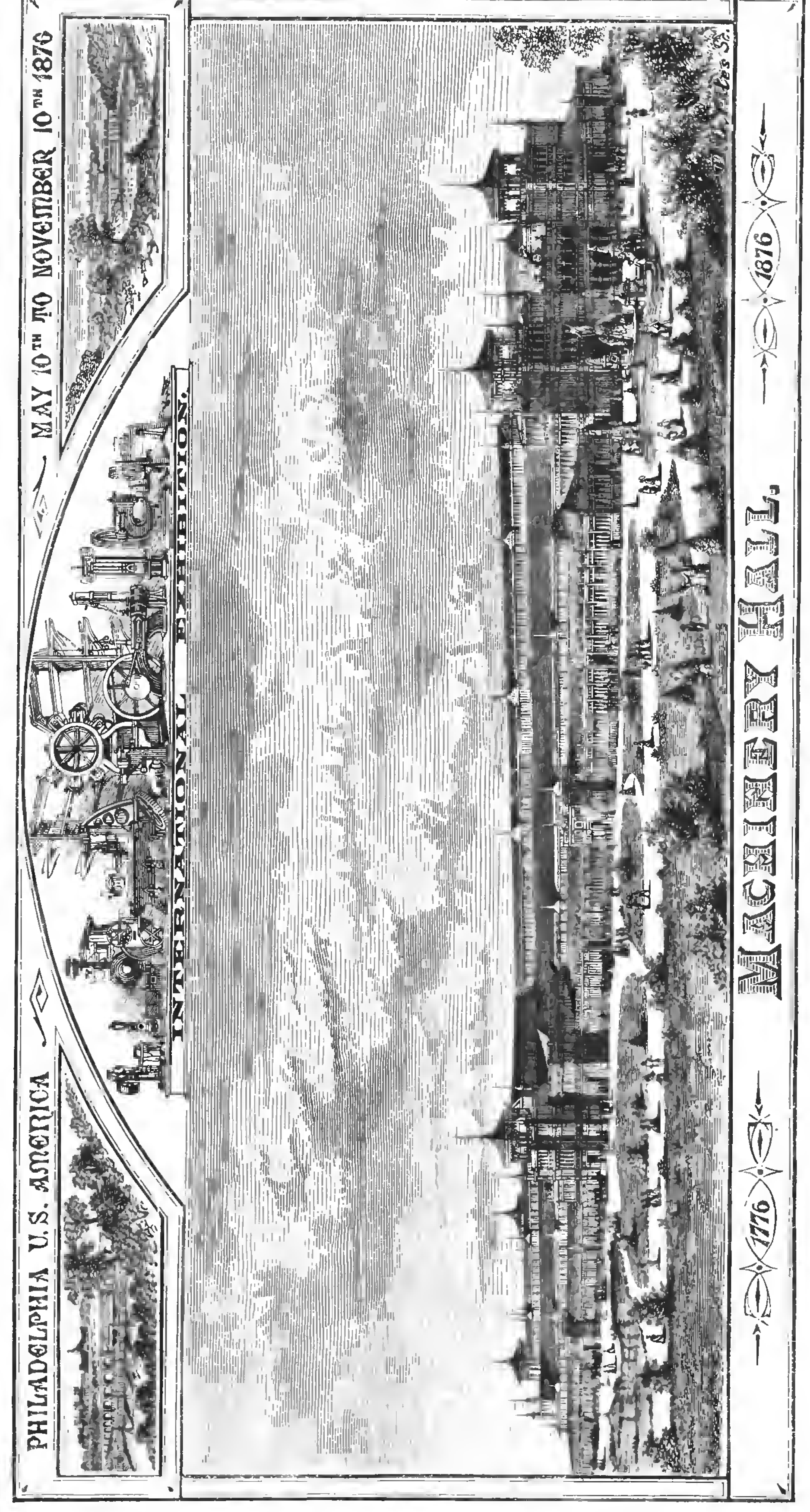
— Мм... такъ. Это, въ сущности, одна только фантазія этой почтенной особы.

— Да, но фантазія совершенно неосновательная.

— Согласенъ, и однако-жъ это ея непремѣнное условіе.

— Да вы понимаете-ли, что вы мнѣ предлагаете? замѣтилъ Болиголова, едва сдерживая въ себѣ негодованіе.—Этотъ, по вашему, ничтожный пустякъ, въ сущности, подлогъ, то есть уголовное преступленіе.

— Да-съ, это маленькій подложецъ, вы совершенно

Всемірная выставка въ Филадельфіи. IV. Зданіе для машинъ всякаго рода.

правы! съ любезною улыбочкой согласился Артёшка:— Но коли вамъ ужъ такъ до зарѣзу нужны деньги, то я не вижу причины почему-бы его и не сдѣлать! Вѣдь если вы имѣете серьозное намѣреніе расплатиться, то онъ для васъ вполнѣ безопасенъ, никто и знать не будетъ! А если, не отдадите въ срокъ,—ну, разумѣется, тогда уже дѣло иного рода!.. Но вы, конечно, жалѣючи себя, не захотите быть неаккуратнымъ, и такимъ образомъ этотъ подложецъ будетъ только служить для почтенной дамы надежною гарантіей... Это вѣдь только, такъ сказать, для успокоенія ея совѣсти, не болѣе-съ!

— Слуга покорный! поклонился поручикъ:—на эту штуку вы меня не поддѣнете!

— Такъ въ такомъ случаѣ вотъ что-съ! извернулся находчивый Артёшка:—позвольте мнѣ васъ познакомить съ этою дамой она, право же, очень и очень милая особа, и очень добрая... Вы еще молодой человѣкъ, кавалеристъ, съ наружностью и имѣете много шансовъ... Если вы ей съумѣете понравиться, то быть можетъ она вамъ займетъ и безъ всякаго обезпеченія... Она такая!

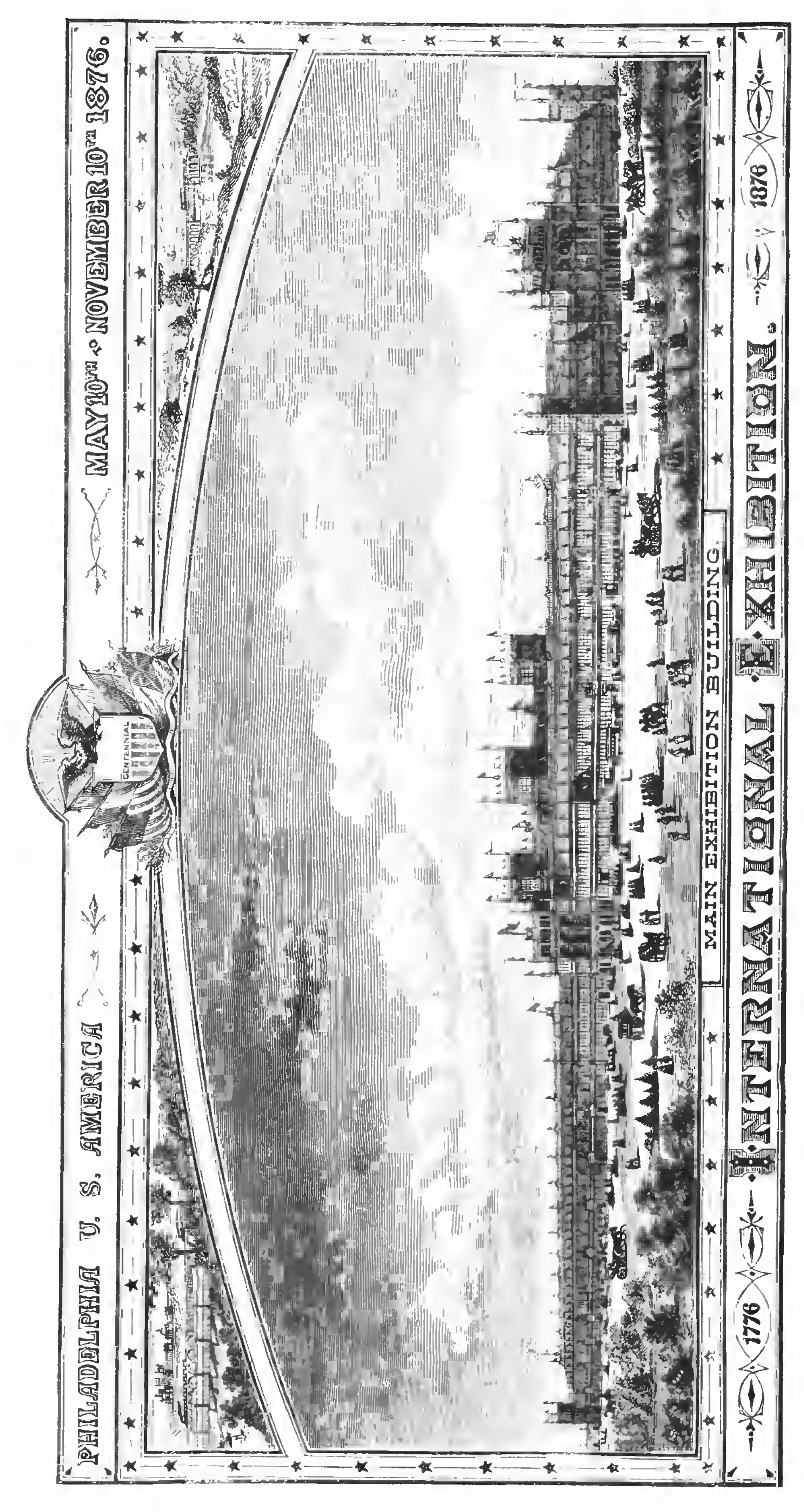
— Послушайте! внушительно схвативъ его за руку, закричалъ взбѣшенный поручикъ:—что вы такое? Наивный ли мерзавецъ, или сознательный подлецъ?

— Анатолій Борисовичъ!..! Анатолій Борисовичъ!!!.. запищалъ въ полный голосъ, весь съёжась, перетрусившій Артёшка.

На его крикъ, тотчасъ же растворилась дверь — и въ комнату поспѣшными шагами вошелъ господинъ Шмецъ, предшествуемый своимъ оскаленнымъ бульдогомъ.

— Что съ вами, Артёшка?... Чего вы орёте, небрежно спросилъ онъ съ самою спокойною улыбкой.

— Послушайте, господинъ Шмецъ! едва сдерживая въ себѣ порывъ негодованія, обратился къ нему поручикъ:—съ кѣмъ это вы меня сводите, скажите, Бога ради!?..: Этотъ господинъ второй день уже предлагаетъ мнѣ чортъ знаетъ что: то гробы продавать, то рояли закладывать, то подложную подпись дѣлаи ему на векселѣ, то наконецъ ступай и понравься какой-то старухѣ... Да вѣдь за это подобнымъ Артёшкамъ морду бьютъ!

Всемірная выставка въ Филадельфіи. V. Общій видъ главнаго зданія выставки.

— Ахъ, успокойтесь, Бога ради! ни на іоту не измѣняя себѣ, съ своей мило-привѣтливой улыбкой вступился Шмецъ:—Это онъ все отъ излишняго усердія,—право же отъ усердія!.. Увѣряю васъ!.. Вы не сердитесь на него!.. Ну, разсудите хладнокровно, развѣ этотъ клопъ стоитъ того, чтобы порядочный человѣкъ на него сердился?.. Полноте!.. А вы, любезный Артёшка, прибавилъ онъ съ внушительною строгостью обратясь къ ко-

Billet doux (Любовное письмо). Картина Отто Эрдманъ, гравир. Бре[illegible]

кодесу:—маршъ сію же минуту вонъ отсюда! И чтобы духу вашего не пахло, пока не обдѣлаете мнѣ для поручика дѣло на самыхъ льготныхъ условіяхъ!.. Да безъ штукъ, смотрите! А то лучше и на глаза не кажитесь! Прогоню, и вѣдь какъ щенокъ околѣете на улицѣ!,.

— Слушаю-съ, Анатолій Борисовичъ!—Я, напротивъ, со всѣмъ моимъ удовольствіемъ, и не понимаю даже чѣмъ они могли такъ обидѣться... Ей-Богу-съ!..

И огорченный Артёшка, почтительно согнувшись въ три погибели, какъ вьюнъ выскользнулъ изъ кабинета.

* * *

На слѣдующее утро Болиголова не успѣлъ еще окончить свой немного сложный туалетъ, какъ въ дверь его нумера осторожно постучались и—на приглашеніе войти — въ дверяхъ появился Артёшка, и все такой же чистенькій, гладенькій, завитой, раздушенный и припомаженный, и все съ тою же, присущею ему вихляво-развинченной походкой и развязною улыбкой.

— Здравствуйте, поручикъ! заговорилъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало:—Ну-съ, наконецъ-то дѣло устроилось! И на самыхъ льготныхъ условіяхъ! То-есть, понимаете-ли, ужъ на такихъ условіяхъ, льготнѣе которыхъ для васъ ни я, ни Анатолій Борисовичъ да и никто на свѣтѣ не добудетъ!

— Что-жъ за условія такія?.. освѣдомился Болиголова, не подавая кокодесу руки и даже не пригласивъ его садиться.

— Ахъ, ужъ повѣрьте, поручикъ, что я изо всѣхъ моихъ силъ постарался!.. Просто измучился!.. Есть тутъ одинъ человѣкъ такой,—онъ изъ Жидовъ, перекрестъ, ну, и потому не взыщите: проценты, дѣйствительно, жидовскіе, но чего вы хотите отъ хама! Развѣ онъ понимаетъ, что имѣетъ дѣло съ порядочными людьми!.. Но за то, можно сказать, безъ всякаго матеріальнаго обезпеченія!.. То-есть, положительно безъ всякаго!

— Да вы безъ прелюдій! Вы къ дѣлу-то поскорѣе! безцеремонно поторопилъ его поручикъ.

— Къ дѣлу-съ? Извольте, поручикъ! поручикъ! поклонился Артёшка, распространяя отъ своего носоваго платка нестерпимое благоуханіе кипрской эссенціи:—Дѣло въ томъ, что онъ даетъ вамъ тысячу рублей, но не иначе какъ подъ поручительство вашего кузена, на двадцать процентовъ въ мѣсяцъ, срокомъ на пять мѣсяцевъ, и вы выдадите на себя два векселя, и оба подъ поручительствомъ: въ одномъ будетъ вписана сумма и проценты, то-есть всего, значитъ 1,800 рублей, а другой вексель вы подпишете на три тысячи-съ.

— Это что еще!? вскричалъ Болиголова, нахмурясь.

— Ахъ, Бога ради, не безпокойтесь и не думайте ничего дурнаго! заегозилъ Артёшка:—этотъ послѣдній вексель не имѣетъ рѣшительно никакого существеннаго значенія и выдается только для взаимнаго спокойствія... Вѣдь согласитесь, надо же и этому жиду какое-нибудь обезпеченіе! Вѣдь онъ не требуетъ съ васъ ни залога, ни фальшивой подписи; а ужъ съ такимъ-то пустячнымъ обезпеченіемъ — да это у него съ руками, куда хочешь, оторвутъ и деньги-то!.. Вѣдь если вы заплотите въ срокъ, то оба векселя вамъ тотчасъ-же возвратятся. а это собственно дѣлается въ обезпеченіе неустойки, судебныхъ пошлинъ, протесту и прочихъ расходовъ на случай несостоятельности... Нѣтъ, ужъ повѣрьте, что условія самыя божескія! И вы иначе—ручаюсь вамъ—нигдѣ не достанете

Болиголова погрузился въ кратковременное, но тяжелое раздумье. Что оставалось ему дѣлать! Теперь-то ужъ онъ вполнѣ осязательно понялъ, что ему было-бы несравненно выгоднѣе, не ѣздя въ Петербургъ, а оставаясь по прежнему въ скверномъ жидовскомъ городишкѣ западнаго края, ежемѣсячно переписывать вексель Ицкѣ Штралецкому и включать въ нихъ проценты на проценты, чѣмъ подвергаться всѣмъ утонченнымъ комбинаціямъ господина Шмеца и его достойнаго фактотума—Артёшки. Но этотъ поусительный опытъ—увы!—пришелъ къ нему слишкомъ ужъ поздно: Ицко Янкелевичъ затратилъ чуть ли не послѣднія свои свободныя деньжишки на эту глупую поѣздку въ Петербургъ и ждетъ теперь, какъ манны небесной, съ часу на часъ обѣщанной уплаты. И Болиголова вполнѣ сознаетъ, что теперь уплата необходима до зарѣзу, или иначе онъ, и Ицко черезъ нѣсколько дней будутъ поставлены въ самое крайнее и безвыходное положеніе, безъ гроша денегъ и безъ кредиту въ чужомъ городѣ, не имѣя даже возможности возвратиться въ свои западно-русскія палестины. И такъ это живо представилось теперь поручику, какъ Ицко Штралецкій, подобно memento mori, будетъ безконечно появляться по вечерамъ къ нему въ нумеръ со своимъ неизмѣннымъ: „н-ну и што?“ какъ онъ будетъ вздыхать и вымаливать чтобы ему не говорили больше „завтра“ а сказали бы лучше „послѣ завтра“, для того „Жебы Ицко билъ еще одногхо дню сшпакойній“, какъ онъ будетъ плакаться, что „заусѣмъ прожилсе въ этомъ приклятомъ гхородѣ“ и воображать какъ тамъ, на родинѣ „заскучили“ безъ него его „зжонка“ и его „малыя ребенки“ и какъ они спрашиваютъ: „мамуле ой гдѣ-жъ типеръ татуле?“.. И такъ все это показалось вдругъ поручику скучно и утомительно, что онъ, скрѣпя сердце, махнулъ рукой и подписалъ Артёшкѣ оба векселя:—„Вѣдь отдамъ же, чортъ возьми, черезъ четыре мѣсяца! Голодать буду, а отдамъ!.. Ну ихъ!“ рѣшилъ онъ себѣ и успокоился.

Кокодесъ получивъ вексель, тотчасъ же тщательно запряталъ ихъ въ боковой карманъ, при чемъ даже бережно застегнулся, и немедленно—поѣхалъ съ Болиголовымъ къ редактору. Когда этотъ послѣдній поставилъ на обѣихъ векселяхъ свои „бланки“, кокодесъ предупредительно подалъ Болиголовѣ пачку ассигнацій и вѣжливо сказалъ:

— Пересчитайте-съ.

— Послушайте, любезнѣйшій! съ удивленіемъ обратился къ нему поручикъ:—что-жъ это однако? Гдѣ же ваша тысяча?.. Вѣдь тутъ всего девятьсотъ!

— Такъ точно, девятьсотъ, вы не ошиблись! еще любезнѣе подтвердилъ Артёшка.

— А гдѣ-жъ остальные сто?

— Отчислены въ куртажъ, за коммиссію... Ужъ это такъ по положенію... Ужъ это всегда десять процентовъ за хлопоты.

— Стало быть, вы удержали ихъ въ свою пользу?

— Мм... отчасти—да, но...

— А отчасти, то есть въ большей части, въ пользу господина Шмеца?

— Ахъ, нѣтъ-съ, помилуйте! фальшиво потупляя глазки, поспѣшилъ возразить Артёшка: — какъ вы можете подумать!.. Анатолій Борисовичъ вовсе такими дѣлами не занимаются; они изъ одной лишь чести-съ.

— Ну, такъ быть по вашему! Только проваливайте вонъ поскорѣе! махнулъ рукой Болиголова и пригласительно указалъ на дверь кокодесу.

Въ этотъ же день вечеромъ поручикъ окончательно и сполна расплатился съ Ицкой. Тотъ остался въ полномъ восторгѣ и даже насильно поцѣловалъ его въ плечо и въ руку.

— Ну, мейнъ аллерлибстеръ Ицко, если-бъ ты только зналъ, если-бъ ты могъ себѣ представить чего мнѣ стоило добыть для тебя денегъ! говорилъ ему Болиголова, не безъ горечи качая головою, и разсказалъ послѣдовательно всю исторію своихъ похожденій съ господиномъ Шмецомъ и его Артёшкой. Ицко слушалъ и только время отъ времени произносилъ свое „пфс!“ съ самымъ искреннимъ изумленіемъ и негодованіемъ.

— Чортъ съ ними, но я десять твоихъ жидовъ отнынѣ предпочту одному господину Шмецу! заключилъ Болиголова свое грустное повѣствованіе.

— Ой-вай!.. А то жъ еще литѐратъ, цыбулизо̀ванный чловѣкъ... Пфс!.. Н-ну, и скажить мнѣ, пизжалуста, спто жъ типерачки съ того будетъ?

— Да чему быть то?.. Ты свое получилъ и завтра уѣдешь во-свояси, а я на послѣднія десять рублей постараюсь получше напиться и... за твое здоровье пущу себѣ пулю въ лобъ! Только всего и будетъ!

— Н-но! Сшша! въ ужасѣ поднявъ руки, вскричалъ Еврей:—шъ пулёмъ!.. зàразъ вже и шъ пулёмъ!.. Пфай! Осштавте пизжалуста!.. Не будь я Ицко Янкелевичъ Штралецкій, когда я вамъ позволю на то! Сшлюхайте!

И онъ осторожно, съ самымъ сердечнымъ видомъ, на цыпочкахъ и нетороопливо подступилъ къ поручику.

— Сшлюхайте, гасшпидинъ сперучникъ!.. И ви же знаете якъ я васъ люблю и вважаю, и мнѣ жъ такъ изъ васъ зжалко, такъ зжалко-ай-вай, якъ зжалко! И я жъ не хо̀чу кабъ ви билъ въ смутку... Сшлюхайте: оставте мнѣ трошечку на дорога, я зжавтра зрàну поѣду сабѣ на машина до своя зжонка, до своихъ дѣтювъ, бо они тамъ такъ скучать бизъ мене... н-ну, и я поѣду, а ви оставайтесь и берить пизжалуста одъ мене увсшѣхъ остàтнихъ деньгувъ!

— Какъ! Опять на тѣже условія?!.. Нѣтъ, братъ, слуга покорный! на отрѣзъ отказался поручикъ.

— Ай, зжвините! Не такъ! замахалъ на него Ицко:—я вже гото̀вій дать вамъ и безъ вэксюлъ, и безъ росписке, и даже безъ всшакій пурцентъ!.. Ай, нѣтъ, зжвините! спохватился онъ въ то же мгновеніе: — завсѣмъ безъ пурцентъ не можна, бо ви сшами знаете, деньги то такого дѣло, сшто оно любитъ пурцентъ. Алежъ ви мнѣ дадите сшамій маленькій пурцентикъ... Н-ну; такъ, одногхо пурцентъ на мѣсѐнцъ, и подъ простого расписке, бо я знаю, ви щаловѣкъ вѣ̀рный и благхородній, и якъ ви вже для мене зъ тымъ цыбулизованнымъ сшволочомъ у пѣтля полѣзли, то ви мене не надуете. Берить писжалуста увсшѣхъ мого деньгувъ!.. Увсшѣхъ!... Прасшу васъ!

И Ицко, отсчитавъ себѣ только двадцать пять рублей, всю остальную пачку рѣшительно положилъ на столъ передъ Болиголовою.

— И когда вже такъ, то не надо мнѣ и росписке! Ви мнѣ напотомъ, якъ пріѣхаете, то дадите и расписке! торжественно заключилъ Ицко, и даже самъ растрогался отъ своего великодушія.—А типеръ благодару вамъ за вѣ̀рная отдача! Прибавилъ онъ съ поклономъ: до сшвиданью вамъ, гасшпидинъ сперучникъ!.. Сшпите!

Всеволодъ Крестовскій.

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта.

I.

Послѣдній лучъ зимняго, декабрьскаго солнца какъ-то робко проскользнулъ въ довольно обширную комнату на мельницѣ, проскользнулъ, еще разъ уронивъ три-четыре искорки мягкаго свѣта на какіе-то страннаго вида предметы, разложенные на широкомъ каменномъ подаконникѣ угловаго окна. Скоро погасли эти блестки, исчезъ и солнечный лучъ въ массѣ тучъ, ползущихъ куда-то безконечною вереницей. Вещи, такъ странно поблескивавшія на окнѣ, составляли арсеналъ врача-хирурга. Это была та коллекція инструментовъ, холодный, рѣзкій блескъ которыхъ пугливо дѣйствуетъ на глазъ человѣка; отъ этого блеска невольно дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. Къ окну была придвинута кровать и поставлена такъ, чтобы свѣтъ падалъ на нее сбоку. Это была большая кровать, аляповато разрисованная яркими букетами розъ и фіялокъ. На ней, среди пуховиковъ въ пестрыхъ наволокахъ, лежалъ хозяинъ „замковой“ мельницы. Ловкая рука хирурга только что освободила его отъ тяжелаго недуга — болѣзни горла, уже не разъ грозившей ему удушеніемъ. Операція была изъ трудныхъ и даже опасныхъ, но молодой человѣкъ опускавшій теперь стору, весело поглядывалъ на все, что его окружало, потому что —*вышло удачно*, удачно съоперировалъ онъ! Опустивъ стору, онъ принялся осторожно укладывать въ футляръ свои доспѣхи.

Больной, еще незадолго передъ тѣмъ неиствовавшій при первомъ вдыханіи хлороформа, кричавшій доктору охрипшимъ голосомъ: „разбойникъ! убійца!“ лежалъ теперь совершенно спокойно, въ полнѣйшемъ изнеможеніи. Ему запрещено было говорить, но запрещать это, какъ кажется, было напрасно, потому что на лицѣ этого человѣка слишкомъ ясно видна была печать угрюмой молчаливости. Да, что-то непривѣтливое, нелюдимое было въ этой большой четырехугольной головѣ, которую прикрывали только густые серебристо-бѣлые волосы.

— Ты, кажется, доволенъ, Брукъ? спросилъ тихо господинъ, подойдя къ доктору, который оставался еще у окна.

Господинъ этотъ стоялъ до сихъ поръ въ ногахъ у постели больнаго. На красивомъ лицѣ его еще замѣтны были слѣды тревоги, недавняго волненія.

Докторъ качнулъ головой и, бросивъ на старика взглядъ, исполненный надежды, проговорилъ спокойнымъ голосомъ:

— Пока все идетъ хорошо. Натура у него крѣпкая... Вотъ это-то, надѣюсь, и поможетъ мнѣ, а главное—хорошій уходъ. Но я *долженъ* теперь же удалиться... Больному слѣдуетъ во что бы то ни стало лежать смирно, именно вотъ въ этомъ положеніи. Нужно всѣми силами стараться предохранить его отъ сильнаго кровоизліянія, потому что...

— Предоставь ужъ мнѣ позаботиться объ этомъ, перебилъ господинъ съ красивымъ лицомъ.— Я остаюсь здѣсь и до тѣхъ поръ не уйду, пока нуженъ будетъ тщательный присмотръ за больнымъ. А ты не зайдешь ли мимоходомъ на̀ виллу сказать, что къ чаю я не буду, чтобы меня тамъ не ждали?

Легкій румянецъ выступилъ на щекахъ доктора, и въ тонѣ его голоса зазвучала уныло-грустная нотка:

— Нѣтъ, черезъ паркъ мнѣ будетъ не по пути. Это для меня порядочный крюкъ, а я долженъ непремѣнно какъ можно скорѣе попасть въ го̀родъ.

— Но ты не видалъ еще сегодня Флору...

— Не полагаешь ли, что мнѣ это легко, что я такъ... заговорилъ хирургъ и вдругъ умолкъ, сжалъ губы и схватилъ футляръ съ инструментами, чтобы засунуть его въ карманъ. Видишь-ли, на рукахъ у меня нѣсколько опасно больныхъ, сказалъ онъ болѣе спокойнымъ голосомъ:—вонъ, у купца Ленца дѣвочка умретъ, пожалуй въ эту ночь... Правда, ничѣмъ не могу я пособить, вылѣчить ее невозможно, а родители ребенка, измученные страхомъ, утомленные уходомъ за нимъ — ждутъ не дождутся меня, отсчитываютъ каждую минуту... Мать дѣвочки если и ѣстъ, то только тогда, когда я ее заставлю, упрошу съѣсть что-нибудь...

Онъ подошелъ къ кровати и взглянулъ на старика. Больной открылъ глаза и осмысленно, сознательно посмотрѣлъ на врача. Да, въ этихъ выпуклыхъ, воспаленныхъ глазахъ свѣтилось чувство благодарности за чу-

десное облегченіе, полученное такъ скоро, почти внезапно. Старикъ хотѣлъ протянуть руку своему спасителю, но докторъ Брукъ придержалъ ее на одѣялѣ и произнесъ еще разъ, что положительно запрещаетъ ему дѣлать какія либо быстрыя движенія, даже шевелиться запретилъ.

— Около васъ. г. Земмеръ, хочетъ остаться коммерціи совѣтникъ, прибавилъ докторъ:—онъ позаботится относительно точнаго, строгаго выполненія моихъ предписаній.

Слова эти, повидимому, пріятно подѣйствовали на старика, и онъ даже постарался взглянуть на коммерціи совѣтника, который, въ подтвержденіе словъ доктора, поспѣшилъ дружески кивнуть головой больному. Больной послѣ этого снова закрылъ глаза, какъ бы желая уснуть, а д-ръ Брукъ, взявъ шляпу и пожавъ руку коммерціи совѣтнику, вышелъ изъ комнаты.

Если бы у постели больнаго оставалась женщина, женщина озабоченная, принимающая въ немъ теплое участіе, то тогда, конечно, съ уходомъ врача, такая сидѣлка почувствовала бы себя одинокою, покинутою, ею овладѣла бы боязнь... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мать умирающей дѣвочки, о которой упомянулъ докторъ, не оживала при появленіи врача, не ощущала настолько мужества, чтобы принять хотя немного пищи, необходимой для поддержанія ея же собственныхъ силъ?.. У постели стараго мельника ничего подобнаго не было: некому было бояться за него, некому было обнаружить чувства безпредѣльной любви, теплаго участія къ больному. Старуха экономка казалась вполнѣ равнодушной. Она была занята теперь уборкою посуды, понадобившейся при операціи, и какъ летучая мышь, шурша, шныряла по комнатѣ. Нѣсколько капель воды, скатившихся съ руки доктора на столъ, кажется смущали ее больше, чѣмъ опасность, въ которой находился ея господинъ.

— Послушайте, сударыня Суза, ужъ вы, пожалуста, оставьте теперь все это! вѣжливо обратился къ экономкѣ коммерціи совѣтникъ.—Вы вытираете столъ, а онъ такой шаткій, что стучитъ подъ вашей рукой. Шумъ этотъ раздражаетъ нервы. Докторъ Брукъ желаетъ прежде всего полнѣйшаго спокойствія для папа...

„Сударыня“ Суза поспѣшно собрала свои тряпки, захватила метелку и удалилась въ свою кухню, сіявшую непомѣрной чистотой. Тамъ она по крайней мѣрѣ могла отвести душу, занявшись мытьемъ обѣденной посуды.

И вотъ, все стало тихо; конечно, полной, совершенной тишины и не могло быть въ комнатѣ на громадной мельницѣ. Отъ движенія мельничныхъ колесъ чувствовалось хотя и слабое, но непрерывное, равномѣрное трясеніе пола и того, что было надъ нимъ. Слышенъ былъ шумъ пѣнящейся воды, которая летѣла черезъ плотину; къ этой вѣчно-однообразной ворчливой пѣснѣ волнъ примѣшивалось еще воркованье голубей, какъ то тяжело подлетавшихъ къ оконнымъ стекламъ. Птицы эти гнѣздились въ верхушкахъ исполински разросшихся вѣковыхъ каштановъ, которые бросали тѣнь въ комнату мельницы съ западной стороны. Но такой шумъ и не существовалъ для больнаго, или, лучше сказать, онъ такъ свыкся съ нимъ, что считалъ его такимъ же необходимымъ условіемъ жизни, какъ воздухъ, какъ правильное постукиваніе сердца.

Однако, въ самомъ дѣлѣ, какое это было отталкивающее старческое лицо, на которое смотрѣлъ теперь, исполняя обязанность сидѣлки, коммерціи совѣтникъ— этотъ изящный, красивый человѣкъ!.. Печать пошлости лежала на этомъ лицѣ, печать рѣзкая, ничѣмъ не смываемая; а вотъ эта черта—морщина около толстой, отвислой нижней губы—развѣ не выражаетъ жестокости, дубоватой грубости старика? Никогда еще коммерціи совѣтнику не представлялось все это такъ осязательно —до отвращенія, какъ теперь, именно въ эти минуты, когда больной спалъ или погруженъ былъ въ дремоту отъ изнеможенія. Такое состояніе, конечно, отняло у мельника самообладаніе, волю, ослабило личные мускулы, а это-то и обнаружило истинный обликъ его, показало, какія характерныя черты присущи этому лицу.... Дѣйствительно, старикъ началъ свою карьеру съ самой низкой ступеньки: онъ былъ простымъ батракомъ на этой мельницѣ, а потомъ и пошелъ въ гору. Теперь— онъ богачъ; торговля хлѣбомъ доставляетъ ему громадныя средства. Человѣкъ, лежавшій на этой мужицкой, прадѣдовской кровати, былъ представителемъ денежной аристократіи, силы золота... Можетъ быть, въ виду такихъ внушительныхъ фактическихъ данныхъ коммерціи совѣтникъ и называлъ старика „папа“, и вообще относился къ нему почтительно, потому что на самомъ дѣлѣ ихъ не связывало никакое кровное родство. Покойный банкиръ Мангольдъ (старшая дочь его отъ перваго брака была замужемъ за коммерціи совѣтникомъ) во второй разъ женился на дочери „замковаго“ мельника —вотъ какія *родственныя* отношенія существовали между страждущимъ старикомъ и человѣкомъ, теперь ухаживавшимъ за нимъ.

Коммерціи совѣтнику скучно стало сидѣть у постели —онъ всталъ и тихонько подошелъ къ окну. Не смотря на то, что ему было за тридцать—юношеская живость, подвижность еще не покинула его; сидѣть не шевелясь на одномъ мѣстѣ, неусыпно наблюдать за больнымъ, ничего не дѣлать—это было для него почти невыносимо, раздражало нервы, да къ тому же ему было просто противно безпрестанно посматривать на эту несимпатичную физіономію, на эти жилистые кулаки, глубоко зарывшіеся въ складкахъ одѣяла, кулаки, которые когда-то помахивали кнутомъ надъ спинами рабочихъ лошадей.

Каштанъ, стоявшій передъ окномъ, въ которое смотрѣлъ коммерціи совѣтникъ, давно уже лишился своей листвы. Обнаженные сучья и вѣтви, перекрещиваясь въ разныхъ направленіяхъ, образовали неправильныя четыреугольныя и овальныя рамки, въ которыя какъ бы вставлены были небольшіе ландшафты—одинъ прелестнѣе другаго, хотя небо было мрачно-сѣрое, настоящее декабрьское, ослаблявшее блескъ серебристой поверхности прудовъ. Прозрачная съ фіолетовымъ оттѣнкомъ синева дальнихъ горныхъ вершинъ была покрыта бѣловато-дымчатыми полосами сгустившагося тумана. Тамъ, правѣе, рѣка, повертѣвъ колеса „замковой“ мельницы, дѣлала крутой поворотъ; а вонъ и еще ландшафтикъ въ тоненькой овальной рамкѣ изъ вѣтвей каштана— сверкающая полоска рѣки и надъ ней созданіе рукъ человѣческихъ, которому рѣка эта порабощена: громадное зданіе кубической формы, ничѣмъ не украшенное, голый каменный колоссъ, съ однообразными, скучными рядами оконъ. Это—прядильная фабрика коммерціи совѣтника. Коммерціи совѣтникъ тоже человѣкъ богатый. Сотни рабочихъ заняты тамъ около вертящихся веретенъ. Но фабрика эта ставила собственника ея нѣкоторымъ образомъ въ зависимое положеніе отъ „замковаго мельника. Дѣло въ томъ, что мельница, основанная нѣсколько столѣтій назадъ одною владѣтельною особой, получила огромныя привилегіи, неуничтоженныя и по сіе время. Опираясь на исключительный законъ, всякій собственникъ мельницы имѣлъ полное право на воды рѣки (и на довольно значительное ея протяженіе), что не мало отравляло жизнь мѣстныхъ обывателей. За эти то права, на которыя, конечно, имѣлись письменныя документы, крѣпко стоялъ „замковый“ мельникъ. Ступни ногъ его были достаточно широки и онъ всякому показывалъ зубы, если усматривалъ только поползновеніе дерзкаго хотя однимъ пальцемъ задѣть его права. Старикъ во время оно былъ только арендаторомъ мельницы, а потомъ мало по малу, какъ-то незамѣтно, съ

Старый солдатъ. Рисов. Коверзневъ, грав. Е. Шмидтъ.

богатствомъ все болѣе и болѣе возрастающимъ, протянулъ лапы и дальше и сталъ не только собственникомъ мельницы, но и всего рыцарскаго помѣстья, къ которому она принадлежала. Добился онъ этого незадолго до выхода замужъ единственной своей дочери за почтеннаго, уважаемаго банкира Мангольда. Лично для мельника цѣну имѣли только обширные лѣса и земли; принадлежавшая же къ помѣстью великолѣпная вилла, стоявшая среди красиваго парка, была для него всегда предметомъ отвращенія, что, однако же, вовсе не мѣшало ему поддерживать эту „дорогую игрушку“... Что-жъ. вѣдь онъ могъ видѣть свою дочь полновластной госпожей тамъ, гдѣ прежніе высокомѣрные владѣльцы постоянно какъ-то забывали отвѣчать ему на его поклоны!.. Теперь виллу эту нанималъ у мельника коммерціи совѣтникъ. Вотъ по этому то у него и было много основательныхъ причинъ оставаться въ добрыхъ отношеніяхъ съ обладателемъ рѣки и домохозяиномъ... Такъ оно на самомъ дѣлѣ и было: коммерціи совѣтникъ былъ вѣжливъ, почтителенъ къ угрюмому старику, какъ добрый сынъ.

Часы на фабрикѣ пробили четыре и почти въ туже минуту высокія окна конторы освѣтились газомъ. Сегодня какъ-то рано стемнѣло. Воздухъ сталъ наполняться густыми испареніями, обѣщающими все покрыть снѣгомъ; клубы дыма изъ трубъ городскихъ домовъ полѣзли внизъ и, на подобіе тумана, волновались близко надъ землей; шиферная кровля прядильни, ступеньки лѣстницы, камень на дорогѣ—все это покрылось (если такъ можно выразиться) какимъ-то скользкимъ, мокрымъ блескомъ. Голуби, сидѣвшіе кучками до сихъ поръ терпѣливо, въ полудремотѣ, на вѣтвяхъ каштановъ, вдругъ поднялись и полетѣли по направленію къ теплой, сухой голубятнѣ.

Коммерціи совѣтникъ ощутилъ холодъ, вздрогнулъ и, отвернувшись отъ окна, оглянулъ комнату. Комната показалась ему теперь даже уютной, привѣтливой, вовсе не такой противной какъ прежде, хотя все тутъ было по старому: тотъ же воздухъ, пропитанный запахомъ всякой снѣди, вареной и жареной, тѣ же закоптѣвшіе обои, тѣ же пресловутыя лубочныя картинки на стѣнѣ... Такая обстановка, конечно, не могла нравиться человѣку съ избалованнымъ вкусомъ. Но вотъ сударыня-Суза подложила хорошихъ, сухихъ дровецъ въ печку. Коммерціи совѣтникъ продолжалъ осматривать комнату: взглядъ его скользнулъ по старинному, прадѣдовскому дивану съ мягкими, пухлыми подушками, такъ уютно стоявшему у стѣны, затѣмъ онъ остановился на старательно вычищенныхъ мѣдныхъ украшеніяхъ двери, ведущей въ смежную комнатку, въ родѣ алькова; на украшеніяхъ этихъ какъ бы мерцали послѣдніе, слабые отблески дня... Ахъ, да! Вѣдь тамъ, за этой дверью стоитъ желѣзный денежный шкафъ... Запертъ-ли онъ, не осталось ли ключа въ дверцѣ?..

Передъ операціей „замковый“ мельникъ написалъ духовное завѣщаніе. Докторъ Брукъ и коммерціи совѣтникъ встрѣтились еще на лѣстницѣ съ нотаріусомъ, его помощникомъ и свидѣтелями. Тѣ уже уходили. Хотя больной и казался спокойнымъ, однако же въ душѣ его, навѣрно, порядкомъ таки бушевало, но бурю эту онъ съумѣлъ скрыть... При уборкѣ въ шкафъ разныхъ документовъ рука его, конечно, дрожала, старикъ суетился, торопился—и вотъ одна изъ бумагъ была забыта имъ на столѣ. Впрочемъ, за минуту до операціи, мельникъ замѣтилъ свою оплошность и тутъ же попросилъ коммерціи совѣтника поскорѣе убрать въ шкафъ оставленный документъ. Изъ той комнатки черезъ другую дверь можно было пройти въ переднюю, а слѣдовательно всякій могъ попасть въ комнатку, гдѣ стоялъ шкафъ: обыкновенно въ переднюю приходило много постороннихъ лицъ. Испуганный такою мыслью, коммерціи совѣтникъ, не медля ни секунды, вошелъ въ альковъ... Дѣйствительно, онъ былъ непростительно неостороженъ: дверца шкафа оказалась отворенною!.. Ну, увидѣлъ бы это старикъ... Вѣдь онъ, какъ драконъ, оберегалъ свою драгоцѣнность!.. „Нѣтъ, сюда, какъ видно, никто не входилъ“, проговорилъ коммерціи совѣтникъ, чтобы успокоить себя. Малѣйшій шумъ не ускользнулъ бы отъ его вниманія, если бы кому нибудь вздумалось пробраться туда, однако же онъ долженъ былъ убѣдиться—все ли въ цѣлости, на своемъ мѣстѣ въ шкафу?

(Продолженіе будетъ).

Всемірная выставка въ Филадельфіи.

Правительство сѣверо-американскихъ штатовъ предприняло устроить въ честь столѣтней годовщины американской независимости международную выставку искуствъ, ремеслъ, сельскихъ и горныхъ произведеній. Для завѣдыванія выставкой и приготовленія къ ней была учреждена особая коммисія, «United States Centeunial Commision», состоящая изъ двухъ уполномоченныхъ «commisineri» отъ каждаго штата или территоріи, назначаемыхъ на эту должность президентами штатовъ «governars» и утверждаемыхъ въ ней президентомъ сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатовъ. Американская выставка, какъ видно изъ этого, есть предпріятіе чисто національное, а не начатое по почину частныхъ лицъ, какъ утверждаютъ многіе.

Выставка будетъ открыта, начиная съ 10-го мая и по 10-е ноября 1876 года каждый день, за исключеніемъ воскресеній. Плата за входъ назначается въ 50 центовъ (половина доллара).

Мѣсто, избранное для выставки, лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Schuylkillo (одномъ изъ притоковъ Делавары) внутри парка «Faivmount», раскинутаго на пространствѣ 3,160 акровъ. Подъ зданія выставки занято 450 акровъ; рядомъ съ зданіями устроены помѣщенія для выставки домашняго скота и образцовая ферма (на пространствѣ 40 акровъ), вполнѣ приспособленная для производства опытовъ надъ плугами, жатвенными, молотильными и другими сельско-хозяйственными машинами.

Восемь различныхъ конно-желѣзныхъ дорогъ, соединенныхъ съ городской желѣзно-дорожной сѣтью, ведутъ къ зданіямъ выставки. Рельсы желѣзныхъ дорогъ (Reading и Pensylvania) тоже продолжены до зданія выставки, такъ что послѣдняя, черезъ сѣверно-пенсильванскую и филадельфійско-уильшингтонско-балтиморскую желѣзныя дороги, находится въ непрерывномъ сообщеніи со всѣми желѣзными дорогами страны. Проѣздъ на выставку изъ мѣстъ, отстоящихъ отъ нея приблизительно на разстояніи 90 англійскихъ миль, обойдется почти столько же, сколько стоилъ, во время вѣнской или парижской всемірной выставки наемъ экипажа.

Предметы, назначенные для выставки, будутъ помѣщены въ семи отдѣленіяхъ, занимающихъ слѣдующее пространство:

Отдѣленія:	Зданія:	Пространство въ акрахъ.
1. Горное производство и металургія. 2. Фабричныя произведенія 3. Наука	Главное зданіе (длина 450, ширина 120 метровъ, состоитъ изъ главнаго корпуса и двухъ боковыхъ пристроекъ)	21,47
4. Искусства	Художественное отдѣленіе	1,5
5. Машины	Зданіе для машинъ (длина 450, ширина 120 метровъ	14
6. Земледѣліе	Отдѣленіе для сельскаго хозяйства.	10
7. Садоводство	Зданіе для садоводства (всевозможные цвѣты будутъ помѣщены въ огромной оранжереѣ, длиною 120, шириною 54 метра	1,5
		48,47

Пространство, отведенное для выставки превышаетъ почти на 10 акровъ мѣсто, занимаемое бывшей вѣнской выставкой и, не смотря на это, всѣ мѣста уже заняты, такъ что многіе важные отдѣлы придется помѣстить въ отдѣльныхъ зданіяхъ.

Правительство соединенныхъ штатовъ устроитъ отдѣльное зданіе, которое будетъ занимать $4^1/_2$ акровъ, для экспонентовъ

министерствъ: военнаго, финансовъ, морскаго, внутреннихъ дѣлъ, почтъ и сельскаго хозяйства.

Женская коммисія собрала 30,000 долларовъ для постройки павильона, въ которомъ будутъ выставлены всевозможныя женскія работы. Ожидаютъ, что въ постройкѣ этого павильона будутъ участвовать женщины всѣхъ націй.

Число отдѣльныхъ зданій увеличивается все болѣе и болѣе и кажется, что оно возрастетъ до 200 или даже до 250. Большинство иностранныхъ націй: Англія, Германія, Австрія, Франція, Швеція, Египетъ, Японія и другіе строютъ одно или нѣсколько зданій для своихъ экспонентовъ или коммисаровъ. Подобныя же постройки, по большей части весьма красивой архитектуры, построены также штатами Пенсильванія, Огіо, Индіана, Иллинойсъ, Мичиганъ, Нью-Джерсей, Нью-Іоркъ, Конектикутъ, Массачузетсъ, Нью-Гемпширъ, Миссури, Канзасъ, Виргинія, Западная Виргинія, Невада, Висконсинъ, Іова и Делаваръ и весьма вѣроятно, что и другіе штаты послѣдуютъ ихъ примѣру.

Для множества торговыхъ и промышленныхъ обществъ, требующихъ много мѣста, будутъ возведены особыя зданія. Такъ будутъ устроены отдѣльныя помѣщенія для фотографовъ, экипажныхъ мастеровъ, стекольщиковъ, сапожниковъ, и т. д. Къ подобному вспомогательному средству придется прибѣгнуть еще не разъ, особенно по случаю экспонентовъ, опоздавшихъ своимъ заявленіемъ. Въ началѣ октября одни американскіе экспоненты потребовали 330,000 квад. футовъ въ главномъ зданіи, тогда какъ американскимъ штатамъ можетъ быть предоставлено всего 170,000 футовъ, изъ которыхъ третья часть будетъ занята проходами. Мѣста въ зданіи для выставки машинъ уже всѣ заняты. Въ выставкѣ машинъ участвуютъ 1000 американскихъ, 150 англійскихъ и 150 континентальныхъ европейскихъ экспонентовъ (на 250 человѣкъ болѣе, чѣмъ на вѣнской выставкѣ). Для гидравлическихъ машинъ, паровыхъ молотовъ, кузницъ и т. д. устроены отдѣльныя пристройки, an nexès.

Сила, необходимая для приведенія въ дѣйствіе машинъ, находящихся на выставкѣ, доставляется по большей части двумя огромными паровыми машинами, цилиндры которыхъ имѣютъ 40 вершковъ въ поперечникѣ; маховыя колеса этихъ машинъ имѣтъ 31 футъ въ діаметрѣ и вѣсятъ 55 тоннъ; сила ихъ равняется 1,400 лошадинымъ силамъ и они имѣютъ 20 паровыхъ котловъ. Машины эти могутъ привести въ движеніе волну, длина которой приблизительно будетъ равняться одной англійской милѣ. Лучшіе художники Америки работаютъ для выставки и можно полагать, что американскій художественный отдѣлъ будетъ лучше, чѣмъ того ожидаютъ. Въ немъ, кромѣ картинъ современныхъ художниковъ, будутъ выставлены замѣчательнѣйшія произведенія американскаго искусства за прошлое столѣтіе, какъ-то: картины Стюарта, Каплея, Трумбулля и др. Произведенія какъ прежнихъ, такъ и современныхъ художниковъ поступаютъ на выставку по выбору особой коммисіи Commitee of Selection, которая посѣтитъ Нью-Іоркъ, Бостонъ, Чикаго и др. главныя города Америки и выберетъ картины, достойныя быть помѣщенными на выставкѣ. Подобными средствами устраняются многіе расходы по перевозкѣ. По предписанію морскаго министра, американскій военный корабль прибудетъ весною въ Европу для перевозки въ Америку произведеній американскихъ художниковъ, живущихъ на континентѣ.

Англійскій ваятель Белло трудится въ настоящее время въ знаменитыхъ мастерскихъ Ламбетты надъ созданіемъ группы, изображающей Америку. Группа эта займетъ 15 квадр футовъ пространства и будетъ помѣщена вѣроятно въ большой центральной залѣ, напротивъ главнаго входа.

Во время выставки произойдутъ также въ Филадельфіи собраніе членовъ многихъ орденовъ и кампаній, такъ напр. произойдетъ собраніе членовъ страховыхъ обществъ, международный конгрессъ врачей и другіе.

BILLET-DOUX.

(Любовн. письмо)

Прекрасная владѣтельница замка, молодая графиня, не замѣчаетъ ничего что вокругъ нея происходитъ, — печальный взоръ ея обращенъ всегда къ облакамъ. Главная же камеръ-юнгфера молодой графини, не слишкомъ заглядывалась на небо, но за то отлично умѣла видѣть все, что дѣлается на землѣ. Если напримѣръ, мимо замка проходила какая нибудь старуха, то она представлялась камеръ-юнгферѣ какъ бы сквозь туманъ; если же, даже вдали отъ замка, показывался какой нибудь «рыцарь», зрѣніе ея прояснялось необыкновенно; на счетъ кавалеровъ, особенно если они имѣли счастіе обладать черными усиками и изящными манерами, у нея былъ просто даръ ясновидѣнія: если-бы эту молодую особу посадить съ завязанными глазами въ самое глубокое подземелье замка, куда бы не проникалъ ни одинъ солнечный лучъ, она навѣрное бы вдругъ вскрикнула: «вонъ идетъ! » въ мигъ сорвала бы съ глазъ повязку, опрометью выбѣжала бы изъ подземелья, высунула бы свое смѣющееся лицо въ круглое окошечко, чтобы взглянуть на проходящаго. Неудивительно, что при такихъ свойствахъ камеръ - юнгфера графини давно уже примѣтила кое-что, между тѣмъ какъ сама молодая госпожа, вотъ уже три года оплакивающая своего покойнаго супруга,, ничего еще не видѣла. У камеръ-юнгферы была своя философія: «И отчего это госпожа моя все груститъ...» и вѣрная служанка рѣшила вылечить отъ грусти свою госпожу. При своемъ умѣньи такъ хорошо все видѣть, она давно уже нашла и средство для этого въ лицѣ высокаго, стройнаго молодаго человѣка съ черными какъ смоль усиками и пламенными голубыми глазами. Въ послѣднее время около замка часто можно было встрѣтить на конѣ этого господина, и камеръ-юнгфера держала въ головѣ свою философію, а онъ, вѣроятно, свою. Такимъ образомъ, камеръ-юнгфера стояла разъ передъ дверью, въ самое то время какъ молодой человѣкъ проходилъ мимо; дѣвушка внимательно вглядывалась въ небо, чтобы узнать какая будетъ погода черезъ десять дней, вдругъ возлѣ нея очутился молодой человѣкъ. Онъ очень любезно посмотрѣлъ на нее, она улыбнулась, и бросила на него сбоку лукавый взглядъ. Онъ сказалъ ей пару словъ, она шепнула ему отвѣтъ, а на другое утро достала изъ подъ голубой вазы въ саду маленькую записочку. Записочку эту, плутовка спрятала подъ корсажъ и поспѣшила съ ней къ себѣ въ комнату. Тутъ она, насколько это возможно было сдѣлать такъ чтобы не было замѣтно, прочитала кое-что изъ интереснаго письмеца: тамъ говорилось о стрѣлахъ Амура, о Венерѣ и лиліяхъ; ова сразу поняла въ чемъ дѣло, подняла дугой бровки, протянула «мм», и должно быть передъ смѣющимися ея глазами представилась очень веселая картина,—какъ вдругъ раздался звонокъ. «Ахъ, надо бѣжать подать завтракъ старой графинѣ!» воскликнула она, схватила подносъ и побѣжала на верхъ. Когда исправная служанка спустилась опять съ лѣстницы, у самой нижней ступеньки попалась ей на встрѣчу, шедшая на верхъ, молодая графиня. Она была очень грустна. Ловкая камеръ-юнгфера обыкновенно быстро примѣняла свою философію къ практикѣ; и такъ, въ мгновеніе ока, она вытащила письмо изъ подъ корсажа, и когда графиня проходила мимо нее, подала его ей съ улыбкой, въ которой сіяли всѣ солнечные лучи, озарявшіе весеннюю землю со дня сотворенія міра. Ея сіятельство сдѣлала удивленный жестъ. «Да-съ, вамъ ваше сіятельство», шепнула камеръ - юнгфера сквозь свои сверкающіе зубы, и весна въ ея лицѣ была неотразима до такой степени, что молодая графиня невольно взяла заманчивую записочку, не смотря на подозрительный путь какимъ она пришла, и пошла съ ней въ свой будуаръ, нѣсколько поспѣшнѣе.

СТАРЫЙ СОЛДАТЪ.

(Изъ военныхъ очерковъ).

Много лѣтъ назадъ тому, живя въ уѣздномъ городкѣ, мнѣ пришлось узнать стараго солдата, типъ все болѣе и болѣе исчезающій. Въ немъ не увидѣлъ я совсѣмъ не того рисованнаго Скобелевскимъ перомъ и перомъ его неудачныхъ подражателей, этаго, закручивающаго сѣдой усъ вѣчнаго разказщика, не услышалъ его слова своеобразнаго, съ хлесткимъ загибомъ. Нѣтъ, худой, высокій, сгорбленный, когда-то громада-гренадеръ съ подстриженными усами, сѣдой какъ лунь, съ черною какъ смоль бровью, онъ не бодрился, не покрякивалъ значительно передъ каждымъ своимъ словомъ: но въ немъ, дѣйствительно, во всей его манерѣ, во всѣхъ его правилахъ и понятіяхъ было что-то рослое, величавое.

Приводя напримѣръ разсказы о тяжелой, боевой службѣ, о строгости взысканій, объ ужасахъ труда—часто недокормленнаго солдата, онъ съ честною, даже трудно понятною для насъ любовью относился къ памяти своихъ отжившихъ командировъ. Міру невѣдомые поручики Любанскіе, капитаны Кругловы—все это по его разсказамъ были люди справедливые, герои, спартанцы... Слезы сердечнаго умиленія глотались старикомъ, когда онъ доходилъ до именъ Набокова, Розена, Мендерштерна, Шаховскаго—словомъ всѣхъ тѣхъ, которые вели въ широкое дѣло гренадерскій корпусъ, прославившій себя въ Польскую кампанію 1831 г. Всѣ эти имена и лица неотживали ни въ его душѣ, ни въ его памяти, какъ будто бы люди съ мягкими, ла-

скающими, нѣжными руками, качавшими его точно въ зыбкѣ цѣлыхъ двадцать шесть лѣтъ. Примѣрная и замѣчательная черта!

Однажды, распространившись на эту любимую имъ тему, Кряжевъ угостилъ насъ памятнымъ ему эпизодомъ изъ Остроленскаго дѣла. Разсказъ шелъ о томъ моментѣ, когда на подкрѣпленіе уже беззащитныхъ Астраханскаго и Суворовскаго полковъ, за Нарево, успѣли переправиться къ нимъ Мандерштернъ, Розенъ и Набоковъ и когда, вслѣдъ затѣмъ, подъ крутой посылкой и посыпкой вражеской картечи палъ на полѣ герой Остроленской битвы генералъ Мартыновъ.

Завидѣвъ падающаго генерала, въ то время какъ Лидерсъ и Набоковъ стали отходить къ шоссе, Кряжевъ и его взводный—подпоручикъ Зименко бросились было на выручку къ своему командиру: но первый, раненый картечью съ боку въ шею, а второй пулею въ грудь на вылетъ—остались на мѣстѣ...

— «Я, надо быть, очнулся первый, разсказывалъ старикъ — кровь у меня, знать, утишила; лежалъ-то я на спинѣ и воротникомъ—значитъ, прижалъ рану. Перво на перво пришло мнѣ въ голову: «а гдѣ мой взводный?» Повелъ кругомъ себя глазами и туманъ охватилъ: стопъ, руганье кругомъ; то Господа зовутъ, то поляка клянутъ, то полякъ москаля ко всѣмъ дьяволамъ посылаетъ; иной пить молитъ, иной какъ пластъ, недвижимо лежитъ, а все надсѣдается «ура» крикнуть... Груда насъ неуносная, да и лежимъ то на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ почитай семь или восемь аттакъ отбили,. Стало быть мертвеца и окалеченнаго безъ счета! Ужасно мнѣ таково стало. Присѣлъ я на корточки—погляжу, апъ его благородіе то за шагъ отъ меня, лежитъ навзничь и тяжело, тяжело дышетъ: и глаза у него словно вотъ нагаръ на свѣчѣ—и огонь и тьма кромѣшная въ нихъ, а самъ не шелохнется, только лицо у него подергиваетъ, да ртомъ точно ловитъ что. Вспомнилъ я въ ту пору, что у меня за ошкуромъ спрятанъ, такъ, маленькій былъ пузырекъ съ водкой. «Стой, думаю, вѣдь она проклятая—говорятъ—и губитъ и спасаетъ!» Да съ этой думой и далъ ему хлебнуть каплю, другую. Вздрогнулъ онъ, маненько ожилъ, ласково и какъ ласково взглянулъ на меня, сжалъ мою руку, да и говоритъ—едва, едва процѣживая слово: «Умираю, говоритъ. Кряжевъ; спасибо тебѣ.. поклонись всѣмъ товарищамъ... деньги... какія есть... въ роту... Ну! уходи... Ползи искать генерала, спасай его! А мнѣ не жить.. вотъ, возьми на память»... Заметался онъ, раскинулся, сердечный, бойко таково сорвалъ онъ съ сюртука пуговицу и положилъ мнѣ ее въ руку. Знать ужъ обезпамятѣлъ... Что онъ хотѣлъ передать мнѣ—не знаю... только въ эту минуту словно вздрогнулъ... да такъ и застылъ».

Послѣднія слова старикъ договаривалъ наклонясь надъ столомъ и упираясь на него руками: сѣдая голова его понурилась нервно замотавшись на плечахъ, вѣки подернулись краской... Онъ, шаркая, медленно подошелъ къ образницѣ, вынулъ изъ темнаго угла ея завѣтную пуговицу, какъ-то судорожно подбросилъ ее на рукѣ—и ужъ не сдерживая слезъ, но стараясь скрыть—на отмашь сдѣлалъ жестъ сжатымъ кулакомъ и быстро ушелъ изъ избы.

Маленькая сцена эта всѣхъ передернула насъ.

Вотъ такія то воспоминанія стараго солдата, сколько я могъ замѣтить, будутъ безпрестанно вырываться при каждой бесѣдѣ о быломъ и все о родномъ командирствѣ; о себѣ, о своихъ подвигахъ—ни слова. Такъ и видишь, что онъ создалъ для себя завѣтное правило: «на то молъ и сапожникъ, чтобы сапоги строчилъ, на то, молъ, и солдатъ — чтобы бойко умиралъ и диковиннаго тутъ быть не можетъ». За то кому неизвѣстно, съ какою охотою каждый старый служака любитъ повѣствовать о своихъ былыхъ стоянкахъ въ мѣстахъ сытыхъ, привольныхъ—много есть и сметанки, и баранинки, да ласки молодой хозяйки; еще больше, еще охотнѣе отдастся такой разкащикъ воспоминаніямъ, если ему удалось побывать за границей, въ землѣ Турецкой или нѣмецкой, или тамъ, за Бендерами—въ хмѣльной, вѣковѣчной гостинницѣ русскаго солдата. Вотъ на эту то тэму сбивался не разъ и нашъ старикъ. Здѣсь онъ являлся болѣе свободнымъ, охотнымъ повѣствователемъ, но за то и нѣсколько притязательнымъ критикомъ, такъ что порадовавшись на чужую сторонку, все таки сводилъ къ къ тому, что лучше россійской земли и нѣтъ, а особенно матушки сытой Малороссіи. Въ Молдавіи и Балдахіи, т. е. въ Валахіи, говорилъ однажды Кряжевъ, что жъ, дыни, извѣстно, важныя, съ зарядный ящикъ, ну, а народъ, не нашему чета: хмурый, дряблый такой, развѣ «кокуницы»—еще ништо... А въ Варшавѣ—ну чистота, народъ веселый, ласковый, коли полюбить себя заставишь, за то насчетъ провіанту по деревнямъ голодно, по городамъ и мѣстечкамъ дорого... Вотъ у пруссака иной манеръ, сытно живетъ, картофель первый сортъ, пиво, какъ каждый день приходскій праздникъ, кофій тоже первое угощеніе, только за все надо деньги платить; а народъ резонный, чистоплотный; тамъ каждый свинопасъ въ бѣломъ колпакѣ, а жена въ чепчикѣ.

— «Да развѣ вы Ѳедотъ Парѳентьичъ бывали когда въ Пруссіи? спросила молодежь.

— А какъ же? словно помолодѣвъ при этомъ вопросѣ отозвался Парѳентьичъ. Я службу то царскую началъ въ пятомъ пѣхотномъ—отломалъ Туречину; въ гренадеры попалъ—Варшаву бралъ, а потомъ за отличіе—какъ егорьевскаго кавалера—перевели въ гвардію... Вотъ тутъ то, коли память необманы-

(Продолженіе въ прибавленіи при этомъ номерѣ.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

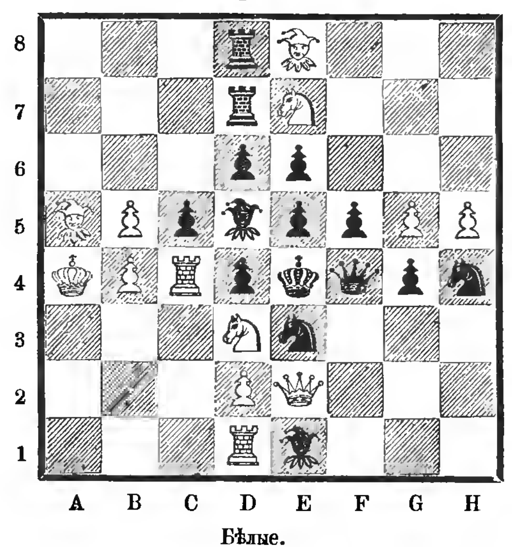
Что вы Алексѣй Ивановичъ такъ рано уходите?

— Да тамъ барыня пришла собирать на герцеговинцевъ.

ЗАДАЧА

(Фигуры изображаютъ крестъ).

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

РѢШЕНІЕ.

Задачи въ «Нивѣ» № 3.

Бѣлые.	Черные.
1) e3 — c3	1) d7 — e6°
2) f5 — e6°	2) c6 — d7
3) c3 — c7 + +	

ваетъ, не то въ 1836, не то въ 1835 году, не скажу за вѣрное, въ Бозѣ почившій Императоръ Николай Павловичъ возилъ насъ, гвардейцевъ. въ гости къ Пруссаку и городъ тотъ назывался Данцыгъ...

— Какъ въ гости? невольно спросили мы, всю гвардію?

— «Ну, не всю, а таки кораблей много нагрузилъ нашимъ братомъ. Въ тѣ поры, продолжалъ служивый, уже неожидая новыхъ вопросовъ и замѣчая интересъ слушателей. въ тѣ поры наши очень дружили съ пруссакомъ... Гвардейцы то еще съ ними сошлись, когда открывали памятникъ Государю Александру Благословенному. И угощали жъ ихъ у насъ на славу: и во дворцѣ наши гости кушали, и нашей водочки и нашего пивца отвѣдывали. Пили и хвалили... и по казармамъ по сердечному угощались, а говорятъ не то у лейбъ-егерей, не то у Финляндскихъ, не смотря что пруссакъ особа степенная, а по русски пѣть и въ присядку плясать выучились...

«Ну и наглядѣлись это мы тогда всего, всего на сколько въ душеньку влезло.. по вѣкъ не забыть этихъ немѣцкихъ имянинъ... Посадили насъ на корабли въ Кароништатѣ, тутъ ужъ мы съ перваго раза диву дались. Словно въ иное царство попали: народъ эта матроза—маленькій, короткій, приземистый, все чудь бѣлоглазая, вотъ кажется увалень увальнемъ, а какъ пришлось на него посмотрѣть въ дѣлѣ да въ работѣ—что-то бѣсы, прости Господи! Каждый ловокъ, сноровливъ, боекъ, цѣпокъ какъ кошка, смѣлъ и отваженъ—словно онъ всю жизнь на канатѣ плясать учился. Команда опять у нихъ, кажись во сто лѣтъ не упамятуешь: марсы, да фалы, де брамсели и все то не по нашему: у насъ напримѣръ версвочка—у нихъ кабалка: по нашему напр. якорь—по ихнему даглистъ, плехты—даже и время то считаютъ не часами, а стклянками... Такимъ-то манеромъ, други милые, поплыли мы, значитъ по ихнему—съ якоря снялись. Погода стояла чудесная, теплынь такая вольготная, іюнь былъ; море чуточки колышется, вѣтерокъ едва попыхиваетъ... Ну, думаемъ, служба! Только Бога славить за этакую благодать; работы почитай никакой—паруса тамъ, примѣрно, подтянуть скомандуютъ -народъ всей артелью въ дѣло, подъ свистокъ, въ тактъ ногой дробитъ—и все у него безъ натуги идетъ, какъ по маслу. Въ двѣнадцать часовъ каждому чарка, да такого спотыкъ-горынучу, что почитай самому откупщику въ носъ бросится; опять таки и харчевое—что твой ротный праздникъ; каждую пятницу каша, да каша то словно малина въ котлѣ; горохъ съ солониной - истинно, говоримъ межь себя, умирать не надо. Такимъ банкетнымъ обѣдомъ ни кума, ни сестра въ деревнѣ тебя не покормитъ. Посылаетъ же Господь иному теплую долю по службѣ, толкуютъ наши,—да тутъ и объ отставкѣ забудешь!»... Анъ и узнали мы какъ достается эта чарочка съ солонинкой... Какъ на третій или на четвертый день трепануло насъ—небо съ овчинку показалось, словно вотъ въ котлѣ кругомъ закипѣло, тьма кругомъ кромѣшная—а за минуту день стоялъ бѣлый; шумъ, свистъ, вой, ревъ—куда сто батарей залпомъ, — хуже! А качка упаси господи!.. Вотъ, вотъ не видишь, а сердцемъ чуешь, что какъ тряхнетъ, да черезъ бортъ горой воды тебя окатитъ—точно тебя въ преисподню окунетъ, а тамъ опять на кручу выхватитъ—да такъ-то чуть не сутки... Воззвали мы тогда къ Господу, хоть смерть то и не разъ видали, ну а ужъ такой напасти не приведи Мать Пресвятая Богородица... А они — Христосъ ихъ люби! — точно тутъ именно праздника и дождались, точно имъ безъ этой музыки и показать себя нельзя... Истинно говорю, не смотри я самъ своими глазами — отцу бы духовному не повѣрилъ, что человѣкъ можетъ дойти до такой безпардонной лихости; кажется вотъ змѣя обвейся около снасти, и ту бы сбросило въ воду какъ муху безсильную — а онъ козырнетъ себѣ по веревкамъ и лѣстницамъ на всѣ манеры, и вверхъ головой, и вверхъ ногами... Есть у нихъ особенно, такъ называемые штыкъ-болтные, такъ это ужъ истинно смола, гдѣ добѣжалъ, припалъ, прислонился, тутъ и прилипъ, да вѣдь какъ! лежитъ грудью на реи, ноги воду черпаютъ, шапка ходячее облако достаетъ—а онъ ничѣмъ не держится и парусъ крѣпитъ, да еще вѣтеръ дразнитъ—посвистываетъ ..

Вотъ такимъ образомъ какъ выполоскало насъ на всѣ значить, манеры, какъ разшвыряло по угламъ да уложило по лазаретному безъ силъ, безъ животовъ, матросики на завтра и подсмѣиваются: что, говорятъ, господа, длинноствольные гренадеры—не хотите ли нашей чарочки?

— «Нѣтъ молъ—братъ—спасибо; отъ вашего похмѣлья въ головѣ рекрутъ-барабанщикъ тревогу бьетъ, а подъ ложечкой точно драгунъ скребницу оставилъ... Съ того дня полно завистливые глаза на матросскую сласть пялить; насилу дождались, какъ по матушкѣ землѣ зашагали.

«Въ Данцигѣ—извѣстно думалось, вотъ поживемъ у компрадовъ на славу — не тутъ то было; нѣмецъ въ гостяхъ веселъ, а дома человѣкъ дѣломъ занятой и хлѣбосольство не порядкомъ обзываетъ... Сказывали—что у нихъ и офицерство промежъ себя, примѣрно по нѣсколько человѣкъ въ казармѣ живши—не то что наше дворянство—рубль и копѣйка для друга ребромъ, нѣтъ, говорятъ скромненько поживаетъ: у всякаго своя привычка, свой сундучекъ, свой кофейничекъ, словно у насъ въ богадѣльни, а ужъ къ кнастеру братъ и не подходи, на понюшку пріятеля не позоветъ. Да, впрочемъ, какъ послѣ сказалось, не гостить мы сюда и пришли... Отбыли на парадахъ, на смотрахъ; страшный судъ. картину такую большущую въ одной церкви намъ показывали — да мы и за это имъ заплатили, потому привезли такого человѣка, котораго бы только къ этой картинѣ на часы поставить... Мажора Преображенскаго полка Лучкина... верзила былъ, царство ему небесное—чуть ли не 15 вершковъ... Какъ идетъ, бывало, по улицѣ, такъ бабы, ребятишки и собаки въ подворотню прячутся; покупались въ рѣкѣ Матлау—да на диво нѣмцамъ тутъ же на берегу и баню себѣ походную устроили, а потомъ пошли подъ Калишъ открывать памятникъ, который Государь нашъ поставилъ въ воспоминаніе союза съ нѣмцами.

«Ну, тутъ было на что поглядѣть... Сошлись двѣ гвардіи — наша и нѣмецкая. Вѣстимо, народъ былъ на выборъ и у нихъ, и у насъ. Ужъ кто кого перещеголялъ на шагу и по фронту, сказать нельзя... Извѣстно, нѣмцы своихъ больше хвалили... А я такъ по совѣсти доложу: ни въ чемъ мы въ эвтомъ дѣлѣ уступить имъ не могли, такъ какъ въ тѣ поры въ гвардіи рекрутовъ почти совсѣмъ не было, а если и прибывали новенькіе, такъ ужъ фрунтовики первый сортъ, на выборъ изъ лучшихъ людей. Ну и значитъ — сосѣдъ у сосѣда на три четверти интервала — ногу чувствовали, какія значитъ тамъ въ ней мурашки бѣгаютъ... Ктому же наши и ростомъ, и грудью, и видомъ взяли... У нѣмцевъ, какъ я присмотрѣлся, два сорта людей, если высокъ такъ ужъ и тощь—точно въ длину то въ парникѣ выростили, а коли виденъ, плечистъ, такъ жиренъ, краснолицъ, и брюхо не по чину носитъ... Не знаю, правду ли говорятъ, а я слышалъ, продолжалъ Парѳеньтычъ, будто бы царь Петръ Великій подарилъ ихнему которому то королю сто человѣкъ нашихъ рослыхъ богатырей на разводъ значитъ; однакожъ видно почипъ-отъ не совсѣмъ въ прокъ вошелъ... рослыхъ отъ нихъ произошло мало. самъ ужъ видѣлъ, за то, говорятъ, съ тѣхъ поръ храбрыхъ у нихъ много...

«Недолго мы побыли въ Калишѣ. потомъ пошли опять въ Данцигъ, погостили здѣсь немножко, отдохнули какъ Богъ привелъ, распростились съ друзьями и маршъ во свояси—на тѣхъ же корабляхъ»... закончилъ Парѳеньтычъ.

Словомъ, прелюбопытный старикъ былъ мой хозяинъ и крайне любилъ молодежъ, которую услаждали его разсказы.

Не могу хотя въ немногихъ словахъ не записать здѣсь его взгляда на нашу молодую армію, которая дѣйствительно скоро переполнится исключительно зеленымъ юношествомъ.

Парѳентьичъ разсуждаетъ такъ:

«Ну нѣтъ, говоритъ, по нашему оно выходитъ не такъ какъ по ихнему, а по ихнему смекаю значитъ только тотъ и солдатъ, который шерстью обросъ, да умъ разумъ упряталъ въ носокъ. Старый то человѣкъ вездѣ старый, кровь то въ немъ ужь больно загустѣла, да и не годами достается отвага—отъ Бога она, отъ честнаго намятства присяги... Молодое то пиво по моему ужъ недрозжи—и пѣнистыя и въ носъ бросается. Развѣ и въ былое время, спрошу насъ, не случалось, вводили въ безпардонную жаркую работу цѣлые полки—чуть не изъ ребятъ?.. Да-съ, и мы видали виды... Недалеко ходить, вотъ какой случай разскажу вамъ, тоже дѣло это было въ Польскую компанію, у насъ, 1831 года. Какъ теперь вижу въ апрѣлѣ мѣсяцѣ передъ дѣломъ подъ «Игнацью»—къ намъ подоспѣли 13 и 14 егерскіе полки... Чуть не сплошь до одного сформированные изъ ребятъ семнадцати, много осемнадцати лѣтъ, даже и смотрѣть то на нихъ, на первыхъ порахъ жалостливо было; старые то усы и то не хотѣли домекнуть, что они пришли къ намъ верстъ тысячи за полторы - безъ отсталыхъ и свѣженькіе... Значитъ ужъ это въ резонъ слѣдовало бы взять, что не все то молъ на ногу легко — что отъ долгой службы воловьей шкурой обросло. А случилась такая молодежь въ этихъ пришлыхъ полкахъ вотъ почему: въ двадцать девятомъ году, въ Туретчинѣ, нашъ разлюбезный, богатырь полкъ лейбъ-егерскій почитай весь легъ въ одномъ безпардонномъ дѣлѣ. Рядомъ съ нимъ въ турецкихъ дѣлахъ тогда важно отличались также егерскіе полки 13 и 14 и въ бозѣ почившій императоръ Николай Павловичъ приказалъ изъ ихъ остатковъ пополнить лейбъ-егерей; ну такимъ манеромъ слѣдовательно 13 и 14 сформировали наскоро и, какъ говорю, почти изъ ребятъ. Э-эхъ, важныя вышли ребята! Ладно. Наканунѣ Игнацинскаго дѣла и почни эта молодежь подсмѣваться надъ полкомъ Литовскимъ, который въ тѣ поры крѣпко спасовалъ въ недавнемъ дѣлѣ и, кажись, въ немъ даже знамя потерялъ. Напущенный грѣхъ... Помилуй насъ отъ этого на всегда Господи!

Старикъ взглянулъ на образъ и набожно перекрестился.

— «Вѣстимо, продолжалъ онъ, невыдержали старые служаки Литовцы, да и говорятъ: «Молоды, молъ больно, зубы то скалить, еще лобъ не обросъ, вѣдь славу то свою вы только въ нумерахъ принесли, а вотъ завтра поглядимъ вашей рыси.

Вѣдь только и надо было чтобы задоръ взялъ молодую кровь Ну, и поглядѣли! Дай Богъ, братцы, и нынѣшнихъ ребятъ вѣкъ такими видѣть.

«Въ самый разгаръ дѣла полякъ успѣлъ у насъ отхватить важное мѣсто, самое селеніе Игнаце — а тамъ и двѣ нашихъ пушки... Вотъ и напустили эту молодежь на выручку... Чудное дѣло! Три батальона ребятъ, переправясь за рѣчку Муравецъ, подъ картечью, перекрестясь, взяли ружья на руку и

съ завѣтнымъ «ура» рванулись въ аттаку 8 польскаго полка, богатырски сбили его, выгнали изъ селенія и возвратили назадъ два нашихъ орудія... Вотъ они и зеленые, и необстрѣленные... А такихъ-то примѣровъ сотни послушаемъ изъ честныхъ, нехвастливыхъ разсказовъ отъ тѣхъ же пожалуй служакъ, которые стары лучше новинки».

«Ну, а про балагуровъ то, и толковать намъ не слѣдъ, заключилъ Парѳентьичъ: не до зубоскальства и краснаго слова, когда и перекреститься не лишнее. Да и не видалъ я еще ни разу, чтобы какой нибудь проказникъ помиралъ со смѣху влѣзая на батарею... Силы, говорятъ, молодые, невыносливы, а какъ отваляетъ верстъ сотни четыре, на первой поморщится, на второй иной отдохнетъ, а тамъ за привычку... Вѣдь и старая то армія не прямо съ койки ходила въ дѣло, вѣдь и у ней бывали отсталые, да вѣдь эти отсталые все же приходили на смѣну неусталымъ. А, впрочемъ, Богъ смилуется, мы еще поживемъ. увидимъ, какъ оно будетъ, а сдается — что будетъ, слово вамъ мое не корыстное, не хуже чѣмъ было.

И увидѣлъ я потомъ разъ Парѳенсьича такъ, какъ онъ здѣсь нарисованъ. Кругомъ, между рядами на базарѣ, обсѣли его ребятенки, а онъ досталъ мѣдную пушечку—пороху посыпалъ—«гляди ребята, какъ пальнетъ!» Разъ, два, три! Пушечка хлопнула, ребятки вздрогнули, а старикъ стоитъ, смѣется въ бороду, любуется на ихъ испугъ и удивленіе дѣтское... «Такъ то ребята мы паливали!»

Н. Б—въ

О БАНКАХЪ.

(Окончаніе).

Кто не знаетъ, въ какомъ печальномъ положеніи находится у насъ въ Россіи сельское землевладѣніе, вслѣдствіе отсутствія народнаго кредита. Можно смѣло сказать, что одинъ изъ главныхъ недостатковъ экономической стороны нашего сельскаго населенія, это то, что оно чуждо этого кредита для удовлетворенія своихъ мелкихъ нуждъ и потребностей, гибельнымъ послѣдствіемъ чего является съ одной стороны эксплоатація его коммисіонерами, такъ называемыми въ простонародіи «кулаками», которые стараются, при всякомъ удобномъ случаѣ, извлечь пользу изъ своего посредничества, и, такимъ образомъ, пріобрѣтать у мѣстнаго населенія сельскіе продукты за безцѣнокъ. По невозможности получить въ данный моментъ ссуду подъ эти продукты и при отсутствіи конкуренціи между потребителями сельскихъ произведеній, эти «обиралы-кулаки», благодаря своему исключительному положенію считаются чуть ли не благодѣтелями крестьянскаго населенія, по крайней мѣрѣ, по собственнымъ нашимъ наблюденіемъ, лица, которыя дѣлаются жертвою этой возмутительной эксплоатаціи, хотя заочно и отзываются о нихъ самымъ неблаговиднымъ образомъ, наружно оказываютъ имъ свое уваженіе и, по возможности, стараются сохранить съ ними хорошія отношенія, вполнѣ сознавая, что въ противномъ случаѣ, при первой нуждѣ, которая такъ присуща нашему крестьянину, коммисіонеръ этотъ самымъ осязательнымъ образомъ даетъ почувствовать ему всю невыгоду дурнаго къ себѣ расположенія. Съ другой стороны, отсутствіе народнаго кредита, при существующей податной системѣ, въ большей части мѣстностей нашей обширнаго отечества, дѣлаетъ крестьянъ неоплатными недоимщиками, напрасно подвергаетъ ихъ стѣсненіямъ и довольно часто влекущимъ за собою окончательное раззореніе цѣлыхъ семей и такимъ образомъ навсегда считающимъ государствой цѣлыя единицы платежной силы. Учрежденіе сельскихъ банковъ и развитіе ссудосберегательныхъ товариществъ, имѣющихъ уже за собою сочувствіе и помощь какъ со стороны правительства, такъ и нѣкоторыхъ земствъ, по нашему мнѣнію, можетъ вывести крестьянскія общества изъ этого безвыходнаго положенія, парализующаго экономическій бытъ крестьянскаго населенія. Народный кредитъ находится у насъ еще въ самомъ зародышномъ состояніи. Такъ, объ учрежденіи сельскихъ банковъ, сколько извѣстно, весьма рѣдко проскальзывала мысль въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ; а если и проскальзывала, то въ большинствѣ случаевъ падала на неблагодарную почву. Вмѣсто нихъ существуютъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ ссуо-дсберегательныя товарищества, учреждающіяся или по иниціативѣ самыхъ обществъ или же частныхъ лицъ. Возникновеніе перваго ссудо-сберегательнаго товарищества относится къ 1866 году. Въ періодъ времени съ 1866 по 1868 не было учреждено ни одного товарищества; въ 1870 г. ихъ было только 13; за тѣмъ, въ послѣдующіе годы потребность въ ссудо сберегательныхъ товариществахъ стала прогрессивно возрастать, и къ концу 1874 г. ихъ уже насчитывалось до 500. Къ участію въ этихъ товариществахъ привлечено до 3 мил, человѣкъ, а такъ какъ сельское населеніе Россіи простирается до 73 мил. то слѣдовательно лишь 1/24 часть всего населенія имѣетъ возможность пользоваться мелкимъ краткосрочнымъ кредитомъ.

При московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства состоитъ комитетъ о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ, цѣлью котораго—собирать отчеты о ихъ оборотахъ, дѣлать сводъ этимъ отчетамъ, исполнять требованія товариществъ, сообщать имъ необходимыя свѣдѣнія и разъясненія, снабжать ихъ книгами и т. п. Но намъ кажется, что свѣдѣнія о дѣятельности этихъ товариществъ недостаточно распространены, что подкрѣпляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что открытіе новыхъ товариществъ въ послѣднее время стало рѣдкимъ явленіемъ. По нашему мнѣнію иниціатива этого дѣла должна всецѣло принадлежать земству. Изданный комитетомъ отчетъ даетъ намъ весьма интересныя данныя о дѣятельности даже существующихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Изъ нихъ мы видимъ, что только въ трехъ губерніяхъ, С.-Петербургской, Херсонской, и Лифляндской, учреждены ссудо-сберегательныя товарищества во всѣхъ уѣздахъ, въ другихъ 49 губерніяхъ товарищества не имѣются въ 303 уѣздахъ, а для 30-ти губерній и областей не имѣется даже ни одного утвержденнаго устава. Какъ на знаменательный фактъ укажемъ здѣсь на Владимірскую губернію, въ которой земство какъ-бы игнорируетъ пользу существованія ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ смыслѣ поднятія народнаго благосостоянія и развитія сельскаго хозяйства, торговли промышленности. Въ ней нынѣ вовсе ссудо-сберегательныхъ товариществъ и какъ видно изъ отчета комитета, Владимірская земская управа объясняетъ это отсутствіе товариществъ «недобросовѣстностью, значительно развитою въ рабочихъ артеляхъ и не разъ уже обнаруживавшимся растратами со стороны разныхъ лицъ сельскаго управленія, такъ какъ не мало было случаевъ, что волостные старшины очень безцеремонно обращались съ мірскими суммами». Насколько это объясненіе цѣлесообразно можетъ судить всякій близко знакомый съ подобными учрежденіями и мы полагаемъ, что остальныя земства не послѣдуютъ примѣру Владимірскаго земства и такимъ образомъ не будутъ намѣренно парализировать развитіе народнаго кредита. Нижеслѣдующія цифры могутъ служить достаточнымъ подкрѣпленіемъ высказанныхъ нами соображеній. Обороты по приходу и расходу 333 товариществъ доставившія свои отчеты комитету, составляли въ 1874 году до 15.000,000 р.; въ теченіе года было выдано ссудъ до $5^{3}/_{10}$ милліоновъ; паевыхъ денегъ поступило до 600,000 и вкладовъ толѣе 500,000. Къ концу отчетнаго періода состояло: паевъ 1.115,000 р. запаснаго капитала 47,000; основнаго капитала 30,000; вкладовъ 672,000; выдано ссудъ на 2.545,000 р.; чистой прибыли получено 193,000. Въ отчетѣ комитета не упоминается ни объ одномъ случаѣ растраты мірскихъ денегъ, чего такъ опасается Владимірское земство

Въ заключеніе нашей замѣтки приведемъ перечень существующихъ въ Россіи кредитныхъ учрежденій. Государственный банкъ, 50 его конторъ и отдѣленій; польскій банкъ, 7 его отдѣленій, 2 ссудныя казны, главное учрежденіе акціонерныхъ банковъ; коммерческаго кредита 39, отдѣленій до 49, недвижимаго кредита 11; кредитныхъ обществъ, основанныхъ на взаимности и круговой порукѣ: сельскаго долгосрочнаго кредита 5, краткосрочнаго кредита 46, городскаго долгосрочнаго кредита 7, городскихъ общественныхъ банковъ 234, ссудо-сберегательныхъ товариществъ 437, городскихъ сберегательныхъ кассъ при государственномъ банкѣ 65, отдѣленій ихъ 8, а всего 961 кредитное установленіе.

Разныя извѣстія.

Морское дѣло.

— Изъ вѣдомости судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе на внутреннихъ водяныхъ путяхъ Россіи, въ періодъ времени отъ 1869 до 1872 года, приложенной къ всеподданнѣйшему отчету министра путей сообщенія и напечатанной въ пятой книжкѣ «Журнала Министра Путей Сообщенія», видно. что мѣсто крушенія обнимаетъ 58 рѣкъ и озеръ. Крушенія подраздѣлены на три отдѣла: 1) повреждеиія и постановка на мель, 3) сгорѣвшія суда и 3) суда, затонувшія отъ разныхъ причинъ. Наибольшее число приходится на долю затонувшихъ, что свидѣтельствуетъ какъ о недоброкачественности судовъ, такъ и о неудовлетворительности водяныхъ путей сообщенія, а также и о неопытности и плохомъ знакомствѣ съ дѣломъ нашихъ судоуправителей Число всѣхъ судовъ, въ томъ числѣ и пароходовъ, потерпѣвшихъ крушеніе

въ 1869 году, простирается до 227 штукъ (на долю пароходовъ приходитсы 9 случаевъ), въ 1870 году число это нѣсколько менѣе, а именно—доходитъ только до 204, изъ коихъ на долю пароходовъ приходится 15 случаевъ; но въ 1871 и въ 1872 годахъ число судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе на внутреннихъ водахъ Россіи, значительно больше; такъ, въ 1871 г. потерпѣло крушеніе 431 судно (въ этомъ числѣ 14 пароходовъ), а въ 1872 году число ихъ возрастаетъ уже до 556, при 26 случаяхъ крушенія паровыхъ судовъ. Такимъ образомъ оказывается, что число случаевъ крушеній судовъ на внутреннихъ водахъ Россіи годъ отъ году увеличивается; къ сожалѣнію, въ настоящее время не имѣется еще точныхъ свѣдѣній о числѣ судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе въ послѣдніе три тода; но, какъ слышно, число ихъ также весьма значительно.

Средне-азіатскія дѣла.

— Изъ Ташкента, отъ 3-го января, извѣщаютъ, что въ Намангаиѣ и окружающихъ мѣстностяхъ все спокойно. Генералъ-маіоръ Скобелевъ, при переправѣ черезъ Нарымъ, не встрѣтилъ сопротивленія. Полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, производя рекогносцировку по андижанской дорогѣ, былъ встрѣченъ жителями Сырмака ружейными выстрѣлами, напалъ на непріятеля и разбилъ его, причемъ на мѣстѣ осталось 50 непріятельскихъ труповъ. Въ половинѣ января предполагается сдѣлать рекогносцировку къ верховьямъ Зеравшана.

Петербургъ и Москва.

— По словамъ «Journal de St.-Pétersbourg», вновь назначенный, на мѣсто принца Рейсскаго, германскій посолъ при с.-петербургскомъ дворѣ генералъ-лейтенантъ баронъ Швейницъ прибудетъ въ Петербургъ не ранѣе февраля мѣсяца.

— Газеты передаютъ изъ вполнѣ достовѣрнаго источника, что баронъ Штиглицъ пожертвовалъ 1 милл. руб. на устройство технической рисовальной школы при Соляномъ городкѣ.

— На-дняхъ, какъ передаетъ газета «Русск. Міръ» состоялось окончательное разрѣшеніе давать театральныя представленія, въ здѣшнихъ Императорскихъ театрахъ, въ теченіе нынѣшняго великаго поста, за исключеніемъ первой и послѣдней недѣли. Распоряженіе это, безъ сомнѣнія, вполнѣ отвѣчаетъ общественной потребности и потому будетъ встрѣчено публикою съ большимъ сочувствіемъ. На нынѣшній разъ это разрѣшеніе не коснется итальянской оперы, вѣроятно, потому, что дирекція не успѣла заключить контрактовъ съ иностранными артистами; легко можетъ статься, что таже причина не позволитъ продолжать сезона и въ здѣшнемъ французскомъ театрѣ.

Народное образованіе.

— Изъ Омска пишутъ въ «Сибирь», что генералъ-губернаторъ Западной Сибири въ настоящее время особенно работаетъ надъ проектомъ сибирскаго университета и старается окончить его къ январю, т. е. ко времени своего отъѣзда въ Петербургъ. Университетъ предполагается открыть съ четырьмя факультетами. Учительскій институтъ въ Омскѣ надѣются открыть къ будущему курсу.

Происшествія.

— Спѣшу сообщить вамъ подробности ужасной катастрофы, говоритъ корресп. «Русск. Міра» случившейся на одесско-кіевской желѣзной дорогѣ, — это несчастіе служитъ предметомъ толковъ всего нашего общества. Изъ Кіева шелъ поѣздъ въ Одессу, исключительно наполненный новобранцами послѣдняго призыва, въ числѣ 500 человѣкъ; ночью 24 декабря, наканунѣ праздника, этотъ поѣздъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи «Бирзула», проходя черезъ насыпь, высотою въ 14 саженъ, сошелъ съ рельсовъ— и всѣ вагоны слетѣли въ пропасть. При паденіи, топившіяся печки въ нѣкоторыхъ вагонахъ перевернулись и произвели пожаръ. Сначала въ первое время говорили, что *изъ 500 человѣкъ* остались невредимыми только *7 человѣкъ*! что большинство убиты;—немногіе только сильно поранены; что 30 человѣкъ совершенно не отысканы. Предполагали, что, при пожарѣ вагоновъ, эти 30 человѣкъ сгорѣли въ вагонахъ. И вагоны, и локомотивъ разбиты въ щепы. Трудно себѣ вообразить что нибудь ужаснѣе: массу изуродованныхъ, обезображенныхъ человѣческихъ тѣлъ привезли въ Одессу, гдѣ на первыхъ порахъ даже негдѣ было дать пріютъ и помощь раненымъ, такъ какъ пассажирскій вокзалъ въ Одессѣ «Куликово поле», въ туже роковую ночь съ 24 на 25 декабря, за исключеніемъ почтоваго отдѣленія, сгорѣлъ до основанія.

Общій христіанскій праздникъ 25 декабря въ Одессѣ, ознаменовался желѣзнодорожною катастрофою, которая займетъ одну изъ мрачныхъ страницъ въ исторіи филантропическихъ стремленій нынѣшняго вѣка. Въ тѣчасы, когда народъ стекался въ соборы и торжественное пѣніе возбуждало религіозныя чувства, на долю одесситовъ выпали не менѣе сильныя ощущенія около станціи «Куликовополе», только другаго характера—это стоны страданій 54 молодыхъ новобранцевъ, несчастныхъ жертвъ крушенія вагоновъ за Бирзулою. Въ виду разныхъ толковъ объ этомъ происшествіи, въ особенности-же относительно цифры пострадавшихъ, я въ короткихъ словахъ сообщу вѣрныя свѣдѣнія, имѣющіяся офиціально. Прежде всего нахожу нужнымъ сказать, что вслѣдъ за извѣстіемъ о прибывшихъ раненыхъ въ Одессу, не теряя ни одной минуты, прямо изъ собора (это было въ $11^{1}/_{2}$ ч. во время обѣдни) отправились на станцію «Куликово поле»: командующій войсками, начальникъ окружнаго штаба и военно-медицинскій инспекторъ со всѣми старшими врачами одесскаго гарнизона, а равно тотчасъ-же прибыли туда фельдшера съ перевязочными вещами и носилками изъ склада общества попеченія о раненыхъ; туда-же явилась команда нижнихъ чиновъ, кареты и сани, число которыхъ, благодаря вниманію командующаго войсками, было таково, что въ каждую карету помѣщали не болѣе двухъ больныхъ. Четыре вагона 3-го класса, наполненныхъ ранеными и ушибленными новобранцами, стояли около самой станціи. Отодвинувъ вагоны отъ дыму и огня назадъ, приступили къ осмотру привезенныхъ жертвъ. Оказалось, что изъ числа 54 были весьма тяжкія повережденія у 16 (осложненные переломы, контузіи въ голову, грудь и проч.); а 38 новобранцевъ пострадали слегка и по выздоровленіи будутъ совершенно годны къ службѣ. Двое почти безнадежны. Нужно отдать полную справедливость и благодарность доктору и фельдшеру, сдѣлавшимъ первоначальную помощь — перевязку раненымъ; лучшаго и требовать нельзя по условіямъ обстановки на мѣстѣ крушенія. Теперь предстояла задача — вынести чрезъ узкія дверцы вагоновъ раненыхъ и помѣстить ихъ въ кареты, сани и на носилки; однако-же, вся эта сложная процедура самымъ осторожнымъ образомъ была окончена въ теченіе одного часа, такъ что въ 3 часа пополудни, всѣ уже больные размѣщены были по военнымъ лазаретамъ (въ 5-ти лазаретахъ), а въ 12 час. ночи, благодаря усердію врачей, были окончены всѣ самыя сложныя повязки. Нѣкоторые изъ легкихъ больныхъ уже и выписываются; одинъ съ раздробленіемъ костей всей ноги на третій-же день умеръ.

Кромѣ этихъ 54 человѣкъ, пострадавшихъ отъ крушенія, 66 чел. убито на мѣстѣ катастрофы, такъ что изъ всей партіи въ 410 человѣкъ осталось здоровыми въ Бирзулѣ 290 новобранцевъ; они должны слѣдовать въ Бессарабію на пополненіе 14-й дивизіи, но, какъ слышно, снѣжные заносы не позволяютъ имъ двигаться дальше, и потому впредь до открытія пути они расквартированы по деревнямъ около Бирзулы.

О Сибирской желѣзной дорогѣ.

Послѣ долгихъ споровъ и ожиданій, послѣ оживленныхъ преній какъ въ административныхъ сферахъ, такъ и въ публикѣ, вопросъ о направленіи сибирской желѣзной дороги былъ рѣшенъ. Принявъ въ принципѣ южное направленіе, Министерство Путей Сообщенія трудится теперь надъ разсмотрѣніемъ его частностей. Какъ передаютъ газеты, совѣтомъ министерствъ постановлено вести дорогу по нагорному берегу Волги и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшено г. министру путей сообщенія, въ случаѣ надобности, миновать Казань и провести къ ней соединительную вѣтвь. Пользуясь этимъ правомъ, министерство путей сообщенія проектируетъ сибирскую дорогу черезъ Спаскъ, въ видахъ сокращенія пути и пересѣченія въ этомъ мѣстѣ Волги и Камы; отъ Спаска же къ Казани предполагается сдѣлать вѣтвь. Такимъ образомъ казанцамъ предстоитъ опасность все таки остаться безъ транзитнаго пути! Далѣе линія пойдетъ, какъ говорятъ, по лѣвому берегу Камы и подойдетъ къ Николоберезовской пристани.

С.-Петербургская биржа.

19-го января 1876 г.

	Покупатели.	Продавцы.	Продано.
Полуимперіалы 6 $29^{1}/_{2}$		--	—
Дисконты $6^{1}/_{2}$ и $7^{1}/_{2}$%			
4% мет. б. гос. б.			
февральскіе. 150 д.	—	—	—
августовскіе. 120	—	—	—
5% бил. гос. б. 1 в. 100	$100^{1}/_{8}$	—	$100^{1}/_{8}$
» » » » 2 » $99^{1}/_{8}$	100		$100,99^{7}/_{8}$
» » » » 3 » 100	—	—	—
5% внутр. съ выигр.			
заемъ 1864 г. 221	$221^{3}/_{4}$		$221^{1}/_{2}$,221
» внутр. съ выигр.			
заемъ 1866 г. 220	221	—	—
» выкуп. свидѣт. —	—	—	—

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Полковнику Як—ву, въ Кишиневѣ.** Причитающійся вамъ гонораръ за рисунокъ и статью выслань сего 13-го января. По неясности сообщеннаго вами адреса, редакція находится въ сомнѣніи относительно доставленія денегъ по назначенію. Въ случаѣ полученія—увѣдомьте.

2) **Г-ну В. А. К., въ Москвѣ.** Предполагая, что отправляясь на выставку, Вы, посѣтите Петербургъ, просимъ зайдти въ контору редакціи для личныхъ переговоровъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Николай Ивановичъ **Гнѣдичъ** (съ портретомъ). — **Кто лучше?** Изъ очерковъ кавалерійской жизни. (Посвящается другу моему Ицкѣ Янкелевичу Штралецкому). **Всеволодъ Крестовскій** (продолженіе). — **Въ домѣ коммерціи совѣтника.** Повѣсть **Э. Марлитта.** Всемірная выставка въ Филадельфіи (*съ 5-ю рисунками*). Billet-doux (любовн. письмо) (съ рисункомъ). — Старый солдатъ (изъ военныхъ очерковъ) (съ рисункомъ). **Н. Б—въ.** — Юмористическіе очерки (съ рисункомъ). — Шахматы. — О банкахъ.—Разныя извѣстія.—Почтовый ящикъ.—Прибавленіе.—Объявленія.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ,

№ 12. Невскій проспектъ, напротивъ Малой Морской. **№ 12.**

Покупаетъ и продаетъ по биржевой цѣнѣ всякаго рода процентныя бумаги, акціи, золото, серебро и иностранныя монеты.

Принимаетъ порученія на покупку и продажу таковыхъ на здѣшней и иностранныхъ биржахъ, взимая за то ⅛ % коммисіи.

Выдаетъ ссуды въ возможно-высокомъ размѣрѣ, подъ залогъ процентныхъ бумагъ и билетовъ 5% съ выигрышами займовъ на срокъ отъ 1-го до 12 мѣсяцевъ.

Уплата ссудъ можетъ производиться или разомъ, или ежемѣсячными взносами.

Заложенныя въ другихъ банковыхъ учрежденіяхъ бумаги могутъ быть выкуваемы конторою и перезакладываемы у нея съ увеличеніемъ ссуды.

Заемщики изъ провинціи могутъ высылать бумаги по почтѣ на имя конторы, и контора немедленно высылаетъ деньги и залоговое обязательство по указанному адресу.

Контора принимаетъ денежные вклады и платитъ за деньги, внесенныя:

на текущій счетъ	6%
на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ	7%
на срокъ не менѣе 6-ти и до 12-ти мѣсяцевъ.	8%

Расчетъ процентовъ по текущему счету производится 4 раза въ годъ, а именно: 1-го Января, 1-го Апрѣля, 1-го Іюля и 1-го Октября: за вклады же на срокъ проценты уплачиваются впередъ.

Капиталъ, отданный конторѣ на извѣстный срокъ, можетъ быть, по желанію вкладчика, возвращенъ и до истеченія срока черезъ 8 дней по заявленіи за вычетомъ процентовъ въ размѣрѣ 3-хъ годовыхъ выше платимыхъ конторою процентовъ при вкладѣ.

Для членовъ, имѣющихъ деньги въ конторѣ на текущемъ счету, послѣдняя исполняетъ всѣ биржевыя операціи, не взимая за то коммисіи.

Вкладчики изъ провинціи, желающіе внести деньги на текущій счетъ, могутъ присылать по почтѣ и имъ высылается тотчасъ надлежащее свидѣтельство.

Контора страхуетъ отъ тиражей погашенія билеты обоихъ внутреннихъ 5% съ выигрышами займовъ по 40 копѣекъ за билетъ, для иногородныхъ по 50 коп.

Отъ частныхъ банковъ и банкирскихъ конторъ въ провинціи, контора, по прежнему, принимаетъ перестраховку принятыхъ ими на страховку билетовъ. Объ условіяхъ обратиться къ конторѣ.

Продаетъ билеты 5% съ выигрышами обоихъ займовъ съ разсрочкою платежа по 10 рублей и болѣе въ мѣсяцъ.

причемъ могущій упасть, со времени полученія конторою задатка, на купленный билетъ выигрышъ принадлежитъ покупателю.

Порученія изъ провинціи исполняются безотлагательно.

Лица, желающія состоять агентами конторы въ провинціи, могутъ заявить о томъ конторѣ съ указаніемъ, гдѣ можно справиться объ ихъ благонадежности. 5—1

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Карлъ Баухъ,

жительствующій по Большой Морской, домъ Росмана №: 9,

приготовляетъ искуственные зубы по новѣйшей американской методѣ, съ многолѣтнимъ ручательствомъ за прочность и удобство, и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч.. на умѣренныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ. 6—1

СИБИРСКІЯ ПРОТИВЪ ЗУБНОЙ БОЛИ КАПЛИ, Л. ГИРШГОРНА.

Во всѣхъ извѣстныхъ аптекахъ въ Петербургѣ; также у Рульковіуса и Гольма, въ Казанской, на углу Демидова пер. и въ Русскомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами у Полицейскаго моста, въ домѣ Башмакова. Цѣна 75 коп. 6—2

Годъ **НАСТОЛЬНАЯ** шестой

ПРИХОДОРАСХОДНАЯ КНИГА И КАЛЕНДАРЬ

на 1876 годъ.

Послѣ отчетливо напечатанныхъ святцевъ и особо табельныхъ дней заключаетъ въ себѣ раздѣленные на графы листки съ заголовками всевозможныхъ предметовъ ежедневнаго расхода, въ которые остается вставлять только цифры. Книга для удобства хозяевъ и хозяекъ приспособлена такъ, что итоги каждаго дня помѣщаются рядомъ, одинъ послѣ другаго, и тѣмъ даютъ возможность ежедневно провѣрять свои расходы, а въ концѣ листковъ образуются итоги мѣсячныхъ расходовъ. По простотѣ изложенія и по практичности своей, книга эта необходима для каждаго желающаго правильно вести свое хозяйство и тѣмъ соблюсти свою экономію. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 45 коп. и въ изящномъ коленк. перепл. 70 коп.: съ перес. брошюр. 1 экз.—45 коп.: 6 экз.—2 р. 10 к., 10 экз.—3 руб. 20 коп. На пересылку экземпляра въ папкѣ и въ переплетѣ прилагается вѣсовыхъ по разстоянію за одинъ фунтъ. Иногороднымъ книгопродавцамъ дѣлается значительная уступка. Адресъ издателя, П. А. Александрова: въ С.-Петербургѣ, въ зданіи Почтамта, возлѣ арки, входъ подъ воротами, кв. № 32. Также продается у книгопродавцевъ С.-Петербурга и Москвы и въ бумажныхъ лавкахъ. 2—1

СѢМЕНА.

Огородныя, цвѣточныя, хлѣбныя, травяныя и проч. а также садовые инструменты предлагаетъ гг. любителямъ садоводства и сельскимъ хозяевамъ

ВНОВЬ ОТКРЫТАЯ СѢМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ

А. Ушакова

въ С.-Петербургѣ. Большая Конюшенная д. 1 гдѣ Зимній садъ его же.

Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно. 6—1

Редакція журнала «Природа и люди» по обстоятельствамъ, отъ нея совершенно независящимъ, **вынуждена отказаться отъ своего изданія**, не смотря на заготовленный уже литературный и художественный матеріялъ, на значительныя затраты и успѣшную подписку.

Подписчики могутъ получить деньги обратно въ мѣстахъ подписки. 3—3

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менглена. 50—28

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 35. 26—2

VORTHEILHAFT!!

Ein solides Haus (Galanteriebranche) sucht in allen Städten thätige Verkäufer gegen hohe Provision. **Franço** Offerten in **deutscher Sprache** mit **C. R. an die Redaction dieses Blattes.** 10—5

ШОКОЛАДЪ ПАРОВОЙ ФАБРИКИ Ж. БОРМАНА НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РОССІИ

26 7

„НИВА“ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

1871 годъ
1872 годъ
1873 годъ
1874 годъ
1875 годъ

Каждый годъ «Нивы» заключаетъ въ себѣ 20—25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, современной жизни и проч., и около 300 рисунковъ въ каждомъ въ томѣ. Помѣщенныя въ каждомъ томѣ повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей. Каждый покупатель тома «Нивы» за прошлые года—имѣетъ право на полученіе всѣхъ къ нимъ приложениыхъ безплатныхъ премій **(Эти пять томовъ «Нивы» составляютъ самый лучшей подарокъ къ Елкѣ)**. Покупатетели «Нивы» 1875 года получаютъ обѣ преміи: Смерть Юлія Цезаря и Мадонна въ совершенно хорошемъ видѣ, въ картонномъ футлярѣ.

Цѣна каждому тому, т. е. годовому изданію:

	Брошюрованному:	Въ простомъ переплетѣ:	Въ коленкоровомъ переплетѣ съ золотомъ.
Безъ пересылки	**4 р.**	**4 р. 60 коп.**	**5 р. 50 коп.**
Съ пересылкою	**5 »**	**5 » 60 »**	**6 » 50 »**

Желающіе выписать заразъ всѣ пять лѣтъ: **1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 «НИВЫ»** пользуются уступкой 25% съ цѣны изданія (но не съ цѣнъ за пересылку и за переплетъ) и высылаютъ за всѣ пять томовъ:

Брошюрованные:	Въ простомъ переплетѣ.	Въ коленкоровомъ переплетѣ:
20 руб.	**23 руб.**	**27 руб. 50 коп.**

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 19 Января 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш. Морская, д. № 9. Тип. Веллинга, Англ. пр. № 10.

№ 5 — 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 2 Февраля 1876 г. — ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. — Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Николай Михайловичъ Языковъ.

Извѣстный русскій поэтъ Николай Михайловичъ Языковъ родился въ Симбирскѣ въ началѣ 1803 года. Получивъ первоначальное воспитаніе дома, будущій поэтъ на двѣнадцатомъ году жизни былъ отвезенъ въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ Горный Корпусъ. Пробывъ въ немъ шесть лѣтъ но безъ особенно хорошихъ результатовъ, такъ какъ не имѣя способности къ изученію математики онъ не могъ окончить курса, молодой Языковъ проведя цѣлый годъ безъ опредѣленныхъ занятій и занимаясь писаніемъ весьма слабыхъ стиховъ, только въ 1822 году благодаря совѣтамъ и настоянію А. Ѳ. Воейкова, видѣвшаго въ немъ зародыши таланта, снова сталъ заниматься и въ томъ же году поступилъ въ Дерптскій университетъ.

Заручившись рекомендательными письмами, Николай Михайловичъ тотчасъ по прибытіи въ Дерптъ, воспѣтый имъ впослѣдствіи, сошелся съ русскимъ юношествомъ, которое въ то время со всѣхъ концевъ стекалось въ древній Юрьевъ оканчивать свое образованіе. Окруженный хорошими товарищами, онъ въ то же время посѣщая весьма аккуратно университетскія лекціи, занимался поэзіей и нѣсколько его стихотвореній, написанныхъ въ первое время пребыванія его въ Дерптѣ, обратили на себя вниманіе нашихъ свѣтилъ—Пушкина и Жуковскаго, который при посѣщеніи проѣздомъ Дерпта обласкалъ молодаго поэта, воодушевивъ и ободривъ на дальнѣйшую дѣятельность.

Стихотворенія написанныя Никол. Михайловичемъ Языковымъ въ періодъ его университетской жизни можно назвать самыми лучшими. Первыми были напечатаны стихотворенія «Моя родина», «Къ А. М Языкову», и «А. И. Очкину» еще въ 1822 году и обратили на себя всеобщее вниманіе, какъ по гладкости, мягкости и въ то же время звучности слога, такъ и по полнотѣ эстетическаго чувства, которое проявлялось болѣе или менѣе во всѣхъ

Николай Михайловичъ Языковъ. Рисов. и грав. А. Нейманъ.

его произведеніяхъ этого періода. Въ это время Языковъ воспѣвалъ со свойственнымъ ему жаромъ и чувствомъ дружбу, женщинъ, вино.

Приглашенный Пушкинымъ въ свое имѣніе Михайловское и проведя у него цѣлое лѣто, Языковъ по возвращеніи въ Дерптъ написалъ извѣстное стихотвореніе «Тригорское», заслужившее похвалы всѣхъ русскихъ поэтовъ, читателей и критиковъ того времени.

По мѣрѣ того какъ развивался Николай Михайловичъ самъ, крѣпъ и его талантъ: легкія и живыя строфы замѣнялись болѣе серьезными, хотя богатство мысли и серьезность иногда и шли въ ущербъ красотѣ и гладкости формы.

Полный энергіи, свѣжести и эстетическаго чувства, Н. М. Языковъ, въ университетскій періодъ, послѣ проведеннаго лѣта у Пушкина, какъ бы сталъ сознавать всю пустоту своей жизни въ Дерптѣ съ ея пирушками, волокитствомъ и неясными стремленіями къ чему-то и выразилъ свой взглядъ на проведенное имъ время въ древнемъ Юрьевѣ въ слѣдующихъ строкахъ, обращенныхъ къ родинѣ, куда онъ собирался отправиться въ половинѣ 1829 года.

Тамъ, вольной родины пѣвецъ
Я просвѣтлѣю жизнью новой
И гордо брошу свой лавровый
Виномъ забрызганный вѣнецъ.

Пробывъ шесть лѣтъ въ Дерптскомъ университетѣ, Николай Михайловичъ, не кончивъ въ немъ курса, переѣхалъ въ Москву, гдѣ и прожилъ безвыѣздно до 1832 года.

Москва, умѣя цѣнить таланты, встрѣтила весьма хорошо появленіе въ ней молодаго поэта и съ материнскимъ и чисто русскимъ чувствомъ приголубила его какъ за его личныя достоинства такъ и потому, что молодой Н. М. Языковъ былъ другомъ Пушкина, Баратынскаго и Дельвига. Окруженный друзьями, обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи, Николай Михайловичъ поступилъ было на службу, но прослуживъ всего два года, вышелъ въ отставку, желая быть свободнымъ, чтобы предаться любимой имъ литературѣ. Къ этому періоду относятся изъ лучшихъ его стихотвореній: Весенняя ночь», «Пожаръ» «Поэту». Въ послѣднемъ онъ, воспѣвая въ началѣ вдохновеніе, мысль и призваніе поэта, какъ бы поддерживая свое отчужденіе отъ службы и почестей, заканчиваетъ стихомъ.

Но если ты похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ —
Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ:
Онъ на тебя немилосердно взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
Размечутъ ихъ—и жрецъ отпрянетъ,
Дрожащій страхомъ и стыдомъ:

Въ 1831 году Языковъ впервые почувствовалъ припадки той болѣзни, которая впослѣдствіи свела его въ могилу, и въ скоромъ времени сталъ серьезно лечиться, переселился въ деревню, гдѣ и прожилъ около 8 лѣтъ, какъ бы давая отдыхъ своей музѣ. Чувствуя тебя все хуже и хуже, Николай Михайловичъ по совѣту докторовъ въ 1838 году принужденъ былъ отправиться за границу. Но ни купанья въ Ниццѣ, ни опытность и искуство нѣмецкихъ докторовъ, ни воздухъ Рима—нисколько не помогли ему и онъ возвратился въ Москву такимъ же больнымъ, какимъ оставилъ ее 5 лѣтъ тому назадъ. Но и заграницею не смотря на страданія, выдавались счастливые дни, когда болѣзнь уступала искусству врачей и целѣбному дѣйствію водъ. Тогда изнывающій въ тоскѣ по родинѣ поэтъ принимался снова за перо.

Къ числу произведеній того времени относится его знаменитое стихотвореніе «Къ Рейну» — въ которомъ не смотря проглядываетъ постоянно тоска по родинѣ, воспоминанія о родной Волгѣ, на которой онъ провелъ первые молодые дѣтскіе годы. Сравнивая Рейнъ съ Волгой, Языковъ говоритъ.

Я волжанинъ: тебѣ привѣты Волги нашей
Принесъ я. Слышалъ ты о ней?
Великъ, прекрасенъ ты, но Волга больше, краше
Великолѣпнѣе, полнѣй.
И глубже, быстрая и шире, голубая!
Не такъ, не такъ она бурлитъ
Когда поднимется погодка верховая
И бѣлый валъ заговоритъ...

По возвращеніи въ Москву въ августѣ 1843 года, Н. М. Языковъ сталъ лечиться у русскихъ докторовъ, и благодаря искуству своего товарища по университету, профессора Иноземцова, скоро поправилось настолько, что снова былъ въ состояніи писать. Долговременная и серьезная болѣзнь вполнѣ измѣнила направленіе его музы и въ Языковѣ уже неосталось и слѣда, какъ онъ самъ говорилъ о себѣ «голосистаго пѣвца хмѣля, прелести суетъ, пѣвца вина, дружбы» и т. д., а напротивъ вмѣсто игривыхъ и разудалыхъ пѣсенъ и дружескихъ посланій, творенія его приняли болѣе важный и торжественный характеръ и спокойный величавый тонъ. «Землетрясеніе», «Самсонъ» и другія стихотворенія выказали силу его таланта. Но къ сожалѣнію, ихъ было весьма немного.

Но несмотря на кратковременную помощь, которую былъ въ состояніи подать Николаю Михайловичу профессоръ Иноземцевъ, здоровье его все болѣе и болѣе разстраивалось, а сильная простуда, которую онъ схватилъ около Рождества 1846 года, доконочила сразу его тихо-увядающую жизнь. Н. М Языковъ умеръ 26-го декабря 1846 года, на 41 году жизни.

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлита.

(Продолженіе).

Подойдя къ шкафу, коммерціи совѣтникъ какъ только могъ безшумно, осторожно совсѣмъ открылъ желѣзную дверцу—и, заглянувъ во внутрь шкафа, успокоился: все было на мѣстѣ, никто не дотрогивался до мѣшковъ съ деньгами, даже блестящіе столбики золотыхъ монетъ, въ нѣсколько этажей, стояли, какъ и прежде, въ порядкѣ, возлѣ пачекъ цѣнныхъ бумагъ. Нѣсколько удивленными глазами онъ быстро пробѣжалъ бумагу, которую, незадолго передъ тѣмъ, вслѣдствіе весьма понятнаго волненія, торопливо сунулъ въ одно изъ безукоризненно-прибранныхъ отдѣленій желѣзной сокровищницы. Это была опись всего имущества мельника. Ну, и какія же почтенныя, солидныя суммы значились въ этомъ инвентарѣ...

Коммерціи совѣтникъ сложилъ бумагу и уже протянулъ руку, чтобы аккуратно пріобщить этотъ документъ къ прочимъ, но тутъ задѣлъ рукавомъ одинъ изъ золотыхъ столбиковъ. Наполеондоры, звеня и постукивая, покатились по полу. О, что за мерзкій, отвратительный звукъ!.. Да, онъ дотронулся до чужихъ денегъ... Отъ испуга и незаслуженнаго, невольнаго стыда кровь хлынула ему въ лицо, однако онъ сейчасъ же нагнулся, чтобы собрать монеты. и въ ту же минуту почувствовалъ на себѣ тяжелое, массивное тѣло, которое грузно навалилось на него сзади... Чьи-то жесткіе, грубые пальцы такъ и впились въ шею коммерціи совѣтника.

— Га! Него—дяй! Мошен—никъ! Я... еще живъ! прошипѣлъ какимъ-то страннымъ, замирающимъ голосомъ „замковый“ мельникъ.

На нѣсколько секундъ завязалась борьба. Стройный, крѣпкій молодой человѣкъ долженъ былъ однако употребить всю свою силу, воспользоваться гибкостью тѣла, чтобы стряхнуть со спины старика, который, какъ пантера, хищнически сидѣлъ на ней и такъ сильно сдавливалъ ему горло, что изъ глазъ коммерціи совѣтника посыпались искры... Но вотъ онъ крѣпко, хотя и осторожно, схватилъ обѣими руками мельника за бока, сильно двинулъ его назадъ и—высвободился, всталъ на ноги. Старикъ, прислонившись къ стѣнѣ, пошатывался.

— Вы съ ума сошли, папа?! хриплымъ голосомъ и задыхаясь произнесъ коммерціи совѣтникъ, возмущенный до глубины души... Какъ это безгранично-пошло!.. Какъ это...

Онъ умолкъ въ ужасѣ... Лицо старика становилось все бѣлѣе и бѣлѣе, а повязка на шеѣ вдругъ сдѣлалась совсѣмъ алой. Эта страшная краска съ замѣчательною быстротой расплывалась по бѣлой фуфайкѣ, она уже легла на ней широкою лентвй... Вотъ и кровоизліяніе! А вѣдь *этого* никоимъ образомъ не слѣдовало допускать...

Коммерціи совѣтникъ ощутилъ лихорадочную дрожь, зубы у него застучали... Повиненъ-ли онъ въ такомъ

несчастномъ случаѣ?.. Нѣтъ! Положительно не виноватъ!.. проговорилъ онъ однѣми губами и, облегчивъ себя этимъ, торопливо охватилъ руками больнаго, чтобы помочь ему дойти до кровати. Старикъ грубо оттолкнулъ его и молча указалъ на полъ—на разбросанныя монеты. Нечего дѣлать—пришлось собрать всѣ деньги и положить ихъ на старое мѣсто. Должно быть, больной не подозрѣвалъ, въ какой находился онъ опасности, а, пожалуй, трясясь за свои деньги—забылъ о только что совершенной операціи, забылъ все на свѣтѣ... Когда коммерціи совѣтникъ заперъ шкафъ и сунулъ ключъ въ руку старика—мельникъ кое-какъ самъ побрелъ въ свою комнату, дошелъ, шатаясь, до кровати и упалъ на нее.

Наконецъ, послѣ многократнаго зова, прибѣжали два работника съ мельницы и сударыня-Суза, а хозяинъ лежалъ уже вытянувшись. Глаза его, какіе-то стеклянные, почти какъ у мертвеца, глядѣли неподвижно на грудь, по которой неудержимо все шире и шире разливалась жизненная влага, окрашивая фуфайку въ темно-красный цвѣтъ.

Батраки поспѣшили въ городъ за докторомъ Брукомъ. Экономка живо притащила воды и нѣсколько тряпокъ... Напрасно она потрудилась! Коммерціи совѣтникъ не успѣвалъ мѣнять платковъ: онъ накладывалъ ихъ на рану, что унять кровотеченіе, прижималъ наложенный платокъ—все тщетно: кровь струилась также быстро, остановить ее было нельзя... Порвалась артерія—это навѣрно, нечего и сомнѣваться. Однако, какъ же это случилось?..

Виноватъ-ли только самъ мельникъ, который такъ безразсудно взволновался, надорвалъ себя, или же—(тутъ замерло сердце коммерціи совѣтника) *виною всему онъ*?.. Быть можетъ, во время отчаянной борьбы ему пришлось схватить озлобившагося больнаго за шею и, такимъ образомъ совершенно разбередить рану?.. Очень возможно... Гдѣ же упомнить всѣ движенія въ схваткѣ?.. Человѣка душатъ, искры у него изъ глазъ сыплятся—развѣ онъ можетъ сказать, куда именно вцѣпился рукой—въ плечо или въ шею нападающаго?.. Впрочемъ, зачѣмъ же предполагать такую ужасную случайность?.. Вѣдь старикъ спрыгнулъ съ кровати, бѣшеная злоба душила его... Что жъ, не достаточно ли этого одного, чтобы довести себя до такого отчаяннаго положенія?.. Докторъ не даромъ же запретилъ ему дѣлать какое-либо рѣзкое, быстрое движеніе... Нѣтъ! О, нѣтъ! снова беззвучно воскликнулъ коммерціи совѣтникъ... Совѣсть его чиста, спокойна; ни малѣйшаго упрека не могъ онъ сдѣлать себѣ даже относительно главнаго побужденія и послѣдующихъ своихъ дѣйствій, приведшихъ къ такому страшному происшествію. Въ самомъ дѣлѣ, онъ подошелъ къ шкафу, единственно заботясь только объ интересахъ старика, съ цѣлью охранить его собственность; въ то время у него и желанія даже не было обладать сокровищемъ въ шкафу—это онъ хорошо помнилъ. Виноватъ ли онъ въ томъ, что у этаго гнуснаго хлѣбнаго барышника такая пошлая натура, что онъ готовъ даже въ завѣдомо честномъ человѣкѣ видѣть воровскія наклонности?..

Страхъ и отчаяніе мало по малу оставили коммерціи совѣтника. Теперь онъ чувствовалъ только раздраженіе... Да, вотъ и награда за всѣ его любезности, деликатности, добросердечіе,—качества, такъ цѣнимыя его знакомыми!.. Онъ и прежде поступалъ такъ, и теперь сердце натолкнуло его принять на себя обязанности, исполненіе которыхъ повлекло за собою однѣ непріятности... Оставаться бы ему дома, сидѣть въ своей очаровательно-уютной гостинной, за карточнымъ столомъ, да покуривать всласть добрую сигару, пребывая въ безмятежномъ спокойствіи!.. Такъ нѣтъ же: его злой геній шепнулъ ему принять на себя роль нѣжно-заботливой сидѣлки—и вотъ, онъ очутился въ сквернѣйшемъ положеніи... Руки его вздрагиваютъ отъ отвращенія и ужаса, онъ залитъ кревью этого презрѣннаго человѣка, который чуть было не задушилъ его!..

Мучительно-медленно тянется время!.. „Замковый“ мельникъ теперь, какъ видно, сознавалъ уже, какой опасности подвергъ онъ себя. Неподвижно лежалъ старикъ, только глаза его, выражающіе испугъ, ворочались и каждый разъ останавливались на двери, когда до его слуха долеталъ шумъ шаговъ въ передней—страхъ и волненіе овладѣвали имъ тогда. Онъ ждалъ врача, онъ надѣялся, что тотъ его спасетъ, но коммерціи совѣтникъ видѣлъ (къ ужасу своему), какой оттѣнокъ принимало лицо больнаго: только рука смерти накладываетъ такого пепельно-сѣраго цвѣта краску на лобъ и щеки страждущаго.

Сударыня-Суза принесла зажженную лампу. Старуха нѣсколько разъ выбѣгала за ворота посмотрѣть — не ѣдетъ ли докторъ. Теперь она стояла у изголовья постели и тряслась въ безмолвномъ ужасѣ при видѣ такой картины, ярко освѣщенной бѣловато - желтымъ огнемъ лампы.

Прошло нѣсколько минутъ—и глаза „замковаго“ мельника закрылись; ключъ, который онъ держалъ въ судорожно сжатомъ кулакѣ—упалъ на одѣяло. Старикъ былъ въ обморокѣ.

Коммерціи совѣтникъ невольно схватилъ выпавшій ключъ, чтобы положить его куда нибудь—и въ то мгновеніе, когда онъ коснулся пальцами этого роковаго, холоднаго кусочка желѣза—новая мысль молніей блеснула въ его головѣ, мысль, поразившая его какъ бы громовымъ ударомъ... А какъ свѣтъ посмотритъ на этотъ *несчастный случай*?..

Да, коммерціи совѣтнику довольно-таки хорошо были извѣстна вѣчно-шушукающая, шипящая баба, имя которой—*злословіе*. Баба эта заглядывала и въ его гостиную... Что-жъ, и не прекрасный полъ, сидя за картами, какъ и прекрасный за чайнымъ столомъ, съ неменьшимъ удовольствіемъ внималъ туманнымъ, но ехиднымъ намекамъ этой двусмысленно-улыбающейся бабенки. Что-жъ, очень можетъ быть, что найдется человѣчекъ, который, пожимая плечами и многозначительно подмигивая, проговоритъ: „Однако... гм!.. Что же, наконецъ, именно было нужно коммерціи совѣтнику Рэмеру въ денежномъ шкафѣ „замковаго мельника?“.. Да одной этой фразы будотъ достаточно, чтобы вскипятить его кровь!.. И развѣ одинъ только человѣчекъ задастъ подобный вопросецъ?.. У коммерціи совѣтника, какъ и вообще у баловней счастья, было не мало враговъ, противниковъ. Онъ зналъ, что завтра же въ городѣ начнутъ болтать, что вотъ, операція-то удалась, да толку не вышло изъ этого: ухаживавшій за больнымъ пробрался къ денежному шкафу и... ну, это, конечно, такъ встревожило, взволновало мельника, что онъ и истекъ кровью...

Да, вотъ и грязное пятно на имени Рэмера, имени, достойномъ зависти!.. Пятно это такъ прочно ляжетъ, что не смоетъ его и судебное слѣдствіе, потому что—гдѣ же свидѣтели? Кто скажетъ, что онъ тутъ положительно не виновенъ?.. Положимъ, честность коммерціи совѣтника признана всѣми, но развѣ признаніе такое что нибудь значитъ, развѣ можетъ оно послужить ему защитой?

Господинъ Рэмеръ беззвучно горько разсмѣялся, но въ то же время рука его утирала выступившій на лбу потъ.,. Онъ слишкомъ хорошо зналъ, какъ люди падки считать признанную честность человѣка только *кажущеюся*, если какое нибудь обстоятольство вдругъ *покажется* имъ подрывающимъ вѣру въ эту честность.

Коммерціи совѣтникъ опустилъ голову, почти склонился надъ безчувственнымъ мельникомъ, которому сударыня-Суза терла виски разными крѣпкими снадобьями—и вдругъ опять новая мысль озарила его: а если

(Продолженіе на стр. 78.)

Ресфа, защищающая тѣла своихъ сыновей отъ хищныхъ птицъ. Картина Жоржа Беккера, гравир. Керстенъ.

Маленькая герцеговинка.

Герцеговинку встрѣтилъ я, —
О, какъ была блѣдна!
На мой вопросъ: — откуда ты?
Отвѣтила она:
„Родной мой домъ и у меня
Тамъ за горами былъ,

„При ней отъ голоду тогда-жъ,
И милый братъ съ сестрой...
О Боже мой, въ твоемъ раю
Страдальцевъ упокой!
„Едва жива осталась я.
У васъ, въ чужомъ краю,

Герцеговинка. Оригин. рисунокъ В. Н. Л—въ, гравир. К. Вейерманъ.

Отецъ и мать, сестра и братъ...
Все турокъ погубилъ!
„Нашъ домъ ограбленъ и сожженъ,
Замученъ мой отецъ,
Свирѣпый врагъ угналъ коровъ
И истребилъ овецъ.
„Хоть мать моя съ тремя дѣтьми
Успѣла убѣжать,
Но голодъ былъ, какъ турки, лютъ:
Скончалась наша мать,

Вамъ пѣсню родины моей
Страдальческой пою:
— „Будь милостивъ, о Боже, къ намъ:
„Отъ турокъ огради,
„Отъ яростныхъ враговъ Христа
„Нашъ край освободи!
— „Вы—братья наши по кресту,
„Такъ помогите-жъ намъ!
„Не оставляйте нашъ народъ
„На жертву злымъ врагамъ!“

В.

старикъ не будетъ уже въ силахъ разсказать о случившемся?.. Вѣдь тогда—что было то и умереть съ нимъ, будетъ похоронено на вѣки... Экономка была тутъ, но мельникъ не проронилъ ни одного слова.

Чу! собаки залаяли на дворѣ, а вотъ, наконецъ, раздались тамъ и быстрые шаги, все ближе и ближе—кто то торопливо шелъ по лѣстницѣ. Д-ръ Брукъ на мгновеніе, какъ вкопанный, остановился на порогѣ дверей, потомъ вошелъ въ комнату, поставилъ шляпу на столъ и приблизился къ кровати.

Какая гробовая тишина царитъ всегда при появленіи доктора въ такія минуты! Кажется что широко-распростертыя „крылья безмолвія" неподвижно повисли въ воздухѣ и ждутъ, чтобы торжественно принять послѣднее слово—пригеворъ врача: жизнь или смерть!..

— Охъ, господинъ докторъ, если бы онъ только пришелъ въ себя! наконецъ тоскливо прошептала сударыня-Суза.

— Ну, едва ли онъ очнется, проговорилъ д-ръ Брукъ, окончивъ осмотръ больнаго. Въ лицѣ его не было ни кровинки.—Полноте, успокойтесь! серьезно обратился онъ къ экономкѣ, когда та хотѣла было разразиться громкими соболѣзнованіями. Вотъ скажите-ка мнѣ лучше, зачѣмъ больной вставалъ съ постели?

Докторъ взялъ лампу и наклонился съ нею, чтобы осмотрѣть полъ около кровати. Полъ въ этомъ мѣстѣ былъ обрызганъ кровью.

— Это отъ окровавленныхъ платковъ, пояснилъ коммерціи совѣтникъ блѣднѣя, но весьма рѣшительнымъ тономъ.

Сударыня-Суза, съ своей стороны, клялась всѣми святыми, когда она прибѣжала въ комнату—хозяинъ лежалъ на кровати совершенно въ томъ же положеніи, въ какомъ оставилъ его г. докторъ.

Брукъ покачалъ головой.

— Безъ причины, безъ внѣшняго толчка, не было бы кровоизліянія. Въ данномъ случаѣ, *навѣрно* это результатъ какого-нибудь сильнаго потрясенія...

— Невидѣннаго, незамѣченнаго мною! Увѣряю же тебя, что ничего особеннаго не случилось! произнесъ коммерціи совѣтникъ, выдержавъ довольно твердо выразительный взглядъ доктора... Но—постой! Ты зачѣмъ же такъ инквизиторски посмотрѣлъ на меня? Что же это значитъ?.. Я не вижу—чего ради сталъ бы я скрывать отъ тебя, если бы больной въ лихорадочномъ припадкѣ вдругъ вскочилъ?..

Онъ неуклонно пошелъ по избранному имъ пути, но когда послѣднія слова были сказаны—горло у него стало сжиматься. Чтобы сохранить, такъ сказать, *наружную* честь—коммерціи совѣтникъ жертвовалъ честью *внутренней*: онъ нахально, дерзко лгалъ, но... вѣдь и въ самомъ дѣлѣ—вины за нимъ совершенно не было, напротивъ, его же жизни и здоровью грозила серьезная опасность. И гдѣ же тѣ мотивы, на основаніи которыхъ было бы нравственно-обязательнымъ разсказать все, ничего не утаить?..

Д-ръ Брукъ молча отвернулся отъ него.

Благодаря усиліямъ врача, „замковый" мельникъ открылъ наконецъ глаза, но угасающій взглядъ ихъ блуждалъ безцѣльно по комнатѣ. Старикъ хотѣлъ что то сказать и не могъ—онъ только отрывисто и слабо прохрипѣлъ.

Спустя нѣсколько часовъ, коммерціи совѣтникъ Рэмеръ оставилъ „замковую" мельницу—тамъ все было уже кончено: на запертыхъ дверяхъ алькова и комнаты въ которой умеръ мельникъ, были наклеены широкія полосы бумаги. Г. Рэмеръ тотчасъ же, какъ только старикъ испустилъ послѣдній вздохъ, далъ знать о смерти его надлежащимъ властямъ и, какъ человѣкъ предусмотрительный, добросовѣстный, велѣлъ при себѣ запечатать комнаты.

II.

Коммерціи совѣтникъ отправился домой черезъ паркъ. Огни на мельницѣ нѣкоторое время слабо освѣщали ему дорогу, но скоро и они исчезли. Онъ шелъ теперь въ совершенной темнотѣ, всецѣло отдавшись своимъ думамъ, и чувствовалъ сильный ознобъ во всемъ тѣлѣ, но не потому, что рѣзкій вѣтеръ дулъ ему на встрѣчу, не потому, что снѣжные хлопья, какъ порхающія ночныя птицы, налетали на его лицо... Ему было жутко холодно отъ собственныхъ тревожныхъ мыслей и воспоминаній... Сцена въ альковѣ и затѣмъ послѣдняя картина отчетливо рисовались передъ нимъ... Онъ думалъ о томъ, что пришлось ему вынести въ продолженіи какихъ-нибудь двухъ-трехъ часовъ. Да, вотъ по этой самой дорогѣ (какъ песокъ скверно хруститъ теперь подъ ногой!) шелъ онъ сегодня, послѣ обѣда, оставивъ богато-сервированный столъ, шелъ беззаботно, полагая, что надъ нимъ свѣтитъ по прежнему его счастливая звѣзда... И что-жъ! Прошло только нѣсколько часовъ и случилось такъ, что онъ является какъ будто бы виновникомъ смерти—человѣка!

Онъ—коммерціи совѣтникъ, Рэмеръ, у котораго нервы такъ чувствительны, который не можетъ выносить даже мученій животнаго—убійца!?. Ха! Да это зависть боговъ! Зависть эта не терпитъ людскаго счастья, благополучія; она съ злорадствомъ бросаетъ камень на скользкій путь счастливца, и она же старается теперь измучить его совѣсть, отравить земныя его радости... Ну, такъ это ей не удастся... никогда!..

Только въ одномъ онъ и могъ упрекнуть себя, а именно въ томъ, что утаилъ истину, не разсказалъ, какъ было дѣло... Но кому же вредилъ онъ этимъ?.. Никому, рѣшительно никому изъ всѣхъ живущихъ!.. И такъ—баста! Коммерціи совѣтникъ поладилъ съ самимъ собою, только что повернувъ въ широкую липовую аллею, которая вела прямо къ виллѣ.

Цѣлые потоки серебристо-бѣлаго свѣта лились изъ оконъ и стеклянныхъ дверей балконной комнаты въ нижнемъ этажѣ. Роскошная жизнь, полная наслажденій, казалось, протягивалъ ему оттуда бѣлыя красивыя руки; онъ чувствовалъ, какъ эти руки обхватили его и потянули къ себѣ, чтобы скорѣе освободить отъ гнетущаго мрака ночи и треволненій смущенной души.

Г. Рэмеръ вздохнулъ всей грудью, вздохнулъ свободно, отбросивъ далеко отъ себя все то, что напоминало ему недавнихъ непріятныхъ ощущеніяхъ. Мрачныя, безпокойныя мысли его какъ бы улетали куда-то, вмѣстѣ съ шумомъ воды на мельницѣ, замиравшемъ вдали.

Тамъ, въ этой прекрасной гостиной, собралось многочисленное общество, которое и сгруппировалось около столовъ чайнаго и карточнаго по приглашенію хозяйки—вдовы президента Урахъ.

Благодаря широкимъ стекломъ значительно углубленныхъ оконъ нижняго этажа и сквозному переплету низенькихъ бронзовыхъ перилъ балкона, можно было довольно хорошо осмотрѣть обстановку гостиной. Стѣны ея были украшены яркими картинами, а двери—тяжелыми складками голубаго съ фіолетовымъ оттѣнкомъ бархата. Легкая люстра изъ позолоченной бронзы, съ стеклянными шарами молочнаго цвѣта, на подобіе громадныхъ круглыхъ жемчужинъ, въ которыхъ горѣлъ газъ, обливала всю комнату пріятно-серебристыми волнами свѣта. Среди мрака зимняго вечера такая картина казалась волшебнымъ явленіемъ, представлялась особенно—привлекательною, манящею къ себѣ...

Порывистый вѣтеръ пронесся по аллеѣ, закружился на балконѣ и завертѣлъ тамъ снѣжными хлопьями, поднявъ кучу упавшихъ липовыхъ листьевъ. Конечно, буйный сорванецъ этотъ нисколько не нарушилъ тамъ, за широкими стеклами, аристократическаго покоя: не шелохнулась даже воздушно-кружевная ткань оконныхъ

занавѣсей, только пламя въ угловомъ каминѣ, какъ-бы встревоженное порывомъ вѣтра, вдругъ вспыхнуло ярче—и то на мгновенье.

Человѣкъ, подходившій къ виллѣ ускореннымъ шагомъ, посматривалъ, съ чувствомъ какого-то тайнаго блаженства, на гостей, засѣдающихъ въ гостиной. Но не бѣлокурые и темные локоны, не граціозныя, стройныя фигуры женщинъ и дѣвицъ такъ восхищали его—напротивъ, прелестные вѣстники весны, изображенные на плафонной картинѣ, простирали свои ручки, полныя анемоновъ и ландышей, надъ чепцами почтенныхъ матронъ, надъ посѣдѣвшими и лысыми головами мужчинъ... Да, но за то собравшіеся тутъ чепцы и головы принадлежали представителямъ какихъ фамилій! За карточными столами засѣдали крупные военные чины, заслуженныя придворныя дамы и члены министерства; другія, не менѣе важныя особы, страждующія одеревенѣніемъ поясницы, утопали въ креслахъ, обитыхъ голубымъ бархатомъ, стоящихъ около камина, и вели бесѣду о разныхъ разностяхъ. За однимъ изъ ломберныхъ столовъ сидѣлъ докторъ медицины, тайный совѣтникъ фонъ Бэръ, старикъ съ горделивой осанкой, преисполненный высокомѣрія. Когда ему приходилось сдавать карты, на пальцахъ его, украшенныхъ алмазными перстнями (драгоцѣнные подарки высокопоставленныхъ лицъ), такъ и сверкали разноцвѣтные огоньки. И всѣ-то эти особы были въ *его* домѣ, въ домѣ коммерціи совѣтника Рэмера! Вонъ, въ стаканахъ искрится вино, красное какъ рубинъ... Винцо это изъ его собственнаго погреба. Ливрейные лакеи разносятъ въ большихъ хрустальныхъ вазахъ, свѣжую, ароматную землянику... Земляника эта также его. Госпожа президентша Урахъ приходилась бабушкой его покойной женѣ. Президентша пользовалась, можно сказать, неограниченною властью надъ его карманомъ и была оффиціальной хозяйкой, представительницей дома вдовца.

Коммерціи совѣтникъ обогнулъ западную сторону виллы. Тутъ, въ нижнемъ этажѣ, только два окна и были освѣщены. Въ комнатѣ, за однимъ изъ этихъ оконъ и довольно близко къ нему, горѣла висячая лампа. Свѣтъ ея проходилъ черезъ красную гардину, далеко, ударялъ въ садъ, гдѣ бѣлое тѣло каменной нимфы фонтана, передъ рощицей, казалось, плавало въ ярко-розовыхъ облакахъ. Г. Рэмеръ покачалъ головой, затѣмъ вошелъ въ домъ (подоспѣвшій лакей успѣлъ снять съ него пальто) и отворилъ дверь въ комнату, на окнахъ которой были красные занавѣсы. Вся эта комната была красная: обои, матерія на мебели, даже коверъ, покрывавшій весь полъ, были темно-пурпурнаго цвѣта. Подъ висячей лампой стоялъ письменный столъ, причудливой формы, въ китайскомъ вкусѣ, покрытый чернымъ лакомъ и украшенный изящными золотыми арабесками. Столъ этотъ былъ рабочій въ полномъ смыслѣ этого слова: на широкой доскѣ его лежали раскрытыя книги, тетради и газеты; тутъ-же находился объемистый манускриптъ, на который былъ брошенъ карандашъ; возлѣ этого манускрипта, на серебряной тарелочкѣ стоялъ хрустальный бокалъ съ темно-краснымъ старымъ виномъ. На половину вино было выпито. Въ комнатахъ, подобныхъ этой, никогда не цвѣсти цвѣтку, да и птичкѣ тутъ никогда не затянуть своей безпокойной пѣсенки. Въ каждомъ изъ четырехъ угловъ описываемаго кабинета на колоннахъ изъ чернаго мрамора стояли мраморные того-же цвѣта бюсты въ натуральную величину. Эти рѣзко-очерченныя головы съ темными лицами представлялись дѣйствительно жесткими и особенно—суровыми. Одна стѣна во всю длину была занята книжными полками, которая по цвѣту и украшеніямъ совершенно подходили къ письменному столу. На полкахъ, этихъ, по отдѣленіямъ, стояли рядами великолѣпно - переплетенныя книги. Вообще библіотека была не маленькая, такъ какъ кромѣ этихъ книгъ тутъ-же хранилось нѣсколько фоліантовъ въ пергаментномъ переплетѣ не говоря уже о цѣлыхъ кипахъ порядкомъ поистрепанныхъ брошюръ Однотонный темно-красный цвѣтъ всей обстановки, казалось, нарочно былъ выбранъ для этой комнаты, чтобы ярче выставить ея серьезный характеръ.

Когда коммерціи совѣтникъ, отворивъ дверь, появился на порогѣ краснаго кабинета — дама, ходившая по комнатѣ взадъ и впередъ, вдругъ остановилась. При взглядѣ на ослѣпительно-бѣлую фигуру этой дамы, стоявшей на красномъ коврѣ, право, можно было подумать, что и она вотъ только что вошла сюда, прямо изъ подъ открытаго неба, вся обсыпанная снѣжинками отъ поднявшейся мятели. Нельзя было утвердительно сказать: ради одного-ли удобства такъ небрежно драпировались мягкія складки ея длиннаго бѣлаго кашемироваго платья, или-же каждая складка этой удивительной драпировки являлась результатомъ тщательнаго изученія искуства одѣваться?... Но, какъ-бы то ни было, эта женская фигура обрисовывалась на темно-красномъ фонѣ такими прекрасно благородными линіями, отличалась такою глубиною бѣлизной, что казалось какою-то Ифигеніею. Она была очень хороша собой (хотя уже и не первой молодости): изящный римскій профиль и что-то нѣжно - юное во всей фигурѣ ея имѣли особенную прелесть; только волосы, пепельно-бѣлокурые, не представлялись пышными:—коротко-обрѣзанные, зачесанные со лба назадъ,они вились около шеи.

Это была—Флора Мангольдъ, свояченица коммерціи совѣтника Рэмера, сестра его покойной жены.

Флора, остановившись, свободно скрестила руки на груди. Какъ видно, она съ нетерпѣніемъ поджидала своего зятя.

— Э, да ты, Флора, не тамъ? проговорилъ коммерціи совѣтникъ, указавъ по направленію къ гостиной.

— А ты думалъ, что я тамъ буду? Для чего-же? Сидѣть надъ бабушкиной чашечкой чая, обозрѣвать разные чулочки и свивальники, заготовляемые для бѣдныхъ дѣтей, и слушать бабью болтовню? Она произнесла это рѣзкимъ голосомъ, даже сердито.

— Но, Флора, тамъ и мужчины сидятъ...

— Да, мужчины! Они-то получше бабъ умѣютъ сплетничать, хоть и навѣшали на себя ордена, эполеты.

Г. Рэмеръ засмѣялся.

— Ты, ma chère, въ дурномъ расположеніи духа, замѣтилъ онъ, граціозно опускаясь въ кресло.

Флора какъ-то порывисто закинула голову и крѣпко прижала къ груди сложенныя руки.

— Морицъ, заговорила она почти задыхаясь, какъ-бы послѣ минутной борьбы съ собою,—Морицъ, скажи мнѣ правду... „Замковый“ мельникъ умеръ подъ ножемъ Брука?

Коммерціи совѣтникъ вскочилъ съ кресла.

— Что за мысль!... Вѣдь вотъ, дѣйствительно, вамъ женщинамъ, любое несчастье представляется еще не такимъ мрачнымъ, какимъ хотѣлось-бы его видѣть... Вамъ мало—

— Ну, Морицъ, прошу не говорить *мнѣ* подобныхъ вещей, перебила она его, горделиво тряхнувъ головой.

— Хорошо, хорошо! Я съ полнымъ почтеніемъ отношусь къ твоимъ дарованіямъ, къ твоему необыкновенному уму, но развѣ ты поступаешь лучше *тѣхъ*... другихъ?...

Онъ, видимо взволнованный прошелся по комнатѣ... Такое неожиданное объясненіе несчастнаго случая поразило его, почти уничтожило...

— Умеръ подъ ножемъ Брука! повторилъ коммерціи совѣтникъ взволнованнымъ голосомъ... Да нѣтъ-же! Операція была сдѣлана въ два часа, а со смерти мельника не прошло еще и двухъ часовъ... Значитъ, не подъ ножемъ!... И я, право, не постигаю, какъ это именно у

тебя хватило духа высказать такъ коротко... ясно, даже такъ безпощадно—подобную мысль?..

— Да, именно у *меня*, отвѣтила Флора, подчеркивая послѣднее слово.

Отвѣтъ этотъ она дала энергическимъ тономъ.

— Именно у меня, повторяла она, потому что для души моей невыносима гробовая тайна. Ты-бы долженъ былъ знать это! Я слишкомъ горда, у меня слишкомъ мало самоотверженія, чтобы знать омрачномъ характерѣ вины человѣка и скрывать, утаивать это... Все равно — кто-бы ни былъ этотъ человѣкъ!... Но не думай, что сама я не страдаю при этомъ... Какъ тупымъ ножемъ все это рѣжетъ мнѣ сердце!... Да, ты почему-то употребилъ слово „безпощадно"... Прозрачнѣе этого ты и не могъ выразиться!... И чтобы я стала щадить бездарность, мазню человѣка, считающаго себя ревнителемъ науки?... Никогда! Это—абсурдъ, просто невозможнй для меня!.. Слушай: одно только ты понимаешь также хорошо, какъ и я, а именно, что репутація Брука, какъ врача, сильно уже пострадала вслѣдствіе совершенно - неудавшагося леченья графини Виллендорфъ...

— Да... ну, эта почтенная дама никакъ не хотѣла разстаться съ милыми ей страсбургскими пирогами и шампанскимъ.

— Такъ утверждаетъ Брукъ, но родственники умершей опровергаютъ такое толкованіе...

Флора прижала ладони къ вискамъ, какъ будто сильная головная боль мучила ее.

— Ахъ, Морицъ, знаешь, когда вѣсть о несчастномъ случаѣ на мельницѣ долетѣла сюда — я, какъ съумасшедшая, бѣгала по всему парку!... Вѣдь старика Зоммера всѣ знали, рѣшительно всѣ... Во всѣхъ кружкахъ общества интересовались исходомъ этой операціи! хорошо, положимъ даже, какъ ты говоришь, что мельникъ не сейчасъ, не подъ рукой Брука, испустилъ духъ—но все-же люди, знающіе дѣло, будутъ справедливо утверждать, что борьба со смертью только затянулась на нѣсколько часовъ, благодаря крѣпкой натурѣ больнаго... Неужели-же ты, лицо не компетентное въ этомъ отношеніи, хочешь считать себя непогрѣшимымъ, думать, что твои сужденія вѣрны? Нѣтъ, не отрицай того, что и самъ ты тоже убѣжденъ въ этомъ!... Посмотрѣлъ-бы ты на себя теперь — какъ блѣденъ ты отъ скрытаго волненія...

Въ эту минуту дверь, ведущая въ другія комнаты, отворилась и на порогѣ показалась президентша Урахъ.

Правда, ей было семьдесятъ лѣтъ, но про нее можно было сказать, что она не вошла, а впорхнула въ кабинетъ, такъ шаги ея были легки и воздушны. Да, это была удивительно—моложавая бабушка, женщина, прожившая чуть-ли не три четверти столѣтія. Она не носила даже мантильи, благодѣтельно все прикрывающей. Бѣлая кружевная косынка, приколотая на спинѣ. а поверхъ сѣрой шелковой юбки со шлейфомъ падало складками богато-отдѣланное верхнее платье. Ея посѣдѣвшіе волосы (среди ихъ однако, виднѣлось еще нѣсколько золостыхъ прядей) вздымались пышными буффами надъ лбомъ, на подобіе короны, и были покрыты какъ-бы вуалемъ изъ бѣлаго кружевнаго тюля, длинные концы котораго скрывали шею и нижнюю часть подбородка, т. е. то, что неумолимо, предательски обнаруживаетъ признаки старости.

Почтенная дама явилась не одна: вмѣстѣ съ нею въ кабинетъ проскользнуло какое-то странное существо, замѣчательно маленькая фигурка; члены тѣла ея были пропорціальны, но отличались поразительною миніатюрностью и были страшно худощавы, за то голова относительно роста—громадная. Это была еще молодая дѣвушка—лѣтъ двадцати трехъ-четырехъ.

Эти три женскія лица, находившіяся теперь въ красной комнатѣ, безспорно принадлежали къ одному фамильному типу, и дѣйствительно можно было сейчасъ-же замѣтить, что бабушка и внучка состоятъ въ близкомъ родствѣ; только у младшей изъ нихъ благородный, правильный профиль былъ удлиненъ; выдающійся подбородокъ расширялся и казался энергичнѣе. Дѣвушка эта имѣла болѣзненный цвѣтъ лица и какія-то странно-синеватыя губы. Алыя бархатныя ленты переплетались съ ея бѣлокурыми волосами. Вмѣсто „сумочки Маргариты" у нея висѣла черезъ плечо (что было довольно оригинально) ивовая овальная карзиночка, устланная голубыми атласными подушечками, среди которыхъ сидѣла живая канарейка.

— Ну, нѣтъ, Генріэтта! нетерпѣливо, запальчиво воскликнула Флора, когда птичка, покинувъ свое голубое гнѣздо, стрѣлою пролетѣла надъ ея головой. — Я этого рѣшительно не потерплю! Ты могла-бы звѣринецъ свой оставить гдѣ нибудь тамъ...

— Ахъ, Флора! Но вѣдь у моего Ганса не слоновыя же ноги и голова у него не рогатая — ну, и ничего тебѣ онъ тутъ не сдѣлаетъ, возразила равнодушнымъ тономъ маленькая Генріэтта... Сюда, Гэнсхенъ! Ко мнѣ! позвала она птичку, порхавшую подъ самымъ потолкомъ.

Послушная канарейка сейчасъ-же повиновалась и, мелькнувъ внизъ, сѣла на протянутый ей указательный палецъ.

(Продолженіе будетъ).

Ресфа защищающая тѣла своихъ сыновей отъ хищныхъ птицъ.

Однимъ изъ лучшихъ украшеній Брюссельской художественной выставки въ нынѣшнюю зиму была безспорно картина г. Жоржа Беккера, копія съ которой помѣщена въ сегодняшнемъ номерѣ «Нивы». Еще раньше картина эта произвела сильное впечатлѣніе на послѣдней Парижской выставкѣ. Потрясающій эффектъ ея неотразимъ,—съ этимъ согласны даже всѣ тѣ, которые наиболѣе осуждали нѣкоторыя детали исполненія. Что касается до насъ, то не вдаваясь въ эстетическую оцѣнку картины, передадимъ въ нѣсколькихъ словахъ полный глубокаго трагизма сюжетъ ея, такъ какъ мы находимъ его въ исторіи Ветхаго Завѣта.

Это было въ царствованіе Давида: трехлѣтній голодъ вслѣдствіе бездождія опустошилъ землю Израилеву. Царь, черезъ посредство первосвященника Урима, просилъ совѣта у Бога, и Богъ отвѣтилъ ему, что виной этого голода Саулъ, неправильно умертвившій Габаонитовъ, и что, для того чтобы вернуть благословеніе Божіе надъ страной, надо умилостивить потомковъ убіенныхъ.

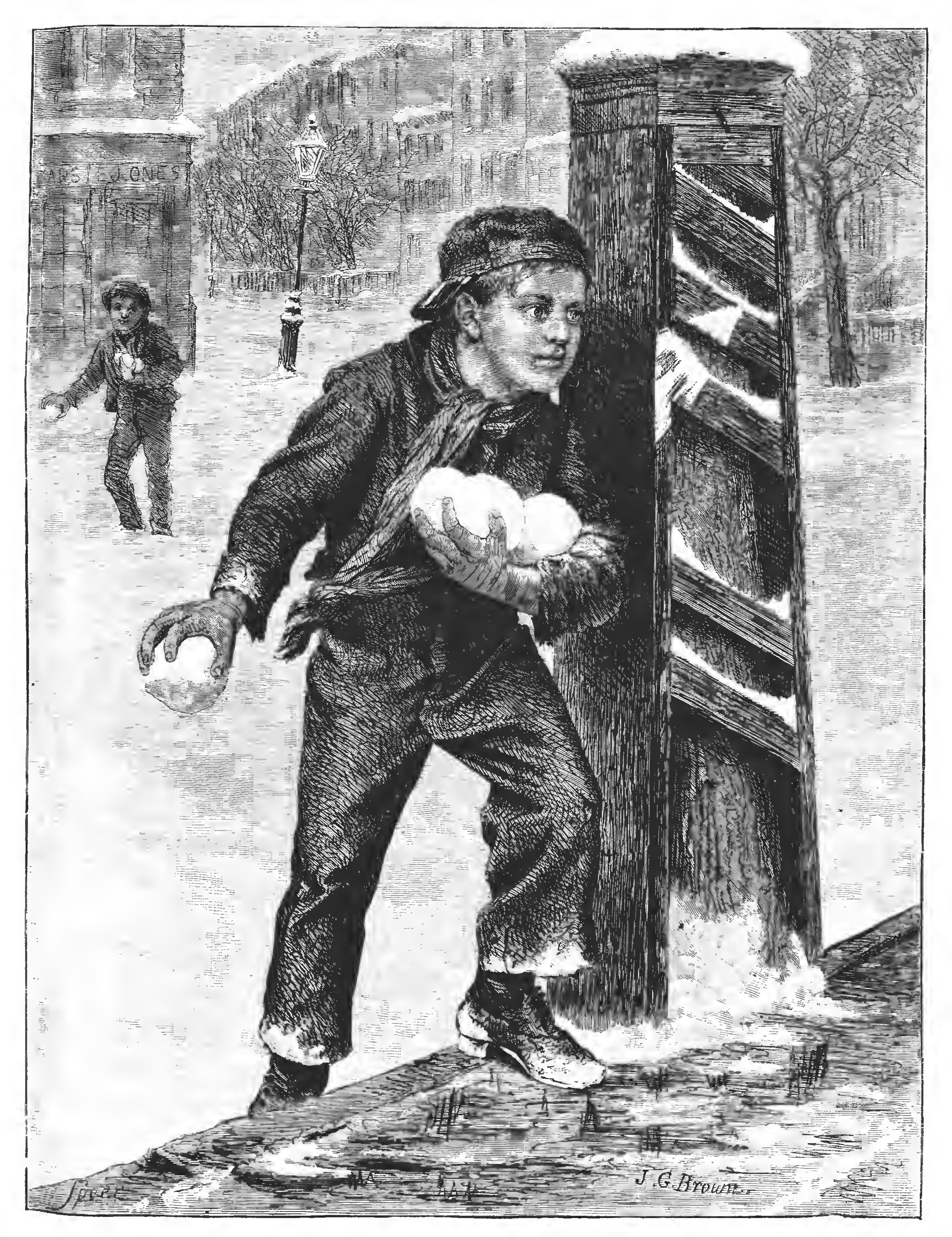
Давидъ сталъ искать потомковъ невинныхъ жертвъ, и старался смягчить ихъ гнѣвъ различными приношеніями; но они отвергли золото и серебро, и требовали чтобы семеро сыновей Саула были умерщвлены и распяты передъ Габой, мѣстомъ рожденія ихъ отца.

И такъ, царь выдалъ Габаонитамъ Армарія и Мефизобета, сыновей Ресфы, которыхъ она имѣла отъ Саула, и пятерыхъ сыновей Меробы, дочери его; и всѣ они, передъ началомъ жатвы, въ присутствіи Ковчега Завѣта, были распяты на горѣ Габайской.

Ресфа постлала верблюжью кожу на скалу, и рѣшилась не покидать этого мѣста, чтобы удалять отъ распятыхъ днемъ птицъ небесныхъ, и хищныхъ звѣрей ночью, до тѣхъ поръ, пока не упадетъ на землю дождь.

Узнавъ объ отчаяніи Ресфы, Давидъ обѣщалъ немедленно послѣ того какъ умилостивленное небо ниспошлетъ на землю дождь, соединить тѣла распятыхъ съ прахомъ Саула въ склепѣ предковъ, что и было имъ исполнено.

Прибавимъ еще, что сюжетъ этотъ послужилъ темой Ванделю, великому голландскому поэту, для одной изъ его трагедій, подъ заглавіемъ «De Gebroeders« (Братья), которая была играеа въ 1640 году.

Снѣжки. Рисов. П. Н Браунъ, гравир. Шперъ.

Снѣжки.

Этотъ бойкій мальчуганъ ,сидя въ классѣ, не могъ дождаться когда кончится скучный урокъ. Учитель ему что то объяснялъ и писалъ на доскѣ мѣломъ, но буквы прыгали передъ глазами мальчика, сердце билось нетерпѣливо. Онъ былъ всѣмъ сердцемъ и душою не здѣсь, не въ душной комнатѣ, а тамъ, на улицѣ... Сегодня выпалъ первый снѣгъ. Подъ синимъ яркимъ зимнимъ небомъ снѣгъ лежитъ такими яркими бѣлыми хлопьями вездѣ и сверкаетъ звѣздочками на солнцѣ. Въ воображеніи мальчика возникаютъ тѣ пещеры, которыхъ онъ надѣлаетъ въ снѣгу, и снѣжные человѣчки, которымъ вмѣсто глазъ вставитъ онъ уголья и привяжетъ имъ бороды... И какъ онъ будетъ играть въ снѣжки! Какъ пріятно вдыхать полной грудью свѣжій, холодный воздухъ, бѣжать, попадать въ товарищей и ловко увертываться!.. А горы, а катанье съ горъ! О это цѣлый міръ зимнихъ удовольствій...

И вотъ онъ вырвался изъ класса. Миловидное румяное лицо мальчика дышетъ оживленіемъ и здоровьемъ. Глаза разгорѣлись. Въ пылу бѣготни и одушевленія борьбы сбилась на бокъ фуражка... Онъ хватается за фонарный столбъ, цѣлится и комъ снѣгу, ловко пущенный, къ его восторгу, залѣпляетъ такое же румяное и оживленное какъ его, лицо его маленькаго товарища.

Одесская желѣзная дорога.

Несчастіе на Тилигульской насыпи.

Безпорядки, разнаго рода неустройства, соображенія экономическія во всемъ, что напротивъ должно бы быть предметомъ раціональныхъ издержекъ, важныхъ по своей производительности и своимъ хорошимъ для дѣла результатамъ,—вотъ къ сожалѣнію отличительный характеръ нашихъ концессіонерныхъ желѣзнодорожныхъ эксплуатацій. И все это могло бы быть терпимо, если бы ограничивалось тѣмъ, что не раня никого, въ вагонахъ проваливаются потолки, въ локомотивныхъ сараяхъ разваливаются арки, станціи при сильномъ дождѣ захлебываются и тонутъ въ грязи, почти повсемѣстно не хватаетъ балласта, щебня, путь всюду плохой: открывается напримѣръ движеніе по какой-нибудь скороспѣлой линіи, а служащему негдѣ головы преклонить; телеграфисты спятъ въ дежурной комнатѣ, начальники станціи на диванахъ въ пассажирскихъ залахъ, машинисты на паровозахъ; начинается просьба отправителей: дайте вагоны—вагоновъ не даютъ; шлются депеши; тамъ балластъ вѣтромъ выдуло (не былъ покрытъ щебнемъ), тамъ дала осадку насыпь, тамъ вырвало трубу, тамъ развалилась мастерская, придавивъ механика и работника, тамъ налили въ бакъ воды, который, казалось бы для воды и сдѣланъ, а однако таки отъ этого затрещало зданіе; мѣстами цѣлыя мастерскія представляются на подпоркахъ, лопалось по нѣсколько арокъ разомъ; паровозъ проваливается въ одномъ, да и не въ одномъ даже мѣстѣ въ кочегарную яму, которая ни съ того, ни съ сего развалилась, обратившись въ кучу мусора; водопроводы не дѣйствуютъ, или выстроена, напримѣръ, платформа, чтобы на нее складывать товаръ, а она, не принявъ не единаго фунта товара, вдругъ разваливается, причемъ хотятъ насъ обморочить, относя это разрушеніе къ дѣйствію атмосферическаго давленія; наконецъ то трещатъ, то валятся мосты. Но высчитывать всѣ тѣ неисправности, какія на нашихъ концессіонерныхъ дорогахъ совершаются, невозможно.

Нѣтъ ничего мудренаго послѣ всего этого (извлеченнаго здѣсь нами изъ многихъ сотенъ случаевъ, опубликованныхъ неоднократно въ нашихъ частныхъ, и даже офиціальныхъ органахъ), что довѣріе публики къ этого рода желѣзнымъ путямъ съ паровымъ движеніемъ значительно поколебалось и что, сложившаяся сначала какъ бы въ шутку, а потомъ уже къ горю нашему сдѣлавшаяся далеко не шуткою, замѣтка о томъ, что необходимо заботиться о своемъ духовномъ завѣщаніи, рѣшаясь совершить какой-либо переѣздъ по той или другой концессіонерной желѣзной дорогѣ. Справедливая эта замѣтка въ основаніи своемъ обусловливалась тѣмъ горькимъ фактомъ, что нѣтъ почти дня, чтобы рубрика „происшествія на желѣзныхъ дорогахъ", сдѣлавшаяся непремѣнною принадлежностью современной журнальной прессы, не заявляла о какой либо болѣе или менѣе печальной случайности, принимающей болѣе или менѣе значительные размѣры настоящей катастрофы. Этимъ катастрофамъ съ пожарами вагоновъ, съ соскакиваніемъ съ рельсовъ всего поѣзда, съ мучительными остановками поѣздовъ среди степи въ снѣгахъ и дебряхъ, и пр. и пр. нѣтъ числа. Многія изъ этихъ желѣзнодорожныхъ катастрофъ уже стоили жизни изрядному числу людей. И все это вносилось, до сихъ поръ, въ списокъ обыкновенныхъ несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ, которые неразлучны съ этимъ дѣломъ, что, конечно, очень легко. Всѣ эти несчастія зависѣли отъ людской небрежности, равнодушія и неисполненія желѣзнодорожнымъ персоналомъ своего долга. Всегда вся отвѣтственность падала на машиниста, дорожнаго мастера, соединителя поѣздовъ, стрѣлочника, даже на кочегара. И затѣмъ никакія мѣры для избѣжанія подобныхъ кровавотрагическихъ случайностей, пользующихся общимъ терминомъ „желѣзнодорожныхъ катастрофъ", не предпринимались эксплуатацiею, а господа эксплуататоры лишь опять, можетъ быть, придумывали новыя средства къ различнымъ экономическимъ устройствамъ, писали строгія (на бумагѣ) циркуляры и приказы своимъ подчиненнымъ и предавались спокойно сну.

Но вотъ что совершилось 24-го декабря прошлаго 1875 года на Одесской дорогѣ, которую въ 1864 г. началъ строить баронъ Унгернъ-Штернбергъ, и которая впослѣдствіи была передана въ вѣдѣніе Русскаго Черноморскаго Общества Торговли и Пароходства. Однако общество это, какъ извѣстно изъ его отчетовъ, несетъ отъ этой дороги громадныя потери (нынѣшняя цѣна акцій 39 р. 50 к., номинальная же 100 рублей), вознаграждаемыя имъ по возможности различными экономическими, не только не практическими, но даже вполнѣ вредными для дѣла комбинаціями.

Это желѣзнодорожное событіе, совершившееся 24-го декабря 1875 года, послужило какъ бы финаломъ прошедшаго года. Въ сравненіи съ этою катастрофою Одесской желѣзной дороги блѣднѣютъ всѣ этого рода случаи, бывшіе на нашихъ дорогахъ. Одесская или Бирзульская (по имени одной изъ станцій) катастрофа была передъ Рождествомъ, въ самый сочельникъ, въ 10 часовъ утра, не доѣзжая 186-й версты отъ города Одессы и въ 10 верстахъ отъ балтскаго воксала, на тилигульской насыпи, знаменитой по своей негодности, стоимости и неоднократно уже бывшимъ на ней несчастіямъ. Поѣздъ состоялъ изъ 26 вагоновъ, въ томъ

числѣ было 11 пассажирскихъ, наполненныхъ новобранцами, слѣдовавшими въ Бендеры изъ Харьковской губерніи (партія зміевская) и изъ Кіевской губерніи (партія уманьская), всего 419 человѣкъ. Затѣмъ было 15 платформъ, нагруженныхъ кулями зерноваго хлѣба. Поѣздъ этотъ шелъ со стороны станціи Балты, гдѣ на вышеупомянутой тилигульской насыпи, безъ вѣдома начальниковъ сосѣднихъ станцій, единственно по распоряженію желѣзнодорожнаго мастера, было сорвано нѣсколько рельсовъ, для замѣны ихъ новыми. Предосторожности успѣли принять лишь съ одной стороны, именно со стороны станціи Бирзулы, тѣмъ, что въ трехстахъ шагахъ отъ того роковаго мѣста гдѣ назначено было судьбою совершиться крушенію поѣзда, былъ поставленъ сигналистъ съ краснымъ флагомъ и на рельсы, были наложены петарды. Но со стороны Балты, съ которой именно и шелъ поѣздъ, никакихъ этого рода мѣръ принято не было. Утро было морозное, хотя и свѣтлое. Желѣзно-дорожный сторожъ около самой насыпи, висящей на 22 сажени надъ уровнемъ полотна, дремалъ и ждалъ поѣзда. Холодъ, извѣстное дѣло, всегда клонитъ ко сну; сторожъ все крѣпче завертывался въ свой тулупъ, ничего не слыша. Рабочіе, перекладывавшіе рельсы, первые увидѣли несущійся на всѣхъ парахъ поѣздъ, въ разстояніи не далѣе ста шаговъ (поѣздъ вышелъ изъ за крутаго поворота). Крикъ рабочихъ, обращенный къ машинисту поѣзда, чтобъ остановить поѣздъ, — заставляетъ машиниста, въ свою очередь, крикнуть, что есть силы застывшему сторожу: „Прохоровъ! сигналъ опасности!" Но бѣдный Прохоровъ дремлетъ, не слыша даже свистковъ локомотива. Машинистъ далъ однако контръ-паръ, но за всѣмъ тѣмъ сильно разбѣжавшійся поѣздъ продолжалъ быстро нестись. причемъ однако поѣздная прислуга, въ лицѣ четырехъ кондукторовъ, истопника и этого самаго машиниста успѣла спрыгнуть съ поѣзда, который шумомъ своимъ разбудилъ сторожа и сдѣлалъ его свидѣтелемъ ужасной дѣйствительности, которую несчастный принималъ за сновидѣніе. Онъ видитъ машину и слышитъ какъ она загромыхала по шпаламъ... сигналъ подавать уже поздно: все кругомъ, трещитъ, шипитъ, ломается, воетъ и стонетъ. Чудовище-паровозъ повертываетъ въ сторону, шатается, ложится на бокъ и валится съ насыпи въ 22 сажени высоты въ ровъ, увлекая съ собой весь поѣздъ съ нѣсколькими сотнями людей. Несчастіе было на самой срединѣ насыпи, и именно на той части, гдѣ подъ самою насыпью сдѣлана каменная арка. Локомотивъ кверху колесами упалъ первымъ и между имъ и аркой образовалось пространство, въ которое и падали остальные вагоны, одинъ разбивая другой; наконецъ туда же упали и платформы съ кулями хлѣба. Въ одинъ мигъ отъ топившихся въ вагонахъ печей начался пожаръ, при довольно значительномъ вѣтрѣ: арка служила трубой для тяги, и пламя быстро охватывало какъ уже убитыхъ, совершенно исковерканныхъ, такъ болѣе или менѣе жестоко раненыхъ и изувѣченныхъ и, наконецъ, счастливцевъ, случайно оставшихся невредимыми. По изъ этихъ послѣднихъ спаслись однако не всѣ. Нѣкоторые были придавлены слегка, а со всѣмъ тѣмъ погибли въ пламени. Положеніе ихъ было конечно ужаснѣе положенія всѣхъ другихъ, потому что находясь въ полномъ сознаніи, они должны были наблюдать постепенное приближеніе мучительнѣйшей изъ смертей. У этихъ несчастныхъ. какъ разсказывали впослѣдствіи очевидцы, горѣла сначала нога, рука и уже потомъ, когда огонь касался груди, наступала для нихъ, столь желанная ими смерть; въ ихъ положеніи, въ этомъ *желѣзнодорожномъ ауто-да-фе*, можно было считать счастьемъ, если дымъ и пламя охватывали всего человѣка разомъ... каждый изъ нихъ могъ отъ души позавидовать рядомъ лежавшему товарищу убитому на повалъ или мгновенно превращенному въ обуглившійся черный трупъ.

Трудно себѣ представить что нибудь ужаснѣе той картины, какую представляла пропасть въ этотъ моментъ! Вагоны разбились въ дребезги, опрокинутыя печи разбросали горѣвшія уголья, и вся эта ужасно-безобразная груда остатковъ поѣзда, перемѣшанныхъ съ людьми, охватилась вдругъ пламенемъ. Изъ подъ нея раздавались стоны раненыхъ и отчаянные крики людей, оставшихся еще въ живыхъ и дѣлавшихъ неимовѣрныя усилія, чтобы освободиться изъ подъ пылавшихъ обломковъ. Большая часть поѣзда сгорѣла. Хрипѣніе умиравшихъ, стоны раненыхъ, отчаянные возгласы горѣвшихъ и неимѣвшихъ возможности сдвинуться съ мѣста, и наконецъ горячія молитвы какъ-то чудотворно спасшихся счастливцевъ,— все это соединеніи съ краснымъ заревомъ пламени и черными клубами густаго дыма, безлюдная снѣжная украинская степь на которой свободно тогда разгуливалъ порывистый вѣтеръ, еще болѣе развивавшій пожаръ—представляло потрясающую картину изобразить которую не только трудно, да и невозможно, ни словами, ни перомъ, ни даже кистью. Лица, посѣтившія немедленно мѣсто этого безпримѣрнаго происшествія, передавали въ газетахъ, что никакое воображеніе даже приблизительно не съумѣетъ представить всѣ ужасы этого разрушенія.

Изъ числа 419-ти человѣкъ новобранцевъ пострадали 120 человѣкъ, въ томъ числѣ: 3 убиты на повалъ, 63 сгорѣли и 54 болѣе или менѣе опасно ранены. Сверхъ того изъ числа сгорѣвшихъ одинъ партіонный унтеръ-офицеръ, одинъ кочегаръ и проѣзжавшій въ этомъ поѣздѣ одинъ изъ дорожныхъ мастеровъ, не тотъ, который распоряжался снятіемъ рельсовъ.—Вскорѣ послѣ катастрофы 24 декабря положеніе разбитаго поѣзда было слѣдующее: у входа каменной трубы, съ лѣвой стороны пути, въ рвѣ, на самомъ днѣ, лежалъ паровозъ съ тендеромъ вверхъ колесами и на нихъ навалены желѣзныя части сгорѣвшихъ 16 товарныхъ и 11 пассажирскихъ вагоновъ; два же разбитые кузова пассажирскихъ вагоновъ—валялись на откосѣ. Около десяти дней сряду 40 слесарей и 20 рабочихъ разбирали по частямъ эти скученныя части и, по мѣрѣ разборки, вынимали обгорѣлые человѣческіе остатки. Результатами этихъ страшныхъ раскопокъ было то, что 6-го января изъ Одессы вывезено было 48 гробовъ на мѣсто тилигульской катастрофы для погребенія погибшихъ новобранцевъ, трупы которыхъ съ 24-го декабря лежали въ наскоро устроенномъ досчатомъ баракѣ, засыпанномъ сверху снѣгомъ, что тѣла этихъ несчастныхъ были заморожены.—Января 9-го происходило на Тилигулѣ ихъ погребеніе. Однихъ костей набралось на 11 гробовъ. При совершеніи этого печальнаго обряда присутствовали: инженеръ-генералъ генералъ-лейтенантъ Серебряковъ, инспекторъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, командированный тотчасъ послѣ происшествія изъ Петербурга, для производенія на мѣстѣ слѣдствія, а съ нимъ тутъ-же находились и г. Чихачевъ, начальникъ эксплуатаціи желѣзной дороги и директоръ русскаго общества торговли и пароходства.

По поводу этого погребенія жертвъ катастрофы 24-го декабря въ с. Талигулѣ, корреспондентъ одной изъ нашихъ петербургскихъ газетъ замѣтилъ, что: „Одесская желѣзная дорога обогащается по своей линіи кладбищами: теперь ихъ будетъ уже два для напоминанія проѣзжающимъ, что ѣхать по одесской желѣзной дорогѣ не всегда значитъ—поѣхать и остаться живымъ".

Мѣстныя власти, повидимому, довольно быстро распорядились помѣстить всѣхъ раненыхъ въ одесскія больницы, и вскорѣ тамошная печать („Одесскій Листокъ объявленій") сообщила, что состояніе ихъ здоровья не возбуждаетъ опасеній, за исключеніемъ двухъ умершихъ отъ ранъ. Относительно перваго изъ ране-

ныхъ составленъ судебно-медицинскій актъ: всѣ такіе акты отправлены къ судебному слѣдователю, производящему предварительное слѣдствіе о причинахъ катастрофы. Что касается до тѣхъ около 200 человѣкъ новобранцевъ, которые, по волѣ провидѣнія, уцѣлѣли, хотя у нѣкоторыхъ послѣ катастрофы и оказались довольно сильные нервическіе припадки, порожденные испугомъ, то они были немедленно размѣщены по окрестнымъ деревнямъ у мѣстныхъ крестьянъ, впредь до возможности отправить ихъ къ пунктамъ ихъ служебнаго назначенія. Само собою разумѣется, что какъ пользованіе и содержаніе раненыхъ въ городскихъ больницахъ, такъ продовольствіе здоровыхъ по квартирамъ— принято желѣзнодорожнымъ управленіемъ на свой счетъ. Независимо отъ этого расхода желѣзнодорожное управленіе, по предложенію генерала Серебрякова, ассигновало по 200 р. на каждое семейство погибшихъ новобранцевъ, считая, вѣроятно, этимъ грошевымъ пожертвованіемъ себя расквитавшимся за ту ужасную утрату, какая оказалась, благодаря этому случаю въ столькихъ семьяхъ.

Въ настоящее время уже и такой оффиціальный органъ нашей печати, какъ „Вѣстникъ Желѣзныхъ Дорогъ и Пароходства" говоритъ открыто о послѣдствіяхъ разслѣдованія, сдѣланнаго инспекторомъ желѣзныхъ дорогъ инженеръ-генералъ - лейтенантомъ А. А. Серебряковымъ. Изъ рапорта его министру путей сообщенія усматривается, что поѣздъ № 5-й съ новобранцами былъ правильный, предвидѣнный въ росписаніи, но выпущенный съ балтской станціи часомъ ранѣе противъ росписанія, по ложному толкованію § 58-го правилъ движенія, изданныхъ министерствомъ: у обоихъ концовъ тилигульской насыпи, существовали платформы (мѣста остановокъ) съ сигнальными телеграфными постами, но такія, незадолго до происшествія *съ экономическою цѣлью* (!!!) уничтожены. Сверхъ того генералъ Серебряковъ убѣдился, что управляющій одесскою желѣзною дорогой, баронъ Унгернъ-Штернбергъ, никакой самостоятельности по управленію дороги не имѣетъ и что всѣ распоряженія по эксплуатаціи исходитъ отъ Чихачева. Фактически виновниками происшествія А. А. Серебряковъ признаетъ дорожнаго мастера, самоуправно распорядившагося во вредъ дѣлу, и машиниста, дѣйствовавшаго безъ достаточной находчивости и энергіи.—Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", по поводу этого обстоятельства, сказано, что ближайшимъ виновникомъ оказался дорожный мастеръ. Онъ и былъ немедленно арестованъ, Сперва онъ не сознавался, что, перемѣняя рельсы, удалился погрѣться въ сторожевую будку, но потомъ сознался, хоть и утверждалъ, что ему не было извѣстно о томъ, что въ то время долженъ былъ проходить поѣздъ. Его начальство утверждаетъ, однако, что дорожный мастеръ былъ поставленъ въ извѣстность о приходѣ поѣзда. Затѣмъ слѣдствіемъ было обнаружено, что предостерегательные снаряды не были поставлены въ достаточномъ количествѣ. Перваго флага, который долженъ былъ стоять въ 300 саженяхъ отъ опаснаго мѣста, не оказалось, а найденъ былъ лишь второй флагъ, поставленный въ 125-ти саженяхъ, котораго, вслѣдствіе мятели, машинистъ, вѣроятно не замѣтилъ. *При недостаточномъ числѣ прислуги* на поѣздѣ нельзя было затормозить поѣздъ и остановить его.

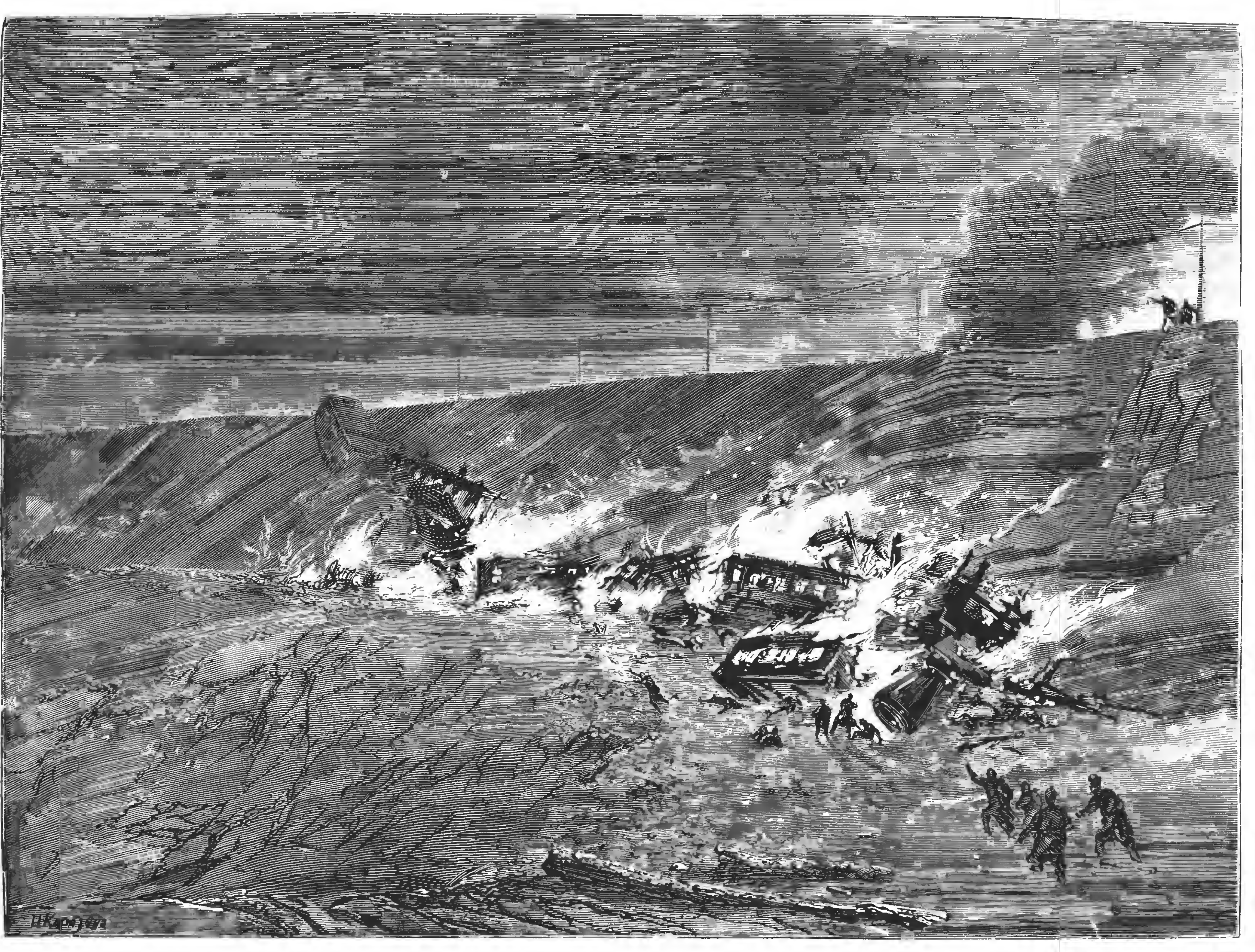
Директоръ пароходнаго общества и de facto начальникъ желѣзнорожной эксплуатаціи г. Чихачевъ, какъ видно изъ одесскихъ газетъ, получилъ по телеграфу увѣдомленіе отъ министра путей сообщенія съ выраженіемъ крайняго неудовольствія, Его Превосходительства па поводу крушенія, вслѣдствіе чего и пронесся уже слухъ о выходѣ г. Чихачева въ отставку.

Достойно вниманія, что наша пресса, особенно петербургская, вся какъ одинъ человѣкъ, забывъ всѣ взаимныя несогласія и недоразумѣнія, возстала дружно противъ дѣйствій одесской желѣзнодорожной администраціи и доказала всю несостоятельность ея экономіи, которой, нѣтъ никакого сомнѣнія,—Россія обязана нынѣшнею катастрофою, такъ какъ вслѣдствіе этой экономіи, телеграфныя станціи по концамъ тилигульской насыпи, столь тутъ необходимыя, были сняты, будто бы какъ совершенно безполезныя и вводящія общество лишь въ излишніе расходы, тогда какъ самая тилигульская насыпь, поглотившая устройствомъ и ремонтомъ своимъ нѣсколько сотъ непроизводительныхъ тысячъ, есть по истинѣ одно изъ безобразнѣйшихъ и нелѣпѣйшихъ сооруженій изъ иловатой глины, присыпанной по угламъ ядра и изъ слоя песку, лежащаго на верху, чрезъ что эта тилигульская насыпь — мѣсто постоянныхъ обваловъ, о чемъ весьма компетентно и съ полнымъ знаніемъ дѣла говоритъ подобно г. Войковскій въ 1 выпускѣ 1-го т. „Инженерн. Записокъ".

Независимо отъ того оказывается, какъ видно изъ газетныхъ корреспонденцій, что на полотнѣ Одесской дороги большая часть рельсовъ до того стары и негодны, что съ каждымъ поѣздомъ можетъ повториться такая же точно катастрофа, какая къ общему прискорбію совершилась столь для многихъ такъ злополучно, 24-го декабря прошлаго 1875 года.

Событіе это, понятно одно изъ выходящихъ изъ ряда вонъ и представляетъ собою крайне безотрадное явленіе. Поѣзду Одесской дороги ввѣренъ былъ цвѣтъ молодежи мѣстнаго населенія, съ которымъ деревня, ихъ выростившая, разставалась ради интересовъ государственной охраны. Только что удѣленныя въ армію эти лучшія молодыя силы мѣстнаго населенія были безполезно изуродованы и мученически уничтожены на этой дорогѣ. Въ настоящее время уже доказано, что несчастіе это произошло по оплошности и небрежности служащихъ на дорогѣ, а главное, по причинѣ неумѣстной и даже вредной экономіи ея администраціи, которая, доводя до полмилліона рублей свои расходы на вознагражденіе членовъ общества пароходства и желѣзной дороги, въ тоже время, сократила между прочими своими сокращеніями расходъ по содержанію телеграфа на тилигульской насыпи, не превышавшій 1500—2000 рублей въ годъ. Какой же отвѣтъ за этотъ подвигъ дастъ Одесская желѣзная дорога? Неужели само желѣзнодорожное общество останется внѣ всякой отвѣтственности?

Печать наша въ настоящемъ случаѣ, болѣе чѣмъ когда нибудь, служитъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, настаивающаго на томъ, чтобы наконецъ была установлена правильная юридическая отвѣтственность желѣзныхъ дорогъ передъ гражданскимъ обществомъ и частными лицами. Это воззваніе общее, относительно всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, но исключительно относительно этой, именно Одесской желѣзной дороги, высказывается то положительное мнѣніе, что теперь, когда югъ Россіи почти весь перерѣзанъ желѣзными дорогами, Одесская дорога находится въ рукахъ пароходнаго общества, которое, не будучи въ состояніи поднять ея значеніе, можетъ однако, опираясь на свой уставъ, вредить другимъ южнымъ дорогамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ можетъ тормозить и даже непремѣнно теперь уже тормозитъ всѣ мѣры, направленныя къ скорѣйшему развитію Севастополя. Вслѣдствіе всего этого, какъ полагаютъ компетентные судьи въ этомъ дѣлѣ, давно пора и крайне желательно совершить отдѣленіе Одесской желѣзной дороги отъ общества пароходства и торговли.

Одесская желѣзная дорога. Несчастіе на Тилигульской насыпи. Черезъ 10 м. послѣ катастрофы. Съ наброска нашего корресп. рис. П. Каразинъ, грав. К. Вейерманъ.

Отъ пирамидъ до Сенъ-Готардскаго туннеля.

Взглядъ на прошедшее и настоящее инженерныхъ наукъ.

I.

Когда населеніе земнаго шара было еще весьма незначительно, и состояло изъ отдѣльныхъ общинъ разсѣянныхъ на далекихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, случаи сообщенія между обществами, и людьми бывали очень рѣдки, или такого сообщенія вовсе не существовало. Случалось, далѣе, что разныя открытія и плоды многолѣтнихъ, сопряженныхъ съ упорнымъ трудомъ опытовъ, пропадали, когда разрушалась община, которая владѣла ими. Такимъ образомъ изобрѣтенія, могущія облагодѣтельствовать все человѣчество, безслѣдно погибали для него, и оно должно было доходить до нихъ сызнова.

Древніе египтяне, напримѣръ, умѣли выплавливать различнѣйшіе металлы изъ необработанной руды. Они отлично знали металлургію. Но въ продолжительный періодъ упадка, послѣдовавшій за золотымъ вѣкомъ цивилизаціи, искусство это стало также падать. Искусство бронзировать желѣзо, сдѣлавшееся извѣстнымъ намъ только недавно, было знакомо еще древнимъ ассиріянамъ. Въ новѣйшее время у насъ зашла рѣчь объ новомъ изобрѣтеніи—изготовленіи небьющагося, гибкаго стекла, но такое стекло было изобрѣтено еще при Императорѣ Тиверіѣ. Тогда, по свидѣтельству Плинія, мастерская изобрѣтателя была разрушена, вслѣдствіе опасенія, чтобы новое изобрѣтеніе не лишило цѣнности такіе металлы какъ мѣдь, серебро и золото.

Наши техники постоянно дѣлали грубую ошибку, не обращая вниманія на исторію открытій. Въ продолжительныхъ совѣщаніяхъ и толкахъ, предшествовавшихъ окончанію Суэзскаго канала, главную роль играло мнѣніе, что между поверхностями Чермнаго и Средиземнаго морей существуетъ разница уровня десять метровъ. Лапласъ объявилъ, правда, что это невозможно, такъ какъ уровень морской поверхности на нашей землѣ вездѣ одинаковъ. Между тѣмъ инженеры настаивали на вѣрности своихъ измѣреній, хотя еще въ древности возникали подобные же споры, кончавшіеся не въ пользу послѣдняго мнѣнія. Когда въ древности задумали прорыть Коринѳскій перешеекъ; что было около 2000 лѣтъ тому назадъ, тогдашніе инженеры также подняли было вопросъ о неодинаковомъ уровнѣ морскихъ поверхностей, но и тогда предположеніе это было оспорено Страбономъ, опиравшимся въ своихъ доводахъ на теорію Архимеда.

Въ то время, натурально, число людей науки было чрезвычайно ограничено, вслѣдствіе чего математики, равно какъ астрономы, жрецы, ваятели и художники, принуждены были для общественной пользы, исполнять работы, которыя теперь предоставляются ремесленникамъ. Съ успѣхами цивилизаціи и съ накопленіемъ могущества и богатства въ одномъ мѣстѣ, является раздѣленіе рабочихъ силъ; владѣтели и короли, стремясь къ славѣ и роскоши, начинаютъ строить великолѣпные дворцы, храмы и колоссальныя гробницы. Должность придворнаго архитектора дѣлается одною изъ самыхъ почетныхъ и доходныхъ. Такъ, мы видимъ въ одной изъ древнѣйшихъ египетскихъ каменоломней, родословное древо одного придворнаго архитектора Птамстиха, доходящее до 23 поколѣній. Всѣ его предки занимали высокія должности въ кассѣ жрецовъ, будучи въ тоже время придворными архитекторами—насколько выигрывало отъ этого строительное искусство, конечно не извѣстно. За 700 лѣтъ до нашей эры, въ Ассиріи были королевскіе архитекторы, что намъ совершенно точно извѣстно изъ древнихъ надписей. Что же касается до древне-римскихъ архитекторовъ, то объ нихъ мы можемъ судить по тѣмъ величественнымъ зданіямъ, какія сохранились до нашаго времени, служа образцами современной архитектуры.

На равнѣ съ архитектурой развивалось на востокѣ и инженерное искусство. Развилось ли послѣднее у халдеевъ и вавилонянъ самостоятельно, или они заимствовали его отъ древнихъ египтянъ—вопросъ этотъ не рѣшенъ положительно. Оба народа занимались земледѣліемъ, живя въ пересѣкаемыхъ большими рѣками долинахъ, которыя ничего не требовали кромѣ орошенія, чтобы дать баснословную жатву. Въ виду этой потребности, уже покрайней мѣрѣ 4000 лѣтъ тому назадъ, были изобрѣтаемы остроумныя сооруженія для орошеній, остатки которыхъ приводятъ насъ въ изумленіе, хотя имена древнихъ инженеровъ, значеніемъ которыхъ онѣ были созданы, давно забыты.

Религіозные мотивы, часто побуждавшіе въ тѣ времена къ сооруженію величественныхъ зданій вмѣстѣ съ тѣмъ способствовали и развитію инженернаго искусства. Для храмовъ и священныхъ зданій выбирали самые большіе и самые крѣпкіе камни, для того чтобы они могли противустоять времени. Чтобы доставить ихъ изъ каменоломень на мѣсто постройки, требовалась большая помощь со стороны инженера, а тотъ въ свою очередь не могъ обойтись безъ металлическихъ дѣлъ мастера, доставлявшаго перевозочныя орудія. Такимъ образомъ религіозные мотивы давали толчокъ архитектурѣ, инженернымъ каткамъ и выдѣлкѣ металловъ.

Древнѣйшія каменныя постройки, время возникновенія которыхъ мы можемъ приблизительно опредѣлить, это пирамиды Гизеха. Эти священныя зданія были священнѣе самихъ храмовъ и воздвигались для того, чтобы хранить въ нихъ земные останки королей, въ которые по древне-египетскому вѣрованію, по истеченіи 3000 лѣтъ, должны вернуться эти царскія души. Построенныя за 5000 лѣтъ тому назадъ стѣны пирамидъ, благодаря благопріятнымъ условіямъ египетскаго климата совершенно сохранились. Это поражаетъ всякаго кто ихъ видитъ, какъ чудо. Именно самыя-то древнія пирамиды Гизеха, сохранились лучше новѣйшихъ. На постройку ихъ шли громадныя гранитныя глыбы, часто свыше 12 метровъ длины и больше 6000 центнеровъ вѣсу, также приводящія въ изумленіе зрителя. Неограниченно должно было быть число человѣческихъ рукъ, какими располагали египетскіе цари для перевозки нужныхъ для этихъ построекъ камней. Статуя Рамзеса Великаго, имѣющая 1600 центнеровъ вѣсу, также тащилась на мѣсто людьми, какъ мы это видимъ на картинахъ прекрасно сохранившихся фресковъ.

Но по мѣрѣ того какъ возрастаетъ масса требующаго перевозки матерьяла, и размѣры его становятся все колоссальнѣе и колоссальнѣе, простая человѣческая сила отступаетъ передъ громадностью труда. Одной силы мускуловъ уже не достаточно. Когда надо было доставить въ Петербургъ гранитную глыбу для памятника Петра Великаго, въ 24,000 центнеровъ вѣсу, разумѣется не было недостатка въ рабочей силѣ, но желѣзные вальцы на которыхъ катили этого каменнаго колосса не выдержали, ихъ надо было замѣнить болѣе твердымъ металломъ. Древніе же египтяне, для доставки своихъ колоссальныхъ камней и гигантскихъ статуй, всякій разъ строили отъ береговъ Нила до мѣста постройки гранитныя мостовыя, и Геродотъ, видѣвшій эти дороги, удивляется имъ еще больше чѣмъ самимъ пирамидамъ.

По дошедшимъ до насъ картинамъ, мы знаемъ способъ, какимъ древніе египтяне передвигали свои колоссальныя статуи, но мы не имѣемъ никакихъ указаній на то какъ воздвигали они свои высокіе, вѣсившіе по 8000 центнеровъ, обелиски—задача еще болѣе трудная чѣмъ доставка камней. И другіе народы воздвигали подобные же менгиры, но ни одинъ изъ нихъ не достигали вышины сооруженій древнихъ обитателей нильской долины. Египетскіе обелиски, стоящіе теперь въ Парижѣ и Римѣ, суть высочайшіе изъ этого рода памятниковъ, находящихся въ Европѣ. Въ храмахъ Ваала, построенныхъ во время римскаго владычества, мы находимъ величайшіе камни, какіе употреблялись со временъ фараоновыхъ построекъ, но все же не доходящіе до величины послѣднихъ. Въ террасѣ одного храма длина камней не превышаетъ десяти метровъ, а одна плита, лежащая въ каменоломнѣ, имѣетъ до 21 метра длины. Передвиженіе всѣхъ этихъ тяжестей, разумѣется постоянно должно было наводить на мысль о замѣнѣ человѣческаго труда *механической* силой. Но осуществленіе этой мысли зависѣло отъ металловъ.

Часто задавался вопросъ, была ли древнимъ египтянамъ извѣстна *сталь*; по нашему мнѣнію нѣтъ никакого основанія отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно. Съ желѣзомъ всѣ извѣстные намъ народы были знакомы съ самыхъ раннихъ историческихъ временъ; объ немъ часто упоминается въ Библіи и у Гомера. На фрескахъ древне-египетскихъ гробницъ въ Ѳивахъ мы видимъ мясниковъ, точащихъ ножи о куски металла, выкрашеннаго голубой краской и весьма вѣроятно изображающаго сталь. Въ австрійскихъ развалинахъ дворцовъ, нашли массу желѣза, и клинообразныя надписи говорятъ о желѣзныхъ цѣпяхъ плѣнныхъ. Нашли даже кусокъ желѣза въ большой пирамидѣ, гдѣ онъ долженъ былъ пролежать 5000 лѣтъ! Можно сказать, что это не совсѣмъ обыкновенная прочность для металла, который такъ легко уничтожается вслѣдствіе ржавчины.

Желѣзо, добываемое въ настоящее время неграми просто выплавкой руды древеснымъ углемъ, всего ближе стоитъ къ нашему кузнечному желѣзу; такимъ же или подобнымъ ему, должны мы себѣ представить и то желѣзо, которое незатѣйливымъ способомъ изготовляли древніе египтяне. Но такое желѣзо требуетъ небольшой примѣси углерода, чтобы изъ него вышла сталь. Часто даже въ простыхъ глиняныхъ печахъ негровъ, нечаянно получается сталь. Почему же она должна была оставаться неизвѣстной древнимъ египтянамъ? Они изготовляли ее и употребляли при своихъ превосходныхъ работахъ, какъ принимаютъ и многіе ученые археологи.

Вторымъ двигателемъ нашей промышленности и техники, есть *уголь*. Уже въ 1611 г. въ Англіи былъ выданъ патентъ на выплавку желѣзной руды каменнымъ углемъ; но лишь съ прошлаго столѣтія этотъ способъ вошелъ тамъ въ общее употребленіе. До тѣхъ поръ употребляли для этого древесный уголь, служащій въ нѣкоторыхъ лѣсистыхъ мѣстахъ Германіи еще и понынѣ для выдѣлки превосходнаго желѣза но только съ введеніемъ каменнаго угля, выдѣлка желѣза приняла свои на-

стоящіе громадные размѣры. Приведемъ здѣсь нѣсколько цифръ, которыя лучше всякихъ словъ покажутъ въ какой степени возрастало добываніе угля и желѣза. Слѣдующія цифры относятся къ добыванію угля въ метрическихъ тоннахъ по 20 таможенныхъ центнеровъ.

	1860:	1862:
Въ Великобританіи	80.706,391	125.473,273
» Германіи	12.347,828	42.324,469
» Соединенныхъ Штатахъ	9.388,758	41.491,135
» Франціи	8.303,700	15.900,000
» Бельгіи	9.610,895	15.658,948
» Австро-Венгріи	3.503,895	10.443,998
Итого:	123.861,467	251.291,823

Изъ этихъ цифръ, какъ онѣ изображаютъ производство главныхъ центровъ, выводится прямое заключеніе, что въ теченіе 12 лѣтъ, добываніе и спросъ на каменный уголь болѣе чѣмъ *удвоились*. Объяснить это явленіе весьма легко: съ одной стороны тутъ дѣйствуетъ постоянное, неудержимое вытѣсненіе ручной работы и мелкой промышленности машинами и фабричнымъ производствомъ, съ другой стороны колоссальнымъ развитіемъ желѣзно-дорожнаго и пароходнаго сообщеній. Не смотря на то, что добываніе каменнаго угля необычайно увеличилось во всѣхъ частяхъ свѣта, продуктъ этотъ не удешевился, а напротивъ сталъ дороже, и все таки находитъ громадный сбытъ. Если приблизительно только исчислить стоимость угля, добываемаго въ Европѣ, то получится колоссальная сумма въ 646 милліоновъ рублей. Если же эту самую оцѣнку приложить къ внѣ европейскому добыванію угля, то окажется, что всего угля добывается на землѣ ежегодно на сумму около 800 милльоновъ рублей. Но эта оцѣнка сдѣлана по цѣнамъ, по какимъ продается уголь на самыхъ копяхъ; такъ что уголь, употребляемый въ промышленности и городахъ, представляетъ, разумѣется, еще гораздо большую денежную стоимость.

Рядомъ съ увеличеніемъ размѣровъ добыванія каменнаго угля, идетъ развитіе *желѣзнаго производства*. Причины, связывающія между собой этихъ двухъ гигантовъ всемірной индустріи, слишкомъ понятны, чтобы требовать разъясненія. Съ 1866 года добываніе сыраго желѣза возрасло до такихъ размѣровъ, объ какихъ всего лучше можно судить изъ сопоставленія соотвѣтствующихъ цифръ. Въ теченіе 1868 г. производство желѣза равнялось всего 10½ милліонамъ тоннъ, въ 1873 оно возрасло до 15 милльоновъ тоннъ или 300 милльоновъ центнеровъ. Чтобы показать какую часть въ народныхъ доходахъ составляетъ желѣзное производство, мы приведемъ здѣсь приблизительную оцѣнку произведенныхъ въ Европѣ желѣзныхъ фабрикатовъ. Изъ добытыхъ въ 1873 г. въ Европѣ 228 милльоновъ центнеровъ сыраго желѣза, было выдѣлано около 30 милліоновъ центнеровъ литаго желѣза, около 24 милльоновъ центнеровъ стали и 150 милльоновъ центнеровъ различнаго полосоваго желѣза, жести и проч. Если среднимъ числомъ оцѣнить эти продукты по самымъ низкимъ цѣнамъ, напримѣръ литое желѣзо по 3 рубля, сталь по 6 рублей, полосовое желѣзо, жесть и проч. по 4 рубля за центнеръ, то стоимость годоваго производства желѣза въ Европѣ будетъ равняться приблизительно 1000 милльонамъ рублей. Сюда слѣдуетъ еще прибавить производство Соединенныхъ Штатовъ, простирающееся до 640 милльоновъ марокъ, а производство всѣхъ частей свѣта вмѣстѣ дойдетъ приблизительно до 1266 милльоновъ рублей ежегодно.

Въ желѣзѣ, добываемомъ при помощи каменнаго угля въ такихъ громадныхъ массахъ, мы имѣемъ въ наше время строительный матерьялъ, роль котораго, какъ строительной части, и не подозрѣвали древніе. Впрочемъ, надо чтобы металлъ этотъ, получившій такое примѣненіе только нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, выдержалъ свою пробу, потому что еще неизвѣстно, можетъ ли онъ поспорить прочностью съ строительными веществами древности, которыя, безъ всякой обработки человѣческихъ рукъ, брались ими прямо изъ нѣдръ матери земли.

Въ Египтѣ, какъ мы видѣли, строительное искусство за 5000 лѣтъ тому назадъ находилось уже на высокой степени процвѣтанія; однимъ тысячелѣтіемъ позже, въ плодородной странѣ Тигра и Ефрата достигло высокаго совершенства искусство *кирпичныхъ* построекъ. Зданія изъ обожженной глины, построенныя въ тѣ времена и сохранившіяся по нынѣ, служатъ доказательствомъ высокаго совершенства техники во время ихъ сооруженія. Если великолѣпные дворцы и храмы Месопотаміи лежатъ передъ нами въ развалинахъ, то въ этомъ виноваты не ихъ строители: три тысячелѣтія они служили сосѣднимъ народамъ каменоломнями, и драгоцѣнные орнаменты, или кирпичи, на которыхъ написаны клинообразными письменами имена ассирійскихъ и вавилонскихъ царей, вдѣланы въ дома городскихъ жителей по берегамъ Ефрата и Тигра.

Постройка этихъ вавилонскихъ и ассирійскихъ храмовъ и дворцовъ требовала баснословнаго труда. Одна насыпь, открытая раскопками Лэйарда, содержала 14½ милльоновъ тоннъ (по 20 центнеровъ) кирпича и кирпичнаго щебня, и требовала по самому умѣренному разсчету двѣнадцатилѣтней работы 10,000 человѣкъ. Дворецъ Сенахерима, построенный на этомъ искуственномъ возвышеніи, былъ по всей вѣроятности величайшій изъ дворцовъ древности: стѣны его шли на полчаса пути; всѣ онѣ были обложены алебастровыми плитами прекрасной лѣпной работы; къ самому дворцу вели двадцать семь великолѣпныхъ порталовъ съ колоссальными фигурами быковъ и сфинксовъ съ каждой стороны.

Но если вспомнить о несмѣтномъ количествѣ рабочихъ силъ, какими неограниченно располагали властители тѣхъ страхъ, то сооруженіе этихъ гигантскихъ построекъ теряетъ часть своей баснословности. Населенія цѣлыхъ странъ уводились единственно для прихоти царя, задумавшаго какую-либо постройку. Что разсказываетъ намъ Библія объ раскрашиваніи кирпичей, которымъ былъ занятъ народъ израильскій въ Газенѣ, даетъ намъ вѣрную картину того, какъ цѣлые народы употреблялись на подобныя постройки. Въ ассирійскихъ клинообразныхъ рукописяхъ подробно обозначена военная добыча и число плѣнныхъ послѣ каждой войны, и часто упоминается о работахъ, произведенныхъ плѣнными. Геродотъ разсказываетъ, что при постройкѣ Санхерибскаго дворца работало 360,000 человѣкъ. Какой организаторскій талантъ нужно было имѣть, чтобы руководить такой массой людей.

Но творцы тѣхъ удивительныхъ храмовъ и дворцовъ, какіе мы видимъ еще и теперь въ Египтѣ и Мессопотаміи, занимались также и другими постройками, имѣвшими практическую пользу. Во времена фараоновъ, Египетъ имѣлъ лучшее орошеніе чѣмъ теперь; между тѣмъ создать *систему орошенія* задача нелегкая и требуетъ основательныхъ познаній въ инженерныхъ наукахъ. Древнимъ египтянамъ положительно было извѣстно искусство нивеллировки и снятія плановъ. Озеро Морисъ было однимъ изъ величайшихъ гидравлическихъ созданій Египта, резервуаръ, принимавшій въ себя весь избытокъ водъ Нила, и въ случаѣ нужды разливавшій ихъ на окрестности. Теперь еще мы съ изумленіемъ смотримъ на остатки древнихъ шлюзовъ этого регулятора нильскихъ водъ, который былъ твореніемъ Аменемха III, прозваннаго «морскимъ царемъ». Каналы сооружались какъ для орошенія, такъ равнымъ образомъ и для судоходства.

(Окончаніе будетъ).

Смѣсь.

Юбилей павіана. Берлинская газета сообщаетъ слѣдующія подробности о праздновании одного весьма оригинальнаго юбилея: «Въ среду 8-го октября праздновался, со всѣми подобающими юбиляру почестями, въ извѣстномъ дѣтскомъ циркѣ Брекмана, 25-ти лѣтній юбилей службы смѣлаго ѣздока высшей школы, обьязьяны-павіана Мумми, произведеннаго по случаю этого дня въ шталмейстеры»... Дѣти, наполнявшія циркъ, выказывали по этому поводу самую необузданную веселость. Во время «африканскаго ужина», почтенный ветеранъ, силы котораго совсѣмъ еще не ослабѣли, сидѣлъ за украшеннымъ цвѣтами столомъ, на почетномъ мѣстѣ, и съ весьма важнымъ видомъ принималъ подносимыя ему двойныя порціи лакомствъ. «Тушъ», которымъ привѣтствовалъ его оркестръ, ни мало не сбилъ его съ толку. Не было недостатка и въ обычныхъ поздравительныхъ телеграммахъ. Веселый секретарь цирка, г. Петеръ, прочиталъ два поздравленія, полученныя по телеграфу юбиляромъ, г. шталмейстеромъ Мумми, въ томъ числѣ одно отъ «заключенныхъ въ Гамбургѣ 69 обезьянъ», возбудившее со стороны дѣтей взрывъ неудержимаго хохота. Дрессированныя собаки, коза Гинора, испытаннаго искусства, слонъ и лошади, дрессированныя на свободѣ, отличались на славу; въ заключеніе маститый «юбиляръ» появился еще разъ въ качествѣ шталмейстера и ѣздилъ на лошади высшей школы съ свойственнымъ ему спокойствіемъ. Празднество не обошлось, конечно, безъ вѣнковъ и лакомствъ, брошенныхъ юбиляру «публикою».

Съ почтовыхъ марокъ, уже бывшихъ разъ въ употребленіи, въ Америкѣ обыкновенно смываютъ почтовый штемпель и снова пускаютъ ихъ въ обращеніе, чрезъ что правительству соединенныхъ штатовъ наносится ежегодный убытокъ въ милліонъ долларовъ. Во избѣжаніе этаго, правительство старается отыскать такія чернила или такую краску, которыя невозможно было бы смыть. Болѣе 4,000 образцовъ чернилъ и краски были предложены для этой цѣли правительству, которое передало марки, перечеркнутыя ими, профессору Тонри для испытанія. До сихъ поръ ни одна изъ марокъ не выдержала испытанія, такъ какъ профессоръ могъ въ теченіе часа счистить 30 изъ нихъ. Большинство испытанныхъ до настоящаго времени чернилъ имѣютъ своимъ основаніемъ анилиновыя краски или желѣзо. Тѣ, основаніемъ въ которыхъ служилъ уголь, выводились всего труднѣе. Многіе сорты чернилъ могли быть смываемы съ помощью воды и мыла. Употребленіе чернилъ, химическій составъ которыхъ одинаковъ съ составомъ красокъ, употребляемыхъ для печатанія марокъ, или же чисто механическое

поврежденіе послѣднихъ, единственныя, какъ кажется средства, могущія предохранить почтовое управленіе отъ упомянутыхъ выше убытковъ.

Новая Калифорнія. Въ Америкѣ, между Спрингомъ и Ранядъ Крикомъ, открыта новая обѣтованная земля—новый золотоносный край. Говорятъ, что тамъ такое изобиліе золота, какого нигдѣ еще не встрѣчали, а кромѣ того — этотъ край богатъ водой и роскошной флорой, что значительно облегчаетъ работы золотопромышленниковъ. Весь слой между черноземомъ и лежащимъ подъ нимъ скалистымъ грунтомъ переполненъ золотомъ, и американцы туда стремятся съ такимъ рвеніемъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно встрѣтить 300—800 и даже 1,000—1,500 искателей богатствъ. Край этотъ уже раздѣленъ на участки между золотопромышленниками, и капитанъ Доджъ занялъ окрестности двумя эскадронами кавалеріи, для защиты каравана профессора Дженни, производящаго тамъ геологическія развѣдки. Но едва ли этому отряду удастся удержать сіуксовъ въ почтительномъ отдаленіи, и вѣроятно скоро возобновится рѣзня, ибо не смотря на то, что этотъ край вашингтонскимъ правительствомъ признанъ собственностію сіуксовъ, бѣлые все-таки туда стремятся толпами, побуждаемые «золотою горячкой».

Счастіе въ несчастіи. Арабская газета «Зедра», издающаяся въ Багдадѣ, передаетъ слѣдующій анекдотъ о персидскомъ шахѣ. Насръ-Эддинъ смѣнилъ недавно намѣстника одной провинціи, такъ какъ былъ недоволенъ имъ; впрочемъ, онъ обѣщался имѣть его въ виду для назначенія на другое мѣсто. Черезъ нѣсколько недѣль является къ бывшему намѣстнику мнимый служитель шаха и передаетъ ему, вѣроятно съ цѣлью получить хорошую награду, фирманъ отъ шаха, назначающій его снова намѣстникомъ одной провинціи. Бывшій намѣстникъ, обрадованный тѣмъ, что снова пріобрѣлъ милость «царя царей», тотчасъ же поспѣшилъ во дворецъ къ шаху, чтобы благодарить его за свое новое назначеніе. При этомъ оказалось, что фирманъ былъ подложный. Къ счастью шахъ, бывшій тогда случайно въ хорошемъ расположеніи духа, посмѣялся надъ этимъ происшествіемъ и выдалъ оторопѣвшему намѣстнику другой фирманъ, которымъ дѣйствительно назначилъ его намѣстникомъ одной провинціи.

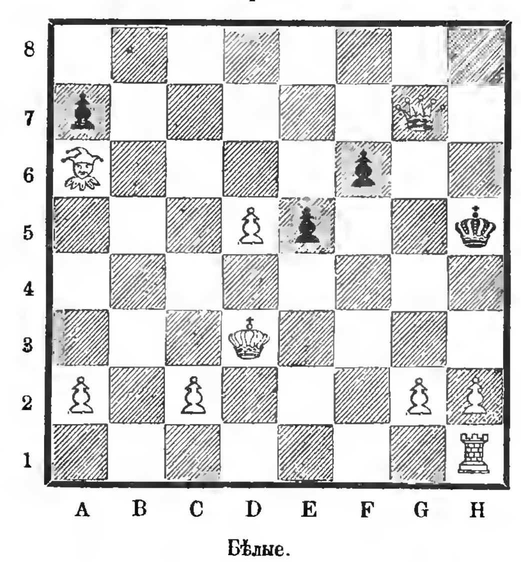
ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

— Вотъ, кружимся, вертимся, словно мельница!
— Вѣрно, Иванъ Кузьмичъ! За то въ прошломъ году и довертѣлись до мельницы...
— Да, братъ, сгорѣло да... не выгорѣло!

ЗАДАЧА

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

РѢШЕНІЕ.

Задачи въ «Нивѣ» № 4.

Бѣлые.	Черные.
1) d3 — c5 +	1) d6 — c5°
2) d2 — d3 ××	

Разныя извѣстія.

Дѣла церкви.

— Къ числу реформъ по духовному вѣдомству, стоящихъ на очереди, принадлежитъ реформа нашихъ монастырей. Слышно, что всѣ монастыри, какъ мужскіе, такъ и женскіе, предполагается обратить въ общежительные, причемъ монашествующей братіи будетъ разрѣшено избирать себѣ настоятелей; со введеніемъ общежитій въ монастыряхъ и съ предоставленіемъ имъ избирать изъ своей среды настоятелей, всѣ монастыри, состоящіе въ непосредственномъ управленіи епархіальныхъ и викарныхъ архіереевъ, предполагается отчислить отъ ихъ управленій и затѣмъ, всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, согласно церковнымъ постановленіямъ, вмѣнить въ обязанность жить при каѳедральныхъ соборахъ въ архіерейскихъ домахъ. Что-же касается викарныхъ архіереевъ, живущихъ въ епархіальныхъ городахъ, то они, по прежнему, будутъ имѣть пребываніе въ монастыряхъ, но уже безъ управленія оными.

Дѣйствія правительства.

Именные указы, данные правительствующему сенату:

1875 года, января 1-го. Нашему генералъ-адъютанту, вице-адмиралу *Попову I*, Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ адмиралтействъ-совѣта, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и въ прежнихъ должностяхъ.

Правительствующій сенатъ не оставитъ сдѣлать по сему надлежащее распоряженіе.

Января 9-го. Состоящему при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, свиты нашей генералъ-маіору князю *Шаховскому-Глѣбову-Стрѣшневу* Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть тамбовскимъ губернаторомъ, съ оставленіемъ въ свитѣ нашей и въ генеральномъ штабѣ.

Января 12-го. Товарищу управляющаго морскимъ министерствомъ, генералъ-адъютанту, вице-адмиралу *Лесовскому* Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть управляющимъ морскимъ министерствомъ, съ оставленіемъ въ званія генералъ-адъютанта.

Правительствующій сенатъ не оставитъ сдѣлать по сему надлежащее распоряженіе.

— Государь Императоръ Высочайше по-

Опечатка.

Редакція, желая своевременно помѣстить въ «Нивѣ» рисунокъ, изображающій катастрофу на Одесской желѣзной дорогѣ и статью «Отъ пирамидъ до Сенъ-Готтардскаго туннеля», откладываетъ помѣщенную въ № 5-мъ и обозначенную въ содержаніи статью «Библіографія», съ 4-мя рисунками, до слѣдующаго номера.

Продолженіе въ прибавл. на стр. 89 и 90.

велѣть соизволилъ: на фуражкахъ гражданскихъ чиновъ военнаго вѣдомства (кромѣ медицинскихъ) имѣть присвоенную имъ кокарду не на околышкѣ, а надъ нимъ, спереди, по срединѣ тульи.

Военное дѣло.

— Изъ Андиджана. Многочисленныя непріятельскія скопища, съ Абдурахманомъ-автобачи во главѣ, говоритъ «Русск. Инв.», сосредочились въ Андиджанѣ, жители котораго рѣшились отчаянно защищаться. Андиджанъ сталъ главнымъ оплотомъ партіи войни 4-го января произведена рекогносцировка сѣверной и восточной окраинъ города, указавшая выгодную артиллерійскую позицію у Акъ-Чакмака. Рекогносцировка была встрѣчена живымъ огнемъ непріятеля. 7-го чис. отрядъ переведенъ усиленнымъ переходомъ отъ Мусульманъ-кулъ-арыка на высоты къ Акъ-Чакмаку. Избѣгая кровопролитія, два раза было послано въ городъ предложеніе о сдачѣ; второй посланный зарѣзанъ. 8-го января, утромъ, взятъ штурмомъ пригородный кишлакъ Ескиликъ, чѣмъ и обезпечено расположеніе артиллеріи. Тотчасъ-же приступлено къ обстрѣливанію города; выпущено 500 снарядовъ, а въ 12 часовъ дня двинуты въ городъ штурмовыя колонны генеральнаго штаба полковника Пичугина, флигель-адъютанта ротмистра барона Меллера-Закомельскаго, 1-го стрѣлковаго баталіона капитана Іонова, подъ общимъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго; резервная колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіора Скобелева. Колонны овладѣли центромъ города и высотой Гуль-тюбе. Немедленно же, подъ руководствомъ туркестанской саперной роты штабсъ-капитана Церпицкаго, устроена батарея, съ которой на слѣдующее утро артиллерія наша продолжала громить городъ. Колонны, двинутыя 9-го числа впередъ, уже не встрѣтили сопротивленія; городъ занятъ. Потеря наша ограничивается: убитыми—два нижнихъ чина; ранеными: одинъ офицеръ и шесть нижнихъ чиновъ. Потеря непріятеля громадная. Объясняется это тѣмъ, что непріятель не угадалъ фронта атаки, сосредоточился густыми массами на другой сторонѣ, подвергся дѣйствію нашей артиллеріи и приведенъ въ панику, послѣдствіемъ чего было занятіе сильной наружной ограды и приведеннаго въ крѣпкое оборонительное состояніе города съ относительно малымъ урономъ. Скопища и жители бѣжали въ Асаке. 10-го января генералъ Скобелевъ занялъ дворецъ внутри города, гдѣ было отслужено благодарственное молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору. Окрестные кишлаки изъявили покорность; жители Андиджана начинаютъ возвращаться.

— «Русск. Міръ» передаетъ, что въ военномъ министерствѣ, въ дополненіе къ правиламъ о сверхсрочной службѣ унтеръ-офицеровъ, выработывается, въ настоящее время, вопросъ о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ, которыя предполагается выдавать лицамъ, прослужившимъ на вторичной службѣ опредѣленное число лѣтъ.

Морское дѣло.

— Изъ Виндавы сообщаютъ въ «Кроншт. Вѣстн.», что крейсерскою флотиліею сдѣланы въ послѣднее время значительныя услуги мѣстной морской торговлѣ и виндавскимъ жителямъ. Такъ, крейсеръ этой флотиліи, шхуна «Зоркая», оказала помощь двумъ коммерческимъ судамъ, потерпѣвшимъ у города Виндавы бѣдствіе, за что виндавскіе коммерсанты высказываютъ полную признательность командиру этого судна, капитанъ-лейтенанту Нелидову. Команда той же шхуны оказала большую помощь при тушеніи вспыхнувшаго въ городѣ Виндавѣ пожара. Во время этого пожара, благодаря принятымъ капитанъ-лейтенантомъ Нелидовымъ мѣрамъ и привезенной съ судна пожарной помпѣ, удалось остановить губительное дѣйствіе огня.

Литература.

— «Русскій Міръ» передаетъ, что нашъ высокоталантливый романистъ Ѳ. М. Достоевскій предполагаетъ въ теченіе настоящаго года издавать ежемѣсячными выпусками «Дневникъ писателя».

Послѣ краткаго предисловія, авторъ предполагаетъ перейти къ вопросу о современныхъ дѣтяхъ. Вопросъ этотъ на столько важенъ, а наблюдательность и талантъ автора настолько извѣстны, что мы, безъ сомнѣнія, будемъ имѣть случай познакомиться съ весьма серьезными мыслями и выводами. О дѣтяхъ вообще, о дѣтяхъ съ отцами, о дѣтяхъ безъ отцовъ въ особенности, о дѣтяхъ богатыхъ и бѣдныхъ, о дѣтяхъ-преступникахъ— вотъ канва автора.

Затѣмъ, «Дневникъ писателя» будетъ заключать въ себѣ бесѣду о слышанномъ и прочитанномъ, обо всемъ, остановившемъ на себѣ вниманіе автора въ теченіе мѣсяца

Такимъ образомъ, «Дневникъ» является какъ бы большимъ фельетономъ, съ тою только важною разницей, что фельетонъ, за мѣсяцъ, касается извѣстнаго событія уже не какъ новости дня, а можетъ даже представить серьезный выводъ изъ этого событія и указать на его связь съ общимъ движеніемъ.

Мы привѣтствуемъ мысль Ѳ. М. Достоевскаго объ изданіи «Дневника» въ такой формѣ самыми лучшими пожеланіями. Свободная бесѣда художника-психолога, затрогивающая самыя разнообразныя явленія нашей общественной и нравственной жизни, по нашему мнѣнію, можетъ и должна получить важное и полезное значеніе.

— Въ концѣ января появятся въ печати «Историческія изслѣдованія и статьи К. П. Побѣдоносцева Безъ сомнѣнія, книга эта, при серьезной учености и талантливости почтеннаго автора, составитъ весьма важный вкладъ въ нашу литературу.

— На-дняхъ долженъ появиться отдѣльнымъ изданіемъ новый романъ Ѳ. М. Достоевскаго «Подростокъ».

Народное образованіе.

Въ «Русскій Міръ» пишутъ изъ Варшавы, что въ началѣ настоящаго учебнаго года въ Варшавскомъ университетѣ состояло всего 466 студентовъ, въ томъ числѣ: на историко-филологическомъ факультетѣ (самомъ малочисленномъ всегда)—33 чел., физико-математическомъ—51, юридическомъ—164 и медицинскомъ (самомъ многочисленномъ)—218 человѣкъ. Кромѣ того, допущено къ слушанію лекцій постороннихъ слушателей—33 человѣка и фармацевтовъ 1-го курса—83, а втораго курса—84 человѣка.

— Та же газета слышала, что на разсмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія поступило ходатайство о разрѣшеніи устройства въ Одессѣ частнаго института новыхъ языковъ, съ цѣлью дать желающимъ лицамъ возможность, при небольшихъ расходахъ, изучить эти языки. Предполагается преподаваніе русскаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго и англійскаго языковъ, и кромѣ ихъ, будутъ преподаваемы древніе языки—латинскій и греческій. Преподаваніе каждаго языка имѣетъ быть раздѣлено на три курса, каждый курсъ въ пять мѣсяцевъ, по разсчету трехъ уроковъ въ недѣлю. Плата за курсъ назначается въ десять рублей, причемъ недостаточныя лица вовсе освобождаются отъ платы.

Слухи и извѣстія.

„St.-Petersburger Herold" передаетъ, что по слухамъ, проектъ о преобразованіи министерства государственныхъ имуществъ будетъ внесенъ въ государственный совѣтъ около 1-го іюля. Сама реформа будетъ введена не ранѣе 1-го января 1877 года. По проекту, предполагается упраздненіе всѣхъ палатъ государственныхъ имуществъ, замѣненіе ихъ окружными управленіями, завѣдывающими каждое нѣсколькими губерніями. Управленіе дѣлами по земельному устройству крестьянъ, сосредоточеное теперь въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и во временномъ отдѣленіи министерства государственныхъ имуществъ, будетъ передано въ вѣдомство послѣдняго.

— Судя по извѣстіямъ изъ Берлина, тамъ серьезно начинаютъ заниматься Россіею. Такъ, напр., редакція офиціозной „Сѣверо-Германской Всеобщей газеты", желая посвятить болѣе мѣста русскимъ дѣламъ, пригласила въ редакторы „русскаго отдѣла" своей газеты барона фонъ-деръ-Брюггена, лифляндскаго дворянина-литератора, бывшаго редактора издающагося въ Ригѣ журнала „Baltische Monatsschrift".

— «Моск. Вѣд.» сообщаютъ, что распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія удержано преподаваніе латинскаго языка для желающихъ въ кишиневской женской гимназіи, а расходъ на вознагражденіе преподавателя взятъ на счетъ министерства.

Банкротство.

— По поводу несостоятельностей въ Ригѣ сообщаютъ газеты что въ Берлинѣ находился 26-го (14) января, въ сильномъ затрудненіи одинъ торговый домъ, ведущій товарную торговлю, который, вѣроятно, въ самомъ непродолжительномъ времени объявитъ себя несостоятельнымъ. Фирма эта состояла въ оживленныхъ вексельныхъ сношеніяхъ съ павшимъ рижскимъ домомъ Лессера и Ко. По случаю означенныхъ вексельныхъ сдѣлокъ, пассивъ этой фирмы будетъ, вѣроятно, довольно значителенъ.

О несостоятельностяхъ въ Ригѣ въ ту же газету пишутъ, что у двухъ павшихъ фирмъ (Шеплера и Лессера) активы превышаютъ пассивы номинально, такъ что многія обязательства не реализированы вовсе или могутъ быть реализированы съ трудомъ. Потому, полнаго удовлетворенія кредиторовъ не предвидится.

Въ передовой статьѣ, по поводу банковаго переполоха въ Ригѣ, напечатанной въ № 14 «Бирж. Вѣд.», было сказано, что «акціи рижскаго коммерческаго банка заложены въ большомъ количествѣ въ здѣшнихъ банкахъ, которые, потери». На послѣдней петербургской биржѣ дѣйствительно большая часть банковыхъ акцій понизилась въ цѣнѣ по причинѣ опасеній за потери петербургскихъ банковъ отъ рижскихъ несостоятельностей. По этому поводу биржевой хроникеръ «Journal de S.-tPèter bourg», отлично знающій положеніе дѣлъ въ нашихъ банкахъ, замѣчаетъ, что опасенія эти ни на чемъ не основаны.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Въ контору редакціи журнала «Нива» поступили пожертвованія въ пользу жертвъ возстанія въ Герцеговинѣ отъ слѣдующихъ лицъ: *Ал-ва*, въ Таганрогѣ, 4 р. 50 к.; *Бл-ва*, въ Сарапулѣ—50 к.; *М—ко*, въ Новобаязетѣ—50 к.; *Гд—го*, въ Богуславѣ—50 к.: *Ил—ва*, въ с. Экишевѣ—50 к.; *Ки—рва*, въ Тотьмѣ 50 к; *Ил--го*, на ст. Вербье—50.; *Б ва*, въ Тулѣ—50 к.; *Кон--ва*, въ Зарайскѣ—1 р. 50 к; *Кер—ра*, въ Тираснолѣ—50 к.; *Б—ко*, въ Кутаисѣ—50 к.: *К—на*, на ст. Зимиха—2 р. 50 к.: *Я—ва*, въ Великихъ Лукахъ—50 к. и *Э-та*—3 р.; *всего* 16 руб. 50 коп., которые сданы въ Главное Управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ 20-го января 1876 года, подъ квитанцію за № 141.

СОДЕРЖАНІЕ. Николай Михайловичъ **Языковъ** (съ портретомъ).—**Въ домѣ коммерціи совѣтника.** Повѣсть **Э. Марлитта.** (Продолженіе).—**Маленькая герцеговинка** стихотвореніе (съ рисункомъ). Б.—**Ресфа, защищающая тѣла своихъ сыновей отъ хищныхъ птицъ** (съ рисункомъ).—**Снѣжки** (съ рисункомъ).—**Библіографія** (съ 4-мя рисунками). — Смѣсь. — **Юмористическіе очерки** (съ рисункомъ). — Шахматы. — Разныя извѣстія. — Почтовый ящикъ.—Прибавленіе.—Объявленія.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ,

№ 12. Невскій проспектъ, напротивъ Малой Морской. **№ 12.**

Покупаетъ и продаетъ по биржевой цѣнѣ всякаго рода процентныя бумаги, акціи, золото, серебро и иностранныя монеты.

Принимаетъ порученія на покупку и продажу таковыхъ на здѣшней и иностранныхъ биржахъ, взимая за то ⅛% коммисіи.

Выдаетъ ссуды въ возможно-высокомъ размѣрѣ, подъ залогъ процентныхъ бумагъ и билетовъ 5% съ выигрышами займовъ на срокъ отъ 1-го до 12 мѣсяцевъ.

Уплата ссудъ можетъ производиться или разомъ, или ежемѣсячными взносами.

Заложенныя въ другихъ банковыхъ учрежденіяхъ бумаги могутъ быть выкупаемы конторою и перезакладываемы у нея съ увеличеніемъ ссуды.

Заемщики изъ провинціи могутъ высылать бумаги по почтѣ на имя конторы, и контора немедленно высылаетъ деньги в залоговое обязательство по указанному адресу.

Контора принимаетъ денежные вклады и платитъ за деньги, внесенныя:

на текущій счетъ	6%
на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ	7%
на срокъ не менѣе 6-ти и до 12-ти мѣсяцовъ.	8%

Расчетъ процентовъ по текущему счету производится 4 раза въ годъ, а именно: 1-го Января, 1-го Апрѣля, 1-го Іюля и 1-го Октября; за вклады же на срокъ проценты уплачиваются впередъ.

Капиталъ, отданный конторѣ на извѣстный срокъ, можетъ быть, по желанію вкладчика, возвращенъ и до истеченія срока черезъ 8 дней по заявленіи за вычетомъ процентовъ въ размѣрѣ 3-хъ годовыхъ выше платимыхъ конторою процентовъ при вкладѣ.

Для членовъ, имѣющихъ деньги въ конторѣ на текущемъ счету, послѣдняя исполняетъ всѣ биржевыя операціи, не взимая за то коммисіи.

Вкладчики изъ провинціи, желающіе внести деньги на текущій счотъ, могутъ присылать по почтѣ и имъ высылается тотчасъ надлежащее свидѣтельство.

Контора страхуетъ отъ тиражей погашенія билеты обоихъ внутреннихъ 5% съ выигрышами займовъ по 40 копѣекъ за билетъ, для иногороднихъ по 50 коп.

Отъ частныхъ банковъ и банкирскихъ конторъ въ провинціи, контора, по прежнему, принимаетъ перестраховку принятыхъ ими на страховку билетовъ. Объ условіяхъ обратиться къ конторѣ.

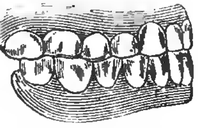
Продаетъ билеты 5% съ выигрышами обоихъ займовъ съ разсрочкою платежа по 10 рублей и болѣе въ мѣсяцъ,

причомъ могущій упасть, со времени полученія конторою задатка, на купонный билетъ выигрышъ принадлежитъ покупателю.

Порученія изъ провинціи исполняются безотлагательно.

Лица, желающія состоять агентами конторы въ провинціи, могутъ заявить о томъ конторѣ съ указаніемъ, гдѣ можно справиться объ ихъ благонадежности. 5—2

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Карлъ   **Баухъ,**

жительствующій по Большой Морской, домъ Росмана № 9,

приготовляетъ искуственные зубы по новѣйшей американской методѣ, съ многолѣтнимъ ручательствомъ за прочность и удобство, и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч., на умѣренныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ 6—2

СИБИРСКІЯ ПРОТИВЪ ЗУБНОЙ БОЛИ КАПЛИ, Л. ГИРШГОРНА.

Во всѣхъ извѣстныхъ аптекахъ въ Петербургѣ; также у Рульковіуса и Гольма, въ Казанской, на углу Демидова пер. и въ Русскомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами у Полицейскаго моста, въ домѣ Башмакова. Цѣна 75 коп. 6—3

СѢМЕНА.

Огородныя, цвѣточныя, хлѣбныя, травяныя и проч. а также садовые инструменты предлагаетъ гг. любителямъ садоводства и сельскимъ хозяевамъ

вновь открытая сѣменная торговля

А. Ушакова

въ С.-Петербургѣ, Большая Конюшенная д. 1 гдѣ Зимній садъ его же.

Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно. 6 2

2 руб., 12 каб. портретовъ — уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50 29

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 35. 26—3

Годъ шестой

НАСТОЛЬНАЯ
ПРИХОДОРАСХОДНАЯ КНИГА И КАЛЕНДАРЬ
на 1876 годъ.

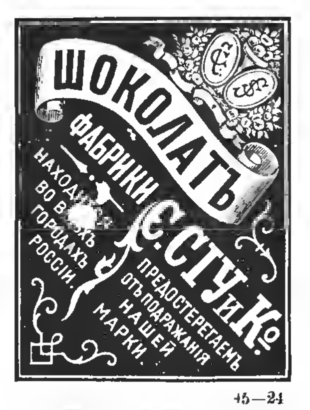
Послѣ отчетливо напечатанныхъ святцовъ и особо табельныхъ дней заключаетъ въ себѣ раздѣленные на графы листки съ заголовками всевозможныхъ предметовъ ежедневнаго расхода, въ которые остается вставлять только цифры. Книга для удобства хозяевъ и хозяекъ приспособлена такъ, что итоги каждаго дня помѣщаются рядомъ, одинъ послѣ другаго, и тѣмъ даютъ возможность ежедневно провѣрять свои расходы, а въ концѣ листковъ образуются итоги мѣсячныхъ расходовъ. По простотѣ изложенія и по практичности своей, книга эта необходима для каждаго желающаго правильно вести свое хозяйство и тѣмъ соблюсти свою экономію. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 45 коп. и въ изящномъ коленк. перепл. 70 коп.; съ перес. брошюр. 1 экз.—45 коп.; 6 экз.—2 р. 10 к., 10 экз.—3 руб. 20 коп. На пересылку экземпляра въ папкѣ и въ переплетѣ прилагается вѣсовыхъ по разстоянію за одинъ фунтъ. Иногороднымъ книгопродавцамъ дѣлается значительная уступка. Адресъ издателя, П. А. Александрова: въ С.-Петербургѣ, въ зданіи Почтамта, возлѣ арки, входъ подъ воротами, кв. № 32. Также продается у книгопродавцовъ С.-Петербурга и Москвы и въ бумажныхъ лавкахъ. 2—2

Въ книжныхъ магазин. С.-Петербурга и Москвы поступили въ продажу

сочиненія В. А. БЕККЕРА:

1) **Хариклъ,** сцены изъ жизни древнихъ Грековъ, ц. 1 р. 25 к., въ каленк. переп. 1 р. 75 к.

2) **Галлъ,** сцены изъ римской жизни временъ Августа, ц. 1 р., въ коленк. пер. 1 р. 50 к.

45—24

ДЛЯ ПРИДАНАГО въ магазинѣ **«ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ»** (въ С.-Петерб., Лит. просп. д. № 57). Можно получить всю обстановку кухни отъ 50 руб. и дороже, кромѣ того имѣется большой выборъ различныхъ предметовъ, необходимыхъ въ домашнемъ хозяйствѣ, а также и галантерейные товары. Цѣны весьма умѣренныя, такъ какъ магазинъ въ основу своей торговли положилъ: довольствоваться самыми малыми барышами, разсчитывая на болѣе частый оборотъ капитала. Прейсъ-курантъ выдается и высылается безплатно.

СТОЛЯРНОЕ И МОДЕЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ, по Больш.. Морск., д. № 4, кв. № 13. Принимаетъ заказы на мебельную работу по изящнымъ новымъ рисункамъ и модельную работу по конструкторскимъ чертежамъ. Имѣется готовая мебель. Дубовые и палисандровые складные стулья по 50 р. дюжина, за штуку 5 р., очень удобныя для деревень, дачъ и охоты. 4—1

26—7

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

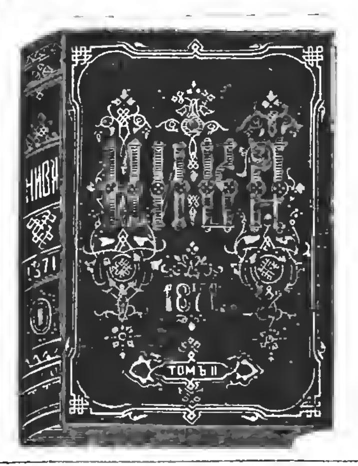
Очерки, повѣсти и разсказы *В. В. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ" 1875 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Клюшникова.* Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы" 1875 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Шпильгагена.* Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ" 1875 г. 1 р. съ пересылкой.

КРЫШКИ

для переплета „Нивы" 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876 г. по образцу показанному рядомъ 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплесть „Ниву" въ такую коленкоровую крышку.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 26 Января 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш. Морская, д. № 9. Тип. Веллинга, Англ. пр. № 10.

№ 6 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 9 Февраля 1876 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Князь Александръ Аркадіевичъ Италійскій Графъ Суворовъ Рымникскій.

го 1876 года въ Петербургѣ праздновался 50-ти лѣтній юбилей служенія въ офицерскихъ чинахъ генералъ - инспектора всей пѣхоты, члена Государственнаго совѣта, генералъ-адъютанта князя Италійскаго, графа Александра Аркадіевича Суворова - Рымникскаго, внука знаменитаго полководца времени Императрицы Екатерины II и Императора Павла I генералисимуса князя Италійскаго, графа Александра Васильевича Суворова - Рымникскаго. Единственный сынъ князя Александра Васильевича — князь Аркадій Александровичъ, своими душевными качествами и воинскимъ талантомъ напоминалъ своего неутомимаго въ походахъ, знаменитаго отца и уже дослужился до званія начальника дивизіи, какъ въ 1811 году, утонулъ въ рѣчкѣ Рымникѣ, той самой, которая прославила незабвеннаго его отца, знаменитаго полководца. Послѣ смерти князя Аркадія Александровича, единственнымъ потомкомъ знаменитаго полководца временъ Екатерины II и Павла I остался сынъ его, семилѣтній князь Александръ Аркадьевичъ, 50-лѣтній юбилей котораго и праздновался 1-го января 1876 г.

Князь Александръ Аркадіевичъ Италійскій Графъ Суворовъ Рымникскій. Рисов. и гравир. А. Нейманъ.

Князь Алексардръ Аркадьевичъ родился 1-го іюля 1804 года, первоначальное воспитаніе получилъ въ Швейцаріи, подъ руководствомъ знаменитаго въ то время педагога Фелленберга, а затѣмъ слушалъ лекціи въ Гетингенскомъ университетѣ. По прибытіи въ Россію, молодой, образованный 20 лѣтній князь поступилъ, по желанію Императора Александра I, въ военную службу въ званіи юнкера лейбъ-гвардіи коннаго полка. При воцареніи Императора Николая I, 14-го декабря 1825 г. молодой князь уже стоялъ въ рядахъ войскъ. Съ этого времени молодой князь пріобрѣлъ особенное расположеніе Императора Николая I, выразившееся неоднократными, чисто отеческими попеченіями о немъ. Въ 1826 году, въ день Новаго году, въ первый день нова-

да князь былъ произведенъ въ корнеты и вскорѣ затѣмъ уѣхалъ на Кавказъ, гдѣ участвовалъ во многихъ дѣлахъ противъ горцевъ. Въ персидскую войну присутствіе духа и распорядительность молодаго князя при взятіи крѣпости Сардарабада, спасли жизнь покойному Чевкину и его сподвижникамъ. За личную храбрость въ военныхъ дѣлахъ противъ Персовъ князь былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ. Въ теченіи 1828 года, во время турецкой войны, князь участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, въ томъ числѣ подъ Шумлою, при взятіи крѣпости Варны; лично же ему сдалась крѣпость Мачинъ. Въ этомъ же году князь былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ 1831 году князь находился въ главной арміи, дѣйствующей противъ польскихъ мятежниковъ, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и не погибъ, благодаря только случайности; при производствѣ князя въ этомъ же году въ полковники, онъ назначенъ былъ командиромъ баталіона лейбъ-гвардіи Егерскаго полка. Въ 1839 году князь назначенъ былъ командиромъ полка имени своего знаменитаго дѣда—Фанагорійскаго гренадерскаго генералиссимуса князя Суворова полка и въ томъ же году произведенъ въ генералъ-маіоры. Во время командованія полкомъ князь Александръ Аркадьевичъ пріобрѣлъ себѣ особенное уваженіе и любовь своихъ подчиненныхъ; причемъ какъ самъ лично не позволялъ никогда себѣ оскорблять самолюбіе своихъ подчиненныхъ, такъ и требовалъ отъ офицеровъ человѣколюбиваго обращенія съ солдатами. Время командованія князя полкомъ, вспоминается его сослуживцами-подчиненными какъ самое лучшее время ихъ службы. Въ 1842 году князь былъ назначенъ командиромъ 1 бригады 3 гренадерской дивизіи и въ этой должности оставался до 1843 года, въ которомъ былъ отчисленъ въ свиту Его Величества; въ этомъ же году Его Величество король Сардинскій пожаловалъ ему орденъ Благовѣщенія, который имѣлъ его дѣдъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ преимущества, сопровождающія этотъ орденъ, переходили въ потомство изъ рода въ родъ, къ старшему по мужской линіи. Въ 1846 году князь А. А. назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ и награжденъ за 26 лѣтнюю службу орденомъ св. Георгія 4 класса. Въ 1847 и 1838 году князь находился въ Костромской губерніи, куда былъ командированъ для успокоенія умовъ населенія отъ неудачныхъ распоряженій мѣстной администраціи во время бывшихъ въ Костромѣ частыхъ пожаровъ и надо отдать справедливость, что князь уладилъ дѣло безъ всякихъ крайнихъ мѣръ, дѣйствуя исключительно своей правдивой и простой, удобопонятной для народа рѣчью. Вслѣдствіе этого удачно выполненнаго порученія, князь А. А. въ 1838 году, во время событій совершавшихся въ Прибалтійскомъ краѣ, былъ назначенъ Рижскимъ военнымъ, Лифляндскимъ, Эстляндскимъ и Курляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Много стоило князю нравственныхъ и физическихъ усилій подавить и разсѣять волненія и панику, вызванныя холерной эпидеміей въ этомъ краѣ отсутствіемъ санитарныхъ мѣръ и медицинской помощи. Князь жертвуя собою, первый показалъ примѣръ безстрашія и энергіи, слѣдствіемъ чего было постепенное паденіе страха и населеніе, видя примѣръ своего начальника, перестало бросать больныхъ на произволъ судьбы и начало ухаживать за ними; но предшествовавшій этой катастрофѣ голодъ въ Лифляндіи и раздады крестьянъ съ помѣщиками, угрожали еще большей опасностью краю, но бдительность, энергія и въ высшей степени гуманная распорядительность князя А. А. отклонила всѣ могущія быть отъ этого неблагопріятныя послѣдствія. Во время генералъ-губернаторства князя, городъ Рига, какъ торговый портъ, значительно возвысился, такъ въ немъ устроена, заботливостью князя, громадная дамба, давшая возможность приставать судамъ къ порту не разгружаясь и защищая суда отъ непогодъ, самый городъ значительно расширился и общій духъ населенія до того успокоился и благосостояніе края возвысилось, что во время подоспѣвшей крымской войны 1854—1856 годовъ, мѣстное дворянство и купечество, по собственной своей иниціативѣ, очень много жертвовало на защиту края противъ непріятеля; такъ сооруженъ былъ огромный обозъ для удобнаго движенія нашихъ войскъ, построено 12 канонирскихъ лодокъ и сдѣланы большія затраты на продовольствіе и расквартированіе нашихъ войскъ. Въ 1854 году князь былъ назначенъ командующимъ войсками въ Рижской губерніи и въ 1855 году лично присутствовалъ на магнусгольмской батареѣ близъ р. Западной Двины, во время бомбардированія непріятелемъ съ моря. Въ 1856 году князь былъ назначенъ командиромъ балтійскаго корпуса и войскъ Рижской и Митавской губерній, Въ 1859 году князь А. А. Суворовъ произведенъ былъ въ генералы отъ инфантеріи и въ томъ же году назначенъ былъ шефомъ рижскаго пѣхотнаго полка. Въ 1861 году князь назначенъ былъ членомъ государственнаго совѣта, а въ концѣ того же года петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Съ упраздненіемъ должности петербургскаго генералъ-губернатора, князь былъ назначенъ генералъ-инспекторомъ всей пѣхоты, въ каковой должности состоитъ и по настоящее время. Кромѣ того князь А. А. состоитъ президентомъ вольно-экономическаго общества и членомъ различныхъ благотворительныхъ учрежденій.

Въ день юбилея 1-го января 1876 года князь А. А. Суворовъ удостоился слѣдующаго Высочайшаго рескрипта:

Князь Александръ Аркадьевичъ! Съ особеннымъ и искреннимъ удовольствіемъ привѣтствую васъ съ исполнившимся нынѣ пятидесятилѣтіемъ служенія вашего въ офицерскихъ чинахъ, Мнѣ пріятно выразить вамъ чувства истиннаго уваженія и глубокой признательности къ многообразнымъ и полезнымъ заслугамъ, коими ознаменовано ваше полувѣковое служебное поприще. Начавъ боевую службу участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ, персіянъ, турокъ и польскихъ мятежниковъ, вы съ юныхъ лѣтъ съ достойною ревностью посвятили себя военному ремеслу и отличнымъ командованіемъ Фанагорійскимъ гренадерскимъ полкомъ, носящимъ имя великаго полководца, дѣда вашего, генералиссимуса князя Суворова, постоянно снискивали благоволеніе въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича. Состоя долгое время при особѣ Незабвеннаго Родителя Моего въ званіи флигель-адъютанта, генералъ-маіора Его Свиты и генералъ-адъютанта, вы неоднократно были облекаемы Его особымъ довѣріемъ при возлагавшихся на васъ разнородныхъ порученіяхъ, постоянно къ его удовольствію вами исполнявшихся. Призванные впослѣдствіи тѣмъ же высокимъ довѣріемъ на гражданское поприще, вы не замедлили оправдать его, сначала при временномъ управленіи Костромскою губерніею, а потомъ, и въ особенности, въ качествѣ генералъ-губернатора Прибалтійскаго края, въ которомъ вы, примѣрною ревностью къ пользамъ государства и постоянною заботливостью о благѣ и нуждахъ подвѣдомственнаго вамъ населенія, пріобрѣли любовь и уваженіе онаго, и оставили неизгладимую память. Командуя войсками въ томъ же краѣ во время войны 1853—1856 годовъ, вы не переставали обращать Мое вниманіе на ваши труды и попеченія по возложеннымъ на васъ обязанностямъ. Послѣдовательное назначеніе васъ с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, членомъ государственнаго совѣта и генэралъ-инспекторомъ всей пѣхоты служитъ доказательствомъ постояннаго признанія Мною высокихъ заслугъ вашихъ престолу и отечеству и неизмѣннаго моего довѣрія къ вашимъ достоинствамъ и къ испытанной, безпредѣльной преданности вашей ко мнѣ. Участіе ваше въ дѣлахъ государственнаго совѣта и сердечная заботливость о преуспѣяніи заведеній общественнаго призрѣнія въ С.-Петербургѣ, по званію предсѣдателя попечительнаго совѣта оныхъ и нынѣ обращають на себя Мое постоянное вниманіе. Высоко цѣня всѣ многообразныя, истинно полезныя заслуги ваши и личную глубокую преданность вашу престолу, Я въ ознаменованіе особаго Моего къ вамъ благоволенія, всемилостивѣйше жалую вамъ препровождаемый у сего, алмазами украшенный портретъ Мой, для ношенія въ петлицѣ, на андреевской лентѣ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«*Искренно васъ любящій и благодарный*

Александръ».

Князь А. А. Суворовъ имѣетъ всѣ русскіе ордена и множество иностранныхъ.

Многіе изъ старыхъ сослуживцевъ князя, его друзей и знакомыхъ, а также бывшихъ подчиненныхъ, желая увѣковѣчить память пятидесятилѣтняго юбилея князя, открыли между собою частную подписку для учрежденія особаго капитала съ благотворительной цѣлью. По всеподданнѣйшему о семъ докладу высочайше повелѣно: собранный по этой подпискѣ капиталъ принять и передать въ вѣдѣніе комитета о раненыхъ, для храненія на одинаковыхъ съ другими неприкосновенными капиталами основаніяхъ, подъ наименованіемъ: «капиталъ свѣтлѣйшаго князя Александра Аркадьевича Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго», съ тѣмъ чтобы изъ процентовъ съ этого капитала выдавались комитетомъ, по его усмотрѣнію, единовременныя пособія инвалидамъ нижнихъ чиновъ 70 пѣхотнаго Рижскаго полка, котораго шефомъ состоитъ князь Александръ Аркадьевичъ и 11-го Фанагорійскаго, знаменитаго дѣда князя, генералиссимуса Суворова полка. Кромѣ того, по Высочайшему Государя Императора соизволенію, въ память благотворительной дѣятельности князя А. А. Суворова, въ качествѣ предсѣдателя С.-Петербургскаго попечительнаго совѣта, будутъ выставлены, на собранныя по частной подпискѣ деньги, портреты свѣтлѣйшаго князя во всѣхъ больницахъ, подвѣдомственныхъ С.-Петербургскому попечительному совѣту, въ обуховской же больницѣ три хирургическія отдѣленія получатъ наименованіе «Отдѣленій князя Суворова».

Рижское биржевое купечество поднесло князю А. А. Суворову въ день пятидесятилѣтняго юбилея службы въ офицерскихъ чинахъ, альбомъ, содержащій въ себѣ изображеніе зданій и построекъ, которыя были возведены въ Ригѣ, во время управленія его прибалтійскимъ краемъ.

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта:

(Продолженіе).

Флора, пожавъ плечами, отвернулась.

— Я не понимаю васъ, то есть, тебя, бабушка, и другихъ тамъ, въ гостиной, заговорила она рѣзкимъ тономъ:—какъ вы можете переносить всѣ эти ребячества и глупости Генріэтты? Она, пожалуй, скоро притащитъ туда гнѣзда всѣхъ своихъ голубокъ и галокъ!..

— Ну, и почему-же, въ самомъ дѣлѣ, не притащить, Флора? захихикала маленькая дѣвушка, причемъ обнаружила рядъ мелкихъ, острыхъ зубовъ.—Что-жъ, вонъ, добрые люди молчатъ-же, когда ты расхаживаешь съ перомъ за ухомъ, или являешься съ карманами, напиханными разной кабинетной мудростью...

— Генріэтта! остановила ее строгимъ голосомъ президентша.

Надо признаться, что всѣ движенія этой почтенной дамы были преисполнены, по истинѣ, королевскимъ величіемъ, такъ, даже когда она граціозно подала тонкую руку свою коммерціи совѣтнику—можно было замѣтить въ этомъ движеніи, кромѣ добродушія и привѣтливости, что-то покровительственное, почти явную снисходительность.

— Мы, сидя въ гостиной, узнали, что наконецъ ты возватился, милый Морицъ. Неужели ты заставишь насъ ждать себя, ждать еще? спросила президентша своимъ прекраснымъ мягкимъ голосомъ, который звучалъ по прежнему женственно-нѣжно.

Не болѣе десяти минутъ тому назадъ, когда коммерціи совѣтникъ подходилъ къ виллѣ, онъ чувствовалъ твердую рѣшимость облечься во фракъ и поспѣшить въ гостиную, но теперь, на приглашеніе президентши, отвѣтилъ съ разстановкой, какъ-то нерѣшительно:

— Я попросилъ-бы васъ, дрожайшая бабушка, сегодня извиниться тамъ... за меня... передъ гостями.. Этотъ случай на мельницѣ...

— О, конечно, случай этотъ довольно печальнаго свойства, но зачѣмъ-же и *намъ* страдать отъ этого?... Я, право, не знаю, что сказать моимъ друзьямъ такое, чтобы могло извинить тебя?..

— Ну, эти добрые друзья будутъ-же настолько понятливы, что поймутъ, что Кэтинъ дѣдушка умеръ! отрѣзала Генріэтта, повернувъ только голову, потому что стояла задомъ къ разговаривающимъ. Она, повидимому, прилежно читала заглавія книгъ на переплетахъ, подойдя къ одной изъ полокъ.

— Генріэтта, я серьезно запрещаю тебѣ вмѣшиваться въ разговоръ и дѣлать подобныя дерзкія замѣчанія, проговорила президентша, — и, какъ мнѣ кажется, ты могла-бы поубавить яркость твоего краснаго головнаго убора, потому что, если Кэтинъ дѣдушка умеръ, то вѣдь Кэта приходится тебѣ сводной сестрой... Что касается меня и Морица — такъ мы на столько далеки отъ этого родства, что можемъ не придавать оффиціально никакого значенія этому печальному происшествію... Конечно, и я готова весьма соболѣзновать, но... вообще мнѣ желательно было-бы, чтобы объ этомъ „случаѣ" поменьше трезвонили... въ интересахъ Брука... Да, чѣмъ меньше будутъ говорить—тѣмъ лучше.

— О, Господи! Неужели всѣ вы такъ несправедливы къ доктору? воскликнулъ въ порывѣ отчаянія коммерціи совѣтникъ... Говорю вамъ: Бруку нельзя сдѣлать ни малѣйшаго упрека въ этомъ дѣлѣ! Онъ употребилъ все свое искусство, все знаніе, чтобы...

— Любезный Морицъ, *относительно этого* тебѣ слѣдуетъ послушать моего стараго друга, тайнаго совѣтника, доктора ф. Бэра! перебила президентша, слегка похлопавъ его по плечу и многозначительно указавъ глазами на Флору, которая въ это время подошла къ своему письменному столу.

— О, пожалуста, бабушка, не стѣсняйся! Неужели ты думаешь, что я такъ слѣпа и глупа, чтобы не видѣть, не знать, какъ судитъ Бэръ объ этомъ?

Красивая дѣвушка быстро и громко произнесла эти слова, въ которыхъ звучала горечь. Губы ея подергивались, какъ будто ихъ сводила судорога.

— А впрочемъ, прибавила она, Брукъ самъ уже произнесъ надъ собой приговоръ... Онъ не посмѣлъ явиться сюда сегодня вечеромъ, не дерзнулъ попасться мнѣ на глаза...

Генріэтта, стоявшая до сихъ поръ лицомъ къ книжной полкѣ, вдругъ обернулась. Яркая краска мгновенно разлилась по ея блѣднымъ щекамъ и также мгновенно исчезла. У этой дѣвушки были чудные, глубокіе глаза; въ нихъ свѣтилось много и страсти, и чувства... Эти большія, сверкающія звѣзды смотрѣли прямо въ лицо Флоры, смотрѣли съ выраженіемъ какой-то робости, страха и горѣли внезапно-вспыхнувшею ненавистью.

— Ну, это онъ самъ опровергнетъ — онъ придетъ еще, Флора, сказалъ коммерціи совѣтникъ съ видимо-облегченнымъ сердцемъ. — Онъ скажетъ тебѣ самъ, сколько пришлось ему рыскать сегодня... Цѣлый день на ногахъ! Вѣдь ты знаешь, что у него въ городѣ нѣсколько опасно больныхъ; между ними и та бѣдная, маленькая дѣвочка, дочь купца Ленца, которая врядъ-ли проживетъ эту ночь.

Молодая дѣвушка засмѣялась тихимъ, горькимъ смѣхомъ...

— Дѣвочка умретъ? Да? Въ самомъ дѣлѣ, Морицъ?.. Ну, постой же: Бэръ, прежде чѣмъ отправиться въ гостиную, къ бабушкѣ, зашелъ ко мнѣ, сюда; говорилъ онъ между прочимъ и объ этомъ ребенкѣ, котораго видѣлъ вчера... И Бэръ сказалъ, что болѣзнь не опасная, но онъ боится, что Брукъ не совсѣмъ такъ взялся за дѣло... А вѣдь Бэръ—авторитетъ...

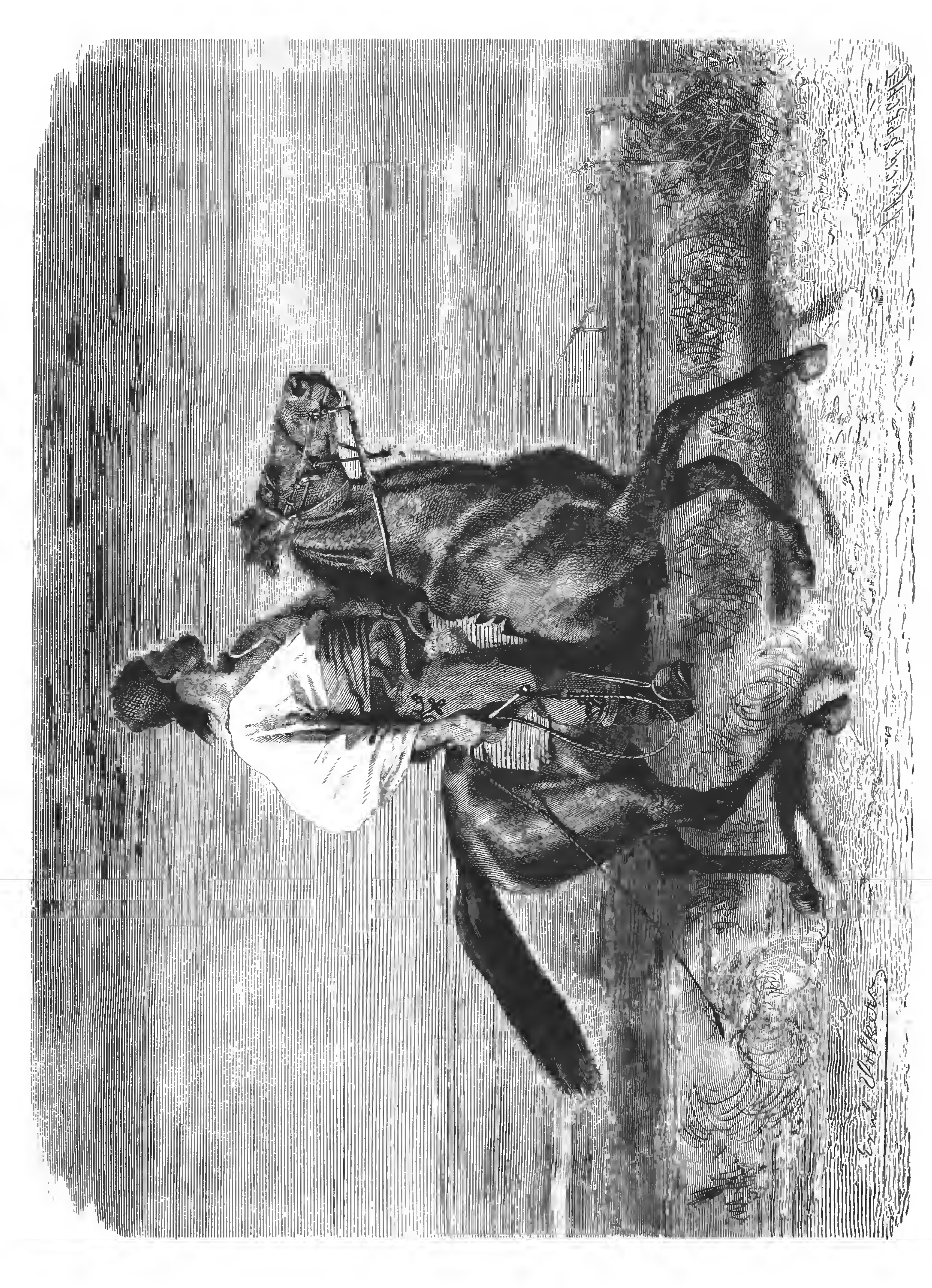
— Ну, конечно, авторитетъ... только терзаемый завистью! проговорила Генріэтта дрожащимъ голосомъ и, быстро подойдя къ зятю, положила на его руку свою.

— Откажись, Морицъ, отъ желанія переубѣдить Флору! Развѣ не видишь—ей хочется обвинить своего жениха!

— Мнѣ хочется?! Экое злое созданье! Я вотъ сейчасъ отдала-бы половину своего состоянія, если-бы могла думать теперь *по прежнему*, когда только что стала его невѣстой, если-бы могла смотрѣть на Брука съ тою-же гордостью, также довѣрчиво, какъ прежде! воскликнула страстнымъ голосомъ Флора... Но со дня смерти графини Валлендорфъ, я молча страдаю, терплю безпрерывныя мученья, потому что сомнѣнія, недовѣріе закрались въ мое сердце... А сегодня—нѣтъ! я ужъ болѣе не сомнѣваюсь: я — убѣждена. Во мнѣ, конечно, нѣтъ слабости тѣхъ женщинъ, которыя умѣютъ только любить, не спрашивая себя: достоинъ-ли возлюбленный ихъ преданности?... Я честолюбива, честолюбіе мое обратилось въ страсть... Это не секретъ — пусть всѣ знаютъ! И не будь во мнѣ этого чувства—я-бы замѣшалась въ толпѣ слабыхъ и ко всему равнодушныхъ женщинъ и пошла-бы вмѣстѣ съ ними по широкой, торной дорожкѣ будничной жизни... Да сохрани меня Боже отъ этого!... Какимъ образомъ иная женщина, мыслящая и дѣйствительно стремящаяся къ чему нибудь солидному (а такія есть), можетъ спокойно, равнодушно проходить свой жизненный путь рука объ ру-

Семейная сцена. Рис. Коверзнева, гравир. Е. Шмидтъ.

Валахъ. Рис. Е. Фолькерсъ, грав. Шпехтъ.

ку съ человѣкомъ незначительнымъ, котораго она называетъ своимъ мужемъ—этого я никогда не могла понять!... Что касается меня—взгляды постороннихъ заставляли-бы меня тогда вѣчно краснѣть...

Генріэтта, на этотъ разъ дѣйствительно со злою улыбкой, воскликнула:

— Краснѣть! О, и ты до такой степени стыдилась-бы?!... Вотъ какъ! Ну, конечно, для этого нужно больше мужества: это вѣдь не то что читать объ эстетикѣ, идеалахъ и пр. передъ смѣшливо-зубастой, чуткой толпой студентовъ!...

Флора окинула презрительнымъ взглядомъ маленькую фигурку сестры.

— На шипѣнье такой крошечной ехидны не обращаютъ вниманія. Да и что ты знаешь объ идеалахъ? спросила она, пожимая плечами... Но ты права, если полагаешь, что мѣсто мое скорѣе на кафедрѣ, чѣмъ возлѣ человѣка, который доказываетъ, что онъ только кропаетъ въ наукѣ. Подобныя узы были-бы для меня невыносимы!...

— Это твое дѣло, милочка, замѣтила президентша спокойнымъ тономъ, тогда какъ коммерціи совѣтникъ, въ сильномъ смущеніи, отшатнулся...

— Ты хорошо знаешь, продолжала она, что тебя никто не принуждалъ, не уговаривалъ заковать свои руки въ такія цѣпи.

— О, конечно, я хорошо это знаю, бабушка! Но я знаю также, что тебѣ было-бы гораздо пріятнѣе видѣть меня женою камергерра фонъ-Штэттена, человѣка „несостоятельнаго“ какъ въ денежномъ, такъ и физическомъ отношеніи. И ты совершенно справедливо говоришь, что я никому не позволяю быть моимъ руководителемъ, не позволяю вліять на себя, — это потому, что я лучше знаю, какъ должна дѣйствовать, знаю, что мнѣ именно нужно.

— Никто и не будетъ оспаривать этого у тебя, возразила бабушка какимъ-то аристократически-холоднымъ тономъ, однако-же, считаю нужнымъ обратить твое вниманіе на одно обстоятельство, и вотъ именно какое: ты встрѣтишь во мнѣ рѣшительную противницу въ томъ случаѣ, если дѣло это надѣлаетъ много шума. Надѣюсь, ты знаешь меня съ этой стороны... Я скорѣе готова терпѣть скрытый раздоръ въ семьѣ, но не могу вынести публичнаго семейнаго скандала... Я живу съ вами, я охотно приняла на себя обязанность представительницы этого дома—и за то требую безусловнаго вниманія къ моему положенію въ свѣтѣ, требую, чтобы къ имени моему относились съ надлежащимъ уваженіемъ. Я не хочу, чтобы въ обществѣ шептались и шушукались на нашъ счетъ.

Коммерціи совѣтникъ порывисто отвернулся и подошелъ къ незанавѣшанному окну. Онъ сталъ смотрѣть куда-то, въ темное пространство. Погода становилась бурною, вѣтеръ неистово ударялъ въ оконныя стекла; въ огненно-красной полосѣ, идущей отъ другого окна и ударявшей въ раскачиваемый вѣтромъ кустарникъ, кружились, какъ-бы въ бѣшенной пляскѣ, снѣжные хлопья кроваваго цвѣта... Мучительныя мысли производили такую-же сумятицу въ головѣ г. Рэмера. Незадолго передъ этимъ онъ еще боролся съ собою: не разсказать-ли, по крайней мѣрѣ, Флорѣ откровенно все, какъ было дѣло, но теперь коммерціи совѣтникъ уже зналъ, что именно передъ ней-то онъ и долженъ молчать... Да, молчать, въ противномъ случаѣ президентша оставила-бы его, не желая быть предметомъ „шептанья“ и „шушуканья“ въ обществѣ. Онъ не могъ сознаться въ томъ, что эта честолюбивая, красивая дѣвушка, узнавъ истину, сейчасъ пошла-бы вездѣ трубить о ней—не столько изъ любви къ Бруку, сколько изъ самолюбія, желая отклонить отъ себя подозрѣніе, что вотъ будто-бы сердце ея *ошиблось* въ выборѣ, или, лучше сказать, не сердце, а умъ ошибся.

Генріэтта стояла теперь передъ бабушкой. Глаза этой дѣвушки - карлицы горѣли негодованіемъ и что-то насмѣшливое свѣтилось въ нихъ.

— И такъ, изъ за того только, чтобы не было шума, людскаго говора—ты желаешь сестрѣ моей выйти чистой, безупречной изъ этого дѣла?.. Дешево-же она отдѣлается! Ты готова оправдать ее, если она съумѣетъ прикрыть вѣроломство шелковымъ покрываломъ... Э! да тебѣ вовсе не надо быть такой ужасно-щекотливой относительно огласки, скандала... Право, такъ, бабушка! Нужно именно обитать въ гостиной, вотъ какъ мы, чтобы знать, что общество относится къ нѣкоторымъ грѣшникамъ, какъ къ старинному мейснеровскому фарфору: чѣмъ больше склеенныхъ кусочковъ, тѣмъ дороже цѣнится фарфоровая вещица!..

— Мнѣ приходится попросить тебя, Генріэтта, остатокъ вечера провести въ своей комнатѣ!

Видно было, что президентша, наконецъ, серьезно разсердилась...

— Ты въ такомъ дурномъ настроеніи духа, такъ ожесточена, прибавила она, что я не могу позволить тебѣ возвратиться въ гостиную.

— Какъ прикажешь, бабушка, такъ и будетъ!.. Не правда-ли, Гансъ, вѣдь намъ даже очень пріятно уйти, мы рады удалиться — а?... проговорила Генріэтта съ улыбкой и прикоснулась щекой къ перышкамъ канарейки, все еще сидѣвшей на ея правой рукѣ. Ахъ, славный ты малый у меня!.. Ну-съ, покойной ночи, бабушка! Морицъ, покойной ночи!...

Она быстро направилась къ дверямъ, но пріостановилась у нихъ, и, обернувшись, сказала съ ѣдкой проніей:

— Надѣюсь, что особа, обладающая такимъ сильнымъ характеромъ, не свернетъ съ прямой дороги, которую навѣрно указалъ-бы ей покойный папа... При жизни его она никогда не смѣла хвастаться *собственной волей*!.. Папа никогда не позволилъ-бы ей не сдержать слова.... которое дано разъ... честному человѣку!..

Какъ-то упрямо откинувъ голову, Генріэтта вышла изъ кабинета, но еще на порогѣ изъ глазъ ея брызнули горячія слезы... Онѣ слышались уже въ послѣднихъ словахъ ея.

— И слава Богу, что она совсѣмъ уходитъ! воскликнула Флора.—Право, нужно умѣть владѣть собой, чтобы окончательно не выйти изъ терпѣнья!

— Да, но я всегда помню, что она дѣвочка болѣзненная, замѣтила президентша сухо - наставительнымъ тономъ.

— Знаешь, Флора, относительно одного она все-таки, по моему мнѣнію, права, рѣшился заговорить коммерціи совѣтникъ.

— Соображай, думай объ этомъ, какъ хочешь, Морицъ, холодно перебила его молодая дѣвушка,—но прошу тебя только объ одномъ: не вмѣшивайся въ это, не обремѣняй меня—и безъ того борьба, которую я выношу — тяжела... Какъ я ужъ сказала, я привыкла одна справляться и съ собою, и съ другими. Такъ поступлю и теперь. Впрочемъ, ты и бабушка — вы оба можете быть спокойны: мнѣ самой противно быть жестокой, дѣйствовать насильственно... Притомъ - же у меня есть скромный, вѣрный союзникъ—время.

Флора взяла со стола бокалъ съ краснымъ виномъ и омочила въ немъ почти побѣлѣвшія губы свои.

Президентша, пожелавъ вернуться въ гостиную, молча пошла къ дверямъ и, уже коснувшись ручки замка, обернулась, чтобы воскликнуть:

— Ахъ, кстати, Морицъ! Что-же теперь будетъ съ Кэтой?

— Этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ духовнымъ завѣщаніемъ, отвѣтилъ коммерціи совѣтникъ, вздохнувъ посвободнѣе.—Я нахожусь въ полномъ невѣдѣніи относительно распоряженіи „зàмковаго“ мельника. Кэта—

единственная его наслѣдница... Но укрѣпилъ-ли онъ за ней это право? еще вопросъ. Старикъ всегда не долюбливалъ ее, потому что появленіе на свѣтъ этой дѣвочки стоило жизни его дочери. Ей нужно будетъ, во всякомъ случаѣ, пріѣхать сюда на нѣкоторое время...

— Не безпокойся—не пріѣдетъ она. Кэта и теперь еще, какъ и при жизни папа, крѣпко держится за юбку своей старой, несносной гувернантки, замѣтила Флора... Потрудись только снова прочесть ея письма къ тебѣ.

— Ну, можетъ быть, и лучше будетъ, если она останется тамъ, гдѣ находится теперь, заговорила президентша почти съ оживленіемъ.—Откровенно говоря, мнѣ не доставитъ большаго удовольствія принять ее подъ свое крылышко... Еще придется, пожалуй, возиться съ ней по цѣлымъ часамъ... А это порядкомъ сердитъ, раздражаетъ. Полюбить эту дѣвочку я никогда не могла—не потому, что она была ребенкомъ „другой“ — нѣтъ, всегда стояла я выше этого, но Кэта слишкомъ много ползала тамъ... на мельницѣ. Ея волосы и платье постоянно были покрыты мучною пылью, ну, и, кромѣ того, это маленькое созданье ужъ очень своевольничало...

— Да, можно сказать, что это былъ образчикъ настоящаго упрямоголоваго субъекта изъ простонародья!.. И все-таки—она была любимчикомъ папа! горько усмѣхнулась Флора.

— Ну, это, вѣроятно, потому, моя милочка, что Кэта была послѣднимъ ребенкомъ его, возразила президентша, не допускавшая даже мысли, чтобы кто нибудь изъ близкихъ ей могъ стоять на второмъ планѣ... Папа васъ не менѣе любилъ, прибавила она.—Ну, Морицъ, идешь со мной туда?

Коммерціи совѣтникъ поспѣшилъ принять это приглашеніе, и они вышли изъ комнаты.

Флора, оставшись одна, позвонила Явилась горничная.

— Я хочу перейти въ спальню и работать тамъ, сказала она ей:—отнеси туда письменныя принадлежности и вотъ эти бумаги. Сегодня, разумѣется, я уже никого больше ни принимаю.

Огненно-красная полоса и такое-же пятно на качающимся кустарникѣ разомъ исчезли. Бѣловато-серебристый свѣтъ изъ оконъ гостиной еще далеко за полночь освѣщалъ липовую аллею, гдѣ бушевала непогода.

А коммерціи совѣтникъ сидѣлъ уже за ломбернымъ столомъ. Когда онъ вошелъ въ гостиную—всѣ засѣдавшіе тамъ встрѣтили его особенно радушно: кто—любезнымъ привѣтствіемъ, кто—задушевнымъ пожатіемъ руки, и эта радушная встрѣча, какъ теплый солнечный лучъ, приласкала и согрѣла наболѣвшее его сердце.

Находясь среди такого избраннаго общества коммерціи совѣтникъ сталъ убѣждаться, что его образъ дѣйствія можно считать вполнѣ законнымъ, и ему даже казалось теперь страннымъ, какъ это онъ могъ передъ этимъ терзаться мучительными сомнѣніями?.. Съ какой стати давать пȍводъ къ ложнымъ толкамъ о себѣ, когда сознаешь, что даже пȍмысломъ не согрѣшилъ?.. Да и какъ-же это все... пȍшло!...

Теперь до его слуха долетали разныя миленькія скандалёзныя исторійки, прикрываемыя съ тонкой, многозначительной улыбкой „шелковымъ покрывальцемъ“. Ну, конечно, тутъ бичевали, зло-подсмѣивались надъ нелѣпыми прихотями и заблужденіями особъ дворянскаго происхожденія, но если-бы вдругъ подозрѣніе въ подломъ посягательствѣ на цѣлость содержимаго въ денежномъ шкафѣ „зȁмковаго“ мельника пȁло на него, коммерціи совѣтника, — о, тогда всѣ эти господа, навѣрно, безпощадно оттолкнули-бы его... Онъ вѣдь только втерся въ ихъ кругъ, онъ — выскочка!... Конечно, теперь коммерціи совѣтникъ не могъ уже утѣшить себя тѣмъ, что *молчаніе* его никому не наноситъ вреда: онъ утаилъ правду, и эта утайка грозила разлучить двухъ людей, уже соединенныхъ обручальнымъ кольцомъ... Э, да вѣдь Флора существо эксцентричное!... Стȍитъ Бруку опять блеснуть, отличиться, (а это навѣрно случится, благодаря его познаніямъ и талантамъ)—и она одумается, другое заговоритъ...

Великолѣпное винцо было въ стаканѣ г. Рэмера, и вотъ, нѣсколько глотковъ его окончательно размыли, такъ сказать, послѣдніе слѣды недавней смуты въ его душѣ.

III.

„Замковый“ мельникъ, дѣйствительно, по духовному завѣщанію своему оставилъ все единственной наслѣдницѣ своей — внучкѣ Катеринѣ Мангольдъ, и назначилъ опекуномъ ея то лицо, которому покойный банкиръ также поручилъ опеку надъ дочерью. Опекунъ этотъ былъ коммерціи совѣтникъ Рэмеръ.

Какое-то странное ощущеніе пришлось ему испытать при чтеніи духовной мельника... Онъ даже покачалъ головой. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, вотъ, сколько противорѣчій безсознательно живетъ въ душѣ человѣка! Старикъ-мельникъ, въ припадкѣ внезапнаго умопомраченія, вообразивъ, что коммерціи совѣтникъ хочетъ обокрасть его — чуть не задушилъ его, а за часъ передъ тѣмъ далъ ему-же, коммерціи совѣтнику, почти неограниченное право распоряжаться всѣмъ своимъ имуществомъ.

Въ духовной было прописано, что въ случаѣ, если операція будетъ имѣть смертельный исходъ — все недвижимое завѣщателя, за исключеніемъ мельницы, должно быть продано.

(Продолженіе будетъ).

Семейная сцена.

Передъ вами картина-жанръ, какихъ, кажется, не мало бываетъ на нашихъ выставкахъ художсственныхъ произведеній. Нынче жанръ вообще въ большомъ ходу. Но жанръ жанру рознь: достоинъ вниманія не тотъ жанръ, которымъ художникъ силится, во что бы то ни стало навязать вамъ volens nolens, свою какую-нибудь личную мысль, иногда даже совершенно своеобразную. Иное дѣло тотъ жанръ, гдѣ съ перваго взгляда вы видите сценку изъ самаго будничнаго житья-бытья, сценку будто-бы и такъ себѣ, только что довольно бойко набросанную карандашемъ, вѣрнымъ природѣ, которая, какая бы она тамъ ни была, какъ хотите, драматичнѣе всякой хитро сплетенной придуманности. И вотъ именно такой то жанръ теперь передъ вами. Квартирка сапожника, какого-нибудь Кузьмы Забулдыжникова, на Пескахъ или на Козьемъ болотѣ, со всею своею скромною и типичною обстановкою. Въ полуотворенную дверь показался владѣлецъ этой квартиры со штофомъ въ рукѣ, а за нимъ одинъ изъ его неразлучныхъ, вѣроятно такой же какъ онъ пьянчушка: рыбакъ рыбака въ плесѣ видитъ; свой своему поневолѣ братъ; воронъ ворону глазъ не выколетъ и проч. гласятъ пословицы. Но за дверью—супруга владѣльца квартиры, вооруженная полѣномъ, которое въ прахъ способно превратить, конечно въ ея мощной длани, ея супруга—коротыша. На переднемъ планѣ слѣва дѣти этой четы: дѣвочка по старше въ какомъ-то ожиданіи и страхѣ. Она привыкла къ этимъ сценамъ. Мальчикъ помоложе, что то разбѣгался съ игрушечнымъ конькомъ на шнурочкѣ. Вотъ вся сцена. Всмотритесь хорошенько въ эту сцену изъ домашняго быта нашихъ мастеровыхъ, да даже и не всматриваясь долго въ нее, вы тотчасъ уразумѣете здѣсь драму, разыгрывающуюся, къ прискорбію, можетъ быть слишкомъ часто въ этомъ быту и въ этой средѣ. Да, тутъ драма, а вовсе не комедія, драма, способная схватить за сердце. Какъ натураленъ и милъ нашъ Кузьма, эскортируемый своимъ завсегдатаемъ! Какъ типична его «хозяюшка» — гренадеръ съ полѣномъ, готовящаяся разразить свой гнѣвъ на супругѣ, забывающемъ домъ и работу для трактира и возвращающемся на веселѣ съ другомъ, ненавидимымъ его супружницею: она почитаетъ этого друга просто на просто дьяволомъ-искусителемъ своего Кузьмы Терентьевича, который безъ этого компаньона былъ бы не въ примѣръ домосѣдливѣе и работящѣе. Дьяволъ-искуситель, по видимому, проигралъ Кузьмѣ штофъ съ Шлиттеровскою анисовочкою. Кузьма хочетъ похвастаться женѣ своимъ выигрышемъ бильярдной партіи, которыя, большею частью,

бываютъ ему далеко не счастливы, за что ему отъ дражайшей половины и достается. Сынокъ Кузьмы, мальчуганъ лѣтъ восьми, завидѣлъ отца со штофомъ и усматривая воинственную позу своей милой родительницы, — опрометью бѣжитъ предупредить его о предстоящей бѣдѣ, и отецъ кажется пріостановился. А дѣвочка, лѣтъ такъ десяти, очевидно бывшая не разъ свидѣтельницею этого рода домашнихъ сценъ, — замерла теперь въ ожиданіи какой-то возмутительной битвы, въ которой будутъ дѣйствовать ея отецъ и мать и этотъ другъ ея папаши, который, защищая его, самъ подвергается избіенію, заушенію, съ акомпаниментомъ криковъ, воплей и ругательствъ. На этотъ гвалтъ явятся уличныя полицейскія власти, составятъ протоколъ съ краснорѣчивымъ описаніемъ подбитыхъ глазъ, вырванныхъ волосъ, и пр. и пр. Завтра будетъ судъ и расправа у мироваго съ перспективою кутузки и непремѣннымъ послѣдствіемъ,—потери двухъ, трехъ рабочихъ сутокъ, составляющихъ жизнь мастероваго человѣка. Еще два, три такихъ случая, и семьѣ мастероваго грозитъ—голодуха. Съ горя глава семейства запьетъ еще сильнѣе, и не далеко то время, что мать отвезутъ въ первую больницу, откуда двери отворяются всего чаще для путешествія безвозвратнаго на Волково или на Митрофаніевское. И что-же? Отецъ безвыходно въ кабакѣ, мать въ больницѣ, а дѣтишки ходятъ по улицамъ столицы, выпрашивая милостиньку у проходящихъ, пока не заберетъ ихъ полиція и не отправитъ въ нищенскій комитетъ, а тутъ, ежели найдутся вакансіи въ школахъ какихъ нибудь, опредѣлитъ ихъ въ такую школу своими пансіонерами.

Ежели-бы только съ дѣтьми этими случилось это, а можетъ случиться въ стократъ хуже...

Ночь.

(Изъ Лонгфелло)

Реветъ и дико стонетъ вѣтеръ,—
Страшнѣе, гуще мракъ ночной.
Бушуетъ море, въ берегъ плещетъ
Сѣдою, мутною волной...

* * *

На берегу, въ рыбачьей хаткѣ,
Мерцаетъ свѣтъ отъ ночника.
Въ окошко смотритъ напряженно
Малютка дочка рыбака.

* * *

Припала русою головкой
Она къ холодному стеклу,—
И разглядѣть все что-то хочетъ
Сквозь темноту, сквозь ночи мглу.

* * *

А мать тревожно, молча бродитъ,—
Не сходитъ грусть у ней съ лица.
То подойдетъ бѣдняжка къ двери,
То снова бродитъ... безъ конца...

* * *

Что слышно въ злобномъ воѣ вѣтра?
О чемъ свиститъ онъ всю-то ночь,
Порою въ то окно врываясь,
Куда глядитъ малютка дочь?

* * *

И отчего, когда на морѣ
Вдругъ заревѣтъ волна сильнѣй,—
Невольно мать дрожитъ, блѣднѣетъ,
И сердце бьется такъ у ней?...

П. В

Сурки

Высоко надъ областью древесной растительности всѣхъ европейскихъ горъ, въ особенности же Альпъ Пиренеевъ и Карпатовъ, живетъ одинъ безвредный маленькій грызунъ; ему не страшны, ни высочайшіе каменные откосы, ни тощія лужайки у самаго пояса вѣчнаго льда и снѣга; даже маленькіе скалистые островки между большими глетчерами, въ теченіе года всего недѣль на шесть освобождающіеся отъ снѣга, не кажутся слишкомъ суровыми для выносливаго звѣрка. Звѣрекъ этотъ—сурокъ, *Arctomys Marmota*; онъ чуть-чуть больше кролика, а его темно-бурый, на брюшкѣ рыжеватый мѣхъ, доставляетъ человѣку не слишкомъ завидную добычу. Сурокъ, котораго лѣтомъ часто можно наблюдать на большихъ высотахъ, не смотря на то что онъ очень робокъ и не подпускаетъ къ себѣ человѣка, держится только въ самыхъ высокихъ горныхъ пустыняхъ гдѣ онъ отнюдь не можетъ вредить хозяйству человѣка. Чѣмъ пустыннѣе мѣсто, тѣмъ привольнѣе чувствуетъ себя сурокъ; какая нибудь площадка, стиснутая кругомъ неприступными скалами, узкое ущелье между одинокими пиками, больше всего ему по сердцу. Умѣя вполнѣ цѣнить благодѣяніе солнечныхъ лучей на этой ледяной высотѣ, онъ почти никогда не строитъ своей норки на сѣверной сторонѣ а всегда на той, которая больше всего обращена къ солнцу. Это веселый, живой звѣрекъ; трудно повѣрить что онъ большую часть своей жизни, именно отъ восьми до десяти мѣсяцевъ въ году, проводитъ въ зимней спячкѣ, не многимъ отличающейся отъ смерти. Звѣрекъ этотъ довольствуется самой скудной пищей; онъ питается короткой травой и листями и стеблями сочныхъ альпійскихъ колючихъ растеній, да еще мясистыми корнями, какіе попадаются кое-гдѣ въ скудной растительности тѣхъ высотъ. Воды онъ кажется совсѣмъ не пьетъ, такъ какъ вблизи его жилья, рѣдко встрѣчается проточная вода. Лѣтомъ сурокъ живетъ въ одиночку или попарно, въ своемъ жилищѣ которое состоитъ изъ такъ называего котла съ многочисленными ходами, имѣющими отъ 3-хъ до 12-ти футовъ длины. Кромѣ того, вблизи ихъ жилья, находится еще нѣсколько норъ и корридоровъ на случай бѣгства: они скрыты или подъ камнями, или подъ клочками травы, и, чуть звѣрку угражаетъ опасность, онъ съ быстротой молніи юркнулъ туда и прощай. Лѣтомъ, сурки выходятъ изъ своихъ норъ съ восходомъ солнца, но не иначе какъ внимательно прислушавшись своимъ чуткимъ ухомъ нѣтъ-ли какой опасности. Тутъ они щиплютъ короткую траву, до которой не добраться на этихъ неприступныхъ площадкахъ ни козѣ, ни сернѣ, играютъ, возятся другъ съ другомъ, становятся на заднія лапки или нѣжатся на солнцѣ. При малѣйшей опасности, они предостерегаютъ другъ друга пронзительнымъ носовымъ свистомъ, и въ одинъ мигъ исчезаютъ подъ землей. Только что выпадетъ снѣгъ, сурки удаляются въ свои зимнія жилища, находящіяся глубже въ горахъ, но не такой высоты, и лежащія фута на 3—4 подъ землей. Они тщательно обложены сѣномъ, крошечныя отверстія заложены камиями; здѣсь сурки лежатъ до слѣдующаго лѣта, какъ мертвые, погрузясь въ свою зимнюю спячку.

Несмотря на всю безвредность сурка, онъ тѣмъ не менѣе преслѣдуется человѣкомъ; альпійскій охотникъ находитъ въ этомъ животномъ вкусное жаркое. По близости лѣтняго жилища сурка, охотникъ прячется за какимъ нибудь большимъ камнемъ поджидая выхода звѣрка изъ норы; въ неосторожнаго попадаетъ вѣрный зарядъ, по возможности пулей, потомучто если сурокъ сразу не положенъ на мѣстѣ то можетъ спастись въ нору и пропадетъ для охотника, да еще быстро предостережетъ всѣхъ остальныхъ. Пойманый въ раннемъ возрастѣ, сурокъ легко приручается и дѣлается презабавнымъ домашнимъ животнымъ.

Валахи.

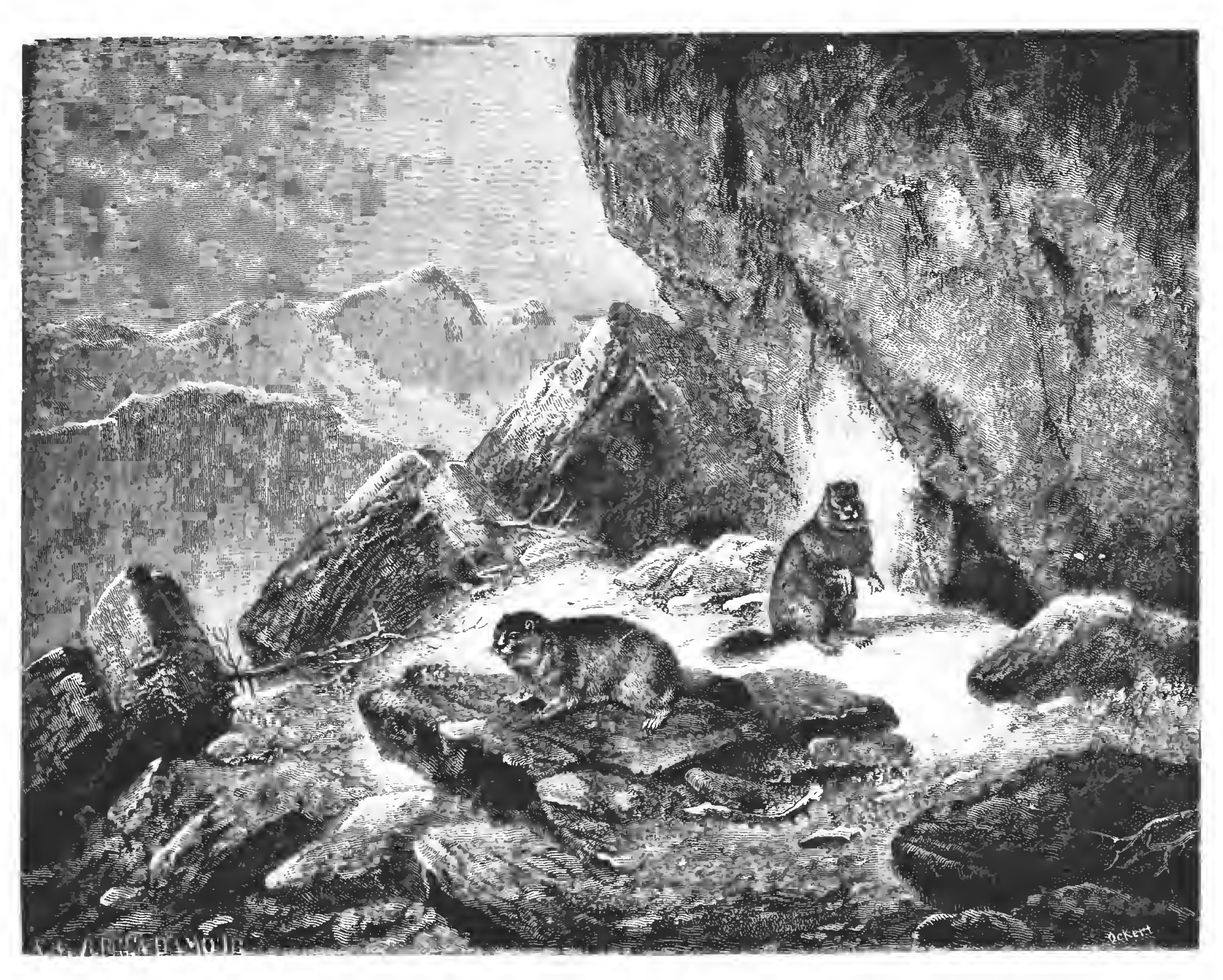
(Очеркъ).

Валахія, какъ извѣстно, составляетъ часть княжества Румынскаго, состоящаго изъ Молдавіи и Валахіи и занимающаго, собственно, юго-восточный склонъ Карпатскаго хребта. Молдавія находится между Карпатомъ и Прутомъ, а Валахія между Карпатомъ и Дунаемъ. Большую часть населенія этой страны составляютъ, собственно Молдаване и Валахи, говорящіе языкомъ румынскимъ. Языкъ этотъ образовался изъ смѣшенія латинскихъ и славянскихъ словъ, но отъ этого смѣшенія, нельзя сказать, чтобы выработалось въ языкѣ румыновъ нѣчто цѣльное: напротивъ, онъ изобилуетъ примѣсью мно-

жества словъ венгерскихъ, турецкихъ и греческихъ. Латинскія слова вошли въ языкъ первобытныхъ обитателей этой страны отъ римлянъ-колонистовъ, выведенныхъ сюда во время Трояна въ 103 г. по Р. Х. Валахи и нынѣ называютъ себя румынами, т. е. римлянами. Письменныя знаки ихъ языка состоятъ изъ славянскихъ буквъ, но не смотря на то, что языкъ румынскій есть общій молдаво-валахскій, нарѣчія молдавское и валахское имѣютъ между собою нѣкоторую разницу. Жителей въ княжествѣ Румынскомъ считается въ настоящее время болѣе четырехъ милліоновъ душъ обоего пола и на Валахію приходится около двухъ съ половиной милліоновъ, а на Молдавію одинъ милліонъ и пятьсотъ тысячъ душъ. Всѣ они по вѣроисповѣданію своему принадлежатъ къ православной восточной церкви, и здѣсь учрежденъ, подобно тому какъ существуетъ у насъ въ Россіи, Правительствующій Синодъ, такъ какъ румынская церковь объявлена независимою отъ Патріарха Константинопольскаго. Молдавія и Валахія, какъ извѣстно, объявлены соединенными въ одно государство, которое теперь считается подъ покровительствомъ пяти великихъ державъ.

Какъ Молдавія, такъ и Валахія въ сѣверныхъ своихъ частяхъ гористы, но за то по теченію Дуная лежатъ большія равнины. Почва страны по большей части черноземная, но обрабатывается весьма неудовлетворительно, по недостатку у населенія необходимыхъ для этого средствъ, какъ экономическихъ, такъ равно и доставляемыхъ просвѣщеніемъ. Нужно при этомъ замѣтить, что земледѣліе въ Румыніи терпитъ нерѣдко большія невзгоды отъ нашествія саранчи и отъ частыхъ засухъ. Климатъ страны можно бы назвать вполнѣ здоровымъ, если бы только несуществовало въ ней и въ весьма значительной степени, въ особенности въ горныхъ мѣстахъ, болѣзни, извѣстной подъ названіемъ—зобъ. Кромѣ Молдаво-Валаховъ, составляющихъ коренное населеніе Румыніи, въ ней есть въ нѣкоторомъ количествѣ славяне, цыгане, евреи и греки фанаріоты. Въ послѣднее время завелось не мало поляковъ-эмигрантовъ, которые устроили въ Яссахъ даже свой костелъ и стараются пропагандировать польскую народность, т. е. говоря откровенно, хотятъ найдти и воротить назадъ вчерашній день. Точно также немало можно встрѣтить въ Румыніи нѣмцевъ, итальянцевъ и французовъ, которые забираются въ страну, оттѣсняя въ ней туземцевъ отъ государственной службы, торговли и ремеслъ. Въ рукахъ этихъ лицъ и капиталы, и вліяніе и большая сила, благодаря тому, что они не Молдаване и не Валахи, а иностранцы. Иностранцами вообще Румынія очень недовольна и сильно косится на нихъ, но помочь сама своему горю не можетъ. Недовольство ея на иностранцевъ всего болѣе происходитъ отъ того, что, въ силу странныхъ договоровъ разныхъ европейскихъ державъ съ Портой, иностранцы пользуются въ этой странѣ правомъ судиться между собою у своихъ консуловъ, а въ дѣлахъ съ мѣстными подданными требовать отъ своихъ консульствъ покровительства и защиты. Понятно, каково мѣстному бѣдному населенію защищать свои права, когда, при каждомъ его столкновеніи съ иностранцемъ, на сторонѣ послѣдняго является покровительство консульства, конечно, всегда болѣе склоннаго на защиту подданнаго своего государства, чѣмъ на его обвиненіе.

Въ этой странѣ превосходно родится кукуруза, пшеница и ячмень. Валахія имѣетъ въ особенности много виноградниковъ. Изъ минеральныхъ произведеній эта страна имѣетъ громадное, можно даже сказать, неистощимое количество каменной соли и кромѣ того въ ней добывается, (большею частію въ Молдавіи) селитра. Въ Карпатахъ есть мѣстечко, называемое Окна, гдѣ находятся богатѣйшіе ломки каменной соли. Плоды ростутъ въ этой странѣ безъ всякаго попеченія и въ большомъ изобиліи. Домашняго скота много и въ особенности въ большомъ количествѣ имѣются лошади, благодаря обилію полевыхъ травъ на равнинахъ, лежащимъ по обѣимъ сторонамъ р. Ду-

Сурки. Рис. Окертъ, грав. Брендамуръ

ная. Рѣки Пругъ и Дунай орошаютъ Молдавію, а Алюта и Дунай главныя рѣки Валахіи; границею между обѣими землями служитъ рѣка Серетъ.

Кромѣ всего сказаннаго нами о княжествѣ Румынскомъ напомнимъ читателямъ нѣкоторые изъ тѣхъ — историческихъ событій, которые, совершившись въ этой незначительной по своему положенію странѣ, занимаютъ въ Русской исторіи важныя страницы. Такъ, напримѣръ, прежнія турецкія крѣпости Турнуль, Журжево и Браиловъ очищены отъ турецкихъ гарнизоновъ къ силу условій адріанопольскаго мира. Фокшаны и Рымникъ напоминаютъ о двухъ побѣдахъ русскихъ и австрійскихъ войскъ надъ турками въ 1789 г., подъ предводительствомъ Суворова. Въ Яссахъ, главномъ городѣ Молдавіи, былъ заключенъ между Россіей и Турціей миръ въ 1791 г., въ силу котораго Россія пріобрѣла тогда отъ Турціи страну между Днѣстромъ и Днѣпромъ и удержала за собою Очаковъ. Въ Бухарестѣ, главномъ городѣ Валахіи, заключенъ миръ между Россіей и Турціей въ 1812 г. по которому Россія пріобрѣла Бессарабію и назначены границею между Россіей и Турціей Пругъ и верхняя часть Дуная. Засимъ, необходимо упомянуть, что съ 1856 г. къ Молдавіи присоединена отдѣленная отъ нашихъ русскихъ владѣній южная часть Бессарабіи по Трояковѣ валъ и рѣку Ялпухъ.

Нашъ соотечественникъ уже умершій писатель В. И Кельсіевъ въ своемъ сочиненіи «Галичина и Молдавія» разсказываетъ, между прочимъ, что финансы Румыніи находятся въ рукахъ евреевъ, что евреи затопляютъ эту страну, направляясь въ нее изъ Россіи, Австріи и Пруссіи, и что греки-фанаріоты имѣютъ въ виду забрать въ свои руки румынскіе монастыри, чтобы воспользоваться ихъ доходами.

На приложенномъ рисункѣ изображенъ Валлахъ на своемъ крѣпкомъ конькѣ. Уже посадка его и молодецкій видъ показываютъ привычнаго наѣздника. Лошади Валлахины очень крѣпки, бойки и выносливы.

Библіографія.

Книга о кіевскихъ богатыряхъ. *Сводъ 24-хъ избранныхъ былинъ древне-кіевскаго эпоса. Составилъ* **В. П. Авенаріусъ.** *Съ портретомъ пѣвца былинъ Рябинина, работы* **Л. К. Сѣрякова**, *и 12-ю картинками, гравированными по рисункамъ* **А. В. Прохорова** *въ ксилографическомъ заведеніи Клича и Рохмицера въ Лейпцигѣ. — С.-Петербургъ. Типографія М. Стасюлевича. 1876.*

Еще не такъ давно—во времена Бѣлинскаго—господствовало мнѣніе, что у насъ настоящей *народной* литературы, т. е. созданной самимъ народомъ, не существуетъ. Сборникъ «Древнихъ россійскихъ стихотвореній» Кирши Данилова, изданный въ началѣ нынѣшняго столѣтія, пользовался столь малою извѣстностью, что учителя словесности 40—50-хъ годовъ не считали нужнымъ даже упоминать объ немъ своимъ ученикамъ. Съ тѣхъ поръ дѣло нѣсколько измѣнилось: ревностные собиратели народныхъ эпическихъ пѣсенъ: Кирѣевскій, Рыбниковъ, Гильфердингъ, исходившіе не одну губернію, чтобы непосредственно со словъ самихъ народныхъ рапсодовъ записать стихотворныя сказанія про древнюю Русь, подарили насъ цѣлыми томами такъназываемыхъ былинъ, которыя затѣмъ, съ 60-хъ годовъ, проникли и въ учебныя заведенія. Но кому охота и время перечитывать десятки отрывочныхъ, испорченныхъ варіантовъ одной и той же былины, чтобы основательно съ нею ознакомиться? Кому охота и время всѣ былины одного и того же круга привести самому въ правильную систему, чтобы составить себѣ совершенно точное понятіе объ описываемой ими эпохѣ? У кого, наконецъ, средства, чтобы пріобрѣсти десятки сборниковъ былинъ? А между тѣмъ сколько истинной, неподражаемой поэзіи разсѣяно въ этихъ древнѣйшихъ памятникахъ нашей народной словесности, которые, до нашихъ дней сохраненные въ памяти народной, изложены и языкомъ вполнѣ для него понятнымъ, хотя и самобытнымъ, оригинальнымъ. Поэтому нельзя не привѣтствовать появленія книги, заглавіе которой мы выписали. Составитель ея, г. Авенаріусъ, поставилъ себѣ задачею — дать русскимъ читателямъ и, въ особенности, русскому юношеству, возможность въ одной, не слишкомъ объемистой книгѣ (въ книгѣ г. Авенаріуса 336 стр. въ 8 д.) ближе ознакомиться съ лучшими перлами древне-кіевскаго эпоса. Съ этою цѣлью сличивъ, по стихамъ, всѣ извѣстные варіанты избранныхъ былинъ кіевслаго эпоса, выбравъ лучшіе стихи, устранивъ или смягчивъ все слишкомъ грубое и сгладивъ шероховатости стихосложенія, затруднявшія плавное теченіе стиховъ,—онъ составилъ возможно-полный сводъ каждой былины. Расположивъ затѣмъ былины въ хронологическомъ порядкѣ, онъ, по примѣру нѣмца Зимрова и финляндца Ленрота, сгруппировавшихъ разрозненные отрывки древне-германской «Пѣсни объ Амелунгахъ» и финской «Калевалы» въ связныя поэмы—связалъ былины въ последовательную хронику, начинающуюся женитьбой князя Владиміра и кончающуюся гибелью всѣхъ богатырей. Значеніе всѣхъ встрѣчающихся въ бытовомъ эпосѣ анахронизмовъ, фактовъ, личностей и предметовъ, требующихъ поясненія, указано въ особыхъ *примѣчаніяхъ*; вышедшимъ изъ употребленія или малоизвѣстнымъ народнымъ словамъ приложенъ *алфавитный указатель*, а во введеніи къ книгѣ сообщены весьма интересныя данныя о происхожденіи былинъ. Наконецъ, книга украшена портретомъ извѣстнѣйшаго рапсода нашего Рябинина, прекрасно исполненнымъ академикомъ Сѣряковымъ, и 12-ю рисунками А. Прохорова, обратившаго особенное вниманіе на соблюденіе въ костюмахъ, домашней утвари, архитектурѣ и проч. возможной археологической вѣрности.

Мы поставлены въ возможность представить нашимъ читателямъ четыре изъ этихъ рисунковъ, причемъ, для большаго уясненія ихъ, считаемъ неизлишнимъ изложить вкратцѣ содержаніе тѣхъ былинъ, къ которымъ они относятся.

Владиміръ Святой или, какъ величается онъ въ былевомъ эпосѣ, «Владиміръ-солнышко, стольно-кіевскій», есть то центральное солнце, вкругъ котораго вращается дѣйствіе всѣхъ былинъ.

«Не ясён сокóлъ съ теплá гнѣзда сóлётывалъ,
Не бѣлóй кречётъ съ теплá гнѣзда сопóрхивалъ:
Возстаетъ самъ батюшка Владиміръ князь
Съ своего большаго мѣста княженецкаго...
По столовой гриднѣ запохаживалъ,
Частую бородкуапоглаживалъ,
Бѣлыми руками заразваживалъ,
Ясными кудрями запотряхивалъ,
Пословечко сударь выговаривалъ...»

Въ этихъ немногихъ чертахъ образъ князя-солнышко вовстаетъ передъ нами какъ живой. Рядомъ съ нимъ безотлучна его стольная княгиня Апраксія, которая

«Ходитъ—словно бѣлая лебёдушка,
Глазомъ глянетъ—словно свѣтлый день;
А и въ грамотѣ-то больно гóразда».

Около нихъ и прелестной, граціозной племянницы «княженецкой» Забавы Путятичны—небольшой, но яркой звѣздочки, группируется вся ихъ солнечная система, планеты и кометы—богатыри и богатырицы. Самая крупная и самая огнистая изъ этихъ планетъ, неоцѣнимый Кохиноръ въ звѣздномъ вѣнцѣ кіевскаго солнца—*Илья Муромецъ*, вѣчный ратоборецъ за общинное дѣло, за равноправность сословій, неизмѣнный защитникъ вдовъ, сиротъ и бѣдныхъ «людушекъ», безкорыстный «обстоятель» и оберегатель отчизны отъ враговъ внутреннихъ (Соловей разбойникъ), духовныхъ (Идолище) и внѣшнихъ (Калинъ царь). Не касаясь здѣсь предшествующихъ подвиговъ «стараго» Ильи Муромца, мы приступимъ прямо къ былинѣ, послужившей сюжетомъ, для первой нашей картинки.

«Ой ты, мать-сыра земля, поразступися-ка!
Небеса вы синія, раздайтеся!
Темны тучи, во едино не скопляйтеся!
Богатырской силушкѣ тошнёхонько,
Горе лютое со старымъ приключилося:
Поразгнѣвался на стараго Владиміръ князь,
Приказалъ его своимъ вѣрнымъ слугамъ
Заложить во погребахъ глубокіихъ,
Позадернути чугунною рѣшёточкой,
Завалити дубьемъ-кóлодьемъ со всѣхъ сторонъ,
Призасыпати песками желтыми,
Поморити смертію голодною».

Навлекъ же «старый» на себя гнѣвъ княжа тѣмъ, что слишкомъ энергически возсталъ противъ придворнаго этикета и мѣстничества. Прочіе богатыри, обидѣвшись за своего стараго товарища, разъѣхались вонъ изъ Кіева. Въ это самое время

«Не волна на мóрѣ расходилася,
Не синё море да всколыхалося,
Взволновался Калинъ царь Калиновичъ,
Воспылалъ собака да на Кіевъ градъ.
Ай, собака ты, злодѣй дя Калинъ царь!
Думаетъ онъ думушку недобрую,
И совѣтуетъ совѣты нехорошіе:
Хочетъ раззорить онъ стольный Кіевъ градъ,
Хочетъ чернедь-мужичковъ повырубить,
Церкви божія на дымъ пустить,
Князю солнышку да голову срубить,
Со княгиней стольной со Апраксіей».

Подступаетъ онъ подъ Кіевъ градъ съ силой несмѣтной:

«Отъ того отъ пару отъ коннаго
Илъ померкло красно солнышко,
Ни луча не взвидѣть свѣту бѣлаго;
Отъ того отъ духу отъ татарскаго
Не можно крещенымъ живымъ быть».

Переполошился князь Владиміръ и рѣшаетъ, что дѣлать уже нечего —

«На убѣгъ бѣжать изъ Кіева приходится».

Тутъ, однакоже, является князева «дочка молодёшенька, малёшенька» и объявляетъ, что «старый» здравъ и невредимъ. Она, изволите видѣть, велѣла подкопать къ «старому» «копи тайныя» и доставляла ему кушанье и питье. Обрадованный князь спускается къ могучему богатырю въ погребъ и бьетъ челомъ постоять за Кіевъ.

«Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:
— Я ужъ три года не видѣлъ свѣту бѣлаго —
Какъ простить мнѣ ту обиду кровную?—
— Да не для-ради меня, Владиміра,
И не для-ради моей Апраксіи,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!»

Аргументъ на столько убѣдителенъ для человѣколюбиваго муромскаго героя, что онъ вскакиваетъ и тутъ же снаряжается въ полѣ за другими богатырями. Но тѣ менѣе сговорчивы и на отрѣзъ отказываются идти на помощь князю. Тогда Илья рѣшается идти одинъ противъ всей силы татарской;

«Заѣзжаетъ прямо во серёдочку,
Сталъ татаровей конемъ топтать,
Сталъ поганыихъ копьемъ колоть,
Подорожною шалыгою помахивать,
Будто зелену траву косить:
Гдѣ махнетъ—тамъ силы улицы,
Гдѣ перемахнетъ—тамъ переулочекъ».

Но подкопали злодѣи подкопъ и захватили его живьемъ. Приводятъ его къ «собакѣ» царю Калину. Тотъ его зоветъ сначала на свою службу. Илья съ негодованіемъ отказывается. Царь не унимается.

«— У меня, собаки, есть двѣ дочери,
Ты посватайся-ка на любо́й изъ нихъ,
Я любую за тебя замужъ отдамъ.
Говоритъ Илья да не съ упадкою:
— Ай же ты, собака Калинъ царь!
Не случилося со мною сабли острыя,
На твоей бы шеѣ я посватался».

На эти слова царь, конечно, не могъ не разсердиться, и вотъ Илью ведутъ въ поле на смертную казнь. Но добрый конь, заслышавъ богатырскій посвистъ, подбѣгаетъ къ Ильѣ, обрываетъ на рукахъ и на ногахъ его оковы, а спущенная Ильею стрѣла будитъ заснувшихъ въ своемъ шатрѣ русскихъ богатырей, и тѣ на этотъ разъ спѣшатъ къ нему на выручку.

«Заѣзжали тутъ бога́тыри право́й рукой,
Заѣзжалъ онъ самъ лѣво́й рукой,
Разгорѣлися сердца ихъ богатырскія,
Расходились жилы богатырскія,
Стали бить-рубить они татаровей,
Стали прижимать ихъ съ двухъ сторонушекъ.
О тѣла поганыя татарскія
Иступились сабли острыя,
Расщепились копья долгомѣрныя,
Изломались палицы тяжелыя.
Захватилъ Илья тутъ за́ ноги татарина,
Сталъ кругомъ татариномъ помахивать;
Гдѣ махнетъ—тамъ улицы татаровей,
Отмахнется—съ переулками,
Самъ татарину да приговаривалъ:
— А и крѣпокъ же татаринъ—не изломится,
А и жиловатъ собака—не изо́рвется!
Только то словечко вымолвилъ —
Оторва̀лась голова татарская,
Угодила голова по силѣ вдоль,
Бьетъ и ломитъ ихъ, въ конецъ губитъ».

Наказавъ самого царя Калина плеткою, Илья везетъ его въ Кіевъ къ Владиміру, который на радостяхъ устраиваетъ пиръ горой и одѣляетъ подарками всѣхъ товарищей Ильи: самъ безкорыстный Илья отъ нихъ отказывается. Царь же Калинъ бьетъ челомъ князю:

«— Ай же ты, Владиміръ князь да стольно-кіевскій!
Не сруби-ка ты мнѣ буйной го́ловы!
Напишу я съ тобой записи великія,
Буду я платить отъ вѣку до́ вѣку
Дани-выходы тебѣ, князю Владиміру —
Скоро тутъ домой онъ убирается,
Убирается собака не съ прибытками,
Не съ прибытками, а со убытками,
Со убытками, со срамотою вѣчною.
Тутъ ему, собакѣ, и славу поютъ».

Вотъ сжатое содержаніе этой замѣчательной былины, занимающей въ подлинникѣ 23 страницы. Въ примѣчаніяхъ къ ней указано ближайшее историческое значеніе ея.

На второмъ рисункѣ мы видимъ того же Илью Муромца въ глубокой старости, совершающимъ вторую изъ послѣднихъ своихъ «трехъ поѣздочекъ».

«Какъ не пыль доро́гой запылилася,
Не туманъ да съ моря подымается,
Не бѣлы снѣжки въ полѣ забѣлилися:
Какъ погуливаетъ старый во чисто́мъ полѣ,
Забѣлѣлась его буйная головушка
Со часто́й, сѣдой, мелкой бородушкой,
Затуманился подъ нимъ его добрый конь,
Запылилась за нимъ сила добрая.
Подъѣзжаетъ старый къ тремъ дороженькамъ,
Къ тремъ дороженькамъ да перекресточкамъ».

На перекресткахъ горючій камень, а на камнѣ «подпись»:

«Во дорожку ту ѣхать—богату быть.
Во другую ѣхать—женату быть,
А во третью ѣхать—убиту быть».

Подивовавшись и покачавъ головой, «старый» ѣдетъ въ дорожку «гдѣ убиту быть». Но подстерегающіе его «въ темныхъ мѣстахъ» «станичники-разбойники» не только его не убиваютъ, а перепуганные его удачнымъ выстрѣломъ въ «кряковистый дубъ», предлагаютъ ему и «золоту казну» свою, и «платье цвѣтное», и «добрыхъ коней», а затѣмъ даже званіе атамана разбойничьяго. Насмѣявшись надъ ними, «старый» разсылаетъ ихъ по домамъ,

«Къ отцамъ-ма́терямъ, къ молодымъ женамъ,
Къ молодымъ жена̀мъ, ко глупымъ дѣвушкамъ;
Будетъ вамъ стоять при дороженькѣ,
Проливати кровь христіанскую.
Скоро старый назадъ тутъ ворочался,
Пріѣзжалъ ко горючему камешку,
Подпись старую на немъ захѣривалъ,
Подпись новую на немъ подписывалъ:
«А и ложно была подпись подписана:
Во дороженьку ѣздилъ—убитъ не бывалъ».
Пораздумался старый, прого́ворилъ:
— А поѣду-ка теперь, гдѣ женату быть. —
Какъ отъѣхалъ старый за три поприща,
Наѣзжалъ терема златоверхіе.
Выбѣгали двѣнадцать красныхъ дѣвушекъ,
Посреди ихъ королевна-душечка;
На ней платье-то драгоцѣнное,
Драгоцѣнное платье самоцвѣтное —
На полушечку мѣста рублемъ не купить.
Говоритъ королевна-душечка:
— Ты удаленькій, дородный добрый молодецъ!
Ты пожалуй-ка ко мнѣ во высо́къ терёмъ,
Напою-накормлю хлѣбомъ-солію».

Королевна-душечка оказывается, однако, злою волшебницей, бабой Латыгорской, накормивъ и напоивъ старика, она готовитъ ему кровать «подложную». Но «стараго» не легко провести:

«У кровати старый головой качалъ,
Головой качалъ, приговаривалъ:
— Да я сколько по святой Руси ни ѣзживалъ,
А такого чуда вѣкъ не видывалъ!
Знать кроватка-то подложная. —
Какъ возьметъ королевну за бѣлы ручки,
Щибанётъ ко стѣнкѣ кирпичноей,—
Отвернулась кроватка подложная,
Увалилась королевна во глубо́къ погребъ».

Спустившись самъ въ погребъ, онъ выпускаетъ оттуда сорокъ царей-царевичей, сорокъ королей-королевичей, сорокъ богатырей, раздаетъ имъ все имѣнье-богачество» волшебницы, ее же предаетъ смерти. Исправивъ затѣмъ на горючемъ камнѣ и вторую «подпись», онъ отправляется въ дорожку, «гдѣ богату быть». Здѣсь попадается ему превеликій камень «въ тридевяносто пудъ», такъ же съ «подписью», что «кому подъ силу вывалить камень, тотъ найдетъ подъ нимъ богатство несмѣтное». Опять покачавъ головой, «старый» подпадаетъ подъ камень плечомъ, выкатываетъ его за три поприща и находитъ въ глу-

I.

Илья Муромецъ и Калино Царь.

«А и крѣпокъ же татаринъ—не изломится,
А и жиловатъ собака—не изорвется!»
Только то словечко вымолвилъ —
Оторвалась голова татарская.

II.

Гри поѣздочки Ильи Муромца.

«Ты, удаленькій, дородный добрый молодецъ!
Ты пожалуй-ка ко мнѣ во высокъ теремъ,
Напою-накормлю хлѣбомъ-солію»,

III.

Добрыня Никитичъ въ отъѣздѣ.

«Ты прости, прости меня, моя державушка
Во винѣ моей прости, во женской глупости.
Что наказа твоего я не послушалась,
За Алешку за Поповича замужъ пошла».

IV.

Чурила Пленковичъ.

Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещатъ,
Гдѣ молодушки глядятъ—оконницы звенятъ,
А старыя старухи костыли грызутъ.
Все глядучи на молода Чурилушку.

бокомъ погреба обѣщанное богатство. Насыпавъ полную мису чиста се́ребра, другую—красна золота, третью—скатна жемчугу, онъ ѣдетъ въ Кіевъ.

«И воздвигнулъ три церкви соборныя:
Перву церковь—Спасу пречистому,
Другу церковь—Николѣ Можайскому,
Третью церковь—Георгію храброму,
Заводилъ тутъ пѣнье церковное,
Устанавливалъ звоны колокольные:
«Чье имѣнье, за того, пускай идетъ!»
Остальное злато-се́ребро, скачёнъ жемчугъ
Раздавалъ по нищей братіи,
Раздавалъ по сиротамъ безпріютнымъ».

Затѣмъ, вернувшись въ послѣдній разъ къ горючему камню, захѣриваетъ и третью «подпись»;

«А и ложно была подпись подписана:
Во дороженьку ѣздилъ—убитъ не бывалъ,
Во другую ѣздилъ—женатъ не бывалъ,
И во третью ѣздилъ—богатъ не бывалъ».

Кромѣ Ильи Муромца, на звѣздномъ небѣ кіевскаго эпоса ярко свѣтятся еще двѣ звѣзды первой величины: *Добрыня Никитичъ* и *Алеша Поповичъ*, первый—чистый какъ алмазъ, второй—обманчивый, какъ блуждающій огонь. Послѣ многообразныхъ подвиговъ, разсказываемыхъ въ предъидущихъ былинахъ, былина о «Добрынѣ въ отъѣздѣ» окончательно обрисовываетъ характеры обоихъ богатырей. Героинею этой прелестной былины является молодая жена Добрыни, богатырица Настасья Микулична. Но предварительно мы считаемъ нужнымъ объяснить, что́ такое были древне-русскія богатырицы или, какъ онѣ называются во былинахъ, «поленицы удалыя». Силою и ловкостью онѣ могли поспорить съ любымъ богатыремъ. Старшая сестра Настасьи Микуличны, Василиса Микулична, слѣдующимъ образомъ распорядилась съ семью борцами, которыхъ князь Владиміръ выслалъ бороться съ ней:

«Какъ возьметъ во праву руку трехъ борцовъ,
Какъ возьметъ во лѣву руку трехъ другихъ борцовъ,
Столконётъ ихъ вмѣстѣ да раскинетъ врозь,
А седьмаго то смахнётъ во серёдочку —
На земи лежатъ всѣ семь борцовъ, не могутъ встать».

Стрѣлять изъ тугаго лука точно также никто лучше ея не могъ:

«Какъ беретъ во рученьку во лѣвую
Стрѣлочку калёную булатную,
Вытягаетъ тугой лукъ да за́ ухо:
Спѣла шёлкова тетивка у туга лука,
Взвыла да пошла стрѣла калёная —
Всѣ тутъ сильные, могучіе бога́тыри
Бросилися будто угорѣлые,
Князь Владиміръ окара́чь наползался;
Хле́снетъ стрѣлка по сыру дубу,
Изломала дубъ въ че́ренья ножёвые».

Играть въ шашки-шахматы она также были куда мастерица. Тѣмъ не менѣе однако, хотя она и переодѣлась мужчиной, быстроглазая племянница князя Забава Путятична узнала въ ней женщину:

«Знаю я примѣты всѣ по женскому:
Какъ по улочкѣ идетъ—что́ уточка плыветъ.
А по горенкѣ ступаетъ, почастеночко;
Какъ на лавочкѣ сидитъ—колѣнца вмѣстѣ жметъ,
Съ поволо́кою глаза поваживаетъ.
Рѣчь съ про́визгомъ у ней по-женскому,
Бёдра крутеньки у ней по-женскому,
Ручки бѣленьки у ней по-женскому,
А и пальчики-то тоненьки по-женскому,
Даже дужки отъ коле́цъ не вышли всѣ».

Такою-то поленицею, до замужества, была и Настасья Микулична. При первой встрѣчѣ ея съ будущимъ мужемъ въ чистомъ полѣ, она только послѣ третьяго удара его оглянулась на конѣ:

«— Я-то думала, комарики покусываютъ,
Анъ то русскіе богатыри пощёлкиваютъ!»

Когда же онъ ей приглянулся, она безъ дальнихъ околичностей предлагаетъ ему взять ее въ замужество:

«— Не возьмешь меня—къ ладонь складу, другой прижму,
Сдѣлаю тебя въ овсяный блинъ!»

Вотъ каковы были барышни богатырскаго вѣка! Понятное дѣло, что Добрыня изъ двухъ золъ выбралъ меньшее—женитьбу. Послѣ этого, однако, Настасья Микулична вдругъ словно перерождается, оставляетъ всѣ свои богатырскія замашки и дѣлается самою преданною, любящею женою. Такою видимъ мы ее и въ былинѣ о «Добрынѣ въ отъѣздѣ». Добрыню князь Владиміръ посылаетъ на цѣлые годы въ ратное поле. Ему, примѣрному семьянину, человѣку деликатному, миролюбивому, хотя и сильному, такое порученіе далеко не по́ сердцу; но надо покориться. Трудно найти въ былевомъ эпосѣ что-нибудь трогательнѣе и поэтичнѣе жалобы отъѣзжающаго Добрыни и провожающей его старухи-матери, Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ намъ выписать эту чисто-народную элегію. По зову свекрови, выбѣгаетъ на дворъ и молодая жена Добрыни и спрашиваетъ, когда ждать его? Онъ велитъ ей ждать три года, а тамъ другіе три. Послѣ шести лѣтъ пускаетъ идти замужъ за кого хочетъ, лишь за одного бы не шла.

«За того за бабьяго насмѣшника,
За судейскаго за перелестника,
За Алешеньку Поповича:
Онъ, собака, мнѣ назва́ный братъ,
А назва́ный братъ вѣдь паче ро́днаго».

И вотъ Добрыня уѣзжаетъ.

«Какъ не сѣрыя двѣ уточки сплывались
Не двѣ бѣлыя лебёдушки слеталися —
Какъ садилися въ одно мѣсто́ свекровушка
Со своей со молодой невѣстушкой,
Плакали, слезами обливалися,
Молода Добрыни дожидалися.
А денёчекъ за денёчкомъ будто дождь дождитъ,
А недѣлька за недѣлькой какъ трава растетъ,
А годо́чикъ за годо́чкомъ какъ соко́лъ летитъ».

Прошли три года, прошли другіе три —

Отъ Добрынюшки ни вѣсти нѣтъ, ни по́вѣсти.
Какъ привозитъ тутъ Алешенька Леонтьевичъ
Невеселую имъ вѣсточку, нерадостну:
Что побитъ лежитъ Добрыня во чисто́мъ полѣ,
Головой лежитъ во частъ ракитовъ кустъ,
Рѣзвыми ногами во ковыль траву;
Ручки, ножки у Добрыни пораскиданы,
Буйная головка поразломана,
Очи ясныя повыклевали вброны,
А сквозь желтыя кудёрышки
Прорастаетъ травушка шелко́вая,
Расцвѣтаютъ цвѣтики лазуревы».

Старушка-мать «жалобнехонько» плачетъ; а къ молодой женѣ сватомъ и свахой являются самъ князь Владиміръ съ княгиней, сватаютъ ее за Алешу Поповича. Она еще не поддается: «За мужа прождала шесть лѣтъ; прожду и за себя шесть лѣтъ». Но проходитъ и этотъ срокъ—Добрыни нѣтъ какъ нѣтъ. А Алеша съ новою вѣстью:

«Что побитъ лежитъ Добрыня во чисто́мъ полѣ,
А и косточки то порастасканы».

Молодая вдова не смѣетъ уже перечить князю-свату и принимаетъ съ Алешей «по злату вѣнцу». А одинокая свекровь причитываетъ:

«Закатилось наше красно солнышко,
Закатается теперь и младъ свѣтёлъ мѣсяцъ!»

Но вотъ наѣзжаетъ къ ней съ поля

Добрый молодецъ, дѣтинушка залѣшанинъ;
Платьица на немъ не цвѣтныя—звѣриныя,
Конь подъ нимъ косматый, будто лютый звѣрь».

Онъ выдаетъ себя за назва́наго брата Добрынина, котораго, будто бы, встрѣтилъ въ полѣ еще вчера, и, узнавъ, что жена Добрынина празднуетъ только что свадьбу, проситъ нарядъ скоморошій, чтобы, по заказу будто бы того же Добрыни, сходить на свадьбу. Старушка не́хотя несетъ ему платья «скоморошныя», гусли «скоморошныя» и дубинку сорока пудовъ. Разобидивъ приворотниковъ и придверниковъ и чуть не повздоривъ съ самимъ княземъ, «удала скоморошина» садится у муравленой печки.

«Положилъ гусе́лышки яро́вчаты
На свои колѣна молодецкія,
Учалъ-почалъ струночки налаживать,
Учалъ да по струночкамъ похаживать,
Самъ подъ струнки голоскомъ поваживать:
На пиру кругомъ всѣ пріумолкнули,
За столомъ кругомъ всѣ позаслушались».

А новобрачная княгиня Настасья Микулична удивленно возглашаетъ, что только покойный мужъ ея умѣлъ такъ играть. Князь, также смилостивившись, предлагаетъ удалой скомороши-

нѣ сѣсть куда хочетъ. Тотъ садится противъ новобрачной, наливаетъ чару вина, опускаетъ въ нее золотой перстень и подноситъ Настасьѣ:

«— Хошь видать добра—такъ допивай до дна,
Не допьешь до дна—такъ невидать добра».

Допила она до донышка, прикатился перстень къ устамъ ея «сахарнымъ», и узнала она обручальное кольцо Добрыни Никитича.

«Поклонилась князю, говоритъ сама:
— Ахъ ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
Анъ не тотъ мой мужъ вѣдь, что возлѣ меня,
Тотъ мой мужъ, что супротивъ меня.
Выходила вонъ изъ-за столовъ дубовыихъ,
Пала мужу ко рѣзвымъ ногамъ:
— Ты прости, прости меня, моя державушка,
Во винѣ моей прости, по женской глупости,
Что наказа твоего я не послушалась,
За Алешку за Поповича замужъ пошла!
Не охотою берутъ меня, не честію.
Силою берутъ меня, неволею».

Надо же какъ нибудь оправдаться! Добрыня—человѣкъ мягкій, прощаетъ; прощаетъ и князя-свата съ княгиней-свахою; готовъ простить и брата названаго за то, «что садился къ молодой женѣ»; но одной вины онъ не можетъ ему простить: что «слезилъ его родитель-матушку». Ухвативъ Алешеньку за желтые кудри, онъ сталъ его по горенкѣ поваживать, звонкими гусёльками охаживать —

«Сталъ Алешенька Леонтьевичъ поохивать,
Да отъ буханья не слышно было оханья».

Отпустивъ, наконецъ, его душу на покаяніе, Добрыня цѣлуетъ жену и уводитъ за руку домой.

«Смотритъ та честна вдова старушенька:
Какъ не зоренька румяная поразсвѣла,
Какъ не звѣзды частыя разсыпалися —
Какъ свѣтёлъ мѣсяцъ во горенкѣ порозсвѣтилъ,
Красно солнышко во горенкѣ пороспекло.
А Алешенька у князя на честномъ пиру
По край лавочки садился, самъ поохивалъ,
Самъ поохивалъ, да приговаривалъ:
— Всякій то на свѣтѣ женится
Да не всякому женитьба удается-то.
Только-то Алеша и женатъ бывалъ,
Только-то Алеша и съ женой живалъ!»

Если въ Добрынѣ Никитичѣ мы видимъ представителя благороднаго боярскаго рода, то въ Чурилѣ Плёнковичѣ, этой хвостатой кометы кіевской солнечной системы, знакомимся съ типомъ великосвѣтскаго франта и волокиты. Къ пирующему князю является толпа мужичковъ-рыболовщичковъ,

«А и всѣ-то избиты-изранены,
Булавами головы пробиваны,
Кушаками буйныя завязаны;
Кланяются князю, поклоняются,
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
— Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!
Дай, государь, намъ праведный судъ,
Дай на Чурилу сына Плёнковича».

Оказывается, что какіе-то невѣдомые люди по рѣкамъ-озерамъ

«Щёлковы нѣводы замётывали,
Камешки у сѣтокъ-то серебряные,
Попловочки на сѣткахъ позолочeные:
Бѣлую рыбицу повыпугали,
Щукъ, карасей повыловили,
Мелкую рыбицу повыдавили».

Да въ добавокъ еще самихъ жалобщиковъ «избили-изранили». Называютъ же себя дружиною Чуриловою.

«Та толпа со двора не сошла,
Новая съ поля появилася,
Все мужички-птицеловщички».

За этими—мужички-звѣроловщички. Всѣхъ ихъ въ промыслѣ ихъ разобидѣлъ, разорилъ Чурила. На вопросъ князя: «Кто-жь это Чурило?» одинъ изъ старѣйшихъ бояръ, Бермята, разсказываетъ о житьѣ-бытьѣ Чурилы, да въ такихъ увлекательныхъ краскахъ, что князь съ княгиней и со всею свитой собирается въ путь на «Чуриловъ дворъ поглядѣть». Встрѣчаетъ ихъ отецъ Чурилы, старый Плёнъ, и проводитъ ихъ въ теремъ. Князь не надивуется на убранство дома, но краше всего потолокъ:

Вся луна небесная повыведена:
Солнце на небѣ—солнце въ теремѣ,
Мѣсяцъ на небѣ—мѣсяцъ въ теремѣ,
Звѣзды на небѣ—звѣзды и въ теремѣ,
По небу звѣздочка покатится —
Въ теремѣ звѣздочки посыплются;
Все по небесному въ теремѣ,
А и всякая краса несказаная».

Но вотъ ѣдетъ и самъ Чурила съ своими лихими молодцами.

«Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горятъ,
Кони подъ ними какъ соколы летятъ».

Лучше же всѣхъ самъ Чурила.

«Впереди его скороходы бѣгутъ,
Передъ нимъ отъ солнца подсолнечникъ несутъ,
Чтобъ не запекло ему бѣла лица;
Самъ онъ ѣдетъ на трехъ лошадяхъ,
Съ лошади на лошадь перескакиваетъ,
Изъ сѣдла въ сѣдло перемахиваетъ,
Шапочки у молодцевъ подхватываетъ,
На головушки молодцамъ подкладываетъ».

Князь даже испод̆шался»: ему, видите-ли, показалось, что то царь какой-то на него войной идетъ; но, успокоенный Плёномъ, онъ благодушно принимаетъ отъ Чурилы драгоцѣнные подарки и не только не даетъ уже никому суда на него, а зоветъ его къ себѣ на почетную должность стольника и чашника. Но едва только приступаетъ Чурила къ исправленію новыхъ обязанностей, какъ оказывается неблагонадеженъ:

«Рушала княгиня Апраксія
Бѣлое мясо лебединое —
Заглядѣлась на Чурилу сына Плёнковича,
Бѣлу ручушку себѣ порѣзала,
Со стыда подъ столъ руку свѣсила».

Князь торопится перевести его на другой постъ—позовщика. Чурила и отъ этого не прочь.

«Ходитъ Чурилушка по Кіеву,
Улицами ходитъ, переулками,
Князей созываетъ со княгинями,
Бояровъ скликаетъ съ боярынями,
Жёлтыми кудрями самъ потряхиваетъ —
Жёлтые кудри разсыпаются,
Что скачёнъ жемчугъ раскатается.
Заглядѣлися всѣ люди на Чурилушку:
Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещатъ,
Гдѣ молодушки глядятъ—оконницы звенятъ,
А старыя старухи—костыли грызутъ,
Все глядючи на молода Чурилушку».

Впрочемъ, и Чурила нашелъ себѣ наконецъ соперника — въ чужеземномъ щеголѣ Дюкѣ Степановичѣ. Но соревнованіе ихъ составляетъ предметъ особой былины, кстати сказать—наиболѣе юмористической, и мы воздерживаемся отъ дальнѣйшихъ выдержекъ. Разсказаннаго, впрочемъ, мы полагаемъ, достаточно, чтобы дать понятіе о кіевскомъ былевомъ эпосѣ. Въ остальныхъ 20-ти былинахъ «Книги о кіевскихъ богатыряхъ» мы знакомимся, кромѣ Дюка Степановича, еще съ богатыремъ-охотникомъ Вольгой Всеславьевичемъ, съ богатыремъ-крестьяниномъ Микулой Селяниновичемъ (отцомъ Настасьи Микуличны), съ богатыремъ-великаномъ Святогоромъ, съ богатыремъ стихіей Дунаемъ Ивановичемъ, съ богатырями-купцами Соловьсмъ Будиміровичемъ и Ставромъ Годиновичемъ, съ богатыремъ-бродягой Михайломъ Потыкомъ и другими, не говоря о тѣхъ былинахъ, въ которыхъ описываются иные подвиги знакомыхъ уже намъ четырехъ богатырей.

Смѣсь.

Дни счастія. По смерти Абдерахмана III (одного изъ мавританскихъ калифовъ, царствовавшаго 50 лѣтъ), послѣдовавшей въ Кордовѣ въ 961 году, найдена въ его посмертныхъ сокровищахъ небольшая записка, писанная его собственной рукой. Въ ней заключались слѣдующія достопамятныя слова: прошло пятьдесятъ лѣтъ съ того дня, какъ я сталъ калифомъ.

На мою долю выпало богатство, почести и наслажденія. Небо ниспослало на мою главу всѣ свои дары, которыхъ жаждетъ человѣческое сердце. Въ этотъ долгій періодъ блеска и завиднаго счастія, я записывалъ дни, въ которые испыталъ истинное счастіе и едва насчитываю ихъ четырнадцать. Пусть судятъ по этому, много ли стоятъ величіе, свѣтъ и жизнь».

Смертность и религіи человѣческаго рода. По исчисленію нѣмецкаго ученаго Сигварта, населеніе всего земнаго шара простирается до 1,381,000,000 человѣкъ. По отдѣльнымъ расамъ число это распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Кавказской	380,000,000
Монгольской	580,000,000
Эѳіопской	200,000,050
Малайской	220,000,000
Краснокожей	1,000,000

Изъ этого числа ежегодно умираетъ среднимъ числомъ 33,333,333, или почти 60 человѣкъ въ секунду. Только одинъ изъ 10,000 достигаетъ столѣтняго возраста, и только одинъ изъ 500—шестидесятидевятилѣтняго. Только 65 человѣкъ изъ 1,000 вступаетъ въ бракъ; фактъ, что женатые люди живутъ дольше холостыхъ, слишкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы говорить объ немъ. Не безъинтересны также данныя объ отношеніи между числомъ жителей земнаго шара и вѣроисповѣданіями. Въ одномъ новомъ англійскомъ сочиненіи др. Гёрста Outleue Slestary ofthe Chureh» (очеркъ исторіи церкви), приводятся слѣдующія цифры относительно этого предмета: христіанство считаетъ 407,000,000 послѣдователей; буддизмъ 340,000,900, магометанство 200,000.000, браминизмъ 175,000,000; всѣ остальныя религіи взятыя вмѣстѣ, 174,000,000. Изъ числа христіанскаго населенія земнаго шара, на протестантовъ приходится 131,007,449, на католиковъ 200,339,390 и на восточную церковь 76,396,940. Въ новомъ свѣтѣ, принимая въ расчетъ Сѣверную и Южную Америку, преобладаютъ католики; ихъ приходится 50 931,083 чел. на 36,036,860 протестантовъ и послѣдователей различныхъ сектъ.

Лаконическое завѣщаніе. Микель-Анджело Буонаротти оставилъ слѣдующее лаконическое завѣщаніе: «Душу мою отдаю Богу, тѣло землѣ, а имущество ближнимъ».

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

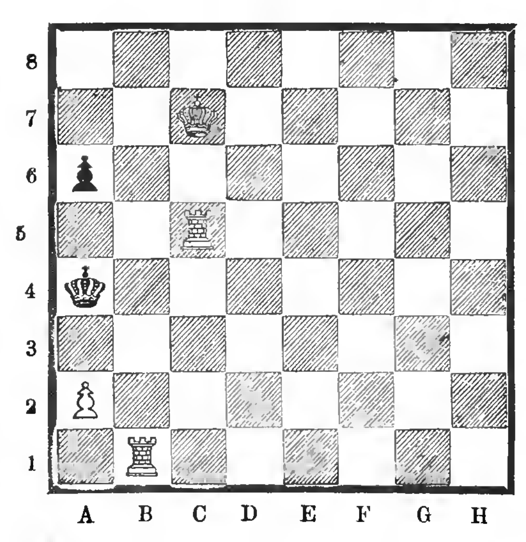
Въ вагонѣ.

Ревизоръ. Билетъ вашъ позвольте!

— Я мѣста не занимаю.

ЗАДАЧА

Черные.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

РѢШЕНІЕ.

Бѣлые.

1) d3 — d2 2) a6 — e2 3) g7 — g3 ++	1) Ad libitum. (какъ угодно).

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Нашему генералъ-адъютанту, генералу отъ инфантеріи, члену государственнаго и военнаго совѣтовъ, барону Эдуарду Рамзаю.

Въ продолженіе болѣе полувѣковаго доблестнаго служенія вашего престолу и отечеству, вы пріобрѣли право на особое Монаршее къ вамъ вниманіе неутомимою полезною дѣятельностью какъ во время военныхъ дѣйствій участвуя во многихъ битвахъ, такъ и въ мирное время, командуя различными значительными частями войскъ. Полученныя вами въ сраженіяхъ знаки отличія свидѣтельствуютъ о личной вашей храбрости, а блестящее состояніе, въ коемъ Мы, къ полному удовольствію Нашему, при неоднократныхъ осмотрахъ, находили бывшія въ командованіи вашемъ войска, постоянно служило Намъ удостовѣреніемъ вашей опытности въ военной администраціи и примѣрной распорядительности. Въ уваженіе таковыхъ заслугъ вашихъ, съ увольненіемъ въ 1873 году отъ должности помощника главнокомандующаго войсками варшавскаго военнаго округа, согласно просьбѣ вашей, по совершенно разстроенному здоровью, вы призваны Нами къ участію въ трудахъ высшаго правительственнаго учрежденія, назначеніемъ васъ членомъ государственнаго совѣта. Признавая нынѣ справедливымъ почтить васъ новымъ знакомъ Нашего Монаршаго благоволенія, Мы пожаловали васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашего святаго апостола Андрея Первозваннаго, знаки коего повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываемъ къ вамъ на всегда благосклонны.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«*Александръ*»

Въ С.-Петербургѣ.
30-го ноября 1875 года.

Дѣла церкви.

— Телеграммою изъ Варшавы, отъ 25 января, „Биржу" извѣщаютъ: «Сегодня послѣдовало возсоединеніе здѣшняго уніатскаго

При этомъ № прилагаются Моды за Февраль съ 31 рисункомъ и большой листъ выкроекъ и прилож. объявленій на стр. 107 и 108. Кромѣ того прилагается для гг. иногороднныхъ подписчиковъ объявленіе отъ чайнаго магазина О. Корещенко въ Москвѣ.

прихода съ православіемъ, причемъ и уніатскій храмъ освященъ въ православный архіепископомъ Леонтіемъ».

— Въ офиціальномъ отдѣлѣ «Варшав. Дневн.» напечатано слѣдующее сообщеніе: «Въ нѣкоторыхъ заграничныхъ газетахъ появляются, время отъ времени, извѣстія, что бывшее уніатское духовенство, возсоединенное нынѣ съ Православною церковью, недостаточно обезпечено въ матеріальномъ отношеніи. Имѣя положительныя свѣдѣнія изъ достовѣрныхъ источниковъ, мы можемъ засвидѣтельствовать, что объ увеличеніи содержанія этого духовенства уже состоялось предположеніе правительства и что въ непродолжительномъ времени этотъ вопросъ будетъ окончательно рѣшенъ, и тогда матеріальное положеніе бывшаго уніатскаго духовенства будетъ не только улучшено, но и вполнѣ обезпечено».

Военное дѣло.

— „Бирж. Вѣд." сообщаютъ изъ вѣрнаго источника, что войска туркестанскаго военнаго округа усиливаются тремя казачьими сотнями, тремя батальонами пѣхоты и 4 конными орудіями. Изъ нихъ 2 батальона пѣхоты командируются изъ оренбургскаго округа и одинъ батальонъ — изъ западно-сибирскаго. Занятіе Кокана вполнѣ обезпечивается этими усиленіями.

Туркестанскій генералъ-губернаторъ, какъ слышно, предполагаетъ выѣхать изъ Петербурга въ Ташкентъ въ февралѣ или въ началѣ апрѣля.

Морское дѣло.

— Всѣхъ русскихъ военныхъ судовъ въ портахъ Балтійскаго и Бѣлаго морей въ прошедшемъ году вооружено было для внутренняго плаванія 105, и на нихъ плавало 942 офицера и 9,885 человѣкъ нижнихъ чиновъ, кромѣ воспитанниковъ морскихъ училищъ. Въ Черномъ морѣ было вооружено 35 судовъ, на которыхъ плавало во внутреннихъ водахъ 321 офицеръ и 2,7000 нижнихъ чиновъ. Въ заграничномъ-же плаваніи чиновъ Черноморскаго флота находилось 27 офицеровъ и 212 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Въ Каспійскомъ морѣ плавало 25 судовъ, на которыхъ находилось 96 офицеровъ и 1,096 нижнихъ чиновъ. Въ Аральской флотиліи плавало 6 судовъ съ 16 офицерами и 545 нижнихъ чиновъ. Судовъ Сибирской флотиліи плавало въ прошломъ году 17 и на нихъ было 113 человѣкъ офицеровъ и 1,230 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Такимъ образомъ оказывается, что всѣхъ русскихъ военныхъ судовъ въ прошломъ году плавало 188, на которыхъ находилось 1,525 человѣкъ офицеровъ, включая въ это число гардемариновъ и кондукторовъ, и 15,668 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

— „Journal d'Odessa" сообщаетъ, что въ происходившемъ 18 января въ Лондонѣ засѣданіи суда по дѣлу о столкновеніи пароходовъ „Корниловъ" и „Вандамора" судъ призналъ пароходъ „Корниловъ" невиннымъ въ этомъ столкновеніи и освободилъ его отъ всякой отвѣтственности.

— Изъ Поти пишутъ, что почти всѣ матросы, кочегары и пр., погибшіе на шкунѣ «Первенецъ», были туземцы—мингрельцы и гурійцы, и что ихъ семейства остались, большею частью, безъ всякой поддержки. Зато, по словамъ „Тифл. Вѣст." русское общество пароходства и торговли въ нынѣшнемъ году получитъ сто слишнимъ процентовъ дивиденда на тотъ капиталъ, который затраченъ былъ ими на пріобрѣтеніе акцій этого общества въ тѣ времена, когда управленіе чуть не довело общество до ликвидаціи.

— «Моск. Вѣд.» пишутъ изъ Одессы, что русское общество пароходства и торговли, несмотря на милліонную субсидію отъ правительства, въ 1875 году понесло громадныя потери: погибли пароходы „Аксай", „Муха", „Первенецъ" и, кромѣ ихъ, пароходъ „Корниловъ", при столкновеніи съ англійскимъ пароходомъ, нанесъ англійскому пароходу убытки, оцѣненные коммисіей въ Англіи въ 20,000 ф. с. (140,000 р.). Если прибавить крушеніе парохода „Михаилъ", случившееся близъ Ялты, то смѣло можно сказать, что вся годовая субсидія правительства едва ли покроетъ эти убытки.

Слухи и извѣстія.

— Намъ передавали, что концесія на постройку донецкой желѣзной дороги осталась за г. Мамонтовымъ, какъ предложившимъ наименьшую сумму, именно 47,812 руб. съ копейками съ версты. Изъ остальныхъ конкурентовъ, непосредственно за г. Мамонтовымъ, слѣдуетъ г. Штейнгель, предложившій строить за 47,820 руб. версту, потомъ идутъ гг.: Шиповъ, оцѣнившій постройку версты болѣе чѣмъ въ 48,000 руб., и Рукавишниковъ—слишкомъ въ 50,000 рублей. Такимъ образомъ, постройка всей линіи донецкой дороги будетъ стоить, по цѣнамъ предложеннымъ гг. Мамонтовымъ и Штейнгелемъ, болѣе 22-хъ мильйоновъ, г. Шиповымъ—болѣе 23-хъ мильйоновъ и г. Рукавишниковымъ—болѣе 24-хъ мильйоновъ.

— Мы слышали, что акціонеры общества Оренбургской желѣзной дороги обратились съ ходайствомъ чрезъ правленія общества о разрѣшеніи имъ, для привлеченія большаго количества грузовъ, построить вѣтви къ городамъ Уральску, Уфѣ и отъ Уфы до Илецкой защиты. Изысканія на устройство послѣдней вѣтви произведены и представлены, какъ говорятъ, въ министерство путей сообщенія.

— По словамъ «Моск. Вѣд.», черниговское земское собраніе, выслушавъ докладъ одного изъ гласныхъ о томъ, что волостные старшины и писаря избираются въ гласные вслѣдствіе вліянія своего на крестьянъ, постановило ходайствовать о дополненіи статьи 36 положенія о земск. учрежд. въ томъ смыслѣ, чтобы волостные старшины и писаря были устранены отъ избранія въ гласные.

— 27 сего января главное управленіе общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ отправило въ Цетинью въ подспорье своему санитарному персоналу и госпиталю, врача Полисадова, фельдшера Анцова и при нихъ 216 пудовъ госпитальной клади, въ числѣ которой четыре палатки-шатра, каждая на 20 человѣкъ больныхъ.

— „Бирж. Вѣд." слышали, что на-дняхъ должны прибыть въ Петербургъ депутація отъ нѣкоторыхъ черноморскихъ торговыхъ портовъ, съ цѣлью ходатайствовать предъ правительствомъ о поднятіи торговаго уровня этихъ городовъ, значительно упавшаго въ послѣдиее время отъ вредной монополіи русскаго общества пароходства и торговли и неправильной эксплуатаціи этимъ обществомъ одесской желѣзной дороги.

Биржа.

28-го января

Фондовая биржа отличалась большимъ оживленіемъ нежели въ предъидущіе дни.

Банковые билеты пользовались спросомъ и сдѣлались нѣсколько крѣпче: за 1-й выпускъ платили $100\frac{1}{8}$%, за 2-й—$99\frac{7}{8}$ и 100%.

Билеты 6% серебромъ покупали по $119\frac{1}{2}$ и $\frac{3}{4}$%.

Первый заемъ 1820 г. (5%) по $102\frac{1}{2}$%, 5-й заемъ 1854 г. (5%) по 100 и $99\frac{7}{8}$%. Рента спрашивалась и была сдѣлана по 105 р. Только билеты внутреннихъ съ выигрышами займовъ пребывали въ слабомъ настроеніи и съ наклонностію къ пониженію: за 1-й заемъ платили $215\frac{1}{4}$, 216 и къ заключенію по $215\frac{1}{2}$ р. За 2-й 216 и $215\frac{3}{4}$ р. Предложенія ипотечныхъ бумагъ ослабили ихъ цѣну. Заемъ г. С.-Петербурга сдѣланъ по 91 р., городскія облигаціи: спб. по $91\frac{5}{8}$ и $\frac{1}{2}$ р., одесскія—по 84 р.

Закладные листы 5% Общ. взаимнаго поземельнаго кредита по $104\frac{3}{8}$ р. $5\frac{1}{2}$% херсонскія по $88\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ р.

Изъ акцій частныхъ банковъ имѣли сдѣлки: спб. учетный ссудный — по $312\frac{1}{2}$ р.; русск. внѣшней торговли по 213 р. На акціи банковъ, потрясенныхъ недавними несостоятельностями, опять явился спросъ: на рижскій коммерческій по 158 р. и на ревельскій по 100 р.

Изъ желѣзнодорожныхъ акцій помѣщались: главн. Общества по $157\frac{1}{2}$ р., волжско-одесскія по $96\frac{1}{2}$ руб., рыбинскія по $80\frac{3}{4}$ р.

Тамбовско-саратовскія по $122\frac{1}{2}$ р., одесскія по 42 р. и либавскія по $54\frac{3}{4}$ р.

Акціи русскаго Общества пароходства и торговли были сдѣланы по 532 и 730 р.

Полуимперіалы спрашивались по 6 р. $30\frac{1}{2}$ к.

СОДЕРЖАНІЕ: Князь Александръ Аркадіевичъ Италійскій графъ **Суворовъ** Рымникскій (съ портретомъ). — **Въ домѣ коммерціи совѣтника.** Повѣсть **Э. Марлитта.** (Продолженіе).—Семейная сцена (съ рисункомъ).—Ночь. (Изъ Лонгфелло) **П. В.** — Сурки (съ рисункомъ).—Валахи (съ рисункомъ). — **Библіографія** (съ 4-мя рисунками)—Смѣсь.—**Юмористическіе очерки** (съ рисункомъ).—Разныя извѣстія.—Приложеніе объявленій.—**Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за Февраль съ 31 рисунками и большой листъ выкроевъ.**

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

О подпискѣ на 1876 годъ
НА
„НУВЕЛЛИСТЪ“,
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО.

„Нувеллистъ“ будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и въ прошломъ году, и выходить ежемѣсячно тетрадями большаго нотнаго формата, заключающими въ себѣ: салонныя пьесы, танцы и русскіе романсы.

Кромѣ извѣстныхъ композиторовъ, какъ напр. **Шумана, Листа, Гензельта, Верди, Штрауса, Оффенбаха** и др.. имена которыхъ постоянно встрѣчаются на страницахъ „НУВЕЛЛИСТА“. въ будущемъ году знаменитый композиторъ.

П. И. ЧАЙКОВСКІЙ,

обѣщая редакціи свое сотрудничество, намѣренъ въ продолженіе года помѣстить въ „НУВЕЛЛИСТѢ“ цѣлую серію своихъ фортепіанныхъ композицій, написанныхъ собственно для нашего изданія, характеръ которыхъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать какъ названію пьесъ, такъ и впечатлѣніямъ того мѣсяца, въ которомъ каждая изъ нихъ появится въ журналѣ, напр. январь—„У камелька“, февраль—„Масляница“, мартъ—„Пѣснь жаворонка“, апрѣль—„Подснѣжникъ“, май—„Бѣлыя ночи“, іюнь—„Баркаролла“, іюль — „Пѣснь косаря“, августъ—„Жатва“, сентябрь—„Осенняя пѣснь“, ноябрь—„На тройкѣ“, декабрь—„Святки“.

Сверхъ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ лучшихъ композиторовъ, которыя къ концу года составятъ обширный томъ отъ 350 до 400 страницъ музыки, гг. подписчики получатъ въ видѣ **ПРЕМІИ** *полную оперу въ двѣ руки по ихъ выбору изъ пятидесяти извѣстныхъ оперъ.*

Подписная цѣна въ годъ 5 руб.

Съ доставкою и пересылкою 6 руб.

Подписка принимается въ главной конторѣ **„Нувеллиста“**, при музыкальномъ магазинѣ **М. Бернарда,** поставщика двора Его Императорскаго Величества, въ С.-Петербургѣ, Невскій просп.. противъ Малой Морской, № 10.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“
О ПЕРЕМЕНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1 за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. на Типографскіе расходы для напечатанія новаго адреса и проч. 20—1

26—8

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.
въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы *В. В. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Клюшникова.* Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы“ 1875 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Шпильгагена.* Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 г. 1 р. съ пересылкой.

КРЫШКИ

для переплета „Нивы“ 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876 г. по образцу показанному рядомъ 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплесть „Ниву“ въ такую коленкоровую крышку.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ,

№ 12. Невскій проспектъ, напротивъ Малой Морской. № 12.

Покупаетъ и продаетъ по биржевой цѣнѣ всякаго рода процентныя бумаги, акціи, золото, серебро и иностранныя монеты.

Принимаетъ порученія на покупку и продажу таковыхъ на здѣшней и иностранныхъ биржахъ, взимая за то $^{1}/_{8}$% коммисіи.

Выдаетъ ссуды въ возможно-высокомъ размѣрѣ, подъ залогъ процентныхъ бумагъ и билетовъ 5% съ выигрышами займовъ на срокъ отъ 1-го до 12 мѣсяцевъ.

Уплата ссудъ можетъ производиться или разомъ, или ежемѣсячными взносами.

Заложенныя въ другихъ банковыхъ учрежденіяхъ бумаги могутъ быть выкупаемы конторою и перезакладываемы у нея съ увеличеніемъ ссуды.

Заемщики изъ провинціи могутъ высылать бумаги по почтѣ на имя конторы, и контора немедленно высылаетъ деньги и залоговое обязательство по указанному адресу.

Контора принимаетъ денежные вклады и платитъ за деньги, внесенныя:

на текущій счетъ 6%
на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ 7%
на срокъ не менѣе 6-ти и до 12-ти мѣсяцевъ. 8%

Расчетъ процентовъ по текущему счету производится 4 раза въ годъ, а именно: 1-го Января, 1-го Апрѣля, 1-го Іюля и 1-го Октября; за вклады же на срокъ проценты уплачиваются впередъ.

Капиталъ, отданный конторѣ на извѣстный срокъ, можетъ быть, по желанію вкладчика, возвращенъ и до истеченія срока черезъ 8 дней по заявленіи за вычетомъ процентовъ въ размѣрѣ 3-хъ годовыхъ выше платимыхъ конторою процентовъ при вкладѣ.

Для членовъ, имѣющихъ деньги въ конторѣ на текущемъ счету, послѣдняя исполняетъ всѣ биржевыя операціи, не взимая за то коммисіи.

Вкладчики изъ провинціи, желающіе внести деньги на текущій счетъ, могутъ присылать по почтѣ и имъ высылается тотчасъ надлежащее свидѣтельство.

Контора страхуетъ отъ тиражей погашенія билеты обоихъ внутреннихъ 5% съ выигрышами займовъ по 40 копѣекъ за билетъ, для иногороднихъ по 50 коп.

Отъ частныхъ банковъ и банкирскихъ конторъ въ провинціи, контора, по прежнему, принимаетъ перестраховку принятыхъ ими на страховку билетовъ. Объ условіяхъ обратиться къ конторѣ.

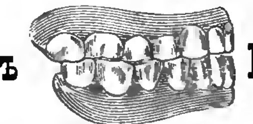
Продаетъ билеты 5% съ выигрышами обоихъ займовъ съ разсрочкою платежа по 10 рублей и болѣе въ мѣсяцъ,

причемъ могущій упасть, со времени полученія конторою задатка, на купленный билетъ выигрышъ принадлежитъ покупателю.

Порученія изъ провинціи исполняются безотлагательно.

Лица, желающія состоять агентами конторы въ провинціи, могутъ заявить о томъ конторѣ съ указаніемъ, гдѣ можно справиться объ ихъ благонадежности. 5 3

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Карлъ **Баухъ,**

жительствующій по Большой Морской, домъ Росмана №: 9, приготовляетъ искуственные зубы по новѣйшей американской методѣ, съ многолѣтнимъ ручательствомъ за прочность и удобство, и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч., на умѣренныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ. 6—8

СИБИРСКІЯ ПРОТИВЪ ЗУБНОЙ БОЛИ КАПЛИ, Л. ГИРШГОРНА.

Во всѣхъ извѣстныхъ аптекахъ въ Петербургѣ; также у Рульковіуса и Гольма, въ Казанской, на углу Демидова пер. и въ Русскомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами у Полицейскаго моста, въ домѣ Башмакова. Цѣна 75 коп. 6—4

СѢМЕНА.

Огородныя, цвѣточныя, хлѣбныя, травяныя и проч. а также садовые инструменты предлагаетъ гг. любителямъ садоводства и сельскимъ хозяевамъ

ВНОВЬ ОТКРЫТАЯ СѢМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ

А. Ушакова

въ С.-Петербургѣ, Большая Конюшенная д. 1 гдѣ Зимній садъ его же.

Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно. 6—3

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—30

СТОЛЯРНОЕ И МОДЕЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ, по Больш.. Морск., д. № 4, кв. № 13. Принимаетъ заказы на мебельную работу по изящнымъ новымъ рисункамъ и модельную работу по конструкторскимъ чертежамъ. Имѣется готовая мебель. Дубовые и палисандровые складные стулья по 50 р. дюжина, за штуку 5 р., очень удобныя для деревень, дачъ и охоты. 4—2

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 35. 26—4

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 31 Января 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш. Морская, [illegible] Тип. [illegible], Англ. пр. № 10.

ЛИТЕРАТУРЫ,

№ 7 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1876

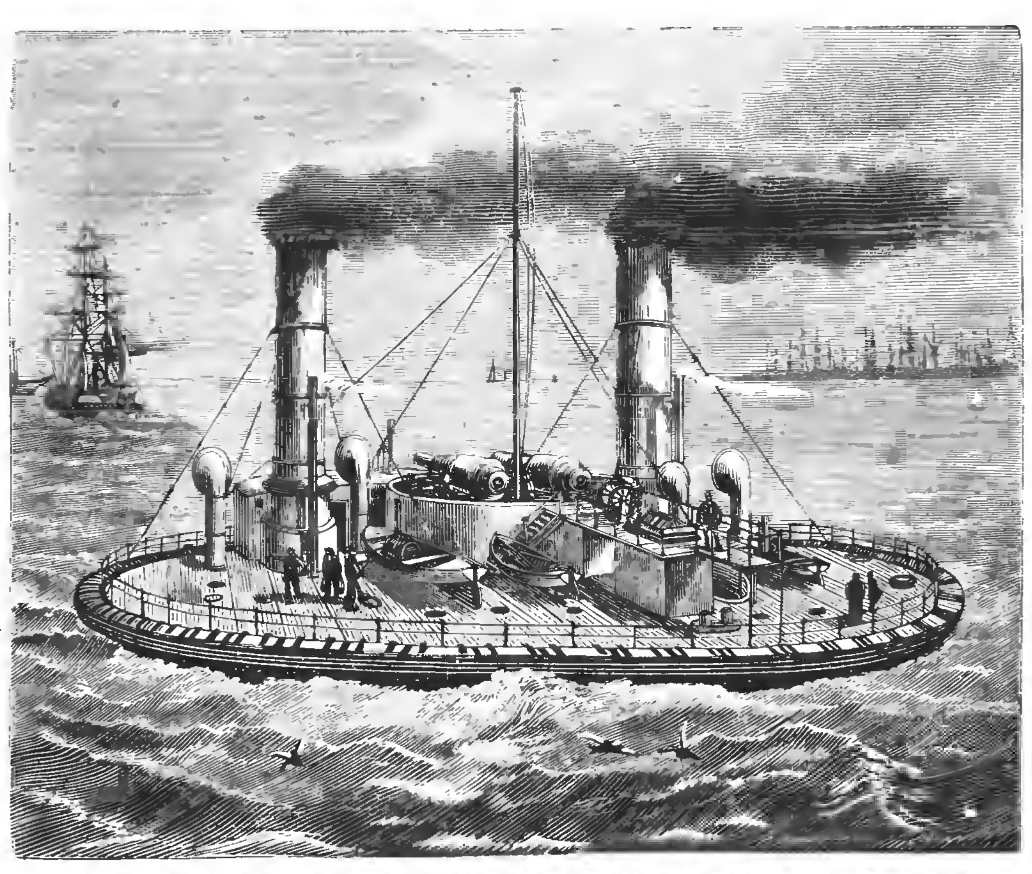
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНIЕМЪ

Выданъ 16 Февраля 1876 г. ПАРИЖСКIЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Поповка „Новгородъ“.

Типъ нашихъ круглыхъ судовъ—поповокъ, бывшiй предметомъ долгой газетной полемики, вызвалъ многое высказанное и за и противъ этихъ сооруженiй. Идея прiйдти къ круглымъ судамъ уже не нова и разрабатывалась многими инженерами и моряками.

Извѣстнѣйшiе и болѣе или менѣе законченные проекты круглыхъ судовъ принадлежатъ французскому адмиралу Пари и англiйскому инженеру Эльдеру. Преслѣдуемая ими цѣль состояла въ томъ, чтобы достигнуть возможности создать судно, способное при незначительномъ углубленiи поднимать значительный грузъ. Поповка носитъ самыя большiя орудiя и защищена самою сильною бронею, въ этомъ и состоятъ ея несомнѣнныя достоинства. Но это достигнуто съ потерями и весьма значительными. Будучи круглымъ и представляя значительную площадь сопротивленiя водѣ, судно неизбѣжно не можетъ обладать большою скоростью хода и обращается почти въ укрѣпленiе только выжидающее и вызывающее непрiятеля, но не имѣющее средствъ его преслѣдовать. При встрѣчѣ же съ равносильнымъ противникомъ, поповка въ случаѣ крайности не можетъ отъ него уйдти

Броненосная Поповка «Новгородъ». Съ фот. снимокъ на деревѣ, грав. Бейерманъ.

и должна подчиниться всѣмъ случайностямъ боя. Въ этомъ ея важный недостатокъ. Надо, впрочемъ, не упускать изъ виду, что спеціальное назначеніе «поповки» есть защита узкостей, фарватеровъ и прибрежій и что, слѣдовательно, она не предназначается для боя въ открытомъ морѣ съ линейными броненосцами. Главный вопросъ о невыгодѣ поповки сводится значитъ къ тому, что защита узкостей, прибрежій и т. п. можетъ бытьдостигнута съ меньшими затратами, чѣмъ сопряженныя съ сооруженіями такихъ капитальныхъ судовъ, стоющихъ каждое до 1,500,000 рублей.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что гораздо дешевле и удобнѣе защищать гдѣ надо берега просто обыкновенными башенными береговыми батареями, тѣмъ болѣе что онѣ и долговѣчнѣе броненосцевъ.

Недостаткомъ «поповки» слѣдуетъ считать и значительное число необходимыхъ для нея машинъ. Условіе это вызывая постоянный усиленный расходъ топлива, увеличиваетъ возможность числа различныхъ случайностей неблагопріятныхъ для боеваго судна.

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ и слѣдующія главы будутъ переводиться съ рукописи и появляться одновременно съ оригиналомъ.

(Продолженіе).

Относительно этого пункта мельникъ счелъ нужнымъ замѣтить, что мельница сдѣлала его богатымъ человѣкомъ, а потому внучкѣ его, если-бы даже она стала „такой-же горделивой, высокомѣренной, какъ ея сводныя сестры“, нечего стыдиться принести въ приданое своему будущему мужу мельницу. Съ рыцарскимъ помѣстьемъ указано поступить такъ: разбить его на участки, а затѣмъ лѣса, земли, хозяйственныя постройки, луга и обширные огороды—продать съ торговъ. Что касается виллы и принадлежащаго къ ней парка, то коммерціи совѣтнику, буде онъ пожелаетъ купить ее, предоставляется преимущество передъ всѣми другими покупателями, и кромѣ того ему, какъ пріобрѣтателю, слѣдуетъ сдѣлать скидку въ размѣрѣ 5000 талеровъ съ оцѣнки стоимости виллы. Эти пять тысячъ талеровъ коммерціи совѣтникъ Рэмеръ долженъ принять не только какъ вознагражденіе за хлопоты свои въ качествѣ опекуна, но еще какъ даръ въ знакъ признательности со стороны завѣщателя за то именно, что онъ, коммерціи совѣтникъ, никогда не былъ такъ высокомѣренъ, какъ „другіе“ обитатели виллы, напротивъ, онъ относился къ нему, Зоммеру, всегда какъ преданный, близкій родственникъ. Далѣе, въ завѣщаніи было указано все имущество обратить въ процентныя государственныя бумаги и въ другія солидныя бумажныя цѣнности—по выбору и усмотрѣнію опекуна, какъ человѣка дѣловаго и осторожнаго въ такихъ вещахъ.

Катерина Мангольдъ, молодая наслѣдница, цѣлыхъ шесть лѣтъ прожила вдали отъ своей родины. Отецъ, умирая, передалъ ее гувернанткѣ—фрейлейнъ Лукасъ, которая воспитывала дѣвочку чуть-ли не со дня ея рожденія и, дѣйствительно, замѣняла ей мать. Банкиръ зналъ очень хорошо, что онъ не долженъ разлучать свою любимицу съ этой женщиной, онъ видѣлъ, какъ Кэта всегда робко сторонилась отъ своихъ старшихъ сестеръ — и потому распорядился отправить меньшую свою дочь въ Дрезденъ, гдѣ фрейлейнъ Лукасъ какъ разъ въ это время поселилась, выйдя замужъ за доктора, невѣстою котораго она была уже нѣсколько лѣтъ.

Молодая дѣвушка, въ письмахъ своихъ къ опекуну, никогда не изъявляла желанія вернуться на родину, да и дѣду ея, „замковому“ мельнику, тоже какъ-то не приходило въ голову вызвать ее изъ Дрездена: старикъ и въ первое время ничего не имѣлъ противъ отправки дѣвочки въ означенный городъ, потому что видъ этого ребенка всегда заставлялъ его скорбѣть объ умершей дочери, единственномъ существѣ, которое онъ дѣйствительно любилъ... Теперь, когда мельника уже не стало, опекунъ написалъ Кэтѣ, что приглашаетъ ее пріѣхать сюда хотя на нѣкоторое время, но оговорился, что, съ наступленіемъ болѣе теплыхъ дней, напр., въ концѣ апрѣля, онъ самъ пріѣдетъ за нею... О причинѣ этой оговорки коммерціи совѣтникъ умолчалъ въ письмѣ, но дѣло въ томъ, что президентша Урахъ заявила о положительномъ нежеланіи своемъ видѣть бывшую гувернантку въ качествѣ провожатой Кэты. Молодая дѣвушка извѣстила опекуна, что на все согласна, и только на сдѣланный имъ вопросъ: — нѣтъ-ли у нея какого нибудь личнаго желанія касательно приведенія въ исполненіе духовнаго завѣщанія?—отвѣтила убѣдительною просьбою оставить за нею, при отдачѣ „замковой“ мельницы въ аренду, большую угловую комнату и альковъ, а также сохранить ихъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ были онѣ при жизни дѣдушки. Опекунъ исполнилъ эту просьбу.

Еще мартъ былъ на дворѣ, когда молодая дѣвушка пріѣхала изъ города. Она шла теперь по шоссейной дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ которой красовались дачки, и, дойдя до другой — широкой проѣзжей, ведущей къ „замковой“ мельницѣ, свернула на нее. Тутъ еще стояли лужи отъ послѣдняго растаявшаго снѣга; вода не успѣла просочиться въ почву и наполняла широкія борозды, оставленныя колесами мельничныхъ телѣжекъ, и продолговатыя углубленія отъ подошвъ обуви пѣшеходовъ. Стройныя ножки молодой дѣвушки были въ крѣпкихъ кожанныхъ сапожкахъ, а черное шелковое платье ея было подобрано настолько высоко, что подолъ его, украшенный отдѣлкой, никакъ не могъ загрязниться. Особа эта, такъ храбро, увѣренно шедшая, вовсе не походила на сильфиду; фигура ея скорѣе напоминала молодую, красивую швейцарскую дѣвушку, упитанную густымъ ароматнымъ альпійскимъ молокомъ и чистымъ воздухомъ горъ, отъ которой такъ и вѣетъ цвѣтущимъ здоровьемъ. Обтяжная черная бархатная кофточка, отороченная мѣхомъ, обрисовывала крѣпкій, красиво-сформировавшійся бюстъ путешественницы, свѣтло-каштановые волосы ея были прикрыты шапочкой изъ куньяго мѣха, сидѣвшей нѣсколько на-бекрень. Черты лица не отличались правильностью и ужъ, оно вовсе не обладало классической красотой: горбатый носикъ какъ-то коротковатъ сравнительно съ выпуклымъ, широкимъ лбомъ, ротъ немножко великъ, кругленькій подбородокъ съ ямочкой выдавался нѣсколько впередъ, а дуги бровей были недостаточно очерчены, но всѣ эти недостатки исчезали, благодаря правильности овала лица и удивительной свѣжести цвѣта его.

Молодая дѣвушка вошла въ открытыя настежъ ворота „замковой“ мельницы. Цѣлая компанія куръ, подвигавшаяся къ воротамъ по дорожкѣ изъ просыпанныхъ хлѣбныхъ зёренъ, вдругъ встревожилась, громко закудахтала и разбѣжалась. Цѣпныя дворовыя собаки пребывавшія до сихъ поръ въ сладкой дремотѣ, заливались теперь бѣшенымъ лаемъ. А какимъ чудно-золотистымъ свѣтомъ весеннее солнышко обливало стѣны стараго, великолѣпнаго зданія! Да, эти громадныя плиты сложены были въ доброе старое время подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самаго строителя—владѣтельной особы... Три дня тому назадъ, не дальше, послѣдняя толстая ледяная сосулька, что торчала изъ ра-

зинутой львиной пасти желѣзнаго кровельнаго жёлоба—упала и звонко разсыпалась, а сегодня—вонъ, надъ пригрѣтой солнцемъ шиферной крышей даже видно, какъ струится сверкающій воздухъ!.. Изъ толстенькихъ коричневыхъ почекъ каштановъ уже сочилась смола—потому-то онѣ и поблескивали, словно были обсыпаны алмазною пылью. Два горшка съ полузавядшими комнатными растеніями въ первый разъ сегодня вынесены на теплый, свѣжій воздухъ и поставлены передъ однимъ изъ оконъ „молодцовской" комнаты, изъ которой по деревянному крылечку можно было прямо выйти на дворъ. На этомъ крылечкѣ сидѣлъ мельникъ, весь бѣлый отъ насѣвшей на него мучной пыли, и отрѣзывалъ себѣ большущіе ломти хлѣба и сыра.

— Жучка! Сторожо́къ! крикнула молодая дѣвушка, махнувъ рукой собакамъ, которыя бѣшено прыгали, визжали и рвались съ цѣпи.

— Вамъ что́ угодно? спросилъ мельникъ тяжело привставая.

— Она тихо засмѣялась.

— Мнѣ ничего не угодно, Францъ, я желаю только поздороваться съ вами и Сузой.

Хлѣбъ, сыръ и ножикъ полетѣли за перила крылечка... Этотъ „бѣлый" человѣкъ былъ не высокаго роста, гораздо ниже молодой дѣвушки; безмолвно глядя на цвѣтущее лицо, онъ вспомнилъ, что когда видѣли ее въ послѣдній разъ—она не доходила даже до его широкихъ плечъ... Да, и такая это была тоненькая, худощавая дѣвочка, и всѣ тутъ звали ее „мельничной мышкой": дѣйствительно, она съ быстротою и ловкостью мышки бѣгала слѣдомъ за нимъ по мельницѣ и хлѣбнымъ амбарамъ... И вдругъ—*она* здѣсь, передъ нимъ, госпожей явилась, а онъ, Францъ, бывшій старшій мельникъ, теперь—арендаторъ этой самой мельницы.

— Вотъ такъ штука! проговорилъ наконецъ Францъ въ непріятномъ смущеніи, покачивалъ головой... Вонъ—ямочки-то на щекахъ и глаза все тѣ-же, но... но такъ нечеловѣчески подняться, вырости—мое почтенье!..!

Онъ робко, какъ-бы не довѣряя себѣ, смѣрилъ глазами высокую фигуру дѣвушки.

— Н-да, видно, что бабушка Зоммеръ учавствовала тутъ! Она вѣдь тоже была такая, женщина—кровь съ молокомъ... Цыцъ вы, мошенники! прервалъ свою рѣчь мельникъ, погрозивъ кулакомъ собакамъ, непереставвшимъ лаять.—Ну, право-же, эти хохлатые плуты узнали васъ, милостивая барышня...

— Скорѣе, чѣмъ вы! Видно, „нечеловѣческій" ростъ не сбилъ ихъ съ толку, отвѣтила она и, подойдя къ высоко-прыгавшимъ псамъ, стала ихъ ласкать.

— А вы, Францъ, немножко странно меня называете... Въ Дрезденѣ меня не повысили чиномъ, могу васъ увѣрить въ этомъ.

— Да вѣдь вонъ тамъ, на виллѣ-то, барышни велятъ такъ называть себя, замѣтилъ мельникъ какимъ-то строгимъ, упрямымъ тономъ.

— А! Вотъ оно что...

— Да-съ, а вы въ десять разъ больше ихъ значите. Еще-бы! Эдакая молодая и ужъ такъ богата, такъ сказочно-богата!... Вотъ, хоть-бы эта мельница, самая лучшая во всемъ здѣшнемъ краѣ—ваша. Чортъ побери, это что нибудь да значитъ!.. Въ самомъ дѣлѣ—дѣвушка вы еще, и всего-то вамъ восемнадцать годочковъ, а ужъ владѣете такой мельницей!...

— Ничего, это мнѣ по плечу, засмѣялась она:—погодите, старый Францъ, я покажу вамъ, какова я, пожалуй, еще жизнь вашу отравлю... Ахъ - да: гдѣ - же Суза?

— Да сидитъ, закупорившись въ комнатѣ. Опять что-то у бѣдной старухи въ правомъ боку неладно... Домашними-то средствами, видно, уже больше не помочь. Докторъ Брукъ теперь у нея.

Молодая дѣвушка протянула руку Францу, взбѣжала на крылечко и вошла въ домъ. Тяжелая дверь съ шумомъ и дребезгомъ затворилась за нею, а въ обширныхъ сѣняхъ даже загудѣло отъ этого стука. Полъ сильно дрожалъ такъ и было слышно, хотя и глухо, какъ грохотала мельничная машина: небольшая дверь въ каменной стѣнѣ была не совсѣмъ отворена; здѣсь крѣпко пахло только что смолотымъ зерномъ... Дѣвушка жадно вдыхала этотъ воздухъ; цѣлое море воспоминаній хлынуло на нее, и она даже поблѣднѣла отъ душевнаго волненія, сложила руки и на секунду пріостановилась... Да, это такъ, она больше всего любила „ползать" на старой мельницѣ (какъ выразилась президентша), и папа частенько приходилось сдувать мучную пыль съ ея волосъ и платья... Папа, смѣясь, называлъ ее „своей бѣлой мельничной мышкой". А угрюмый старикъ, дѣдушка, всегда бывало стоя вонъ тамъ, наверху лѣстницы, отдавалъ свои приказанія громкимъ, сердито-повелительнымъ голосомъ... Онъ никогда не любилъ „бѣлой мышки". Она зачастую убѣгала отъ его враждебнаго взгляда—къ Сузѣ, въ ея кухню, сіявшую чистотой, или скрывалась у Франца... И все-таки ей было горько: она скорбѣла, думая о немъ, и желала, чтобы дѣдушка теперь, сейчасъ, спустился съ лѣстницы! Ей хотѣлось услышать его тяжелые шаги, подъ которыми стонали лѣстничныя ступеньки... Что-жъ, можетъ быть, теперь она и не боялась-бы лица его: лицо-то казалось только отталкивающимъ потому (такъ думалось ей), что на немъ лежала печать упрямства, гордости богача. Можетъ быть, теперь онъ былъ-бы болѣе кроткимъ, ласковымъ къ ней: вѣдь она на бабушку стала похожа!...

Дверь въ угловую комнату оказалась запертой, но изъ узкаго корридора, соединявшаго переднюю часть дома съ заднею, доносился сюда плачевный, жалобный голосъ сударыни-Сузы... Ахъ-да, вѣдь тамъ была спаленка старой дѣвы, мрачная комнатка, съ круглыми оконными стеклами въ свинцовыхъ переплетахъ: оттуда только и можно было увидѣть сѣрую гонтовую крышу дровянаго сарая, да вѣчно-грязную поверхность боковаго дворика...

Молодая дѣвушка досадливо покачала головой и пошла по корридорчику. Жаркій, удушливый, пропитанный дымомъ, больничный воздухъ такъ и обдалъ ее, когда она отворила дверь въ комнатку старухи. Тамъ царилъ какой-то непріятный полусвѣтъ, чему причиной были подслѣповатыя, съ зеленымъ отливомъ, оконныя стеклышки. Прежде всего она увидѣла мужчину, стоявшаго къ ней спиною, мужчину высокаго роста (куда выше ее) и довольно широкоплечаго. Повидимому, онъ уже собрался уходить, потому что держалъ въ рукѣ шляпу и палку. — А! такъ вотъ — докторъ Брукъ... О немъ-то, восемь мѣсяцевъ тому назадъ, опекунъ Морицъ и писалъ ей, сообщая о его сватовствѣ, писалъ, что Брукъ, будучи еще гимназистомъ, втайнѣ любилъ ея сестру-красавицу—Флору, но, само собой разумѣется, не дерзалъ тогда и глазъ поднять на эту умную, даровитую дѣвушку, у которой было столько поклонниковъ... Теперь онъ достигъ желанной цѣли, преслѣдуемой имъ съ такимъ упорствомъ, съ такимъ трудомъ!... такъ вотъ онъ — этотъ докторъ! — Съ тѣхъ поръ она, собственно говоря, даже и забыла о помолвкѣ сестры, а во время путешествія сюда ей ни разу не пришло въ голову, что она встрѣтитъ въ семьѣ *новаго* члена.

Притворенная дверь хотя отворилась передъ ней безъ малѣйшаго шума, но зашелестило-ли шелковое платье молодой дѣвушки, или волна болѣе чистаго воздуха влетѣла въ комнатку при появленіи ея (дѣйствительно, она, какъ олицетвореніе весны, такая свѣжая, цвѣтущая стояла на порогѣ, что казалось, отъ нея струится ароматъ фіалокъ, разлитый въ воздухѣ въ концѣ марта)—только докторъ живо обернулся.

— Докторъ Брукъ? Я—Кэта Мангольдъ, проговори-

ла она отрывисто, мимоходомъ рекомендуясь ему, а затѣмъ быстро прошла мимо него и протянула обѣ руки Сузѣ, которая, сгорбившись, сидѣла въ креслѣ, обложенная подушками.

Старуха, вытаращивъ глаза, смотрѣла на гостью.

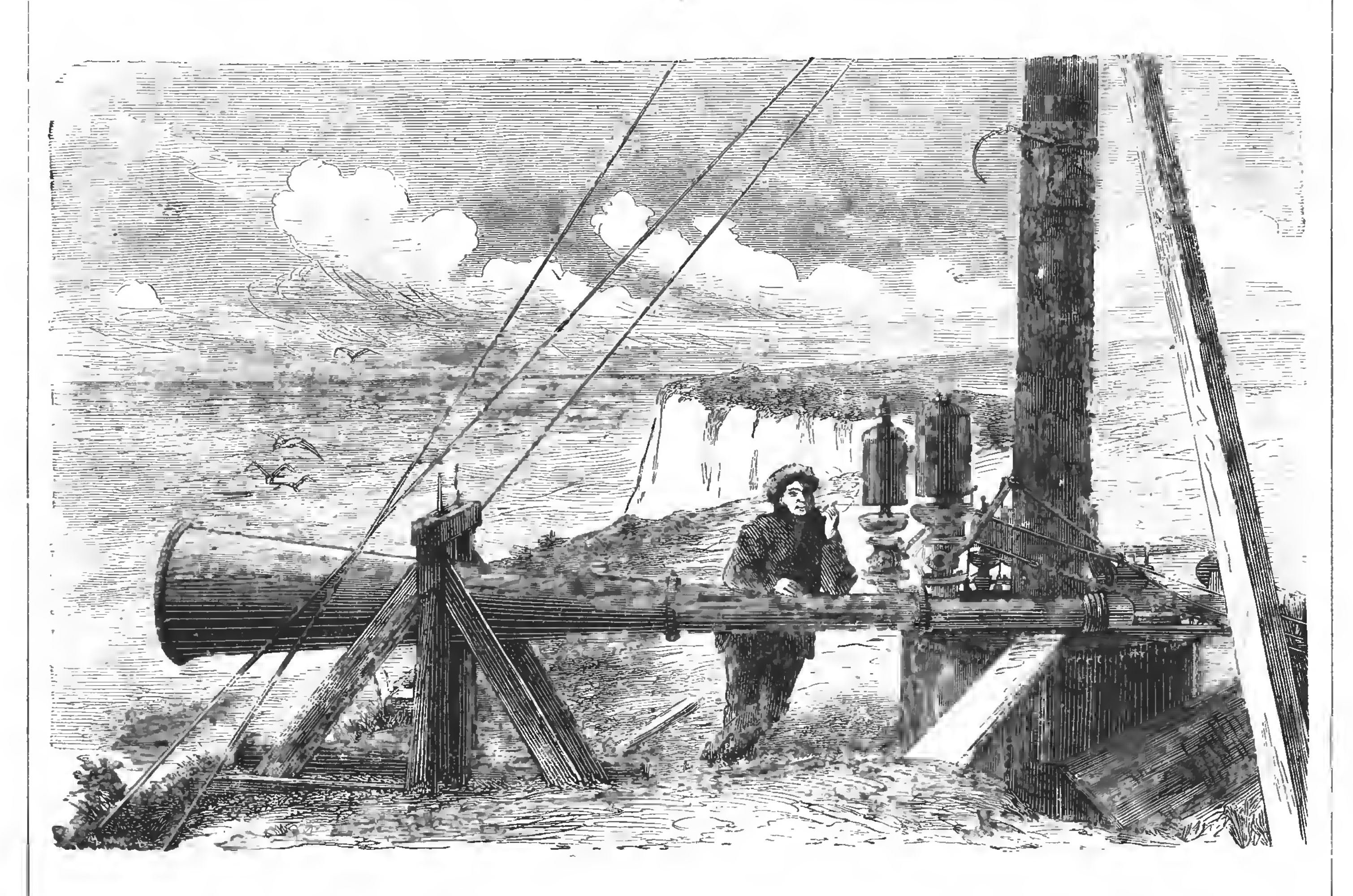
— Вѣдь я—какъ снѣгъ на голову, не правда-ли, Суза? И, какъ вижу, пріѣхала во-время, прибавила молодая дѣвушка, подправляя подъ чепчикъ упавшіе на лобъ сѣдые волосы больной.—Отчего, скажи мнѣ, нахожу я тебя *тутъ*, въ этой жалкой коморкѣ? Печка дымитъ, и хоть жаромъ пышетъ отъ нея, а на стѣнахъ плѣсень... Развѣ тебѣ не было сказано, что ты должна жить въ угловой комнатѣ и спать въ альковѣ?

— Охъ, было сказано!.. Господинъ коммерціи совѣтникъ говорилъ мнѣ объ этомъ, но нужно было-бы, чтобы, у меня вотъ здѣсь (старуха постучала указательнымъ пальцемъ себя по лбу) было не въ порядкѣ—ну, вольно является у насъ, когда мы говоримъ у постели страждущаго.

— Ну въ такомъ случаѣ, мы не будемъ терять ни одной минуты, сказала Кэта и, снявъ мѣховую шапочку и перчатки, положила все это на кровать Сузы.

— Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ не перенесете вы меня туда! запротестовала экономка... Ахъ, фрейлейнъ Кэта, не огорчайте меня! стала просить она жалобнымъ тономъ. Вѣдь я берегу ту комнату, какъ зеницу ока моего, чищу, прибираю ее каждый день, съ тѣхъ поръ, какъ господинъ коммерціи совѣтникъ сказалъ мнѣ, что вы пріѣдете... Третьяго дня еще я велѣла повѣсить тамъ новыя занавѣски!

— Ну, хорошо, пожалуй, оставайся тутъ. Я, видишь-ли, имѣла намѣреніе пить кофе послѣ обѣда здѣсь, на мельницѣ, какъ это было во время моего дѣтства... Но если ты такая упрямая — такъ я и совсѣмъ не буду

Паровой свистокъ для предостереженія кораблей во время тумана. Рисов. и грав. Гехеръ.

тогда-бы я стала сидѣть одна — одинешёнька въ той прекрасной комнатѣ, словно барыня какая, или какъ сама „замковая“ мельничиха, царство ей небесное!

Кэта постаралась удержать улыбку.

— Но, Суза, развѣ ты, при дѣдушкѣ, не имѣла права сидѣть тамъ? Помню, у окна стояла твоя прялка, и я таки частенько приводила эту прялку въ разстройство, а на комодѣ былъ твой рабочій ящичекъ... Г. докторъ, для больной лучше вѣдь оставить теперь эту комнату? вдругъ обратилась она къ Бруку.

— Такая перемѣна даже необходима, но до сихъ поръ я встрѣчалъ относительно этого рѣшительное сопротивленіе со стороны больной, отвѣтилъ Брукъ, пожимая плечами.

Голосъ у него былъ звучный и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно—мягкій, а въ настоящую минуту мягкость эта имѣла тотъ особенный оттѣнокъ, который незамѣтно, невольно... сюда приходить; въ этомъ можешь быть увѣрена. Я пробуду въ М. всего-то четыре недѣли... Ну, вотъ, потомъ и показывай кому хочешь свою прибранную комнату и чистенькія занавѣски!...

Это подѣйствовало. Лицо молодой дѣвушки и даже поза ея выражали такую укоризненную серьезность, такую рѣшимость, что сейчасъ было видно, что ей не въ первый разъ приходится имѣть дѣло съ упрямыми больными.

Сударыня — Суза, со вздохомъ, вытащила изъ подъ подушки ключъ отъ угловой комнаты и подала его Кэтѣ, которая теперь проворно снимала и бархатную кофточку.

— Навѣрно та комната не топлена, замѣтила дѣвушка и, подойдя къ небольшому ящику съ дровами, стоявшему около печки, ухватилась за него.

— Позвольте, ужъ этого вы никакъ не можете, не

Спасительныя лодки и снаряды новой системы. Рисов. и гравир. Гелеръ.

вытерпѣлъ д-ръ Брукъ, взглянувъ на ея нарядный туалетъ, и живо положилъ на столъ шляпу и палку.

— Мнѣ было-бы очень стыдно, если-бы я этого *не могла*, возразила Кэта серьезнымъ тономъ, причемъ, однако, щеки ея вспыхнули.... Она замѣтила, что Брукъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на нее.

Дѣвушка вышла, а спустя нѣсколько минутъ въ печкѣ угловой горницы славно затрещали полѣнья. Докторъ тоже прошелъ туда и уже отворялъ тамъ окна, чтобы освѣжить теплымъ мартовскимъ вѣтеркомъ тяжелый, амбарный воздухъ комнаты.

Кэта, вернувшись въ провѣтриваемую горницу, прямо подошла къ Бруку.

— Г. докторъ, прошу убѣдиться, что костюмъ мой не пострадалъ. Я могу хоть сейчасъ усѣсться въ гостиной, прибавила она съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшки, протягивая ему свои изящныя, блѣдно-розовыя руки, съ безукоризненно-бѣлыми полотняными манжетками.

Выразительная улыбка скользнула по серьезному лицу Брука, но онъ ничего не сказалъ, можетъ быть потому, что поспѣшилъ запереть угловое окошко, выходящее на югъ. Сквозной вѣтеръ такъ сильно пахнулъ на вошедшую, что приподнялъ и откинулъ съ ея лба каштановые кудри; зановѣска оттопырилась и влетѣла въ комнату, но, благодаря ловкимъ рукамъ Кэты, непослушныя складки накрахмаленной матеріи были скоро приведены въ порядокъ.

— Добрая Суза! Если-бъ она знала, какую штуку сыграла со мной, повѣсивъ эти занавѣски! воскликнула молодая дѣвушка полусмѣясь и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то угрюмо. Вотъ, хочешь-не-хочешь, а придется оставить ихъ висѣть тутъ, потому что, навѣрно, она выпросила у опекуна для меня эти занавѣски.... Кисейныя, съ узорами—у такихъ оконъ, въ такой удивительно-прелестной комнатѣ, въ чисто средневѣковомъ вкусѣ! Я имѣла намѣреніе устроить тутъ все по старому, то есть, придать этой горницѣ тотъ самый видъ, въ какомъ она была, вѣроятно, лѣтъ триста тому назадъ. Здѣсь должны быть круглыя въ свинцовыхъ переплетахъ оконныя стёкла, складныя скамьи изъ дубоваго дерева, прикрѣпленныя къ стѣнѣ, вотъ тутъ, по обѣимъ сторонамъ оконныхъ нишъ; на скамьяхъ — подушки; а вонъ ту массивную входную дверь (за которой идетъ лѣстница) слѣдовало-бы снова украсить металлическими фигурками. Старыя-то фигурки, навѣрно, сорваны по приказанію дѣдушки: и теперь еще хорошо видны мѣста, гдѣ онѣ были прикрѣплены... Да, такъ вотъ, среди такой-то обстановки, представьте себѣ, хоть у этаго окна—Сузу съ ея прялкой! И эта картина казалась мнѣ такой прекрасной, такъ было хорошо, уютно тутъ — и вдругъ... Ну, конечно, теперь мнѣ ужъ не удастся это сдѣлать.

— Но... я не понимаю, развѣ вы тутъ не полная хозяйка? спросилъ докторъ!

— О, въ этомъ отношеніи я плохая хозяйка, то есть, когда дѣло коснется подобныхъ желаній... Не сыграю какъ слѣдуетъ роли! Ужъ я знаю себя... отвѣтила Кэта почти робко. Въ такихъ вопросахъ я ужасная трусиха.

Это откровенное признаніе такъ не соотвѣтствовало внѣшнему виду молодой дѣвушки, что нужно было попристальнѣе взглянуть въ ея каріе глаза (совсѣмъ какъ у серны), чтобы убѣдиться, что она говоритъ сущую правду. А глаза у нея были не большіе, но за то прелестной формы; ясный, холодный взглядъ ихъ вполнѣ гармонировалъ съ непринужденными манерами и вообще самоувѣренностью этой молодой особы.

Какъ спокойно, съ какимъ практическимъ знаніемъ дѣла занялась она устройствомъ удобнаго помѣщенія для больной! Диванъ превратился въ постель; неуклюжее, обитое кожей кресло „замковаго“ мельника, стоявшее въ углу, у окна, было выдвинуто и поставлено такъ, что больная, сидя на немъ, не могла подвергнуться вліянію даже малѣйшаго вѣтерка; изъ алькова Кэта принесла столикъ, а изъ подъ высокаго дивана достала бѣлую деревянную скамеечку. Все это дѣлала она такъ просто, непринужденно, какъ будто постоянно жила тутъ, не оставляла мельницы. Работа эта такъ заняла ее, что можно было подумать, что она совсѣмъ забыла о человѣкѣ, стоявшемъ около угловаго окна. Выдвинувъ верхній ящикъ комода и вынувъ изъ него бѣлую салфетку съ красной каймой на столикъ передъ кресломъ, Кэта взглянула на Брука и сказала:

— А славная, знаете, вещь этотъ старо-мѣщанскій порядокъ! Все покоится тутъ на своемъ обычномъ мѣстѣ: вотъ такъ было до моего рожденья, такъ и осталось. Во время моего шестилѣтняго отсутствія ничего не измѣнилось въ обстановкѣ... Все по старому! Ну, и сейчасъ чувствуешь себя здѣсь какъ дома!... Вонъ тамъ (она указала на зеркало, висѣвшее надъ комодомъ), изъ за рамы выглядываетъ уголокъ „будничнаго“ календаря... На листкахъ его дѣдушка записывалъ свои замѣтки, — а надъ календаремъ торчитъ розга съ полинявшей ленточкой, розга, грозившая когда-то еще моей матери...

— А вамъ она не грозила?

— Нѣтъ, на меня, какъ на существо маленькое, дѣдушка не обращалъ вниманія настолько, чтобы заниматься моимъ исправленіемъ.

Слова эти она проговорила безъ всякой горечи, даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ смѣшливаго „смиренія“. Смахнувъ съ мебели легкій налетъ пыли (мебель запылилась во время болѣзни Сузы), Кэта заперла остальныя два окна.

— Ну-съ, а вотъ здѣсь, на каменномъ карнизѣ, продолжала она, непремѣнно должны стоять цвѣты. Запахъ ихъ пусть услаждаетъ мою Сузу! Я попрошу зятя Морица поднести мнѣ нѣсколько горшечковъ гіацинтовъ и фіалокъ изъ его зимняго сада.

— Съ такой просьбой вамъ ужъ придется обратиться къ госпожѣ президентшѣ Урахъ. Зимній садъ находится въ полномъ ея распоряженіи: онъ принадлежность ея обители...

Молодая дѣвушка удивленно посмотрѣла на доктора.

— Неужели тамъ соблюдается теперь такой строгій этикетъ? замѣтила она. При жизни папа зимній садъ былъ общимъ... для всей семьи... (Она пожала плечами). Впрочемъ, въ тѣ времена аристократическая тёща моего отца была всегда *только* гостьей на виллѣ...

Мелодическій голосъ Кэты прозвучалъ тутъ нѣсколько рѣзче, но она сейчасъ-же тряхнула головой, какъ-бы желая этимъ прогнать мимолетное непріятное ощущеніе, и затѣмъ прибавила, весело улыбаясь.

— Ну, въ такомъ случаѣ, оно и лучше, что я прямо отправилась на мельницу... По крайней мѣрѣ могу теперь, такъ сказать, акклиматизироваться!

Докторъ отошелъ отъ окна и приблизился къ Кэтѣ.

— А тамъ, на виллѣ, строго не осудятъ васъ за то, что вы не сочли нужнымъ сейчасъ-же, по пріѣздѣ сюда, отдать себя подъ покровительство семьи? спросилъ онъ серьезнымъ, выразительнымъ тономъ, въ которомъ слышалась сочувственная нотка, какъ бываетъ это при желаніи сдѣлать осторожный намекъ, дать добрый совѣтъ—безъ тѣни навязчивости.

— Ну, на это-то они, конечно не имѣютъ права, отвѣтила дѣвушка живо, даже воодушевившись, причемъ яркій румянецъ ся щекъ сталъ еще гуще. Словечко „тамъ“ значитъ для меня то-же, что *чужбина*, а на чужбинѣ я никакъ не могу найти „покровительства семьи“, какъ вы выразились, то есть, ничего родственнаго, ничего близкаго сердцу... даже у сестеръ. Что-жъ, вѣдь мы очень мало знаемъ другъ друга... Мы даже никогда не переписывались — чего-же лучше! Я вела переписку только съ Морицемъ. При жизни папа, Генріэтта воспитывалась у своей бабушки, по этому съ Ген-

ріэттой видѣлась я очень рѣдко—и то каждый разъ въ присутствіи госпожи президентши. Другая сестра, коммерціи совѣтница Рэмеръ, жила въ городѣ, гдѣ скоро и умерла. Относительно Флоры... Да, она была прехорошенькой и очень умной молодой дѣвушкой, блестящей свѣтской барышней и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хозяйкой дома, а я тогда ходила еще въ дѣтскихъ башмачкахъ. Флора, такъ думается мнѣ, была богато одаренная натура, потому что я при ней всегда ощущала невыразимое смущеніе, почти робость... Никогда не дерзала я заговорить съ нею; боялась даже прикоснуться къ ея прелестнымъ рукамъ. Да вотъ и теперь я чувствую, что съ моей стороны было-бы весьма нескромно (еслибъ пришла такая мысль) требовать отъ Флоры быть со мной за-просто, вообще стать къ ней въ такія отношенія, какія обыкновенно существуютъ между сестрами.

Она замолчала и, какъ-бы ожидая чего-то, смотрѣла въ лицо Брука, а онъ глядѣлъ въ окно и глаза его были устремлены куда-то вдаль...

Ни однимъ словомъ не поддержалъ онъ ее!... Что-жъ, вѣдь ему пришлось за эту рѣдкую дѣвушку порядкомъ потрудиться, *заслужить* ее, какъ Іаковъ заслужилъ Рахиль. Теперь сердце Флоры ужъ принадлежитъ ему... „Пожалуй, онъ сталъ-бы ревновать ее даже ко мнѣ, если-бы увидѣлъ что она любитъ меня“. подумала Кэта... Не смотря на то, что въ наружности Брука (какъ врача по призванію) много кроткаго, ровно-спокойнаго—все-таки сразу можно было замѣтить, что это человѣкъ рѣшительный, что онъ съумѣетъ серьезно, какъ слѣдуетъ, постоять за свои права.

— Какъ бы то ни было, заговорила молодая дѣвушка послѣ минутной паузы,—вилла для меня не родной домъ. Я могу быть тамъ гостьей на короткое время, какъ и всякій другой. Тутъ же, на мельницѣ, я у *себя*; тутъ и воздухъ родной, и ощущенія родныя, и вотъ эта старая шиферная кровля, вмѣстѣ съ Францемъ и Сузой, защитятъ меня, несовершеннолѣтнюю (мнѣ восемнадцать лѣтъ), право, не хуже виллы со всѣмъ ея строжайшимъ этикетомъ!..

Она улыбнулась, и въ этой легкой улыбкѣ было что то своевольное, задорное...

— А впрочемъ, съ „этимъ проступкомъ противъ этикета“ скорѣе примиряются, чѣмъ вы думаете, г. докторъ: вѣдь отъ „мельничной мышки“ ничего лучшаго и ждать нельзя!

Эта ласковая кличка, когда-то данная Кэтѣ ея отцомъ, теперь, конечно, вовсе не подходила къ ней. При словѣ „мышка“ представляешь себѣ маленькое, неслышно-шмыгающее, суетливое существо, нѣжное, робкое, которое можетъ внезапно исчезнуть въ какой нибудь щелкѣ... Кэти нисколько не напоминала теперь прежней мышки: она, съ бѣлымъ, безоблачно-чистымъ челомъ, вышла на дорогу жизни твердымъ, спокойнымъ шагомъ; ея крѣпкое, красиво сформированное тѣло, не смотря на юношески-живую подвижность, обнаруживало какое-то внушительное спокойствіе.

Печка понемногу нагрѣвалась, и въ комнатѣ стало замѣтно теплѣе. Кэта вынула изъ кармана флаконъ съ одеколономъ и плеснула немного этой жидкости на раскаленное желѣзо. Пріятный, освѣжающій ароматъ разлился въ воздухѣ.

— Весело будетъ на душѣ у Сузы, весело какъ въ праздничный день, когда она очутится здѣсь! радостно воскликнула молодая дѣвушка и еще разъ зорко оглянула всю комнату. Все было какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ, одна лишь дверь въ альковъ оставалась открытою, и потому невольно въ глаза бросались пестрые букеты, нарисованные на древней кровати, стоявшей тамъ возлѣ окна. Только теперь, впервые, взглядъ молодой дѣвушки остановился на этихъ намалеванныхъ, хорошо знакомыхъ ей пестрыхъ букетахъ, которые были когда-то предметомъ восторга ея дѣтскаго сердца... и вдругъ вся краска исчезла съ лица Кэты, даже губы ея поблѣднѣли.

— Тамъ умеръ мой дѣдушка, прошептала она въ волненіи...

Докторъ Брукъ отрицательно качнулъ головой и молча указалъ на на угловое окно, выходящее на югъ.

— Вы были у него?

Кэта торопливо подошла къ нему.

— Да.

— Дѣдушка умеръ такъ неожиданно, скоропостижно, а Морицъ въ немногихъ словахъ, кратко сообщилъ мнѣ объ этомъ печальномъ случаѣ—и я даже не знаю, что было причиной смерти?..

Брукъ стоялъ къ ней бокомъ; она могла видѣть только его профиль и, не смотря на то, что нижняя часть лица его густо обросла волосами, усы покрывали губы—все таки замѣтила, какъ эти губы плотно сжались, какъ будто имъ трудно было дать отвѣтъ.

Прошло нѣсколько секундъ... Онъ медленно повернулся къ дѣвушкѣ и, серьезно посмотрѣвъ на нее, проговорилъ тихо, почти беззвучно, отъ душевнаго волненія:

— Вамъ скажутъ, что онъ умеръ вслѣдствіе того, что я неловко совершилъ операцію...

Кэта, отъ испуга и удивленія, быстро попятилась, но глаза ея не могли сразу оторваться отъ губъ, проговорившихъ эту фразу. Потомъ она ихъ опустила, потупилась.

— Не для себя, ради васъ только — мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы не повѣрили этому, продолжалъ Брукъ кроткимъ, серьезнымъ тономъ:—увѣряю васъ—это вовсе неправда, но... но, какже могу я требовать, чтобы вы вѣрили мнѣ? Сегодня, въ первый разъ, мы встрѣтились, и ничего не знаемъ другъ о другѣ.

Она могла бы тутъ что нибудь отвѣтить ему, отдѣлаться пустой фразой, и такимъ образомъ выйти изъ мучительно-неловкаго положенія, но этого ей какъ-то и въ голову не пришло... Да, онъ правъ: какже можетъ она знать, что онъ не виноватъ въ смерти дѣдушки, что общественное мнѣніе несправедливо къ нему?.. Конечно, судя по наружности этого человѣка, нельзя не сознаться, что на немъ лежитъ печать несомнѣнной прямоты и правдивости. Кэта даже чувствовала, что вовсе не въ его обычаѣ было что либо возражать тѣмъ, которые обнаруживаютъ относительно его несправедливое подозрѣніе; даже если Брукъ теперь и говорилъ въ защиту свою, увѣрялъ ее, что все это напраслина—то дѣлалъ это какъ бы изъ снисхожденія. Тѣмъ не менѣе молодая дѣвушка не могла принудить себя сказать что-нибудь такое, на что не имѣлось бы у нея поддержки въ фактическихъ данныхъ: по натурѣ своей, она говорила и дѣйствовала такъ или иначе только на основаніи личнаго своего убѣжденія.

Но, какъ кажется, докторъ и не ждалъ отъ нея отвѣта: онъ отвернулся—отвернулся съ такимъ сознаніемъ собственнаго достоинства, съ такимъ горделивымъ спокойствіемъ, что Кэтѣ вдругъ стало какъ то стыдно, даже щеки ея вспыхнули.

— Могу я теперь перевести сюда больную? спросила она не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Смѣло можете, отвѣтилъ Брукъ.

Молодая дѣвушка быстро вышла изъ комнаты.

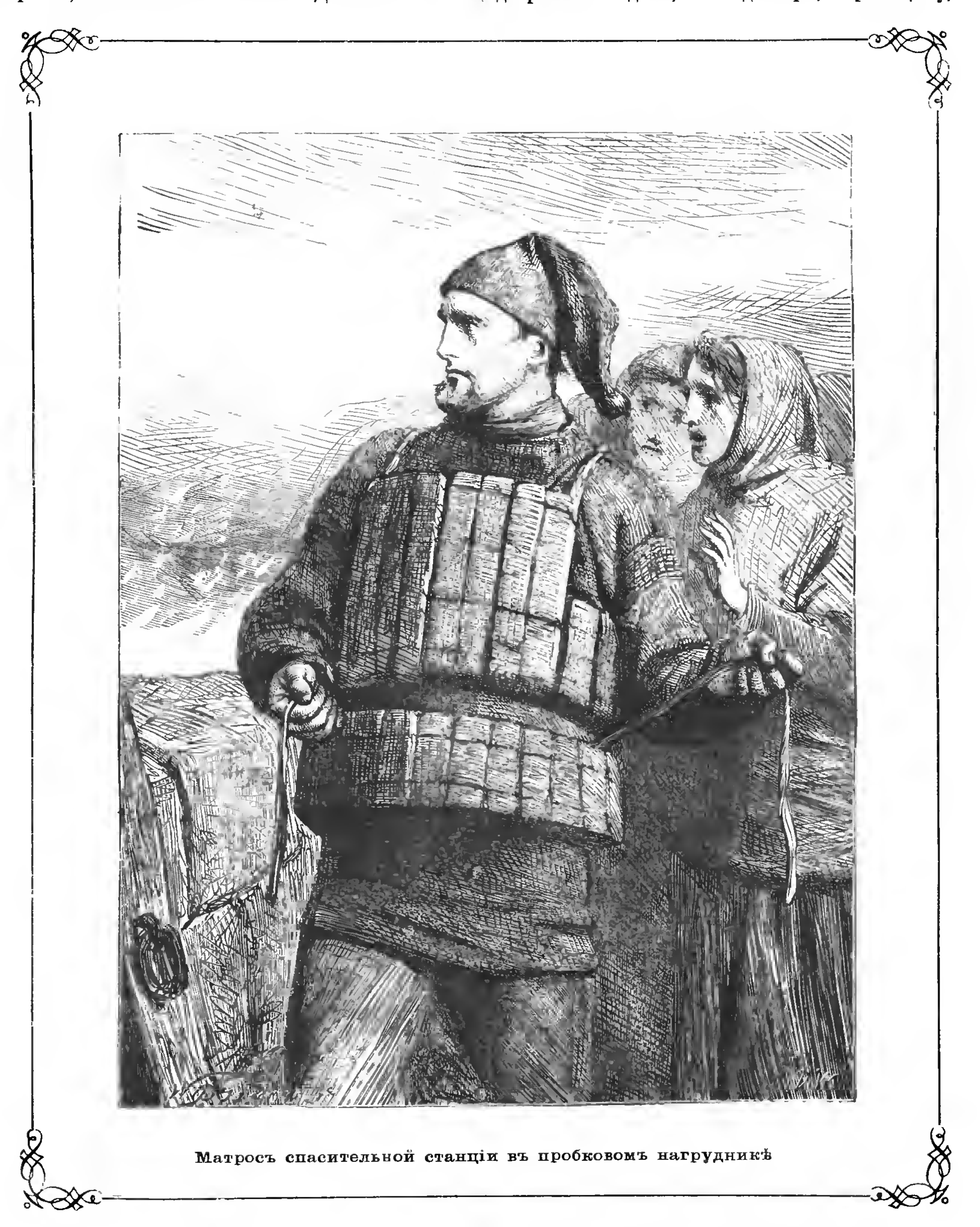
Войдя въ спаленку экономки, она отерла заслезившіеся глаза и велѣла Сузѣ разсказать все, что она знаетъ объ этомъ потрясающемъ происшествіи.

— И исторія эта ужасно повредила доктору въ городѣ, сказала въ заключеніе Суза.—Сначала то лучше его и не было лѣкаря, ну, и работы у него было просто по горло, а нынче—всѣ они говорятъ, что не знаетъ онъ своего дѣла... Вотъ вамъ люди, вотъ какіе они, фрейлейнъ Кэтхенъ!.. А онъ въ этомъ несчастьи *не виноватъ*. Все такъ шло хорошо—вѣдь видѣла же я это своими глазами!.. Видите-ли, „замковому-то“ мель-

нику слѣдовало лежать совсѣмъ тихо, спокойно... Ему-то—тихо, спокойно лежать!?.. Не такой человѣкъ. Малѣйшее неудовольствіе, такъ — пустяки какіе нибудь, глядишь, а онъ ужъ и побагровѣлъ... Будто я не знаю это! Напримѣръ, стоило Францу заговорить на дворѣ слишкомъ громко или телѣжкѣ шибко въѣхать въ ворота—сейчасъ въ немъ и закипитъ кровь, сейчасъ онъ и разъярится, Ужъ такой онъ былъ. Довольно я съ ворчала экономка, и дѣйствительно умолкла, позволивъ молодой дѣвушкѣ тщательно укутать въ одѣяло свое высохшее тѣло. Старуха повиновалась ей, какъ безпомощное дитя.

Однако, молчаніе не долго длилось, — Суза не вытерпѣла:

— Мнѣ жаль только, заговорила она, что такого добраго господина, какъ докторъ, чернятъ, ну, и онъ

Матросъ спасительной станціи въ пробковомъ нагрудникѣ

нимъ натерпѣлась, а въ благодарность то за это онъ не оставилъ мнѣ ни одного пфеннига!.. (Старуха при этомъ какъ-то звонко и злобно хихикнула). Если бы *вы* не заботились обо мнѣ—пришлось бы мнѣ, право, идти просить Христа-ради.

Кэти съ негодованіемъ подняла свой указательный палецъ, какъ бы требуя, чтобы Суза замолчала.

— Что жъ, по мнѣ, пожалуй,—буду я молчать, протеряетъ свой кусокъ хлѣба... Вотъ тоже жалко мнѣ и его бѣдную тётку: для нея онъ старается, для нея работаетъ... Жаль!.. Тётка-то старуха, госпожа-діаконица, небольшія имѣла средства, а дала ему возможность учиться. Она и живетъ у него; племянникъ-то всегда былъ предметомъ ея гордости, можно сказать — единственной гордости... И вотъ до чего пришлось ей дожить!..

(Продолженіе будетъ).

Виноватая. Рисов. Джонъ Смитъ, гравир. Джоннаремъ.

Спасительные снаряды и сигналы для поданія помощи при кораблекрушеніяхъ.

Опыты послѣднихъ десятилѣтій показали, что большая часть несчастныхъ случаевъ на морѣ происходятъ вслѣдствіе недостаточности надежныхъ метеорологическихъ наблюденій и неумѣнья прибрежныхъ жителей пользоваться указаніями барометра и другихъ метеорологическихъ инструментовъ. Среднимъ числомъ, больше всего страдаютъ отъ кораблекрушеній бѣдные береговые мореходцы и рыбаки, главнымъ образомъ, именно отъ того, что бѣдное береговое населеніе не имѣетъ ни средствъ пріобрѣтать хорошіе инструменты, ни необходимыхъ свѣдѣній чтобы понимать предостереженія, даваемыя имъ этимъ путемъ. Поэтому несчастные случаи на морѣ стали гораздо рѣже съ тѣхъ поръ, какъ въ различныхъ мѣстахъ по берегамъ устроили метеорологическія станціи и наблюдательные посты, соединяющіеся какъ между собой, такъ и съ извѣстными центральными станціями посредствомъ телеграфнаго сообщенія. Благодаря наблюденіямъ, которыя дѣлаются на этихъ станціяхъ. можно по всему берегу за нѣсколько часовъ предсказать наступающую бурю и такимъ образомъ предостеречь рыбацкія лодки отъ отплытія въ море или, посредствомъ сигналовъ во время успѣть вернуть береговыхъ мореплавателей, уже пустившихся въ путь. Бѣдное рыбацкое населеніе мало по малу начинаетъ понимать всю важность подобныхъ учрежденій и слушаться благодѣтельныхъ предостереженій, хотя вначалѣ и отнеслось ко всѣмъ нововведеніямъ весьма недовѣрчиво.

Хорошо организованная помощь на морѣ, не говоря уже о человѣколюбіи, есть одна изъ почтенныхъ задачъ науки и неуклонныхъ обязанностей правительства всѣхъ морскихъ государствъ. Для достиженія наилучшихъ результатовъ въ этомъ дѣлѣ, недостаточно пріобрѣтенія всѣхъ новоизобрѣтаемыхъ спасительныхъ снарядовъ и лодокъ, — для этого необходимо устройство по возможности наибольшаго числа наблюдательныхъ метеорологическихъ станцій вдоль береговъ. Въ новѣйшее время чрезвычайно много сдѣлано по этой части, и можетъ быть ни въ одной области техники не выказалось столько соревнованія и изобрѣтательности, какъ въ этой. Если бы сдѣлать подробное описаніе того, что изобрѣтено въ послѣднія десятилѣтія по части новыхъ спасительныхъ аппаратовъ, спасительныхъ судовъ, ракетныхъ батарей, штурмовыхъ сигналовъ и т. п., то это составило бы цѣлые томы. Съ каждымъ годомъ число подобныхъ усовершенствованныхъ изобрѣтеній значительно возрастаетъ и примѣромъ этого можетъ служить построенная по совершенно новому принципу спасительная лодка «Буревѣстникъ», представленная на нашей картинѣ. Изобрѣтатель ея англичанинъ, по имени *Чэпманъ*; онъ задумалъ свою лодку основываясь на теоретическихъ законахъ, и до тѣхъ поръ видоизмѣнялъ ее, пока она не достигла вполнѣ своей практичности и цѣлесообразности, и не выдержала многократныхъ испытаній на англійскихъ и американскихъ берегахъ. Остовъ лодки состоитъ изъ кованыхъ желѣзныхъ пластинъ, которымъ придана форма двухъ удлиненныхъ и неправильно усѣченныхъ конусовъ—или говоря проще — двухъ короткихъ толстыхъ сигаръ, форма, уже не разъ весьма успѣшно примѣнявшаяся въ кораблестроеніи. Лодка Чэпмана имѣетъ въ длину 25 футовъ; наибольшая вышина ея, по серединѣ, равняется 7½ футовъ: вѣсъ ея простирается до 3½ тоннъ (210 пудовъ), безъ оснастки. Верхніе пласты желѣза имѣютъ 3³⁄₁₆ дюйма толщины, нижніе, четверть дюйма. Киль и концы лодки состоятъ изъ трехъ-дюймовыхъ желѣзныхъ пластовъ, плотно скрѣпленныхъ между собой и снабженныхъ съ внутренней стороны переплетомъ изъ желѣзныхъ полосъ. Для входа во внутренность лодки, по срединѣ обоихъ конусовъ, устроено по четвероугольному отверстію. Такъ какъ балластъ лодки состоитъ изъ воды, то перевернуться она никакъ не можетъ. Каюта освѣщается восемью портами, и когда пассажиры сидятъ въ каютѣ, и всѣ люки заперты, лодка можетъ противустоять какой угодно бурѣ. Мачта движется на шарнирѣ и можетъ быть по желанію поднята или опущена. Вдоль выпуклой спины лодки идетъ рядъ желѣзныхъ палокъ, по которымъ протянута проволочная сѣть для предохраненія пассажировъ и служащихъ быть выплеснутыми водой за бортъ. По бокамъ лодки, черезъ правильные промежутки, вбиты кольца съ висящими изъ нихъ веревками, для того чтобы погибающій, въ случаѣ еслибы ему удалось подплыть близко къ лодкѣ, могъ удержаться за нихъ.

Изобрѣтатель увѣряетъ, что эта лодка способна бороться съ самыми сильными волнами и самымъ опаснымъ морскимъ прибоемъ. Произведенные опыты въ нѣкоторой степени подтвердили это. Лодка валка, правда, но не слишкомъ, и гораздо крѣпче, прочнѣе и къ тому же больше подымаетъ, чѣмъ обыкновенныя лодки: кромѣ того, по своей формѣ и системѣ постройки, она меньше подвержена поврежденіямъ. Она вмѣщаетъ въ себѣ до 100 человѣкъ; ходъ ея превосходенъ.

Какъ мы уже говорили, въ предотвращеніи несчастій на морѣ, огромное значеніе принадлежитъ наблюдательнымъ береговымъ станціямъ. Система непрерывныхъ, соединенныхъ телеграфомъ станцій, даетъ возможность заблаговременно предвидѣть всякую опасность. Мало того что наблюдаются признаки угрожающей бури, но даже опредѣляется направленіе ея, и за долго до того какъ она разразится, подаются сигналы, за 6, за 12 часовъ до бури, береговые жители уже узнаютъ объ ней, и могутъ принимать свои мѣры. Нигдѣ дѣло спасенія на морѣ не организовано такъ хорошо, какъ въ Америкѣ. Тамъ, если ждутъ бури, напримѣръ съ Атлантическаго океана, то при помощи телеграфа весь берегъ въ нѣсколько минутъ извѣщается объ этомъ. Чиновники метеорологическихъ станцій обязаны дѣлать самые точные чертежи каждаго малѣйшаго поворота бури, особеннаго образованія тучъ, столкновенія противуположныхъ теченій воздуха, и т. д. съ точнымъ обозначеніемъ быстроты и силы вѣтра, степени влажности атмосферы, колебаній термометра и барометра и т. д. Всѣ эти замѣтки вносятся въ книгу; каждая станція ежедневно сообщаетъ свои наблюденія въ центральное управленіе, въ Вашингтонѣ, и каждый мѣсяцъ посылаетъ туда мѣсячныя таблицы. Все это требуетъ внимательнаго и опытнаго наблюденія и самой добросовѣстной преданности дѣлу днемъ и ночью.

Станціи снабжены превосходными физическими инструментами, какъ-то: термометрами, баро-, гипсо-. психро-анемометрами. и т. д. которые расположены такъ, что ихъ можно окинуть однимъ взглядомъ и по возможности тотчасъ же опредѣлить состояніе температуры и другихъ атмосферическихъ явленій. Вѣтряный флюгеръ на крышѣ соединенъ посредствомъ электрическаго привода съ пишущимъ аппаратомъ, находящимся въ бюро станціи и состоящимъ изъ цилиндра, надъ которымъ вертится большая колотушка съ безконечной лентой; на этой послѣдней инструментъ отмѣчаетъ различныя степени давленія и быстроты вѣтра.

На каждой станціи находится чиновникъ съ помощникомъ; на обязанности послѣдняго лежитъ, кромѣ наблюденія надъ атмосферическими измѣненіями, также и выставленіе сигнальныхъ знаковъ. Знаки эти состоятъ, днемъ, изъ оптическихъ телеграммъ, т. есть: на высокомъ, далеко-видимомъ шестѣ вывѣшивается большой черный барабанъ или конусъ съ обращеннымъ вверхъ и внизъ остріемъ, или барабанъ и конусъ вмѣстѣ. Ночью вывѣшиваются красные фонари четвероугольникомъ или треугольникомъ. Если фонари расположены въ видѣ треугольника $_{*}{}^{*}{}_{*}$ или, днемъ, черный конусъ смотритъ остріемъ вверхъ, то это обозначаетъ бурю, идущую съ сѣверной стороны, скажемъ, напр. такъ: отъ WNW черезъ N на OSO. Противуположная фигура $^{*}{}_{*}{}^{*}$, т. е. треугольникъ, обращенный остріемъ внизъ, обозначаетъ діаметрально противуположное направленіе бури, и т. д. Окрестное населеніе во время получаетъ предостереженіе объ грозящей опасности, рыбаки не выѣзжаютъ въ море, лодки, уже находящіяся на морѣ, завидѣвъ сигналъ, спѣшатъ домой, а большія суда, подошедшія близко къ берегу, стараются поскорѣе выйти въ открытое море или достичь ближайшаго рейда. Такимъ образомъ въ послѣдніе годы, благодаря только этимъ сигналамъ, предупреждено множество кораблекрушеній и спасена не одна тысяча человѣческихъ жизней. Знаменитый нѣмецкій метеорологъ, профессоръ Дове въ Берлинѣ, оказалъ большія услуги по части усовершенствованія сигналовъ. Въ Германіи мысль объ охраненіи подобнымъ образомъ всѣхъ нѣмецкихъ береговъ находитъ большое сочувствіе.

Въ Россіи «общество поданія помощи при кораблекрушеніяхъ», состоящее подъ августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Цесаревны, въ короткое время своего существованія (оно основано въ 1871 г.), уже успѣло выказать свою благотворную дѣятельность, въ особенности на Балтійскомъ, Черномъ и Каспійскомъ моряхъ. Въ настоящее время Общество имѣетъ 28 морскихъ станцій; постовъ съ спасительными средствами 117; на внутреннихъ водахъ: лѣтнихъ и зимнихъ станцій 14, постовъ 20. Предполагается въ нынѣшнемъ году новыхъ 26 станцій. Въ трехлѣтіе отъ 72 по 75 г. спасено 505 человѣкъ. Понятно, что при громадномъ протяженіи нашихъ береговыхъ линій и обилію внутреннихъ водъ, средства Общества должны быть очень велики, и безъ сомнѣнія возрастающее сочувствіе къ этому человѣколюбивому дѣлу создастъ эти средства.

Важнымъ нововведеніемъ въ поданіи сигналовъ и помощи на морѣ служитъ все болѣе и болѣе распространяющееся употребленіе электрическаго свѣта на маякахъ. Друммондовъ свѣтъ особенно примѣнимъ для освѣщенія маяковъ и для сигнальныхъ знаковъ, такъ какъ онъ даетъ возможность посредствомъ конусообразнаго вогнутаго зеркала бросать громадной силы электрическій свѣтъ на большія разстоянія и по всѣмъ направленіямъ. Свѣтовая сила этого аппарата такъ велика, что безъ труда проникаетъ черезъ обыкновенный береговой туманъ; электрическій свѣтъ видѣнъ даже съ низкихъ береговъ, дюнъ, отмелей и т. п. Но неисчислимая польза была бы достигнута, если бы всѣ мореходныя націи сообща постановили обязательный для всѣхъ международный законъ, чтобы всѣ суда, держащія далекій курсъ, для предохраненія отъ столкновеній, вмѣсто теперешнихъ никуда не годныхъ фонарей, зажигали ночью электрическій свѣтъ. Кто вспомнитъ только о всѣхъ несчастіяхъ происходящихъ на морѣ вслѣдствіе столкновеній су-

довъ, тотъ навѣрное присоединиться къ нашему желанію. При этомъ замѣтимъ еще, что электрическій свѣтъ самый безопасный изъ всѣхъ способовъ сильнаго освѣщенія.

Частые туманы на англійскихъ берегахъ причиняютъ столько кораблекрушеній и другихъ несчастій на морѣ (какъ напримѣръ въ прошедшее лѣто крушеніе гамбургскаго почтоваго парохода «Шиллеръ»), что давно уже пробовали всевозможные сигнальные аппараты, которые могли бы побѣдить этого страшнаго врага. На нашей картинкѣ представленъ самый цѣлесообразный изъ всѣхъ испробованныхъ до сихъ поръ въ Англіи туманныхъ сигналовъ. Это паровой свистокъ необычайной силы. Онъ производитъ звукъ посредствомъ кружка съ двѣнадцатью лучеобразно расположенными разрѣзами, который находится непосредственно передъ другимъ точно такимъ же неподвижнымъ кружкомъ, и приводится въ вращательное движеніе. Подвижной кругъ оборачивается 2,800 разъ въ минуту; при каждомъ поворотѣ происходитъ разумѣется столкновеніе двѣнадцати лучеобразныхъ разрѣзовъ обоихъ круговъ, черезъ образуемыя при этомъ отверстія паръ или воздухъ проталкиваются съ такимъ сильнымъ давленіемъ, что въ минуту получается 12 разъ 2800=33,000 толчковъ или свистковъ пара или сжатаго воздуха. Сила звука громадна: литая желѣзная труба 20 футовъ длины еще сжимаетъ звукъ въ извѣстной точкѣ, и такимъ образомъ толчокъ, какъ родъ звуковаго луча, посылается въ требуемомъ направленіи. Этотъ колоссальный свистокъ или труба есть изобрѣтеніе одного американца, г. Брауна, въ Нью-Іоркѣ. Недавно она была выписана въ Англію и вмѣстѣ съ другими инструментами испробована въ Соутъ-Форелаидѣ, причемъ дѣйствіе ея далеко превзошло всѣ другіе паровые свистки, пушки и тому подобныя приспособленія. Свистъ этого аппарата слышенъ при сильнѣйшемъ туманѣ, когда маяки уже не приносятъ никакой пользы, и раздается на разстояніи $2^1/_2$—3 морскихъ миль. Весь южный и юго-западный берегъ Англіи будетъ снабженъ этими свистками. Вѣроятно и наше русское общество подачія помощи при кораблекрушеніяхъ обратитъ вниманіе на столь благодѣтельное изобрѣтеніе.

Виноватая.

Ее зачѣмъ то послали. Хотя она „городская“ и привычная дѣвочка, но у воротъ дома на углу такая большая собака, что дѣвочка всегда дѣлаетъ крюкъ съ угла на уголъ чтобы не встрѣтиться съ ней; собака глядитъ всегда какъ то слишкомъ внимательно, точно собирается укусить, хотя еще ниразу не кусала. А сего дня еще бѣда. Мимо проѣхали въ коляскѣ такія нарядныя маленькія барышни и у нихъ въ рукахъ были такія огромныя куклы, что она невольно въ восторженномъ изумленіи, пріостановилась на углу. Тутъ то и залаяла на нее собака, объ которой она забыла. Дѣвочка такъ испугалась, что уронила и разбила кувшинъ, который несла въ корзинкѣ. Плача, вернулась она домой, поставила корзинку и ждетъ, съ дрожащими на глазкахъ слезинками, свою строгую „маму“, которая ее навѣрно потреплетъ за ухо. Оттого то у нее такое смущенное и наивно-испуганное выраженіе.

Корреспонденты газетъ въ Герцеговинѣ.

Извѣстно, что въ началѣ возстанія извѣстія, приходившія съ театра борьбы, отличались не только противорѣчіями, но и особою скудостью. Что-то зашевелилось въ глубинѣ Герцеговины (о которой вообще мало знали), какая-то банда мятежниковъ появилась гдѣ-то, въ какой-то Невесиньи, сообщалось о все-какихъ стычкахъ, потомъ наступали интервалы полнаго отсутствія всякаго рода извѣстій. Читающій міръ совершенно не имѣлъ никакого понятія о характерѣ движенія, о его существенныхъ цѣляхъ (хотя и разсказывалось, что инсургенты «подняли австрійское знамя, при крикахъ: да здравствуетъ король Хорватскій Францъ-Іосифъ! но, объ этомъ мы скажемъ ниже), неизвѣстно было даже, кто стоитъ во главѣ движенія.

Но вотъ таинственная завѣса начинаетъ мало по малу разрываться, извѣстія летятъ за извѣстіями—постепенно все разъясняется: всѣ знакомятся со страной въ географическомъ, топографическомъ и экономическомъ отношеніи, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаются самыя подробныя свѣдѣнія о движеніи, съ его нравственной стороны, т. е. мотивовъ, послужившихъ ему причиной, требованій, заявленныхъ возставшими, и съ его стороны, такъ сказать, матерьяльной—средствъ, которыми располагали инсургенты, ихъ силъ, отдѣльныхъ отрядовъ, личностей, выдвинутыхъ впередъ и т. д. Въ настоящее время театръ борьбы у всѣхъ какъ на ладони. Европа знаетъ почти до мельчайшей подробности все, что касается возмущенія, знаетъ «въ лицо» всѣхъ предводителей, знаетъ до того, что даже ихъ взаимныя отношенія не составляютъ никакого секрета. Понятно, что мы обязаны этимъ корреспондентамъ. Какъ только волненіе сдѣлалось серьезнымъ, какъ только было понято, какую органическую связь оно имѣетъ съ страшнымъ восточнымъ вопросомъ—большая часть иностранныхъ газетъ прислали своихъ репортеровъ на мѣсто дѣйствія. Въ настоящее время нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли извѣстность, какъ Стильманъ, корреспондентъ газеты «Times», Прайоръ — «Illustrated Daily News», Петръ Петровъ—«Русскаго Міра», послѣдній въ особенности, что конечно должно льстить нашему русскому самолюбію. Г. Стильманъ извѣстенъ своими добросовѣстными пространными корреспонденціями, въ которыхъ рѣдко упускается что-либо, касающееся дѣла, привлекающаго къ себѣ интересъ всего цивилизованнаго міра. Одинъ происшедшій съ нимъ случай рельефно указываетъ на его серьезное отношеніе къ своимъ обязанностямъ репортера. Чтобы имѣть возможность ближе стоять къ источникамъ извѣстій и свободнѣе обращаться въ странѣ, онъ перемѣнилъ европейское платье на черногорское, не смотря на всю опасность, при настоящихъ обстоятельствахъ, носить это одѣяніе. Эту опасность онъ скоро и получилъ возможность узнать на дѣлѣ. Схваченный турками какъ черногорецъ, онъ былъ брошенъ въ тюрьму, откуда вышелъ только благодаря усиліямъ консуловъ, удостовѣрившихъ его личность. Этой же участи подвергся и корреспондентъ другой англійской газеты «Illustrated London News»—г. Прайоръ, испытавшій комфортъ турецкаго острога. Прайоръ и корреспондентъ газеты «Русскій Міръ» Петръ Петровъ — единственные изъ корреспондентовъ, не ограничившіеся однимъ пребываніемъ въ Рагузѣ, подобно большинству своихъ собратьевъ, и проникшіе въ глубь страны, изучившіе возстаніе на мѣстѣ, во всѣхъ отношеніяхъ и со всѣхъ сторонъ, присутствовавшіе при сраженіяхъ. Первый взялъ на себя преимущественно составленіе рисунковъ, второй собственно текстъ. Вслѣдъ за первой депешей, посланной г. П. Петровымъ, слѣдуетъ длинный рядъ чрезвычайно интересныхъ корреспонденцій, написанныхъ языкомъ, живо передающимъ все испытанное и видѣнное самимъ авторомъ. Эти письма оцѣнены иностранной журналистикой по достоинству и, перепечатываемыя изъ «Русскаго Міра» (иногда цѣликомъ) въ «Times'ѣ, въ различныхъ французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, доставили г. П. Петрову солидную репутацію и извѣстность. Все, что только могло и можетъ интересовать въ возстаніи, все, о чемъ хочется знать, что бы желалось видѣть своими глазами — почти обо всемъ мы найдемъ свѣдѣнія и отчетъ въ корреспонденціяхъ П. Петрова, почти все наглядно представляютъ намъ яркіе штрихи, набросанные даровитой рукой. Читая эти мастерскія описанія, переносящія насъ въ суровую, занесенную сугробами страну горъ и пропастей, къ ужаснымъ сценамъ убійствъ и пожаровъ, мы не должны забывать о тѣхъ трудностяхъ, которыя приходилось и приходится выносить корреспонденту «Р. М.», не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ прямо шелъ (и идетъ) на опасности всякаго рода. Желая, напримѣръ, лично удостовѣриться, насколько волонтеры могутъ свободно пройдти чрезъ австрійскую границу, онъ одѣвается въ полный костюмъ герцеговинца и чуть ли не въ виду турокъ, открыто, среди бѣлаго дня, переѣзжаетъ запрещеную черту. Обратимъ вниманіе еще на то, что и въ настоящую минуту онъ разъѣзжаетъ по странѣ, часто въ обществѣ какихъ-нибудь 2-хъ, 3-хъ человѣкъ, не смотря на сдѣланное ему турками предупрежденіе о томъ, что пребываніе его въ предѣлахъ Турціи не совсѣмъ для него будетъ безопасно... Едва ли можно требовать столько самопожертвованія отъ корреспондента. Если, какъ сказано выше, мы теперь знаемъ почти всѣхъ вождей «въ лицо», то этимъ, конечно, мы обязаны П. Петрову. Въ его письмахъ выведена цѣлая портретная галлерея героевъ отчаянной борьбы славянъ и многихъ другихъ личностей, имѣющихъ то или другое отношеніе къ возстанію. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести въ выдержкахъ нѣкоторые изъ этихъ портретовъ. Прежде всего, конечно, Пейко Павловичъ и Любибратичъ. П. Петровъ на бивакѣ герцеговинцевъ подъ Сливницей («Р. М.», Сент. 1875 г., № 172). Инсургенты, около тысячи человѣкъ, расположились живописными группами на покатомъ склонѣ, изрѣзанномъ каменными стѣнками... Холодный, голодный, онъ ищетъ угла... «Ко мнѣ, пишетъ онъ, подошелъ молодой человѣкъ въ сѣромъ пальто, соломенной шляпѣ съ перомъ

и съ ружьемъ въ рукѣ, отрекомендовался итальянскимъ графомъ Фаэлла и просилъ войдти, какъ онъ выразился съ улыбкой, «во дворецъ». Дворецъ оказался двухъэтажный. Нижній этажъ—нѣчто въ родѣ пустой избы безъ оконъ съ деревянною скамьею вокругъ стѣны. На глиняномъ полу разослана солома. Влѣво отъ двери приставлена лѣстница, упирающаяся въ четырехугольнее отверстіе, прорѣзанное въ потолкѣ. Въ комнатѣ, если это стойло можно назвать комнатою, такъ темно, что въ первую минуту едва можно различать предметы. Мы поднялись во второй этажъ. Этотъ второй этажъ—чердакъ; солома наброcана гуще, чѣмъ внизу. Чрезъ два маленькія окошечка, продѣланныя подъ самою крышею, проникаетъ слабый свѣтъ. Человѣкъ 5 въ черныхъ сюртукахъ, пальто, сѣрыхъ жакеткахъ и герцеговинскихъ опанкахъ вмѣсто нашей обуви, лежатъ на соломѣ и курятъ. Ружья, европейскаго образца, находятся возлѣ вошелъ замѣчательно красивый, статный мужчина, лѣтъ 35-ти. Это былъ Любибратичъ.

За нимъ появилась какая-то оригинальная личность въ токе (нѣчто въ родѣ гусарской куртки безъ рукавовъ, шнуры которой замѣнены массивными большими серебряными обшивками). Вокругъ шеи что-то похожее на нашъ старый пѣхотный «знакъ», составленное изъ 5-ти широкихъ четырехугольныхъ серебряныхъ бляхъ и занимающее все пространство между плечами и съ короткою трубкою въ рукахъ.

Занятый Любибратичемъ, я, въ первую минуту, не обратилъ вниманія на эту фигуру. Послѣ первыхъ привѣтствій мы сѣли на солому. Личность въ токе усѣлась или скорѣе развалилась тутъ же.

Пока мы разговаривали съ Любибратичемъ (онъ говоритъ по сербски, по французски и по итальянски), третій нашъ собесѣдникъ молча сосалъ трубку, поглядывая изъ подлобья то

Герцеговинское возстаніе: Кореспонденты газетъ въ славянскомъ лагерѣ.

Дука. Пейно Павловичь. Прайоръ (Лонд. Ил.) П. Петровъ (Р. Міръ).

нихъ—это представители иностраннаго элемента отряда; 2 изъ нихъ оказались чехи, 2 итальянца, 2 далмата. Вскорѣ въ четырехугольномъ отверстіи, служащемъ сообщеніемъ съ низомъ, показалась фигура въ черногорскомъ одѣяніи *), и на чердакъ на того, то на другаго изъ насъ. Любибратичъ произвелъ на меня несравненно лучшее впечатлѣніе, чѣмъ я ожидалъ. Энергія и умъ видны въ этой мощной фигурѣ. Но одно только умѣстно сказать здѣсь по моему мнѣнію—это не тотъ человѣкъ, какой нуженъ для веденія войны при условіяхъ, при которыхъ она, увы! ведется. Относительная мягкость обращенія и уровень образованія отдѣляютъ его слишкомъ рѣзко отъ окружающей среды. Не взирая на то, что онъ дѣлитъ со своими людьми совершенно по братски труды и лишенія, не взирая на то, что онъ самъ заправляетъ всѣмъ, даже самъ раздаетъ хлѣбъ и патроны, голодаетъ, когда отрядъ сидитъ безъ пищи, обходитъ посты днемъ и ночью, смотритъ за больными и ранеными и т. д., не взирая на все это, онъ «не составляетъ одного тѣла съ своими людьми...»

*) Черногорскій костюмъ состоитъ изъ «фермена»—краснаго скошеннаго жилета съ золотымъ шитьемъ на верхней части; «бѣлачи»—бѣлаго суконнаго кафтана, съ сильно скошеннымъ воротомъ; «подпаска»—краснаго кушака, опаясывающаго въ нѣсколько разъ талію, пояса-ремня, къ которому пришито нѣчто въ родѣ длиннаго кожаннаго патронташа; въ этотъ патронташъ вкладывается: канджаръ (кинжалъ), ножикъ, пистолетъ и «машица» (продолговатый инструментъ, заключающій въ себѣ молотокъ, щипцы для чистки трубки и желѣзную трубочку для питья, когда нѣтъ возможности достать воду ртомъ или рукою; машица служитъ также шомполомъ для пистолета): «сарука»—синихъ шароваръ до колѣнъ; «доколѣницъ»—изъ бѣлаго сукна, обрисовывающихъ нижнюю часть ноги до колѣна; «чарапе»—шерстяныхъ носковъ, обшитыхъ тесьмою: «опанокъ»—веревочныхъ лаптей, подошвы которыхъ сдѣланы изъ воловьей шкуры и «капы»—черной шапки низкой формы съ краснымъ днищемъ.

Великорусскіе типы. Рис. Ганье, грав. Паннемакеръ.

1. Новгородская женщина.
2. Новгородская дѣвушка.
3. Псковская дѣвушка.
4. Псковская женщина.
5. Новгородецъ (старикъ).
6. Новогородецъ (молодой).
7.–8. Псковскіе дѣвушки.
9. Тверская женщина.
10. Женщина изъ Торжка.
11. Калужанка.
12.–13. Мѣщане.
14.–15. Смоленскія женщины.
16. Женщина изъ Дорогобужа.
17. Дѣвушка изъ Дорогобужа.
18. Дѣвушка изъ Вязьмы.
19. Женщина изъ Орла.
20. Дѣвушка изъ Орла.
21. Орловскій парень.
22. Рязанская женщина.
23. Рязанская дѣвушка.
24. Дѣвушка изъ Сарат. колонистокъ.
25. Женщина изъ Сарат. колоній.
26. Коломенскій крестьянинъ.
27. Коломенская женщина.
28. Курская дѣвушка.
29. Курская женщина.
30. Льговская дѣвушка.
31. Курянинъ.
32. Молодой Сарат. колонистъ.
33. Колонистка.
34. Дѣвушка-колонистка.
35. Тульская дѣвушка.
36. Тулянка.
37. Она же въ другомъ нарядѣ).
38.–39. Тульскіе рабочіе.
40. Дѣвушка изъ Данкова (Ряз. г.)
41. Раненбургская дѣвушка.
42. Дѣвушка изъ Козлова (Тамб. г.
43.–44. Куряне.
45. Льговская дѣвушка (Кур. г.)

П. Петровъ вспомнивъ, что имѣетъ письмо и къ Пейко, спросилъ у Любибратича, гдѣ можетъ найдти знаменитаго партизана.

— Да вотъ онъ и самъ, отвѣтилъ Любибратичъ, указывая на личность въ токе.

— Я Пейко, пробурчалъ тотъ продолжая сосать трубку.

Мы пожали другъ другу руки. Письмо, которое я ему подалъ, онъ передалъ Любибратичу и пригнулъ голову, чтобы слушать, не выпуская трубки изо рта. Пейко, какъ я вамъ сказалъ, не умѣетъ ни читать, ни писать. «Я, кажется первый изъ корреспондентовъ, имѣющій счастіе лицезрѣть «герцеговинскаго волка». П. Петровъ описываетъ слѣдующимъ образомъ наружность «волка». Пейко средняго роста, лѣтъ 40—46. Держится слегка сгорбившись и гнетъ колѣни какъ разбитая на ноги лошадь. Огромное продолговатое лицо съ длиннымъ, прямымъ, нависшимъ носомъ и сильно выдающеюся челюстью; черные, падающіе къ низу усы, густыя мохнатыя брови. Подъ этими бровями медленно, но постоянно движется пара огромныхъ, необычайно яркихъ, черныхъ зрачковъ, на половину закрытыхъ нависшими вздутыми вѣками и длинными рѣсницами. Взглядъ этого человѣка тяжелый, угрюмый и очень проницательный, не взирая на кажущуюся сонливость и лѣность. Ротъ странной формы: оконечности круто загнуты кверху, а на самой серединѣ онъ какъ бы оттянутъ къ низу».

Корреспондентъ «Р. М.» приводитъ слѣдующее обстоятельство, однимъ штрихомъ обрисовывающее обоихъ вождей. На дворикѣ дома Пейко подошелъ къ нему и, не выпуская вѣчной трубки изо рта, указываетъ на возвышенность, лежащую въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ бивуака.

— Подите туда, пробормоталъ онъ.

— А что тамъ?

— Турскія главы.

На пути къ этимъ ужаснымъ трофеямъ П—ву попался Любибратичъ.

— Не ходите, сказалъ онъ,—это ужасное, отвратительное зрѣлище!..

Не правда-ли, трудно забыть фигуру «волка» и типическое различіе! Не менѣе живо изображенъ Серверъ-Паша, этотъ «мужчина лѣтъ 50-ти, брюнетъ съ просѣдью, слегка сгорбленный; лицомъ, всею фигурой и взглядомъ изъ подлобія, поверхъ очковъ, напоминающій какъ двѣ капли воды, пожилаго еврея «комерсанта»... Сколько извѣстно, П. П—въ навлекъ на себя особенное неудовольствіе турецкихъ властей за обнародованіе разговоровъ, которые онъ имѣлъ съ комисаромъ Порты въ Герцеговинѣ. Въ октябрѣ энергичный корреспондентъ «Р. М.» ѣхалъ на пароходѣ, какъ онъ справедливо выразился, съ необычайной компаніей. Такъ между прочимъ здѣсь находился предводитель одного изъ главныхъ инсургентскихъ отрядовъ, Лука Петковичъ, и въ то же время—Даничъ-эфенди, занимающій постъ турецкаго консула въ Рагузѣ. Первый въ полномъ облаченіи черногорскаго періаника (гвардіи князя), бѣломъ кафтанѣ, съ медалями и орденами на груди, съ серебряною арматурою на шапкѣ (двуглавый орелъ и двѣ скрещенныя кривыя сабли), молодецки-могучей (ему 52 г.) фигурой молча стоялъ въ сторонѣ.

«Даничъ-эфенди средняго роста, топоромъ обрубленная фигура, плотная и невзрачная, одна изъ тѣхъ физіономій, которыя на академическомъ языкѣ получаютъ кличку бутузъ. Христіанинъ, съ сильной какъ я полагаю примѣсью армянскаго происхожденія. Считается ловкимъ и умнымъ, потому что имѣетъ счастіе оцѣниваться по отношенію къ своимъ мусульманскимъ коллегамъ. Отличительный признакъ: на каждомъ шагу, для приданія большей вѣскости словамъ, даетъ «честное слово христіанина», что, какъ вы понимаете, производитъ сильнѣйшее впечатлѣніе и окончательно убѣждаетъ слушателя. Кстати о турецкихъ дѣятеляхъ, мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слова П. П—ва о назначенномъ нѣсколько времени назадъ губернаторѣ восставшей части Герцеговины—«христіанинѣ» Констанъ-эфенди. Единственный христіанинъ, говоритъ корреспондентъ «Р. М.», имя котораго предано здѣшнимъ христіанскимъ населеніемъ окончательному, безапелляціонному проклятію, имя котораго красуется въ народной ненависти на ряду съ именами Дервишъ-Паши, Амета-Хамди, Селима-Паши и прочихъ мусульманскихъ кровопійцъ—это Констанъ-эфенди. Армянинъ Констанъ-эфенди, въ глазахъ здѣшнихъ христіанъ, хуже турка, хуже любаго привознаго паши...

Возстанія обыкновенно привлекаютъ самую разнородную смѣсь не только «племенъ, нарѣчій, состояній», но и прибавимъ—типовъ. Очень часто въ среду энергическихъ, рѣшительныхъ людей, людей дѣла, попадаютъ и личности, представляющія съ ними рѣзкій контрастъ и относящіяся къ дѣлу скорѣе воображеніемъ, чѣмъ разсудкомъ.

Нѣчто подобное встрѣтилъ и Петровъ въ Смречно, гдѣ стоялъ Пейко. П. П—въ усталый, добрался съ Прайоромъ и своими товарищами (между которыми находились двое русскихъ) до «штабъ-квартиры» знаменитаго вождя, главное зало которой состояло изъ большой комнаты съ соломой на полу и костромъ посрединѣ; вокругъ костра лежало человѣкъ 20 инсургентовъ, сюда же бросились и новоприбывшіе, почти совершенно уже потерявшіе способность движенія. П—въ только что наклонился къ одному изъ своихъ спутниковъ, заболѣвшему въ дорогѣ, и хотѣлъ спросить его о здоровьи, какъ кто-то обратился къ нему на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ, предлагая лучшее мѣсто. «Удивленье, пишетъ П. П—въ (я зналъ навѣрно, что въ отрядахъ Лазаря Сочицы, Зимонича и Пейко Павловича не было ни одного иностраннаго волонтера), я повернулъ голову и увидѣлъ человѣка лѣтъ 35-ти, худощаваго брюнета въ коричневой жакеткѣ и истрепанныхъ панталонахъ». Съ первыхъ же почти словъ эта личность могла показаться нѣсколько странною. Послѣ обмѣна благодарностей и привѣтствій, иностранецъ отрекомендовался обоимъ корреспондентамъ «герцогомъ Медунскимъ и начальникомъ штаба генералиссимуса, т. е. Пейко Павловича». Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ о немъ П. П—ва видно, что этотъ «дука», какъ его называли въ лагерѣ, порядочный фразеръ, который не прочь прихвастнуть и кое что прибавить, но который, въ то же время, добровольно несъ всѣ тяжести борьбы, предъ которыми не отступалъ. Пейко, конечно, и не могъ обращаться съ нимъ иначе, какъ описываетъ корреспондентъ «Р. М.», въ родѣ приказанія «дукѣ» набить трубку, или: «дука»—помѣшай-ка лучше въ котлѣ» и т. д.

Одно изъ писемъ П. П—ва производитъ особенно тяжелое впечатлѣніе: «Вчера, пишетъ онъ изъ Рагузы отъ 2-го ноября, я былъ свидѣтелемъ одного изъ ужаснѣйшихъ зрѣлищъ, которыя дано человѣку видѣть. Я видѣлъ тысячу человѣкъ, доведенныхъ до совершеннаго отупѣнія, до отсутствія мысли, слова, почти утратившихъ человѣческое подобіе, вслѣдствіе всяческихъ страданій, всяческихъ лишеній, вслѣдствіе голода, холода, нужды ужаснѣйшей, немыслимой вслѣдствіе постоянной тревоги и ужаса. Я видѣлъ тысячу людей, женщинъ, дѣтей, мужчинъ, скученныхъ, согнанныхъ, какъ сгоняютъ животныхъ, на одно мѣсто; согнанныхъ съ горъ, вытащенныхъ изъ пещеръ и разсѣлинъ скалъ, найденныхъ кто на голой скалѣ, кто между камнями, кто въ гнилыхъ, смертоносныхъ болотахъ Наренты... Все это стояло, сидѣло, лежало глядя тупо предъ собой, не понимая еще зачѣмъ ихъ созвали, не постигая еще ожидающаго ихъ относительнаго благополучія (они, повидимому, перестали вѣрить въ возможность чего нибудь, кромѣ новыхъ мукъ, новыхъ страданій, новыхъ лишеній), на насъ они смотрѣли—одни холоднымъ, безучастнымъ, потухшимъ взоромъ, другіе испуганно-пытливымъ, лихорадочнымъ. Дѣти кричали и плакали, когда мы подходили къ нимъ, отъ ласки они испуганно увертывались. Женщины странно, судорожно улыбались, боялись подойти, другіе смотрѣли, ничего не понимая, глубокимъ, мрачнымъ, исполненнымъ ненависти взглядомъ. Ни на одномъ изъ этихъ несчастныхъ существъ, ни на мужчинахъ, ни на женщинахъ, ни на дѣтяхъ, не было признака рубашки, нѣсколько клочковъ невыразимо-затасканной сермяжной дерюги, веревка вмѣсто пояса, на головахъ красные платки, повязанные чалмой, у женщинъ клочки нѣкогда бѣлой матеріи, истрепанные опанки на босу ногу.., Всего страшнѣе было смотрѣть на дѣтей: многія изъ нихъ были совершенно наги, красная шапочка на головѣ, небольшой кусокъ дерюги, болтающійся на спинѣ, едва до поясницы, съ дыркой, чтобы просунуть голову—вотъ и все... Нужно ли что либо прибавлять къ этому...

Выше мы сказали, что поговоримъ о приписанныхъ въ началѣ возстанія инсургентамъ кликахъ: «Да здравствуетъ императоръ Францъ-Іосифъ!». Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ привести замѣчанія по этому поводу П. Петрова... Я остановился, пишетъ онъ, между прочимъ на возгласѣ: «да здравствуетъ императоръ Францъ-Іосифъ!» съ которымъ будто бы славяне бросаются на турокъ, Мнѣ пришло въ голову это замѣчаніе по поводу послѣдняго дѣла. Вотъ что происходитъ въ отношеніи криковъ и возгласовъ, всякій разъ, когда «воюющія стороны» находятся въ дѣйствіи. Шаговъ за 200, 150 обѣ стороны хранятъ молчаніе, славяне обмѣниваются по временамъ краткими замѣчаніями и иногда спорятъ о дѣйствительности своихъ выстрѣловъ, причемъ особенно удачные выстрѣлы вызываютъ восклицанія и похвалы, но, какъ только противники сходятся на ближайшее разстояніе, поднимается съ обѣихъ сторонъ шумъ и гвалтъ невообразимый: турки кричатъ, ободряя себя суматохою, ругаются, топчутся на мѣстѣ, грозятъ, хорохорятся; славяне рвутся впередъ, кричатъ, зовутъ другъ друга, чтобы дружно ударить. Въ минуту, когда настанетъ такъ называемый психологическій моментъ битвы, когда одна изъ сторонъ начинаетъ инстинктивно чувствовать, что противникъ «сдаетъ», славяне обыкновенно бросаютъ ружья, выхватываютъ канджары и кидаются впередъ съ гамомъ, ужаснѣйшимъ, невообразимымъ; тутъ все—крики, вызовы, брань, призывы, проклятія... Ничто не можетъ удержать ихъ въ эту минуту, начальственный голосъ безсиленъ, направлять и управлять этою аттакою нѣтъ возможности, да и правду сказать, не нужно: эффектъ и дѣйствіе его на турокъ поразительны. Турки рѣшительно не могутъ ни нравственно, ни физически выдерживать рукопашнаго натиска славянъ. Когда дѣло дошло до этого, можно съ увѣренностью сказать, что турки порѣшены, будь они вдвое, втрое сильнѣе. Но, за то такая аттака можетъ повлечь за собою и гибельныя послѣдствія. Пейко Павловичъ инстинктивно понимаетъ это и потому не бѣжитъ на противника, а «идетъ» скорымъ, свободнымъ, горскимъ шагомъ впереди своихъ. Авторитетъ и что называютъ французы le prestige (обаяніе) этого че-

ловѣка такъ велики, что даже въ эту минуту никто его не обгоняетъ; идутъ за нимъ тѣсною кучею и развѣ только по сторонамъ забѣгаютъ впередъ. Эта аттака Пейко Павловича—что то совершенно эпическое, особенно когда подумаешь, что тутъ ни съ той, ни съ другой стороны нѣтъ никакой пощады—нѣтъ раненыхъ, нѣтъ плѣнныхъ; всякій задѣтый, не выхваченный во время изъ боя свалки, порѣшенный человѣкъ. Далеко все это какъ видите отъ того, чтобы славяне по командѣ бросались на противника со знаменемъ въ рукѣ и съ дружнымъ крикомъ: «Да здравствуетъ императоръ Францъ австрійскій!»

Надѣемся, читатели не посѣтуютъ на насъ за то, что мы воспользовались случаемъ, позволившимъ намъ привести одну изъ лучшихъ страницъ, передающихъ съ непосредственною живостью то, чему былъ свидѣтелемъ талантливый корреспондентъ.

Великоруссы.

Губерніи Новгородская, Тверская и части другихъ смежныхъ губерній расположены по склонамъ Алаунской плоской возвышенности, съ которой тѣсно связана исторія разселенія великороссовъ.

«Страна эта (Алаунская возвышенность), говоритъ Бабстъ, повидимому не имѣетъ никакихъ особенныхъ выгодныхъ свойствъ, но тѣмъ не менѣе она еще за тысячу лѣтъ была заселена осѣдлыми славянскими племенами, образовавшими первое государство Руси; отсюда началась гражданская жизнь русскихъ племенъ; отсюда знаменитые Новгородцы высылали первыхъ колонизаторовъ и въ дремучіе непроходимые лѣса и тундры сѣвера, и въ отдаленныя уральскія страны, и по Волгѣ, и по Днѣпру, и къ берегамъ Балтійскаго моря; здѣсь же возникли и первые торговые центры Россіи: Новгородъ, Псковъ, Тверь, Торжокъ, Вышній Волочекъ: тутъ же пролегалъ древнѣйшій водяной путь отъ *«Варягъ въ греки»*, здѣсь впослѣдствіи проведены первые искуственные водные пути, первыя шоссейныя и желѣзныя дороги. Что же было причиной тому? Отвѣтить не трудно географическое положеніе этой страны. Въ самомъ дѣлѣ Алаунская возвышенность есть самое высокое центральное мѣсто среди равнины Европейской Россіи; къ ней примыкаютъ со всѣхъ сторонъ всѣ четыре покатости нашей равнины; на ней берутъ начало всѣ важнѣйшія наши рѣки: Волга, Волховъ, Западная Двина. Сѣверная Двина и Днѣпръ; такимъ образомъ на этой мѣстности сходятся и пересѣкаются всѣ важнѣйшіе торговые пути, соединявшіе и теперь соединяющіе Россію съ Западной Европою. Поэтому не земледѣліе, не обрабатывающая промышленность, а промышленность торговая была источникомъ благосостоянія этой страны, поэтому же Алаунскую возвышенность можно считать колыбелью русскаго народа. Съ Алаунской возвышенности русская жизнь, подобно громадному океану, разлилась по всѣмъ направленіямъ, къ сѣверу, востоку, югу и западу, потому что ея разливъ слѣдовалъ по теченію рѣкъ, получающихъ начало на Алаунской возвышенности, которая и сама разливалась во всѣ стороны. Русскимъ, при своемъ движеніи, приходилось встрѣчать многія народности, дотолѣ имъ чуждыя, невѣдомыя; но могучее русское племя поглотило ихъ въ себя и многихъ изъ нихъ окончательно обрусило».

Всякое заселеніе имѣетъ на самомъ дѣлѣ много общаго съ наводненіемъ. Какъ могучая въ своемъ теченіи рѣка обходитъ возвышенности и затѣмъ ведетъ противъ нихъ неустанную осаду, иныя размывая или покрывая водой въ сильные разливы, иныя оставляя несокрушенными, такъ и народная волна медленно и наступательно движется отъ своего истока и заливаетъ сначала окрестныя низменности, обходя разбросанныя по нимъ группы инородцевъ. Съ каждымъ годомъ крутой, обрывистый берегъ все больше и больше уступаетъ напору рѣки и обваливающіяся земляныя глыбы падаютъ на дно, слегка и ненадолго затуманивая свѣтлыя рѣчныя струи.

Разселеніе великороссовъ представляетъ картину подобную вышеприведенной, только не слѣдуетъ увлекаться сравненіемъ, не надо забывать, что борьба шла не между темными стихійными силами природы, а между людьми разныхъ силъ, чисто историческая борьба племенъ.

Водяные пути, сбѣгавшіе съ горъ во всѣ стороны будущей великорусской низменности, разносили пришлыя толпы къ своимъ широкимъ устьямъ, осаживали ихъ по берегамъ, въ чащѣ дремучихъ лѣсовъ и глуши болотъ. Такъ вѣтеръ случайно заноситъ на далекое разстояніе цвѣточную пыль, а птицы—сѣмена растеній.

Люди, плывшіе по этимъ водянымъ дорогамъ, внесли въ движеніе смыслъ. Разныя цѣли руководили первыми русскими колонизаторами. Одни шли съ промышленными цѣлями, такъ какъ почва Валдайскихъ склоновъ не отличалась плодородіемъ; другіе также съ цѣлью наживы, шли съ военной силой; третьи заходили въ сѣверныя дебри распространять христіанскую вѣру и спасать душу отъ суеты и грѣха современныхъ неурядицъ.

На пути смѣлыхъ землепроходцевъ возникали посады и городки, копались рвы, насыпались валы, на нихъ ставился частоколъ—огорода; мирное населеніе осѣдало вокругъ, начинало расчищать трущобы, пахать землю, заводило торгъ. Предметомъ послѣдняго служили главнымъ образомъ дорогіе мѣха бѣгавшихъ въ окрестномъ лѣсу звѣрей: медвѣдей, соболей, куницъ и лисъ. Надъ низкими курными избами поселенцевъ парила высокая деревянная церковь.

Одновременно съ городами стали возникать въ лѣсахъ сѣверо-востока и православные монастыри. Русскіе миссіонеры, довольствуясь на первыхъ порахъ простой землянкой или даже простымъ дупломъ, строили съ помощью сходившейся съ ними братіи небольшой деревянный храмъ, обносили его и окружныя кельи стѣной, для защиты отъ злыхъ людей и вели въ этихъ стѣнахъ подвижническую жизнь.

Новгородцы, бывшіе въ то давнее время первыми колонизаторами-проповѣдниками, руководились, какъ видимъ двумя желаніями: нажиться торговлей съ западомъ при помощи новооткрытой *страны мѣховъ* и убѣдить финскихъ язычниковъ въ истинѣ вѣры Христовой. Одни шли съ оружіемъ на звѣря и человѣка; другіе мирно завоевывали дикарей словомъ Евангелія. Въ XIV столѣтіи изъ язычниковъ Финновъ многіе уже были христіанами. Стефанъ Пермскій прославился какъ самый ревностный апостолъ русскаго сѣвера.

Немногія группы финскихъ племенъ уцѣлѣли отъ нахлынувшаго великорусскаго половодья. По лицу великой равнины все болѣе и болѣе распространялся типъ великорусской деревни, вытянутой въ порядокъ, съ избами въ три окна, крытыми соломой, съ распаханными кругомъ полями. Въ лѣсахъ и оврагахъ ютились старые инородческіе поселки.

Мѣсто малорослаго финна занималъ шагъ за шагомъ широкоплечій красивый великороссъ, средняго роста съ сѣрыми глазами и окладистой русой бородой, тотъ типъ, который во всей чистотѣ сохранился въ Ярославской и Новгородской губерніяхъ.

Разливъ пошелъ далеко на востокъ и на югъ, снося болѣе слабыя чуждыя народности. Уральскія горы не послужили ему помѣхой: сквозь нихъ, въ теченіе многихъ вѣковъ фильтровалось, если можно такъ выразиться, все самое энергичное изъ населенія теперешней Европейской Россіи, частью по охотѣ, частью по неволѣ. То же порабощеніе болѣе слабаго племени болѣе сильнымъ совершилось и въ Сибири.

Великороссовъ 37 милліоновъ, ихъ населенію положены довольно рѣзкія географическія границы. На западѣ линія идетъ черезъ великія сѣверныя озера (Ладожское, Онежское и Чудское), по р. Великой и верховьямъ З. Двины, Днѣпра и Десны, до истоковъ Донца, на востокѣ—отъ южной части Курской губерніи, черезъ восточныя окраины губерній: Воронежской, Тамбовской, Нижегородской и Костромской и черезъ двѣ великихъ сѣверныхъ губерніи (Архангельскую и Вологодскую) къ Мезенскому устью.

На показанномъ пространствѣ великороссы—почти сплошь, за пограничными чертами—смѣшанно. Различіе занятыхъ мѣстъ, природныя условія страны—все это взятое въ совокупности вліяло на уклоненія отъ кореннаго типа, вносило новыя черты въ наружность и даже въ характеръ, измѣняло обстановку и бытъ. Великорусскихъ крестьянъ связывалъ общій языкъ и общая вѣра.

Переходя къ приложенному рисунку, на которомъ изображено около полусотни великорусскихъ типовъ, нельзя, говоря о нихъ, обойти нѣкоторыя этнографическія подробности, нельзя вдаться въ частности. И такъ воспользуемся случаемъ когда большинство великороссовъ въ сборѣ.

Для того чтобы не повторять одного и того же, такъ какъ бытъ великорусскихъ крестьянъ представляетъ много общихъ чертъ и жизнь новгородскаго мужика мало чѣмъ отличается въ главномъ отъ жизни Орловскаго или Тверскаго, мы возьмемъ все характеризующее ихъ обстановку, обряды, промыслы и развлеченія изъ разныхъ губерній. При другомъ пріемѣ наша статья неминуемо приняла бы большіе размѣры. Начнемъ съ Новгородцевъ (№№ 1, 2, 5 и 6).

Передъ глазами читателя типы того народа, на долю котораго выпала долгая историческая борьба съ Москвой за старый вѣчевой порядокъ, борьба, отразившаяся на характерѣ энергичнаго населенія. Про него и теперь еще говорятъ: *«упрямъ какъ Новгородецъ»*, а въ народныхъ присловьяхъ сложилось насмѣшливое замѣчаніе, что Новгородцы «такали, такали, да Новгородъ и протакали». Крестьяне этой озерной и безплодной губерніи промышляютъ больше на сторонѣ, или строютъ суда на рѣкахъ, перевозятъ грузы; изъ болотъ добываютъ желѣзную руду, занимаются солянымъ промысломъ или рыбной ловлей. Вотъ какъ разсказываетъ о послѣдней Якушкинъ со словъ одного ловца, жителя береговъ Ильменя:

«Про наши промыслы сказать кромѣ хорошаго нечего: сами апостолы были рыбарями, по нашему сказать, ловцами. Наши промыслы легкіе, веселые, особливо замой — гораздо хороши! Настоящіе ловцы зимніе въ два невода ловятъ, это двойники.

Вотъ соберется народъ человѣкъ двадцать ловцевъ, или тамъ тридцать, у кажиннаго ловца шестнадцать сажень сѣтей, а у кажинныхъ двухъ ловцовъ есть по лошади съ санями, со всею снастью, какъ запречь надлежитъ. Соберутся ловцы человѣкъ двадцать, а больше станутъ собирать до тридцати одного ловца. Наберется скоро: на это дѣло охотника много у насъ. Послѣ того скопятся да и спросятъ: кому быть ватаманомъ? Положать на кого: на Ивана ли Петрова, на Федора ли Васильева, всѣ къ тому Федору Васильеву и идутъ. А коли случится тутъ Федоръ Васильевъ, то тутъ же ему и объявится, коли же нѣтъ его на ту пору съ ними, идутъ къ нему на домъ. И выбираютъ они ватаманомъ ловкаго да и знакомаго: надо кнѣи (мотня, матка), снасти (веревки) въ долѣ взять. Ловцы сѣти сами вяжутъ, а то и купить не дорого: 16 сажень сѣтей можно взять за десять цѣлковыхъ. Ну а кнѣю всегда покупаютъ въ городѣ; за пару кнѣй надо дать 300 рублей ассигнаціями, а дорога пенька—всѣ 100 цѣлковыхъ отдать, да за снасти цѣлковыхъ 50. По этому самому и выбираютъ ватамана знакомаго, чтобы ему въ городѣ все что надо въ долгъ дали. Приходятъ къ нему на домъ въ избу. А тотъ Федоръ Васильевъ сидитъ, будто ничего не знаетъ. «Что вамъ надо, ребята? скажетъ онъ такъ сурово. Зачѣмъ пришли»? А тѣ ему въ отвѣтъ: такъ и такъ: насъ скопилось 31 человѣкъ съ сѣтьми и лошадьми: будь нашимъ большимъ ватаманомъ. А коли нѣтъ тридцати одного ловца, то скажутъ: насъ собралось 20 тамъ чтоль человѣкъ, или 25, остальныхъ самъ набери. Будь намъ ватаманомъ большимъ, безъ тебя намъ въ двойникахъ ходить не приходится. Тотъ по обычаю, сперва на перво поломается: начнетъ говорить, что у меня да на то и разума не хватитъ, а безъ большаго разума какъ я за такое дѣло возьмусь? Да это онъ такъ разговоры разговариваетъ, поговоритъ и станетъ большимъ ватаманомъ. Тутъ большой ватаманъ спроситъ: «кого же мы, ловцы, поставимъ малымъ ватаманомъ? Ну тѣ и говорятъ на кого нибудь, тотъ тоже отговаривается, да только поменьше. Тамъ большой ватаманъ скажетъ: кому рѣльщикомъ быть? Рѣльщикъ ватаману подручный, тоже большой человѣкъ, безъ рѣльщика ватаманъ водки не пьетъ. Выберутъ двухъ рѣльщиковъ, коренному ватаману по рѣльщику, а коренному ватаману и коренному рѣльщику по пѣхарю, да еще четыре воротильщика, что воротъ ворочаютъ, а остальные просто ловцы. Ну, а когда не наберется 32 ловца, у кого есть сѣть да лошадь, нанимаютъ рублей за 30 сер. въ зиму казаковъ, такъ у насъ зовутъ бездомныхъ работниковъ. Какъ только всѣхъ выберутъ, затопятъ Богу свѣчу, помолятся Богу, поцалуютъ образъ-икону. Помолясь и ни одинъ ужъ ловецъ не отойдетъ въ другой двойникъ, не моги до поры до времени слова сказать! Помолясь Богу и отстать нельзя: недаромъ Бога цаловали! Помолясь Богу сядутъ за столъ, выпьютъ винца. Вотъ и скажетъ большой ватаманъ: «Ну, ребята, собираться, тогда то, а пока надо невода справить. Всѣ уже и слушаютъ. Какъ прикажетъ ватаманъ, такъ и скопится къ нему вся братія невода сшивать. Куренный принесетъ съ собою свою сѣть 16 сажень, сошьютъ въ четыре крыла, по два крыла на неводъ. А большій ватаманъ, человѣкъ бывалый, выбираетъ день легкій, глаза и дурнаго дѣла боится. Случается ватаманъ и самъ на тѣ дѣла ходокъ, тотъ самъ перехитритъ, если же плохо—дожидается, пока главные дѣльцы на озеро поѣдутъ; а то такъ сдѣлаетъ: будешь съ нимъ бокъ о бокъ ловить—у него тоня въ 300 рублей и больше, а ты—на рубль серебра! Въ назначенный день всѣ сходятся къ къ большому ватаману, затопятъ свѣчу, выпьютъ винца, пообѣдаютъ, все тѣмъ же порядкомъ какъ и прежде и съ того ватаманъ большой полный хозяинъ, хоть до полусмерти убьетъ кого: никто до поры до времени но смѣй слово сказать. Пообѣдаютъ и поѣдутъ на озеро. Въ этотъ день они только одну тоню и сдѣлаютъ: своего счастья попытать, да и рыбу то не продаютъ, сами съѣдятъ. Послѣ того уже ватаманъ скажетъ день, въ который скопляться на настоящій ловъ. Соберутся и поѣдутъ. Закинутъ тоню, вынутъ. Большой ватаманъ сказано, всему хозяинъ: вынутъ тоню, онъ и скажетъ мокряку, за сколько ее рыбакамъ отдавать, мокрякъ не смѣетъ и дешево спустить... А коли рыбаки ватаманской цѣны не дадутъ, мокрякъ ночь ночуй, не дадутъ на другой день—другую; на третій день только съ озера можно эту рыбу свезти. Вотъ какъ мокрякъ продастъ рыбу, деньги возьметъ у рыбаковъ и пойдетъ къ братіи на другую тоню. Другую тоню, если бываетъ, онъ же продаетъ; сколько тонь закинутъ въ тотъ день—во всѣхъ онъ мокрякъ и все деньги себѣ подъ сохранъ беретъ. Ватаманъ себѣ ни гроша не оставляетъ. Какъ скопится у ловцовъ много денегъ, большой ватаманъ и велитъ расправѣ быть. Скопятся. Большой ватаманъ сядетъ за столъ, а всѣ ловцы стоятъ. Большой ватаманъ и скажетъ: у тебя столько то денегъ. А тутъ ловецъ къ которому тѣ слова были, ему подаетъ деньги. Ватаманъ приметъ и положитъ на столъ. Тамъ у другаго спроситъ, возьметъ и тоже положитъ на столъ. Оберетъ у всѣхъ кто въ мокрякахъ былъ и всѣ деньги на столѣ лежатъ. Ватаманъ при всѣхъ пересчитаетъ деньги. Всѣхъ денегъ къ примѣру 200 рублей; изъ этихъ денегъ за кнѣи можно отложить сто чтоль рублей, на церьковь Божію столько-то, за прогулы столько-то, на водку, если ловъ былъ хорошъ. И никто ему на то слова не скажетъ, хоть всѣ деньги пропить велитъ. Отложивъ сколько надо, ватаманъ дѣлитъ всѣмъ ловцамъ: на ловца съ лошадью двѣ части, а на пѣшаго одну, и отдаетъ тѣ коренному ловцу самъ въ руки и себѣ оставляетъ равную часть. На масляницу большая расправа бываетъ, такая же какъ малая, только большой ватаманъ отсчитаетъ на той большой расправѣ деньги, коли остались, что до этого и не бываетъ, за кнѣи да за снасти, а на водку не откладываетъ, и послѣ скажетъ: «надо на церковь Божію отложить». Какъ только кончится расправа, ватаманъ встанетъ да и спроситъ: «Хотите-ли, братцы, на тотъ годъ со мною рыбу ловить?» Если онъ не хорошо имъ служилъ, всякъ ему свою правду выскажетъ, разберутъ неводъ, всякъ свою сѣть, кнѣю, снасти продадутъ, деньги раздѣлятъ и разойдутся. Коли-жъ все было ладно, ловцы ватамана поятъ водкой, а ватаманъ подноситъ всей братіи. Гульба пойдетъ такая, что и Боже мой! На этотъ пиръ никому кромѣ той братіи и придти нельзя, развѣ кого большой ватаманъ позоветъ. Пройдетъ масляница, въ понедѣльникъ на первой недѣли зубы полоскать, да такъ наполощутся, что во вторникъ, а то и въ середу опохмѣляться надо. Кончится гульба, ватаманъ скажетъ: опять выѣзжать. Опять выѣдутъ на озеро и ловятъ, пока забе-

Продолженіе въ прибавл. на стр. 125, 126, 127 и 128.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

— Вы хотите непремѣнно чтобы я сдѣлался извѣстнымъ, чтобы обо мнѣ всѣ заговорили.... Что же мнѣ бы такое сдѣлать?...

— Проѣзжайте по Одесской желѣзной дорогѣ разъ пять и если съ вами ничего не случится — объ этомъ конечно всѣ заговорятъ....

реги пойдутъ, съ тѣмъ же ватаманомъ, коли хорошо служилъ, а нѣтъ, такъ съ новымъ, которому обѣщались на зиму. Пойдутъ забереги и разойдутся до зимы, а зимой уже приходятъ къ ватаману своему».

Такъ промышляетъ великорусскій крестьянинъ на водѣ, когда земля родитъ плохо и скудный урожай не можетъ прокормить населеніе. Посмотримъ теперь какъ живутъ и чѣмъ кормятся Рязанцы (№№ 25, 23, 40 и 41).

«Жилыя строенія состоятъ обыкновенно изъ двухъ избъ или срубовъ, стоящихъ большею частью безъ фундамента и соединенныхъ между собою холодными сѣнями. Одна изба (теплая) назначается для жилья, а другая есть клѣть, въ которой хранится посуда, провизія, одежда и прочее имущество, а лѣтомъ въ ней живутъ. Впрочемъ это главное строеніе весьма разнообразно въ своихъ формахъ: иногда вмѣсто клѣти ставится другая изба съ печкой; гораздо же чаще встрѣчаются крестьянскіе дома, состоящіе изъ одной лишь избы и холодныхъ сѣней, гдѣ устроенъ небольшой чуланъ вмѣсто клѣти. На сѣверѣ губерніи избы строятся выше и раздѣляются горизонтально на двѣ половины; изъ которыхъ въ верхней живутъ, а нижняя замѣняетъ клѣть и называется подполица. Въ Данковскомъ, Скопинскомъ и Пронскомъ уѣздахъ (западныхъ) клѣть называется горницей, а иногда горенкой. Размѣры избы соразмѣряются съ величиной семейства. Обыкновенно изба составляется изъ 15, 20 и болѣе вѣнцовъ, такимъ образомъ средняя высота ея выходитъ отъ 4 до 6 аршинъ. Вообще можно сказать, чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ избы выше; но ширина и длина ихъ вездѣ одинаковы и заключаются отъ 6 до 9 аршинъ. Если взять избу средней величины, то она вмѣщаетъ въ себѣ пространство въ 144 куб. аршина въ каждой избѣ; въ сложности живутъ по 8 человѣкъ. слѣдовательно каждый пользуется пространствомъ, имѣющимъ въ длину и ширину 3, а въ вышину 2 аршина; если же принять въ соображеніе всѣ принадлежности избы и домашнюю скотину, которая въ теченіи зимы постоянно въ ней толкается, то можно составить себѣ понятіе о тѣснотѣ крестьянскихъ жилищъ. Главная принадлежность избы есть русская печь, сбитая большею частію изъ глины и въ деревянной оправѣ, или сложенная изъ кирпичей; она лежитъ на деревянномъ опечкѣ, устроенномъ въ углу, подлѣ двери и занимаетъ обыкновенно шестую часть избы. Послѣднія бываютъ очень часто курныя, а чтобы составить себѣ понятіе, что такое курная изба, достаточно привести слѣдующее *): едва вы вступите въ нее (зимой) и ваша голова готова ударится объ палати: это доски, которые намощены на аршинъ ниже потолка и поддерживаются перекладинами, раздѣляющими избу на двѣ неровныя части: переднюю и заднюю. На нихъ крестьяне спятъ и грѣются. Подлѣ палатей—печь, отсюда лазятъ прямо на палати. Печь дѣлается въ такихъ избахъ изъ глины, которую сбиваютъ въ плотную массу чекмарями. Между палатями и поломъ устроенъ еще для спанья большой примость или нары. Трубы въ покоѣ нѣтъ и когда печь топится, вся изба наполнена дымомъ, который всѣмъ рѣжетъ глаза, колетъ въ носъ, возбуждаетъ кашель. Въ это время семья ходитъ согнувшись, а дѣти лежатъ на печкѣ, свѣсивъ внизъ головы. Этотъ дымъ, выходя въ растворенную дверь и дымовое окно, оставляетъ на стѣнахъ вѣчную копоть. Передняя часть избы на цѣлый аршинъ выше задней, потому что здѣсь нѣтъ палатей, тутъ у стѣнъ придѣланъ коникъ и лавка, въ переднемъ углу на божничкѣ поставлены закопченые образа, подъ образами стоитъ столъ въ которомъ кладутся хлѣбъ, солонка, ножъ и ложку; около печи, въ той сторонѣ куда обращено устье, къ стѣнѣ прикрѣплена полка; на ней помѣщается кухонная посуда; на лавкѣ и на примостѣ валяется запачканная одежда и пр. домашній скарбъ; подъ примостомъ или подъ лавкою отгороженъ катухъ (мѣсто для куръ). Немощеный полъ почти также грязенъ какъ хлѣвъ. И въ этой низкой, тѣсной, душной избѣ, освѣщенной двумя или тремя волоковыми окнами, помѣщается семейство крестьянина и непремѣнно что нибудь изъ скота, въ предохраненіе отъ холода и вся нечистота отъ этихъ животныхъ. Жилища великорусскихъ крестьянъ таковы въ большинствѣ случаевъ и красивыя свѣтлыя избы *верховыхъ* приволжскихъ крестьянъ не требуютъ отдѣльнаго описанія. Было бы излишне распространяться объ одеждѣ, которую всякій видитъ и знаетъ. Она далеко не разнообразна, исключая праздничныхъ женскихъ уборовъ, для оцѣнки которыхъ достаточно взглянуть на рисунокъ (№№ 1, 4 и т. д.).

Пища великорусскихъ крестьянъ неприхотлива и проста. Щи, каша; хорошій въ урожайныхъ мѣстахъ ржаной хлѣбъ, изрѣдка пироги. Рыба употребляется въ маломъ количествѣ и то соленая, мясо еще рѣже и очень не многими. Въ постные дни помогаютъ нѣкоторыя овощи, въ родѣ рѣдьки, луку и пр., собранные въ лѣсахъ грибы. Самое голодное время—Петровки, когда нельзя достать никакихъ овощей и приходится довольствоваться непитательной тюрей изъ кваса съ лукомъ и огурцами, если они поспѣли.

Обстановка великорусскихъ крестьянъ: жилища, пища и пр. предметы необходимости не представляютъ ничего особенно привлекательнаго, у крестьянъ нѣтъ столькихъ потребностей, сколько ихъ успѣло накопиться у людей вышедшихъ изъ народа въ цивилизацію. Трудъ пахаря и другаго рабочаго человѣка тяжелъ и утомителенъ. Не всѣ промыслы такъ легки, какъ только что описанный рыбный на озерѣ Ильменѣ; а послѣ каждаго труда человѣкъ, какъ извѣстно, требуетъ отдыха, котораго очевидно не можетъ дать ему вышеприведенная обстановка, по крайней мѣрѣ въ желательномъ для него количествѣ.

Какъ же веселится великорусскій крестьянинъ, во что онъ вѣритъ, какъ проходитъ его трудовой годъ.

Въ праздники принаряженный народъ водитъ по улицамъ хороводы, въ зимніе вечера парни и дѣвки сходятся на посидки, при чемъ поются пѣсни, загадываются загадки, устраиваются игры. Хороводы составляютъ одно изъ главныхъ и любимыхъ увеселеній великорусскаго народа. Посмотримъ какъ водятъ ихъ въ Калужской губерніи (№№ 11, 12 и 13).

При пѣніи хороводныхъ пѣсень парень, вошедшій въ кругъ, выполняетъ все то, о чемъ говорится въ пѣснѣ. Составляющіе хоръ поютъ:

«Заевька сѣренькій!
Въ (у) нашего князя,
Въ нашего богатаго
Была дочь красивая,
Я, молодой князь,
Хочу ѣхать свататься,
Заенька сѣренькій,
Пріѣхалъ я къ князю

При этихъ словахъ парень останавливается передъ другимъ мужчиной и снимая шляпу кланяется. Хоръ продолжаетъ:

Хочу свататься.
Князь меня спрашиваетъ:
— Покажи мнѣ, князь
Свои бѣлы руки!
— Вотъ таѣ руки,
Вотъ таѣ бѣлы,
Вотъ таѣ глазы,
Вотъ таѣ черны!
Заенька сѣренькій!
Я хочу въ сваты
Твою дочьку взяти,
Вотъ таѣ, князь,
Вотъ таѣ, молодой,
Княгиня молодая!

Парень выбираетъ себѣ дѣвву и вводитъ ее въ середину круга.

Заенька сѣренькій!
Слуги мои, слуги вѣрные
Выстилайте мнѣ дорогу
Черными тафтами.

Окружающіе стелятъ платки и продолжаютъ пѣть:

Взялъ я красавицу,
Взялъ я молодую,
Съ богатымъ приданымъ,
Съ вороными со конями,
Съ черными тафтами,
Заенька сѣренькій!
Закладайте мнѣ *карету*
Сяду съ нею и поѣду,
Закладайте мнѣ другую
И я сяду въ любую...
Заенька сѣренькій!
Княгиня передъ нимъ стоитъ
Ровно жаръ горитъ.

Парень говоритъ дѣвкѣ:

«Загадаю я княгинѣ загадку,
Можетъ быть княгиня отгадаетъ:
«Съ чего въ (у) молодца кудри вьются,
Съ чего они сѣкутся?»

Дѣвка на это отвѣчаетъ:

«Съ радости, сударь, кудри вьются,
Съ печали сѣкутся.
Какъ мы съ тобой совыкались,
У те кудри завивались,
Но какъ будемъ разставаться,
У те кудри станутъ развиваться!

Послѣ этого цалуются и расходятся. Хоръ начинаетъ новую

*) Этн. Сборн. V

пѣсню. Въ хороводѣ парни выбираютъ себѣ дѣвокъ по сердцу, что придаетъ этимъ увеселеніямъ особенный смыслъ и значеніе.

Свадебные обряды великорусскихъ крестьянъ представляютъ много черть, напоминающихъ древнее происхожденіе унаслѣдованныхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе обычаевъ. Какъ образецъ такой свадебной церемоніи, приведемъ разсказъ о Тверитянахъ (№№ 9 и 10) Ржевскаго уѣзда. «Накануне свадьбы собираются въ избу князя (жениха) и въ одной комнатѣ сидитъ сама княгиня, подъ покрываломъ, въ вѣнчальномъ нарядѣ, окруженная родными съ дружкой, а въ другой избѣ женихъ съ отцемъ, матерью, дружкой и родными. Дружка *князя* или *знахарь* въ этой избѣ ставитъ посрединѣ, на полъ перегорѣлый камень и на него сковороду, потомъ вмѣстѣ съ родными поднимаетъ князя такъ, чтобы онъ не коснулся ни пола, ни сковороды и ставятъ его осторожно на сковороду, чтобы камень не раздавить. Князь стоитъ; дружка беретъ образъ и ходитъ, творя молитвы, вокругъ жениха, съ восковой свѣчей. Послѣ трехъ разъ (обхода), жениха снимаютъ, чтобы опять не касался ни пола, ни сковороды и ставятъ на полъ. Дружка ударяетъ сковороду топоромъ, чтобы разбить камень и говоритъ: «какъ этотъ камень разбился, такъ чтобы всѣ враги нашего князя разбились!... Берутъ жениха подъ руки и ведутъ къ избѣ княгини, при чемъ дружка идетъ впереди со свѣчей и съ плетью за поясомъ. Три раза ударяетъ плетью въ запертую дверь. Входятъ въ избу. Невѣста сидитъ за столомъ подъ покрываломъ. Князь и княгиня кланяются. Ихъ ставятъ рядомъ. На столѣ хлѣбъ, соль, пиво и вино. Дружка одѣтый въ красную рубаху, вызываетъ всѣхъ родныхъ и затѣмъ присутствующихъ, чтобы благословили князя и княгиню». Иванъ Фадеевъ (два раза), приходи благословить нашего князя *новобрашнаго* съ княгиней новобрашной, хлѣба-соли кушать. Не надо намъ твоего злата и серебра; у нашего князя новобрашнаго и княгини новобрашной много своего злата и серебра, а дорого намъ твое благословенье. Всѣ приходите благословить, а кто не будетъ благословлять, тому ни самому не выходить, ни своихъ дочекъ замужъ не выдавать!... Вызванный подходитъ къ столу и дружка ему подноситъ или пива, или водки, смотря по значенію. Выпившій кладетъ мѣдную монету въ стоящую на столѣ чашку, раскланивается и уходитъ.

Потомъ поютъ. Дружка говоритъ, что надо князя съ княгиней повеселить. Что возьмете?—Да мы недорого возьмемъ: усяго 40 сороковъ пироговъ, вядровина и вядро пива.—Нѣтъ этаго много: у нашего князя столько нѣтути, а возьмите пирога, полштофа горѣлки и вядро пиво. Соглашаются. Дѣвушки поютъ пѣсни; платитъ имъ тотъ на кого поютъ. Пляшутъ, за плясомъ слѣдуетъ ужинъ: говяжій студень пирогъ на каждаго, сѣрые щи и баранина. Пиръ длится за полночь. Послѣ этого княгиню уводятъ въ родную избу, а женихъ остается дома, гдѣ былъ пиръ. На другой день вѣнчаютъ. Когда дружка идетъ за невѣстой, чтобы взять ее къ вѣнцу, то набираетъ съ собой питья и ѣды, чтобы выкупать дорогу въ воротахъ. Въ нихъ бываютъ разныя *заставы*: ребята кладутъ колъ, бревно и пр. Кто прежде пріѣдетъ тотъ ждетъ въ караулкѣ. Послѣ обряда ѣдутъ къ жениху домой. Встрѣчаютъ князя отецъ и мать, если живы, съ хлѣбомъ солью, въ вывороченныхъ шубахъ, чтобы богато жилось. У воротъ опять толпа не пускаетъ, требуетъ выкупа. Войдя въ избу на мѣстахъ князя и княгини находятъ лицъ постороннихъ, которые опять требуютъ выкупа за мѣста. За обѣденный столъ садятся всѣ родные и поѣзжане. За нимъ дружка раздаетъ княгинины дары. Даръ кладется на плеть и подается каждому съ приговоромъ: «Наша княгиня новобрашная по рѣкамъ не ходила, зуевъ не ловила, дары милому готовила!» Получившій подарокъ отплачиваетъ деньгами. На другой день послѣ свадьбы, рано утромъ посылаютъ молодыхъ на ключь за водой. Окружающіе ключь (колодецъ) отнимаютъ и разливаютъ у молодыхъ воду, какъ бы желая поссорить, помутить. У воротъ опять не пускаютъ безъ выкупа.

При описаніи свадьбы, какъ мы видѣли, соблюдались разные суевѣрные обряды, отрывки прежней мифологіи и долго неумирающаго язычества. Повѣрья эти въ большомъ ходу у великоросса, съ ними онъ родится, растетъ, работаетъ и умираетъ.

Курскій крестьянинъ, при отъѣздѣ весною въ первый разъ въ поле, для посѣва хлѣба, садится съ домашними за накрытый столъ, на которомъ стоитъ хлѣбъ-соль; затѣмъ, посидѣвъ, подымается и взявъ съ собою печеные въ среду на 4-й недѣлѣ В. поста кресты и благословленную просвиру, отправляется въ путь. Идя дорогой, онъ боится дурныхъ встрѣчъ, которыя могутъ, думаетъ онъ, нехорошо повліять на урожай. Пріѣхавъ на ниву, крестьянинъ молится Богу, на востокъ, потомъ разсѣваетъ зерна и садится завтракать. За завтракомъ прежде всего съѣдается просвира и сдѣланные изъ тѣста кресты, послѣ чего работа продолжается, при чемъ сначала прорѣзывается на пашнѣ, сохой крестъ: двѣ борозды вдоль, одна—поперекъ. Въ день перваго выѣзда ничего не даютъ взаймы, не взявъ чего либо въ замѣнъ. Весной, въ праздничные дни, служатъ молебны по полямъ объ изобиліи жатвы. По сжатіи хлѣба, на полѣ оставляютъ нѣсколько колосьевъ ржи на корню, какъ говорится *Илью на бороду*, которые связываютъ узломъ: при чемъ кладутъ тамъ ломоть ржанаго хлѣба съ солью. Идя домой, бабы становятся въ концѣ своей нашни и перебрасываютъ черезъ головы серпы, чтобы и слѣдующій годъ былъ урожайный. Нѣкоторыя изъ нихъ катаются при этомъ по землѣ и приговариваютъ: «Жнивка, жнивка, отдай мою силку, на пестъ, на колотило, на молотило, на кривое веретено!»

Съ такими обрядами относится курскій земледѣлецъ (№№ 28, 29, 30, 31, 43, 44, 45) къ своей кормилицѣ матери землѣ. Про каждаго сосѣда по губерніи или уѣзду ходятъ великорусскіе присловья и анекдоты, которые намѣчаютъ мелкія черты различія въ ходѣ обыденной жизни, ускользающіе при широкомъ взглядѣ. Нерѣдко какое нибудь происшествіе, случившееся въ селѣ давало кличку всѣмъ сельчанамъ и эта кличка переходила изъ рода въ родъ. Черты прошлой исторической жизни отразились также въ присловьяхъ, уровень народнаго благосостоянія нашелъ въ нихъ тоже отголосокъ.

Посмотримъ въ заключеніе какъ великорусскій народъ опредѣляетъ самъ себя и укажемъ при случаѣ на тѣ причины, которыя вызвали то или другое присловье, тотъ или другой анекдотъ. Будемъ продолжать характеристику въ томъ порядкѣ въ какомъ расположены нумера рисунковъ и начнемъ съ Псковитянъ (№№ 3, 4, 7 и 8). Ихъ зовутъ *ершеядами* и *мякинниками*. Послѣднее присловье во многихъ памятникахъ народнаго творчества относится безраздѣльно ко всѣмъ мужикамъ; къ Псковитянамъ оно относится по всей справедливости, такъ какъ жители этой губерніи—народъ очень бѣдный и темный. Они, говоритъ народъ, тучу кольями подпирали, три дня сходку держали, все думали что съ тучей дѣлать.

Тверитяне—*рядушники*, народъ тоже бѣдный; *въ приглядку съ сахаромъ чай пьютъ*. Бѣдственное положеніе страны въ былые годы вызывало жителей на дорожный промыселъ, пріучало къ разбою. Изъ нихъ, говоритъ пословица: «Новоторы воры, да и Осташи—хороши». А вотъ повыше, въ серединѣ рисунка—двое калужанъ. Они, передаетъ народная память, подсмѣиваясь надъ ихъ *калужскимъ тѣстомъ*, «*козла въ соложеномъ тѣстѣ утопили*» и живутъ ничего себѣ лучше какого нибудь Туляка или Орловца. «Калужанинъ поужина́тъ, а Тулякъ ляжетъ и такъ». Смольняне—*мезговики*, народъ часто голодающій, ѣдящій хлѣбъ пополамъ съ древесной мезгой. У нихъ «польская кость, да собачьимъ мясомъ обросла», говоритъ народъ, указывая на прежнюю роль Смоленска въ русской исторіи (см. №№ 14, 15, 16, 17 и 18).

Орловцы (№№ 19, 20, 21) люди старой русской украйны—головорѣзы, удалой народъ, не то что московцы, «проломленныя головы». У нихъ «Орелъ да Кромы—первые воры. Ливны—всѣмъ ворамъ дивны, а Елецъ—всѣмъ ворамъ отецъ». И говорятъ орловцы для сосѣдей чудно: «Въ городѣ Ельцу—дѣвка по яйцу, а облупишь такъ двухъ купишь». «Въ городѣ Ельцу, у купца на крыльцу радуга брагу выпила».

Рязанцы—*синебрюхіе* (въ синихъ рубахахъ). «Мѣшкомъ солнышко ловили, блинами острогъ конопатили, народъ въ былую пору тоже удалой». «Самъ ножъ точитъ, а говоритъ—небось!» «Кособрюхая рязанщина огурцомъ теленка зарѣзала».

А вотъ и коломенцы (№№ 26, 27)—*черионебые*. Куряне рослый красивый народъ: про него тоже какъ и про рязанцевъ идетъ старая слава: «Нѣтъ, говоритъ пословица, у Бѣлаго царя вора супротивъ курянина.

На верху рисунка, съ правой стороны два тульскихъ работника въ армякахъ: «тулякъ—стальная душа, чугунный носъ», въ былое время тоже грабежомъ промышлялъ, недаромъ сложилась поговорка: Бѣсово, Руново—пронесъ Богъ здорово, а Терново да Баскачъ, хоть кругомъ обскачъ (Каширск. уѣз.). Говорятъ не такъ какъ сосѣди Москвичи или орловцы. «Молодечь продай за грошъ постныхъ *ячь*!» (огурцовъ) смѣются надъ одоевцами Тамбовцы (№ 42)—*толстопопіе молоканы, степные хребтуки*. «Сову въ озерѣ крестили». Послѣдній анекдотъ разсказывается про темниковцевъ, которымъ дорого обошлась шалость. Сова, выкупанная въ озерѣ, съ пояскомъ на шеѣ, взлетѣла на крестъ, зацѣпилась и удавилась. Произвели слѣдствіе и наказали...

Кадомцы «сома въ печи поймали»—событіе, разсказывать которое имѣютъ нѣкоторыя основанія, потому что весной въ Кадомѣ постоянно наводненія. И все это русскіе люди, которые, по пословицамъ, умны да заднимъ умомъ, терпѣливы до зачина, добрые люди, любящіе авось, небось да какъ нибудь, люди, у которыхъ въ брюхѣ и долото сгніетъ, которыхъ если бить—часы сдѣлаютъ.—Какая однако смѣсь одеждъ, лицъ и нарѣчій, а между тѣмъ все это разнообразное населеніе великорусскихъ губерній связано крѣпкой связью одной вѣры, однаго языка и унаслѣдованныхъ привычекъ.

Общія черты характера великороссовъ: энергія, стойкость, добродушіе, соединенное часто съ безпечностью, удаль и трудолюбіе.

Смѣсь.

Пожизненная пенсія въ Великобританіи. Если англичане противъ размѣровъ своего пенсіоннаго фонда, то они конечно правы, потому что расходы эти ложатся тяжкимъ бременемъ на бюджетъ. Пенсіи бываютъ иногда очень значительны и назначаются не по заслугамъ, а по протекціи. Есть лица получающіе 12,000 ф. стерлинговъ пожизненной пенсіи, хотя заслуги ихъ никому неизвѣстны. Такъ, потомки герцога Шомбера, павшаго въ сраженіи при Бонѣ, въ 1690 году, получаютъ въ теченіи почти 200 лѣтъ пенсію въ 10,000 фунт. ст. въ годъ; потомки Нельсона—5,000, герцога Мальборо—6,000; разные придворные чины—на сумму свыше милліона фунтовъ стерлинговъ въ годъ.

Après nous le déluge. Это циническое выраженіе приписывалось нѣкоторыми князю Метерниху, другими Людовика XV. Но въ одной только что появившейся въ Парижѣ книгѣ «Le Reliquaire de M. Q. de la Four, peintre du rois Louis XV, par Ch. Demaze», гдѣ помѣщены многочисленныя, неизвѣстныя письма Вольтера mademoiselle Фель, Мармонтеля, madame Ламбаль и т. д., находится замѣтка госпожи Фель, въ которой она разсказываетъ, что однажды, когда Латуръ писалъ портретъ герцогини Помпадуръ, вошелъ опечаленный король, только что получившій извѣстіе о пораженіи при Росбахѣ. Помпадуръ утѣшала его, уговаривая не огорчаться, потому что это вредно для его здоровья, и притомъ, замѣтила она, «après nous le déluge». Слѣдовательно, это выраженіе принадлежитъ Помпадуръ.

Послѣдніе часы мексиканскаго императора. Недавно вышло въ Вѣнѣ сочиненіе супруги принца Сальма, адъютанта императора мексиканскаго Максимиліана. Въ книгѣ этой сообщаются интересныя и совершенно новыя данныя о послѣднихъ минутахъ злополучнаго австрійскаго эрцгерцога, принявшаго отъ Наполеона роковой подарокъ—мексиканскую корону. Наканунѣ казни принцессѣ удалось подкупить одного республиканскаго полковника (индѣйца), который за сто тысячъ долларовъ золотомъ согласился не препятствовать бѣгству Максимиліана. Но плѣнный императоръ не имѣлъ денегъ при себѣ и выдалъ два векселя на означенную сумму, которая должна была быть уплачена императоромъ Францомъ-Іосифомъ. Но такъ какъ одна подпись на векселяхъ Максимиліана считалась недостаточною гарантіей въ вѣрности платежа, то потребовали, чтобы нѣсколько иностранныхъ посланниковъ, въ томъ числѣ и австрійскій, также подписали вексель. Лейбъ-медику Максимиліана, доктору Башу, поручено было вести переговоры. Когда онъ вошелъ въ комнату, гдѣ собрались дипломаты и сообщилъ объ этомъ планѣ, то бельгійскій посланникъ баронъ Лаго, до того забылъ свое дипломатическое достоинство, что вскочилъ, рвалъ на себѣ волосы и кричалъ: «Мы не можемъ подписать! Если мы подпишемъ, то республиканцы повѣсятъ насъ». Другіе дипломаты также отказались подписать, и баронъ Лаго, имя котораго уже красовалось на векселѣ (онъ подписался въ присутствіи Максимиліана, которому онъ не смѣлъ отказать въ томъ) заразившись трусостью другихъ, взялъ ножницы и отрѣзалъ свое имя отъ векселя. Когда докторъ Башъ сообщилъ Максимиліану объ исходѣ переговоровъ и о страхѣ бельгійскаго дипломата, то императоръ презрительно замѣтилъ: «Не бѣда, если бы его повѣсили; свѣтъ не много потерялъ бы отъ того».

Въ «Прав. Вѣстн.» напечатано слѣдующее извѣстіе о кончинѣ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны.

БЮЛЛЕТЕНЬ

О состояніи здоровья Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Маріи Николаевны.

I.

7-го февраля. 9 часовъ вечера.

Появившіеся 4-го числа февраля признаки начинавшагося отёка мозга почти совсѣмъ исчезли; сонливость уменьшилась; сознаніе вполнѣ ясно; слабость сердца продолжаетъ давать самыя серьёзныя опасенія.

Докторъ Мяновскій.
Лейбъ-медикъ Боткинъ.
Докторъ Тильнеръ.

II.

8-го февраля.

Со вчерашняго дня состояніе здоровья Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Маріи Николаевны постоянно ухудшается. Въ 12 час. дня Ея Императорское Высочество, по собственному желанію, причастилась Святыхъ Таинъ. Сила сердца постепенно слабѣетъ. Съ 3-хъ часовъ пополудни пульсъ почти неощутимъ и сознаніе стало менѣе ясно. Ея Императорское Высочество почти въ постоянномъ забытьи.

Докторъ Мяновскій.
Лейбъ-медикъ Боткинъ.
Докторъ Тильнеръ.

III.

9-го февраля 1 ч. 15 м. пополуночи.

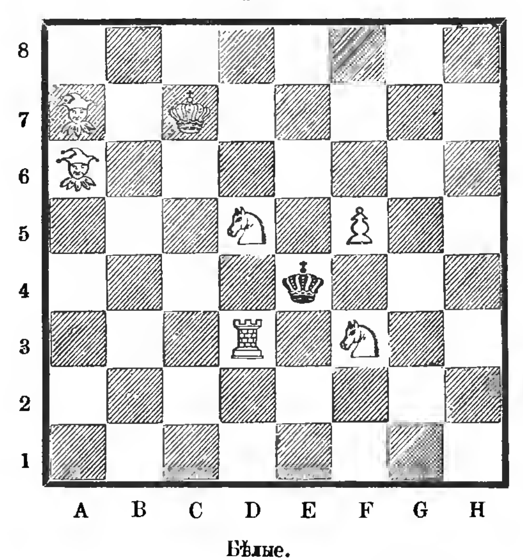
Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Марія Николаевна, не выходя изъ состоянія забытья, къ 12-ти часамъ спокойно заснула и въ часъ пять минутъ пополуночи тихо въ Бозѣ почила.

Докторъ Мяновскій.
Лейбъ-медикъ Боткинъ.
Докторъ Тильнеръ.

ЗАДАЧА

Н. Е.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

РѢШЕНІЕ.

Задачи въ «Нивѣ» № 6.

Бѣлые.	Черные.
1) a1 — a3	1) a6 — a5
2) c5 — c4 ✕ ✕	

СОДЕРЖАНІЕ: Поповка «Новгородъ» (съ рисункомъ).—**Въ домѣ коммерціи совѣтника.** Повѣсть Э. Марлитта. (Продолженіе).—**Спасительные снаряды для поданія помощи при кораблекрушеніяхъ** (съ 3-мя рисунками). — **Виноватая** (съ рисункомъ).— **Корреспонденты газетъ въ Герцеговинѣ** (съ рисункомъ). — **Великоруссы** (съ рисункомъ). — **Юмористическіе очерки** (съ рисункомъ). — Смѣсь. — Бюллетень. — **Шахматы.** — Приложеніе объявленій.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„БАСНИ И ЭСКИЗЫ“.

А. Антонова, изданіе 4-е, 1875 года, исправленное и значительно дополненное, съ приложеніемъ краткаго біографическаго очерка автора. Продается: въ Центральномъ магазинѣ, у Вольфа, Гатцуга, Мамонтова и другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Москвѣ. Цѣна 70 к., съ пересылкою 80 к. 3—1

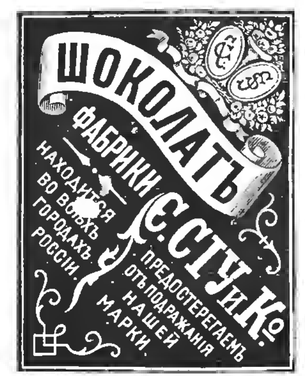
Вышла въ переводѣ со **втораго** нѣмецкаго изданія брошюра доктора **К. ШИДЕРИТА:**

„ДЛЯ МОЛОДЫХЪ МАТЕРЕЙ И ВѢРНЫХЪ НЯНЕКЪ“.

Наставленія о содержаніи дѣтей и объ уходѣ за ними въ первые годы жизни.
Цѣна за экз. 35 коп., съ пересылкою 45 к.
Книгопродавцамъ уступка.
Съ требованіями обращаться въ типографію Цедербаума и Гольденблюда, по Чернышеву пер., д. № 2, Рогова, кв, № 56.
Продается также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 35. 26—5

45—26

УЧЕБНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ.

сост. А. Іорданъ.

Вышелъ нынѣ новымъ совершенно передѣланнымъ и исправленнымъ по самымъ лучшимъ и ученымъ свѣдѣніямъ (quellen) 11-мъ изданіемъ состоящемъ изъ 27 хромолитографированныхъ картъ на 12-ти листахъ. Также приложена большая карта Россіи простирающаяся на востокъ до озера Балкана, со всѣми желѣзными дорогами.

Цѣна атласа. . . 1 руб. с.
» Исторіи. . . 1 » 25

продается въ литогр. Ф. Эйлера, у Камен. моста, 29/40 СПБ. и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. 5—2

VORTHEILHAFT!!

Ein solides Haus (Galanteriebranche) sucht in allen Städten thätige Verkäufer gegen hohe Provision. **Françо Offerten in deutscher Sprache mit C. R. an die Redaction dieses Blattes.** 10—7

26—8

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

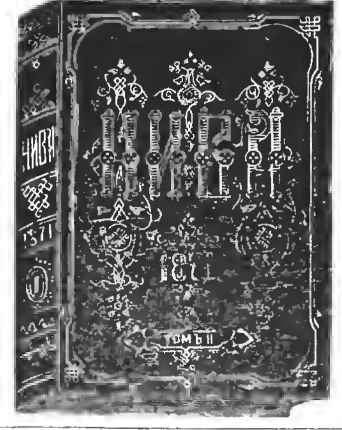
Очерки, повѣсти и разсказы *В. В. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Клюшникова*. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы“ 1875 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Шпильгагена*. Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 г. 1 р. съ пересылкой.

КРЫШКИ

для переплета „Нивы“ 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876 г. по образцу показанному рядомъ 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплесть „Ниву“ въ такую коленкоровую крышку.

---

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—31

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ,

№ 12. Невскій проспектъ, напротивъ Малой Морской. **№ 12.**

Покупаетъ и продаетъ по биржевой цѣнѣ всякаго рода процентныя бумаги, акціи, золото, серебро и иностранныя монеты.

Принимаетъ порученія на покупку и продажу таковыхъ на здѣшней и иностранныхъ биржахъ, взимая за то $^1/_8$% коммисіи.

Выдаетъ ссуды въ возможно-высокомъ размѣрѣ, подъ залогъ процентныхъ бумагъ и билетовъ 5% съ выигрышами займовъ на срокъ отъ 1-го до 12 мѣсяцевъ.

Уплата ссудъ можетъ производиться или разомъ, или ежемѣсячными взносами.

Заложенныя въ другихъ банковыхъ учрежденіяхъ бумаги могутъ быть выкупаемы конторою и перезакладываемы у нея съ увеличеніемъ ссуды.

Заемщики изъ провинціи могутъ высылать бумаги по почтѣ на имя конторы, и контора немедленно высылаетъ деньги и залоговое обязательство по указанному адресу.

Контора принимаетъ денежные вклады и платитъ за деньги, внесенныя:

на текущій счетъ 6%
на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ 7%
на срокъ не менѣе 6-ти и до 12-ти мѣсяцевъ. 8%

Расчетъ процентовъ по текущему счету производится 4 раза въ годъ, а именно: 1-го Января, 1-го Апрѣля, 1-го Іюля и 1-го Октября; за вклады же на срокъ проценты уплачиваются впередъ.

Капиталъ, отданный конторѣ на извѣстный срокъ, можетъ быть, по желанію вкладчика, возвращенъ и до истеченія срока черезъ 8 дней по заявленіи за вычетомъ процентовъ въ размѣрѣ 3-хъ годовыхъ выше платимыхъ конторою процентовъ при вкладѣ.

Для членовъ, имѣющихъ деньги въ конторѣ на текущемъ счету, послѣдняя исполняетъ всѣ биржевыя операціи, не взимая за то коммисіи.

Вкладчики изъ провинціи, желающіе внести деньги на текущій счетъ, могутъ присылать по почтѣ и имъ высылается тотчасъ надлежащее свидѣтельство.

Контора страхуетъ отъ тиражей погашенія билеты обоихъ внутреннихъ 5% съ выигрышами займовъ по 40 копѣекъ за билетъ, для иногородныхъ по 50 коп.

Отъ частныхъ банковъ и банкирскихъ конторъ въ провинціи, контора, по прежнему, принимаетъ перестраховку принятыхъ ими на страховку билетовъ. Объ условіяхъ обратиться къ конторѣ.

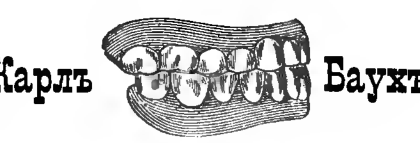
Продаетъ билеты 5% съ выигрышами обоихъ займовъ съ разсрочкою платежа по 10 рублей и болѣе въ мѣсяцъ,

причемъ могущій упасть, со времени полученія конторою задатка, на купленный билетъ выигрышъ принадлежитъ покупателю.

Порученія изъ провинціи исполняются безотлагательно.

Лица, желающія состоять агентами конторы въ провинціи, могутъ заявить о томъ конторѣ съ указаніемъ, гдѣ можно справиться объ ихъ благонадежности. 5—4

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Карлъ **Баухъ,**

жительствующій по Большой Морской, домъ Росмана №: 9,

приготовляетъ искуственные зубы по новѣйшей американской методѣ, съ многолѣтнимъ ручательствомъ за прочность и удобство, и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч., на умѣренныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ. 6—4

СИБИРСКІЯ ПРОТИВЪ ЗУБНОЙ БОЛИ КАПЛИ, Л. ГИРШГОРНА.

Во всѣхъ извѣстныхъ аптекахъ въ Петербургѣ; также у Рульковіуса и Гольма, нъ Казанской, на углу Демидова пер. и въ Русскомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами у Полицейскаго моста, въ домѣ Башмакова. Цѣна 75 коп. 6—5

СѢМЕНА.

Огородныя, цвѣточныя, хлѣбныя, травяныя и проч. а также садовые инструменты предлагаетъ гг. любителямъ садоводства и сельскимъ хозяевамъ

вновь открытая сѣменная торговля

А. Ушакова

въ С.-Петербургѣ, Большая Конюшенная д. 1 гдѣ Зимній садъ его же.

Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно. 6—4

СТОЛЯРНОЕ И МОДЕЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ, по Больш. Морск., д. № 4, кв. № 13. Принимаетъ заказы на мебельную работу по изящнымъ новымъ рисункамъ и модельную работу по конструкторскимъ чертежамъ. Имѣется готовая мебель. Дубовые и палисандровые складные стулья по 50 р. дюжина, за штуку 5 р., очень удобныя для деревень, дачъ и охоты. 4—3

При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ Алтшвагера.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 9 февраля 1876 г. Изданіе **А. Ф. Маркса**. Въ Спб. Больш. Морская, д. № 9. Тип. [illegible] Англ. пр. № 10.

№ 8 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 23 Февраля 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Принцъ Уэльскій въ Индіи.

Не вдаваясь въ подробное описаніе путешествія принца Уэльскаго по Индіи, знакомящаго насъ съ нравами и обычаями этой интересной страны, мы въ краткихъ чертахъ, доступныхъ небольшому объему этой статьи, приведемъ читателямъ нѣкоторые характерные эпизоды изъ этого въ высшей степени интереснаго путешествія, стараясь возможно точно прослѣдить за наслѣднымъ принцемъ въ его поѣздкахъ по городамъ Индіи.

8-го ноября прошлаго года, корабль, доставившій въ Индію принца Уэльскаго, вошелъ въ Бомбейскій заливъ и прямо перенесъ принца изъ его европейской жизни какъ бы въ сказочный міръ, міръ «Тысячи одной ночи», въ сказочный востокъ.

Путешествіе принца Уэльскаго въ Индіи. Тигръ, подаренный принцу Гвиковаромъ Бародскимъ.

При входѣ въ заливъ путешественникамъ направо показались изъ-за лѣсистыхъ, утесистыхъ острововъ ломанныя линіи горъ, окаймляющихъ берегъ; налѣво, позади цѣлаго лѣса корабельныхъ мачтъ, широко разметался многолюдный, пестрый Бомбей съ его башнями, куполами, пагодами и минаретами. Въ глубинѣ залива виднѣется другая часть города, но какъ бы прячется за массой пальмъ разныхъ видовъ и породъ. Путешественнику, въѣзжающему въ первый разъ въ Бомбей, городъ этотъ

представляется чѣмъ-то фантастическимъ и, увидѣвъ его вблизи, не знаешь, въ дѣйствительности ли видишь это обиліе красокъ, линій, архитектуръ, или это только кажется подъ вліяніемъ опіума.

Бомбей состоитъ собственно изъ трехъ городовъ: изъ крѣпости, обрамляющей всѣ правительственныя зданія, торговыя дома, конторы и другія общественныя учрежденія; изъ города, вмѣщающаго въ себѣ утопающія въ зелени виллы и палаццо оффиціальныхъ лицъ и представителей коммерческаго міра, и изъ такъ называемаго чернаго города, который, несмотря на величественность перваго и на красоту и богатство втораго, производитъ на путешественника самое сильное впечатлѣніе.

Удивительное разнообразіе формъ, богатство красокъ, тѣней и оттѣнковъ. Неправильныя, но широкія улицы, дома въ нѣсколько этажей самой разнообразной архитектуры, съ колоннами всѣхъ формъ и размѣровъ, съ выступами, украшеніями, статуэтками и нимфами. Веранды, балконы съ баллюстрадами, террасы, дворцы и лачуги сплетенныя изъ древесныхъ вѣтвей, похожія на жилища дикарей, индійскія пагоды, арабскія мечети съ ихъ символическими знаками,—все это перемѣшивается вмѣстѣ съ оживленною толпою ѣдущихъ, идущихъ и, залитое яркимъ солнечнымъ свѣтомъ производитъ чарующее впечатлѣніе.

Природа, какъ-бы соперничая съ человѣкомъ, надѣлила растительность страны такимъ же богатствомъ красокъ, такимъ же разнообразіемъ формъ, причемъ и въ обитателяхъ можно встрѣтить и прослѣдить оттѣнки всѣхъ человѣческихъ расъ, начиная отъ бѣлыхъ европейцевъ и видныхъ, красивыхъ сѣверныхъ индусовъ до черныхъ или почти черныхъ жителей юга. Въ одеждѣ, какъ и во всемъ, видно то же смѣшеніе, то же разнообразіе. Подлѣ почти голаго факира вы видите англійскаго джентльмена, подлѣ полунагой женщины, разряженную въ европейскій костюмъ леди. Тутъ шныряютъ и евреи, и индусы, и китайцы, и европейцы, персы и монголы; все это снуетъ, кишитъ, и несмотря на разность народностей, нарѣчій и языковъ, другъ друга понимаетъ, какъ будто бы все это одинъ народъ, безъ различія расъ и вѣроисповѣданія.

Различіе кассъ и сектъ мало проявляется, но все же иногда тамъ и сямъ можно встрѣтить полунагаго факира, громкимъ шопотомъ произносящаго свои молитвы и проклятія, или индуса, набожно остановившагося передъ грубо вырубленнымъ идоломъ.

Отличіемъ магометанъ служитъ чалма, разновидность которой въ то же время служитъ и различіемъ общественнаго положенія. Чалмы бываютъ и низкія, и высокія, и цилиндрическія, и квадратныя, и круглыя. Нѣкоторыя же имѣютъ видъ крыши. Изъ цвѣтовъ преобладаетъ красный. Красивѣе всѣхъ чалмы магометанъ-торговцевъ: они имѣютъ форму загнутаго напередъ рога. Сипаи-коммисіонеры отличаются особенно обширными и сложными головными уборами и платьемъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Кучера одѣты въ красное, бѣлое, зеленое, украшены обыкновенно плоскими тюрбанами, нѣсколько похожими на беретъ. Странный видъ имѣютъ полицейскіе въ своихъ ярко-желтыхъ туникахъ и чалмахъ и въ то же время въ европейскихъ панталонахъ. Что касается до бородъ, то на нихъ обращено особое вниманіе, и нѣкоторые завиваютъ ихъ въ кольца и букли. Лодочники не имѣютъ почти никакого костюма, но зато чалмы ихъ составляютъ постройки самыхъ разнообразныхъ архитектуръ. Манера драпироваться у многихъ чрезвычайно оригинальная. Персы носятъ обыкновенно довольно короткіе, розоваго цвѣта панталоны и что-то похожее на пеньюары; но индусы вмѣсто панталонъ употребляютъ длинныя полосы легкой матеріи и обматываютъ ими бедра и животъ, причемъ одинъ конецъ свѣшиваютъ на передъ почти до земли.

Женщины въ Бомбеѣ, не исключая и магометанъ, ходятъ безъ покрывалъ и только въ высшихъ классахъ ведутъ болѣе или менѣе затворническую жизнь.

Хотя многіе изъ старыхъ вельможъ заставляютъ еще носить себя въ паланкинахъ, но вообще этотъ способъ передвиженія начинаетъ исчезать и замѣняется элегантными колясками. Слонамъ положительно воспрещенъ доступъ въ Бомбей, и если мѣстный колоритъ отъ этого нѣсколько теряетъ, то общественная безопасность сильно выигрываетъ. Между европейскими колясками и каретами рѣзко выдѣляются чрезвычайно изящные мѣстные оригинальные экипажи, въ которые впрягаются индійскіе волы. Эти послѣдніе совершенно не похожи на нашихъ домашнихъ и неуклюжихъ животныхъ: они чрезвычайно красивы съ своими тонкими какъ, у газели, ногами, небольшой головой, прекрасными глазами и носятъ рога самыхъ разнообразныхъ формъ. Они съ необыкновенной быстротою возятъ корзины на двухъ колесахъ, покрытыя балдахиномъ *), подъ которымъ на мягкихъ подушкахъ полулежатъ туземныя аристократки. Однако не всѣ представители этой породы служатъ упряжными животными. Повсемѣстно бродятъ быки и коровы совершенно на свободѣ. Эти животныя которыя, какъ извѣстно, въ Индіи составляютъ предметъ особаго культа, священны.

*) Смотри прилагаемый рисунокъ.

Одну изъ самыхъ интересныхъ чертъ индійскаго общественнаго устройства составляютъ кладбища. Если по улицѣ проносятъ тѣло, заключенное въ гробу, покрытомъ цвѣтами, то это значитъ, что хоронятъ магометанина. Если покойникъ просто завернутъ въ плащъ, то можно заключить, что это несутъ сжигать на кострѣ индуса. Въ былое время жена обязательно слѣдовала за мужемъ; но англійское правительство положило конецъ этому безобразному обычаю. Кладбище персовъ, извѣстное подъ именемъ «Башенъ молчанія», усажено громадными пальмовыми деревьями, на которыхъ сидитъ цѣлая стая ястребовъ. Это—агенты божества, обязанные уничтожить бренные останки парсовъ. Какъ скоро душа перса отлетѣла въ въ вѣчность, родные спѣшатъ отнести его въ башню молчанія и тамъ оставляютъ его вдали отъ людскихъ взоровъ. Агенты божества быстро дѣлаютъ свое дѣло, и скоро отъ трупа остается чисто-начисто оклеванный скелетъ. Это считается нужнымъ для того, чтобы тѣло перса не подверглось тлѣнію.

Недѣли за двѣ до пріѣзда принца, въ Бомбей начали съѣзжаться раджи, магараджи и другіе индійскіе властители, и наконецъ ихъ собралось около 40. Вице-король прибылъ всего ранѣе нѣсколько дней.

По пріѣздѣ принцъ былъ встрѣченъ всѣми ими на великолѣпно устроенномъ дебаркадерѣ и разсказываютъ чудеса о павильонѣ, въ которомъ, вмѣстѣ съ оффиціальными представителями администраціи, начальниками военныхъ частей, представителями муниципалитета, значительнѣйшими негоціантами, дамами высшаго круга общества, размѣстились эти туземные князья въ своихъ роскошныхъ, блестѣвшихъ драгоцѣнными камнями костюмахъ. Улицы, по которымъ долженъ былъ прослѣдовать кортежъ, представляли необыкновенно оживленный и оригинальный видъ пестрыхъ колыхавшихся массъ народа, собравшихся привѣтствовать своего царственнаго гостя. Первое привѣтствіе было принесено отъ имени города главою муниципалитета, весьма вліятельнымъ парсомъ. Отвѣтивъ ему съ чрезвычайною простотою и въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ, принцъ поспѣшилъ затѣмъ поздороваться съ раджами, которыхъ представилъ ему лордъ Нордбрукъ. Это было не такъ легко, какъ кажется. Надо знать всю щепетильность этихъ туземныхъ властей, ревниво заботящихся о своемъ достоинствѣ, постоянно подозрѣвающихъ въ другихъ желаніе унизить ихъ... Все это нетрудно понять, если вспомнить безтактную грубость англійскихъ сановниковъ. Трудно, конечно, назвать имена всѣхъ князей, представленныхъ принцу. У подъѣзда дебаркадера принца ожидало привѣтствіе, сопровождавщееся болѣе грандіознымъ церемоніаломъ. Когда онъ направился къ своей каретѣ, къ нему приблизилось нѣсколько туземныхъ изящно одѣтыхъ дѣвицъ, и каждая, осыпая его цвѣтами, произнесла обычное привѣтствіе: «я съ радостью отдамъ всю жизнь для твоего спокойствія и безопасности». Этотъ обычай соблюдается при встрѣчѣ жениха на порогѣ дома его невѣсты. Вечеромъ громадный городъ представлялъ совершенно волшебный, фантастическій видъ. Высоко по голубому ночному небу подымалось свѣтлое зарево, стоявшее надъ Бомбеемъ. Вся масса различныхъ зданій, храмовъ, виллъ, дворцовъ и пагодъ, выступала огненными силуэтами на общемъ темномъ фонѣ. Улицы прорѣзывались ослѣпительными линіями огней, пронизывавшими въ то же время городскія сады и рощи, которые казались убранными какъ бы гирляндами изъ пламени и свѣта. Почти все время высоко взлетали ракеты, лопавшіяся въ воздухѣ и разлетавшіеся цѣлымъ дождемъ разноцвѣтныхъ звѣздъ и искръ. Иллюминованныя «á giorno» улицы и площади были биткомъ набиты безчисленными массами пестрѣвшаго своими разноцвѣтными костюмами народа, то стоявшаго сплошною стѣной, то неудержимыми волнами двигавшагося по всѣмъ направленіямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были выставлены портреты принца, во многихъ мѣстахъ ярко горѣли щиты съ цѣлыми изрѣченіями вродѣ: «Скажите вашей матушкѣ, что мы очень рады васъ видѣть», «Мы въ восторгѣ, что видимъ принца,» и т. д. Кортежъ принца, объѣзжавшаго иллюминацію, былъ очень пышенъ. Впереди стройно слѣдовало нѣсколько рядовъ кавалеріи, за ней—большая открытая коляска принца, запряженная въ двѣ пары лошадей гуськомъ, съ жокеями (на козлахъ сидѣли два туземца въ богатыхъ костюмахъ и чалмахъ); далѣе тянулась цѣпь экипажей раджей свиты. Принцъ Уэльскій объѣхалъ весь городъ.

На другой день принцъ отдалъ визитъ главнѣйшимъ раджамъ; затѣмъ, послѣ полудня, послѣдовалъ большой оффиціальный пріемъ во дворцѣ вице-короля. Въ дверяхъ стояли люди въ раззолоченныхъ платьяхъ, — это были привратники. Вокругъ принца стояло то же шесть такихъ же служителей съ громадными вѣерами изъ павлиньихъ перьевъ. Пріемъ начался съ наименѣе именитыхъ раджей, получавшихъ отъ сына королевы Викторіи только легкое наклоненіе головы; за ними слѣдовали болѣе важные, передъ которыми принцъ вставалъ. Что же касается магараджи мизорскаго и гвиковара бародскаго, то принцъ самъ подвелъ ихъ къ назначеннымъ для нихъ кресламъ.

Не успѣлъ принцъ отдохнуть отъ этого пріема, какъ ему при-

шлось, въ качествѣ гроссмейстера англійскихъ массоновъ, участвовать въ церемоніи закладки «королевскаго дока», котораго до сихъ поръ не было въ Бомбеѣ. Всѣ члены массонскаго ордена: христіане, индусы, магометане, парсы,—всѣ, кто только былъ въ Бомбеѣ, — присутствовали на этомъ празднествѣ съ отличительными знаками массонства, съ сохраненіемъ отличительныхъ принадлежностей своего національнаго костюма. Принцъ былъ въ костюмѣ гроссмейстера. На адресъ, поданный ему массонами, онъ отвѣтилъ краткою рѣчью, въ которой высказалъ, что весьма радъ видѣть распространенность ордена въ Бомбеѣ, такъ какъ орденъ этотъ способствуетъ къ объединенію людей различныхъ исповѣданій и національностей, а также и знакомству съ учрежденіями Англіи.

Послѣ церемоніи былъ данъ обѣдъ у массоновъ и балъ въ клубѣ артистическаго кружка. Туда и сюда принцу надо было поспѣть, тамъ и здѣсь танцовать.

Однимъ изъ самыхъ любопытныхъ праздниковъ, данныхъ въ честь принца, былъ дѣтскій праздникъ въ городской ратушѣ, гдѣ было собрано до 10,000 дѣтей обоего пола и всѣхъ вѣроисповѣданій, въ томъ числѣ 3,500 маленькихъ индусовъ и индусокъ, 3.000 парсовъ и парсянокъ, 2,500 христіанъ, остальные 1,200—магометанъ.

Весь этотъ маленькій пестрый міръ встрѣтилъ принца пѣніемъ національныхъ гимновъ, послѣ чего дѣвочки-индуски въ бѣлыхъ платьяхъ съ разноцвѣтными шалями подошли къ своему гостю и надѣли ему на шею, по мѣстному обычаю, гирлянду цвѣтовъ. Затѣмъ дѣти отправились уничтожать груду приготовленныхъ для нихъ сластей. На третій день своего пріѣзда принцъ присутствовалъ на обѣдѣ англійскихъ моряковъ и солдатъ, гдѣ господствовала неподдѣльная веселость.

Прежде чѣмъ послѣдовать за принцемъ въ Бароду, приведемъ здѣсь разсказъ одного очевидца о церемоніи представленія принцу Уэльскому гвиковаромъ его знаменитыхъ золотыхъ и серебряныхъ пушекъ. Во главѣ кортежа слѣдовалъ отрядъ горцевъ гвардіи гвиковара, одѣтыхъ въ форму шотландскихъ «highlandert»; за ними шли артиллеристы, высокій, красивый народъ, въ красномъ съ ногъ до головы. Пушки везли великолѣпные быки мѣстной породы, украшенные богато расшитыми золотомъ и серебромъ попонами. Первыя два орудія были изъ массивнаго серебра; по величинѣ они нѣсколько превосходили старинныя европейскія пушки и были поставлены на лафетъ и колеса изъ желтой мѣди. Попоны на быкахъ, впряженныхъ въ эти пушки, и серебряные, необыкновенно тонкой работы зарядные ящики были сдѣланы изъ чудесной матеріи, затканной золотомъ, серебромъ и шелкомъ различныхъ оттѣнковъ. Быками управляли посредствомъ продѣтыхъ сквозь ихъ ноздри красными шелковыми шнурками. Но все это блѣднѣло въ сравненіи съ роскошью убранства быковъ, везшихъ золотыя пушки. Здѣсь попоны представляли произведенія искуства. Ихъ красный шелковый фонъ исчезалъ въ выпуклыхъ арабескахъ и цвѣтахъ изъ золота, серебра и каменьевъ; на рога были надѣты золотые футляры, а на лобъ спускались драгоцѣнныя украшенія. Поѣздъ замыкалъ второй взводъ артиллеристовъ, въ мундирахъ изъ темноголубаго сукна съ желтымъ шитьемъ. Передъ отъѣздомъ принца въ Бароду, бомбейскій губернаторъ далъ его высочеству обѣдъ въ храмѣ Элефанты, расположенномъ на островкѣ того же имени, вблизи Бомбея. Храмъ этотъ вырытъ въ подземельѣ, какъ полагаютъ за 14 или 12 столѣтій до нашего времени, поклонниками бога Сивы, давно уже брошенъ, вѣроятно вслѣдствіе опустошеній, произведенныхъ въ немъ первыми португальцами. Впрочемъ, внутренность подземелья храма представляла поразительное зрѣлище: свѣтъ 6,000 лампъ, развѣшанныхъ по разнымъ направленіямъ, не говоря уже о канделябрахъ, горѣвшихъ на четырехъ обѣденныхъ столахъ, придавалъ еще болѣе фантастическій видъ чудовищнымъ фигурамъ идоловъ, глядѣвшихъ съ темныхъ гранитныхъ стѣнъ и массивныхъ колоннъ. По окончаніи обѣда, когда присутствовавшіе направились къ пароходамъ, чтобы возвратиться въ городъ, всѣ сосѣдніе острова освѣтились бѣлыми, синими, зелеными и красными бенгальскими огнями. Въ гавани всѣ суда были иллюминованы и темносинее, южное небо бороздили ракеты...

В. Л.

(Продолженіе будетъ)

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ и слѣдующія главы будутъ переводиться съ рукописи и появляться одновременно съ оригиналомъ.

(Продолженіе).

Кэта наклонилась надъ кресломъ, обхватила больную и осторожно приподняла ее съ сидѣнья, чѣмъ и положила конецъ этому разговору, грозившему слишкомъ затянуться. Сказать по правдѣ, все это мало ее интересовало: старая родина стала для нея слишкомъ чуждою; ея мысли и чувства всецѣло принадлежали новой родной сторонкѣ—Дрездену, а потому здѣшнее житье-бытье и частныя дѣла человѣка, который былъ женихомъ Флоры, не могли ее занимать. Конечно, Кэта жалѣла Брука, какъ врача, потому что репутація его пострадала вслѣдствіе неудачной операціи, а это, безъ сомнѣнія, неблагопріятно повліяло на его экономическіе интересы, но скорбь о дѣдушкѣ (вѣдь онъ навѣрно очень мучился, страдалъ) почти вытѣсняла изъ ея сердца чувство состраданія къ доктору.

Суза поплелась черезъ переднею, поддерживаемая сильными руками молодой дѣвушки, которая почти несла ее. Дверь въ угловую комнату была открыта. Внизу у лѣсенки (по ней нужно было спуститься имъ) стоялъ д-ръ Брукъ съ протянутыми впередъ руками, чтобы помочь Кэтѣ сойти и принять больную. Рамка двери на минуту послужила настоящей рамкой для довольно оригинальной живой картины. Двое молодыхъ людей и старуха составляли характеристическую группу: Кэта правой рукой обнимала талью Сузы, а розовыми пальцами лѣвой крѣпко держала на своемъ плечѣ ея здоровую, темную, старушичьи-костлявую руку, положивъ ее себѣ на шею. Молодая дѣвушка, склонившись надъ безпомощной сѣдой головой, медленно подвигалась впередъ; ея цвѣтущее, сіяющее молодостью лицо прикасалось къ морщинистой щекѣ Сузы... Въ самомъ дѣлѣ, Кэта являлась тутъ живымъ воплощеніемъ истиннаго, безграничнаго милосердія.

Прошло нѣсколько минутъ—и Суза сидѣла уже въ просторной комнатѣ; здѣсь ей было и удобно, и мягко, словомъ—хорошо было. Она какъ-то тревожно-заботливо поглядывала на свои занавѣски, а потомъ пришла въ ужасъ, увидѣвъ на „важномъ диванѣ“ приготовленную для нея постель. Старуха видимо старалась скрыть свою радость, что вотъ она опять можетъ вести счетъ всѣмъ мѣшкамъ, какъ прибывающимъ на дворъ, такъ и отправляемымъ со двора на телегахъ.

Кэта взглянула на свои маленькіе золотые часы.

— Однако, пора мнѣ, на виллу, чтобы представиться тамъ, а то, пожалуй, какъ разъ попаду на вечеръ госпожи президентши и увижу себя среди ея важныхъ знакомыхъ, горделивыхъ особъ.

При этомъ она граціознымъ жестомъ выразила легкій испугъ и вынула изъ кармана перчатки.

— Суза, черезъ часъ я вернусь сюда и сварю тебѣ супъ.

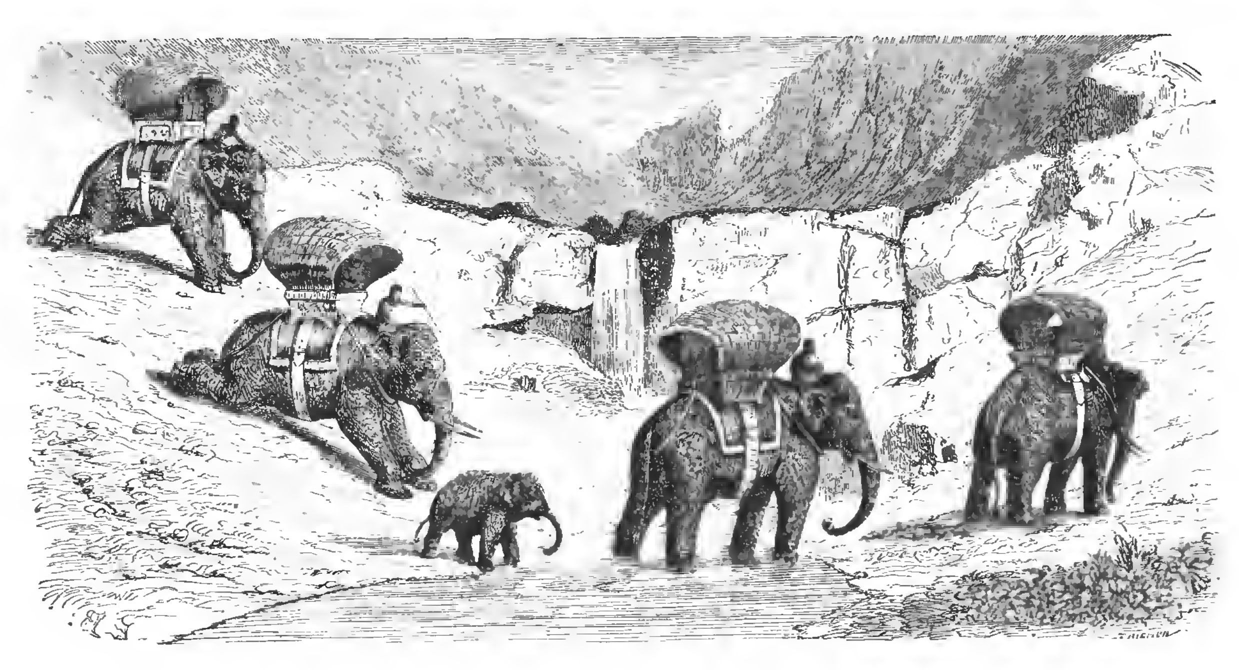
— Ну, такими-то нѣжными руками стряпать?...

— Да, именно такими-то нѣжными руками... Не воображаешь-ли ты, что въ Дрезденѣ я сидѣла сложа ручки?... Вѣдь ты-же, Суза, знала мою Лукасъ? Она не перемѣнилась—какою была, такою и осталась. Да, тамъ нужно работать и руками, и ногами; тамъ нельзя попустому терять время. А посмотрѣла бы ты теперь на нее: какой она стала госпожей—докторшей! Поискать—не найдешь такой!

И съ этими словами молодая дѣвушка вышла изъ комнаты. Она отправилась въ спальню экономки за оставленными тамъ шапочкой и кофтой.

IV.

Часы на прядильной фабрикѣ пробили пять, когда Кэта въ сопровожденіи д—ра Брука вышла на дворъ

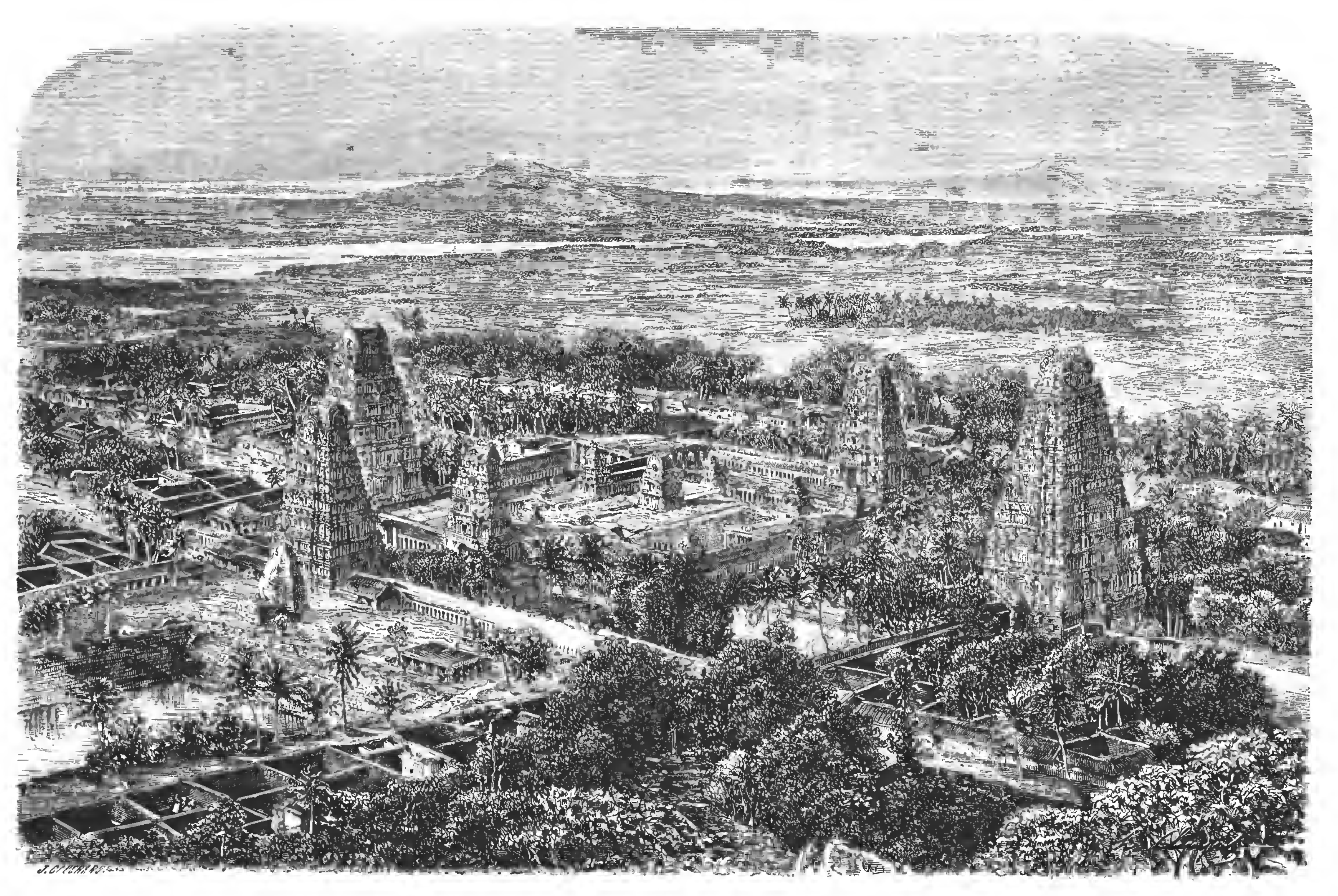
Путешествіе принца Уэльскаго въ Индіи. Ѣзда на слонахъ чрезъ горы.

Путешествіе принца Уэльскаго въ Индіи. Дорожный экипажъ для дамъ. Грав. Лапланъ.

мельницы. Стало довольно свѣжо. Старинные, полинявшіе солнечные часы на фронтонѣ казались теперь такими печальными, заброшенными и совсѣмъ уже безцвѣтными, а еще сегодня утромъ они, указывая своимъ огромнымъ пальцемъ время, какъ будто ожили, освѣщенные золотыми лучами весенняго солнца.

Колокольчикъ, прикрѣпленный къ входной двери, громко прозвенѣлъ, что и вызвало снова Франца на крылечко, а за нимъ вышла и жена его; она даже вытянула шею — такъ ей любопытно было взглянуть на пріѣхавшую молодую госпожу. Кэта попросила мельничиху на время отсутствія своего присмотрѣть хорошень-

Путешествіе принца Уэльскаго въ Индіи. Видъ Индійскихъ пагодъ. Рисов. Шапель, грав. Гошаръ.

ко за больной, что̀ та и обѣщала свято исполнить. Въ эту самую минуту что-то прошуршало въ воздухѣ —и на мостовую двора упалъ красивый голубокъ. Какъ упалъ—такъ и остался почти безъ движенія.

— Экой грѣхъ! Да чтожъ это—бездѣльники-то, кажется, и не думаютъ оставить свои продѣлки?! И конца нѣтъ! огрызнулся Францъ и, сбѣжавъ съ лѣсенки, поднялъ голубка. Птичка оказалась подстрѣленной и не могла владѣть крыльями.

— Жена, взгляни-ка, обратился онъ къ мельничихѣ:—голубь-то не изъ нашихъ... Ну, да я такъ и зналъ! Экой безбожный народецъ-то тамъ! Вѣдь чуть не передъ носомъ бѣдной госпожи они стрѣляютъ ея чудесныхъ голубей! Н-ну, былъ-бы я на мѣстѣ господина коммерціи совѣтника, такъ я-бы...

Францъ тряхнулъ кулакомъ.

— А кто-же эта бѣдная госпожа, Францъ? Кто стрѣляетъ ея голубей? спросила Кэта, довольно-таки удивленная.

— Бѣдной госпожей онъ называетъ Генріэту, сказалъ д-ръ Брукъ.

— Да, а палятъ-то вонъ оттуда, съ прядильной фабрики, гнѣвно произнесъ мельникъ.

— Какъ! Фабричные моего зятя?

— Они самые! Онъ-же ихъ и кормитъ, барышня... Ахъ, и стыдно-то, и грѣшно это! Н-да, нечего сказать, славная это штука, господинъ докторъ! Вотъ, сами вы теперь видите, какіе тамъ людишки... Вы все хотите добромъ да лаской съ ними—ну, не далеко-же вы съ этимъ уѣдете! И что̀ такимъ честнымъ людямъ, какъ вы, бываетъ за доброту ихъ? Само общество смѣется, показывая вамъ длинный носъ... Выходитъ, значитъ, одно: толченье воды въ ступѣ. Дать имъ всѣмъ по шапкѣ и — шабашъ. Такое мое мнѣніе... Право, иначе съ ними ничего не подѣлаешь!..

— Что̀, развѣ и здѣсь не совсѣмъ спокойно? обратилась Кэта къ доктору, на губахъ котораго играла такая славная, серьезная улыбка, что она не могла оторвать глазъ своихъ отъ его лица.

— Нѣтъ, здѣсь не то... нѣсколько иначе, отвѣтилъ онъ, покачавъ головой.—Спокойный голосъ его, въ сравненіи съ крикливою запальчивостью Франца, звучалъ гораздо правдивѣе.— Дѣло въ томъ, что нѣсколько человѣкъ изъ лучшихъ работниковъ, имѣя кое-какія деньжонки, просили Морица, чтобы онъ, при продажѣ по частямъ рыцарскаго помѣстья, далъ имъ возможность купить кусокъ земли, ничего не значущій въ земледѣльческомъ отношеніи. Пустырь этотъ находится неподалеку отъ фабрики и совершенно заброшенъ. Рабочіе хотѣли построить тамъ домики, гдѣ бѣднѣйшіе изъ нихъ, люди семейные, могли-бы помѣститься. Въ городѣ квартирная плата такъ высока, что они положительно не въ силахъ были оставаться тамъ. Коммерціи совѣтникъ и пообѣщалъ имъ это; ему даже было-бы легко исполнить просьбу фабричныхъ, потому что тотъ кусокъ земли числился за нимъ, какъ принадлежность парка,..

— Извините, г. докторъ, что я перебиваю васъ, вмѣшался Францъ:—вотъ именно по этой-то причинѣ онъ и не могъ сдѣлать этого. У меня еще тогда было въ мысляхъ, что г-жа президентша будетъ противъ такого распоряженія... Да и кто-же, безъ крайней нужды, согласится имѣть подобныхъ сосѣдей?.. Ну, и дѣйствительно, тамошнія дамы весьма разсердились и рѣшительно объявили, что не потерпятъ этого, то-есть чтобы тотъ пустырь былъ отданъ подъ постройку. „У насъ, молъ, тамъ рѣшено устроить новые разсадники“—вотъ что было сказано на виллѣ. Ну, дѣло этимъ и кончилось. А на фабрикѣ-то по этой причинѣ и разсвирѣпѣли и начали отказывать разныя штуки, мстить гдѣ только возможно.

— Конечно, мщеніе жалкое!... Ахъ, ты, бѣдняжка! прибавила Кэта и взяла голубка изъ рукъ Франца.

— Нельзя не сожалѣть, что подобная грубая выходка отдѣльныхъ личностей тяжело отзывается на всей массѣ рабочихъ... Вѣдь теперь можно-ли упрекнуть президентшу въ томъ, что она не тѣснитъ такого элемента? проговорилъ д-ръ Брукъ, причемъ лицо его омрачилось.

— Я съ этимъ несогласна. Людей злыхъ, людей мстительныхъ можно встрѣтить и въ другихъ слояхъ общества, въ любомъ сословіи, возразила молодая дѣвушка какъ-то особенно быстро, съ оживленіемъ. — Я часто сталкиваюсь съ людьми изъ низшаго класса: у моего пріемнаго отца довольно-таки паціентовъ-бѣдняковъ. Не одними лекарствами случается надѣлять ихъ: иному больному нуженъ крѣпкій бульонъ, нужно просто помочь ему—ну, вотъ, моя милая докторша изо всѣхъ силъ старается содѣйствовать тутъ своему мужу, хлопочетъ, посѣщаетъ больныхъ. Само собою разумѣется, я сопутствую ей. Правда, зачастую наталкиваешься на неблагодарность, грубость, но зато нерѣдко встрѣчаешь честное, благородное сердце; нужда, бѣдность по большей части такъ ужасны...

— Ну, ужъ вовсе не такъ ужасны, какъ вы думаете, барышня,—они притворяются, перебилъ ее Францъ, сдѣлавъ презрительный жестъ.

Кэта молча, но выразительно взглянула на мельника, какъ-бы смѣривъ его съ ногъ до головы.

— Посмотрите, посмотрите, пожалуйста, какимъ важнымъ бариномъ сталъ Францъ! проговорила она съ явной ироніей.—Кто это *они*? Вы о комъ говорите? Сами то вы развѣ не изъ народа вышли? А чѣмъ были вы прежде на „замковой“ мельницѣ? Да такимъ же работникомъ, какъ вонъ тѣ тамъ, на прядильной фабрикѣ, Вѣдь я хорошо это знаю.

Лицо мельника, покрытое мучною пылью, вдругъ покраснѣло. Онъ прикусилъ языкъ и стоялъ совсѣмъ озадаченный передъ молодой дѣвушкой, указавшей ему такъ коротко, ясно и вѣрно настоящую точку зрѣнія.

— Ну, барышня, ужъ простите вы меня! Что-жъ, вѣдь я сказалъ это безъ всякаго злаго умысла, проговорилъ наконецъ Францъ и, замѣтно растерявшись, протянулъ ей свою широкую руку.

— Нѣтъ, на самомъ дѣлѣ; человѣкъ вы недурной, но вамъ счастье повезло, и вотъ вы разыгриваете теперь роль арендатора „замковой“ мельницы, въ карманѣ у котораго водятся денежки, замѣтно. Кэта подала ему свою тонкую руку, однако облачко неудовольствія не такъ скоро исчезло съ ея лица.

Вынувъ изъ кармана бѣлый платокъ, молодая дѣвушка завернула въ него голубя, а концы платка связала вмѣстѣ.

— Я отнесу Генріэтѣ ея маленькаго инвалида, сказала она и осторожно взяла платокъ за узелокъ, какъ корзиночку, что напоминало странницу съ ея убогимъ дорожнымъ мѣшечкомъ.

Докторъ отворилъ небольшую калитку въ заборѣ, окружавшемъ дворъ, которая вела прямо въ паркъ, и пропустилъ впередъ молодую дѣвушку. Перешагнувъ порогъ калитки, Кэта остановилась какъ вкопанная.

— Что это? Я ничего здѣсь не узнаю! воскликнула она пораженная и, какъ-бы прося помощи, повернулась къ Бруку.—Право, мнѣ кажется, будто руки какого-то исполина встряхнули весь паркъ... Что дѣлаютъ вонъ эти люди?.. Кэта указала на виднѣвшуюся вдали яму обширныхъ размѣровъ, изъ которой торчали головы цѣлой кучи рабочихъ.

— Тамъ устраивается прудъ. Госпожа президентша любитъ смотрѣть, какъ по широкой зеркальной поверхности воды скользятъ люди.

— А дальше, къ югу, что строятъ тамъ?

— Помѣщеніе для пальмовыхъ деревьевъ.

Кэта задумчиво глядѣла куда-то впередъ.

— Должно быть, Морицъ очень богатъ? замѣтила она послѣ небольшаго молчанія.

— Должно быть...

Докторъ проговорилъ эти слова такимъ равнодушнымъ тономъ, такъ безучастно, какъ умышленно избѣгалъ въ отвѣтахъ выражать свое личное мнѣніе, чтобы даже и тѣни не было собственнаго взгляда... „А, право, замѣчательный человѣкъ этотъ докторъ Брукъ", и она видѣла теперь это такъ же ясно, какъ и его самого, возлѣ себя, эту высокую фигуру, залитую краснымъ свѣтомъ заходящаго солнца. Въ его манерѣ держать себя было нѣчто дисциплинарно-строгое, видна была выправка, даже натянутость, но зато это прекрасное зрѣлое лицо обрамленное слегка-вьющейся бородой, имѣло выраженіе добродушной серьезности. Обыкновенно человѣкъ, находящійся подъ гнетомъ несчастія, обнаруживаетъ признаки подавленности, унынія; но ни малѣйшей тѣни такого душевнаго состоянія нельзя было подмѣтить при взглядѣ на Брука, хотя и его посѣтило несчастье.

— Я провожу васъ, сказалъ онъ, замѣтивъ, какъ молодая дѣвушка все-еще удивленно поглядывала на совершенно измѣнившійся видъ мѣстности и стояла, не зная — идти или нѣтъ?... Докторъ подалъ ей руку, и Кэта, не колеблясь, приняла ее... Но вѣдь *такъ* съ нимъ ходила сестра Флора... какъ это странно!.. И только теперь пришла ей въ голову мысль, что черезъ нѣсколько минутъ она должна встрѣтиться съ сестрой, которая въ умственномъ отношеніи стояла куда выше ея... Сердце Кэты при этомъ болѣзненно сжалось. Остановившись и глубоко вздохнувъ, она проговорила съ застѣнчивою улыбкой:

— О, какая я, право, трусиха! Мнѣ кажется, что я даже боюсь... сейчасъ-ли я встрѣчусь съ Флорой на виллѣ, или...—Кэта видѣла, какъ кровь внезапно бросилась въ лицо Брука.

— Насколько мнѣ извѣстно, ея теперь нѣтъ дома, она уѣхала, отвѣтилъ докторъ глухимъ голосомъ и сейчасъ-же, какъ-бы желая предупредить дальнѣйшіе вопросы, прибавилъ:—сегодня вы найдете всю виллу въ нѣкоторомъ волненіи... Дѣло въ томъ, что нѣсколько дней тому назадъ князь соизволилъ пожаловать Морицу дворянскій дипломъ.

— И онъ только *теперь* сказалъ мнѣ объ *этомъ*, подумала Кэта.

— Но... за что-же именно? вырвалось у нея: такъ она была удивлена этою новостью.

— Ну, за то, напримѣръ, что онъ оказалъ значительныя услуги развитію промышленности въ странѣ, отвѣтилъ Брукъ серьезно и поспѣшно, какъ-бы желая предотвратить ея собственный отвѣтъ, неблагопріятный въ отношеніи къ коммерціи совѣтнику.—Притомъ-же Морицъ—добрѣйшій человѣкъ... Много хорошаго дѣлаетъ онъ бѣднымъ.

Дѣвушка покачала головой и промолвила:

— Меня пугаетъ его счастье.

— Его *счастье*? повторилъ докторъ, подчеркивая это слово.—Но вѣдь все зависитъ отъ того, какъ самъ онъ смотритъ на эту перемѣну...

— О, онъ навѣрно видитъ въ этомъ нѣчто блаженное, сказала Кэта рѣшительно... Я изъ писемъ его знаю, что пріобрѣтеніе благъ земныхъ—главная цѣль его жизни. Да вотъ, напримѣръ, послѣднее письмо Морица—какое оно восторженное! А причина восторга та, что онъ никакъ не ожидалъ такого богатства, какое досталось мнѣ въ наслѣдство.

Брукъ промолчалъ, но потомъ, взглянувъ на нее искоса, спросилъ:

— А вы... развѣ вы равнодушно относитесь къ этому богатству?

Кэта граціозно-шаловливо нагнулась и заглянула ему въ лицо.

— Вы, вѣроятно, ожидаете отъ меня, взрослой дѣвушки, похвально-смиреннаго отвѣта, весьма серьезнаго „да", но—увы! при всемъ моемъ желаніи такъ я не могу отвѣтить, не могу потому, что считаю вообще прелестнымъ быть богатой!

Онъ тихо засмѣялся, но разговора этого не продолжалъ.

Идя быстрыми шагами, они скоро достигли липовой аллеи.

Аллея эта осталась нетронутой; только дорога тутъ была усыпана свѣжимъ крупнымъ пескомъ.

— Ахъ, вонъ тамъ милый, старомодный знакомый! Онъ цѣлъ еще! воскликнула молодая дѣвушка, указывая на деревянный древній мостъ, какъ-то неуклюже перекинутый черезъ рѣку.

— Съ этого моста дорога къ участку земли на томъ берегу.

— Да, да, тамъ еще сѣнокосъ и фруктовый садъ! Есть и красивый старинный домъ, который былъ нуженъ прежнему замку въ хозяйственномъ отношеніи. Домъ этотъ совсѣмъ окутанъ виноградной лозой... У дверей его, помню, такія широкія каменныя ступеньки... Ахъ, какъ тамъ чудесно, уютно, тихо!... Весною лужокъ бывалъ совсѣмъ синимъ — такъ много росло на немъ фіалокъ... Первые цвѣточки я всегда рвала тамъ.

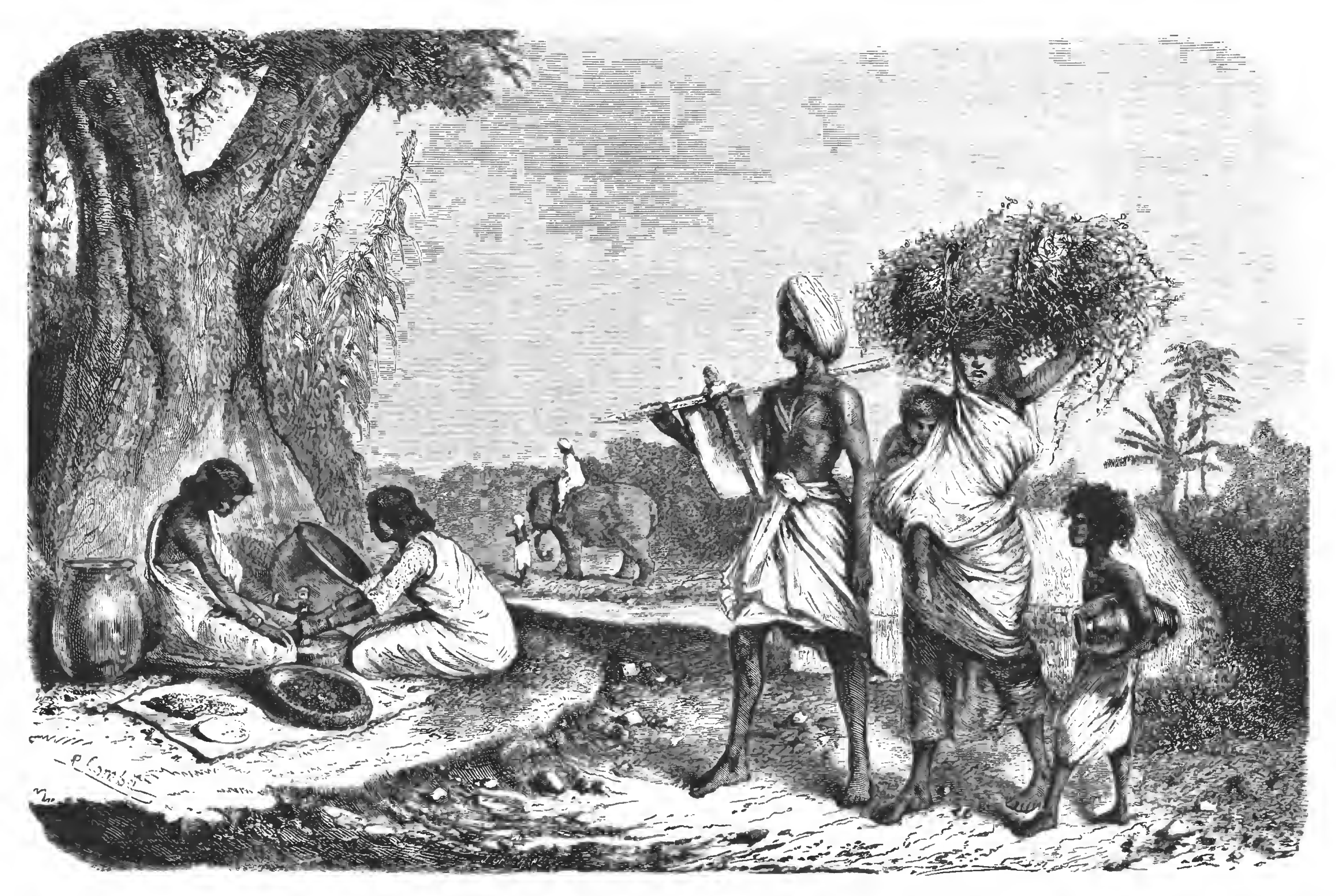
— Вы и теперь можете рвать ихъ тамъ: это имѣньице, съ сегодняшняго утра, составляетъ уже мою собственность.

При этомъ онъ такъ любовно посмотрѣлъ въ ту сторону. Кэта поблагодарила его. Она какъ-то разсѣянно, задумчиво глядѣла на дорожку, по которой они шли... Неужели ея красавица-сестра, сдѣлавшись молодой хозяйкой, станетъ жить въ старинномъ домѣ?... Флора съ ея гордыми манерами, съ величественно-шумящимъ шлейфомъ, Флора Мангольдъ, такая требовательная, разборчивая? Вѣдь ей любая гостинная казалась недостаточно-высокой, просторной, а обстановка и убранство представлялись не такъ богатыми, какъ слѣдуетъ... И вдругъ она заживетъ тамъ, въ этомъ уединенномъ домѣ, гдѣ такія громадныя зеленыя израсцовыя печи и натертые полы?... Какъ, однако, должна была она перемѣниться ради него!...

Вдали что-то зашумѣло, и это вывело ее изъ задумчивости. Поднявъ глаза, она увидѣла виллу такъ близко передъ собой, что могла даже разглядѣть великолѣпный узоръ кружевныхъ оконныхъ занавѣсокъ. За окнами, повидимому, все было тихо, зато со стороны проѣзжей дороги (позади этого изящнаго строенія) слышался стукъ все ближе и ближе подъѣзжавшаго экипажа. Еще нѣсколько секундъ и—пара прекраснѣйшихъ лошадокъ обогнула сѣверный уголъ виллы; экипажъ, сбруя, серебряныя украшенія—все это было новенькое, блестящее. Лошадками правила дама, какъ видно твердой рукой державшая возжи; она была въ темномъ бархатѣ съ мѣховой отдѣлкой; вся фигура ея, такая легкая, граціозная, напоминала сильфиду, и казалось, что она вовсе не сидѣла на подушкахъ экипажа, а порхала надъ ними. Бѣлыя перья развѣвались надъ ея головой, а около лица, красоты классической, и открытой шеи ослѣпительной бѣлизны, благодаря, можетъ быть, окружавшей ее темной мѣховой выпушкѣ, вились бѣлокурые локоны.

— Флора! Ахъ, какъ чудно - хороша сестра моя! воскликнула Кэта восторженно и невольно протянула правую руку къ летѣвшимъ мимо нея, но ни Флора, ни коммерціи совѣтникъ, сидѣвшій рядомъ съ ней со скрещенными руками, не слышали этого восклицанія. Экипажъ повернулъ еще разъ, скрылся за другимъ угломъ виллы, гдѣ и остановился у подъѣзда.

Кругловатый камешекъ прокатился мимо Кэты, сдѣлавъ легкій рикошетъ. Брукъ, играя своею тростью, ударилъ концомъ ея по этому камешку. Только теперь Кэта замѣтила, что доктора уже не было возлѣ нея...

Путешествіе принца Уэльскаго въ Индіи. Индійскія касты. Рис. Комба, грав. Гошаръ.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Николаевна.
Рис. Э. Бокуръ, грав. Шапонъ.

Ну-да, она вѣдь увлеклась, опередила его.. Молодая дѣвушка быстро обернулаль. Докторъ шелъ совершенно тѣмъ же шагомъ, какъ и прежде, но осанка его казалось еще горделивѣе и вообще въ немъ замѣтно было больше сдержанности, строгости. Вѣроятно, въ эту минуту онъ наблюдалъ за нею, потому что сейчасъ же, быстро и какъ-бы сконфузясь, отвелъ глаза въ сторону. Кэтѣ стоило усилій сдержать насмѣшливую улыбку: она видѣла, что поймала его... Конечно, Брукъ занялся *сравненіемъ* и, очень можетъ быть, размышлялъ такъ: „Господи, какая *она* плотная, коренастая дѣва въ сравненіи съ моей сильфидой!..“

— Меня удивляетъ самоувѣренная отвага, которую обнаруживаетъ Флора, правя лошадьми, сказала Кэта доктору, когда тотъ поравнялся съ нею.

— Но еще удивительнѣе презрѣніе къ смерти ея спутника!.. Это былъ, такъ сказать, пробный выѣздъ: коммерціи совѣтникъ вчера только купилъ эту пару молодыхъ лошадей...

Брукъ былъ сильно раздраженъ. Кэта замѣтила это по тону его голоса и, почти испугавшись, замолчала.

V.

Ни однимъ словомъ больше не перекинулись они. Дойдя до виллы, докторъ и Кэта вошли въ нее черезъ боковую дверь. Въ это время отъ главнаго подъѣзда отъѣзжалъ пустой экипажъ.

Лакей доложилъ вошедшимъ, что дамы и „его высокородіе“ изволятъ находиться въ зимнемъ саду, слѣдовательно въ апартаментахъ г-жи президентши.

Обычное веселое настроеніе духа, самоувѣренность вернулись къ Кэтѣ. Она вынула изъ бумажника визитную карточку и, отдавая ее лакею, сказала:

— Господину коммерціи совѣтнику.

— Такъ церемонно? замѣтилъ д-ръ Брукъ съ улыбкой, обратившись къ ней, когда лакей уже удалялся, неслышно шагая по толстому персидскому ковру, устилавшему полъ корридора.

— Такъ церемонно, повторила Кэта серьезнымъ тономъ: — тутъ самое лучшее—быть на благородной дистанціи. Прямо влетѣть въ гостиную было бы даже не совсѣмъ благопріятно для меня... Я ужъ сама начинаю побаиваться, что внезапное, безцеремонное появленіе сильно смутитъ „его высокородіе“...

И она не ошиблась. Коммерціи совѣтникъ дѣйствительно *выбѣжалъ* изъ комнаты и, споткнувшись на порогѣ двери, воскликнулъ съ сильнымъ смущеніемъ: „Боже мой—Кэта!..“

Право, смѣшно даже было, что онъ, не поднявъ головы, сначала искалъ глазами лицо Кэты (чуть не съ неба свалившейся!) не на надлежащей высотѣ, т. е. умаливъ ея ростъ фута на два — и вдругъ, вотъ она, такая рослая, стройная, подходитъ къ нему самоувѣренно-твердымъ шагомъ и привѣтствуетъ его наклоненіемъ головы, дѣлая это почти совсѣмъ женственно-горделиво...

Коммерціи совѣтникъ стоялъ передъ ней нешевелясь, какъ будто окаменѣлъ.

— Ты права, Кэта... То время, когда я водилъ тебя за руку, прошло, проговорилъ онъ съ разстановкой... Казалось, онъ совсѣмъ растерялся, созерцая это свѣжее лицо.—Ну, тысячу разъ — добро пожаловать! Милости просимъ!

Коммерціи совѣтникъ теперь только подалъ руку доктору и сказалъ:

— А! въ корридорѣ встрѣтились: мнѣ, значитъ, приходится тутъ-же и представить васъ другъ другу! И такъ....

— Не трудись, Морицъ, перебила его молодая дѣвушка:—это дѣло уже сдѣлано: когда я пришла на мельницу, г. докторъ былъ уже тамъ, у больной Сузы.

Лицо коммерціи совѣтника вытянулось.

— Значитъ, ты прежде всего на мельницѣ остановилась?! спросилъ онъ, пораженный этой мыслью... Но, милочка, вѣдь бабушка Урахъ такъ любезно изъявила готовность взять тебя подъ свое покровительство... Слѣдовательно, ты должна была-бы прямо явиться сюда, а вмѣсто этого ты отправляешься къ старому своему предмету любви—къ сударынѣ Сузѣ! Прошу тебя, ужъ лучше и не говори объ этомъ... тамъ!

Послѣднія слова коммерціи совѣтникъ произнесъ шопотомъ и какъ-то торопливо.

— Ты серьезно требуешь этого отъ меня? (твердый, звонкій голосъ дѣвушки представлялъ странный контрастъ съ его робкимъ шептаньемъ).—Однако, вѣдь не могу же я не сказать правды, если бы объ этомъ зашла рѣчь... Право, Морицъ, утаивать я не умѣю!..

На мгновеніе она замолчала, замѣтивъ, съ испугомъ, какъ лицо опекуна вдругъ ярко покраснѣло, но потомъ прибавила рѣшительнымъ тономъ:

— Чтожъ, если я сдѣлала такую ошибку, то и надо сознаться въ ней. Вѣдь не снимутъ-же за это съ меня головы...

— Если тебѣ угодно придавать такой трагическій оттѣнокъ доброжелательному савѣту, то мнѣ, конечно, нечего больше и сказать, проговорилъ г. Рэмеръ въ смущеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ съ досадою. Головы, разумѣется, не снимутъ, но ты этимъ только сама затруднишь себя... то есть — положеніе свое у меня въ домѣ... А, впрочемъ, дѣлай какъ знаешь! Вотъ сама увидишь, каково тебѣ будетъ, когда ты станешь руководствоваться этимъ правиломъ: „говорить правду безъ обиняковъ“, попавъ въ наши высоко-аристократическіе кружки!..

Въ концѣ этой рѣчи голосъ коммерціи совѣтника звучалъ даже шутливо... Вообще онъ не такъ-то легко позволялъ портить пріятное расположеніе своего духа. Любезно пожавъ Кэтѣ руку, хозяинъ повелъ ее въ бывшую столовую, смежную съ зимнимъ садомъ, и самъ отворилъ дверь туда.

Комната, въ которую они вошли, была уже не прежней „милой“ столовой, съ старомодною удобною мебелью, покрытою краснымъ сафьяномъ. Стѣна, отдѣлявшая ее когда-то отъ зимняго сада, исчезла: ее замѣнили стройныя колонны съ арками, поддерживающія потолокъ, великолѣпно разрисованный въ мавританскомъ вкусѣ. Внизу отъ одной колонки къ другой тянулась низенькая, ажурная какъ кружево, позолоченная бронзовая рѣшетка; которая отдѣляла каменный мозаичный полъ мавританской комнаты отъ дорожекъ, усыпанныхъ бѣлымъ пескомъ, и зеленой муравы маленькихъ лужаекъ зимняго сада. За этой рѣшеткой все зеленѣло и цвѣло великолѣпно; тамъ, у подножья могучихъ драконовыхъ деревьевъ, темныхъ лавровъ и прелестныхъ грушъ изъ лиственныхъ растеній съ ихъ серебристымъ металлическимъ блескомъ, благоухали ландыши и хорошенькіе букетики пармскихъ фіалокъ. Эта чудная декоративная картина изъ царства растеній была вставлена какъ-бы въ раму изъ цвѣтовъ и представляла нѣсколько отдѣльныхъ картинокъ имѣющихъ такія-же разноцвѣтныя рамки. Дикій виноградъ обвивалъ колонки до самыхъ арокъ, украшая ихъ бѣлыми и лилово-голубыми цвѣточками.

Между средними двумя колонками не было рѣшетки (для прохода изъ мавританской комнаты въ зимній садъ), и у этихъ колонокъ стояла Флора. Она была еще въ выѣздномъ костюмѣ и повидимому, хотѣла войти въ садъ. Вдали, на темномъ фонѣ зелени, поблескивала куполообразная верхушка журчащаго фонтана, которая какъ разъ приходилась (въ перспективѣ) надъ шляпкой Флоры, украшенная перьями. Правой рукой, въ перчаткѣ, красавица держала слегка преподнятое спереди тажелое бархатное платье каштановаго цвѣта, освѣщенное косыми лучами вечерняго солнца, что при-

давало складкамъ матеріи блѣдно-золотистый оттѣнокъ; лѣвая рука ея (безъ перчатки), такая бѣлая и нѣжная, какъ цвѣточки вьющагося тутъ-же clematis'а, граціозно опиралась о колонку. Увидѣвъ вдругъ высокую дѣвушку, Флора отъ удивленія широко раскрыла свои сѣро-голубые глаза, но потомъ сейчасъ-же прищурила ихъ и пытливо оглядѣла вошедшую, причемъ по губамъ ея скользнула саркастическая убыбка.

— Ну, отгадай-ка, Флора, кого привелъ я? воскликнулъ коммерціи совѣтнѣкъ.

— Надъ этимъ нечего долго ломать голову: это— Кэта, изволившая одна пуститься въ дорогу, отвѣтила она съ свойстсенною ей манерой, отличающейся какъ-то небрежностью и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительностью.—Кто видалъ старуху Зоммеръ, тотъ сейчасъ догадается, что эта дюжая дѣвица, съ лицомъ бѣло-розовымъ, какъ кровь съ молокомъ, должна быть ея внучкой; но волосы и глаза у ней поразительно похожи на волосы и глаза Клотильды—твоей, Морицъ, покойной жены.

Однимъ ловкимъ движеніемъ Флора словно выпорхнула изъ цвѣточной рамки, подошла къ сестрѣ и, откинувъ голову, подставила ей губы для поцѣлуя. Да, это была все та-же несравненная, удивительно-прекрасная Флора, только постоянное владычество надъ сердцами поклонниковъ лишило ее женственной граціи.

Также небрежно, какъ и при холодномъ поцѣлуѣ, который она дала Кэтѣ послѣ шестилѣтней разлуки съ нею, Флора обратилась теперь къ только что вошедшему доктору.

— Здравствуй, Брукъ! сказала она и подала ему руку, но не такъ, какъ сдѣлала-бы это невѣста, а просто— какъ товарищъ товарищу.

Докторъ слегка пожалъ эту руку и спокойно допустилъ, чтобы ее тотчасъ-же и отняли у него. Эта наружная сдержанность жениха и невѣсты являлась какъбы въ порядкѣ вещей. Флора, развязно повернувъ голову къ зимнему саду, причемъ умное лицо ея было какъ-то весело-насмѣшливо

— Бабушка, наша *золотая* рубка достовляетъ удовольствіе тебѣ и твоимъ знакомымъ видѣть ее четырьмя недѣлями раньше.

Президентша сейчасъ-же вышла изъ за группы камелій. Можетъ быть, сама того не сознавая, она осматривала гостью съ тѣмъ недоумѣніемъ, какое обнаруживаетъ большинство людей при встрѣчѣ съ такъ называемыми „счастливцами", но это недоумѣвающее выраженіе быстро исчезло съ ея лица: она вспомнила злобно-заносчивое восклицаніе Флоры. Почтенная дама сердито сдвинула брови, и легкая краска смущенія разлилась по ея блѣдному лицу.

— Я не помню, чтобы я когда нибудь обнаруживала такой сильный интересъ именно къ *этому* отличію твоей сестры, проговорила она холодно, бросивъ на Флору строго-внушительный взглядъ. — Если я рада пріѣзду Кэты и готова дружески встрѣтить ее, то это потому, что она дитя моего милаго покойнаго Мангольда, а вамъ—сестра.

Президентша приблизилась къ Кэтѣ съ распростертыми руками, какъ-бы намѣреваясь обнять ее, но молодая дѣвушка предупредила ее: она такъ низко и церемонно поклонилась, какъ будто въ первый разъ въ своей жизни стояла лицомъ къ лицу съ гордой тещей своего отца. Наблюдательный глазъ легко подмѣтилъбы въ этомъ поклонѣ боязливое желаніе отстранить всякое „родственное" соприкосновеніе, но президентша, очевидно, усмотрѣла тутъ только выраженіе глубочайшаго къ ней почтенія. Она опустила руки и напечатлѣла полувоздушный поцѣлуй на лбу молодой дѣвушки.

— Ты въ самомъ дѣлѣ одна пріѣхала?

При этомъ глаза президентши какъ-то безпокойно-пытливо посмотрѣли на дверь, какъ будто она ждала— вотъ еще кто-то войдетъ... не совсѣмъ пріятный спутникъ Кэты.

— Совершенно одна. Мнѣ захотѣлось, наконецъ, самостоятельно расправить свои крылья, попытать ихъ и докторша моя охотно разрѣшила мнѣ это.

Дѣвушка еще разъ, какъ-бы невольно, провела своими тонкими пальцами по тому мѣсту лба, до котораго почтенная дама прикоснулась своими холодными губами.

— О, этому я всегда готова повѣрить! Вѣдь это совершенно въ духѣ старый Лукасъ... сказала президентша съ едва замѣтной иронической улыбкой.—Лукасъ... тоже вѣдь всегда была весьма самостоятельной женщиной... Твой добрый папа немножечко избаловалъ ее, моя милочка. Да, она дѣйстововала такъ какъ ей нравилось,-ну, само собою разумѣется, поступала надлежащимъ образомъ...

— И благоразумно. Вотъ, по этой причинѣ, папа конечно, и поручилъ ей свою меньшую вѣтренницу— шалунью!

Кэта проговорила эти слова съ веселою откровенностью, ей свойственнаго но именно эта-то искренность, игривость, увѣренность, кажется и произвели непріятное впечатлѣніе.

Президентша слагка приподняла плечи.

— Папа твой, конечно желалъ тебѣ добра, милая Кэта,—и я-то ужъ никогда не порицала его распоряженій. Но, видишь-ли, папа имѣлъ аристократическую натуру, онъ строго руководствовался правилами приличія... Не смутило-ли-бы его до нѣкоторой степени такое обстоятельство, что вотъ шаловливая дочка его такъ неожидано, zans gêne, такъ свободно перелетѣла изъ Дрездена сюда?...

— Ну, это еще неизвѣстно, возразила Кэта:—развѣ папа не зналъ-бы, чей духъ сидитъ въ его дочери? (Игривый огонекъ заблестѣлъ въ ея карихъ глазахъ.) Кровь мельничьей породы, госпожа президѣнтша, храбро безпечно-весело пробивается въ жизни!

Коммерціи совѣтникъ закашлялся и принялся усердно поглаживать свои красивые усы: президентша, можно сказать, совсѣмъ онемѣла отъ изумленія, какъ будто слишкомъ рѣзкій вѣтеръ внезапно скользнулъ по ея аристократически-чувствительному лицу, за то Флора раразилась громкимъ смѣхомъ.

— О, Милое дитя! Да вѣдь ты чудо какъ наивна! воскликнула она, всплеснувъ руками. — Ну, да, да: „странствовать — наслажденіе мельника, странствовать"... проговорила Флора и прибавила:—вотъ, бабушка, такими-то словами слѣдовало-бы нашей „меньшей" дебютировать на первомъ же большомъ вечерѣ Морица! То-то всѣ навострили-бы уши!

Она злорадно взглянула на старуху, которая, однако, быстро овладѣла собою и спокойно замѣтила:

— Я надѣюсь, милочка, что у твоей сестры есть вражденный тактъ...

Президентша при этомъ, какъ-бы мимоходомъ здороваясь съ докторомъ, протянула ему руку и улыбнулась, какъ-то особенно растянувъ губы, такъ что только и были видны чуть-чуть кончики ея зубовъ. Никогда нельзя утвердительно сказать: сладка-ли подобная улыбка или кисла?

— Такъ... Такъ! повторила Флора, насмѣшливо покачавъ головой: — Много тутъ тактъ поможетъ! Мельничныя ощущенія развѣ не врожденны... Эта добренькая Лукасъ не съумѣла всадить ей въ голову хоть немножко свѣтскости... Вотъ въ чемъ и недостатокъ. Впрочемъ, я очень рада, что ты, Кэта, пріѣхала одна... Надѣюсь—такъ-то съ тобой легче уживемся, потому что тебѣ уже не придется здѣсь держаться за юбку своей старой, доморощенной гувернантки.

Кэта сняла шапочку — лицо ее покраснѣло, кровь бросилась въ голову, такъ душно было ей въ этомъ

Возстаніе въ Герцеговинѣ. Герцеговинскія женщины въ бою. Рис. проф. Францъ Зеринъ, гравир. Веберъ.

араматическомъ воздухѣ. Теперь она казалась еще выше, благодаря густой золотисто-каштановой косѣ своей.

— Доморощенная? Моя-то докторша? воскликнула Кэта съ воодушевленіемъ... Да женщины съ болѣе поэтической натурой нельзя себѣ и представить!..

— Хе, что ты говоришь! Ну, она, навѣрно, мечтаетъ, созерцая луну, списываетъ чувствительные стишки и пр. и пр., а, пожалуй, ужъ сама не сочиняетъ-ли стиховъ? А?...

Блестящіе, умные глаза молодой дѣвушки смотрѣли теперь прямо въ лицо насмѣшницы. Послѣ минутнаго раздумья Кэта сказала:

— Стишковъ она не списываетъ, но манускрипты своего мужа переписываетъ, потому что наборщики медицинскаго журнала рѣшительно не могутъ разобрать причудливыхъ каракулекъ рукописи автора. Не пишетъ она также ни стиховъ, ни повѣстей—нѣтъ у нея времени для этого... И все-таки она—творитъ... Ахъ Флора, ты улыбаешься совершенно по прежнему — ѣдко, одними уголками губъ, но такая насмѣшливая улыбка не поражаетъ меня больше, не заставитъ спрятаться въ уголъ!... Во мнѣ бьется здоровая жилка, а потому я повторяю и утверждаю: да, докторша моя все-таки творитъ! Творчество это заключается въ той, такъ сказать манерѣ понимать жизнь, въ умѣньи всегда найти въ окружающей жизни свѣтлую, хорошую сторону — даже въ убранствѣ ея простенькой квартиры сказывается эта способность: тамъ въ каждомъ уголкѣ, замѣтишь притаившуюся мысль! И вообще удивительно какъ она умѣетъ устроить все удобно, и въ тоже время со вкусомъ, для мужа своего, для меня взрослаго ребенка, и для немногихъ избранныхъ друзей дома.

Въ эту самую минуту свѣжія фіялки дождемъ посыпались на грудь молодой дѣвушки, къ ея ногамъ.

— Браво, Кэта! крикнула Генріэтта. Она стояла у самой рѣшетки, въ зимнемъ саду, прижимая свои блѣдныя ручки къ тяжело-вздымавшейся груди. — Мнѣ хотѣлось-бы сейчасъ броситься къ тебѣ на шею, но... погляди на меня! Вѣдь развѣ это не вышло-бы уморительно—смѣшно?... Ты, такая крѣпкая и тѣломъ и духомъ, а я...

Тутъ голосъ ея оборвался.

Кэта бросила шапочку, поспѣшила къ Генріэтѣ и нѣжно обняла сестру. Лицо этой дѣвушки, „такъ страшно-исхудавшее“, до того поразило Кэту и ей такъ стало жаль ее, что слезы готовы были брызнуть изъ ея глазъ, но она благоразумно воздержалась обнаружить это.

Флора закусила губы. Эта „меньшая“ обладаетъ, какъ видно, не однимъ, ростомъ, не только величіемъ тѣла: въ ясныхъ глазахъ и на губахъ „меньшой“ свѣтился, былъ замѣтенъ тотъ особенный огонекъ чувства личной независимости, который подчасъ можетъ быть весьма неумѣстнымъ... неудобнымъ. Въ сердцѣ Флоры вдругъ шевельнулось темное предчувствіе, смутное непріятное ощущеніе, что вотъ, съ момента появленія здѣсь этой крѣпкой дѣвушки, какая-то тѣнь начинаетъ затмѣвать свѣтъ ея собственной жизни... Она быстро сняла шляпку и провела обѣими руками по волосамъ, расправляя смятые локончики.

— Неужели ты изъ Дрездена привезла съ собой этотъ романическій дорожный узелочекъ? сухо спросила Флора, посмотрѣвъ прищурясь и какъ-то бокомъ на связанный и висѣвшій на рукѣ Кэты бѣлый платокъ.

Молодая дѣвушка развязала узелочекъ и — подала Генріэттѣ голубя.

— Вотъ—бери своего маленькаго паціента, сказала она: — бѣдняжку подстрѣлили, летать онъ не можетъ. Голубокъ этотъ упалъ на мостовую двора на мельницѣ.

И такъ, о томъ, что Кэта остановилась прежде всего *тамъ*, на мельницѣ, было уже заявлено, но президентша, повидимому, вовсе не обратила вниманія на послѣднія ея слова: она, возмущенная до глубины души, указала на раненаго голубя и, повернувшись къ коммерціи совѣтнику, проговорила съ укоризной

— Вѣдь это уже *четвертый*, Морицъ!...

— Четвертый... и... даже мой любимчикъ, моя серебрянная головка! воскликнула Генріэтта, утирая слезы огорченія и досады.

Коммерціи совѣтникъ, отъ испуга и гнѣва—поблѣднѣлъ.

— Любезнѣйшая бабушка, прошу васъ убѣдительно: не упрекайте *меня* въ этомъ! крикнулъ онъ почти запальчиво.— Я дѣлаю все, что могу, стараюсь открыть преступника и положить предѣлъ этимъ изъ рукъ-вонъ гадкимъ продѣлкамъ, но виновникъ скрывается (тутъ онъ пожалъ плечами)—что-же сдѣлаешь въ такомъ случаѣ? Ничего!... Поэтому-то я неоднократно уже просилъ Генріэтту запирать своихъ голубей.

Часъ отъ часу не легче! воскликнула почтенная дама язвительно, дергая и теребя кружевное облачко, облегавшее ея лицо и шею, какъ будто ей было невыносимо жарко отъ внутренняго волненія.—Неужели ты Морицъ, самъ того не сознаешь, что такое равнодушіе—ну, просто вызываетъ на дерзость, поощряетъ ее?...

— Зачѣмъ, бабушка, вы такъ тонко выражаетесь? Партія недовольныхъ сама достаточно откровенно называетъ вещь по имени, замѣтила Флора съ намѣренною небрежностью, легкостью въ тонѣ. Горничая моя, открывая сегодня утромъ ставни, опять нашла на подоконникѣ моего окна письмо и вынуждена была взять его щипцами и такимъ образомъ держать передо мной, пока я прочла написанное. Ужъ очень некрасиво выглядѣла эта пачкотня! Бумажка осталась въ комнатѣ горничной... Можетъ быть, ты захотѣлъ бы пріобщить къ прочимъ и этотъ документъ, Морицъ? Новаго, конечно, въ этомъ письмѣ ничего нѣтъ —все тѣ же фразы! Но вотъ что желательно мнѣ было бы знать: почему эти люди *именно* меня удостоиваютъ своей ненависти?..

Кэта не могла не подумать, что тутъ ненависть обнаруживается не столько къ привиллегированному классу, сколько къ самой личности, сдѣлавшей такой вопросъ; въ самомъ дѣлѣ, люди, незнакомые съ характеромъ житья-бытья на виллѣ, могли думать, что за всѣ распоряженія и поступки хозяина отвѣтственность должна падать на эту дѣвушку, у которой и манеры такія повелительныя, и платья-то княжески - роскошныя, да притомъ около губъ—морщинка презрѣнія, а говоритъ она совсѣмъ какъ мужчина, такъ рѣзко...

— Это проявленіе ненависти, эти нападки смѣшнѣе вдвое для меня потому, что, продолжала Флора, засмѣявшись:—изъ-подъ моего пера довольно вышло статей „за“ рабочій классъ, которыя и напечатаны.

— Въ наше время однѣми статьями, однимъ перомъ ничего нельзя сдѣлать, заговорилъ д-ръ Брукъ, оставаясь стоять у окна.

— Ну-съ, такъ что-же надо дѣлать? колко спросила Флора.

— Поближе познакомиться съ самими рабочими и узнать ихъ жизнь и ихъ нужды.

— Ахъ, пожалуста, оставь...

Въ ея глазахъ засверкалъ яркій огонекъ, но Брукъ продолжалъ, ни мало не смущаясь:

— Да, именно въ семьѣ на долю женщинъ выпадаетъ *почти* вся иниціатива, женщина можетъ кротко вліять на болѣе суровую, холодную душу мужчины, сердце у нея мягче, она можетъ быть благодѣтельной посредницей, благодаря этимъ качествамъ, а также своему благоразумію. Но только меньшинство изъ нихъ беретъ на себя трудъ пораздумать объ этомъ (а этого-то прежде всего я и требую отъ нихъ) и обратиться съ вопросомъ къ сердцу своему. Женщины, пользуясь средствами изъ рукъ мужчины для покрытія своихъ (въ на-

стоящее время почти безграничныхъ) расходовъ, не обращаютъ вниманія ни на что.

Президентша медленно провела тонкими своими пальцами по атласистой поверхности своего платья, и какъ бы не слыша послѣднихъ словъ доктора, хладнокровно проговорила:

— Помогаю я очень охотно, только я не привыкла подавать милостыню прямо въ руки нуждающихся, по этому, можетъ быть, и не знаютъ, какъ много и какъ часто надѣляю я неимущихъ. Впрочемъ, знаютъ ли объ этомъ или не знаютъ—мнѣ все равно, я равнодушна къ этому.

— Грубыя выходки—отвратительны, и никто, быть можетъ, строже меня не осуждаетъ ихъ, также хладнокровно замѣтилъ д-ръ Брукъ, но...

— Ну, что же „но"?.. Въ концѣ концовъ вы все-таки будете утверждать, что все это вызвано нами, женщинами.

— Точно-такъ, госпожа-президентша.

— Вы—идеалистъ, господинъ докторъ, сказала почтенная дама, слегка похлопавъ его по плечу. Слова эти она проговорило хотя и ласковымъ голосомъ, но тонъ ихъ былъ рѣшителенъ и сухъ: такимъ тономъ даютъ понять, что желаютъ прекратить разговоръ.

— Нѣтъ, я только другъ человѣчества, возразилъ Брукъ съ едва замѣтной улыбкой и взялся за шляпу.

Невѣста его давно уже отвернулась отъ него и подошла теперь къ другому окну. Никакое, кажется, женское лицо не было бы такъ способно принять выраженіе вражды, какъ лицо Флоры, обладающее прекраснымъ профилемъ, благодаря которому можно было видѣть, какъ крѣпко умѣетъ она сжимать губы... Да, этотъ человѣкъ высказалъ (и такъ сухо!) свой взглядъ на нее, онъ сказалъ, что она, сидя за письменнымъ столомъ, кропотливо роется въ чужихъ идеяхъ, выбираетъ изъ нихъ... Это что-то неслыханное! Рыться... кропотливо... при *ея*-то дарованіяхъ?! Правда, она ни разу еще не замарала изящныхъ своихъ ботинокъ фабричною грязью на прядильнѣ зятя; дѣйствительно, ей не было извѣстно, *какъ живутъ* рабочіе. Но къ чему все это?.. Неужели нужно видѣть во очію и въ дѣйствительности пережить все то, что изображаешь перомъ? Смѣшно даже!.. Тогда къ чему же намъ умъ и фантазія?.. До сихъ поръ, до сегодняшняго дня, докторъ не проронилъ ни единаго слова на счетъ ея литературной дѣятельности (вслѣдствіе робости и чувства уваженія, такъ думала она) и—вдругъ, нападаетъ теперь на нее, да вѣдь какъ некрасиво, какъ глупо нападаетъ! *Онъ... онъ*!.. Тяжелую борьбу выносила Флора.

— Я не понимаю, бабушка, какъ могло придти тебѣ на мысль назвать его „идеалистомъ"! воскликнула она, сверкая глазами. Я полагала, что Брукъ только что передъ этимъ довольно скудно-прозаично освѣтилъ вопросъ: вѣдь по его программѣ, мы должны какъ можно скорѣе уничтожить нашъ комфортъ, отбросить элегантность въ манерахъ, ходить въ дерюгѣ, посыпавъ голову пепломъ... И намъ отнюдь не слѣдуетъ заниматься умственнымъ трудомъ, а всего лучше варить похлебку для народа. Мы вотъ хотѣли бы непремѣнно пользоваться тишиною нашего парка, наслаждаться уединенностью его—но это смертный грѣхъ!.. (Флора засмѣялась отрывистымъ, рѣзкимъ смѣхомъ).

Флора быстрыми шагами подошла къ нему. Локончики ея развѣвались, трепетали въ воздухѣ, а тяжелый бархатный шлейфъ прошуршалъ по мраморному полу.

Брукъ, возразила она ѣдко: —вѣдь ты, какъ сообщилъ мнѣ Морицъ, сдѣлался теперь домовладѣльцемъ... Но — шутки въ сторону: въ самомъ дѣлѣ ты исполнилъ вчерашнюю свою угрозу—пріобрѣлъ отвратительную лачугу на томъ берегу рѣки?...

— Мою *угрозу*?...

— Ну-да, не могу-же я иначе назвать этого, если ты готовишь мнѣ въ будущемъ такое... пугало! Постой самъ вчера ты сказалъ, что употребилъ сбереженія свои на покупку имѣнья, а имѣнье это представляется мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ какъ non plus ultra пустыни, оскудѣнія и отталкивающаго безобразія. Вѣдь не для услажденія-же взора только пріобрѣлъ ты эту драгоцѣнность?... А потому я тебя серьезно спрашиваю: для кого это жилище?

— Ты можешь никогда и не бывать тамъ.

— Никогда и не буду. Въ этомъ можешь быть увѣренъ! Скорѣе... Трудно выразить словомъ, объяснить тотъ загадочный взглядъ, который докторъ устремилъ на Флору, поднявъ руку, чтобы остановить ее, но въ этомъ, почти мрачномъ, взглядѣ свѣтилась какая-то непреодолимая сила, потому что алыя губы красивой дѣвушки невольно сомкнулись... Она вдругъ умолкла.

— Въ томъ домѣ будетъ жить моя тетка. Себѣ оставилъ я тамъ только одну комнату, чтобы имѣть покойный рабочій уголокъ за городомъ, такъ какъ иногда и на мою долю выпадаютъ свободные часы...

Слова эти Брукъ проговорилъ (послѣ сдѣланнаго имъ жеста) такимъ спокойнымъ голосомъ, какого нельзя было ожидать, судя по выраженію лица его за минуту передъ тѣмъ.

— А! Ну, и желаю вамъ наслаждаться тамъ! Значитъ, это будетъ особый, спеціально-лѣтній уголокъ... Ну-съ, а зимою, Брукъ?...

— Зимою мнѣ придется довольствоваться зеленою комнатою, которую ты сама предназначила для меня въ нашей будущей квартирѣ.

— Говоря откровенно, та квартира мнѣ теперь не нравится; мнѣ не нужно ее... Она въ угловомъ домѣ, и какъ разъ около этого дома улица особенно оживлена: безпрерывный шумъ, грохотъ, а это мнѣ будетъ мѣшать, когда я пожелаю работать.

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ я уплачу домохозяину неустойку и буду искать другой квартиры, отвѣтилъ докторъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

(Продолженіе будетъ).

Е. И. В. Великая Княгиня Марія Николаевна.

Царское Семейство понесло горестную утрату въ лицѣ одного изъ старѣйшихъ своихъ представителей. 9-го февраля, въ часъ и пять минутъ пополуночи, послѣ продолжительной и трудной болѣзни, скончалась, на пятьдесятъ седьмомъ году отъ рожденія, Государыня Великая Княгиня Марія Николаевна.

Кромѣ горя, причиненнаго всему царствующему дому, говоритъ газета «Голосъ», кончина эта отразится глубокою скорбью въ сердцахъ того обширнаго круга лицъ, которыя не только имѣли счастье близко знать Великую Княгиню, но которые когда нибудь испытывали на себѣ ея доброе вліяніе.

Великая княгиня Марія Николаевна принадлежала къ числу тѣхъ замѣчательно одаренныхъ личностей и по уму, и по душевнымъ качествамъ, въ которыхъ присутствуетъ сила неотразимаго обаянія; къ этому присоединялись всѣ свойства, способныя скрѣплять человѣческія отношенія, рождающіяся послѣ перваго впечатлѣнія: даръ уловлять преобладающія способности собесѣдника, горячее, прирожденное сочувствіе ко всему прекрасному и живому, замѣчательная многосторонность въ образованіи собственнаго ума, обширная начитанность и наглядное знаніе по всѣмъ отраслямъ художества, любимаго Великой Княгиной выше другихъ знаній, но главное—и что выше всего цѣнили приближавшіеся къ Великой Княгини — невыразимая доброта ея сердца, которое всегда радостно откликалось чужому счастью, каждому доброму дѣлу, каждой честной мысли!

Общественная дѣятельность Великой Княгини началась еще въ молодыхъ ея годахъ. Исполняя волю родителя своего, Им-

нератора Николая I-го, Великая Княгиня, послѣ кончины герцога Лейхтенбергскаго въ 1852 г. заняла мѣсто президента Императорской Академіи Художествъ. Такое назначеніе, отвѣчая ея природнымъ наклонностямъ, не замедлило оправдаться существенными результатами. Къ практическому изученію рисованія, всѣхъ родовъ живописи и ваянія, прибавленъ былъ въ Академіи цѣлый курсъ систематическаго образованія, введены были классы общей исторіи, исторіи искусствъ, химіи, словесности и т. п.; словомъ, внесенъ былъ тотъ образовательный элементъ, который такъ существенно важенъ для полнаго развитія художника и успѣха искусства вообще. Одновременно съ принятіемъ званія президента Академіи, Великой Княгинѣ угодно было принять званіе предсѣдателя высочайше утвержденнаго общества поощренія художниковъ. Здѣсь точно также вліяніе ея отразилось самымъ благотворнымъ образомъ. Основная мысль, заключавшаяся въ томъ, чтобъ въ школѣ рисованія общества поощренія художниковъ изученіе рисунка приложено было къ образованію хорошихъ рисовальщиковъ по мануфактурной части и усовершенствованію изящно-ремесленной промышленности въ Россіи, принадлежитъ исключительно Великой Княгинѣ. Съ такою цѣлью основала она при школѣ общества обширный музей художественныхъ образцевъ, библіотеку, практическія мастерскія, и когда все это исполнено было согласно ея предначертаніямъ, испросила у Государя въ собственность обществу домъ для помѣщенія всѣхъ этихъ отдѣльныхъ учрежденій. Мысль Великой Княгини состояла въ пользѣ, которая произойдетъ отъ связи отдѣльныхъ этихъ частей, взаимномъ ихъ дѣйствіи другъ на друга и, затѣмъ, вліяніи цѣлаго на учениковъ.

Общественная дѣятельность Великой Княгини выразилась не только въ покровительствѣ изящнымъ искусствамъ въ Россіи. Отдаваясь движеніямъ своего сердца, исполненнаго человѣколюбія, она основала домъ милосердія, положила начало женской рукодѣльнѣ, дѣйствовала въ качествѣ члена патріотическаго общества и принимала участіе въ московскомъ благотворительномъ обществѣ.

Ея Императорское Высочество, Государыня Великая Княгиня Марія Николаевна родилась 6 августа 1819 г. Вступила въ бракъ 2-го іюля 1839 года съ Максимиліаномъ Герцогомъ Лейхтенбергскимъ, умершимъ 20-го октября 1852 года. Дѣти ея Высочества: Князья и Княжны Романовскіе, Герцоги и Герцогини Лейхтенбергскіе: 1) Марія Максимиліановна, род. 4 окт, 1841 г., въ супружествѣ съ 1863 года съ Вильгельмомъ принцемъ Баденскимъ. 2) Николай Максимиліановичъ, род. 23 іюля 1843 г., почетный предсѣдатель русскаго техническаго общества. 3) Евгенія Максимиліановна, родилась 20-го марта 1845 года, вступила въ бракъ 7-го января 1868 года, съ Принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ. 4) Евгеній Максимиліановичъ, род. 27 янв. 1847 года. 5) Сергій Максимиліановичъ, род. 8-го декабря 1849 года. 6) Георгій Максимиліановичъ, род. 17-го февраля 1852 года.

Ея Императорское Высочество, Государыня Великая Княгиня Марія Николаевна съ 1852 года изволила быть Президентомъ Императорской Академіи Художествъ. Академія, съ самаго учрежденія своего Императрицею Елизаветою, находилась подъ особымъ покровительствомъ Государей, управляясь президентомъ.

Нужно замѣтить, что въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны Академія Художествъ не имѣла собственнаго своего помѣщенія, а занимала отдѣленіе при С.-Петербургскомъ Университетѣ. Впослѣдствіи, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, а именно въ 1764 году, было построено архитекторомъ Кокориновымъ то зданіе, въ которомъ въ настоящее время помѣщается Академія Художествъ. Впослѣдствіи, а именно уже въ то время, когда Ея Высочество изволила быть президентомъ Академіи, зданіе подверглось нѣкоторымъ передѣлкамъ внутри, но наружный его фасадъ остался и до сихъ поръ въ своемъ первоначальномъ видѣ.

Съ 1852 года, т. е. со времени президентства Ея Высочества, а равно благодаря энергичной дѣятельности Его Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, какъ товарища президента Академіи, въ ней произошли многія преобразованія и улучшенія, какъ во внутренней ея жизни, т. е. въ ходѣ преподаванія и развитія искусства, такъ и въ увеличеніи художественныхъ богатствъ. Необходимо замѣтить, что и самое отношеніе Академіи къ публикѣ и къ ученикамъ своимъ существенно измѣнилось за послѣднее десятилѣтіе. Прежде публика съ большимъ трудомъ могла имѣть доступъ въ академическія залы; ученики также не имѣли права не только снимать копіи съ находящихся въ залахъ Академіи картинъ, но даже и посѣщать залы не имѣли права. На нихъ академическое начальство смотрѣло какъ на учениковъ и потому изученіе произведеній искусства ограничивалось для нихъ классическими занятіями.

Таковы были порядки въ Академіи въ прежнее время. Теперь какъ извѣстно входъ въ Академію свободенъ для всѣхъ, заниматься копированіемъ могутъ не только ученики Академіи, но и всѣ желающіе лица обоего пола. Въ это же послѣднее десятилѣтіе открытъ при Академіи Художествъ мозаическій отдѣлъ, изданы всѣ каталоги находящихся въ Академіи русскихъ оригинальныхъ и копій иностранныхъ художественныхъ произведеній, какъ писанныхъ красками, такъ равно и скульптурныхъ. Кромѣ того число произведеній значительно увеличилось и въ особенности благодаря графу Кушелеву-Безбородко, подарившему Академіи свою замѣчательную картинную галлерею, богатую какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи.

Что касается внутренней жизни Академіи, то есть тѣхъ перемѣнъ, которые устроены въ ходѣ преподаванія и развитія искусства за послѣднее десятилѣтіе, то такихъ перемѣнъ весьма много и мы считаемъ возможнымъ указать только на самыя существенныя, а именно: дозволено вступать въ число учениковъ лицамъ женскаго пола, открыты медальерный, костюмный и по пейзажной живописи классы, дозволено конкурировать два раза на малую золотую медаль, введено обязательное знаніе одного иностраннаго языка для конкурирующихъ на первую золотую медаль, дозволенъ въ Академію доступъ вольноприходящихъ и даны имъ соотвѣтствующія права. Кромѣ того самый учебный академическій курсъ приспособленъ къ тому, чтобы ученики равномѣрно могли прогрессировать, какъ въ изученіи наукъ, такъ и въ успѣхахъ по практическому изученію того или другого отдѣла искусства. Прежде въ этомъ отношеніи Академія часто встрѣчала большія затрудненія, ибо иногда оказывалось, что по практическому изученію искусства ученикъ былъ достоинъ полученія золотой медали, тогда какъ онъ же по учебному академическому курсу, въ отношеніи наукъ, оказывался незаслуживающимъ перехода изъ перваго отдѣленія во второе. Наконецъ постановлено, чтобы въ число учениковъ по архитектурѣ принимались только окончившіе полный курсъ наукъ въ гимназіи или въ другихъ соотвѣтствующихъ ей заведеніяхъ.

Размѣры статьи непозволяютъ намъ указать на другія многочисленныя реформы, происшедшія въ Академіи Художествъ за послѣднее десятилѣтіе и введенію этихъ реформъ несомнѣнно способствовала Президентъ Академіи, Ея Императорское Высочество, Государыня Великая Княгиня Марія Николаевна при содѣйствіи Товарища Президента, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича.

Герцеговинскія женщины въ бою.

Оригинальный способъ войны въ ущельяхъ скалистыхъ горъ Герцеговины описанъ былъ уже неоднократно въ нашемъ журналѣ, причемъ приложены были и рисунки, изображающіе эпизоды изъ настоящей войны на Балканскомъ полуостровѣ. Объ участіи женскаго населенія Герцеговины въ борьбѣ съ ненавистными имъ мусульманами читателямъ нашимъ также извѣстно. Указываемъ на сцену, изображенную на рисункѣ въ № 38 ж. «Нивы» (1875 г.) и представляющую наглядным образомъ битву южнославянскихъ женщинъ съ турками притѣснителями. Художникъ изучившій на мѣстѣ нравы и обычаи герцеговинцевъ, въ прилагаемомъ рисункѣ переноситъ опять воображеніе наше на театръ войны, которую обѣ стороны ведутъ съ одинаковымъ ожесточеніемъ.

Въ числѣ разныхъ орудій, употребляемыхъ герцеговинцами для истребленія проникшихъ въ ихъ горы враговъ, играютъ немаловажную роль каменья и осколки утесовъ, которые горцы спускаютъ на проходящихъ чрезъ ущелья османовъ и производятъ въ рядахъ ихъ значительныя опустошенія. Ничто такъ не деморализуетъ турецкихъ солдатъ, какъ эти смертоносныя орудія, отъ дѣйствія которыхъ защититься нѣтъ никакой возможности. Въ числѣ горныхъ ущелій, въ которыя турки проникаютъ иногда въ пылу преслѣдованія герцеговинцевъ, Поримское ущелье считается однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ. Во время перваго возстанія Герцеговины, турки проникли въ это ущелье и поставили тогдашняго вождя повстанцевъ, Луку Вукаловича въ крайне затруднительное положеніе. Четѣ (военному отряду) Вукаловича угрожала уже опасность, однако храбрый воевода, воспользовавшись гористою мѣстностью, успѣлъ посредствомъ искуснаго маневра избѣжать съ своимъ отрядомъ грозившей ему опасности. Вукаловичу удалось пробиться черезъ ряды непріятельской пѣхоты и занять одну изъ горныхъ высотъ, откуда герцеговинцы принялись спускать каменья и осколки гранитныхъ утесовъ и произвели такимъ образомъ въ рядахъ преслѣдовавшихъ ихъ турокъ страшное опустошеніе.

Подобныя же сцены повторились и во время настоящей борьбы и имѣли постоянно для повстанцевъ благопріятный исходъ. Турки страшатся проникать въ опасныя горы, населеніе которыхъ умѣетъ отлично пользоваться преимуществами, представляемыми гористою мѣстностью. Лишенныя воды гор-

Продолженіе въ прибавл. на стр. 145 и 146.

ныя равнины, непроходимые лѣса, узкіе проходы въ горахъ, горныя тропинки. по которымъ съ трудомъ пробирается лошакъ, огромныя груды каменьевъ, все это характеризуетъ недоступную горную мѣстность и обусловливаетъ оригинальный способъ веденія войны въ Герцеговинѣ.

Если мужественныя и неуступающія въ храбрости мужскому населенію герцеговинскія женщины и не принимаютъ съ оружіемъ въ рукахъ непосредственнаго участія въ битвахъ съ турками, то герцеговинки оказываютъ по крайней мѣрѣ огромныя услуги при подбираніи съ поля сраженія раненыхъ соотечественниковъ и при уходѣ за больными. Онѣ пробираются смѣло къ краямъ пропасти съ тѣмъ, чтобъ подобрать своихъ раненыхъ или тѣла убитыхъ и доставить ихъ на лошакахъ въ безопасное мѣсто. Нерѣдко случается, что зоркій глазъ герцеговинки усматриваетъ барьякъ (турецкое знамя) въ рукахъ умирающаго врага. Быстро, какъ серна, бросается смѣлая красавица въ самый пылъ битвы, овладѣваетъ трофеемъ и съ тріумфомъ возвращаясь къ своимъ, воодушевляетъ своихъ братьевъ къ новой борьбѣ со врагомъ.

Смѣсь.

По поводу юбилея Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатовъ. Въ числѣ разныхъ празднествъ, коими янки намѣрены ознаменовать столѣтній юбилей со времени объявленія независимости Соединенныхъ Штатовъ, фигурируетъ и огромный взрывъ. Дѣло въ томъ, что наши заатлантическіе друзья намѣрены взорвать подводныя скалы, препятствующія, близь Лонгъ-Эйлэнда, судоходству какъ изъ Нью-Іорка, такъ и въ этотъ городъ. Мины, устроенныя на пространствѣ 21 акра, имѣютъ ходы въ 8,000 футовъ длиною, 12 футовъ шириною и 8 до 21 фута вышиной. Для производства взрыва употребленъ будетъ нитроглицеринъ и мины соединены будутъ посредствомъ трубъ. Во время прилива глубина океана на этомъ мѣстѣ простирается только до 6 футовъ. Устройство минъ начато было еще въ 1859 г. и онѣ могли бы быть давно окончены, но производство работъ продлено единственно съ цѣлью произвести взрывъ подводныхъ скалъ въ день національнаго праздника.

Юмористическіе очерки.

— Долго ли вы еще у насъ пробудете?

— А что душенька?

— Да мама говорить—«не буду завтракать пока этотъ противный человѣкъ не уберется... А мнѣ очень хочется кушать. .

Превосходный способъ просушки табачныхъ листьевъ. Слѣдующій способъ. употребляемый при просушкѣ почти повсемѣстно въ Вестъ-Индіи, Мерилэндѣ, Виргиніи и въ большей части южной Франціи, служитъ для доставленія цѣннаго табаку. Во время жатвы табакъ срѣзаютъ подъ самый корень, не отдѣляя листьевъ отъ стволовъ и затѣмъ растеніе развѣшиваютъ для просушки на веревкахъ. При употребленіи же обыкновеннаго способа, состоящаго въ отдѣленіи листьевъ отъ ствола и просушки ихъ особо, табакъ не дозрѣваетъ. Листья остаются зелеными, если они отдѣлены отъ растенія въ незрѣломъ состояніи; напротинъ, чѣмъ болѣе они приближаются къ состоянію зрѣлости, тѣмъ болѣе они принимаютъ темно-коричневый цвѣтъ; жатву табаку производятъ обыкновенно въ то время, пока онѣ еще не совершенно созрѣлъ. Если листья не будутъ отдѣлены отъ стволовъ, то находящіеся въ послѣднихъ соки переходятъ во время просушки табаку въ листья, которые затѣмъ постепенно увядаютъ и принимаютъ сперва желтоватый, потомъ темно-желтоватый и наконецъ искрасна желтоватый или темно-коричвевый цвѣтъ тогда какъ листья, оторванные отъ стволовъ и просушиваемые отдѣльно отъ послѣднихъ, принимаютъ большею частью зеленоватый и рѣдко надлежащій коричневый или темно-желтоватый цвѣтъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Принцъ Уэльсиій въ Индіи (съ 5-ю рисунками).—Въ домѣ коммерціи совѣтника. Повѣсть Э. Марлитта. (Продолженіе).—Ея Имп Вы. Вел. К г. Марія Николаевна (съ портретомъ).—Герцеговинсиія женщины въ бою (съ рисункомъ).—Юмористичесиіе очерки (съ рисункомъ). — Смѣсь.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„БАСНИ И ЭСКИЗЫ“.

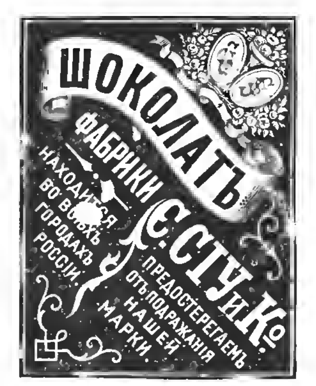
А. Антонова, изданіе 4-е, 1875 года, исправленное и значительно дополненное, съ приложеніемъ краткаго біографическаго очерка автора. Продается: въ Центральномъ магазинѣ, у Вольфа, Гатцуга, Мамонтова и другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Москвѣ. Цѣна 70 к., съ пересылкою 80 к. 3—2

100 ГЕОРГИНЪ.

Цвѣтущ. кто желаетъ имѣть, тотъ можетъ получить за 1 р. съ перес. подъ бандеролью пакетъ сѣмянъ до 300 зеренъ лучшихъ георгинъ, посѣянные въ февралѣ будутъ цвѣсти въ концѣ іюля. 25 сорт. цвѣточн. сѣмянъ 1 р.; 50—2 р.; 100—3 р.; 20 многолѣт. 1 р.; 10 комнат. 1 р. съ перес. Георгины 12 ш. 1 р. 50 к.; Розы 20, 50—1 р.; дикій хмѣль для бесѣдокъ 12 ш. 50 к.; земляника крупная 100 куст. 2 р. безъ перес. Адресъ: Саратовъ, конторѣ Р. Х. садов. заведенія.

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 35. 26—6

45—27

УЧЕБНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ.

сост. А. Іорданъ.

Вышелъ нынѣ новымъ совершенно передѣланнымъ и исправленнымъ по самымъ лучшимъ и новымъ свѣдѣніямъ (quellen) 11-мъ изданіемъ состоящемъ изъ 27 хромолитографированныхъ картъ на 12-ти листахъ. Также приложена большая карта Россіи простирающаяся на востокъ до озера Балкана, со всѣми желѣзными дорогами.

Цѣна атласа. . . 1 руб. с.
» Исторіи. . . 1 » 25

продается въ литогр. Ф. Эйлера, у Камен. моста, 29/40 СПБ. и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. 5—3

VORTHEILHAFT!!

Ein solides Haus (Galanteriebranche) sucht in allen Städten thätige Verkäufer gegen hohe Provision. Françо Offerten in deutscher Sprache mit C. R. an die Redaction dieses Blattes. 10—8

26—9

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы *В. В. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Клюшникова.* Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы“ 1875 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Шпильгагена.* Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 г. 1 р. съ пересылкой.

КОНТОРЫ ТОВАРИЩЕСТВА А. А. ПЕЧЕНКИНА И Ко

въ Казани и Екатеринбургѣ.

Продаютъ выигр. билеты 1 и 2 з. съ разсроч. по 10 руб. Первый взносъ не менѣе 20 р. Страхуютъ билеты по 60 к. 5—1

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“

О ПЕРЕМЕНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1 за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. на Типографскіе расходы для напечатанія новаго адреса и проч. 20—2

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—32

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ,

№ 12. Невскій проспектъ, напротивъ Малой Морской. № 12.

Покупаетъ и продаетъ по биржевой цѣнѣ всякаго рода процентныя бумаги, акціи, золото, серебро и иностранныя монеты.

Принимаетъ порученія на покупку и продажу таковыхъ на здѣшней и иностранныхъ биржахъ, взимая за то 1/8% коммисіи.

Выдаетъ ссуды въ возможно-высокомъ размѣрѣ, подъ залогъ процентныхъ бумагъ и билетовъ 5% съ выигрышами займовъ на срокъ отъ 1-го до 12 мѣсяцевъ.

Уплата ссудъ можетъ производиться или разомъ, или ежемѣсячными взносами.

Заложенныя въ другихъ банковыхъ учрежденіяхъ бумаги могутъ быть выкупаемы конторою и перезакладываемы у нея съ увеличеніемъ ссуды.

Заемщики изъ провинціи могутъ высылать бумаги по почтѣ на имя конторы, и контора немедленно высылаетъ деньги и залоговое обязательство по указанному адресу.

Контора принимаетъ денежные вклады и платитъ за деньги, внесенныя:

на текущій счетъ 6%
на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ 7%
на срокъ не менѣе 6-ти и до 12-ти мѣсяцевъ. 8%

Расчетъ процентовъ по текущему счету производится 4 раза въ годъ, а именно: 1-го Января, 1-го Апрѣля, 1-го Іюля и 1-го Октября; за вклады же на срокъ проценты уплачиваются впередъ.

Капиталъ, отданный конторѣ на извѣстный срокъ, можетъ быть, по желанію вкладчика, возвращенъ и до истеченія срока черезъ 8 дней по заявленіи за вычетомъ процентовъ въ размѣрѣ 3-хъ годовыхъ выше платимыхъ конторою процентовъ при вкладѣ.

Для членовъ, имѣющихъ деньги въ конторѣ на текущемъ счету, послѣдняя исполняетъ всѣ биржевыя операціи, не взимая за то коммисіи.

Вкладчики изъ провинціи, желающіе внести деньги на текущій счетъ, могутъ присылать по почтѣ и имъ высылается тотчасъ надлежащее свидѣтельство.

Контора страхуетъ отъ тиражей погашенія билеты обоихъ внутреннихъ 5% съ выигрышами займовъ по 40 копѣекъ за билетъ, для иногородныхъ по 50 коп.

Отъ частныхъ банковъ и банкирскихъ конторъ въ провинціи, контора, по прежнему, принимаетъ перестраховку принятыхъ ими на страховку билетовъ. Объ условіяхъ обратиться къ конторѣ.

Продаетъ билеты 5% съ выигрышами обоихъ займовъ съ разсрочкою платежа по 10 рублей и болѣе въ мѣсяцъ,

причемъ могущій упасть, со времени полученія конторою задатка, на купленный билетъ выигрышъ принадлежитъ покупателю.

Порученія изъ провинціи исполняются безотлагательно.

Лица, желающія состоять агентами конторы въ провинціи, могутъ заявить о томъ конторѣ съ указаніемъ, гдѣ можно справиться объ ихъ благонадежности. 5—5

Книга о Кіевскихъ богатыряхъ.

Сводъ 24-хъ избранныхъ былинъ древне-кіевскаго эпоса. Составилъ **В. П. Авенаріусъ.** Съ портретомъ пѣвца былинъ Рябинина, работы **Л. А. Сѣрякова,** и 12-ю картинками, гравированными на дер. въ Лейпцигѣ, по рисункамъ **А. В. Прохорова.** Изящное изданіе, на плотной, гласированной веленевой бумагѣ.

Книга рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Нар. Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и для наградъ учащимся, а учебнымъ Комитетомъ IV Отдѣленія Собств. Его Имп. Величества Канцеляріи—какъ весьма полезное учебное пособіе для старшихъ классовъ женскихъ институтовъ и гимназій.

Цѣна: въ красивой бумажкѣ **2 р. 30 к.,** въ такой же папкѣ **2 р. 50 к.,** въ цвѣтномъ коленкоровомъ переплетѣ **3 р.** Выписывающіе у составителя книги (3-я рота Измайлов. полка, д. № 8 кв. № 28) **ничего не платятъ за пересылку,** которая притомъ производится **немедленно, съ первою почтою.**

СИБИРСКІЯ ПРОТИВЪ ЗУБНОЙ БОЛИ КАПЛИ, Л. ГИРШГОРНА.

Во всѣхъ извѣстныхъ аптекахъ въ Петербургѣ; также у Рульковіуса и Гольма, въ Казанской, на углу Демидова пер. и въ Русскомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами у Полицейскаго моста, въ домѣ Башмакова. Цѣна 75 коп. 6—6

СѢМЕНА.

Огородныя, цвѣточныя, хлѣбныя, травяныя и проч. а также садовые инструменты предлагаетъ гг. любителямъ садоводства и сельскимъ хозяевамъ

ВНОВЬ ОТКРЫТАЯ СѢМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ

А. Ушакова

въ С.-Петербургѣ, Большая Конюшенная д. 1 гдѣ Зимній садъ его же.

Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно. 6—5

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 14 февраля 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш. Морская [illegible] Англ. пр. № 10.

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 9 — 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 1 Марта 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

С.-Петербургскій Градоначальникъ, Генералъ-Адъютантъ Өедоръ Өедоровичъ Треповъ.

Ө. Ө. Треповъ родился въ памятномъ для Россіи 1812 году. Воспитываясь въ инженерномъ училищѣ, онъ по болѣзни вышелъ оттуда, и въ 1828 году опредѣлился на службу по гражданскому вѣдомству въ департаментъ государственныхъ имуществъ. Въ 1830 году онъ оставилъ гражданскую службу и перешелъ въ военную, а именно въ Кирасирскій Ея Высочества Великой Княгини Елены Павловны полкъ. Тотчасъ послѣ своего зачисленія онъ участвовалъ съ полкомъ въ битвахъ противъ польскихъ мятежниковъ при Гроховѣ, гдѣ отличился, и вслѣдъ за тѣмъ при Нурѣ. За спасеніе въ этой послѣдней битвѣ своего полковаго командира, Ө. Ө. Треповъ былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ и произведенъ въ офицеры.

Въ 1854 году въ чинѣ полковника Ө. Ө. Треповъ былъ назначенъ командиромъ жандармскаго полка въ Кіевѣ и состоялъ въ этой должности до конца 1860 года, когда, будучи неожиданно вызванъ въ Варшаву бывшимъ намѣстникомъ Царства Польскаго, княземъ Горчаковымъ, онъ былъ назначенъ варшавскимъ

С.-Петербургскій Градоначальникъ, Генералъ-Адъютантъ Өедоръ Өедоровичъ Треповъ. Рисов. Бокуръ, грав. Шапонъ.

оберъ-полиціймейстеромъ.

Извѣстно съ какими трудностями сопряжена эта должность, какой энергіи, какого неусыпнаго труда она требовала въ то время, когда въ краѣ росла и зрѣла крамола, разразившаяся два года спустя, открытымъ мятежемъ. Но дѣятельность Өедора Өедоровича въ качествѣ варшавскаго оберъ-полиціймейстера была очень непродолжительна; уже въ началѣ 1861 года онъ подалъ просьбу объ увольненіи его отъ этой должности и уѣхалъ въ Петербургъ. Причиной этого было происшествіе, случившееся съ нимъ 15 февраля 1861 года, когда во время одной изъ мятежныхъ манифестацій онъ былъ сильно раненъ камнемъ въ голову.

По пріѣздѣ въ Петербургъ Ө. Ө. Треповъ имѣлъ счастье представиться Государю Императору и былъ произведенъ Его Величествомъ въ генералъ-маіоры съ увольненіемъ въ отпускъ заграницу на одинъ годъ. Призванный по возвращеніи изъ отпуска начальствовать III Округомъ корпуса Жандармовъ, обнимавшимъ царство Польское, Өедоръ Өедоровичъ снова

прибылъ въ Варшаву, гдѣ вскорѣ потерялъ свою супругу и затѣмъ подвергся нападенію кинжальщиковъ, ранившихъ его топоромъ въ голову. Въ концѣ 1863 году кругъ его дѣятельности расширился вслѣдствіе назначенія генералъ-полиціймейстеромъ и, вскорѣ затѣмъ членомъ совѣта управленія и учредительнаго по крестьянскимъ дѣламъ комитета въ Царствѣ Польскомъ.

Устройство полиціи не только въ Варшавѣ, но въ цѣломъ Царствѣ на совершенно новыхъ началахъ, устройство, какъ извѣстно, блистательно оправдавшееся; раскрытіе и неутомимое преслѣдованіе подпольныхъ дѣйствій мятежнаго жонда; возстановленіе безопасности спокойныхъ гражданъ избавленіемъ ихъ отъ террора тайной революціонной организаціи; неуклонная строгость въ преслѣдованіи преступленій, въ предѣлахъ возможности всегда однако сопряженная съ гуманностію; постоянное и равное относительно всѣхъ обращавшихся къ нему вниманіе къ нуждамъ частныхъ лицъ; доступность во всякое время; наконецъ неусыпное наблюденіе затѣмъ, чтобы всѣ чины полиціи въ Царствѣ оказывали полнѣйшее содѣйствіе успѣшному введенію коренныхъ административныхъ преобразованій, коими совершено окончательное слитіе Царства съ прочими частями Имперіи,—вотъ, въ немногихъ словахъ, главныя черты той замѣчательной дѣятельности, которою Ѳедоръ Ѳедоровичъ Треповъ оказалъ столь большія заслуги въ дѣлѣ умиротворенія возставшаго края, и обратилъ на себя вниманіе всей Россіи, какъ организаторъ и администраторъ. По этому въ Петербургѣ ему предшествовала громкая слава, когда, въ апрѣлѣ 1866 года, онъ былъ призванъ къ занятію должности с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера. Жители столицы полагали на него блестящія надежды, и можно сказать, что въ самомъ непродолжительномъ времени эти ожиданія вполнѣ оправдались.

Замѣтимъ, что въ августѣ того же 1866 года Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ слѣдующемъ году назначенъ генералъ-адъютантомъ.

Какъ с.-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, не касаясь еще коренной реформы, Ѳ. Ѳ. Треповъ съумѣлъ сгладить, такъ сказать смягчить и облагородить какъ наружный, такъ и внутренній видъ столичной полиціи, пріобрѣтя тѣмъ уваженіе къ ней самой публики и поднявъ ее въ глазахъ народонаселенія. Введеніе новаго положенія о чинахъ полиціи, утвержденнаго въ началѣ 1867 года, еще болѣе упрочило то положеніе этого учрежденія, которое создала энергія Ѳ. Ѳ. Трепова, а увеличенное матеріальное обезпеченіе дало возможность улучшить и личный составъ полиціи. Кромѣ того съ перваго же дня своего управленія столичною полиціей, *въ качествѣ оберъ-полиціймейстера*, а затѣмъ въ званіи градоначальника, Ѳ. Ѳ. Треповъ лично заслужилъ любовь и уваженіе всего народонаселенія.

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ и слѣдующія главы будутъ переводиться съ рукописи и появляться одновременно съ оригиналомъ.

(Продолженіе).

Флора опять отвернулась отъ него, пожавъ плечами. Кэта могла видѣть теперь ея лицо, и ей показалось, что прекрасная невѣста беззвучно топнула ногой. Закинувъ голову и поднявъ глаза, Флора смотрѣла въ потолокъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣла воскликнуть: „О, Господи! Неужели къ нему никакъ нельзя придраться“?...

Въ эту минуту президентша такъ рванула сонетку, что продолжительный и рѣзкій звонъ колокольчика въ концѣ корридора долетѣлъ до зимняго сада. Пожилая дама глядѣла строго... Она очевидно, была оскорблена: въ ея присутствіи они не должны были затѣвать подобныхъ бестактныхъ объясненій.

— Ты, Кэта, должна составить невыгодное мнѣніе о гостепріимствѣ и хорошемъ тонѣ въ домѣ зятя, обратилась президентша къ молодой дѣвушкѣ: — съ тебя, даже не сняли дорожной кофточки, не предложили тебѣ стула... Вмѣсто всего этого, ты, волей-неволей, принуждена выслушивать какія-то неинтересныя объясненія, стоя на холодномъ каменномъ полу, а вотъ тамъ разосланы толстые ковры...

Она указала на два угла мавританской комнаты, гдѣ группировалась мягкая мебель на дорогихъ, пушистыхъ турецкихъ коврахъ, а затѣмъ приказала вошедшему лакею передать экономкѣ, чтобы та поторопилась приготовить надлежащее помѣщеніе для пріѣзжей. Распоряженіе это, данное во время, избавило присутствующихъ отъ тяжелаго напряженнаго состоянія, которое овладѣло ими во время тѣхъ „бестактныхъ объясненій“ между Флорой и Брукомъ.

Коммерціи совѣтникъ поторопился снять кофточку съ Кэты, а Генріэтта вышла изъ зимняго сада, чтобы унести къ себѣ своего голубя. На впалыхъ щекахъ дѣвушки горѣлъ яркій лихорадочный румянецъ.

— Не останетесь-ли вы пить съ нами чай, г. докторъ? обратилась президентша къ Бруку, когда тотъ, прощаясь, поклонился ей.

Брукъ извинился, сказавъ, что остаться не можетъ, такъ какъ ему нужно сдѣлать еще нѣсколько визитовъ къ больнымъ... Это вызвало на губахъ Флоры саркастическую улыбку, но онъ, кажется, не замѣтилъ этого и подалъ ей руку, а затѣмъ — и коммерціи совѣтнику, передъ Кэтой-же докторъ склонился какъ-то рыцарски-вѣжливо, почтительно, какъ будто не считалъ ее своей новой, молодой своячиницей. До сихъ поръ Кэта была для него чужою и осталась пока такою, и, какъ кажется, такое отношеніе Брука къ ней присутствующіе нашли въ порядкѣ вещей. Вмѣстѣ съ докторомъ изъ комнаты вышла и Генріэтта.

— Послушай, Флора, на будущее время я запрещаю затѣвать въ моемъ присутствіи непріятныя сцены, подобныя той, свидѣтелями которой мы были по-неволѣ, проговорила президентша такимъ рѣзкимъ голосомъ предварительно заперевъ дверь за вышедшими. — Ты предоставила себѣ полную свободу достигнувъ желанной цѣли, избрать путь по своему вкусу, поступая такъ, какъ тебѣ нравится... Хорошо!... До сихъ поръ, съ моей стороны, ты не встрѣчала ни малѣйшаго препятствія, но—я энергически протестую и буду протестовать, коль скоро у тебя явится желаніе рѣшать это непріятное дѣло на *моихъ* глазахъ. Я уже сказала и говорю: серьезно воспрещаю это! Слѣдуетъ-ли мнѣ повторять тебѣ.

— Милая бабушка, перебила ее молодая дѣвушка съ насмѣшкой и презрѣньемъ въ голосѣ: — нѣтъ, не повторяй!... Вѣдь я знаю, что ты желаешь сказать тольк „Въ этомъ домѣ можетъ совершится убійство, можетъ все сгорѣть—ничего! это для меня все равно, лишь-бы я, госпожа президентша Урахъ, вышла потомъ изъ пепла такой-же блестящей, невредимой, какъ фениксъ изъ огня и дыма“... Извините-же, бабушка! Даю слово: никогда, во вѣки вѣковъ, не повторю я больше такой сцены. Что́-жъ, вилла вѣдь достаточно просторна—значитъ, можно и не на твоихъ глазахъ выйти на поединокъ, найдя удобное мѣстечко. Ахъ, если-бы только такъ страшно не затрудняли меня относительно этого!... Боюсь, что въ одинъ прекрасный день у меня все-таки лопнетъ терпѣніе...

— Флора! воскликнулъ коммерціи совѣтникъ, какъ-бы прося и предостерегая ее.

— Хорошо-съ, господинъ фонъ-Рэмеръ! Ну, конечно, вѣдь теперь я должна принять еще въ соображеніе твой новый титулъ!... О, Боже мой, какое бремя на моихъ бѣдныхъ плечахъ!... И за что я терплю такое

наказаніе, что сердца, какъ цвѣты репейника, цѣпко пристаютъ ко мнѣ?...

Она взяла шляпку, приподняла бархатный шлейфъ и направилась къ дверямъ, но, проходя мимо Кэты, остановилась.

— Видишь-ли, сокровище ты мое, каково приходится бѣдной женщинѣ (Флора приподняла пальчикомъ подбородокъ младшей сестры), каково ей, если она хоть на минуту захочетъ посентиментальничать и вообразить, что сердце ея любитъ!... Тутъ какъ разъ очутится она въ капканѣ, и горько будетъ ей сознаться, что заѣзженное, добренькое нравоученьице—*не спросясь броду, не суйся въ воду*—дѣйствительно заключаетъ въ себѣ отвратительную вѣчно-юную истину... Вспоминай сестру свою и поберегись дитя!...

Проговоривъ эти слова, Флора удалилась, а Кэта, сдѣлавъ большіе глаза, глядѣла ей вслѣдъ... Какая странная моя красавица сестра—и на невѣсту-то совсѣмъ не похожа!...

VI.

Невдалекѣ отъ западной части парка виднѣлись остатки прежняго стараго барскаго дома Баумгартеновъ. Отъ рыцарскаго замка, когда-то хорошо укрѣпленнаго и окруженнаго рвомъ, осталась только одна башня довольно замѣчательныхъ размѣровъ; къ ней и теперь еще прилегала почернѣвшая часть стѣны боковаго флигеля. Самое зданіе было сломано шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Тогдашній владѣлецъ этого помѣстья проживалъ большею частью заграницей; онъ-то и распорядился перенести барскій домъ (и изъ стараго матеріала соорудить зданіе въ новѣйшемъ вкусѣ, „виллу Баумгартенъ“) на противоположный конецъ имѣнья, къ мѣсту прогулки, собственно для того, чтобы во время своихъ пріѣздовъ и непродолжительнаго пребыванія на родинѣ быть „въ обществѣ людей“. Великолѣпно-обтесанныя гранитныя глыбы древняго замка пошли на постройку виллы. Что касается башни съ остатками развалинъ, то она была оставлена въ цѣлости, для украшенія парка, такъ какъ стояла на холмообразной насыпи, густо заросшей разною зеленью. У подошвы башни жался одичавшій кустарникъ, и тутъ-же на обломкахъ стѣны, съ сохранившеюся громадною оконною аркой, нашли себѣ пріютъ кусты кружевника и шиповника; дикій хмѣль выползалъ изъ-за этихъ кустовъ и щедро украшалъ зелеными завитушками почернѣвшую каменную стѣну.

Эти развалины, окруженныя рвомъ, наполненнымъ водою, дѣйствительно служили украшеніемъ парка, но, послѣ смерти того владѣльца, помѣстье перешло въ руки представителей новаго поколѣнія, людей практическихъ, смотрящихъ на все съ точки зрѣнія полезности. Эти господа велѣли выпустить воду изъ рва, а такъ какъ дно его представляло отличную глинистую почву, то тутъ и насадили всякихъ овощей. „Замковой“ мельникъ говорилъ, что при покупкѣ парка онъ нашелъ въ немъ единственно-благоразумную вещь — именно огородъ этотъ, которымъ, конечно, и сталъ пользоваться. Кэта, когда была ребенкомъ, весьма охотно прогуливалась по этой *маленькой долинѣ*, какъ называла она кольцеобразный ровъ, обращенный въ огородъ. Само собою разумѣется, дѣвочкѣ и въ голову тогда не приходило, глядя на развалины древняго замка, что онѣ бьютъ на романтическій эффектъ, окружая прежній замокъ классическимъ сіяніемъ. Кэта цѣлыми часами бродила вмѣстѣ съ Сузой среди этого лѣса тычинокъ, рвала тутъ бобы молодой горошекъ и вовсе не думала о томъ, даже не подозрѣвала, что въ случаѣ внезапнаго разрыва плотины—волны рѣки могутъ хлынуть сюда и утопить ее, Сузу и всю огородную прелесть.

Сегодня (а это былъ пятый день пребыванія Кэты на виллѣ) она въ первый разъ снова очутилась въ этой отдаленной части парка и стояла теперь тутъ не шевелясь, какъ будто ее что-то ослѣпило. Тоненькія завитушки хмѣля, еще безъ листочковъ, покрывали словно висящею блѣдно-зеленою сѣткой каменную стѣну; въ массѣ жесткаго, взъерошеннаго дерна на холмѣ не зеленѣло еще ни одного стебелька, но яркое апрѣльское солнце уже щедро сыпало лучи свои на эту возвышенность увѣнчанную руиной. которая живописно обрисовывалась на темномъ фонѣ еловаго лѣса, тянувшагося вдоль длиннаго кряжа высокихъ горъ, стоявшихъ на заднемъ планѣ картины.

На стѣнѣ башни и на обломкахъ, прилегавшихъ къ ней, не было и слѣда свѣжей извести, и ничто, кажется не обнаруживало здѣсь прикосновенія всеобновляющей руки человѣка: ни одного новаго камня, да и старые то всѣ были налицо, только огромныя оконныя ниши руины (нѣкогда онѣ прикрывались полусгнившими деревянными ставнями) стояли теперь отверзтыми и зіяли, какъ черныя пасти... Тамъ, за этими каменными рамами, что-то блестѣло и сверкало такъ странно, какъ будто солнечный лучъ, пойманный и удержанный внутри башни, таинственно трудился, среди непроглядной тьмы, надъ своей золотой пряжей... А какой новой, полной, прелестной жизнью дышало вокругъ развалившагося родоваго гнѣзда Баумгартеновъ!.. Надъ вѣнчикомъ башни кружились, граціозно рѣя въ воздухѣ, бѣлые и пестренькіе голубки, а изъ самой чащи столѣтнихъ орѣшниковъ, цѣлыми группами прикрывавшихъ руину съ южной стороны, тихонько вышли двѣ серны и медленно стали спускаться съ холма. „Маленькая долина“ совсѣмъ исчезла—и широкій сверкающій водяной поясъ снова, какъ и въ былыя времена, охватывалъ холмъ. Все что зеленѣло, цвѣло и лѣзло вверхъ изъ рва—безслѣдно пропало, какъ будто вѣчно-суетливая, животворящая рука человѣка никогдя и не трогала глинистаго дна кольцеобразной канавы.

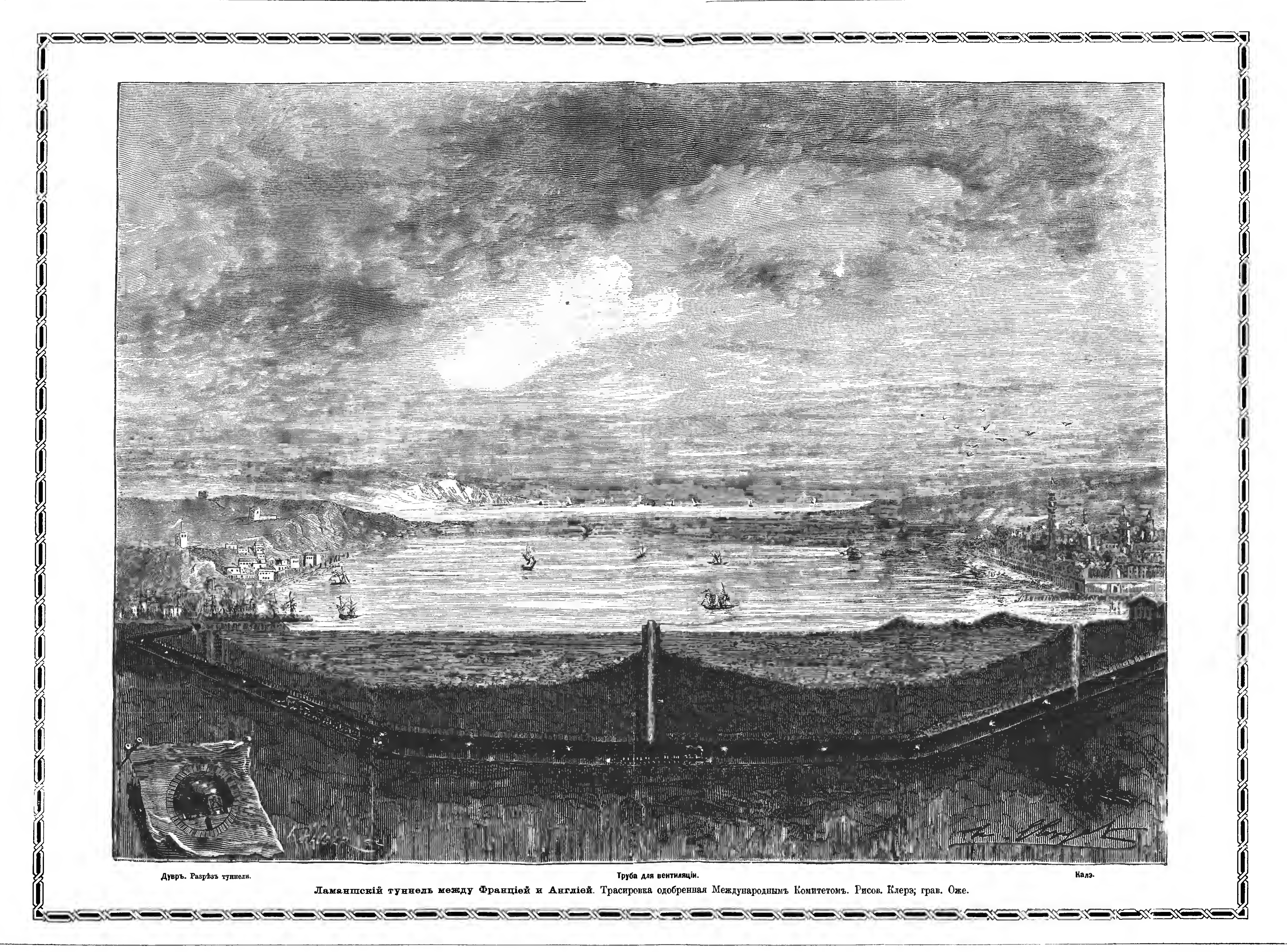
Чрезъ ровъ, наполненный водою, былъ переброшенъ цѣпной мостикъ; у противоположнаго конца его, заграждая узкій проходъ, лежалъ огромный бульдогъ. Положивъ голову на переднія лапы, онъ зорко посматривалъ на проходящихъ по той сторонѣ моста.

— Вотъ, Кэта, и „тускулумъ“ Морица,—проговорила Генріэтта, опраешаяся на руку молодой дѣвушки.—Еще четыре мѣсяца тому назадъ оно безспорно служило мѣстопребываніемъ совъ, летучихъ мышей и моихъ голубковъ, а теперь—тамъ гостиная, спальня и даже—казначейство господина коммерціи совѣтника фонъ-Рэмера... Посмотри-ка, вѣдь эта штучка, право, кажется такою ветхою, почернѣвшею, что можно подумать: вотъ стоитъ первой бурѣ ударить въ нее—и вся эта каменная глыба повалится, разлетится... Но нѣтъ, все тутъ твердо, крѣпко, и даже тамъ, подъ нависшими камнями, отведено помѣщеніе для лакея, прислуживающаго Морицу... Н-да, завидно живетъ этотъ человѣкъ!...

— У всякаго свой вкусъ,—сухо замѣтила Флора, пожавъ плечами (она была тутъ-же, съ ними)—впрочемъ, для коммерческой головы торгаша идея эта замѣчательно-оригинальна; не такъ-ли, Кэта?...

И Флора, опередивъ сестеръ, взошла на мостикъ. Толчокъ, данный прелестною ножкой въ морду бульдога заставилъ его подняться и уступить дорогу. Дѣвушка направила шаги вверхъ по отлогости холма. Пугливыя серны убѣжали, завидя фигуру въ шелковомъ шумящемъ платьѣ; голуби трусливо вспорхнули съ карниза нижнихъ оконъ, а бульдогъ, ворча, послѣдовалъ за величественной дамой, давъ ей пройти нѣсколько шаговъ.

Дойдя до обитой желѣзомъ башенной двери, Флора положила тонкія ручки свои на дверной замокъ, остановилась и обернулась назадъ своею головкой. При взглядѣ на ея блестящіе, белокурые волосы, на свѣтло-сѣрое съ серебристымъ отливомъ шелковое

Дувръ. Разрѣзъ туннели. Труба для вентиляціи. Калэ.

Ламаншскій туннель между Франціей и Англіей. Трасировка одобренная Международнымъ Комитетомъ. Рисов. Клерэ; грав. Оже.

платье съ пышными рукавами, на приподнятый съ боку шлейфъ — казалось, что тамъ, у дверей башни, стоитъ воплотившійся сказочный образъ изъ Кифгейзера—прекрасная дочь императора...

Кэта, отведя глаза отъ Флоры, невольно взглянула на Генріэтту, прижимавшуюся къ ней—и сердце ея сжалось... Слабенькая фигурка этой дѣвушки, въ яркоцвѣтномъ, узкомъ, гладкомъ платьѣ (что обнаруживало угловатость линій), буквально еле-еле держалась на чрезмѣрно-высокихъ каблукахъ. Она дышала быстро порывисто... Пестрота костюма, особенная кокетливость Генріэтты, дѣлали ее почти смѣшною. Послѣдніе два дня она страдала отъ часто повторявшихся припадковъ удушья и все-таки *не хотѣла быть больной*: свѣтъ не долженъ знать, что она больна. Сострадательные взгляды, слова соболѣзнованія, участья могли сильно рассердить Генріэтту, а тогда она становилась колкой на языкъ. Однако-же, дѣвушка именно въ эти дни страдала сильнѣе, чѣмъ бывало прежде, потому что д-ръ Брукъ, лѣчившій ее и умѣвшій всегда облегчать ея страданія, уѣхалъ чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ оставилъ виллу, въ день пріѣзда Кэты. Коротенькой записочкой онъ увѣдомилъ невѣсту свою, что одинъ изъ его друзей телеграммой вызвалъ его въ Л.*, гдѣ ему и придется пробыть нѣсколько дней. Что же касается медицинской помощи со стороны тайнаго совѣтника ф. Бэра, то она была энергически отвергнута больной... „Лучше—умру!“ прошептала она, борясь съ припадкомъ удушья. Кэта почти одна ухаживала за сестрою и вообще старалась оберегать ее обнаруживая при этомъ нѣжную заботливость. Обвивъ рукою тощенькій станъ Генріэтты, молодая дѣвушка повела ее чрезъ мостикъ къ руинѣ.

Кэта вспомнила, какъ часто, когда была еще дѣвочкой, взбѣгала она на этотъ холмъ и храбро продиралась сквозь низенькій, тернистый кустарникъ! Часто также смотрѣла она въ широкую замочную скважину башенной двери... Въ погребахъ башни, навѣрно хранился еще порохъ съ эпохи тридцатилѣтней войны, а кругомъ по стѣнамъ были развѣшаны "все этакія страшныя штуки", какъ разсказывала прислуга, Но тамъ, внутри, была всегда кромѣшная тьма, а изъ скважины замка вѣяло на любопытное дѣтское личико какимъ-то особенно тяжелымъ, удушливымъ воздухомъ... А если въ такую минуту, бывало, шевельнется сова наверху, тогда дѣвочка, какъ бы гонимая фуріями, опрометью бросалась съ холма, подбѣгала къ Сузѣ и, дрожа отъ страха, хваталась руками за ея передникъ... Теперь Кэта стояла въ самой башнѣ, у нижней ступеньки устланной ковромъ узкой винтовой лѣстницы и удивленно осматривала разныя чудеса, явившіяся тутъ, благодаря всесозидающей силѣ денегъ богатаго коммерсанта.

Развалина эта, снаружи, повидимому, доживающая послѣдніе дни, внутри представляла настоящее рыцарское жилище. Темное пространство, видимое чрезъ замочную скважину, на самомъ дѣлѣ составляло обширный подвалъ со сводами, въ видѣ массивныхъ каменныхъ арокъ, на которыхъ и лежала вся масса верхнихъ этажей. По стѣнамъ висѣли еще „страшныя штуки“—шлемы и разное оружіе, но доспѣхи эти были развѣшаны довольно живописно; блестящая поверхность отражала ослѣпительные солнечные лучи, свободно проникавшіе чрезъ окна въ эту комнату. Вотъ для этого-то освѣщенія и чтобы башня сохранила снаружи видъ руины въ широкія оконныя амбразуры были вставлены цѣльныя зеркальныя стекла, безъ переплетовъ, — причина чудеснаго блеска и сверканія за этими зіяющими отверстіями. Сама башня, въ былыя времена, въ минуты опасности, служила надежнымъ убѣжищемъ для обитателей замка. Верхніе покои, конечно, не отличались тогда особымъ убранствомъ; тамъ находились только предметы первой необходимости, и вообще обстановка была крайне незатѣйлива; за то теперь эти самыя комнаты относительно роскоши могли смѣло поспорить съ давно исчезнувшими съ лица земли парадными покоями бывшаго тутъ замка, въ которыхъ задавались шумные пиры.

Когда молодая дѣвушка вошла съ Генріэттой въ первую комнату верхняго этажа, сестра ихъ уже сидѣла тамъ, граціозно развалившись на пурпурныхъ подушкахъ кушетки. Въ правой рукѣ ея дымилась папироса... Флора курила и смотрѣла, какъ коммерціи совѣтникъ самъ варилъ въ серебряной машинкѣ „послѣобѣденный кофе“. На этотъ кофе онъ пригласилъ сегодня къ себѣ трехъ своихъ свояченицъ.

— Ну, что, Кэта, а?—крикнулъ онъ молодой дѣвушкѣ и плавно провелъ рукою по воздуху, указывая на совершенно новую обстановку комнаты.

А она стояла на порогѣ дверей, такая высокая, величавая, такая сильная, какъ будто и сама была изъ древняго богатырскаго рода Баумгартеновъ. На золотисто-каштановыхъ волосахъ ея небрежно лежала черная вуаль; глаза, ясные, смѣющіеся, такъ весело посматривали...

— О, чрезвычайно романтично, Морицъ! Обманъ полный!—живо отвѣтила Кэта. Вонъ тамъ — видишь?.. (Она указала на сверкающія струи канавы). Это могло бы кого-нибудь испугать своимъ грознымъ видомъ, точно линія оборонительная, если бы не было извѣстно, что за этимъ рвомъ, здѣсь, — сидитъ коммерціи совѣтникъ девятнадцатаго столѣтія!

Коммерціи совѣтникъ мрачно нахмурилъ свои тонкія брови, взглядъ его какъ-то нерѣшительно-робко скользнулъ по ея лицу, но Кэта не замѣтила этого и продолжала:

— Ну, конечно, нехорошо, непохвально, что въ былыя времена капуста и рѣпа дерзали красоваться на днѣ рва!.. Теперь я это понимаю; но тѣмъ не менѣе „маленькая долина“ оставила во мнѣ пріятныя воспоминанія. А въ самомъ дѣлѣ, вѣдь преинтересная, удивительная игры судьбы: коммерсантъ устраиваетъ, возобновляетъ то, на что представители древней, рыцарской фамиліи смотрѣли съ пренебреженіемъ и, въ концѣ концовъ, устранили, какъ ненужное?.-

— Не забывай, моя милая Кэта, что я самъ принадлежу теперь къ рыцарству... къ дворянству!—раздражительно и весьма обиженнымъ тономъ замѣтилъ коммерціи совѣтникъ. Что-же, довольно печально, что представители древней рыцарской фамиліи подчинились духу времени и такъ небрежно отнеслись къ почтенной старинѣ... Нѣтъ, они должны были всему, безъ исключенія, оказывать серьезную поддержку. Поступокъ ихъ —непростительная кража относительно насъ, то есть, вообще, потомства.

— Смѣшной! Да онъ, какъ говорится, болѣе католикъ, чѣмъ самъ папа! — раздражительно пробормотала Генріэтта, удалившись въ глубь комнаты, тогда какъ Кэта все еще оставалась у дверей. Она машинально притворила ихъ, продолжая смотрѣть, почти съ испугомъ и какъ-то задумчиво, на очевидно раздраженнаго человѣка, стоявшаго у буфета, надъ серебряной машинкой. Будучи ребенкомъ, Кэта любила его, какъ и вообще всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ сношенія.

Родившись въ честной семьѣ ремесленниковъ и рано потерявъ своихъ родителей, Морицъ Рэмеръ, облкдавшій обаятельно-прекрасной наружностью, ласковый, предупредительный, поступилъ ученикомъ въ контору банкира Мангольда, а по прошествіи нѣкотораго времени сдѣлался зятемъ его. Кэта знала, что онъ сестру ея Клотильду любилъ и лелѣялъ до самаго конца ея рано угаснувшей жизни; къ отцу жены онъ относился всегда почтительно, проявляя даже покорность; съ прислугой былъ постоянно одинаково ласковъ, оказывалъ ей по-

сильную помощь... А теперь? Около этихъ красивоочерченныхъ губъ видна такая рѣзкая черточка, обнаруживающая духъ противнаго высокомѣрія!.. Сынъ веревочника презрительно отбрасывалъ ту лѣстницу, по которой самъ взобрался наверхъ... Упиваясь своимъ счастьемъ, онъ дотого забылся, что ничего уже не видѣлъ позади себя.

Генріэтта, помѣстившись на низенькомъ, мягкомъ табуретѣ, обняла обѣими руками свои колѣни.

— Любезнѣйшій Морицъ, прошу тебя — не говори такимъ задорно-вызывающимъ тономъ! заговорила она ѣдко. Ну, вдругъ какая-нибудь древняя родоначальница возстанетъ отъ сна и увидитъ, какъ мужественный потомокъ ея и владѣтель замка варитъ кофе, а цѣломудренная и высокородная фрейлейнъ прекомфортабельно развалилась на кушеткѣ и куритъ папиросу?.. То-то бы удивилась эта родоначальница!..

Флора даже не пошевельнулась, не измѣнила положенія и только лѣниво вынула папиросу изъ насмѣшливо-улыбающихся губъ.

— Тебя, милочка, это стѣсняетъ?—спросила она притворно - равнодушнымъ тономъ, сбрасывая пальцемъ пепелъ съ папироски.

— Меня?.. (Генріэтта рѣзко засмѣялась). Но вѣдь ты знаешь, что твои геніальныя затѣи не могутъ меня стѣснять... Міръ великъ, Флора! Всегда можно избѣжать и...

— Тсс! Не такъ ядовито, малютка! Я спросила просто изъ состраданія, такъ какъ у тебя болитъ грудь...

Исхудалыя щеки больной вспыхнули и сейчасъ же опять поблѣднѣли, а на глазахъ ея навернулись слезы... Она съ трудомъ овладѣла собой.

— Весьма благодарна, но... прежде позаботься о себѣ, Флора! Знаю вѣдь, что тебѣ хочется швырнуть за окно эту дымящуюся штучку, потому что отъ нея копоть садится на твои жемчужные зубы, потому что дрожь безпрестанно пробѣгаетъ по твоему тѣлу... И, не смотря на все это, ты проявляешь такой героическій стоицизмъ!.. Неужели ради эмансипаціи?.. Хе! Ты обладаешь слишкомъ хорошимъ вкусомъ, Флора, чтобы обращаться къ подобнымъ вульгарнымъ принадлежностямъ „синихъ чулковъ“... И развѣ ты пожертвуешь чѣмъ нибудь-этой склонности, которая, что тамъ ни говори, бьетъ только на публичность, шумъ... Ну, а это выходитъ еще безобразнѣе!..

— Вотъ-съ какого высокаго мнѣнія обо мнѣ она, эта добренькая душа!—обратилась Флора къ коммерціи совѣтнику, иронически посмѣиваясь и покачивая головой.

— Ты упражняешься въ куреніи и будешь аккуратно дѣлать это въ теченіе трехъ - четырехъ недѣль,—продолжала Генріэта безъ малѣйшаго смущенія, но съ явнымъ ожесточеніемъ:—да, и это только потому, что *есть* люди, которымъ табачный дымъ во рту женщины также ненавистенъ, ужасенъ, какъ дыханіе чумы. Ты ищешь ссоры, хочешь непремѣнно раздражить... И вотъ это—послѣднее средство, которое ты пускаешь въ ходъ!..

Тутъ Флора выпрямилась.

— Ну, а если бы и такъ-съ, сударыня?—спросила она съ горделивой и внушительной осанкой. Желаю я нравиться, или желаю оттолкнуть отъ себя—развѣ это не *мое* дѣло?

— Нѣтъ! конечно—нѣтъ! При твоемъ положеніи у тебя одна только задача—осчастливить! крикнула Генріэтта въ запальчивости.

— Смѣшно даже! Да я развѣ ношу вотъ тутъ обручальное кольцо? (Флора указала на бѣлый, какъ слоновая кость, палецъ правой руки). Слава Богу, еще нѣтъ!.. Впрочемъ, ты менѣе всѣхъ другихъ имѣешь основанія горячиться и вмѣшиваться: больна ты, бѣдняжка, и особенно теперь нуждаешься въ своемъ докторѣ... А онъ предпочитаетъ путешествовать единственно ради собственнаго удовольствія, пропадать по цѣлымъ недѣлямъ... безъ всякихъ причинъ!

Коммерціи совѣтникъ, видя какъ сестры ожесточились, не вытерпѣлъ и, раздосадованный, воскликнулъ:

— Какъ? Безъ всякихъ причинъ, Флора? Ты такъ потому говоришь, что онъ подробно не сообщилъ тебѣ, что именно вызвало его отъѣздъ!.. Но вѣдь Брукъ никогда не говоритъ о своихъ врачебныхъ дѣлахъ и о томъ, что состоитъ въ случайной связи съ ними. Это ты знаешь. Его, безъ сомнѣнія, пригласили на консультацію, онъ у постели больнаго...

— Тамъ-то? Въ Л*, гдѣ подъ рукой университетскія знаменитости—профессора? Ха, ха, ха!.. Великолѣпная идея! Воздержись отъ подобныхъ иллюзій: вѣдь это дѣлаеоъ тебя смѣшнымъ, Морицъ!.. А впрочемъ, относительно *этого* пункта я рѣшительно не буду больше спорить съ вами и разговаривать...

Флора протянула правую руку за чашкой кофе и выпила немного этой чудной, ароматной жидкости. Что касается Генріэтты, то она сердито оттолкнула предложенную ей чашку съ освѣжительнымъ напиткомъ, встала и подошла къ стеклянной двери, которая выходила на прилегавшую къ башнѣ руину. Руина эта была остаткомъ отъ колоннады, которая вела когда-то изъ перваго этажа замка въ башню. Пара уцѣлѣвшихъ красивоокругленныхъ арокъ; съ тонкими колонками, представляли теперь нѣчто вродѣ балкончика, стоя на которомъ и глядя вдаль, нельзя было не залюбоваться великолѣпнымъ видомъ.

Медленно сошла она внизъ по винтовой лѣстницѣ, столь узкой вверху, что только развѣ тѣнь странствующей прародительницы могла проскользнуть мимо спускающагося...

Внизу, на стѣнахъ, висѣло вооруженіе ея рыцарскаго рода; оружіе, съ которымъ древніе богатыри сражались за честь и позоръ, за имущество и жизнь. Каждую ночь касалась она его дрожащими руками и благословляла тѣмъ искреннѣе, чѣмъ болѣе на немъ виднѣлось ударовъ и пятенъ вражеской крови. Теперь оно блестѣло и покоилось праздно на стѣнахъ, оружіемъ же новаго поколѣнія въ старой башнѣ были современные несгараемые шкафы.

Да, тотъ странный, чуждый элементъ, чувствовавшійся въ виллѣ во всѣхъ семейныхъ разговорахъ, денежная лихорадка, духъ спекуляціи прокрался и сюда, въ это до сихъ поръ строго сохраненный рыцарскій міръ. Онъ носился въ воздухѣ; онъ крался вверхъ и внизъ по лѣстницамъ, и огромныя, вѣковыя чаши на столахъ залы казались ироніей въ мягкой рукѣ отрѣзывателя купоновъ, точно такъ же какъ массивные, вновь сдѣланные запоры и замки у двери въ погребъ охраняли только шампанское коммерціи совѣтника, тогда какъ вверху тысячи и тысячи лежали за изящнымъ, едва замѣтнымъ замкомъ. Историческій порохъ со временъ тридцатилѣтней войны лежалъ тоже еще внизу, терпимый коммерціи совѣтникомъ потому только, какъ злобно утверждала Генріэтта, чтобы имѣть возможность показать любопытнымъ посѣтителямъ, вмѣстѣ съ нимъ, драгоцѣнные сорты винъ, находящихся въ прохладномъ, сухомъ погребѣ башни... Все это дѣлало для Кэты почти неузнаваемою родную почву, на которой протекло ея дѣтство; эта выставка себя на показъ, этотъ разсчетъ произвесть эффектъ съ помощью дорогихъ нововведеній, это лихорадочное стремленіе доказать свѣту, что постаменъ, на который взобрались, сдѣланъ изъ золота—все это прямо противорѣчило старинному духу фамиліи

Мангольдъ; никогда прежде ея прочное благосостояніе не выказывалось „золотымъ дождемъ"; при жизни Мангольда деньги не господствовали въ семьѣ; какъ ни былъ онъ точенъ въ своей конторѣ, но никогда не вырвалось у него дома даже однаго слова о денежныхъ дѣлахъ. А теперь! спекулировала даже президентша; свое маленькое состояніе, изъ нѣсколькихъ тысячъ, пустила она въ оборотъ, т. е. купила акціи, и почти страшно было видѣть, какъ лицо столь холодной обыкновенно женщины становилось, при постоянно повторяющихся разговорахъ о деньгахъ, красно до ушей, отъ сильнаго внутренняго волненія...

Кэта оставила башню и перешла на мостъ. На одну минуту нагнулась она надъ перилами и пытливо посмотрѣла въ потокъ, какъ будто старые знакомые, плодовыя деревья и кусты съ ягодами, должны были находиться еще на своихъ мѣстахъ; но она увидала только свое лицо и свои пышныя темнорусыя косы— эта дѣвушка имѣла странное свойство быть золотой рыбкой семейства; ей говорили это ежедневно, какъ такую, ее уважали и отличали; старались объяснить ей, что она, по этой причинѣ, не могла сама чесать свои косы и что для этого необходима была каммеръ-юнгфера; но Кэта энергично возстала противъ этого у президентши; свою голову она не поручала искуснымъ рукамъ, такъ сидѣть по цѣлымъ часамъ неподвижно и торжественно, какъ статуя—съ этимъ она не могла свыкнуться во всюсвою жизнь... О да, очень хорошо быть богатой; но богатство не должно лишать свободы; оно не должно стараться связать руки дѣятельной энергической дѣвушкѣ.

Она покинула красивыя куртины передъ развалинами и шла по пустынной дорогѣ вдоль берега рѣки, отѣненнаго ивами. Мутныя волны, унося съ собой снѣгъ растаявшій въ горахъ, и послѣднее суровое дыханіе зимы, быстро неслись мимо ея; но на ивовыхъ вѣтвяхъ сидѣли птички, а подъ кустами васильки уже развернули во всей прелести свои небесно-голубые цвѣты и могли составить весенній букетъ...

Съ цвѣтами въ рукѣ, тихо пошла она далѣе, до стараго деревяннаго моста... Тамъ раскинулась зеленая площадка, отѣненная плодовыми деревьями. Коммерціи совѣтникъ былъ правъ. низкая, деревянная ограда, окружавшая садъ, была въ полной исправности, дому же недоставало нимногаго... Но этотъ старый домъ былъ все - таки такъ хорошъ! Уединенно лежалъ онъ за шумящей рѣкой, а лиственный лѣсъ на заднемъ ;планѣ, доходившій довольно близко до деревяннаго забора, придавалъ ему видъ уединеннаго жилища лѣсничаго. Конечно, домъ былъ невысокъ; въ немъ былъ всего одинъ рядъ оконъ, непосредственно надъ ними возвышалась крыша съ позолоченными флюгерами и массивными трубами, изъ которыхъ одна— невиданное до сихъ поръ еще никогда явленіе—дѣйствительно дымилась. Въ домѣ уже давно не разводилось огня въ печахъ и очагѣ. При жизни мельника, въ комнатахъ круглый годъ лежала рожь, жалузи лежали передъ окнами какъ прикованныя, и только осенью, въ день жатвы, дверь дома цѣлый день стояла открытой настежь. Тогда и маленькая Кэта прокрадывалась въ такъ называемую житницу, большую, окрашенную бѣлой краской комнату, съ большой зеленой печью, лежащую близъ кухни, и наполняла свой передникъ грушами и яблоками... Сегодня ставни были открыты и молодая дѣвушка въ первый разъ видѣла, какъ блестѣли стекла въ большихъ окнахъ дома. Этотъ домъ былъ теперь домомъ доктора Зрука.

Сама не зная какъ, перешла она мостъ и обошла зданіе съ трехъ сторонъ. Сердце ея билось немного сильнѣе обыкновеннаго. Она не имѣла болѣе права являться сюда, но звукъ ея шаговъ пропадалъ въ мягкой травѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ сильно шумѣла рѣка и на крышѣ чирикали воробьи. Нѣкоторыя окна были открыты; вазы съ вьющимися зелеными растеніями висѣли, какъ видѣла Кэта, на потолкахъ комнаты, а въ кухнѣ, на стѣнѣ, блестѣла мѣдная посуда; нѣжное чириканье птицъ также раздавалось изъ дому и перемѣшилось съ задорнымъ крикомъ воробьевъ; но не было видно никакого признака человѣческой жизни... Теперь она смѣлѣе обогнула западный уголъ дома, хотѣла ужь пройти вдоль главнаго фасада и сильно испугалась.

Въ главной двери, раздѣляющей фасадъ на двѣ половины и отъ которой направо спускалась широкая каменная лѣстница, стояла женщина, изящная и стройная. Рядомъ съ ней стоялъ столъ, заваленный книгами и картинами, съ которыхъ она стирала пыль. Удивленно посмотрѣла она на дѣвушку, подходившую невѣрными шагами и невольно выронила изъ рукъ картину, съ которой стирала пыль: это была фотографія Флоры въ овальной рамкѣ.

Но вѣдь это не могла быть тетка-дьяконица! Судя по исполненному ироніи описанію, данному ей только-что Флорой, Кэта вообразила себѣ маленькую, сгорбленную, хотя все еще проворную старушку, съ руками, сдѣлавшимися отъ стряпни сѣрыми — подобная картина не была совмѣстима съ этой дамой, которой маленькое, правда, пожилое лицо было нѣжно - блѣдно и благородно, а глаза смотрѣли такъ выразительно изъподъ кружевнаго платка, который она накинула на свои все еще роскошные пепельнаго цвѣта волосы.

Кэта смущалась все болѣе и болѣе и пробормотала подойдя къ лѣстницѣ, обычное извиненіе. „Я играла тутъ еще ребенкомъ, возвратилась нѣсколько дней тому назадъ изъ Дрездена и—это моя сестра", быстро прибавила она, указывая на фотографію, и затѣмъ разразилась громкимъ, свѣжимъ смѣхомъ, сама потомъ удивившись наивному, неловкому способу представленія, къ которому она, въ своемъ смущеніи, прибѣгла.

Дама тоже засмѣялась. Она положила картину на столъ и, сойдя со ступеней, протянула къ дѣвушкѣ обѣ руки. „Слѣдовательно вы младшая свояченица Брука". Легкая тѣнь проскользнула по ея лицу. „Я не знала, что въ виллу Баумгартенъ пріѣхали гости", прибавила она съ нѣкоторой горечью. Въ эту минуту скользнула тѣнь и въ душѣ Кэты—неужели же она была такимъ незначущимъ членомъ фамиліи Мангольдъ, что докторъ Брукъ не нашелъ даже нужнымъ упомянуть о своей встрѣчѣ съ нею?.. Она молча закусила себѣ губы и послѣдовала за приглашающимъ движеніемъ руки дамы, которая пошла впередъ и отворила дверь. Всѣ движенія стройной женщины были еще до сихъ поръ граціозны.

„Это моя комната, мое убѣжище до конца, сказала она съ такимъ радостнымъ выраженіемъ голоса, какъ будто она дошла до этого спокойнаго пристанища послѣ многихъ тяжелыхъ странствованій „Раньше, чѣмъ мой мужъ былъ переведенъ дьякономъ въ городъ, жили мы въ небольшомъ сельскомъ приходѣ. Мы жили очень бѣдно, и я должна была употреблять всѣ свои хозяйственныя способности, чтобы поддержать въ глазахъ людей достоинство нашего сана; тѣмъ не менѣе это было лучшее время моей жизни... Пыльный воздухъ и шумъ города нехорошо подѣйствовали на мое сдоровье, мое желаніе жить уединенно въ деревнѣ сдѣлалось почти болѣзненнымъ. Я никогда не говорила этого, но докторъ всетаки замѣтилъ это и привелъ меня нѣсколько дней тому назадъ въ этотъ домъ, который онъ купилъ для меня". Послѣднія слова она произнесла задушевнымъ, глубоко-тронутымъ голосомъ. Она всетаки была тетка и съ гордостью называла своего племянника докторомъ. Потомъ она мило улыбнулась. „Это настоящій маленькій замокъ, не правда ли?" спросила она довѣрчиво. „Посмотрите на двери и на великолѣпную лѣпную работу на потолкахъ! А тѣ ста-

Изъ придворной жизни при Англійскомъ дворѣ. Рисов. В. Сми[illegible] грав. Уѣрхъ.

ринные кожаные обои съ золотыми украшеніями тоже дорого стоили въ свое время. Въ саду также можно найти еще остатки прежнихъ статуй. Первоначально этотъ домъ принадлежалъ одной вдовѣ изъ рода Баумгартеновъ—я знаю это изъ одной хроники... Мы вычистили домъ, провѣтрили его и протопили нѣкоторыя печи, чтобы отогрѣть старыя стѣны; больше мы ничего не измѣнили; на это у насъ не хватило средствъ, да притомъ было бы и лишнимъ".

Кэта давно уже съ удовольствіемъ осмотрѣла все убранство. Потемнѣвшая мебель изъ краснаго дерева шла какъ нельзя лучше къ желтымъ кожанымъ обоямъ. Близъ средней стѣны, недалеко отъ бѣлой большой, покоющейся на вычурныхъ ножкахъ, печи, стоялъ обитый ситцемъ диванъ и надъ нимъ висѣлъ портретъ покойнаго дьякона—простая, нарисованная красками картина, изображающая стараго господина въ одеждѣ духовнаго лица. Главнымъ украшеніемъ комнаты служили группы растеній, расположенныя на двухъ большихъ широкихъ окнахъ и позолоченныя прорывающимися сквозь кисейныя занавѣски солнечными лучами. Золотыя рыбки въ стеклянной вазѣ и пѣвчая птица въ мѣдной клѣткѣ, эти питомцы одинокихъ женщинъ, тоже находились тутъ; на подоконникахъ цвѣли весенніе цвѣты, разноцвѣтные гіацинты и бѣлые нарциссы. Швейный столикъ помѣщался какъ будто въ бесѣдкѣ изъ лавровыхъ деревьевъ. „Это мои питомцы, я сама воспитала ихъ", сказала тетка, слѣдя за удивленнымъ взглядомъ молодой дѣвушки. „Лучшіе изъ нихъ я, понятно, поставила въ комнатѣ доктора". Она отворила дверь въ боковую комнату и ввела въ нее Кэту. „Понятно"! — это слово звучало такъ смиренно, такъ матерински нѣжно... Она, понятно, разыскала ему и самую лучшую комнату въ домѣ, угловую, подъ окнами которой, обращенными на западъ, шумѣла рѣка. За широкой водной полосой раскидывалась одна изъ красивѣйшихъ частей парка, и далеко, за липовыми вершинами, синѣла шиферная кровля виллы... Между этими окнами, въ узкомъ простѣнкѣ, стоялъ письменный столъ; когда докторъ отрывалъ свои глаза отъ бумаги, то могъ видѣть, какъ флагъ, развѣвающійся на кровлѣ виллы, возносился въ небо. Кэта вдругъ почувствовала что ея щеки зардѣлись румянцемъ стыда: здѣсь нѣжная заботливость тайно старалась доставить доктору все лучшее, все любимое, тогда какъ тамъ—ея вѣроломная сестра день и ночь думала, какъ-бы изгнать его изъ этого рая. Предчувствовала-ли нѣжная, любящая женщина, стоявшая близъ нея, что рано или поздно на ея любимца падетъ неотразимое тяжелое несчастіе? Она приняла Кэту не какъ чуждую семейнымъ отношеніямъ, только-что воротившуюся на родину, а какъ младшую свояченицу Брука, которая необходимо должна такъ хорошо знать всѣ отношенія, что даже ей не надо говорить, что она—тетка; судя поэтому, она не состояла въ близкихъ сношеніяхъ съ виллой Баумгартенъ, и какъ будто желая подтвердить это предположеніе, указала на пустой простѣнокъ надъ письменнымъ столомъ и сказала: „Я еще не совсѣмъ устроилась — тутъ не хватаетъ еще фотографіи невѣсты и портрета, писаннаго масляными красками, его матери—моей дорогой покойной сестры".

(Продолженіе будетъ)

Ламаншскій тоннель.

Мы уже сообщали читателямъ нашимъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно этого колоссальнаго предпріятія. Извѣстно, что, года два тому назадъ, для устройства подъ Ламаншскимъ проливомъ подводнаго тоннеля образовалась англо-французская компанія (Channel Tunnel Company) и что сэромъ Джономъ Гаушау произведено было зондированіе морскаго дна, съ цѣлью изысканія такого слоя, чрезъ который не могла бы проникать вода и въ которомъ было бы возможно просверлить тоннель. Дальнѣйшія изысканія съ означенною цѣлью произведены были въ прошломъ году, и результаты этихъ изслѣдованій обнародованы теперь журналомъ «Explorateur», который извлекъ свѣдѣнія изъ отчета геологической коммисіи, состоящей, подъ предсѣдательствомъ инженера Лавалле, изъ гг. Делесса, Потье и Лаппарана. Докладная записка коммисіи, къ которой приложенъ былъ и подробный топографическій планъ, воспроизведенный названнымъ журналомъ, представлена недавно Лессепсомъ въ парижскую академію наукъ. Имѣя въ виду, что читающая публика слѣдитъ съ живѣйшимъ участіемъ за всѣмъ, что касается прорытія Ламаншскаго тоннеля, этого грандіознаго предпріятія нашего вѣка, мы, въ свою очередь, извлекаемъ изъ почтеннаго труда геологической коммисіи нѣкоторыя свѣдѣнія, нелишенныя, по мнѣнію нашему, интереса.

Извѣстно, что крутыя берега Ламанша (Британскаго канала) состоятъ изъ лежащихъ одинъ надъ другимъ слоевъ мѣловой почвы. Еще въ 1818 г. англичанинъ Вильямъ Филипсъ, въ своихъ «Замѣткахъ о мѣловыхъ берегахъ», писалъ, что берега противъ Па-де-Кале состоятъ изъ мѣла, лежащаго слоями различной толщины и твердости. Такимъ образомъ холмъ, на которомъ возвышается Дуврскій замокъ, состоитъ сверху изъ мѣловаго слоя, смѣшаннаго съ кремноземомъ; далѣе слѣдуетъ слой бѣлаго мѣлу безъ примѣси кремнозему, а еще глубже—сѣрый мѣлъ. Мѣловой слой съ примѣсью кремня имѣетъ въ толщину 145 метровъ, бѣлый мѣлъ — 50 метровъ, а сѣрый—55 метровъ. Эти слои лежатъ по направленію къ востоку и спускаются всѣ къ морю. Самый нижній слой сѣрый, у такъ называемой скалы Шекспира, бѣлый—близъ Дувра, а верхній—близъ Уэльмеркестля. На французскомъ берегу находятся тѣ же самые, слои почти одинаковой толщины, близъ Сенъ-По, напротивъ Фолькстона, близъ Эскалля и обоихъ Бланъ-Ре. На британской сторонѣ подъ слоемъ сѣраго мѣлу находится еще синеватый мѣлъ, а подъ этимъ послѣднимъ—темносиняя глина или мергель. Близъ Сенъ-По, на французскомъ берегу, можно замѣтить тотъ же слой синеватаго мѣлу, а подъ нимъ синій мергель, но слой этотъ имѣетъ тутъ въ толщину не 30 метровъ, какъ у Фолькстона, а только 10 метровъ.

Очевидно, что раньше образованія пролива эти разъединенныя въ настоящее время наслоенія составляли нѣкогда безпрерывный перешеекъ изъ Англіи во Францію; море прорвало его и разбросало куски мѣловаго хребта по берегамъ. Мѣлъ съ примѣсью кремня и бѣлый мѣлъ имѣютъ трещины, чрезъ которыя просачивается вода; чрезъ слой же сѣраго мѣлу и въ особенности чрезъ нижнюю часть его, синій мергель, вода не проникаетъ. Что касается сѣраго слоя у Фолькстона и Сенъ-По, то уголъ склона его къ морю извѣстенъ и, поэтому, нетрудно будетъ исчислить, на какой именно глубинѣ лежитъ на днѣ морскомъ сѣрый мѣлъ подъ слоемъ бѣлаго мѣла. Полагаютъ, что слой сѣраго мѣлу, лежащій въ 70 метровъ толщиной надъ сводомъ тоннеля, въ состояніи вполнѣ предохранить послѣдній отъ проникновенія въ него воды. Чтобы встрѣтить сѣрый слой такой толщины, слѣдовало бы начать изслѣдованія въ Англіи съ бухты св. Маргариты, а во Франціи—съ какого-либо пункта между Кале и Сангаттомъ. Близъ этихъ мѣстностей морское дно состоитъ изъ бѣлаго мѣла, на глубинѣ же около 60 метровъ находится сѣрый мѣлъ.

Желѣзная дорога должна, однако, идти почти горизонтально, и потому возникаетъ вопросъ: находится ли сѣрый мѣлъ подъ дномъ морскимъ въ такомъ же горизонтальномъ направленіи, какое необходимо для желѣзной дороги? По опыту извѣстно, что слои земной коры имѣютъ, вообще, рѣдко правильное горизонтальное направленіе. Теперь, однако, дознано, что такое неправильное направленіе этихъ слоевъ къ проливу Па-де-Кале не относится, ибо они лежатъ въ немъ въ равномѣрномъ, параллельномъ и безпрерывномъ направленіи и имѣютъ на обоихъ берегахъ почти одинъ и тотъ же уровень. Изъ результатовъ зондированій оказывается, что сѣрый мѣлъ на днѣ Ламанша находится всюду именно на такой глубинѣ, какая выходила по исчисленіямъ науки.

Зондированія эти произведены были съ чрезвычайною тщательностью и аккуратностью въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года гг. Лавалле и Ларуссомъ по плану, утвержденному коммисіей, состоящей изъ французскихъ геологовъ и инженеровъ.

Инструментъ (зондъ), которымъ произведены были подводныя работы, состоитъ изъ длиннаго лота, тяжестью въ 50 килограммовъ, на оконечности котораго придѣлана желѣзная трубка, съ краями наподобіе струга. Инструментъ этотъ былъ опускаемъ на морское дно, гдѣ онъ врѣзывался въ слой мѣлу; набравъ потребное количество послѣдняго, вытаскивали зондъ на поверхность моря и выгружали изъ него добытое имъ количество мѣлу, который, затѣмъ, ссыпаемъ былъ на берегъ для изслѣдованія. При этомъ каждый трактъ, на которомъ производилось зондированіе, заносимъ былъ аккуратно на морскую карту.

Инженеры отправились изъ Булони на буксирномъ суднѣ «Pearl». Зондированіе произведено было на 753 различныхъ пунктахъ, въ 400 метрахъ разстоянія одинъ отъ другаго, и со дна морскаго добыто было такое же количество пробъ, изъ числа которыхъ 355 подвергнуты классификаціи. 25 сентября, по случаю осенняго времени, работы прерваны и будутъ вновь возобновлены и окончены въ текущемъ году. Изъ результатовъ зондированія оказывается, что тоннель можно будетъ проложить на протяженіи 34 километровъ, въ слояхъ сѣраго мѣлу. Теперь уже извѣстно, что широкій горный хребетъ, состоящій изъ сѣраго мѣлу и синяго мергеля, идетъ подъ водой отъ Кале сперва по направленію къ востоку, а потомъ поперегъ пролива къ Англіи, и вотъ чрезъ этотъ-то хребетъ и намѣрены приступить въ недалекомъ будущемъ къ проведенію тоннеля.

Разсчитываютъ, что собственно подводный тоннель будетъ имѣть въ длину 26 километровъ; сутеррены, которые, по окончаніи работъ по прорытію тоннеля, предполагается устроить какъ на берегу Франціи, такъ и на берегу Англіи, будутъ длиною каждый въ 11 километровъ. Такимъ образомъ, соединенный двойнымъ путемъ съ французскими и англійскими желѣзными дорогами, тоннель представитъ возможность проѣхать изъ Парижа прямо въ Лондонъ менѣе чѣмъ въ девять часовъ.

Сумма, потребная на покрытіе расходовъ по предварительнымъ работамъ, исчислена въ четыре милліона франковъ; вся линія обойдется не свыше 250 милліоновъ франковъ. Хрупкій мѣлъ будетъ раздробляемъ посредствомъ чрезвычайно замысловатой машины и куски его, превращенные этою машиной въ мелкій порошокъ, будутъ немедленно вывозимы изъ тоннеля. Во время произведенныхъ опытовъ оказалось, что машина эта подвигалась впередъ каждый часъ на 1,2 метра, тогда какъ при проложеніи монъ-сенисскаго тоннеля, причемъ для взрыва минъ употреблялся порохъ, проходъ подвигался впередъ каждыя сутки не болѣе какъ на 2 метра. Съ сравнительно меньшимъ числомъ рабочихъ, проложеніе тоннеля подъ Ламаншемъ можно будетъ, согласно сдѣланнымъ исчисленіямъ и если не встрѣтится какого-либо непредвидѣннаго затрудненія, окончить менѣе чѣмъ въ девять лѣтъ. При производствѣ работъ посредствомъ обыкновенныхъ сверлильныхъ машинъ, пришлось бы употребить не менѣе двадцати лѣтъ.

Вентиляція тоннеля во время производства работъ будетъ производиться посредствомъ накачиванія сжатаго воздуха. Равнымъ образомъ, приняты мѣры для предохраненія рабочихъ отъ воды, которая, паче чаянія, могла бы проникнуть въ тоннель.

Мы говорили о вентиляціи тоннеля во время производства въ немъ работъ; указывать же на способы вентиляціи по окончаніи его, т. е. когда будетъ уже производиться эксплоатація его, считаемъ преждевременнымъ, такъ какъ до той поры, по всей вѣроятности, изобрѣтены будутъ новые способы вентиляціи. Для успокоенія тревожныхъ умовъ можемъ, однако, сказать слѣдующее. Вопервыхъ, у обоихъ исходныхъ пунктовъ тоннеля устроены будутъ шахты, которыя, посредствомъ помпъ, будутъ снабжать его свѣжимъ воздухомъ. Вовторыхъ, вслѣдствіе почти безпрерывнаго движенія поѣздовъ по двойному пути тоннеля, притокъ свѣжаго воздуха будетъ вполнѣ обезпеченъ. Наконецъ, въ случаѣ необходимости, во время эксплоатаціи тоннеля, можно будетъ употребить въ дѣло сжатый воздухъ.

Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли для движенія поѣздовъ на довольно длинныхъ пространствахъ пускать обыкновенные локомотивы или воспользоваться сжатымъ воздухомъ, какъ двигателемъ, или употребить, наконецъ, въ дѣло огромныя неподвижныя паровыя машины,—считаемъ также гораздо цѣлесообразнѣе разсматривать впослѣдствіи, по окончаніи тоннеля.

По настоящему плану, въ сущности принадлежащему сэру Джону Гаушау, тоннель на французской сторонѣ долженъ начинаться между Сангаттомъ и Кале и оканчиваться на англійскомъ берегу въ бухтѣ Св. Маргариты, въ 6½ километрахъ на востокъ отъ Дувра. Французская сѣверная желѣзная дорога и англійскія юго-восточная и четамъ-дуврская соединятся посредствомъ своихъ побочныхъ вѣтвей съ двойнымъ путемъ тоннеля, длина котораго отъ одного берега къ другому составитъ около 34 километровъ, слѣдовательно около 35 верстъ, т. е. тоннель подъ Ламаншемъ будетъ почти втрое длиннѣе монъ-сенисскаго и сенъ-готардскаго тоннелей. По срединѣ канала сводъ тоннеля будетъ находиться ниже морскаго дна на 75 метровъ и ниже уровня моря на 125 футовъ, ибо море по линіи, избранной для тоннеля, имѣетъ глубину не болѣе 50 футовъ. Такъ какъ промежутокъ между рельсами какъ на французскихъ, такъ и на англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ совершенно одинаковый, т. е. имѣетъ 1 метръ и 44 сантима, то, по окончаніи постройки, поѣзда могутъ быть отправляемы изъ Парижа прямо въ Лондонъ и наоборотъ.

Планъ прорытія ламаншскаго тоннеля является результатомъ продолжительныхъ и трудныхъ изысканій. Затрудненія заключаются, впрочемъ, не въ прорытіи его, ибо нынѣ изобрѣтены способы сверленія самыхъ твердыхъ каменныхъ породъ. Хрупкіе же мѣловые утесы, изъ которыхъ состоитъ дно канала, можно будетъ прорѣзать безъ особыхъ усилій. При употребленіи помянутой выше машины, изобрѣтенной Брэнтономъ, дѣло пойдетъ впередъ довольно быстро и не придется прибѣгать къ взрывамъ посредствомъ пороха или динамита. Затрудненіе заключалось скорѣе въ отысканіи такого подводнаго слоя, который не пропускалъ бы воды и обезпечивалъ вполнѣ успѣшное окончаніе подземныхъ работъ. Въ этомъ заключается вся суть задачи; будемъ ждать и надѣяться, что ее разрѣшатъ въ благопріятномъ смыслѣ. Спрашивается еще: какія денежныя затраты потребуются на устройство подводной дороги и какой доходъ она принесетъ? Лавалле, въ своей докладной запискѣ, отвѣчаетъ и на этотъ вопросъ. Расходы по устройству тоннеля, какъ уже сказано выше, простираются до 250 милліоновъ франковъ. Лавалле разсчитываетъ, что ежегодно тоннелемъ воспользуется одинъ милліонъ пассажировъ; если, при взиманіи платы за проѣздъ на протяженіи 50 километровъ, принять за норму 12½ франк. съ каждаго пассажира, т. е. въ 3½ раза болѣе обыкновенной платы (по 7 сантимовъ съ каждаго километра), взимаемой на желѣзныхъ дорогахъ континента, то тарифъ этотъ, въ сравненіи съ цѣной, взимаемой теперь за переѣздъ Ламанша моремъ, оказывается довольно умѣреннымъ, и если расходы по эксплоатаціи опредѣлить въ 2½ милліона, то всетаки останется еще ежегодно около 10 милліоновъ на выдачу дивиденда акціонерамъ.

Изъ придворной англійской жизни.

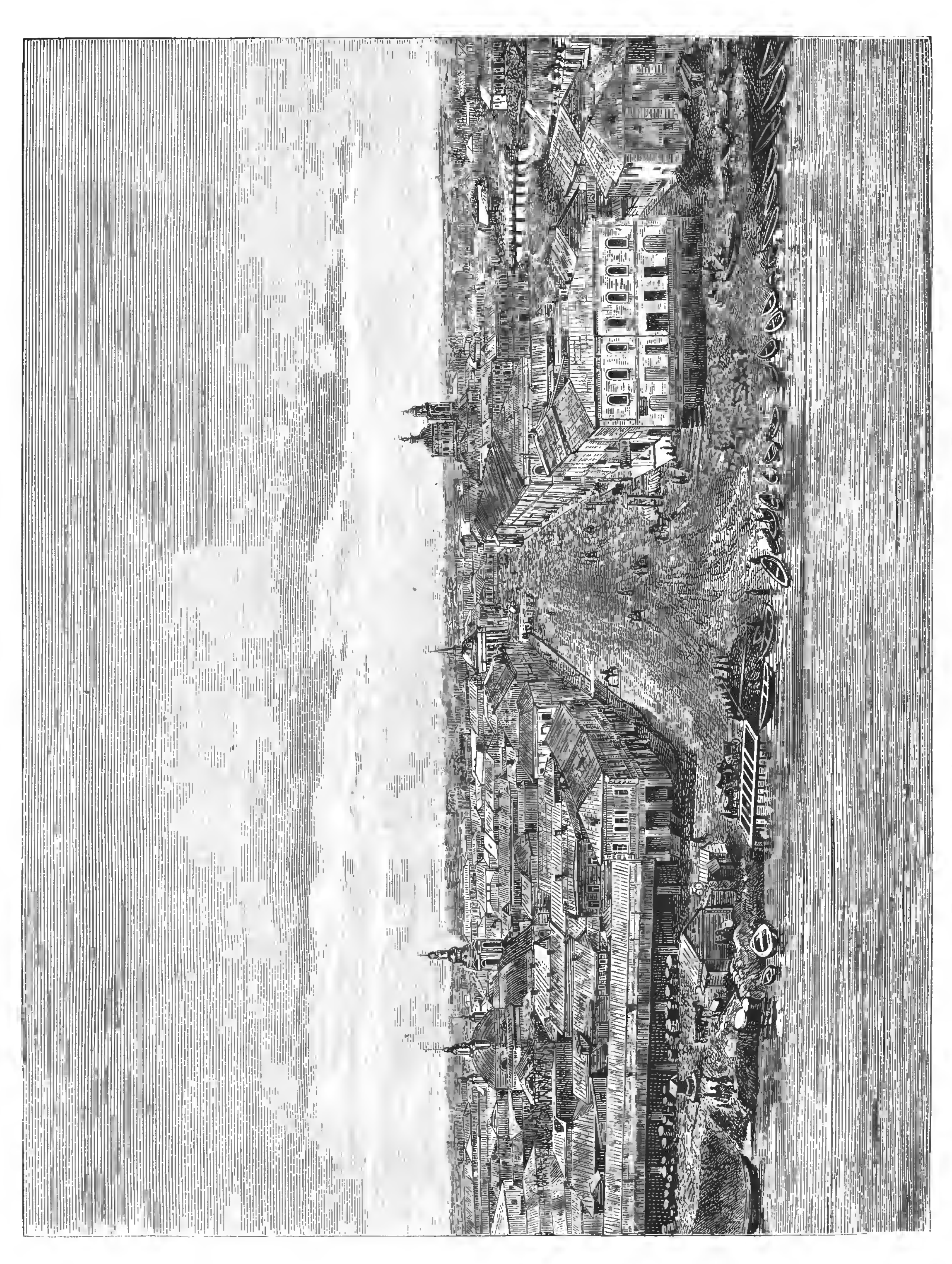
Если гдѣ еще сохранилась аристократія въ смыслѣ высшаго и замкнутаго сословія, удержавшаго свои историческія традиціи, то это, безспорно, въ Англіи. Существованіе родовой аристократіи возможно только при скопленіи значительныхъ богатствъ въ рукахъ представителей старинныхъ фамилій, при системѣ маіоратовъ и заключеніи брачныхъ союзовъ между родственниками, съ цѣлью воспрепятствовать переходу родовыхъ помѣстій въ чужія руки. Этими способами англійская аристократія до сихъ поръ сохраняетъ свою цѣлостность и свое значеніе. Мы не станемъ распространяться о томъ, сколько жертвъ приносилось и приносится идеи поддержанія рода, сколько драмъ разыгрывается по этому случаю въ семействахъ англійскихъ лордовъ—предъ нами только фактъ существованія и значенія маленькаго, замкнутаго мірка, носящаго названіе англійской аристократіи.

Въ этомъ міркѣ сложился, основанный на историческихъ преданіяхъ, свой опредѣленный взглядъ на многіе человѣческія отношенія, своя мораль, свои нравы и обычаи, въ которыхъ иногда проглядываютъ обрывки средневѣковыхъ, феодальныхъ понятій.

Такъ, напримѣръ, несмотря на свою родовую гордость и необыкновенно развитое чувство собственнаго достоинства, несмотря, наконецъ, на англійскую конституцію, молодыя лэди представляются королевѣ съ невольнымъ и благоговѣйнымъ страхомъ. Этотъ страхъ еще увеличивается тѣмъ строгимъ этикетомъ, который, вмѣстѣ съ многими, уже устарѣвшими обычаями, существуетъ до сихъ поръ въ странѣ конституціи. Представленіе королевѣ сопровождается колѣнопреклоненіемъ. На придворныхъ обѣдахъ царствуетъ тишина, гости не разговариваютъ между собою и ея величеству можно отвѣчать только на заданные вопросы. Такой несообразно строгій этикетъ противорѣчитъ съ полною свободою громко и не стѣсняясь обсуждать все, касающееся лицъ королевской фамиліи, которою пользуются англійскія сословія.

Предъ нами одинъ изъ самыхъ торжественныхъ моментовъ придворной жизни въ Англіи. Молодая лэди цѣлуетъ руку королевы. Это ея первый дебютъ при дворѣ. Сколько было приготовленій къ этой критической минутѣ. Какъ тщательно изучала она граціозный реверансъ и колѣнопреклоненія, когда прикладывалась къ рукѣ своей мама, которая величественно изображала королеву. Сколько не минутъ, а часовъ было употреблено на этотъ роскошный туалетъ. Онъ, дѣйствительно, вышелъ чудно хорошъ. Перья и воздушная вуаль такъ идутъ къ ея граціозной головкѣ, такъ изящно ея богатое платье. Она чувствуетъ себя красивой... О, какъ долго усаживается мама въ карету, какъ мучительно медленно подвигаются онѣ въ ряду другихъ экипажей, направляющихся ко дворцу. Пріѣхали. Опять непріятное волненіе: огромная толпа, собравшаяся, чтобы увидѣть дамъ въ ихъ придворномъ нарядѣ, съ любопытствомъ провожаетъ глазами нашу героиню и, очевидно, высказываетъ о ней свои сужденія. И конца не предвидится томительному ожиданію—еще не скоро ея очередь представляться королевѣ...

Наконецъ, роковая минута настала и если только молодая красавица не обладаетъ особенною смѣлостью и присутствіемъ духа, то теперь, когда она съ каждымъ мгновеніемъ все ближе и ближе подходитъ къ королевѣ, у нея начинаетъ кружить-

Городъ Орелъ. Съ фотографіи рисов. Вѣчтоновъ, грав. К. Вейерманъ.

Герцеговинское востаніе. Бой Славянъ съ турками на Требиньской дорогѣ. Съ наброска рѣзалъ К. Вейерманъ

ся голова и въ глазахъ темнѣетъ. Она уже не можетъ замѣтить, съ какой благосклонной и ласковой улыбкой смотритъ королева на ея молодое, смущенное лицо. Она медленно опускается на колѣно, благоговѣйно склоняетъ голову къ рукѣ королевы, и только смутное сознаніе того, что она не должна выказать своего смущенія, поддерживаетъ ее въ эту торжественную минуту...

Мы не знаемъ, долго ли еще удержится вся строгость англійскаго этикета; но знаемъ, что духъ времени начинаетъ уже, мало по малу, проникать даже въ замкнутый доселѣ кругъ англійской аристократіи. Мѣщанское золото, нажитое неизвѣстными путями, уже проникаетъ въ замки пэровъ и гостиныя лэди. Человѣкъ безъ имени, съ сомнительнымъ прошлымъ, но въ то же время съ репутаціей милліонера, задаетъ балъ, и этотъ балъ удостоиваютъ своимъ присутствіемъ сливки высшаго англійскаго общества. Чтобъ убѣдиться въ справедливости этого, стоитъ прочесть новый романъ Тролонпа «Какъ мы теперь живемъ».

О. П.

Орелъ.

Губернскій городъ Орелъ находится подъ 52° 58′ с. ш. и 53° 54′ в. д., въ 359 верст. къ ю.-з. отъ Москвы и 963 верст. отъ Петербурга. Онъ расположенъ по склонамъ довольно большой котловины, образовавшейся при впаденіи р. Орлика въ р. Оку. Въ настоящее время, какъ извѣстно, чрезъ Орелъ проходитъ желѣзная дорога, замѣнившая прежній путь, такъ называемое московско-харьковское шоссе. Желѣзная дорога, впрочемъ, пролегаетъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, верстахъ въ двухъ, именно вблизи городскаго предмѣстья; но здѣсь, около дебаркадера желѣзной дороги, мѣстность уже густо застроилась разнаго рода промышленными заведеніями, трактирами, харчевнями, купеческими амбарами и лавками, гдѣ юркій и быстрый на сметку русскій торговый людъ огребаетъ съ проѣзжаго дорожнаго человѣка и правымъ и неправымъ путемъ въ свою пользу доходы. Гостинницы, настроенныя около дебаркадера желѣзной дороги, грязноваты, и человѣку, хотя нѣсколько привыкшему къ порядочной обстановкѣ, въ нихъ невозможно останавливаться; но онѣ имѣютъ своихъ невзыскательныхъ посѣтителей, купеческихъ прикащиковъ, мѣщанъ, купцовъ средней руки, которымъ визгъ и пискъ гостиничныхъ шарманокъ и буйные крики подгулявшихъ собратовъ доставляютъ, повидимому, много удовольствія. Истомившись во время пути на желѣзной дорогѣ, отдыхъ можно найти только въ гостинницахъ, находящихся въ центрѣ города. Это замѣчаніе, увы, относится не къ одному только Орлу, но и ко всѣмъ другимъ городамъ, лежащимъ по линіи желѣзныхъ дорогъ, и къ Курску, и къ Кіеву, и къ Харькову...

Г. Орелъ построенъ въ 1564 г., при Іоаннѣ Грозномъ, для защиты московскаго государства отъ татаръ. Первоначально городъ образовался при рч. Орликѣ, но потомъ, вслѣдствіе бывшаго въ 1673 г. пожара, онъ въ 1679 г. былъ перенесенъ на Ямскую гору, находящуюся при впаденіи рѣчки Орлика въ Оку. Въ послѣдній разъ городъ строилъ инженеръ Яковъ Фанъ Фростенъ; укрѣпленія города состояли изъ землянаго вала и башенъ, отъ которыхъ теперь не сохранилось никакихъ признаковъ. Нужно замѣтить, что значенія важнаго стратегическаго пункта Орелъ никогда не имѣлъ, ибо вскорѣ послѣ его основанія были построены Курскъ, Ливны, Кромы и др. города. Во время самозванцевъ Орелъ держался стороны бунтовщиковъ, только въ 1606 г. явилась въ немъ партія вѣрныхъ царю, но сторонники самозванца арестовали ихъ. Въ 1611 году Орелъ присягнулъ царю Михаилу Ѳеодоровичу, за что и былъ разоренъ поляками. Въ 1708 г. Орелъ былъ причисленъ къ Кіевской губерніи, а въ 1719 году сдѣланъ главнымъ городомъ Орловской провинціи. Въ 1732 о. онъ отошелъ къ Бѣлгородской губерніи. Затѣмъ, при образованіи Орловскаго намѣстничества, въ 1778 г., былъ назначенъ губернскимъ городомъ, а потомъ, въ 1796 г., намѣстничество было переименовано въ губернію.

О состояніи города въ XVII столѣтіи можно судить по пожару, бывшему въ Орлѣ въ 1673 г. Тогда сгорѣло въ немъ 4 церкви, 6 городскихъ башенъ и болѣе 200 домовъ, лавокъ и кузницъ. Въ 1709 году Орелъ видимо не имѣлъ достаточно силъ подняться послѣ постигшаго его несчастія; въ немъ къ этому времени было очень мало домовъ и всѣ они стояли лицевой стороной къ р. Орлику. Тогда на мѣстѣ нынѣшней церкви Богоявленія были огороды, на мѣстѣ первой части полицейскаго управленія находились развалины какихъ-то прежнихъ каменныхъ зданій, вѣроятно укрѣпленій. На мѣстахъ мужскаго монастыря и церкви св. Никиты и Мелиты былъ дубовый лѣсъ; присутственныя мѣста тогда были у нижней мельницы на р. Орликѣ, а на нынѣшней Новосильской улицѣ стоялъ столбъ съ перекладиной, наподобіе буквы г, на которомъ вѣшали преступниковъ. Нижняя улица, идущая вдоль р. Оки, была тогда занята болотомъ и лѣсомъ, гдѣ и водились въ достаточномъ количествѣ гуси и утки, такъ что мѣстные охотники могли охотиться не ходя далеко. При Петрѣ I здѣсь водворились слободы стрѣлецкая и пушкарская, отдѣлявшіяся отъ города полемъ. По свѣдѣніямъ за 1781 годъ, видно, что въ г. Орлѣ въ то время было 20 церквей, мужской и женскій монастыри и 7762 души жителей мужскаго пола. Въ послѣднее столѣтіе Орелъ не мало пострадалъ отъ пожаровъ. Такъ въ 1848 году въ немъ сгорѣло 1237 домовъ, 80 тысячъ четвертей хлѣба и 100 пуд. тыс. пеньки. Въ 1858 году Орелъ снова постигло несчастіе: онъ снова выгорѣлъ и на этотъ разъ истреблено было пожаромъ 600 домовъ, нѣсколько церквей и женскій монастырь. По статистическимъ свѣдѣніямъ 1865 г., въ г. Орлѣ считалось православныхъ церквей 25 (всѣ каменныя), въ томъ числѣ соборъ апостоловъ Петра и Павла. Этотъ соборъ былъ заложенъ еще въ 1794 г., на средства мѣстнаго духовенства, въ память коронаціи императора Павла I, но освѣщеніе его послѣдовало только въ 1861 г., послѣ многочисленныхъ исправленій и передѣлокъ. Съ 1788 до 1819 г. орловскіе епископы имѣли пребываніе въ Севскѣ, уѣздномъ городѣ той же губерніи; собственно въ Орелъ кафедра была перенесена епископомъ Іоною. Учебныя заведенія въ Орлѣ: военная гимназія Бахтина (бывшій корпусъ), гимназія министерства народнаго просвѣщенія, уѣздное училище и два приходскихъ, женское Николаевское училище перваго разряда и втораго—приходское. Духовнаго вѣдомства: семинарія, пріютъ для дѣвицъ и Александровскій сиротскій домъ приказа общественнаго призрѣнія. Городъ имѣетъ публичную библіотеку, клубъ, каменное зданіе для театра, прекрасный тѣнистый садъ, открытый въ 1823 г. и занимающій 7 дес. 503 кв. сажени. Около города находится образцовая усадьба вѣдомства государственныхъ имуществъ. Въ 1863 году въ Орлѣ открытъ общественный банкъ. Абсолютная высота города при церкви Рождества Богородицы 776 футовъ.

Находясь на судоходной рѣкѣ Окѣ и среди хлѣбородной мѣстности, Орелъ имѣетъ важное значеніе въ торгово-промышленномъ отношеніи. Кромѣ удовлетворенія мѣстныхъ жителей красными, мануфактурными, галантерейными и прочими товарами, торговля г. Орла весьма значительна. Мѣстное купечество и въ особенности иногородное, имѣющее здѣсь свои конторы, ведетъ значительную торговлю хлѣбомъ, пенькою, конопляннымъ масломъ, саломъ и другими произведеніями сельскаго хозяйства. По статистическимъ свѣдѣніямъ за послѣдніе года, хлѣбная торговля г. Орла достигаетъ почти до полутора милліоновъ рублей. Хлѣбъ подвозится изъ Орловскаго и Кромскаго уѣздовъ, частію же изъ Тульской и Воронежской губерній, всего болѣе изъ Курской. Пеньки и издѣлій изъ нея сбывается также болѣе чѣмъ на одинъ милліонъ рублей. Пенька собирается преимущественно въ уѣздахъ Орловской губерніи, а частію и въ Тульской. Ярмарокъ въ Орлѣ назначено три, но съѣздъ бываетъ только на двухъ, а именно осенней, съ 8 по 31 сентября, и весенней, на 5 и 6 недѣляхъ послѣ Св. Пасхи. Обороты этихъ ярмарокъ весьма незначительны, такъ что съ ними, по суммѣ выручки, могутъ конкурировать базарные дни. Базаръ собирается еженедѣльно по воскресеньямъ и обороты базарной торговли достигаютъ за день до 2.000 р. Независимо отъ базарныхъ дней, въ Орлѣ, послѣ уборки хлѣбовъ, скопляется ежедневно отъ двухъ до десяти тысячъ подводъ съ хлѣбомъ, пенькою, коноплянымъ масломъ и прочими произведеніями сельскаго хозяйства.

Герцеговинское возстаніе.

Бой славянъ съ турками.

Лишенія всякаго рода, холодъ, голодъ, отсутствіе припасовъ вообще, боевыхъ въ особенности, дни и ночи на скалахъ, въ сугробахъ, подъ вьюгой и мятелью—вотъ, приблизительно, при какихъ условіяхъ дерутся за свою свободу герцеговинскіе инсургенты...

Изумительны мужество и энергія, проявляемыя ими при этомъ. Не разъ приходилось читать о переходахъ, совершонныхъ по изрѣзанной горами, скалами и пропастями странѣ съ невѣроятною быстротой. Что касается отваги инсургентовъ, безумной ихъ храбрости, то объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ дѣла съ турками—дѣла, въ которыхъ ихъ геройскіе, но нестройные отряды разбивали на-голову регулярныя войска султана.

Небезынтересно будетъ привести здѣсь разсказъ очевидца о дѣлѣ 18-го января, на пути въ Требинье. Пейко Павловичъ,

узнавъ, что по дорогѣ изъ этого города идутъ турецкія войска, рѣшилъ остановить ихъ и сталъ на сосѣдней высотѣ съ 200 своихъ людей. Отсюда открылся видъ на извивавщуюся дорогу. По ней шли турки—густая колонна растянулась, сверкая издали стальною щетиной. По бокамъ и впереди виднѣлись одиночные всадники—то были офицеры. Баши-бузуки рѣзко отдѣлялись отъ стройныхъ, мѣрно подвигавшихся рядовъ (всего было 800—1.000 челов). Пейко притаился, пропустилъ колонну и тотчасъ же послалъ гонцовъ къ другимъ вождямъ, чтобы торопить ихъ—ожидалось, что турецкій отрядъ дойдетъ до Дріено, возьметъ провіантъ и чрезъ 2—3 часа возвратится назадъ. Между тѣмъ, Пейко дали знать, что непріятель, остановившись прямо противъ горы, за которой расположились инсургенты, отдѣлилъ 2 небольшие отряда, которые занимають высоты, господствующія надъ дорогой, а остальныя силы повернули обратно къ Требинью. Въ ту же минуту раздались привѣтственные клики—то подошелъ впопыхахъ Максимъ Бачевичъ съ сотнею своихъ людей. Павловичъ немедленно двинулся къ дорогѣ, по которой возвращалась колонна, и изъ-за возвышенности открылъ огонь. Паническій страхъ охватилъ турокъ—и они побѣжали. Вожди инсургентовъ выскочили изъ засады и погнали непріятеля до укрѣпленія, стоящаго впереди Дужскаго монастыря. Въ то же время подошли къ славянамъ подкрѣпленія. Послѣдніе два турецкіе отряда, занимавшие высоты у дороги, успѣли уже окопаться. На другой день славяне не трогали осажденныхъ—они хоронили своихъ убитыхъ и, притомъ, до самаго вечера еще ничего не ѣли, поздно получивъ только по сухарю на человѣка! По 20-го они пошли на турецкіе окопы. Подробности этого дѣла, которое было, собственно, продолженіемъ дѣла 18-го числа и въ которомъ погибъ Бачевичъ, заимствуемъ у одного изъ корреспондентовъ. Уже съ 9 часовъ утра, разсказываетъ онъ — славяне начали приближаться къ турецкимъ шанцамъ. Первый подошелъ (шаговъ на 50 отъ нижняго завала лѣваго холма) Максимъ Бачевичъ. Послѣ получасовой перестрѣлки, турки, потерпѣвшіе, вѣроятно, большія потери, бросились бѣжать изъ нижняго завала къ верхнему. При видѣ этого, Бачевичъ кинулся съ своими къ нижнему шанцу, но не успѣли они проникнуть въ него, какъ турки, съ верхняго, по противоположному склону, перебрались на правый холмъ. Въ это время Пейко, стоявшій за холмомъ и перестрѣливавшійся съ непріятелемъ, ударилъ по бѣжавшимъ, но догналъ только человѣкъ 20: остальные добрались до противоположнаго холма. Бачевичъ занялъ лѣвый холмъ и открылъ перестрѣлку съ непріятелемъ, а Павловичъ подвинулся впередъ и началъ напирать на лѣвый флангъ турокъ. Желая увеличить свои силы, онъ позвалъ на помощь Бачевича. Максимъ, подъ сильнымъ огнемъ, бросился къ нему съ небольшою кучкой своихъ, приказавъ остальнымъ обойти холмъ внѣ выстрѣловъ... Черезъ нѣсколько секундъ его высокая, мощная фигура снопомъ упала на землю... «Пейко—погибнулъ!» успѣлъ только крикнуть онъ Павловичу, стоявшему въ нѣсколькихъ шагахъ—и его не стало. Около 2-хъ часовъ, Пейко взялъ приступомъ нижній завалъ, турки перебѣжали на верхній, къ палаткамъ. Они дрались прекрасно и съ замѣчательною стойкостью. Два офицера перебѣгали по банкету отъ человѣка къ человѣку, раздавали патроны, ободряли людей. Пейко, невозмутимый какъ всегда, въ адскомъ огнѣ (перестрѣлка происходила не болѣе какъ шагахъ въ 60-ти), курилъ свою трубку, распоряжался и, по-временамъ, стрѣлялъ самъ.

Къ вечеру огонь притихъ и вскорѣ совершенно смолкъ

Ночью, пользуясь темнотою и тѣмъ обстоятельствомъ, что оставленные инсургентами въ нижнемъ шанцѣ люди, измученные усталостью и голодомъ, заснули, остатокъ турецкихъ отрядовъ проскользнулъ и бѣжалъ по направленію къ Дріено. Лука Петковичъ, однако, нагналъ ихъ и убилъ больше половины; остальные успѣли спастись.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

Государь Императоръ, удостоивъ пріема губернскихъ предводителей дворянствъ: лифляндскаго, эстляндскаго и курляндскаго, изволилъ обратиться къ нимъ съ слѣдующими милостивыми словами:

«Я призвалъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы вы услышали лично отъ Меня объ основаніяхъ, въ силу коихъ Я призналъ полезнымъ упразднить должность генералъ-губернатора въ вашихъ губерніяхъ.

«Мѣра эта, какъ мнѣ извѣстно, послужила поводомъ ко многимъ ошибочнымъ предположеніямъ, которыя считаю нужнымъ разсѣять. Вотъ что и побуждаетъ Меня выяснить вамъ, что въ этой мѣрѣ вы должны видѣть не что иное, какъ новый знакъ Моего довѣрія.

«Въ настоящее время должность генералъ-губернаторовъ умѣстна только въ такихъ большихъ центрахъ, какъ, напримѣръ, Москва, въ мѣстностяхъ, особенно удаленныхъ отъ центральнаго управленія, или же тѣхъ частяхъ Россіи, которыя, по особымъ политическимъ причинамъ, находятся еще въ положеніи ненормальномъ.

«Ни одного изъ этихъ положеній не имѣется въ виду по отношенію къ прибалтійскимъ губерніямъ. Ихъ преданность, ихъ любовь къ порядку Мнѣ извѣстны, а объединеніе съ остальными частями Имперіи устраняетъ всякую необходимость исключительнаго въ нихъ порядка управленія. Я имѣлъ, господа, уже неоднократно случай высказывать этимъ губерніямъ Мое благоволеніе. Чувства Мои не измѣнились, и Я сохраняю наилучшія воспоминанія о Моихъ посѣщеніяхъ этого края».

По выслушаніи сего, предводители дворянства имѣли счастіе всеподданнѣйше благодарить Его Величество, въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ, за дарованную имъ возможность повергнуть вновь, при настоящемъ случаѣ, увѣренія въ ихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ, а также и за тѣ милостивыя слова, коими Его Величеству угодно было разсѣять опасенія, порожденныя въ нихъ упраздненіемъ прибалтійскаго генералъ-губернаторства.

Его Величество, отпуская предводителей дворянства, изволилъ милостиво присовокупить:

«Опасенія ваши напрасны, такъ какъ ваше благо столь же близко Моему сердцу, какъ и благо всѣхъ Моихъ подданныхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, здѣсь присутствующій, будетъ доводить до Моего свѣдѣнія, установленнымъ для всей Имперіи порядкомъ, объ всемъ, что можетъ быть полезно вашимъ губерніямъ и способствовать къ ихъ благоустройству и преуспѣянію.

«Я уполномочиваю васъ, господа, повторить всѣмъ тѣмъ, коихъ вы служите представителями, все вами отъ меня слышанное. Вы скажете имъ также, что они дороги Моему сердцу и по тѣмъ рыцарскимъ чувствамъ которыя унаслѣдованы ими отъ предковъ и которыя они свято сохранили до настоящихъ дней»

Дѣла церкви.

„Церк.-Обществ Вѣсти." указываетъ на одинъ случай въ священнической практикѣ, по своей важности заслуживающій особеннаго вниманія. Въ концѣ прошлаго года, днѣпровскій уѣздный комитетъ общественнаго здравія ходатайствовалъ предъ епархіальнымъ начальствомъ о воспрещеніи священникамъ этого уѣзда причащать дѣтей, больныхъ дифтеритомъ, такъ какъ, по мнѣнію комитета, основанному на увѣреніи мѣстнаго врача, черезъ лжицу и илитонъ болѣзнь сообщается отъ больныхъ и здоровымъ (при этомъ нужно замѣтить, что дифтеритъ—весьма заразительная болѣзнь, произведшая ужасныя опустошенія въ Днѣпровскомъ уѣздѣ). Мѣстный преосвященный Гурій вмѣнилъ священникамъ въ обязанность, причащая больныхъ, соблюдать слѣдующую предосторожность: причастивъ больнаго младенца, лжицу и уста причастника тотчасъ же начисто обтереть чистымъ кускомъ холста, который и сжечь послѣ литургіи; здоровыхъ причащать прежде больныхъ; послѣднихъ даже рекомендуется пріобщать изъ отдѣльнаго сосуда и особою лжицею и т. п.

Слухи.

„Русскій Міръ" сообщаетъ, что нѣкоторыми изъ нашихъ капиталистовъ, по почину купца В. Попова, учреждается товарищество для устройства конно-желѣзныхъ дорогъ въ большихъ губернскихъ городахъ. Свою дѣятельность, какъ намъ говорили, оно намѣрено начать съ Нижняго-Новгорода, Харькова и другихъ главнѣйшихъ изъ нашихъ торговыхъ пунктовъ, въ которыхъ стекается значительное количество грузовъ, перевозка которыхъ можетъ послужить надежнымъ источникомъ доходовъ для содержателей конно-желѣзныхъ дорогъ.

— Та же газета передаетъ, что въ непродолжительномъ времени будетъ установлена министерствомъ народнаго просвѣщенія особая форма для учениковъ частныхъ гимназій и школъ, пользующихся правами, одинаковыми съ казенными гимназіями.

— „Русскій Міръ" слышалъ, что, по ходатайству нѣкоторыхъ земствъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ составленъ проектъ привлеченія земскихъ учрежденій къ надзору за торговлей, гдѣ указывается, что существующій донынѣ надзоръ удовлетворителенъ только въ большихъ промышленныхъ городахъ; но въ городахъ, а особенно въ селахъ, гдѣ надзоръ находился въ рукахъ волостныхъ и сельскихъ правленій, онъ оказывается весьма неудовлетворительнымъ. Между тѣмъ, съ изданіемъ нынѣ дѣйствующаго торговаго положенія, допускающаго торговлю въ городахъ и внѣ ихъ на одинаковыхъ правахъ и основаніяхъ, торговая дѣятельность въ уѣздахъ все болѣе и болѣе расширяется, а такъ какъ земство, получающее сборы за патенты, свидѣтельства и проч., въ этомъ дѣлѣ близко заинтересовано, и надзоръ для него, при безпрестанныхъ разъѣздахъ членовъ управъ, представляетъ особенныя удобства, то министерство полагаетъ возможнымъ возложить надзоръ за правильностью торговли на земство и въ этомъ смыслѣ измѣнить соотвѣтствующія статьи устава.

СОДЕРЖАНІЕ: С.-Петербургскій Градоначальникъ, Генералъ Адъютантъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ **Треповъ** (съ портретомъ). — **Въ домѣ коммерціи совѣтника** Повѣсть **Э Марлитта.** (Продолженіе).—**Лаланшскій туннель** (съ рисункомъ).—**Изъ Придворной англійской жизни** (съ рисункомъ). — **Орелъ** (съ рисункомъ).—**Герцеговинское возстаніе.** Бой славянъ съ турками (съ рисункомъ). — Разныя извѣстія. — **Юмористическіе очерки** (съ рисункомъ). — Шахматы. — Объявленія.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

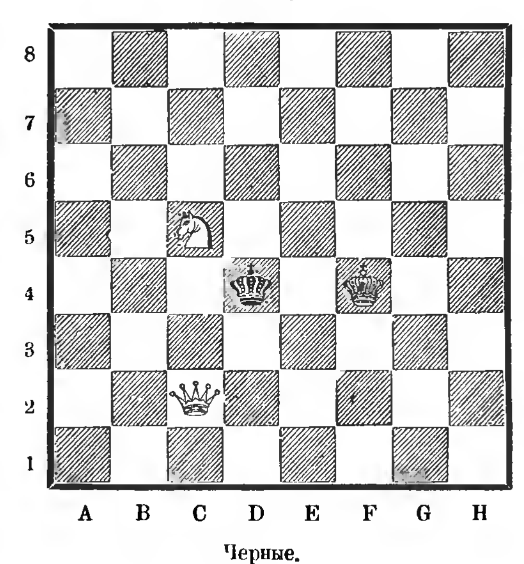

Что-жъ ты мнѣ пирогъ далъ съ тряпкой!

— А тебѣ за 2 копѣйки-то да съ бархатомъ?

ЗАДАЧА

Бѣлые.

Черные.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

РѢШЕНІЕ.

Задачи въ «Нивѣ» № 7.

Бѣлые.	Черные.
1) f3 — h4	1) d4 — d5
2) a6 — c4 или c7 — c6	2) d5 — d4
3) d3 — e3 ✕ ✕	

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ приложены объявленія: 1) отъ книжнаго магазина Земскаго въ Москвѣ. 2) отъ книгопродавца Ивана Васильевича Смирнова въ Москвѣ.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 21 Февраля 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш. Морская, д. № 9. Тип. Веллинга, Англ. пр. № 10

№ 10 — 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 8 Марта 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за МАРТЪ съ 33 рисунками и большой листъ выкроекъ съ чертежомъ.

АБДУРАХМАНЪ-АВТОБАЧИ.

Въ продолженіе почти всей своей политической жизни, Коканское ханство страдало отъ внутреннихъ междоусобицъ, раздоровъ и борьбы партій. Населеніе страны рѣзко раздѣлилось на двѣ группы: осѣдлую, которую составляли преимущественно сарты и узбеки, жители городовъ и селеній, и кочевую—каракиргизы и китай-кипчаки. Первые были строители этихъ городовъ и селеній; они занимались и занимаются теперь торговлею, земледѣліемъ и мануфактурною промышленностью; они составляютъ, такъ сказать, производительный элементъ ханства. Вторые кочевники или полукочевники—обитатели горъ и прилежащихъ степныхъ пространствъ, главный промыселъ которыхъ, кромѣ довольно ограниченнаго, впрочемъ, скотоводства, особенно въ горахъ, составляли разбои и хищническіе набѣги па сосѣдей, часто даже на мирныхъ подданныхъ одного и того же хана. Кара-киргизы и китай-кипчаки служили своему хану преимущественно оружіемъ, составляя исключительно военный элементъ ханства. Они, несмотря на свою относительную малочисленность, часто оказывались сильнѣе осѣдлыхъ, и ихъ партія брала перевѣсъ въ управленіи дѣлами ханства; само собою, что минуты подобнаго перевѣса не могли не отражаться вредно на дѣлахъ осѣдлыхъ народовъ и вызывали противодѣйствіе со стороны этихъ послѣднихъ, которое и выражалось постоянною глухою и упорною борьбою партій, часто разгоравшейся до кровавыхъ проявленій.

Всѣ ханы коканскіе были постоянно подъ гнетомъ этой борьбы; стоя между двухъ огней, они часто становились игрушкою въ рукахъ главнѣйшихъ вожаковъ, то открывая воинственный походъ на кочевниковъ, то обрушиваясь всѣмъ гнетомъ своей деспотической власти на несчастныхъ жителей городовъ и селеній. Коканскій престолъ былъ одинъ изъ самыхъ непрочныхъ средне-азіатскихъ престоловъ и часто переходилъ изъ рукъ въ руки.

Худояръ-ханъ, послѣдній шахъ коканскій, три раза терялъ и прі-

Абдурахманъ-автобачи, представитель «Газавата» въ Коканѣ, глава кипчаковъ сдавшійся генералу Скобелеву. Рисов. и грав. А. Нейманъ.

обрѣталъ свой престолъ (послѣдній переворотъ случился даже очень недавно, въ 1875 году, а съ тѣхъ поръ до начала истекшаго лѣта онъ уже царствовалъ довольно прочно—и то благодаря близкому сосѣдству съ нашими владѣніями, и страху нашего вмѣшательства въ дѣла ханства).

Своимъ царствованіемъ Худояръ-ханъ былъ обязанъ кочевой партіи. Мусульманъ-кулъ, глава кипчаковъ, овладѣвшій властью, возвелъ на престолъ юнаго Худояръ-хана и сдѣлался его руководителемъ и попечителемъ: партія осѣдлыхъ, хотя и побѣжденная, однако, не дремала — нашлись люди, которые съумѣли повліять на молодаго хана и возбудить его подозрительность къ попечителю. Мусульманъ-кулъ во-время замѣтилъ охлажденіе къ нему хана и, боясь скрытнаго убійства, весьма обыкновеннаго въ такихъ случаяхъ, ушелъ къ кочевникамъ и поднялъ ихъ на новую борьбу. Началась ожесточенная война, и на этотъ разъ побѣда досталась въ руки осѣдлыхъ; разбитые на всѣхъ пунктахъ кара-киргизы и китай-кипчаки, подъ вліяніемъ ужаса, рѣшились выдать хану Мусульманъ-кула, своего престарѣлаго главу и прочихъ главнѣйшихъ сподвижниковъ.

На площади передъ кокансимъ дворцемъ разыгралась страшная кровавая драма—начался рядъ казней, ужаснувшихъ даже привыкшихъ къ кровопролитію азіатовъ. Юный ханъ безпощадно поступилъ съ своими побѣжденными врагами Шестистамъ главнѣйшимъ китай-кипчакамъ были отрублены головы. Связаннаго по рукамъ и ногамъ Мусульманъ-кула ежедневно выводили на мѣсто казни и при немъ совершалась эта рѣзня человѣческихъ головъ... Говорятъ, будто несчастный старикъ молилъ хана покончить съ нимъ и прекратить эту пытку... «Я исполню твою просьбу», хладнокровно отвѣчалъ на эти мольбы Худаяръ ханъ и дѣйствительно исполнилъ. Голова Мусульманъ кула пала послѣднею.

Въ числѣ друзей и приближенныхъ хана находился въ то время молодой человѣкъ, сверстникъ по лѣтамъ Худояру—Абдурахманъ. Этотъ Абдурахманъ былъ сынъ казненнаго Мусульманъ-кула. Онъ, стоя рядомъ съ ханомъ, присутствовалъ при этихъ ужасныхъ казняхъ; онъ видѣлъ, какъ одна за другою падали головы его друзей и родичей; онъ видѣлъ и смерть своего отца и, несмотря на это, сохранилъ и дружбу, и привязанность къ своему повелителю. Въ свою очередь, и Худояръ такою же дружбою платилъ Абдурахману и даже женился на его сестрѣ.

Скрывалъ-ли Абдурахманъ свои настоящія чувства къ хану, дѣйствительно ли эта дружба была искренна — неизвѣстно, но только до 1872 года она не омрачалась ничѣмъ. Въ этомъ году Абдурахманъ, уже возведенный въ санъ автобачи (крупная придворная должность), въ первый разъ выказалъ ослушаніе своему повелителю, уѣхавъ безъ его дозволенія въ Мекку, на поклоненіе гробу пророка.

Надо думать, что въ это время уже созрѣвалъ новый заговоръ кочевниковъ противъ хана и въ числѣ заговорщиковъ находился нѣкій Мулла-Исса-Аулье, хитрый и умный человѣкъ, честолюбивый и корыстный, успѣвшій незамѣтно подготовить возстаніе. Подъ вліяніе этого-то человѣка и подпалъ Абдурахманъ.

Осѣдлые предупреждали Худояръ-хана, они указывали ему даже на главнѣйшихъ дѣятелей этого заговора, но, не смотря на это, Мулла-Исса-Аулье съумѣлъ усыпить ханскую подозрительность и довести свое дѣло до полнаго развитія.

Возстаніе вспыхнуло лѣтомъ 1875 года, въ іюлѣ мѣсяцѣ. Абдурахманъ-автобачи, Мулла-Исса-Аулье и еще нѣкто Хааликъ-Казаръ стали открыто въ главѣ мятежа,

Уже поѣздка Абдурахмана въ Мекку была задумана съ этою цѣлью; тамъ, на гробѣ пророка, автобачи испросилъ благословеніе на свой подвигъ и былъ даже снабженъ лоскутомъ отъ знамени Магомета, — съ тѣмъ чтобы, вдохновивъ народъ этою реликвіею, Абдурахманъ поднялъ его не только противъ хана, дружившаго съ нами, русскими, но вообще противъ невѣрныхъ, т. е. насъ же.

Объявленъ былъ газатъ или «газаватъ»—священная война, и этотъ кличъ собралъ подъ знамя Абдурахмана-автобачи значительныя скопища кочевниковъ и разнаго сброда, стекавшагося со всѣхъ сторонъ, даже изъ сосѣдняго Кашгарскаго ханства.

Оставленный всѣми, оставленный даже войсками, измѣннически перешедшими на сторону непріятеля, ханъ едва успѣлъ, съ горстью приверженцевъ, отступить къ нашей границѣ. Въ этомъ отступленіи ему помогъ, главнѣйшимъ образомъ, крошечный отрядъ русскихъ казаковъ, случайно находившійся въ то время съ посольствомъ въ Коканѣ. Нашъ посолъ, полковникъ Скобелевъ, принялъ начальство надъ горстью ханскихъ слугъ и своимъ отрядцемъ и успѣлъ прикрыть какъ беззащитнаго хана, такъ и его семейство.

Въ то же время громадныя массы непріятеля появились на нашихъ границахъ и вторглись въ Ходжентскій, Кураминскій и Аультинскій уѣзды. Война, значитъ, была начата, и наши войска, быстро собравшись, двинулись въ походъ.

Извѣстны результаты этого блистательнаго, кратковременнаго похода. Сосредоточенныя силы Абдурахмана-автобачи были разбиты наголову подъ Махрамомъ; одинъ за другимъ сдавались намъ города и, наконецъ, сдался и самъ Коканъ на великодушіе побѣдителей.

Абдурахманъ, съ остатками ему вѣрныхъ, бѣжалъ къ Ушу, но и тамъ былъ настигнутъ и разбитъ. Самъ онъ спасся отъ плѣна, а Хааликъ-Казаръ и Мулла-Исса-Аулье явились съ повинною къ нашему генералъ-губернатору.

Несостоятельность Худояръ-хана настолько выяснилась, что уже рискованно было вновь возвести его на утраченный престолъ и престолъ этотъ былъ отданъ нами сыну егоНасръ-Эддинъ хану, еще очень молодому человѣку. Хааликъ-Казаръ, простоватый и недалекій, оставленъ былъ на покоѣ, а Мулла-Исса-Аулье высланъ изъ ханства въ Оренбургъ, гдѣ и содержится подъ строгимъ арестомъ.

Казалось, дѣла ханства были окончательно устроены. Распорядившись такимъ образомъ съ престоломъ и судьбою Кокана, наши войска выступили обратно на свои постоянныя квартиры.

Между тѣмъ Адбурахманъ-автобачи не дремалъ: онъ успѣлъ снова собрать своихъ разбитыхъ и разрозненныхъ приверженцевъ и даже пріобрѣсть новыхъ. Его обаяніе на массы было настолько велико, что, не смотря на свѣжее впечатлѣніе недавнихъ пораженій, кипчаки и кара-киргизы снова попытались объявить войну русскимъ и, собравшись въ числѣ до пятидесяти тысячъ, ринулись на Коканъ. Насръ-Эддинъ-ханъ бѣжалъ по примѣру отца. На его мѣсто посаженъ былъ нѣкто Фулатъ-бекъ, личность безцвѣтная — простой разбойникъ, названный ханомъ только потому, что во всякое время готовъ былъ повиноваться Абдурахману и уступать ему свое мѣсто по первому намеку.

Снова многочисленныя скопища подступили къ нашимъ границамъ; снова наши войска принуждены были начать наступательныя дѣйствія. Предпріимчивый и энергичный генералъ, тотъ самый бывшій полковникъ Скобелевъ, свершившій свое лихое отступленіе изъ Кокана съ 20-ю казаками, повелъ дѣло быстро и рѣшительно.

Снова взяты были разъ уже взятые и отданные обратно города; летучіе отряды нашихъ казаковъ и стрѣлковъ, посаженныхъ на лошадей, появляясь неожиданно то тамъ, то сямъ, въ пунктахъ, гдѣ ихъ вовсе не ожидали, успѣли такъ стиснуть непріятеля и сбить его съ толку, что Абдурахманъ-автобачи окончательно потерялъ голову. Онъ увидалъ наконецъ, что дѣло его проиграно, и, по послѣднимъ извѣстіямъ, сдался генералу Скобелеву, и скоро Петербургъ увидитъ у себя этого отважнаго и пылкаго проповѣдника Газавата, главу скопища возставшихъ противъ насъ, объявившихъ намъ русскимъ, непримиримую священную войну.

Н. К.

Въ домѣ коммерціи совѣтника

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ и слѣдующія главы будутъ переводиться съ рукописи и появляться одновременно съ оригиналомъ.

(Продолженіе).

Болѣе ничего не доставало въ невыразимо-уютной комнатѣ. Докторъ, который долженъ былъ воротиться съ вечернимъ поѣздомъ, не имѣлъ никакого предчувствія, что не найдетъ уже болѣе тетку въ городѣ. Она хотѣла избавить его отъ хлопотъ переѣзда, и коммерціи совѣтникъ, какъ она съ благодарностью сказала, былъ настолько предупредителенъ, что передалъ ей для этой цѣли домъ немедленно.

Генріэтта распахнула двери и, судорожно прижавъ къ груди сложенныя руки, съ жадностію вдыхала свѣжій воздухъ; однако, она скоро почувствовала припадокъ удушья, и силы начали ей измѣнять. Кэта и коммерціи совѣтникъ поспѣшили поддержать больную; Флора тоже поднялась и съ досадой бросила папиросу въ пепельницу.

— Безвредное облачко дыма обвинятъ теперь въ

причиненіи припадка,—сказала она съ признакомъ досады:—но я понимаю въ чемъ дѣло. Тебѣ, Генріэтта, слѣдовало бы лежать въ постели и не выходить на сухой весенній воздухъ, который для людей въ твоемъ положеніи—сущій ядъ; я тебя сейчасъ предупреждала, но ты не внимаешь никогда добрымъ совѣтамъ. Ты также упряма относительно врачебной помощи...

— Потому что я не довѣряю своей болѣзни первому попавшемуся составителю ядовъ,—добавила Генріэтта, слабымъ, но очень рѣшительнымъ тономъ.

— О! это затрогиваетъ ужъ честь моего бѣднаго стараго совѣтника медицины—вскричала Флора, смѣясь и пожимая плечами. Пусть будетъ по твоему, ребенокъ, если это доставляетъ тебѣ удовольствіе. Вѣдь я тоже не могу знать, какъ онъ приготовляетъ свои микстуры, однакожь смѣю полагать, что онъ еще ни одного изъ своихъ паціентовъ не отправилъ на тотъ свѣтъ.

Коммерціи совѣтникъ, съ блѣдностью на лицѣ, ходилъ изъ угла въ уголъ и подымалъ невольно руку, какъ бы желая зажать уста говорившей; онъ не находилъ, казалось, словъ, взоръ его какъ-то тоскливо остановился на лицѣ Кэты.

— Безжалостная! вырвалось у Генріэтты.

— Я не безжалостная, но обладаю достаточной долей неустрашимости, чтобъ называть вещи по ихъ имени, даже въ такомъ случаѣ, если суровыя слова должны отразиться вредно на моихъ собственныхъ ранахъ. Иначе, какое значеніе имѣла бы тогда строгая справедливость?... Вспомни тотъ злополучный вечеръ и спроси себя, кто остался правъ? Я знала, что должно послѣдовать паденіе съ высоты этой ложной славы — оно послѣдовало, безъ всякой надежды на спасеніе; не намѣрены ли вы оспаривать единогласный приговоръ свѣта? Что я не желаю пасть вмѣстѣ съ вами, пойметъ всякій, кто меня знаетъ... Я не могу прикрывать худыя дѣла, какъ, напримѣръ, умѣетъ дѣлать это бабушка.

Флора отворила другую половинку двери и вышла на балконъ. Она говорила подъ вліяніемъ страстнаго порыва. Блѣдное, какъ мраморъ, античное лицо ея чрезвычайно оживилось, въ глазахъ ея сверкало презрѣніе, вся фигура ея олицетворяла собой пылкое нетерпѣніе.

— Впрочемъ, во власти его было обратить меня: какъ желала бы я тогда защищать его словесно и письменно! — продолжала она, запуская свои тонкіе пальчики въ сухія вѣтви кустарника. Однако онъ предпочелъ на мой первый и единственный вопросъ отвѣчать, какъ гордый испанецъ, ледянымъ взоромъ.

— Отвѣтъ этотъ долженъ былъ бы удовлетворить тебя.

— Нимало, любезный Морицъ; я нахожу его удобнымъ и дешевымъ; что же касается до взоровъ и жестовъ, то я отношусь къ нимъ скептически — я требую больше.. Но я хочу показать тебѣ, что у меня нѣтъ недостатка въ доброй волѣ и повторяю еще разъ то, что я требовала отъ тебя первоначально: *докажи* мнѣ и свѣту, что онъ исполнилъ свой долгъ—вѣдь ты былъ свидѣтелемъ!

Морицъ быстро отступилъ отъ порога дверей и прикрылъ рукою глаза—солнечный свѣтъ, заливавшій балконъ яркими лучами, былъ для глазъ его нестерпимъ.

— Тебѣ извѣстно слишкомъ хорошо, что я не могу исполнить это такъ, какъ требуешь ты—я не медикъ,— отвѣчалъ онъ глубоко подавленнымъ голосомъ, схожимъ скорѣе съ шепотомъ.

— Ни слова болѣе, Морицъ!—вскричала Генріэтта. На тѣлѣ ея дрожала каждая жилка.—Съ каждой попыткой начать защиту, ты допускаешь мысль, что эта благородная невѣста, должно быть, очень робка и непостоянна. Большіе глаза Генріэтты, въ которыхъ отражалось внутреннее лихорадочное состояніе, съ ненавистью устремились на прекрасное лицо сестры.— Желательно только, чтобъ жестокіе твои маневры могли, по возможности, привести скорѣе къ цѣли, то есть—будь это сказано разъ наконецъ, хотя и въ сухихъ выраженіяхъ— чтобъ, вслѣдствіе твоей явной холодности, онъ добровольно помогъ рѣшить ваши отношенія, потому что, сказать правду, онъ не теряетъ ровно ничего относительно твоей холодной души, которая жаждетъ только наружныхъ успѣховъ; но онъ любитъ тебя и совершенно сознательно рѣшится скорѣе вступить въ несчастный бракъ, чѣмъ разстаться съ тобой, доказательствомъ чего служитъ все его поведеніе.

— Къ сожалѣнію,—добавила Флора, не поварачивая головы.

— И на этомъ основаніи, я буду стоять за него и постараюсь уничтожить твои коварные замыслы,—досказала Генріэтта съ дрожью на устахъ и возвысивъ свой голосъ.

Взглядъ сострадания, которымъ Флора измѣрила глубоко взволнованную дѣвушку, имѣлъ сходство съ жестокой насмѣшкой; но въ то же время Флору осѣнила какая то внезапная мысль. Она положила свою правую руку на плечо Генріэтты, привлекла ее къ себѣ и, сардонически улыбаясь, шепнула ей на ухо: осчастливь же его, крошка! Будь увѣрена, что я не буду противорѣчить и мѣшать тебѣ!

Кэта стояла достаточно близко отъ нихъ, чтобы понять шопотъ, и какъ бы пассивно она ни относилась ко всему происшедшему между сестрами—благородный гнѣвъ все-таки сверкалъ теперь въ ея глазахъ.

Флора поняла ея взглядъ.

— Полюбуйтесь этой дѣвушкой. Развѣ ты, Кэта не понимаешь шутокъ?—сказала она полусерьезно, полунасмѣшливо.—Я не дѣлаю никакого вреда твоему баловню, хотя и имѣю полное право отразить, разъ навсегда, безъ всякой церемоніи, злыя придирки Генріэтты... Эти два существа (она указала на коммерціи совѣтника и Генріэтту) воображаютъ, что они вправѣ заботиться о моемъ поведеніи, а ты, крошка, только-что выпорхнувшая изъ гнѣзда въ пансіонѣ и помышляющая только объ узорчикахъ да вышивочкахъ, прочитавъ два-три французскихъ романа, присоединяешься немедленно къ нимъ и вступаешь со мной въ борьбу; глупенькая, неужели ты считаешь себя вправѣ судить сестру твою Флору? — Она разсмѣялась и простерла свою руку по направленію къ орѣшнику, съ котораго только-что спорхнулъ голубь; бѣлоснѣжная птичка поднялась высоко подъ облока.—Смотри: голубка эта сейчасъ ворковала рядомъ съ другими на вѣткѣ дерева, и эти другіе были близкіе ей; а теперь широкія крылья ея разсѣкаютъ воздухъ, и въ безпредѣльной синевѣ небесъ она становится, въ глазахъ людей самостоятельныхъ, знаменательнымъ явленіемъ. Можетъ быть, ты поймешь когда нибудь, чью пылкую натуру изображаетъ эта картина. A propos, Морицъ,—сказала Флора, прервавъ свой монологъ и приглашая движеніемъ руки коммерціи совѣтника къ себѣ на балконъ:—тамъ, сзади лѣса, долженъ находиться пріобрѣтенный Брукомъ домъ, прежнее зданіе гостиницы, а я вижу надъ лѣсомъ густой дымъ.

— По очень простой причинѣ: подъ очагомъ разведенъ огонь, — отвѣтилъ улыбаясь коммерціи совѣтникъ: — тетушка діакониса переѣхала вчера въ этотъ домъ.

— Въ заброшенное-то гнѣздо?

— Такъ точно. Впрочемъ „замковый“ мельникъ былъ слишкомъ хорошій хозяинъ, чтобъ допустить принадлежавшія ему строенія до упадка; въ домѣ каждый гвоздь на своемъ мѣстѣ, каждый кирпичикъ на кровлѣ.

— И дѣйствительно дѣла еще не такъ плохи. Допотопная мебель тетушки и портретъ покойнаго діакона подъ-стать комнатамъ; мѣста будетъ достаточно для разной посуды и стклянокъ; огородъ и рѣчка для мытья и полосканья тоже подъ рукой. Съ этими сло-

вами Флора невольно приподняла края своего платья съ великолѣпной отдѣлкой, какъ-бы ступивъ на только-что вымытый и непросохшій еще полъ.—Не мѣшаетъ затворить двери,—сказала она, возвращаясь поспѣшно въ комнату:—вѣтеръ несетъ сюда дымъ и чадъ.—Тонкія

Во время болтовни Флоры она испытывала такое же ощущеніе, какое испытываетъ человѣкъ, когда, пробудясь отъ сна, онъ видитъ себя на краю пропасти. Она поднялась на платформу башни, гдѣ голуби и галки свили свои гнѣзда. Кэта взяла свой зонтикъ—она зна-

Рѣзвушка. Статуя художника Чижева, съ фотогр. на деревѣ рѣзалъ Путцъ.

ноздри ея дрожали.—Я увѣрена, что добрая женщина приготовляетъ свое неизбѣжное пирожное, не поставивъ въ домѣ еще не одного стула; она не можетъ ни на минуту обойтись безъ стряпни.

Между тѣмъ, Генріэтта вышла тихонько изъ комнаты.

ла, что больная, удаляясь тихо изъ семейнаго кружка, любитъ оставаться одна—и, во избѣжаніе новыхъ споровъ съ Флорой, рѣшилась сходить немедленно къ Сузѣ.

— Сходи, пожалуй, на свою мельницу,—сказалъ съ досадою коммерціи совѣтникъ, послѣ того—какъ онъ

тщетно старался удержать Кэту:—но сперва посмотри сюда! Онъ отодвинулъ въ сторону тяжелую портьеру изъ гобелэна; позади портьеры, въ глубокой нишѣ, стоялъ новый денежный шкафъ.—Это принадлежитъ тебѣ, которой всѣ завидуютъ; это твое. „Тряхну тебя я деревцо, посыплется и злато и сребро"! сказалъ онъ и рука

„Замковый" мельникъ понималъ правильно нашъ вѣкъ, вѣкъ наживы, доказательствомъ чему служитъ духовное завѣщаніе покойнаго; но какъ баснословно увеличится оставленное имъ наслѣдство, это онъ едва ли предвидѣлъ.

— При такомъ положеніи твоихъ дѣлъ, Кэта, ты

У колодца. Группа художника Чижева, съ фотографіи рѣзалъ Путцъ.

его ласково скользнула по холодному металлу.—Все достояніе твоего дѣдушки, зданія и дворы, лѣса и луга, лежитъ въ этомъ сундукѣ, превращенное въ денежные документы. Бумаги эти, какъ трудолюбивыя пчелы, и денно, и нощно работаютъ въ твою пользу. Онѣ привлекаютъ потоки золота въ этотъ скрытый уголокъ...

можешь быть первой партіей въ странѣ;—можешь, какъ въ сказкѣ, въ день твоей свадьбы, вымостить талерами комнату, въ которой устроенъ будетъ обѣденный столъ, —добавила изъ другой комнаты Флора. Она углубилась опять въ мякія подушки кресла и взяла въ руки книгу.—Жаль, однако, денегъ! Не сердись, дитя мое, но

я опасаюсь, что ты нравственно черезчуръ запугана, что бы съумѣть блеснуть съ умомъ предъ свѣтомъ своимъ золотымъ дождемъ.

— Подождемъ и увидимъ—сказала со смѣхомъ молодая дѣвушка. Покуда я еще не имѣю права взять самовольно ни одного талера оттуда (она указала на шкафъ); но относительно моей „замковой“ мельницы я хотѣла бы, Морицъ, быть госпожей, хотя бы на однѣ только сутки.

— Что же, развѣ она тебѣ надоѣла, прекрасная мельничиха?

— Моя мельница? Столь же мало, Морицъ, какъ и моя молодость. Но я была вчера въ саду, принадлежащемъ къ мельницѣ; онъ такъ обширенъ, что Францу, за недостаткомъ времени и робочихъ силъ, приходится невольно запустить ту часть сада, которая прилегаетъ къ шоссе. Онъ намѣренъ сдѣлать тебѣ предложеніе о продажѣ этого участка, который, по его мнѣнію, можетъ послужить отличнымъ мѣстомъ для постройки виллъ и принести хорошій доходъ, но я полагаю, что виллы могутъ быть построены очень хорошо и на другомъ мѣстѣ; я хотѣла бы отдать этотъ участокъ твоимъ рабочимъ, которые очень желаютъ поселиться близь твоей бумагопрядильной фабрики.

— Вотъ какъ! подарить, Кэта?

— Вовсе не думаю. Тебѣ, Морицъ, не слѣдуетъ улыбаться съ насмѣшкой и состраданіемъ. Впрочемъ, люди твои отнюдь не думаютъ принимать подарокъ или подаяніе, какъ говоритъ доктръ Брукъ.

— А! „какъ говоритъ докторъ Брукъ?“ Развѣ онъ уже и *твой* оракулъ? воскликнула Флора, вскочивъ съ креселъ. Съ загадочнымъ выраженіемъ въ лицѣ, она устрѣмила свои взоры на сестру, щеки которой зардѣлись на мгновеніе яркимъ румянцемъ, но въ глазахъ видна была холодная серьезность.—Я знаю также, какую цѣну имѣетъ пріобрѣтенное собственнымъ трудомъ; то что я могу пріобрѣсти сама, я предпочитаю самому благонамѣренному подарку:—продолжала Кэта, не отвѣчая на намеки Флоры,—и на этомъ основаніи люди должны платить, и именно дать ту же сумму, которую они предлагали за твою землю.

— Въ такомъ случаѣ—Кэта, ты устроишь не очень великолѣпное дѣло, сказалъ, улыбаясь, коммерціи совѣтникъ: за принадлежащій мнѣ на берегу рѣчки безплодный участокъ земли предлагали довольно ничтожную сумму, а тутъ, рядомъ съ мельницей, великолѣпная садовая почва!... Нѣтъ, дитя мое, при всемъ моемъ желаніи угодить тебѣ, я, въ качествѣ твоего опекуна, не вправѣ вручить тебѣ власть, хотя бы на одинъ только часъ!

— Въ такомъ случаѣ, пусть охотники до построекъ поступаютъ какъ знаютъ, сказала Кэта совершенно равнодушно. Я знаю, что, по прошествіи трехъ лѣтъ, я буду думать объ этомъ предметѣ точно такъ же, какъ и теперь; тогда, однако, можетъ случиться, что я сдѣлаю глупость и дамъ людямъ этимъ, на постройку, денегъ взаймы безъ всякихъ процентовъ.

Съ спокойной улыбкой на лицѣ Кэта поклонилась и удалилась изъ комнаты.

Во время этого разговора госпожа діаконисса ходила по комнатѣ, устанавливая разныя вещи, приводя все въ порядокъ; шаги ея были такъ тихи, осторожны, какъ будто докторъ сидѣлъ уже тутъ, у письменнаго стола, работая надъ новымъ своимъ сочиненіемъ, которое хотѣлось ему окончить въ спокойномъ уединеніи, для чего онъ и оставилъ себѣ эту „комнату за городомъ“. Старушка отворила дверцу стѣннаго шкафа (возлѣ полки съ книгами) и достала изъ него тарелку съ пряниками, которую и подала молодой дѣвушкѣ, потчуя ее незатѣйливымъ домашнимъ печеньемъ.

— Прянички совсѣмъ свѣжіе Сегодня только состряпала ихъ, не смотря на то, что много было хлопотъ съ этой переѣздкой. Врачу, знаете, они всегда нужны при посѣщеніи маленькихъ паціентовъ. Насчетъ вина—извините ужъ — предложить вамъ его не могу: нѣсколько бутылокъ, которыми мы дорожимъ, я оставила въ городѣ... Онѣ хранятся тамъ, на всякій случай, для трудно-больныхъ.

Кэта подумала тутъ о кучѣ цѣнныхъ бумагъ въ своемъ денежномъ шкафѣ, которыя, по выраженію Морица, „какъ пчелки прилежно работаютъ“, чтобы направить въ этотъ шкафъ новыя струи золота изъ внѣшняго міра... Вспомнила она и о богатомъ винномъ погребѣ въ башнѣ, о надменной сестрицѣ своей, покуривающей папироски на мягкой кушеткѣ пурпурнаго цвѣта... Какой громадный контрастъ въ сравненіи съ этой обстановкой, съ этимъ скромнымъ довольствомъ, самоотверженіемъ! И какъ все это напомнило ей о родномъ домикѣ въ Дрезденѣ!.. Радостное чувство охватило Кэту, и она стала разсказывать о своей пріемной матери, о ея строго-разумной, серьезной и въ то-же время благодѣтельной дѣятельности; о томъ, какое вліяніе имѣетъ она на другихъ, какъ сама прилежно работаетъ и требуетъ того-же отъ своей пріемной дочки.

— Но какъ смотритъ г-жа президентша на такую систему воспитанья, на ваше житье-бытьё тамъ?—спросила тетушка, съ тонкой улыбкой, посматривая съ видимымъ удовольствіемъ на фигуру цвѣтущей, крѣпкой дѣвушки.

— Этого я не знаю,—отвѣтила Кэта, пожавъ плечами, причемъ въ глазахъ ея блеснулъ задорный огонекъ:—но думаю, что я ей кажусь слишкомъ быстрой относительно движеній, манеры держаться; голосъ мой для нея слишкомъ звонокъ, къ тому-же я ужъ очень здорова, крѣпка и не довольно блѣднолица. Одному Богу извѣстно, сколько, можетъ быть, надѣлала я имъ хлопотъ, какъ стѣсняла ихъ...Это портретъ вашей сестры?—спросила она, вдругъ обрывая тотъ разговоръ и указывая на лицо красивой женщины, изображенной на холстѣ масляными красками. Портретъ стоялъ еще на полу, около стѣны.

— Да, это моя сестра. Меня вотъ все безпокоитъ, что портретъ еще не на мѣстѣ; рамка-то немножко старовата стала, прибавила старушка, ну, а я подвержена головокруженію... боюсь на лѣстницу-то влѣзть Нѣсколько недѣль тому назадъ я отпустила служанку... (легкая краска разлилась по ея лицу)—вотъ и приходится ждать теперь, пока придетъ подёнщица; она и повѣситъ послѣднія картины и приладитъ занавѣски къ моей кровати...

А Кэта была уже у письменнаго стола. Она положила на него зонтикъ и прòсто, не стѣсняясь, опустила букетикъ свой изъ „ивовыхъ серёжекъ“ и „бѣлозора“ въ изящный стаканъ изъ стекла молочнаго цвѣта, стоявшій возлѣ чернилицы. Однимъ сильнымъ, но осторожнымъ толчкомъ дѣвушка отодвинула письменный столъ отъ стѣны и приставила къ ней плетёный стулъ.

— Можно?..—зà-просто обратилась она къ тетушкѣ и сейчасъ-же схватила съ подоконника молотокъ и гвозди.

Тетушка, съ улыбкой благодарности, подала ей портретъ, который, спустя нѣсколько секундъ, и повисъ на стѣнѣ. Но Кэта невольно отшатнулась, когда старушка протянула ей фотографическое изображеніе Флоры... Она—своими собственными руками должна повѣсить *этотъ* портретъ! Онъ будетъ, висѣть, благодаря ей, передъ глазами человѣка, которому уже измѣнили, которому оригиналъ больше ужъ не принадлежитъ?... Нуда, вѣдь скоро фотографію эту потребуютъ обратно, вмѣстѣ съ кольцомъ, что онъ носитъ на пальцѣ, какъ женихъ... Какое мучительное положеніе!.. А вотъ тетушка еще ласково провела рукой по этому портрету!..

— О,она такъ чудно-хороша,—сказала старушка нѣжнымъ голосомъ.—Собственно-то говоря, я мало знаю

ее... Меня навѣщаетъ она весьма рѣдко. И то сказать, мнѣ-ли, старухѣ, требовать, чтобы такая дѣвушка приходила скучать со мною? Но я всѣмъ сердцемъ люблю ее! Вѣдь она *его* любитъ, она сдѣлаетъ его счастливымъ...

Какая недальновидность, какое странное ослѣпленіе! Кэтѣ казалось, что она не на стулѣ стоитъ, а на горячихъ угольяхъ.. Въ самомъ дѣлѣ, она поступила ужасно необдуманно: послѣ всего того, что пришлось ей сегодня услышать тамъ, въ башнѣ, не слѣдовало ей вовсе и заходить сюда. Она готова была назвать себя фальшивой, лицемѣрной, потому что надо было сейчасъ-же вышибить изъ рукъ этой старушки фотографическій портретъ, показать ей, что передъ ней — змѣя, готовая ужалить ее въ сердце.. А она этого не сдѣлала, даже не осмѣлилась проронить ни одного слова!.. Молотокъ такъ сильно ударилъ по гвоздю, что стѣна дрогнула... Вотъ и второй портретъ повѣшенъ. Пальцы Кэты какъ-то нервно задрожали, когда она вѣшала его. Соскочивъ со стула, дѣвушка невольно взглянула на фотографію... Обольстительное лицо сестры улыбалось надъ письменнымъ столомъ,—улыбалось, какъ можетъ улыбаться прекрасный, злой, торжествующій демонъ.

Кэта схватила зонтикъ, чтобъ какъ можно скорѣе выйти изъ комнаты, но, переступивъ порогъ, увидѣла передъ собой другую настежъ отворенную дверь, а за нею какъ разъ—кровать тетушки. Тамъ была и лѣстница.

— Вотъ, вѣдь, чуть—было не забыла! извинилась она и впорхнула туда, а затѣмъ сейчасъ-же взяла съ постели цвѣтную занавѣску и влѣзла на лѣстницу, пододвинувъ ее къ угловому окну, около котораго помѣщалась кровать. Кэта стояла такъ высоко, что могла коснуться лѣпныхъ украшеній потолка — къ ножкамъ амурчиковъ. Торопливо быстро нанизывала она кольца занавѣски на желѣзный прутъ, а въ это время тётушка, стоя у стола (онъ былъ посреди комнаты), размѣшивала ложечкой въ стаканѣ воды малиновый сиропъ „для своей доброй помощницы". Вдругъ Кэта увидѣла, какъ за окномъ быстро прошолъ человѣкъ, удивительно какой стройный, съ такой серьезной осанкой, и она сейчасъ-же догадалась, что это *онъ*... и испугалась. Оставаться или сойти съ лѣстницы? Но уже было поздно рѣшать этотъ вопросъ: Брукъ прошелъ чрезъ сѣни и отворялъ теперь дверь въ комнату тетушки. Старушка обернулась, и, крикнувъ: „Ахъ, Лео, вотъ и ты!", поспѣшила къ нему навстрѣчу и обвила руками шею племянника. Само собою разумѣется, что тутъ не только стаканъ съ розовымъ питьемъ, но и сама „добрая помощница" была забыта. Кэта, стоя въ темномъ углу, на лѣстницѣ, въ невыразимомъ смущеніи старалась теперь спрятаться за ситцевую занавѣску, но уже было поздно прятаться: она *должна* была стоять совсѣмъ смирно, не шевелиться, если не хотѣла быть неловкой помѣхой этому свиданію.

Молодая дѣвушка видѣла, какъ красивое лицо доктора, окаймленное густою бородой, любовно склонилось надъ женщиной, воспитавшей его, дружески-преданной ему, замѣнившей ему родную мать. Она видѣла, какъ онъ крѣпко прижалъ ее къ груди и потомъ, снявъ руку тетушки съ своего плеча, почтительно поцѣловалъ эту руку и затѣмъ окинулъ взглядомъ комнату.

— Ну, Лео, что-то ты скажешь насчетъ того, что вотъ я, не предупредивъ тебя, прилетѣла изъ города сюда?—спросила старушка, уловивъ взглядъ племянника.

— Я бы долженъ былъ, собственно говоря, не одобрить этого... Въ послѣдніе дни ты слишкомъ много хлопотъ приняла на себя, ну, а вѣдь мы знаемъ, что домашнія треволненія и хлопоты всегда вредно дѣйствуютъ на твое здоровье! Впрочемъ, ты — ничего, на видъ здорова и свѣжа, даже....

— А ты, Лео, что-то не совсѣмъ хорошъ,—перебила тетушка съ озабоченнымъ видомъ:—цвѣтъ лица не такой свѣжій, какъ обыкновенно, да вотъ и здѣсь (она слегка провела концами пальцевъ по его лбу) замѣтно что-то такое незнакомое... Да; какая-то мрачная, мучительная мысль забралась туда .. Не было-ли какихъ-нибудь непріятностей у тебя тамъ, куда ты ѣздилъ, т. е. относительно твоей докторской практики?..

— Нѣтъ, тетушка, никакихъ!

Въ тонѣ его голоса звучала искренность, тонъ былъ успокоительный, но въ то-же время въ немъ ясно слышалось желаніе прекратить дальнѣйшіе разспросы. Коммерціи совѣтникъ не даромъ-же замѣтилъ, что Брукъ вообще никогда не говоритъ о своихъ дѣлахъ, не любитъ сообщать что-либо о своей дѣятельности.

— Однако, какой уютной представляется мнѣ эта комната, не смотря на ея почернѣвшія стѣны,—проговорилъ докторъ и, заложивъ руки на спину, прошелся медленнымъ шагомъ вокругъ стола, осматривая разныя мелочи... Здѣсь ощущаешь миръ, тишину, благодаря присутствію безкорыстной, любящей женской души!.. Вотъ именно *это* такъ и тянетъ меня домой, въ этотъ скромный уголокъ съ его простенькой обстановкой, гдѣ даже и не слышно, какъ ты хозяйничаешь... Я, тетушка, частенько буду посѣщать это тихое жилище.

Старушка засмѣялась и замѣтила лукаво:

— Да, да, конечно! Частенько... до *одного* іюньскаго денька... Послѣ Троицына дня—твоя свадьба.

— Да; на второй день праздника.

Какъ странно произнесъ онъ эти слова—холодно, такимъ твердымъ, неумолимымъ тономъ!.. Ну-да ужь онъ не допуститъ отсрочки ни на одну секунду; назначенъ часъ—и кончено! . Кэта почувствовала легкій ознобъ и притаила дыханіе... Вотъ ужь теперь-то показаться ей совсѣмъ нельзя! . Считая каждую минуту, она ждала, что Брукъ уйдетъ же, наконецъ, въ свою комнату, а тогда ей легко будетъ спуститься и тихонько уйти, не столкнувшись съ нимъ. Это „подслушиванье поневолѣ" въ глубинѣ души возмущало молодую дѣвушку. Докторъ, какъ на зло, подошелъ еще къ столу и взялъ письмо (оно лежало около книгъ, неприбранныхъ тетушкою за неимѣніемъ времени).

Старушка даже подалась впередъ, какъ-бы желая помѣшать ему прочесть это письмо, причемъ нѣжное лицо ея почти побагровѣло.

— Ахъ, Господи, вѣдь вотъ какой забывчивой становится такая старая голова!—посѣтовала она.—Письмо это принесли изъ города нѣсколько часовъ тому назадъ... Отъ купца Ленца. Сегодня не слѣдовалобы вовсе письму этому попадать въ твои руки—ну, а я, вотъ, и оставила его тутъ! Кажется мнѣ, что въ немъ деньги за твои визиты... Но присланы-то они въ такое неурочное время, Лео.. Я, право, опасаюсь...

Брукъ уже вынулъ письмо изъ конверта и пробѣжалъ глазами написанное.

— Да, и Ленцъ тоже даетъ мнѣ отставку, произнесъ онъ спокойнымъ тономъ и бросилъ на столъ, вмѣстѣ съ письмомъ нѣсколько, кредитныхъ билетовъ.— Тебя, тетушка огорчаетъ это?

— Меня?.. О, Лео, нисколько! Ни чуточки, если только я могу быть увѣрена, что ты не принимаешь близко къ сердцу неблагодарность этихъ неразсудительныхъ людей... я вѣрю въ тебя, въ твое искусство... въ твою звѣзду, и вѣра эта непоколебима,—прозвучалъ кроткій женскій голосъ, въ которомъ было много теплоты и увѣренности.—Рука несчастья и недоброжелательства стала бросать тебѣ подъ ноги камни (конечно, она это скоро оставитъ), но камни эти не смущаютъ меня: ты все-таки пойдешь впередъ по дорогѣ, которую самъ избралъ!.. (Тутъ старушка указала черезъ открытую дверь на смежную комнату). Осмотри-ка свой уголокъ — тамъ спокойно, безъ всякихъ помѣхъ, мо-

жешь-ты и думать и работать!.. Ахъ, и какъ-же радостно ожидаю я того времени, тѣхъ дней, которые мы еще можемъ прожить вмѣстѣ, когда *я* буду заботиться о тебѣ...

— Да, тетушка, но та стѣснительная экономія, которую ты въ эти послѣдніе мѣсяцы постепенно вводила въ наше хозяйство... вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, повліявшихъ на мои дѣла, должна быть совершенно оставлена. Я не потерплю теперь, не могу больше допустить, чтобы ты сряду нѣсколько часовъ стояла въ кухнѣ на холодномъ каменномъ полу. Нельзя-ли сегодня-же снова водворить нашу прежнюю кухарку?.. Относительно этого ты можешь преспокойно распорядиться — смѣло пригласить ее занять старое мѣсто.

Докторъ опустилъ руку въ боковой карманъ сюртука; вынулъ оттуда тяжеловѣсный кошелекъ (наполненный золотомъ) и высыпалъ изъ него всѣ деньги на столъ.

Старушка такъ была удивлена и такъ обрадовалась при видѣ кучки золота, заблестѣвшей на ея простенькой скатерти, что только молча всплеснула руками.

— Это, тетушка, гонорарій мой — только за одну практику,—сказалъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ.— И—такъ, тяжелые дни миновали!

Брукъ повернулся и вышелъ изъ угловой комнаты.

Взглянувъ на тетушку, можно было замѣтить, что у нея кое-что лежало еще на душѣ, но она не сдѣлала ни одного вопроса о томъ, какая это была практика и кто именно былъ его паціентомъ — такимъ щедрымъ при выдачѣ вознагражденія.

Кэта воспользовалась благопріятной минутой, чтобы сойти, наконецъ, съ лѣстницы. Сердце у нея стучало, щеки совсѣмъ разгорѣлись—такъ ей стыдно было, что она подслушала весь этотъ интимный разговоръ!.. Вонъ, изъ той двери прямо выходъ въ сѣни... значитъ, уйти можно незамѣтно; пускай тетушка-дьяконисса думаетъ, что и слѣдъ Кэты давно простылъ, что она и не слышала ни одного словечка изъ ихъ разговора, во-время удалившись... Но, прежде чѣмъ выйти изъ спальни, дѣвушка украдкой посмотрѣла въ сосѣднюю комнату. Какъ разъ въ это время дьяконисса и докторъ подошли къ письменному столу, и Кэта услышала восклицаніе Брука: „А — а! Вотъ и первые весенніе цвѣточки! Да развѣ ты знала, что я люблю эти хорошенькіе голубые цвѣточки?..“ Тетушка, растерявшись, тоже воскликнула: „Я-то?.. Нѣтъ, Лео.... Это—Кэтхенъ, твоя третья своячeница, взяла да и опустила въ стаканъ букетикъ.... Эхъ, право, какая я нынче разсѣянная, безпамятная!...“

Старушка поспѣшила въ спальню, но Кэта уже успѣла запереть за собою дверь и проскользнуть чрезъ сѣни прямо въ садъ. Такъ какъ ее теперь ничто не тревожило, то она шла подъ окнами неторопливымъ шагомъ. Заглянувъ въ первыя два окна, она увидѣла за ними часть постельной занавѣски, съ пестрыми букетами, повѣшенной криво, кое-какъ; за слѣдующей парой окошекъ висѣли хорошенькія кисейныя занавѣси (это была комната тетушки). Одно окно было открыто и оттуда струился ароматъ гіацинтовъ и нарцисовъ. Вдругъ красивая мускулистая мужская рука поставила стеклянный стаканъ молочнаго цвѣта, съ голубыми цвѣточками въ немъ, на подоконникъ возлѣ цвѣточныхъ горшковъ... Это былъ ея весенній букетикъ!... Брукъ взялъ его съ письменнаго стола и перенесъ на окно. Кэта сильно вздрогнула .. Вотъ вѣтренница, вотъ неосторожная! Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ странномъ свѣтѣ показала она себя: вѣдь докторъ, увидѣвъ на своемъ столѣ эти цвѣточки, навѣрно долженъ подумать о томъ, какую безтактность И, даже навязчивость обнаружила въ этомъ случаѣ легкомысленная молодая дѣвушка!... Она тотчасъ-же остановилась и, раздосадованная, почти глотая слезы, протянула руку къ подоконнику. Брукъ невольно поднялъ глаза.

— Будьте такъ добры, г. докторъ, потрудитесь передать мнѣ эти цвѣты. Они—мои. Я только на минутку куда-то положила ихъ тамъ, а потомъ и забыла о нихъ, проговорила Кэта, съ трудомъ скрывая волненіе.

Услышавъ этотъ голосъ, такъ неожиданно прозвучавшій за окномъ, докторъ сначала какъ будто испугался слегка.... Конечно, ему было не совсѣмъ-то пріятно, что молодая дѣвушка наблюдала за нимъ, но онъ быстро овладѣлъ собой, подавивъ непріятное ощущеніе, и ласково сказалъ:

— Я сейчасъ отдамъ вамъ цвѣты.

Глубоко спокойный тонъ отвѣта разомъ обезоружилъ Кэту.... Да, *онъ не хотѣлъ* обидѣть ее.

Брукъ вышелъ на крыльцо и сошелъ со ступенекъ лѣсенки. Его великолѣпная кудрявая борода, широкая грудь, строго благородная манера держаться — все это вмѣстѣ невольно напоминало одну изъ тѣхъ фигуръ, которыя мы привыкли видѣть непремѣнно въ форменномъ военномъ костюмѣ — хотя бы даже въ зеленомъ сюртукѣ лѣсничаго. Вѣжливо поклонившись, онъ подалъ дѣвушкѣ стаканъ съ букетикомъ.

Кэта вынула цвѣты изъ стакана и, улыбаясь, сказала:

— Вѣдь это — первые, смѣлые маленькіе цвѣточки! Они бойко такъ торопятся поскорѣй выйти на свѣжій апрѣльскій воздухъ! Сколько разъ согнешься, чтобы составить такой букетъ, но за то потомъ и радуешься ему... Право, онъ дароже цѣлой массы тепличныхъ цвѣтовъ!

Теперь только молодая дѣвушка поуспокоилась. Докторъ ужь навѣрно послѣ этого не подумаетъ, что она, въ качествѣ новой родственницы обнаружила такую неловкость, безцеремонность относительно его письменнаго стола.

Вотъ и тетушка показалась у открытаго окна. Извинившись, что ей пришлось оставить Кэту, она въ самыхъ задушевныхъ выраженіяхъ просила молодую дѣвушку приходить сюда почаще.

— Но вѣдь фрейленъ Кэта, недѣли чрезъ двѣ-три, уѣдетъ опять въ Дрезденъ,—какъ-то торопливо отвѣтилъ за нее Брукъ.

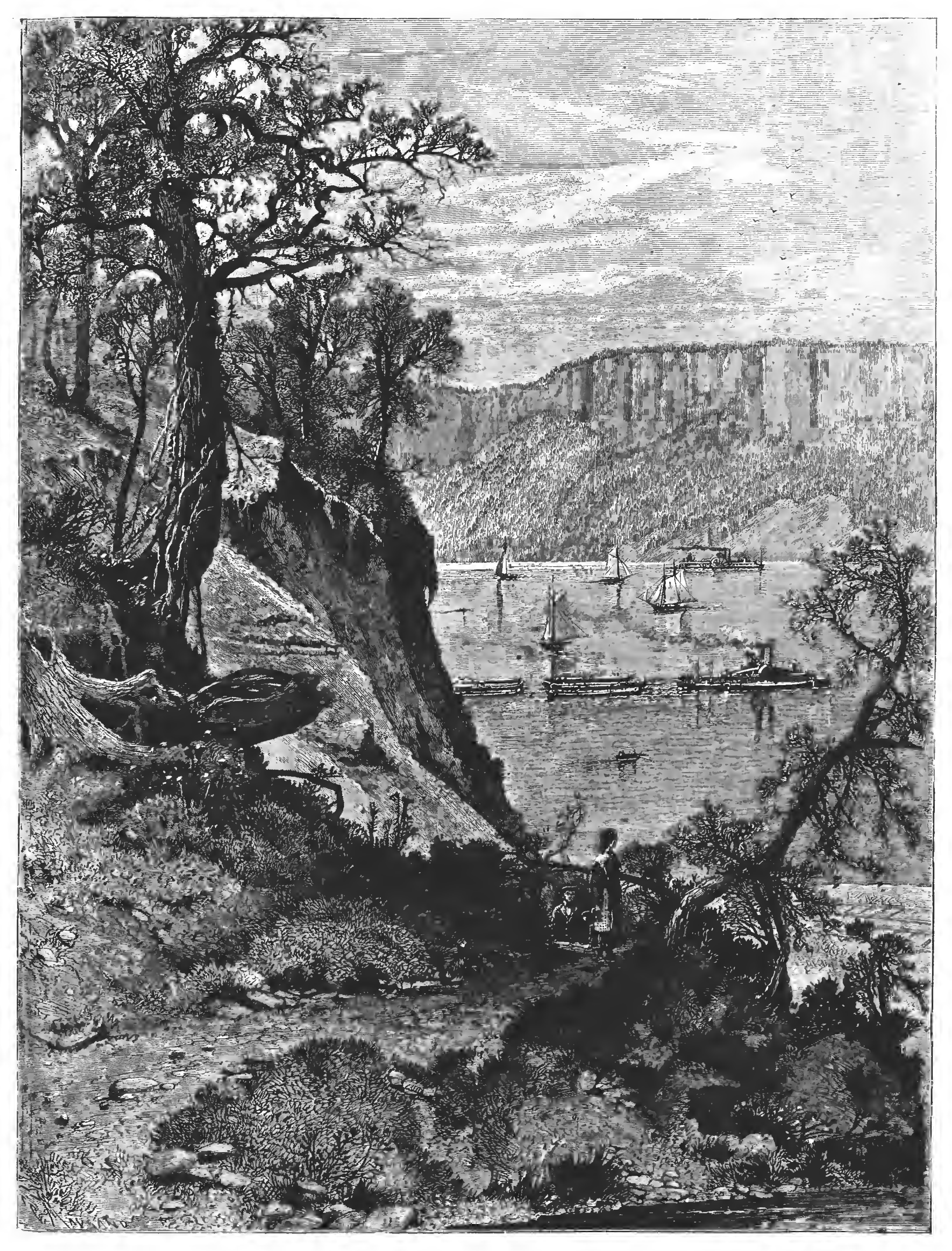
Это смутило и изумило Кэту. Неужели-же онъ боялся того, что она, являясь сюда, будетъ говорить старушкѣ (ничего еще неподозрѣвавшей) о томъ, какія странныя отношенія существуютъ, между нимъ и его невѣстой?... Мысль эта раздражала ее, но ей ужасно было жаль Брука: вѣдь душа его страдала, и страданія эти онъ такъ мужественно таилъ въ своей груди, а она не могла успокоить, утѣшить его...

— Я дольше останусь здѣсь, г. докторъ,—возразила Кэта серьезнымъ тономъ.—Да, и весьма вѣроятно, что пребываніе мое въ домѣ Морица продлится нѣсколько мѣсяцевъ... Вамъ, какъ врачу Генріэтты, лучше ближе знать, когда мнѣ возможно будетъ спокойно оставить больную сестру и вернуться домой.

— Вы хотите ухаживать за Генріэттой?

— Да, и нахожу это совершенно естественнымъ. Развѣ хорошо, что уходъ за ней до сихъ поръ былъ порученъ исключительно лицамъ постороннимъ, чужимъ?.. Бѣдняжка предпочитаетъ даже въ одиночку проводить ночи, чтобы только не призывать прислуги... Она не рѣшается обратиться за помощью къ ней, потому что рискуетъ увидѣть кислыя, угрюмыя, заспанныя физіономіи а это оскорбляетъ ее. Она настолько горда, а можетъ быть слишкомъ раздражительна вслѣдствіе болѣзни, что не можетъ позволить себѣ почувствовать зависимость свою отъ людей подначальныхъ. Этого не слѣдуетъ болѣе допускать—и я остаюсь ради Генріэтты.

— Какъ-бы то ни было, вы берете на себя эту задачу, сачитя ее слишкомъ легкой... Генріэтта очень

Вершины Палисадъ на Гудзонѣ, въ Америкѣ, Соединенныхъ Штатахъ. Рисов. Смитъ, грав. Моранъ.

больна, (Брукъ провелъ рукою по лбу, такъ что на мгновеніе Кэта не могла видѣть его глазъ)... Вамъ придется пережить тутъ нѣсколько тяжелыхъ, мучительныхъ часовъ.

— Я это знаю, произнесла она тихо, вдругъ сильно поблѣднѣвъ на одну минуту:—но во мнѣ довольно мужества...

— Относительно этого я не сомнѣваюсь, живо заговорилъ докторъ:—вѣрю, что у васъ и терпѣнія много, и неослабѣнаго милосердія, но... нельзя еще опредѣлить времени, когда для больной... уже не нужно будетъ никакого ухода... Вотъ поэтому-то я и не могу допустить, чтобы вы такъ энергически брались за это дѣло. Такой трудъ для васъ физически невозможенъ.

— Для меня?...

Невольно поднявъ и вытянувъ правую руку, Кэта съ горделивой улыбкой посмотрѣла на нее.

— Не кажется-ли самимъ вамъ, г. докторъ, опасеніе ваше неосновательнымъ, когда, вотъ, вы видите меня? спросила она, весело метнувъ глазами.—Нѣтъ, я изъ крѣпкаго, хорошаго матеріала; я вышла совсѣмъ въ бабушку Зоммеръ, а бабушка была дочерью крестьянина, сказать проще—дочерью дровосѣка, и бѣгала она босая, а въ лѣсу работала топоромъ даже лучше своихъ братьевъ. Это я все знаю отъ Сузы.

Брукъ отвелъ отъ нея глаза и посмотрѣлъ въ открытое окно. Тамъ, за своими гіацинтами и нарциссами, стояла старушка-тетушка въ задумчивой позѣ и какъ-бы привороженная, смотрѣла упорно на молодую дѣвушку. Его лицо какъ-то удивительно омрачилось.

— Въ данномъ случаѣ желѣзная сила мускуловъ не такъ важна, уклончиво отвѣтилъ докторъ.—Обязанность сидѣлки, которую вы желаете принять на себя, сопряженная съ душевнымъ волненіемъ и опасеніями, вредно дѣйствуетъ на нервную систему... Впрочемъ (какъ-бы спохватился онъ), мнѣ вовсе и не слѣдуетъ указывать вамъ, какъ именно должны вы поступать. Это ужъ дѣло вашего опекуна, Морица, который обязанъ разрѣшить этотъ вопросъ. Онъ, по всей вѣроятности, будетъ настаивать на томъ, чтобъ вы къ назначенному сроку вернулись въ домъ вашихъ пріемныхъ родителей.

Эти послѣднія слова Брукъ произнесъ довольно рѣзкимъ тономъ, что не согласовалось съ его обычною кротостью и хладнокровіемъ.

Тетушка невольно отодвинулась отъ окна, Кэта-же, напротивъ, стояла совершенно спокойно.

— Но отчего вы такъ непреклонны, г. докторъ? Почему вамъ хочется, чтобы Морицъ обошелся со мной такъ жестоко?—спросила она какъ-то дѣвственно-кротко.—Развѣ я желаю чего нибудь дурнаго?... И неужели Морицъ дѣйствительно имѣетъ право удержать меня отъ исполненія обязанностей сестры?... Нѣтъ, я этого не думаю... Но я вижу одинъ только исходъ, а именно: уговорите Генріэтту отправиться со мною въ Дрезденъ. Тамъ за больной будутъ ухаживать двое: я и моя докторша; уходъ, значитъ, пополамъ... Вѣдь это не повредитъ моей нервной системѣ?...

Кэта тихо засмѣялась.

— Хорошо-съ, попытаюсь уговорить, отвѣтилъ Брукъ особенно-рѣшительнымъ тономъ.

— Ну, такъ я впередъ дамъ вамъ слово, что если это устроится я потороплюсь улетѣть отсюда, постараюсь поспѣшить, насколько это будетъ отъ меня зависѣть, проговорила молодая дѣвушка не менѣе рѣшительнымъ голосомъ, бросивъ на доктора выразительный взглядъ. Взглядъ этотъ заставилъ его потупить глаза, какъ будто онъ былъ пойманъ на чемъ дурномъ.

Тетушка внезапно высунулась изъ окна и какъ-то удивленно, трогательно посмотрѣла въ лицо племянника... Брукъ былъ особенно молчаливъ; онъ стоялъ у виноградной шпалеры, колыхаемой вѣтромъ, и обрывалъ засохшія вѣточки лозы. Онъ ничего не сказалъ Кэт...

— А развѣ вы такъ охотно уѣдете отсюда? спроси... ла старушка съ явнымъ смущеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ ласковымъ упрекомъ.

Кэта въ это время накинула на голову спустившійся на плечи вуаль и крѣпко завязала концы его подъ подбородкомъ. Лицо ея въ этой черной рамкѣ было похоже на цвѣтокъ персиковаго дерева.

— Изъ вѣжливости отвѣтить „нѣтъ“, г-жа діаконисса? спросила она въ свою очередь, улыбаясь, а потомъ, покачавъ головой, прибавила:—полагаю, что я получила достаточно-разумное воспитаніе, могу вступить въ свѣтъ, зная его требованія, условія (каковы они есть), но думаю, что даже самая строгая дрессировка не въ состояніи уничтожить въ тайникѣ души особенностей личности, ея индивидуальность. Я, напримѣръ, чувствую себя и теперь въ отношеніи къ бабушкѣ моихъ сестеръ *такой-же* чуждой, какъ и въ былое время, когда я должна была (по приказанію отца) цѣловать ей руку... Незамѣтно, но постоянно мнѣ приходится стукаться объ разные углы и уголки, мимо которыхъ другіе проходятъ совершенно свободно, не натыкаясь на нихъ. А эти углы и уголки съ самаго дѣтства безпокоили и мучили меня... Ахъ и, какимъ же холодомъ вѣетъ тамъ въ родительскомъ домѣ! (она даже вздрогнула). Много холоднаго мрамора въ немъ. Какъ же не зябнуть тамъ?... Кстати, и Морицъ сдѣлался такимъ ужасно-важнымъ человѣкомъ, что (на щекахъ ея двѣ ямочки обнаружили плутовскую улыбку) при взглядѣ на свою простую визитную карточку случайно-попавшуюся на глаза, положительно трусишь и стыдишься самой себя... Да, милая моя г-жа діаконисса, я отъ души рада буду вернуться въ Дрезденъ, конечно, если только Генріэтта поѣдетъ туда со мною.

Въ противномъ-же случаѣ (тутъ Кэта снова обратилась къ Бруку, перемѣнивъ шутливый тонъ на весьма рѣшительный)... въ противномъ случаѣ я сдѣлаю все зависящее отъ меня, чтобы приноровится къ даннымъ условіямъ жизни, примѣниться къ обстоятельствамъ и затѣмъ остаться на виллѣ. Очень можетъ быть (я и этимъ рискую), что Морицъ попытается насильно отправить меня въ Дрезденъ, но это... ничего!...

Она ласково попрощалась со старушкой и, слегка поклонившись доктору, вышла изъ сада, чтобы отправиться на „замковую“ мельницу, не смотря на то, что наступилъ уже вечеръ.

(Продолженіе будетъ)

„Рѣзвушка“ и „У колодца“.

Въ ряду нашихъ художниковъ-скульпторовъ въ настоящее время видное мѣсто занимаетъ г. Чижовъ, произведенія котораго обращаютъ на себя вниманіе нашихъ знатоковъ и становятъ его наряду съ собратами его по искусству - Ловерецкимъ, Кошелевымъ и др. Г. Чижовъ въ 1866 г. получилъ отъ Императорской академіи художествъ вторую золотую медаль за статую «Крестьянинъ въ бѣдѣ»; въ 1868 году былъ удостоенъ высшей академической награды за образъ, находящійся теперь въ церкви академіи художествъ, изображающій воскрешеніе сына вдовы Наинской. Послѣ того г. Чижовъ былъ удостоенъ медали за экспрессію въ статуѣ «Крестьянинъ въ бѣдѣ»; эта медаль извѣстна подъ названіемъ медали г-жи Лебренъ, вложившей когда-то опредѣленную сумму на учрежденіе этой медали. Званіе академика г. Чижовъ получилъ за статую «У колодца» и «Игра въ жмурки». Первая составляетъ собственность графа Строгонова, а вторая находится въ академіи. Нужно сказать, полученіе высшей академической награды—первой золотой медали, даетъ получившему се право на путешествіе за границу и на жительство тамъ на казенный счетъ въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ (если не ошибаемся, для этого назначается шестилѣтній срокъ). Обязанность такого пенсіонера академіи заключается въ томъ, что онъ, изучая произведенія европейскаго искусства, дол

женъ, съ своей стороны, заботиться о развитіи собственнаго таланта и присылать въ академію свои заграничныя работы по мѣрѣ ихъ накопленія. Число такихъ работъ ограничивается самой незначительной цифрой, и, кажется, дѣло вовсе не въ количествѣ произведеній, а въ ихъ качествѣ. Въ настоящее время г. Чижовъ находится въ Петербургѣ и работаетъ въ своей мастерской, находящейся въ зданіи академіи художествъ. Изъ произведеній его въ свое время обращали вниманіе публики и до сихъ поръ ей памятны: «Крестьянинъ въ бѣдѣ», «Игра въ жмурки», «Мать, учащая грамотѣ своего ребенка», «У колодца» и «Переходъ чрезъ жердочку». Эти два послѣднія произведенія мы передаемъ въ рисункѣ на страницахъ настоящаго нумера «Нивы». По этимъ двумъ произведеніямъ читатели сами могутъ судить о степени таланта художника, о смѣлости его замысловъ, трудность выполненія которыхъ такъ легко преодолѣвается имъ. Особенность г. Чижова, въ отличіе отъ его собратовъ по искусству, заключается всего болѣе именно въ томъ, что онъ не задумывается надъ трудностью задачи, а какъ будто даже самъ нарочно выбираетъ то, что всего труднѣе. Представьте, напримѣръ, такой сюжетъ, какъ переходъ черезъ жердочку: вѣдь здѣсь является для художника необыкновенная трудность—необходимо уловить моментъ и именно тотъ, который только одинъ и характеризуетъ положеніе переходящей: не много раньше, не много позднѣе—и нѣтъ того эффекта, нѣтъ воспроизведенія въ художественной формѣ задуманной идеи. Относительно экспрессіи въ работахъ г. Чижова тоже нужно сказать много хорошаго, хотя въ этой послѣдней ему ни мало не уступаетъ г. Ловерецкій. Полагаемъ, что въ дальнѣйшихъ своихъ работахъ г. Чижовъ, несомнѣнно, сдѣлаетъ большіе успѣхи, въ особенности принимая во вниманіе его молодые года—всего лѣтъ 30-32. Въ заключеніе нашей статьи не можемъ не пожелать нашимъ художникамъ-скульпторамъ такого же богатства, силы и глубины таланта, какія вездѣ и въ громадномъ обиліи проявляются въ произведеніяхъ г. Антокольскаго.

Мы надѣемся, что г. Чижовъ и другіе наши молодые скульпторы обогатятъ впослѣдствіи русское искусство не только такими жанровыми произведеніями, о которыхъ мы выше упоминали, но и воспроизведеніемъ типичныхъ чертъ русской жизни въ фигурахъ, какъ, напримѣръ, это встрѣчается отчасти у г. Пименова (скульптора, увы, рано умершаго). Во всякомъ случаѣ не можемъ не пожелать полнаго успѣха г. Чижову и всѣмъ его собратамъ, ибо искусство даетъ намъ возможность отдаляться на время отъ треволненій обыденной жизни и подниматься, хотя на мгновеніе, хотя на самую незначительную высоту, въ иныя, чистыя сферы отъ заѣдающихъ нашу жизнь мелочныхъ, житейскихъ разсчетовъ!

Вершины Палисадъ на рѣкѣ Гудзонѣ.

Изъ цѣлаго ряда живописныхъ картинъ, открывающихся глазамъ путешественника на берегахъ «красавицы рѣки», какъ обыкновенно зовутъ Гудзонъ, особенно поражаетъ своею оригинальною красотой рядъ отвѣсныхъ скалъ, такъ называемыхъ Palisades. Они тянутся по западному берегу, миль на тридцать, начинаясь у деревни Weehawken, противъ самаго Нью-Іорка, и направляясь къ сѣверу, въ сторону Гаверстро (Haverstrow). Берега Гудзона отличаются разнообразіемъ своихъ ландшафтовъ и соединяютъ, на своемъ протяженіи отъ горъ до океана, романическія красоты Рейна съ величіемъ дунайскихъ видовъ, съ нѣжной и тихой прелестью Эльбы. Великолѣпная панорама его береговъ представляетъ еще больший интересъ въ связи съ древними индѣйскими преданіями, замѣчательными произведеніями американской поэзіи и многими историческими событіями. Это—Гудзонъ прошедшаго; въ настоящее время онъ—мощный двигатель торговли. Его часто посѣщаютъ путешественники, цѣлые плавучіе дворцы покрываютъ его воды, масса бѣлыхъ парусныхъ судовъ снуетъ во всѣ стороны, съ крутыхъ береговъ смотрятся роскошные города, а въ ихъ окрестностяхъ разсыпаны тысячи прелестныхъ дачъ—пріютовъ покоя, довольства, искусства, роскоши и всѣхъ утонченностей новѣйшей цивилизаціи.

«Плывемъ мы мимо рощъ», богатыхъ городовъ,
Селеній скромныхъ, хижинъ и дворцовъ,
Картины новыя—при каждомъ поворотѣ.

Туристъ нашихъ дней, быстро несясь по Гудзону, вдоль его гористыхъ береговъ, или качаясь на волнахъ, подъ сѣрой таинственной тѣнью *Палисадъ*, при солнечномъ закатѣ, можетъ развлекать себя воспоминаніями о маленькомъ *Half-Moon*, парусномъ кораблѣ, на которомъ Гендрикъ Гудзонъ впервые прорѣзалъ воды, отправляясь въ Китай, или о Клермонтѣ, первой паровой силѣ, пущенной на воду Робертомъ Фультономъ; можетъ перенестись въ тѣ далекія времена, когда жителями этихъ береговъ были краснокожіе, а нынѣ—шумная, дѣятельная рѣка, какъ будто плача и сѣтуя на своихъ недобрыхъ пришельцевъ, катила мутныя воды свои.

«По лѣсамъ первобытнымъ, гдѣ сосны и дубы шумѣли,
Зеленью темной и мохомъ вѣнчанные старцы
Дней невозвратно минувшихъ сѣдые друиды.»

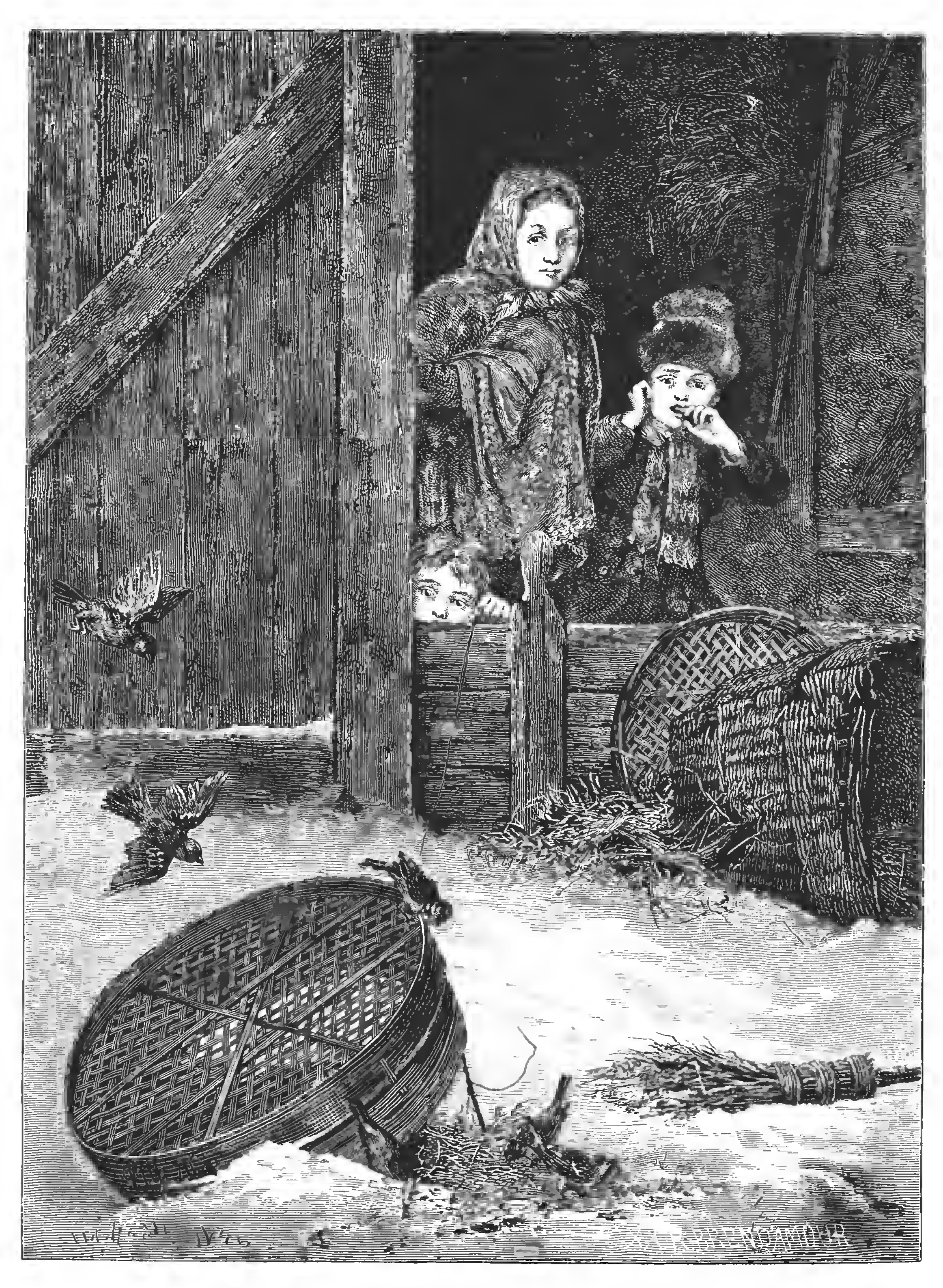
Гудзонъ былъ свидѣтелемъ многихъ возмутительныхъ эпизодовъ революціи: измѣны Арнольда, печальной кончины Андре и сдачи Бергойна (Burgoyne). Съ рѣки скрадывается крутизна береговыхъ скалъ и (на приложенномъ рисункѣ) онѣ изображены съ противоположнаго берега, представляя для видѣвшихъ ихъ снизу совершенно новую картину. Только взбираясь на эти утесы или глядя на нихъ съ запада, какъ и сдѣлалъ художникъ, можно замѣтить неровности мощно возвышающихся вершинъ. Видъ съ этихъ высотъ широкъ и восхитителенъ: передъ глазами зрителя—устье Гудзона, Нью-Іоркская бухта и разбросанныя на востокѣ деревни: Іонкерзъ, Гастингсъ, Сингъ-Сингъ и другія. Вертикальные береговые утесы Гудзона получили свое названіе *Palisades* отъ сходства съ частоколомъ. Въ давнія, можетъ быть доисторическія времена, русло теперешней рѣки шло сквозь формацію краснаго песчаника, слѣды котораго видны у подножія утесовъ и до сихъ поръ. Обломки скалъ падали съ вершинъ, благодаря дружнымъ усиліямъ стихій. Обломки эти идутъ въ настоящее время на мощенье нью-іоркскихъ улицъ; съ той же цѣлью ихъ употребляютъ и въ другихъ городахъ. Около *Weehawken*, эти громадные столбы достигаютъ 310 футовъ, а между Нью-Джерси и Нью-Іоркомъ—510-ти. Въ одномъ мѣстѣ, у *Hakestrow*, Палисады перемѣняютъ направленіе и тянутся въ противоположную сторону отъ рѣки, на сѣверо-западъ и западъ, представляя цѣпь утесовъ, мѣстами въ 800 футовъ вышины. Тотъ же кряжъ идетъ къ югу и образуетъ возвышенность, на которой стоитъ *Hudsoncity*, къ западу отъ Джерсейсити; пассажиры эрикской желѣзной дороги проѣзжаютъ туннель, идущій сквозь Палисады, между Джерсей-сити и большой «Новой Аркой» на западѣ. Исчезая у *Bergin-Point*, скалы опять показываются на Stafen Island, переходя въ плоскую возвышенность. У подошвъ Палисадъ, подъ навѣсами этихъ величавыхъ утесовъ, очень много небольшихъ пещеръ; тамъ и сямъ виднѣются одинокіе коттэжи, прелестныя долины, пароходныя пристани, загородные рестораны. Къ рѣкѣ Хакъ-кьюсакъ горы спускаются волнообразными скатами; мѣстами густой лѣсъ вѣнчаетъ ихъ неровныя верхушки. Съ рѣки его можно принять за мелкій кустарникъ. Недалеко отъ верхняго конца *Manhattan Island* стоитъ большой отель съ башнями и галлереями. Онъ выстроенъ на самомъ обрывѣ Палисадъ, и изъ него видно нижнее теченіе Гудзона, множество окрестныхъ городовъ и Long-Island-Lound, лежащій на востокѣ.

Лучшія мѣста для снимки видовъ со скалъ: Ривердэль, Іонкерзъ, Сингъ-Сингъ, Гастингсъ и верхняя часть Manhattan-Island. Художникъ, м-ръ Вудвардъ, избралъ Гастингсъ, отстоящій отъ Нью-Іорка на 20 миль, какъ пунктъ, съ котораго открывается чрезвычайно характерный видъ на Палисады. На западѣ—незыблемая стѣна сѣрыхъ величавыхъ скалъ подымаетъ къ небу свои вершины, превосходя размѣрами все когда-либо воздвигнутое человѣческими руками въ древнемъ Египтѣ. Крутыми гордыми утесами вдаются Палисады въ водяную гладь рѣки, представляя для артиста по истинѣ поражающую картину, смѣлый штрихъ въ береговомъ ландшафтѣ. На рисункѣ изображена одна изъ этихъ скалистыхъ вершинъ, у подножія которой скользятъ пароходы и суда. Прогулка по хребту Палисада понравится всякому, кто любитъ величественные виды, кто желаетъ взглянуть à vol-d'oiseau на оживленную рѣку, на обширный городъ съ милліоннымъ населеніемъ. На востокѣ—большимъ голубымъ островомъ виднѣется *Long-Island-Lound*, а на сѣверо-востокѣ, какъ на картѣ—разбросаны мирныя селенія и тихія фермы Вестчестера и другихъ. У *Weehawken* показываютъ одно мѣсто, закрытое съ трехъ сторонъ скалами. Въ 1804 г. генералъ Гамильтонъ былъ здѣсь убитъ на дуэли полковникомъ Аарономъ Берръ. На могилѣ похороненнаго здѣсь генерала стоялъ мраморный обелискъ, перенесенный вмѣстѣ съ прахомъ теперь на кладбище церкви св. Троицы. Мѣсто дуэли выходило къ рѣчному обрыву. Ссора, бывшая причиной поединка, была, какъ извѣстно, изъ-за политическихъ убѣжденій и на Берра общество стало смотрѣть какъ на простаго убійцу, когда онъ все-таки воспользовался случаемъ отмстить, послѣ отказа Гамильтона стрѣлять по немъ.

Въ числѣ деревень, разсѣянныхъ по скаламъ Палисадъ, имѣющихъ сходство съ швейцарскими, достойно вниманія *Fort-Lee*, возлѣ развалинъ стараго *Fort-Lee*, вмѣстѣ съ которыми схоронены многія интересныя воспоминанія о дняхъ революціи.

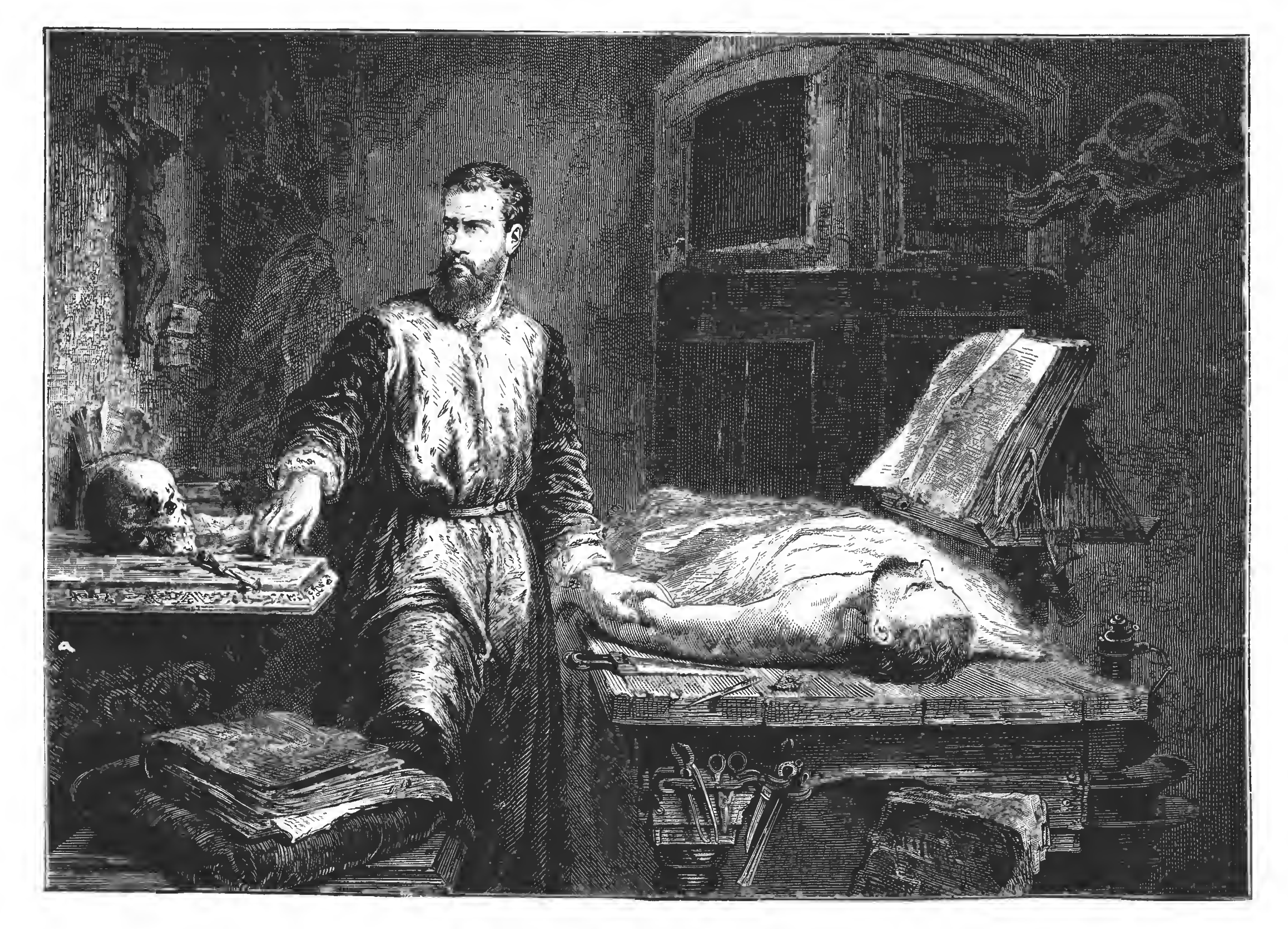
Маленькие птицеловы.

Посмотрите—какое оживленіе въ этой маленькой группѣ. Бойкіе воробьи прыгаютъ и непремѣнно попадутся. Коварную

Маленькіе птицеловы. Картина О. Пильца, грав. Брендамуръ.

ловушку приготвили еще съ вечера маленькіе птицеловы. Мальчикъ, который теперь въ полномъ самозабвеніи и въ волненіи слѣдитъ за ходомъ дѣла, нѣсколько разъ утромъ просыпался и все ему хотѣлось бѣжать поставить ловушку и поймать птичку. И вотъ, едва вытерпѣвъ церемонію одѣванія, онъ вырвался на воздухъ съ своей маленькой «няней», которая держитъ себя степеннѣе, но не меньше своего «барченка» заинтересована ловлей. Вотъ-вотъ сейчасъ неосторожный воробушекъ клюнетъ, зацѣпитъ крыломъ за подставку и крахъ!—рѣшето его захлопываетъ, дѣти съ крикомъ восторга вырвутся изъ засады и унесутъ въ комнату съ торжествомъ трепещущую, перепуганную, рвущуюся изъ рукъ птичку.

Андрей Везалій при вскрытіи трупа, гравир. Пейне.

Везалій, мученикъ за науку.

Шестнадцатое столѣтіе, вѣкъ реформаціи, можно считать новой эпохой медицинской науки и въ особенности анатоміи. Какъ въ области религіи сіяло трехзвѣздіе, такъ и въ области анатоміи дѣйствовалъ тріумвиратъ Везаліуса, Евстахіуса и Фаллонія.

Тридцатью однимъ годомъ позже Лютера, Андрей Везалій, великій реформаторъ анатоміи, родился въ Брюсселѣ, въ 1514 году. Отецъ его былъ уроженцемъ Везеля, въ герцогствѣ Клевскомъ. Везалій первоначально учился въ лэвенскомъ университетѣ и, обогатившись свѣдѣніями въ древнихъ языкахъ и въ схоластической философіи, отправился въ Парижъ. Въ парижскомъ университетѣ Везалій слушалъ лекціи знаменитаго въ то время профессора Якова Сильвія. Уже въ Лэвенѣ Везалій со всѣмъ пыломъ молодости посвятилъ себя изученію анатоміи и, по собственному его сознанію, обкрадывалъ кладбище и висѣлицы, съ цѣлью добыть предметы для своихъ ученыхъ изысканій. Молодой человѣкъ навлекъ этимъ на себя сильныя преслѣдованія, вынудившія его покинуть лэвенскій университетъ и отправиться въ Парижъ. Спустя немного времени, Везалій самъ выступаетъ въ качествѣ профессора анатоміи и навлекаетъ этимъ на себя вражду учителя своего Сильвія, аудиторія котораго оставалась постоянно пустою съ тѣхъ поръ, какъ Везалій началъ преподавать анатомію. Везалій обладалъ нетолько большою начитанностью старинныхъ трактатовъ объ анатоміи, что при тогдашней рѣдкости и дороговизнѣ книгъ имѣло важное значеніе, но также большою способностью опредѣлять кости посредствомъ осязанія, даже съ завязанными глазами. Во время путешествія своего по Италіи, Везалій, своими лекціями объ анатоміи въ болонскомъ, пизанскомъ и падуанскомъ университетахъ, пріобрѣлъ себѣ громкую славу, такъ что, имѣя отъ роду только двадцать три года, приглашенъ былъ венеціанской республикой занять каѳедру въ падуанскомъ университетѣ.

Слава его увеличивалась все болѣе и болѣе: онъ обратилъ на себя вниманіе всѣхъ своихъ современниковъ, когда на двадцать-девятомъ году обнародовалъ свой превосходный трактатъ объ анатоміи человѣческаго тѣла. Стефанъ Калкарскій, ученикъ Тиціана, украсилъ сочиненіе это своими рисунками.

Въ 1543 году Везалій былъ принятъ лейбъ-медикомъ къ Карлу V и потомъ къ наслѣднику его, Филиппу II, который облекъ его особенною своею довѣренностью за излеченіе донъ-Карлоса, получившаго въ дѣтствѣ, при паденіи, ушибъ головы. Блескъ общественнаго положенія Везалія отразился и на молодой отрасли медицинской науки, доставивъ ей уваженіе, защиту и распространеніе.

Но въ той же мѣрѣ, въ какой солнце его славы и счастія подымалось все выше и распространяло свои лучи, расли ненависть и злоба его враговъ и, къ сожалѣнію, недоброжелательство многихъ его современниковъ, съ которыми онъ находился раньше въ дружескихъ отношеніяхъ. Враги прогресса взирали со злобой, какъ истина пріобрѣтала себѣ новую область, какъ наука дѣлала мертвое тѣло предметомъ своихъ изслѣдованій.

Мрачныя тучи, предвѣстницы бури, скоплялись все болѣе и болѣе надъ головой Везалія. Враги рѣшились погубить его, по меньшей мѣрѣ низвергнуть съ высоты занимаемаго имъ общественнаго положенія. Свобода мысли была въ то время дѣломъ крайне опаснымъ, и то, что мы называемъ просвѣщеніемъ, было строго преслѣдуемо даже въ области науки. А развѣ Везалій не былъ первымъ мыслителемъ въ анатомической наукѣ? Развѣ онъ не разрушилъ авторитета Галена, доказавъ его заблужденія относительно науки и уничтоживъ вѣру въ непогрѣшимость его ученія объ анатоміи—непогрѣшимость, въ которую слѣпо вѣровалъ весь свѣтъ? Развѣ Везалій не доказалъ, что ученіе Галена о строеніи человѣческаго тѣла не есть анатомія человѣка, а анатомія обезьяны и собаки? Развѣ не слѣдовало употребить всѣ усилія съ тѣмъ, чтобъ погубить такого опаснаго человѣка, который свободу мысли возвелъ на степень принципа и уничтожилъ совершенно авторитетъ медицинскаго папы Галена? Развѣ Везалій не возставалъ, подобно Лютеру, противъ авторитета, признаннаго вѣками? Развѣ, вмѣсто анатомической вѣры, онъ не ставилъ со смѣлостью и необычайнымъ успѣхомъ анатомическое знаніе?

Везалію было сорокъ девять лѣтъ отъ роду, когда подъ ногами его начала колебаться почва, которую враги его безпрерывно подкапывали своими интригами при дворѣ и распространеніемъ ложныхъ слуховъ въ средѣ такого народа, какимъ можно представить себѣ тогдашнихъ испанцевъ.

Непризнанный, тяжко и глубоко оскорбленный, Везалій принужденъ былъ сложить свое званіе. Онъ сжегъ всѣ свои рукописи и долженъ былъ, на пятидесятомъ году, предпринять путешествіе въ Святую землю, въ наказаніе за то, что былъ первымъ мыслителемъ своего вѣка и реформаторомъ анатоміи.

Мало того, коварные враги его сочинили гнусную клевету. Особенный случай доставилъ торжество его завистникамъ: по смерти одной знатной испанки, Везалій, желая удостовѣриться въ сущности ея болѣзни, съ большимъ трудомъ выпросилъ у родителей покойной позволеніе вскрыть ея тѣло. Когда онъ коснулся концемъ ножа сердца, въ этомъ органѣ, сохранившемъ нѣсколько раздражительности, произошло легкое сжатіе. Это несчастное приключеніе тотчасъ было представлено гражданскому суду и инквизиціи, и Везалія обвинили въ убійствѣ и безбожіи. Бургавъ и Альбинусъ, описавшіе жизнь Везалія, говорятъ, что судъ инквизиціи былъ неумолимъ къ нему, и хотя Филиппъ II отмѣнилъ приговоръ его, но согласился, чтобъ Везалій очистилъ себя путешествіемъ въ Святую землю.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, на берегъ острова Занта волны выбросили тѣло Везалія, который, на обратномъ пути изъ Палестины въ Европу, потерпѣлъ кораблекрушеніе и бѣдственнымъ образомъ погибъ. Венеціанскій золотыхъ дѣлъ мастеръ, узнавъ мертвое тѣло Везалія, похоронилъ его и поставилъ на могилѣ камень съ надписью.

Простыя слова: «Тѣло Андрея Везалія изъ Брюсселя», указывали на мѣсто, гдѣ этотъ великій и геніальный человѣкъ нашелъ себѣ, наконецъ, успокоеніе отъ козней своихъ непримиримыхъ враговъ — враговъ просвѣщенія и умственнаго прогресса.

П. В. С—ой

Я помню—стонала и выла мятель за окномъ,
Пушистыми хлопьями стекла она залѣпила...
А въ комнатѣ нашей, дрожащимъ свѣтясь огонькомъ,
Лампада блестящія ризы иконъ золотила.
Я помню—къ тебѣ я прижался, ребенокъ больной—
На лобъ мой горячій ты руку свою положила...
И чудную сказку, склонясь надо мной, говорила,
И чудная сказка далеко меня за собой
Въ роскошный свой міръ уносила.

* * *

Я помню—какъ мѣсяцъ огромный на небо всходилъ,
Какъ онъ серебромъ заливалъ и дворецъ и сады Черномора,
Какъ звонкія пѣсни въ кустахъ соловей заводилъ
Съ волшебными звуками споря незримаго хора...
Какія-то дивныя чары сходили на насъ...
Я былъ далеко и въ садахъ Черномора носился;
Но міръ этотъ съ комнатой нашей таинственно слился
И мѣсяцъ свѣтилъ мнѣ—отраднымъ лучемъ твоихъ глазъ,
Въ мелодіи—голосъ твой лился...

Вс. С—въ.

Политическое обозрѣніе.

Послѣдніе депутатскіе выборы во Франціи, повидимому, упрочиваютъ республиканскую форму правленія. Громадное большинство членовъ новой палаты принадлежитъ къ сторонникамъ республики. Если, дѣйствительно, мелкіе интересы отдѣльныхъ группъ, соперничество, стремленіе къ преобладанію—словомъ тѣ черты, которыя, къ сожалѣнію, уже не разъ были проявляемы безчисленными подраздѣленіями партій, умолкнутъ предъ болѣе высокими интересами патріотизма и блага отечества, то можно будетъ ожидать безпримѣрнаго во французской исторіи явленія—твердо установившейся республики.

Сосѣдняя Франціи страна, Испанія, какъ кажется, также вступаетъ на путь спокойной, правильной жизни. Дѣло донъ-Карлоса совершенно проиграно, борьба кончена и завершился, наконецъ, цѣлый рядъ годовъ кровопролитій и свирѣпой рѣзни. Претендентъ, готовясь переступить французскую границу, обратился къ оставшимся еще ему вѣрными 18-ти батальонамъ и разрѣшилъ имъ положить оружіе, а затѣмъ издалъ манифестъ къ испанцамъ, въ которомъ отказывается отъ задачи доставить имъ счастіе. Хотя испанскій народъ и оставляетъ, въ отношеніи своей цивилизованности, желать многаго, за то съ другой стороны, онъ обладаетъ такими качествами, такъ сказать, нетронутаго, цѣльнаго характера, которыхъ давно уже лишились дру-

гія націй изъ передовыхъ, представляющія грустный примѣръ деморализаціи и распущенности.

Будущее покажетъ, насколько молодой король и его правительство сумѣютъ понять народъ, судьба котораго вручена имъ, и привести его, наконецъ, къ берегу.

Намѣтимъ, наконецъ, замѣчательный переворотъ, происшедшій въ отношеніяхъ Китая къ иностранцамъ. Эта классическая страна рутины и «незнанія иностранцевъ» пришла-таки къ убѣжденію въ необходимости прогресса, въ необходимости вступить въ среду остальныхъ націй, стать съ ними въ правильныя и постоянныя отношенія. Пекинское правительство обратилось ко всѣмъ государственнымъ людямъ имперіи и потребовало ихъ мнѣнія объ условіяхъ, необходимыхъ для улучшенія положенія дѣлъ вообще и внѣшнихъ свошеній въ особенности. Всѣ эти лица единогласно признали необходимымъ отказаться отъ вѣковой политики, совершенно изолирующей Китай отъ остальнаго міра, и войти въ связь съ другими державами учрежденіемъ посольствъ. Правительство вняло благоразумнымъ совѣтамъ и отправило уже посланниковъ въ Лондонъ; по слухамъ, въ самомъ непродолжительномъ времени послѣдуетъ назначеніе посольства и въ Петербургъ.

Смѣсь.

Массачусетская тюрьма. Въ Сѣверо-Американскомъ штатѣ Массачусетсѣ, близъ Бостона, въ Чарлстоунѣ, находится замѣчательное тюремное учрежденіе, описанное въ недавно вышедшей книгѣ Гедсона Хайэсъ.

При поступленіи въ тюрьму, сообщаетъ Хайэсъ, преступнику не стригутъ волосъ подъ гребенку, чтобы этимъ не наложить на него клейма отверженія; платье его не имѣетъ арестантскаго покроя, потому что обезчещивающій костюмъ могъ бы погасить въ немъ искру лучшихъ склонностей и чувствъ.

Первый день заключенный проводитъ одиноко, къ нему приходитъ директоръ заведенія и объясняетъ ему тюремныя правила, прибитыя у дверей кельи. Въ каждой кельѣ находится складная желѣзная кровать, тюфякъ, набитый пальмовымъ листомъ, подушка, простыня, шерстяныя одѣяла и пуховая перина, далѣе деревянный столъ со стуломъ, библія, каталогъ книгъ тюремной библіотеки, ложка, ножикъ и вилка, перецъ, соль и уксусъ.

Къ работѣ не тотчасъ принуждаютъ заключеннаго, ему представляется обдумать свое положеніе въ теченіи нѣсколькихъ дней и внутренно сосредоточиться; въ это время его посѣщаютъ служащія при тюрьмѣ лица, свободно съ нимъ бесѣдуютъ, приносятъ ему книги изъ превосходной тюремной библіотеки, и не только ободряютъ его безгоречно сносить свою участь, но и увѣщеваютъ не чуждаться того хорошаго вліянія, которое дастъ ему жизнь въ заключеніи.

Спустя недѣлю, заключеннаго приводятъ къ директору, расспрашивающему его о его родинѣ, семьѣ, о прошлой его жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряющему его, что до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ повиноваться правиламъ тюрьмы, обращеніе съ нимъ будетъ дружелюбное и ласковое. Хайэсъ разсказываетъ случаи изъ своей практики, какъ нерѣдко этотъ первый разговоръ, поражая преступниковъ своею неожиданностью, дѣлался для нихъ зачаткомъ нравственнаго улучшенія. Преступники, ожидавшіе суроваго пріема, не слыхавшіе, быть можетъ, съ ранняго младенчества ласковаго слова, иногда даже плачутъ при этомъ разговорѣ и принимаютъ твердое рѣшеніе исправиться.

Послѣ бесѣды съ директоромъ, заключеннаго вводятъ въ мастерскую; это—обширное, свѣтлое и чистое помѣщеніе, теплое зимою и прохладное лѣтомъ, отлично вентилированное, имѣющее видъ громадной залы учебнаго заведенія, съ цвѣтами на окнахъ и гладкими, блестящими скамьями и разнообразнѣйшими инструментами и машинами для безпрепятственнаго употребленія заключенныхъ. Особенно тщательно выбирается смотритель мастерской; онъ долженъ быть терпѣливъ и твердъ при мягкой внѣшности, такъ какъ грубое обращеніе съ заключенными и брань ихъ вовсе не допускаются. Несоблюдшему въ первый разъ тюремныхъ правилъ заключенному спокойно замѣчаютъ это и предупреждаютъ его избѣгать повторенія нарушенія. При вторичномъ нарушеніи какого нибудь правила, заключенный обязанъ, по окончаніи рабочихъ часовъ, явиться къ одному изъ высшихъ начальниковъ тюрьмы и оправдаться въ своемъ проступкѣ. Удастся ему это, то дѣло этимъ и кончается, въ противномъ случаѣ ему дѣлается строгій выговоръ. При третьемъ нарушеніи правилъ, его сажаютъ въ темную одиночную келью съ нарами и шерстянымъ одѣяломъ вмѣсто всякаго удобства, и тамъ онъ остается пока не попросить освободить его отъ этого наказанія. Отъ него не требуется униженной мольбы о прощеніи, онъ обязанъ только серьёзно объявить, что не желаетъ больше нарушать тюремныхъ правилъ, и тогда выпускается изъ темной кельи. Арестъ этотъ есть единственное, примѣняемое въ массачусетской тюрьмѣ наказаніе. Въ тюрьмахъ другихъ штатовъ находятся еще въ употребленіи кнутъ, холодныя души и желѣзная шапка, но Хайэсъ того мнѣнія, что даже заключеніе въ темную келью не совсѣмъ раціонально, онъ вообще противникъ всякаго наказанія, и находитъ, что мѣры поощренія гораздо дѣйствительнѣе для заключенныхъ, чѣмъ мѣры карательныя и выводитъ такое заключеніе изъ долголѣтняго опыта.

Лѣтомъ въ массачусетской тюрьмѣ встаютъ въ 5, зимою въ 6 часовъ, послѣ чего заключенные идутъ изъ своихъ келій тотчасъ къ мастерскую, гдѣ до завтрака работаютъ въ теченіе полутора часовъ. Завтракъ въ столовой, простой, но здоровый и сытный, продолжается 35 минутъ и за нимъ слѣдуетъ хоровое пѣніе молитвъ, причемъ иногда тюремный пасторъ говоритъ проповѣдь. Работа въ мастерской кипитъ снова до обѣда, передъ которымъ заключенные удаляются въ келью для приведенія себя въ порядокъ. Великолѣпный обѣдъ вкушается непринужденно и продолжается полтора часа и вовсе не напоминаетъ собою кормленія арестантовъ въ тюрьмахъ вообще. Послѣ обѣда, снова работа, которая прекращается въ 6 часовъ вечера.

Разъ въ недѣлю заключенные моются и купаются въ отлично устроенномъ въ тюремной банѣ обширномъ бассейнѣ. По воскресеньямъ, послѣ краткаго богослуженія, неграмотныхъ учатъ читать, и въ этотъ день лучшимъ изъ заключенныхъ подаются къ обѣду особенно вкусныя блюда; въ этотъ день послѣ обѣда всѣ отправляются въ изящный тюремный садъ, рѣзвятся тамъ, танцуютъ, играютъ въ лапту, поютъ и прочее.

Газеты запрещены заключеннымъ, но неполитическіе журналы дозволены; книги они могутъ брать трижды въ недѣлю изъ библіотеки и читать по вечерамъ. Въ 9 часовъ всѣ ложатся спать. Чистота и вентиляція въ тюрьмѣ примѣрная, доказательствомъ чего служитъ совершенное отсутствіе въ ней перемежающейся лихорадки въ теченіе послѣднихъ 13 лѣтъ.

За трудъ сверхъ положенныхъ часовъ заключенный получаетъ плату и заработкомъ этимъ онъ распоряжается самостоятельно. Нѣкоторые зарабатываютъ себѣ столько денегъ, что живя въ тюрьмѣ посылаютъ своимъ семействамъ все ихъ годовое содержаніе, другіе копятъ деньги.

По истеченіи срока заключенія, оставляющаго тюрьму одѣваютъ безвозмездно съ ногъ до головы въ прочное и приличное платье, и если онъ желаетъ, то его поручаютъ попеченіямъ члена спеціальнаго государственнаго учрежденія, имѣющаго цѣлію заботиться о благосостояніи освобождаемыхъ изъ тюремъ лицъ. Такимъ образомъ, выходящему открываются всѣ способы къ пріобрѣтенію себѣ безбѣднаго существованія, его стараются какъ можно прочнѣе поставить на ноги, что бываетъ весьма удобоисполнимо, такъ какъ человѣкъ привыкъ уже къ работѣ. Въ случаѣ нужды и крайности впослѣдствіи, освобожденный снова обращается къ помянутому члену за совѣтомъ и помощью.

Такимъ образомъ, попавшій въ тюрьму человѣкъ со дня поступленія его туда окруженъ попеченіями. Здоровье его охраняется, умъ образовывается, трудъ наполняетъ его дни, онъ совершенствуется въ мастерствѣ, читаетъ много, привыкаетъ къ порядку, и подчиняясь разумнымъ правиламъ тюрьмы, пріучается чтить законъ. Наконецъ, и по окончаніи его тюремнаго заключенія, само государство простираетъ къ нему руку помощи.

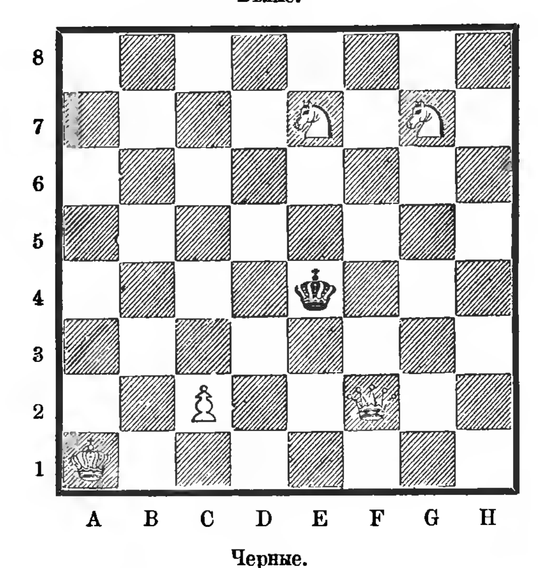
Вотъ вкратцѣ массачусетская система заключенія, и теперь остается еще только присовокупить, что полезные результаты ея примѣненія превзошли на практикѣ ожиданія самыхъ смѣлыхъ ея поборниковъ.

Сохраненіе картофеля. Въ избѣжаніе порчи картофеля отъ заключающихся въ немъ влажныхъ частицъ, его слѣдуетъ выровнять и покрыть слоемъ соломы въ 6 линій вышиной. По прошествіи 6—8 дней, солома дѣлается влажною; нужно снять ее, покрыть картофель новымъ слоемъ соломы и повторять эту операцію до тѣхъ поръ, пока солома не будетъ совершенно сухою. Чтобы придать картофелю пріятный вкусъ весной, когда онъ обыкновенно начинаетъ обыкновенно отпускать отростки и получаетъ чрезъ это недурной вкусъ, необходимо предварительно варки картофеля вырѣзать изъ каждой картофелины небольшой кусочекъ. Дурные соки во время варки картофеля отдѣляются отъ него чрезъ это вырѣзанное мѣсто, на которомъ во время варки образуется твердоватая кожица; картофель же остается вкуснымъ и мучнистымъ. Вырѣзанные кусочки могутъ быть употребляемы для корму домашняго скота.

Средство сдѣлать утокъ въ двѣ недѣли жирными. Отмочить ячмень въ водѣ и сливъ ее, дать ячменю пустить отростки и затѣмъ просушить его. Утокъ, помѣщенныхъ въ небольшомъ, но хорошо устланномъ соломой хлѣву, кормить этимъ мальцемъ, который ссыпать въ корыто и неизлишне, размочить немного водой. Другое корыто наполнить водой для утоленія жажды утокъ. При этомъ способѣ откармливанія ихъ, онѣ уже по прошествіи двухъ недѣль становятся жирными.

ЗАДАЧА

Бѣлые.

Черные.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

РѢШЕНІЕ.

Задачи въ «Нивѣ» № 9.

Бѣлые.	Черные.
1) c5 — b7	1) d4 — d5
2) c2 — e4 ✕✕	

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) Поступившие въ пользу семействъ, пострадавшихъ отъ восстанія въ Босніи и Герцоговинѣ, изъ **Николаева** отъ А. Н. Манжетъ 1 р. 50 коп. и изъ **Малоярославца**, оставшіеся отъ домашняго спектакля, даннаго кружкомъ любителей, 26 р. 60 коп., переданы 27-го февраля въ Главное Управленіе Общества попеченія о раненымъ и больнымъ воинамъ подъ квитанцію за № 222.

2) Многіе изъ гг. нашихъ читателей, съ цѣлью распространенія «Нивы» въ кругу своихъ знакомыхъ, обратились къ намъ съ просьбами о высылкѣ имъ **иллюстрированнаго объявленія** о подпискѣ на «Ниву» 1876 года.

Имѣя въ запасѣ нѣсколько сотенъ этого, объявленія мы охотно вышлемъ его нашимъ подписчикамъ, которые заявятъ объ этомъ письменно.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція покорнѣйше проситъ своихъ подписчиковъ, въ случаѣ неполученія какого-либо №, извѣщать ее немедленно, ни какъ не позднѣе полученія слѣдующаго за тѣмъ №, и присылать при этомъ **печатный адресъ**, снявъ его съ бандероли; безъ этого условія, на основаніи почтовыхъ правилъ, жалоба не можетъ быть удовлетворена.

При перемѣнѣ адреса тоже нужно прислать прежній печатный адресъ и приложить 24 коп. почтовыми марками.

СОДЕРЖАНІЕ: **Абдурахманъ-автобачи** (съ портретомъ).— **Въ домѣ коммерціи совѣтника.** Повѣсть **Э Марлитта.** (Продолженіе). — **«Рѣзвушка»** и **«У колодца»** (съ 2-мя рисунками).—**Вершины Палисадъ на рѣкѣ Гудзонѣ** (съ рисункомъ). — **Маленькіе птицеловы** (съ рисункомъ). — **Везалій, мученикъ за науку** (съ рисункомъ). — Стихотвореніе. **П. В. С—ой.**—Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Шахматы. Почтовый ящикъ. — Отъ Редакціи. — Объявленія.—**Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за МАРТЪ съ 33 рисунками и большой листъ выкроекъ.**

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

26—10

зволено цензурою С.-Петербургъ. 27 Февраля 1876 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб. Больш. Морская д. № 9. Тип. Вацлика. Англ. пр. № 10.

ЛИТЕРАТУРЫ,

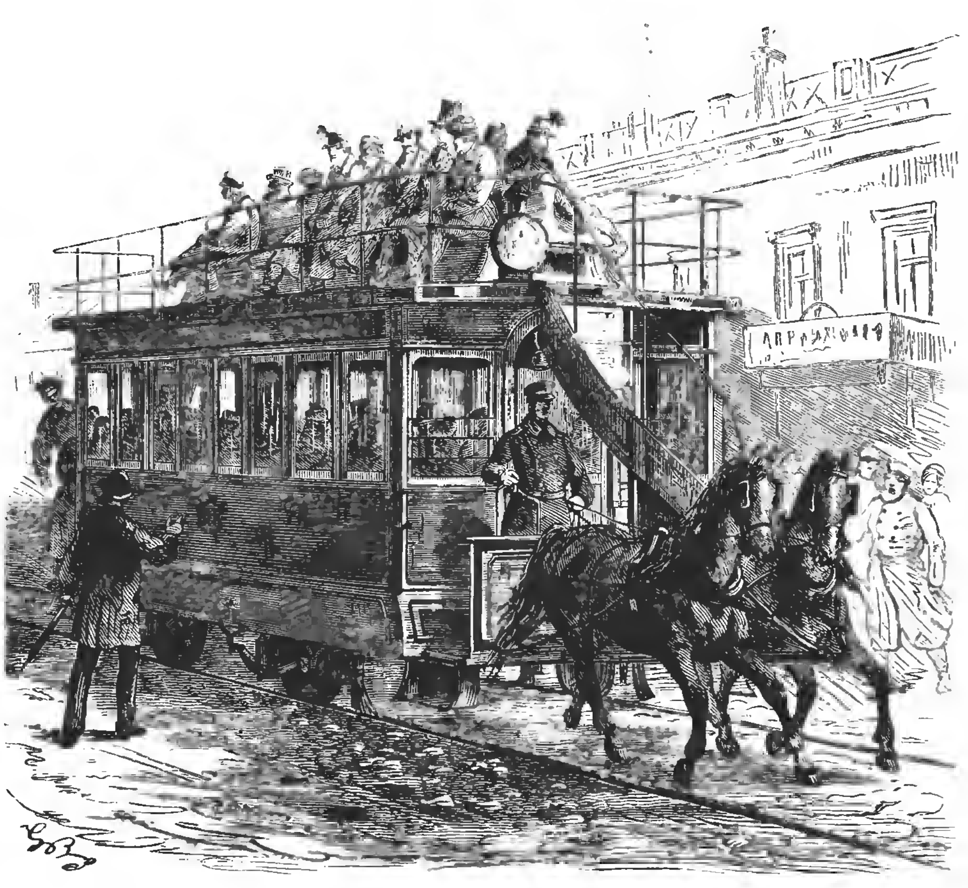
№ 11 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 15 Марта 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ КОННО-ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ.

Совершенно излишне и безполезно было бы входить въ подробное разсужденіе о необходимости, важности и значеніи конно-желѣзныхъ дорогъ, которыми уже вотъ болѣе пятидесяти лѣтъ, вдоль и поперекъ, словно какъ Венеція изрѣзана городскими своими каналами, — покрыты всѣ какъ большія улицы, такъ и малыя, какъ всѣхъ большихъ, такъ всѣхъ и малыхъ городовъ Европы и Америки. Это громадное распространеніе на нѣсколькихъ мильонахъ верстъ для различныхъ сообщеній ограниченнаго протяженія того рельсоваго пути, по которому движутся вагоны съ конною упряжью, конечно, лучше и убѣдительнѣе всякихъ самыхъ краснорѣчивыхъ доводовъ служитъ безапеляціоннымъ приговоромъ общественнаго мнѣнія въ пользу конно-желѣзной системы, существующей въ Англіи съ 1825 г. и названной тамъ, съ самаго начала ея учрежденія — Стильсонъ - Дарлингтонскою, послужившею въ 1829 году основою тамъ же, въ Англіи, первому паровозному движенію по этимъ же самымъ рельсамъ, сначала назначеннымъ лишь для ускоренія и облегченія конской тяги.

Петербургская конно-желѣзная дорога. Новый вагонъ. Рис. съ иатуры Бролингъ, грав. К. Вейерманъ.

У насъ, въ Россіи, первая городская конно-желѣзная дорога, для надлежащаго пассажирскаго передвиженія, была устроена ва 1863 году, 1-го сентября, въ Петербургѣ, г. Каншинымъ и Комп., который, сколько извѣстно, передалъ ее, въ маѣ 1873 года, парижскому банкиру

Эмилю Эрлангеру, который поручилъ главное управленіе дѣломъ Евг. Дюпону. Затѣмъ лишь съ конца 1874 года явились линіи конножелѣзныхъ дорогъ въ Москвѣ и даже въ Казани.

Первоначальнаго учрежденія общество конножелѣзнаго движенія владѣетъ всего лишь двумя линіями или вѣтвями путей: первая изъ этихъ вѣтвей—отъ вокзала Николаевской желѣзной дороги непрерывнымъ путемъ чрезъ Невскій проспектъ, Адмиралтейскую и Исаакіевскую площади, Конногвардейскій бульваръ и Благовѣщенскій мостъ до зданія академіи художествъ. Вторая вѣтвь идетъ отъ угла Б. Садовой и Невскаго проспекта у Зеркальной линіи Гостинаго двора до Никольскаго рынка и моста. По обѣимъ этимъ вѣтвямъ ходитъ, смотря по времени года, отъ 20—25 вагоновъ *) (послѣдняя цифра выражаетъ, кажется, все наличное количество каретъ-вагоновъ г-на Эрлангера и Комп.), а именно: 1) отъ вокзала Николаевской желѣзной дороги до Адмиралтейской площади (самая оживленная по многочисленности пассажирскаго движенія линія) отъ 9—12 вагоновъ; 2) отъ Адмиралтейской площади до академіи художествъ отъ 6—7 вагоновъ и 3) по Б. Садовой до Никольскаго моста отъ 5—9 вагоновъ. Самое большое движеніе приходится на осеннее и весеннее время, самое меньшее—въ лѣтнюю пору.

Что касается вагоновъ губонино - башмаковскихъ, т. е. новѣйшаго учрежденія, конца 1875 года, то они ходятъ по слѣдующимъ трактамъ:

1) Линія № I—отъ Б. Охтенскаго перевоза къ Невскому проспекту у Знаменской церкви (проходитъ по Охтенскому проспекту, Лафонской, Конногвардейской, Слоновой, 2 Рождеств. улицамъ и по набережной Лиговки до угла Невскаго проспекта, у самой Знаменской часовни). Вагоны бѣлые съ краснымъ.

2) Линія II—отъ Невскаго проспекта (Знаменской церкви) по набережной Лиговки до Новокаменнаго моста на Новообводномъ каналѣ. Вагоны бѣлые съ краснымъ.

3) Линія № III—отъ Б. Охтенскаго перевоза до угла Невскаго проспекта и Михайловской улицы (проходитъ по Охтенскому проспекту, Лафонской, Конногвардейской, Слоновой, Восьмой Рождественской, Бассейной, Симеоновской, Инженерной улицамъ, Михайловской площади и Михайловской улицѣ. Вагоны бѣлые съ голубымъ.

4) Линія № IV—отъ Литейнаго моста по Воскресенскомъ проспектѣ до Технологическаго института. Вагоны коричневые съ красными тонкими бордюрами и багетками.

5) Линія № V—отъ Сѣнной площади до Новомосковскаго моста на Новообводномъ каналѣ. Вагоны бѣлые съ краснымъ.

6) Линія (а)—отъ Галерной гавани до Николаевскаго моста на Васильевскомъ острову. Вагоны бѣлые съ зеленымъ.

7) Линія (б) отъ Николаевскаго моста, чрезъ Тучковъ мостъ и Петербургскую сторону, до Каменноостровскаго проспекта.—Вагоны такіе же, какъ и на Васильевскомъ острову.

Всего на все теперь (въ февралѣ мѣсяцѣ 1876 г.) 25 верстъ окончательно построено и открыто для движенія, всего же съ подготовленными, но неоткрытыми, 40 верстъ, а предположено всей конножелѣзной петербургской сѣти гг. Башмакова и Губонина не менѣе 84 верстъ.

Въ новомъ учрежденіи цифра экипажей доходитъ до 60: но еще въ нынѣшнемъ году, въ концѣ, предполагается имѣть не менѣе 200 вагоновъ, по мѣрѣ открытія новыхъ линій, число которыхъ, какъ явствуетъ изъ плана, на которомъ нанесены золотою краскою всѣ будущія петербургскія конно-желѣзныя дороги, въ громадномъ размѣрѣ умножится **).

Существующіе нынѣ конножелѣзные вагоны сдѣланы были для первоначальной компаніи частью въ Берлинѣ, частью въ Лондонѣ, а для новѣйшаго товарищества—въ Парижѣ, Брюсселѣ, Биркингедѣ и въ Нью-Йоркѣ. Вагоны эти, какъ того, такъ и другаго учрежденій,—двухъ-этажные; но справедливость требуетъ сказать, что вагоны новые, т. е. губонино-башмаковскіе, красивѣе, щеголеватѣе и не въ примѣръ удобнѣе прежнихъ. На нашемъ рисункѣ изображенъ именно такой вагонъ-карета новаго устройства съ винтообразною, необыкновенно покойною и удобною лѣстницею, спереди и сзади, для всхода, а не для затруднительнаго карабканья наверхъ, какъ въ вагонахъ первоначальнаго заведенія. Вслѣдствіе этого карабканья, неграціознаго неприличнаго и нерѣдко небезопаснаго мало-мальски порядочные люди, не только женщины, но и мужчины, даже изъ простонародья, не дорожащіе лишними двумя копѣйками (5 к. внутри, 3 к. наверху), не рѣшаются въ первоначальныхъ экипажахъ взбираться на верхнюю галлерею, тогда какъ въ вагонахъ новѣйшаго заведенія это взбираніе дѣлается какъ нельзя легче, безопаснѣе и благопристойнѣе, не подвергая взбирающагося ни малѣйшей не только опасности, но даже неудобству какъ физическому, такъ нравственному, т. е. оскорбленію чувства благородной скромности и стыдливости.

Каждый вагонъ карета устроенъ на 40 мѣстъ: 20 внутреннихъ и столько же наружныхъ на имперіалѣ вагона. При легкости ѣзды по рельсамъ, движеніе совершается довольно быстро, и на первоначальной дорогѣ пара лошадей, въ двѣ смѣны, успѣваютъ съ 8 ч. утра до 9 ч. вечера сдѣлать около 26 концовъ, среднимъ числомъ, въ бойкое время и около 20—въ менѣе оживленное.—Какъ на той, такъ и на другой дорогахъ кромѣ, остановокъ на нѣсколько минутъ, вагоны пріостанавливаются немного или уменьшаютъ свой ходъ при высаживаніи дамъ, дѣтей и дряхлыхъ стариковъ.

Время отправленія вагоновъ одного за другимъ сообразуется съ потребностью движенія и во всякомъ случаѣ оно не болѣе 15 минутъ. На болѣе оживленныхъ линіяхъ промежутки между отходами вагоновъ съ концовъ линіи предполагаются отъ 8—5 минутъ, а въ случаѣ надобности, при двойномъ пути и чаще, т. е. чрезъ 3 минуты.

Начало движенія вагоновъ въ 8 часовъ утра, конецъ же его въ 9 ч. вечера зимою и въ 10 лѣтомъ. Скорость движенія—въ зависимости отъ большаго или меньшаго движенія по улицамъ экипажей и числа многолюдныхъ улицъ, пересѣкающихъ линію, у которыхъ неизбѣжны: высадка пассажировъ и уменьшеніе скорости ѣзды для пропуска экипажей: средняя скорость ѣзды съ остановками предполагается 9 м. версты.

Снаружи каждаго вагона написаны улицы, по которымъ онъ ходитъ, что чрезвычайно практично и чего нѣтъ на вагонахъ стараго заведенія, можетъ быть, потому что рейсы ихъ крайне не разнообразны. Когда внутри вагона всѣ до одного мѣста заняты, по бокамъ его вывѣшиваются флаги.

Росписаніе движенія вагоновъ по разнымъ линіямъ новой (1875 г.) дороги будутъ измѣняться сообразно съ потребностью жителей столицы.

Вагоны какъ той, такъ и другой дороги (т. е. и 1869 и 1875 г.) сдѣланы, какъ мы уже сказали, за границей, но ремонтомъ и возобновленіемъ ихъ, въ случаѣ порчи, занимаются уже сами управленія въ собственныхъ, какъ первоначальнаго, такъ новаго товариществъ, сколько намъ извѣстно, превосходно устроенныхъ мастерскихъ. Упряжь конскую, также по иностранному образцу, т. е. съ шорами, при нѣмецкимъ шлеяхъ вмѣсто хомутовъ и при уздахъ съ наглазниками, для первоначальнаго заведенія изготовлялъ придворный шорникъ Ловенгренъ, отъ 80—90 р. за пару, а для губонино-башмаковской дороги поставляетъ точно такую же сбрую Экгольмъ, знаменитый въ Москвѣ шорникъ.

Красивыя, сытыя (большею частью одномастными парами) лошади поставляются извѣстнымъ столичнымъ коннопромышленникомъ Бычкомъ. Стоимость этихъ лошадей различна, отъ 75 до 200 р., но средняя цѣна, какъ мы слышали, не превышаетъ 100 р. Служатъ эти лошади, какъ опытъ уже показалъ на дорогѣ первоначальнаго учрежденія и какъ современемъ покажетъ и на новой, отъ 5—6 лѣтъ, не болѣе не смотря на превосходное содержаніе, какимъ здѣсь эти лошади пользуются, такъ какъ, бѣгая лѣто и зиму по голому булыжнику, лошади эти оченьскоро слабѣютъ ногами. Отслужившая свой срокъ лошадь поступаетъ къ тому же барышнику, по уговору его съ хозяевами дороги, за 30 р., безъ различія для всякой обраковавной, барышникъ же выводитъ ее на Конную и такъ успѣваетъ подправить ея ноги, что сытая, здоровая лошадь продается имъ рублей за 75 легковому извощику, у котораго, разумѣется, много, много черезъ мѣсяцъ, лошадь эта сильно падаетъ на ноги, пока не дойдетъ до послѣдней службы—похоронной клячи подъ печальныя дроги.—Въ управленіе новой конножелѣзной дороги никакой подрядчикъ лошадей не поставляетъ, а общество купило за разъ въ Тамбовской губерніи 600 отличныхъ битюговъ и ими пока эксплуатируетъ свое дѣло, но не далеко то время, когда эта новая дорога будетъ въ своихъ конюшняхъ имѣть болѣе 2000 конскихъ головъ. Всѣ эти лошади будутъ битюги, иныхъ же породъ, какъ, напримѣръ, казанки и вятки (крупнаго сорта), шведки, ярославки и пр., мы не знаемъ, но всякомъ случаѣ желательно, чтобы новые ремонты были не хуже нынѣшняго.

Нельзя не сказать истинной правды, что какъ первоначальное такъ и новое учрежденія петербургскихъ конножелѣзныхъ дорогъ прилагаютъ ревностное попеченіе, чтобы ихъ дѣйствія, въ отношеніи къ содержанію ими ихъ лошадей, или ихъ подвижной силы, были вполнѣ согласны съ благими цѣлями истинно благотворительнаго Высочайше учрежденнаго общества покровительства животнымъ, потому что изъ всѣхъ извозныхъ лошадей, даже лошадей, принадлежащихъ извѣстному классу извощиковъ лихачей, ни одна не пользуется такимъ тщательнымъ и разумнымъ уходомъ, какъ желѣзнодорожная лошадь и того и другаго заведенія. Конюшня этой лошади свѣтлая, чистая, обширная, хорошо и правильно аэрированная: кормъ достаточный (6—8 гарнцевъ самаго лучшаго шастаннаго овса): работаетъ лошадь эта, безъ утомленія и особеннаго усилія, не болѣе 7—8 часовъ въ день, смѣняясь въ 2 ч пополудни съ работы на отдыхъ. Постоянный приговоренный ветеринаръ, а не знахарь - коновалъ оказываетъ лошади этой немедленную помощь, въ случаѣ если она заболѣваетъ. Ковка производится самымъ тщательнымъ и правильнымъ образомъ кузнецомъ весьма свѣдущимъ, въ первоначальномъ заведеніи за 100 рублей въ мѣсяцъ, т. е. за 1200 рублей въ годъ за все количество лошадей (ихъ не менѣе 100 головъ), находящихся въ службѣ дороги. Цифра такого крупнаго вознагражденія, въ

*) Цифра въ 25 вагоновъ показана въ статьѣ, напечатанной въ 1873 г., въ «Вѣдомостяхъ С.-Петербургской Полиціи», когда дѣйствительно ихъ было столько; но новое (эрлангерское или дюпоновское) управленіе нашло необходимымъ исключить изъ списковъ 6 вагоновъ, почему, согласно собраннымъ въ послѣднее время данымъ, для всѣхъ линій этого первоначальнаго учрежденія имѣется только 19 вагоновъ.

**) Планъ этотъ, тщательно хромолитографированный, продается въ правленіи общества, на Литейной улицѣ, противъ Фурштадской, д. Башмакова,—по 20 к. экз.

виду того какъ важна ковка лошади, производимая правильно и раціонально, не можетъ еще считаться слишкомъ высокой.— Но если содержаніе и уходъ за лошадьми первой компаніи (паркъ которой находится близъ фабрики Корнфельда), поставляемыми ей и мѣняемыми извѣстнымъ коннымъ барышникомъ Бычкомъ, такъ хороши, то содержаніе 600 собственныхъ коней новой компаніи, — просто примѣрное и даже удивительное. Конюшни здѣшнія достойны того, чтобы истый гиппофиль или съ наслажденіемъ полюбовался. Онѣ устроены при шести отдѣльныхъ паркахъ, именно: на Пескахъ, у Московской заставы, у Нарвской заставы, въ 23 линіи Васильевскаго острова, на Петербургской сторонѣ, въ Вульферовой улицѣ, и на Выборгской, у Самсоніевской церкви.

Товарищества, какъ то, такъ и другое, руководствуясь естественно выгодами и пользою своего дѣла, относятся съ полнѣйшимъ, съ самымъ вниманіемъ къ персоналу всей своей службы. Здѣсь въ первоначальномъ учрежденіи кучера получаютъ отъ 12 до 17 р. жалованье, кондуктора всѣ одинаково 15 р. Какъ тѣ, такъ и другіе получаютъ еще награды три раза въ годъ, отъ 2 до 10 руб. каждый, по усмотрѣнію управленія. Сверхъ этого, первоначальное товарищество снабжаетъ этихъ служителей теплой удобной верхней одеждой, въ видѣ длинныхъ, широкихъ, ловко сшитыхъ, удобныхъ пальто *), а кучерамъ, одѣты въ такія же пальто (чего мы не встрѣчали ни въ одномъ промышленномъ заведеніи, кромѣ развѣ образцовыхъ спаленъ учениковъ шоколадной фабрики Ландрина на Екатерингофскомъ проспектѣ), дается еще прекрасная постель, состоящая изъ желѣзной кровати съ матрацомъ, подушкой и одѣяломъ съ двумя перемѣнами холстиннаго бѣлья. Не лишне сказать, что служители какъ того, такъ и другаго товариществъ имѣютъ столъ отъ себя, артельный въ два блюда. Это продовольствіе обходится каждому изъ нихъ отъ 4 р. 50 к. до 5 р. въ мѣсяцъ, почему, при большомъ количествѣ порцій, не можетъ быть худо.

Служители новой дороги еще крупнѣе гонорированы, чѣмъ первоначальной. Они получаютъ: кондуктора 30 р., а кучера 18 р. въ мѣсяцъ. Но верхъ совершенства—устройство жилыхъ помѣщеній, превосходно вентилированныхъ и отличающихся опрятностію и порядкомъ примѣрными, что, понятно, не можетъ не дѣйствовать благотворно на здоровье этихъ терпѣливыхъ тружениковъ. Большую честь еще дѣлаетъ новому товариществу то, что эти господа нашли цѣлесообразнымъ, при шести, истинно образцовыхъ своихъ паркахъ, устроить очень хорошія небольшія, но достаточныя больницы съ медиками, фельдшерами, сидѣлками, аптечками и пр. Это, безъ сомнѣнія, истинное благодѣяніе для служащихъ. — Въ настоящее время (февраль 1876 г.), весь персоналъ какъ управленій такъ и подвижнаго состава доходитъ до 600 человѣкъ, изъ числа коихъ, конечно, 9—10 принадлежатъ къ такъ называемымъ нижнимъ чинамъ; но въ непродолжительномъ времени, какъ слышно, цифра эта непремѣнно дойдетъ до 2000 человѣкъ.

Что касается до характера труда этихъ конно-желѣзныхъ служителей, то можно только сказать, что трудъ этотъ утомительно одн образенъ, хотя тяжелымъ, въ прямомъ смыслѣ этого слова, его назвать нельзя, въ особенности трудъ кучера. Обязанности кондуктора нѣсколько труднѣе отъ безпрерывныхъ восхожденій на имперіалъ и снисхожденій съ него; но за то кондуктора пользуются, чрезъ извѣстное число дней, смѣной для суточнаго отдыха.

Можетъ быть, благодаря такой прекрасной обстановкѣ, въ какую поставлены служители нашихъ петербургскихъ конно-желѣзныхъ дорогъ дирекціями этихъ учрежденій, принимающими прислугу не зря, а не иначе, какъ по вѣрной рекомендаціи, прислуга эта своими отношеніями къ публикѣ не вызываетъ противъ себя почти никакихъ жалобъ. Большинство всѣхъ конножелѣзныхъ кондукторовъ очень вѣжливы и предупредительны къ пассажирамъ. Къ этому ихъ обязываютъ, между прочимъ, и самыя правленія товариществъ, вообще, сколько извѣстно, не рѣшающіяся брать къ себѣ въ услуженіе людей, не взирая на рекомендацію, безъ строгаго ихъ анализированія, экзамена и разновиднаго испытанія.

Кромѣ кучеровъ, кондукторовъ и служащихъ разнаго рода должностныхъ лицъ при правленіяхъ обоихъ товариществъ, у конножелѣзныхъ дорогъ состоятъ еще оберъ-кондукторы, по одному на каждую вѣтвь, и стрѣлочники, весьма необходимые дѣятели, переводящіе рельсы, при движеніи поѣздовъ. Оберъ-кондукторы первоначальной дороги получаютъ 20 рублей въ мѣсяцъ, а на новой 45, стрѣлочники же на старой получаютъ 10 р. въ мѣсяцъ, а на новой 17 р. въ мѣсяцъ.

Для расчищенія зимою снѣга съ рельсовъ, чтобы поддерживать свободное движеніе поѣздовъ, имѣются какъ въ томъ, такъ и въ другомъ заведеніяхъ подрядчики, обязанные, по договору, за извѣстную, довольно крупную сумму, содержать въ теченіе зимы всѣ вѣтви дорогъ въ надлежащемъ порядкѣ.

Основываясь на нѣкоторыхъ болѣе или менѣе оффиціальныхъ цифровыхъ данныхъ, печатанныхъ въ прежнихъ, 1873 года, «Вѣдомостяхъ С.-Петербургской полиціи», мы можемъ, кажется, довольно достовѣрно сказать, что наибольшая сумма выручки въ первоначальномъ заведеніи достигаетъ до 40 руб. въ день съ каждаго вагона. Наименьшая выручка не спускается ниже 15, стало быть, въ среднемъ и самомъ скромномъ выводѣ, оказывается не менѣе 20 р. въ день. По полученнымъ нами въ правленіи конно-желѣзной дороги Эрлангера и К°, свѣдѣніямъ, число пассажировъ въ теченіе года, при 19-ти вагонахъ, когда, однако, линія отъ Адмиралтейской площади на Вас. островъ не эксплоатируется, всегда доходитъ, безъ особыхъ колебаній, до 6 милліоновъ человѣкъ.—Затѣмъ, довольно хорошо извѣстно по неоспоримымъ даннымъ, что на каждый вагонъ ежегоднаго расхода (съ людьми, лошадьми, ремонтомъ, пошлинами, конторою, процентами погашенія капитала и пр.) можетъ быть не болѣе 3000 р. по самой щедрой мѣрѣ, все-таки основываясь на цифрахъ «Вѣдомостей С.-Петербургской полиціи» 1873 года. Доходъ же съ него, т. е. съ каждаго вагона, получается за то же время (по 20 р. въ день) 7200 рублей. Вотъ, сколько намъ извѣстно, въ какомъ благопріятномъ положеніи находятся дѣла этого полезнаго и важнаго для нашей общественной жизни учрежденія, чему, впрочемъ, мы не можемъ не радоваться.

Финансовое положеніе новаго товарищества петербургскихъ желѣзныхъ дорогъ за годъ опредѣлить невозможно, такъ какъ дѣйствія этого товарищества начались лишь въ октябрѣ мѣсяцѣ 1875 года. Но, впрочемъ, управленіе этой новой конно-желѣзной дороги совершенно откровенно, но истинѣ вполнѣ поевропейски, отнеслось къ нашему вопросу о доходахъ этой дороги, заявивъ намъ, что въ обыкновенные дни число пассажировъ на всѣхъ ея линіяхъ доходитъ до 25000 человѣкъ, а въ праздничные—до 36000 человѣкъ, какія цифры, помноженныя на 4, т. е. на среднюю цѣну провоза, дадутъ въ будніе дни ежедневнаго дохода 1000 р., а въ праздничные 1440 рублей,—значитъ въ годъ, въ первомъ только случаѣ, не считая вовсе праздничныхъ дней, при помноженіи 365 годовыхъ дней на 1000 р., получимъ сумму годичной сложности въ 365000, или до 400000 вмѣстѣ съ праздниками, что, сравнительно съ 110000 р. валоваго дохода, на основаніи разсчетовъ «Вѣдомостей С.-Петербургской полиціи», составитъ далеко не слишкомъ, впрочемъ, завидный результатъ, особенно если принять въ соображеніе значительность и широту дѣлаемыхъ этимъ благородно и разумно щедрымъ товариществомъ расходовъ.

Въ дополненіе къ сказанному, мы считаемъ не лишнимъ прибавить, что, какъ намъ передавали, на дняхъ, управленіе конно-желѣзныхъ дорогъ Эрлангера получило изъ Парижа 11 новыхъ вагоновъ, которые скоро начнутъ дѣйствовать Эти вагоны, по слухамъ, отличаются имѣстительностью и, что весьма важно, особымъ удобствомъ всходовъ. Независимо оттого, мы слышали, что, сверхъ этихъ 11-ти вагоновъ, управленіе получило еще 5 вагоновъ, совершенно новаго вида, именно вагоновъ безъ имперіала, до такой степени легкихъ на ходу, что они могли бы быть передвигаемы силою одной только лошади, а не пары.

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

ПОВѢСТЬ

Э. Марлитта.

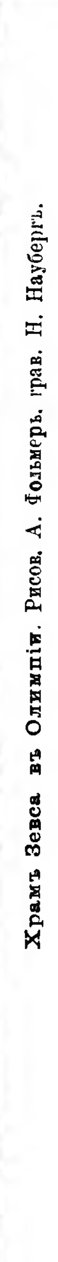
Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ и слѣдующія главы будутъ переводиться съ рукописи и появляться одновременно съ оригиналомъ.

(Продолженіе).

VIII.

Совершенно стемнѣло; часы на прядильной фабрикѣ пробили семь, а Кэта все еще сидѣла у одного изъ оконъ въ комнатѣ на „замковой“ мельницѣ. По неотступной просьбѣ Сузы, она часъ тому назадъ обревизовала шкафъ съ бѣльемъ. Старуха не довѣряла мельничихѣ, приходившей ухаживать за ней; она была убѣждена, что „любая“ соблазнится при видѣ такого славнаго бѣлья изъ „домашней пряжи“. Послѣ этой реви-

*) Синія пальто и синія фуражки, при красныхъ воротникахъ и околышахъ. Служители первоначальнаго учрежденія имѣютъ пуговицы и галуны бѣлые (серебряные); а втораго, новаго—пуговицы и галуны желтые (золотые).

Храмъ Зевса въ Олимпіи. Рисов. А. Фольмеръ. грав. Н. Науберъ.

Герцеговинское возстаніе. Борьба герцеговиновъ съ турками по дорогѣ между Требиньемъ и Рагузою. Рисов. Зверинновъ, грав. Шласки.

зіи Кэта (а это она дѣлала каждый день) собственноручно сварила для Сузы вечернюю похлебку и уложила больную въ постель. Больная, хотя и чувствовала себя значительно лучше, но все-еще была очень слаба и не могла обойтись безъ посторонней помощи. Итакъ, молодая дѣвушка уже довольно долго сидѣла сложа руки, притаившись въ углу, у окна, въ совершенныхъ потемкахъ.

Тамъ, въ домѣ коммерціи совѣтника, она не чувствовала себя такъ хорошо, какъ здѣсь. На виллѣ не существовало обычая отдыхать въ сумерки (въ Дрезденѣ-то отдыхали): на виллѣ, какъ только солнце заходило, слуги сейчасъ же опускали сторы, вспыхивалъ газъ, и при такомъ ослѣпительномъ освѣщеніи даже въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ комнатъ было совсѣмъ свѣтло.

Глухое постукиванье маятника старинныхъ стѣнныхъ часовъ походило на правильные подземные стуки духовъ; на толстой зеленой занавѣскѣ двери алькова, казалось, мигалъ тусклый глазъ гнома—это за занавѣской, у кровати Сузы, горѣла свѣчка. Какъ опять стало тихо и темно тутъ! . Въ такія минуты Кэта, будучи ребенкомъ, серьезно, бывало, вѣрила въ чудесный міръ и прислушивалась къ суетливой бѣготнѣ бѣлыхъ отъ мучной пыли добрыхъ невидимыхъ существъ — „гэпцельменхеновъ". Она довѣрчиво слушала тогда Сузу, а Суза разсказывала ей, что при закладкѣ мельницы, благодаря людскому суевѣрью, подъ первый камень (то-то варвары!) былъ положенъ новорожденный младенецъ, а самъ строитель, въ заносчивости своей, размѣшивалъ известку дорогимъ виномъ. . Сегодня воспоминанія эти, невольно воскресшія въ ней, какъ-то быстро исчезли. Кэта неподвижно глядѣла на блѣдную полоску свѣта, падавшаго изъ южнаго окна на то мѣсто, гдѣ умеръ „замковый" мельникъ. Она думала о томъ, какъ это случилось, что самъ Брукъ сообщилъ ей о приговорѣ надъ нимъ общественнаго мнѣнія?.. Теперь даже она еще яснѣе понимала, какимъ образомъ докторъ снизошелъ до того, что, встрѣтясь съ ней, сказалъ нѣсколько словъ въ свою защиту... Да если бы весь свѣтъ сталъ на сторону обвиненія—она все-таки не повѣрила бы, не могла бы допустить, чтобы этотъ мыслящій человѣкъ, олицетвореніе серьезнаго, разумнаго покоя, несомнѣнной правдивости, неподдѣльной прямоты, былъ въ состояніи такъ нахально-безсовѣстно принять на себя слишкомъ рискованное дѣло и только вслѣдствіе высокаго о себѣ мнѣнія (ложнаго) идти къ больному, не обладая ни знаніемъ, ни искусствомъ... Вотъ, и теперь опять къ сердцу ея прихлынула горячая струя крови, сильный гнѣвъ овладѣлъ Кэтой. Она ощущала то же, что сегодня послѣ обѣда пришлось ей вытерпѣть, когда Флора въ такихъ грубыхъ выраженіяхъ порицала врачебную дѣятельность Брука. Однако, что это за загадочная женская натура, эта столь восхваляемая Флора?.. Вѣдь когда-то этотъ маленькій кумиръ внушалъ Кэтѣ сильный страхъ и въ то же время она втайнѣ обожала этого идольчика...

Генріетта, оставаясь наединѣ съ младшей сестрой, всегда какъ-то особенно старательно избѣгала вдаваться въ подробности, если разговоръ заходилъ о женихѣ и невѣстѣ; но изъ нѣкоторыхъ ея выраженій, невольно срывавшихся съ языка, Кэта могла заключить, что Флора сначала страстно любила своего жениха.

Брукъ, въ качествѣ полковаго врача, участвовалъ во франко-прусской войнѣ, а потомъ довольно долгое время пробылъ въ Берлинѣ, гдѣ состоялъ ассистентомъ при одной медицинской знаменитости. Въ М*. вернулся онъ собственно по желанію своей тетки. Солидная репутація, пріобрѣтенная имъ, а также и внушительная наружность его въ короткое время сдѣлали изъ него „моднаго доктора", и на этого моднаго доктора мѣстный прекрасный полъ смотрѣлъ какъ на *желаннаго* гостя.

Итакъ, гордая Флора Мангольдъ вовсе не дѣлала снисхожденія, отдавая доктору свою руку, получить которую онъ такъ желалъ. Первый шагъ къ сближенію съ нимъ былъ съ ея стороны: она сама привлекла его къ себѣ. Флорѣ случилось вывихнуть ногу, и она объявила, что за врачебной помощью желаетъ обратиться къ одному только медику, именно Бруку, столь прославленному „модному доктору". Флора еще въ больницѣ обручилась съ нимъ... Многія позавидовали тогда ея счастью... Можетъ быть, по этой причинѣ она и боялась такъ непріятной огласки. Понятно теперь, почему Флора, чтобы достичь своей цѣли, рѣшилась дѣйствовать вѣроломно: ей хотѣлось заставить публику думать, что причина размолвки ихъ лежитъ въ постепенномъ взаимномъ охлажденіи. Такъ какъ это протянется довольно долго, то самый разрывъ пройдетъ незамѣченнымъ, все кончится тихо, безъ шума. .

Кэта порывисто вскочила: эта мысль была для нея невыносима. Ей, если она останется на виллѣ, придется быть постояннымъ свидѣтелемъ такой возмутительной комедіи, придется видѣть, какъ этотъ несчастный человѣкъ, страстно любящій, готовый противостоять, бороться, будетъ изгнанъ изъ рая, о которомъ онъ столько мечталъ!. . Нѣтъ. она тоже встанетъ на сторонѣ Морица и Генріэтты. Флора не должна измѣнять данному слову. Вся семья обязана тутъ единодушно возстать, не допустить такой ужасной измѣны. О, безумная!.. Вѣдь она ослѣплена, она сама отталкиваетъ свое счастье! Вѣдь она ослѣплена, она сама отталкиваетъ свое счастье! Вѣдь видѣла же она, какъ онъ живетъ; хорошо знаетъ и характеръ его, и отношенія къ преданной ему пріемной матери! Знала Флора также, что ее тамъ на рукахъ бы носили, лелѣяли, если бы она дала ему то счастье, упиться которымъ онъ такъ пламенно жаждалъ...

Кэта сильно вздрогнула и въ ужасѣ закрыла руками лицо... Здѣсь, кругомъ, темно, такъ страшно темно, какъ будто царитъ глубокая ночь!.. Мудрено-ли, что *грѣхъ* неслышными шагами могъ прокрасться сюда, въ сокровенный уголокъ души человѣческой и зародить тамъ грѣховный помыселъ?.. Молодая дѣвушка быстро очутилась у двери и отворила ее.

Въ сѣняхъ горѣла большая лампа, ярко освѣщая лѣстницу и галлерею съ колоннадой, почему на полу и лежали рядами свѣтлыя полосы. Дверь изъ мукомольни только-что отворили и оглушительный грохотъ дѣйствующей машины разнесся по всему дому. Яркое освѣщенія, безпрерывное грохотанье въ мукомольнѣ, разомъ уничтожили обольстительный призракъ, прокравшійся въ невинную, дѣвственную душу Кэты...

Сѣни эти, или собственно прихожая на „замковой" мельницѣ комната обширная, выбѣленная), были украшены изображеніемъ во весь ростъ строителя мельницы, одѣтаго въ латы. Этотъ портретъ, старинной работы, порядкомъ уже полинялъ, такъ что фигура бывшаго хозяина казалась какимъ-то привидѣніемъ, выглядывающимъ изъ ветхой, черной рамы. Во времена оны Кэта побаивалась этого портрета, но теперь она смотрѣла на него какъ на старинняго друга. Да, онъ отрезвилъ ее, вернулъ къ дѣйствительности, прогнавъ предательскую, грѣховную мечту, которая толкала ее на чужое, уже занятое мѣсто...

Кэта спустилась съ лѣстницы и оставила мельницу Ночной вѣтерокъ освѣжилъ ея разгорѣвшееся лицо. Высоко надъ нею такъ чудно, ярко сверкали золотыя арабески—созвѣздія сѣвернаго неба. Молодой дѣвушкѣ вдругъ стало стыдно, что она увлеклась-было праздными мечтаніями... Но, можетъ быть, это было просто головокруженіе, нѣчто въ родѣ опьянѣнія, отъ котораго нельзя уберечься, потому что оно внезапно овла-

дѣваетъ даже самымъ здоровымъ, крѣпкимъ человѣкомъ?..

Еще издали, сквозь древесныя вѣтви, Кэта увидѣла мерцавшіе огни на виллѣ, а когда пошла въ домъ и очутилась въ коррпдорѣ,—до ея слуха долетѣли звуки рояля. Инструментъ былъ великолѣпный, но по клавишамъ его кто-то варварски ёрзалъ неумѣлыми руками.

Сегодня у президентши былъ вечеръ; къ ней „на чашку чая“ пріѣхало нѣсколько почтенныхъ особъ; былъ кое-кто и изъ молодежи. Особы засѣдали за карточнымъ столомъ, а молодые люди музыканили, болтали всякій вздоръ, словомъ — развлекались какъ хотѣли. Гости явились, какъ говорится, *запросто*, чтобы убить время и затѣмъ раскланяться часовъ въ десять, не позже.

Кэта поспѣшила переодѣться и отправиться въ салонъ—въ большую комнату въ нижнемъ этажѣ, примыкавшую къ балкону.

Дѣйствительно, гостей собралось не много: за однимъ только карточнымъ столомъ и играли, а около чайнаго—кромѣ Генріэтты (за самоваромъ)—никого не было, хотя обыкновенно тутъ то и группировалась молодежь.

Генріэтта опять украсила бѣлокурые свои волосы ярко-алыми бантами; на ней была безрукавка того же цвѣта, бархатная, поверхъ свѣтло-голубаго шелковаго платья. Благодаря такому театральному костюму, ея сѣроватое, узенькое личико казалось *не отъ міра сего*, но зато глаза, прелестные глаза, горѣли чудеснымъ огнемъ.

— А Брукъ опять здѣсь,—растроганнымъ голосомъ, съ жаркимъ дыханіемъ, шепнула она на ухо Кэтѣ, указавъ рукой на комнату Флоры, смежную съ салономъ, гдѣ все-еще продолжали варварски обращаться съ роялемъ.—Кэта, знаешь, онъ, кажется, сталъ еще выше... выросъ... Такой онъ высокій и... серьезный... Ахъ, Боже мой! Зачѣмъ ты-то смотришь такъ серьезно, строишь монашескую физіономію?.. перебивъ себя, рѣзко замѣтила больная (она была въ какомъ-то волненіи...). Въ самомъ дѣлѣ, всѣ сегодня ужасно угрюмы! Морицъ получилъ откуда-то депешу и очень разсѣянъ; бабушка въ отвратительномъ расположеніи духа, потому что въ салонѣ ея нынче пустенько.. Ахъ, а я такъ рада, мнѣ такъ весело!. Знаешь-ли, Кэта, третьяго дня, во время сильнаго припадка, ужъ я думала, что Брукъ найдетъ здѣсь мой трупъ... О, нѣтъ! Нѣтъ! Я *не хочу* умирать безъ него...

Въ первый разъ Генріэтта заговорила о смерти. Хорошо еще, что въ эту минуту руки, ёрзавшія по клавишамъ рояля, съ удвоеннымъ ожесточеніемъ ударили по нимъ и пошли гулять, учиняя трескъ и громъ; хорошо, что тутъ кстати трое пожилыхъ господъ у камина возвысили голосъ въ оживленномъ спорѣ, потому что послѣднія слова больная почти выкрикнула и голосъ ея прозвучалъ особенно страстно...

Кэта тихонько толкнула ее, а президентша, чрезъ лорнетъ, строгимъ, неодобрительнымъ взглядомъ пронизала сидѣвшихъ за чайнымъ столомъ.

Генріэтта быстро овладѣла собой.

— Ну, неужели-же меня кто-нибудь осудитъ за это? небрежно проговорила она, съ усмѣшкой приподнявъ плечи.—Вѣдь никто, я думаю, не желаетъ умереть въ одиночествѣ .. На что же тогда и докторъ? Онъ долженъ до послѣдней минуты обнадеживать больнаго...

Кэта узнала даже слишкомъ много.. Сестра ея — *не пойдетъ* съ нею въ Дрезденъ. Отказавшись отъ чашки чая, которую ей предложила Генріетта, молодая дѣвушка вынула изъ кармана неоконченную небольшую вышивку.

— Ахъ, брось, пожалуйста, это дѣло! съ нетерпѣніемъ сказала Генріетта.—Не думаешь-ли ты, что мнѣ очень весело сидѣть и смотрѣть, какъ ты спускаешь и вдѣваешь нитку.—Она поднялась съ своего мѣста и взяла подъ руку сестру.—Пойдемъ въ музыкальную комнату! Маргарита Гизе разстроитъ инструментъ и наши нервы, если мы не прекратимъ эту пытку.

Онѣ вошли въ сосѣднюю комнату, но особа, игравшая тамъ на фортепіано, углубилась, повидимому, такъ въ свою игру, что не замѣтила ихъ присутствія... Широкая дверь въ рабочій кабинетъ Генріэтты была открыта, такъ что можно было окинуть однимъ взоромъ всю комнату. Рядомъ съ другими великолѣпно освѣщенными покоями, комната эта, при слабо-пущенномъ свѣтѣ лампы, казалась почти темною, и темнокрасные обои ея принимали въ углахъ мрачный оттѣнокъ.

Флора сидѣла облокотясь небрежно на письменный столъ, въ то время какъ коммерціи совѣтникъ расположился съ комфортомъ въ мягкихъ креслахъ, а докторъ Брукъ перелистывалъ стоя какую-то книгу. Онъ былъ необычайно блѣденъ; на челѣ его выступали рѣзко двѣ мрачныя складки, и все-таки выразительное лицо его казалось замѣчательно красивымъ въ сравненіи съ его красавицей-невѣстой.

Генріэтта не стѣсняясь вошла въ комнату,—женихъ и невѣста вѣдь не были наединѣ—, но Кэта, которую она тащила за собой, остановилась въ раздумьѣ на порогѣ; ее удерживало выраженіе лица Флоры: какая-то злость, нетерпѣніе—замѣтны были ясно на лицѣ невѣсты. Она очевидно находилась въ дурномъ расположеніи духа. Взоръ Флоры не замедлилъ остановиться съ саркастической улыбкой на сестрѣ. которая сегодня въ первый разъ замѣнила монотонный черный цвѣтъ платья свѣтло-сѣрымъ цвѣтомъ полутраура.

— Просимъ пожаловать, Кэта! сказала она, не перемѣняя своего положенія у письменнаго стола.—Хотя ты по обыкновенію въ шелку,—похожа, однако, на восковаго херувимчика и вѣчнымъ шелестомъ своего шелковаго платья въ состояніи раздражить нервы и самаго загрубѣлаго существа. Скажи мнѣ только, Бога ради, съ какой стати носишь ты постоянно эту страшно тяжелую матерію; вѣдь она къ твоей дрезденской кухнѣ такъ-же умѣстна, какъ бѣльмо на глазу.

— Это моя слабость, Флора, отвѣчала съ спокойной улыбкой Кэта. Можетъ быть, это и дѣтская причуда, но мнѣ такъ пріятно слышать шелестъ шелка: въ немъ заключается нѣчто величественное. Находясь же въ своей «кухнѣ», я, разумѣется, этой матеріи не ношу.

— Послушайте, съ какою гордостью говоритъ она о своей кухнѣ! Вотъ глупость! Хотѣла бы я взглянуть, какъ ты въ своемъ холщевомъ передникѣ возишься около жирныхъ горшковъ. Впрочемъ, у каждаго свой вкусъ; что касается меня, то благодарю покорно Она устремила медленно и пытливо свои темные глаза на лицо доктора, который только-что закрылъ спокойно книгу и положилъ ее на мѣсто.

Кэта чувствовала, какъ крошечная ручка Генріэтты сжимается въ кулакъ.—Ахъ, какая же ты странная, Флора! воскликнула она. стараясь принять веселый видъ:—не болѣе пяти мѣсяцевъ тому назадъ ты сама частенько, внизу на кухнѣ, возилась около горшковъ Христины—съ умѣньемъ, или напротивъ, объ этомъ нѣтъ рѣчи—но благое намѣреніе заняться хозяйствомъ у тебя, дѣйствительно, было, да притомъ и чистенькій фартукъ шелъ тебѣ къ лицу какъ нельзя болѣе.

Флора закусила губу.—У тебя вѣчно только глупости на умѣ; ты не съумѣла понять, что я дѣйствовала тогда не болѣе, не менѣе, какъ подъ вліяніемъ минутнаго каприза... Флора, сложивъ руки и задумчиво опустивъ голову, сдѣлала медленно нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Она была очень мила въ своемъ платьѣ съ длиннымъ шлейфомъ изъ бѣлаго альпака.

Коммерціи совѣтникъ вскочилъ съ своего мѣста.— Итакъ, Флорочка, угодно будетъ пойти съ нами въ гостинную?—спросилъ онъ.—Она блистаетъ сегодня необыкновеннымъ отсутствіемъ гостей—и по основательной причинѣ: вѣдь у принца дипломатическій soirée, успо-

коивалъ онъ себя.—Мы должны, однако, оживить нѣсколько гостинную; въ противномъ случаѣ бабушка будетъ нѣсколько дней въ дурномъ расположеніи духа.

— Я уже извинилась на полчаса, Морицъ, съ нетерпѣніемъ сказала Флора.—Я *должна* окончить еще сегодня статью, которую начала составлять. Я окончила-бы ее давно, еслибъ не помѣшалъ Брукъ...

Докторъ подошелъ къ письменному столу. — Развѣ это такое спѣшное дѣло? и отчего? спросилъ онъ не безъ легкаго оттѣнка юмора въ лицѣ и голосѣ.

— Отчего, другъ мой? Потому что я хочу сдержать данное слово, съ колкостью возразила она.—Это забавляетъ тебя. Во всякомъ случаѣ это женскій трудъ, и ты, разумѣется, не понимаешь, кого могутъ интересовать такія бездѣлушки.

— Я не думаю такъ о женскомъ трудѣ вообще...

— Вообще! повторила она съ громкимъ смѣхомъ.— Что прикажете дѣлать? Общее, глубоко вкоренившееся понятіе! Стряпня, шитье, вышиванье — вычисляла она по пальцамъ.

— Ты не дала мнѣ досказать, Флора! сказалъ докторъ спокойно.—Я хотѣлъ коснуться также и умственной дѣятельности, какъ и ручной работы. Я отнюдь не отношусь враждебно къ женскому вопросу и желаю, какъ и всѣ благомыслящіе люди, чтобы женщина стала разумной помощницей мужчины въ области умственной дѣятельности.

— Помощницей? Какая милость! Мы не желаемъ, однако, милости, другъ мой; мы требуемъ больше: мы желаемъ быть *равноправными* во всѣхъ отношеніяхъ.

Онъ пожалъ плечами и улыбнулся; интересное лицо его, на которомъ отразились легкая насмѣшка и снисходительность, казалось чрезвычайно одушевленнымъ.— Вѣдь это верхушка новѣйшихъ вашихъ притязаній и требованій, отъ которой благоразумные люди давно открачнулись,—притязаній, противъ которыхъ друзья прогресса будутъ ратовать на государственной и религіозной почвѣ до тѣхъ поръ, пока женщины будутъ вдаваться въ такія крайности, которыя онѣ дозволяютъ себѣ творить во время религіозныхъ оргій на улицахъ американскихъ городовъ,—до тѣхъ поръ, пока онѣ не перестанутъ идти заодно съ мрачнымъ сонмомъ фанатиковъ-Клерикаловъ. Равноправность—женщинъ то же, что смертоносное оружіе въ слабыхъ, неосторожныхъ рукахъ.

Флора не возразила ни слова. Она поблѣднѣла какъ мраморъ. Стараясь сохранить наружное спокойствіе, она взяла стальное перо и попробовала его на ногтѣ большаго пальца. Потомъ она раскрыла ящикъ и взяла оттуда какой-то небольшой предметъ.

Генріэтта вырвала проворно свою руку изъ руки Кэты и сдѣлала шагъ впередъ, въ то время, какъ коммерціи совѣтникъ поспѣшилъ удалиться изъ комнаты такъ быстро, какъ будто-бы онъ позабылъ сдѣлать какое-либо важное распоряженіе. Кэта изумилась: она увидѣла, какъ нѣжные пальчики Флоры съ легкою дрожью въ рукахъ взяли перочинный ножикъ и срѣзали кончикъ вынутой изъ ящика сигары.

— Тоже оружіе, которое мы не должны употреблять, и именно съ этою цѣлью, сказала Флора съ вынужденном улыбкой и бросая искоса взглядъ на доктора, который въ это время сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ.—Только странное дѣло, что наши на восемь лѣтъ болѣе бѣдные женскіе мозги имѣютъ сходство съ мозгами нашего властелина въ томъ, что они слышатъ проницательнѣе и работаютъ усиленнѣе во время куренія. И съ этими словами она закурила сигару, между тѣмъ какъ на губахъ ея замѣтна была нервная дрожь.

Фрейленъ Гизе въ сосѣдней комнатѣ давно кончила свою блестящую салонную пьесу и появилась въ этотъ моментъ на порогѣ рабочаго кабинета.—Флора, ты куришь,—ты, которая никогда не могла сносить запаха сигары? воскликнула она и съ удивленіемъ сложила руки

— Невѣста моя шутитъ, сказалъ докторъ Брукъ совершенно спокойно. Онъ подошелъ опять къ письменному столу.—Она попробуетъ тѣмъ ограничится, если не желаетъ причинить вреда своему здоровью.

— Не намѣренъ-ли *ты*, Брукъ, запретить мнѣ это? сказала она холоднымъ тономъ. Въ глазахъ ея сверкнулъ зловѣщій огонекъ. Она пустила струйку дыма и взяла сигару двумя тоненькими пальчиками лѣвой руки.

Докторъ, казалось, только того и ждалъ. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ взялъ онъ изъ рукъ ея сигару и бросилъ въ каминъ.—Запретить, въ качествѣ твоего жениха? повторилъ онъ пожимая плечами. Права этого я *покуда* не имѣю. Я могъ-бы тебя просить, но я не охотникъ до повтореній и безполезныхъ словъ: ты знала, что я ненавижу сигару, когда ее куритъ женщина. Въ этомъ случаѣ я просто напросто запрещаю тебѣ, въ качествѣ врача—ты имѣешь причины беречь свои легкія.

Флора, казалось, окаменѣла на мигъ, видя такую смѣлость; при послѣднихъ словахъ доктора по тѣлу ея пробѣжала дрожь; однако, она скоро овладѣла собой. —Странно, съ язвительной улыбкой воскликнула она,—что противный совѣтникъ медицины, пользующій меня съ малолѣтства, не сказалъ мнѣ объ этомъ ни слова. Этимъ, однако, можно пугать только дѣтей. Впрочемъ, я не имѣю никакой причины дорожить настолько своимъ здоровьемъ, чтобы для сохраненія его отказать себѣ въ какомъ либо невинномъ удовольствіи — напротивъ! Я буду курить по-прежнему; при моемъ авторскомъ призваніи, это необходимо; призваніе это составляетъ мое счастіе, мою нравственную поддержку; я живу и дышу имъ...

— Пока неизбѣжный оборотъ дѣлъ не укажетъ тебѣ твое дѣйствительное призваніе, добавилъ докторъ. Голосъ его звучалъ какъ сталь.

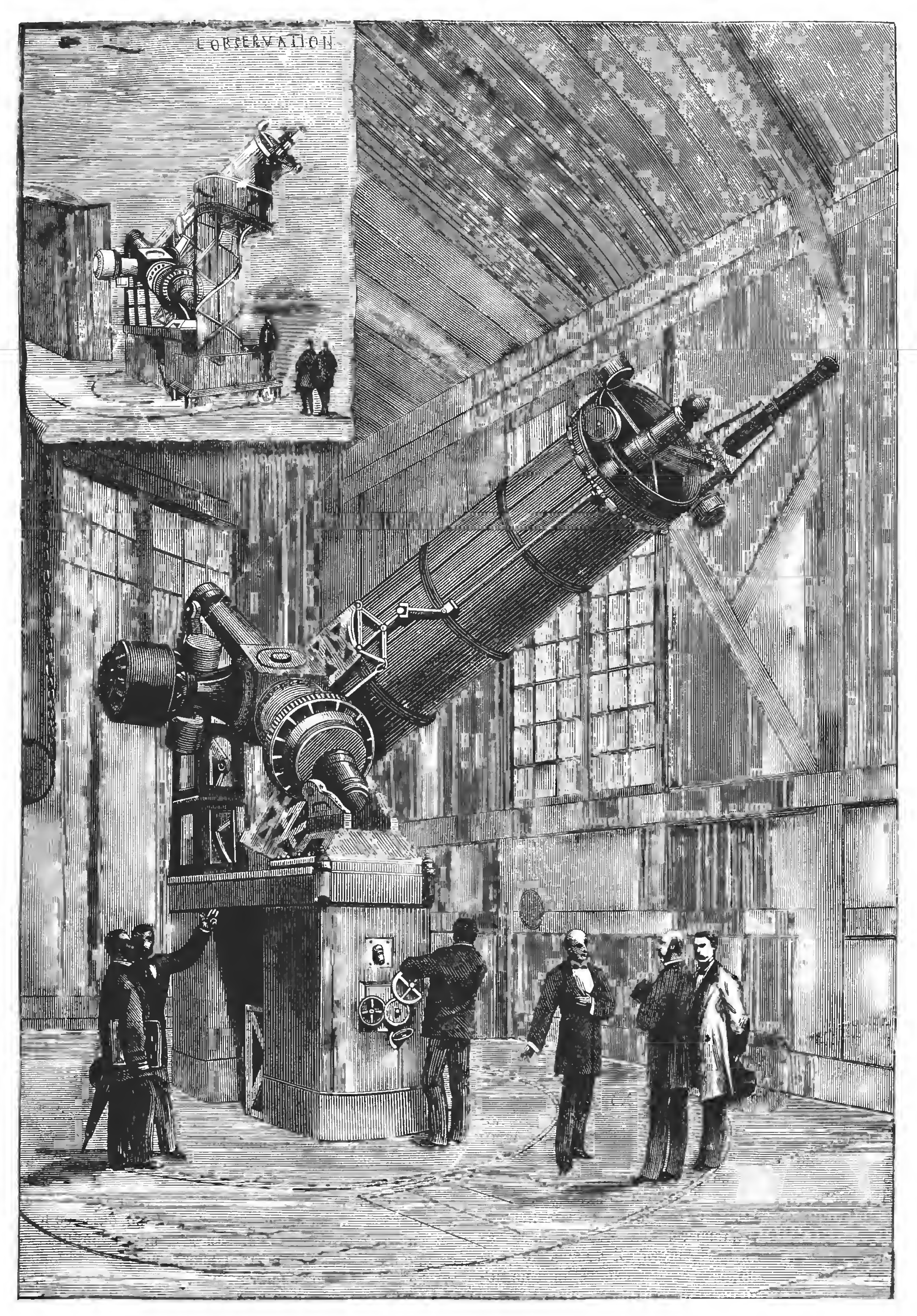
На щекахъ Флоры вспыхнулъ яркій румянецъ; она открыла-было свой хорошенькій ротикъ съ цѣлью дать рѣзкій отвѣтъ, но взоръ ея упалъ на фрейленъ Гизе, стоявшую навостривъ слухъ и зрѣніе, на порогѣ комнаты и жадно ловившую каждое неосторожное слово, могущее послужить отличнымъ матеріаломъ для составленія сплетни. Случай для этого былъ, дѣйствительно, превосходный.

Флора, сдѣлавъ граціозное движеніе и надувъ свои губки, сказала доктору съ легкимъ оттѣнкомъ укора: Ахъ, Брукъ, какъ это прозаично! Возвратился, должно быть, съ веселой поѣздки за городъ, веселился...

Она онѣмѣла—Брукъ сильно сжалъ ея руку.—Желаешь-ли ты быть столь любезной и не касаться *моего* призванія? спросилъ онъ, подчеркивая каждое свое слово

— Я говорила объ удовольствіяхъ, отвѣчала она дерзко и вырвала свою руку изъ рукъ доктора.

При неожиданныхъ встрѣчахъ съ президентшей, несимпатичное лицо ея внушало Кэтѣ постоянно чувство, похожее на страхъ; однако, въ настоящій моментъ, когда старуха вошла поспѣшно въ комнату, Кэта вздохнула свободнѣе. Походка президентши была на этотъ разъ необыкновенно торопливая. Повидимому, она была чѣмъ-то сильно раздосадована. — Мои игорные столы придется, вѣроятно, на будущее время поставить здѣсь, если я не желаю, чтобы друзьями моими пренебрегали, сказала она сильно раздраженнымъ тономъ. — Возможно-ли, Генріетта, такъ рано оставлять чайный столъ? Мнѣ остается только посадить за него мою каммеръюнгферу. Что касается тебя, Флора, то я не понимаю, какъ можешь ты возвратиться къ письменному столу въ то время, когда у насъ гости. Неужели твой издатель притѣсняетъ тебя до такой степени, что ты должна работать по вечерамъ: въ такомъ слу-

Новый исполинскій телескопъ, парижской обсерваторіи. Рис. Бокуръ, грав. Бергъ.

чаѣ притворяй свою дверь, если не желаешь, чтобъ занятія твои походили слишкомъ на тщеславіе и ученое кокетство. Президентша, должно быть, была очень взбѣшена, если позволила себѣ высказаться такъ безцеремонно въ присутствіи придворной особы.

Флора взяла свою рукопись и обмакнула перо въ чернила.—Суди объ этомъ, бабушка, какъ тебѣ угодно, сказала она холодно.—Я не виновата, что меня ищутъ здѣсь, и я съ самопожертвованіемъ сидѣла бы за твоимъ зеленымъ столомъ, еслибъ мнѣ не помѣшали.

Генріетта проскользнула мимо президентши и украдкой кивнула Кэтѣ, чтобъ она слѣдовала за ней.—Эти сцены уложатъ меня въ гробъ, шепнула она ей въ опустѣвшей музыкальной комнатѣ.

— Будь спокойна! Флора ведетъ борьбу напрасно: онъ все-таки покоритъ ее,—сказала Кэта странно-взволнованнымъ голосомъ.—Но *его* я не понимаю. Еслибъ я была на его мѣстѣ... Въ глазахъ ея сверкнула гордость.

— Знаешь-ли ты, Кэта, какъ дѣйствуетъ любовь? Не осуждай! Тебя еще не коснулось это бѣшеное чувство, всецѣло охватывающее человѣческую душу.—Генріетта, произнося это, глубоко вздохнула.—Ты вѣдь не знаешь, до какой степени увлекательной и очаровательной можетъ быть Флора, если она *желаетъ*: ты знаешь ее только въ ея теперешней недостойной роли, эту боязливую, эгоистическую, жестокосердую душу. Кто видѣлъ Флору дарящей любовь, тотъ пойметъ, что человѣкъ рѣшится скорѣе искать смерти, чѣмъ отказаться отъ сестры.

IX.

Генріэтта отправилась исполнять свою обязанность чайнаго стола: Кэта же осталась у рояля и занялась перелистываніемъ нотъ. Послѣднія слова Генріэтты произвели на нее глубокое впечатлѣніе. Неужели отвергнутая любовь, дѣйствительно, такъ сильно потрясаетъ душу, что ради нея человѣкъ готовъ умереть? И имѣетъ-ли эта любовь всесильную власть надъ такимъ человѣкомъ, какъ Брукъ.

Докторъ только-что вышелъ твердымъ шагомъ изъ комнаты Флоры; президентша также быстро промелькнула; въ гостинную явились еще двѣ пожилыя дамы, которыхъ она должна была встрѣтить. Дверь въ рабочій кабинетъ Флоры осталась, какъ и прежде, открытою; спорный вопросъ, вѣроятно, былъ уже рѣшенъ, потому что послѣ того, какъ и фрейленъ фонъ-Гизе вышла изъ комнаты и принялась опять разыгрывать свои прелюдіи, въ кабинетѣ Флоры воцарилась совершенная тишина.

Кэта слѣдила взоромъ за докторомъ, когда онъ проходилъ чрезъ залу. Онъ подошелъ-было къ чайному столу съ тѣмъ, чтобы вступить въ бесѣду съ Генріэттой; однако, одна изъ вновь прибывшихъ дамъ задержала его и завязала съ нимъ разговоръ. Докторъ былъ очень любезенъ и старался казаться совершенно спокойнымъ, но Кэта еще раньше, въ то время, какъ Флора отвѣчала ему такъ дерзко, замѣтила въ глазахъ его пламя; онъ еще тогда перемѣнился въ лицѣ, да и теперь на щекахъ его горѣла краска. Хорошенькая противница его въ красномъ кабинетѣ не могла тоже похвалиться душевнымъ спокойствіемъ, не прошло и пяти минутъ, какъ она нетерпѣливо отодвинула стулъ и вошла въ музыкальную комнату.

— Ну, Флора, уже готово? спросила придворная фрейлина, и неутомимые пальцы ея забѣгали по клавишамъ.

— Вотъ какъ! Не думаешь-ли ты, что хорошее заключеніе дѣлается такъ себѣ, шутя? Я теперь не расположена работать, а писать безъ вдохновенія я не могу, считая авторское призваніе слишкомъ святымъ.

Въ глазахъ фрейленъ фонъ-Гизе, блеснула злобная улыбка. — Я жду съ нетерпѣніемъ, какъ отнесется критика къ твоему великому творенію „Женщины". Ты говорила намъ о своемъ сочиненіи такъ много. Принялъ-ли его издатель?

Флора очень хорошо поняла значеніе этихъ словъ. —Вамъ, праведнымъ душамъ, было-бы очень пріятно узнать о фіаско моего сочиненія, не правда-ли, Маргарита? сказала она язвительно.—Но вамъ не придется быть свидѣтелями этого радостнаго событія, это говоритъ мнѣ мой мой маленькій палецъ. Съ горделивой улыбкой на устахъ она поправила свои душистые кудри и, какъ-бы сознавая свое могущество, пошла какъ гордая царица далѣе.

— Малютка, ты стоишь съ тетрадью нотъ въ рукахъ, какъ будто собираешься *тоже* завладѣть нашими слуховыми органами, съ насмѣшкою сказала она, проходя мимо Кэты и указывая легкимъ движеніемъ головы на слишкомъ усердную піанистку. — Развѣ ты поешь? Кэта тряхнула отрицательно головой.—Это было-бы наслѣдіе Зоммера, въ семействѣ нашемъ нѣтъ пѣвицъ.

— Да, Флора, Кэта занимается музыкой, воскликнулъ коммерціи совѣтникъ.—Онъ разговаривалъ съ какимъ-то господиномъ у дверей и теперь подошелъ ближе.—Я знаю это изъ отчетовъ о денежныхъ расходахъ докторши. Много денегъ, Кэта! Я уже хотѣлъ сказать тебѣ: У тебя дорогіе учителя.

Молодая дѣвушка улыбнулась.--Лучшіе, Морицъ! Мы въ Дрезденѣ люди практическіе: самое хорошее есть въ то же время и самое дешевое.

— Впрочемъ, мнѣ все равно. Обладаешь-ли ты, однако, талантомъ? спросилъ онъ тономъ сомнѣнія:— музыкальныя дарованія, во всякомъ случаѣ, не были удѣломъ семейства Мангольдовъ.

— Призваніемъ по крайней мѣрѣ, отвѣчала она просто:—склоностью сочинять мелодіи.

Флора, которая хотѣла-было переступить порогъ гостинной, обернулась съ изумленіемъ.—Вотъ какъ Кэта! сказала она не безъ оттѣнка ироніи:—съ твоими красными щеками и съ образованіемъ, пригоднымъ для домашней хозяйки! Полька или вальсъ, не спорю, придетъ еще въ голову каждому, кто охотникъ до танцевъ.

— И я люблю, Флора, до страсти танцы, прервала Кэта весело и откровенно сознаваясь.

— Видишь-ли? Кто же можетъ заподозрить тебя въ творческомъ дарѣ! И ты берешь, вѣроятно, еще уроки композиціи?

— Да, уже три года.

Флора съ удивленіемъ всплеснула руками и совершенно взволнованная воротилась въ музыкальную комнату. — Въ здравомъ-ли умѣ твоя Лукасъ (она называла бывшую гувернантку всегда по имени, которое та носила до своего выхода замужъ), бросая такимъ образомъ деньги за окно?

Въ сосѣдней гостинной господствовала въ этотъ моментъ тишина. Три пожилыхъ господина, стоявшихъ у камина, и дама, съ которой бесѣдовалъ докторъ, сѣли за карточный столъ; докторъ Брукъ велъ тихій разговоръ съ Гэнріеттой, а фрейленъ фонъ-Гизе прекратила на мигъ игру на фортепіано, такъ что въ гостинной слышно было каждое слово довольно громкаго разговора, происходившаго между Флорой и Кэтой.

Гэнріетта вскочила со стула и вошла въ музыкальную комнату.—Ты имѣешь призваніе къ музыкѣ, спросила она съ удивленіемъ, но съ тѣхъ поръ, какъ ты здѣсь, не коснулась еще ни разу клавишъ?

— Рояль стоитъ рядомъ съ комнатой Флоры; могла-ли я своей игрой на фортепьяно безпокоить ее во время работы? отвѣтила молодая дѣвушка скромно и естественно.—Я имѣла, разуется, живѣйшее желаніе поиграть также разъ на этомъ инструментѣ, потому что онъ превосходный, а мое піанино въ Дрезденѣ довольно плохое. Пять лѣтъ тому назадъ мы купили его подержанное. Докторша уже давно хочетъ просить тебя, Морицъ, о пріобрѣтеніи новаго, но я всегда возставала противъ это-

го. Теперь же, послѣ того, какъ я увидѣла сегодня извѣстный шкафъ, я становлюсь сговорчивѣе; я желала бы имѣть точно такой инструментъ, какъ этотъ.

— Онъ стоитъ тысячу талеровъ.—Тысячу талеровъ на удовлетвореніе маленькой прихоти дѣвушки! Объ этомъ стоитъ подумать, Кэта!

— Да кто-же въ вашемъ домѣ играетъ на этомъ инструментѣ? спросила она почти рѣзкимъ тономъ. Видно было по всему, что она чувствуетъ себя внутренно оскорбленною.—Кому доставляетъ онъ наслажденіе въ тихіе часы? Онъ стоитъ только ради гостей. Неужели капиталъ долженъ быть употребляемъ только для того, чтобъ производить наружный блескъ?

Коммерціи совѣтникъ, пораженный ея тономъ, приблизился къ ней и взялъ ея руку; ему не случалось еще видѣть на цвѣтущемъ лицѣ дѣвушки такого выраженія, полнаго энергіи и здравомыслія. Не принимай это такъ близко къ сердцу, милое дитя! старался онъ успокоить ее.—Развѣ я былъ когда-нибудь жестокосердымъ и придирчивымъ опекуномъ? Поди, сыграй пьесу и докажи намъ, что занятіе музыкой для тебя дѣйствительно дѣло, близкое сердцу. Болѣе я ничего не требую, и ты получишь инструментъ, какой желаешь имѣть.

— Послѣ всего происшедшаго, сказала она откровенно и освобождая свою руку:—я отнюдь не желала-бы „разыграть“ себѣ рояль; кто знаетъ, какое именно произведеніе разумѣешь ты подъ словами: „дѣло, близкое сердцу?“ завсѣмъ тѣмъ я принесу свои ноты, потому что терпѣть не могу упрашиваній.

Она хотѣла удалиться.

— Къ чему музыкальныя пьесы? Сыграй одну изъ твоихъ „композицій“, сказала Флора, не скрывая сардонической улыбки.

— Я не знаю наизусть также и моихъ собственныхъ произведеній, отвѣтила Кэта, выходя изъ комнаты.

Она возвратилась очень скоро съ тетрадью нотъ въ рукахъ. Въ то время, какъ она усаживалась у рояля на стулѣ, который фрейлина фонъ-Гизе уступилаей охотно, Флора взяла тетрадь съ нотнаго — Чья эта пьеса? спросила она, разсматривая заглавный листъ.

— Развѣ ты не желала сама услышать мою композицію?

— Всенепремѣнно; ты, однако, ошиблась—пьеса вѣдь печатная.

— Совершенно вѣрно: сочиненіе мое напечатано.

— Боже мой, какъ же могло случиться это? промолвила Флора такъ поспѣшно, такимъ наивно сконфуженнымъ тономъ, что лишилась на мигъ способности самообладанія.

— Да, Флорочка, какъ-же это могло случиться, что *твои* произведенія печатаютъ? спросила Кэта шутливымъ тономъ и съ примѣсью юмора. Она положила свои хорошенькіе, гибкіе, пальчики на клавиши.—Я объясню тебѣ, какъ я удостоилась этой чести, сказала она поспѣшно и стараясь успокоить Флору, которой, очевидно, пришелся не понутру отвѣтъ Кэты; задѣтая за живое, она окинула молодую сестру высокомѣрнымъ взглядомъ.—Учителямъ моимъ пришла въ голову „фантазія“ напечатать тайкомъ отъ меня, съ цѣлью порадовать меня въ день моего рожденія.

— Ахъ, вотъ какъ! это можно было ожидать, сказала Флора и положила ноты на пультъ.

Генріэтта, между тѣмъ, подошла къ роялю съ другой стороны и, заглянувъ въ ноты, указала пальцемъ на заглавный листъ.—Не позволяй дурачить себя, Флора! смѣясь воскликнула она.—Смотри сюда! тутъ напечатано: изданіе Шотта съ сыновьями. Знаменитая фирма ради дня рожденія не поддастся. Кэта, говори правду! умоляла она, между тѣмъ какъ въ умныхъ глазахъ ея отражалось удовольствіе — Сочиненія твои извѣстны свѣту, ихъ покупаютъ и играютъ.

Щеки молодой дѣвушки зардѣлись румянцемъ; она кивнула утвердительно головой.—Однако, дѣйствительно, я сама не знала объ отпечатаніи моихъ композицій, и первый выпускъ ихъ нашла у себя настолѣ въ день моего рожденія, сказала она и пальцы ея коснулись клавишъ.

Это была совершенно простая мелодія; но уже при первыхъ звукахъ инструмента сидѣвшіе въ гостинной за зеленымъ столомъ опустили карты и превратились въ слухъ. Звуки эти были мягки какъ бархатъ, чрезвычайно-оригинальны и потрясали до глубины души. Молодая пьянистка, устремивъ свои умные глаза въ ноты, держала себя спокойно и непринужденно; на груди ея отъ дыханія чуть замѣтно колыхался черный крестикъ. Въ игрѣ ея не видно было ни малѣйшаго желанія блеснуть, удивить проворствомъ пальцевъ, или произвесть эффектъ. Никто изъ присутствовавшихъ не задавалъ себѣ вопроса о томъ, правильна-ли игра, или нѣтъ; никто не думалъ о методѣ игры, подобно тому, какъ при потрясающихъ звукахъ голоса не обращаютъ вниманія на лицо пѣвца. И когда послѣдніе звуки мелодіи начали постепенно замирать, въ залѣ воцарилась на мигъ такая тишина, что слышно было дыханіе. Каждый гость какъ будто боялся испугать какимъ-либо движеніемъ отлетающій звукъ, произведшій такое обаятельное дѣйствіе. Спустя минуту, въ залѣ все ожило; мужчины кричали: „Bravo!“ „Charmant!“ „Superbe!“—а дамы сожалѣли, что папа Мангольдъ не дожилъ до этого. Всѣ были изумлены, растроганы и принялись вновь за карты.

— Вы должны мнѣ дать, фрейленъ, очаровательную „фантазію“. Я сыграю ее въ присутствіи принцессы, сказала придворная дама тономъ покровительства.

— И самый прекрасный концертный рояль, который когда-либо существовалъ, ты должна получить, Кэта, съ энтузіазмомъ присовокупилъ коммерціи совѣтникъ.

Генріэтта прижала свое блѣдное личико къ цвѣтущимъ щекамъ сестры и съ влажными отъ радостныхъ слезъ глазами шептала: „ты избранная“.

Уже при первыхъ звукахъ мелодіи Флора отошла отъ рояля и незамѣтно удалилась изъ комнаты. Медленно ходила она по своему красному кабинету взадъ и впередъ, при каждомъ потрясающемъ звукѣ бросая какой-то боязливо-смущенный взглядъ на геніальную дѣвушку; а теперь, когда замолкъ послѣдній звукъ, она формально забилась въ уголъ комнаты.

— Ахъ, мнѣ кажется, Флора сердится, что она теперь не единственная „знаменитость“ семейства Мангольдовъ, съ шипѣніемъ въ голосѣ сказала фрейлина фонъ-Гизе, обратившись къ коммерціи совѣтнику.

Коммерціи совѣтникъ благодушно улыбнулся; онъ улыбался постоянно, если кто-либо изъ придворныхъ особъ обращался къ нему съ дружеской рѣчью; но избѣгалъ отвѣтовъ.

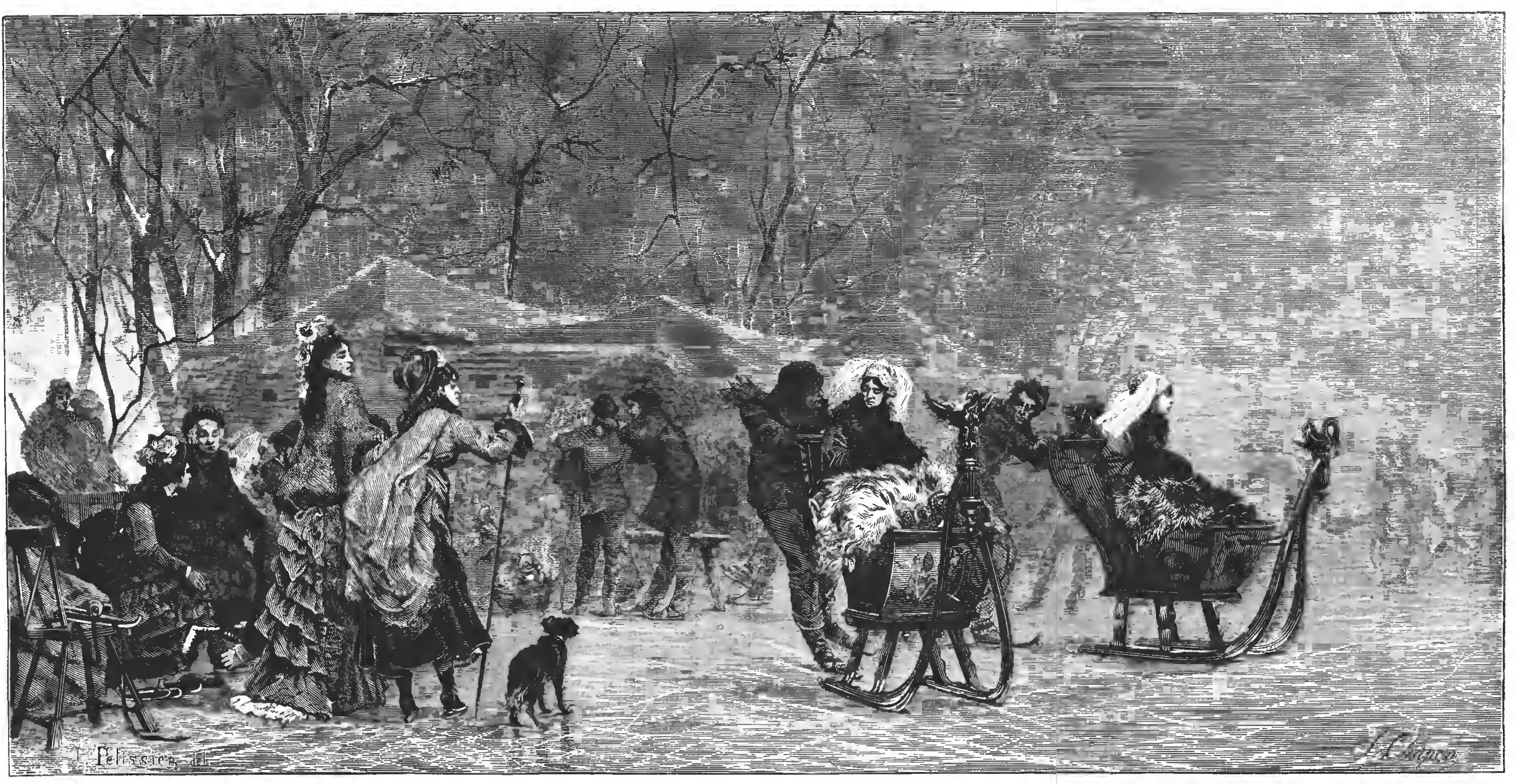
— На твою докторшу, впрочемъ, я очень золъ, потому что она ни разу не сообщила мнѣ подробностей о твоемъ музыкальномъ дарованіи, сказалъ онъ Кэтѣ, только-что вставшей со стула.

Она улыбнулась.

— У насъ, въ Дрезденѣ, вообще не любятъ придавать какое-либо особое значеніе подобнымъ вещамъ, сказала она скромно.—Докторша принадлежитъ къ числу такихъ женщинъ, которыя долго медлятъ окончательнымъ приговоромъ; она знаетъ, что мнѣ слѣдуетъ еще очень много учиться.

— Ахъ, полно пожалуйста! Это спартанское воспитаніе...

— Или самая утонченная уловка, которую желательно пустить въ ходъ съ надеждой на громадный успѣхъ, перебила Флора, которая только-что вошла въ комнату. Лице ея пылало какъ въ лихорадкѣ.—Меня, Кэта, ты не проведешь тѣмъ, что относишься такъ скромно къ своему таланту и дѣйствительно придаешь такъ мало цѣны ему, что въ продолженіе пятидневнаго пребыванія въ нашемъ домѣ не дотронулась даже ни разу до

Зимній день въ Голландіи. Картина Кеммереръ рис. Пелисье, гравир. А. Шапонъ.

клавишъ; это не что иное, какъ лукавство, коварство относительно меня, относительно насъ всѣхъ.—Накипѣвшая злость почти душила ее.

— Ты-ли, Флора, судишь такимъ образомъ? съ негодованіемъ сказала Генріэтта. Ты, которая никогда не устаешь примѣшивать ко всякому разговору рѣчь о своей литературной дѣятельности и распространяться о своихъ „ученыхъ занятіяхъ“,—ты, которая въ кругу своихъ знакомыхъ опираешься уже на успѣхи, которые, однако, слѣдуетъ еще обождать...

— Генріэтта, распорядись насчетъ чаю, крикнула президентша рѣзкимъ, строгимъ тономъ—въ музыкальной комнатѣ, по мнѣнію ея, былъ слишкомъ громкій разговоръ.

Генріэтта, не скрывая своего негодованія, ушла.

— Ты ошибаешься, Флора, если думаешь, что я не придаю никакой цѣны своему таланту, сказала Кэта совершенно спокойно, между тѣмъ какъ гордая сестра ея кусала свои губки, преслѣдуя взоромъ уходившую Генріэтту.—Въ такомъ случаѣ, я была-бы, во-первыхъ, несправедлива относительно себя, а во-вторыхъ крайне неблагодарна, потому что музыка доставляетъ мнѣ райское удовольствіе. Что при пріѣздѣ моемъ я не тотчасъ завела рѣчь объ этомъ предметѣ—есть не что иное, какъ простая случайность, потому что именно музыка и виновата въ томъ, что я пріѣхала сюда мѣсяцемъ раньше. Моему учителю композиціи понадобилось уѣхать недѣли на четыре, и такъ какъ поэтому я была-бы лишена на цѣлыхъ два мѣсяца уроковъ, то я скоро рѣшилась и выѣхала изъ Дрездена съ нимъ одновременно.

(Продолженіе будетъ).

Профессоръ Н. А. фонъ Норденшильдъ. Рис. Шварцъ, грав. Веберъ.

Храмъ Зевса въ Олимпіи.

Читателямъ нашимъ уже извѣстно, что въ прошломъ году германское правительство отправило въ Грецію ученую экспедицію для производства раскопокъ въ древней Олимпіи. Такимъ образомъ, предпріятіе, бывшее постоянною мыслью извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Винкельмана, въ настоящее время осуществилось, благодаря неусыпнымъ, въ продолженіе двадцати-трехъ лѣтъ, стараніямъ профессора Эрнста Курціуса, который, почти четверть столѣтія тому назадъ, а именно въ 1852 году, представилъ по этому предмету въ берлинскую академію наукъ подробную записку и указалъ образованному міру на необходимость воскресить изъ-подъ грудъ праха одно изъ великолѣпнѣйшихъ произведеній древней Греціи — знаменитый олимпійскій храмъ Зевса.

Предоставляя себѣ впослѣдствіи поговорить подробнѣе о результатахъ этихъ раскопокъ, скажемъ теперь только, что послѣднія извѣстія отъ Гиршфельда и Бетихера помѣчены 27 января текущаго года. Съ восточной стороны начали откапывать вторую ступень храма, а съ западной стороны раскопки углубляются по направленію къ храму, чтобы достигнуть первоначальнаго грунта. Находки въ теченіе нынѣшняго года трехъ родовъ: письменные памятники, разныя вещи и остатки статуй.

Въ настоящее время мы постараемся познакомить нашихъ читателей съ древней Олимпіей, т. е. съ самымъ блестящимъ періодомъ славы этого города. При этомъ мы будемъ придерживаться помянутой докладной записки профессора Курціуса, который, въ свою очередь, при составленіи ея, руководствовался подробнымъ описаніемъ олимпійскихъ храмовъ, сохранившимся въ твореніяхъ греческаго писателя Павзанія, жившаго во второмъ столѣтія по Р. Х. и посѣтившаго это святилище древней Греціи 600 лѣтъ спустя послѣ пелопонезской войны.

Олимпія не была городомъ въ собственномъ значеніи этого слова; она была святилищемъ древнихъ эллиновъ, составленнымъ изъ храмовъ, алтарей, ристалищъ и священныхъ лѣсовъ. Тамъ, гдѣ быстрый и загадочный Алфей вытекаетъ изъ узкихъ, скалистыхъ долинъ Аркадіи (на западной сторонѣ Пелопонезскаго полуострова, нынѣшней Мореи) и стремится по низменному береговому пространству къ морю—тамъ находилась нѣкогда «священная Эллада». Государство это возникло подъ сѣнію могущественной Спарты. Этолійцы основали его, а дорійцы, представителемъ которыхъ миѳическія сказанія называютъ Геркулеса, возобновленіемъ игръ въ честь Пелопса, возвели Олимпію столицу Эллады, на степень могущества и славы.

Представители Спарты и Эллады, Ликургъ и Ифитъ, въ половинѣ 9 столѣтія предъ Р. Хр., заключили священный союзъ, на основаніи котораго оба государства гарантировали безопасность какъ олимпійскаго святилища, такъ и всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ олимпійскія празднества. Эллада приняла на себя управленіе храмами и, въ качествѣ священнаго государства, наслаждалась вѣчнымъ миромъ. Путемъ этого общаго религіознаго средоточія, у народовъ Греціи усиливалось стремленіе къ родственному объединенію, и скоро Олимпія стала духовнымъ центромъ всей греческой народной жизни.

Олимпію омываетъ съ одной стороны рѣка Алфей, а съ другой —ручей Кладеосъ, который южнѣе сливается съ Алфеемъ. Городъ раздѣлялся на двѣ части. Одна изъ этихъ частей, Алтисъ, т. е. мѣсто, гдѣ стоялъ храмъ Зевса, была посвящена исключительно богамъ и окружена каменной стѣной, сооруженной—если вѣрить древнимъ сказаніямъ—Геркулесомъ. Внѣ этой стѣны находились: гимназіонъ, гипподромъ, храмъ Деметрія; потомъ, въ равнинѣ Алфея, жилища жрецовъ, гостиницы, лавки купцовъ и палатки; далѣе, мастерскія Фидія и леонидаіонъ, служившій, во времена римлянъ, для пріема высшихъ государственныхъ сановниковъ.

Алтисъ составлялъ, можно сказать, лабиринтъ художественныхъ произведеній; среди его памятниковъ, статуй, жертвенниковъ, храмовъ и колоннъ можно было заблудиться. Павзаній насчитываетъ однѣхъ статуй, поставленныхъ въ честь главныхъ побѣдителей на олимпійскихъ играхъ, болѣе двухсотъ - тридцати; кромѣ того, находилось тамъ безчисленное множество какъ памятниковъ, изображавшихъ важнѣйшія историческія событія, такъ и жертвенниковъ самой разнообразной формы. Въ Алтисъ вели одни только входныя ворота, чрезъ которыя каждые четыре года, въ праздничныхъ одеждахъ, въ колесницахъ и пѣшкомъ, стекались изъ всѣхъ частей Греціи и ея колоній гости, чтобы принять участіе въ играхъ, жертвоприношеніяхъ и торжественныхъ процессіяхъ.

Рядомъ со входомъ расло священное масличное дерево; оно осѣняло жертвенникъ нимфъ. которыя обязаны были заботиться объ орошеніи дерева; далѣе видѣнъ былъ храмъ Зевса, вѣнецъ всего Алтиса. Но бросимъ сперва бѣглый взглядъ на окружавшіе этотъ храмъ памятники. Тутъ находились: храмъ Пелопса, соединенный съ храмомъ Зевса длинной галлереей скульптурныхъ произведеній и памятниковъ, далѣе храмъ Геры, затѣмъ храмъ, посвященный героинѣ Гипподаміи. Рядомъ съ этимъ храмомъ возвышался постаментъ, на которомъ стоялъ Зевсъ, между Эосъ и Ѳетидой, изображенными ваятелемъ въ колѣнопреклоненномъ положеніи и какъ бы умоляющими царя боговъ о дарованіи имъ жизни сына. Вокругъ этой группы стояли герои Греціи и Трои. Далѣе, направо находились алтарь въ честь Зевса и колонна, служившая указаніемъ мѣста, гдѣ находилось нѣкогда жилище миѳическаго царя пеласговъ Ойномаоса.

Для служенія Зевсу въ Олимпіи отведено было лучшее мѣсто. По религіознымъ понятіямъ пеласговъ, Олимпіецъ былъ невидимый, управляющій всей природой богъ, въ честь котораго сооружаемы были одни только жертвенники; вскорѣ, однако, житель Эллады, Либонъ, построилъ въ честь царя боговъ храмъ, который, сто лѣтъ спустя, перестроенъ былъ заново знаменитымъ художникомъ Фидіемъ.

Фидій, окруженный цѣлымъ сонмомъ аттическихъ художниковъ и мастеровъ, поселился въ Олимпіи и, благодаря неусыпнымъ трудамъ этого великаго мастера, храмъ Зевса возникъ скоро во всей своей величественной красѣ. По описанію Павзанія, храмъ этотъ имѣлъ въ вышину 68 фут., въ ширину 95 фут. и въ длину 230 ф. Дорическая колоннада отъ 6 въ 13 колоннъ составляла наружное украшеніе его. Ваятели Алкаменъ и Паіоній увѣнчали фронтонъ скульптурными изображеніями боговъ и героевъ, а живописецъ Панаіоній расписалъ весь храмъ фресками. Внутри храма находилось знаменитое произведеніе Фидія, чудо греческаго культурнаго міра; произведеніе это— статуя Зевса, возсѣдающаго на престолѣ.

Картина наша изображаетъ восточный фасадъ храма, гдѣ находился главный входъ въ святилище.

Основная мысль, которой, при постройкѣ храма, руководствовался Фидій, выразилась ясно въ украшеніяхъ фронтона: всевидящее око Зевса слѣдитъ за борьбой и побѣдой на олимпійскихъ играхъ. Поэтому, на вершинѣ фронтона паритъ Никея, богиня славы, а на оконечностяхъ его стоятъ сосуды, по аттическому обычаю напоминающіе о скромной наградѣ за побѣду. Въ треугольникѣ Фронтона, посрединѣ, изображенъ олимпійскій богъ, а у ногъ его—орелъ. По правую сторону Зевса видимъ мы царя пеласговъ Ойномаоса и жену его Стерону, дочь Атланта.

Позади царя стоитъ колесница его, запряженная четырьмя конями, и знаменитый возница Миртилій. По лѣвую сторону царя боговъ находятся Пелопсъ, Гипподамія и колесница ихъ. Служители при коняхъ, а въ углахъ треугольника рѣчные боги, Алфей и Кладеосъ, дополняютъ эту превосходную группу. Голова Медузы, изображенная на цоколѣ Никеи, долженствовала охранять храмъ противъ всякаго злонамѣреннаго покушенія. Изъ числа разныхъ олимпійскихъ игръ, бѣгъ въ колесницѣ считался самою главною борьбой. Побѣда въ состязаніи такого рода, одержанная Пелопсомъ надъ миѳическимъ царемъ Ойномаосомъ, рѣшила судьбу страны, орошаемой Алфеемъ. Алкивіадъ и люди его покроя пренебрегали иными наградами и старались заслужить призъ, назначаемый за побѣду на гипподромѣ. Поэтому, группа, изображенная на восточной сторонѣ фронтона, служитъ указаніемъ, что царю боговъ подобная борьба была ближе всего. Изваянія на западной сторонѣ фронтона изображали борьбу лапитовъ съ центаврами.

Теперь, по широкимъ ступенямъ съ восточной стороны, поднимемся сперва на обширную паперть, а потомъ и во внутренность храма, которая двойнымъ рядомъ колоннъ раздѣлялась на три части. Въ глубинѣ средней части возвышалась колоссальная статуя Зевса. Это величественное изображеніе царя боговъ, украшенное золотомъ и слоновой костью, завершало внутреннюю архитектуру. Зрѣлище этого мастерскаго произведенія Фидія производило, по словамъ Павзанія, такое сильное впечатлѣніе, что и старцы и юноши считали за величайшее счастіе взглянуть хоть разъ въ жизни на олимпійскаго бога.

Постаментъ, на которомъ возвышалась фигура Зевса, имѣлъ 12 футовъ въ вышину и былъ украшенъ золочеными изображеніями. Престолъ блисталъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Скамью, на которой покоилась нога бога, поддерживали золотые львы. Богини побѣды окружали его и парили надъ его главой, но всѣ эти драгоцѣнныя художественныя произведенія затмевались величіемъ самого бога, глава котораго, казалось, вздымалась къ небесамъ.

Здѣсь, предъ лицомъ руководителя судебъ, побѣдитель получалъ изъ рукъ этолійскаго верховнаго жреца, въ награду за доблесть, простой вѣнокъ изъ листьевъ священнаго масличнаго дерева. празднества продолжались пять дней. Собравшіеся отовсюду гости не обращали вниманія ни на палящее іюльское солнце, освѣщавшее въ полдень гипподромъ, ни на рои комаровъ, кружившихся по вечерамъ надъ священнымъ боромъ. На шумныхъ пиршествахъ эллины прославляли побѣдителя, воспѣвали дѣянія его въ громкихъ одахъ, бродили въ священномъ бору подъ тѣнью маслинъ и платановъ и наслаждались созерцаніемъ художественныхъ произведеній. По прошествіи пяти дней гости возвращались на родину съ убѣжденіемъ, что эллинскіе народы соединились въ братскій союзъ, для того чтобъ внести свѣтъ культуры въ страны варваровъ.

Но пришла пора, когда кровавая междоусобная война разъединила народы древней Греціи; потомъ въ обезсиленныя государства вторглись римляне и варвары, и священный олимпійскій

боръ былъ жестоко опустошенъ. Можетъ быть къ счастью, плотины, сдерживавшія Алфей, прорвались и вышедшая изъ своихъ береговъ рѣка занесла слоями песку и ила опрокинутые жертвенники, памятники, скульптурныя произведенія и полуразрушенныя стѣны храмовъ. Германія рѣшилась пробудить Олимпію отъ сна, продолжавшагося тысячу лѣтъ, и уже извѣстно, какимъ счастливымъ успѣхомъ увѣнчалось это предпріятіе, имѣющее такое громадное значеніе для науки.

Герцеговинское возстаніе.

(Два дѣла герцеговинцевъ съ турками по дорогѣ между Требиньемъ и Рагузою).

Развитіе борьбы герцеговинцевъ съ турками, задержанное на время снѣгами и непогодами послѣдняго мѣсяца, оживаетъ опять и именно въ окрестностяхъ Требинья. Какъ и прежде, свѣдѣнія получаемыя изъ Константинополя и Рагузы о событіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ, полны противорѣчій, неспособности, впрочемъ, затмить смыслъ того, что на немъ происходитъ. Несмотря на все несогласіе получаемыхъ съ обѣихъ сторонъ извѣстій, можно, всетаки, съ полною увѣренностью заключить что Турки потерпѣли новое пораженіе по дорогѣ между Требиньемъ и Рагузою и понесли значительныя потери.

Въ продолженіе четырехъ дней происходила у монастыря Дуже одна изъ самыхъ ожесточенныхъ стычекъ между четырьмя ротами турецкой пѣхоты, защищавшимися съ небольшимъ числомъ баши-бузуковъ противъ значительно превосходныхъ инсургентскихъ силъ. Турецкія войска отступили къ форту Дріено только послѣ потери всѣхъ своихъ офицеровъ.

Извѣстіе объ этомъ сообщено корреспондентомъ-очевидцемъ, вполнѣ заслуживающимъ довѣрія. Герцеговинцы потеряли въ этомъ дѣлѣ одного изъ своихъ главныхъ начальниковъ Бачевича, и, несмотря на одержанную ими побѣду, на минуту разстроились и допустили турокъ возстановить сообщеніе Требинья съ моремъ.

Депеша изъ Рагузы, отъ 31 января говоритъ о новомъ пораженіи оттоманской арміи на той же самой дорогѣ. Инсургенты, остановили турокъ вблизи Клека, и они, несмотря на свою артиллерію, отступили потерявъ пятьдесятъ человѣкъ.

Посмотримъ, насколько оправдается это извѣстіе сообщеніями изъ Константинополя.

Было бы несправедливо обвинять европейскую дипломатію въ равнодушіи къ текущимъ событіямъ: вѣроятно, она найдетъ въ недалекомъ будущемъ возможность положить конецъ этому пролитію крови.

Новый исполинскій телескопъ парижской обсерваторіи.

Друзья науки, имѣющей предметомъ своимъ изученіе звѣзднаго неба—и друзья ея, безъ сомнѣнія, всѣ образованные люди—узнаютъ не безъ интереса кое-что объ исполинскомъ телескопѣ, недавно оконченномъ и находящемся теперь въ распоряженіи астрономовъ парижской обсерваторіи. Это—меньшій изъ двухъ большихъ инструментовъ, проектированныхъ Леверье, директоромъ названной обсерваторіи. Компетентные люди полагаютъ, что парижская обсерваторія, имѣя въ своемъ распоряженіи эти инструменты, будетъ считаться первою въ мірѣ. Поставленный въ началѣ октября прошлаго года телескопъ имѣетъ 120 цметр. въ разрѣзѣ, наподобіе устроеннаго въ Англіи исполинскаго телескопа въ Мельбурнѣ. Объективъ телескопа имѣетъ въ ширину 75 цметр.; длина телескопа 16 метровъ. Въ 1855 г. директоръ Леверрье заказалъ въ Англіи для объектива охроматическія стекла. Шлифовка этихъ необыкновенно большихъ стеколъ возложена была на оптика Леона Фуко.

Извѣстно что этотъ знаменитый оптикъ устроилъ усовершенствованное вогнутое зеркало изъ серебренаго стекла; чрезъ это зеркальный телескопъ, почти небывшій въ употребленіи со временъ Гершеля, попалъ во Франціи опять въ почетъ. Фуко строилъ послѣ того зеркальные телескопы, разрѣзъ которыхъ имѣлъ 40, 50 и 80 цметр. и которые только въ шесть разъ были длиннѣе разрѣза зеркала. Самый большой изъ этихъ телескоповъ, съ отверзтіемъ въ 80 цметр., находится въ Марсели. Астрономъ Стефанъ могъ посредствомъ этого инструмента дѣлать такія жи точныя наблюденія, какія дѣлалъ Гершель посредствомъ своего превосходнаго металлическаго зеркальнаго телескопа въ 145 цметр. и какія дѣлалъ Россъ посредствомъ своего Левіаѳана съ отверзтіемъ въ 170 цметр. Продолжая неутомимо трудиться, Фуко поставилъ себѣ цѣлью устройство самаго большаго вогнутаго зеркала и, такимъ образомъ, достигъ размѣра въ 120 цметр. Кусокъ стекла, который потребовалось употребить для этого вогнутаго зеркала, вѣсилъ 800 килогр. Леверрье велѣлъ отлить его на знаменитой фабрикѣ зеркальныхъ стеколъ въ С. Гобэнѣ и придать ему сферическій видъ въ заведеніи Соте и Лемонье. Чтобы привести въ исполненіе двойное предпріятіе съ достаточными денежными средствами, директоръ обсерваторіи обратился къ своему правительству съ ходатайствомъ, и въ 1865 году законодательный корпусъ разрѣшилъ ему кредитъ въ количествѣ 400.000 фр. Не взирая на значительную потерю времени, сопряженную для Фуко со всемірной выставкой 1867 года, въ слѣдующемъ году онъ окончилъ стекла для объектива большаго телескопа; въ это время послѣдовала смерть этого геніальнаго человѣка. Дюруи, тогдашній министръ просвѣщенія, озаботился, чтобы работы были продолжаемы. Механикъ Эйхенсъ, опытный въ своемъ дѣлѣ человѣкъ, оказавшій уже парижской обсерваторіи немаловажныя услуги при постройкѣ инструментовъ и получившій на всемірной выставкѣ одну изъ главныхъ наградъ, принялъ на себя постройку станка. Оптику Адольфу Мартэну, котораго Фуко ознакомилъ съ своей методой полированія, поручено было окончаніе вогнутаго зеркала. Руководство работами возложено было на извѣстнаго астронома Вольфа.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда выходъ въ отставку директора Леверрье и франко-германская война задержали дальнѣйшій ходъ предпріятія. Работы были возобновлены только два съ половиной года назадъ, когда Леверрье вновь вступилъ въ должность директора обсерваторіи. Въ началѣ 1875 года окончена была полировка вогнутаго зеркала и, такимъ образомъ, явилась возможность приступить къ первымъ опытамъ надъ предметами, находящимися на поверхности земли. Почти одновременно была окончена постройка какъ футляра для защиты телескопа, такъ и лѣстницы для астрономовъ-наблюдателей. 7 октября главныя составныя части инструмента были соединены. Въ присутствіи многихъ высокопоставленныхъ лицъ, телескопъ употребленъ былъ въ дѣло въ первый разъ и министръ просвѣщенія Валлонъ лично удостовѣрился въ цѣлесообразности его механизма. Денежныя затраты по постройкѣ телескопа простираются до 190,000 фр., суммы которую, въ виду всего сдѣланнаго, никакъ нельзя назвать слишкомъ высокою.

Произведеніе состоитъ изъ четырехъ частей: собственно телескопа, станка съ механизмомъ, лѣстницы для астронома-наблюдателя и футляра для защиты телескопа. Послѣдній имѣетъ 7 метр. въ вышину, 9 метр. въ длину и 5 метровъ въ ширину и есть нечто иное, какъ широкій вагонъ, колеса котораго передвигаются по рельсамъ. Обсервaціонная витая лѣстница стоитъ, какъ это видно изъ прилагаемаго рисунка, также на колесахъ и по рельсамъ можетъ обойти вокругъ станка. Цилиндрическая трубка телескопа, вѣсомъ въ 2400 килогр и въ длину 7,80 метр., состоитъ изъ средней части, сдѣланной изъ литой стали, и двухъ соединенныхъ съ ней, посредствомъ шипньковъ, трубокъ въ 3 метра длиной; каждая изъ этихъ трубокъ состоитъ изъ четырехъ стальныхъ колецъ и двѣнадцати продольныхъ стальныхъ полосъ въ оболочкѣ изъ тонкихъ жестяныхъ пластинокъ. Въ нижней части трубки находится вогнутое зеркало, а въ верхнемъ открытомъ концѣ ея укрѣплено простое зеркало и окуляръ. Устройство новаго телескопа парижской обсерваторіи имѣетъ большое сходство съ устройствомъ телескопа, сдѣланнаго въ 1668 году по указаніямъ Ньютона.

Руководитель всего этого предпріятія, Вольфъ, долженъ былъ прежде всего обратить вниманіе на то, чтобъ оба зеркала, при какомъ бы ни было положеніи телескопа, оставались въ центрическомъ направленіи. Задача эта была рѣшена самымъ удовлетворительнымъ образомъ: размѣры трубки опредѣлены были съ величайшею точностью, равнымъ образомъ оконечности ея были устроены такъ, чтобы находились постоянно въ равновѣсіи (вогнутое зеркало съ принадлежностями вѣситъ 800 килогр., а окуляръ съ принадлежностями, столько же). Эйхенсъ устроилъ такой механизмъ на станкѣ, который, легко и скоро направляя трубку въ любую сторону, давалъ возможность съ точностью наблюдать теченіе небесныхъ свѣтилъ. Сколько ума нужно было употребить, чтобы устроить такой механизмъ, который, при такихъ громадныхъ размѣрахъ (весь телескопъ вѣситъ около 10.000 килогр.), соотвѣтствовалъ бы всѣмъ требованіямъ! Возможную легкость нужно было соединить съ возможною прочностью. Подробное описаніе отдѣльно каждой изъ составныхъ частей новаго телескопа повело бы насъ слишкомъ далеко; слѣдуетъ упомянуть еще, что треніе разныхъ составныхъ частей телескопа почти совершенно предотвращено, что всѣ части, въ какомъ бы положеніи ни находился телескопъ, сохраняютъ равновѣсіе, что астрономъ, съ помощью рукоятокъ, можетъ направлять и двигать инструментъ въ любую сторону.

Что касается оптической части инструмента, то сдѣланные при помощи его первые опыты дали самые удовлетворительные результаты. Оптикъ Мартэнъ устроилъ вогнутое зеркало такимъ образомъ, что посредствомъ его лучи планеты соединяются вполнѣ въ одномъ и томъ-же пунктѣ и достигается возмож-

ность получить ясное изображеніе предмета, разсматриваемаго посредствомъ окуляра. Вогнутое зеркало еще непокрыто слоемъ серебра; но уже полированная поверхность стекла рефлектируетъ такъ хорошо, что является возможность, посредствомъ его дѣлать наблюденія надъ тѣми небесными тѣлами, которыя производятъ самый слабый свѣтъ. Одинъ изъ французскихъ ученыхъ, В. де-Фонвіель пишетъ, что вогнутое зеркало уже теперь отражаетъ такой свѣтъ, «который не въ состояніи были рефлектировать самыя лучшія металлическія зеркала, устроенныя Гершелемъ, Россомъ и всѣми другими астрономами». Спрашивается что-же будетъ тогда, когда зеркало будетъ покрыто слоемъ серебра?

Астрономъ Вольфъ имѣетъ намѣреніе производить посредствомъ новаго телескопа преимущественно наблюденія надъ теченіемъ планетъ и ихъ спутниковъ. Въ области астрономіи предстоитъ. во всякомъ случаѣ, опредѣлить еще многое и рѣшить не одинъ вопросъ.

Новый телескопъ, говорятъ, будетъ снабженъ аппаратами, необходимыми какъ для снимаиія небесныхъ тѣлъ посредствомъ фотографіи, такъ и для спектроскопическихъ наблюденій. Чрезъ нѣсколько недѣль телескопъ будетъ окончательно устроенъ. Одинъ изъ газетныхъ корреспондентовъ называетъ осуществленіе плана исполинскаго телескопа «патріотическимъ» предпріятіемъ. A bon entendeur salut!

Зимній день въ Голландіи.

(Изъ Дезами).

Зима пришла и вдругъ покровъ свой снѣжный
Разостлала. Оставимъ комельки!
На щечкахъ дѣвушекъ зимы румянецъ нѣжный
И ножки быстрыя скользятъ по льду рѣки.

* * *

Желѣзо свѣтлое узоромъ ледъ изрѣжетъ,
Грудь свѣжимъ воздухомъ такъ дышетъ широко!
А тамъ лѣнивицу мѣхъ серебристый нѣжитъ
И кресло сильная рука ведетъ легко...

* * *

Вотъ люди старые усѣлися въ кружокъ,
Глядя какъ молодежь несется по равнинѣ,
Любуются они и пьютъ горячій грогъ,
Толкуютъ какъ жилось и какъ живется нынѣ...

Н. В—въ.

Профессоръ Норденшильдъ и шведская экспедиція въ арктическія страны.

Справедливость требуетъ сказать, что экспедиціи, снаряженныя неоднократно Швеціею и Норвегіею, съ научною цѣлью, въ арктическія страны, равнымъ образомъ и ученыя изслѣдованія въ этихъ странахъ, произведенныя соотечественниками Линнія, Берцеліуса, Эрштедта и другихъ знаменитыхъ естествоиспытателей, оказали наукѣ немаловажныя услуги. Большихъ ученыхъ экспедицій для изысканій въ арктическихъ странахъ снаряжать Швеція, разумѣется, не могла, хотя въ числѣ ученыхъ изслѣдователей Африки и упоминаются съ уваженіемъ имена шведскихъ путешественниковъ Андерсона и Вальберга; зато шведы и норвежцы тѣмъ дѣятельнѣе принялись за изслѣдованія морей и странъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Скандинавскаго полуострова. Свѣдѣнія наши о Шпицбергенскихъ островахъ, помимо старинныхъ изслѣдованій, произведенныхъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, основаны преимущественно на трудахъ шведскихъ ученыхъ, и уже въ 1853 году западная части этого архипелага были измѣрены и сняты на планъ Отто Тореллемъ, А. Кеннерштедтомъ и А. Э. Норденшильдомъ, обогатившими своими трудами геологію, ботанику и зоологію.

Правительство соединенныхъ королевствъ, относительно экспедицій на Шпицбергенъ, принимало всегда живѣйшее участіе. Принцъ Оскаръ, нынѣшній король Швеціи и Норвегіи, академія наукъ и нѣкоторыя частныя лица щедро дѣлали денежные взносы, такъ что въ 1861, 1864 и 1868 годахъ на Шпицбергенъ могли быть снаряжены одна за другой ученыя экспедиціи, изъ которыхъ первая отправлена была подъ руководствомъ О. Торелля, а вторая и третья — подъ управленіемъ геолога Норденшильда. Восемдесятъ астрономически-опредѣленныхъ въ лѣтнее время пунктовъ дали возможность составить полную и болѣе вѣрную карту Шпицбергенскаго архипелага, такъ что позднѣйшимъ изслѣдователямъ, нѣмцамъ Кольдевею и Гейглину и англичанину Смиту пришлось дополнить только свѣдѣнія о восточной сторонѣ Шпицбергена. На долю Шведовъ выпало увидѣть вновь, въ августѣ 1864 года, къ сѣверо-востоку отъ Шпицбергена, басnословную страну Джильса, которая въ настоящее время значится на картахъ Землей Короля Карла.

Душой этихъ шведскихъ экспедицій былъ родившійся въ Финляндіи и воспитывавшійся въ гельсингфорскомъ университетѣ профессоръ упсальскаго университета Нильсъ-Адольфъ-Эрикъ ф. Норденшильдъ, всѣми силами старавшійся способствовать изслѣдованію полярныхъ странъ и предпринявшій въ 1872 году для геологическихъ изысканій поѣздку на западные берега Гренландіи. Ученые труды этого профессора стяжали ему вполнѣ заслуженную славу; въ 1875 году ему суждено было сдѣлать важное открытіе и рѣшить успѣшно давнишній вопросъ.

Дѣло шло объ отысканіи морскаго пути изъ сѣверныхъ гаваней Европы къ устью сибирскихъ исполинскихъ рѣкъ. Еще почти за триста лѣтъ предъ этимъ (въ 1596 году) голландецъ Барентсъ, обогнувъ сѣверную часть Новой Земли, пытался проникнуть въ сибирское Ледовитое море; мореплаватель этотъ погибъ, однако, на пустынныхъ берегахъ этого замѣчательнаго двойнаго острова, и только недавно, подъ снѣгами и льдинами, открыта устроенная имъ и до сихъ поръ хорошо сохранившаяся землянка. Съ того времени мореплаватели отказались отъ попытки проникнуть съ восточной стороны въ названное море, и даже экспедиція, которую собирался предпринять сибирскій купецъ Сидоровъ, съ цѣлью проникнуть въ устье Оби, не привлекла ни одного моряка! Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что богатая своими естественными произведеніями Сибирь непремѣнно процвѣтетъ, если въ страну эту открытъ будетъ водный путь изъ сѣверной Европы.

Кратчайшій путь изъ бѣломорскихъ гаваней къ устьямъ Оби и Енисея ведетъ, какъ показываетъ карта, чрезъ Карское море, которое граничитъ къ западу съ Новой Землей, а къ востоку съ Самоѣдскимъ полуостровомъ. Спрашивается: отчего не воспользовались до сихъ поръ этимъ кратчайшимъ путемъ? Предубѣжденіе удерживало мореходовъ: Карское море прослыло «ледникомъ», въ которомъ вѣчныя и густо сплоченныя ледяныя глыбы препятствуютъ всякому судоходству. Съ 1865 года норвежскіе китоловы начинаютъ проникать все дальше и дальше въ пресловутый ледникъ; они добываютъ тамъ большое количество тюленей, и въ 1870 году капитанъ Іоганнесенъ объѣзжаетъ въ первый разъ на принадлежащемъ ему суднѣ всю Новую Землю. Вѣчныхъ ледяныхъ массъ при этомъ не оказалось; Карское море въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ судоходно, и въ него можно проникнуть тремя путями—Маточкинымъ Шаромъ, Карскими Воротами и Югорскимъ проливомъ.

Фактическое доказательство тому, что въ устье Оби можно пройти чрезъ Карское море, представилъ профессоръ Норденшильдъ, подъ руководствомъ котораго щедрый готеборгскій купецъ Оскаръ Диксонъ снарядилъ небольшую экспедицію. Норденшильдъ вышелъ 8-го іюня 1875 года на небольшомъ парусномъ суднѣ изъ Тромзе, совершилъ путь отъ мыса Нордъ-Капа до береговъ Новой Земли въ шесть сутокъ, производилъ здѣсь изысканія съ 23-го іюня по 2-е августа, прошелъ Югорскимъ проливомъ въ Карское море, переплылъ его во всю ширину и достигъ 15-го августа устьевъ Енисея. Здѣсь экспедиція раздѣлилась на двѣ части: Норденшильдъ съ Лундстремомъ и Стуксбергомъ поднялись въ лодкѣ вверхъ по Енисею, остальные соучастники экспедиціи съ докторомъ Телемъ и подъ руководствомъ д-ра Кьельмана отправились на суднѣ въ обратный путь и послѣ скораго и благополучнаго плаванія прибыли, чрезъ десять дней, 26-го сентября, въ Гаммерфестъ. Норденшильдъ отправился сухимъ путемъ, чрезъ Красноярскъ, Томскъ, Екатеринбургъ, Пермь и Москву, въ С.-Петербургъ. Жители этой столицы приняли смѣлаго морехода съ восторгомъ и осыпали его почестями, причемъ профессоръ увѣрялъ, что въ августѣ будущаго лѣта непремѣнно приплыветъ шведскій купеческій корабль съ товарами въ устье Енисея, завяжется торговля Европы съ Сибирью и страна эта процвѣтетъ. «Я увѣренъ, сказалъ Норденшильдъ, что теперь открытъ новый торговый путь, о значеніи котораго легко сдѣлать себѣ представленіе, если на картѣ Азіи означить особой красной область, находящуюся между рѣками Обью, Енисеемъ и ихъ притоками».

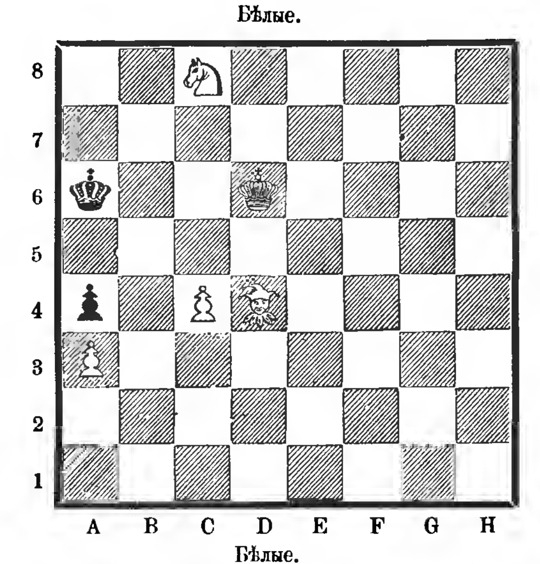
Это предложеніе Норденшильда уже исполнено А. Петерманомъ, и на стр. 24 издаваемыхъ послѣднимъ «Извѣстій» нарисована такая карта. Исполинская обь-енисейская рѣчная система простирается до Алтайскихъ горъ и Монголіи и заключаетъ въ себѣ пространство около 104.000 нѣмец. квадр. миль; не считая Россіи, всѣ остальныя европейскія государства имѣютъ пространство только 81,600 квадр. миль. На Оби и Енисеѣ существуетъ уже правильное пароходство. Поэтому, если предсказанія Норденшильда осуществятся, то цѣнныя произведенія Средней Азіи и Китая могутъ быть доставлены въ Европу, посредствомъ пароходовъ, въ нѣсколько дней. Медленной перевозкѣ кладей на саняхъ зимою, т. е. когда сибирскія дороги только и бываютъ удобны для проѣзда, придется конкурировать

Продолженіе въ прибавл. на стр. 195 и 196.

съ транспортированіемъ товаровъ моремъ,— словомъ Сибирь, для развитія которой не достаетъ только удобныхъ путей сообщенія, благодаря ученымъ изысканіямъ Норденшильда, въ недалекомъ будущемъ, можетъ быть, сильно процвѣтетъ.

ЗАДАЧА

Бѣлые.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

РѢШЕНІЕ.

Задачи въ «Нивѣ» № 10.

Бѣлые.	Черные.
1) G7 — E8	1) E4 — E5
2) F2 — E3 ✕ ✕	

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція покорнѣйше проситъ своихъ подписчиковъ, въ случаѣ неполученія какого-либо №, извѣщать ее немедленно, ни какъ не позднѣе полученія слѣдующаго за тѣмъ №, и присылать при этомъ **печатный адресъ**, снявъ его съ бандероли; безъ этого условія, на основаніи почтовыхъ правилъ, жалоба не можетъ быть удовлетворена.

При перемѣнѣ адреса тоже нужно прислать прежній печатный адресъ и приложить 24 коп. почтовыми марками.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

— Теперь денегъ нѣтъ — приходи завтра.

— Опьять зжавтра! И вчера било зжавтра и позавчѳра било зжавтра! Гасппидинъ сперучникъ! Не говѳрите мнѣ бѳльшъ зжавтра — скажить пизжалуста «послю зжавтра»! Цуръ ему и пекъ ему, тому зжавтра! Я вже цвлый день буду себѣ сппакойиій...

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА.

6-го Марта 1876 г.

	Покупатели.	Продавцы.	Продано.	
5% заемъ съ выигр. 1-го выпуска .	$214^3/_4$	$215^1/_4$	$215^3/_4$	215
5% заемъ съ выигр. 2-го выпуска .	$210^3/_4$	$211^1/_4$	212	211
5% банк. б. 1 вып.	$100^1/_8$	$100^3/_8$	$100^1/_4$	—
5% » » 2 »	100	$100^1/_4$	$100^1/_4$	—
5% обл. Спб. Гор. Кред. Общ. . .	$92^3/_8$	$92^5/_8$	$92^1/_2$	$^5/_8$
5% облигаціи Моск. Гор. Кред. Общ.	89	$89^1/_4$	—	—

АКЦІИ.	Покупатели.	Продавцы	Продано.	
125 р. Гл. Общ. Росс. Жел. Дорогъ. .	$162^1/_4$	$162^3/_4$	162	$^1/_2$
125 » Рижско-Динаб.	—	135	—	—
1100 » Моск.-Рязанск.	322	—	—	—
125 » Орловско-Вит.	140	141	—	—
1½ ф. с. Вит.-Динаб.	$144^1/_4$	—	—	—
100 р. Рыб.-Бологъ. . .	$83^1/_2$	$83^3/_4$	$83^3/_4$ $^1/_4$	$^1/_2$
100 » Тамб.-Козлов. .	$73^1/_2$	74	74	—
125 » Моск.-брест. .	—	$70^1/_4$	—	—

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

2-й заемъ 1866 года. 20-й тиражъ 1-го Марта 1876 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ
ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 14 февраля 1866 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 1-го марта 1876 года Правленіемъ Банка въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 2-го займа 1866 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
31	20	500	4243	13	500	7905	37	500	12221	50	500	14305	31	500	16926	27	5000
215	21	500	4264	16	500	7910	49	8000	12332	18	500	14308	20	1000	17010	15	1000
296	37	1000	4289	7	500	7923	42	200000	12501	16	500	14389	39	500	17012	38	500
376	20	500	4297	11	40000	8029	33	500	12545	21	500	14455	33	500	17021	24	500
508	16	500	4359	48	500	8075	12	500	12569	11	1000	14581	12	500	17110	9	500
539	18	1000	4383	13	500	8178	19	500	12665	50	500	14619	49	500	17116	18	500
559	30	1000	4399	4	500	8215	16	500	12708	35	500	14714	47	500	17141	7	500
623	11	500	4510	2	500	8284	5	500	12715	6	500	14716	35	500	17289	47	500
802	19	500	4709	30	500	8375	23	500	12745	31	500	14834	27	500	17447	39	500
818	14	500	4766	41	500	8407	40	500	12806	28	500	14901	39	500	17493	18	500
826	12	500	4808	26	500	8417	26	500	12813	44	500	15113	38	500	17546	34	500
916	13	500	4849	14	500	8488	36	500	12974	41	1000	15146	26	500	17736	4	500
1008	31	500	4873	47	500	8542	6	500	12999	5	500	15178	10	500	17845	42	500
1022	24	5000	4937	47	500	8649	15	500	13282	12	500	15262	9	500	17876	32	500
1051	31	500	4952	47	500	8681	39	500	13340	42	500	15269	31	500	17877	12	500
1056	32	500	5177	8	500	8688	12	1000	13350	20	500	15955	40	500	18211	38	500
1176	4	500	5215	13	500	8732	7	500	13396	15	500	15313	23	500	18229	46	500
1188	10	500	5403	8	500	8907	22	500	13439	10	500	15378	49	500	18327	24	500
1188	18	500	5440	15	500	8947	2	500	13462	32	500	15385	44	500	18725	4	10000
1432	23	500	5461	6	500	8984	8	500	13562	9	500	15401	25	500	18767	50	500
1481	37	500	5465	21	500	9057	26	25000	13608	37	500	15430	15	500	18784	21	500
1525	10	500	5490	40	500	9189	42	500	13734	14	8000	15347	4	500	18809	1	500
1610	35	500	5565	29	500	9230	23	500	13741	47	500	15522	17	500	18853	20	1000
1622	13	500	5575	5	500	9413	4	500	13761	15	5000	15543	41	500	18941	26	500
1647	48	1000	5712	39	500	9476	36	500	13814	18	1000	15622	1	500	19017	7	500
1670	26	500	5729	31	500	9227	32	500	13847	31	500	15683	8	500	19230	12	500
1736	28	500	5774	24	500	9228	6	500	13947	10	500	16083	3	500	19306	41	500
1779	5	000	5800	36	500	9510	18	500	13968	14	1000	16257	31	5000	19319	22	10000
1830	5	500	5895	28	500	9575	3	500	14004	39	500	16363	34	500	19385	4	500
2003	44	500	5910	1	500	9670	43	500	14051	22	500	16502	16	500	19352	40	500
2045	25	500	6030	16	500	9706	13	500	14180	34	500	16526	27	500	19451	40	500
2066	27	500	6067	38	500	9791	23	500	14226	22	500	16556	25	500	19554	30	500
2166	48	1000	6074	34	500	9814	4	500	14287	15	500	16767	35	500	19760	4	500
2286	18	500	6085	3	10000	9868	41	500	14302	20	500	16802	15	500	19864	3	500
2293	40	500	6103	47	1000	9953	15	500									
2295	42	500	6231	38	500	10010	7	500									
2308	33	500	6257	33	500	10032	34	500									
2484	25	500	6276	10	500	10057	34	500									
2503	4	500	6322	6	500	10290	27	500									
2518	13	500	6335	34	500	10241	14	500									
2600	12	500	6342	48	500	10414	28	500									
2698	20	500	6385	38	500	10441	43	500									
2842	12	500	6395	38	500	10464	27	500									
2850	12	500	6442	45	500	10575	17	500									
2852	3	500	6562	17	500	10667	26	1000									
2882	41	500	6564	21	500	10882	22	5000									
2905	9	500	6596	10	500	10933	44	500									
3108	3	5000	6693	4	1000	11020	23	1000									
3162	9	500	6835	17	500	11056	35	500									
3182	36	500	6897	46	500	11070	22	500									
3227	17	500	6907	5	500	11149	22	500									
3302	23	500	6915	35	500	11162	35	1000									
3305	47	500	6918	8	500	11217	8	500									
3319	19	500	6946	34	500	11264	17	500									
3350	13	500	6984	48	5000	11314	7	75000									
3431	35	500	7004	16	500	11519	22	5000									
3444	31	500	7224	37	500	11540	17	500									
3448	28	500	7234	5	500	11612	22	1000									
3803	22	500	7299	11	8000	11692	30	500									
3831	45	500	7416	17	8000	11707	6	500									
3832	50	500	7424	6	500	11711	17	500									
3837	22	500	7509	5	500	11793	26	500									
3940	22	500	7581	34	500	11949	26	500									
4115	21	8000	7744	35	500	11955	44	500									
4220	34	500	7892	20	500	12041	25	500									
4204	7	500	7904	17	500	12135	41	1000									

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го іюня 1876 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка, 1-го марта 1876 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

514, 1751, 1821, 2391, 2433, 2773, 3652, 4412, 4521, 4614, 4760, 5308, 6619, 6643, 6797, 7553, 7357, 7797, 7915, 7940, 8049, 8887, 10046, 10229, 11351, 11522, 11944, 12224, 12376, 12477, 12792, 13955, 14330, 14419, 14493, 14833, 16024, 16572, 16677, 16922, 16954, 17098, 17780, 17999, 18196, 18361, 18581, 18629, 18924, 18929, 19015, 19200, 19895, 19959.

Всего 54 серіи, составляющія 2,700 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 120 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го іюня 1876 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ: **Петербургскія конножелѣзныя дороги** (съ рисункомъ). — **Въ домѣ коммерціи Совѣтника.** Повѣсть Э. Марлитта. (Продолженіе). — **Храмъ Зевса въ Олимпіи** (съ рисункомъ). — **Герцеговинское возстаніе.** (Два дѣла герцеговинцевъ съ турками по дорогѣ между Требиньемъ и Рагузою) съ рисункомъ). — **Новый исполинскій телескопъ** парижской обсерваторіи (съ рисункомъ). — **Зимній** день въ Голландіи (стихотвореніе) **Н. Б—въ** (съ рисункомъ). — Профессоръ **Норденшильдъ** и шведская экспедиціи въ арктическія страны (съ портретомъ). — Шахматы. — Отъ редакціи. — **Юмористическіе очер и** (съ рисункомъ). — С.-Петербургская биржа. — Объявленія. — Тиражъ 2-го внутренняго съ выигрышами займа.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 6 Марта 1876 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб. Больш. Морская, д. № 9. Тип. **Веллинга,** Англ. пр. № 10.

ЛИТЕРАТУРЫ,
№ 12 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
Выданъ 22 Марта 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА **„НИВЫ“** НА **1876** ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . 4 р.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . 5 р.
III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.
IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . . 5 р. 50 к.

На полгода безъ доставки 2 руб. съ доставкою 2 р. 50 к. съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшія №№ въ 1876 году.

Черногорія и черногорскіе правители.

Никогда почти такъ много не говорили и не писали о Черногоріи и черногорцахъ, какъ въ настоящее время, когда болѣе 60,000 человѣкъ герцеговинцевъ и босняковъ, мужчинъ и женщинъ, стариковъ и дѣтей, какъ раненыхъ, такъ и больныхъ, истомленныхъ до болѣзни путемъ труднымъ и опаснымъ изъ своего отечества, нашли себѣ пріютъ и помощь въ этой бѣдной странѣ, которая сама отличается дикостью своей природы и скудостью жизненныхъ средствъ. Не смотря на трудность такого собственнаго положенія, Черногорія протянула руку помощи и гостепріимства своимъ многочисленнымъ единовѣрцамъ, герцеговинцамъ и боснякамъ, жертвамъ восстанія изъ среды этихъ славянскихъ народностей, возмутившихся противъ же-

Князь Николай I Черногорскій.

Княгиня Милана, супруга князя Черногорскаго.

стокостей и свирѣпаго деспотизма мусульманъ. Теперь, въ этотъ моментъ, столица Черногоріи Цетинья, резиденція владѣтельнаго князя Николая I Нѣгуша, вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ членовъ нашей благотворительной экспедиціи «Общества Краснаго Креста», состоящей изъ множества опытныхъ врачей, хирурговъ и сестеръ милосердія. Всѣ эти личности, достойныя величайшаго уваженія за высокій ихъ подвигъ самоотверженія и чистѣйшаго христіанства, ими нынѣ совершаемый, оказываютъ самую дѣятельную помощь всей этой массѣ страдальцевъ и страдалицъ за свободу, честь и православную вѣру ихъ родины. Глаза всей Европы обращены теперь на Черногорію и на воинственныхъ черногорцевъ.

Конечно, читатели «Нивы» не разъ, какъ на нашихъ столбцахъ, такъ и въ другихъ періодическихъ и неперіодическихъ изданіяхъ, читали немало подробностей о Черногоріи и черногорцахъ, если же и не читали много объ этомъ предметѣ, то все-таки имѣютъ понятіе объ этой странѣ, хотя небольшой, дикой и бѣдной, но необыкновенно воинственной и занимающей въ исторіи восточной Европы далеко не послѣднее мѣсто, а напротивъ, одно изъ весьма видныхъ между христіанско-славянскими народностями. Но, конечно, всѣ эти эпизодическія подробности могли быть забыты, почему мы сочли неизлишнимъ предложить здѣсь вниманію читателя сжатый очеркъ страны черногорской въ историко-географико-этнографико-общежительномъ отношеніяхъ, руководствуясь для этого новѣйшими свѣдѣніями о Черногоріи, какія заключаются отчасти въ нѣкоторыхъ статьяхъ нашей русской періодической прессы и въ особенности англійской современной литературы. Таковы, напримѣръ, совершенно новыя книги, какъ: а) Артюра Эванса «Through Bosnia and the Herzegovina on foot during»; б) Уильяма Форсайта: «The Slavonic provinces south of the Danube» и в) Джемса Крича: « Over the borders of Christendom and Eslamich.

Итакъ, ту небольшую, но очень типичную, характеристическую и своеобразную страну на западной сторонѣ Балканскаго полуострова, между Далмаціей, Босніей, Герцеговиной и Албаніей, которую мы, русскіе, и всѣ славянскія племена называемъ Черногоріей или «Черна-Гора», Западная Европа, какъ германская, такъ латинская, называетъ Монте (гора) Негро (черная), а турки именуютъ ее Кара-Дагъ, т. е., все-таки, тою же «Черною горою», потому что слово «кара» значитъ по ихнему «черная», а дагъ—«гора». Въ странѣ этой, которая есть Черногорское княжество, съ 180—200.000 жителей, полудикихъ, воинственныхъ и всегда вооруженныхъ, во всѣхъ направленіяхъ проходятъ отрасли Динарскихъ Альповъ, и край этотъ представляетъ собою замкнутый въ самомъ себѣ скалистый бастіонъ, доступный, и то съ великимъ трудомъ, лишь съ немногихъ пунктовъ, защищенныхъ преимущественно своею таинственностью и неизвѣстностью, завѣсу которыхъ иногда поднимаетъ ихъ болтливая нескромность или подкупленное вѣроломство, подъ вліяніемъ всего чаще жестокаго чувства кровомщенія, столь обычнаго между черногорцами. Нѣкоторые англійскіе путешественники того мнѣнія, высказаннаго ими въ ихъ сочиненіяхъ и журналахъ, что если бы на этихъ пунктахъ черногорцы поставили порядочныя баттареи, то, нѣтъ сомнѣнія, мѣстность ихъ сдѣлалась бы совершенно недоступною. Между горами разстилаются долины рѣки Морачи и ея притоковъ.

Черногорцы—истые славяне сербскаго племени, говорящіе на иллирійскомъ нарѣчіи; они православной греко-католической вѣры и совершаютъ богослуженіе по церковнымъ книгамъ, выписываемымъ ими изъ Кіева. Вообще, жители «Черной-горы» отличаются необыкновенною, какою-то дико-звѣрскою храбростью и воинственностью, энергическою до изступленія любовью къ независимости, цинцинатовскою умѣренностью и малотребовательностью, доходящими до діогэнства, и самою свирѣпою мстительностью, соединенною съ кровожадностью «вендетты» корсиканцевъ и отплатою кровью за кровь кавказскихъ горцевъ. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что въ послѣднее десятилѣтіе эти дикія проявленія человѣческихъ крайнихъ страстей значительно ослабились въ Черногоріи, благодаря настоятельнымъ дѣйствіямъ княжащаго нынѣ въ Черногоріи правителя, князя Николая I Нѣгуша, который, при содѣйствіи своихъ сановниковъ-сениторовъ, въ числѣ двѣнадцати, и дѣльныхъ администраторовъ вродѣ министровъ, успѣваетъ, посредствомъ разумно-строгихъ законоположеній, обуздывать неистовства своихъ подданныхъ, готовыхъ, изъ-за племенной ненависти, перерѣзать другъ друга и не рѣдко вести войну между двумя племенами, то есть производить столь вредную для всякой гражданственности междоусобицу.

Въ настоящее время Черногорія состоитъ изъ собственно *Черногоріи* или *Черной горы* (горной части страны) и *Берды* (страны долинъ); эти части раздѣлены на четыре правительственныя провинціи, именуемыя *нахіями*. Каждая изъ этихъ частей страны имѣетъ свой отличительный характеръ: собственно Черногорія, за исключеніемъ одной десятой части, покрыта голыми, лишенными воды и растительности горами; нѣкоторыя изъ нихъ—Ловчинъ на западѣ, Сутармонъ и Большой и Малый Горачъ имѣютъ болѣе 6,000 футовъ вышины. Южная часть, или «Черничская Махія», отличается плодоносными долинами, гдѣ растительность обнаруживается съ величайшею силою. Черногорія вообще производитъ значительное количество ржи и разнаго рода лѣсныхъ фруктовъ и ягодъ. Скотоводство, козоводство, овцеводство, свиноводство, пчеловодство, а отчасти выкармливаніе шелковичнаго червя въ большомъ развитіи. Рыболовство составляетъ главный, такъ сказать, «кусокъ хлѣба» черногорцевъ, которые иногда налавливаютъ рыбы тысячъ на 20 на наши деньги, считая серебромъ, что для этихъ бѣдныхъ горцевъ чуть не цѣлая фортуна. Главная здѣшняя рыба «*скоранца*», немного побольше сардинки, которую вылавливаютъ преимущественно въ Скутарскомъ озерѣ. Когда наступаютъ холода и приближается зима, рыба эта громадными массами переходитъ въ озеро изъ рѣки, которая въ него впадаетъ. Въ озерѣ есть мѣста, гдѣ изъ земли бьютъ ключи (эти мѣста на туземномъ нарѣчіи называются «*око*»), и вотъ около нихъ то и собирается скаранца, такъ какъ температура ключа во время холодовъ выше температуры воды въ озерѣ. Во время холодовъ этой рыбы здѣсь набирается такое множество, что ее черпаютъ точно изъ чана, а иногда ея скопляется столько, что весла, воткнутыя въ воду, стоятъ неподвижно. Тогда стòитъ только закинуть сѣть, и ее еле-еле можно бываетъ вытащить переполненную рыбною добычею. Эту рыбу сушатъ, солятъ, большую часть оставляютъ для своего продовольствія, а еще большее количество отправляютъ на продажу въ Далмацію и Италію. Но, однако, далеко не всею изловленною ими рыбой могутъ пользоваться черногорцы: часть этого улова, собственность черногорскаго князя Николая, другая часть принадлежитъ туркамъ, по ихъ праву сюзеренства, и только одна треть народу черногорскому. Кромѣ этой рыбы, идущей во множествѣ въ приморьѣ, черногорцы продаютъ тамъ медъ и воскъ, коконы шелковичнаго червя, битыхъ куръ и дичь, лѣсную и горную, яйца, копченое овечье и баранье сало, уголь, корзинки плетеныя, дрова и красильное дерево для окраски тканей. Почти на всѣ деньги, какія черногорецъ получаетъ отъ продажи своихъ сбереженій, онъ покупаетъ на своихъ базарахъ полотно, платки, пояса и всякую мелочь, но больше всего соль, ракію (водку), иногда сахаръ и кофе, а въ голодный годъ—и кукурузу; табакъ же курительный всегда въ изобиліи, потому что черногорецъ безъ трубки, какъ безъ воздуха, жить не можетъ. Черногорки не ткутъ сами полотна, а покупаютъ готовое: у нихъ и для хлѣба земли мало, а ужь подъ ленъ и коноплю и подавно. Сукно же ткутъ сами, но только для своей надобности, а не для продажи. У нихъ есть и свои базары, но вся торговля въ рукахъ далматовъ и турокъ, отправляющихъ все это въ Бокка ди Каттаро, откуда все это идетъ въ Тріестъ. Изъ произведеній минеральнаго царства въ Черногоріи замѣчательны богатые желѣзные рудники, содержащіе на 100 фунт. руды отъ 30—40% металла.

Независимо отъ дѣленія политическаго или правительственнаго на «нахіи», Черногорія подлежитъ еще подраздѣленіямъ чисто «народнымъ». Такъ, она дѣлится на семь народностей или «племенъ»: 1) *цѣтиняке*, 2) *нѣгуши* (изъ рода которыхъ нынѣшній правитель Черногоріи, происходящій отъ Петра Петровича I Нѣгуша), 3) *джекличи*, 4) *бѣлицы*, 5) *чевляне*, 6) *цуце* и 7) *пешивце*. Каждое племя имѣетъ своего родоначальника, предка—*тукунджеда*, который въ крайне отдаленныя времена переселился въ «Черную Гору»: его потомство такъ ужь потомъ и прозывается его именемъ. Всякое племя имѣетъ свое преданіе о своей колонизаціи и прославляетъ своего «тукунджеда», гордится имъ и хвастаетъ имъ другъ предъ другомъ. Племена дѣлятся на братства: въ каждомъ племени бываетъ по пяти, по шести и болѣе братствъ. Всякое племя имѣетъ своего *главаря*. Племена постоянно враждуютъ между собою, соперничаютъ—отъ чего, въ недавнемъ еще прошломъ, до воцаренія нынѣшняго князя Николая, происходило много бѣдствій для страны. Дядя его, князь Даніилъ, старался также объ искорененіи этого народнаго зла и строго преслѣдовалъ черногорскую вендетту; но честь почти окончательнаго уничтоженія этихъ племенныхъ распрей принадлежитъ нынѣшнему правителю, свѣтлѣйшему князю Николаю, который вообще, при содѣйствіи умныхъ и благонамѣренныхъ своихъ сотрудниковъ по управленію страною, успѣлъ сдѣлать много хорошаго.

Главный городъ и резиденція князя, какъ бы столица Черногоріи—это Цетинья, гдѣ и центръ правительства. Здѣсь правленіе монархическое, ограниченное, однако, сенатомъ изъ 12-ти членовъ, избираемыхъ по голосованію народнаго собранія, вродѣ испанскихъ кортесовъ, бывающаго однажды въ годъ. Всѣ черногорцы, способные носить оружіе, съ 20—50 лѣтъ отъ роду, поголовно, составляютъ многочисленную народную армію. Князь черногорскій получаетъ съ конца прошлаго столѣтія субсидіи отъ Россіи, а со времени второй французской имперіи получалъ и отъ Франціи.

Исторія Черногорскаго княжества не заходитъ въ вѣка глубокой древности, потому что Черногорія, подъ названіемъ *княжества Зента*, зависѣла отъ Сербіи, до порабощенія послѣдней въ 1389 году турками. Князья сербскіе продолжали защищать свою независимость, но въ XV вѣкѣ принуждены были уда-

литься въ неприступныя горы, гдѣ въ 1485 году князь Иванъ, сынъ Стефана, основалъ монастырь Цетинье—нынѣшнее мѣстопребываніе правительства. Въ 1516 году князь Георгій Черновичъ, женатый на венеціанкѣ, поселился въ Венеціи, передавъ княжескую власть тогдашнему митрополиту, сдѣлавшемуся, такимъ образомъ, и свѣтскимъ вождемъ. Гражданско-военное правленіе, прекратившееся съ Черновичемъ, было наслѣдственнымъ въ фамиліи Радоничъ, а духовно-военное, съ 1658 года—въ домѣ Петровичъ Нѣгуша.

Изъ числа этихъ Нѣгушей самымъ знаменитымъ по своимъ услугамъ Черногоріи былъ Петръ Петровичъ I Нѣгуша (род. въ 1754 г.). При сильномъ покровительствѣ Россіи въ царствованіе Императрицы Екатерины II, Императоровъ: Павла I, Александра I и Николая I, онъ управлялъ Черногоріею съ 1770 по 1830 годъ, въ теченіе *шестидесяти лѣтъ.* Онъ успѣлъ упрочить независимость своей родины, съумѣлъ превосходно оборонить ее противъ турокъ и французовъ, тогдашнихъ враговъ Черногоріи, и сдалъ страну своему наслѣднику усиленною и увеличенною новыми пріобрѣтеніями.

Здѣсь не лишне отойти нѣсколько назадъ. Черногорцы были, во времена существованія республики венеціанской, почти всегда постоянными союзниками венеціанъ противъ общихъ ихъ враговъ—турокъ, враговъ для тѣхъ и для другихъ, какъ бы самою природою созданныхъ. Въ 1712 г. (когда въ Россіи царствовалъ Императоръ Петръ I) черногорцы добровольно поступили въ подданство Россіи и вторглись въ Турцію, но, пораженные въ 1714 году турками подъ начальствомъ визиря Пумакъ-Купрокви, принуждены были возвратиться безъ успѣха, и снова въ 1718 г., вступили въ предѣлы Турціи, какъ союзники венеціанъ. Въ 1767 году верховнымъ правителемъ Черногоріи сдѣлался самозванецъ Стефанъ Малый и управлялъ ею четыре года, но былъ умерщвленъ, т. е. имѣлъ конецъ достойный самозванца. Вслѣдъ за Стефаномъ, явился знаменитый Петръ Петровичъ I. который, въ особенности въ 1806 году, успѣлъ высоко поставить Черногорію, умѣвшую тогда побѣдоносно отбиться отъ турокъ, французовъ и австрійцевъ, отчасти, конечно, русскаго флота, явившагося тогда въ водахъ Адріатики подъ начальствомъ славнаго адмирала Дм. Ник. Сенявина.

Послѣ Петра Петровича I митрополитомъ и правителемъ Черногоріи былъ Петръ Петровичъ II, возведенный въ санъ черногорскаго владыки въ 1830 году въ Петербургѣ. Онъ, въ теченіе своего 20-тилѣтняго владычества, успѣвъ, правда тихо, безъ шума и грома, сдѣлать много добраго для черногорцевъ, умеръ въ 1851 г., и ему наслѣдовалъ племянникъ его Даніилъ I, который, при могущественномъ содѣйствіи императора НиколаяПовловича, какъ нечувствовавшій никакого призванія къ духовному сану, былъ отъ званія митрополита освобожденъ и сдѣланъ княземъ черногорскимъ. Послѣ многихъ споровъ съ турками, Даніилъ постоянно велъ энергически болѣе нападательную, чѣмъ оборонительную войну съ турками и, наконецъ, принудилъ ихъ совершенно бросить мысль о покореніи Черногоріи. Въ 1858 году вспыхнула еще война съ турками, имѣвшая для черногорцевъ, благодаря блистательной ихъ битвѣ подъ Граховымъ (т. е. «Гороховымъ полемъ»), благопріятныя послѣдствія; но въ 1860 году августа 12-го, подкупленный, какъ тогда говорили, Турціею убійца положилъ конецъ полезной для Черногоріи, для ея развитія и силы—жизни князя Даніила.

Какъ ни маловременно, всего восемь лѣтъ, было княженіе Даніила, но онъ успѣлъ въ это короткое время много сдѣлать для улучшенія положенія своей родины, дикость которой онъ успѣлъ нѣсколько оцивилизовать, будучи самъ человѣкомъ весьма образованнымъ, благодаря стараніямъ дяди его владыки Петра Петровича II.—Князь Даніилъ I былъ женатъ по любви на одной изъ своихъ полуземлячекъ, тріестской уроженкѣ, красавицѣ Даринкѣ, дочери негоціанта Квеквича, воспитанной съ малолѣтства въ Парижѣ и совершенно офранцузившейся, но отличавшейся умомъ и многими блестящими дарованіями.

Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, офицеръ бывшаго Черноморскаго флота г. Сатинъ, интересныя статьи котораго, отъ времени до времени, помѣщаются въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ 1858 году, находясь по службѣ въ Средиземномъ морѣ, дѣлалъ вмѣстѣ съ своимъ экипажемъ поѣздку въ Цетинью, и сообщаетъ много бѣглыхъ, но весьма типичныхъ подробностей о князѣ Даніилѣ и княгинѣ Даринкѣ, дворъ которыхъ имѣлъ такъ много общаго съ нынѣшнимъ дворомъ князя Николая и княгини Миланы, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи перенестись въ цетиньскій дворецъ, построенный при Даніилѣ, подъ наблюденіемъ его жены, и взглянуть на весь внутренній обиходъ цетиньской резиденціи, который нынче ежели въ чемъ и измѣнился, то развѣ въ томъ, что французскій элементъ въ немъ значительно усилился

Поздно вечеромъ 31 августа 1858 года, нѣсколько офицеровъ фрегата «Полканъ». съ своимъ капитаномъ, верхомъ на черногорскихъ лошадкахъ, великихъ мастерицахъ карабкаться по лѣсистымъ черногорскимъ горамъ, прибыли въ Цетинью, подъѣхавъ къ длинному зданію, не то казармѣ, не то аббатству. Это—дворецъ княжескій. Окна были залиты свѣтомъ, и въ нихъ были видны зеркала. бронза и роскошно накрытый столъ. У подъѣзда русскіе офицеры были встрѣчены самимъ княземъ Даніиломъ въ національномъ костюмѣ (съ которымъ, не взирая на всѣ нововведенія. ни онъ не разставался никогда и не разстается нынѣшній князь Николай) и въ звѣздѣ и лентѣ русскаго ордена св. Станислава 1-й ст., который обнявъ капитана, любезно поздоровался съ офицерами и проводилъ ихъ въ ихъ комнаты, объясняясь съ ними. со всѣми, порусски, съ нѣкоторой смѣсью своего иллирійскаго нарѣчія. Переодѣвшись въ полную парадную форму всѣ офицеры, въ числѣ шести, отправились представляться княгинѣ Даринкѣ, брюнеткѣ средняго роста, съ весьма пріятнымъ выраженіемъ лица. Русскіе посѣтители цетиньскаго двора, принятые княгиней въ великолѣпной гостиной заключавшей въ себѣ все, что можетъ Парижъ дать комфорта и роскоши, ломали себѣ голову, при видѣ эраровскаго ройяля и громадныхъ зеркалъ, какъ могло все это попасть сюда цѣлымъ и невредимымъ? Обѣдъ былъ въ девять часовъ вечера. Въ обхожденіи князь Даніилъ былъ необыкновенно простъ и любезенъ. Онъ болѣе походилъ на хлѣбосола русскаго помѣщика, чѣмъ на владѣтельнаго князя, онъ самъ наливалъ вино гостямъ, подчивалъ и просилъ кушать Столъ у князя былъ превосходный, т. е. такой же, какъ нынче и у князя Николая. Поваръ и метръ-д'отель у того и другаго—французы. Когда подали шампанское, князь всталъ и провозгласилъ тостъ «за здравіе русскаго императора Александра Николаевича, моего могущественнаго покровителя», какъ онъ выразился. Капитанъ провозгласилъ тостъ «за князя и княгиню». Послѣ обѣда, адъютантъ раскурилъ трубку и подалъ князю. Это было сдѣлано просто безъ униженія; онъ съ такою же любезностью подалъ трубки и рускимъ офицерамъ. Простота и патріархальность видны были во всемъ. Одинъ только парижскій костюмъ княгини и перчатки, которыя она не снимала за обѣдомъ, плохо гармонировали съ загорѣлыми лицами черногорскихъ сенаторовъ и воеводъ, отъ которыхъ словно еще пахло граховскимъ дымомъ и которые, казалось, ловчѣе въ тысячу кратъ съумѣютъ справиться съ нѣсколькими турецкими головами, чѣмъ справлялись тутъ съ жареными фазанами, поданными съ своими золотисторадужными хвостами на жаркое, и прочими утонченностями французской кухни.

Послѣ поздняго обѣда, смахивавшаго на ранній ужинъ, всѣ разошлись по комнатамъ и, конечно, гости спали какъ убитые. Г. Сатинъ, проснувшись утромъ, всталъ и отворилъ окно. Чинно въ рядъ, торжественно стояли (и нынѣ стоятъ) предъ дворцомъ турецкія пушки, взятыя недавно при Граховѣ. Налѣво — старинный монастырь, до князя Даніила, мѣстожительство владыкъ черногорскихъ. Внизу, на дворцовой террасѣ, на креслѣ сидѣлъ князь, окруженный сенаторами, и чинилъ судъ и расправу. «Что-то родное, знакомое виднѣлось во всемъ; какъ-то невѣрилось, что это чужбина», говоритъ авторъ этого разсказа Въ небольшомъ кабинетѣ, около бильярдной, былъ сервированъ утренній завтракъ для гостей, и на столѣ въ роскошномъ серебрѣ съ княжескою короною, въ севрскомъ фарфорѣ и богемскомъ хрусталѣ стояли: кофе, чай, шоколадъ, яйца, ветчина и масло. Позавтракавъ, офицеры начали играть на бильярдѣ. Вдругъ дверь отворилась и вошелъ князь. Радушно и привѣтливо поздоровавшись съ русскими гостями, онъ началъ говорить о Черногоріи. Онъ говорилъ про реформы, которыя сдѣлалъ и которыя хочетъ провести (нынѣ преемникомъ его большею частью выполненныя), пламенно желалъ клочка моря и надѣялся его получить при начатыхъ переговорахъ. Онъ говорилъ съ такимъ увлеченіемъ, что было видно, какъ горячо любилъ онъ родину и весь славянскій міръ. Покойнаго государя Николая Павловича онъ боготворилъ. При этомъ князь очень живо и увлекательно разсказывалъ о своемъ пребываніи въ Петербургѣ въ 1850 году, куда онъ пріѣзжалъ посвящаться въ санъ владыки, и гдѣ его помѣстили въ Александроневской лаврѣ для приготовленія къ постриженію. Грустно ему было въ двадцать лѣтъ принимать монашество; онъ довелъ до свѣдѣнія государя, что желалъ бы остаться свѣтскимъ княземъ. Государь былъ такъ милостивъ, что самъ пріѣхалъ въ лавру и одобрилъ желаніе князя.

—«Да, господа,—прибавилъ князь:—сильна и страшна была Россія своимъ врагамъ послѣ 1849 года. Надо было ожидать, что зависть Европы дойдетъ до коалиціи, Она не могла равнодушно смотрѣть, что на сѣверѣ русскій адмиралъ (И. П. Епанчинъ) спасалъ Данію, а на югѣ фельдмаршалъ Паскевичъ приказалъ быть Австріи послѣ венгерскаго погрома».

Вслѣдъ за этимъ, князь Даніилъ сыгралъ партію на бильярдѣ съ однимъ изъ русскихъ офицеровъ, а потомъ, въ сопровожденіи его державной свѣтлости, отправились въ монастырь, сначала съ визитомъ къ митрополиту, а потомъ къ князю Мирко, герою Граховскаго сраженія. — Въ два часа пополудни былъ опять парадный обѣдъ, а въ восемь—ужинъ. Чай пили гости въ комнатахъ княгини, гдѣ и провели вечеръ. Между обѣдомъ и ужиномъ князь возилъ гостей своихъ по окрестностямъ Цетиньи. На другое утро, когда гости должны были уѣхать, князь Даніилъ сказалъ имъ: «Въ память пребыванія вашего фрегата въ водахъ Адріатики, прошу васъ, господа, принять орденъ Даніила I «за независимость Черногоріи». Но извините, господа, я дамъ вамъ только патенты, а кресты мнѣ еще не выслали изъ Вѣны тамошніе ювелиры. Бывшіе въ наличности я роздалъ за Грахово».

Въ 10 часовъ утра русскіе гости, при громѣ выстрѣловъ изъ гроховскихъ трофеевъ, выѣхали изъ Цетиньи. Князь ихъ провожалъ версты три на великолѣпномъ бѣломъ аргамакѣ, взятомъ тоже у турокъ подъ Гроховымъ. Часа въ два офицеры прибыли на перевалъ. Тутъ приготовленъ былъ на зеленой лужайкѣ, на снѣжно-бѣлой скатерти, прекрасный завтракъ съ явствами и винами, Это былъ уже послѣдній хлѣбъ-соль гостепріимнаго черногорскаго князя, реформы, совершенныя которымъ въ управленіи страны, такъ подготовили и облегчили трудную задачу, исполненную его даровитымъ преемникомъ.

Наслѣдникомъ князя Даніила, умершаго бездѣтнымъ, сдѣлался, какъ уже мы говорили, племянникъ его, Николай, сынъ Мирко Петровича. При Николаѣ, снова началась война съ турками въ 1862 году, когда турецкія войска, подъ начальствомъ Омера-паши (знаменитаго далматскаго ренегата) даже осадили Цетинью, и тогда князь принужденъ былъ принять, предложенныя ему, далеко не выгодныя условія, которыя, впрочемъ, послѣ при содѣйствіи Россіи и отчасти Франціи, были значительно, для пользы Черногоріи, измѣнены. Такимъ образомъ, Черногорія сохранила свои границы и свое національное управленіе. Все это ставитъ нынѣ князя Николая въ возможность, сохраняя, для видимости, строгій нейтралитетъ, смотрѣть сквозь пальцы на то, что черногорцы, движимые личнымъ чувствомъ пріязни къ братьямъ своимъ герцеговинцамъ, цѣлыми многочисленными отрядами неоднократно успѣвали вступать и вступаютъ ежедневно и нынѣ, чрезъ свою границу, въ Герцеговину, гдѣ постоянно страшно поражали и поражаютъ турокъ, энергично отражая всѣ ихъ нападенія и самыя отчаянныя ихъ аттаки, при превосходнѣйшихъ съ турецкой стороны силахъ.

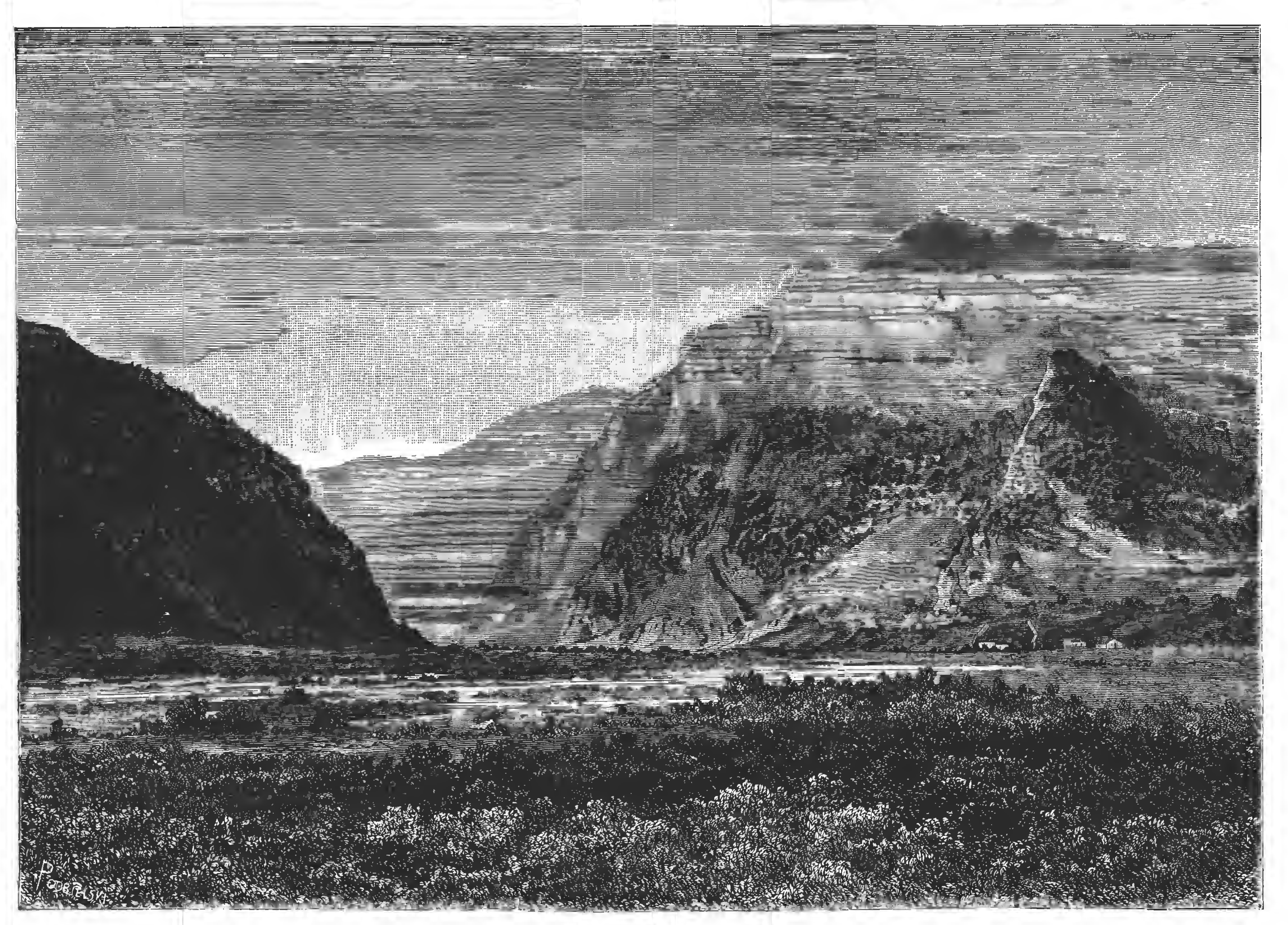
Со времени князя Даніила черногорскіе правители нетолько живутъ въ прекрасно устроенномъ, какъ уже мы видѣли, слѣдуя въ Цетинью за г. Сатинымъ, дворцѣ, но стали вводить роскошь, которая, вѣроятно, очень скоро будетъ угрожать опасностью самобытности и оригинальности гражданскаго строя этой воинственной народности, справедливо называемой «гнѣздомъ сербскихъ соколовъ». Нынѣшній князь Николай — природный черногорецъ. Онъ средняго роста, съ темнорусыми волосами и выразительными глазами, носитъ усы и бакенбарды, немного сутуловатъ, широкоплечъ, силенъ неимовѣрно, не брѣетъ темени по черногорскому обычаю отъ уха до уха, очень подвиженъ и имѣетъ много пріятности въ движеніяхъ и манерахъ проявляющихъ человѣка хорошаго общества, какимъ онъ и есть. Петербургскіе жители, видѣвшіе его на берегахъ Невы въ 1869 году, вѣроятно, не забыли внѣшности князя, особенно во время майскаго парада гвардіи, когда онъ въ своемъ костюмѣ съ станиславскою лентою, на лихомъ придворномъ конѣ, гарцовалъ въ свитѣ государя императора. Это было всего 6 — 7 лѣтъ тому назадъ. Въ дѣтствѣ князь велъ жизнь, какъ всѣ черногорскія дѣти босый и въ одной рубахѣ онъ лазилъ по скаламъ и пасъ козъ, подвергаясь часто различнымъ опасностямъ; но когда онъ сталъ юношею, жизнь его совершенно измѣнилась. Его дядя, Даніилъ, вступивъ въ управленіе Черногоріей, назначилъ брата своего князя Мирко Петровича, великимъ воеводою, а его сына, этого самаго Николая, своего племянника, отослалъ воспитываться въ Парижъ, подъ покровительствомъ тогдашняго императора Наполеона III. Тамъ Николай и изучилъ отлично французскій языкъ, который постояно слышится въ комнатахъ его дворца. Онъ въ Парижѣ познакомился съ европейскою образованностью вообще, но особенно съ парижскою жизнью, привыкъ къ этой жизни и, сдѣлавшись послѣ дяди своего черногорскимъ правителемъ, продолжалъ, насколько возможно, жить попарижски и на своей родинѣ. Особенно вначалѣ это было удобно для князя Николая, такъ какъ тогда страною онъ, по причинѣ крайней молодости лѣтъ, управлялъ почти номинально, въ дѣйствительности же всѣмъ правилъ отецъ его, князь Мирко Петровичъ, недавно умершій, и большая часть дѣлъ рѣшалась подъ вліяніемъ тетки князя, вдовствовавшей тогда (нынѣ также умершей) княгини Даніилъ - Даринки. При дворѣ появилось много французовъ. Первое время юный князь занимался всего больше пусканіемъ фейерверковъ, упражненіемъ въ фотографическомъ искусствѣ, берейторствомъ, охотою и раздачею орденовъ, которые предмѣстникъ - дядя его давалъ съ большимъ выборомъ и осторожностью. Молодой же новый государь Черногоріи сталъ, просто, играть въ ордена; онъ сдѣлалъ изъ одной степени три степени и раздавалъ ихъ каждому встрѣчному иностранцу. Впрочемъ, остепенясь съ годами, его свѣтлость сдѣлался гораздо мѣнѣе щедръ на такого рода незаслуженныя награды. Съ начала княженія Николая, какъ его личное французское образованіе, такъ и молодая его супруга, княгиня Милана Петровна, дочь храбраго черногорскаго воеводы Петра Лукотича, почти съ колыбели воспитывавшаяся при французскомъ дворѣ Наполеона III и Евгеніи, много способствовали тому, что патріархальные обычаи черногорскаго княжескаго дома стали болѣе чѣмъ когда-либо не только перемѣшиваться съ обычаями французскими, но даже вытѣсняться послѣдними. Такъ, напримѣръ, хоть это и бездѣлица, а совсѣмъ тѣмъ на черногорцевъ производитъ непріятное вліяніе, князь Даніилъ, отчасти по собственному вкусу, отчасти изъ уваженія къ національнымъ привычкамъ, допускалъ за своимъ французскимъ столомъ «кострадину» (копченое овечье или козье мясо) и чечевичную кашу, эти главныя прелести національнаго черногорскаго стола—тогда какъ въ обѣденныхъ запискахъ (menus) метръ-д'отеля князя Николая эти явства, столь приличныя черногорскимъ желудкамъ, легко переваривающимъ, кажется, булыжники, никогда не появляются. Сумма всѣхъ этихъ пустыхъ, по наружности, обстоятельствъ сдѣлала то, что въ

Петръ Сомдерничъ, секретарь князя Николая.

Марко Вербецъ, министръ внутрен. дѣлъ Черногоріи.

Очерки Кавказа. Видъ долины рѣки «Ріона». Рисов. Подбѣльскій, грав. Сташковскій

отношеніяхъ между народомъ и нынѣшнимъ его правителемъ не стало замѣтно той непосредственной прямоты, какая была прежде.

Впрочемъ, вообще, если, вслѣдствіе своего вполнѣ утонченнаго воспитанія князь Николай и внесъ внѣшній лоскъ при своемъ дворѣ и сначала, по молодости мало занимался дѣлами, къ которымъ зорко присматривался издали, зато теперь, особенно со смертью своего отца, онъ вполнѣ серьезно сталъ относиться къ своимъ обязанностямъ. Мы уже видѣли, что онъ остановилъ народную междоусобицу и вообще строго преслѣдуетъ всѣ варварскіе, безчеловѣчные обряды и обычаи, которыми такъ богаты черногорцы; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, кн. Николай энергично развиваетъ народное правильное просвѣщеніе, открывъ до 10 школъ въ разныхъ мѣстахъ Черногоріи и учредивъ прекрасную духовно-педагогическую семинарію въ 1869 году, а нѣсколько позже дѣвичій институтъ, состоящій подъ главнымъ покровительствомъ нашей Государыни Императрицы Маріи Александровны. Юноши въ школахъ и семинаріи и дѣвочки въ институтѣ дѣлаютъ чудеса усердія и любви къ наукѣ. Главное мѣсто между науками, занимаютъ русскій языкъ и знаніе Россіи во всѣхъ ея отношеніяхъ. Вообще князь черногорскій очень близокъ къ Россіи, и это сближеніе въ послѣднее время увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что двѣ свѣтлѣйшія «сестрички», черногорскія горлицы, дочери князя Николая и княгини Милены, княжна Любица Зорка (род. въ 1864 г.) и княжна Милица (род. въ 1866 г.), находятся съ прошлаго 1875 года въ числѣ воспитанницъ нашего училища Общества благородныхъ дѣвицъ (Смольный Монастырь), подъ особеннымъ личнымъ покровительствомъ Августѣйше-Державной попечительницы всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній русскаго царства. Кромѣ этого, въ настоящее время, вотъ теперь, сейчасъ, такъ сказать, князь Николай и княгиня Милена оказываютъ самое радушно-сердечное гостепріимство санитарному многочисленному отряду нашего высокоблаготворительнаго «Общества Краснаго Креста», явившемуся въ Черногорію для оказанія помощи несчастнымъ жертвамъ герцеговинскаго возстанія. Достойно вниманія, что, независимо отъ госпиталей, князь и княгиня предоставили часть своихъ чертоговъ больнымъ, раненымъ и изнеможеннымъ, причемъ княгиня сама за ними ухаживаетъ и даже сама своими нѣжными руками помогаетъ прислугѣ варить для страдальцевъ питательные бульоны и жарить сочное мясо. Все молодое поколѣніе обожаетъ своихъ свѣтлѣйшихъ князя и княгиню, а старики-ретрограды, плохо мирящіеся съ нововведеніями, также горячо преданы своему князю «французу», какъ они его называютъ и будутъ, конечно, преданы до тѣхъ поръ, пока князь не броситъ ихъ національнаго костюма и не перестанетъ съ своимъ сенатомъ, котораго онъ президентъ и «главарь», чинить судъ и расправу подъ сѣнью легендарной *липы народной правды.* Мы не войдемъ здѣсь въ описаніе юридическихъ подробностей «законника», т. е. какъ бы кодекса черногорскаго, за неимѣніемъ на то мѣста, но, однако, не можемъ не указать, что въ законахъ и честныхъ нравахъ черногорцевъ превосходно, между прочимъ, то, что по этому «законнику» строго преслѣдуются кровопролитныя ссоры и родовая месть. Кромѣ того, въ «законникѣ» сказано: «Во время «мира или перемирія съ Турціею разбой, воровство и всякое «хищничество на турецкой территоріи воспрещаются, а если «таковые будутъ учинены, добыча должна быть возвращена «тѣмъ, отъ кого она взята, и виновные подлежатъ такому же «наказанію, какъ будто преступленіе совершено противъ своихъ-же «братьевъ-черногорцевъ». Право, такая международная гуманность достойна и не такихъ дикарей, которые за своей трапезой рѣжутъ свою любимую «кострадину» тѣмъ же ножемъ, какимъ сейчасъ только была отрублена турецкая голова!

Итакъ, вы видите, что Черногорія вступила на стезю правильнаго прогресса и пойдетъ по ней, ведомая твердою рукою своего князя-поэта. Да, поэта!—Недавно, очень недавно одинъ изъ англійскихъ писателей-туристовъ разсказалъ всему просвѣщенному міру, что князь Николай въ часы досуга отъ государственныхъ занятій, подобно королю Швеціи и Норвегіи Оскару, пишетъ прекрасные иллирійскіе стихи, всегда съ сюжетами изъ исторіи «Черной-Горы».—Но въ дѣлѣ важнаго прогрессивнаго движенія впередъ много помогаютъ и содѣйствуютъ князю Николаю два истинно-замѣчательныхъ государственныхъ человѣка, которые могли бы не безъ успѣха развивать дѣятельность и не въ одной только бѣдной и дикой Черногоріи, при ея едва 200-тысячномъ населеніи. Это—Нотарь Сомдерничъ и Марко Вербецъ, портреты которыхъ передъ вами. Первый изъ нихъ—собственный секретарь князя Николая и какъ бы его министръ иностранныхъ дѣлъ и двора, а также государственный секретарь; второй—воевода и съ тѣмъ вмѣстѣ словно министръ внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающій всѣми нархіями. Они оба получили образованіе солидное, заграницею, и даже болѣе солидное, чѣмъ образованіе самого князя, одновременно съ которымъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ были посланы княземъ Даніиломъ.—Сомдерничъ отличается необыкновенною мягкостью и приветливостью съ нѣкоторою всегда какъ бы заднею мыслью, между тѣмъ какъ товарищъ его, Вербецъ, не обладая его любезными манерами, нѣсколько грубоватѣе и проще въ своихъ сношеніяхъ, особенно съ личностями, неуспѣвшими внушить ему полнаго къ себѣ довѣрія. Затѣмъ, нѣтъ черногорца, который не зналъ бы, что Вербецъ ни секунды не остановится, чтобъ пожертвовать жизнью, въ случаѣ, ежели, того потребовали бы того обстоятельства, связанныя съ успѣхомъ черногорскаго прогресса.

Окончивъ эту картину-эскизъ историческаго развитія и, по возможности, нынѣшняго положенія Черногоріи съ фотографіями новѣйшихъ и прогрессивнѣйшихъ ея правителей съ ихъ помощниками, мы надѣемся на этихъ же самыхъ столбцахъ разсказать когда-нибудь, еще въ текущемъ году, когда, повидимому, роль Черногоріи на политическомъ горизонтѣ еще более разовьется, — много подробностей нравственно-юридико-этнографическихъ объ этой замѣчательной и занимательной странѣ, пользуясь какъ богатыми матерьялами, предлагаемыми столь щедро литературами Запада, такъ, можетъ быть, еще более занимательными и свѣжими свѣдѣніями, какія въ русской печати непремѣнно явятся изъ-подъ перьевъ многихъ просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ членовъ нашего санитарнаго отряда «Краснаго-Креста», находящихся въ теперешнее время въ Черногоріи и имѣющихъ широкую возможность изучить, во всѣхъ тонкихъ подробностяхъ, нравы, гражданскій строй, характеристику и прогрессивные успѣхи черногорскаго народа. Господа чиновники, медики, хирурги и самыя «Сестры» могутъ этими своими сообщеніями внести богатую ленту въ нашу народоописательную русскую литературу. Почипъ такого рода сообщеній сдѣланъ нашимъ знаменитымъ лейбъ-медикомъ С. П. Боткинымъ, передавшимъ на столбцы газетъ преинтересное письмо доктора Альшевскаго («Голосъ» 21 февр. 1876 г.), который, говоря о различныхъ предметахъ чисто спеціально-медицинскаго и чисто санитарнаго характера, дѣлаетъ нѣсколько характерныхъ замѣтокъ относительно быта и образа жизни черногорцевъ.

Если бы статья наша была не такъ уже велика, какъ она вышла, вопреки нашей воли, благодаря массѣ интересныхъ матерьяловъ, намъ въ такомъ обиліи представившихся, то мы поговорили бы здѣсь о всѣхъ этихъ этнографическихъ замѣткахъ г-на доктора, писавшаго ихъ въ жалкомъ черногорскомъ городѣ даже не городѣ, а какомъ-то логовищѣ, лишенномъ даже воды, —повидимому, подъ самыми досадными и горькими впечатлѣніями, наполнявшими его чувства и умъ. Но мы не можемъ пропустить безъ нѣкотораго комментарія одну изъ замѣтокъ почтеннаго автора, какъ ни справедлива она повидимому, въ сущности. Онъ въ одномъ мѣстѣ своего письма такъ описываетъ Черногорію.

«Занятіе какою-нибудь работою считается у черногорца-мужчины позоромъ, и на этого рода подвигъ мало кто рѣшается. Всѣ живутъ воспоминаніемъ или чаяніемъ военныхъ отличій. Всякій изъ черногорцевъ—или «юнакъ» (удалецъ, храбрецъ) или надѣется получить это званіе послѣ того, какъ ему удастся срѣзать и предъявить кому слѣдуетъ одну или нѣсколько турецкихъ головъ. Въ Цетиньѣ надъ монастыремъ и теперь существуетъ башня для склада турецкихъ головъ; но она почему-то теперь для этого не употребляется *). Впрочемъ, въ послѣднее время, для большаго удобства при транспортѣ названныхъ трофеевъ до мѣста сбора ватаги, гдѣ происходитъ счетъ головъ и гдѣ каждый членъ ватаги другъ передъ другомъ и передъ начальствомъ выхваляется своимъ юначествомъ, разрѣшено отрѣзывать не головы, а только носы. Голова безъ носа въ счетъ не идетъ. Носы прячутся и доставляются на мѣсто прямо въ карманахъ. Эта рѣзка головъ и носовъ дорого обходится нашимъ братьямъ-славянамъ. Большая часть раненыхъ и убитыхъ изъ нихъ были подстрѣлены турками именно во время этого милаго занятія».

Съ этой печальной дѣйствительностью нельзя не согласиться къ сожалѣнію, хотя есть надежда, и надежда довольно основательная, что самый характеръ воинственности черногорцевъ, вмѣстѣ съ развитіемъ у нихъ правильнаго просвѣщенія, сѣмена котораго такъ усердно насаждаются современнымъ правительствомъ князя Николая Нѣгуша—измѣнится къ лучшему и утратитъ свою кровожадность, въ виду того, что «юнаками», каковы наши казаки, прусскіе уланы и французскіе зуавы, можно быть безъ всѣхъ этихъ возмутительныхъ пріемовъ, свойственныхъ только людоѣдамъ.

Еще авторъ письма сильно нападаетъ на черногорцевъ за то, что они такъ невнимательны и грубо-деспотичны (по наружности) къ своей женщинѣ, трактуемой ими наравнѣ съ рабочимъ скотомъ. Мнѣніе это, впрочемъ, вкоренившееся въ цивилизованной Европѣ, хорошо опровергаетъ одинъ изъ англійскихъ туристовъ-писателей, на которыхъ мы указали въ началѣ этой статьи. Но у насъ, положительно, теперь нѣтъ здѣсь мѣста для этого объясненія наружнаго поведенія черногорца въ отношеніи къ женѣ, сестрѣ, дочери, почему вы прочтете его въ отдѣлѣ «смѣси» будущаго нумера «Нивы», настоящій же уже не можетъ болѣе вмѣщать на столбцахъ своихъ статьи о Черногоріи и ея правителяхъ.

Во всей цивилизованной Европѣ принято утверждать и уст-

*) Очень просто,—вслѣдствіе одного изъ строгихъ законоположеній князя Николая. *Авторъ.*

но и печатно, что, по мнѣнію всякаго черногорца, всякими полевыми и домашними работами, а тѣмъ болѣе какимъ-нибудь рукомесломъ заниматься ему, черногорцу, позорно, а пригоже развѣ какому-нибудь цыгану, и потому, чтобъ не походить на презрѣннаго цыгана, черногорецъ всякій трудъ взваливаетъ на руки своей жены и дочери. Черногорецъ-это славянскій спартанецъ, и такъ же, какъ и древній спартанецъ, онъ считаетъ для себя унизительнымъ заниматься какимъ-нибудь другимъ дѣломъ, кромѣ военнаго. Въ большей части странъ, даже самыхъ непросвѣщенныхъ, женщина получаетъ отъ мужчины содержаніе, здѣсь же наоборотъ: мужа вполнѣ содержитъ его жена, а если у Черногорца нѣтъ жены, его прокармливаетъ какая-нибудь ближайшая родственница — тетка, сестра, вдова брата, сестра жены, ежели онъ овдовѣлъ.

Въ Черногоріи дѣйствительно женщины за счастье считаютъ, если мужчина дозволяетъ сестрѣ или женѣ поцѣловать полу его одежды или, что уже верхъ почести для нея, бѣдной,— его держащую и побѣдоносную руку.

Со всѣмъ тѣмъ, не слѣдуетъ создавать себѣ ту идею, что черногорецъ дѣйствительно жестоко и варварски обходится съ своею женою. Вы сильно ошибетесь, если примете за безошибочное такое мнѣніе, основанное на наружности, забывъ аксіому, что нерѣдко наружность бываетъ обманчива, какъ и въ данномъ случаѣ; черногорецъ, напротивъ, искренно любитъ свою жену, да и быть иначе не можетъ, потому что онъ, при всей жесткости своего наружнаго вида, страстно любитъ своихъ дѣтей, особенно мальчиковъ, ему данныхъ. Къ томуже онъ инстинктивно сознаетъ, что безъ жены существованіе его невозможно и сильно къ ней привязывается, какъ къ необходимости своей жизни. Онъ никогда не будетъ ей невѣренъ, да это чувство любви къ чужой женщинѣ, какъ бы женщина эта ни была привлекательна, положительно и неизвѣстно въ этой странѣ, которая, при всей своей одичалости, строго хранитъ и защищаетъ честь своихъ женщинъ, энергично устраняя ихъ отъ всякаго вражескаго вліянія, какъ внѣшняго, такъ, внутренняго.

Но со всѣмъ тѣмъ при людяхъ показать женѣ свою любовь, помочь ей нести тяжелую ношу, особенно на большой дорогѣ, гдѣ каждую минуту можетъ встрѣтиться товарищъ, который безпощадно станетъ подтрунивать надъ его нѣжностью—черногорецъ ни за что не рѣшится: это величайшій (по его понятіямъ) стыдъ!

Получая все готовое отъ жены, черногорецъ связанъ съ нею только однимъ обязательствомъ—защищать ея и свою честь, и въ этомъ отношеніи онъ дѣйствительно не жалѣетъ своей жизни. Причина трудовой жизни женщины въ ея семьѣ, по понятію черногорца—слабая, несчастная природа, которая мѣшаетъ ей сдѣлаться такимъ же, какъ онъ, богатыремъ. Черногорецъ, мстительный по природѣ, скорѣе проститъ обиду ему нанесенную чѣмъ малѣйшее оскорбленіе, сдѣланное его женѣ, сестрѣ или дочери.

Не лишне, при этомъ замѣтить, что совершенная спартанка черногорка-пользуется вниманіемъ и уваженіемъ даже турокъ!...

(Изъ «Over the borders of Christendom and Eslamich», Джэмса Крича, 1875 года.)

Очерки Кавказа.

I.

Въ верховьяхъ Ріона.

Кони приведены... Мы изъ сакли слышимъ ихъ нетерпѣливое фырканье. Одинъ такъ и скребетъ копытами твердую послѣ дождя землю.

Утро чудесное. Свѣжо. Пахнетъ жасминами. Изъ яркой зелени, усѣявшихъ откосы горъ, виноградниковъ красивыми пятнами выдѣляются пурпуровые крупные цвѣты гранатника и нѣжный серебристый пухъ миндальныхъ деревьевъ. Солнце еще высоко. Небо безоблачно; въ недосягаемой вышинѣ его черными точками повисли орлы... Вотъ одна изъ этихъ точекъ все растетъ и растетъ... Ближе и ближе... и скоро, раскинувъ громадныя крылья горный хищникъ передъ нашими глазами стремительно ринулся въ сырую мглу глубокаго ущелья, прорѣзывающаго долину направо...

— Ну, Карапетъ Саркизовичъ, пора и въ дорогу!

Карапетъ Саркизовичъ, или, попросту, Карапетка, былъ хозяиномъ сакли и духана, гдѣ, въ пріятномъ обществѣ козлиныхъ бурдюковъ, мы провели послѣднюю ночь, на жесткой тахтѣ. Толстый и красный, какъ свекла, армянинъ только зажмурялся на наше привѣтствіе.

— Скорѣй, Карапетъ... Часа черезъ два жарко станетъ, тогда, пожалуй, опять у тебя придется остаться

— Вай—вай! Завсымъ ничаво не панымаю! Денга естъ-сиды дома!... Тамъ гара балшой будытъ... Еще тва балшой гара!... Тыперча давай минэ мыльонъ, тры мыльонъ, чтобъ я хадылъ гуда, хадылъ суда... Скажи: Карапетка-бери балшой тна тысачъ—бросай духанъ... Ны хачу!... Пыльманыкъ естъ у минэ завсымъ ешакъ (оселъ) будытъ кажи ему—ступай гулать... Нѣтъ, Тахта-лучи!.. Ай-вай!

Какъ, впрочемъ, ни заманчива была философія духанщика, а ѣхать пора... Стали расплачиваться. Карапетка оказался человѣкомъ очень добросовѣстнымъ. За ужинъ, состоявшій изъ плова съ баранниной, шишлыка и грузинскаго сыра съ виномъ, и за ночлегъ съ насъ взяли два абаза (сорокъ копѣекъ). Мы расплатились и только что хотѣли выходить, какъ духанщикъ вынесъ намъ натчары—молодаго вина, сладкаго, нѣжнаго и опьяняющаго...

— Будышъ назадъ, къ намъ хады! Гостъ будышъ! Знакомъ будышъ!

— Пріѣдешь въ Петербургъ, пріѣзжай ко мнѣ Карапетка...

— Зачимъ Питирбуръ?... Я и Тнплизъ не бывалъ!..: Далока!... Другой башка надо!...

Коней, по условію, мы должны были оставить въ слѣдующей деревнѣ. Тропинка, по которой намъ предстояло ѣхать, спускаясь прямо внизъ, шла параллельно теченію Ріона, потомъ опять взбѣгала на гору Харцминда, огибала ее по естественному карнизу, образуемому выступомъ громадной скалы, и, оставивъ въ сторонѣ развалины стариннаго замка, приводила въ горное село, гдѣ мы должны были пріютиться въ духанѣ у еврея-караима, Богъ знаетъ какъ попавшаго въ эту глушь... Не успѣли мы сѣсть въ сѣдла, какъ изъ духана выскочилъ опять все тотъ же неизбѣжный Карапетъ.

— Пешкешъ (подарокъ) въ дорогу!

Смотримъ—двѣ бутылки мѣстнаго вина.

Мой товарищъ отблагодарилъ его сигарами, и мы, наконецъ, тронулись впередъ.

Спускъ былъ довольно крутъ. Кони невольно присѣдали на задъ, упираясь на переднія ноги. Кое-гдѣ имъ приходилось почти съѣзжать на хвостѣ. Направо и налѣво изъ густой поросли, обдававшей насъ самыми опьяняющими ароматами и сплошь усыпанной красными кистями цвѣтовъ, то и дѣло выдѣлялись сѣрыя скалы. Нѣкоторыя сверху были исполосованы трещинами, откуда, въ свою очередь, выбѣгали стрѣлки боярышника и дикаго орѣшника... Крупные обломки утесовъ лежали поперегъ дороги. Нужна была вся ловкость горскихъ лошаденокъ, чтобы взобраться на нихъ не споткнувшись и спуститься, не обломавъ ногъ о выступы кремнистыхъ гребней и горбинъ.

— Экая масса скалъ.

— Да, она тутъ не даромъ лежитъ...

И мой спутникъ пустилъ нѣсколько колецъ синеватаго дыма, плавно распускавшагося въ прозрачномъ и чистомъ воздухѣ свѣжаго утренчка.

— То есть какъ же не даромъ?

— Мѣстные гурійцы разсказываютъ цѣлую легенду... Не знаю-повторять ли.

— Ну не кокетничайте. Выкладывайте, что вамъ извѣстно объ этомъ дѣлѣ.

— Знаете ли вы, что черти, какъ и люди, готовы терять голову отъ каждой юпки, попавшейся имъ навстрѣчу. Здѣсь, впрочемъ правильнѣе, было бы сказать отъ каждыхъ бабьихъ шальваръ, потому что кутансскія грузинки юпокъ не носятъ Впрочемъ, что касается здѣшнихъ женщинъ...

— Голубчикъ, нельзя ли безъ предисловій?...

— Я и забылъ, впрочемъ, что вы—цѣломудренный Іосифъ. Нужно вамъ знать, что здѣсь въ каждой горѣ свой шайтанъ есть. Исключеніе составляютъ только тѣ вершины, на которыхъ въ старину незапамятную рачинскіе князья или другіе владѣтели понастроили храмовъ. Тамъ, вмѣсто шайтана, живетъ ангелъ... На этихъ же двухъ горахъ, какъ сами изволите видѣть, ни одной церкви нѣтъ. Народъ здѣсь, какъ тогда, такъ и теперь, бѣдный былъ. Посмотрите-ка самый богатый изъ нихъ какъ живетъ—за человѣка страшно!... Ну, такъ здѣсь и тамъ было по шайтану, да и черти-то попались какъ нарочно, самые злющіе. Сколько изъ-за нихъ горя выходило—страсть! Случалось, въ темную ночь огоньками разсыплются надъ бездной, мигаютъ себѣ сквозь туманъ. Путникъ прямо на нихъ и правитъ коня: аулъ, думаетъ... Утромъ только лошадь и его мертвыми находятъ внизу, на остріяхъ скалъ и на камняхъ долины. А то и днемъ тоже. Шайтанъ хитеръ былъ. Приметъ личину хорошенькой дѣвушки и манитъ къ себѣ. Юноша, разумѣется, стремглавъ къ нему. Дѣвушка отъ него въ кусты. Только смѣхъ серебристый разсыпается вдалекѣ, точно кто-нибудь на подносъ серебряные абазы сыплетъ... Смотришь и опять покажется. Пришпоритъ коня несчастный, за ней и кинется въ зеленую чащу, а за чащей — прямо внизъ пропасть! Не мало погубили эти шайтаны народа такимъ образомъ и старыхъ и малыхъ!

А сколько они съ бабами здѣшними пакостили—и разсказывать не хочется, особенно принимая въ соображеніе вашъ пуризмъ.

Лошадь многоглаголиваго Аввакума споткнулась—и онъ чуть не перелетѣлъ через голову ея.

— Вѣрно шайтанъ?...

— Нѣтъ... Заговорился... Подлецъ-дорога... Языкъ только прикусилъ.

— Не буду ли я этому непріятному обстоятельству обязанъ краткостью вашего разсказа?...

— Не ожидайте... Ну-съ, слушайте... Долго бы еще пара этихъ шайтановъ въ мірѣ и согласіи губила христіанскія души, еслибы сюда не замѣшалась любовь. Въ долинѣ появился старикъ грузинъ Дадіашвили съ дочкой Саломэ. Эту персону преданіе описываетъ какъ Елену-прекрасную, только до грѣхопаденія. Парисы въ Рачинскомъ уѣздѣ не въ модѣ...

Лошадь опять споткнулась...

— Вы, вѣрно, не кстати дергаете ее за повода?

— Есть тотъ грѣхъ.

Горскія лошади сами не споткнутся и не собьются съ дороги, если этому не поможетъ дерганіе за поводъ неумѣлаго ѣздока.

— Увидѣли Саломэ оба шайтана и велію въ сердце своемъ любовь ощутили. Одинъ изъ нихъ даже поэтомъ сдѣлался, и сталъ въ Газетѣ «Кавказъ» стихи свои печатать, а другой сдѣлался музыкантомъ и написалъ оперу Сарданапала...

— Послушайте!... Пощадите же...

— Виноватъ... влюбились черти и стали обольщать дѣвушку. Одинъ ей конфекты отъ Кочкурова презентуетъ, другой пикники у Огюста устраиваетъ, троишниковъ, билеты въ Итальянскую...

— Это, наконецъ, невыносимо!

— Ну, стопъ, будетъ! Такъ какъ шайтаны не могутъ принимать личины крещенаго человѣка, то поневолѣ одному шайтану пришлось преобразиться въ татарина, а другому—въ еврея... Другихъ некрещеныхъ не было, потому что въ то время вѣдь почтеннаго сословія аблакатовъ еще не существовало... Понятно что Саломэ, какъ истая грузинка, не хотѣла выходить замужъ за обрѣзанныхъ. Хотя я съ своей стороны...

— Послушайте!

— Задумались шайтаны, что имъ дѣлать. Обмануть дѣвушку нельзя было, потому что чортъ можетъ только обладать христіанкой съ ея согласія. Думали, думали и, наконецъ, каждый рѣшилъ, что ему другой мѣшаетъ. Съ этого самаго и началась у нихъ вражда. А что вы думаете: не выпить ли матчары по этой причинѣ?... Не даромъ же щедрый армянинъ Карапетка снабдилъ насъ этой амброзіей?...

Спѣшились и выпили.

— Собственнымъ языкомъ закусите, говорятъ вкусно...

— Ну, легенду, легенду!

— Началась между шайтанами вражда къ благополучію рода человѣческаго. Сброситъ путника въ бездну одинъ шайтанъ, другой подхватитъ и невредимымъ до земли донесетъ. Прикинется дѣвушкой второй бѣсъ и только-что приведетъ къ опасному обрыву юношу, какъ вдругъ другой обернется звѣремъ и кинется навстрѣчу крещеной душѣ. Тотъ, конечно, назадъ—и чортъ съ носомъ! Враждовали такъ они долго. Саломэ даже замужъ успѣла выйти и наплодить Рипсимію, Нину и Тамару. Черти даже и предметъ своей ссоры забыли въ непрестанныхъ помышленіяхъ какъ бы почувствительнѣе напакостить другъ другу. Короче, исторія Довгочхуна съ Перерѣпенкой повторилась въ кавказскихъ горахъ, только, разумѣется, въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ.

Прямо надъ ухомъ послышался хриплый клокотъ. Я оглянулся: громадный темносѣрый орелъ взлетѣлъ вверхъ, сжимая въ когтяхъ судорожно извивавшуюся змѣю...

— Ну-съ, наконецъ, черти опомнились и, по обычаю благороднаго рыцарства, рѣшили окончить свою вражду поединкомъ. Одинъ сталъ на вершинѣ той вонъ горы, а другой на этой—и давай швырять другъ въ друга камешками. А каждый камешекъ изъ цѣлаго утеса состоялъ. Швырялись они такъ три года и три дня. Засыпали всю долину каменьями. Окрестности на сто верстъ кругомъ обезлюдѣли. Наконецъ, отшельнику, жившему въ предѣлахъ нынѣшняго Рачинскаго уѣзда, надоѣлъ постоянный грохотъ, мѣшавшій ему молиться. Онъ и подвернулъ одному изъ шайтановъ камень отъ своей кельи. Тотъ-было обжегся этимъ камнемъ, да ничего стерпѣлъ и, кинувъ, угодилъ прямо въ лобъ своему врагу той стороной камня, на которой былъ крестъ изображенъ... Затряслись горы, послышался подземный гулъ, р. Ріонъ вышла изъ береговъ, поколебались гордые замки на своихъ утесахъ, разсѣлись доселѣ неприступныя вершины и, жертва пламенной любви, шайтанъ, раненый священнымъ камнемъ, провалился прямо въ адъ.

— Слѣдовательно, эти скалы?...

— Остатки трехлѣтняго поединка. У васъ, поди, когда Кронебергъ съ Блюхомъ сцѣпились, такой рамбавіи (шума, суматохи) не было?..

Солнце было довольно высоко. Становилось жарко, а до долины было еще далеко.

Зато какія чудныя перспективы одна за другою мѣнялись предъ нами. Въ сѣровато-голубой дымкѣ таинственныхъ далей тонули суровыя вершины, словно покрытыя серебряною сѣтью ручьевъ—глетчерами. За ними смутно мерещились другія горы, но взглядъ не могъ уже уловить ихъ, точно расплывающихся въ туманѣ, очертаній.. Прямо подъ нами, внизу, въ глубокой котловинѣ, среди зеленаго ковра садовъ и лѣсовъ, нѣсколькими рукавами разливался Ріонъ, граціозными излучинами огибая выступы горъ... А этотъ горный воздухъ, этотъ одуряющій запахъ южныхъ цвѣтовъ!..

Подъ вліяніемъ ли величавыхъ картинъ Ріонской долины или по другой причинѣ, даже мой веселый собесѣдникъ притихъ, пристально вглядываясь впередъ.

— Какія богатства схоронены здѣсь. Жаль, некому ихъ разрабатывать.

— А что?

— Какъ же! Тутъ и каменный уголь встрѣчается, и богатыя ломки порфира и грюнштейна есть. А минеральные источники! Да помилуйте, въ одной глуши Рачинскаго уѣзда, по которому третій день шатаемся мы съ вами, сѣрныя, желѣзистыя, щелочныя и углекислыя воды есть. Мертваго воскресятъ.

— Полноте, какія тутъ воды?

— Въ Хцери, Химшѣ и Глолѣ, въ трехъ мѣстечкахъ. Столѣтняго старца восемнадцатилѣтнимъ юношей сдѣлаютъ... Восторгался онъ.

— Послушайте: ври, да знай же мѣру.

— Чего ври. Спросите. Слава Богу, села эти извѣстны каждому, даже неучившемуся въ семинаріи. Да по всей Кутаисской губерніи, вы думаете, мало такихъ водъ: Аббасъ-Туманскія, Уравельскія, Аспанзенскія, Цпнубакскія, Цхалтубійскія...

— Ради Бога! Въ ушахъ звѣнитъ. Повѣрю чему угодно, только перестаньте...

Въ Рачинскомъ уѣздѣ находятся верховья р. Ріона. Ея окрестности, красивыя вообще, даже и въ низменной потійской равнинѣ, здѣсь поражаютъ своимъ величіемъ. Обставленные грандіозными вершинами Кавказа, рукава этой рѣки проникаютъ въ многочисленныя долины, словно дремлющія въ тѣни своихъ садовъ и въ прохладѣ дремучаго лѣса. По тихимъ водамъ Ріона плаваютъ только небольшія каюки, и то отъ устья красивой рѣченки Губисъ-цхвали, впадающей въ Ріонъ въ предѣлахъ Кутаисскаго уѣзда...

Рачинскій уѣздъ—клочекъ Имеретіи, составлявшей нѣкогда самостоятельное государство. А именно въ 1442 г. грузинскій царь Александръ I раздѣлилъ свои владѣнія между тремя сыновьями, причемъ старшему Вахтангу досталась большая часть нынѣшней Кутаисской губерніи, носившей тогда названіе Эгризъ или Имеретія. Владѣтели ея сначала носили титулъ эриставовъ, т. е. намѣстниковъ; но въ 1462 году эриставъ Багратъ, разбивъ грузинскаго царя Георгія, принялъ самъ титулъ царя Имеретіи. Нѣкоторое время эта несчастная страна находилась подъ властью Турціи, обезлюдившей ее вслѣдствіе наложенія дани, по которой Имеретія должна была ежегодно отдавать завоевателямъ отъ 7 до 8,000 чел. въ невольничество. Имеретинскіе владыки не разъ обращались къ Россіи съ ходатайствомъ о помощи, и въ царствованіе Соломона I русскія войска первый разъ перешли Кавказскія горы, чтобы освободить Имеретію отъ турокъ. Въ 1804 году Соломонъ II вступилъ въ подданство Россіи; хотя черезъ шесть лѣтъ онъ и возсталъ противъ насъ, но, проигравъ сраженіе, долженъ былъ бѣжать въ Турцію, гдѣ и умеръ въ нищетѣ, оставленный всѣми...

В. Н.—Д.

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта:

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ

(Продолженіе).

При этихъ послѣднихъ словахъ молодой дѣвушки фрейлина фонъ-Гизе отправилась въ гостиную, повидимому, очень недовольная—объясненія носили слишкомъ пикантный характеръ—но отецъ ея, старый пол-

Роза Помпонъ. Картина Бертрана, рис. К. Моранъ, гравир. Паннемакеръ-сынъ.

ковникъ въ отставкѣ, только-что пріѣхалъ; нужно было встрѣтить его; коммерціи совѣтникъ тоже ушелъ.

Флора подошла опять къ роялю и взяла ноты. Кэта видѣла, какъ красивая грудь сестры подымалась отъ порывистаго дыханія, какъ маленькіе пальцы ея отъ внутренняго волненія судорожно сжимались. Кэта горько раскаявалась, что такъ безхитростно, просто съиграла въ этомъ кругу свое незначительное музыкальное произведеніе.

— Ты, конечно, слышала множество лестныхъ отзывовъ объ этомъ?—спросила Флора и показала правой рукой на заглавный листъ.

— Но отъ кого-же?—возразила Кэта.—Учителя мои не очень щедры на похвалы, какъ и докторша, а другія лица не знаютъ о моемъ авторствѣ; ты видишь, что имя композиста не означено.

— Но пьеску твою сильно раскупаютъ.

Кэта умолчала объ этомъ.

— Скажи по правдѣ! Она уже одинъ разъ была издаваема?

— Да.

Флора швырнула тетрадь на рояль. — Такой простушкѣ, съ этими красными, пухлыми щеками и съ этимъ невозмутимымъ душевнымъ спокойствіемъ, является слава во снѣ, а другія должны вести борьбу на жизнь и на смерть за каждый шагъ; онѣ гибнутъ въ этой мучительной борьбѣ раньше, чѣмъ имя ихъ сдѣлается извѣстнымъ свѣту,—съ горечью въ голосѣ произнесла Флора. Она сложила руки и стала медленно ходить по комнатѣ.

— Впрочемъ, что толку въ этомъ?—сказала она вдругъ остановясь, какъ-бы чувствуя облегченіе.—Самая блестящая ракета разсыпается въ воздухѣ безъ всякаго слѣда, тогда какъ Везувій выбрасываетъ постоянно пламя; свѣтъ знаетъ о его существованіи, и, когда онъ извергаетъ огонь и лаву, сердце человѣка восторгается или трепещетъ. Подобно этому, теперь *двое* изъ фамиліи Мангольдовъ выступаютъ на арену. Увидимъ, Кэта, которая изъ насъ останется побѣдительницей?

— Только, навѣрно, не я,—воскликнула весело Кэта.— Я поостерегусь выступать на арену. Не подумай, однако, что я отношусь совершенно равнодушно къ славѣ! Видѣть, какъ произведеніями своими увлекаешь сердце другихъ, это—такое чувство, которое я описать не умѣю и которое я не отдала бы ни за какія сокровища въ мірѣ. Но жить только *для этого*? Нѣтъ, я вижу, что счастіе заключается не въ этомъ: начто мнѣ и слава, если она оставляетъ меня въ одиночествѣ?

— Ага, вотъ въ чемъ заключается вся квинтъ-эссенція твоего воспитанія! чего эта Кукасъ безпрерывно домогалась и въ концѣ концовъ все-таки добилась, такъ поступишь и ты—ты выйдешь замужъ.—Забывъ всякое приличіе, Флора громко расхохоталась.

Щеки молодой дѣвушки покрылись внезапно яркимъ румянцемъ.

— Ты хохочешь и насмѣхаешься, какъ будто бы тебѣ и въ голову никогда не приходило сдѣлать то же самое,—сказала Кэта, будучи совершенно обезоружена и стараясь невольно умѣрить свой голосъ:—а между тѣмъ...

Флора протянула поспѣшно руку, какъ-бы желая наложить ее на уста дѣвушки.

— Прошу, ни слова болѣе! — сказала она повелительно. — Она сложила на груди руки и опустила медленно голову. — Да, моя очень умная барышня, я дѣйствительно на одинъ мигъ была столь слаба и ослѣплена, что позволила накрыть себя сѣтью; но, благодаря Бога, голова опять отрезвилась, я чувствую теперь себя достаточно сильною, чтобы завоевать себѣ опять независимость.

— А есть-ли у тебя совѣсть, Флора?

— И даже очень чувствительная, сокровище мое; она-то мнѣ и говоритъ теперь, что съ моей стороны было величайшимъ легкомысліемъ позволить себѣ увлечься до такой степени. Ты, вѣроятно, знаешь изъ Священнаго Писанія, что каждый долженъ отвѣчать за то, какое употребленіе онъ сдѣлаетъ изъ своего клада. Всмотрись въ меня хорошенько! Неужели ты, въ самомъ дѣлѣ, могла думать, что я, въ качествѣ жены доктора, буду стоять вѣкъ свой около очага и заниматься стряпней? И для кого?—Она указала рукой на гостиную, изъ которой доносился теперь оживленный говоръ; съ появленіемъ стараго полковника Жонъ-Гизе небольшое общество оживилось; только докторъ Брукъ сидѣлъ одинъ у чайнаго стола и читалъ газету; повидимому, онъ былъ очень углубленъ въ чтеніе, когда къ нему возвратилась Генріэтта.

— Говоритъ-ли съ нимъ хоть одинъ мужчина?—спросила Флора Кэту.—Его презираютъ и совершенно основательно: онъ обманулъ меня и свѣтъ; предшествовавшая ему блестящая извѣстность была не что иное, какъ пустая реклама.

Она прервала рѣчь и поспѣшно удалилась въ свою комнату, чтобы избѣжать словоохотливаго полковника, который въ сопровожденіи дочери и коммерціи-совѣтника явился въ музыкальную комнату и представился Кэтѣ. По просьбѣ старика, молодая дѣвушка сѣла еще разъ за рояль, и очаровательные звуки вновь огласили комнату. Чудныя дѣла! Какими глазами глядѣлъ теперь на Кэту зять и опекунъ ея? Во взорахъ его отражалось непонятное внутреннее пламя. Это были уже не тѣ глаза, въ которыхъ еще такъ недавно выражались только братская любовь и дружба, когда коммерціи-совѣтникъ привозилъ изъ города своей хорошенькой родственницѣ коробки съ конфектами или великолѣпные букеты. Кэта давала ему всегда охотно руку, когда онъ бралъ ее во время разговора; она не сердилась, если, лаская, онъ разглаживалъ иногда на головкѣ ея кудри; Морицъ поступалъ съ ней, какъ отецъ съ своею дочерью. А теперь, когда звуки смолкли при громкихъ крикахъ восторга, онъ быстро подошелъ къ ней и положилъ свою руку на ея плечо.

— Кэта!—шепталъ онъ:—какъ напоминаешь ты Клотильду, твою покойную сестру. Но ты прекраснѣе, несравненно талантливѣе!

Она хотѣла отстранить его, но Морицъ схватилъ ея руку и не выпускалъ, точно желая удержать ее навѣкъ. Для присутствующихъ это было прелестной живой картиной, великолѣпной группой. Опекунъ съ гордостью и въ порывѣ увлеченія обнималъ свою питомицу, ребенка, довѣреннаго ему тестемъ. Только на блѣдномъ лицѣ Генріэтты выступилъ румянецъ; она улыбалась такъ странно... Докторъ Брукъ посмотрѣлъ на свои часы, потомъ украдкой подалъ Генріэттѣ руку и воспользовался этой минутой, чтобъ удалиться незамѣтнымъ образомъ изъ гостиной.

X.

Со времени послѣдняго soirée прошла недѣля.

— Ужасно утомительная недѣля,—со вздохомъ восклицала измученная президентша и распекала въ то же время свою портниху за то, что наряды, заказанные къ восьмому дню этой утомительной недѣли, она приготовила не такъ, какъ слѣдовало: шлейфъ слишкомъ коротокъ, кружева недостаточно широки, матеріи черезчуръ легки. Предстояло еще нѣсколько большихъ вечеровъ въ высшемъ кругу; сверхъ того, къ назначенному при дворѣ музыкальному вечеру съ живыми картинами Флорѣ нужно было сочинить стихотвореніе, которое она должна была прочесть на этомъ вечерѣ—словомъ, „едва“ находила время перевести духъ.

Генріэтта, въ виду своего болѣзненнаго состоянія, должна была избѣгать всякаго волненія, и Кэта, не взирая на то, что всякій разъ приглашаема была весьма любезно на эти вечера, оставалась дома, при больной дѣ-

вушкѣ. Онѣ, бесѣдуя вдвоемъ, пили чай въ музыкальной комнатѣ; Кэта разсказывала разныя веселыя исторіи и неутомимо играла на фортепьяно, употребляя всѣ свои усилія, чтобъ больная сестра не скучала. При всемъ своемъ умѣ, при глубокомъ пониманіи всей фальши великосвѣтской жизни, Генріэтта была и оставалась, все-таки, дитей аристократическаго міра; она выросла въ гостиной, въ средѣ аристократическихъ друзей и знакомыхъ своей бабушки; такимъ образомъ, нерѣдко, когда до слуха сестеръ долеталъ изъ города отдаленный гулъ экипажей, мчавшихся въ театръ или на вечеръ, Генріэтта съ горькой улыбкой на лицѣ сравнивала себя съ конемъ, за увѣчьемъ выписаннымъ изъ строевой службы—конемъ, который, хромая и обезсилѣвъ, при звукахъ полковой трубы, навостряетъ уши и порывается примкнуть къ рядамъ бывшихъ своихъ боевыхъ товарищей.

Очаровательная, какъ фея, являлась Флора въ музыкальную комнату передъ отъѣздомъ на балъ или на вечеръ. Большею частью, на челѣ ея, промежъ бровей, замѣтна была складка, выражавшая неудовольствіе, а на устахъ—язвительная насмѣшка, касавшаяся преимущественно туалета бабушки, старавшейся всячески молодиться. Жалуясь на потерю драгоцѣннаго времени, Флора набрасывала на свои роскошные локоны, украшенные цвѣтами, легкую косыночку, приподнимала свой длинный шлейфъ и отправлялась, чтобы сѣсть въ ожидавшій ее у подъѣзда экипажъ и „приносить себя въ жертву“.

Коммерціи-совѣтникъ, дней шесть тому назадъ, уѣхалъ по своимъ дѣламъ въ Берлинъ. Онъ писалъ ежедневно президентшѣ „по истинѣ золотыя письма“, говорила она, многозначительно улыбаясь. Третьяго - дня доставлены были для трехъ сестеръ великолѣпные букеты; однако, госпожа президентша, увидавъ букеты, не улыбалась. Флорѣ и Генріэттѣ любезный зятекъ прислалъ камеліи и фіалки, а Кэтѣ—букетъ, составленный изъ бѣлыхъ розъ, цвѣтовъ апельсиннаго дерева и мирты. Президентшѣ, можетъ быть, и не пришелъ бы на умъ языкъ цвѣтовъ; она вынула ихъ изъ ящика и только-что хотѣла послать наверхъ букеты, назначенные для Кэты и Генріэтты, какъ Флора, сильно смѣясь, указала пальчикомъ на говорившій такъ много подборъ цвѣтовъ. Лицо старой дамы вытянулось и какъ-то осунулось.

— Неужели, бабушка, ты и въ самомъ дѣлѣ думала, что Морицъ будетъ покупать себѣ за такую громадную сумму дворянское званіе для того, чтобъ родъ его могъ прекратиться?—съ презрительно злымъ выраженіемъ въ лицѣ воскликнула Флора.—Ты должна была знать, что такой человѣкъ, какъ онъ, еще не старый, довольно богатый и красивый, не будетъ оставаться вѣкъ свой вдовцемъ! И онъ ухаживаетъ за Кэтей недаромъ; объ этомъ я знаю лучше всѣхъ.

Вслѣдствіе этого, повидимому, незначительнаго событія, въ виллѣ Баумгартенѣ произошелъ страшный переполохъ. Кэта, не подозрѣвая о случившемся, спрыснула свѣжей водой цвѣты, чтобъ они не такъ скоро завяли, и поставила букетъ на окно, не обративъ никакого вниманія на тотъ смыслъ, который придавали цвѣтамъ.

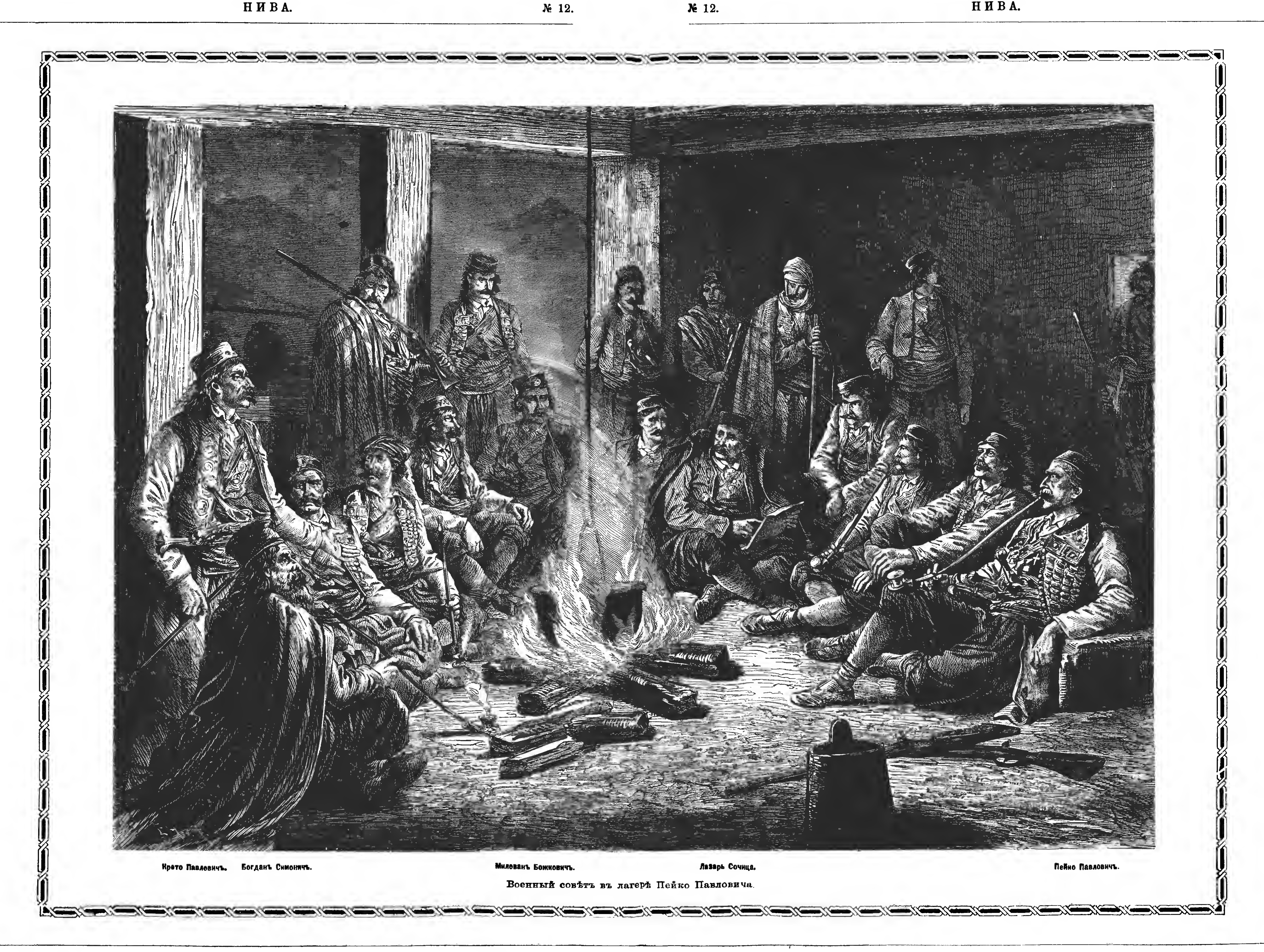
А президентша съ ужасомъ думала о женщинѣ въ сѣромъ платьѣ, расхаживавшей по ея покоямъ, помрачавшей блескъ бархатной мебели, золоченыхъ бронзъ и мейссенскихъ фарфоровъ—блескъ, на который люди смотрѣли такъ часто съ какою-то завистью; женщина эта сидѣла въ зимнемъ саду на любимомъ мѣстѣ президентши и присутствіемъ своимъ отравляла жизнь старой дамы. Президентша заботилась о своемъ будущемъ, какъ будто-бы прожила только четверть вѣка; коммерціи-совѣтникъ *не долженъ* жениться вторично. Посредствомъ своихъ связей, своего общественнаго положенія, она вывела его въ люди; по милости ея, домъ его превратился въ маленькій зàмокъ, на который смотрѣли съ завистью даже самые избалованные люди; и развѣ она не принесла значительной жертвы, ставъ нѣкогда во главѣ очень обыкновеннаго, мѣщанскаго дома? А теперь, когда все устроилось такъ, какъ она желала—вдругъ молодая госпожа фонъ - Рэмеръ, которая здѣсь внизу, въ великолѣпныхъ покояхъ, будетъ принимать гостей, а кто пожелаетъ видѣть госпожу президентшу Урахъ, тотъ долженъ подняться наверхъ, въ комнату, отведенную „бабушкѣ“. Даже Флору, дитя ея родной дочери, не желала бы президентша видѣть хозяйкой этого дома, не говоря уже о внучкѣ „замковаго“ мельника. Госпожа президентша стала вдругъ сильно интересоваться отъѣздомъ Кэты обратно въ Дрезденъ; она старалась казаться озабоченною, что въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ будутъ манкировать дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ чудныхъ музыкальныхъ способностей, и, въ концѣ концовъ, рѣшилась отвезти молодую дѣвушку въ Дрезденъ.

Кэта молча выслушивала всѣ эти изысканныя любезности. Она ждала—не разрѣшитъ-ли докторъ Брукъ Генріэттѣ проводить сестру. Однако, онъ не давалъ такого разрѣшенія, вѣроятно потому, что больная находилась въ это время въ крайне раздражительномъ состояніи. Онъ аккуратно являлся каждое утро въ назначенный часъ. Комнаты обѣихъ сестеръ находились рядомъ и дверь изъ одной комнаты въ другую была постоянно открыта. Кэта могла слышать голосъ доктора, ласково старавшагося успокоить больную; онъ зальется, бывало, такимъ задушевнымъ смѣхомъ, что Генріэтта невольно соглашалась. Для Кэты этотъ звонкій, веселый и въ то же время сдержанный смѣхъ имѣлъ какую-то особую прелесть — онъ свидѣтельствовалъ о младенческой свѣжести души; молодая дѣвушка видѣла ясно, что докторъ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ, въ своей будущности, что онъ будетъ слѣдовать неуклонно по избранному имъ пути, не взирая на тысячи встрѣчаемыхъ имъ неріятностей и обидъ.

Она сама не заговаривала съ нимъ. Въ часъ, назначенный для визита доктора, сидя бóльшею частью за своимъ рабочимъ столикомъ, она могла видѣть, какъ онъ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Хотя сестры и были почти неразлучны, однако, незадолго предъ приходомъ врача, Генріэтта уходила всегда въ свою комнату и всячески остерегалась вмѣшиваться въ бесѣду, происходившую между докторомъ и его паціенткой. Съ тетушкой же діакониссой случалось бесѣдовать Кэтѣ довольно часто, и именно въ „замковой“ мельницѣ. Старушка посѣщала Сузу ежедневно, съ тѣхъ поръ, какъ онѣ жили почти рядомъ; она носила ей разное кушанье и варенье и просиживала вечерней порой по цѣлымъ часамъ у экономки.

Это было славное времячко въ „замковой“ мельницѣ. Почтенная старушка разсказывала о своихъ молодыхъ лѣтахъ, о своемъ выходѣ замужъ, о жизни въ деревнѣ; она описывала то печальное время, когда взяла доктора, тогда еще семилѣтняго ребенка, изъ родительскаго дома, такъ какъ отецъ и мать его умерли почти въ одно время. О чемъ бы ни заговорила старушка—о своей-ли веселой молодости, или о счастливой супружеской жизни, она постоянно и вездѣ въ описаніяхъ своихъ примѣшивала имя доктора, который сталъ солнечнымъ свѣтомъ ея жизни, какъ она увѣряла.

Уходя домой, Кэта провожала старушку до моста, перекинутаго чрезъ быструю рѣчку; маленькая рука тетушки покоилась на рукѣ молодой дѣвушки; онѣ шли какъ родныя, точно имъ *вмѣстѣ нужно* перейти чрезъ мостикъ и войти въ „домъ доктора“,—въ домъ, который такъ тихо и мирно, въ сторонѣ отъ свѣта и обвитый вечернимъ сумракомъ, стоялъ за лѣсомъ. Вечера въ эту пору были еще довольно свѣжіе; надъ темнымъ лѣсомъ висѣли туманныя облака, въ воздухѣ была сырость,

Крето Павловичъ. Богданъ Симоничъ. Милованъ Божковичъ. Лазарь Сочица. Пейко Павловичъ.

Военный совѣтъ въ лагерѣ Пейко Павловича.

пропитывающая насквозь одежду. Въ такую пору пріятно укрыться подъ гостепріимнымъ кровомъ, въ которомъ пылаетъ въ очагѣ веселый огонекъ. По обыкновенію, въ угольной комнатѣ горѣла уже лампа подъ зеленымъ колпакомъ; чрезъ незанавѣшенное окно свѣтъ ея падалъ на мостъ. Старушка входила въ домъ, послѣднія ставни были закрываемы и тамъ въ уголку, у камина, гдѣ лежалъ зеленый полинялый коверъ и у круглаго стола стояло кресло съ высокой стѣнкой, приготовляла она, не нарушая царствующей въ комнатѣ тишины, скромный ужинъ и съ вязальной иглой и чулкомъ въ рукахъ ждала, пока докторъ окончитъ свои размышленія...

Нерѣдко разсказывала она объ этомъ молодой дѣвушкѣ во время вечерняго пути; останавливалась даже на одну минуту на мосту, окидывала взоромъ свое тихое убѣжище и съ улыбкой на добромъ лицѣ указывала на человѣка, который, работая, склонилъ свою темнорусую голову надъ письменнымъ столомъ. Докторъ, обыкновенно, поднимался съ своего стула и отворялъ окно, потому что вновь-заведенная цѣпная собака бросалась съ страшнымъ лаемъ на приближающихся.— Тетушка, это ты?—спрашивалъ онъ. При этихъ словахъ, Кэта, наскоро простясь со старушкой и пожелавъ ей доброй ночи, спѣшила отправиться домой; ей представлялось, точно ее вытолкали; такое-же чувство, можетъ быть, будетъ испытывать и онъ, если ему удастся только укротить Флору, когда, возвратясь усталый домой, встрѣченъ будетъ холоднымъ поклономъ жены, этой души домашней жизни; жена приметъ его или сидя за своимъ письменнымъ столомъ, или вырядившись къ балу.

На седьмой день послѣ отъѣзда коммерціи-совѣтника, получено было изъ Берлина извѣстіе о томъ, что бумагопрядильная фабрика продана. Президентша была такъ обрадована этою новостью, что, не снимая еще своего спальнаго капота изъ кашемировой матеріи, съ письмомъ въ рукѣ поднялась по лѣстницѣ въ бельэтажъ и вошла въ комнату Генріэтты, гдѣ была въ это время и Флора.

Старая дама сѣла въ кресло и принялась разсказывать.

— Славу Богу, что Морицъ покончилъ!—сказала она въ веселомъ настроеніи духа.

— Онъ устроилъ великолѣпное дѣло; за заведеніе даютъ ему такую славную цѣну, что онъ изумленъ.

— Она положила свои руки на столъ и, повидимому, была очень довольна.

— Теперь онъ окончательно прерветъ всякую связь съ своимъ купеческимъ прошлымъ. Такимъ образомъ, прекращаются и фатальныя отношенія его къ такъназываемымъ дѣловымъ друзьямъ; припомните только, какъ часто приглашаемы были къ обѣду неотесанные гости, которымъ гораздо умѣстнѣе было бы сидѣть за лакейскимъ столомъ! Боже мой, какое это было тяжелое, затруднительное положеніе! Да, приходилось иногда только молчать и стараться преодолѣвать себя...

— Брукъ позволилъ тебѣ сегодня маленькую прогулку, Генріэтта?—спросила старая дама.

— Онъ разрѣшилъ мнѣ погулять недолго въ лѣсу, принадлежащемъ городу, и подышать смолистымъ воздухомъ сосенъ и елокъ.

— Въ такомъ случаѣ я присоединяюсь,—сказала Флора.—Мнѣ необходимъ воздухъ, чтобъ не задохнуться подъ бременемъ невзгодъ, которыми судьбѣ угодно было надѣлить меня.

Она подала президентшѣ руку, чтобы помочь ей спуститься съ лѣстницы.

Генріэтта съ гнѣвомъ топнула ножкой; она чуть не плакала съ досады; но не могла помѣшать своей хорошенькой сестрѣ явиться послѣ обѣда для прогулки въ лѣсу, въ бѣлой пуховой шляпѣ и съ вѣеромъ изъ пальмовыхъ листьевъ.

Былъ великолѣпный апрѣльскій день, съ безоблачнымъ синимъ небомъ, живительными солнечными лучами и воздухомъ, пропитаннымъ запахомъ раннихъ фіалокъ. Обнаженный лѣсъ еще не покрылся своимъ зеленымъ покровомъ, зеленѣла только молодая травка и мелкій кустарникъ а. тамъ-и-сямъ изъ сыраго мха выглядывали длинностволые бѣлые колокольчики. Кэта занялась собираніемъ этихъ маленькихъ цвѣточковъ, въ то время какъ Генріэтта и Флора оставались на узкой дорожкѣ, ведшей въ глубь темнаго бора.

Вдругъ изо рта Генріэтты потекла кровь ручьями.

Кэта подхватила руками сестру и опустилась съ ней на землю. Она прислонилась спиной къ соснѣ и положила голову больной къ себѣ на грудь. Въ такомъ положеніи, прекратилось постепенно истеченіе крови.

— Сбѣгай за помощью,—не отводя своихъ заплаканныхъ глазъ съ помертвѣвшаго лица больной, сказала Кэта Флорѣ, которая со страхомъ смотрѣла на сестеръ, прижимая къ своей груди судорожно сложенныя руки.

— Не сошла-ли ты съ ума?—отвѣчала Флора сдержаннымъ тономъ.—*Одна* я не тронусь съ мѣста. Мы должны попытаться унести отсюда Генріэтту.

Кэта не промолвила ни слова; она видѣла, что обращалась напрасно къ этому безграничному эгоизму. Принявъ разныя предосторожности, Кэта взяла къ себѣ на руки Генріэтту и понесла ее какъ ребенка; голова дѣвушки, все еще неприходившей въ себя, покоилась на плечѣ сестры. Тщательно избѣгая малѣйшаго камешка и неровности пути, Кэта употребляла всѣ свои усилія, чтобъ не потревожить Генріэтту какимъ-либо неосторожнымъ движеніемъ. Хотя эти усилія и значительно затрудняли ее, но остановиться хоть разъ на минуту и перевести духъ она не рѣшалась.

— Отдохнемъ, сколько угодно, когда выйдемъ въ поле—только не здѣсь.

XI.

Но вотъ, наконецъ, онѣ добрались до обширнаго поля, залитаго лучами солнца. Кэта на минуточку прислонилась къ высокому каменному столбу, стоявшему на пограничной линіи, осѣненному могучимъ дубомъ. На нѣкоторомъ разстояніи отсюда на пашнѣ работали люди, которые и могли, въ случаѣ чего, услышать крики зовущихъ на помощь; да и городъ, со своими башнями, былъ въ виду, а вонъ тамъ, поближе — дорога, ведущая къ воротамъ парка помѣстья Баугартеновъ.

Кэта смотрѣла только по одному направленію, глаза ея были устремлены на одинъ пунктъ (Флора не видѣла его)—именно на низенькую крышу съ высокими трубами и позолоченными флюгерами. Притаившись за чащей фруктовыхъ деревьевъ, крыша эта казалась такою скромною, мирною... Молодая дѣвушка даже хорошо видѣла палисадникъ, окаймлявшій фруктовый садъ. Это былъ ближайшій пунктъ: до парка—гораздо дальше, а потому, немного отдохнувъ, Кэта, молча, направилась туда.

— Э, куда-жь это ты?—крикнула Флора, уже успѣвшая сдѣлать нѣсколько шаговъ по дорогѣ къ парку.

— Въ домъ доктора Брука,—отвѣтила та, преспокойно идя впередъ.—Это ближе, да тамъ и постель для Генріэтты найдется, а, пожалуй, сейчасъ-же ей и помощь окажутъ: авось, на счастье, докторъ дома.

Флора нахмурила брови и, не сказавъ ни слова, послѣдовала за Кэтой.

Имъ пришлось теперь идти прямо по полю. Неимовѣрно-тяжелый трудъ приняла на себя Кэта. Тутъ для прохожихъ не было дороги; идя по мягкой, разрыхленной почвѣ, чрезвычайно неровной и каменистой, молодая дѣвушка, при каждомъ невѣрномъ шагѣ, чувствовала, какъ кровь стынетъ въ жилахъ у нея—такъ ей было страшно при мысли: а ну какъ съ Генріэттой опять сдѣлается тотъ ужасный припадокъ?.. Вдобавокъ

еще лучи солнца, горячаго какъ въ августѣ, жгли ея непокрытую голову; повременамъ Кэта видѣла, какъ все передъ ней освѣщалось какимъ-то страшнымъ красновато-желтымъ огнемъ, и тогда ей казалось, что она отъ изнеможенія свалится съ ногъ .. Но въ такія мгновенія дѣвушка настойчивѣе, упрямѣе устремляла взглядъ свой на докторскій домикъ, который будто самъ все ближе и ближе подвигался къ ней, представляя прелестный образъ сельскаго мира и благодѣтельнаго для души успокоенія. Теперь она могла совсѣмъ ясно видѣть, что даже дѣлалось въ палисадникѣ, и, несмотря на тревожное состояніе духа и утомленіе, сердце ея ощутило тихую радость. Работникъ въ бѣлой рубашкѣ трудился надъ устройствомъ бесѣдки изъ сосновыхъ вѣтвей—бесѣдки, для тетушки-дьяконисcы. Старушка не могла забыть, что въ небольшомъ садикѣ при церковномъ домѣ она имѣла бесѣдочку, густо обросшую виноградными лозами .. И съ тѣхъ поръ не приходилось ей посидѣть на чистомъ воздухѣ, среди зелени.... Ахъ, какая радость готовится теперь для ея скромнаго сердца!.. А вотъ и сама тетушка спустилась со ступенекъ крыльца... Она въ бѣломъ чепчикѣ и голубомъ полотняномъ кухонномъ передникѣ; въ рукахъ у нея тарелка—это она несетъ полдникъ работнику. Заговорила съ нимъ о чемъ-то, да какъ оживленно .. Ни тетушкѣ, ни работнику и въ голову не придетъ обернуться и посмотрѣть въ поле. Кэта колебалась — позвать-ли на помощь или не безпокоить ихъ, но въ эту самую минуту въ дверяхъ дома появился и самъ докторъ.

— Брукъ!—крикнула издали Флора своимъ звонко-серебристымъ голосомъ.

Онъ пріостановился, съ секунду поглядѣлъ на странную группу, приближавшуюся къ его дому, потомъ бросился къ калиткѣ палисадника, рванулъ ее и выбѣжалъ въ поле.

— Боже мой, что такое случилось?!—воскликнулъ докторъ, еще не добѣжавъ до нихъ.

— Вотъ у этой бѣдняжки (она указала на Генріэтту) кровь хлынула изъ горла.

Брукъ искоса взглянулъ на Флору и поспѣшилъ принять больную изъ рукъ Кэты.

— Вы чрезмѣрно... *до невозможности* напрягли свои силы,—сказалъ онъ ей и тревожно-озабоченнымъ взглядомъ окинулъ фигуру молодой дѣвушки...

Даже видно было, какъ нервная дрожь пробѣжала по тѣлу Кэты; она судорожно закусила нижнюю губу; щеки ея, просто, пылали.. Казалось, разгоряченная кровь сейчасъ брызнетъ, прорвавъ нѣжную бархатную кожу... А тутъ, возлѣ нея, стояла Флора; она ровно, спокойно дышала, и на ея прекрасномъ лицѣ сіялъ такой удивительный, неуловимый румянецъ душевнаго волненія.

— Тебѣ не слѣдовало бы все бремя сваливать на сестру,—замѣтилъ Брукъ своей невѣстѣ, стараясь какъ можно осторожнѣе нести безчувственную Генріэтту.

— Брукъ, какъ ты можешь требовать этого отъ меня?—воскликнула она, видимо оскорбившись.—А впрочемъ, ты совершенно напрасно, другъ мой, потрудился изрекать подобное наставленіе... Это излишне съ твоей стороны,—прибавила Флора какъ-то особенно рѣзко.—Я знаю свои обязанности... можетъ быть, я готова была, по собственному побужденію, взять и нести Генріэтту, но я должна была предостеречь себя: при слабомъ моемъ тѣлосложеніи—это было бы просто... безуміемъ! Да, наконецъ, Кэта такая здоровая, дюжая Валькирія, что подобное напряженіе навѣрно не повредитъ ей.

Брукъ ничего не сказалъ на это, онъ только крикнулъ подходившей тетушкѣ—приготовить поскорѣе постель для больной. Старушка побѣжала обратно такъ шибко, какъ только могла, и скрылась въ домѣ, а когда они всѣ вошли въ сѣни, она встрѣтила ихъ у растворенной двери, которая вела въ комнату съ окнами на западъ, и молча, съ удивленнымъ лицомъ, кивнувъ головой, пригласила войти туда.

Комната эта была ея гостиной, такая свѣтлая, просторная, однако съ повытертымъ поломъ и порядкомъ полинявшими стѣнами, когда-то выкрашенными розовой краской; чудовищная печка изъ черныхъ изразцовъ занимала тутъ видное мѣсто. Новенькія, съ розовыми букетами, ситцевыя занавѣски на окнахъ представляли, можетъ быть, единственную роскошь, которую позволила себѣ тетушка-дьякониcса, переѣхавъ въ новое жилище. У изголовья кровати стояли старинныя ширмы, оклеенныя китайскими фигурками, а стѣны комнаты были украшены картинками въ черныхъ рамкахъ, изображавшими (несовсѣмъ-то искусно) сцены изъ хорошенькой идилліи Фоса „Луиза“. Славнымъ, чистымъ воздухомъ, съ примѣсью запаха лаванды, такъ и повѣяло на вошедшихъ.

На молодомъ челѣ доктора нельзя было не замѣтить серьёзнаго безпокойства. Только послѣ долгихъ усилій ему удалось привести Генріэтту въ чувство: она открыла глаза, но они смотрѣли безцѣльно и какъ-будто были накрыты прозрачнымъ флёромъ; однако, больная сейчасъ-же узнала Брука, хотѣла поднять руку съ одѣяла, подать ее ему, но чрезвычайная слабость лишила ее возможности сдѣлать это.

Докторъ послалъ работника (того самаго, что устраивалъ бесѣдку въ саду) на виллу коммерціи-совѣтника, чтобы увѣдомить президентшу о случившемся.

Президентша не заставила себя долго ждать. До появленія ея никто не проронилъ ни одного слова въ комнатѣ больной. Флора стояла у окна и безцѣльно глядѣла куда-то; у другаго — сидѣла Кэта, сложивъ руки на колѣняхъ и устремивъ глаза на кровать; тетушка неслышными шагами входила и выходила, принося и подавая доктору то, что онъ требовалъ.

Президентша казалась весьма разстроенной; она видимо испугалась, когда увидѣла среди подушекъ бѣлое какъ воскъ лицо Генріэтты... Обратившись къ ней съ кроткими словами, она замѣтила, что больная не открыла даже глазъ (а они закрылись въ то самое мгновеніе, когда бабушка переступила порогъ комнаты)... Мысль о дурномъ исходѣ сильно встревожила президентшу.

Брукъ молчалъ. Кротость, невозмутимое спокойствіе, написанныя на его молодомъ, прекрасномъ лицѣ, указывали на умственное и нравственное превосходство этой личности. Держа въ рукѣ своей ручку Генріэтты, онъ, кажется, только и видѣлъ предъ собой это существо, съ слабыми признаками жизни—жизни, готовой угаснуть, исчезнуть.

Почтенная дама приблизилась къ кровати и, притаивъ дыханіе, склонилась надъ больной.

— Господинъ докторъ,—заговорила она послѣ минутной нерѣшимости: — положеніе больной кажется мнѣ весьма опаснымъ, а потому не пригласить-ли намъ на консультацію моего стараго, опытнаго друга и домашняго врача—тайнаго совѣтника ф. Бэра?... Сердиться на меня за это вы не должны...

— Нисколько не сержусь, г-жа президентша,—отвѣтилъ Брукъ и положилъ на одѣяло дрогнувшую руку Генріэтты.—Я даже обязанъ сдѣлать все для вашего успокоенія.

Онъ спокойно всталъ и вышелъ изъ комнаты, чтобъ послать за домашнимъ врачемъ президентши.

— О, Боже мой, какую штуку сыграли вы, принеся сюда Генріэтту!—быстро и понизивъ голосъ проговорила почтенная дама, лишь только дверь затворилась за Брукомъ.

— Виною этому—премудрость Кэты,—возразила Флора съ особеннымъ ожесточеніемъ.—Ее ты и упрекай въ томъ, что намъ, быть можетъ, придется нѣсколько недѣль подрядъ ходить въ это заброшенное гнѣздо!...

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Изъ огня да въ полымя.

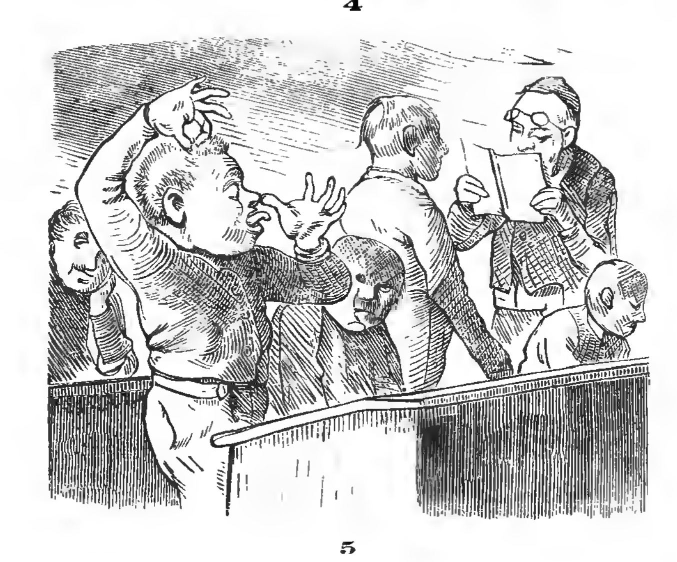
1

4

2

5

3

6

Она бросила гнѣвный взглядъ на молчаливо-сидѣвшую у окна дѣвушку и прибавила:

— И что это за небрежность — уложить это бѣдное созданье такъ, что каждый разъ, какъ она откроетъ глаза, будетъ видѣть предъ собой эту безобразную черную печку!... Кстати, хороши вонъ и рожи на стѣнахъ: испугаться можно!..

Президентша пропустила эти наивныя замѣчанія мимо ушей, отвернулась отъ Флоры и стала осматривать кровать.

— Постель, впрочемъ, еще сносна; бѣлье, по крайней мѣрѣ, бѣлое и мягкое, но, все-таки, велю принести сюда шелковое стеганое одѣяло Генріэтты, а также удобное кресло для г. ф. Бэра... А прежде всего—другой умывальный приборъ! Вѣдь это—бѣлый фаянсъ!—презрительно замѣтила она и начала сдвигать на умываль-

Продолженіе въ прибавл. на стр. 213, 214, 215 и 216.

номъ столикѣ чистенькую посуду, чтобы дать мѣсто своему разрисованному, позолоченному фарфору.—Боже, какъ жалко живутъ подобные люди!... И не чувствуютъ даже этого... Не желаешь-ли, мой ангелъ, чего-нибудь?—вдругъ спросила президентша такимъ добрымъ голосомъ, снова подойдя къ кровати.

Генріэтта медленно приподняла голову и безпокойнымъ взглядомъ окинула комнату, но, завидя подходившую къ ней бабушку, сейчасъ-же закрыла глаза .. Однако, силы у нея было уже настолько, что она могла отстранить руку президентши, которая ласково гладила ее по правой рукѣ.

— Упряма, какъ всегда!—вздохнула президентша и усѣлась на стулъ возлѣ кровати.

Докторъ фонъ-Бэръ тоже не заставилъ себя ждать, но онъ явился совсѣмъ смущеннымъ... Прежде всего его ставило въ тупикъ то обстоятельство, какимъ это образомъ онъ встрѣчаетъ своего стараго друга, президентшу, здѣсь, въ этомъ домикѣ?.. Ему, разумѣется, въ краткихъ чертахъ сообщили о случившемся—и онъ успокоился. Это былъ видный мужчина, уже пожилыхъ лѣтъ, отполированный съ ногъ до головы, съ сдержанными манерами, изобличавшими, однако, духъ высокомѣрія. Г. ф.-Бэръ состоялъ лейбъ-медикомъ при дворѣ владѣтельнаго фюрста. Заслуги его были щедро вознаграждены: онъ получилъ дворянскую грамоту, изрядную кучу орденовъ и нѣсколько золотыхъ табакерокъ, осыпанныхъ алмазами. Великолѣпный экипажъ его стоялъ за мостомъ.

—Н-не хорошо, оч чень не хорошо!—произнесъ онъ, подходя съ озабоченнымъ видомъ къ кровати.

Лейбъ-медикъ съ минуту пристально глядѣлъ на паціентку, а потомъ принялся выстукивать ея больную грудь. Хотя онъ постукивалъ весьма осторожно, однако Гэнріэтта застонала .. Частые удары, очевидно, причиняли ей чувствительную боль.

Брукъ, скрестивъ руки на груди, молча стоялъ возлѣ г. ф.-Бэра и даже глазомъ не моргнулъ; но, когда Генріэтта застонала, онъ нахмурилъ брови... Болѣзнь уже настолько развилась, что такое продолжительное, аккуратное изслѣдованіе больной было дѣломъ совершенно излишнимъ.

— Г. докторъ, могу я сообщить вамъ свои наблюденія?—спросилъ Брукъ спокойнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразительнымъ тономъ, чтобы положить конецъ безполезному выстукиванью.

Старикъ, метнувъ глазами вверхъ, какъ - то бокомъ взглянулъ на молодаго человѣка. Взглядъ этотъ, сверкнувшій изъ глубокихъ глазныхъ впадинъ важнаго доктора, былъ такъ ядовитъ, что, кажется, на самаго злѣйшаго, ненавистнѣйшаго врага ядовитѣе и взглянуть было невозможно.

— Нѣтъ, ужь позвольте, господинъ коллега, лично мнѣ самому изслѣдовать больную,—холодно отвѣтилъ онъ, и сталъ продолжать свои изслѣдованія. Прошло нѣсколько секундъ...—Такъ-съ! Ну, теперь я къ вашимъ услугамъ.

Лейбъ-медикъ отошелъ отъ кровати и послѣдовалъ за Брукомъ, который уходилъ въ свою рабочую комнату.

Какъ только они вышли—Генріэтта открыла глаза. На щекахъ ея, вслѣдствіе душевной тревоги, горѣлъ румянецъ, непредвѣщавшій ничего хорошаго. Сильно жестикулируя, она рѣзкимъ голосомъ потребовала къ себѣ своего врача Брука.

Президентша съ трудомъ сдержала порывъ досады при видѣ такого „безграничнаго упрямства“, однако безъ всякаго возраженія поспѣшила исполнить желаніе больной. Она боялась помѣшать консультаціи, но, войдя въ кабинетъ, увидѣла, что нисколько не помѣшала имъ. Его превосходительство, конечно, и не думалъ воспользоваться результатомъ наблюденій молодаго доктора и, разумѣется, не соблаговолилъ посовѣтоваться съ нимъ... Г. ф.-Бэръ только-что усѣлся за письменный столъ хозяина, чтобы прописать рецептъ.

Брукъ немедленно оставилъ кабинетъ, а президентша подошла къ своему „старому“ другу и спросила, что̀ думаетъ онъ насчетъ положенія больной?

Генералъ заговорилъ довольно ядовито (онъ видимо былъ не въ духѣ), прямо указавъ на то, что леченіе ведено до сихъ поръ совершенно неправильно, и упрекнулъ почтенную даму въ томъ, что, вотъ, только въ критическія минуты находятъ нужнымъ „обратиться къ кому слѣдуетъ“... Бабушкѣ надо было бы ужь давно покорить упрямую головку Генріэтты, пригласить стараго домашняго врача и пользоваться его совѣтами, такъ какъ онъ лечилъ Генріэтту, когда она была еще ребенкомъ. Въ подобныхъ случаяхъ обращать вниманіе на личныя отношенія просто... безсовѣстно, а это-то и было допущено — напримѣръ, относительно жениха Флоры...

— Да-съ, и прежде всего, всемилостивѣйшая моя государыня, намъ надлежитъ распорядиться, какъ можно скорѣе перенести эту бѣдную малютку въ ея собственную комфортабельную спаленку,—прибавилъ г. ф.-Бэръ:—она будетъ лучше чувствовать себя среди обычной для нея обстановки, да и я могу быть тогда увѣренъ, что предписанія мои въ точности будутъ исполняться... Здѣсь-же, по всей вѣроятности, на это не обратятъ никакого вниманія.

Лейбъ-медикъ обмакнулъ перо и... но тутъ взглядъ его упалъ на открытый изящный ящичекъ, стоявшій возлѣ книгъ и письменныхъ принадлежностей. Ящичекъ этотъ, какъ кажется, былъ только-что вскрытъ, потому что кусокъ клеенки, въ которую онъ былъ зашитъ, лежалъ тутъ-же.

Президентша взглянула на цвѣтущее лицо своего „стараго, испытаннаго друга“ и чрезвычайно удивилась, потому что никогда еще не видала его такимъ вытянутымъ, такимъ невыразимо (до глупости) озадаченнымъ, какъ въ эту минуту... Перо даже выпало изъ рукъ его превосходительства.

—Боже мой! Да вѣдь это—орденъ герцогскаго Д—аго дома,—проговорилъ онъ какъ-то робко и постукалъ пальцемъ по ящичку: — но какими судьбами попалъ этотъ орденъ сюда?... Адресъ-то такой... малоизвѣстный!

— Мм... странно,—пробормотала президентша въ смущеніи, и блѣдное лицо ея даже зарумянилось отъ непріятной неожиданности. Она поднесла къ глазамъ лорнетъ и внимательно стала разсматривать знакъ отличія, лежавшій въ ящичкѣ.—Не знаю я этого ордена, не знаю, какое значеніе имѣетъ онъ, но...

— Охотно вѣрю, что вы не знаете этого!—перебилъ докторъ. Его даютъ весьма рѣдко!

— Но, — продолжала президентша: — я даже готова предположить, что орденъ этотъ получилъ онъ во время послѣдней войны.

— Выбросьте это изъ головы!—буркнулъ генералъ.—Онъ, должно быть, находился въ очень ужь возбужденномъ состояніи, если позволилъ себѣ буркнуть въ разговорѣ съ „старымъ другомъ“.—Нѣтъ-съ, орденъ этотъ, во-первыхъ, учрежденъ съ единственною цѣлью—наградить лицо, заслужившее благодарность за оказанную имъ услугу лично герцогской фамиліи, а во-вторыхъ—хотѣлось бы мнѣ видѣть человѣка, который, обладая такимъ знакомъ отличія, бывъ участникомъ въ войнѣ, сталъ бы такъ долго скрывать его отъ свѣта!... Эхъ, если бы я только зналъ, какими это судьбами... какимъ это образомъ?...

Почтенный медикъ, какъ-бы въ забытьи, безпрестанно потиралъ себѣ лобъ правою рукою, на пальцахъ которой блестѣли, по крайней мѣрѣ, три алмаза — все знаки милостиваго вниманія къ нему фюрста.. Да, но въ настоящую минуту, что̀ значили для него эти „зна-

ки?... Это были подарки—не болѣе... Высокопоставленныя лица, которымъ онъ служилъ, вернувшись домой изъ путешествій, жаловали его привезенными драгоцѣнными вещами... Перстни, табакерки не могутъ-же быть знаками отличія, даваемыми иностранными дворами!

— Знаете, вѣдь этотъ орденъ—предметъ желанья многихъ, — прибавилъ г. ф.-Бэръ: — не одна солидная личность добивалась получить его, но всѣ усилія были тщетны... И вотъ онъ лежитъ тутъ, на этомъ жалкомъ крашеномъ письменномъ столѣ, какъ-бы заброшенный небрежной рукой! И такому-то человѣку, этому невѣждѣ, котораго неудачная практика такъ жестоко опозорила—извините, всемилостивѣйшая моя государыня, но я долженъ высказать это!... ему бросаютъ такое украшеніе на шею, а мы... мы даже и понятія не имѣемъ, за что его украсили такимъ образомъ?...

Его превосходительство вскочилъ и началъ широко шагать по комнатѣ. Почтенная, горделивая дама, которую, обыкновенно, ничто не могло скоро смутить, теперь какъ-то боязливо и жалко поглядывала на своего друга.

— Я рѣшительно не могу представить себѣ, чтобы орденъ этотъ имѣлъ какое-либо отношеніе къ дѣятельности Брука, какъ медика,—проговорила президентша несовсѣмъ увѣреннымъ тономъ:—да и какимъ образомъ Брукъ могъ попасть къ Д—скому двору?...

Д-ръ ф.-Бэръ остановился и громко разсмѣялся, но смѣхъ этотъ былъ дѣланный.

— Ха, ха!... Ну, признаюсь, всемилостивѣйшая моя, сказали-же вы нѣчто удивительное! Мнѣ никогда и въ голову не пришла бы подобная мысль, потому что такая вещь просто невозможна! Тогда вѣдь пришлось бы сказать: ну, значитъ, все на свѣтѣ вверхъ дномъ перевернулось, ибо дрянная работа, незнаніе дѣла незрѣлыхъ новичковъ—получаютъ отличія, награждаются, а людей съ солидными, основательными познаніями, съ зрѣлымъ опытомъ, имѣющихъ дѣйствительныя заслуги—бросаютъ и топчутъ ногами! Нѣтъ, я этого не думаю!...

Онъ подошелъ къ окну и началъ барабанить пальцами по подоконнику.

— Кто знаетъ, какое именно порученіе взялся онъ исполнить?... Вѣдь онъ, помните, исчезалъ на восемь дней, а куда—никому неизвѣстно,—заговорилъ докторъ послѣ небольшой паузы, понизивъ голосъ и обернувшись только головой.—Хм!... Кто знаетъ, какія у него связи и дѣла внѣ города? У людей скрытныхъ, подобныхъ ему, никогда неговорящихъ о своей дѣятельности, всегда имѣются на это свои причины... Чтожь, въ медицинской практикѣ частенько бываютъ такіе случаи... приглашенія, отъ которыхъ личности почтенныя могутъ только отказаться... Нѣтъ, лучше помолчу! Не въ моихъ это правилахъ — сдергивать завѣсу съ темныхъ дѣяній разныхъ господъ... И вѣдь къ концу концовъ все пойдетъ такъ, какъ предначертано свыше!...

Тутъ генералъ указалъ на небо и такъ искусно изобразилъ уповающаго на милосердіе Божіе, что только одна президентша, какъ близкій, „старый другъ“, не могла повѣрить этому... Онъ, обыкновенно, принималъ на себя личину благочестія и кротости тогда, когда усматривалъ, что его обошли, или если права его нарушили.

(Продолженіе будетъ).

Смѣсь.

Роза Помпонъ.

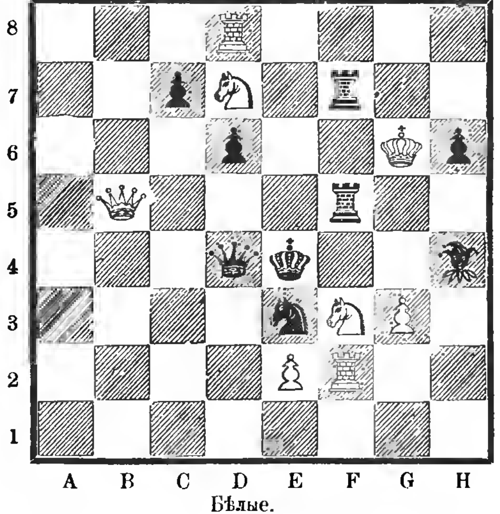
Особое достоинство нѣкоторыхъ картинъ жанра заключается иногда не столько въ самомъ сюжетѣ, сколько въ граціи, композиціи и качествахъ колорита. Предлагаемая здѣсь гравюра воспроизводитъ картину извѣстнаго французскаго художника Бертрана «Роза Помпонъ». Это юное созданіе, это прелестное лицо съ черными, глубокими, задумчивыми глазами, эта мечтательная улыбка—развѣ все это не сама грація, не сама поэзія?

Военный совѣтъ въ лагерѣ Пейко Павловича.

Въ пивскомъ лагерѣ, близъ Горанска, происходилъ тотъ военный совѣтъ, который рѣшилъ не прекращать борьбу Герцеговины противъ Турціи и въ продолженіе зимняго времени. Мѣстомъ лагеря было покинутое герцеговинское селеніе, занятое отрядомъ Пейко Павловича. Была ночь, когда собрался военный совѣтъ для совѣщанія—слѣдуетъ-ли аттаковать приближавшійся 6000-ый отрядъ турокъ, находившійся подъ начальствомъ Рауфа-паши и сопровождавшій транспортъ съ провіантомъ, назначеннымъ въ крѣпость Горанско. Пейко Павловичъ медлилъ этимъ рѣшеніемъ, считая отрядъ свой недостаточно сильнымъ. Всѣ сомнѣнія, однако, были рѣшены, когда воевода Лазарь Сочица, сдѣлавшій въ 18 часовъ усиленный переходъ, поутру, въ 3 часа, явился въ собраніе и объявилъ, что онъ съ своими 1200 пивцанцами произведетъ аттаку, и если остальные вожди не поддержатъ его, то да падетъ на нихъ кровь пивцанцевъ. Этимъ онъ вызвалъ у всѣхъ новое мужество—и борьба возобновилась. На слѣдующій день происходило сраженіе подъ Плано, въ которомъ повстанцы одержали побѣду надъ турками.

ЗАДАЧА

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

РѢШЕНІЕ

задачи въ «Нивѣ» № 11.

Бѣлые.	Черные.
1) D6 — C7	1) A6 — A5
2) D4 — F6	2) A5 — A6
3) F6 — D8	3) A6 — A5
4) C7 — B7 ✕	

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Редакція покорнѣйше проситъ своихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, прислать прежній печатный адресъ и приложить 24 коп. почтовыми марками, за типографскіе расходы.

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ, основанному на предварительномъ соглашеніи съ военнымъ министромъ, относительно увеличенія служебныхъ правъ нѣкоторыхъ офицеровъ пограничной стражи и измѣненія, вслѣдствіе сего, наименованія занимаемыхъ ими должностей, 27-го февраля сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Состоящему при департаментѣ таможенныхъ сборовъ въ помощь инспектору пограничной стражи штабъ-офицеру для особыхъ порученій присвоить званіе помощника инспектора.

2. Роты пограничной стражи переименовать въ отдѣлы и затѣмъ ротныхъ командировъ именовать командирами отдѣловъ.

3. Тѣхъ изъ числа командировъ отдѣловъ, которые, по особому усердію къ службѣ, будутъ достойны поощренія, производить за отличіе въ чины до полковника включительно, но не ранѣе выслуги ими въ каждомъ штабъ-офицерскомъ чинѣ шести лѣтъ, и при томъ условіи, чтобы число произведенныхъ въ чины выше майорскаго не превышало одной трети общаго числа командировъ отдѣловъ, положенныхъ въ пограничной стражѣ по Высочайше утверждаемымъ росписаніямъ, а въ чинъ полковника—не болѣе одной половины изъ этой трети.

4. Изъ числа состоящихъ въ бригадахъ запасныхъ офицеровъ, одному въ каждой бригадѣ, завѣдывающему письменною частью, присвоить званіе бригаднаго адъютанта, предоставивъ ему носить аксельбантъ, на общемъ основаніи; прочихъ же переименовать, смотря по чину, въ штабъ или оберъ-офицеры для порученій при бригадномъ штабѣ,—и

5. Предоставить усмотрѣнію ближайшаго начальства, изъ числа оберъ-офицеровъ, состоящихъ при бригадныхъ штабахъ для порученій, представлять достойнѣйшихъ, по ихъ служеніи ими въ чинѣ капитана не менѣе шести лѣтъ, къ производству, за отличіе, въ майоры, съ тѣмъ, однако же, чтобы общее число удостоенныхъ такого повышенія не превышало числа бригадъ пограничной стражи.

Военное дѣло.

Изъ Одессы пишутъ, что для путеваго кормоваго довольствія, въ предѣлахъ одесскаго военнаго округа, нижнихъ воинскихъ чиновъ, слѣдующихъ въ составѣ командъ, неимѣющихъ штатнаго устройства, въ маршевыхъ командахъ, рекрутскихъ партіяхъ или этапнымъ порядкомъ, а также на довольствіе людей, отправляемыхъ въ путь поодиночкѣ, установлены военно-окружнымъ совѣтомъ одесскаго округа на текущій годъ слѣдующіе оклады кормовыхъ денегъ на человѣка въ сутки: по Таврической губерніи 14 к., по Бессарабской—$13\frac{1}{2}$ к., по Херсонской—13 к. и по Екатеринославской губерніи $11\frac{1}{2}$ к.

— Изъ Кіева сообщаютъ, что тамъ начата, въ настоящее время, постройка обширнаго военнаго госпиталя по барачной системѣ: мѣсто, избранное для постройки, находится за Печерскою лаврою.

Учебное дѣло.

«Р. Міру» передавали, что департаментомъ таможенныхъ сборовъ сдѣлано на-дняхъ распоряженіе по таможенному вѣдомству, для надлежащаго руководства, что, на основаніи Высочайше утвержденнаго устава историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, учрежденію этому предоставлены, по выпискѣ изъ-за границы книгъ и учебныхъ пособій, тѣ же права, какія присвоены университетамъ и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ.

— Въ дерптскомъ университетѣ въ нынѣшнемъ году къ 1 февраля студентовъ состояло 833 человѣка; въ томъ числѣ: 264 медика, 186 юристовъ, 90 богослововъ, 89 фармацевтовъ, 48 филологовъ, 43 политико-эконома, 24 математика, 22 химика, 19 историковъ, 11 студентовъ слушаетъ сравнительное языкознаніе, 8 экономію, 8 физику, 6 русскій языкъ, 5 дипломатію, 4 зоологію и астрономію, 1 ботанику и 1 минералогію. Во 2 семестрѣ 1875 года студентовъ состояло 832, такъ-что въ нынѣшнемъ году число студентовъ увеличилось всего однимъ. Изъ упомянутыхъ 833 студентовъ уроженцевъ Курляндской губерніи 173, Лифляндской 372, Эстляндской 89, Царства Польскаго 29, остальныхъ губерній 163, иностранцевъ 6.

— „Кроншт. Вѣст." пишутъ, что мореходный классъ въ деревнѣ Венкуль, близъ Нарвы, находясь „среди крестьянъ неграмотныхъ и малосочувствующихъ морскому дѣлу", мало можетъ приготовить опытныхъ шкиперовъ. Учитель этого мореходнаго класса, именующагося классомъ „Петра-Великаго", полагаетъ, что было бы раціональнѣе и цѣлесообразнѣе перевести мореходный классъ въ Нарву". Напомнимъ при этомъ, что, согласно Высочайше утвержденному положенію о мореходныхъ классахъ 1867 года, учрежденіе классовъ предоставлено городскимъ и всякимъ другимъ обществамъ, которыя сами пожелаютъ учредить школы шкиперовъ или штурмановъ.

Желѣзныя дороги.

„Оренбург. Лист." сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о положеніи работъ по устройству оренбургской желѣзной дороги, къ 1-му января 1876 года:

Всѣ земляныя работы по устройству полотна дороги, до перевала чрезъ Общій Сыртъ, можно считать оконченными. Перевалъ же Общаго Сырта исполненъ на одну треть предположенныхъ работъ, такъ какъ при переходѣ этихъ горъ пришлось наткнуться въ выемкахъ на камень, что значительно задержало ходъ работы.

Искусственныя сооруженія на сухихъ оврагахъ и небольшихъ рѣчкахъ окончены. Устои и быки моста чрезъ р. Сакмару близъ города Оренбурга можно считать оконченными.

Рельсоваго пути уложено отъ Самары до станціи „Богатово" на протяженіи 90 верстъ; движеніе рабочихъ поѣздовъ по этому протяженію прекратилось только вслѣдствіе сильныхъ снѣжныхъ мятелей или бурановъ, свирѣпствовавшихъ въ теченіе декабря мѣсяца 1875 года.

Въ настоящее время доставлены на линію рельсы и скрѣпленія на участокъ между станціями Сорочинской и Платавской, и предполагается самою раннею весною уложить этотъ участокъ.

Станціонныя зданія окончены вчернѣ; между ними двѣ станціи 1-го класса, въ Самарѣ и Оренбургѣ.

Судя по успѣху работъ, можно разсчитывать, что къ началу октября 1876 г. дорога будетъ вполнѣ окончена.

— Со словъ газеты „Голосъ", мы сообщаемъ о томъ, что движеніе по лозово-севастопольской дорогѣ прекратилось, по недостатку въ рукахъ администраціи оборотнаго капитала, и что большая часть служащихъ и рабочихъ, не получивъ жалованья, оставила свои мѣста на всей линіи. Теперь правленіе общества лозово-севастопольской желѣзной дороги проситъ заявить, что движеніе на дорогѣ по настоящее время не прекращалось.

Разныя извѣстія.

Газета „Сибирь" сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о послѣднемъ ученомъ путешествіи гг. Чекановскаго и Венгловскаго къ устьямъ рѣкъ Оленекъ и Лены и по берегу Ледовитаго океана. Изслѣдователи отправились изъ Иркутска въ половинѣ мая на почтовыхъ въ Якутскъ; оттуда въ лодкѣ-девятерикѣ проплыли Леной до селенія Булука (по счету якутскихъ жителей, почти на двѣ тысячи верстъ дальше Якутска): плаваніе ихъ затруднялось противными вѣтрами и бурями. Изъ урочища Аякитъ, лежащаго въ 25 верстахъ ниже Булука, они перешли сухимъ путемъ, на вьючныхъ оленяхъ, на рѣку Оленекъ; далѣе слѣдовали долиной этой рѣки до ея устья, а затѣмъ берегомъ Ледовитаго океана прошли до устья Лены и, переѣхавъ рѣкоставъ въ Булукѣ, отправились на нартахъ чрезъ Верхоянскъ въ Якутскъ, а оттуда въ Иркутскъ. Изслѣдователи очень довольны своей поѣздкой. Осень была превосходная и сѣверная природа явилась предъ путешественниками въ неожиданно-роскошномъ нарядѣ. Кромѣ того, вмѣсто плоской, болотистой тундры, они встрѣтили на Оленекѣ гористую и сухую, а вслѣдствіе этого и живописную мѣстность. Жители въ тѣхъ краяхъ—тунгузы, но перенявшіе отъ якутовъ языкъ, одежду и нѣкоторые обычаи; къ сожалѣнію, они не переняли только важнѣйшаго занятія якутовъ—скотоводства. Эти тунгусы крайне бѣдны; причина тому—отсутствіе путей для сбыта и эксплоатаціи населенія заѣзжими купцами. Между тѣмъ, по Ленѣ могло бы устроиться отличное пароходство и тогда не только Якутскъ, но и весь Якутскій округъ могъ бы снабжаться превосходною рыбой съ устьевъ Лены. Нынѣ же низовья Лены вообще чрезвычайно безжизненны. Въ заштатномъ городѣ Жиганскѣ находятся всего два жителя—священникъ и пономарь; а когда-то это былъ очень порядочный городокъ, какъ можно судить по опустѣлымъ домамъ и особенно по богатому кладбищу. Въ Жиганскѣ могла бы быть лучшая по всей Ленѣ гавань. Путешественники собрали богатыя коллекціи палеонтологическія, ботаническія и энтомологическія; составили маршрутную съемку и геогностическій маршрутъ для всего пути отъ Якутска до устья Оленека.

С.-Петербургская биржа.

11-го марта 1876 г.

	Покупатели.	Продавцы.	Продано.
5% внутр. съ выигр. заемъ 1864 г.	216	$216\frac{3}{4}$	$216\frac{1}{4}$
5% внутр. съ выигр. заемъ 1866 г.	$211\frac{1}{4}$	212	211 $211\frac{1}{4}$
5% бил. гос. б. 1 в.	$100\frac{1}{8}$	$100\frac{3}{8}$	$100\frac{1}{4}$
5% » » » 2 »	$100\frac{3}{8}$	$100\frac{1}{4}$	$100\frac{1}{8}$ $\frac{1}{4}$
5% » » » 3 »	100	—	—
5% обл. Спб. Гор. Кред. Общ. . .	$92\frac{1}{2}$	$92\frac{7}{8}$	$92\frac{3}{4}$
5% обл. Моск. Гор. Кред. Общ. . .	89	$89\frac{1}{4}$	—

Акціи.

	Покупатели.	Продавцы.	Продано.
125 р. Гл. Общ. Рос. Жел. Дорогъ. . .	$163\frac{1}{2}$	164	—
125 » Риж.-Дин.	134	$134\frac{1}{2}$	134
1000 » Моск.-Ряз.	—	—	—
125 » Орл.-Вит.	140	141	—
16 ф. с. Вит.-Дин.	$144\frac{1}{4}$	—	—
100 р. Рыб.-Вол.	$86\frac{1}{2}$	87	$86\frac{1}{4}$ $\frac{3}{4}$
100 » Тамб.-Коз.	$73\frac{1}{2}$	74	—
125 » Московско-брестской .	—	$69\frac{1}{4}$	69

СОДЕРЖАНІЕ: **Черногорія и черногорскіе правители** (съ 4-я рисунками). — **Очерки Кавказа.** Въ верховьяхъ Ріона (съ рисункомъ) **В Н — Д.** — **Въ домѣ коммерціи совѣтника.** Повѣсть **Э. Марлитта** (продолженіе). — **Юмористическіе очерки** (съ 6-ю рисунками).— Смѣсь. **Роза Помпонъ** (съ рисункомъ). **Военный совѣтъ въ лагерѣ Пейко Павловича** (съ рисункомъ). — О перемѣнѣ адреса. — Шахматы. — Разныя извѣстія. —Объявленія.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 14 Марта 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб., Больш. Морская, д. № 9. Тип. Веллинга, Англ. пр., № 10.

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 13 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 29 Марта 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп

Е. И. В. Великій Князь Алексѣй Александровичъ.

Командиръ фрегата „Свѣтлана“.

При искренней любви нашего народа къ царствующему дому, каждый изъ членовъ его: внуки, племянники, а тѣмъ болѣе дѣти Государя Императора, хорошо знакомы въ Россіи всякому. Каждый русскій, безъ сомнѣнія, знаетъ если не лицо, то, по крайней мѣрѣ, имя Великаго Князя Алексѣя Александровича. Но немногіе знаютъ ту трудную морскую школу, которою шелъ Великій Князь, тѣ многочисленныя и разнообразныя плаванія, которыя Онъ сдѣлалъ. Объ этихъ-то плаваніяхъ и рано начатыхъ трудахъ Его Императорскаго Высочества мы и хотимъ теперь побесѣдовать съ нашими читателями.

Плаванія эти такъ интересны и продолжительны, что описаніе ихъ могло бы составить объемистую книгу, а потому мы и просимъ не посѣтовать на насъ, если изложеніе наше покажется сжатымъ.

Е. И В. Великій Князь Алексѣй Александровичъ.
Рис. Бокуръ, грав. Шапонъ.

Всѣ сообщаемыя нами свѣдѣнія выбраны изъ оффиціальныхъ источниковъ, преимущественно-же рапортовъ и отчетовъ генералъ-адъютанта вице-адмирала Посьета, бывшаго воспитателемъ, а впослѣдствіи (съ 2-го января 1870 г.)—попечителемъ Великаго Князя.

Начало этихъ извлеченій мы дѣлаемъ съ 1864 года, т. е съ того времени, когда Великій Князь началъ дѣйствительную морскую службу, исполняя въ первый разъ всѣ обязанности морскаго кадета. Его Высочеству было тогда только 14 лѣтъ и Онъ былъ назначенъ на фрегатъ „Свѣтлана“ въ эскадру тогда еще контръ-адмирала Посьета. Эскадру эту составляли слѣдующія суда. Флагманскій фрег. „Свѣтлана“, т. е. фрегатъ, на которомъ находился и держалъ свой флагъ адміралъ, начальникъ эскадры; два клипера

„Яхонтъ“ и „Изумрудъ“, и двѣ яхты „Никса“ и „Забава“.

Политическій горизонтъ тогда не былъ спокоенъ: между Даніею и Германіею велась за Шлезвигъ война. Это стѣсняло нѣсколько адмирала Посьета относительно программы плаванія. Но ожидали мира, въ случаѣ котораго адмиралъ предполагалъ выйти за Скандинавскіе проливы. Онъ имѣлъ въ виду посѣтить: Данцигъ, Свинемюнде, Травемюнде, Киль, Большой бельтъ, Готенбургъ, Христіанію, Христіанзандъ и, если время позволитъ, Бергенъ; на обратномъ-же пути: Копенгагенъ, Карлскрону, острова Эландъ и Готландъ, городъ Ригу и затѣмъ идти въ Кронштадтъ.

Въ случаѣ-же продолженія войны, предполагалось идти въ Ревель, Ригу, на островъ Руно, въ Карлскрону, на острова Эландъ и Готландъ въ Маріенгагенъ и затѣмъ—домой.

Адмиралъ поднялъ флагъ 13-го іюня, въ два часа пополудни. Почти въ то-же время, именно въ полдень, прибылъ на фрегатъ покойный Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ. Онъ привезъ для передачи адмиралу Своихъ августѣйшихъ братьевъ, Великихъ Князей Алексѣя Александровича и Николая Константиновича.

Утромъ 17-го іюня, при свѣжемъ западномъ вѣтрѣ, эскадра снялась съ якоря и вышла подъ парами въ море.

Клипера вели яхты на буксирѣ. 20-го числа эскадра пришла въ Ревель; 24-го, при свѣжемъ ONO, подъ парусами ушла въ Балтійское море.

2-го іюля всѣ суда бросили якорь на рижскомъ рейдѣ въ двухъ миляхъ отъ маяка гавани.

9-го іюля адмиралъ Посьетъ отправился въ Динабургъ для встрѣчи Государя Императора и 10-го, вечеромъ, возвратился на эскадру. Государь изволилъ разрѣшить ему посѣтить Травемюнде и порты, какъ прусскіе, такъ и шведскіе. Контръ-адмиралъ Посьетъ тотчасъ-же снялся съ якоря и ушелъ въ море; 11-го іюля, утромъ, начальникъ эскадры съѣзжалъ на о-вѣ Руно на берегъ и гулялъ тамъ съ Великими Князьями. Очевидно, молодыя, непривыкшія къ морю и судовой жизни силы Ихъ требовали отдыха. 13-го іюля, пользуясь тихою погодою, начальникъ эскадры сдѣлалъ артиллерійское ученье съ пальбою на 200 сажень въ бочку.

Послѣ обѣда, того-же числа, у одного шханечнаго орудія составили команду изъ морскихъ кадетъ и Великихъ Князей и обучали ихъ пальбѣ ядрами, бомбами и картечью. 17-го іюля эскадра была уже на травемюндскомъ рейдѣ, гдѣ посѣтилъ ее Е. И. В. генералъ-адмиралъ. Послѣ посѣщенія генералъ-адмирала, адмиралъ Посьетъ отправился съ В. К. Алексѣемъ Александровичемъ въ Швальбахъ къ Государынѣ Императрицѣ.

Затѣмъ, эскадра направилась къ шведскимъ берегамъ и 2-го авг. бросила якорь въ Карлскронѣ. Здѣсь главный командиръ порта, контръ-адмиралъ шведскаго флота Эльмемаркъ, далъ въ честь Великихъ Князей обѣдъ, на которомъ они и присутствовали. Власти и жители Карлскроны оказали эскадрѣ вообще особенную привѣтливость. Послѣдніе, напримѣръ, постоянно присылали для загородныхъ прогулокъ Ихъ Высочествъ и офицеровъ эскадры собственные экипажи. Нечего, разумѣется, и говорить, что портъ Карлскроны со всѣми работами въ немъ былъ открытъ для русскихъ посѣтителей. 7-го августа эскадра оставила Карлскрону, а 14-го бросила якорь въ Кронштадтѣ. Въ 4 часа пополудни, того-же числа, контръ-адмиралъ Посьетъ отправился съ Великими Князьями на пароходѣ „Стрѣльна“ въ Петербургъ. Таково было первое плаваніе Великаго Князя, въ которомъ Онъ уже несъ службу; слѣдуя далѣе, мы увидимъ, что характеръ дальнѣйшихъ плаваній и путешествій Его будетъ съ каждымъ годомъ становиться все серьёзнѣе и серьёзнѣе.

Судя по отсутствію извѣстій въ печати, 1865-й годъ, ознаменованный горестною для Россіи кончиною Наслѣдника Цесаревича, прошелъ для Великаго Князя безъ плаваній; часть лѣта этого года Его Высочество провелъ въ Старой Руссѣ, но и туда Ему были посланы съ гребцами два гребныя судна, а именно вельботъ и катеръ, которые и оставались при Немъ съ 1-го іюля по 10-е августа, какъ это можно видѣть изъ отчета за 1866 г. директора инспекторскаго департам. морск. министерства.

Въ 1866 г. для практики Е. И. В. сформированъ былъ небольшой отрядъ изъ двухъ судовъ, а именно фрегата „Ослябя“ и корвета „Витязь“. Командованіе надъ нимъ было снова ввѣрено контръ-адмиралу Посьету, который и отплылъ 25 мая съ обѣими судами изъ Кронштадта. Цѣлью плаванія на этотъ разъ избранъ былъ островъ Мадера.

5-го іюня отрядъ прибылъ въ Копенгагенъ и бросилъ якорь на внѣшнемъ рейдѣ, миляхъ въ двухъ отъ города. Здѣсь, на водахъ Зунда, открывалась предъ глазами Его Высочества одна изъ самыхъ прелестныхъ и живыхъ морскихъ картинъ въ свѣтѣ.

Громадное движеніе судовъ пролива, особенно при NW, увлекаетъ и очаровываетъ зрителя: бѣлые паруса непрерывною вереницою бѣгутъ къ югу, неся свои грузы въ порты Балтійскаго моря со всѣхъ концовъ земнаго шара.

Въ Копенгагенѣ Великій Князь провелъ большую часть времени на дачѣ въ королевскомъ семействѣ, которое посѣтило фрегатъ предъ отплытіемъ его изъ Даніи и побывало на немъ въ Гельсинорѣ.

Переходъ до Англіи былъ сдѣланъ подъ парусами. Въ Англійскомъ каналѣ встрѣтили свѣжій SW, при которомъ плаваніе для судовъ, идущихъ къ югу, почти невозможно, и потому зашли въ Диль. Дильскій рейдъ поражаетъ суровостью своего вида въ свѣжую погоду. Со стороны канала дюны кажутся сплошными грядами бѣлой пѣны, съ юга-же и сѣвера тянется безконечное море. Какъ противоположность—съ запада привѣтливо поднимается зеленый берегъ Англіи съ садами, фабриками, желѣзною дорогою и великолѣпными дачами. На самомъ прибрежьѣ волна безпрепятственно вкатывается на отлогій песокъ, и отъ него безпрестанно отдѣляются гички, сообщающіяся съ судами на якорѣ, которыхъ, при юго-западныхъ вѣтрахъ, скопляется на рейдѣ множество.

Глядя на дильскія гички, носящіяся какъ ласточки по громадной волнѣ, подъ небольшимъ рейковымъ парусомъ, невольно приходишь къ заключенію, что жить на дильскомъ берегу и не сдѣлаться морякомъ — невозможно. Все это, конечно, впечатлительно и благотворно дѣйствовало на свѣжее, отроческое воображеніе Великаго Князя и должно было развивать въ немъ склонность къ морю.

Вторымъ портомъ Англіи, посѣщеннымъ отрядомъ, былъ Фальмутъ, лежащій на юго-западной оконечности Англіи.

По близости своей къ океану и чрезвычайно спокойной якорной стоянкѣ, Фальмутъ часто посѣщается купцами всѣхъ націй. Слѣдуя изъ Атлантическаго океана, они заходятъ въ этотъ портъ, телеграфируютъ домамъ, которымъ принадлежатъ суда и грузы, и ждутъ здѣсь приказаній.

Стоянка въ Фальмутѣ была необходима для удобства продолженія морскихъ учебныхъ занятій и для приготовленія отряда къ значительному переходу до Лиссабона. Переходъ этотъ былъ совершонъ довольно спокойно, и послѣ 8-мидневнаго пребыванія въ столицѣ Португаліи отрядъ отправился къ о-ву Мадерѣ.

На фунчальскомъ рейдѣ, главномъ въ Мадерѣ, адми-

ралъ пробылъ около десяти дней, занимаясь все это время преимущественно паруснымъ ученьемъ.

Мы отступили бы отъ цѣли этой статьи и привели бы ее къ объему невозможному для напечатанія въ нашемъ журналѣ, если бы позволили себѣ распространяться въ описаніяхъ мѣстъ, посѣщенныхъ Его Высочествомъ за все время его плаваній; а потому замѣтимъ только, что извѣстный своею якорною стоянкою фунчальскій рейдъ и единственный въ мірѣ, по своей мягкости, климатъ Мадеры завершили въ этомъ году самымъ пріятнымъ образомъ плаваніе Великаго Князя и всего отряда, который и вернулся къ 6-му сентября благополучно въ Кронштадтъ.

Въ слѣдующемъ (1867) году переѣзды по сушѣ и морскіе переходы Великаго Князя такъ велики и, къ сожалѣнію, такъ кратко изложены въ печатныхъ извѣстіяхъ того времени, что говорить о нихъ мы можемъ только очень сжато.

Въ іюнѣ 1867 г. мы узнаемъ о прибытіи Его Императорскаго Высочества въ Николаевъ. Великаго Князя сопровождаютъ: гг. *Посьетъ*; извѣстный путешественникъ академикъ *Миддендорфъ*, состоящій при Е. В. для занятій естественною исторіею; *Веселаго*, бывшій преподаватель въ офицерскихъ классахъ морскаго корпуса, для занятій математикою и морскими науками, и г. *Мечинъ*, извѣстный преподаватель новѣйшихъ языковъ.

Посѣтивъ въ Николаевѣ адмиралтейство и осмотрѣвъ въ немъ мастерскія, пароходъ „Казбекъ“, новый пильный заводъ, лѣсные склады и модельную мастерскую покойнаго адмирала Лазарева, Е. В. на пароходѣ общества пароходства и торговли „Великая Княгиня Ольга“ отправляется въ Крымъ и Севастополь.

Прибывъ, въ іюнѣ-же мѣсяцѣ 1867 года, на томъ-же пароходѣ въ Мальту, Великій Князь 25-го числа посѣтилъ Лавалетту и совершилъ поѣздку во внутрь острова въ его прежній главный городъ Чивита-Векію *); 26-го іюня командиръ порта въ Мальтѣ, англійскій контръ-адмиралъ Келлетъ, имѣлъ честь показывать Великому Князю портъ Мальты, а 1-го іюля, въ 5 часовъ пополудни, пароходъ „Великая Княгиня Ольга“ уже находился съ Великимъ Княземъ на рейдѣ испанскаго города Малага. Разстояніе отъ Мальты до Малаги, въ 930 миль, пароходъ русскаго общества прошелъ съ замѣчательною скоростью, а именно въ четверо сутокъ.

Почти тотчасъ-же по прибытіи въ Малагу, вслѣдствіе стѣснительныхъ карантинныхъ условій, пароходъ „В. Кн. Ольга“ оставилъ этотъ портъ и 2-го іюля бросилъ якорь на гибралтарскомъ рейдѣ.

1-го августа того-же 1867 г. Великій Князь уже находился на фрегатѣ „Александръ - Невскій“, на рейдѣ небольшаго городка „Порто - Гранде“, лежащемъ на островѣ Санъ-Винцентъ, одномъ изъ острововъ Зеленаго мыса, т. е. у западнаго берега Африки.

2-го августа фрегатъ „Александръ-Невскій“ снялся съ якоря и 21-го бросилъ его въ Кадиксѣ. Такимъ образомъ, въ 20 дней было пройдено около 5000 верстъ. Съ 6-го сентября Его Высочество прибылъ въ Мальту, съ 14-го, по волѣ Государя Императора, возвратился изъ заграничнаго плаванія въ Ливадію.

Плаванія Его Императорскаго Высочества въ 1868 году связаны съ воспоминаніемъ объ одной изъ тѣхъ печальныхъ случайностей, которыми такъ богата полная опасностей служба и жизнь моряка.

Выѣхавъ въ началѣ мая 1868 г. изъ Петербурга для слѣдованія въ Поти, Великій Князь прибылъ 11-го числа того-же мѣсяца въ Тверь. Здѣсь ожидалъ Его для дальнѣйшаго пути по Волгѣ пароходъ общества Самолетъ „Поспѣшный“.

Послѣ принятія представлявшихся городскихъ властей, Великій Князь посѣтилъ Успенскій-отрочь монастырь, лежащій въ заволжской части города, при сліяніи рѣкъ Тверцы и Волги. Встрѣченный архимандритомъ Нафанаиломъ съ братіею, Его Высочество обозрѣвалъ монастырскіе храмы и келію Св. Филиппа, митрополита всея Россіи, гдѣ онъ былъ заточенъ и впослѣдствіи умерщвленъ, по приказанію Іоанна Грознаго, Малютою Скуратовымъ. Въ 10 часовъ Великій Князь присутствовалъ въ Спасопреображенскомъ соборѣ на молебствіи съ колѣно-преклоненіемъ по случаю благополучнаго разрѣшенія отъ бремени Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны — рожденіемъ Великаго Князя Николая Александровича.

Затѣмъ, Его Высочество посѣтилъ музей при тверской гимназіи, гдѣ особенно обратилъ вниманіе на портретъ адмирала Корнилова, модели судовъ, бывшихъ подъ его командою, на его флаги и на ту раздробленную ядромъ шашку, которая была на адмиралѣ Корниловѣ 5-го октября 1854 года, въ день его героиской смерти за Севастополь. Осмотрѣвъ, затѣмъ, тверское юнкерское училище, Е. И. В. въ 4 часа пополудни отплылъ отъ берега.

18-го іюня на рейдѣ Поти явился за Великимъ Княземъ фрегатъ „Александръ-Невскій“ и вскорѣ-же ушелъ въ море съ Его Императорскимъ Высочествомъ и адмираломъ Посьетомъ. 5-го іюля фрег. уже былъ въ Букюкъ-Дере; малоизвѣстное, неморякамъ, мѣстечко это находится при входѣ изъ Чернаго моря въ Босфоръ; оттуда плаваніе слѣдовало въ Пирей, а изъ послѣдняго фрегатъ отправился 17-го іюля къ Алжиру.

Обратный путь Великаго Князя къ Кронштадту слѣдовалъ чрезъ Атлантическій океанъ, и 8-го сентября 1868 г. фрегатъ вышелъ изъ Плимута, встрѣтивъ въ морѣ крѣпкій сѣверо-восточный вѣтеръ. Черезъ четыре дня по отплытіи отъ Англіи, т. е. 13-го сентября, по курсу и ходу уже былъ близокъ ведущій изъ Нѣмецкаго моря въ Балтику проливъ, но обманутый теченіемъ и ночнымъ туманомъ фрегатъ, вмѣсто пролива, въ $2^1/_2$ часа ночи попадаетъ на низменныя косы западнаго берега Даніи и терпитъ крушеніе. Чтобы найти на картахъ мѣсто этого крушенія, надо искать на западномъ берегу Даніи мѣстечко Кнопперъ, открытое море предъ которымъ называется Лимфіордомъ. Подробности гибели фрегата „Александръ-Невскій“ извѣстны уже цѣлой Россіи. Чтобы спастись отъ мгновеннаго разрушенія, фрегатъ вынужденъ былъ срубить мачты и побросать за бортъ орудія. Все это происходило ночью, въ виду незнакомаго берега, въ бурную погоду. Чтобы дать знать о бѣдствіи, начинаютъ стрѣлять изъ орудій, причемъ матросу Боброву, непробанившему какъ слѣдуетъ пушку, отрываетъ руку и самого его выбрасываетъ за бортъ. Несмотря на состояніе моря, лейтенантъ Заринъ, съ явною опасностью не выплыть или быть отбитымъ волнами отъ фрегата, бросается въ воду и спасаетъ утопающаго. Съ разсвѣтомъ, чтобы устроить сообщеніе съ берегомъ, до котораго было около $2^1/_2$ кабельтовыхъ, т. е. около 250 саженъ, посылаютъ на берегъ катеръ съ мичманомъ Остелецкимъ, подавъ ему съ фрегата для передачи на берегъ тонкій, постепенно вытравливаемый (т. е. выпускаемый) конецъ. Едва это гребное судно достигаетъ берега, какъ подвергается величайшей опасности; матроса Шилова смываетъ волною за бортъ, и, чтобы спасти остальныхъ людей, Остелецкій вынужденъ рубить конецъ и выброситься на берегъ. Шилову удается спастись, но случайно. Вторая попытка передать конецъ на берегъ кончается еще печальнѣе. Гибнутъ лейтенанты Заринъ и Искуль, квартирмейстеръ (морск. унт.-офиц.) Одинцовъ и матросъ

*) Не слѣдуетъ смѣшивать два одноименные города «Чивита-векіо» въ Италіи и на Мальтѣ. Послѣдній былъ нѣкогда главнымъ городомъ острова и сюда-то Его Императорское Высочество, вмѣстѣ съ сопровождавшими Его лицами, совершилъ одну изъ своихъ первыхъ заграничныхъ береговыхъ въ 1867 поѣздокъ.

Поляковъ. Посланную съ ними шлюпку опрокидываетъ вблизи фрегата, но помочь погибающимъ уже не на чемъ. Наконецъ, сообщеніе съ берегомъ, благодаря удачно брошенной къ фрегату спасательной ракетѣ, кое-какъ устраивается. Сначала свозятъ на берегъ то, что слѣдуетъ свозить первымъ по морскимъ законамъ, какъ, напримѣръ, больныхъ, судовые журналы и книги, денежныя суммы и проч.; затѣмъ, адмиралъ предлагаетъ отправиться на берегъ одному изъ первыхъ Великому Князю, но Его Высочество остается на фрегатѣ до тѣхъ норъ, пока возможность спастись всѣмъ остальнымъ не становится очевидною; доставка на берегъ всей остальной команды фрегата кончается только къ 6 съ половиной часамъ вечера, 14-го сентября.

Приведенные факты говорятъ громче всякихъ возгласовъ о той степени опасности, которой подвергался въ этомъ плаваніи Великій Князь Алексѣй Александровичъ, а потому скажемъ только, что это плаваніе было для Него послѣднимъ въ 1868 году.

Въ 1870 г. 1-го февраля обнародованъ былъ Высочайшій манифестъ о принятіи Его Императорскимъ Высочествомъ присяги на службу Государю и отечеству по случаю достиженія возраста совершеннолѣтія, опредѣленнаго нашими государственными, основными законами. Въ томъ-же году вице-адмиралъ Посьетъ, Высочайшимъ приказомъ отъ 2-го января, назначенъ попечителемъ при Великомъ Князѣ.

Дальнѣйшія плаванія Е. И. В. продолжаются почти непрерывно съ половины 1870 г. и болѣе чѣмъ до половины 1875 года.

Плаваніе Великаго Князя въ 1870 г. распадается на двѣ части: рѣчное и морское. Рѣчное—составляетъ путь отъ Петербурга до Архангельска, Маріинскою и Виртембергскою водными системами, и продолжается съ 3-го до 15-го іюня; морское-же—отъ Архангельска до Петербурга, Бѣлымъ, Ледовитымъ, Нѣмецкимъ и Балтійскимъ морями, обнимаетъ время съ 3-го іюля по 10-е сентября. Мы коснемся подробнѣе только морскаго плаванія, какъ болѣе интереснаго и болѣе намъ знакомаго по напечатаннымъ о немъ свѣдѣніямъ. Для этого послѣдняго плаванія былъ составленъ отрядъ изъ корвета „Варягъ" и клипера „Жемчугъ", который и былъ посланъ въ 1870 г. изъ Кронштадта къ Архангельску въ распоряженіе вице-адмирала Посьета.

3-го іюля 1870 г. адмиралъ Посьетъ вмѣстѣ съ Е. И. В. прибылъ къ бару Сѣверной Двины, гдѣ уже стоялъ подъ парами корветъ «Варягъ», получившій приказаніе слѣдовать къ Соловецкому монастырю.

Здѣсь, на соловецкомъ рейдѣ, съ прибывшею изъ Архангельска шхуною «Секстанъ» Его Высочество въ первый разъ услышалъ о разрывѣ между Франціею и Германіею.

4-го числа адмиралъ и Великій Князь, оставивъ у Соловецкаго монастыря суда «Жемчугъ», «Варягъ» и „Секстанъ", отправились на монастырскомъ пароходѣ „Вѣра" въ городъ Кемь, Сумскій посадъ и Сороку.

8-го іюля отрядъ, подъ флагомъ вице-адмирала Посьета, состоящій изъ военныхъ судовъ корв. „Варягъ", клип. „Жемчугъ" и шхуны „Секстанъ", снялся съ якоря и направился къ выходу изъ Бѣлаго моря. Со входомъ въ горло Бѣлаго моря температура значительно понизилась и во всѣхъ впадинахъ Терскаго берега бѣлѣлъ снѣгъ. У Орловской банки эскадра дѣлала промѣръ съ цѣлью повѣрки означенной на картахъ глубины. На параллели Св. Носа корветъ «Варягъ» отдѣлился отъ эскадры и сталъ держать на Костинъ Шаръ, лежащій въ юго-западной части Новой Земли. Штиль и туманъ не прерывались и не было видно ни Канина Носа, ни острова Колгуева. Незаходящее солнце изъ пяти полныхъ солнечныхъ сутокъ было видно только одинъ разъ, въ полночь—и то лишь темно-краснымъ пятномъ безъ лучей. 12-го числа корветъ бросилъ якорь въ Костиномъ Шарѣ между Бѣлыми островами. Отъ Новой Земли Великій Князь совершилъ плаваніе къ Мурманскому берегу и оттуда на корветскомъ паровомъ катерѣ ѣздилъ въ Колу.

22-го іюля корветъ бросилъ якорь въ Вадсе; здѣсь, на русско-норвежской границѣ, на берегу рукава Клостеръ, Его Высочество поразила бѣдность русской церкви воимя св. Бориса и Глѣба, тѣмъ болѣе, что почти рядомъ съ нею, на лѣвомъ берегу рукава, вздымались довольно красивыя норвежскія кирки; на улучшеніе нашей церкви было собрано и передано на берегъ довольно значительное, а именно болѣе 600 руб., пожертвованіе.

Слѣдующіе пункты норвежскаго берега, посѣщенные Е. И. В., были Варде и Тромсе. Оставивъ послѣдній изъ нихъ 31-го іюля, корв. „Варягъ" отправился къ острову Исландіи и 15-го августа бросилъ якорь на рейдѣ его главнаго города Рейкіавика.

Съѣхавъ здѣсь на берегъ, Е. И. В. и адмиралъ Посьетъ ѣздили за 250 верстъ верхомъ на исландскихъ пони осматривать Гейзеръ, причемъ ночные морозы, несмотря на августъ мѣсяцъ, уже достигали 2 и 3 градусовъ.

Слѣдуя обратнымъ путемъ въ Россію, корветъ видѣлъ, при выходѣ изъ Зунда, въ Кегебухтѣ, девять французскихъ броненосцевъ и 10-го сентября благополучно прибылъ въ Кронштадтъ. Это послѣднее плаваніе Великаго Князя богато множествомъ собранныхъ этнографическихъ, промышленныхъ и экономическихъ свѣдѣній, представленныхъ вице-адмираломъ Посьетомъ въ его рапортѣ генералъ-адмиралу.

Слѣдующее плаваніе Великаго Князя, которымъ мы и заключаемъ этотъ очеркъ, было кругосвѣтное. Оно началось въ августѣ мѣсяцѣ 1871 г. и кончилось въ маѣ 1873 г. Наша и безъ того длинная статья не позволяетъ намъ сообщить безъ значительныхъ пропусковъ свѣдѣнія объ этомъ плаваніи, послѣ котораго Е. И. В. уже отправился въ плаваніе безъ всякаго руководителя, съ личною отвѣтственностью самостоятельнаго командира фрегата, находящагося въ отдѣльномъ плаваніи.

Въ августѣ 1871 г. была отправлена изъ Кронштадта въ кругосвѣтное плаваніе, подъ флагомъ вице-адмирала Посьета, наша эскадра, состоявшая изъ фрегата „Свѣтлана", корвета „Богатыря" и клипера „Абрекъ". Е. И. В. снова находился на томъ-же суднѣ, гдѣ началъ морскую службу, т. е. на фрегатѣ „Свѣтлана", но теперь онъ уже отправлялся въ плаваніе лейтенантомъ. Первый переходъ эскадры лежалъ къ Америкѣ, наперерѣзъ всего Атлантическаго океана, и, выйдя 7-го сентября изъ Фальмута, суда наши благополучно достигли Нью-Йорка только 6-го ноября, бросивъ якорь у Санди Хука.

Въ Америкѣ ожидалъ Е. И. В. восторженный пріемъ, извѣстный цѣлой Россіи. Американская газета „New Iork Times" еще съ 3-го октября начала говорить о приготовленіяхъ къ пріему высокаго гостя, и этотъ пріемъ соотвѣтствовалъ величію американской націи. Отрядъ нашъ былъ встрѣченъ эскадрою вице-адмирала Роуэна, и, вслѣдъ затѣмъ, начался рядъ празднествъ, доказавшихъ намъ искренность американцевъ.

Весь 72 годъ Е. И. В. провелъ въ переходахъ между разными пунктами Тихаго Океана, причемъ особенно замѣчательно пребываніе его въ Японіи, гдѣ онъ достигъ самаго полнаго сближенія съ японскимъ императоромъ, реформы котораго обращаютъ теперь на себя глаза всего свѣта. Въ памяти читателей еще должно быть свѣжо все, что сообщалось объ этомъ своевременно въ газетахъ.

Въ 1873 году Великій Князь посѣтилъ Манилу, Филиппинскіе острова и, сдавъ съ 17-го на 18-е февраля на гонгъ-конгскомъ рейдѣ капитанъ-лейтенанту Делив-

Вербное воскресенье въ Москвѣ въ XVII столѣтіи. Рисов. Ковѣрзневъ, грав. Малиновскій.

рону занимаемую имъ на фрегатѣ „Свѣтлана“ должность старшаго офицера, отправился, въ сопровожденіи адмирала Посьета, на нанятомъ пароходѣ „Queentown“ изъ Шангая въ Ханькоу. Затѣмъ, плавая на томъ-же пароходѣ по рѣкѣ Янце-Кіангъ, Е. И. В. посѣтилъ китайскіе порты Нанкинъ и Кьюкіангъ.

Сдѣлавъ потомъ переходъ къ Владивостоку, Великій Князь перешелъ на пароходѣ „Америка“ въ Амурскій заливъ. Отсюда надо было сдѣлать 125 верстъ до селенія Камень-Рыболовъ берегомъ; затѣмъ, пароходы „Сунгача“, „Великій Князь Алексій“ и „Джалинда“ доставили Е. И. В., чрезъ озеро Ханка и рѣки Уссури, Амуръ и Шилку, къ Срѣтенску.

Здѣсь уже начался для Е. И. В. исключительно путь по сушѣ, черезъ Читу и Кяхту, въ Иркутскъ.

Мы поговоримъ еще когда-нибудь съ нашими читателями о послѣднемъ плаваніи Е. И. В., совершенномъ имъ уже въ качествѣ командира фрегата «Свѣтлана», которымъ командуетъ Е. И. В. еще и теперь, состоя въ чинѣ капитана 1-го ранга и въ званіи флигель-адъютанта Его Императорскаго Величества.

Вербное воскресенье въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.

На прилагаемомъ рисункѣ изображена церемонія, совершавшаяся въ день вербнаго воскресенія въ XVI и XVII ст. «Въ недѣлю ваій», говоритъ г. Забѣлинъ въ своемъ превосходномъ сочиненіи «Домашній бытъ русскихъ царей», которая называлась также *цвѣтною, цвѣтоносным* и *вербнымъ воскресеніемъ, цвѣтоносіемъ*, встарину совершался обрядъ шествія на осляти въ воспоминаніе входа Христа въ Іерусалимъ. Извѣстіе объ этомъ церковномъ обрядѣ не восходитъ дальше XVI ст. Въ то время въ Москвѣ шествіе происходило въ Кремлѣ около соборовъ; съ XVII ст. оно совершалось уже за Спасскія ворота ко Входу въ Іерусалимъ, придѣльному храму Покровскаго собора (нынѣ Василія Блаженнаго).

Во второй половинѣ XVII ст. обрядъ шествія на осляти происходилъ слѣдующимъ образомъ: Послѣ ранней обѣдни Государь выходилъ въ Успенскій соборъ, въ праздничномъ выходномъ платьѣ, въ сопровожденіи бояръ, окольничьихъ и прочихъ чиновъ. Изъ собора совершался крестный ходъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди 2 хоругви, за ними чернецы и потомъ дьяконы, по два вмѣстѣ, за ними священники, по три вмѣстѣ, потомъ протопопы и запрестольный образъ, 2 креста хрустальные, однѣ рипиды и иконы соборныя изъ Чудова монастыря, съ Троицкаго подворья, изъ Архангельскаго собора и отъ Николы Гостунскаго; далѣе протопопы, успенскій и благовѣщенскій, потомъ пѣвчіе и образъ Богородицы Влахернскія въ преднесеніи подьяками двухъ свѣчъ. За иконою шли соборные ключари, потомъ патріархъ въ маломъ облаченіи, съ посохомъ. По правую сторону патріарха дьяконы несли большое Евангеліе въ бархатномъ ковчегѣ, а по другую – на мисѣ крестъ золотой, жемчужный, большой, да малое Евангеліе. Въ ходу участвовало духовенство всей Москвы и многіе изъ духовныхъ властей иногородныхъ. Въ 1675 г., кромѣ патріарха, за крестами шли три митрополита, 2 архіепископа, 1 епископъ, болѣе 10 архимандритовъ, болѣе 10 игумновъ, 15 протопоповъ, 300 священниковъ и 200 дьяконовъ — всѣ въ богатѣйшемъ облаченіи, одни въ нарядныхъ и цвѣтныхъ ризахъ, другіе въ такихъ-же стихаряхъ. Государево шествіе, подобно другимъ царскимъ выходамъ, открывалось нижними чинами, по три человѣка въ рядъ; впереди дьяки, за ними дворяне, стряпчіе, стольники, ближніе и думные люди и окольничіе. Потомъ шелъ Государь, а за нимъ бояре, нѣкоторые изъ думныхъ и ближнихъ людей и, наконецъ, гости. По обѣ стороны пути шли для береженія отъ тѣсноты стрѣлецкіе полковники. Кромѣ того, по всему пути разставлена была въ писаныхъ кадушкахъ верба для народа. Ходъ останавливался у Покровскаго собора, лицомъ къ востоку. Государь и патріархъ шли въ соборный придѣлъ Входа въ Іерусалимъ. Государя сопровождали въ это время только высшіе чины, прочіе-же, начиная съ стольниковъ, останавливались у лобнаго мѣста, по обѣимъ сторонамъ. Въ соборѣ патріархъ молебствовалъ и облачался. Государь также возлагалъ на себя царскія одежды въ папертп собора: надѣвалъ крестъ, діадиму (бармы, оплечіе), царскую шапку, царское платно или порфиру и проч. Вмѣсто посоха, на который онъ опирался во время хода, ему подавали златокованный царскій жезлъ. Въ то-же время, на лобномъ мѣстѣ, которое богато убиралось бархатомъ и сукномъ, поставляли налой, покрытый зеленой бархатной пеленой. На немъ полагали Евангеліе и иконы Іоанна Предтечи и Чудотворца Николая, иногда Богородицы Казанской. Путь отъ лобнаго мѣста къ Спасскимъ воротамъ ограждался надолбами, которые также обивались краснымъ сукномъ. По всей площади стояли стрѣлецкаго и солдатскаго строю войска и толпа народа. На кровлѣ одной изъ лавокъ Верхняго Овощнаго ряда становился капитанъ солдатскаго строя съ *ясачнымъ знаменемъ*, для подаванія сигналовъ во время церемоніи. Далеко отъ лобнаго мѣста, со стороны Красной площади, стояло *осля*, т. е. конь въ бѣломъ суконномъ *каптурѣ* (родъ попоны, которая покрывала лошади и голову; она и теперь употребляется при похоронныхъ процессіяхъ). У осля находился патріаршій бояринъ и пять дьяковъ, въ золотыхъ кафтанахъ. Здѣсь-же поставлена была и нарядная верба — большое дерево, украшенное искусственной зеленью, цвѣтами и плодами. Экипажъ, на которомъ устраивалась верба, назывался *санями*, хотя и былъ на колесахъ. Слово сани встарину имѣло различныя значенія; въ настоящемъ случаѣ подъ этимъ словомъ надо разумѣть колесницу. Сани обивались краснымъ сукномъ и украшались перилами или рѣшеткою, расписанною разными красками. Въ саняхъ запряжено было шесть *возниковъ* (лошадей) въ цвѣтныхъ *каптурахъ* и въ *начолкахъ* съ великолѣпными перьями. Верба снаряжалась иногда въ приказѣ Большаго Дворца, иногда въ Патріаршемъ приказѣ.

У лобнаго мѣста ее поставляли еще до крестнаго хода, рано утромъ. Соборный ключарь украшалъ ее также овощами: яблоками, грушами, изюмомъ, финиками, винными ягодами, рожцами или царьградскими стручками и даже орѣхами. Съ особеннымъ великолѣпіемъ вербу стали украшать при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, во время пребыванія въ Москвѣ вселенскихъ патріарховъ, Паисія александрійскаго и Макарія антіохійскаго, именно въ 1668 году. Въ запискахъ 1668 г. о цвѣтной недѣлѣ и собственно о вербѣ находимъ слѣдующее: «176 г., въ недѣлю цвѣтную (Марта 15-го), было все по прежнему чину. А верба была нынѣшняго года устроена по государеву указу благолѣпотно, первый годъ, а не тако просто якожъ въ минувшихъ лѣтахъ, токмо зеленый овощь имѣла: яблоки и ягоды, изюмъ и винныя ягоды, и рожцы, в орѣхи обвѣшены. Нынѣ-же вся зеленуется якожъ бы сейчасъ разцвѣла; листы сучинены зеленые и плоды видятся якобы отъ земли возрасли и яблоки большіе и средніе и завези малыя и шишцы всякіе различными виды видятся; и около вербы перилы учинены, столбики писаны разными красками и сукномъ одѣяна гдѣ годно, и шесть впряжено каретныхъ добрыхъ лошадей».

Въ то время, какъ государь и патріархъ выходили изъ Покровскаго собора, кресты и образа, по благословенію патріарха, возвращались въ Успенскій соборъ. Вошедъ на лобное мѣсто, патріархъ подносилъ государю сначала *ваію* (пальмовыя, финиковыя вѣтви) и потомъ вербу, у которой черенки были обшиты бархатомъ. Такія *ваіи* и вербы патріархъ раздавалъ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ; младшимъ государевымъ чинамъ и народу раздавали митрополиты одну только вербу, «и, по раздаяніи, архидіаконъ, обратясь на западъ, чтетъ Евангеліе къ патріарху прямо, и какъ дойдетъ до рѣчи «и посла два ученикъ», въ то время соборный протопопъ съ ключаремъ подходятъ къ патріарху, который благословляетъ ихъ, вмѣсто дву учениковъ, по *осля* идти и произносить приличный евангельскій текстъ. Протопопъ съ ключаремъ, принявъ благословеніе, пойдутъ по осля къ уготованному мѣсту, идеже привязана, и пришедъ отрѣшаютъ е; причемъ бояринъ патріаршій глаголетъ: что отрѣшаете осля сіе? И ученицы глаголятъ: Господь требуетъ. И поведутъ ученицы осля съ обѣ стороны подъ узцой, приведутъ къ патріарху къ лобному мѣсту, а патріаршіи дьяки за ослятемъ несутъ сукна красное, да зеленое и коверъ». Потомъ протопопъ и ключарь покрывали осля краснымъ сукномъ съ головы, зеленымъ позади, а коверъ полагали на сѣдалище. По совершеніи дѣйствія на лобномъ мѣстѣ, патріархъ, принявъ въ одну руку Евангеліе, а въ другую крестъ, благословлялъ государя и садился на осля. Шествіе, какъ и прежде, открывалось государевыми младшими чинами, сначала дьяками; потомъ шли дворяне, стряпчіе, стольники, по три человѣка въ рядъ, съ ваіями; всѣ они были въ богато вышитыхъ золотомъ кафтанахъ, почему и назывались въ подобныхъ церемоніяхъ золотчиками. За ними везли нарядную вербу на саняхъ, подъ деревомъ за перилами стояли и пѣли стихари *цвѣтоносію* патріаршіе пѣвчіе, подьяки меньшихъ станицъ, мальчики лѣтъ двѣнадцати, въ бѣлыхъ одеждахъ. За вербою слѣдовало духовенство съ иконами, потомъ шли ближніе люди, думные дьяки и окольничіе въ великолѣпной одеждѣ съ ваіями; далѣе государь, въ *большомъ царскомъ нарядѣ*, поддерживаемый подъ руки ближними людьми, велъ осля за конецъ повода. Средину повода держалъ и велъ осля за государемъ одинъ изъ первостепенныхъ бояръ. Кромѣ того, осля вели подъ уздцы два дьяка, государевъ и па-

ріаршій, и патріаршій конюшій старецъ. Впереди государя, стольникъ и ближніе люди несли: 1) царскій жезлъ, 2) государеву вербу, 3) государеву свѣчу, 4) царское полотенце (платокъ). По обѣ стороны царя шли бояре, окольничіе и думные дворяне съ ваіями. Патріархъ во время шествія осѣнялъ народъ крестомъ. За нимъ духовныя власти въ богатѣйшемъ облаченіи, а подлѣ осляти находились для обереженія патріарха его бояринъ и дьяки. Шествіе заключали гости».

При Петрѣ, когда духовенство лишилось прежняго значенія и на мѣсто патріарха назначенъ былъ, преобразователемъ Россіи. блюститель патріаршаго престола, вышеописанная церемонія не могла имѣть мѣста и стала анахронизмомъ.

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

Лейбъ-медикъ снова сѣлъ къ столу и написалъ задуманный имъ рецептъ, написалъ такъ быстро, торопливо, какъ-будто на пальцы правой руки его устремлялись жгучіе лучи отъ злосчастнаго ящичка, находившагося въ такомъ близкомъ съ нимъ сосѣдствѣ.

— Объ одномъ прошу васъ, мой уважаемый другъ,— произнесъ г. ф.-Бэръ, помолчавъ съ минуту:—а именно, постарайтесь вы разузнать, разъяснить, въ чемъ тутъ дѣло? Мнѣ хотѣлось бы être en fait прежде, чѣмъ Брукъ начнетъ трубить о своемъ мнимомъ отличіи... Тогда-то, въ случаѣ надобности, можно и отпоръ дать. Само собою разумѣется, что мнѣ вовсе не нужно тутъ напоминать вамъ о вашей дипломатической тонкости, въ непогрѣшимости которой никто и не сомнѣвается.

Почтенная дама отвѣтила ему не сразу. Въ то время, какъ маститый врачъ пестрилъ бумагу своими красивыми, таинственными знаками, президентша задумчиво смотрѣла на него; она наблюдала за нимъ и, увы! должна была сознаться, что ея другъ ужасно быстро и поразительно постарѣлъ!... Не то чтобы морщинки избороздили его цвѣтущія щеки — нѣтъ, генералъ былъ полнымъ и гладкимъ мужчиной; но на лицѣ его (въ эту минуту ничѣмъ незамаскированномъ) нельзя было не замѣтить какой-то неуловимой смѣси озабоченности, удрученности и угрюмаго недовольства, что̀ и дѣлало его старческимъ... Короче сказать, тайный совѣтникъ походилъ на человѣка, которому затаенная прескверная мысль отравляетъ сладости дня, а ночью спать не даетъ.

Тутъ президентша вспомнила, что въ послѣднее время онъ тонко иногда намекалъ на то, что фюрстъ началъ относительно его обнаруживать капризы... О, Боже, что-же будетъ, если она потеряетъ своего „стараго друга“?... Почтенная дама вовсе не думала при этомъ о переходѣ его превосходительства въ загробный міръ (о смерти она, вообще, не думала); „потерять“ друга— значило: разойтись съ нимъ, если ему дадутъ отставку... Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь тогда онъ уже ничего, рѣшительно ничего не въ состояніи будетъ сдѣлать для нея при дворѣ!... Ахъ, и какъ бы тогда все измѣнилось! Она даже и вообразить не могла такой ужасной перемѣны... Э, зачѣмъ-же останавливаться на подобныхъ мысляхъ?... Дѣло проще: добрый другъ, тайный совѣтникъ, большой любитель трюфелей и прочихъ, не менѣе прекрасныхъ, но неудобоваримыхъ вещей; любитель также крѣпкаго винца и хорошаго пива... ну, понятно, дѣлается ипохондрикомъ, отъ пустяковъ хандритъ—вотъ ему и мерещится что-то непріятное, мрачное... Президентша обладаетъ тонкимъ чутьемъ, предчувствіе никогда не обманывало ее—даже задолго до катастрофы съ какою-нибудь знаменитостью она уже чувствовала, знала, что вотъ такой-то особѣ при дворѣ грозитъ паденіе... Да, а теперь чувствительный ея флюгеръ даже не шелохнется, и не предвидится ни малѣйшаго вѣтерка, дуновенія, которое заставило бы его повернуться.

— Но, любезнѣйшій другъ мой, кто-же вамъ сказалъ, что орденъ этотъ пожалованъ именно Бруку?—спросила она удивительно-самодовольнымъ тономъ, проявивъ ловкость опытной свѣтской женщины. — Я не вѣрю этому, потому что, не смотря на все мое желаніе, не понимаю... не вижу цѣли. А впрочемъ, какъ бы тамъ ни было, въ нашей резиденціи ему не поможетъ это украшеніе: здѣсь онъ безвозвратно погибъ, все равно что похороненъ!... Желаніе-же ваше я съ удовольствіемъ исполню, постараюсь разузнать дѣло—единственно ради вашего успокоенія.

Президентша умолкла; въ сосѣдней комнатѣ скрыпнула дверь—это тетушка-дьяконисса вошла, чтобы вынуть какую-то вещь изъ коммода. Г. ф.-Бэръ всталъ и отдалъ президентшѣ рецептъ, а затѣмъ оба они прошли чрезъ комнату, гдѣ тетушка только-что задвинула ящикъ коммода.

Тайному совѣтнику очень хотѣлось теперь-же, сейчасъ, удовлетворить своему любопытству, отдѣлаться отъ безпокойства, т. е. мимоходомъ лукавымъ словомъ зацѣпить старуху (относительно ордена) и такимъ образомъ заставить ее дать объясненіе; но старушка поклонилась ему та̀къ холодно, серьезно-сдержанно и, притомъ, съ такимъ сознаніемъ собственнаго достоинства, что онъ не посмѣлъ зацѣпить ее.

А тамъ, гдѣ лежала больная, разузнать что-либо о пожалованномъ украшеніи было ужъ совсѣмъ невозможно. Брукъ перенесъ сюда изъ тетушкиной комнаты большую стеклянную вазу, съ плавающими въ ней золотыми рыбками, и теперь хлопоталъ надъ устройствомъ фонтанчика. Служанка принесла свѣжей воды, которую и вылила въ блюда, стоявшія на столѣ, и въ кадочку, поставленную около постели больной. Вода нужна была въ комнатѣ для того, чтобы сдѣлать тутъ воздухъ влажнымъ. И кто-же рѣшился бы въ такое время обращаться съ коварными намёками о вещахъ совсѣмъ постороннихъ къ человѣку, который такъ горячо заботился о больной, такъ ревностно исполнялъ обязанности врача?.. Впрочемъ, теперь и самъ тайный совѣтникъ вдругъ пришелъ къ тому заключенію, что и разузнавать-то совершенно не сто̀итъ, излишне... У него сразу стало удивительно легко на душѣ! Нѣтъ, дѣло *должно* быть совсѣмъ не та̀къ .. Ну, какой человѣкъ, удостоившись получить только-что предъ этимъ такое рѣдкое отличіе, сталъ бы вести себя такъ просто, скромно, непринужденно - спокойно, какъ вотъ этотъ молодой лекарь?..

Генріэтта, съ широко - открытыми, блестящими глазами, сидѣла теперь въ постелѣ, обложенная подушками. Начинался сильный припадокъ лихорадки. О перенесеніи больной на виллу нечего было и думать, хотя президентшѣ весьма желательно было не оставлять ее здѣсь. Пришлось, поэтому, ограничиться командировкой сюда горничной Генріэтты (для ухода за нею во время ночи) и доставкой всего, что̀ могло сдѣлать эту комнату, по возможности, „комфортабельной“. Кэта просила позволить ей взять на себя уходъ ночью за больной, но въ этомъ ей было отказано наотрѣзъ. Президентша и лейбъ-медикъ, хотя отказали, однако неособенно настаивали на своемъ; но зато Брукъ рѣши-

тельно возсталъ противъ этого желанія молодой дѣвушки. Онъ такъ холодно, такъ твердо высказался, что у Кэты даже слезы навернулись... Брукъ сказалъ, что достаточно будетъ и одной сидѣлки—горничной, потому что самъ онъ лично будетъ присматривать за больной и, что нужно, приказывать служанкѣ. Рѣшено было такъ: Флора и Кэта останутся здѣсь до десяти часовъ, а затѣмъ мѣсто ихъ займетъ Нанни.

Флора во все это время упорно молчала. Она, какъ и бабушка, хорошо понимала, что нельзя же дозволить, чтобы Кэта пристыдила ее, родную сестру больной, потому что вѣсть о болѣзни Генріэтты, по всей вѣроятности, завтра-же разнесется по резиденціи, сдѣлается тамъ новостью дня, предметомъ разговоровъ... Поэтому, Флора покорилась силѣ обстоятельствъ, какъ приговору, произнесенному надъ ней

XII.

Вскорѣ послѣ ухода президентши и ея друга, изъ виллы прибыли лакеи и служанки, тяжело нагруженные всякой всячиной. Они, не производя ни малѣйшаго шума, осторожно входили въ комнату больной и разставляли тутъ мёбель и прочія вещи. Простенькая, но уютная гостиная тетушки-дьякониссы вдругъ запестрѣла и превратилась въ какую-то аукціонную камеру. Экранъ съ вышитыми узорами очутился предъ черными, потускнѣвшими изразцами печки; явился великолѣпный умывальный столикъ; кресла, обтянутыя шелковой свѣтло-зеленой блестящей матеріей, помѣстились гдѣ только можно. Выцвѣтшія крашеныя стѣны комнаты—и вдругъ такіе роскошные предметы! И смѣшно это было, и некстати; казалось, всѣ эти вещи занесло сюда бурнымъ порывомъ вѣтра.

Тетушка, съ обычною своею кротостью и спокойствіемъ, даже безъ малѣйшей гримасы, выносила изъ комнаты свои вещи, которыя *не должны* были оставаться здѣсь. Глаза ея ни разу не встрѣтились съ глазами племянника. Брукъ, сложивъ руки, отошелъ къ окну и молча смотрѣлъ на обновленіе тетушкиной гостиной. Старушка, быть можетъ, боялась взглянуть на него, опасаясь, чтобъ не подмѣтилъ онъ въ ея взорѣ чувства оскорбленія... А этого-то она и не хотѣла ни за что обнаружить.

Когда обстановка комнаты приняла надлежащій элегантный видъ, Флора видимо оживилась, вышла изъ своей апатіи и даже стала распоряжаться убранствомъ комнаты; она собственноручно накинула на постель Генріэтты зеленое шелковое одѣяло и вылила на полъ цѣлый флаконъ одеколона. Потомъ, по ея-же приказанію, у никѣмъ незанятаго окна, былъ разостланъ пушистый коверъ, на который и поставили кресло. Какъ только прислуга удалилась — Флора бросилась въ кресло и скрестила на вышитой подушкѣ свои узенькія ножки. Право, можно было подумать, что она, среди какой-то пустыни, спасается на маленькомъ оазисѣ—такъ съёжилась она и такъ безучастно-холодно глядѣла на все, что окружало ея уголокъ, устланный ковромъ. Вонъ, въ томъ „уморительно - маленькомъ“ зеркалѣ, въ темной деревянной рамкѣ, она только-что предъ этимъ нечаянно увидѣла, что ея волосы пришли въ ужаснѣйшій безпорядокъ... Снявъ съ шеи небольшой бѣлый кружевной шарфъ, Флора граціозно набросила его на свои растрепавшіеся локончики. Эта бѣлая, прозрачная ткань наподобіе туманнаго сіянія окружила ея очаровательную головку. Тетушка-дьякониса невольно все поглядывала на нее. Да, эта дѣвушка была прелестной да и теперь — прелестная невѣста!.. Старушка въ эти минуты вполнѣ уяснила себѣ, поняла, почему Брукъ не могъ позабыть этого созданія, похожаго на Сильфиду; не могъ забыть о немъ ни во время бурной студентческой жизни, ни во время войны—на полѣ брани... Если *она* теперь какъ-то странно держитъ себя, обнаруживаетъ мрачную молчаливость (конечно, это оскорбляетъ чуткое, теплое сердце), то вѣдь это такъ... мимолетное нерасположеніе духа, что, вслѣдствіе болѣзни Генріэтты, весьма естественно.

День догоралъ. Тамъ, на западѣ, уже запылало небо. Мелколиственныя ползучія растенія, спускавшіяся изъ вазочекъ, привѣшанныхъ къ верхнему косяку окна, казались теперь усыпанными искорками, а красныя розы на ситцевыхъ занавѣскахъ подъ огненными лучами солнца вдругъ превратились въ огромные піоны. Вся комната была какъ бы въ огнѣ.

Генріэтта, съ закрытыми глазами, тихо лежала на мягкихъ подушкахъ. Она не позволила спустить сторы, ей было что-то страшно, она „задыхалась въ сумеркахъ“ (такъ выразилась больная) и непремѣнно желала, чтобы никто не стѣснялся и чтобы разговоры велись громко; шопотъ, хожденье на цыпочкахъ — она не могла выносить, просто даже боялась этого: ей казалось тогда, что къ ней относятся какъ къ опасно - больной, почти умирающей... Желаніе ея было исполнено, и всѣ старались быть непринужденными, соблюдая, однако, должную тишину.

Брукъ отправился въ кабинетъ за книгой, а въ это время тетушка-дьякониса вошла съ подносомъ, и въ комнатѣ запахло чудеснѣйшимъ ароматнымъ чаемъ, такъ что даже на-время перестало пахнуть крѣпчайшимъ одеколономъ. Подносъ былъ покрытъ удивительно-тонкой серебристо-бѣлой камчатской салфеткой; на немъ стояли чашки изъ стараго фарфора; тутъ - же лежали старинныя массивныя серебряныя ложечки. Все это перешло къ тетушкѣ по-наслѣдству отъ ея почтенной родни.

Освѣщенная красными лучами солнца, фигура старушки какъ бы преобразилась: вся она сіяла, по истинѣ щеголяя „голландскою опрятностью“; ея благородное, спокойное лицо обрамляли пепельно-бѣлокурые и далеко еще не порѣдѣвшіе волосы. Она подошла къ невѣстѣ и предложила ей чашку съ освѣжающимъ напиткомъ.

—Вафли домашняго изготовленія?—проговорила Флора выходя изъ полулежачаго положенія.—Ахъ-да! Только-что вѣдь предъ этимъ пахнуло сюда — даже до моего уголка—стряпней изъ кухни!.. Н-да, преаппетитно!..

Она всплеснула руками, какъ бы въ наивномъ восторгѣ.

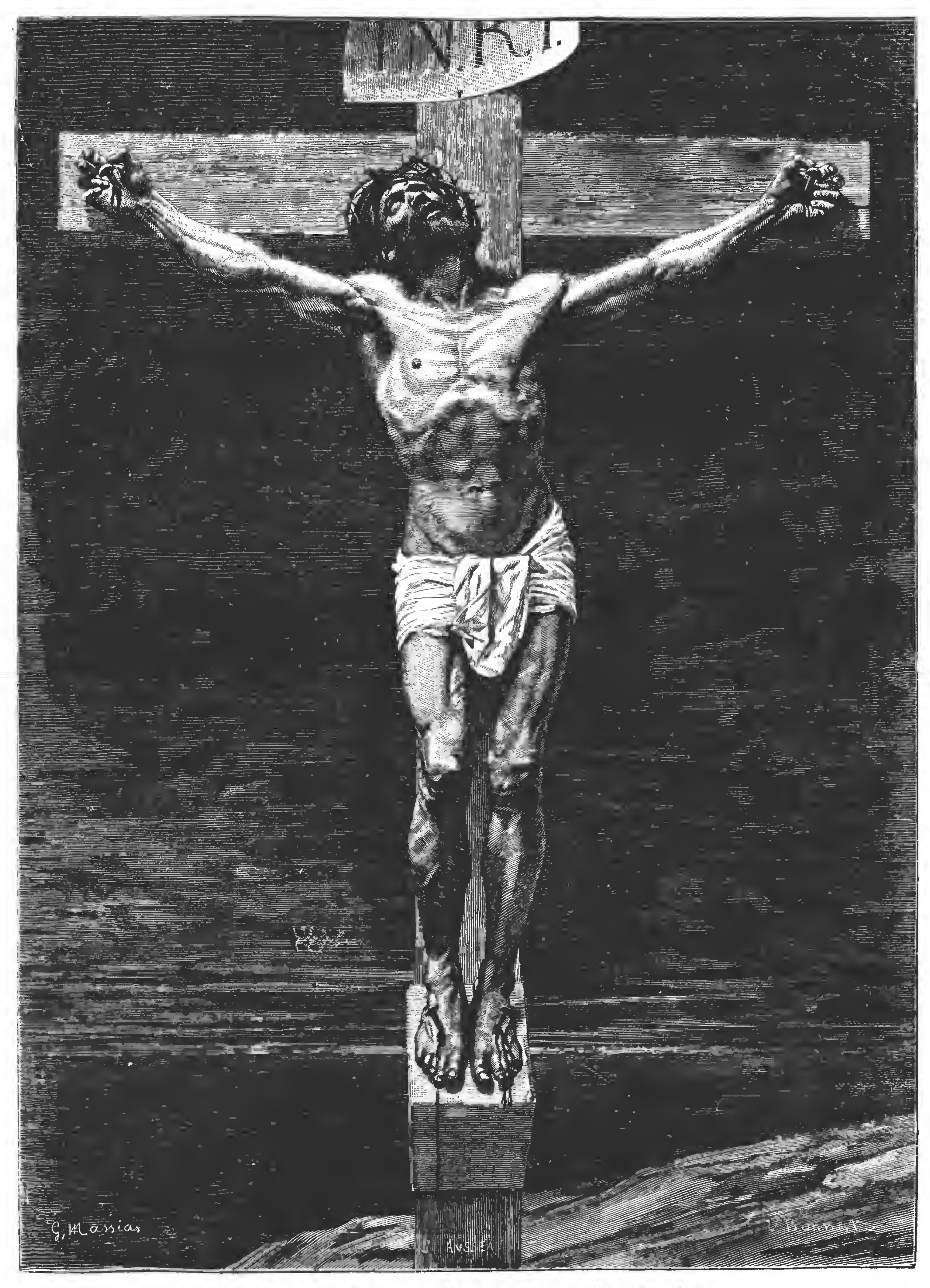
— Боже мой! Человѣкъ, совершенно лишенный хозяйственныхъ талантовъ, какъ, напримѣръ, вотъ я, рѣшительно никогда не пойметъ, какимъ это образомъ создаются подобныя произведенія искусства?.. Сколько терпѣнія, да и времени-то сколько навѣрно нужно для этого!..

— О, насчетъ времени я, можно сказать, жадничаю, а потому и пріобрѣла нѣкоторое проворство,—заговорила дьякониса, улыбаясь:—такимъ образомъ, обязанности свои по хозяйству исполняю я довольно быстро, справляюсь живо. Изрядное количество свободныхъ часовъ остается еще у меня, и я, право, такъ счастлива, что могу, насколько силъ хватаетъ, поработать и для своего дальнѣйшаго образованія... А вѣдь многія хозяйки, заваленныя работой, не могутъ „для себя“ заняться, просто даже не смѣютъ и книги-то взять въ руки. Вотъ, прошлой зимой, я, напримѣръ, задала себѣ задачу: прочесть библію отъ доски до доски, страница за страницей, по порядку...

— Духовнаго утѣшенія ради?—спросила Флора.

— Нѣтъ, не ради этого; съ библіей я достаточно знакома и наизусть знаю тѣ мѣста въ ней, которыми руководствуюсь въ общежитіи.

Флора такъ была удивлена этимъ, что, широко открывъ глаза, въ упоръ смотрѣла въ лицо старушкѣ... Прочесть всю библію—только для того, чтобы убѣдиться!... Какая-же это ужасная сушь и какъ неинтересно!... У нея, натуры такой поэтической, не хватило бы тер-

Іисусъ Христосъ. Картина Л. Бонна, рисов. Бонна и Босья, грав. Ансо.

пѣнья на это. Она и не подозрѣвала, что эта „женщина, вѣчно штопающая чулки, неутомимая стряпуха, чистоплотная хозяюшка“ не прочь отъ умственныхъ занятій... Это обозлило Флору, но она совершенно забыла тутъ, что сама-то съ особенною любовью выставляла себя, стараясь показать, какой у нея серьезно-работящій пытливый умъ. Но какимъ образомъ эта вдовица-діакониса дошла до того, что стала интересоваться политическими событіями?.. А—а, вотъ теперь она, Флора, знаетъ, кто сбиваетъ съ толку Брука, портитъ его, кто помогъ ему создать смѣха достойный идеалъ жены: жена, но его мнѣнію, въ одно и то же время можетъ быть и кухаркой, и „разумной помощницей“ мужу...

Кэта, еще при началѣ разговора, подошла къ тетушкѣ и взяла подносъ изъ ея рукъ. Умные, спокойные глаза молодой дѣвушки слѣдили за Флорой... Она видѣла, какъ эти прекрасныя черты лица обнаруживали усиливающееся волненіе, и знала, что сестрица ея способна на неделикатныя замѣчанія... Поэтому Кэта поторопилась предложить ей чаю.

Флора, съ видимымъ раздраженіемъ, теребила своими изящными пальчиками носовой платокъ, лежавшій у нея на колѣняхъ, и, нисколько не скрывая смущенія, поблагодарила ее, наотрѣзъ отказавшись отъ предложенной чашки, „потому что *она* слишкомъ еще взволнована, чтобы быть въ состояніи что-нибудь проглотить“... Однако, немного погодя, Кэта замѣтила, какъ Флора вынула изъ кармана бонбоньерку и принялась прохлаждать себя кисленькими, прозрачными конфектами—значитъ, она нарочно уклонялась отъ угощенія, ничего не хотѣла брать здѣсь... въ этомъ домѣ, чтобъ рѣшительно порвать всякую связь съ нимъ. Молодая дѣвушка сразу поняла, что вѣроломная невѣста, попавъ въ это старое жилище, очутившись въ простой комнатѣ съ мѣщанской обстановкой, утратила и послѣднюю дозу самообладанія, напускнаго спокойствія... Кэта читала въ этихъ большихъ сѣровато-голубыхъ глазахъ, горѣвшихъ жгучимъ нетерпѣніемъ, рѣшимость Флоры приблизить развязку—"стряхнуть съ себя цѣпи, стряхнуть ихъ во что бы ни стало“. Горячо, трепетно молилась „младшая“ сестра, всѣмъ сердцемъ прося у неба не допустить свершиться этой страшной развязкѣ здѣсь—подъ собственной кровлей *несчастнаго человѣка*. Хорошо еще, что старушка не замѣтила, какъ некрасиво вела себя Флора... Не подозрѣвая, не видя черной, зловѣщей тучи, которая скоро омрачитъ свѣтлую, безмятежную синеву ея неба, тетушка удалилась съ подносомъ. Что касается Кэты, то она взяла чашку чая и поблагодарила хозяйку.

Горячій вечерній отблескъ становился все блѣднѣе и блѣднѣе. Пурпуровая окраска постепенно темнѣла и исчезала; теперь только и была освѣщена прекрасная фигура особы, сидѣвшей у окна... Казалось, тамъ не Флора сидитъ, а злой ангелъ, окруженный краснымъ пламенемъ демоническаго огня.

Больная стала безпокойнѣе. Она щипала и теребила зеленое шелкове одѣяло и видимо старалась сбросить его.

— Въ зеленой краскѣ—мышьякъ... Прочь, прочь это! прошептала Генріэтта въ страхѣ, съ зловѣщею лихорадочною торопливостью.

Кэта сейчасъ-же замѣнила шелкове одѣяло другимъ, болѣе прохладнымъ, бѣлымъ, которое прежде и покрывало больную, и расправила складки его на жалкомъ, тощенькомъ тѣлѣ сестры-*карлика*. И тѣни сознанія не было теперь въ чудныхъ глазахъ больной: они были полузакрыты и смотрѣли дико, безсмысленно.

— Ну, вотъ, такъ хорошо, проговорила она и потянулась.—Смотрите-же не пускайте вы ее сюда, ко мнѣ, если она вздумаетъ задушить меня этимъ жаркимъ, отравленнымъ шелкомъ!.. Бабушка такая фальшивая, какъ и всѣ тамъ... въ гостиной, зараженные ложью... Она лжетъ, да и тотъ тоже—старый отравитель и, великій авторитетъ!... Если онъ дотронется своими отвратительными пальцами до моей груди—я ударю его!— съ ожесточеніемъ прошипѣла Генріэтта и вдругъ поднялась, сѣла и схватила руку Кэты... Брукъ, берегись его! (Больная погрозила пальцемъ, какъ-бы предостерегая доктора). Да, поберегись и бабушки... А *она*— ну, ты знаешь, о комъ я говорю—*она* папиросы куритъ, мчится какъ бѣшеная, правя молодыми, горячими лошадьми, и только потому, что ты это запретилъ... О, она самая фальшивая изъ всѣхъ!...

— Весьма благодарна, проговорила Флора въ полголоса, съ злою улыбкою, и еще больше съежилась на своемъ мягкомъ креслѣ.

Неописанный страхъ овладѣлъ Кэтой... Она чувствовала, какъ крѣпко держали ея руку и какъ искренно пожимали ее.

Молодая дѣвушка избѣгала глядѣть на Брука, за котораго больная въ бреду принимала ее. Докторъ стоялъ у изголовья кровати, полузаслоненный китайскими ширмами.

— А помнишь, Брукъ, какъ прежде-то было?—снова заговорила Генріэтта.—Можетъ быть, ты еще помнишь какъ она, не смотря на сквернѣйшую погоду, гоняла лакеевъ къ тебѣ съ письмами своими, гоняла по пяти разъ въ день?... Пожалуй, не забылъ ты и того, какъ она, совсѣмъ обезумѣвшая отъ нетерпѣнія, выбѣгала навстрѣчу тебѣ, если ты не являлся въ назначенную минуту?... И какъ она потомъ, еще у дверей, страстно, крѣпко обвивала руками твою шею—будто и выпустить тебя не хотѣла никогда, никогда... Помнишь?...

Тутъ Флора выскочила изъ своего кресла. Шелковое платье ея зашумѣло, а лицо было такъ красно какъ будто яркій огонь вечерней зори, только-что потухшей, снова освѣтилъ ея блѣдныя щеки.

— Дай ей морфія!—крикнула она, обратившись къ Бруку... Это скорѣе походитъ на сумасшествіе, чѣмъ на лихорадочный бредъ... Ей слѣдуетъ заснуть.

Больной только передъ этимъ дана была полная ложка лекарственной жидкости. Докторъ отвѣтилъ Флорѣ мимолетной улыбкой... Такъ улыбаются въ отвѣтъ на вздорное требованіе человѣка несвѣдущаго. Брукъ даже не пошевельнулся. Краска, появившаяся на его смугломъ лицѣ при послѣднихъ словахъ Генріэтты, быстро исчезла... Онъ, казалось, попрежнему былъ покоенъ и холоденъ.

Флора, видимо разгнѣванная, опустилась въ кресло и отвернулась лицомъ къ окну; взглядъ ея, огненный, тревожный, блуждалъ гдѣ-то.

— Могъ-ли ты думать тогда, Брукъ, что все это измѣнится? Думалось-ли тебѣ, что когда-нибудь она скажетъ: „все это было ужаснѣйшей ошибкой“!..

Больная, проговоривъ эти слова, обѣими руками, такими горячими, ухватилась за руку Кэты. Сердце молодой дѣвушки почти перестало биться... Съ языка больной сорвалось теперь то, чего даже не смѣла еще произнести во всеуслышаніе сама виновная. Кэта быстро нагнулась надъ ней и какъ-то невольно, инстинктивно, приложила къ ея лбу свои холодные пальцы... Быть можетъ это могло дать иное направленіе страшнымъ мыслямъ Генріэтты.

— Ахъ, вотъ такъ прохладно!—вздохнула Генріэтта... Ну, а помнишь ли ты, какъ Флора отдернула твою руку отъ моего лба, когда голова у меня болѣла?.. *Она* была ужасно ревнива...

У окна послышался сдержанный, презрительный смѣхъ... Больная, конечно, не слышала этого: внѣшній міръ почти не существовалъ для нея.

— При мысли о томъ, что должно случиться, я страдаю, и эти страданія не даютъ мнѣ заснуть! заговорила она жалобнымъ голосомъ и, скрестивъ пальцы, съ страстнымъ порывомъ прижала къ больной груди

своей сложенныя руки. Да, тогда ты будешь избѣгать насъ, стараться не заходить въ домъ нашъ. Несчастнымъ будешь, не захочешь даже и имени-то нашего произнести... Ахъ, Брукъ, вѣдь ей и горя мало!.. Развѣ она задумывается объ этомъ, наслаждаясь своимъ безграничнымъ тщеславіемъ, которое называетъ честолюбіемъ? Увидишь—она во что бы ни стало освободится...

Кэта невольно подняла руки и въ невыразимомъ страхѣ протянула ихъ къ лицу больной.

Генріэтта вскрикнула, а потомъ простонала:

— Не зажимайте мнѣ рта рукой!..

Въ это мгновеніе Флора, очутившись около кровати, почти оттолкнула отъ нея младшую сестру свою. Въ чертахъ лица красавицы, въ движеніяхъ—словомъ, во всей фигурѣ ея видна была отчаянная рѣшимость.

— Дай же ей говорить! повелительнымъ тономъ произнесла она.

— Да, да... говорить!—пролепетала Генріэтта въ изнеможеніи, но видимо довольная, какъ ребенокъ, желаніе котораго исполнили. Кто же другой-то, если не я... я, скажетъ это тебѣ, Брукъ?.. Кто предостережетъ тебя, посовѣтуетъ тебѣ быть настороже?.. Гляди же зорко!.. Улетитъ она отъ тебя, какъ голубь съ дерева —эта бѣленькая кокетка... Она хочетъ быть свободной!..

— Ну, что бы тамъ она ни молола, *одно*, все-таки, вѣрно,—сказала Флора твердымъ, рѣшительнымъ тономъ и шагнула къ доктору,—Генріэтта права: не могу я быть для тебя тѣмъ, чѣмъ обѣщала быть... Брукъ, освободи меня!—прибавила она умоляющимъ голосомъ и, сложивъ руки, подняла ихъ.

Въ первый разъ Кэта слышала, какъ соблазнительно-сладко могъ звучать голосъ Флоры, если она хотѣла смягчить его. Вотъ и развязка! Желанное слово произнесено, а сколько мѣсяцевъ прошло въ отвратительныхъ приготовленіяхъ къ этой рѣшительной минутѣ, сколько строилось козней!.. Молодая дѣвушка думала, что человѣкъ, которому измѣнили, сейчасъ, тутъ же, и упадетъ на земь, но убійственная молнія, повидимому, даже и не опалила Брука. Несокрушимая твердость его поразила Кэту—это было для нея чѣмъ-то загадочнымъ и непонятнымъ, какъ, напр., если бы солдатъ, смертельно раненый въ бою, вдругъ вышелъ цѣлымъ, невредимымъ изъ пороховаго дыма. Молча, серьезно глядѣлъ докторъ на Флору, умолявшую его, только блѣденъ онъ былъ, блѣденъ какъ мертвецъ. Она хотѣла взять руку его, но онъ не далъ ей руки...

— Не мѣсто здѣсь для подобнаго рода объясненій...

— Но такъ вышло... кстати! Другая высказала то, что уже нѣсколько мѣсяцевъ вертѣлось у меня на языкѣ, чего я не могла прямо...

— Не могла потому, что это... чистое вѣроломство! Флора закусила губы.

— Жестко сказано, да и не подходитъ... Вѣдь мы не въ такомъ еще тѣсномъ союзѣ, чтобы препятствовать другъ другу, и, кромѣ того—я говорю это искренно, увѣренно—тебя не вытѣснилъ изъ моего сердца кто-либо другой... Нѣтъ!.. Брукъ, не улыбайся такъ презрительно!.. Ей Богу же—я не думаю ни о какомъ другомъ мужчинѣ!..—страстно-порывисто воскликнула она и сейчасъ же прибавила болѣе спокойнымъ тономъ:—упреки пусть падутъ на меня... ничего, лишь бы намъ-то не быть несчастными...

— Что касается *моего* счастья или несчастья—оставь, пожалуйста, теперь это въ покоѣ! Ты не можешь знать, что понимаю я подъ этими словами, но, конечно, знаешь, что и счастье, и несчастье не должны быть принимаемы въ разсчетъ, когда дѣло идетъ о чести человѣка, уважающаго себя... Ну, а теперь, ради больной твоей сестры, я бы попросилъ тебя пока помолчать.

Брукъ отвернулся и подошелъ къ ближайшему окну. Флора—за нимъ.

— Но вѣдь Генріэтта не слышитъ насъ,—замѣтила она.

Больная въ сильнѣйшемъ изнеможеніи опустилась на подушки и безумолка бормотала что-то про себя, словно ребенокъ, самъ себѣ разсказывающій сказку. Дѣйствительно, Генріэтта ничего не видѣла, ничего не слышала теперь, впавъ въ безсознательное состояніе.

— Ты, все-таки, не рѣшилъ,—продолжала Флора печальнымъ, удрученнымъ голосомъ...—Мнѣ нуженъ прямой, опредѣленный отвѣтъ! Зачѣмъ откладывать то, что можетъ быть порѣшено однимъ словомъ?..

Гадко даже смотрѣть было, какъ она, играя, вертѣла нарочно кольцо на четвертомъ пальцѣ своей лѣвой руки.

Брукъ повернулъ только голову и поглядѣлъ на нее. И Кэтѣ снова бросилось въ глаза — увидѣла она, что фигура его, хотя такая крѣпкая, мужественная, рядомъ съ Флорой казалась куда стройнѣе, моложавѣе... А лицо?.. Какое юношески-чистое, свѣжее; алыя губы такія цѣломудренно-дѣвственныя, глаза—странно-робкіе, способные утаить отъ посторонняго взгляда сокровенныя движенія души, и при всемъ этомъ какъ онъ просто, скромно держитъ себя... Теперь взглядъ его прямо былъ устремленъ на красивую дѣвушку, кудрявая головка которой едва достигала его плеча.

— Чѣмъ же думаешь ты замѣнить совмѣстную жизнь со мной?—спросилъ Брукъ такъ неожиданно и такъ рѣзко, что Флора невольно вздрогнула.

— Нужно-ли мнѣ говорить это тебѣ, Брукъ, воскликнула она и, глубоко вздохнувъ, какъ бы сваливъ тяжелую ношу съ плечъ, откинула со лба локончики. Развѣ ты не видишь, какъ я всей душой хочу всецѣло отдаться литературной дѣятельности. Но возможно-ли мнѣ работать такъ, какъ требуютъ того мои дарованія, удовлетворять горячему моему стремленію, если я приму на себя обязанности жены?.. О, нѣтъ! Невозможно... никогда!..

— Странно, что у тебя бурное желаніе это появилось только теперь, два-три мѣсяца тому назадъ, послѣ того, какъ ты...

— Послѣ того, какъ я прожила уже двадцать девять лѣтъ, не думая о лучахъ славы, хочешь ты сказать?—рѣзко перебила Флора, сильно вспыхнувъ, такъ что щеки ея стали совсѣмъ пунцовыми...—Ну, можешь объяснять это какъ тебѣ угодно! Пожалуй, укажи на женскую натуру... Женщина колеблется, заблуждается, пока, наконецъ, не попадетъ на настоящую дорогу..

— А увѣрена-ли ты въ томъ, что это-то и есть настоящая твоя дорога?..

— Совершенно увѣрена. Это такъ же вѣрно, какъ вѣрно, что магнитная стрѣлка должна указывать по направленію къ полюсу.

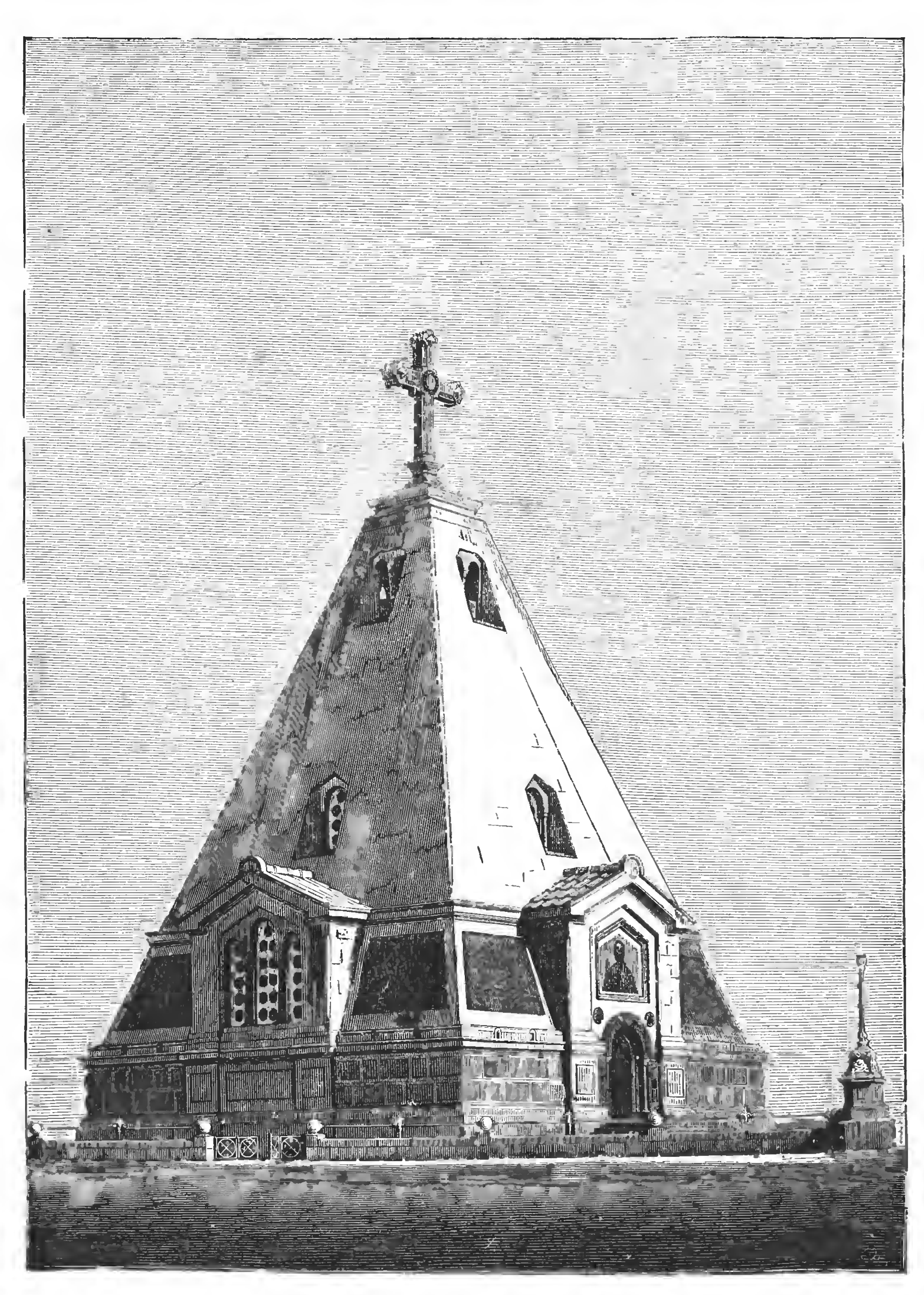
Брукъ молча прошелъ мимо нея, взялъ со стола лѣкарство и подошелъ къ кровати. Генріэттѣ опять нужно было дать микстуры, но больная уснула, крѣпко держа обѣими руками правую руку Кэты. Молодой дѣвушкѣ казалось, что докторъ, вслѣдствіе сильнаго душевнаго волненія, сталъ автоматомъ, дѣлаетъ все машинально... На *нее* онъ даже и не взглянулъ... Что-же, навѣрно Брукъ чувствовалъ себя униженнымъ: вѣдь она, Кэта, была свидѣтельницей этой возмутительной сцены, но развѣ ей дешево это досталось, развѣ она не страдала, поневолѣ оставшись тутъ?.. Нѣсколько разъ пробовала она осторожно высвободить руку и затѣмъ убѣжать куда глаза глядятъ, но, при малѣйшемъ ея движеніи, больная вздрагивала, какъ бы отъ сильнаго испуга.

Докторъ попытался пощупать пульсъ у заснувшей. Кэта, желая помочь ему въ этомъ, подложила лѣвую руку подъ локоть больной. На мгновеніе пальцы Брука прикоснулись къ ея рукѣ—и онъ вздрогнулъ, лицо его вспыхнуло, а Кэта, испугавшись, отдернула руку.

Что же это такое было?.. Неужели онъ такъ взволнованъ, неужели нервы у него такъ разстроены, что такое легкое прикосновенiе къ чужой рукѣ могло возмутить его, испугать, даже озлобить?.. Она поглядѣла на него сбоку, такъ робко, и увидѣла, какъ грудь его высоко поднялась отъ глубокаго вздоха, когда онъ отвернулся, чтобы поставить на столъ склянку съ лекарствомъ.

Флора, между тѣмъ, въ сильномъ волненiи, съ явнымъ нетерпѣнiемъ, прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ и снова подошла къ доктору, стоявшему у стола.

— Съ моей стороны неблагоразумно было такъ откровенно высказывать свои чувства, —заговорила она съ гнѣвно-сверкающими глазами. Молчанiе Брука, а главное то, что онъ въ такую рѣшительную минуту борьбы преспокойно обратился къ исполненiю своей обязанно-

Севастопольскiй памятникъ на Братской могилѣ знаменитыхъ севастопольскихъ защитниковъ, наружный видъ. Съ фотографiи рѣзалъ К. Вейерманъ.

сти, какъ врача, отошелъ отъ *нея*—страшно раздражило Флору.—Ты презираешь женскій умъ, ты—изъ огромной толпы тѣхъ закоренѣлыхъ эгоистовъ, которые ни за что не хотятъ видѣть женщину самостоятельной!..

— Если она не можетъ быть самостоятельной, то, конечно, это такъ, да.

Флора положила на столъ свою ручку и судорожно сжала пальцы въ кулакъ; губы ея почти побѣлѣли... Она съ секунду посмотрѣла въ лицо доктора и потомъ рѣзко спросила:

— Что ты хочешь этимъ сказать, Брукъ?

На лбу и на щекахъ Брука показалась легкая краска, брови же его чуть-чуть нахмурились. Онъ, повидимому, принадлежалъ къ разряду тѣхъ чувствительныхъ натуръ, которыя, при язвительномъ разговорѣ, доходящемъ, наконецъ, до взаимныхъ оскорбленій, ощущаютъ нѣчто вродѣ пытки.

— Хочу сказать (голосъ его, попрежнему, звучалъ твердо, свиду докторъ былъ спокоенъ), что для „самостоятельности“ этой,—а на нее женщина имѣетъ полное право, если сама стремится къ ней и если только это не помѣшаетъ ей исполнять ранѣе принятыя на себя обязанности, не повредитъ честной семейной жизни—для самостоятельности этой, говорю я, надобно обладать сильной, упрямой волей, причемъ должно быть полное отсутствіе раздражительнаго женскаго тщеславія, а главное—имѣть дѣйствительное дарованіе, настоящій талантъ...

— А этого-то, по твоему мнѣнію, у меня и нѣтъ?..

— Статьи твои о женской эмансипаціи я читалъ...

Голосъ Брука, обыкновенно такой мягкій, тихій, зазвучалъ теперь какъ-то убійственно рѣзко.

Флора отшатнулась, какъ будто на нее былъ направленъ острый, блестящій ножъ.

— Но почему же ты знаешь, что именно я авторъ тѣхъ статей, которыя ты прочелъ?—робко, нерѣшительно спросила она, съ лихорадочнымъ напряженіемъ слѣдя за выраженіемъ лица доктора...—Подъ статьями нѣтъ фамиліи, тамъ только буквы?..

— Да, но о буквахъ этихъ, задолго еще до появленія статей, знали въ обширномъ кружкѣ твоихъ знакомыхъ.

Флора, сконфузившись, на мгновеніе опустила глаза.

— Ну, хорошо; ты прочелъ статьи, но что же должна я думать о тебѣ: вѣдь ты ни разу не заговорилъ со мной относительно моихъ стремленій, ни однимъ словомъ не намекнулъ, даже не высказалъ своего немилостиваго неодобренія?..

Севастопольскій памятникъ на Братской могилѣ знаменитыхъ севастопольскихъ защитниковъ, видъ внутренный. Съ фотографіи рѣзалъ К. Вейерманъ.

— А если бы я это сдѣлалъ — развѣ положила бы ты перо, бросила бы писать?..

— Нѣтъ! Никогда!..

— Я это зналъ, потому-то и не заговаривалъ съ тобой о твоихъ стремленіяхъ, отложивъ это до нашей свадьбы. Само собою разумѣется, женщина разумная идетъ рука объ руку съ мужемъ; ради личныхъ своихъ стремленій, она не отдѣляется отъ него, развѣ только въ томъ случаѣ, когда, не отрицая, однако, своихъ обязанностей, дѣйствительно бываетъ одарена богатыми способностями и проявляетъ замѣчательный талантъ...

— Котораго, конечно, у меня нѣтъ,—подхватила она съ невыразимымъ ожесточеніемъ.

— Нѣтъ, Флора, ты умна, ты имѣешь esprit, но нѣтъ у тебя творчества,—проговорилъ Брукъ, серьезно качая головой и принявъ свой обычный, кроткій тонъ.

Флора съ секунду стояла какъ бы пораженная этимъ откровеннымъ отвѣтомъ доктора, который, конечно, высказалъ это на основаніи твердаго убѣжденія... Потомъ, оправясь, она, съ какою-то притворною радостью, пополамъ съ вспыхнувшею яростью, высоко подняла руки...

— Ну, слава Тебѣ, Господи! Теперь рухнула и послѣдняя преграда, исчезло послѣднее сомнѣніе... Рабою бы я стала, бѣдной, угнетенной женщиной... Да!.. Изъ души моей вырвали бы божественную искру поэзіи, чтобы искрой этой зажечь дрова въ кухонной печкѣ!..

Флора слишкомъ громко произнесла слова эти. Больная, убаюканная монотоннымъ разговоромъ, только-что заснула передъ этимъ; но рѣзкій голосъ старшей сестры разбудилъ ее; она вскочила съ широко-открытыми глазами и начала озираться. Это встревожило Брука, и онъ поспѣшилъ къ Генріэттѣ, далъ ей лекарства и нѣжно приложилъ руку свою къ ея лбу. Отъ этого прикосновенія испуганные глаза больной снова закрылись.

Если бы она, бѣдная страдалица, знала, какая буря, по ея милости, разразилась надъ головой этого несчастнаго человѣка!.. Вѣдь Генріэтта до сихъ поръ такъ усердно старалась, по мѣрѣ возможности, не допустить свершиться этому злосчастному разрыву...

— Я вынужденъ серьезно попросить тебя не тревожить болѣе больной,—сказалъ Брукъ, повернувшись къ Флорѣ одной только головой, такъ какъ онъ все еще стоялъ согнувшись надъ кроватью, держа руку на лбу Генріэтты.

— Да мнѣ и говорить-то больше нечего,—отвѣтила Флора съ насмѣшливой улыбкой, которая ей не удалась, и вынула изъ кармана перчатки.—Мы все покончили!.. Ты это и самъ теперь хорошо знаешь, наговоривъ мнѣ столько оскорбительныхъ вещей... Я—свободна.

— Не потому-ли, что я отрицаю въ тебѣ талантъ, не смотря на то, что ты настаиваешь на этомъ изъ каприза?..

Видно было, какихъ страшныхъ усилій стоило доктору понизить голосъ. Теперь и имъ овладѣло негодованіе: онъ вдругъ выпрямился—и дѣйствительно, что̀ это была за величественная, высокая фигура! Все, что придавало иногда ему такой юношескій видъ — кроткій, ясный взглядъ, движенія, обнаруживающія скромность, терпѣливость—все это исчезло... Гнѣвный, до глубины души возмущенный мужчина стоялъ теперь передъ Флорой.

— Я спрашиваю тебя: кому я предложилъ руку — писательницѣ или Флорѣ Мангольдъ? Женой моей согласилась тогда быть *именно* Флора Мангольдъ, зная очень хорошо, что я принадлежу къ разряду тѣхъ, которые хотятъ *исключительно* обладать своей женой, хотятъ зажить тихой, счастливой семейной жизнью... Они женятся не для свѣта, вовсе не желаютъ обращать жену въ порхающій свѣтящійся огонекъ. Ты все это знала... и въ то время старалась быть для меня именно такой. Благодаря своей сангвинической натурѣ, ты ужъ слишкомъ усердствовала, хватала черезъ край: но зачѣмъ же возиться съ грязными кухонными горшками, какъ это ты тогда дѣлала въ излишнемъ рвеніи?.. Этого я никогда и не потребовалъ бы отъ жены... Жена должна быть умственно - оживляющимъ элементомъ, и ты была бы предметомъ моей гордости, подругой, въ которой я находилъ бы сочувствіе, товарищемъ-соратникомъ моимъ въ борьбѣ...

Брукъ тяжело вздохнулъ... Онъ ни на секунду не оторвалъ глазъ отъ лица красавицы, а глаза эти укоризненно глядѣли на нее... Флора казалась теперь такой маленькой, жалкой, ничтожной, хотя и старалась сохранить отважный, вызывающій видъ.

— Перемѣну въ тебѣ я прослѣдилъ шагъ за шагомъ—отъ первой черточки недовольства на твоемъ лицѣ до объясненія твоего въ настоящую минуту,—снова заговорилъ докторъ.—Ты даже относительно своихъ собственныхъ недостатковъ, напримѣръ, высокомѣрія, тщеславія, капризовъ — проявила поразительную слабость... И неужели ты все-таки еще хочешь выставить себя крѣпкой, сильной духомъ, хочешь изречь великое слово въ пользу женской эмансипаціи?.. Неужели и теперь станешь ты требовать, чтобы женщину считали не ниже мужчины относительно разсудочной способности,—станешь претендовать на послѣдовательность, сильную волю и полную равноправность?.. О томъ, какъ думаю я о твоемъ характерѣ, о твоемъ поведеніи вообще, что творится теперь въ моей собственной душѣ, буду ли я счастливъ или страшно несчастливъ—здѣсь объ этомъ не можетъ быть рѣчи. Мы на глазахъ у всѣхъ торжественно обмѣнялись кольцами, обручились на всю жизнь—такъ и должно быть, все остается попрежнему. О тебѣ говорятъ, что ты частенько-таки забавлялась жестокой игрой въ сердца мужчинъ: увлекала ихъ, вертѣла ими, а потомъ обманутыхъ, одураченныхъ подвергала насмѣшкамъ со стороны общества, любуясь, какъ жалостно, сострадательно посматриваютъ на нихъ... Но меня *ты* не выставишь къ такому позорному столбу—въ этомъ можешь быть увѣрена!.. Нѣтъ, ты *не* свободна... Я не выпущу тебя! Захочешь ли ты сдѣлаться клятвопреступницей или не захочешь—все равно. Слово *я* сдержу!

—Постыдись!—воскликнула Флора внѣ себя.—Неужели же ты потащишь меня къ алтарю и даже тогда удержишь, когда я громко скажу, что давно уже перестала любить тебя?.. Вѣдь вотъ теперь, здѣсь, передъ тобой—сколько усилій нужно мнѣ, чтобы сдержать порывъ сильнѣйшей ненависти къ тебѣ!..

При этихъ ужасныхъ словахъ Кэта встала. Ей удалось исподволь высвободить свою руку, и она, отвернувъ голову отъ *нихъ*, вышла изъ комнаты... Молодая дѣвушка рѣшительно не могла взглянуть въ лицо человѣка, которому только-что нанесли почти смертельный ударъ.

(Продолженіе будетъ).

Севастопольскій памятникъ на Братской могилѣ севастопольскихъ защитниковъ (1854—1855 г.).

Севастополь до сихъ поръ городъ гробовъ—мертвецъ, но онъ хорошъ и мертвый... Эти бѣлыя громады развалинъ, эти колоннады безъ крышъ, имѣютъ величавую, своеобразную красоту огромнаго кладбища богатырей. («Два дня въ Севастополѣ», № 22 «Пет. Вѣд.» 1876 г., ст. А. Р.).

Тотъ памятникъ, который изображенъ здѣсь—памятникъ, извѣстный во всей Россіи подъ названіемъ *«Братской могилы»*, находится въ безсмертномъ въ отечественной исторіи городѣ Севастополѣ, прославившемся своею упорною, безпримѣрною защитою отъ нападенія на него, за 23 года предъ симъ, фран-

цузовъ, англичанъ, итальянцевъ и турокъ, съ ихъ многочисленными арміями и сильными флотами. Этотъ памятникъ-храмъ осѣняетъ собою прахъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ русскихъ воиновъ, отдавшихъ жизнь свою за честь Россіи и успѣвшихъ, не взирая на всю превосходную силу враговъ, не дать погибнуть намъ, русскимъ, въ борьбѣ съ этими врагами, поплатившись, конечно, нѣкоторыми политическими, и то впрочемъ временными, уступками. Затѣмъ одиннадцатимѣсячное *«севастопольское сидѣнье»*—одна изъ блистательныхъ страницъ нашей новѣйшей исторіи. Имя Тотлебена тѣсно связано съ севастопольскою обороною, какъ тѣсно связаны съ нею имена: Корнилова, Нахимова, Истомина, Хрулева, Бирюлева и многихъ другихъ славныхъ героевъ севастопольскихъ. Но, справедливо и краснорѣчиво сказалъ нашъ талантливый Погоскій: «какъ безсмертная душа вступаетъ въ созданное изъ персти земной утлое тѣло, такъ въ утлыя, наскоро наброшенныя укрѣпленія севастопольскія вступилъ въ 1854 году твердый, безсмертный *солдатскій духъ*: тогда всякая пядь земли ожила и изъ этой земли поднялась противъ вдесятеро сильнѣйшаго врага беззавѣтная, грозная сила...»

«Не одна сотня тысячъ враговъ легла подъ этими земляными стѣнами, пока враги вошли въ развалины оставленной нами, аркибузированной и изрытой бомбами крѣпости».

«Какъ часовой на своемъ посту, стоялъ Севастополь на южной оконечности Россіи—и этотъ «великій часовой, этотъ каменный и пламенный солдатъ русскій», явилъ себя именно тѣмъ богатыремъ, какимъ вмалѣ является каждый истый солдатъ нашъ: не дрогнувъ передъ окружавшими его врагами, штыкомъ и огнемъ отвѣчалъ онъ на ихъ штурмы и бомбардировки—на эти громовые крики: «Сдавайся?»

...Не на то поставленный, стоялъ онъ непобѣдимо, какъ будто отвѣчая: «Я сдамъ вамъ только мои разбитыя кости - когда не останется во мнѣ камня на камнѣ»...

«Полтора года (т. е. гораздо прежде еще обложенія севастопольскихъ твердынь, газеты всей Европы чуть не каждый день голосили на весь міръ: «Севастополь взятъ!» А онъ въ грому, въ пламени и въ дыму, разбитый вчера—сегодня стоялъ опять во всеоружіи богатырской силы и дышалъ ужасомъ на враговъ».

Но какъ ни сильно и отчаянно было сопротивленіе нашихъ оборонителей Севастополя, знаменитыхъ отъ великаго до малаго, отъ высокопоставленнаго вождя до самаго неизвѣстнаго солдатика или матросика—сила превзошла и, 27 августа 1855 года, на Малаховомъ курганѣ появилось французское знамя, а съ тѣмъ вмѣстѣ рѣшилась судьба Севастополя, развалины котораго сданы были непріятелю.

По поводу этой сдачи, тогдашній главнокомандующій, князь Горчаковъ, въ своемъ приказѣ по крымской арміи, отъ 31-го августа 1855 года, сказалъ эти памятныя слова: «Грустно и тяжело оставить врагамъ нашимъ Севастополь, но вспомните какую жертву мы принесли на алтарь отечества въ 1812 году. Москва стóитъ Севастополя! Мы ее оставили послѣ безсмертной битвы подъ Бородинымъ. Триста сорокадевятидневная оборона Севастополя превосходитъ Бородино! Но не Москва, а груда каменьевъ и пепла досталась непріятелю въ роковой 1812 годъ. Такъ точно и не Севастополь оставили мы нашимъ врагамъ, а одни пылающія развалины города, собственно нашею рукою зажженнаго, удержавъ за нами честь обороны, которую дѣти и внучаты наши съ гордостью передадутъ потомству!. Почтимъ, товарищи, тѣхъ изъ насъ, кои пали съ честью за вѣру и отечество на валахъ Севастополя и вознесемъ мольбы наши ко всевышнему, да ниспошлетъ онъ міръ и успокоеніе ихъ праху и увѣковѣчитъ память о нихъ, въ примѣръ грядущимъ поколѣніямъ Россіянъ».

Не сотнями уносила своихъ жертвъ эта гибельная война, а тысячами, десятками и сотнями тысячъ! Нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ жертвъ этой губительной осады, каковы адмиралы: Корниловъ, Нахимовъ и Истоминъ, положены тамъ, гдѣ положенъ былъ до нихъ ихъ начальникъ, безсмертный въ исторіи русскаго флота адмиралъ Лазаревъ. Теперь столь историческая *могила адмираловъ* находится въ склепѣ, надъ которымъ въ настоящее время, съ 1859 года, храмъ памятникъ, и никто изъ посѣтителей Севастополя, кто бы онъ ни былъ, не пропускаетъ хотя величественный и, съ тѣмъ вмѣстѣ трогательный памятникъ нашей несравненной доблести...

Но эти герои-адмиралы были далеко не одни: за ними идетъ длинною вереницею цѣлый рядъ извѣстныхъ и безвѣстныхъ героевъ, изъ коихъ одни погибли въ славномъ бою, другіе сдѣлались калѣками, третьи, наконецъ, остались живы и невредимы, и они послѣдніе постоянно вспоминаютъ о безпримѣрномъ «севастопольскомъ сидѣньи», ознаменовывая это воспоминаніе преимущественно тѣмъ, что разъ въ году, большею частью въ февралѣ мѣсяцѣ, собираются всѣ наличные, живущіе въ Петербургѣ «севастопольцы» за дружескимъ обѣдомъ. Къ сожалѣнію, съ 1856 года, какъ начались эти собранія «севастопольцевъ» и бываетъ ежегодно «севастопольскій обѣдъ», въ теченіи этихъ 20 лѣтъ, число участниковъ этого дружественно-товарищескаго собранія значительно уменьшается: многіе уже изъ нихъ не слишкомъ долго пережили тѣхъ товарищей, съ которыми 11 мѣсяцевъ «отсиживались» въ пылавшемъ и съ каждымъ днемъ разрушавшемся тогда Севастополѣ. Участники этихъ «севастопольскихъ обѣдовъ», сколько извѣстно, бесѣдуютъ, преимущественно, о былыхъ дняхъ, знаменитыхъ великими событіями, сопровождавшимися не сотнями, а тысячами, десятками и сотнями тысячъ славныхъ смертей. Времени не хватало устраивать для всѣхъ этихъ жертвъ пышныхъ церемоній, не было также средствъ воздвигать надъ ихъ общей могилѣ роскошныхъ надгробныхъ памятниковъ... Ихъ хоронили въ простыхъ, крашеныхъ и некрашеныхъ гробахъ, опускали въ одну могилу на сѣверной сторонѣ Севастополя, ставили деревянные, простые кресты. Монахъ въ эпитрахели, да нѣсколько товарищей, изъ которыхъ большинство окалѣченные—вотъ тѣ, которыя сопутствовали севастопольскимъ героямъ къ ихъ послѣднему жилищу, но за то какъ горяча, какъ искренна была заупокойная молитва этихъ людей *)... Теперь, на этомъ общемъ кладбищѣ, извѣстномъ въ Севастополѣ, да и не въ одномъ Севастополѣ, а повсюду въ Россіи, подъ трогательнымъ наименованіемъ *Братской могилы*,—построена церковь, гдѣ, кромѣ четырехъ адмираловъ, похоронены умершіе впослѣдствіи, славные вожди храбраго гарнизона,—бывшій въ послѣднее время осады главнокомандующимъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ и извѣстный своею баснословною неустрашимостью, «молодецъ-генералъ», какъ его прозвали солдаты, Степанъ Алексѣевичъ Хрулевъ.

Переименовывать всѣхъ защитниковъ Севастополя, отстаивавшихъ вмѣстѣ съ Севастополемъ честь и славу Россіи, едва ли возможно, потому что перечень всѣхъ этихъ драгоцѣнныхъ, хотя большею частью безвѣстнымъ, именъ занялъ бы нѣсколько не только страницъ, а листовъ печатныхъ. И такъ какъ надъ каждою почти могилою обширныхъ севастопольскихъ кладбищъ можно разсказать исторію геройскаго подвига или примѣръ непостижимой твердости духа и самоотверженія, и какъ подъ каждымъ крестомъ покоится прахъ героя, героя ежели не знаменитаго, то все-таки героя, достойнаго уваженія и признательности потомства, то, ежели бы повторить всѣ эти имена, присовокупивъ къ нимъ подробности о дѣяніяхъ тѣхъ, кому, при жизни, эти дѣянія принадлежали,—пришлось бы вписать или напечатать цѣлую книгу, да еще не одну, а во многихъ томахъ. Впрочемъ, такая огромная книга уже имѣется съ 1872 года, по иниціативѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Цесаревича, чрезъ изданіе столь извѣстнаго и именно драгоцѣннаго, въ своемъ родѣ, «Сборника», въ четырехъ весьма большихъ томахъ, въ которыхъ собрано такъ много любопытныхъ данныхъ, большею частью въ оживленныхъ и драматизированныхъ разсказахъ о подвигахъ *всѣхъ* севастопольцевъ.

Но нельзя среди массы, почти безчисленной, всѣхъ этихъ могилъ не указать въ особенности на могилу, заключающую въ себѣ не героя юношу, много надеждъ подававшаго отечеству и родной семьѣ, не доблестнаго мужа, запечатлѣвшаго память свою подвигомъ, внесеннымъ въ страницы исторіи, а могила бѣдной, неизвѣстной старушки, принесшей послѣдніе дни своей доброй жизни въ жертву севастопольскихъ защитниковъ. Одинъ изъ «севастопольцевъ», оставшійся въ живыхъ, разсказывалъ намъ, что въ началѣ апрѣля мѣсяца 1855 года, явилась къ нимъ на Сѣверную сторону Севастополя, одна добрая, веселая и словоохотливая старушка. Она каждому безъ исключенія говорила: «Ты мой голубчикъ, мой родимый». То была Прасковья Ивановна Графова, которая вдругъ скрылась отъ родныхъ изъ Петербурга и явилась въ Севастополь, посвятить себя на пользу ближняго. Неутомимая ея дѣятельность долго не могла найти себѣ мѣста, пока она не попала на Малаховъ курганъ. Тамъ вскорѣ полюбили ее матросы, солдаты и офицеры за ея веселый нравъ, безстрашіе и попечительность объ нихъ, потому что ежели кого нибудь изъ нихъ поражала пуля, она тутъ же, на мѣстѣ, подавала ему первую помощь, и не дожидаясь фельдшеровъ, дѣлала первую перевязку. При такихъ случаяхъ она всегда ободряла раненыхъ, говоря имъ «будь веселъ», а перевязавъ легко раненыхъ, приговаривала: «Не робѣй, иди на свое мѣсто!» Въ день штурма, 6-го іюня, она собственными руками, при помощи двухъ матросовъ, перевязяла *сто восемдесять* человѣкъ раненыхъ, тогда какъ одинъ изъ нихъ говорилъ, что послѣ пятидесяти перевязокъ, ему сдѣланныхъ, онъ едва могъ дѣйствовать руками, употребленіе которыхъ ему теперь возвращалось, благодаря лишь искусству въ дѣлѣ перевязокъ Прасковьи Ивановны. Она первая, на самомъ банкетѣ, перевязала рану адмиралу Нахимову, чѣмъ постоянно гордилась и тщеславилась. Нижніе чины, солдаты, матросы и разсыльные казаки прозвали ее *«сестрою милосердія волонтеркою»*, въ отличіе отъ цѣлаго легіона оффиціальныхъ сестеръ милосердія, присланныхъ въ Севастополь тогда здравствовавшею еще, нынѣ (съ января 1874 г.) покойною Вел. Княгинею Еленою Павловною, оказывавшихъ и приносившихъ, надо правду сказать, очень много пользы своимъ знаніемъ и усердіемъ, чисто христіанскимъ.

Достойная старушка Прасковья Ивановна, на свои скудныя деньги, покупала въ аптекѣ одеколонъ, гофманскія капли и тому подобныя снадобья, необходимыя для первой помощи и,

*) Къ 9-му № 1856 года, превосходнаго живописнаго сборника В. Ф. Тимма, извѣстнаго подъ названіемъ «Художественнаго Листка», прекратившагося въ 1859 году, приложенъ хромолитографированный рисунокъ съ поэтическимъ изображеніемъ этихъ севастопольскихъ похоронъ.

показывая купленное, приговаривала съ благородною гордостью: «на собственныя, для моихъ дорогенькихъ труженичковъ»-

Весь гарнизонъ Малахова кургана горячо любилъ свою веселую, дѣятельную, благодушную попечительницу; она не терялась подъ самымъ убійственнымъ огнемъ, какъ бы увѣренная, что ее здѣсь не убьютъ, потому что она здѣсь необходима для пользы ближняго. И подлинно, она была здѣсь необходима: она ободряла, развеселяла каждаго и помогала всѣмъ, кому могла. Вскорѣ, по появленіи ея на Малаховомъ, матросы устроили ей особый блиндажъ, но она попрежнему помѣщалась гдѣ случалось, или въ солдатскихъ, или въ офицерскихъ блиндажахъ, дѣля хлѣбъ-соль то съ тѣми, то съ другими.

Вечеромъ, 27-го іюля т. е. за мѣсяцъ до сдачи, бомба упала вблизи Прасковьи Ивановны. «Матушка-волонтерша, прилягъ скорѣе на земь!» закричалъ ей одинъ матросъ; но въ это время бомбу уже разорвало и черепьями разнесло тѣло бѣдной старушки...

Миръ праху твоему, достойная женщина! И о тебѣ глубоко сохранилась память въ безсмертной лѣтописи о великомъ дѣлѣ защиты Севастополя!

Вспоминая о тѣхъ, которые, защищая Севастополь, погребались подъ его развалинами и лежатъ теперь въ общей, великой и вѣчно славной *«Братской могилѣ»*, нельзя не посѣтить это мѣсто, столь поэтично-просто названное народною волею, подтвержденное и волею Высочайшею; а, идучи къ этому безсмертному памятнику русской военной доблести, невольно придется быть и на Малаховомъ курганѣ. Тутъ 27-го августа прошлаго 1875 года, въ 12 часовъ дня, нѣсколько русскихъ путешественниковъ, пріѣхавшихъ въ Севастополь изъ Одессы, собрались въ особенности Нахимова, много способствовала союзникамъ произвести севастопольскій погромъ, выразившійся всего болѣе взятіемъ Малахова кургана.

«Ему (т. е. непріятелю, какъ всегда солдаты и матросы его величаютъ мѣстоименіемъ «онъ») ни въ жизнь бы не взять Малахова, объяснялъ малаховскій сторожъ изъ отставныхъ матросовъ-боцмановъ,—не подкараулъ *онъ*, когда наши сѣли полдничать... Объ эту самую, то есть, пору, въ 12 часовъ, *онъ* все времи бондировки (бомбардировки) не палилъ, а сидѣлъ въ буеракахъ (въ баракахъ) и самъ обѣдалъ. А тутъ какъ на грѣхъ нашего «синопскаго дядю»... (т. е. Нахимова). Охъ! двадцать лѣтъ прошло, а все какъ-то моркотно!...» И старикъ рукавомъ длиннополаго матросскаго пальто отеръ двѣ-три слезы, какъ-то брызнувшія изъ его глазъ, осѣненныхъ широкими, сивыми бровями.

Но вотъ мы и у *Братской могилы*. Кладбище это съ каждымъ днемъ украшается: проводятся дорожки, обсаживается акаціями, разводятся цвѣтники, дѣлаются до сихъ поръ на многихъ могилахъ начинающихъ уже обваливаться, памятники, изящные и разнообразные. Одни имѣютъ фигуру часовни, другіе колонны, на третьихъ кресты; на нѣкоторыхъ могилахъ изящной формы гробницы, обелиски, пирамиды... Въ глаза особенно бросается своимъ простымъ, но поэтическимъ изяществомъ памятникъ въ видѣ георгіевскихъ крестовъ. Кресты эти, какъ и всѣ здѣшніе памятники, изъ бѣлаго ингерманскаго камня, но не поставлены, а положены на могилахъ. Промежутки между окраинами креста выложены разноцвѣтными камнями и усажены цвѣтами. Въ серединѣ каждаго памятника черными буквами начертано: *«Братская могила»*.

Медаль въ память событій въ Герцеговинѣ.

совершенно нечаянно, не только въ самый день двадцатилѣтней годовщины взятія французами Малахова кургана, а даже въ самый часъ этого рокового событія. Одинъ изъ этихъ русскихъ туристовъ-патріотовъ взошелъ на Малаховскую башню и, сквозь слезы, произнесъ тутъ громко: «Во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи, православнымъ воинамъ, за вѣру и отечество животъ свой положившимъ и сотвори имъ вѣчную память». Всѣ запѣли «вѣчную память»... Въ это мгновеніе (какъ разсказываетъ очевидецъ) солдаты Бѣлостокскаго полка (полкъ стоитъ въ Севастополѣ), учившіеся тогда на Кулиновомъ полѣ, сдѣлали, вслѣдствіе команды въ экзерциціи, нѣсколько ружейныхъ залповъ... И какъ кстати былъ этотъ отдаленный салютъ. Точно сердцемъ русскимъ, чистымъ своимъ сердцемъ подслушали бѣлостокцы заупокойный возгласъ нѣсколькихъ русскихъ одесситовъ-патріотовъ на импровизированной панихидѣ. Впрочемъ, не мѣшало бы здѣсь, кажется, быть постоянно въ день годовщины, 27-го августа 1825 года, панихидѣ, и не въ этой, слишкомъ скромной и нечаянной обстановкѣ, а какъ слѣдуетъ, съ сонмомъ духовенства, съ клиромъ пѣвчихъ, съ печальною погребальною военною музыкою и съ залпами ружейными и пушечными.

Подъ курганомъ стоитъ сторожъ, который такъ высказалъ этимъ нашимъ севастопольскимъ посѣтителямъ свое мнѣніе, впрочемъ, раздѣляемое съ нимъ чуть-ли не всею русскою арміею и не только тѣми изъ ея представителей, что принадлежатъ къ разряду мелкой сошки, къ темному люду, нѣтъ, и многія личности, принадлежащія къ интеллегенціи военной, сами участвовавшія въ «севастопольскомъ сидѣньи», того же мнѣнія, а именно, что смерть адмираловъ: Корнилова, Истомина и

У воротъ кладбища двѣ пушки. Налѣво отъ входа граненая мраморная колонна съ двуглавымъ орломъ по серединѣ, перевязанная лаврами, увѣнчанная очень похожимъ и художественно сдѣланнымъ бюстомъ генерала Хрулева. Памятникъ князя Горчакова имѣетъ форму открытой часовни, внутри бюстъ его, а подъ нимъ надпись: *«Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчак въ, род. 1792, скончался 1862 г. Тѣло покойнаго, по его желанію, погребено среди воиновъ, не допустившихъ враговъ отечества перейдти за рубежъ того мѣста, гдѣ находятся ихъ могилы»*.

Собственно то, что составляетъ *севастопольскій памятникъ братской могилы*—это пирамида церкви св. Николая. Пирамида эта окружена оградою; на вершинѣ пирамиды гранитный крестъ вѣсомъ въ 1000 пудовъ. На южной сторонѣ ограды нѣсколько орудій, отбитыхъ у непріятеля. На одной изъ этихъ пушекъ надпись рельефомъ: 1849. *Egalité, liberté et fraternité* и въ лавровомъ вѣнкѣ буквы: *R. F.*, т. е. république française...

Надъ входомъ въ храмъ большой мозаичный образъ Спасителя. По сторонамъ пирамиды, на широкихъ доскахъ изъ черваго гранита, означены таблицы потерь въ каждомъ полку, баттареѣ, командѣ и флотскомъ экипажѣ, за время 11 мѣсяцевъ осады... Читаемъ: *Муромскій пѣхотный полкъ съ 7-го мая по 27-е августа 1855 года лишился 2.371 человѣкъ. Екатеринбургскій пѣхотный полкъ. съ 23-го октября 1854 г. по 27-е августа 1855 года—4.648 человѣкъ, Владимірскій пѣхотный полкъ, съ 25-го марта по 27-е августа 1855 г.—3.147 человѣкъ. Курское ополченіе: дружины №№ 47, 48, 49—съ 22-го августа по 27-го августа 1855 года...* Цифра не обозначена... Но, какъ извѣстно, эти храбрыя дружины всѣ погибли въ день послѣдняго штурма, на Малаховомъ курганѣ (47) и на 1 (48) и 2 (49) бастіонахъ, ку-

Продолженіе въ прибавл. на стр. 233, 234, 235 и 236.

да направлены были главныя силы непріятеля. Внутри храма на черныхъ мраморныхъ доскахъ, начертаны имена генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, тутъ въ этой *Братской могилѣ*, или въ этой *севастопольской усыпальницѣ* покоющихся—всего 943 человѣка. Надъ дверями изнутри картина страшнаго суда; кругомъ ея слова Евангелія: «Грядетъ часъ суда, мертвые во гробѣхъ услышатъ гласъ сына Божія... и услышавшіе оживутъ»... На внѣшней сторонѣ алтаря картина съ изображеніемъ ангела, сидящаго на гробѣ и благовѣствующаго мѵроносицамъ о воскресеніи Спасителя и съ надписью: «воста, несть здѣ»,..

Съ колокольни, которая вверху пирамиды, видъ на безчисленныя могилы, составляющія *Братское кладбище*, на широкую бухту и на севастопольскія развалины, безподобный...

Закончимъ наше описаніе памятника-храма нѣкоторыми чисто техническими подробностями объ немъ,—И этотъ памятникъ-храмъ по волѣ государя императора сооруженъ на деньги, собранныя по подпискѣ со всей Россіи, отъ всѣхъ сословій. 17 сентября 1857 года положенъ былъ перый камень въ основаніе этого храма. По окончаніи литургіи и по произнесеніи тогдашнимъ преосвященнымъ Димитріемъ Таврическимъ и Херсонскимъ приличнаго событію слова,—процессія съ крестами, свѣчами и хоругвями, при пѣніи священныхъ гимновъ, двинулась къ мѣсту закладки; по совершеніи панихиды по убіеннымъ воинамъ и водоосвященіи приступлено было къ закладкѣ храма. Прежде всего преосвященный водрузилъ въ углубленіе кременной плиты, служащей нынѣ основаніемъ престола, серебряный крестъ, принесенный въ даръ настоятелемъ Херсонской обители, и тутъ же положены были медали, выбитыя въ память послѣдней войны; сверхъ креста положена была бронзовая вызолоченная доска съ слѣдующею надписью: «Лѣта 1857 «года, мѣсяца сентября въ 17 день, въ благополучное царство«ваніе императора Александра II, по благословенію преосвя«щеннаго Димитрія, епископа Херсонскаго и Таврическаго, за«ложено основаніе храма, во имя святителя Николая, въ па«мять воиновъ, павшихъ въ 1854 и въ 1855 годахъ, при оборо«нѣ Севастополя, на доброхотныя приношенія усердствовав«шихъ, вслѣдствіе открытой по предложенію генералъ-адъю«танта князя Васильчикова 2-го подписки. Сооруженіе подъ «главнымъ завѣдываніемъ свиты его величества контръ-адми«рала Бутакова предпринято исполнить отставнымъ поручикомъ «Волоховымъ, по проекту архитектора Авдѣева».

Бронзовая доска эта была закрыта каменною плитою, вокругъ которой положено на извести восемь камней, главными лицами тутъ при закладкѣ присутствовавшими, начиная съ преосвященнаго до архитектора включительно.

Основаніемъ пирамиды служитъ двойной высокій цоколь. Въ четырехъ незначительныхъ выступахъ помѣщены окна и дверь, ведущая въ храмъ. Надъ фронтонами, въ наклонной стѣнѣ, устроены четыре окна, освѣщающія внутренній куполъ храма, а верхняя часть пирамиды занята колокольнею. Надъ входными дверями, на золотомъ полѣ, образъ благословляющаго Спасителя, сдѣланый изъ мозаики (пожертвованіе государя императора), обращенный прямо къ кладбищу. Пирамида, какъ уже и сказано выше, увѣнчана гранитнымъ крестомъ въ 5 сажень величиною. Высота всего зданія съ крестомъ 15½ саженъ при квадратномъ основаніи въ 3 сажени. Внутренній планъ представляетъ равноконечный крестъ, верхняя часть котораго занята серединою алтаря, боковыя же его части помѣщаются въ углахъ, во впадинахъ съ которыхъ начинаются паруса сводовъ, поддерживающихъ полукруглый куполъ. Въ восьми впадинахъ и углубленіяхъ въ церкви на мраморныхъ черныхъ доскахъ имена севастопольскихъ героевъ-распорядителей. Иконостасъ и обдѣлка стѣнъ изъ крымскихъ мраморовъ. Матеріялы зданія—только гранитъ, камень изъ лучшихъ севастопольскихъ ломокъ, мраморы и частію металлы; сгораемыхъ и подверженныхъ разрушенію матеріаловъ въ постройку вовсе не вошло, такъ, что памятникъ этотъ, можно надѣяться, будетъ столько же вѣченъ, сколько безсмертно въ исторіи одиннадцатимѣсячное севастопольское безпримѣрное сидѣнье.

Съ 17 сентября 1859 года, т. е. по истеченіи двухъ лѣтъ со дня его основанія, этотъ памятникъ-храмъ надъ севастопольскою «братскою могилою», будучи оконченъ совершенно, былъ освященъ и вотъ уже шестнадцать лѣтъ, какъ въ немъ возносятся теплыя мольбы къ всевышнему объ успокоеніи душъ храбрыхъ защитниковъ, со славою за вѣру, царя и отечество на брани костьми легшихъ. И дѣйствительно, пріятно знать, что храмъ этотъ такъ прочно построенъ, что

Пройдутъ вѣка и память храбрыхъ
Въ отчизнѣ свято будутъ чтить,
И надъ могилой православныхъ
О павшихъ Господа молить?...

Политическое обозрѣніе.

Приходящія съ Балканскаго полуострова извѣстія, до такой степени разнорѣчивы, что едва ли даютъ возможность сказать въ настоящую минуту что-либо опредѣленное о положеніи, въ которомъ находится поднятый «вопросъ». Такъ, на дняхъ телеграфъ принесъ извѣстіе о томъ, что инсургенты просили у турокъ перемирія, что Мухтаръ-паша заключилъ съ ихъ вождями перемиріе на 12 дней, что князь черногорскій принималъ на себя снабженіе провіантомъ истощеннаго голодомъ гарнизона Никшича: но чуть ли не на другой день все это было опровергнуто: перемирія просили вовсе не славяне, а Мухтаръ-паша и первые, повявъ, что то былъ со стороны турокъ лишь одинъ предлогъ, чтобы втихомолку подготовить силы и ввезапнымъ ударомъ освободить Никшичъ, рѣшительно отказались принять предложеніе турецкаго генерала. По однимъ свѣдѣніямъ, въ Сербіи господствуетъ миролюбивое настроеніе и ничто не подтверждаетъ, будто бы, распространившійся въ послѣднее время слухъ о намѣреніи княжества принять участіе въ борьбѣ; по другимъ же—слѣдуетъ непремѣнно ожидать объявленія Сербіею войны. Военный министръ принимаетъ энергическія мѣры, вооруженіе дѣятельно продолжается, войска формируются въ дѣйствующія дивизіи (6-ть дивизій, численностью отъ 6-ти до 7-ми тысячъ человѣкъ въ каждой), различные отряды получили приказаніе выступать въ походъ. Съ другой стороны и турки снова сосредоточиваютъ громадныя силы (по слухамъ, до ста тысячъ человѣкъ) на сербской границѣ... Образъ дѣйствій Россіи по достоинству оцѣнивается вѣнскою печатью. «Россія, говоритъ «Correspondance Autrichienne», которую безуспѣшно старались скомпрометировать, приписывая ей неискреннюю политику, высказалась, быть можетъ, еще опредѣленнѣе, чѣмъ агенты самаго графа Андраши. Она подтвердила князю Милану то, что ею было сказано инсургентамъ—что всѣ тѣ, кто подниметъ мечъ, будутъ обезоружены ею, оставлены ею на произволъ судьбы и что никто изъ нихъ не можетъ разсчитывать на ея тайную, или явную помощь». «Подобное, принятое Россіею, положеніе, не могло не произвесть своего дѣйствія», прибавляетъ означенная газета...

На этотъ разъ республика, какъ бы не шутя, такъ сказать, «пускаетъ корни» во Франціи. Дѣйствительно, никогда она еще не появлялась въ такомъ солидномъ видѣ на этой измѣнчивой политической сценѣ. Можно допустить предположеніе, что, если узкіе интересы партій не возьмутъ верхъ надъ болѣе общими и высокими интересами и не произведутъ раскола въ рядахъ защитниковъ республики, то перемѣны нельзя предвидѣть, по крайней мѣрѣ, въ скоромъ времени.

Англія скоро будетъ привѣтствовать свою королеву «императрицей индійской», но привѣтствуетъ не вездѣ съ одинаковымъ удовольствіемъ. Англичане, какъ извѣстно, крѣпко привержены къ старинѣ и не всякое нововведеніе, какъ бы, иногда, мало-существенно значеніе его не было, встрѣчается сочувственно. Недавно, когда лордъ-мэръ, на своемъ обѣдѣ, провозгласивъ тостъ въ честь королевы, замѣтилъ, что ея величество, въ непродолжительномъ времени, приметъ «любезный Индіи титулъ императрицы», то многіе изъ гостей, не принадлежащихъ къ торійской партіи, выказали явное неудовольствіе; при послѣдовавшемъ, затѣмъ, пѣніи національнаго гимна, это чувство выразилось особымъ удареніемъ на слово «Queen» (королева). Волненіе въ Перакѣ быстро идетъ къ концу; по новѣйшимъ оффиціальнымъ извѣстіямъ, главный виновникъ, пеpакскій претендентъ, сданъ англійскимъ властямъ въ Пенангѣ и будетъ временно водворенъ въ Сингапурѣ.

Юный король Испаніи торжественно вступилъ въ свою столицу, окруженный своими побѣдоносными генералами, привѣтствуемый кликами народа, осыпавшаго его вѣнками. Насколько можно судить по тому, что происходитъ въ палатахъ, прежніе республиканскіе дѣятели, оставшіеся вѣрными своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, но ничего не давшіе своему отечеству кромѣ смутъ и безпорядковъ, мало пользуются сочувствіемъ. Пора уже несчастной странѣ отдохнуть. Едва ли, между прочимъ, не будетъ тому содѣйствовать, въ извѣстномъ отношеніи, намѣреніе правительства «уничтожить фуэросы», т. е. привиллегіи баскихъ провинцій. Эта важная и рѣшительная мѣра уже довольно популярна, по крайней мѣрѣ народъ, встрѣчая генераловъ, «защитниковъ свободы», кричалъ: «долой фуэросы!»

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Редакція покорнѣйше проситъ своихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, прислать прежній печатный адресъ и приложить 24 коп. почтовыми марками, за типографскіе расходы.

Смѣсь.

„Распятіе“.

Прилагая къ этому № нашего журнала снимокъ съ прекрасной картины извѣстнаго французскаго художника Бонна, мы, кромѣ достоинствъ этого художественнаго произведенія, имѣли ввиду и его отношеніе къ святымъ воспоминаніямъ приближающихся дней. Картина эта изображаетъ тотъ великій для всѣхъ моментъ страданій Спасителя, когда невыразимыя муки тѣла и души, перенесенныя съ кротостью и терпѣніемъ, возможными только Одному Богу, исторгнули, наконецъ съ креста слово «совершилось»... «Совершилось»! Глаза Его закрылись, пресвятая глава склонилась и Онъ тихо предалъ духъ Свой Отцу Своему Небесному.

Значеніе этого одного слова «свершилось» безгранично; произнести его могъ только—Богъ. Пречистые уста Висящаго на крестѣ уже поблекли. Божественное чело покрыто блѣдностью и предсмертнымъ потомъ. На лицѣ Его запеклась крупными каплями, поточившаяся съ головы, отъ терноваго вѣнца, кровь. «Жажду» болѣзненно произнесъ Онъ. Воины при крестѣ напитали уксусомъ смѣшаннымъ съ желчью губку и поднесли ее къ устамъ Спасителя.

Вкусивъ эту смѣсь, Іисусъ Христосъ торжественно произнесъ «Совершилось»!

При этихъ словахъ какъ бы содрогнулось само небо, солнце померкло, земля страшно заколебалась, камни разсѣлись, гробы открылись, многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли и завѣса Іерусалимскаго храма разорвалась съ верху до низу на двое...

Минута великая и прекрасно выраженная, на сколько это возможно, тѣломъ предавшаго Господу духъ Свой Спасителя.

Медали въ память событій въ Герцеговинѣ.

Изображенная на нашемъ рисункѣ медаль, въ память настоящихъ знаменательныхъ событій въ Босніи и Герцеговинѣ выбита, на дняхъ, въ городѣ Нюрнбергѣ. Медаль эта имѣетъ скорѣе общегуманное, чѣмъ политическое значеніе, служитъ, однако, яснымъ выраженіемъ господствующаго въ настоящее время въ средѣ южныхъ славянъ стремленія. Въ объединеніе разрозненныхъ частей могущественнаго, нѣкогда, царства сербскаго, которое, какъ извѣстно, въ правленіе царя Душана Великаго (съ 1336—1356 г.) достигло апогея своего могущества.

Цѣль медали заключается, повидимому, въ усиленіи среди населенія Сербіи и Черногоріи сочувствія, къ мужественнымъ борцамъ за независимость, подвизающимся на берегахъ Наренты и въ Босніи. Медаль проникнетъ, безсомнѣнія, скоро и въ самыя убогія хижины жителей этихъ княжествъ. Главная цѣль настоящей борьбы на Балканскомъ полуостровѣ состоитъ, въ свержении ненавистнаго ига мусульманъ-притѣснителей; населеніе Босніи и Герцеговины, достигнувъ своей извѣстной цѣли, желаетъ также воспользоваться плодами цивилизаціи. Поэтому на лицевой сторонѣ медали изображено: по срединѣ въ лучахъ выходящаго за тремя холмами солнца, слово «Цивилизація», а вокругъ него лавровый вѣнокъ, на листьяхъ котораго, видны названія разныхъ частей бывшаго сербскаго царства: «Црна-Гора», «Сербія», «Зета», «Старо-Сербія», «Банатъ», «Сремъ (Сирмія)», «Бачка», «Приморье», «Харватія», «Славонія», «Далмація», «Боснія», «Герцеговина». На оборотной сторонѣ медали изображеніе милосердаго самарянина, который, склонясь надъ умирающимъ и поддерживая его голову, изливаетъ изъ сосуда въ уста страдальца живительную влагу. Подъ этимъ изображеніемъ начертанъ 1875 годъ, свидѣтель патріотическаго движенія среди южныхъ славянъ, движенія, вызвавшаго всюду сочувствіе къ борцамъ за независимость въ Сербіи и Герцеговинѣ. И дѣйствительно, сочувствіе это перешло далеко за предѣлы этихъ многострадальныхъ областей. Всюду, какъ въ Харватіи такъ и Далмаціи, какъ въ Сербіи, такъ и въ Черногоріи семейства повстанцевъ, двинувшихся противъ изувѣровъ-мусульманъ, приняты были по братски; населеніе этихъ странъ оказываетъ всюду своимъ страждущимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ величайшую заботливость и попеченіе. Великодушныя рагузскія дамы, украшенныя женскими добродѣтелями, соблюдая заповѣданную Спасителемъ нашимъ любовь къ ближнему, приносятъ неутомимо раненнымъ и больнымъ всякія жертвы. Изъ Петербурга отправился также на дняхъ въ Черногорію санитарный отрядъ, посланный главнымъ обществомъ попеченія о больныхъ и раненныхъ. Въ составъ этой экспедиціи, находящейся подъ начальствомъ П. А. Васильчикова, вошло нѣсколько докторовъ, студентовъ мед.-хир. академіи и сестеръ милосердія. Названное общество на содержаніе госпиталя и на дѣло помощи выдало 75 т. руб. и кромѣ того вещей, пожертвованныхъ обществомъ, разными комитетами и лицами, оцѣнивается приблизительно на 50 т. рублей. Отдѣленіями славянскаго комитета и разными лицами пожертвовано до сихъ поръ на дѣло благотворительности около 100 т. руб. Существующее въ Вѣнѣ сербское ученое общество «Заря» устроило 26 января (н. ст.) концертъ-бесѣду въ пользу семействъ, бѣжавшихъ изъ Сербіи и Герцеговины въ австрійско-венгерскіе предѣлы.

Сочувствіе славянскаго міра къ тяжкимъ событіямъ, происходящимъ нынѣ въ Сербіи и Герцеговинѣ, выразилось не однимъ только гостепріимствомъ, пожертвованіями денегъ, одежды, медикаментовъ, припасовъ и оружія—отъ береговъ Адріатики до береговъ далекой Невы, на театръ настоящей борбы для помощи повстанцамъ стекаются отвсюду люди, горящіе желаніемъ сразиться съ иконнимъ врагомъ христіанства и съ наступленіемъ весны, не взирая на всѣ попытки дипломатіи умиротворить возставшій край, мы увидимъ, по всей вѣроятности, борцовъ за независимость на берегахъ Наренты, выступающихъ подъ предводительствомъ опытныхъ вождей въ кровавый бой съ азіатскимъ деспотизмомъ.

Нѣсколько словъ о воспитаніи куръ. Многіе хозяева, имѣютъ большое число куръ, но получаютъ, сравнительно, очень немного яицъ, такъ какъ, не умѣютъ отобрать хорошихъ куръ отъ дурныхъ. Прангe, въ своемъ руководствѣ для воспитанія куръ, указалъ нѣкоторые признаки, по которымъ можно легко отличить хорошую курицу отъ дурной. Первымъ признакомъ служитъ гребень и зобъ. Чѣмъ багровѣе они у курицы во время несенія яицъ, тѣмъ курица лучше. У плохихъ куръ зобъ и гребень бѣловато-красный, уши же либо бѣловаты, либо имѣютъ желто-розовый цвѣтъ. Если къ корму куръ примѣшивать достаточное количество яичныхъ скорлупъ, или извести, то куры не только будутъ клевать кормъ съ большею жадностью, но и, кромѣ того, будутъ нести въ два и три раза болѣе яицъ, чѣмъ обыкновенно. Хорошо-откормленная курица въ состояніи нанести много яицъ. но она не можетъ сдѣлать этого, если ей недостаетъ необходимаго матеріала для образованія скорлупы и даже совсѣмъ перестанетъ нести яйца, если ее будутъ кормить только просянымъ кормомъ и водою.

Вліяніе корней живыхъ растеній на гніеніе. Опытъ опровергнулъ всѣ возраженія, дѣлаемыя неоднократно противъ орошенія полей сточной водой, какъ противъ наносящаго вредъ мѣстности и подвергающаго окрестныхъ жителей различнымъ болѣзнямъ. Не только, окрестности орошенныхъ полей, но и живущіе на нихъ люди не терпятъ никакого вреда. Положеніе это, основанное на опытѣ, еще до сихъ поръ не было подтверждено учеными изслѣдованіями. Теперь г. Жаннель сообщаетъ два опыта, могущихъ отчасти разъяснить этотъ темный вопросъ: Размачивая бѣлые бобы, втеченіи 2-хъ недѣль въ водѣ, г. Жаннель получалъ глинистую, мутную жидкость, наполненную безчисленнымъ множествомъ бактерій и монадъ и помѣщалъ ее въ двухъ сосудахъ. Въ одинъ сосудъ было поставлено молодое растеніе, другой-же содержалъ въ себѣ одну жидкость. (При второмъ опытѣ, г. Жаннель прибавлялъ къ гнилой жидкости еще не много мяса). Оказалось, что жидкость, въ которой помѣщались корни растенія, очень скоро потеряла гнилостный запахъ, сдѣлалась болѣе прозрачной и содержала въ себѣ, по прошествіи 3-хъ дней, одни только инфузоріи; растеніе нормально развивалось далѣе, тогда какъ жидкость, находящаяся въ другомъ сосудѣ, пріобрѣла еще болѣе гнилостный запахъ и въ ней увеличилось число бактерій. Корни растущихъ растеній имѣютъ по этому свойство противодѣйствовать гніенію.

Въ Привислянскомъ краѣ давно уже установлены предупредительныя мѣры противъ безтолковаго истребленія дичи; но мѣры эти остаются безъ всякихъ почти результатовъ, по трудности установить правильный и постоянный надзоръ за исполненіемъ существующихъ на этотъ счетъ постановленій и вслѣдствіе всегдашней безнаказанности ихъ нарушителей. Особенно трудно усмотрѣть за крестьянами, истребляющими дичь разными способами и во всякое время, лѣтомъ и весною посредствомъ уничтоженія гнѣздъ, а осенью и зимою посредствомъ разнообразныхъ сѣтей и капкановъ. Въ Плоцкомъ уѣздѣ, какъ сообщаютъ «Korresp. Plski», на прошлой недѣлѣ случился по этому поводу слѣдующій фактъ: въ лѣсу, неподалеку отъ деревни Вылазлово, крестьянинъ разставилъ на волка или на зайца «внıку» т. е. сѣть, или особеннаго устройства капканъ. На другой день, раннимъ утромъ, лѣсной сторожъ обходя лѣсъ, открылъ «внıку» съ запутавшимся въ ней звѣремъ. но звѣрь этотъ былъ вовсе не волкъ и не заяцъ, а изъ сосѣдней деревни мужикъ. Оказалось. что еще съ вечера забрался онъ въ лѣсъ воровать дрова и въ потемкахъ запутался въ «внıку». Страхъ и уныніе, выражавшіеся на его смущенномъ лицѣ, свидѣтельствовали о томъ, что долгая ночь проведена была имъ не безъ печальныхъ думъ и размышленій...

Тверскія сыроваренныя артели, основанныя съ помощью земства, въ 1875 году вели дѣла свои удовлетворитель-

но, не смотря на то, что цѣны на молочные продукты вообще довольно значительно понизились. Артельщики получали за молоко отъ 40 до 45 к. за пудъ, и въ трехъ артеляхъ молока принесено было 15,119 пуд., на сумму до 6,267 руб. Въ видогощенской артели, въ которой главнымъ образомъ вырабатывался голландскій сыръ, годовой оборотъ простирался до 5.200 руб., а въ овсянниковской, произведенія которой преимущественно состояли: голштинское масло и зеленый сыръ, годовой оборотъ простирался до 18,000 руб ; въ городенской же, которая, вслѣдствіе бывшаго въ предшествовавшіе годы падежа скота, прекращала свою дѣятельность и возобновило ее лишь въ минувшемъ году, и то въ небольшемъ размѣрѣ, выварено было швейцарскаго сыру 68 пудовъ, на сумму до 500 рублей.

Американскія желѣзныя дороги Нью-Іоркская «Commercial Chronicle» обнародовала перечень желѣзныхъ дорогъ Соединенныхъ Штатовъ, на которыя за эти послѣдніе годы, былъ наложенъ секверстъ; всѣ эти линіи, не отвѣчавшія дѣйствительнымъ потребностямъ или дурно управляемыя, дали весьма неблагопріятные результаты. Къ 31 января 1876 г. всѣхъ выпущенныхъ компаніями этихъ дорогъ и неоплачиваемыхъ облигацій простиралось на сумму 4 милліардовъ 155 милліоновъ франковъ. Къ этой цифрѣ необходимо прибавить еще акціи, не приносящія никакого диниденда. Въ 1874 г. объявили себя несостоятельными 73 компаніи, въ 1875 г.—25 компаній и въ январѣ 1876—3, съ пассивомъ на 24 мил. франковъ.

Въ числѣ любопытныхъ предметовъ, которые будутъ фигурировать на филадельфійской выставкѣ, заслуживаетъ между прочимъ, особаго вниманія рельефный планъ Мексики, размѣры котораго, относительно, довольно значительны; 20 метровъ съ сѣвера на югъ и 14 метровъ съ запада къ востоку. Всѣ измѣренія соблюдены съ строгой точностью. Зданія будутъ представлены въ ихъ пропорціональной величинѣ, съ сохраненіемъ цвѣта, въ который они окрашены, съ вывѣсками магазиновъ, съ дверями, балконами, тротуарами и т. д. По улицамъ разставлено нѣсколько тысячъ оловянныхъ фигурокъ, которыя будутъ служитъ наглядными представителями мексиканскаго общества. Предметъ этотъ изготовляется по заказу губернатора Мексики, подъ руководствомъ одного французскаго скульптора.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА.

18-го Марта 1876 г.

	Покупатели.	Продавцы.	Продано.
5% заемъ съ выигр. 1-го выпуска .	214¼	214¾	215 214¾
5% заемъ съ выигр. 2-го выпуска .	210½	211	210¾ 210½
5% банк. б. 1 вып.	100¼	100⅜	100¼ ⅜
5% » » 2 »	100¼	100⅜	100⅜ —
5% обл. Спб. Гор. Кред. Общ. . .	92⅜	92½	92½ —
5% облигаціи Моск. Гор. Кред. Общ.	88⅞	89⅛	89 —

АКЦІИ.	Покупатели.	Продавцы.	Продано.
125 р. Гл. Общ. Росс. Жел. Дорогъ. .	163	163¼	163 —
125 » Ряжско-Динаб.	133½	134	133½ —
100 » Моск.-Рязанск.	322	141	— —
125 » Орловско-Вит.	140	333½	333 —
16 ф. с. Вит.-Динаб.	143¾	144¼	— —
100 р. Рыб.-Болог. . .	86	86½	86 86¼
100 » Тамб.-Козлов. .	74	—	—
125 » Моск.-брест. .	75	76	71 76

СОДЕРЖАНІЕ: **Е. И. В. Великій Князь Алексѣй Александровичъ.** Командиръ фрегата «Свѣтлана» (съ портретомъ). — **Вербкое воскресенье въ Москвѣ въ XVII столѣтіи** (съ рисункомъ). — **Въ домѣ коммерціи совѣтника.** Повѣсть **Э. Марлитта** (продолженіе). — **Севастопольскій памятникъ на Братской могилѣ севастопольскихъ защитниковъ (1854 — 1855 г.)** (съ 2-мя рисунками). — Политическое обозрѣніе. — О перемѣнѣ адреса. — Смѣсь. **„Распятіе“** (съ рисункомъ). **Медаль въ память событій въ Герцеговинѣ** (съ рисункомъ). — С.-Петербургская биржа: — Объявленія.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИРОДА

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ОДОБРЕНО ДЛЯ БИБЛІОТЕКЪ УЧЕБ. ЗАВЕДЕНІЙ.

ПОПУЛЯРНЫЙ естеств. историческ. Сборникъ, и дав. подъ редакц. Проф. **С. А. Усова** и **Л. П. Сабанѣева**. Роскошное изданіе на велен. бумагѣ. Выходитъ 4 книги въ годъ, по 27 печ. лист., съ 100—150 рисунками въ каждой. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА**— **8** р., съ перес. **9** р.; отдѣльно кажд. книга **2** р. Съ **хромолитогр** и **литограф. приложеніями** (7—9 въ кажд. книгѣ) **12** р.. съ перес. **13** р. **50** к., отдѣльно **4** р.—Книги, вышедшія въ 1873, 74 и 75 гг., можно выписывать **изъ редакціи** по **2** р. за книгу **безъ приложеній** и по **3** р. съ перес. и съ **приложеніями**: всѣ вышедшія книги съ подпиской на 1876 г. (14 томовъ) безъ прилож.—**25** р., съ приложен (около 100 хромолит. и литогр. животныхъ, растеній и т. п.) и съ перес. **38** р **ВЫШЛА ПЕРВАЯ КНИГА НА 1876 г.** съ картой и 115 рисунк. въ текстѣ. При ней: **2 хромолитогр., 5 литографій и портретъ.**

ЖУРНАЛЪ ОХОТЫ

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

органъ **ИМПЕРАТОРСКАГО** Общ. охоты, издаваемый подъ редакц. **Л. П Сабанѣева.** Выходитъ ежемѣсячно съ **хромолитогр.** или **литограф** въ кажд. книгѣ (около 5 печ. **лист.** убористь. печати, не считая печатающихся приложеній). Въ 1876 г. будетъ помѣщена статья **И. С. ТУРГЕНЕВА**; печатаются особ. прилож.— „Записки псоваго охотника“ **П М Мачеваріанова**, „Охотничьи птицы Россіи“ **Л. П. Сабанѣева**,—и будутъ выданы въ видѣ премій, по примѣру 1875 года. нѣсколько хромолитограф. рисунк. лучшихъ собакъ 2-й очереди. выставки въ Москвѣ.—Подписная цѣна **8** р., съ перес. **9** р. (на полгода **4** р. **50** к., съ перес. **5** р.); съ 1875 г.— **15** р. а съ 6 кн. 1874 г. **19** р. съ перес **ВЫШЛИ ГЕНВАРЬСКАЯ И ФЕВРАЛЬСКАЯ КНИГИ.**

ПРИМѢЧАНІЕ. Лица, подписывающіяся въ **КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІИ (Москва, Петровка, д. Самариной, и С-Петербургъ, Малая Садовая, д. Демидова. кв. 60)** на **оба** изданія—платятъ **16** р. безъ и **20** р. съ **приложеніями** Сборника —Абоненты 1876 г. на одинъ изъ журналовъ могутъ **высылать** недостающія деньги и на томъ же условіи пріобрѣтать изданія прежнихъ годовъ.

Въ 1876 г. часть хромолитографій и литографій выполняются въ литографіи Лемерсье ВЪ ПАРИЖѢ.

Въ конторахъ редакцій а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавц. продаются слѣд. новыя книги:

Рыбы Россіи. Жизнь и ловля нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ. **Л. П. Сабанѣева.** Описаніе образа жизни, уженья и ловли рыбъ. Большой томъ (640 стр.), съ 6 отд. картинами и 433 полиг. рыбъ и снарядовъ для ловли рыбъ. **Одобрено для библ. учебн. завед. Ц. 3 р. 50** к.

Доисторическія Времена или первобытная эпоха человѣчества, представленная на основаніи изученія остатковъ древности нравовъ и обычаевъ современ. дикарей. **Сэра Дж. Леббока.** Переводъ съ 3-го англ. изданія, съ 224 рисунк. древн. оруд., памятник., курган. и пр. **Ц. 3 р. 50** к.

Естественный Подборъ **Альфреда Русселя Уеллеса** (автора сочин. Малайскій Архипелагъ) **Ц. 2 р.**

Небесныя Свѣтила **К. Фламмаріона.** Общепонятное изложеніе астрономіи. Съ 75 рисунками. Одобрено для библіотекъ учебн. завед. **Ц. 1 р. 50.**

Выписывающіе означ. книги изъ главной конторы редакціи въ Москвѣ за пересылку не прилагаютъ.

26—11

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 35. 26—8

45—31

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ **НОВАЯ КНИГА**

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ДОМАШНЯЯ

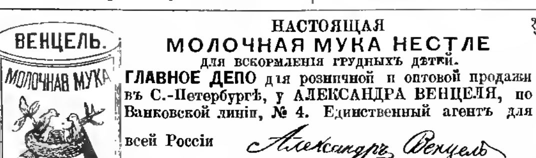
ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ

Сатирическіе очерки Сталя, Бальзака, Бедольера, Ж. Занда. Франклина, Дроза, Жюля-Жанена, Э. Лемуана, Поля-де-Мюссе, Шарль Нодье, Луи Віардо и другихъ.

Съ 158 **рисунками Гранвиля**, гравированными въ Парижѣ. Переводъ съ французскаго Н. А. Шульгиной подъ редакціею **А. Н. Плещеева**, изданіе Н. П. Карбасникова. **Цѣна** 2 р. 50 к., въ коленкоровомъ золотомъ тисненномъ переплетѣ 3 р. Выписывающіе отъ издателя Карбасникова въ С.-Петербургъ, Бассейная ул., № 14, кв. № 21, **за пересылку не платятъ.** № 10.

2 руб. 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—36

НАСТОЯЩАЯ

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ

для вскормленія грудныхъ дѣтей.

ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Ванковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ **Александра Венцеля**, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.

№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве** (Швейцарія) 26—2

Цѣна жестянки 85 к. безъ пересылки, вѣсъ $1^1/_4$ ф.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

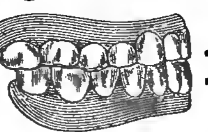
СКОРОМНЫЙ И ПОСТНЫЙ СТОЛЪ.

Руководство для приготовленія 2800 блюдъ, начиная съ самыхъ изысканныхъ разныхъ печеній, хлѣбовъ, вареній, наливокъ и т. п. **съ 20-ю раскрашенными рисунками всѣхъ частей быка и теленка**, снятыми съ натуры и сопровождаемыми подробнымъ описаніемъ употребленія каждаго куска, цѣна 4 руб. сер. Составлено и издано О. Павловской. Рисунки исполнены художникомъ П. Борелемъ.

Продается въ С.-Петербургѣ у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, **въ Москвѣ у гг. книгопродавцевъ. Мамонтова, Соловьева и Салаева.**

№ 11.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Карлъ **Баухъ,**

жительствующій по Большой Морской, домъ Росмана, № 9, приготовляетъ искусственные зубы по новѣйшей американской методѣ, съ многолѣтнимъ ручательствомъ за прочность и удобство, и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч., на умѣренныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ. 6—6

КОНТОРЫ ТОВАРИЩЕСТВА А. А. ПЕЧЕНКИНА И Ко

въ Казани и Екатеринбургѣ

Продаютъ выигр. билеты 1 и 2 з. съ разсроч. по 10 руб. Первый взносъ не менѣе 20 р. Страхуютъ билеты по 60 к. 5—4

VORTHEILHAFT!!

Ein solides Haus (Galanteriebranche) sucht in allen Städten thätige Verkäufer gegen hohe Provision. **Franco Offerten in deutscher Sprache** mit **C. R. an die Redaction dieses Blattes.** 10—10

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 23 Марта 1876 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб., Больш. Морская д. № 9. Тип. **Веллинга**, Англ. пр., № 10.

ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 14 — 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 5 Апрѣля 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за АПРѢЛЬ съ 32 рисунками и большой листъ выкроекъ съ чертежомъ.

Кокоревская мельница.

Обводный каналъ. Измаиловскій проспектъ.

Кокоревская паровая мельница послѣ пожара. Съ модели скульптора Шиндгельмъ, фотографировалъ Ясвойнъ, рисов. на деревѣ Сташковскій, гравир. Шлабскій.

1) Дымовая труба.
2) Магазинное отдѣленіе.
3) Матеріальное отдѣленіе.
4) Вѣялочное.
5) Лѣстница.
6) Мѣшальное отдѣленіе.
7) Жерновое.
8) Парадная лѣстница.
9) Лѣстница съ набережной обводнаго канала.

Кокоревская мельница.

Въ виду разсмотрѣнія вновь *дѣла Овсянникова* въ Сенатѣ по кассаціонной жалобѣ, представленной его повѣреннымъ г. Потѣхинымъ, (дѣло разсматривалось 24 марта), мы напомнимъ нашимъ читателямъ обстоятельства дѣла. На прилагаемомъ рисункѣ изображена мельница, пожаръ которой послужилъ началомъ дѣла. Свѣдѣніе о разсмотрѣніи дѣла Овсянникова въ Сенатѣ мы представимъ своевременно. Предположеніе правительства объ устройствѣ паровой мельницы впервые осуществлено было Фейгинымъ. Мельница была устроена со всевозможными усовершенствованіями на европейскій образецъ, съ возможной роскошью въ техническомъ отношеніи. Тогда еще въ фундаментъ этой на европейскій образецъ устроенной мельницы вложилъ свой собственный, весьма солидный камень извѣстный хлѣбный торговецъ Овсянниковъ. Онъ внесъ за Фейгина 500,000 р. залога и поддерживалъ Фейгина кредитомъ въ хлѣбномъ товарѣ на весьма значительную сумму. Въ 1867 г. положено уже было основаніе дѣлу по устройству паровой мельницы; въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ заключенъ контрактъ Фейгина съ казною. Въ 1871 году мельница была окончательно устроена. Уже въ 1869 г. мельница была заложена въ 300 т. р., въ 1872 г. она была перезаложена Кокореву въ суммѣ 700 т. р.

Отопленіе паромъ и освѣщеніе газомъ прекращено было на мельницѣ за двое сутокъ до пожара. За двое сутокъ прекращена была на мельницѣ работа по размолу зерна. Допустить предположеніе, что пожаръ на мельницѣ произошелъ отъ тренія осей въ мельничныхъ барабанахъ—невозможно. Работы были прекращены за двое сутокъ до пожара; наканунѣ пожара на мельницѣ были только рабочіе, которые очищали помѣщеніе отъ мучной пыли. Въ 4 часа рабочіе ушли съ мельницы; въ 6 или 7 часовъ мельница была осмотрѣна приказчиками, а пожаръ начался въ пятомъ часу утра.

Если обойти зданіе мельницы, то покажется съ перваго взгляда, что огонь дѣйствительно вышелъ какъ-бы изъ земли цѣлою массою и пожралъ всю внутренность мельницы, не встрѣчая никакихъ препятствій, а огромное число оконныхъ и дверныхъ пролетовъ, какъ-бы свидѣтельствуетъ, что огонь и не могъ встрѣчать никакихъ препятствій. Если присмотрѣться ближе къ слѣдамъ разрушенія въ зданіи мельницы, то оказывается, что мѣстами уцѣлѣло дерево, мѣстами обгорѣлъ чугунъ. Наличность уцѣлѣвшаго дерева свидѣтельствуетъ непреложно о томъ, что тамъ, гдѣ оно уцѣлѣло, огня не было. Обгорѣвшій же чугунъ свидѣтельствуетъ намъ, что тамъ, гдѣ онъ горѣлъ, огонь былъ весьма силенъ. Попытка, отыскать гдѣ именно, въ какой точкѣ начался огонь, установить до нѣкоторой степени направленіе огня, попытка весьма естественная, потому что вообще человѣкъ очень мало расположенъ вѣрить чудесному—представляется осуществимою. Если затѣмъ обратимъ вниманіе на тѣ слѣды разрушенія, которые носятъ на себѣ кирпичныя стѣны, то убѣдимся, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кирпичъ остекловился, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ онъ носитъ на себѣ только слѣды копоти. Эти слѣды разрушенія приводятъ къ тому заключенію, что тамъ, гдѣ слѣды сильнѣе, былъ и огонь продолжительнѣе, тамъ, слѣдовательно, надо искать и начало пожара. По модели, которая стоитъ передъ вами, оказывается, что слѣды остекловившагося кирпича наиболѣе замѣтны на стѣнѣ зерносушильни, въ началѣ подземнаго канала въ вѣялочномъ отдѣленіи. Откуда бы не начался пожаръ, изъ дымогарной трубы или изъ вѣялочнаго отдѣленія, не представляется никакой возможности соединить два совершенно противоположныхъ пункта, въ которыхъ огонь первоначально появился: зерносушилку и въ подвалъ магазиннаго отдѣленія. Капитальная стѣна, раздѣляющая магазинное отдѣленіе отъ зерносушилки, не имѣетъ въ подвальномъ этажѣ никакихъ пролетовъ, огонь могъ пройти изъ зерносушилки въ магазинное отдѣленіе развѣ только подъ лѣстницею. Но подъ лѣстницею находятся деревянныя двери и эти двери уцѣлѣли. По слѣдамъ копоти, которые отмѣчены на модели, видно, что огонь тянуло въ зерносушилку. Близь этой лѣстницы въ зерносушилкѣ сохранились деревянныя балки, изъ чего слѣдуетъ заключить, что огонь не могъ сообщиться изъ сушильни въ подвальное отдѣленіе изъ подъ лѣстницы. Профессоръ Бутлеровъ показалъ, что мука ни тлѣть ни горѣть не можетъ, что пыль отъ мучной трухи способна вспыхивать, когда она насыщаетъ воздухъ, когда она равномѣрно смѣшивается съ воздухомъ.

Остается еще одно сообщеніе, которое не связываетъ однакоже непосредственно зерносушилку съ магазиннымъ отдѣленіемъ: это подвалъ магазиннаго отдѣленія подъ подмостомъ къ вѣялочной трубѣ. Тамъ видно, что, отвлекаясь отъ основанія трубы, огонь шелъ подваломъ и истребилъ первую дверь, вторая уцѣлѣла и носитъ на себѣ только слѣды копоти. Далѣе, въ срединѣ подвала какой-то желѣзный приводъ, конструкціи не легко воспринимающей огонь. Къ отдушинѣ въ стѣнѣ магазиннаго отдѣленія замѣтны слѣды копоти, слѣды дыма, но не огня, и нѣтъ основанія предполагать, чтобы огонь отдушиной прошелъ въ подвалъ магазиннаго отдѣленія, тѣмъ болѣе нѣтъ основанія, что огонь въ подвалѣ къ отдушинѣ былъ второстепенный, былъ отвлеченіемъ отъ огня въ вѣялочной трубѣ. Огонь въ подвальномъ отдѣленіи магазина найденъ пожарною командою совершенно въ противоположномъ концѣ отъ этой отдушины и невозможно допустить, чтобы онъ прошелъ сюда какимъ-то зигзагомъ. Быть можетъ, огонь могъ распространиться съ того помоста отъ вѣялочной трубы первымъ этажемъ. Вырытыя изъ муки балки, обгорѣвшія снизу и сверху, остались совершенно цѣлы на протяженіи, соотвѣтствующемъ первому этажу. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ, что въ первомъ этажѣ огня не было; балки, лежавшія двѣ недѣли въ горѣвшей мукѣ, сохранились неприкосновенными. Брандъ-маіоръ заявилъ, что въ то время, когда вѣялочная труба горѣла, онъ прошелъ по подвальному помосту мимо трубы, сплошной массы огня, которая соединяла бы вѣялочную трубу съ первымъ этажемъ магазиннаго отдѣленія, вовсе не было. Чѣмъ выше этажъ, тѣмъ труднѣе допустить соединеніе огня отъ вѣялочной трубы съ огнемъ въ подвалѣ магазиннаго отдѣленія, потому что приходилось бы допустить, что воспламенившаяся пыль рикошетомъ передавала огонь сверху внизъ, что пыль эта имѣла какъ бы свойства телеграфическаго аппарата. Въ вѣялочномъ отдѣленіи вверху обгорѣли чугунныя стойки, между тѣмъ, какъ въ матеріальной кладовой сохранилось внизу дерево.

Новыя владѣнія Россіи

„Ферганская область“ бывшее Кокандское ханство.

Военныя событія, разгорѣвшіяся на границахъ нашихъ съ коканскимъ ханствомъ, по поводу извѣстнаго возстанія кара-киргизовъ и китай-кипчаковъ противъ Худояръ-хана, въ началѣ минувшаго лѣта, вызвали наше вооруженное вмѣшательство. Возставшіе неограничились сверженіемъ хана съ его престола, глава ихъ Абдурахманъ-автобачи, расширилъ свой первоначальный планъ и довелъ его до газата, т. е. до священной войны противъ невѣрныхъ. Его полчища вторглись въ наши предѣлы и, вызванные къ бою, мы принуждены были занять нашими войсками безпокойное ханство...

Первыя попытки наши—держаться въ предѣлахъ посредничества и покровительства законному хану — не удались. А между тѣмъ конца безпорядкамъ не предвидѣлось... Эти безпорядки, отражавшіеся вредно и на нашихъ мѣстностяхъ, могли только подорвать нашъ кредитъ, уменьшить грозный авторитетъ нашей силы. Надо было нанести ударъ могучій и рѣшительный и благодѣтельныя послѣдствія этого удара не замѣдлили-бы выказаться. Личные интересы Худояръ-хана и его династіи, нисколько для насъ неинтересные, должны были быть принесенными въ жертву общему дѣлу, и присоединеніе Коканскаго ханства къ Россіи состоялось.

Переименованное въ скромное имя Ферганской области, ханство это вошло въ наши предѣлы и весьма удобно округлило нашу, почти черезполосную, восточно-туркестанскую границу.

Все это даетъ намъ право думать, что для читателя не будетъ безъинтересно узнать, что это за Ферганская область, небольшой гористный клочекъ, значущійся на картѣ, стоившій намъ и нѣкоторыхъ жертвъ и весьма почтенныхъ, продолжительныхъ усилій.

Когда вы взглянете на карту, вы увидите небольшой овалъ верстъ триста въ длину и около полутора сотъ въ ширину, рѣзко раздѣленной на двѣ части; одну часть нѣсколько большую, южную занимаютъ сплошные горные хребты отроги и развѣтвленія главной группы Тіанъ-Шаня,—другая часть представляетъ собою низменную равнину, изрѣзанную рѣками, испещренную городами и селеніями. На этой мѣстности, незначительной по своимъ скромнымъ размѣрамъ, скучилось до трехъ милліоновъ населенія, почтенная цифра, краснорѣчиво говорящая за климатическія и экономическія удобства края... Большинство этого населенія составляютъ производительныя силы, осѣдлые узбеки и сарты, жители городовъ и земледѣльцы, меньшинство кочевые горцы, кара-киргизы и китай-кипчаки, бывшіе вѣчнымъ гнетомъ для осѣдлыхъ, вѣчною причиною раздоровъ и междоусобицъ, раздиравшихъ хронически несчастное ханство. Сила этихъ хищныхъ и безпокойныхъ подданныхъ Худояръ-хана, страхъ, который они наводили на горожанъ и земледѣльцевъ, теперь парализованы. Съ прибытіемъ нашихъ солдатъ, съ постройкою, гдѣ слѣдуетъ, грозныхъ укрѣпленій, водворился порядокъ въ горахъ, наложена прочная узда для самыхъ необузданныхъ.

Что-же касается до осѣдлаго населенія, то, его національная гордость не была слишкомъ уязвлена приходомъ завоевателей. Узбеки и Сарты весьма сочувственно отнеслись къ нашему приходу и актъ присоединенія встрѣтили не безъ удовольствія. Ропотъ и озлобленный протестъ слышался только со стороны фанатическаго духовенства, боявшагося за неприкосновенность своей власти и силы; ропотъ этотъ — старая пѣсня, давно уже слышанная нами и прежде — и въ Ташкентѣ, и въ Самаркандѣ и на обильныхъ водахъ Аму-Дарьинской дельты.

Даже у самихъ туземцевъ ропотъ этотъ теперь не вызываетъ ничего, кромѣ презрительной улыбки.

Чудную картину представляетъ собою низменная долина Ферганской области. Прекрасная почва, орошенная множествомъ рѣкъ, цѣлою сѣтью арыковъ гонитъ могучую растительность. Едва только путешественникъ переправляется на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи, то уже, начиная отъ Макрама, крѣпости ознаменованной двукратнымъ боемъ нашихъ войскъ съ силами Абдурахманъ-автобачи,—справа и слѣва онъ видитъ сплошные сады и плантаціи, между которыми пестрѣютъ разбросанные города и селенія, клочка земли нѣтъ необработаннаго, все взрыто прилежнымъ плугомъ, все раздѣлено въ правильныя грядки, все засѣяно и зеленѣетъ, на всемъ лежитъ печать труда и промышленности.

Счастливая мѣстность, выдержавшая на себѣ всѣ тяжести ударовъ и раззорѣнія перенесенныхъ междоусобицъ, оправилась и разцвѣла снова. Нѣсколькихъ мѣсяцевъ мира достаточно было, чтобы окончательно сгладить слѣды—годовой войны.

Справа, далеко за этимъ моремъ цвѣтущей земли, синѣютъ громадныя горы съ ярко-сверкающими снѣжными гребнями... Пріятная прохлада вѣетъ оттуда отъ этихъ вѣчныхъ ледниковъ, умѣряетъ страшный жаръ здѣшняго солнца, благотворно вліяетъ на климатъ мѣстности, однимъ изъ здоровыхъ и лучшихъ климатовъ центральной Азіи.

Первая рѣка, встрѣчающаяся на пути, вытекаетъ изъ ледниковъ Алтайскихъ горъ, отъ озера Яшиль-Куль, съ бѣшенствомъ спускается съ высотъ, стремительно бѣжитъ стѣсненная ущельями и вырывается на свободу, у селенія Сары-Курганъ (желтая крѣпость) съ верховьевъ до сихъ поръ она носитъ названіе Сохъ, далѣе т. е. ниже разнѣтвляется на цѣлую сѣть отдѣльныхъ рукавовъ, каждый рукавъ въ свою очередь кончается подобными же развѣтвленіями, образуя, не безъ помощи рукъ прилежнаго земледѣльца, цѣлую сложную систему орошенія города Кокана и его окрестностей.

Кромѣ самого Кокана, съ его слишкомъ стотысячнымъ населеніемъ, до пятидесяти отдѣльныхъ значительныхъ селеній и кишлаковъ пользуются водами этой системы.

Какъ всѣ горныя рѣки, рѣка Сохъ и ея рукава обладаютъ свойствомъ періодическихъ повышеній и пониженій ея уровня. Лѣтомъ это особенно ощутительно... Едва только солнце поднимается на полдень и начинаетъ своими лучами согрѣвать высокіе ледники, рѣка и ея рукава вздуваются, вода течетъ быстрѣе и выходитъ изъ береговъ. Тамъ, гдѣ ночью конный могъ проѣхать не замоча своихъ ногъ, тамъ теперь ни одинъ смѣльчакъ не рискнетъ переправиться вплавь и терпѣливо ждетъ вечера, когда спадетъ жаръ, снова остынетъ поверхность ледниковъ и успокоятся расходившіяся рѣки. Вѣроятно вслѣдствіе этого явленія одинъ изъ главнѣйшихъ рукавовъ р. Соха носитъ названіе Каримъ-Дувана, (первое имя собственное, второе значитъ—юродивый, сумасшедшій бѣшенный).

Далѣе на востокъ отъ Кокана, продолжая путешествіе, по картѣ, по длинѣ окала, вы не болѣе какъ въ восьмидесяти верстахъ встрѣчаете слѣдующій большой городъ Маршланъ, почти не уступающій Кокану своими размѣрами и числомъ населенія, и здѣсь вы встрѣчаете новую параллельную оросительную систему, устроенную отчасти природою отчасти руками человѣческими. Рѣка Исфойранъ и Шахи-Морданъ играютъ тутъ такую же роль какъ р. Соха.

Взявъ немного на сѣверо-востокъ и сдѣлавъ переходъ въ какихъ нибудь тридцать верстъ, вы снова встрѣчаете обильно населенный пунктъ—это городъ Шариханъ, а за тѣмъ богатый Андижанъ, расположенный уже вблизи рѣки Кара-Дарьи, этого колоссальнаго притока Сыра.

Немного на сѣверъ, въ роскошной долинѣ, гдѣ сходятся рѣки Нарынъ и Кара-Дарья, образуя своимъ соединеннымъ теченіемъ колоссальную «Сыръ-Дарью», раскинулся цвѣтущій Наманганъ, съ своими зубчатыми стѣнами и тѣнистыми, многолюдными базарами.

Между нимъ и Андижаномъ, по обоимъ берегамъ Кара-Дарьи, буквально нѣтъ мѣста свободнаго, все занято садами и селеніями, всюду кажется самая оживленная дѣятельность.

Узкія дороги, вьющіяся между садовыхъ стѣнъ—пересѣченныя безчисленными мостиками, перекинутыми черезъ водопроводныя арыки, кишатъ проѣзжимъ людомъ. Поминутно слышится скрипъ двухколесныхъ арбъ, топотня кованныхъ конскихъ копытъ, мягкое шлепанье тяжелыхъ верблюжьихъ ступней, крикъ и говоръ путешествующихъ и погонщиковъ. Въ базарные дни, когда къ городамъ стекается все окрестное населеніе, буквально нѣтъ проѣзда по этимъ оживленнымъ дорогамъ.

Далѣе, поднимаясь вверхъ по Кара-Дарьѣ, вы достигаете до города Урсптъ, которому, вмѣстѣ съ его ближайшимъ сосѣдомъ—городомъ Ушемъ, всегда выпадала незавидная доля принимать на себя первые удары воинственныхъ полукочевыхъ горцевъ. Здѣсь уже природа становится бѣднѣе, населеніе слабѣе. Мѣстность замѣтно холмится, горные отроги спускаются между притоками Ясы, Каракульджа, Джелесу, Акъ-бура,—за ними видны уже ясно тяжелыя, скалистыя громады Кичи-Алая, съ его бѣдными, лѣнивыми обитателями, предпочитающими праздную жизнь и разбой трудолюбію низменныхъ узбековъ.

Ушь ознаменовался еще тѣмъ, что около него, подъ самыми его стѣнами—небольшая горсть русскихъ стрѣлковъ-казаковъ подъ начальствомъ генерала Скобелева, окончательно разбила на голову и разсѣяла остатки арміи Абдурахманъ-Автобачи послѣдній оплотъ этого замѣчательнаго средне-азіатскаго агитатора. Побѣда эта имѣла своимъ результатомъ сдачу самаго Абдурахмана-Автобачи и бѣгство самозваннаго хана Фулатъ-бека, впослѣдствіи таки пойманнаго и повѣшеннаго.

Вотъ краткій очеркъ долины Ферганскаго округа или области, бассейна верховьевъ Сыръ-Дарьи и ея истоковъ, намъ остается только вкратцѣ указать на то значеніе, которое вмѣетъ присоединеніе къ нашимъ средне-азіатскимъ владѣніямъ этой мѣстности—тѣхъ выгодъ, которыя намъ предстоитъ извлечь изъ этого присоединенія.

Прежде всего мы вспомнимъ про ближайшую колоссальную сосѣдку Кокана, отдѣленную отъ него горами и быстро обрусѣвшимъ Семирѣчьемъ—Сибирь. Вотъ что говоритъ по этому поводу газета «Новое Время».

«Сибирь, по своему положенію и климатическимъ условіямъ, лишена всякой возможности развивать у себя культурныя произведенія южныхъ странъ. Не говоря уже о такихъ продуктахъ какъ шелкъ, хлопокъ, краски, оливковое масло и пр., необходимыхъ для питанія мануфактурной промышленности, даже предметы, такъ сказать, обыденныхъ потребностей, каковы: виноградныя вина, фрукты, аптекарскіе и колоніальные товары, въ Сибири до сихъ поръ получаются изъ Москвы и Петербурга. Принимая въ разсчетъ, что эти послѣдніе города получаютъ означенныя произведенія большею частію изъ западной Европы, не трудно понять, что при такихъ условіяхъ въ Сибири не только немыслима мануфактурная промышленность, но почти невозможно пользованіе привычными для всякаго образованнаго человѣка удобствами цивилизованной жизни. Иначе и быть не можетъ, если вспомнить, что отъ Томска, центра Сибири, до Петербурга 4 тысячи верстъ. Желѣзная дорога впослѣдствіи можетъ облегчить это пространство и удешевить привозъ, но она не сократитъ разстоянія.

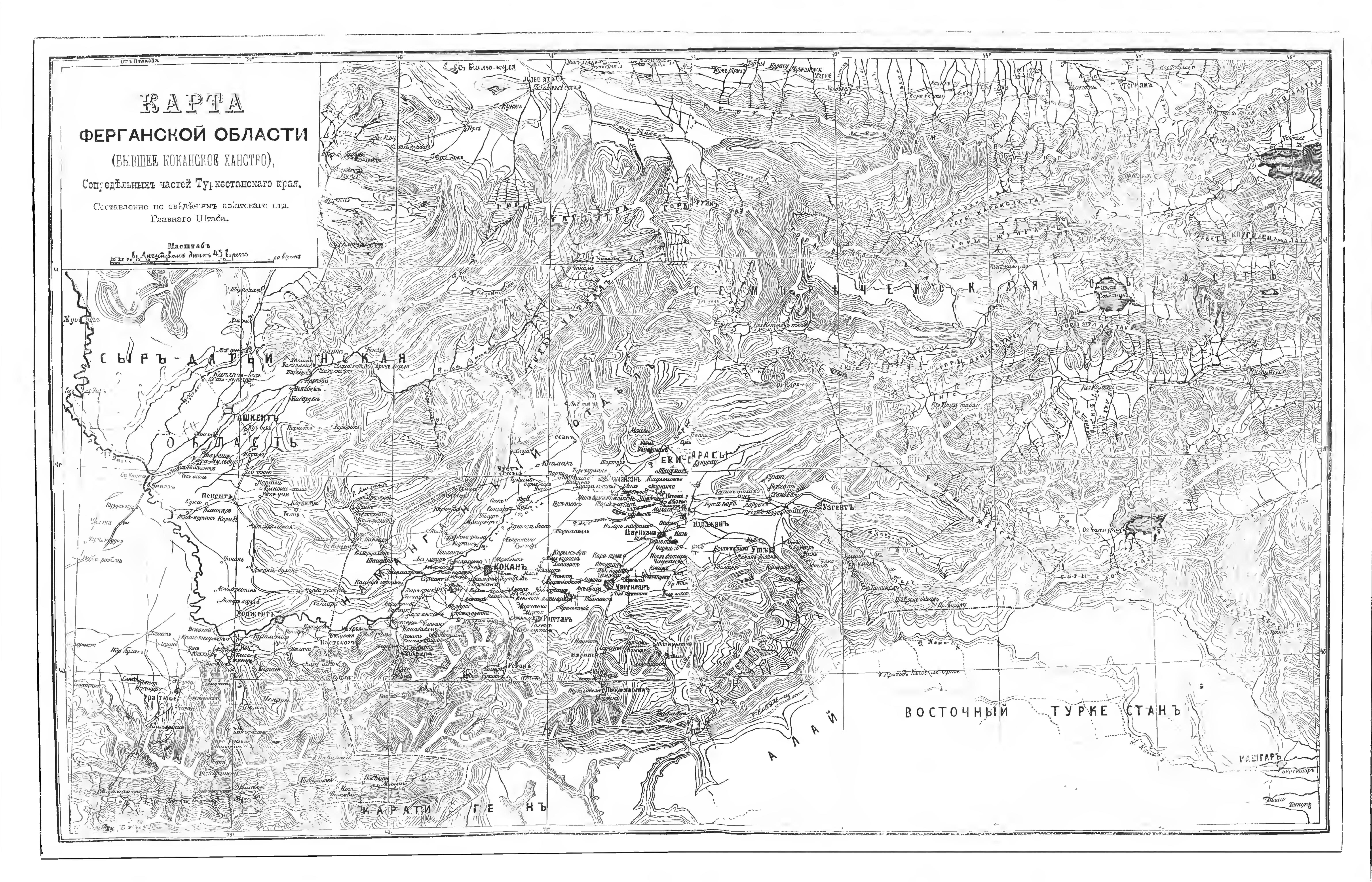
Близость юга—это преимущество Европы и даже европейской Россіи, позволяя пользоваться удобно произведеніями южныхъ странъ и ихъ благотворнымъ климатомъ,—для Сибири не существовало... А отсутствіе этого преимущества не могло не повліять на развитіе Сибири, на развитіе тамъ вполнѣ цивилизованной жизни.

«Сибири было необходимо сосѣдство юга и она пріобрѣла его съ присоединеніемъ къ ней Семирѣчья, а впослѣдствіе и Кокана.

Коканъ недаромъ у туземцевъ заслужилъ названіе «плѣнительный Коканъ». Его плодоносная долина представляетъ собою сплошной садъ, изобилующій всѣми произведеніями юга. Кромѣ хлопка и риса, здѣсь можетъ быть съ большимъ успѣхомъ развито винодѣліе, шелководство и табачное производство, не говоря уже о садоводствѣ, которое и безъ того хорошо развито и даетъ обильные запасы фруктъ, красильныхъ и аптекарскихъ растеній. Въ Коканѣ найдены и уже эксплуатируются нефтяные источники; есть мѣдные и серебросвинцовые руды, найдется и уголь и много другихъ минеральныхъ сокровищъ. Черезъ Коканъ могутъ быть получаемы въ Сибирь всѣ произведенія изъ-за Тіаншаньскаго хребта, изъ Западнаго Китая и даже Индіи. Коканъ, наконецъ, представляетъ лучшую климатическую мѣстность для имѣющихъ надобность поберечься отъ разрушительнаго вліянія сѣвернаго климата. Такимъ образомъ Сибирь пріобрѣтаетъ въ Коканѣ то, чѣмъ для нея служитъ Западная Европа, Крымъ и Кавказъ. Для сибиряка пользоваться произведеніями Кокана также удобно, какъ для насъ произведеніями нашего юга, ибо на незначительномъ протяженіи, всего 800 верстъ, несмотря даже на гористую мѣстность, можно будетъ улучшить пути сообщенія и довести ихъ до совершенства европейскихъ дорогъ.

Такое отношеніе къ Туркестанскому краю и Кокану, сибиряки поняли съ перваго же раза. Въ то время, когда громадныя пространства Амурской и Уссурійской областей до сихъ поръ представляютъ почти пустыню, когда населеніе Оренбургскаго края ни на волосъ не подвинулось и не могло подвинуться по пути къ Аральскому морю,—путь отъ Иртыша до Вѣрнаго сразу же началъ затягивать казацкія станицы, годъ отъ году разростающіяся все больше и больше.

Само собою разумѣется, что если Сибирь поспѣшитъ воспользоваться новою областью и ея обильными благами, то и трудолюбивое, способное трехмильонное населеніе Кокана съумѣетъ извлечь свои выгоды изъ сношеній съ Сибирью и эти сношенія благодѣтельно отзовутся на жизни той и другой страны, ускорятъ взаимное развитіе, быстрѣе поднимутъ уровень цивилизаціи.

Новыя владѣнія Россіи. Карта Ферганской области (бывшее Коканское Ханство), сопредѣльныхъ частей Туркестанскаго Края, составленная по свѣдѣніямъ азіатскаго отд. Главнаго Штаба. Гравировалъ Бергъ и Скржымовскій.

Все дѣло только будетъ зависѣть отъ скорѣйшаго проведенія удобныхъ путей и на это должны быть направлены главныя правительственныя силы того и другаго округовъ.

Тогда только мы можемъ сказать, что недаромъ мы затратили до сорока лѣтъ на нашъ медленный военный походъ въ центральную Азію, не даромъ проходили эти громадныя, безводныя пустыни, недаромъ лили кровь въ войнахъ съ Бухарою, Коканомъ и Хивою - и во всякомъ случаѣ дешевле и легче пріобрѣли теперь несравненно выгоднѣйшій кусокъ, чѣмъ хивинскій оазисъ, поглотившій милліонъ денегъ, стоившій тяжкихъ жертвъ и усилій.

При большемъ ознакомленіи съ новопріобрѣтенною областью мы подѣлимся съ читателями болѣе подробными, болѣе интересными сообщеніями.

Н. К.

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

XIII.

Въ сѣняхъ, гдѣ окна выходили на сѣверъ, было уже довольно темно; тутъ, на красномъ кирпичномъ полу, лежали свѣтлыя полосы—отраженіе послѣднихъ огненныхъ лучей заходящаго солнца, которые играли на кухонной стѣнѣ, а дверь въ кухню была отворена. Тетушка-дьяконица стояла тамъ у окна и перемывала чайную посуду. Прежняя кухарка, вновь приглашенная, обѣщалась придти только завтра (она прихворнула), а потому нѣкоторыя хлопоты по хозяйству лежали еще на плечахъ старушки. Она съ дружески-ласковой улыбкой кивнула Кэтѣ... Тетушка совсѣмъ и не подозрѣвала, что̀ творилось тамъ, за этой широкой дверью; никакое предчувствіе не смущало ея мирной, кроткой души. Молодая дѣвушка содрогнулась и, не глядя на старушку, поспѣшила пройти въ садъ.

Было довольно-таки свѣжо̀. Сильный вѣтеръ дулъ съ рѣки; рѣзкія, холодныя струи воздуха обдавали лицо и плечи Кэты, а на ней и было только шолковое платье. Съ высоко-вздымавшеюся грудью бросилась она навстрѣчу этому пронзительному вѣтру. Сильнымъ чувствомъ была одарена эта дѣвушка; горячая, юношески-бурная кровь бѣжала у нея въ жилахъ; пламя сердечнаго негодованія пылало на ея щекахъ, сверкало въ сухомъ, жгучемъ взглядѣ, а оконечности тѣла нервически трепетали.

Да, ей только-что пришлось пережить нѣчто ужасное... Въ самомъ дѣлѣ, при какой страшной борьбѣ двухъ разгоряченныхъ существъ присутствовала она!.. И кто-же вызвалъ эту бурю?.. Виновницей всему — была ея сестра, эта вѣроломная, суетная женщина... Она играла, завязывая серьезный узелъ, долженствовавшій соединить *ихъ*, играла, чтобы потомъ — чуть что̀ не понравится — разорвать его и кусочки пустить по̀ вѣтру, какъ негодную паутину!.. Правда, на этотъ разъ Флора крѣпко ошиблась въ выборѣ новой жертвы своей забавы: она наткнулась на кусокъ стали, полагая найти мягкое сердце, которое легко можно растоптать, глубоко унизивъ въ глазахъ свѣта, доведя его до отчаянія систематическимъ, постепеннымъ охлажденіемъ... Но что-же сдѣлаютъ тутъ его твердость и энергія, который онъ обнаружилъ въ борьбѣ съ ней?.. Побѣжденъ все-таки онъ...

Кэта взошла на мостъ и, облокотившись руками на ветхія, расшатавшіяся деревянныя перила, стала глядѣть внизъ. Шумящія волны катились подъ ея ногами; тамъ-и-сямъ высоко взлетали брызги, такъ какъ около берега стремящейся водѣ мѣшали обнаженные, торчащіе крѣпкіе корни деревьевъ, а дно рѣки было усѣяно камнями, которые упорно отстаивали свое мѣсто.

Тутъ шла вѣчная борьба, а тамъ, вдали, въ блестящее зеркало рѣки смотрѣлся блѣдный серпъ луны, и казалось, что неподвижный серпъ этотъ на вѣчныя времена прикрѣпленъ къ небесному своду. Такъ же-ли вѣчна̀ любовь въ человѣческомъ сердцѣ? Могутъ-ли сокрушить ее удары свирѣпой бури, или и они безсильны?.. Не исчезала-ли любовь, если сердце вынуждено было презирать то, что̀ оно любило, если идеалъ разлетался въ дребезги?.. Нѣтъ, не исчезала... Кэта во-о̀чію видѣла это.

Странная, непонятная страсть!.. Вотъ, надъ этой самой крышей любовь однажды заставила сердце человѣческое испытать всѣ муки, всѣ страданія и довела его до отчаянія.., Какъ-то недавно, возвращаясь домой, тетушка-дьяконица разсказала Кэтѣ такую исторію: Въ этомъ самомъ „домикѣ надъ рѣкой“ жила прелестная молодая вдова изъ фамиліи ф. Баумгартеновъ. Наслѣдникъ ея покойнаго мужа (представитель побочной линіи), весьма красивый кавалеръ, ежедневно являлся сюда изъ стараго фамильнаго за̀мка, чтобы поглядѣть на прелестное женское личико... А личико это, обрамленное вдовьимъ покрываломъ, обыкновенно выглядывало изъ окна. Прекрасный кавалеръ не дерзалъ входить въ домъ, потому что вдовушка была очень скромна. Частенько-таки онъ, гарцуя на своемъ ворономъ конѣ, проѣзжалъ узкій деревянный мостъ и осаживалъ горячее, фыркающее животное подъ завѣтнымъ окномъ, чтобы насладиться дыханіемъ прелестной женщины и горячо, страстно поцѣловать ея бѣлую ручку... И тѣ, кто видѣлъ это, божились, увѣряли всѣхъ, что какъ только *она* сниметъ трауръ—*онъ* введетъ молодую вдову снова хозяйкою въ за̀мокъ Баумгартеновъ. Однако, случилось какъ - то такъ, что онъ уѣхалъ на довольно продолжительное время, отправился къ какому-то иностранному двору, ну, и вотъ, люди стали сообщать благородной женщинѣ, что прекрасный-то кавалеръ вернется сюда не одинъ, а съ молодой супругой изъ высокородной графской фамиліи. Улыбнулась только прелестная вдова на такія рѣчи и стала еще усерднѣе высматривать изъ окна... Она не вѣрила такому коварству, не вѣрила, пока не услышала звуковъ, доносившихся сюда изъ за̀мка: трубы и рога возвѣстили ей, что возвратившійся владѣлецъ торжественно празднуетъ прибытіе въ замокъ своей молодой, гордой супруги... На другой день, утромъ, *онъ*, вмѣстѣ съ новой госпожей замка, перешелъ деревянный мостикъ и направился къ домику, чтобы представить жену свою особѣ, живущей „за рѣкой“. Еще издали были видны разноцвѣтные тюльпаны на тяжеломъ парчевомъ платьѣ молодой дамы, которая волочила его по землѣ; еще издали сверкала драгоцѣнными камнями графская корона на широкомъ вѣерѣ въ ея рукѣ; борзая рыжая собака (она, бывало, всегда бѣжала впереди воронаго коня) и теперь сопутствовала ему, но на этотъ разъ песъ не подбѣжалъ къ окну, изъ котораго когда-то бѣлая ручка угощала его сахаромъ и пирожками... Онъ пустился вдоль берега рѣки и, остановившись въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ домика, началъ жалобно лаять, визжать... Тутъ выплыла бѣлоснѣжная одежда; теребили ее и рвали сердитыя волны, желая увлечь съ собою, но тщетно: длинныя, бѣлокурыя косы блѣдной женщины запутались въ высунувшихся корняхъ прибрежныхъ деревьевъ и крѣпко держали утопленницу на одномъ мѣстѣ, какъ-бы поджидая прекраснаго кавалера.. Пусть - же онъ въ послѣдній

разъ взглянетъ на эти неподвижные, широко-открытые глаза... Одно изъ оконъ домика, теперь по вечерамъ освѣщенное лампой, вѣроятно, было то самое, около котораго сидѣла прелестная вдова, искренно-любящая и полная надеждъ... Она ждала - ждала — вотъ опять появится онъ на мосту на своемъ ворономъ конѣ!.. Съ какимъ, навѣрно, отчаяніемъ глядѣла покинутая женщина на катящіяся волны!.. Онѣ катились оттуда, отъ веселаго замка, гдѣ шумѣлъ свадебный пиръ!.. И вотъ, ею овладѣло жгучее, страстное желаніе отдать свое прекрасное тѣло этимъ бурнымъ волнамъ, броситься въ нихъ, чтобы онѣ унесли ее далеко - далеко отъ мѣста ея былого счастья... Прошло много—много лѣтъ съ тѣхъ поръ—и снова подъ этой самой кровлей завязалась такая-же сердечная борьба... Нѣтъ, несовсѣмъ такая! Развѣ у Брука не сильная душа? Человѣка этого поддержитъ его высокое призваніе на землѣ, оно постепенно вылечитъ его, освободитъ отъ снѣдающихъ страданій... Да, это такъ. И если бы даже несчастная женщина, очертя голову прыгнувшая въ могилу, чтобы укрыться отъ всѣхъ несчастій, стала манить *его* въ волны, протянула бы изъ воды свои бѣлыя руки—*онъ* отвернулся бы, отошелъ бы отъ рѣки... Кэта дрогнула, такъ ей стало вдругъ страшно. Развѣ Генріэтта не говорила: „кто видѣлъ Флору нѣжной, любящей, тотъ—пойметъ, что мужчина скорѣе пожертвуетъ жизнью, чѣмъ откажется отъ такой женщины“..? Ну, а развѣ онъ *не долженъ* теперь отказаться отъ нея? Вѣдь она прямо объявила ему, что ненавидитъ его!..

Молодая дѣвушка, въ испугѣ, побѣжала обратно въ садъ, побѣжала безъ оглядки, какъ-будто тамъ, на темный берегъ вышла утопленница, несчастная женщина съ бѣлокурыми распущенными волосами, и бросилась за Кэтой, чтобы схватить ее.

Стемнѣло. Тамъ, гдѣ стоялъ лѣсъ, теперь была видна только черная длинная полоса, словно гробовой покровъ; изборожденное, безмолвное поле казалось мертвымъ, а между тѣмъ подъ слоемъ земли уже копошились цѣлые милліарды зародышей; они работали тамъ, чтобы потомъ разомъ хлынуть широкимъ моремъ волнующихся колосьевъ на свѣтъ Божій, залитый золотыми лучами солнца. На крышѣ поскрыпывали флюгера; вѣтеръ порывисто дулъ, онъ все усиливался... Ночью, навѣрно разразится надъ землею свирѣпая весенняя буря. Серебристые тополи у палисадника колыхались, а нескрѣпленныя вѣтви недоконченной бесѣдки трещали подъ ударами порывистаго вѣтра... Да, вотъ когда совсѣмъ не видно будетъ остова бесѣдки, когда она вся покроется зеленью—что-то будетъ тогда, т. е. въ какомъ положеніи очутится *дѣло*, которое теперь является такимъ запутаннымъ, неразрѣшимымъ по волѣ судьбы?... Придется-ли тетушкѣ *когда-нибудь* сидѣть въ этой желанной, зеленой бесѣдочкѣ, чувствовать себя счастливой, веселой, какъ во времена былыя въ садикѣ при пасторскомъ домѣ?... Если человѣкъ, котораго она такъ любитъ, будетъ несчастливъ, если горе его убьетъ, если она лишится его—то... никогда ей и не наслаждаться тутъ!...

Кэта, робко озираясь, обогнула западный уголъ дома. Окно комнаты больной было слабо освѣщено ночной лампой... А тамъ борьба видно еще не кончена: молодая дѣвушка увидѣла Брука; онъ стоялъ у окна, спиною къ ней, такой твердый, непреклонный, съ поднятою правою рукой, какъ-будто требовалъ отъ Флоры, чтобы она молчала... Кэта могла видѣть только золотисто-бѣлокурые локончики красавицы, на которыхъ лежалъ круженной шарфъ... Кружево трепетало, колыхалось—вѣроятно Флора упрямо потряхивала головой; не задѣла - ли она *его* дерзко, снова заговоривъ о его докторской дѣятельности?...

Молодая дѣвушка была въ возбужденномъ состояніи, у нея зубъ на зубъ не попадалъ; гнѣвъ, ожесточеніе овладѣли ея сердцемъ, и ей казалось, что она должна сейчасъ-же бѣжать туда и силою принудить вѣроломную сестру образумиться, исполнить свой долгъ. Въ самомъ дѣлѣ, не войти-ли въ комнату, не примкнуть-ли къ Бруку и затѣмъ прямо обратиться къ Флорѣ, излить все свое негодованіе, выразить все призрѣніе, все, что накипѣло въ дѣвичьемъ сердцѣ?... Какая нелѣпая мысль! Какъ бы *онъ* отнесся къ такому вмѣшательству?... А если онъ непрошеннаго посредника только смѣряетъ холоднымъ, удивленнымъ взглядомъ и отстранитъ ее, Кэту, какъ это недавно онъ и сдѣлалъ относительно „назойливаго“ букетика изъ голубенькихъ цвѣточковъ?... Да тогда, со стыда, хоть провались на мѣстѣ!...

Кэта быстро пошла дальше. Теперь она ощутила во всемъ тѣлѣ ледяной холодъ. Эта крѣпкая дѣвушка, умѣвшая владѣть собою, обладавшая совершенно здоровыми нервами, подчинилась какому-то странному чувству страха... Ей было страшно при мысли, какъ это она *одна* бродила тутъ, почти въ потьмахъ (блѣдно-золотой серпъ на небѣ слабо освѣщалъ окрестность), въ мертвой тишинѣ, прерываемой только однообразнымъ шумомъ рѣчныхъ волнъ... Чрезъ окно она увидала въ кухнѣ тетушку, которая, при свѣтѣ чистенькой оловянной лампочки, сидѣла и очищала овощи къ завтрашнему обѣду. Какой контрастъ! Тутъ такъ мирно, тихо, а тамъ — въ комнатѣ больной — что-то бурное, порывистое... Безмятежно, хорошо въ кухнѣ, но Кэта не рѣшилась войти туда въ такомъ видѣ—лихорадочно-безпокойной, встревоженной, со страхомъ думающей о будущемъ; она не съумѣла бы скрыть волненія, выдала бы себя, встрѣтивъ ясный, проницательный взглядъ старушки.

Наружная дверь стояла отворенной, а кухонная была заперта. Кэта на цыпочкахъ пробралась чрезъ сѣни въ комнату тетушки-дьяконицы. Молодая дѣвушка думала—не удастся - ли ей поуспокоиться здѣсь, въ этой темной, уютной, тихой комнатѣ, гдѣ воздухъ, пропитанный ароматомъ цвѣтовъ, такой мягкій, теплый, чистый. Она сѣла въ кресло, стоявшее за рабочимъ столикомъ, Лавровыя деревья, переплетясь верхними вѣтвями, образовали надъ этимъ мѣстомъ нѣчто вродѣ бесѣдки; нарцисы, фіялки, ландыши на подоконникахъ благоухали, наполняя воздухъ сладко-одуряющимъ запахомъ. Канарейка совсѣмъ было собралась на покой, благо темно стало, но теперь она зачирикала и въ тревогѣ начала прыгать въ клѣткѣ съ жердочки на жердочку. Все-таки и здѣсь вѣяло жизнью—хотя бы и отъ испуганной птички. Кэтѣ не удалось успокоиться... Когда-то здѣсь бродила отринутая бѣлокурая красавица въ траурныхъ одеждахъ, и вотъ эти самые улыбающіеся херувимчики на потолкѣ были свидѣтелями ея горя и отчаянія... Молодая дѣвушка тщетно отгоняла этотъ призракъ, тщетно старалась не думать, что и Брукъ, пожалуй, не переживетъ, не вынесетъ удара, нанесеннаго ему Флорой... Вѣдь Генріэтта прямо говорила такъ, а она видѣла съ самаго начала, какъ онъ горячо, страстно любилъ Флору. Значитъ, она не ошибалась...

Вошла тетушка съ лампой, чтобы поставить ее на письменный столъ доктора (это дѣлала она каждый вечеръ). Старушка затворила ставни, опустила сторы и, поправивъ огонь въ печкѣ, вышла, не замѣтивъ Кэты, сидѣвшей въ лавровой бесѣдочкѣ у окна.

Едва смолкли ея легкіе шаги, какъ другіе—звучные, твердые раздались въ сѣняхъ—и въ комнату вошелъ Брукъ. На мгновеніе онъ пріостановился на порогѣ и, глубоко вздохнувъ, провелъ рукой по лбу. Докторъ какъ и тетушка, не подозрѣвалъ, что за этой густой зеленью бьется, трепещетъ въ смертельномъ страхѣ сердце человѣческое... А Кэта притаила дыханіе, она почти окаменѣла, тѣсно прижавшись къ простѣнку у окна... Все-ли тамъ кончено?... Пришелъ-ли *онъ* сюда съ рас-

терзаннымъ сердцемъ, съ отчаяніемъ въ душѣ.. одинокимъ на всю жизнь... навсегда?...

Брукъ быстро прошелъ въ кабинетъ—прямо къ письменному столу. Кэта осторожно поднялась и очутилась посреди тетушкиной комнаты. Теперь она могла видѣть его. Докторъ стоялъ къ ней бокомъ; лампа ярко освѣщала его лицо, на которомъ еще замѣтны были слѣды недавней душевной бури. Онъ видимо былъ разгоряченъ, — лобъ, щеки и даже вѣки были темно-краснаго цвѣта, какъ-будто ему пришлось пройти нѣсколько верстъ подъ знойными лучами солнца... Чтожъ, развѣ не тяжелый путь совершилъ онъ, пройдя по развалинамъ своихъ иллюзій, своихъ надеждъ?... Но куда привела его дорога—не къ безотрадной-ли цѣли, туда, гдѣ разомъ исчезла прекрасная фата-моргана и гдѣ открылись предъ нимъ во всей своей ужасающей наготѣ вереница сѣрыхъ дней, безпросвѣтная жизнь въ тоскливомъ одиночествѣ?...

Брукъ, стоя, написалъ на почтовомъ листкѣ нѣсколько строкъ и вложилъ потомъ этотъ листокъ въ конвертъ. Движенія его были торопливы, лихорадочно-безпокойны. Адресъ надписалъ онъ такъ же быстро... Кому *именно* посылалась эта записка?... Да развѣ могъ онъ въ эти минуты думать о чемъ-нибудь другомъ на землѣ, кромѣ... страшной рѣшительной развязки? Письмо могло быть только къ Флорѣ... Можетъ быть, это *послѣднее прости*, а быть можетъ убійственный приговоръ надъ нею человѣка, стоящаго уже на краю гроба?...

Вотъ онъ взялъ графинъ и налилъ воды въ стаканъ изъ молочно-бѣлаго стекла—въ тотъ самый стаканъ, въ который она недавно сунула свой весенній букетъ; потомъ Брукъ отворилъ шкафчикъ въ письменномъ столѣ, вынулъ изъ него скляночку и ближе придвинулся къ лампѣ — пять прозрачныхъ, безцвѣтныхъ капель упали въ стаканъ.

До этой минуты Кэта стояла словно пригвожденная къ полу. Ей такъ было тяжело, какъ-будто сердце у нея перестало биться, но тутъ ужь душевное волненіе наконецъ, бурно, вырвалось наружу: быстро подошла она къ Бруку, положила лѣвую руку ему на плечо, правой же судорожно схватила его руку, уже подносившую стаканъ къ губамъ, и медленно отвела ее внизъ.

Кэта не въ состояніи была слова вымолвить, но зато въ карихъ глазахъ ея, глядѣвшихъ на Брука такъ краснорѣчиво, съ мольбой, было все—и страхъ и горе, и невыразимое страданіе, раздиравшее сердце... И вдругъ молодая дѣвушка отскочила отъ него... Господи Боже! что она надѣлала?... Докторъ удивленно-вопросительно посмотрѣлъ на нее. Кэта со стыда чуть не грохнулась на колѣна. Пролепетавъ какія-то безсвязныя слова, она закрыла лицо руками—и горько заплакала... Онъ сразу понялъ все и, поставивъ злосчастный стаканъ на столъ, въ смущеніи взялъ обѣ руки дѣвушки и привлекъ ее къ себѣ.

— Кэта... Милая Кэта!—проговорилъ Брукъ дрожащимъ голосомъ, стараясь заглянуть ей въ заплаканное лицо; но Кэта нарочно нагнула голову, чтобы скрыть слезы.

Прелестная, величавая дѣвушка явилась въ эту минуту тѣмъ, чѣмъ была она въ дѣйствительности—олицетвореніемъ юности, во всемъ ея дѣвственномъ блескѣ горячаго, открытаго сердца, и вмѣстѣ съ тѣмъ безпомощнымъ существомъ, испугавшимся неожиданности.

Она тихонько высвободила свои руки и торопливо вытерла платкомъ слезы.

— Я глубоко огорчила васъ, г. докторъ,—заговорила Кэта, все еще не справившись со слезами... Я—такую сдѣлала безтактность, которую вы мнѣ, конечно, никогда не простите... Господи! Какъ я могла увлечься подобной сумасбродной мыслью, подумать, что...

Она закусила губы, чувствуя, какъ онѣ опять стали судорожно подергиваться.

— О, не судите меня слишкомъ строго! почти—шопотомъ прибавила Кэта. То, что мнѣ пришлось сегодня пережить — достаточно для того, чтобы смутить и не такую молодую душу...

Брукъ старался не глядѣть на нее, и только искоса, повременамъ, глаза его останавливались на этихъ прекрасныхъ, юныхъ устахъ, какъ будто ему не хотѣлось обнаружить, какъ огорчаетъ его это горькое признаніе и какъ самъ онъ взволнованъ. Но вотъ по лицу его скользнула теплая, сочувственная улыбка, уже знакомая Кэтѣ.

— Вы не огорчили меня, сказалъ онъ, утѣшая ее— да и какъ же бы я могъ осудить ваше чистое сердце?... Какое мнѣніе составили вы о моемъ характерѣ, объ образѣ моихъ мыслей, что думали о моемъ темпераментѣ, чтобъ придти къ такому заключенію—я не знаю, не хочу и задумываться надъ этимъ, а тѣмъ болѣе опровергать... Благодаря этому заблужденію, въ жизни моей была такая минута, которую я, конечно, не забуду! А теперь успокойтесь, или ужь лучше позвольте мнѣ, какъ врачу, исполнить свою обязанность.

Онъ взялъ стаканъ и подалъ его Кэтѣ.

— Не *того* успокоенія, о которомъ вы думали съ такимъ страхомъ, опасеніемъ, искалъ я, намѣреваясь выпить это... Брукъ пріостановился на секунду. — Да, я позволилъ себѣ увлечься тамъ, говорить запальчиво, горячо и гдѣ же—въ комнатѣ больной!... Я никогда не простилъ бы себѣ этого, если бы не принялъ въ соображеніе, что вѣдь и у меня, какъ и у всякаго другаго, есть кровь, нервы, которые бунтуютъ иногда противъ разсудка... Вотъ, нѣсколько капель этой жидкости (онъ указалъ на скляночку) могутъ отлично остановить слишкомъ расходившіеся нервы. Возьмите же стаканъ!

Кэта послушалась, взяла и выпила все до капли.

— А теперь *я* желалъ бы попросить у васъ извиненія въ томъ, что вамъ пришлось быть свидѣтельницей возмутительно-гадкой сцены тамъ... въ той комнатѣ,— серьезно, выразительно произнесъ докторъ.—Я отвѣтственное лицо за это, потому что въ моей власти было не допустить подобной сцены: мнѣ стоило сказать во время только два-три слова...

Онъ такъ горько, такъ ѣдко усмѣхнулся, что молодая дѣвушка ощутила боль въ сердцѣ отъ этого смѣха...

— Меня, изволите видѣть,—продолжалъ Брукъ:—*мучаетъ жалкая, глупая спѣсь*—такъ говорятъ обо мнѣ нѣкоторые изъ моихъ собратовъ, бывшихъ товарищей; они, по добродушію своему, несовсѣмъ еще оставили меня, а утверждаютъ это потому, что я не принадлежу къ „крикунамъ". И вотъ, эта „глупая спѣсь" стала для меня чѣмъ-то въ родѣ проклятія Кассандры. Люди принимаютъ молчаливость за бездарность; кто молчитъ, тотъ, по ихъ мнѣнію, не обладаетъ въ достаточности разсудкомъ; а потому они и находятъ совершенно ненужнымъ сдерживать себя, стѣсняться въ моемъ присутствіи. Я вижу такія личности, которыя, повидимому, просто, геніальны, онѣ кажутся богатыми натурами: но вмѣстѣ съ тѣмъ я усматриваю всю ихъ неуклюжесть, неловкость и могу съ математическою точностью предсказать, какъ онѣ поступятъ въ данномъ случаѣ и что за этимъ послѣдуетъ... О, какая гадость!..

Онъ слегка топнулъ ногой и вздрогнулъ, какъ-будто ему пришлось отбросить концемъ сапога отвратительную гадину. Кровь его, какъ видно, порядкомъ еще кипѣла и въ груди все еще бушевало, а тамъ, со стѣны, такъ прелестно и умно глядѣло суетное существо, дерзко нарушившее жизненную гармонію этого человѣка—Флора, въ бѣлыхъ одеждахъ Ифигеніи, была на портретѣ дьявольски-прекрасна и вмѣстѣ съ тѣмъ казалась почти кроткой голубкой, она стояла присло-

Далила. Картина Цезаря Даль-Аква, рисов. Тофанье, грав. Чентентри.

пившись къ колоннѣ, съ небрежно-опущенными, сложенными руками. Да, въ то время она еще жаждала *его* любви, хотѣла нравиться ему, твердо желала осуществить созданный имъ идеалъ, сдѣлаться благодѣтельной феей въ жилищѣ будущаго „знаменитаго университетскаго профессора“... Но не стала бы она такой никогда, потому что эта-то „знаменитость“ непремѣнно распалила бы сильнѣе ея страсть блистать въ обществѣ въ качествѣ творческаго, создающаго духа. Онъ, мужъ, имѣлъ бы открытый, блестящій салонъ, но не имѣлъ бы дома, семейнаго очага; онъ жилъ бы съ свѣтской барыней, снѣдаемой неудовлетвореннымъ честолюбіемъ, но у него не было бы жены—истинно-любящей женщины, не было бы „помощницы, сочувствующаго соратника-товарища, готоваго идти въ борьбу рядомъ съ нимъ“... Теперь докторъ все это отлично видѣлъ и... все-таки не согласился освободить Флору, возвратить ей данное ему слово!.. А можетъ быть ничего уже нѣтъ, все порвано послѣ того, какъ Флора такъ прямо, безъ обиняковъ, объявила—бросила ему въ лицо, что ненавидитъ его?... Вѣдь Кэта же не знала, что̀ потомъ было между ними, послѣ ея ухода, но какая бы ни была развязка, молодая дѣвушка находила, что ей неприлично оставаться долѣе въ его комнатѣ.

Брукъ подмѣтилъ мрачный взглядъ Кэты, который она бросила на портретъ сестры, и увидѣлъ, что она хочетъ уйти.

— Да, да, идите,—сказалъ онъ.—Горничная Генріэтты явилась и уже приняла на себя обязанности сидѣлки. Положеніе больной неопасно, такъ-что вы можете спокойно возвратиться на виллу—прямо къ чаю... Г-жа президентша весьма этого желаетъ: она велѣла передать, что чувствуетъ себя очень одинокой.. Увѣряю васъ—вы можете преспокойно удалиться. *Я буду тщательно ухаживать за вашей дорогой больной*, повторилъ Брукъ, подчеркивая эти слова, когда замѣтилъ, что Кэта хотѣла протестовать.—Но... дайте мнѣ еще разъ вашу руку!

Онъ протянулъ ей свою, и молодая дѣвушка живо, охотно исполнила его желаніе.

— Вотъ что еще: что бы вамъ ни говорили сегодня обо мнѣ—не торопитесь осуждать меня!.. Черезъ нѣсколько дней *она* (докторъ не назвалъ по имени и, даже не взглянувъ, съ горькой улыбкой, просто кивнулъ на портретъ Флоры) будетъ думать совершенно иначе... Вотъ это-то и заставляетъ меня дѣйствовать послѣдовательно, быть стойкимъ, твердымъ: я не долженъ допустить, чтобы меня потомъ упрекнули, указавъ на умѣнье мое пользоваться благопріятной минутой.

Кэта удивленно посмотрѣла на него, а онъ такъ выразительно, съ такимъ-то странно-покорнымъ видомъ склонилъ голову, какъ-будто хотѣлъ сказать: „Да, вотъ въ какомъ положеніи дѣло“... Но ни Кэта, ни Брукъ не промолвили ни одного слова.

— Доброй ночи, доброй ночи!—проговорилъ онъ и, слегка пожавъ, выпустилъ ея руку, а затѣмъ повернулся къ письменному столу. Кэта въ это время быстро направилась къ дверямъ, но на порогѣ какъ-то невольно оглянулась и увидала — странно: — что Брукъ подносилъ къ губамъ простой стаканъ, который вдругъ, въ эту минуту выскользнулъ изъ его рукъ и разбился на полу...

Флора совсѣмъ уже готова была выйти изъ комнаты больной; она можно сказать, вся тряслась отъ нетерпѣнія.

— Гдѣ ты пропадаешь, Кэта? спросила она.—Бабушка ждетъ не дождется! Ну, ты и будешь виновата, если намъ придется сегодня пить чай *со шпильками*!

Кэта промолчала. Накинувъ башлыкъ (башлыкъ принесла ей горничная), она подошла къ кровати. Генріэтта спокойно спала, яркаго лихорадочнаго румянца на ея щекахъ почти уже не было. Молодая дѣвушка нѣсколько разъ поцѣловала блѣдную, худенькую ручку сестры, неподвижно лежавшую на одѣялѣ, послѣдовала за Флорой, которая, шурша своимъ шлейфомъ, выходила изъ комнаты.

Сѣни были освѣщены небольшой лампой. Лакей, пришедшій сюда вмѣстѣ съ горничной и сдавшій принесенныя вещи, ходилъ тутъ взадъ и впередъ въ ожиданіи барышень. Почти одновременно съ сестрами, въ сѣни вошелъ Брукъ, и Кэта почувствовала, какъ у ней отъ стыда снова вспыхнули щеки. Докторъ отдалъ записку лакею, поручивъ отправить ее въ городъ по адресу—на имя одного молодаго врача.

Флора прошла мимо него, какъ бы не желая помѣшать ему передать лакею что нужно, и быстро исчезла въ темнотѣ. Кэта повернула въ кухню и простилась тамъ съ тетушкой.

Старушка, съ серьезной физіономіей, покачала головой когда убѣдилась, что „невѣста“ совсѣмъ ушла, не удостоивъ даже мимоходомъ пожелать ей доброй ночи. Она молча пошла за племянникомъ въ комнату больной, чтобы еще разъ взглянуть на нее и затѣмъ уже отправиться въ свою спальню.

Спустившись съ лѣсенки, Флора остановилась предъ домомъ, предварительно пославъ лакея впередъ, который и успѣлъ уже пройти чрезъ мостъ. Свѣтъ сѣнной лампы (наружная дверь оставалась отворенною) слабо освѣщалъ лицо красавицы — такое гнѣвное лицо, что казалось, вотъ - вотъ съ этихъ полуоткрытыхъ устъ сейчасъ сорвется проклятіе... Съ какимъ невыразимымъ презрѣніемъ она еще разъ посмотрѣла на красный кирпичный полъ сѣней, на ихъ бѣлыя, голыя стѣны, на самый домикъ, какъ будто-ей хотѣлось теперь получить болѣе полное *желанное* впечатлѣніе.

— О, да, да! Все это какъ разъ пришлось бы мнѣ по вкусу... Хижина и сердце!...—проговорила Флора надменно и явно-иронически тряхнувъ головой.—Мужъ безъ должности .., неимѣющій никакого вліянія... Вмѣсто настоящей квартиры, эта ужасная трущоба среди пустоши.. Замкнутая, уединенная жизнь втроемъ, а расходы покрывались бы небольшими доходами съ того, что досталось мнѣ въ наслѣдство послѣ отца!... Нѣтъ, ни разу еще въ жизни не пришлось мнѣ испытать, что такое значитъ быть униженной! .. И вотъ, сегодня, впервые, среди этой подавляющей, жалкой обстановки, я почувствовала, что меня какъ будто столкнули съ пьедестала, на которомъ я стояла, благодаря нашей незапятнанной фамиліи, благодаря аристократическимъ условіямъ жизни и моимъ собственнымъ дарованіямъ, моему уму.. Боже, не допусти дурнаго исхода болѣзни Генріэтты! Вѣдь я не могла бы въ такомъ случаѣ и проститься съ сестрой, потому что тутъ, въ этомъ домѣ, меня никогда больше не увидятъ. Право, ни одна дѣвушка не была еще такъ постыдно обманута, какъ я!... Такъ бы и ударила себя по лицу за слѣпоту мою, за то, что я такъ непростительно-наивно запуталась, завязавъ такія отношенія!...

Флора, какъ безумная, побѣжала къ мосту.

Лунный свѣтъ покрывалъ блестящую поверхность рѣки какъ бы прозрачно-серебристой дымкой, слабо освѣщая бѣгущую фигуру дѣвушки: вѣтеръ порывистый, почти бурный неистово набросился на нее, сталъ теребить ея платье и сорвалъ съ головы легкій кружевной шарфъ; распустившіеся локончики развѣвались и, какъ змѣйки, кружились во всѣ стороны надъ ея бѣлымъ лбомъ.

— Онъ *не* освобождаетъ меня!—не смотря на мои мольбы, не смотря на мое сопротивленіе, сказала Флора, остановившись на срединѣ моста и обратившись къ сестрѣ, хотѣла уже молча пройти мимо нея.—Ты была при этомъ, ты слышала, какія рѣшительныя слова были произнесены Онъ поступаетъ безчестно... жалко, какъ безсердечный торгашъ, отлично сознающій,

что обманутый имъ погибаетъ, и все-таки настаивающій на буквальномъ выполненіи пагубнаго контракта. Но пусть же онъ, пусть до конца дней своихъ утѣшается мыслью, что у него осталась хоть тѣнь права на меня... Съ этой самой минуты я—свободна!...

Она сняла съ пальца обручальное кольцо и сильно швырнула его въ пѣнящіяся волны рѣки.

— Флора! Что ты сдѣлала?!...—воскликнула Кэта и, протянувъ руки, перегнулась чрезъ перила моста, какъ бы надѣясь схватить налету кольцо, но оно уже исчезло въ волнахъ...

Унесли-ли волны колечко, а можетъ быть оно кануло прямо на дно тутъ, вблизи домика, гдѣ несчастье успѣло уже свить себѣ гнѣздо, хотя тамъ только-что начинало биться горячее, любящее сердце?... Молодой дѣвушкѣ чудилось, что вотъ сейчасъ должна вынырнуть изъ блестящихъ волнъ бѣлокурая утопленница и грозно поднять руку съ кольцомъ, этимъ символомъ вѣчной вѣрности, брошеннымъ съ такимъ презрѣніемъ... Кэта вздрогнула и закрыла глаза рукой.

— Э, дурочка, перестань-же такъ тревожиться! Развѣ сама я бросилась туда? проговорила Флора съ холодной усмѣшкой.—Можетъ быть, другія, необладающія сильной волей, не способныя протестовать, постоять за себя, и сдѣлали бы это, но только *не я*. Я, вотъ просто взяла да и швырнула послѣднее звѣно независимой мнѣ цѣпи!...

Она, какъ бы лаская, провела лѣвой рукой по пальцу, на которомъ уже не было кольца.

— Звено это хотя и изъ золота, но такое было тоненькое, *простенькое*, что совершенно приходилось по вкусу вонъ *тому* (Флора кивнула по направленію къ домику за рѣкой), какъ онъ самъ увѣрялъ съ напускной своей спартанской манерой, а все-таки оно давило меня, какъ большой желѣзный обручъ!... Ну, и пускай это колечко сгинетъ тамъ, на днѣ... Новую жизнь начинаю я!...

Да, она „стряхнула" бремя съ плечъ, раздѣлалась съ нимъ „во что бы ни стало"—вѣдь это были ея слова, она такъ и заявляла. Теперь даже и тѣнь ненавистнаго брака исчезла, мракъ разсѣялся, и для Флоры восходитъ „солнце славы".

„Освобожденная" такъ быстро побѣжала впередъ, какъ-будто мостъ горѣлъ подъ ея ногами. Кэта послѣдовала за ней молча. Въ душѣ молодой дѣвушки бушевала страшная буря, въ головѣ шумѣло, мысли путались; сталкиваясь съ людьми и опираясь на ясный здравый разсудокъ, она всегда знала, какъ отнестись къ нимъ, а теперь—ничего не понимала.. За что ухватиться, чтобы уяснить себѣ правое и неправое, отличить истину отъ лжи?... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ красавица эта, сестра ея, воплощеніе вопіющей неправды, высокомѣрія, дикаго произвола, не держала себя увѣренно, не поступала вполнѣ сознательно, именно такъ, какъ будто бы иначе и не могла, даже не должна была поступать?... Однако, Флора нарушила данное ею слово, отказалась отъ исполненія своихъ обязанностей... Да, но вѣдь все это она сдѣлала съ полнѣйшимъ сознаніемъ своего права, твердо, не колеблясь... Такъ же смѣло и твердо шагаетъ она теперь по аллеѣ, усыпанной крупнымъ пескомъ. Незамѣтно и тѣни сомнѣнія въ ней!..

Лакей встрѣтилъ барышенъ въ корридорѣ на виллѣ и доложилъ имъ, что у г-жи президентши гости: къ самому чаю пріѣхали двѣ пожилыя дамы.

— Ну, тѣмъ лучше! сказала Флора Кэтѣ.—Я, право, вовсе не расположена сегодня состоять при бабушкѣ въ качествѣ Шехерезады! Да у старухи-генеральши и такъ всегда карманы полны сплетнями и городскими новостями... Значитъ, и безъ меня теперь обойдется.

Впрочемъ, она изъявила желаніе на полчасика завернуть въ гостиную, чтобы сдѣлать чай и потомъ уже уйти къ себѣ съ „переполненнымъ сердцемъ". Кэта извинилась, что не можетъ выдти въ гостиную, сославшись на нездоровье, и дѣйствительно: кровь ея лихорадочно волновалась, въ головѣ и сердцѣ стучало, какъ бы предъ болѣзнью.

(Продолженіе будетъ).

Везувій.

Въ виду интереса, возбужденнаго послѣднимъ изверженіемъ Везувія 6-го марта текущаго года, мы считаемъ нелишнимъ познакомить читателей съ вулканами вообще и съ Везувіемъ въ особенности. Еще нѣсколько раньше изъ наблюденій профессора Пальміери, можно было заключить, что вулканъ находится въ возбужденномъ состояніи, почему слѣдуетъ ожидать более или менѣе сильное изверженіе. Имѣя въ виду послѣднее обстоятельство, массы пріѣзжающихъ наводнили окрестности Везувія, отчего, говорятъ, произошолъ большой недостатокъ въ помѣщеніи.

6-го марта обнаружилось возбужденное состояніе вулкана. Вершина его задымилась сильнѣе обыкновеннаго, а изъ кратера полетѣли камни, шлакъ и вылился потокъ лавы по направленію къ Помпеи. Множество народа (около 10.000) любовалось этимъ зрѣлищемъ. Многіе, впрочемъ принуждены были спасаться отъ камней и кусковъ шлака, вылетавшихъ изъ горы. Дальнѣйшихъ свѣдѣній мы покуда не имѣемъ. Огнедышащими горами называютъ возвышенія земной поверхности, внутри которыхъ находится каналъ, ведущій въ расплавленную внутренность земли. Возвышенія эти имѣютъ большею частію видъ усѣченнаго конуса. Верхняя часть конуса называется кратеромъ, внутренняя же часть, изъ котораго выбрасываются лава, камни и пары, носитъ названіе жерла.

Древніе Греки въ огнедышащей горѣ видѣли кузницу Вулкана, отсюда эти горы и получили названіе миѳологическаго бога.

Какъ слѣдствіе одной причины, съ изверженіемъ вулкановъ имѣетъ тѣсную связь землетрясеніе. При землетрясеніяхъ колебаніе почвы бываетъ горизонтальное, вертикальное и вращательное. По своимъ-же послѣдствіямъ, оно несравненно опаснѣе вулкановъ. Стоитъ только вспомнить Лиссабонъ, разрушенный землетрясеніемъ 1-го ноября 1755 года, чтобы имѣть понятіе о силѣ, скрывающейся внутри планеты. Въ какія нибудь пять минутъ, 60,000 человѣкъ лишилось жизни.

Какъ нѣтъ ни одной страны, свободной отъ землетрясенія, такъ и не проходитъ ни одного дня, чтобы земля не колебалась: внутренняя сила постоянно проявляется въ своихъ дѣйствіяхъ на поверхности. Гулъ, который слышится при землетрясеніяхъ изъ глубины земли, поражаетъ душу человѣка, наводитъ страхъ на самыхъ животныхъ. Напр. крокодилы, какъ извѣстно, животныя безмолвныя, съ ревомъ покидаютъ колеблящееся лоно рѣки и бѣгутъ въ лѣса.

Успѣхи, которыхъ достигла наука вообще, изумительны. Съ какою точностію, напр., астрономъ вычисляетъ лунное или солнечное затмѣніе и пр.

Точно также въ настоящее время, на основаніи цѣлаго ряда наблюденій, наука желаетъ проникнуть и въ сокрытую отъ насъ глубину земли, изслѣдовать причины, производящія измѣненія земной поверхности и вообще изучить факты, имѣющіе связь съ явленіемъ вулканизма. Чтобы удовлетворить такимъ стремленіямъ науки и вывести практическіе результаты, итальянское правительство построило въ 1844 году, у подошвы Везувія, метеорологическую обсерваторію. Обсерваторія стоитъ на склонѣ холма, который уже нѣсколько разъ окружали потоки лавъ, выливавшихся въ разное время изъ вулкана. Фундаментъ ея составляютъ громадные своды, выше идетъ галлерея, представляющая интересное собраніе лавъ и вулканическихъ минераловъ. Изъ галлереи ведетъ лѣстница собственно въ обсерваторію.

Знаменитый итальянскій профессоръ, Пальміери, портретъ котораго, а также и видъ обсерваторіи, помѣщены на страницахъ настоящаго № «Нивы», уже нѣсколько лѣтъ занимается наблюденіями надъ Везувіемъ. Этотъ неутомимый и ученый стражъ грознаго вулкана своими учеными трудами снискалъ себѣ всеобщую извѣстность. Въ послѣднее же сильное изверженіе Везувія въ 1872 г., несмотря на раскаленные потоки лавы, которая, какъ кровавое море, волновалось у подошвы горы; несмотря на нестерпимый жаръ и куски шлаковъ, нерѣдко попадавшихъ въ окна обсерваторіи, этотъ ученый спокойно продолжалъ свои наблюденія надъ грознымъ дѣятелемъ природы. Такое самоотверженіе дѣйствительно достойно полнѣйшаго уваженія и удивленія.

Выше было сказано, что съ изверженіемъ вулкановъ, землетрясенія имѣютъ тѣсную связь. Хотя не всякому землетрясенію слѣдуетъ изверженіе, тѣмъ не менѣе, если вблизи вулкановъ замѣчается колебаніе земли, то это, до нѣкоторой степени, можетъ служить указаніемъ возбужденнаго состоянія вулкана.

Приборъ, показывающій колебаніе земной поверхности, называется сейсмографомъ. Въ прежнее время употреблялись сейсмографы самаго простаго устройства. Вертикально поставленная стеклянная трубка, открытая сверху, наполнена до верху ртутью. Если начиналось колебаніе земли, ртуть выливалась изъ трубки и тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе были толчки. Сторона, въ которую выливалась ртуть, показывала направленіе колебанія.

Другой, нѣсколько совершеннѣе, сейсмографъ, употреблявшійся прежде, состоитъ изъ деревяннаго, круглаго ушата, по сторонамъ котораго, по числу главныхъ и промежуточныхъ странъ свѣта, находится восемь сквозныхъ отверстій. Отверстія къ наружи нѣсколько наклонены и запираются винтами. Въ ушатъ, до самыхъ

Пальміери, итальянскій профессоръ. Грав. Пуцъ.

отверстій, лежащихъ въ одной плоскости, наливается ртуть, которая отъ колебанія земли поднимается и тотчасъ выливается въ одно или нѣсколько отверстій. Отвернувъ винтъ, выпускаютъ ртуть и измѣряютъ. Чѣмъ сильнѣе было колебаніе, тѣмъ болѣе выливается ртути. А по расположенію отверстій, въ которыя она выливается, судятъ о направленіи.

Но особенною чувствительностію и тонкостію обладаютъ сейсмографы, конструкціи самаго Пальміери.

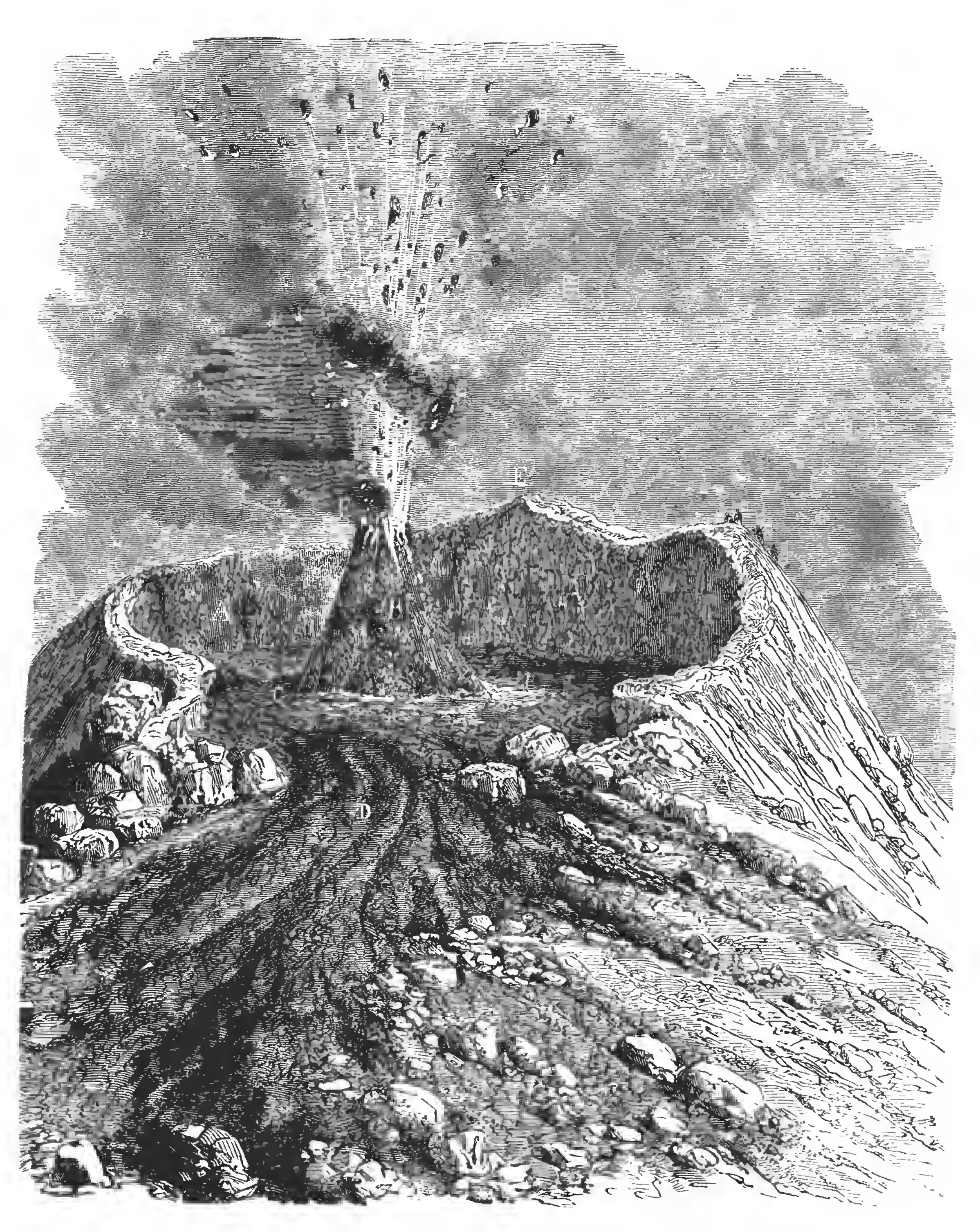
На прилагаемомъ рисункѣ помѣщены три такихъ аппарата. Для удобства объясненія, мы сначала опишемъ первый, потомъ третій и, наконецъ, какъ о самомъ простомъ, скажемъ нѣсколько словъ о второмъ.

Первый аппаратъ состоитъ изъ стеклянной, открытой съ обоихъ концовъ и согнутой въ видѣ буквы и трубки (n), у которой одно колѣно, лѣвое, длиннѣе праваго. Діаметръ короткаго колѣна въ два разъ болѣе длиннаго. Трубку наполняютъ ртутью. По закону равновѣсія жидкостей въ двухъ сообщающихся сосудахъ, ртуть въ обоихъ колѣнахъ трубки занимаетъ одну высоту. Въ каждое колѣно опущена тонкая

Видъ обсерваторіи у подошвы Везувія. Рисов. Риравскій, грав. Хельмицкій.

платиновая проволока такъ, что въ короткомъ колѣнѣ она погружена въ ртуть, а въ длинномъ находится только надъ поверхностію ея, не касаясь самой ртути. Въ свою очередь платиновыя проволоки соединены съ проводниками, идущими отъ полюсовъ маленькаго элемента Даніеля. Такимъ расположеніемъ трубки и проволокъ образуется гальваническая цѣпь, которая прервана въ длинномъ колѣнѣ трубки, гдѣ платиновая проволока не погружена въ ртуть.

млетрясенія. Далѣе въ цѣпь введенны два электромагнитизма, находящіеся въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи. Одинъ изъ такихъ электромагнитовъ (с) показанъ на рисункѣ. Электромагнитами называютъ желѣзные цилиндры, обвернутые проволокою. Если чрезъ такіе цилиндры пропускать гальваническій токъ, то они намагничиваются, т. е. пріобрѣтаютъ способность притягивать, такъ называемый, желѣзный якорь, къ которому однимъ концомъ прикрѣпленъ рычагъ. Другой

Видъ вершины Везувія съ вновь образовавшимся конусомъ.

Если начинается землетрясеніе, то, естественно, дѣйствіе его сильнѣе обнаруживается въ длинномъ колѣнѣ трубки, нежели въ короткомъ. Вслѣдствіе меньшаго діаметра, ртуть въ длинномъ колѣнѣ поднимается выше, какъ въ короткомъ, тотчасъ приходитъ въ прикосновеніе съ платиновою проволокою, отчего цѣпь замыкается и токъ начинаетъ проходить. Посредствомъ введеннаго, въ одинъ изъ проводниковъ, электрическаго звонка, наблюдателю дается знать о наступленіи зе-

конецъ рычага остается свободнымъ и при извѣстномъ приспособленіи можетъ исполнять всевозможныя назначенія. При пропусканіи тока, электромагниты притягиваютъ желѣзный якорь, вмѣстѣ съ которымъ притягивается рычагъ, отчего свободный конецъ послѣдняго приходитъ въ движеніе. Прекращая токъ, электромагниты теряютъ притягательную силу, якорь вслѣдствіе особаго приспособленія, вмѣстѣ съ рычагомъ, отходитъ отъ электромагнита.

Такіе два электромагнита соединены съ проводниками, идущими, какъ упомянуто выше, отъ полюсовъ элемента Даніеля и соединяющихся съ платиновыми проволоками, которыя опущены въ оба колѣна стеклянной, въ видѣ буквы V, трубки.

Отъ землетрясенія, ртуть въ длинномъ колѣнѣ трубки (n) поднимается, цѣпь замыкается и токъ, проходя также чрезъ электромагниты, намагничиваетъ ихъ. Въ моментъ замыканія цѣпи, одинъ изъ электромагнитовъ притягиваетъ желѣзный рычагъ, свободный конецъ котораго, захватывая колеса постоянно находящихся въ ходу часовъ (A), прерываетъ ихъ ходъ и часы останавливаются. Стрѣлки остановившихся, такимъ образомъ, часовъ показываютъ начало землетрясенія.

Совершенно противуположное назначеніе выполняетъ второй электромагнитъ. Въ то мгновеніе, когда первый останавливаетъ часы, второй, на оборотъ, приводитъ въ движеніе другіе часы, которые до сихъ поръ стояли; совершенно покойно стоявшій маятникъ ихъ начинаетъ колебаться. По валику, который приводится въ движеніе вторыми часами, начинаетъ двигаться, со скоростію трехъ метровъ въ часъ, бумажная лента, подобно тому, какъ въ пишущемъ приборѣ телеграфнаго аппарата. Къ бумажной лентѣ желѣзный рычагъ электромагнита прижимаетъ карандашъ и притомъ такъ долго, какъ только токъ проходитъ. Другими словами до тѣхъ поръ, пока, вслѣдствіе землетрясенія, ртуть въ длинномъ колѣнѣ стеклянной трубки (n) находится въ прикосновеніи съ платиновою проволокою. Съ прекращеніемъ колебанія земли, въ обоихъ колѣнахъ трубки (n) ртуть принимаетъ первоначальное положеніе; платиновая проволока въ длинномъ колѣнѣ выходитъ изъ ртути и токъ прерывается. А какъ только токъ прерывается—электромагниты теряютъ способность притягивать рычаги, отчего всѣ части аппарата принимаютъ первоначальное положеніе, пока не послѣдуетъ новое колебаніе земли.

Смотря по продолжительности колебанія, на бумажной лентѣ получаются отъ давленія карандаша точки или линіи, прерываемыя болѣе или менѣе большими промежутками. По длинѣ этихъ линій, а также и получаемыхъ между ними промежутковъ, судятъ о продолжительности колебанія.

1 2 3

Разныхъ системъ сисмографы (указатели колебанія земли), изобрѣтенные профессоромъ Пальміеромъ.

Такимъ образомъ получается телеграфическая депеша изъ темнаго царства вулкана.

Для большей чувствительности, такихъ стеклянныхъ трубокъ (n) Пальміери употребляетъ четыре, располагая ихъ такъ: одна съ сѣвера на югъ, другая съ запада на востокъ, третья съ сѣверо-запада на юго-востокъ и четвертая съ сѣверо-востока на юго-западъ. Колебанія, слѣдуемыя по одному или нѣсколькимъ направленіямъ, могутъ быть опредѣлены одною изъ этихъ трубокъ.

Кромѣ того къ этому прибору принадлежитъ еще слѣдующее:

Надъ длиннымъ колѣномъ каждой трубки (n) находится очень тонкій блокъ изъ слоновой кости (g, g', g'', g'''). Чрезъ блокъ, вращающійся на оси, проходитъ шелковый шнурокъ, къ одному концу котораго прикрѣпленъ тонкій желѣзный поплавокъ, опущенный въ длинное колѣно каждой трубки (n), гдѣ онъ и плаваетъ на поверхности ртути. На другомъ концѣ шнурка привязанъ противовѣсъ.

При землетрясеніи ртуть въ длинномъ колѣнѣ каждой трубки (n) поднимается. Вмѣстѣ съ нею поднимается и желѣзный поплавокъ. Привязанный на другомъ концѣ шнурка противовѣсъ опускается, тянетъ за собою шнурокъ, а этотъ послѣдній приводитъ въ движеніе блокъ. Къ блоку-же прикрѣплена стрѣлка, которая также измѣняетъ свое положеніе и тѣмъ болѣе она отклоняется отъ первоначальнаго положенія, тѣмъ сильнѣе было колебаніе.

Третій аппаратъ состоитъ изъ довольно длинной, чрезвычайно легкой и тонкой латунной спирали, имѣющей до сорока оборотовъ.

Она отличается особенною подвижностію и растяжимостію. Верхній конецъ спирали (h) прикрѣпленъ къ желѣзному стержню (d), а нижній находится въ соединеніи съ тончайшею платиновою проволокою (m) привѣшанною вертикально надъ чашечкою съ ртутью (p).

Отъ землетрясенія, спираль растягивается, платиновая проволока приходитъ въ прикосновеніе съ ртутью. Желѣзный стержень, на которомъ виситъ спираль, сообщается съ однимъ полюсомъ, а чашечка съ ртутью, съ другимъ полюсомъ гальванической батареи. Далѣе въ цѣпь введены электромагниты, съ принадлежащими къ нимъ часами и телеграфнымъ приборомъ. Такихъ спиралей располагаютъ нѣсколько. На рисункѣ показаны три (h, h', h''). Дѣйствіе этого аппарата ясно само-собою.

Второй аппаратъ чрезвычайно простъ. Такая-же латунная спираль (e) верхнимъ концомъ прикрѣплена къ желѣзному стержню, а къ нижнему привѣшанъ вертикально кусочекъ магнита. Подъ магнитомъ подставленъ маленькій сосудъ съ желѣзными опилками. Вслѣдствіе колебанія земли, спираль развертывается и магнитъ приходитъ въ прикосновеніе съ желѣзными опилками, притягиваетъ ихъ и тѣмъ болѣе, чѣмъ онъ глубже погружался въ опилки. Глубина, до которой погружается магнитъ, зависитъ отъ силы колебанія.

Кромѣ упомянутыхъ выше приборовъ, въ отдѣльномъ помѣщеніи обсерваторіи находится цѣлый рядъ магнитныхъ инструментовъ, помощію которыхъ дѣлаются наблюденія надъ земнымъ магнетизмомъ.

Профессоръ Пальміери, каждый день три раза, лично осмат-

риваетъ аппараты и кромѣ того постоянно находится при немъ ассистентъ, чтобы, при первомъ звукѣ электрическаго звонка, записывать въ журналъ показаніе приборовъ и привести инструменты для новыхъ наблюденій въ ихъ нормальное состояніе.

Что-же касается точности вывода изъ этихъ наблюденій, то предъ сильнымъ изверженіемъ на островѣ Санторинѣ (*), единственно на основаніи наблюденій, Пальміери офиціально заявилъ о возбужденіи вулканической дѣятельности, сказавъ, что гдѣ нибудь она должна обнаружиться, что и исполнилось на островѣ Санторинѣ, лежащемъ въ греческомъ архипелагѣ. Теперь перейдемъ собственно къ Везувію.

Везувій представляетъ прекрасный примѣръ проявленія вулканической дѣятельности, почему все сказанное о немъ въ общемъ будетъ относиться и до другихъ вулкановъ.

О Везувіи имѣются свѣдѣнія за 2000 лѣтъ. Исторически извѣстное изверженіе Везувія, пепломъ съ котораго засыпало города Геркуланумъ и Помпею, произошло въ 79 году по Р. Х., послѣ продолжительнаго обсолютнаго покоя. Періодъ этотъ былъ такъ великъ, что Римляне не считали Везувій за вулканъ, въ заросшей дерномъ и деревьями котловинѣ его паслись стада, а во время невольничьей войны Спортакъ собиралъ тамъ свои войска.

Везувій находится на берегу Неаполитанскаго залива и состоитъ изъ двухъ горъ, изъ которыхъ одна, называемая Монте-Сомма, обхватываетъ полукольцемъ другую, называемую Монте-Везувіо, которая собственно и есть нынѣ дѣйствующій вулканъ. Монте-Сомма—древніе - разрушенный конусъ. Высота Соммы 1079 метровъ, а Везувія—1191. Обѣ горы отдѣляются долиною Атріо, также имѣющею форму полукольца. Нагроможденные другъ на друга потоки лавъ, вылившихся въ разное время съ Везувія, образуютъ ея основаніе. Въ долинѣ этой возвышается множество колоссальныхъ остроконечныхъ скалъ, отдѣляемыхъ недоступными оврагами, наполненными вулканическимъ пескомъ. Атріо, вмѣстѣ со скалами Соммы, принадлежитъ къ самымъ величественнымъ, совершенно особеннымъ видамъ, какіе только встрѣчаются въ природѣ. Подобно известковымъ скаламъ, висящимъ надъ поверхностью водъ швейцарскихъ озеръ, точно также и скалы Соммы возвышаются надъ волнами лавы. Нѣтъ на ней никакой растительности, царствуетъ мертвая тишина, прерываемая только глухими, громовыми ударами съ Везувія и стукомъ каменьевъ, вслѣдствіе сотрясенія постоянно отдѣляющихся отъ скалистыхъ стѣнъ Соммы. Какъ у всѣхъ вулкановъ, дѣятельность Везувія можно раздѣлить на три періода: покой, приготовительная дѣятельность и наконецъ самое изверженіе.

Покоемъ или дремотою называютъ, когда изъ вулкана выходитъ только дымъ, состоящій главнымъ образомъ изъ водяныхъ паровъ, къ которымъ иногда бываютъ примѣшаны сѣрнистый водородъ, сѣрнистая и хлористоводородная кислоты, хлористый натрій и хлористый аммоній. Періодъ слабой или приготовительной дѣятельности Везувія продолжается иногда довольно долго, какъ это было предъ послѣднимъ изверженіемъ 26-го апрѣля 1872 года.

Нѣкоторые изъ ученыхъ посѣтили Везувій въ началѣ апрѣля 1871 г. Вотъ что они пишутъ:

«Мы поднялись по крутизнѣ горы до самаго кратера вулкана; густые пары застилали его внутренность. Вдругъ изъ глубины кратера раздались взрывы; затѣмъ полетѣли докрасна раскаленные куски шлака, упадавшіе частію обратно въ кратеръ, частію на его края и склонъ горы. Шлаки падали не часто: мы имѣли возможность слѣдить за направленіемъ ихъ паданія и такимъ образомъ уберечься отъ нихъ. Спустя нѣсколько минутъ, поднявшійся вѣтеръ разсѣялъ пары, застилавшіе внутренность кратера и взору нашему представилось, единственное въ своемъ родѣ, зрѣлище, внутренность работающаго вулкана. Сперва мы было ужаснулись: только нѣсколько шаговъ отдѣляло насъ отъ бездны. Трудно описать эту картину. Изъ самаго жерла вылетали разныхъ цвѣтовъ раскаленные куски шлаковъ, а изъ множества трещинъ и разсѣлинъ поднимались фумаролы (фумаролами итальянцы называютъ выходящіе изъ трещинъ вулкана пары). Фумаролы состояли изъ водяныхъ паровъ и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы чувствовали запахъ хлористоводородной и сѣрнистой кислотъ. Глубина кратера была отъ 12 до 15 метровъ, а діаметръ до 45 **).

Каждыя 6 или 8 секундъ уровень огненно - жидкой массы поднимался въ кратерѣ на 1 метръ и доходилъ почти до краевъ его. Потомъ появлялись величиною съ голову пузыри водяныхъ паровъ и вся масса какъ бы кипѣла. Окружающій насъ воздухъ былъ сильно накаленъ выдѣляющимися изъ горы горячими газами. Иногда захватывало дыханіе отъ примѣшанной къ воздуху сѣрнистой кислоты».

Такимъ образомъ подготовительная дѣятельность вулкана продолжалась то сильнѣе, то слабѣе въ теченіи цѣлаго 1871 г. и до первыхъ мѣсяцевъ 1872 г. Но самая катастрофа, причинившая ужасъ даже въ Неаполѣ, послѣдовала 26 апрѣля 1872 года. Въ періодъ 2,000 лѣтъ, сильныхъ изверженій Везувія было чрезвычайно много. Мы упомянемъ о нѣкоторыхъ и то въ такой мѣрѣ, насколько необходимо для представленія общей дѣятельности вулкановъ.

При изверженіи водяные пары играютъ главную роль. Они проникаютъ чрезъ жидкую раскаленную массу лавы въ видѣ большихъ шаровидныхъ пузырей и, поднимаясь въ атмосферу, расширяются, при чемъ изъ формы шара принимаютъ форму сдавленную и въ верхнихъ слояхъ атмосферы переходятъ въ облако ослѣпительно-бѣлаго цвѣта. Этотъ столбъ паровъ представляетъ восхитительное зрѣлище, о которомъ съ восторгомъ говорятъ всѣ очевидцы. Ночью этотъ столбъ освѣщается раскаленною лавою и представляется огненнымъ, что и подало поводъ къ ошибочному названію -огнедышащая гора.

Облако, вѣнчающее собою столбъ водяныхъ паровъ, проявляетъ въ значительной степени электричество. Надъ вершиною извергающаго вулкана постоянно сверкаетъ молнія, непрерывно раздаются раскаты грома, сопровождаемые сильнымъ ливнемъ, который нерѣдко производитъ большій вредъ, нежели самыя извергаемыя вещества: образуются, такъ называемые, грязные потоки. Отдѣльные пузыри водяныхъ паровъ, проникая чрезъ лаву, поднимаютъ ее и, достигая поверхности, лопаются, при чемъ мѣстами образовавшаяся, на охладившейся сверху лавѣ, кора ломается и выбрасывается отдѣльными кусками, разлетающимися въ разныя стороны. Эти полузатвердѣвшіе куски лавы называются вулканическими бомбами — неаполитанцы зовутъ ихъ слезами Везувія. Шлаки, уносимые парами въ высоту, образуютъ надъ кратерамъ раскаленный снопъ. Лава, наполняющая кратеръ вулкана, поднимается водяными парами, упругость которыхъ доходитъ иногда до такой степени, что выбрасываетъ лаву чрезъ края кратера, и тогда она течетъ въ видѣ огненнаго потока. Лава быстро охлаждается съ поверхности, отвердѣваетъ и образуетъ весьма неровную кору, изъ которой повсюду развиваются водяные пары.

Скорость теченія лавы бываетъ различна. При изверженіи Везувія 12-го августа 1805 г. лава прошла 3 итальянскихъ мили въ 4 минуты. За то лавовый потокъ, истекшій въ 1819 г. изъ Этны (на островѣ Сициліи), продолжалъ свое движеніе девять мѣсяцевъ и проходилъ въ часъ только три фута.

Жаръ, который имѣетъ лава при выходѣ изъ вулкановъ, весьма непостояненъ. Безъ большой погрѣшности можно принять температуру ея около 1270°. Въ 1794 г. потокъ, истекшій изъ Везувія и прошедшій уже шестичасовой путь, покрылъ собою Торре-дель-Грекко. При раскапываніи нашли стекло и металлическія издѣлія въ расплавленномъ состояніи. Когда 1739 года лава проникла въ кармелитскій монастырь въ Торре-дель-Грекко, то при приближеніи ея уже плавились стеклянные сосуды. Изверженіе Везувія въ 1822 году замѣчательно громаднымъ количествомъ пепла, уносимаго съ горы. Проливной дождь, происшедшій изъ вулканическаго облака, превратилъ массу пепла въ грязный потокъ, который затопилъ деревни С.-Себастіано и Масса.

Разстоянія, которыя пролетаютъ вулканическія бомбы, даютъ понятіе о силѣ, выбрасывающей ихъ. На Монте-Сомма, полукругообразный гребень которой отстоитъ слишкомъ на 6,000 фут. отъ центра кратера Везувія, находятъ множество угловатыхъ шлаковыхъ обломковъ, которые по всѣмъ признакамъ выброшены изъ кратера и иногда бываютъ до двухъ метровъ въ діаметрѣ.

Наружный видъ верхнихъ частей вулкановъ, большею частію, послѣ сильнаго изверженія, измѣняется. Нерѣдко вблизи кратера (дѣйствующаго или потухшаго), отъ внутренняго напора, почва разрывается, образуется отверстіе, изъ котораго начинаютъ выходить пары, куски шлаковъ и камней, смѣшанныхъ съ лавою. Вещества эти, оставаясь на мѣстѣ, образуютъ такъ называемый конусъ поднятія (или побочный кратеръ). Прилагаемый рисунокъ изображаетъ одинъ изъ такихъ вновь образовавшихся конусовъ.

А—старый, разрушенный кратеръ, В—вновь образовавшійся конусъ поднятія, извергающій пары, раскаленные камни и шлакъ, С—внутреннее отверстіе, изъ котораго образовался конусъ В, D—потокъ лавы, Е—высшая точка горы и, наконецъ, F—отверстіе (или жерло) конуса, изъ котораго выходятъ извергаемыя вещества.

22-го апрѣля 1872 года показался на Везувіи особенный свѣтъ и огненныя ленты поднимались съ вершины. 23-го апрѣля массы паровъ, выходя, клубились въ воздухѣ, а изъ кратера вылетали раскаленные камни, шлакъ и пепелъ.

24-го апрѣля образовались на вулканѣ трещины, изъ которыхъ потекла лава.

Поздно вечеромъ, 25-го числа, много любопытныхъ отправились съ факелами въ долину Атріо, чтобы оттуда полюбоваться небольшими потоками раскаленной до красна лавы, вытекавшей изъ вулкана, а также и скалами Соммы, освѣщаемыми луннымъ свѣтомъ. Изъ Неаполя было видно, какъ эти огоньки (факелы) двигались долго еще за полночь и многіе изъ этихъ ночныхъ странниковъ, не чувствовавъ того, любовались прелестною картиною въ послѣдній разъ въ своей жизни.

Рано утромъ, 26-го апрѣля, чувствовали въ Неаполѣ прерывистое колебаніе земли въ соединеніи съ глухими, подземными ударами, раздававшимися то сильнѣе, то слабѣе. Всѣ взоры об-

(*) Общій видъ Санторин- см. «Ниву» за 1874 г. № 28.

**) Метръ равняется $3^1/_3$ футамъ или $22^1/_2$ вершкамъ.

ратились въ ту сторону, откуда виднѣлся грозный дѣятель. Съ вершины вулкана поднимались въ синее небо, на высоту 5,000 метровъ, столбы паровъ, которые днемъ казались бѣлыми, а позднѣе, смѣшавшись съ пепломъ, выглядѣли совершенно черными. Утромъ же образовались новые кратеры, изъ которыхъ выходили пары и потоки лавы. Но самая катастрофа наступила такъ быстро, что никто не ожидалъ и это былъ единственный примѣръ въ этомъ родѣ. Люди, которые пришли полюбоваться прекраснымъ источникомъ огня, внезапно были осыпаны каменьями и раскаленными кусками шлака, застигнуты потоками огненно-жидкой лавы, которая такъ быстро двигалась, что опережала убѣгающихъ.

Изуродованныя и обгорѣлыя тѣла были принесены въ обсерваторію, гдѣ Пальміери подавалъ нужную помощь пострадавшимъ; въ то же время онъ послалъ въ Неаполь телеграмму, прося о помощи. Помощникъ же Пальміери, священникъ Діего Франсо, напутствовалъ словомъ религіи умирающихъ. Говорятъ, что въ это время погибло до 200 человѣкъ, въ томъ числѣ до 40 иностранцевъ.

Вылившіеся 26-го апрѣля громадные потоки лавы потекли по различнымъ направленіямъ. Одинъ изъ нихъ, достигнувъ обсерваторіи, произвелъ нестерпимую жару, отъ которой обуглились деревья, насаженныя вокругъ дома.

Потокъ лавы произвелъ ужасныя опустошенія въ мѣстечкахъ С.-Себастіано и Монте Сомма, лежащихъ недалеко отъ Везувія.

Очевидецъ говоритъ:

«Я направился къ мѣстечку С.-Себастіано, какъ увидалъ, что потокъ ринулся къ домамъ его. Высота потока была отъ 10 до 15 метровъ. Выворачивая гигантскихъ размѣровъ куски старой лавы, потокъ катилъ ихъ передъ собою и двигался по ровной мѣстности со скоростію отъ 9 до 15 метровъ въ минуту. Встрѣчавшіеся на его пути прекрасные виноградники и сады быстро обращались въ дымъ и пламя. Если же потокъ подходилъ къ дому, то на нѣкоторое время будто останавливался, потомъ вдругъ, моментально, какъ взорванный порохомъ, при блескѣ пламени, домъ летѣлъ на воздухъ. Въ слѣдующую за тѣмъ минуту оставалось о немъ только одно воспоминаніе.

Вслѣдъ за сильнымъ изверженіемъ, когда дѣятельность вулкана начинаетъ ослабѣвать, обыкновенно появляется вулканическій пепелъ.

Такъ 28-го апрѣля столько выпало изъ Везувія пепла, что даже сдѣлалось темно. Пепелъ этотъ толстымъ слоемъ покрылъ улицы Неаполя. Онъ былъ такъ тонокъ, что проникалъ въ жилища чрезъ затворенныя двери и рамы,—и безъ зонтика невозможно было ходить.

29-го апрѣля сильнымъ вѣтромъ разносило массу осколковъ шлака, которые съ такою силою ударялись, что въ дребезги разбивали стекла въ обсерваторіи. Этотъ каменный дождь причинилъ большіе убытки окрестнымъ жителямъ, между которыми были смертельно раненые.

30-го апрѣля Везувій ослабѣлъ.

Такимъ образомъ кончилось сильное изверженіе Везувія, начавшееся еще въ 1871 году.

Наблюдая различныя явленія, человѣкъ не можетъ удовлетвориться однимъ только описаніемъ ихъ: онъ желаетъ также знать и причину, производящую эти явленія.

Земля, какъ сфера дѣятельности человѣка, естественно, болѣе всего останавливаетъ его вниманіе—судьба ея тѣсно связана съ судьбою самаго человѣка.

По формѣ земли геологи заключили, что во время своего образованія земля имѣла чрезвычайно высокую температуру, отчего находилась въ жидкомъ состояніи. Вслѣдствіе же обращенія ея въ ледяной средѣ, жидкая масса затвердѣла, покрылась съ поверхности твердою оболочкою. Внутренность же земли и до сихъ поръ находится въ расплавленномъ состояніи, такъ что всѣ явленія вулканизма геологи объясняютъ высокою температурою внутренняго ядра земли. Именно:

Вода, просачиваясь чрезъ земную кору, приходитъ въ прикосновеніе съ раскаленною массою, обращается въ паръ, который, собираясь въ углубленіяхъ внутренней части земной коры, тамъ скопляется. Вслѣдствіе же увеличенія упругости, паръ давитъ на огненно-жидкую массу, которая и выходитъ чрезъ отверстія вулкановъ на земную поверхность.

П. Д. Николаевъ.

Далила.

Картина итальянскаго художника Даль-Аква изображающая *Далилу*, была выставлена имъ на послѣдней художественной выставкѣ въ Брюсселѣ, гдѣ живетъ уже много лѣтъ этотъ художникъ. Картина произвела большой эффектъ и заслужила похвальные отзывы художественной критики.

Каждому безъ сомнѣнія извѣстенъ библейскій разсказъ о Самсонѣ и Далилѣ. Самсону можно-бы было пожелать той силы противъ соблазновъ женщинъ, съ какою онъ разрывалъ челюсти львовъ и одинъ избивалъ цѣлыя воинства. Хитрая Далила была виною смерти сильнѣйшаго изъ людей. Въ обольстительныхъ ласкахъ ея и слезахъ скрывалась для Самсона та гибель, которой онъ такъ удачно избѣгалъ до тѣхъ поръ.

Мы не намѣрены вдаваться въ художественную критику картины. Знакомя нашихъ читателей со всѣми выдающимися произведеніями европейскаго искусства, мы помѣщаемъ на своихъ страницахъ вѣрную копію съ произведенія, имѣвшаго большой успѣхъ и принадлежащаго кисти художника, стоящаго въ настоящую минуту на высотѣ своей славы.

Смѣсь.

Къ дѣлу о Струсбергѣ. Предварительное слѣдствіе по дѣлу Струсберга и коммерческаго ссуднаго банка окончено 3-го марта и на этихъ дняхъ поступилъ къ прокурору, г. Обнинскому, для составленія обвинительнаго акта. Предварительное слѣдствіе длилось около четырехъ мѣсяцевъ, и документы по этому въ высшей степени любопытному дѣлу обнимаютъ четыре печатныхъ тома, каждый приблизительно въ 500 страницъ. Содержаніе этого «произведенія» представляетъ необыкновенный интересъ, и въ сложности чтеніе этого четырехтомнаго дѣла доктора Генри Бетеля Струсберга гораздо интереснѣе сенсаціонныхъ уголовныхъ романовъ Эмиля Габоріо. Къ сожалѣнію, книга эта отпечатана въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, такъ какъ она, собственно, не предназначена для публики вообще, а лишь для суда, присяжныхъ, подсудимыхъ и ихъ защитниковъ. Струсбергъ продолжаетъ жить на Срѣтенкѣ, въ отелѣ Крюгера, гдѣ онъ, однако, находится подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ, такъ какъ его подозрѣваютъ, впрочемъ, въ весьма понятномъ желаніи уѣхать изъ Москвы и Россіи à l'anglaise, т. е. не простившись ни съ кѣмъ. Съ нѣкоторыхъ поръ въ Москвѣ также находится г-жа Струсбергъ, выказывающая замѣчательную энергію и не перестающая хлопотать о своемъ мужѣ. Она постоянно разъѣзжаетъ по Москвѣ, совѣщается съ адвокатами и другими прикосновенными какъ нибудь къ дѣлу лицами и вообще оказываетъ большія услуги своему мужу, съ которымъ видится по нѣскольку разъ въ день, хотя она не живетъ съ нимъ вмѣстѣ, на что не изъявлено было согласія со стороны судебнаго слѣдователя г. Глобо-Михаленко. Впрочемъ, судя по всему, дѣло окончится для Струсберга благопріятно; полагаютъ, что кара, повидимому, ограничится тѣмъ, что онъ будетъ высланъ изъ Россіи съ воспрещеніемъ въѣзда въ предѣлы Россійской имперіи. Струсбергъ врядъ-ли будетъ скорбѣть о такомъ приговорѣ, какъ слишкомъ совпадающемъ съ его личными желаніями. Но высылка Струсберга изъ Россіи послѣдуетъ лишь по уплатѣ имъ, т. е. учрежденною по его конкурсу администраціею, 165,000 р. ликвидаціонной коммисіи, такъ какъ это единственное законное притязаніе, которое покойный коммерческій банкъ можетъ предъявить къ Струсбергу; остальные сдѣланные ему авансы были въ свое время покрыты акціями германско-богемскаго сталечугуннаго завода, равно и его акціями парижско-нарбоннской желѣзной дороги (у Струсберга спрашивали, гдѣ собственно эта пресловутая линія, и онъ отвѣтилъ, что она не построена, а только разрѣшена къ постройкѣ въ принципѣ). Правленіе московскаго банка, принимая въ залогъ означенныя фантастическія акціи, не сочло нужнымъ справиться на пражской и парижской биржахъ, какою цѣною обозначаются эти «фонды»; но впослѣдствіи, когда уже было слишкомъ поздно, оказалось, что акціи эти вовсе не допускались къ контированію на озваченныхъ денежныхъ рынкахъ и что онѣ, какъ не допускающія и мысли о реализаціи ихъ, не представляютъ собою положительно никакой цѣнности. Струсбергъ самъ при допросѣ доказалъ, что акціи эти не болѣе, какъ макулатура. Активная роль Струсберга въ этомъ дѣлѣ заключается въ томъ, что онъ взялъ у коммерческаго ссуднаго банка подъ залогъ этой макулатуры деньги, которыя онъ израсходовалъ на уплату своихъ долговъ и производство грандіозныхъ работъ на своихъ богемскихъ заводахъ въ Збировѣ и Голубкѣ. Правда, изъ этихъ милліоновъ Струсбергъ получилъ только около 50%, остальное пошло «за коммисію». Что ка-

(Продолженіе на стр. 253 и 254).

сается дѣла конкурса Струсберга въ Прагѣ, то объ немъ имѣются слѣдующія свѣдѣнія: конкурсъ этотъ подвергся на дняхъ коренному переговору. «Германско-богемское акціонерное общество для сталечугуннаго производства въ Берлинѣ» предъявило дополнительное требованіе въ девять миллiоновъ марокъ. Требованіе это вполнѣ законно, такъ какъ общество представило формальный, заключенный по австрійскимъ законамъ, договоръ съ Струсбергомъ. Другое также не особенно утѣшительное для кредиторовъ Струсберга свѣдѣніе заключается въ томъ, что сенскій судъ въ Парижѣ прислалъ въ Берлинъ, какъ и въ Прагу, заявленіе, окончательно уничтожающее всякую надежду на полученіе залога, внесеннаго Струсбергомъ при принятіи на себя сооруженія парижско-нарбонской желѣзной дороги. Въ оффиціальномъ заявленіи сенскаго суда говорится, что на залогъ уже давно наложено запрещеніе со стороны французскихъ кредиторовъ Струсберга и что, слѣдовательно, о выдачѣ его рѣчи не можетъ быть. Семейство Струсберга также предъявило на него конкурсной администраціи искъ въ 600,000 талеровъ, изъ которыхъ, однако, только половинная сумма признана подлежащею удовлетворенію. Жена Струсберга требуетъ 300,000 талеровъ, а именно 100,000 талеровъ своего приданаго и 200,000 талеровъ по дарственной записи своего мужа. Требованіе это подкрѣплено представленіемъ документовъ, но, тѣмъ не менѣе, оно подлежитъ сильному сомнѣнію, такъ какъ эти документы не имѣютъ надлежащей силы по австрійскимъ законамъ. Искъ въ 300,000 талеровъ, какъ причитающаяся имъ доля наслѣдства. Вообще дѣла пражскаго конкурса запутываются все болѣе.

Петербургская фортепіанная фабрика **К. М. Шредера** недавно послала заказанный ей рояль за границу. Случайно агентъ фабрики г. Шредера въ Веймарѣ, узнавъ, что рояль находится на Веймарской станціи, откуда онъ долженъ былъ слѣдовать далѣе, пользуясь пребываніемъ въ Веймарѣ Листа, предложилъ знаменитому артисту ознакомиться съ этимъ произведеніемъ фабрики сѣверной столицы и сказать о немъ свое мнѣніе. Рояль былъ распакованъ, перевезенъ въ залу мѣстной консерваторіи. Знаменитый артистъ, въ присутствіи многихъ лицъ, игралъ на этомъ роялѣ и выразилъ мнѣніе, что рояль ни въ какомъ отношеніи не оставляетъ желать ничего лучшаго. Значитъ, производство это у насъ въ Россіи на фабрикѣ г. Шредера не уступаетъ заграничному.

Разныя извѣстія.

Правительственное сообщеніе.

Государь Императоръ, въ концѣ будущаго апрѣля, изволитъ предпринять путешествіе въ Эмсъ. По пути въ этотъ городъ, Его Величество изволитъ имѣть пребываніе въ Берлинѣ, которое продолжится около трехъ дней, а изъ Эмса Государь Императоръ изволитъ послѣдовать въ Югенгеймъ.

По возвращеніи Его Величества, ко второй половинѣ іюня мѣсяца, изъ заграничнаго путешествія, высочайшее пребываніе въ окрестностяхъ столицы продолжится до половины августа, т. е. до окончанія въ Красномъ Селѣ лагерныхъ занятій войскъ.

Въ теченіе нынѣшняго же лѣта предполагается посѣщеніе Его Величествомъ Гельсингфорса и ожидается пріѣздъ въ столицу ихъ величествъ императора бразильскаго и короля датскаго и ихъ высочествъ принца и принцессы піемонтскихъ.

Во второй половинѣ августа мѣсяца Его Величество изволитъ посѣтить Варшаву и затѣмъ, по пути въ Крымъ, произвести смотры въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, назначенныхъ для сбора войскъ.

Къ концу осени Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица изволятъ возвратиться изъ Ливадіи на зимнее пребываніе въ С.-Петербургъ.

Трактатъ, заключенный 25-го апрѣля (7-го мая) 1875 года, въ С.-Петербургѣ, между Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ и Его Величествомъ Императоромъ Японскимъ, съ дополнительною статьею, подписанною въ Токіо 10-го (22-го августа) 1875 года.

Божіею поспѣшествующею милостію, Мы, Александръ Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій; Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинскій; Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій; Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій, и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полотскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій и всея Сѣверныя страны Повелитель; и Государь Иверскія, Карталинскія и Кабардинскія земли и области Арменскія; Черкаскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладатель; Наслѣдникъ Норвежскій; Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Сторманскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій, и прочая, и прочая и прочая.

Объявляемъ чрезъ сіе, что вслѣдствіе взаимнаго соглашенія между Нами и Его Величествомъ Императоромъ Японіи, полномочные Наши заключили и подписали въ С.-Петербургѣ 25-го апрѣля (7-го мая) 1875 года трактатъ объ уступкѣ Намъ Его Величествомъ Императоромъ Японіи всей принадлежащей ему части острова Сахалина, взамѣнъ уступаемой Нами Японіи всей группы Курильскихъ острововъ, который отъ слова до слова гласитъ тако:

Его Величество Императоръ Всероссійскій и Его Величество Императоръ Японскій, желая положить конецъ многочисленнымъ неудобствамъ, проистекающимъ отъ совмѣстнаго владѣнія островомъ Сахалиномъ и упрочить существующее между Ними доброе согласіе, постановили заключить трактатъ о взаимной уступкѣ, со стороны Его Величества Императора Всероссійскаго группы Курильскихъ острововъ, а со стороны Его Величества Императора Японскаго его правъ на островъ Сахалинъ (Крафто).

Дѣла церкви.

„Русск. Міръ“ слышалъ, что въ духовномъ вѣдомствѣ возбужденъ вопросъ объ отмѣнѣ поборовъ сельскаго духовенства съ прихожанъ, причемъ, какъ говорятъ, предполагается установить, на содержаніе сельскаго духовенства, небольшой подворный налогъ. Мѣра эта имѣетъ въ виду, между прочимъ, уровнять содержаніе сельскаго духовенства и доставить ему болѣе прочное обезпеченіе.

— Изъ Вознесенска въ „Нов. Тел.“ пишутъ, что въ послѣднее время секта штундистовъ стала разростаться. Главными распространителями ея являются женщины. Недавно на базарѣ была задержана одна изъ такихъ проповѣдницъ съ нѣсколькими послѣдователями. Ее привели въ полицію. Пригласили протоіерея здѣшняго собора В. для приведенія заблудшихъ на путь истины; но всѣ доводы почтеннаго протоіерея разбились о слѣпой фанатизмъ штундистовъ, и дѣло ничѣмъ не кончилось. 1 марта въ предмѣстьи Вознесенска, въ селѣ Натягайловкѣ, штундисты средн поста, къ великому соблазну православныхъ, устроили свадьбу. Это возмутило крестьянъ, и они потащили виновныхъ въ волостное правленіе. Не заставъ старшины, крестьяне рѣшились наказать штундистовъ своимъ судомъ. Произошло сѣченіе. Главной виновницѣ досталось около 150 розогъ.

Происшествія.

Въ Вильнѣ, какъ сообщаетъ мѣстный „Вѣстникъ“, разнесся слухъ, что на прошлой недѣлѣ изъ бань Финна какая-то еврейка похитила христіанскаго ребенка, что мать этого ребенка, съ помощію полиціи, въ тотъ же день нашла его трупъ въ еврейскомъ домѣ, въ потайномъ шкафѣ, исколотаго гвоздями. Слухъ этотъ основанъ на мнѣніи, что для евреевъ нужна христіанская кровь для приготовленія къ празднику ихъ Пасхи, такъ называемой мацы (ветхозавѣтные опресноки). Подобный случай является уже вторымъ, заявленымъ газетами.

— „Сыну Отечества“ пишутъ изъ Старорусскаго уѣзда о слѣдующемъ случаѣ: Крестьянинъ дер. Березовки, Василій Петровъ, пьянствуя позднимъ вечеромъ, возвратился домой. Мать его, старуха, начала выговаривать ему. На увѣщанія Петровъ отвѣчалъ матери бранными словами: старуха замѣтила, что онъ не смѣетъ ругаться па нее при св. иконахъ. Петровъ, придя въ азартъ, весьма неприлично отозвался и о св. иконахъ, но въ тотъ же моментъ, какъ онъ произнесъ ругательства противъ иконъ, лишился употребленія языка—онѣмѣлъ.

— Изъ Москвы „Бир. Вѣд.“ сообщаютъ о слѣдующемъ происшествіи: 3 марта въ московскомъ почтамтѣ, при пріемѣ петербургской денежной корреспонденціи, одна сумка найдена разрѣзаною. При вскрытіи оказалось, что изъ пакета похищено 1,165 р., пересылавшихся изъ Торжка въ Хвалынскъ. Дознаніе передано судебному слѣдователю.

— „Gazeta Lubelska“ сообщаетъ, что въ маленькой рощѣ, по близости Люблина, найдено, при срубкѣ дуба, значительное количество серебряныхъ рублей и полутора-рублей; оказалось, что въ деревѣ весьма искусно было сдѣлано дупло и незамѣтно заложено корой и мхомъ: деньги сложены въ ближайшемъ гминномъ правленіи.

Слухи.

„Русскому Міру“ передаютъ, что общество для содѣйствія русскому торговому мореходству предполагаетъ устроить небольшую экспедицію къ устьямъ рѣки Оби для изслѣдованія какъ ихъ, такъ и всего Обскаго залива. Экспедиція эта будетъ подъ управленіемъ двухъ опытныхъ моряковъ гг. Даля и Роудзена. На обязанности ея будетъ лежать измѣреніе глубины фарватера.

— «Моск. Вѣд.» пишутъ, что при второмъ отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи учреждается особая коммисія для просмотра законоположеній о супружескихъ и родительскихъ правахъ и отношеніяхъ.

— Изъ Тюмени пишутъ въ газету «Сибирь», что новый городской голова, г. Глазуновъ, и одинъ изъ извѣстныхъ кожевенныхъ заводчиковъ, г. Колмогоровъ, горячо сочувствуя предположенію объ учрежденіи сибирскаго университета, устраиваютъ подписку на зданіе университета, въ успѣхѣ которой, по солидности инициативы, нельзя сомнѣваться.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) Въ виду многочисленныхъ поступающихъ ежедневно запросовъ о томъ, что могутъ ли гг. подписчики, при высылкѣ денегъ теперь или позже, получить всѣ уже вышедшіе нумера настоящаго года, редакція имѣетъ честь увѣдомить, что въ виду поступленія подписки въ теченіи всего года и для продажи полными томами, редакція всегда имѣетъ въ запасѣ нѣсколько тысячъ экземпляровъ и каждому новому подписчику высылаются всѣ уже вышедшіе нумера, начиная съ № 1, со всѣми преміями и приложеніями.

2) **Г-ну В. Я. С. въ Москвѣ.** Всѣ статьи для помѣщенія въ «Нивѣ», какъ-то: романы, повѣсти, стихотворенія, очерки и проч., какъ равно фотографическіе снимки съ различныхъ видовъ и достопримѣчательностей, покорнѣйше просятъ адресовать на имя издателя журнала «Нива» А. Ф. Маркса, въ СПБургѣ, Большая Морская, д. № 9.

3) **Г-мъ И. Жукову въ Саратовѣ, П. С. въ К., Р. З. въ Т.** и многочисленнымъ другимъ лицамъ, обращавшимся къ намъ. До настоящаго времени вышло только четыре нумера «Пчелы» за нынѣшній годъ. Говорятъ, что изданіе переходитъ въ другія руки, о выходѣ же слѣдующаго нумера редакція, не имѣя никакого сношенія съ редакціею «Пчелы», сказать не можетъ.

4) **Редакція** имѣетъ честь извѣстить своихъ гг. подписчиковъ, что № 1-й «Нивы» 1874 года вновь отпечатанъ ею вторымъ изданіемъ, покорнѣйше проситъ лицъ, имѣющихъ надобность въ этомъ нумерѣ, обращаться въ контору, прилагая за каждый нумеръ по 20 к.

5) **Ростовъ на Дону. Ф. И. М—ву.** Ваше стихотвореніе «Любовь въ изступленіи» по самому предмету неудобно для нашего журнала. Возвращеніе же стихотвореній, по большому количеству ихъ, для редакціи представляетъ большое затрудненіе. И такъ какъ у каждаго автора есть, конечно, черновая и нѣсколько строкъ возстановить не трудно, то *всѣ* журналы обыкновенно *не возвращаютъ* стихотвореній, признанныхъ неудобными къ печати.

6) **Саратовъ, С. Ш—ову.** О перемѣнѣ адреса сдѣлано распоряженіе. Стихотворенія же, посланныя вами 29-го января, не могутъ быть помѣщены.

7) **С. Шляпники. Г. К—ну.** Вы сами утверждаете:

„У меня *нѣтъ тѣхъ словъ* —
Хоть весь листъ испиши
Чтобъ я выразить могъ
Мои *боли души*...»

Въ такомъ случаѣ этимъ *болямъ* лучше остаться невыраженными.

8) **Николаевъ, Г. NN.** Вы спрашиваете о вознагражденіи за романы, повѣсти и т. п., но не видя романа или повѣсти трудно это сказать. Это зависитъ отъ взаимнаго условія.

9) **Г. А. М. М.** По такому неудачному стихотворенію, какъ ваше (М. Е. Л...вой), судить трудно; но просимъ прислать какія есть у васъ еще. Тема избитая. Стихомъ вы владѣете.

10) **Рига, г. Л—цкому.** Сколько мы могли судить по Вашему письму, отъ Васъ не ушло еще время и вы узнаете, что такого края, въ какой вы стремитось,

Гдѣ вмѣстѣ съ черною березой
Цвѣтетъ красивый абрикосъ
Озера гдѣ покрыты *розой* (!)
И *слишкомъ много* дикихъ козъ...

Вы не найдете. Нѣсколько озеръ не могутъ быть нигдѣ покрыты одной розой и *слишкомъ* большаго числа козъ также нигдѣ нѣтъ.

11) **Раненбургская станція Ряз.-Козл. ж. д., г. М. П. В—ову.** Вашъ *первый опытъ* неудаченъ и не можетъ быть напечатанъ.

12) **Въ Т., С. А. Н—у.** Вслѣдствіе просьбы Вашей о помѣщеніи на страницахъ «Нивы» рисунка статуи французскаго скульптора *Карпо* »*Танцующія вакханки*» (исполненный для Новой Оперы), редакція имѣетъ честь увѣдомить Васъ, что въ ближайшихъ нумерахъ «Нивы» будетъ помѣщенъ рядъ рисунковъ съ замѣчательныхъ произведеній скульптуры и живописи, украшающихъ зданіе Парижской Новой Оперы.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА.

26-го Марта 1876 года,

	Покупатели.	Продавцы.	Продано.	
5% заемъ съ выигр. 1-го выпуска	$212\frac{3}{4}$	$213\frac{1}{4}$	$212\frac{1}{4}$	
5% заемъ съ выигр. 2-го выпуска	$208\frac{3}{4}$	$209\frac{1}{2}$	$208\frac{3}{4}$	209
5% банк. бил. 1-го выпуска	100	$100\frac{1}{4}$	$100\frac{1}{4}$	100
5% » » 2-го »	100	$100\frac{1}{4}$	$100\frac{1}{4}$	100
5% » » 3-го »	100	$100\frac{1}{4}$	—	—
5% обл. Спб. Гор. Кред. Общ.	$92\frac{1}{2}$	$92\frac{3}{4}$	$92\frac{1}{2}$	$\frac{5}{8}$
АКЦІИ.				
125 р. Гл. Общ. Рос. Жел. Дорогъ	163	$163\frac{1}{2}$	$163\frac{1}{4}$	
125 » Рижско-Динабургск.	133	134	—	
100 » Московск.-Рязанск.	330	—	—	
225 » Орловск.-Витебск.	139	$140\frac{1}{2}$	—	
16 ф. с. Витебск.-Динаб.	$143\frac{3}{4}$	$144\frac{3}{4}$	—	
100 р. Рыбинск.-Бологов.	$87\frac{1}{4}$	$87\frac{1}{2}$	$87\frac{1}{2}$	$\frac{1}{4}$
100 » Тамбовск.-Козлов.	75	$75\frac{1}{2}$	—	
125 » Моск.-Брестск.	$78\frac{3}{4}$	$79\frac{1}{2}$	$78\frac{1}{2}$	$\frac{3}{4}$

СОДЕРЖАНІЕ: **Кокоревская мельница** (съ рисункомъ). — **Новыя владѣнія Россіи.** «Ферганская область» бывшее Коканское ханство (съ картой). — **Въ домѣ коммерціи совѣтника.** Повѣсть **3. Марлитта** (продолженіе). — **Везувій** (съ портретомъ профессора **Пальміери** и съ тремя рисунками) **П. Д. Николаевъ.** — **Далила** (съ рисункомъ). — Смѣсь. — Разныя извѣстія. — Почтовый ящикъ. — С.-Петербургская биржа. — Объявленія. — **Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за АПРѢЛЬ 32 рисунками и большой листъ выкроекъ съ чертежомъ.**

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 27 Марта 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб., Больш. Морская, ... пр., № 10.

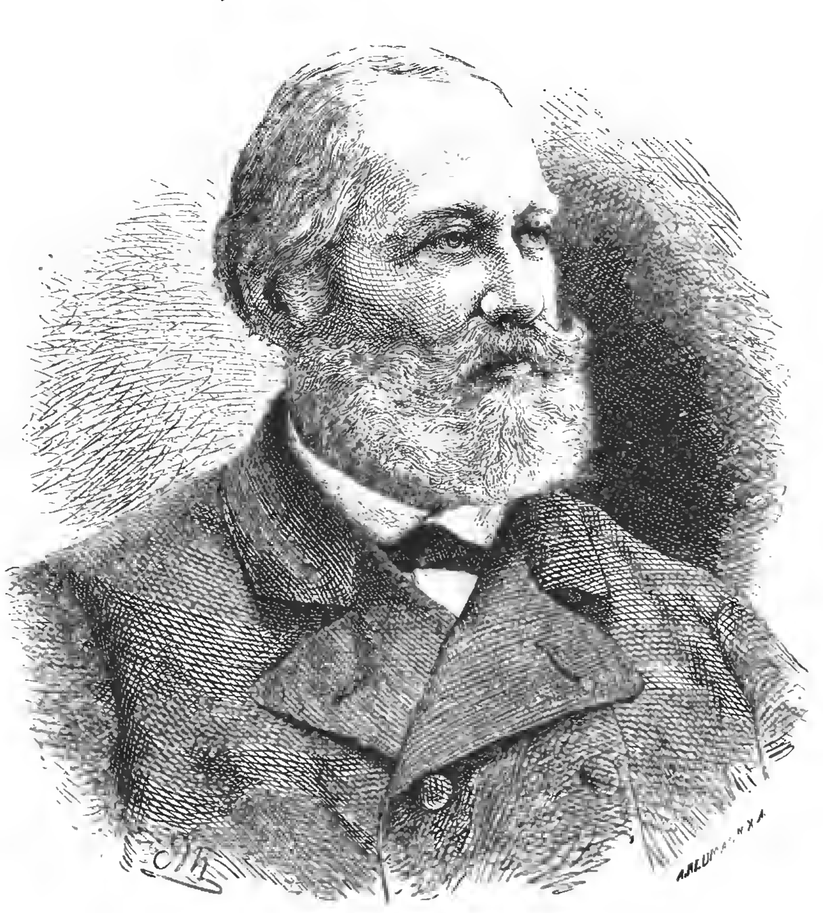
№ 15 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 12 Апрѣля 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ.

Многочисленные ученые труды по русской исторіи профессора Московскаго университета Сергѣя Михайловича Соловьева болѣе или менѣе извѣстны каждому образованному русскому; своими строго-научными сочиненіями, а также цѣлымъ рядомъ популярныхъ изданій, внеся обильный вкладъ въ литературу нашей отечественной исторіи онъ пріобрѣлъ себѣ вполнѣ заслуженную извѣстность и уваженіе всѣхъ, кто дорожитъ русскою наукой и русскимъ просвѣщеніемъ. Совершенно понятнымъ становится поэтому то сочувствіе, съ которымъ встрѣчаетъ теперь наше общество мысль о томъ, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ вспомнить, что въ настоящемъ 1876 году исполнится 25 лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ перваго тома его «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Многочисленные ученики Сергѣя Михайловича, изъ которыхъ многіе занимаютъ уже университетскія каѳедры, высоко цѣня его ученыя заслуги, его сердечную преданность своему дѣлу, безъ сомнѣнія поспѣшатъ выразить чувства глубокой признательности своему учителю и между прочимъ одинъ изъ нихъ, профессоръ С. Петербургскаго университета К. Н. Бестужевъ-Рюминъ помѣстилъ въ журналѣ «Русская Старина» (Мартъ, 1876) небольшую статью, гдѣ въ сжатомъ очеркѣ опредѣляется значеніе монументальнаго труда С. М. Соловьева.

Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ. Рис. и гравир. Нейманъ.

Помѣщая портретъ почтеннаго профессора, мы съ своей стороны приведемъ здѣсь біографическія свѣдѣнія о немъ и укажемъ на главнѣйшіе изъ ученыхъ трудовъ его.

Заслуженный профессоръ Московскаго Университета по каѳедрѣ русской исторіи, академикъ Императорской Академіи Наукъ, докторъ историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики, Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ родился 5-го мая 1820 года, въ Москвѣ. До тринадцатилѣтняго возраста воспитывался онъ дома; потомъ поступилъ въ первую московскую гимназію въ третій классъ. По окончаніи, въ 1839 году, гимназическаго курса, онъ поступилъ въ Московскій Университетъ студентомъ въ 1-е отдѣленіе философ-

скаго факультета (что теперь историко-филологическій факультетъ). И дома, и въ гимназіи любимыми чтеніями его были книги историческаго содержанія, въ университетѣ же онъ посвятилъ себя окончательно историческимъ занятіямъ и преимущественно занятіямъ русскою исторіею. Немедленно по окончаніи университетскаго курса въ 1842 году, Сергѣй Михайловичъ отправился для дальнѣйшаго образованія за границу, гдѣ во время двухлѣтняго пребыванія продолжалъ историческія занятія, разработывая преимущественно тѣ предметы, которые имѣли ближайшее отношеніе къ его главному предмету — отечественной исторіи. Въ 1844 году. возвратясь изъ-за границы, онъ сталъ приготовляться къ магистерскому экзамену, который выдержалъ въ январѣ 1845 года, а въ мартѣ того же года представилъ диссертацію на ученую степень «Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ». 27-го іюля онъ избранъ былъ въ преподаватели русской исторіи въ Московскомъ Университетѣ, въ октябрѣ защищалъ свою магистерскую диссертацію и затѣмъ въ ноябрѣ 1845 года утвержденъ исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ русской исторіи. Диссертацію свою на степень доктора, подъ заглавіемъ «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома» онъ защищалъ въ іюнѣ 1847 года и вслѣдъ затѣмъ утвержденъ былъ въ званіи экстраординарнаго профессора; въ іюлѣ 1850 года утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Къ этому времени относится начало его большаго труда и первый томъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» вышелъ въ августѣ 1851 года, а въ минувшемъ 1875 году изданъ имъ 25-й томъ этого сочиненія, въ которомъ изложено царствованіе императора Петра II и начало царствованія императрицы Екатерины II. Сочиненія и статьи, напечатанныя Сергѣемъ Михайловичемъ до изданія перваго тома исторіи, а именно двѣ его диссертація —магистерская и докторская, статьи о смутномъ времени («Современникъ» 1848—1849 г.), о Малороссіи («Отечественныя Записки, 1849 г.) служили для автора какъ бы подготовкою къ его громадному труду, который мы видимъ теперь предъ собою; и въ этихъ статьяхъ выразилось уже полное и широкое знакомство съ источниками, твердая и ясная мысль, развивающаяся послѣдовательно и неуклонно. До окончанія же своего большаго труда, онъ считалъ полезнымъ сообщать русской публикѣ, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, изслѣдованія свои о любопытнѣйшихъ эпохахъ и явленіяхъ отечественной исторіи; такимъ образомъ напечатаны имъ были: 1) обзоръ событій русской исторіи отъ кончины Царя Ѳеодора Іоанновича до вступленія на престолъ Дома Романовыхъ: 2) обзоръ царствованія Михаила Ѳеодоровича; 3) очеркъ исторіи Малороссіи; 4) изслѣдованія о мѣстничествѣ; 5) о княжескихъ отношеніяхъ у западныхъ славянъ; 6) географическія свѣдѣнія о древней Россіи; 7) разборъ исторіи государства Россійскаго, Карамзина; 8) біографія Г. Ф. Мюллера; 9) Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи; 10) очеркъ трудовъ русскихъ историческихъ писателей XVIII вѣка; 11) учебная книга русской исторіи, для среднихъ учебныхъ заведеній, имѣвшая уже семь изданій; 12) общедоступныя чтенія о русской исторіи (1874) Одною изъ заботъ общества любителей естествознанія. антропологіи и этнографіи при устройствѣ въ Москвѣ музея прикладныхъ знаній, было организованіе систематическихъ чтеній при музеѣ для произнесенія ихъ съ показаніемъ соотвѣтствующихъ картинъ. Предложеніе общества съ большою готовностью помочь дѣлу принято было С. М. Соловьевымъ, изъявившимъ согласіе написать текстъ для чтеній по русской исторіи, обнимающихъ собою послѣдовательное изложеніе главнѣйшихъ событій ея. Повѣствованіе оканчивается здѣсь 1850 годомъ. 13) публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ, изданные тѣмъ же обществомъ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи; 14) Исторія паденія Польши; 15) курсъ новой исторіи въ 2 частяхъ и многія другія монографіи.

Благодаря трудамъ почтеннаго историка, событія, совершившіяся въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ, являются теперь уже въ строго-установленной системѣ, чрезъ всю русскую исторію проведена имъ руководящая нить и въ этомъ заключается одна изъ важнѣйшихъ заслугъ его ученаго труда. Удѣльный періодъ, говоритъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, казался прежде безсмысленнымъ, безсвязнымъ, въ немъ ничего не видали, кромѣ ряда утомительныхъ для памяти драмъ, вызванныхъ слабостію князей, раздѣлившихъ свои владѣнія на удѣлы, историкъ ввелъ въ него руководящую мысль: періодъ этотъ явился необходимымъ плодомъ извѣстнаго состоянія, выраженіемъ извѣстнаго начала. До Соловьева, время отъ смерти Василія Костромскаго до Ивана Калиты казалось, по выраженію Карамзина «темнымъ лѣсомъ». Соловьевъ умѣлъ найти свѣтъ въ этой тьмѣ. объяснить условія, при которыхъ выдвинулось московское княжество; онъ умѣлъ привести въ связь дѣятельность московскихъ князей и дѣятельностію владимірско-суздальскихъ: Калиту съ Донскимъ и Боголюбскимъ и Всеволодомъ большимъ гнѣздомъ. Дѣятельность Іоана III явилась у него въ связи съ дѣятельностію его предшественниковъ; Іоанъ IV перестадъ казаться чудовищемъ. Смутное время приведено въ связь съ предъидущимъ: указаны въ немъ попытки къ преобладанію тѣхъ элементовъ, которые были подавлены дѣятельностію московскихъ князей. указанъ и элементъ, давшій побѣду порядку. Дѣятельность первыхъ Романовыхъ приведена въ связь съ дѣятельностію Петра, которая такимъ образомъ сдѣлалась понятною и поставлена впервые въ свою законную историческую обстановку. Въ дѣятельности правительства и жизни общества впервые отъ Петра до Екатерины—видна уже почва для дѣятельности Екатерины.

Во всемъ этомъ видна основная мысль, выраженная С. М. Соловьевымъ въ его предисловіи къ исторіи Россіи (т. I. 1851 года стр. 1)

«Не дѣлить, не дробить, русскую исторію въ отдѣльныя части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій. за непосредственнымъ пріемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ въ взаимодѣйствіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію вотъ обязанность историка въ настоящее время, какъ понимаетъ ее авторъ предлагаемаго труда.»

Для полноты нашего очерка о дѣятельности С. М. Соловьева, мы позволимъ себѣ привести нѣкоторые отзывы о наиболѣе выдающихся личностяхъ и явленіяхъ въ русской исторіи между которыми особеннаго вниманія заслуживаетъ взглядъ нашего историка на значеніе Петра Великаго.

Думая о Петрѣ, говорилъ Сергѣй Михайловичъ, думая о томъ, за что называютъ его великимъ человѣкомъ, русскій человѣкъ, разумѣется, долженъ былъ думать и о томъ, что такое великій человѣкъ вообще. Бываютъ въ жизни народовъ времена, повидимому, относительно тихія и спокойныя: живется, какъ жилось издавна и вдругъ обнаруживается необыкновенное движеніе, и дѣло неограничивается движеніемъ внутри извѣстнаго народа, онъ обхватываетъ и другіе народы, которые встрѣчаютъ на себѣ слѣдствія этого движенія. Человѣка, начавшаго это движеніе, совершившаго его, человѣка, по имени котораго знаютъ его народъ современники, по имени котораго знаютъ его время потомки,—такого человѣка называютъ великимъ Въ то время, когда народы живутъ въ первый возрастъ своего бытія, возрастъ юный, для большинства народа очень продолжительный, когда люди поддаются господству чувства и воображенія, тогда великіе люди являются существами сверхъестественными, полубогами. Понятно, что при такомъ представленіи великій человѣкъ является силою, неимѣющею никакого отношенія къ своему вѣку и къ своему народу; народъ относится къ ней совершенно страдательно, безсознательно, безусловно подчиняется ей.

Христіанство и наука даютъ намъ возможность освободиться отъ такого представленія о великихъ людяхъ. Христіанство запрещаетъ намъ вѣрить въ боговъ и полубоговъ; наука указываетъ намъ, что народы живутъ, развиваются, по извѣстнымъ законамъ, проходятъ извѣстные возрасты, какъ отдѣльные люди, какъ все живое, все органическое; что въ извѣстныя времена они требуютъ извѣстныхъ движеній, перемѣнъ болѣе или менѣе сильныхъ. При такихъ движемыхъ и перемѣнахъ, при такомъ переходѣ народа изъ одного порядка жизни своей къ другому, изъ одного возраста въ другой, люди, одаренные наибольшими способностями, оказываютъ народу наибольшую помощь, наибольшую услугу: они яснѣе другихъ сознаютъ потребность времени, необходимость извѣстныхъ перемѣнъ и силою своей воли побуждаютъ и влекутъ меньшую братію, тяжелое на подъемъ большинство, робкое предъ новымъ и труднымъ дѣломъ. Заслуга этихъ людей вѣчная, и признательные народы величаютъ такихъ людей великими и благодѣтелями своими.

Такимъ образомъ великій человѣкъ является сыномъ своего времени, своего народа; онъ теряетъ свое сверхъестественное значеніе, онъ высоко поднимается какъ представитель своего народа въ извѣстное время, носитель и выразитель народной мысли. При такомъ взглядѣ на значеніе великаго человѣка и его дѣятельности высоко поднимается и народъ: его жизнь, исторія является цѣльною, органическою, неподверженною произволу, капризу одного сильнаго средствами человѣка.

Долго относились у насъ къ дѣлу Петра, продолжаетъ С. М. Соловьевъ,—неисторически, какъ въ благоговѣйномъ уваженіи къ этому дѣлу, такъ и въ порицаніи его. Поэты позволяли себѣ воспѣвать; «Онъ богъ твой, богъ твой былъ, Россія». Но и въ рѣчи болѣе спокойной, непоэтической, подобный взглядъ господствовалъ, приведеніе Петромъ Россіи отъ небытія къ бытію—было общеупотребительнымъ выраженіемъ. Взглядъ такой нельзя признать историческимъ, потому что здѣсь дѣятельность одного историческаго лица отрывалась отъ исторической дѣятельности цѣлаго народа; въ жизнь народа вводилась сверхъестественная сила, дѣйствовавшая по своему произволу, причемъ народъ былъ осужденъ на совершенно страдательное отношеніе къ ней: многовѣковая жизнь и дѣятельность народа до Петра объявлялась несуществующею; Россіи, народа русскаго, не было до Петра, онъ сотворилъ Россію, онъ привелъ ее изъ небытія въ бытіе. Люди, которые обнаружили несочувствіе къ дѣлу Петра, вмѣсто противодѣйствія крайности приведеннаго взгляда, перегнули дугу въ противоположную сторону; крайности сошлись и опять надобно было проститься съ исторіей. Россія, по одному взгляду, не только не находилась въ небытіи до Петра,

не наслаждалась бытіемъ правильнымъ и высокимъ, все было хорошо, нравственно, чисто и свято; но вотъ явился Петръ, который нарушилъ правильное теченіе рутинной жизни, уничтоживъ ея народный, свободный строй, попралъ народные нравы и обычаи, произвелъ рознь между высшими и низшими слоями народонаселенія, заразилъ общество иноземными обычаями, устроилъ государство по чуждому образу и подобію, заставилъ русскихъ людей потерять сознаніе о своемъ, о своей народности. Опять божество, опять сверхъестественная сила, опять исчезаетъ исторія народа, развивающаяся по извѣстнымъ законамъ, при вліяніи особенныхъ условій, которыя и отличаютъ жизнь одного народа отъ жизни другаго. Понятно, что оба взгляда, повидимому противуположные, но въ сущности одинаково неисторическіе, не могутъ держаться при возмужалости науки, когда болѣе вышесказанныя наблюденія надъ исторической жизнью народовъ должны были повести къ отрицанію также сверхъестественныхъ явленій въ этой жизни, когда убѣдились, что всякое явленіе, какъ бы оно не было громко, какъ бы ни измѣняло, повидимому, народный строй и образъ, есть необходимый результатъ предшествовавшаго развитія народной жизни. Великій человѣкъ даетъ свой трудъ, но величина, успѣхъ труда зависитъ отъ народнаго капитала, отъ того, что скопилъ народъ отъ своей предшествовавшей жизни, предшествовавшей работы: отъ соединенія труда и способностей знаменитыхъ дѣятелей съ этимъ народнымъ капиталомъ идетъ великое производство народной исторической жизни. Только великій народъ способенъ имѣть великаго человѣка; сознавая значеніе дѣятельности великаго человѣка, мы сознаемъ значеніе народа. Великій человѣкъ своею дѣятельностію воздвигаетъ памятникъ своему народу: какой же народъ откажетъ въ памятникѣ своему великому человѣку?—

Въ этихъ словахъ видѣли и основной взглядъ нашего историка на характеръ историческихъ изслѣдованій, на значеніе исторіи и вѣрный тактъ въ разсмотрѣніи разнохарактерныхъ мнѣній предшествовавшихъ писателей на отечественную исторію.

Умственное развитіе находитъ себѣ точку опоры въ теоріяхъ. Теорію принесла школа, однимъ изъ главныхъ представителей которой былъ С. М. Соловьевъ. Школа эта внесла съ собой понятіе о развитіи, о постепенной смѣнѣ умственныхъ и нравственныхъ понятій, о постепенномъ ростѣ народномъ. Народъ— по ученію школы—постепенно переходитъ отъ рода къ государству. Этою теоріею дана была точка опоры сознанію: стало яснымъ, что перемѣняются не только костюмы и обычаи, но измѣняются воззрѣнія, основа всякаго общественнаго состоянія. Въ настоящее время можно спорить о формахъ, которыми проходила жизнь народная, можно отодвигать грани того или другого періода, можно отрицать значенія того или другого явленія, но нельзя отрицать, что исторія есть изображеніе развитія народа, что *«исторія есть народное самосознаніе»*.

Мысль эта впервые выражена была въ русской наукѣ С. М. Соловьевымъ и К. Д. Кавелинымъ. Въ настоящее время все это можетъ казаться общеизвѣстнымъ, но именно благодаря значительной степени дѣятельности и трудамъ С. М Соловьева.

Чтобы еще болѣе уяснить себѣ заслуги нашего историка, не можемъ мы упустить изъ вида и того соображенія, что въ другихъ великихъ областяхъ знанія, наблюденія большею частію предшествовали открытіямъ, сначала записывались факты, а потомъ найдены законы, имъ управляющіе. Но въ изученіе исторіи человѣчества, какъ говоритъ Г. Т. Бокль, въ своей исторіи цивилизаціи,—важные факты были пренебрежены, а неважные сохранены. Вслѣдствіе того, кто задумалъ бы въ настоящее время сообщить историческія явленія, тотъ долженъ вмѣстѣ и собирать факты и дѣлать сообщенія. Онъ ничего не находитъ готовымъ: въ одно и тоже время ему приходится быть и каменотесомъ и архитекторомъ, онъ и рисуетъ планъ зданія и ломаетъ каменья.

Дѣло историка, говоритъ въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія Бокль, состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить невѣжественный взглядъ людей на событія, доказавъ, что развитіе народовъ идетъ совершенно правильно и опредѣляется, подобно всякому другому развитію, исключительно предъидущими обстоятельствами. Кто не можетъ сдѣлать этого, тотъ не историкъ. Онъ можетъ быть лѣтописцемъ, біографомъ, хроникеромъ; но возвыситься надъ этимъ онъ можетъ тогда, когда проникнется языкомъ науки, который возводилъ въ догматъ ученіе о единообразной послѣдовательности. Задача историка слишкомъ громадна и далеко не всякому по силамъ; кромѣ того, онъ долженъ посвятить всѣ свои силы на одно предпріятіе, отложивъ всякое честолюбіе и пожертвовавъ дѣлу многимъ изъ того, чѣмъ надо вообще дорожить. Не для него награды, которыя получилъ бы онъ, отдавшись съ тою же энергіею другому поприщу, не для него сладость общественнаго одобренія; не для него пышность власти: не для него участіе въ совѣтахъ страны; не для него высокія и почетныя мѣста въ глазахъ общества. Не помышляя объ этомъ, онъ долженъ скорѣе готовиться къ клеветѣ, всегда ожидающей тѣхъ, кто, давая начало новымъ мыслямъ, оскорбляетъ предразсудки своихъ современниковъ. Когда его обвиняютъ въ невѣжествѣ и даже хуже чѣмъ въ невѣжествѣ; когда перетолковываютъ его побужденія, заподозрѣваютъ его честность; обвиняютъ его въ отрицаніи значенія нравственныхъ началъ, въ нападкахъ на основы религіи,—онъ долженъ быть спокоенъ, въ тиши продолжать свой путь, не отклоняясь, не останавливаясь и даже не сворачивая съ тропы своей для того, чтобы выслушать гнѣвные крики, которые онъ не можетъ не слышать и которые, какъ человѣкъ, не можетъ не попытаться утишить. Въ этой попыткѣ историкъ не только, можетъ быть, истощитъ свои силы, но еще навѣрное возбудитъ ненависть тѣхъ, кто держится за неприкосновенность стараго метода.

Въ такихъ горячихъ словахъ рисуетъ Бокль общественное положеніе истиннаго историка, предававшагося беззавѣтно своей любимой задачѣ. Нельзя послѣ этого относиться хладнокровно къ трудамъ С. М. Соловьева, посвятившаго цѣлую четверть вѣка неустанной работѣ и принесшаго русскому обществу громадный вкладъ въ его ученую литературу, вкладъ по своему содержанію и цѣли наиболѣе близкій сердцу каждаго русскаго человѣка.

Первый Стрѣлецкій бунтъ 1682 года.

Стрѣльцы были пѣшимъ и коннымъ войскомъ московскихъ государей, съ половины XVI ст. Нѣкоторые утверждаютъ, что происхожденіе ихъ восходитъ гораздо раньше и предшественниками ихъ считаютъ такъ называемыхъ пищальниковъ XV ст., вооруженныхъ жалкимъ подобіемъ ружей (пищалей), смахивающихъ на ручныя пушки. Вооруженіе стрѣльцовъ состояло изъ широкихъ бердышей въ видѣ лупнаго серпа, мушкетовъ и сабель. Костюмъ ихъ былъ очень нарядъ. Вообще они пользовались особеннымъ царскимъ расположеніемъ и имѣли свои привиллегіи: не платили податей, жили въ построенныхъ отъ казны избахъ, на казенной землѣ, свободно пользовались доходомъ отъ своихъ промысловъ и торговли, исключая лишь тѣхъ, которые торговали болѣе чѣмъ на 50 р., эти облагались податями.

Всѣ стрѣлецкіе полки тянули къ стрѣлецкому приказу, для остальныхъ же сотенъ, пятидесятковъ и десятковъ были особыя съѣзжія избы. Отношенія властей къ подчиненнымъ не отличалось въ XVII ст. особенной мягкостью. Начальники обращались съ стрѣльцами своевольно, заставляли работать на себя, собирали незаконные поборы, не выдавали жалованья. Стрѣльцы долго терпѣли, но подъ конецъ царствованія Федора Алексѣевича помянутыя злоупотребленія такъ усилились, что стали появляться жалобы на полковниковъ. Расколъ къ этому времени успѣлъ уже усилиться и проникнуть въ массу: стрѣльцы были далеко не чужды его. Вмѣстѣ съ расколомъ, какъ протестомъ противуцерковнымъ, закралось недовольство правительствомъ, которое продолжаетъ держаться Никоновской ереси и заводитъ на Руси разныя *новшества*. Не мудрено что и стрѣльцамъ пришло въ голову, что отъ послѣднихъ и пошли разныя тяготы, а что въ старину было и лучше и проще.

На стрѣлецкія челобитныя правительство или вовсе не обращало вниманія или строго наказывало, челобитчика: било кнутомъ, ссылало въ Сибирь, которая тогда уже заселялась.

Разъ стрѣльцы выбрали изъ себя одного съ новой просьбой о наказаніи полковниковъ, о взысканіи съ нихъ незаконно забраннаго жалованья. На глазахъ цѣлой толпы стрѣльцовъ началась расправа съ челобитчикомъ. Послѣдній закричалъ товарищамъ. «Чего же вы смотрите, развѣ я не отъ васъ посланъ?»Стрѣльцы опамятовались, кинулись на выручку и избили экзекуторовъ въ кровь.

Правительство увидало, что сдѣлало ошибку.

Стрѣльцовъ, жившихъ въ Москвѣ съ семьями и своими домами, было до двадцати тысячъ. Это была сила, да еще въ добавокъ, какъ намъ извѣстно, хорошо вооруженная.

При тогдашней слабости правительства, грозила дѣйствительная опасность.

Сдѣлавъ первый смѣлый шагъ, стрѣльцы пошли дальше: въ нихъ проявилось сознаніе собственной силы, интересы были у большинства общіе: за невыдачей жалованья многимъ изъ нихъ приходилось съ семьями голодать, терпѣть крайнюю нужду.

«Не сдѣлаете по нашей просьбѣ» кричали стрѣльцы, «такъ мы сами распорядимся съ полковниками, разграбимъ ихъ дома и животы, а послѣ доберемся и до тѣхъ измѣнниковъ, которые царское величество обманываютъ!»

Еще худшее обращеніе начальниковъ, увидавшихъ ,что стрѣлецкія жалобы остаются безъ послѣдствій, вызвало большее озлобленіе подчиненныхъ. Приведенныя выше слова были сказаны послѣ смерти Федора Алексѣевича въ третій день царствованія Петра, признаннаго русскимъ царемъ помимо слабоумнаго Ивана. Слова эти были тѣмъ болѣе убѣдительны и страшны, что ихъ сказала ворвавшаяся толпа стрѣльцовъ во дворецъ.

Такое своевольство и дерзость не были бы прощены въ другое время, но теперь въ присутствіи малолѣтняго Петра и беззащитной Наталіи Кириловны, они могли напугать и побудить на уступки. Послѣднія дѣйствительно и были сдѣланы. Тѣхъ полковниковъ (числомъ девять), на которыхъ жаловались стрѣльцы, обѣщано было или засадить или взыскать деньги. Стрѣльцы требовали, чтобы начальниковъ выдали имъ. Правительство колебалось и какъ то съумѣло отклонить эту просьбу. Несостоятельныхъ должниковъ изъ стрѣлецкаго начальства держали часа по два на правежѣ, а стрѣльцы принимали участіе въ опредѣленіи количества ударовъ, которые слѣдуетъ кому отпустить; въ этомъ случаѣ заслугой считалось меньшее грабительство лежавшихъ подъ кнутомъ. На правежѣ каждому читали *объявленія вины*. Такъ Семенъ Грибоѣдовъ прослушалъ на немъ слѣдующее: «Били на тебя челомъ великому государю пятидесятники, десятники и рядовые стрѣльцы твоего приказа: ты чинилъ имъ налоги, обиды, и всякія тѣсноты, для взятокъ и работъ билъ ихъ жестокими боями, билъ батогами, съ ругательствомъ, взявши въ руки батога по два, по три и по четыре: на ихъ стрѣлецкихъ земляхъ устроилъ огороды и всякія овощныя сѣмена на этихъ огородахъ велѣлъ имъ покупать на сборныя деньги; на огороды и въ деревни свои на всякія работы посылалъ ихъ, стрѣльцовъ, и дѣтей ихъ и заставлялъ отвозить туда на ихъ же стрѣлецкихъ подводахъ; неволею заставлялъ ихъ шить себѣ цвѣтное платье, бархатныя шапки, желтые сапоги; изъ государскаго жалованья вычиталъ у нихъ деньги и хлѣбъ, отпускалъ ихъ съ карауловъ и за то бралъ съ нихъ деньги; деньги, которыя имъ даются на сѣнной караулъ и запасы изъ дворцовъ, ты бралъ себѣ, приказывалъ имъ покупать лѣсъ и всякія запасы на свое дворовое строеніе на сборныя деньги, къ себѣ на дворъ бралъ изъ нихъ денщиковъ по многу и заставлялъ роботать всякую работу и *отходы* *) чистить. Будучи въ походахъ, дѣлалъ имъ также всякія тягости и на подводахъ ихъ возилъ свои запасы. При царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ указано было тебѣ, съ великимъ подкрѣпленіемъ, ни какихъ взятокъ не брать и стрѣльцовъ работать на себя не заставлять, для того тебѣ и дана была деревня и помѣстье, а ты забывъ милость великаго государя, стрѣльцовъ обижалъ и билъ ихъ напрасно.»

Дальнѣйшее своевольство дошло до того, что стрѣльцы стали грубо обращаться съ своими новыми полковниками. Долгорукаго, главнаго начальника стрѣлецкаго приказа, ставили ни во что, а съ мелкимъ начальствомъ поступали еще свободнѣе; кидали въ нихъ камнями, палками отгоняли отъ своихъ съѣзжихъ избъ, бросали съ колончей.

При такомъ положеніи дѣлъ, когда какъ, говорится, либо панъ, либо пропалъ, поневолѣ явилась рѣшимость дѣйствовать очертя голову, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ стрѣльцы и сознавали, что имъ рано или поздно не сдобровать. Нуженъ, былъ только какой нибудь благовидный предлогъ, чтобы выйдти изъ затруднительнаго и тягостнаго колебанія: на что рѣшиться и что же дальше.

Царевна Софья, родная сестра нецарствующаго царевича Ивана, имѣла причины радоваться стрѣлецкимъ волненіямъ: ей хотѣлось самой управлять государствомъ, быть опекуншей надъ малолѣтнимъ царевичемъ, но только не надъ Петромъ, а надъ Иваномъ. Петра она не любила, потому что онъ былъ сынъ Нарышкиной, неожиданно и быстро возвысившейся. У Софьи Алексѣевны было много приверженцевъ, которые цѣнили ея образованный умъ, не бывалый у царевенъ до того времени, и красоту, которая выражалась единственно въ толщинѣ, очень цѣнимой русскими. Въ описываемое время, между тѣмъ, ей было не болѣе 25 лѣтъ.

Бояринъ Иванъ Милославскій и князь Хованскій, прозвищемъ Тараруй, любимецъ Софьи, стали подготовлять заговоръ, распространять слухи о слабости правителя, что будто съ царствованіемъ Петра начнутся для стрѣльцовъ и народа еще болѣе тяжкія времена, обложитъ новыми поборами, придетъ, пожалуй иноземецъ, Русь завоюетъ и вѣру православную искоренитъ. Послѣднее имѣло особенное значеніе для ревностныхъ раскольниковъ, бывшихъ между стрѣлцами. Было много другихъ заговорщиковъ: Одинцовъ, Толстой, Циклеръ и проч. Какая то малороссіянка Федора ходила, раздавала деньги стрѣльцамъ и пропагандировала въ пользу Софьи. На *болѣе сильныя руки* послѣдней и намекали помянутые бояре, говоря стрѣльцамъ о слабости существующаго правительства.

Бунтъ былъ близокъ. Стрѣлецкіе полки заволновались, замахали бердышами и саблями, грозя свернуть шею Нарышкинымъ и Матвѣеву, бывшему еще въ ссылкѣ.

Не зная, какъ подбить стрѣльцовъ на рѣшительный шагъ, сторонники властолюбивой царевны распустили нелѣпый слухъ, что Нарышкины задушили царевича Ивана. Стрѣльцы кинулись въ Кремль *служить государеву службу*; но когда Наталья Кириловна показала имъ обоихъ царевичей здравыхъ и невредимыхъ, они пріостановились; доказательство ложности слуховъ было очень убѣдительно: Иванъ былъ живъ.

12-го мая пріѣхалъ въ Москву прощенный Матвѣевъ, 15-го, день смерти Дмитрія царевича, былъ днемъ вторженія стрѣльцовъ въ Кремль, день этотъ былъ назначенъ заговорщиками съ явнымъ намекомъ на прошлое.

Видя замѣшательство стрѣльцовъ, подстрекатели были поставлены въ тупикъ: ихъ страшило, что стрѣльцы, въ минуту колебанія, могутъ уйдти изъ Кремля и въ другой разъ ихъ и калачомъ туда не залучишь, не повѣрятъ. Тогда стали говорить: Царевичъ живъ, да въ живыхъ и царскіе недоброхоты Нарышкины и Матвѣевъ, Иванъ Нарышкинъ царскую корону примѣривалъ, на престолъ мѣтитъ...

Сошедшій къ стрѣльцамъ Матвѣевъ успѣлъ лестью уладить дѣло: онъ вообще отличался, дипломатическимъ искусствомъ.

Заговорщики однако не считали свое дѣло проиграннымъ. Смерть Михаила Долгорукова подъ широкими стрѣлецкими бердышами, Долгорукова, захотѣвшаго розыграть въ такую страшную, свою имъ молчаніемъ минуту, роль начальника и крикнувшаго стрѣльцамъ, чтобы они убирались вонъ, повернула дѣло въ иную сторону. Самые отчаянные стрѣльцы кинулись отъ крыльца грановитой палаты на Красное крыльцо. За Долгорукимъ былъ схваченъ Матвѣевъ и, не смотря на то, что для безопасности подхватилъ подъ руку молодаго Петра, былъ оторванъ отъ него и изрубленъ въ мелкіе куски.

Вслѣдъ затѣмъ кинулись въ палаты истреблять измѣнниковъ. Наталья Кириловна ушла въ Грановитую, изъ дворца всѣ спасались бѣгствомъ. Обыскивая каждый уголокъ, чуланъ, заглядывая подъ кровати, тыча копьями въ перины, забѣгая въ церкви, чтобы посмотрѣть, не спрятался ли кто въ алтарѣ, стрѣльцы совершили не мало убійствъ, желанныхъ и ошибочныхъ, отыскивая ненавистныхъ Нарышкиныхъ, въ особенности Ивана. «Любо-ли!» кричали стрѣльцы народу послѣ каждаго убійства. Народу оставалось только махать шапками. Надъ трупами, которыхъ выволакивали изъ Кремля черезъ Спасскія и Никольскія ворота, глумились всячески. «Вотъ князь Михаилъ Владиміровичъ Долгорукій ѣдитъ! Вотъ бояринъ Матвѣевъ!» и проч.

Съ 15-го мая на 16-е стрѣльцы ушли въ свои слободы, оставивъ въ Кремлѣ крѣпкій караулъ. На другой день они опять пришли съ прежнимъ требованіемъ, чтобы имъ выдали Ивана Нарышкина. Было отказано. Въ половинѣ дня они опять разошлись. Двадцати трехъ лѣтняго красавца Ивана запрятали подъ перины, въ нарочно растворенный чуланъ, чтобы не было такъ подозрительно.

17-го на разсвѣтѣ стрѣльцы пришли и сказали, что не выйдутъ изъ Кремля, пока имъ не выдадутъ царскаго племянника. Милославскій и Софья вовсе недоброхотствовали Нарышкину, также какъ и убитому Матвѣеву: оставалось избавиться отъ послѣдней помѣхи. Софья прямо заявила царицѣ Натальѣ, что надо выдать Ивана Нарышкина стрѣльцамъ, иначе бунтъ не прекратится, а совершится рядъ новыхъ убійствъ. «Не пропадать же намъ всѣмъ изъ-за него?» говорили другіе. Рѣшили выдать. Послѣ исповѣди и причастія, Иванъ Нарышкинъ съ образомъ въ рукахъ былъ выведенъ къ стрѣльцамъ.

Его тотчасъ же схватили и потащили въ застѣнокъ, гдѣ долго пытали, затѣмъ, ничего не допытавшись, и рубили на Красной площади, которая въ то время заслуживала названіе *Кровавой*.

Послѣдней жертвой этого перваго стрѣлецкаго бунта былъ иностранный докторъ Гаденъ, которому поставили въ вину найденныхъ въ его кабинетѣ сушеныхъ змѣй.

Совершивъ это послѣднее убійство, стрѣльцы разошлись по домамъ, заявляя, что они довольны и готовы за царскій домъ головы положить.

Явнымъ слѣдствіемъ этого было вскорѣ учрежденное въ Россіи двоевластіе малолѣтнихъ Ивана и Петра, подъ управленіемъ и надзоромъ Софьи Алексѣевны.

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта:

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

XIV.

На другой день, утромъ, вилла Баумгартенъ была очень оживлена. Дѣло въ томъ, что наканунѣ, около полуночи, телеграмма извѣстила о возвращеніи коммерціи совѣтника, а часъ спустя онъ и самъ явился. Г.

*) Помойныя ямы.

Стрѣлецкій бунтъ Стрѣльцы обыскиваютъ покой царицы Натальи Кириловны. Оригинальный рис. Н. Медвѣдевъ, гравир. Р. Бонгъ.

ф.-Рэмеръ привезъ съ собой двухъ соучастниковъ своихъ „въ дѣлахъ“, которымъ и были отведены комнаты, назначенныя для гостей. Эти господа были корифеями торговаго міра. „Корифеи“ намѣревались на другой день, послѣ обѣда, отправиться въ дальнѣйшій путь (они путешествовали), и вотъ для того, чтобы доставить имъ случай мимоѣздомъ повидаться кое съ кѣмъ изъ знакомыхъ въ резиденціи, коммерціи совѣтникъ еще ночью распорядился заказать на завтра великолѣпный завтракъ. И кухарка, и экономка были по-горло завалены дѣломъ, а лакеи такъ и сновали по лѣстницамъ.

Кэта провела безсонную ночь. Впечатлѣнія дня и страхъ за Генріэтту не давали ей покоя. Она нѣсколько часовъ простояла у одного изъ угловыхъ оконъ своей комнаты, желая увидѣть между качающимися верхушками деревьевъ въ паркѣ хоть кончикъ флюгера на крышѣ „домика за рѣкой“, но, увы, ничего не было видно.. Все было тихо по-прежнему, хотя Кэта съ минуты на минуту ждала—вотъ - вотъ какая нибудь фигура покажется въ аллеѣ и встревожитъ недоброю вѣстью спящихъ здѣсь.

Стоя у другаго окна, она видѣла, какъ пріѣхалъ коммерціи совѣтникъ. Лакеи мигомъ очутились возлѣ кареты, какъ-будто изъ земли выскочили У каждаго изъ нихъ было по фонарю въ рукѣ. Бѣлыя колонны портика, лоснящіеся бока рыжихъ лошадокъ, блестящая сбруя — все это было ярко освѣщено, даже бронзированная рѣшетка „променады“ и нѣсколько великолѣпныхъ мраморныхъ статуй выглянули изъ мрака—такъ было свѣтло у подъѣзда. Сценка эта имѣла *совсѣмъ* аристократическій характеръ. Вотъ, изъ экипажа выпрыгнулъ коммерціи совѣтникъ, такой статный, молодой, въ элегантной дорожной шубѣ; въ каждомъ движеніи его проглядывала самоувѣренность, важность; видно было, что онъ *могъ* повелѣвать—словомъ, это былъ богачъ, богатства котораго еще увеличились, блестящая комета съ сверкающимъ золотымъ хвостомъ, такъ какъ потоки золота устремлялись за ней, словно притягиваемые магнетической силой. Г. ф.-Рэмеръ проводилъ своихъ гостей въ назначенные для нихъ покои и только около двухъ часовъ ночи отправился самъ въ башню. Лакей съ фонаремъ шелъ впереди его.

Мало-по-малу на виллѣ все утихло, только вѣтеръ, не переставая, тянулъ свою заунывную пѣсню и мѣшалъ Кэтѣ заснуть. Передъ разсвѣтомъ она задремала и тѣмъ ужасно досадовала на это, потому что проспала, опоздала: ей хотѣлось быть въ „домикѣ за рѣкой“ въ шесть часовъ утра, а вмѣсто того она явилась туда въ девятомъ часу.

Прелестное, румяное, тихое выдалось утро. Южный теплый вѣтерокъ, подхватывающій струи аромата первыхъ весеннихъ цвѣтовъ, вѣялъ надъ землей, надоѣдливо, но ласково дотрогивая тѣ почки, которыя лѣпились развернуться. На крышѣ докторскаго домика весело чирикали птички. Темная зелень вишневыхъ деревьевъ, около самаго строенія, казалось была осыпана снѣжинками—такъ много бѣлѣло на вѣтвяхъ еще нераспустившихся цвѣтовъ. Лужайка передъ домикомъ ярко зеленѣла сегодня.

Проходя чрезъ мостъ, Кэта заглянула за перила. Прозрачныя волны, озаренныя солнечными лучами, тихо катились подъ старой деревянной аркой моста; рѣка казалась тихой, кроткой, смиренной... Что жь, вѣдь тѣ волны, которые подхватили вчера брошенное кольцо, успѣли за-ночь далеко-далеко умчаться, до самаго моря, а онѣ только и могли прожурчать-разсказать о дерзкомъ поступкѣ женщины, нарочно порвавшей угнетавшую ее цѣпь.

„Домикъ за рѣкой“ принялъ сегодня какой-то особенно-торжественный видъ. Красный кирпичный полъ сѣней былъ усыпанъ мелкимъ бѣловатымъ пескомъ; пахло какимъ-то дорогимъ ароматическимъ куревомъ. Столикъ, стоявшій неподалеку отъ входной двери, былъ покрытъ чистой салфеткой; на немъ помѣщалась старинная глиняная ваза съ огромнымъ букетомъ изъ еловыхъ вѣтокъ, вербы и анемоновъ. Старая, вѣрная кухарка, съ засученными рукавами, въ ослѣпительно-бѣломъ передникѣ, хлопотала у кухоннаго стола; ея краснощокое лицо глядѣло весело, счастливо... Но зачѣмъ это тетушка-дьяконица надѣла сегодня спозаранку свое шелковое платье темно-кофейнаго цвѣта?... На головѣ у нея была бѣлая кружевная наколка, такіе же были воротничекъ и манжеты. Сердце Кэты сжалось отъ боли и страха... Неужели это все въ честь невѣсты, которая должна же вѣдь сегодня опять придти сюда, чтобы навѣстить больную сестру?...

Сама старушка ничего не сказала относительно этой праздничной обстановки. Тетушка казалась только очень взволнованной, что и можно было замѣтить по ея слегка покраснѣвшимъ вѣкамъ, да по голосу, въ которомъ слышались еще слезы умиленія. Она радостно сообщила молодой дѣвушкѣ, что больная довольно хорошо провела ночь и припадокъ не повторялся.

За такое успокоительное извѣстіе Кэта поцѣловала руку старушки, и тутъ случилось нѣчто необычайное: тетушка, обыкновенно такая сдержанная, внезапно охватила руками стройный станъ Кэты и нѣжно прижала ее къ своей груди, какъ родную дочь.. Потомъ молча, она провела пріятно - удивленную дѣвушку въ комнату больной.

Генріэтта сидѣла въ постели, а горничная прибирала ея роскошные волосы подъ ночной чепчикъ. Брукъ часъ тому назадъ, какъ ушелъ къ себѣ, чтобы отдохнуть. Узенькое, вытянувшееся личико больной, съ ввалившимися щеками, эти зловѣщіе темные круги подъ глазами—испугали Кэту... Она замѣтила, что лицо сестры за-ночь получило рѣзкій гиппократическій колоритъ, и, однако-же, Генріэтта смотрѣла весело, радостно. Она не могла наговориться, и все о томъ, съ какимъ самоотверженіемъ ухаживаетъ за нею докторъ, какъ невыразимо-хорошо чувствуетъ она себя въ этой уютной комнатѣ и какъ пугаетъ ее мысль, что рано-ли поздно-ли, а придется ей удалиться отсюда. Потомъ она попросила Кэту вернуться на виллу и принести оттуда книжку, обѣщанную тетушкѣ-дьяконицѣ (Генріэтта на время отдала эту книжку Флорѣ), причемъ шепнула сестрѣ на ухо, чтобы та постаралась ловко намекнуть Флорѣ и бабушкѣ, что слишкомъ частые визиты *ихъ* были бы обременительны для больной.. Генріэтта и не подозрѣвала того, что случилось вчера вечеромъ у ея постели, и не знала, конечно, что она *сама* вызвала грозу, такъ долго собиравшуюся, и разразившуюся, наконецъ, настоящимъ ураганомъ.

Кэта едва осмѣливалась смотрѣть ей въ глаза и только тогда вздохнула свободнѣе, когда больная повторила просьбу свою насчетъ книжки и попросила кстати ужь принести нѣкоторыя вещи изъ ея письменнаго стола, для чего и передала ей ключи.

Молодая дѣвушка, посидѣвъ съ часъ, возвратилась на виллу. Больная произвела на Кэту тяжелое впечатлѣніе... Это мертвенно-восковое, исхудавшее личико просто не давало ей покоя, поэтому она даже отшатнулась, оскорбленная до глубины души, когда, поднявшись на лѣстницу, увидѣла въ бель-этажѣ, чрезъ отворенную дверь въ мавританскую комнату, великолѣпно-сервированный столъ для завтрака. Полъ этой комнаты былъ устланъ громаднымъ, толстымъ ковромъ изъ Смирны — позаботились, значитъ, чтобы ногамъ было тепло, да не забыли и о головахъ: дорогія вина, изъ погреба въ башнѣ, стояли на столѣ среди блестящихъ приборовъ.

Молодая дѣвушка собрала въ комнатѣ Генріэтты всѣ тѣ вещи, которыя больная желала имѣть, и потомъ сошла внизъ, чтобы поздороваться съ президентшей,

какъ требовалъ того долгъ приличія. Шаговъ ея совсѣмъ не было слышно, такъ какъ и лѣстница была покрыта мягкимъ ковромъ. Два лакея, стоявшіе внизу, въ корридорѣ, не слышали поэтому никакого шума. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ пакетъ, вѣроятно, только-что принесенный почтальономъ.

— Чортъ побери! Посылку эту возвращаютъ сюда ужь въ третій разъ! сердито проговорилъ лакей и почесалъ за ухомъ.—До смерти надоѣла мнѣ эта исторія... Вѣдь вотъ, завтра опять придется мнѣ быть *столь* любезнымъ, чтобы, значитъ, перепаковать этотъ пакетецъ и надписать на немъ новый адрессъ... Барышня наша должно быть, воображаетъ, что у меня и дѣла другаго нѣтъ!... (Онъ повертѣлъ пакетъ, какъ вертятъ въ рукахъ нѣчто никуда негодное). Самое подходящее мѣсто для него было бы тамъ... подъ плитой на кухнѣ!...

— Да что въ пакетѣ-то этомъ?—полюбопытствовалъ другой лакей.

— Кипа бумаги. На одномъ листѣ барышня изобразила своими долговязыми каракулями такое слово: „Женщина“. То-то ужь, надо полагать, хорошая это штука!...

Лакей вдругъ умолкъ, испугался и сейчасъ же всталъ въ почтительную позу... Кэта сходила съ послѣднихъ ступенекъ лѣстницы, а затѣмъ прошла мимо него въ спальню президентши. Однако, ее не приняли. Вышедшая горничная доложила Кэтѣ, что одна придворная дама пріѣхала къ президентшѣ, чтобы отдать ей утренній визитъ. Молодая дѣвушка сейчасъ-же отправилась къ Флорѣ за книжкой Генріэтты. А ужь какъ сильно не хотѣлось ей переступать порогъ этой комнаты!... Даже слышно было, какъ билось сердце у нея отъ волненія, и Кэта узнала тутъ, что въ ея груди и искры нѣтъ сочувствія къ старшей сестрѣ... Это смутило ее, къ тому же вся злоба, которую она старалась заглушить во время безсонной ночи, теперь снова закипѣла въ ней и почти душила ее.

Пожалуй, Флора чувствовала нѣчто подобное; она стояла посреди комнаты, у большаго стола, заваленнаго книгами и брошюрами. Огненнымъ взглядомъ окинула она вошедшую... Но... нѣтъ! Конечно, Флору разгнѣвалъ возвращенный пакетъ... Онъ былъ вскрытъ и прекрасная ручка только-что презрительно швырнула въ корзинку на полу прочтенное письмо. Этой сценки *не должна* была видѣть фрейленъ ф. Гизэ, эта насмѣшливая придворная дама... Ну-чтожь, можетъ быть, „мизинчикъ“ то Флоры все-таки немножко ошибался относительно успѣха ея книги „Женщины“!...

— Ты, конечно, отъ Генріэтты пришла, сказала Флора и поспѣшно прикрыла возвращенную рукопись синей бумагой.—Она чувствуетъ себя очень хорошо, какъ я слышала; еще въ восемь часовъ утра посылала я туда узнать о ея здоровьи... А Морицъ, право, человѣкъ неразсудительный: спозаранку присылаетъ мнѣ записку (ночью изволилъ писать!), заставляетъ вставать рано, чтобы я успѣла нарядиться, потому что ему желательно, à tout prix, представить бабушкѣ и мнѣ гостей своихъ—до завтрака. Въ самомъ дѣлѣ, какъ будто благоденствіе міра зависитъ отъ этого представленія!.. Полагаю, что и бабушкѣ это тоже не очень-то понравится.

Флора была прелестна. Говорятъ, что человѣкъ невольно, безсознательно одѣвается, соотвѣтственно настроенію своего духа... Если это вѣрно, то надо предположить, что Флора проснулась сегодня необыкновенно-веселой, радостной: ея тонкій, прекрасный бюстъ, казалось, плавалъ въ блестящемъ голубомъ эфирѣ, даже въ изящно-вьющихся локончикахъ виднѣлась голубая атласная лента. Туалетъ этотъ, правда, совсѣмъ почти не гармонировалъ съ кабинетомъ прекрасной хозяйки,—не смотря на яркое солнечное освѣщеніе, комната эта представлялась чрезвычайно мрачной, такой неуютной, что скорѣе походила на берлогу нелюдимаго, завзятаго буквоѣда-ученаго, чѣмъ на жилище полувоздушной феи въ голубыхъ одеждахъ. Да и выраженіе лица прелестной особы не соотвѣтствовало, въ данную минуту, выбранному ею цвѣту платья: Флора видимо была въ дурномъ расположеніи духа и казалась подавленной, удрученной; хотя она и старалась это скрыть, но каждая черточка лица выдавала ее. О событіяхъ вчерашняго вечера не было сказано ни слова, они какъ бы канули въ вѣчность, повидимому о нихъ и забыли; даже тотъ пальчикъ, съ котораго наканунѣ снято было обручальное кольцо, щеголялъ теперь двумя бриліянтовыми колечками.

Флора, по просьбѣ Кэты, подошла къ одной изъ книжныхъ полокъ и достала требуемую книжку.

— Вѣдь не сама же Генріэтта хочетъ читать? спросила она, не поворачивая головы.

— Конечно. Едва-ли д-ръ Брукъ позволилъ бы ей это... Тетушка-дьяконица желаетъ прочесть эту книгу, отвѣтила Кэта спокойнымъ, холоднымъ тономъ и взяла книжку.

Презрительная, насмѣшливая улыбка скользнула по губамъ Флоры, а въ глазахъ ея блеснулъ огонекъ досады, гнѣва. . Конечно, она сочла за непростительную безтактность со стороны сестры произносить при ней эти имена.

Кэта повернулась и пошла, но въ ту минуту, когда она отворяла дверь—ей пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ коммерціи совѣтникомъ.

Какимъ великолѣпнымъ явился г. ф. Рэмеръ! Онъ, можно сказать, сіялъ свѣжестью, хотя и былъ, видимо, очень взволнованъ.

— Останься, Кэта! крикнулъ онъ почти шутливо и растопырилъ руки, чтобъ удержать ее.

— Я просто внѣ себя! . Что станутъ говорить обо мнѣ, о моей безтактности?!. Генріэтта больна при смерти, а я преспокойно устраиваю тутъ завтракъ, приглашаю гостей...

— Ты, Флора, все еще враждебно относишься къ Бруку?

— А ты считаешь меня слабоголовой что ли? рѣзко возразила она. Полагаешь, что я способна мѣнять взгляды, какъ, напримѣръ, мѣняютъ платье?..

— Нѣтъ, совсѣмъ я этого не полагаю, но развѣ это не дерзость—идти на перекоръ всему образованному міру...

— Мнѣ-то какое дѣло до міра?.. (Она вдругъ разразилась громкимъ смѣхомъ.) Всему обра-зо-ван-ному міру! передразнила Флора. Скажи мнѣ, пожалуста, какимъ это образомъ ты напалъ на такое сопоставленіе, связалъ міръ съ своимъ — достойнымъ сожалѣнія — protégé?..

Г. ф. Рэмеръ какъ-то странно покачалъ головой и взялъ ея за руку. Онъ такъ былъ удивленъ, что почти задыхался.

— Постой... Вѣдь это-же невозможно! Развѣ ты еще не знаешь...

— Ахъ, Господи! Да что-жь мнѣ еще знать? нетерпѣливо перебила она, сердито сдвинувъ брови и слегка топнувъ ногой...

Дверь быстро распахнулась и въ кабинетъ Флоры вошла президентша. На ней было простое шелковое платье, фіолетоваго цвѣта. Цвѣтъ-ли платья, или, вслѣдствіе вчерашней тревоги, дурно-проведенная ночь — только лицо генеральши было теперь особенно-желтымъ, оно какъ-то постарѣло, осунулось, а сама она казалась сильно-встревоженной.

Коммерціи совѣтникъ подошелъ къ ней и почтительно поцѣловалъ ея руку, причемъ сказалъ, что еще полчаса тому назадъ желалъ засвидѣтельствовать ей свое почтеніе, но не былъ принятъ, такъ какъ она не вы-

ходила еще изъ своего будуара, гдѣ въ то время сидѣла фрейлина ф Бэрнекъ, пріѣхавшая съ визитомъ

— Да. добрая Бэрнекъ нарочно пріѣхала, чтобы выразить соболѣзнованіе свое по случаю болѣзни Генріэтты.

Генеральша въ изнеможеніи опустилась въ кресло. Въ самомъ дѣлѣ, въ голосѣ ея слышалось утомленіе, усталость, а движенія не были уже такъ непринужденно-граціозны, какъ прежде, не смотря на лѣта почтенной дамы.

— Впрочемъ, Бэрнекъ имѣла и еще причину навѣстить меня, снова заговорила она:—и эта-то вторая причина, конечно, была первой, стояла у ней на первомъ планѣ. Я вѣдь знаю Бэрнекъ: она принадлежитъ къ тѣмъ особамъ, которыя всегда хотятъ быть первыми относительно передачи такъ-называемой „доброй вѣсточки“, причемъ онѣ вовсе не заботятся о сохраненіи придворныхъ тайнъ... Представьте себѣ, она пріѣхала поздравить меня (поздравить по секрету) со счастьемъ, которое выпало намъ!..

Президентша встала и скрестила руки.

— Но, Боже мой, какая дилемма! Я теряюсь, я, право, не знаю—плакать мнѣ или радоваться?.. Вѣдь это нѣчто такое безотрадное, грустное... Дворъ долженъ подавать хорошій примѣръ, а между тѣмъ именно при дворѣ-то оправдывается, подкрѣпляется старая поговорка о неблагодарности людской!.. Д-ръ Бэръ всю жизнь свою старался, трудился на пользу особъ, которымъ служилъ онъ, и вотъ, вдругъ теперь его обходятъ, поступаютъ съ нимъ такъ, какъ будто вѣрнаго, стараго слуги вовсе и не было никогда... Онъ еще такъ бодръ и тѣломъ, и духомъ, и все-таки ему хотятъ дать—отставку!?.

— Такъ съ этимъ-то нарочно пріѣзжала поздравить тебя эта старая дѣва? воскликнула Флора съ досадой.

— Ну, само собою разумѣется, что не *съ этимъ*, милочка моя, отвѣтила генеральша, возвысивъ голосъ и подчеркивая слова. Странныя дѣла, Флора, творятся на свѣтѣ., Могла-ли-бы ты считать это возможнымъ еще часъ тому назадъ—Брука дѣлаютъ гофратомъ и лейбъ-медикомъ фюрста!..

— О, нелѣпая сплетня! И чего, чего только не выдумаютъ эти праздныя головы! . Ха, ха! онѣ скоро станутъ хватать звѣзды съ неба! засмѣялась Флора. Гэфратъ и лейбъ-медикъ! И подобную-то чепуху ты, бабушка, выслушиваешь спокойно, позволяешь еще поздравлять себя съ этимъ?..

Она снова громко разсмѣялась.

— Н-ну, нечего сказать—отлично! воскликнулъ коммерціи совѣтникъ, всплеснувъ руками. Да неужели здѣсь, почти въ резиденціи, живутъ въ такомъ отдаленіи отъ всякой цивилизаціи, что даже газетъ не читаютъ?.. Неужели вы, такъ-таки, ничего, рѣшительно ничего не знаете о томъ, что именно случилось, что такъ близко касается насъ?.. Вѣдь я ради только этого вернулся сюда днемъ раньше: радость не давала мнѣ покоя, подмывала летѣть домой... Всѣ газеты кричатъ о чудесной операціи, совершенной Брукомъ въ Л*.; въ Берлинѣ во всѣхъ кружкахъ только и толкуютъ объ этомъ... Наслѣдный принцъ, штудирующій теперь въ Л*, упалъ вмѣстѣ съ лошадью и такъ сильно расшибъ себѣ голову, что ему грозила серьезная опасность, да такая, что ни одинъ докторъ не рѣшался приступить къ операціи. Извѣстный профессоръ Г., и тотъ даже отказался, но онъ вспомнилъ, что въ послѣднюю войну Брукъ, какъ полковой врачъ, имѣлъ подобный же случай и, къ удивленію всѣхъ, счастливо сдѣлалъ операцію: больной выздоровѣлъ. Послѣ этого Брука и вызвали телеграммой въ Л*...

— И ты думаешь, что это *твоего* Брука вызвали, твоего protégé? перебила Флора.

Она попробовала улыбнуться, но это у нея не вышло, потому что побѣлѣвшія губы какъ бы застыли, да и красивое лицо ея, съ дерзкимъ выраженіемъ, вдругъ помертвѣло..

— Ну-да, конечно, *моего* Брука! Я теперь съ гордостью называю его своимъ, подтвердилъ коммерціи совѣтникъ съ видимымъ удовольствіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Рэмеръ ужасно какъ радовался такому счастливому обороту дѣла. Онъ, правда, давно ужъ пересталъ упрекать себя въ томъ, что умолчалъ о происшествіи на мельницѣ, происшествіи, почти уже позабытомъ. Страшный случай тотъ не тревожилъ его сна. Коммерціи совѣтникъ былъ истымъ сыномъ своего вѣка, настоящимъ эгоистомъ, который при рѣшеніи вопроса: „Онъ или я“? не станетъ колебаться ни одной секунды—предпочтеніе должно быть отдано „я“... Какъ бы тамъ ни было, а весьма-весьма пріятно, что все именно такъ случилось, и что Брукъ (Рэмеръ вѣдь предвидѣлъ это!), *благодаря только себѣ*, пробился впередъ, вышелъ на хорошую дорогу.

— А кромѣ того, продолжалъ коммерціи совѣтникъ, въ настоящее время одна брошюра его обратила на себя всеобщее вниманіе медицинскаго міра. Брукъ, въ брошюрѣ этой, вообще указываетъ на открытый имъ—совсѣмъ новѣйшій способъ совершать операціи. Говорятъ, способъ этотъ имѣетъ громадную важность... Теперь ужъ невозможно отрицать, не вѣрить, что Брука ожидаетъ, можно сказать, великая будущность!..

— Кто же повѣритъ-то этому? проговорила Флора какимъ-то сдавленнымъ голосомъ.

Въ каждой чертѣ лица ея видно было отчаяніе, досада, нетерпѣніе; она походила на игрока, который ставитъ на одну карту все, что имѣетъ.

— Все это голословно, а восторженными фразами ты меня не убѣдишь... Тутъ или фамиліи перепутаны, или вся эта чудесная исторія выдумана! закончила она.

При такомъ упрямомъ, настойчивомъ отрицаніи факта, наконецъ, и у коммерціи совѣтника лопнуло терпѣніе, а терпѣливость его въ отношеніи къ дамамъ, живущимъ съ нимъ подъ одной крышей, вошла даже въ поговорку... Онъ гнѣвно топнулъ ногой и отвернулся отъ Флоры.

Президентша стояла у стола и въ волненіи, нервически барабанила слегка по столу своими бѣлыми, худощавыми пальцами Безпокойный взглядъ ея былъ устремленъ на старшую внучку. Генеральша отлично видѣла, что должно было твориться въ настоящую минуту въ душѣ той, которая такъ постыдно ошиблась, оклеветала человѣка, прославляемаго теперь всѣми... Да, ужасный ударъ получила Флора, потерпѣла полное пораженіе, но именно въ такія-то минуты благовоспитанная свѣтская дама и должна обнаружить находчивость, умѣнье свое держать себя.

— Ты упрямишься, Флора, и, конечно, это тебѣ не поможетъ, хладнокровно замѣтила президентша. Въ концѣ концовъ, должна же будешь повѣрить. Что касается меня, то я... хотя и странно у меня на душѣ... болѣе не сомнѣваюсь въ этомъ. Д—скій фюрстъ, братъ матери наслѣднаго принца, съ которымъ случилось несчастье. Онъ, безъ сомнѣнія, чрезвычайно радъ и счастливъ, что племянникъ его спасенъ... И это такъ, потому что вчера вечеромъ я сама видѣли на письменномъ столѣ Брука орденъ княжескаго Д—скаго дома

— И объ *этомъ* ты говоришь мнѣ теперь только, бабушка?!. воскликнула Флора, какъ безумная.—Зачѣмъ не сказала ты мнѣ этого еще вчера?. Зачѣмъ ты это скрыла отъ меня?..

— Скры-ла?.. повторила генеральша съ такимъ гнѣвомъ, что голова ея начала слегка трястись. Съ старымъ человѣкомъ, если онъ сильно взволнованъ, это зачастую случается.—Какъ это дерзко! Желала бы я знать, что могло бы меня понудить скрывать это, держать втайнѣ?.. Развѣ одно только, что въ эти послѣдніе мѣсяцы почти нельзя было произносить при тебѣ

имени Брука... Дѣйствительно, я, по возможности, и избѣгала этого...

— Потому, что поведеніе-то мое было тебѣ совершенно по вкусу, chère grand'mère...

— О, пожалуста!.. Нѣтъ, потому только, что мнѣ противно было присутствовать при вашихъ горячихъ счетъ этого пропѣть тебѣ пѣсенку... Что-жъ, развѣ и теперь ты не показала, какъ принимаешь извѣстіе, говорящее въ пользу Брука?..

А сильно должно быть была раздражена президентша, если она вмѣсто того, чтобы, по своему обыкновенію, упорно молчать о бывшихъ непріятностяхъ, сама

Рѣчная скопа (Pandion haliaetus). Рисов. Вольфъ, гравир. Гимнеръ.

столкновеніяхъ... Вѣдь ты самая ожесточенная противница Брука; ты осуждала его строже, чѣмъ судили его самые недоброжелательные изъ его сотоварищей.. Малѣйшая попытка защитить его—каждый разъ вызываетъ бурю! Бѣдный Морицъ и Генріэтта могутъ на еще разъ, при свидѣтеляхъ, описала непріятное положеніе Флоры!..

Флора молчала. Она стояла у окна спиною къ присутствующимъ; судя по ея порывистому дыханію, можно было заключить, какъ тяжело она боролась съ собой.

— Скажи мнѣ, пожалуста, *когда-же* мнѣ было сообщить тебѣ объ этомъ? продолжала генеральша. Ужь не вчера-ли, когда ты, вернувшись домой, только мелькнула въ гостинной, явилась, чтобы пожелать добраго вечера мнѣ и моимъ гостямъ? Не тамъ-ли, въ домѣ доктора, гдѣ намъ совсѣмъ не пришлось побыть наединѣ, и гдѣ бѣдная обстановка жилища жениха, повергла тебя въ самое дурное расположеніе духа?..

— Нѣтъ, въ уныніе-то впадала ты, любезная бабушка... Ужь будь такъ добра—вспомни объ этомъ, а относительно меня ты преувеличиваешь.

Кэта широко раскрыла свои честные каріе глаза... Такъ нагло отпираться отъ своихъ словъ! Это удивило ее, въ ушахъ ея звучало еще проклятіе, вырвавшееся у Флоры, проклятіе на „ужасную трущобу". Президентша разсердилась.

— Съ тобой трудно сговориться, знаю вѣдь я тебя!.. Ты вотъ постоянно толкуешь о своей суровой правдивости, и, несмотря на это, не прочь прибѣгнуть къ запирательству тамъ, гдѣ это бываетъ тебѣ нужно!..

Проговоривъ эти слова, она довольно рѣзкимъ движеніемъ руки сдвинула съ мѣста лежавшую на столѣ рукопись, причемъ синяя бумага, прикрывавшая тетрадь, соскользнула съ нея и обнаружила заглавный листъ, на которомъ пестрѣли „долговязыя каракульки".

— А—а! Такъ *это* опять разгуливаетъ по свѣту, прыгаетъ то туда, то сюда? спросила она, указавъ пальцемъ на тетрадь. Слова эти сказаны были такимъ тономъ, который доказывалъ, что почтенная дама, обладавшая мудрою умѣренностью, могла быть подчасъ язвительной —Я полагала, что сочиненіе это, наконецъ, уже успокоилось вонъ тамъ, подъ столомъ—въ корзинкѣ... Однако. такая настойчивость въ предложеніи со стороны одного изъ членовъ моей семьи и постоянные отказы со стороны издателей-книгопродавцевъ—просто невыносимы для меня!.. Хотѣла бы я знать, чтобы ты заговорила, если бы кто-нибудь изъ насъ, хотя однимъ словомъ, обнаружилъ, что сомнѣвается въ твоихъ „удивительныхъ умственныхъ дарованіяхъ"? А вотъ тутъ ты позволяешь другимъ періодически, ежемѣсячно доказывать тебѣ...

— Бабушка, не горячись понапрасну!... Вѣдь и ты можешь также легко ошибиться, какъ ошибаются нѣкоторыя другія особы, перебила Флора, дрожа отъ гнѣва. Она мелькомъ взглянула на младшую сестру. Взглядъ этотъ былъ негодующій: вѣдь молодой дѣвушкѣ, еще вчера вечеромъ, пришлось услышать подобное же мнѣніе.—Ты, бабушка, не въ духѣ, потому что съ отставкой Бэра почти все теряешь при дворѣ... Ну, чтожъ, собственно говоря, я и не осуждаю тебя за это; какъ тутъ не растроиться, любезнѣйшая бабушка?... Вѣдь Брукъ-то едва ли, согласится защищать твои маленькіе интересы предъ высокопоставленными лицами... Легко можетъ быть, что онъ не сдѣлаетъ этого даже изъ любви ко мнѣ!... Н-да, тебѣ это, конечно, весьма непріятно, но я все-таки не вижу, почему же мнѣ то, бѣдной жертвѣ, за это расплачиваться?... Теперь позволяю себѣ удалиться, чтобы выждать болѣе ясной погоды въ нашемъ жилищѣ.

Флора собрала разрозненные листки рукописи „Женщины" и исчезла, какъ голубое облако, за дверью своей уборной.

— Удивительно, какъ она эксцентрична, заговорила президентша и вздохнула.—Отъ матери она не унаслѣдовала ни одной черты характера: та была олицетвореніемъ кротости, покорности... Мангольдъ сдѣлалъ большую ошибку, такъ рано предоставивъ Флорѣ роль хозяйки въ домѣ, и я довольно много спорила, тогда, противъ этого, но всѣ слова мои брошены были на вѣтеръ. Ты, Морицъ, лучше всѣхъ знаешь, какимъ упрямцемъ могъ быть Мангольдъ...

Кэта повернулась и направилась къ дверямъ. Конечно, преждевременно сдѣлать Флору самостоятельной —это было для нея пагубно, этого и нельзя отрицать; но Кэта не могла слышать, когда упрекали ея отца (и въ такихъ оскорбительныхъ выраженіяхъ) за то, что онъ, имѣя свои причины, не желалъ поставить хозяйкой у себя въ домѣ тещу свою.

Коммерціи совѣтникъ остановилъ молодую дѣвушку, взявъ ее за руку.

— Ты такъ блѣдна, Кэта, ужасно серьезна, молчалива, сказалъ онъ. — Боюсь, что ты страдаешь, бѣдняжка...

Голосъ его звучалъ совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенно...

— Да, она уже нѣсколько дней такая блѣдная, задумчивая, поспѣшила замѣтить генеральша... Знаю я, отчего это: Кэта тоскуетъ по родинѣ. Не удивляйся, любезный Морицъ! Вѣдь она привыкла жить буржуазной, скромной жизнью... Ну, тамъ ее боготворятъ, наконецъ, тамъ, въ этомъ укромномъ уголкѣ, все вертится около богачки — пріемной дочери. Мы, при всемъ своемъ желаніи, не можемъ доставить ей этого, потому что ведемъ свѣтскую жизнь; характеръ и всѣ условія житья-бытья въ нашемъ кружкѣ совсѣмъ инаго рода... Понятно, что ей тутъ не по себѣ, ей здѣсь тяжело... (Президентша подошла къ Кэтѣ и нѣжно погладила ее по щекѣ). Вѣдь я права, дитя мое?...

— Мнѣ очень жаль, но я должна сказать „нѣтъ", г-жа президентша, отвѣтила Кэта своимъ звучнымъ, твердымъ голосомъ, причемъ рѣшительно откинула голову, какъ бы отстраняя дальнѣйшія ласки. Меня тамъ не боготворятъ, и совсѣмъ не все вертится около „золотой рыбки". (Она тихо, плутовски засмѣялась)... Ахъ, бѣдная „золотая рыбка" чувствуетъ теперь сильнѣе, чѣмъ прежде, узду строгаго воспитанія!... Меня за ошибки мои по хозяйству, прощаютъ не такъ легко съ тѣхъ поръ, какъ я стала богатой наслѣдницей... Что-же касается, аристократическихъ условій жизни вашего кружка, то они вовсе не такъ угнетаютъ меня, не такъ чужды мнѣ, какъ вы думаете. Министръ-канцлеръ ф. Б. принадлежитъ къ числу избранныхъ, составляющихъ небольшое общество по вечерамъ въ домѣ моихъ пріемныхъ родителей. Правда, гостиная наша такъ мала, что въ ней нельзя разставить карточныхъ столовъ, но за то нѣкоторые профессора академіи, друзья доктора, прочитываютъ у насъ интересныя вещи...

Частенько посѣщаютъ насъ музыкальныя знаменитости, ну, и мы тогда безмятежно, весело музыканимъ, хотя піанино мое преплохенькое!

Кэта опять усмѣхнулась, и что это была за прелестная, веселая, молодая улыбка, однако на этотъ разъ нельзя было не замѣтить оттѣнка сарказма въ ней.. Дѣйствительно, молодая дѣвушка обладала „задорной жилкой".

— Я, Славу Богу, такъ воспитана, что тоскѣ по родинѣ не дамъ властвовать надъ собой (тутъ она обратилась къ коммерціи совѣтнику), если, напримѣръ, буду сознавать въ то-же время, что присутствіе мое гдѣ-нибудь необходимо... О, не пугайся, Морицъ! Не тамъ... Напротивъ, позволь мнѣ остаться здѣсь на неопредѣленное время—ради Гэнріэтты!

— Боже мой! Да вѣдь это и мое единственное желаніе! Я хочу, чтобы ты осталась тутъ! воскликнулъ Рэмеръ такъ пылко, что это даже удивило молодую дѣвушку.

Генеральша снова очутилась у стола и теперь усердно занялась перелистываніемъ какой то книги. Глаза ея такъ задумчиво слѣдили за каждой страницей, она, казалось, такъ углубилась въ это занятіе, что не слышала, не видѣла ничего кругомъ.

— Ну, само собою разумѣется, ты пробудешь тутъ столько времени, сколько сама пожелаешь, моя милочка, проговорила она спокойнымъ тономъ, не отрывая

глазъ отъ книги. — Только пребыванiе твое здѣсь никакъ не должно имѣть и тѣни самопожертвованiя. Ужь противъ этого мы рѣшительно возстанемъ! Нанни отлично ухаживаетъ за нашей больной, да кромѣ того я и своей горничной приказала помогать по ночамъ Нанни, если помощь ея понадобится тамъ... Поэтому ты могла бы спокойно оставить Генрiэтту.

— Да это все равно, дражайшая бабушка! Какая-бы не была тамъ причина—довольно и того, что Кэта хочетъ остаться съ нами, живо заговорилъ коммерцiи совѣтникъ. Онъ не могъ оторвать глазъ отъ дѣвушки... Онъ видѣлъ, что ее ничѣмъ не разубѣдишь, не заставишь никакими мягкими словами отказаться отъ разъ принятаго рѣшенiя. — Знаешь-ли, вѣдь я, радостно предчувствуя, что ты остаешься здѣсь, дитя мое, велѣлъ выслать сюда новый рояль—и какой рояль! (Рэмеръ восторженно, звучно поцѣловалъ кончики пальцевъ правой своей руки.) — Кэта, ты получишь такой инструментъ, въ сравненiи съ которымъ здѣшнiй—просто балалайка!.. Да, я такъ и распорядился, чтобы его выслали прямо сюда.

— Но, Морицъ, вѣдь я совсѣмъ не то хотѣла сказать... Ты меня не понялъ! откровенно воскликнула молодая дѣвушка, сдѣлавъ большiе испуганные глаза... Сохрани меня Боже! Дрезденъ—это моя настоящая родина, онъ былъ и будетъ моимъ роднымъ краемъ, а тутъ, на виллѣ Баумгартенъ, я только—въ гостяхъ!.. (Она такъ звонко, шаловливо разсмѣялась). Неужели-же мнѣ таскать за собою, въ видѣ багажа, этотъ рояль?!...

— Льщу себя надеждой, что ты когда-нибудь иначе будешь думать о Дрезденѣ, произнесъ комерцiи совѣтникъ, улыбнувшись особенно тонко, выразительно... Инструментъ завтра прибудетъ сюда и будетъ стоять пока въ твоей комнатѣ.

Президентша захлопнула книгу и положила на нее свою узкую, бѣлую руку.

— Ты, Морицъ, дѣлаешь распоряженiя, которыя противорѣчатъ нашему уговору, замѣтила она повидимому хладнокровно. — Это ставитъ меня, правда, въ очень затруднительное положенiе, но я охотно покоряюсь этому... Сегодня-же напишу баронессѣ Штейнеръ, чтобы она въ маѣ мѣсяцѣ не прiѣзжала сюда, какъ я условилась прежде съ ней...

— Но я не вижу причины, почему...

— Потому, что гдѣ же мы тогда помѣстимъ ее? Мѣста небудетъ, любезный другъ. Комната Кэты предназначалась гувернанткѣ, которую она хотѣла привезти съ собою...

Коммерцiи совѣтникъ пожалъ плечами.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ приходится сожалѣть объ этомъ, но... само-собою разумѣется, опекаемая мною останется тамъ, гдѣ именно она остается.

Онъ возражалъ ей! Онъ дерзнулъ смотрѣть хладнокровно, спокойно въ гнѣвно-сверкавшiе глаза, возмущенной почтенной дамы, и осмѣлился найти естественнымъ, чтобы г-жа баронесса Штейнеръ уступила... Кэтѣ?!.. И это—онъ, который, прежде готовъ былъ перевернуть все вверхъ дномъ, чтобы угодить, который, всѣмъ жертвовалъ, ничего не жалѣлъ, когда дѣло шло о приглашенiи сюда знатныхъ особъ! Наружный лоскъ, прiобрѣтенный имъ (благодаря тому, что *онъ* потерся въ избранныхъ кружкахъ общества), разомъ внезапно сошелъ съ него—и вотъ, неуклюжая, пошлая натуришка выскочки совершенно обнаружилась... Да, вѣдь онъ самъ теперь принадлежитъ къ дворянскому сословiю, притомъ же онъ куда богаче большинства новыхъ своихъ братьевъ-дворянъ (на дняхъ еще удалось собрать обильную золотую жатву...) — значитъ, г. ф. Рэмеръ могъ, съ вызывающимъ видомъ, похлопать по своему карману... Ну, онъ это и дѣлалъ теперь!...

Президентша закусила губы и процѣдила:

— Я немедленно сдѣлаю нужныя распоряженiя (она приподняла шлейфъ, собираясь уйти, и прибавила съ горечью, повернувъ голову и высоко вздернувъ брови), но... признаюсь—положенiе, въ которое я поставлена... безъ всякой вины съ моей стороны... вовсе незавидное!...

— И это все изъ-за меня?!... воскликнула Кэта и, съ протянутой рукой, шагнула къ президентшѣ, чтобы остановить ее.—Морицъ, вѣдь ты же это не серьезно говоришь?... Да?... Неужели мнѣ, молодой дѣвушкѣ, приходится вытѣснять друзей г-жи президентши?... Нѣтъ, этому не бывать. Развѣ нѣтъ у меня собственнаго дома?... Вотъ, какъ только прiѣдетъ г-жа ф. Штейнеръ—я тотчасъ же переберусь на мельницу.

— Ты этого не сдѣлаешь, моя милая Кэта. Я рѣшительно протестую противъ такого намѣренiя съ твоей стороны, возразила президентша особенно важно—холоднымъ тономъ. Все высокомѣрiе, присущее этой гордой, свѣтской барынѣ, теперь рѣзко обнаружилось въ ея глазахъ.—Право, у меня ужь слишкомъ много терпимости... Твоя покойная мать не имѣла причины жаловаться на нелюбезность съ моей стороны, но такая тѣсная связь между виллой и мельницей, такое развязное, свободное хожденiе *туда* и *обратно* — все-таки въ душѣ для меня противны.. И я тѣмъ менѣе желала-бы подвергать подобный порядокъ вещей рѣзкой критикѣ моей строгой прiятельницы... (Она надменно тряхнула головой). Морицъ, ты найдешь меня въ голубомъ салонѣ, если пожелаешь представить мнѣ своихъ гостей. Проговоривъ эти слова, генеральша удалилась.

Коммерцiи совѣтникъ, выждавъ, пока шелестъ шелковаго платья не затихъ и услышавъ, какъ захлопнулась слѣдующая дверь (довольно таки сильно она хлопнула) — презрительно вытянулъ верхнюю губу и тихо засмѣялся.

— Вотъ тебѣ, Кэта, и урокъ! воскликнулъ онъ... Н-да, эти бархатныя лапки имѣютъ скрытые острые когти!... Ахъ, умѣетъ царапать эта старая кошка!... Я, бѣдный простофиля, могъ-бы показать довольно таки царапинъ, но... слава Богу, пришелъ конецъ и ея царствiю... Она дожила до самаго худшаго въ своей жизни: она становится неопасной. Съ отставкой Бэра, госпожа президентша теряетъ значенiе свое при дворѣ, да и въ обществѣ .. (коммерцiи совѣтникъ весело потиралъ руки отъ невыразимаго удовольствiя).—Послушай, милочка моя, не уступай ты имъ ни на iоту! Ты имѣешь больше правъ *здѣсь*, чѣмъ всѣ эти вмѣстѣ... замѣть себѣ это!... Я говорю.

Но ему помѣшали: вошелъ лакей и доложилъ, что гости ожидаютъ господина коммерцiи совѣтника. Они уже въ бель-этажѣ.—Рэмеръ поспѣшно взялъ шляпу и хотѣлъ было подать Кэтѣ руку, но молодая дѣвушка, въ смущенiи, успѣла проскользнуть въ корридоръ. Господинъ опекунъ, съ странною какою-то нѣжностью въ тонѣ и манерахъ, вовсе не нравился ей... Его холодныя дѣловыя письма были ей гораздо прiятнѣе. Да и вообще, какъ онъ удивительно весь перемѣнился!.., Тутъ Кэта невольно вспомнила о прiемѣ, оказанномъ ей въ этомъ домѣ, и такъ еще недавно... Ей слышался еще боязливый шопотъ коммерцiи совѣтника, когда коммерцiи совѣтникъ напоминалъ ей о той почтительности, съ какою она должна относиться къ президентшѣ—и вдругъ теперь онъ самъ дѣлаетъ непочтительныя гримасы за спиной генеральши и начинаетъ непрiятнымъ образомъ обрѣзывать власть ея въ этомъ домѣ, власть до сихъ поръ дѣйствительно неограниченную... Все это пугало молодую дѣвушку, казалось ей непонятнымъ, даже страшнымъ, какъ и эта темнокрасная комната съ своимъ спертымъ воздухомъ, архивною пылью... Кэта свободнѣе вздохнула въ корридорѣ и, оставивъ виллу, направила свои шаги къ „домику надъ рѣкой“.

(Продолженiе будетъ).

Невольничій рынокъ. Картина Цезаря Даль-Аква. Гравир. Р. Рихтеръ.

Рѣчная скопа.

(Pandion Haliactus.)

На прилагаемомъ рисункѣ (стр. 263) изображено семейство рѣчной скопы, принадлежащей къ орлиной породѣ и составляющей, въ строгомъ смыслѣ, переходъ отъ орловъ къ коршунамъ. Хищная птица эта избираетъ для себя мѣстности, самыя дикія и уединенныя по берегамъ рѣкъ и озеръ, изобилующихъ рыбою, и гнѣздится преимущественно, на высокихъ и неприступныхъ деревьяхъ, или чаще на скалахъ, выступающихъ изъ водъ озера или рѣки. Дикія и недоступныя скалы, составляютъ самое любимое жилище этой птицы, по той простой причинѣ, что любимая и единственная пища скопы, у самаго ея жилища, плаваетъ предъ ея глазами и соблазнительно манитъ ее на ловлю. Рѣчная скопа, (Pandion Haliactus) весьма характерична, какъ по своей формѣ и смѣлой, даже дерзкой осанкѣ, такъ и по оригинальному образу жизни. Походя, во многихъ чертахъ, на орла, она и называется нерѣдко *воднымъ* или *рѣчнымъ орломъ*. Туловище рѣчной скопы небольшое, но крѣпко сложено, а крылья длинны, такая длина ихъ способствуетъ быстрымъ и стремительнымъ полетамъ, причемъ умная птица, выходя изъ своего непелища на рыбную ловлю, чтобы не испугать рыбы, дѣлаетъ самыя разнообразныя эволюціи, то быстро кружится надъ водою, то паритъ на значительной высотѣ, то плавно и нѣжно какъ бы стелется въ воздухѣ; но замѣтивъ рыбу, бросается на нее стремглавъ и всегда въ косвенномъ направленіи, поражая свою жертву съ быстротою молніи, и впиваясь въ нее или острымъ клювомъ или сильными когтями. При крѣпости ногъ скопы и неимовѣрномъ развитіи силы въ ея лапахъ, снабженныхъ въ высшей степени подвижнымъ, и вращающимся взадъ и впередъ большимъ пальцемъ, пойманная жертва рѣдко ускользаетъ.

Высмотрѣвъ плавающую рыбу, скопа уже заранѣе расправляетъ свои когти, зорко слѣдитъ за нею и оглашаетъ воздухъ радостными криками; затѣмъ, какъ уже мы замѣтили выше, стремительно спускается въ воду и, схвативъ жертву за спину когтями, также быстро поднимается изъ воды и уже тогда зажимаетъ рыбу обѣими лапами, какъ желѣзными клещами; по этому башкиры и дали этой птицѣ весьма вѣрное названіе, «желѣзнаго когтя». Когда скопа поднимается изъ рѣки, то вода красиво льстся съ перьевъ серебрянными струями, которыя, при отряхиваніи и взмахахъ крыльевъ, разсыпаются безчисленными брызгами бриллiантоваго дождя, играющаго всѣми цвѣтами радуги отъ блѣдно-фіолетоваго до темно-красваго. Надо видѣть, какъ красива бываетъ эта птица при роскошно-распущенномъ, въ видѣ вѣера, хвостѣ. Ловлю рыбы скопа никогда не производитъ при туманѣ или ненастной погодѣ, довольствуясь въ это время припрятанными запасами своего хозяйства, но едва яркій лучь утренняго солнца озолотитъ поверхность озера или рѣки и заснуютъ въ водѣ сверкающія серебристыя рыбы, скопа уже радостно разсѣкаетъ воздухъ своими мощными крыльями. Часто, однакоже, скопа и сама попадается въ бѣду, и даже погибаетъ, не желая, по крайней жадности своей, ни въ какомъ случаѣ выпустить пойманной рыбы, которая, при большой тяжести, опускаясь на дно, увлекаетъ за собою и своего смертельнаго врага, и хищникъ такимъ образомъ тонетъ, дѣлаясь, въ свою очередь, пищею для рыбъ, раковъ и другихъ водяныхъ обитателей. Иногда же, осиливъ тяжеловѣсную рыбу, она съ трудомъ доноситъ ее до берега или до скалы и тамъ, положивъ на землю, терзаетъ ее своимъ клювомъ, но никогда не ѣстъ головы (за исключеніемъ глазъ), внутренностей и хвоста, явно пренебрегая ими, какъ невкусною пищею. Небольшихъ рыбъ она уноситъ обыкновенно въ самое дикое и уединенное мѣсто. чтобы съѣсть одной и никакъ не подѣлиться. Только дѣтеныши для чувствъ нѣжной матери составляютъ исключеніе: имъ она радостно несетъ свою добычу, раздираетъ ее клювомъ и когтями, и заботливо дѣлитъ между ними. На прилагаемомъ рисункѣ мы видимъ двухъ молодыхъ птицъ, ожидающихъ на окраинѣ скалы свою мать, въ чаяніи получить отъ нея лакомую пищу. На сколько грознымъ врагомъ является скопа для рыбы, на столько же она безопасна для разныхъ животныхъ и птицъ; даже пугливыя утки и куры нимало не боятся ея сосѣдства, вѣроятно понимая, что птица эта, кромѣ рыбы, гнушается всякою другою пищею. Кротость скопы къ другимъ пернатымъ кажется даже странною; такъ, напримѣръ, ея непримиримыми врагами являются весьма не храбрыя птицы, какъ вороны, трясогузки, ласточки, и скопа, хотя бы, по силамъ своимъ, могла легко уничтожить враговъ своихъ, но она какъбудто теряется, и старается отдѣлаться отъ нихъ мирно или даже просто обращается въ бѣгство. Но злѣйшими врагами ея считаются бѣлые американскіе орлы и коршуны паразиты. Какъ первые, такъ и вторые, хотя и любятъ рыбу, но, по лѣности своей, не очень жалуютъ трудную и утомительную охоту, предпочитая жить на чужой счетъ и ѣсть уже готовую пищу; по этому и орлы и коршуны обыкновенно подстерегаютъ скопу, сидя гдѣ нибудь на деревѣ или на камнѣ и едва замѣтятъ ее съ изловленной добычей, тотчасъ же бросаются на нее и мучатъ до тѣхъ поръ, пока она, потерявъ послѣднія силы въ борьбѣ за лакомый кусокъ, добровольно сама выпускаетъ изъ когтей рыбу и волею-неволею отправляется вновь на свой промыселъ. Впрочемъ и скопа не прочь подъ часъ насладиться пріятною лѣнью, если ей удастся какъ-нибудь промыслить безъ труда заблудшаго въ береговой тинѣ угря или другую рыбу, неосторожно выпрыгнувшую изъ воды; тогда она проводитъ день среди своего семейства, не пускаясь на свою обычную охоту.

Цвѣтъ перьевъ скопы бурый съ бѣлой и узкой каемкой на каждомъ перѣ, глаза ярко-желтые, кожа на головѣ матовая, свинцоваго цвѣта, а клювъ и когти блестящаго черпаго. Скопа распространена по всей Европѣ, живетъ также во многихъ рѣчныхъ и озерныхъ мѣстностяхъ Азіи; по особенно многочисленна въ сѣверной Америкѣ, избирая своимъ мѣстопребываніемъ самые уединенные уголки на скалахъ мѣстныхъ рѣкъ и озеръ. Гнѣзда свои вьетъ въ разщелинахъ скалъ изъ самыхъ крѣпкихъ древесныхъ вѣтвей, устилая ихъ мягкими растеніями и по преимуществу мохомъ. Въ маѣ мѣсяцѣ птицы кладутъ въ гнѣздахъ свои яйца, числомъ не болѣе трехъ. Яйца эти крупны и притомъ очень красиво испещрены кирпично-красными пятнами по свѣтло-свинцовому фону. Образъ жизни скопы чисто кочевой, зависящій отъ увеличенія или уменьшенія рыбы въ данной мѣстности.

Въ Германіи сильно преслѣдуютъ эту птицу и постоянно разоряютъ ея гнѣзда, потому что она является чистымъ бичемъ рыболововъ, истребляя рыбу рѣкъ въ громадномъ количествѣ, даже прогоняя ее этимъ изъ однѣхъ рѣкъ и заставляя эмигрировать въ другія; кромѣ того зоркая скопа отлично умѣетъ подмѣтить и подстеречь наловленную рыбаками рыбу и, пользуясь оплошностію, налетаетъ цѣлою стаею и истребляетъ все, такъ что рыбакъ, проснувшись, конечно, не такъ рано, какъ скопа, видитъ нерѣдко уничтоженными труды нѣсколькихъ дней.

Скопа чрезвычайно осторожна и поймать ее живою весьма трудно; но люди все-таки ухитрились ловить ее посредствомъ капкановъ, разставляя ихъ подъ водою и помѣщая приманкою какую-нибудь довольно крупную живую рыбу. Видѣть пойманную скопу въ клѣткѣ удается очень рѣдко, потому что попавъ въ неволю, она скоро отъ тоски лишается жизни. Недавно въ Гамбургскомъ зоологическомъ саду показывалась плѣнная скопа, но она, не взирая на природное проворство и обычную свою смѣлость, была очень грустна сидѣла въ клѣткѣ смирно, не издавая даже голоса и не обращая ни малѣйшаго вниманія на сторожей, ухаживавшихъ за нею. Жизнь ея замѣтно угасала съ каждымъ днемъ и невольница зачахла совсѣмъ, такъ что чрезъ три мѣсяца, со дня заключенія, птица найдена была уже въ клѣткѣ мертвою.

Невольничій рынокъ.

Рабство узаконено въ Турціи. Книга «Хедая» содержитъ въ себѣ всѣ уложенія по этому предмету, основанныя на указаніяхъ корана. Тутъ опредѣляется власть господина надъ рабомъ, способы, посредствомъ коихъ рабы могутъ получить свободу и перечислены существующіе по этому предмету «адеты» и обычаи.

Рабомъ дѣлается каждый военноплѣнный, при чемъ онъ принадлежитъ тому, кто первый до него дотронулся. Пятую часть прибыли отъ торговли военноплѣнными получало правительство, остальная часть шла на награды въ арміи. Рабами были также всѣ негры—не мусульмане и всѣ бѣлые рабы—грузины и черкесы, ихъ дѣти и вообще дѣти негровъ и всѣхъ, которые были рабами.

Недалеко отъ мечети Султана Османа въ Константинополѣ, до сихъ поръ существуетъ такъ-называемый «Эсиръ-базаръ» (торгъ рабами). Въ прежнее время послѣ каждой войны этотъ рынокъ былъ заваленъ товаромъ. Трактаты, вынужденные Европою, помогли немного. Въ 30-хъ годахъ корабли Порты выгружали тысячи женщинъ и дѣтей съ Архипелажскихъ острововъ и изъ Пелопонеза.

Теперь торговля женщинами производится тайно. Мусульмане разумѣется хорошо знаютъ, гдѣ можно купить бѣлыхъ, гдѣ черныхъ женщинъ. Кварталъ «Топъ-Хане» особенно извѣстенъ въ этомъ отношеніи и многіе купцы производили тамъ и производятъ эту выгодную торговлю.

Количество дѣвушекъ, привозимыхъ съ Кавказа въ иной годъ

доходитъ до цифры 2500—3000. Изъ нихъ 1/5 назначалась собственно для Константинополя.

Базары невольниковъ еще существуютъ кое гдѣ въ Азіатской Турціи. Предлагаемый рисунокъ, съ картины одного извѣстнаго художника, представляетъ одинъ изъ такихъ рынковъ. Но плѣнныя красавицы сидятъ обыкновенно не на виду, а въ галлереѣ которой рѣшотки довольно удобны, чтобы видѣть изъ-за нихъ предлагаемый товаръ. Кромѣ того, по свидѣтельству путешественниковъ, здѣсь продаются преимущественно гаремныя служанки или невольницы, подурнѣвшія вслѣдствіе болѣзни. Вообще же, какъ мы сказали, это дѣлается втайнѣ.

Купцы, узнавъ цѣны на женщинъ въ Стамбулѣ, выторговываютъ, въ разныхъ мѣстахъ, у родителей дѣвочекъ лѣтъ 10—14 покрасивѣе или мѣняютъ ихъ на оружіе, порохъ и платье. Цѣна обыкновеннымъ рабынямъ-негритянкамъ на базарѣ бывала отъ 1,500—2,000 піастровъ. Бѣлыя рабыни доходили иногда и до 15,000—45.000 тыс. піастровъ. Такія рѣдко попадутъ на базаръ, развѣ послѣ смерти какого-нибудь паши распродается его гаремъ.

Не всѣ дѣвочки, конечно, съ грустью и отчаяніемъ покидаютъ своихъ и родину. Ихъ увѣряютъ, что они будутъ султаншами и проч. Купцы содержатъ ихъ, уже изъ расчета, хорошо и чтобъ потомъ имѣть въ нихъ заступницъ передъ вельможами, къ которымъ они могутъ попасть, чуть не заискиваютъ въ нихъ.

Художникъ на нашемъ рисункѣ и подмѣтилъ эту черту—кокетство. Кокетство «товара»! Торгъ этотъ развращаетъ и покупающихъ и продаваемыхъ.

«Разъ въ 1862 году, разсказывалъ составителю настоящей статьи одинъ консулъ, во время пребыванія въ Стамбулѣ, пожелалъ я видѣть, какъ производится продажа женщинъ. Въ обществѣ нѣсколькихъ лицъ, знакомыхъ съ мѣстною жизнью, въ день рамазана (поста) въ Галатѣ зашли мы въ одинъ турецкій домъ, гдѣ намъ и показали шесть молодыхъ дѣвушекъ отъ 13—15 лѣтъ, которыхъ хозяинъ ихъ предложилъ купить. Онъ говорилъ, что онѣ грузинки и черкешенки. Двѣ изъ нихъ были красивы, но не вполнѣ развиты. Остальныя были даже нехороши собою. Всѣ онѣ были очень веселы, болтали и смѣялись. Намъ перевели, что онѣ очень рады, что ихъ наконецъ покупаютъ. Одна дѣвочка только, съ тонкими и изящными чертами личика и черными прекрасными глазами, была грустна и молчалива. Хозяинъ велѣлъ имъ танцовать. Одна взяла въ руки барабанчикъ, другая какой-то инструментъ въ родѣ итальянской мандолины. Мы просили не заставлять дѣвочекъ плясать, на что хозяинъ согласился очень неохотно. Онъ увѣрялъ, что онѣ всегда танцуютъ и показываютъ гостямъ все, чему научились. Особенно хвалилъ онъ молчаливую дѣвочку, говоря, что она *«во снѣ не говоритъ, хорошо поетъ и любитъ купаться какъ утка»*...

Этотъ ужасный, варварскій обычай еще существуетъ среди мусульманъ, противъ гнета которыхъ такъ борятся наши несчастные соплеменники — христіане. Несчастныя плѣнницы, вырываемыя изъ своихъ семей варварами, могли бы разсказать много ужасныхъ, кровавыхъ исторій... Сколько тысячъ семей захвачены въ плѣнъ, когда гроза разразилась надъ Мореей, Кандіей, Хіосомъ! А теперь! Какія ужасныя картины людскаго горя, отчаянія, насилія, безчеловѣчія и самоотверженія — униженія женщины и геройства нашихъ несчастныхъ братьевъ— все это залито волнами крови и озарено заревомъ пожаровъ!..

Рынокъ—это широкій неправильный дворъ (какъ изображено на рисункѣ). Кругомъ построены ложи, закрытыя рѣшотками, за которыми и сидятъ женщины. Налѣво дѣти и взрослые невольники, протягивающіе руки въ горѣ и въ отчаяніи къ пораженнымъ этою картиною европейцамъ-путешественникамъ. Впереди женщинъ справа, стоитъ важный купецъ. Характерная сцена изъ жизни Имперіи, которую такъ долго поддерживали ея европейскіе друзья, теперь, кажется, въ ней разочаровавшіеся.

Новыя изобрѣтенія.

Пловучая грузоподъемная машина исполинскихъ размѣровъ въ Нью-Іоркѣ.

При постройкѣ гавани въ Нью-Іоркѣ, требуется поднимать и опускать значительныя тяжести. Такъ, напр., при постройкѣ набережной на берегахъ North River'а, опускаютъ теперь на дно рѣки рядами огромные блоки бетона (гидравлическаго цемента, смѣшаннаго съ хрящемъ), вѣсомъ отъ 80 до 90 тоннъ. Для доставленія и укладки подобныхъ массъ требуются, разумѣется, въ значительномъ количествѣ, различныя грузоподъемныя машины; на верфяхъ и въ мастерскихъ употребляютъ при этомъ въ дѣло разныя какъ неподвижныя, такъ и пловучія машины. Самую большую изъ этихъ послѣднихъ машинъ, имѣющую силу въ 100 тоннъ, изображаетъ нашъ рисунокъ. На плоту, имѣющемъ видъ квадрата, возвышается пирамидальная желѣзная постройка, которая содержитъ котелъ, паровую машину и все остальное, необходимое для приведенія машины въ дѣйствіе. Поперегъ пирамидальной верхушки находится горизонтальный желѣзный рычагъ, правая половина котораго содержитъ рельсовый путь, по которому двигается возокъ, снабженный необходимыми приспособленіями для подъема тяжестей. Эта правая сторона соединена многочисленными рычагами съ колонной, находящейся на верхушкѣ пирамиды; отъ этой колонны идутъ еще другіе рычаги къ лѣвой сторонѣ, которые, въ свою очередь, соединены съ фундаментомъ машины посредствомъ канатовъ. Эта паровая машина, не взирая на свои громадные размѣры, представляетъ полную безопасность и, не говоря уже о выгодахъ, представляемыхъ ея примѣненіемъ, передвиженіе, управленіе, установка и ремонтъ ея чрезвычайно удобны.

Новый самодѣйствующій аппаратъ для стирки бѣлья (Wodward's The fountain Clothes-Washer.)

Этотъ новый, изъ Америки вывезенный и въ въ странѣ этой весьма распространенный, изобрѣтенный Удвардомъ аппаратъ для стирки бѣлья, заслуживаетъ особенное вниманіе нашихъ хозяекъ. Конструкція его чрезвычайно простая. Достаточно котелокъ этотъ, съ грязнымъ бѣльемъ, наполнивъ надлежащимъ количествомъ холодной воды, мыла и золы, оставить на огнѣ въ продолженіи одного только часа, чтобы достигнуть въ это время такихъ результатовъ, которые, при другомъ способѣ стирки, потребовали-бы, въ продолженіи цѣлаго дня, не менѣе четырехъ рукъ. При употребленіи этого аппарата бѣлье не подвергается какой-либо порчѣ, ибо при этомъ не нужно прибѣгать ни къ какимъ химическимъ средствамъ; вода, мыло и паръ суть единственные факторы аппарата Удварда. Бѣлье, все равно состоитъ-ли оно изъ тончайшихъ кружевъ или изъ самой грубой шерстяной матеріи, потребуется, послѣ варки въ этомъ котелкѣ, сполоснуть одинъ только разъ, выжать и затѣмъ повѣсить его для просушки. Сбереженіе времени и труда, при употребленіи этого новаго аппарата, чрезвычайно значительны. Цѣна его не выше цѣнъ, существующихъ на подобные предметы, находившіеся въ употребленіи до сихъ поръ, и значительно ниже цѣнъ на машины для стирки бѣлья, которыя сверхъ сего, при дурномъ или неумѣломъ обращеніи съ ними, скоро портятся и дѣлаются негодными къ употребленію.

Аппаратъ Удварда приготовляется или изъ луженой жести, или изъ мѣди и снабженъ внизу металлическимъ кружкомъ, въ видѣ рѣшета, въ которомъ сдѣланы отверстія, способствующія проникновенію пара въ бѣлье, въ то время какъ кипятокъ, при помощи трубокъ, прикрѣпленныхъ къ этому рѣшету, быстро распространяется по бѣлью. Передъ стиркой, на дно котла, вынувъ предварительно металлическій кружокъ, кладутъ, сообразно величинѣ котла, около 1/4 ф. мыла, искрошеннаго на мелкіе куски; затѣмъ снова кладутъ металлическій кружокъ и наливаютъ въ котелокъ столько холодной воды, чтобы послѣдняя на два или на три пальца находилась выше кружка. За недостаткомъ мягкой, можно употреблять твердую воду, но примѣшавъ къ ней предварительно немного соды; воды въ большемъ, чѣмъ сказано, количествѣ наливать въ котелъ не слѣдуетъ; равнымъ образомъ послѣдній долженъ быть наполненъ грязнымъ бѣльемъ до 2/3 своей величины. Грязное бѣлье, смоченное наканунѣ въ мягкой, холодной водѣ и достаточно намыленное, кладутъ въ котелъ, снабженный водой и мыломъ, и притомъ по одиночкѣ, плоско, одно на другое, такъ чтобы оно плотно прилегало къ краямъ котла и мѣшало-бы кипятку подниматься впослѣдствіи вдоль краевъ. Затѣмъ, котелъ покрываютъ крышкой и даютъ кипѣть бѣлью цѣлый часъ, начиная съ той минуты, когда вода начнетъ закипать. Въ продолженіе этого времени необходимо наблюдать, чтобы вода безпрерывно кипѣла и не слѣдуетъ, безъ особой нужды, снимать крышки съ котла. По прошествіи часа, грязь отъ бѣлья отдѣляется и его нужно только промыть немедленно одинъ разъ въ горячей водѣ, которую слѣдуетъ перемѣнять почаще. Сполоснувъ, обычнымъ образомъ, бѣлье въ холодной водѣ, можно приступить къ выжиманію его. На этотъ предметъ рекомендуемъ испытанную и оказавшуюся чрезвычайно цѣлесообразною и практичною машину для выжиманія бѣлья.

Если одновременно со стиркой желательно соединить и бѣленіе бѣлья, то слѣдуетъ опустить въ воду, находящуюся въ котлѣ, столовую ложку буры, въ видѣ порошка. Фланелевыя и другія толстыя шерстяныя матеріи могутъ быть опущены въ котелъ тогда, когда вода уже закипитъ и впослѣдствіи промываются одинаковымъ способомъ въ горячей водѣ; бѣлье изъ цвѣтныхъ матерій слѣдуетъ класть въ котелъ отдѣльно, а не вмѣстѣ съ бѣлымъ бѣльемъ. Въ случаѣ, если краски матеріи линючія, то аппаратъ Удварда не слѣдуетъ употреблять въ дѣло.

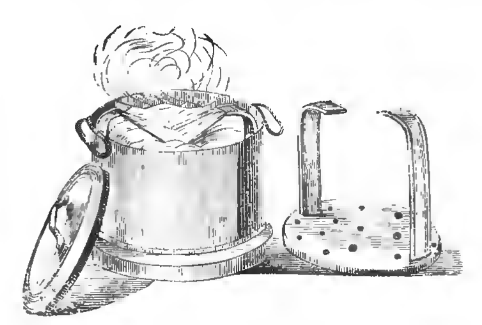
Какъ новый аппаратъ Удварда для стирки бѣлья, такъ и по-

мянутую выше машину для выжиманія онаго, различныхъ величинъ, можно получать въ механическомъ магазинѣ И. Э. Милька, находящемся въ Большой Морской улицѣ, въ домѣ подъ № 39, въ С.-Петербургѣ.

Пистолетъ Попэ, дѣйствующій посредствомъ сжатаго воздуха.

До сихъ поръ еще не знали удобнаго комнатнаго пистолета, несмотря на множество разнообразныхъ оружій, изобрѣтенныхъ съ этою цѣлью. Маленькіе пистолеты, въ родѣ Тешенскихъ, хотя и не дымятъ и не шумятъ, однако даютъ непріятный запахъ и легко засоряются отъ частаго употребленія. Другіе, устроенные по образцу духовыхъ ружей, слишкомъ сложны и относительно не далеко бьютъ. Изобрѣтенный Попэ въ Бостонѣ пистолетъ, дѣйствующій посредствомъ сжатаго воздуха, устроенъ весьма просто, чисто и бьетъ вѣрно. Онъ весь сдѣланъ изъ металла, безъ каучука или другихъ легко разрушающихся веществъ, и не смазывается масломъ. Большой рисунокъ (фиг. № 1) изображаетъ наружность пистолета, а маленькій рисунокъ (фиг. № 2) изображаетъ разрѣзъ пистолета при заряживаніи.

Плоская стальная пружина припираетъ металлическій поршень С къ основанію цилиндра К; но посредствомъ курка Д, поршень С удерживается въ положеніи, указанномъ на рисункѣ фиг. 2. Дуло берутъ за закрѣпку А и выдвигаютъ. Подвижная палочка съ маленькимъ утолщеніемъ у основанія, свободно про-

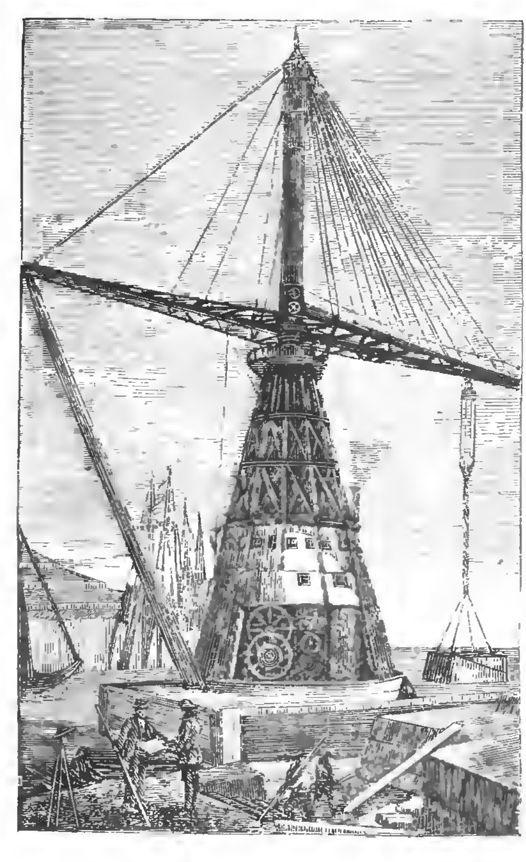
Новый самодѣйствующій аппаратъ для стирки бѣлья.

ходящая сквозь поршень С и отверстіе въ вершинѣ цилиндра К, прикрѣпленная къ закрѣпкѣ А, подвигаетъ поршень впередъ и сжимаетъ тѣмъ пружину.

Понятно, что въ это время лѣвою рукой, которая держитъ пистолетъ, не слѣдуетъ нажимать курка, а дуло надобно вытянуть настолько, чтобы курокъ дѣйствительно захватилъ поршень С.

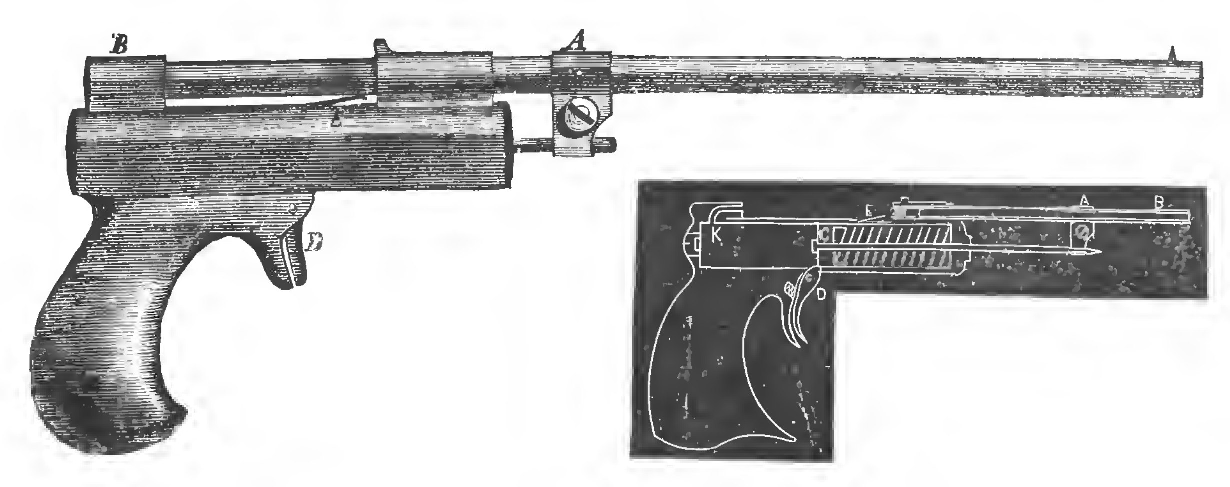
Въ отверстіе въ задней части дула вкладываютъ пулю, нажимаютъ пружинку Е и дуло снова плотно сдвигаютъ съ прикладомъ. Когда спущенъ курокъ, пружина съ силою отталкиваетъ поршень С, поршень гонитъ воздухъ изъ цилиндра въ дуло черезъ отверстіе въ прикладѣ и сообщаетъ такимъ образомъ сильное движеніе пулѣ. При стрѣльбѣ на тридцать шаговъ коническая пуля глубоко врѣзывается въ деревянную доску, такъ что при употребленіи пистолета требуется нѣкоторая осторожность, а то пули могутъ нанести большой вредъ.

Изъ пистолета Попэ легко можно сдѣлать ружье, воткнувъ палку порядочной толщины въ отверстіе, сдѣланное въ прикладѣ F. Такое ружье, будетъ стрѣлять еще вѣрнѣе. По свидѣтельству американскаго генерала Шермана, который съ похвалой отзывается объ этомъ изобрѣтеніи, пистолетъ Попэ можетъ служить не только для забавы, но и для предварительныхъ упражненій въ стрѣльбѣ до ознакомленія съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ Америкѣ и въ Англіи пистолетъ Попэ уже пріобрѣлъ многихъ приверженцевъ и безъ сомнѣнія пріобрѣтетъ ихъ и у насъ.

Пловучая подъемная машина исполинскихъ размѣровъ въ Нью-Іоркѣ.

Простые пистолеты Попэ вмѣстѣ со всѣми ихъ принадлежностями продаются за 20 марокъ у придворнаго поставщика Фицмана въ Лейпцигѣ; а изящно отполированные за 25 марокъ.

Фиг. № 1. Фиг. № 2.
Пистолетъ Попэ дѣйствующій посредствомъ сжатаго воздуха.

СОДЕРЖАНІЕ: Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ (съ портретомъ). — Первый Стрѣлецкій бунтъ 1682 года (съ рисункомъ). — Въ домѣ коммерціи совѣтника. Повѣсть Э. Марлитта (продолженіе). — Рѣчная скопа. Pandion Haliaetus (съ рисункомъ). — Невольничій рынокъ (съ рисункомъ). — Новыя изобрѣтенія: Плавучая грузоподъемная машина исполинскихъ размѣровъ въ Нью-Іоркѣ (съ рисункомъ). — Новый самодѣйствующій аппаратъ для стирки бѣлья (съ рисункомъ). — Пистолетъ Попэ, дѣйствующій посредствомъ сжатаго воздуха (съ рисункомъ).

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 1 Апрѣля 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб., Больш. Морская, [illegible] пр., № 10.

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 16 — 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 19 Апрѣля 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Кабакъ въ деревнѣ и горькія его ягодки.

Внутренность деревенскаго кабака. Рис. Ріу, грав. Эберъ.

Кабакъ въ деревнѣ и его горькія ягодки.

Подпись подъ этимъ рисункомъ едвали не лишняя: кто живалъ когда нибудь въ русской деревнѣ или бывалъ въ ней хоть проѣздомъ, тотъ, конечно, взглянувъ на этотъ рисунокъ, и безъ подписи, узнаетъ, что тутъ изображена съ фотографической точностью, внутренность русскаго деревенскаго кабака со всею его обычною обстановкою.

На первомъ планѣ нашей картинки нѣсколько ребятишекъ, нисходящее поколѣніе деревенскаго кабатчика, которое растетъ и развивается въ этой средѣ, видитъ всякія продѣлки, слышитъ и усвоиваетъ себѣ памятью и дѣтскимъ воображеніемъ все необыкновенное и заманчивое изъ разсказовъ пьяной компаніи. Что изъ этихъ дѣтей выйдетъ, ежели вовремя ихъ не спасутъ отъ вліянія всей этой пагубно-растлѣвающей среды и если въ свою пору не укажетъ имъ вѣрный путь церковь. Школа можетъ кое что совершить, въ отношеніи подрастающаго деревенскаго поколѣнія, чему много примѣровъ въ Германіи и въ Англіи, но ея вліяніе, едва ли не безсильно: дѣтей сельскаго кабатчика трудно вывести изъ той обстановки, въ какую бросила ихъ жизнь. Да, дѣти кабатчика, можетъ быть даже одаренныя блестящими способностями, вынесутъ изъ школы одну лишь грамотность, изучитъ которую велѣлъ имъ строго на строго ихъ отецъ, самъ грамотѣй, да еще все таки не совсѣмъ довольный своими грамотѣйскими знаніями.—«Вы у меня, смотрите, пострѣлята, читать, писать, считать на счетахъ и на аспидной доскѣ,—выучитесь какъ можно лучше, чтобы могли мнѣ потомъ во всемъ помогать. Съ насъ земство на школы-то изрядно выщелачиваетъ, такъ намъ нечего зѣвать, за это по крайности хоть грамотныхъ дѣтей имѣть надо. Мало того, что въ кабакѣ вы, сдѣлавшись грамотниками, будете полезны, того и гляди, со времечкомъ, да и больно не далеко то времечко, волостной старшина нашъ того или другого изъ васъ возметъ въ писаря. Учитесь же!... А плохо будете учиться, Боже васъ упаси, рукъ своихъ отческихъ не пожалѣю и васъ, поросятъ, до полусмерти запорю!

Этого рода наставленіями иногда въ деревняхъ напутствуютъ ребятишекъ въ школу, и ребятишки эти изъ школы выносятъ лишь грамотность, одну механическую грамотность и, подъ вліяніемъ дурной среды, дѣлаютъ изъ грамотности то употребленіе, какое разбойникъ даетъ острому топору, которымъ трудолюбивый плотникъ строитъ прочную избу, подъ кровлею которой живутъ семьи.

На картинкѣ, которая передъ нашими глазами, мы видимъ среди безпорядка хозяйственнаго обихода еще молодую крестьянку съ груднымъ младенцемъ; подлѣ нея малютка-дочка – дѣвочка лѣтъ трехъ-четырехъ, которая любуется на своего карапуза братишку, ползающаго по тесовому полу, играя съ котятами. Дальше у стола около печки четыре мужика-бородача въ рубахахъ; двое изъ нихъ пьютъ водку, третій сидитъ передъ шкаликомъ и улыбается на мальчугана, что съ котятами играетъ, а четвертый завалился къ печи и заснулъ.

Тутъ однако есть своего рода драма, которую имѣлъ въ виду, кажется, художникъ, когда его бойкій карандашъ набрасывалъ на кусокъ пальмоваго дерева всю эту сцену. Дѣло въ томъ, что въ селѣ здѣшнемъ, въ томъ, гдѣ этотъ кабакъ, за немного лѣтъ передъ симъ, былъ кабатчикомъ пришлый откуда-то мужикъ Дементій Прохоровъ. Этотъ Прохоровъ былъ вдовъ и имѣлъ всего на все одну только дочь, Дуню, красавицу и такую умную, ловкую, дошлую, что съ огнемъ поискать. Да еще Дуня-то эта была грамотна. Ее грамотѣ выучила съ малолѣтства какая то монахиня въ той далекой сторонѣ, изъ которой Прохоровъ прибылъ въ это село. Сторона эта была та богатая старообрядческими скитами сторона поволжская, которую со всѣмъ ея чистымъ, русскимъ людомъ и съ чисто-русскимъ бытомъ и строемъ такъ мастерски воспроизвелъ недавно въ своемъ романѣ «Въ Лѣсахъ», Печерскій (П. И. Мельниковъ). Кромѣ дочери, Дуни, у Прохорова былъ еще пріемышъ, какъ молва гласила, какой-то подкидышъ, также красивый и молодцоватый парень, смуглый и черноволосый, словно цыганъ, Феклистъ, а по батюшкѣ Дементьевичъ, такъ какъ когда Феклистку, еще маленькаго,кто то подкинулъ Дементію Прохорову, то послѣдній былъ его воспріемникомъ; обычаемъ же принято, въ такихъ случаяхъ, ребенку некрещенному давать въ святомъ крещеніи имя того святаго угодника, какого въ этотъ день празднуетъ церковь православная, а отчество заимствовать отъ имени крестнаго отца. Прохоровъ сына не имѣлъ, а полюбилъ хитраго и вкрадчиваго Феклиста, вполнѣ его усыновилъ и выучилъ грамотѣ и счету. Когда Прохоровъ прибылъ въ это село и снялъ этотъ кабакъ, купивши подъ него ту избу, внутренность какой вы теперь видите,—Феклисту было уже двадцать два—три года, а красавицѣ Дунѣ—всего шестнадцать лѣтъ. Феклистъ въ тайнѣ полюбилъ свою нарѣченную сестру и рѣшилъ, что будетъ непремѣнно ея мужемъ. Старикъ Прохоровъ очень любилъ своего пріемыша и согласенъ былъ на этотъ бракъ; но, вопреки обычаю крестьянскому, не хотѣлъ неволить дочь, предоставляя ей свободный выборъ себѣ будущаго мужа, и вотъ Дуня выбрала по сердцу человѣка. То былъ молодецъ изъ молодцевъ, сынъ довольно богатаго мужика изъ сосѣдняго села, Терентій Савельевъ, прозванный за удаль свою Безшабашнымъ. Удали его много способствовало и то, что отецъ его торговалъ лошадьми и былъ извѣстнымъ въ околодкѣ коннымъ барышникомъ. Терентій помогалъ отцу въ этой, требовавшей ловкости и молодечества, профессіи и сдѣлался отличнымъ наѣздникомъ. Терешка Безшабашный знаменитъ былъ своею удалью и лихимъ наѣздничествомъ не только въ крестьянствѣ, а промежъ и господскаго сословія и у богачей-купцовъ. При этомъ онъ былъ краснобай, балагуръ, шутникъ, плясунъ, балалаечникъ запѣвала и никто лучше его не умѣлъ владѣть гармоніей. Всѣ дѣвушки-невѣсты въ околодкѣ желали выдти замужъ за Безшабашнаго, который, кромѣ всѣхъ своихъ достоинствъ, имѣлъ еще одно немаловажное въ глазахъ и мнѣніи старика Прохорова, — это то, что такой молодецъ какъ Терентій Савельевъ, доживши до 22 лѣтъ, имѣя уже изрядную бородку, ни пива, ни водки не пилъ, а самое хмѣльное, что себѣ дозволялъ, то развѣ только питнаго медку стаканчикъ гдѣ нибудь въ гостяхъ на имянинахъ или въ случаѣ престольнаго праздника. Прохоровъ и его пріемышъ и подручникъ Феклистъ Дементьевъ, хоть оба занимались съ великимъ усердіемъ продажею горячихъ напитковъ, сами ничего не пили и пьянства не терпѣли. Кабацкою торговлею Прохоровъ составилъ свое состояніе очень, очень кругленькое, какое хотѣлъ оставить послѣ себя дочери Дунѣ. Однако не такъ полагалъ и соображалъ хитрый Феклистъ: онъ рѣшилъ во что бы то ни стало разстроить женитьбу Безшабашнаго на Дунѣ Прохоровой, и достигъ довольно легко своей цѣли. Разъ ему удалось напоитъ своего всегда трезваго соперника до того, что онъ проспалъ чуть ли не двѣнадцать часовъ, и какъ проснулся, то нашелъ нужнымъ опохмѣлиться. А, извѣстное дѣло, первая чарка всему начало. И вотъ съ этого раза трезвый Терентій превратился въ такого охотника выпить, что сталъ пить не на шутку, а какъ только старикъ его отецъ умеръ, убитый до смерти какою-то свирѣпою степною лошадью, неловко имъ заарканенною,—Безшабашный сталъ проказничать и проказы эти дошли до того, что онъ въ два, три года промоталъ все состояніе, оставленное ему отцомъ и затѣмъ принужденъ былъ наняться въ ямщики къ одному солидному почтосодержателю. Поведеніе Терехи сдѣлалось ужъ такъ дурно, положеніе его финансовое и общественное были такъ жалки, что ни одна мало-мальски порядочная дѣвушка не хотѣла быть его женою. Даже Дуня, которая такъ его любила, отказала ему и вышла, по волѣ отца, за Феклиста Дементьева. Вскорѣ послѣ свадьбы дочери, старикъ Прохоровъ заболѣлъ какъ-то и умеръ, передавъ все свое состояніе, состоявшее изъ нѣсколькихъ тысячъ рублей, единственной своей дочери и ея мужу, своему пріемышу, воспитаннику, имъ вполнѣ усыновленному, Феклисту Дементьеву. Безшабашный однако всякій разъ, когда ему приводилось проѣзжать село, гдѣ былъ кабакъ Феклиста и Дуни, — заѣзжалъ туда и пилъ тамъ, оставляя у Феклиста нерѣдко послѣднія деньги и уѣзжая всегда больше чѣмъ на веселѣ.

Вотъ на картинкѣ, съ лѣвой стороны – этотъ ражій мужикъ что передъ шкаликомъ, на столѣ стоящимъ, глядитъ съ улыбкою на игры съ котятами маленькаго Феклистова и Дунина сына,—это Тереха Безшабашный. Противъ него сидитъ хозяинъ кабака,—Феклистъ Дементьевъ, наливающій Терехѣ въ шкаликъ вино. Одинъ изъ друзей Феклиста—Иванъ Непомнящій, стоитъ во весь ростъ также со штофомъ. Хозяйка сидитъ съ груднымъ ребенкомъ въ сторонѣ и, кажется, не хочетъ смотрѣть на эту сцену.

— «Мнѣ теперь пить не ладно, объясняетъ Тереха, я сейчасъ поѣду черезъ лѣсъ съ двумя тройками въ дровняшкахъ, хозяинъ велѣлъ привезти на станцію обѣ тройки, какъ мою, на которой я только что отвезъ почту въ городъ, такъ и тройку Гришки Развеселаго, который остался въ городѣ справлять свои дѣла по воинской повинности Анъ, въ лѣсу то, народъ баетъ, что-то разшалились волки голодные. На трезваго меня не разъ эти косматые черти съ зелеными глазищами нападали, и всегда я ихъ разгонялъ кнутомъ, да посвистомъ молодецкимъ; а какъ буду пьянъ,—треклятые, чего добраго, и коней загрызутъ, да и моей шкурѣ достанется, чего добраго. Нѣтъ, братцы, нѣтъ, ужъ увольте, я пить больше здѣсь не буду, а ужъ коли хотите угостить пріятеля, такъ на дорожку подарите мнѣ штофикъ: я выпью его за ваше здоровье».

Феклистъ Дементьевъ и Иванъ Непомнящій переглянулись между собою какъ-то нехорошо, и не одинъ, а два штофа, одинъ самой настоящей перцовки, другой заборпстой полыновки, дали Безшабашному, который только что хотѣлъ встать отъ стола и приняться за одѣванье въ полушубокъ и въ тулупъ, такъ какъ на дворѣ было не на шутку студено, когда вдругъ послышался какой-то страшный вой вдалекѣ и затѣмъ лай чуть ли не всѣхъ собакъ села. Хозяйка Авдотья Дементьевна крѣпче прижала къ груди своего младенчика и робко глянула на другихъ дѣтокъ, промолвивъ:

— «Господи, крестная сила! Это волки воютъ такъ близко отъ насъ!

— Ну баба, серьезно и даже какъ-то сурово замѣтилъ Фе-

клисть, ея мужъ и хозяинъ кабака, вотъ ужь и перепужалась!.. Не ужь-то думаешь ты, что испугается такой храбрецъ, какъ Безшабашный. Э, да онъ всѣхъ волковъ разгонитъ!

Между тѣмъ Безшабашный одѣлся и, помолясь передъ иконой и низко поклонясь хозяйкѣ, вышелъ на дворъ, не забывъ однакожъ захватить съ собою свои два штофика, подаренные ему такъ любезно. Иванъ Непомнящій успѣлъ въ это время приготовить всѣхъ шестерыхъ Терехиныхъ лошадей, запрягши трехъ въ пошевеньки, а трехъ привязавъ къ грядкамъ на ременныхъ поводьяхъ,—и Безшабашный, прислушиваясь къ вою волковъ, тронулся по заледенѣлому снѣгу въ путь прямо къ лѣсу.

Феклисть и Иванъ Непомнящій возвратились въ избу, гдѣ принялись вдвоемъ за обыскъ уже спавшаго мертвецкимъ сномъ Пахома Разгильдяева.

Часъ или два спустя послѣ отъѣзда Терехи Базшабашнаго, къ Авдотьѣ пришла ея знакомая старуха, которая жила на самомъ выѣздѣ изъ села, близехонько отъ лѣса, и разсказала, какъ она слышала сама, посреди воя стаи волковъ, человѣческіе крики и даже слова: «Помогите, ради Бога помогите!»

— «Чего добраго, молвила, вздохнувъ, Авдотья, Терёха дорогой сталъ пить и запохмѣлѣлъ крѣпко, а тутъ волки то, на него вodи и напали. Ты вѣдь, Арефьевна, знаешь, что Терентій былъ моимъ женихомъ, когда еще тверёзо жилъ и примѣрно велъ себя между молодежью всей здѣшней стороны. Пока онъ былъ еще при деньгахъ и не промотался, — мой цыганъ то былъ къ Терёхѣ льстивъ и ласковъ; Терёха былъ крестнымъ отцомъ двухъ старшихъ моихъ ребятишекъ, и еще сегодня, передъ отъѣздомъ, Терентій любовался на то, какъ Лукашка игралъ на полу съ котятами. Прощаясь, Терёха такъ крѣпко разцѣловалъ дѣтокъ, да и такъ глянулъ на меня съ поклономъ, что у меня тотчасъ сердце екнуло и, словно, сказало, что быть бѣдѣ. Жучка наша всю эту ночь провыла. Мой Феклисть, да Иванъ Непомнящій, ты знаешь Арефьевна, самые большіе недруги Терёхины, и отъ нихъ все станется: они нарочно подзадорили этого отчаяннаго ѣхать лѣсомъ одного безъ товарищей и вести шесть коней».

На слѣдующее утро со станціи, гдѣ служилъ Терёха, пріѣхалъ ямщикъ. Онъ, какъ водилось, прибылъ къ судебному слѣдователю, который жилъ въ этомъ огромномъ, когда-то барскомъ селѣ, гдѣ теперь, кромѣ этого уѣзднаго важнаго чиновника, жили: Мировой судья, акцизный чиновникъ-ревизоръ, такъ какъ здѣсь была огромная винокурня, одинъ изъ уѣздныхъ лекарей, смотритель казеннаго лѣса, въ которомъ и водились волки и наконецъ ученый агрономъ изъ московскаго земледѣльческаго института. Этотъ ученый хозяинъ управлялъ хозяйствомъ села и имѣлъ при себѣ цѣлый штатъ механиковъ и разныхъ техниковъ все русскихъ людей. Такимъ образомъ, въ этомъ селѣ интеллегентная часть мѣстнаго общества была представительна.

Почтовый ямщикъ тотчасъ засѣлъ въ кабакѣ, куда, само собою разумѣется, немедленно направился, пока судебный слѣдователь вмѣстѣ съ уѣзднымъ врачемъ дѣлали свои дорожныя приготовленія. И вотъ въ кабакѣ то Феклиста и Авдотьи Прохоровыхъ (Феклисту дана была и фамильная кличка его воспріемнаго отца) ямщикъ, бойкій парень, Артамонъ разсказалъ исторію Авдотьѣ, украдкой утиравшей рукавомъ невольныя слезы.

Дѣло было такъ. Когда вчера Терёха отъ села лѣсомъ отъѣхалъ нѣсколько верстъ,—онъ приложился къ штофику; сначала къ одному штофу и опорожнилъ его до капельки, а затѣмъ къ другому, и ужь отъ этого-то онъ тотчасъ почти обезумѣлъ. Тогда откуда не возьмись напали на него волки и стали кидаться на коней, кони взбѣсились, залягались, сильный коренникъ, битюгъ, саврасый, у котораго дуга соскочила на оглоблю, такъ двухъ волковъ подковами хватилъ, что одинъ захромалъ и правило (хвостъ) поджалъ. Не имѣя чѣмъ защищаться (кнутъ былъ потерянъ), Терёха швырнулъ пустымъ штофомъ въ одного волка и вышибъ ему глазъ. Волки еще больше разъярились, они ужь не два или три, а нѣсколько бросились на Терёху. А тотъ въ эту нору вывалился, завязъ въ снѣгу и встать не могъ. Пять же коней, съ остатками дровешекъ и съ запутавшимся въ нихъ Терёхинымъ тулупомъ, прискакали на станцію, всѣ въ пѣнѣ и въ крови и словно сумасшедшіе, всѣ дрожатъ и къ корму не прикасаются. Но всего удивительнѣе было то, что пѣгенькій жеребчикъ Гришки Развеселаго, что ходилъ у него слѣва въ пристяжѣ, — примчался на станцію, да не одинъ, а съ сѣдокомъ. Оказалось, что сѣдокомъ то на пѣгенькомъ былъ молоденькій волкъ, вскочившій ему на спину и такъ впившійся въ нее зубами и когтями, что когда молодой жерёбчикъ вскакалъ на дворъ станціонной конюшни, весь истекающій кровью и тутъ же упалъ мертвый, то волченка нельзя было стащить и надо было пристрѣлить.

— «Ну, а что Безшабашный?» спрашивали Артамошку кабацкіе гости.

— «На крикъ Терёхи, когда на станцію прискакали всѣ его и Гришкины кони,—нашъ станціонный смотритель въ лѣсъ послалъ всѣхъ насъ свободныхъ ямщиковъ съ большими пошевнями. Мы нашли Терёху, онъ лежалъ въ снѣжномъ сугробѣ и волки его тормошили. Такъ его, сердечнаго, искусали, что почти живаго мѣста на немъ не было. На станціи въ теплой избѣ Терёха очнулся, разсказалъ слабымъ языкомъ, какъ все дѣло было и заметался въ безпокойствѣ. Межъ тѣмъ изъ нашего погоста пріѣхалъ батюшка нашъ, старичекъ отецъ Данило, и тогда, какъ увидѣлъ св. дары Терёха, пришелъ въ себя, поуспокоился, сталъ усердно читать молитвы вслѣдъ за священникомъ, сподобился покаяться въ грѣхахъ, причастился и... скончался...»

Этотъ разсказъ произвелъ на слушающихъ сильное впечатлѣніе, они всѣ поочередно перекрестились и видимо задумались надъ тѣмъ, къ чему иной разъ можетъ привести пьянство.

Изъ путевой книжки.

Свободный Гельвеціи пышная дѣва
Гребетъ неустанной рукой:
По тихому озеру лодка несется
Беззвучно во мглѣ голубой.

* * *

Свободной Гельвеціи пышная дѣва
Свѣжа, какъ альпійскій цвѣтокъ,
И, сладко цѣлуя ей алыя щеки,
Ласкается къ ней ветерокъ.

* * *

Поетъ она громкую, звучную пѣсню,
Проворно весломъ шевелитъ,
И, вдругъ замолкая, съ улыбкой привѣта
Порою въ глаза мнѣ глядитъ.

* * *

Но вотъ мы причалимъ туда, гдѣ столпились
Громады недвижныя горъ,
Я выйду изъ лодки—и пышная дѣва
Забудетъ усталый мой взоръ..

* * *

Предъ нею день каждый мѣняются лица,
И всѣмъ она пѣсни поетъ,
И всѣхъ, озаряясь безпечной улыбкой,
На берегъ далекій везетъ.—

* * *

Такъ гдѣ же ей помнить—она, что природа,
Что свѣтлая эта вода,
Въ которой пришелецъ, на мигъ отразившись,
Уйдетъ, не оставивъ слѣда.

* * *

Но въ памяти сердца согрѣтаго гостя
На вѣки найдутъ уголокъ—
И озеро это, и мрачныя горы,
И этотъ альпійскій цвѣтокъ.

W. W.

Добыча съ берега.

Грустную картину представляютъ восточные берега Каспійскаго моря. Мертво и безлюдно въ этихъ печальныхъ мѣстахъ, «проклятыхъ Аллахомъ», какъ говорятъ о нихъ даже неприхотливые, неизбалованные природою кочевники.

Голые, сыпучіе пески холмистою равниною спускаются къ морю; чѣмъ ближе подступаютъ эти пески къ водѣ, тѣмъ ниже и ниже, отложе и отложе становятся наносные вѣтромъ курганы (барханы) и наконецъ широкими отмелями соединяются съ водою, отмелями, едва отдѣляющимися отъ уровня моря.

Бѣловатая, тонкая полоска пѣны—рѣзко рисуется на темнобуромъ фонѣ смоченнаго песка, словно гигантскій щетинистый змѣй, дрожитъ и сверкаетъ на солнцѣ прибитый волною къ берегу, перегнившій мусоръ и морскіе выкидыши... Тамъ и сямъ на пескѣ бѣлѣются разбросанные ракушки и рыбьи остовы, а дальше песокъ и песокъ и ничего больше, далеко за видимый горизонтъ, зубчатой, волнистой линіей теряющійся въ знойномъ туманѣ раскаленнаго воздуха.

Мѣстами черноватый скалистый кряжъ вздымается изъ-подъ слоя песка и гребнемъ подходитъ къ морю, образуя обрывистые склоны. Мѣстами чахлый верескъ и колючій терновникъ, Богъ вѣсть чѣмъ питающій свои корни, пестритъ пустыню... изрѣдка, и то только раннею весною, зазеленѣетъ мелкорослый

камышъ и, не развившись какъ слѣдуетъ, чуть не черезъ мѣсяцъ послѣ своего зарожденія, превращается въ какую-то буроватую щетину, сожженный безпощадными лучами здѣшняго солнца.

Пахнетъ вѣтромъ съ моря,—повѣетъ свѣжестью, станетъ одна за другою нагонять на низменный берегъ длинныя, пологія волны... эти волны принесутъ съ собою новыя выкидки и оставятъ ихъ на пескѣ—догнивать на солнцѣ, заражать и безъ того дышащій болѣзнями береговой воздухъ.. Перемѣнится вѣтеръ, подуетъ съ суши,—словно изъ натопленной печи пахнетъ удушливымъ жаромъ, обнажитъ отмели, откроетъ новыя и снова стихнетъ, снова успокоятся мертвыя воды и лягутъ ровнымъ, ярко-зеленымъ зеркаломъ, отражающимъ въ себѣ легкія облачка, бѣгущія гдѣ то очень высоко, высоко,—да все выносящихъ морскихъ чаекъ, снующихъ надъ этою водною равниною.

Рѣдко появится одинокій парусъ на горизонтѣ водъ,—рѣдко появится всадникъ или верблюдъ на гребняхъ песчаныхъ бархановъ... И тотъ и другой избѣгаютъ этихъ мѣстъ, первому нечего здѣсь дѣлать, а второй боится уходить далеко отъ прѣсной воды, а воды этой близко къ морю никогда не бываетъ. рыбы и даже бьютъ, рѣдкаго въ здѣшнихъ мѣстахъ, тюленя; часто и другія, менѣе благонамѣренныя, мирныя занятія, привлекаютъ сюда предпріимчивыхъ моряковъ, заставляютъ ихъ бросать якорь въ виду этихъ негостепріимныхъ бархановъ.

«Только недобрые люди посѣщаютъ недобрыя мѣста». Туркменскіе роды и воровскіе семьи киргизовъ Букеевцевъ, живущіе разбоемъ и грабежемъ, высылаютъ сюда небольшіе партіи хищниковъ. Эти партіи формируются обыкновенно такимъ образомъ: выбираютъ съ десятокъ сильныхъ, выносливыхъ верблюдовъ, большею частью одногорбыхъ наровъ, навьючиваютъ ихъ турсуками съ водою, въ такомъ количествѣ, чтобы ея хватило туда и обратно, на весь безводный переходъ отъ послѣднихъ колодцевъ къ морю, и съ этимъ караваномъ небольшая партія, человѣкъ въ двадцать, смѣло отправляется на недоброе предпріятіе. Цѣль подобныхъ партій большею частью двойная: или они встрѣтятъ здѣсь русскихъ, или не встрѣтятъ; если встрѣтятъ и застанутъ ихъ не въ расплохъ, а готовыми къ оборонѣ, то хищники мирно покончутъ дѣло и извлекутъ все таки выгоду изъ своей поѣздки; они тогда мѣняютъ на русскій товаръ свои награбленные товары, большею частью негромозд-

Нападеніе волковъ. Рис. Ганье, грав. Паннемакеръ.

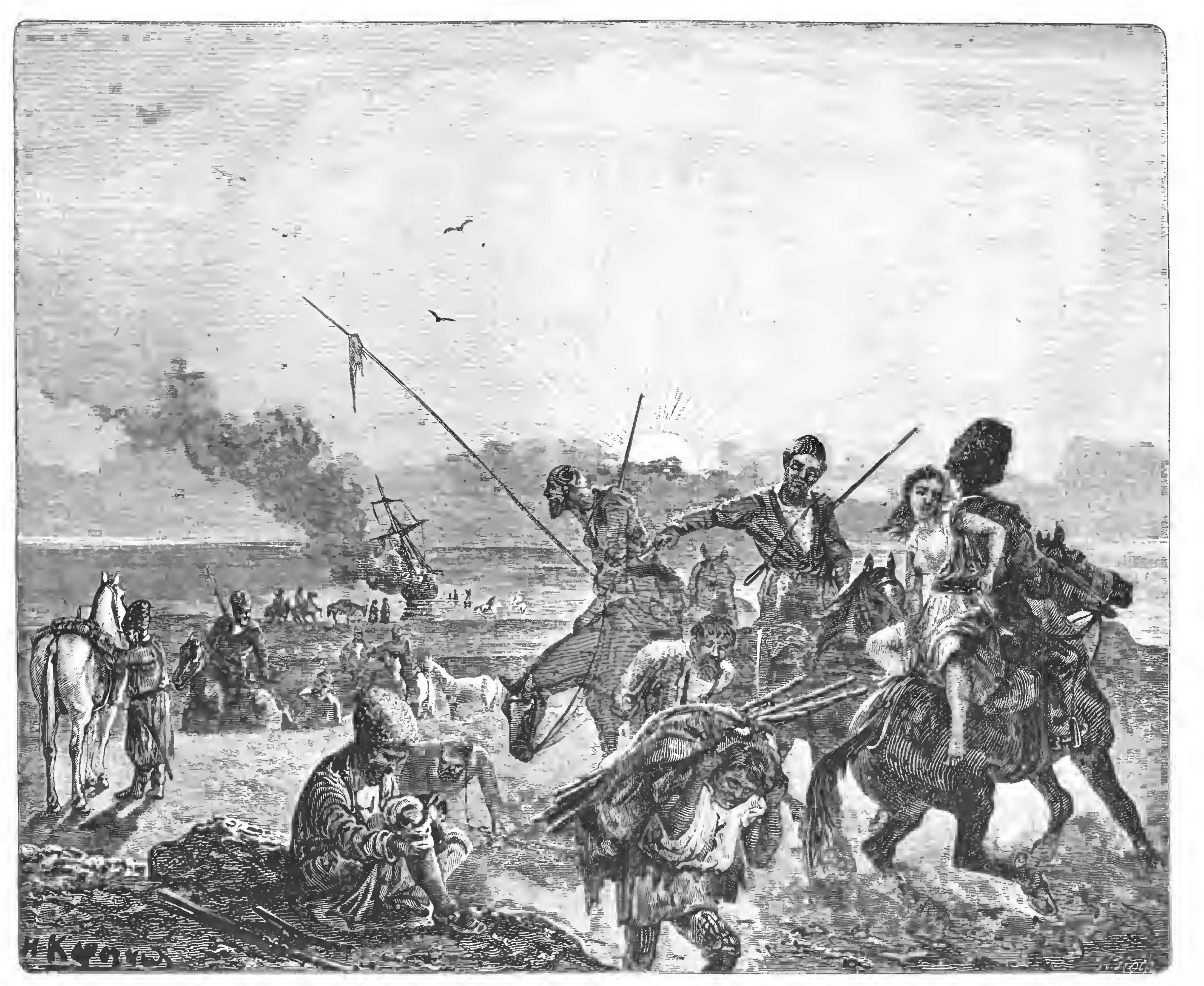
«Иди дальше отъ зеленой воды, если не хочешь погибнуть самъ и погубить свою скотину» говоритъ туземная поговорка, тутъ зеленою водою называютъ морскую воду, за ея цвѣтъ, прелестно-изумрудный, блестящій, такъ рѣзко отличающійся отъ мутно-желтаго, глинистаго цвѣта прѣсной воды «воды доброй, благословенной Аллахомъ и его пророками»...

А между тѣмъ и съ моря и съ суши сюда приходитъ человѣкъ; и иногда въ такое время, когда на горизонтѣ появится бѣлая точка паруса, на песчаныхъ холмахъ зачернѣютъ крохотныя движущіяся точки, цѣпочкою связанныя одна за другою... Иногда эти точки смѣло идутъ къ берегу и тогда вы видите ясно, что это легкій караванъ верблюдовъ, конвоируемый нѣсколькими вооруженными всадниками; иногда же они не подходятъ къ водѣ и остаются тамъ за этими барханами, воровски прячась за ихъ пологими скатами... И то и другое дѣлается сообразно съ цѣлями самаго прибытія.

Русскіе рыбаки съ низовьевъ Волги, астраханскіе и уральскіе, на своихъ незатѣйливыхъ парусныхъ шхунахъ, рѣшаются иногда посѣщать здѣшніе берега. Временами года здѣсь, между прибрежными островами-отмѣлями находятъ обильный ловъ кіе, но цѣнные, контрабанда играетъ тутъ конечно роль не маловажную... Русскіе имъ даютъ желѣзо, свои ситцы, оружіе, рыбу, русское серебро; хивинцы—шелковые ткани, чай, ковры, бараньи смушки и т. д. Поторгуются, переговорятъ то и другое между собою, зорко слѣдятъ при этомъ за каждымъ движеніемъ своего противника, покончатъ наконецъ свои коммерческія дѣла и мирно разойдутся, каждый въ свою сторону. Иногда же, когда очень хитро и незамѣтно подошла съ берегу воровская партія и оплошаютъ зазѣвавшіеся мореходы,—то дорого эти послѣдніе поплатятся за свою оплошность и добро ихъ такъ задаромъ перейдетъ въ разбойничьи руки и сами они пойдутъ, можетъ быть даже на всю свою жизнь, въ тяжелое, безысходное рабство.

Вотъ разсказъ одного такого раба, освобожденнаго нами при занятіи Хивы, двадцать семь лѣтъ проведшаго въ неволѣ. Этотъ разсказъ ярко характеризуетъ эпизоды этого рода и я привожу его здѣсь, стараясь сколько возможно ближе держаться къ подлиннику.

— «Когда это было, чтобы то есть точно сказать, въ какое

Добыча съ берега: Разбойники на берегу Каспійскаго моря. Рис. Н Каразинъ, грав. Г. Кохъ.

время, ужь я этого и не помню хорошенько, потому что въ годахъ счетомъ сбился и память у меня всю отшибли побоями, разсказывалъ этотъ страдалецъ.

«Я былъ мужикъ еще молодой, тридцати не было. Седьмой годъ всего женатъ, а отецъ мой садокъ держалъ рыбный подъ Астраханью, и ловы свои имѣлъ, купцемъ считался. Люди мы были зажиточные, почти что богатые и рабочую артель держали человѣкъ сорокъ, а то и побольше.

«Промышляли мы у своего берега больше, только и сюда, въ эти распроклятыя мѣста навѣдывались, по правдѣ сказать не за рыбою. Разовъ пятнадцать мнѣ приходилось сходить, а отецъ мой такъ и счетъ потерялъ, сколько разъ сюда на шхунѣ хаживалъ и все сходило съ рукъ благополучно.

Снарядили мы разъ шхуну, «Ходокомъ» звалась, — нагрузили ее чѣмъ слѣдуетъ; вина спустили въ трюмникъ—два боченка, ружей десятка три, тогда еще кремневыя были, — а въ ордѣ почитай никакихъ неводилось и по сорока барановъ намъ за штуку платили, на наши деньги рублей по восьмидесяти... Пороху четыре боченка; свинцу... все для продажи, и серебра пуда два съ половиною... не то чтобы настоящаго цѣннаго серебра, а эдакъ, что отъ мѣди ушло недалеко, за которое нашего брата въ хорошія мѣста сажаютъ... Сѣти забрали съ собою, всю какъ есть рыболовную снасть для вида больше и, благословясь, снялись съ якоря.

Народу на шхунѣ было у насъ немного. всего четырнадцать человѣкъ: тринадцать русскихъ, да одинъ хивинецъ. Служилъ онъ въ Астрахани у одного купца, обокралъ его что-ли, сказывали, что пріѣхалъ даже и прямо къ намъ на судно прибѣжалъ, ночью подъ корму подплылъ. Слезно умолялъ, чтобы взяли, посулилъ сто золотыхъ за перевозъ, половину сейчасъ-же отдалъ... ну какъ ни взять бѣднаго человѣка—отецъ говоритъ ему: полѣзай Ахматка, ложись пока промежъ сухарными тюками. Тронулись...

Говорили тогда, что неловко выѣхали, тринадцать человѣкъ, тоесть русскихъ да потомъ порѣшили, что со мною жена была, идти увязалась, -ну такъ баба нешто человѣкъ, значитъ ея не въ счетъ... Подняли парусъ... Утро разсвѣло, солнышко поднялось, ужь нашъ-то берегъ чуть тутъ только надъ водою маячилъ; далеко ушли!

Переходъ нашъ былъ не совсѣмъ благополучный... Сильно насъ вѣтромъ потрепало, чуть было совсѣмъ не погибли, однако кое какъ справились: только отнесло насъ къ югу сильно, почти къ персидскому берегу; а тамъ опасно—казенныя суда ходятъ, встрѣтить могутъ, неровно осматривать станутъ, — тогда дѣло скверное... Вѣтеръ слава Богу, перемѣнился и все пошло ладно. Семнадцать дней въ морѣ пробыли; на восемнадцатый, передъ вечеромъ этакъ,—гребень Половань-горы завидѣли...

Ужь какже мы обрадовались, когда землю почуяли, плясать просто начали на палубѣ. Солнце только что сѣло, мы якорь бросили и борказы на воду спустили, однако на берегъ не ѣздили остались всѣ на ночь на суднѣ... Безъ оглядки нельзя тоже.

На другой день рано, еще чуть свѣтъ брезжить и по водѣ густой туманъ слался, проснулся я глянулъ на берегъ, ничего не видать, все затянуло туманомъ... Ну, пока что, пока вставалъ народъ, пока потягивался, да баркасъ готовили, солнышко подниматься стало. пригрѣло воздухъ и разогнало мглу... Видны уже стали и барханы степные и лога между ними синie такie... Кажись пусто... ни души невидать, никого нѣту...

Ужь мы приглядывались, приглядывались, въ трубку глядѣли, тоже не простыми глазами - ни, тоесть, единаго человѣка не чернѣется.

— Диковинное дѣло, думалъ тогда батька мой, кажись бы должны быть, потому увѣдомлены, нешто по той причинѣ, что какъ мы столько времени въ морѣ валандались призапоздали, такъ вѣрно думали-не пріѣдемъ—вотъ и отошли *они* назадъ къ прѣснымъ колодцамъ.

Порѣшили на берегъ ѣхать.

Поѣхалъ допречь всего отецъ самъ, да работниковъ взялъ съ собою человѣкъ четырехъ, да Ахматка съ ними хивинецъ. Отчалили отъ шхуны,—полегли на весла, а я тѣмъ временемъ, подъ вторую палубу спустился низы осматривать, чуялось мнѣ ночью впросонкахъ, будто тамъ вода булькала.

Спустился съ фонаремъ, оглядѣлъ все какъ слѣдуетъ — и въ правду тѣчь оказалась, такъ и сочитъ вода межъ досокъ и на днѣ набралось ея таки порядочно, стояли у насъ тюки на высокомъ накатникѣ, аршинъ съ четвертью безъ малаго, а вода ужь почти къ нимъ самимъ подбирается.

Хотя настоящаго мѣста, гдѣ то есть порча самая, я не отыскалъ, однако вижу дѣло дрянь, безъ розыску и починки нельзя и думать обратно въ море соваться.

Къ полудню отецъ съ берега вернулся, говоритъ: точно никого нѣтъ на берегу, а были на прошлой недѣлѣ. Таперича если на той недѣлѣ ушли, да пойдутъ на колодцы, отдохнутъ, отпоятъ скотину и снова сюда вернутся, раньше какъ черезъ десять дней ждать нельзя, нешто другie кто подойдутъ.

Доложился я отцу тутъ о бѣдѣ нашей, насчетъ течи, свелъ самого, показалъ.

— Что жь и ладно, говоритъ, втянемся вонъ въ губу то, на мелкое мѣсто, на бокъ шхуну завалимъ и починимся—времени слава Богу не мало, да и погода стоитъ тихая.

А отъ насъ съ версту эдакъ небольшая славная губенка выходила. съ моря ходъ въ нее отличный и коса песчаная далеко отъ берега отходила, полусерпомъ эту губу охватывала.

Стали мы туда тянуться, якоря свезли на баркасѣ, двухъ дней не работали, стали гдѣ слѣдуетъ. Сейчасъ грузъ весь на барказы, да на косу свезли, завалили шхуну, отыскали доску волною вышибленную, стали плотничать.

Хивинецъ Ахматка съ нами остался, помогаетъ въ работѣ не хуже другихъ, даромъ что за пассажира считается.

— Что жь домой не бѣжишь? спрашиваемъ мы, смѣемся... пріѣхали, ну и высаживайся.

— Зачѣмъ теперь домой -теперь нельзя, говоритъ, домой... Одинъ человѣкъ пропадетъ въ степи; а вотъ прійдутъ люди, ну и я тогда съ ними!

— Ну ладно!

Прожили мы эдакъ дней пять—шесть; скука такая разбирать стала, тоска просто, безлюдье, тишина, мертвечина кругомъ, только и видно, какъ вѣтромъ съ бархана на барханъ песчаные столбы переноситъ, винтомъ ихъ скручиваетъ.

Отъ жары просто дѣваться некуда, индо вода согрѣлась, особенно на мелкомъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли, купанье не въ отраду!.. Истомились просто. ходимъ какъ осоловѣлые. ждемъ не дождемся—скоро-ли тюркмены—купцы честные, арканники, на промѣнную торговлю къ намъ по уговору выѣдутъ.

Вотъ и дождались наконецъ, — глядимъ эдакъ передъ вечеромъ, ѣдутъ шестеро да два верблюда съ ними. Что думаемъ, такъ мало.

Знакомые оказались, пріѣзжie Мерчекъ, да Мулла Исса съ Талдыка, прежде съ ними дѣла имѣли. Выслали имъ карбасикъ. Скотину они на берегу оставили съ двумя человѣками, а сами къ намъ на шхуну пожаловали.

Поздоровались по обычаю, говорятъ, что они передомъ пришли, а черезъ пять дней и наровокъ прійдетъ ихнiй. Спросили, что у насъ есть, про свой товаръ ни вѣсть какихъ чудесъ наговорили.

— Ну, думаемъ, черезъ пять дней, такъ черезъ пять, ждали много, подождемъ и еще, уподчивали гостей, на ночь на берегъ доставили, опять отецъ самъ уѣхалъ кое съ кѣмъ изъ нашихъ, тамъ и остался ночевать, уже очень его хорошо приняли.

И намъ то хорошо видно, что въ ихъ лагерѣ дѣлается и имъ, что у насъ, потому близко отъ берега мы стояли.

Спалъ я эту ночь на палубѣ, пологъ раскинулъ и съ женою улегся. Слышу, ночью толкаетъ меня Марья, будитъ, сама изъ подъ полога вылѣзла и черезъ бортъ на воду глядитъ.

— Что ты? спрашиваю.

— Да вотъ что, Парфенычъ... прислушайся-ко, никакъ конные топотятъ вонъ въ той сторонѣ.

— Какie конные тамъ, съ моря то... Господь съ тобою! Берегъ-то вѣдь вонъ гдѣ, вонъ въ какой сторонѣ. Спи лучше блажная! самый что ни на есть лучшiй сонъ передъ зарею перебила.

— Слышалось, что топотятъ, Парфенычъ, теперь не слышу, а что съ моря, аль не съ моря это все единственно... вонъ откуда доносило... чуется мнѣ что-то недоброе... спать просто не могу... не взбудить-ли народъ на всякъ случай, да нослать корбасъ за батькомъ.

Туманъ густой стоялъ тогда, ничего не видно, за два шага отъ бортовъ шхуны стѣна стоитъ бѣлая... слушалъ-я, слушалъ, хоть-бы что... выругалъ жену и снова спать завалился.

Вдругъ какъ вскрикнетъ моя Марья не своимъ голосомъ, вскочилъ тутъ и я, даже сердце похолодѣло все. У самой тоесть шхуны, словно изъ моря выплыла лошадь, заржала, да звонко такъ... труба трубою по водѣ прокатилось это ржанье.

Только изъ подъ полога вылезли мы оба, гляжу изъ за бортовъ уже торчатъ шапки бараньи, лѣзутъ на шхуну, руками цѣпляются.

— Разбой братцы! крикнулъ я во все горло, за первое, что подъ руками нашлось, за багоръ хватился сунулъ имъ одного въ рыло, а тутъ меня и самаго сцапали; какъ ни бился, мигомъ связали и у мачты бросили.

Вижу, наши, одинъ за другимъ снизу лѣзутъ изъ люка; какъ вылѣзетъ, тутъ его и хватаютъ. Семенъ работникъ, здоровый такой мужикъ, въ драку полѣзъ было, да не помогло, только свой животъ за хозяйское добро положилъ, уходили его въ четыре ножа сразу...

Невеселое мы утро тогда встрѣтили. Свезли насъ на берегъ да ужь не на лодкахъ, а лежа, на лошадяхъ вплавь. Тутъ мы и догадалися, какъ это къ намъ разбойники конные на шхуну попали: они отмелью, косою подошли, совсѣмъ съ другой стороны, а тамъ, что малость до судна оставалось, вплавь подобрались.

На берегу, глядимъ уже большой ихъ лагерь стоитъ; пять то дней, что Мерчекъ говорилъ, пятью часами оказались, поддалъ проклятый.

Отецъ и работники, что съ нимъ поѣхали на берегъ ночевать, тоже связанные насъ встрѣтили. Отецъ меня за оплошку ругаетъ, я его за то, что не хорошимъ словомъ помянулъ, тотъ было бить хотѣлъ, полѣзъ ко мнѣ, да руки больно крѣпко скручены—не свободно.

Навьючили насъ, какъ скотину, Марью мою, какъ спала въ одной рубахѣ, такъ и посадилъ Мерчекъ на сѣдло, за свою спину, только поясомъ ее прикрутилъ къ себѣ для прочности. Погнали насъ прочь отъ берега.

Оглянулись мы назадъ на море, какъ отошли немного, черный столбъ дыма надъ водою стоитъ. То они, разбойники, окаянные шхуну нашу запалили, чтобы слѣдовъ не оставалось, другіе кто, въ случаѣ подъѣдутъ, не сомнѣвались-бы.

Ну и приняли же мы дорожной муки, пока насъ черезъ мертвые пески гнали, семеро не стерпѣли, померли, остальные дошли и здѣсь насъ по разнымъ рукамъ, на базарѣ чимбайскомъ, разбили.

Съ тѣхъ поръ я и не видывалъ никого изъ нашихъ. Послѣ уже узналъ я, что отецъ померъ. Марья моя подъ Хиву къ муллѣ одному въ жены поступила и уже ребятъ народила чернomазыхъ, а я самъ уже и состариться успѣлъ въ неволѣ, когда вы русскіе подошли и всѣхъ насъ, такихъ-же горемычныхъ на волю высвободили.

Такими эпизодами не разъ оживлялись пустынныя мѣста прикаспійскаго прибрежья, и только теперь, когда русскіе войска заняли этотъ край, когда въ Мангишлакѣ и въ Красноводскѣ, построены постоянные укрѣпленія, оберегающія покой мертваго Усть-юрта, можно надѣяться, что подобные эпизоды станутъ случаться все рѣже и рѣже и можетъ быть и прекратятся совсѣмъ, и степнымъ вѣтромъ да зеленою морскою волною, засыпетъ и смоетъ послѣдніе слѣды кровавыхъ подвиговъ рыцарей пустыни.

Н. Каразинъ.

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

XV.

Комната больной въ домѣ Брука приняла теперь совершенно тотъ-же видъ, какой она имѣла вчера, когда внесли въ нее Генріэтту. Брукъ, уступая наступательнымъ просьбамъ Генріэтты, приказалъ вынести изъ комнаты роскошную мебель съ виллы. Въ просторныхъ сѣняхъ, на красномъ кирпичномъ полу, стояли рядышкомъ кресла съ свѣтло-зелеными подушками; тутъ-же стоялъ и изящный экранъ, а около простой глиняной вазы съ букетомъ изъ еловыхъ вѣтокъ группировалась вынесенная сюда позолоченая умывальная посуда. Фаянсъ опять попалъ въ честь, и старомодные мягкіе стулья, обитые черной саржей, находились на прежнихъ своихъ мѣстахъ. Исчезли роскошные предметы, за то теперь журчалъ тутъ комнатный фонтанчикъ, окруженный цвѣточными горшками, какъ-бы зеленымъ вѣнкомъ, на которые освѣжающая струйка воды бросала серебристыя капли. На столѣ стояла большая канареечная клѣтка Генріэтты, очутившаяся здѣсь также вслѣдствіе желанія больной. Веселенькія, золотистыя птички были на свободѣ; онѣ вылетали и влетали въ клѣтку, порхали по всей комнатѣ, какъ дома, кружились надъ кроватью и стукали носикомъ въ кусочекъ сахара, который держали восковые пальчики ихъ больной госпожи. — Горничную Нанни отпустили передъ обѣдомъ на виллу, чтобъ она могла тамъ выспаться. Тетушка-дьяконица приняла на себя уходъ за больной днемъ. Старушка все еще была въ своемъ шелковомъ коричневомъ платьѣ, но чтобы оно не шелестило—она надѣла широкій полотняный передникъ, который покрывалъ почти всю юбку.

Генріэтта уже знала о перемѣнѣ, происшедшей такъ внезапно въ судьбѣ доктора. Нанни успѣла шепнуть ей, что г-жа дьяконица торжественно встрѣтила какого-то въ сѣняхъ господина изъ придворныхъ и провела его въ комнату Брука… Господинъ изъ придворныхъ у Брука!.. Да вѣдь Брукъ теперь только врачъ „для бѣдныхъ“, не больше. Праздничный костюмъ тетушки, ея веселое, счастливое лицо не укрылись отъ вниманія больной, и она стала безпокоиться, распрашивать, пока наконецъ докторъ не подсѣлъ къ кровати ея и не разсказалъ (просто, спокойно, какъ всегда) въ чемъ дѣло и какъ все случилось. Когда больная слушала Брука, въ то самое время Кэтѣ пришлось быть свидѣтельницей вышеописанной сцены въ кабинетѣ Флоры, сцены, вызванной неожиданною новостью, сообщенной фрейлиной Бэрнекъ и коммерціи совѣникомъ.

Послѣ обѣда Кэта сидѣла у постели сестры. Брукъ отправился на аудіенцію къ Фюрсту, а тетушка удалилась на полчаса. чтобы распорядиться по хозяйству. Сестры остались опять наединѣ. Невыразимая радость, счастье озаряли лицо Генріэтты. Ей предписано было спокойствіе и молчаніе; докторъ строго запретилъ ей энергически выражать свою радость, которую она шумно обнаружила послѣ разсказа его, причемъ волненіе ея сильно испугало Брука. Генріэтта послушалась, умолкла, не обращалась больше съ разспросами ни къ тетушкѣ, ни къ доктору, но теперь, не видя серьезныхъ, наблюдательныхъ глазъ его и пользуясь отсутствіемъ тетушки, приподнялась вдругъ и торопливо, съ видимымъ напряженіемъ, спросила шопотомъ:

— Гдѣ Флора?…

— Ты знаешь, что вѣдь бабушка уже нѣсколько разъ присылала сказать. что она сгораетъ нетерпѣніемъ придти сюда, но ей все мѣшаютъ визиты: гости одинъ за другимъ такъ и являются на виллу, желая выразить свое соболѣзнованіе… Бабушка до сихъ поръ не можетъ улучить ни одной минутки, чтобы навѣстить тебя…

— Ахъ, Господи! Бабушка… Ты все о бабушкѣ! прошептала больная съ досадой, обнаруживая нетерпѣніе… Кто о *ней* спрашиваетъ?… Пусть она себѣ сидитъ тамъ… Я о Флорѣ говорю!…

Генріэтта, ломая руки, подняла ихъ съ какимъ-то страстнымъ порывомъ.

— Кэта, развѣ не оправдалось *все*—и какимъ блестящимъ образомъ! Слава Богу, что дожила я до этого!.. Только-бы Брукъ не увлекся… не зашелъ бы онъ на обратномъ пути изъ дворца на виллу!.. Здѣсь, на глазахъ у меня, должна Флора снова встрѣтиться съ нимъ, встрѣтиться тутъ!.. Я жажду видѣть ее передъ нимъ… во прахѣ!!.

— Генріэтта, не волнуйся такъ!..

— Ахъ, оставь… Дай мнѣ говорить! торопливо проговорила больная. Если-бы Брукъ зналъ, какимъ мукамъ подвергаетъ онъ меня, запрещая говорить!.. Я сдерживаю душевное волненіе, а это такъ сдавливаетъ мнѣ грудь, что она, кажется, сейчасъ вотъ разорвется… Такъ и вчера было со мной—передъ тѣмъ страшнымъ припадкомъ, когда кровь хлынула… (Она склонила голову на руку, такъ что пальцы ея совсѣмъ исчезли въ роскошныхъ бѣлокурыхъ волосахъ… Батистовый чепчикъ уже давно былъ сброшенъ.) Брукъ вернулся изъ Л* знаменитымъ, а помнишь-ли ты, какъ Флора насмѣшливо, дерзко, прямо въ лицо ему назвала эту поѣздку *веселой* прогулкой?..

Больная посмотрѣла на сестру изъ-подлобья; глаза ея горѣли; она видимо была ожесточена, и голосъ ея зазвучалъ такъ же, какъ звучалъ онъ вчера, когда она бредила, чѣмъ и вызвала страшную развязку. Кэта вздрогнула.

— А помнишь-ли ты, какъ она издѣвалась надъ Морицемъ, когда онъ, почти угадавъ, высказалъ предположеніе, что Брука вызвали въ Л*, вѣроятно, къ постели больнаго?.. Нѣтъ, если бы она даже на колѣняхъ просила у него прощенія—все-таки не могла бы она загладить своего преступленія, заставить забыть эту безпримѣрную заносчивость... Хотѣлось-бы мнѣ—разокъ только—заглянуть теперь въ ея душу!.. Какое убійственное посрамленіе! Она не посмѣетъ, при первой встрѣчѣ, глазъ поднять на него... на насъ... Не посмѣетъ!..

Кэта сложила руки на колѣняхъ, она смотрѣла внизъ, потупилась, какъ будто виновной была она. Разгоряченная, взволнованная Генріэтта и не подозрѣвала, что первой встрѣчи не можетъ быть здѣсь: вѣдь нога Флоры никогда больше не переступитъ порога этой „ужасной трущобы"... Больной не было еще извѣстно, какъ не знали и другіе, что невѣста *сама себя освободила*, швырнувъ въ волны символъ заключеннаго союза — „простенькое золотое колечко", которое лежитъ теперь на днѣ рѣки, или, быть можетъ, давно уже унесено теченіемъ.

— Да промолви же хоть словечко, Кэта! разсердилась больная. Въ твоихъ жилахъ вѣрно рыбья кровь, если все это нисколько не волнуетъ тебя... Конечно, ты не успѣла еще хорошенько вникнуть въ эту исторію, уяснить себѣ всѣ обстоятельства, отношенія, да и на дѣйствующихъ лицъ ты не можешь еще смотрѣть съ настоящей точки зрѣнія. Брукъ, напримѣръ, едва ли можетъ заинтересовать тебя; видишь ты его слишкомъ рѣдко, ну, и совсѣмъ почти не говорила съ нимъ... Да, но вѣдь при тебѣ Флора начала свои отвратительные маневры, приготовляясь къ разрыву; ты слышала, какіе безсердечные приговоры изрекала она.. Мнѣ кажется, что у каждаго здороваго человѣка должно быть настолько развито чувство справедливости, чтобы онъ могъ желать (я хотѣла бы сказать—жаждать!) мщенія, заслуженной кары на голову виновной!.

Теперь Кэта подняла глаза; въ нихъ горѣлъ какой-то удивительный огонь... И ужь навѣрно не рыбья кровь такъ внезапно ярко и горячо зарумянила все лицо ея и даже полную, бѣлоснѣжную шею. Кровь эта неудержимо закипѣла и заставила молодую дѣвушку на минуту совсѣмъ забыть, что она сидитъ у постели больной, забыть, что добросовѣстная сидѣлка не должна поддерживать раздражающаго разговора.

— Ну, а если мщеніе дѣйствительно совершится, если Флора со стыдомъ объявитъ, что она сознается въ своемъ заблужденіи—какъ отнесется къ такому раскаянію оскорбленный человѣкъ, какъ онъ оцѣнитъ это? спросила Кэта сдавленнымъ голосомъ. — Вѣдь Флора, какъ ты сама говоришь, не стѣсняясь обнаружила отвращеніе къ нему... Если бы онъ даже получилъ теперь княжескій титулъ—неужели это могло бы уничтожить чувство отвращенія и снова возбудить въ ней любовь?..

— Для такого тщеславнаго, честолюбиваго сердца, какъ сердце Флоры, дѣло это совершенно возможное... простое, отвѣтила Генріэтта съ горечью въ тонѣ, съ презрѣніемъ. Ну, а Брукъ... Вотъ, ты увидишь, что при первомъ съ ея стороны шагѣ къ сближенію—забудетъ *все*, какъ будто ничего и не было. (Откинувъ голову, она на мгновеніе закрыла глаза и проговорила шопотомъ, какъ бы про себя): Да, если бы не было любви, этого вѣчно таинственнаго, загадочнаго чувства!.. А вѣдь онъ—любитъ ее по прежнему... Какже иначе объяснить постоянство его, то удивительное терпѣніе, съ которымъ онъ переносилъ все?..

Блестящіе глаза ея смотрѣли теперь въ потолокъ; въ нихъ свѣтилось что-то неземное; они обнаруживали глубокую скорбь съ оттѣнкомъ горькой ироніи...

— Если бы даже Брукъ видѣлъ въ ея красивомъ лицѣ дьявола, если бы она била его самого собственными своими руками—и тогда все таки онъ любилъ бы ее и нѣжно цѣловалъ бы эти руки!..

Генріэтта улыбнулась, и отъ этой улыбки, раздирающей сердце, на ея исхудалыя щеки легли рѣзкія морщины.. Желая скрыть это, она уткнулась лицомъ въ подушку.

— Раскается она... Раскаяніе это онъ высоко оцѣнитъ, заговорила больная, послѣ небольшой паузы, рѣшительнымъ тономъ, съ трудомъ однако же овладѣвъ голосомъ своимъ:—и онъ будетъ счастливъ, а потому и мы должны всѣми силами стараться сдерживать себя, такъ чтобъ и помину не было о прошломъ, ни намека на прежнія заблужденія Флоры...

Кэта ничего не сказала, умолкла и сестра ея, хотя видно было, съ какимъ жгучимъ нетерпѣніемъ эта послѣдняя ожидала той минуты, когда она снова увидитъ счастливымъ человѣка, боготворимаго ею, какъ своего врача. Но что будетъ, если Флора не придетъ, если Генріэтта узнаетъ наконецъ, что вѣроломная невѣста *сама* такъ быстро, путемъ насилія, высвободилась отъ долгихъ мученій?.. „Тогда ты даже имени-то нашего не захочешь произнести"... сказала вчера Бруку больная, лежавшая въ лихорадочномъ бреду. Какой-то хаосъ со вчерашняго вечера царилъ въ душѣ Кэты, она и теперь еще была смущена... Законы нравственности представлялись ей всегда такими ясными, опредѣленными; молодая дѣвушка такъ еще мало знала жизнь, что считала награду и наказаніе—непремѣннымъ, естественнымъ результатомъ совершившагося дѣянія.. И вотъ, что же видитъ она?.. Какой странный, причудливый свѣтъ, въ которомъ очутилась она!.. Люди совершенно серьезно стремятся, желаютъ, чтобы неслыханная заносчивость и систематическое нарушеніе разъ принятыхъ на себя обязанностей прошли не только безнаказанно, но еще вознаграждали бы виновную, давъ ей наслаждаться рѣдкимъ счастьемъ... О самомъ проступкѣ даже намѣрены были и не упоминать; заявили, что молчаніе лучше всего... Тутъ привѣтливо относятся къ грѣшницѣ, ласкаютъ ее, чуть не на колѣняхъ готовы благодарить ее за то, что она раскаялась!.. Да если она и обнаружитъ раскаяніе—развѣ будетъ оно дѣйствительнымъ, искреннимъ, а не просто только вызваннымъ перемѣной извнѣ, благодаря измѣнившимся обстоятельствамъ?.. А *онъ*?, Неужели человѣкъ, котораго такъ унижали, готовы были смѣшать съ грязью—въ самомъ дѣлѣ сейчасъ же и возвратитъ цѣликомъ свое сердце особѣ, если эта особа соблаговолитъ снова протянуть ему руку?.. Навѣрно такъ и будетъ... Вѣдь не освободилъ же онъ ее даже тогда, когда она прямо объявила, что ненавидитъ его!..

Тутъ Кэта сильно разгнѣвалась. Подобный поступокъ мужчины она считала совсѣмъ не мужскимъ, такъ какъ это обнаруживало только жалкую, злосчастную слабость.,. Ей хотѣлось бы теперь на свободѣ, отъ всего сердца выплакать всю злобу, которая душила ее.. Какимъ опытомъ обогатилась она! Урокъ этотъ омрачилъ ей не только жизнь, но и показалъ ей подъ черной дымкой прекрасный, лучезарный міръ.. Однако, ощущеніе это скоро исчезло, потому что Кэта, послѣ упорной борьбы, подавила таки въ себѣ это странное чувство скорби, стряхнула разочарованіе и, повидимому, стала теперь еще хладнокровнѣе, спокойнѣе. Зачѣмъ плакать?.. И какое ей дѣло до всей этой отвратительной исторіи?.. Надъ чѣмъ ей задумываться тутъ? Рѣшительно нѣтъ ничего такого... Развѣ вотъ подумать о свадебномъ подаркѣ для сестры, напримѣръ, о коврѣ или диванной подушкѣ... Да, если свадьба дѣйствительно должна быть въ назначенный день, то мѣшкать нечего, надо приниматься за работу.

Въ комнату вошла тетушка, держа въ рукахъ свѣженькую вѣтку бузины. Она положила ее на одѣяло

Кошка изъ дому — мыши на столъ. Картина Н. Бокса, грав. Бугерсъ.

страждущей. Эта зеленая вѣтка поздравляла Генріэтту съ веселой, золотой весной, дыханіе которой проливало цѣлебный бальзамъ. Старушка объявила, что займетъ теперь мѣсто у постели больной, и что Кэта можетъ преспокойно отправиться погулять, подышать въ саду свѣжимъ воздухомъ, пронизаннымъ солнечными лучами, а въ такой прогулкѣ молодая дѣвушка дѣйствительно нуждалась, такъ какъ слѣды вчерашней тревоги, утомленія ясно были видны на ея лицѣ.

Кэта быстро оставила комнату. Да, воздухъ и солнце—вотъ ея добрые друзья! Они всегда отрезвляли ее, заставляли ощущать внутреннюю силу; подъ вліяніемъ ихъ она чувствовала, что наслаждается своею молодостью, свѣтлѣе смотритъ на міръ, причемъ болѣзненныя, непріятныя ощущенія исчезаютъ... Тетушка права,—въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, подъ открытымъ небомъ, все такъ празднично, все цвѣтетъ, благоухаетъ, а воздухъ, пронизанный лучами солнца, благотворно вѣетъ, вливая въ тѣло и душу „цѣлебный бальзамъ“.

Молодая дѣвушка остановилась на крыльцѣ; прекрасная грудь ея глубоко, порывисто дышала; она невольно подняла и вытянула руки—такія изящныя, настоящія дѣвическія руки, но крѣпкія, съ упругими, какъ сталь, мускулами. Сходя со ступенекъ, Кэта залюбовалась голубою далью; за низенькимъ палисадникомъ тянулись луга, которые пересѣкали быстрыя рѣки; вонъ тамъ деревенскіе домики, двѣ-три колокольни... Но человѣческое сердце странное такое! Не смотря на все это великолѣпіе—оно все таки сжималось и чувствовалось стѣсненіе въ груди!.. А вонъ оттуда, со стороны древняго сарая, примыкавшаго къ садовому забору, доносилось веселое щебетанье, — это синевато-черныя птички, съ металически-блестящими спинками и рыжевато-коричневыми шейками, хлопотали около слухового окна. Первыя ласточки прилетѣли. Слуховое окно издавна было ихъ мѣстопребываніемъ. Кэта, будучи еще ребенкомъ, любила наблюдать, лежа на травѣ, какъ эти птички влетали туда и вылетали, но какъ тогда тамъ было пустынно! Чириканье ихъ, подъ монотонный ропотъ волнъ, раздавалось какъ-то глухо среди безмолвія, царившаго надъ запертымъ домомъ; тишина эта по временамъ только нарушалась легкимъ шумомъ, когда спѣлый плодъ срывался съ вѣтки и исчезалъ въ густой травѣ. А теперь—изъ открытыхъ оконъ неслись пѣсенки солидныхъ, избалованныхъ комнатныхъ птичекъ; надъ лужайкой, высоко въ воздухѣ, разстилался, въ видѣ прозрачнаго золотистаго покрывала, дымъ, выходящій клубами изъ печной трубы; у сарая стояла собачья будка; сердитый, косматый дворовый песъ рвался на цѣпи, стремясь схватить красивую свѣтло-желтую курицу, которая, просто по глупости, слишкомъ ужъ смѣло подвигалась къ будкѣ, подбирая просыпанныя зерна. Кухарка, вслѣдствіе желанія тетушки дьяконицы, привезла съ собой изъ деревни великолѣпнаго пѣтуха и пять курицъ. Старушка пожелала, чтобы у нея и тутъ все было по старому, какъ и во время оно въ миломъ церковномъ домикѣ.

Кэта отогнала курицу отъ будки, такъ какъ собака не переставала злиться и ворчать, и медленнымъ шагомъ пошла по тропинкѣ, обсаженной фруктовыми деревьями. Прошлогодняя жесткая трава мѣстами пестрѣла тѣми голубыми цвѣточками, при видѣ которыхъ проясняется даже лицо угрюмаго старика. Это были первыя фіалки. Высокая, статная дѣвушка преусердно нагибалась, срывая ихъ, — едва ли будучи „мельничной мышкой“, сгибала она когда нибудь такъ свою спину. Кэта почти съ удивленіемъ думала теперь о томъ, что въ качествѣ единственной наслѣдницы имущества дѣда, она еще нѣсколько недѣль тому назадъ была здѣсь хозяйкой... Деньги, уплаченныя докторомъ при покупкѣ этого мѣстечка, принадлежатъ, значитъ, ей и, вѣроятно, лежатъ ужь тамъ—въ извѣстномъ желѣзномъ шкафѣ. Но вѣдь деньги эти, нелегко скопленныя, пріобрѣтенныя честнымъ трудомъ, смѣшаны теперь съ золотомъ хлѣбнаго барышника... Она вздрогнула и выронила собранныя фіалки. Жгучее чувство невыразимаго униженія, пережитаго стыда охватило ее. Кэта въ нѣмомъ отчаяніи ломала руки. Она знала, что по матери она принадлежитъ къ меньшей братіи, но никогда еще не приходило ей въ голову желать себѣ иного происхожденія, напротивъ—Кэта даже рада была и благодарна, что ей достались въ наслѣдство отъ бабушки Зоммеръ и сила и великолѣпное здоровье... Вѣдь бабушка-то на холодкѣ, въ лѣсу, рубя древесные стволы, молодецки дѣйствовала топоромъ!..

Идя по берегу рѣки, Кэта и сама не замѣтила, какъ постепенно ускорила шагъ. Теперь она почти бѣжала. На томъ мѣстѣ, гдѣ изгородь, сплетенная изъ вѣтвей боярышника (она окружала имѣнье доктора), спускалась по отлогости къ водѣ—поблескивали на солнцѣ черепки стакана изъ молочно-бѣлаго стекла, того самаго стакана, изъ котораго вчера вечеромъ, по просьбѣ Брука, она пила, чтобы успокоить нервы. Конечно, кухарка бросила эти стеклышки сюда—авось волна унесетъ ихъ—а вѣдь они напомнили молодой дѣвушкѣ то, что заставило ее снова вспыхнуть... Сердце ея какъ-то болѣзненно сжалось, жгучія слезы готовы были брызнуть... Это случалось съ нею каждый разъ, какъ только она вспоминала о вчерашней сценѣ въ кабинетѣ доктора. Да, съ „безумной“ головой своей она ужасно осрамилась!.. Положимъ, этотъ снисходительный, деликатный человѣкъ сейчасъ-же успокоилъ, утѣшилъ ее, но втайнѣ онъ все-таки не могъ не посмѣяться надъ этой „рослой, дюжей дѣвицей“, отличающейся такою ребяческою сантиментальностью... Хорошо-же,—подобной опрометчивости сердца ея, сострадательнаго до слабости, никогда больше и быть не должно, и не будетъ!.. Пусть лучше ее, Кэту, считаютъ жестокой, злой, называютъ настоящимъ зельемъ—ничего!.. Доктору, конечно, не придется ужъ больше подсмѣиваться надъ ней... Да вѣдь у него скоро и случая не будетъ увидѣть ее: Генріэтту на дняхъ, должно быть, перевезутъ на виллу, слѣдовательно, между виллой и докторскимъ домикомъ сношенія будутъ прерваны, и Брукъ „не захочетъ даже и имени-то нашего произнести“... Послѣ того, что случилось вчера вечеромъ при ней, Кетѣ, какъ единственномъ свидѣтелѣ, не возможно, чтобы Флора повинилась, раскаялась; на раскаяніе ея разсчитывали, но если-бы даже докторъ, съ свойственной ему энергіей, настаивалъ на своихъ правахъ — все таки ничего бы не вышло... Онъ сегодня-же долженъ убѣдиться въ этомъ, сегодня —если *она* не явится сюда — все порѣшится. Ну, а вдругъ онъ поступитъ такъ, какъ боязливо предположила Генріэтта? Можетъ быть, Брукъ выйдя изъ дворца Фюрста, не въ состояніи будетъ подавить въ себѣ желаніе завернуть по дорогѣ на виллу, чтобы лично сообщить Флорѣ о счастливой перемѣнѣ обстоятельствъ?.. О, тогда пара маленькихъ брилліантовыхъ колечекъ на ея пальцѣ—безъ словъ, но краснорѣчиво, объяснитъ ему все; укажетъ, на что еще можетъ онъ надѣяться!..

Кэта вдругъ обернулась и побѣжала назадъ, на лужайку. Тамъ, около сарая, что-то ужасно зашумѣло, а такой шумъ могъ вѣдь испугать больную... Куры, отчаянно вскрикивая, бѣжали въ разсыпную; мохнатый песъ, волоча цѣпь, яростно набросился на свѣтло-желтую курицу, которая вывела таки его изъ терпѣнія, разозлила. Молодая дѣвушка быстро очутилась возлѣ собаки и, какъ разъ въ ту минуту, когда хвостовыя перья жертвы пса взлетѣли на воздухъ—вцѣпилась ей въ грязновато-бѣлый загривокъ. Кэта совсѣмъ по-дѣтски хохотала надъ ощипанной курицей, уже успѣвшей улизнуть въ дровяной сарай, гдѣ и раздовалось ея жалобное кудахтанье. Дѣвушка потащила собаку къ будкѣ. Упрямый звѣрь сопротивлялся, напрягалъ всѣ силы, чтобы

вырваться изъ рукъ, даже пытался схватить которую нибудь изъ нихъ, но крѣпкая Кэта не уступала и неумолимо влекла куринаго ненавистника къ деревянной тюрьмѣ его. При видѣ такой борьбы, каждый побоялся-бы за молодую дѣвушку, потому что песъ былъ изъ крупныхъ, сильныхъ, это былъ неукротимый дикарь съ рыжевато-желтыми полосами и пятнами на спинѣ и бокахъ, что напоминало тигра, однако всѣ усилія его оставались тщетными. Сдерживая дикаря правой рукой, Кэта лѣвой вложила выскочившій крючекъ цѣпи въ кольцо, ввинченное въ будку, и вдругъ, выпустивъ пса, далеко отскочила отъ него, но онъ яростно бросился за ней, схватилъ подолъ ея платья и истрепалъ его въ клочья.

— Ахъ, ты, негодяй! проговорила она, грозя пальцемъ собакѣ, и стала разсматривать испорченную юбку. Со стороны моста въ эту минуту раздались торопливые шаги... Кэта сейчасъ узнала, что это шелъ докторъ домой изъ города, но глазъ не подняла. Она не подняла. Она надѣялась, что Брукъ пройдетъ мимо, не обративъ на нее вниманія... Какъ знать, быть можетъ, онъ шелъ теперь прямо съ виллы и... въ весьма печальномъ настроеніи духа?... Сегодня онъ и безъ того вѣдь былъ такой унылый, сосредоточенный, молчаливый... Вчера вечеромъ Брукъ, прощаясь, сказалъ ей: „Покойной ночи, покойной вамъ ночи!“ Слова эти сказаны были (такъ теперь казалось Кэтѣ) особенно кроткимъ, невыразимо мягкимъ голосомъ, какъ будто ему хотѣлось дать понять, что съ этой минуты онъ уже не будетъ вести себя по прежнему...

Докторъ, вмѣсто того, чтобъ направиться къ дверямъ дома, прямо пошелъ къ Кэтѣ. Собака продолжала злобно ворчать и лаять. Брукъ грозно взмахнулъ палкой, и песъ сейчасъ же угомонился, принялъ покорный видъ и растянулся возлѣ своей будки. Ударивъ нѣсколько разъ камнемъ по крюку, чтобы онъ плотнѣе засѣлъ въ кольцо, докторъ бросилъ камень, выпрямился и сказалъ:

— Мнѣ, вѣроятно, придется сбыть куда нибудь эту собаку: она ужь слишкомъ дика и неукротима. Положимъ, сторожъ она хорошій, но страхъ, внушаемый ею, чрезмѣрно великъ, а потому лучше съ такимъ стражемъ разстаться.

— Вы, правда, совладали съ ней, но, какъ мнѣ кажется, сознавая свою силу, вы легко увлекаетесь и проявляете безумную отвагу.

Брукъ проговорилъ это серьезнымъ тономъ, въ которомъ слышалось даже порицаніе; конечно, всю сцену схватки Кэты съ полосатымъ звѣремъ онъ хорошо видѣлъ еще издали (кустарникъ не былъ покрытъ листвой).

Кэта засмѣялась.

— О, пожалуйста, не думайте этого! У меня, какъ и у всякой дѣвушки, есть-таки въ душѣ изрядный запасецъ трусости, созналась она откровенно;—чужихъ собакъ я особенно боюсь и всегда стараюсь избѣгать ихъ, но въ критическія минуты приходится выручать себя. Тогда ужь—прочь всякія слабости! Крѣпко стиснешь зубы и бросишься, очертя голову... Можетъ быть, по этой причинѣ я и кажусь тогда такой ужасно-храброй...

Докторъ слѣдилъ въ это время за вылетѣвшей изъ слуховаго окна ласточкой; теперь онъ улыбнулся, но не взглянулъ на Кэту. Ей показалось, что улыбкой этой Брукъ хотѣлъ сказать: „Полно, такъ-ли“?... Конечно, онъ все-таки былъ убѣжденъ, что она желаетъ представить изъ себя героиню и совсѣмъ не по-женски чванится своей физической силой, а это было ей вовсе не по-нутру и, главное, тутъ не было правды.

— Вы сомнѣваетесь? спросила Кэта, взглянувъ на него полусерьезно, съ оттѣнкомъ плутовства.—А знаете-ли вы, что героиня-то, которая стоитъ передъ вами, далеко еще не такъ давно очистила душу свою отъ остатковъ страха, перестала бояться ночного мрака и привидѣній?... (На губахъ ея игралъ прелестный юморъ, а ямочки на щекахъ стали еще глубже, милѣе). Ну, вамъ вѣдь, конечно, не безъизвѣстно, что на старой „зàмковой“ мельницѣ во всѣхъ уголкахъ сидитъ домовые, возятся гейцельменхены, что самому Фюрсту, строителю мельницы, иногда приходитъ въ голову выбраться изъ своей дряхлой черной рамы и заняться собственноручно вытряханіемъ мучныхъ кулей?... Много тамъ и привидѣній является — все старые мельники, которые во время оно обвѣшивали на мукѣ бѣдняковъ, дававшихъ имъ зерна на помолъ... Само собою разумѣется, Суза ничего не утаила отъ меня, передавая мнѣ такіе неопровержимые факты, и я такъ просвѣтилась, такъ твердо увѣровала во все это, какъ будто-бы выросла гдѣ нибудь въ Тюрингенѣ, среди суевѣрныхъ пряхъ. Что касается папà и Лукасъ, то они совсѣмъ не должны были знать о существованіи этихъ причудливыхъ пугалъ (Суза крѣпко выбранила-бы за это, да и мнѣ было-бы стыдно),—ну, тутъ-то, вотъ и приходилось мнѣ преодолѣвать всѣ страхи и, постукивая зубами, безпрекословно отправляться въ потемкахъ на чердакъ, если этого требовала система разумнаго воспитанія...

— Вы, значитъ, очень рано привыкли слишкомъ много требовать отъ нравственной, душевной своей силы... Хорошо, но... послѣ этого, почему-же вы такъ легко предполагаете, что мужчина способенъ поступить такъ жалко... обнаружить трусость, слабость?...

Кэта вспыхнула, кровь бросилась ей въ лицо.

— Вы вѣдь вчера простили мнѣ опрометчивость мою, проговорила она задорнымъ тономъ и видимо обидѣвшись, причемъ отвернулась и нѣсколько разъ провела рукою по локонамъ, какъ-бы отбрасывая ихъ со лба, а на самомъ дѣлѣ желая прикрыть чѣмъ нибудь сильно-зарумянившееся лицо.

Брукъ покачалъ головой.

— Вамъ не слѣдовало-бы повторять этого выраженія; о прощеніи и рѣчи быть не можетъ... Вѣдь я вчера еще старался увѣрить васъ, что вы меня нисколько не обидѣли.

Тутъ онъ понизилъ голосъ—такой прекрасный, звучный голосъ, какъ будто ему пришлось коснуться чего-то такого, что втайнѣ уже существовало между *ними*, но о чемъ никто въ мірѣ не долженъ былъ знать...

— Говоря такъ, я хотѣлъ лишь сказать, что тщетно стараюсь объяснить, найти мотивъ... причину вашихъ вчерашнихъ опасеній...

Кэта мелькомъ взглянула на домикъ. Лицо ея опять прояснилось и стало по прежнему такимъ милымъ, нѣжно-розовымъ, какъ цвѣтокъ яблони; на губахъ трепетала сдерживаемая улыбка... Даже странно какъ-то было видѣть эту головку, увѣнчанную роскошной свернутой косой, это дѣтски-плутоватое личико на строго-прекрасномъ бюстѣ Юноны!... Она указала на роковое угольное окно и проговорила:

— Давно, очень давно, жила тамъ прелестная, благородная женщина...

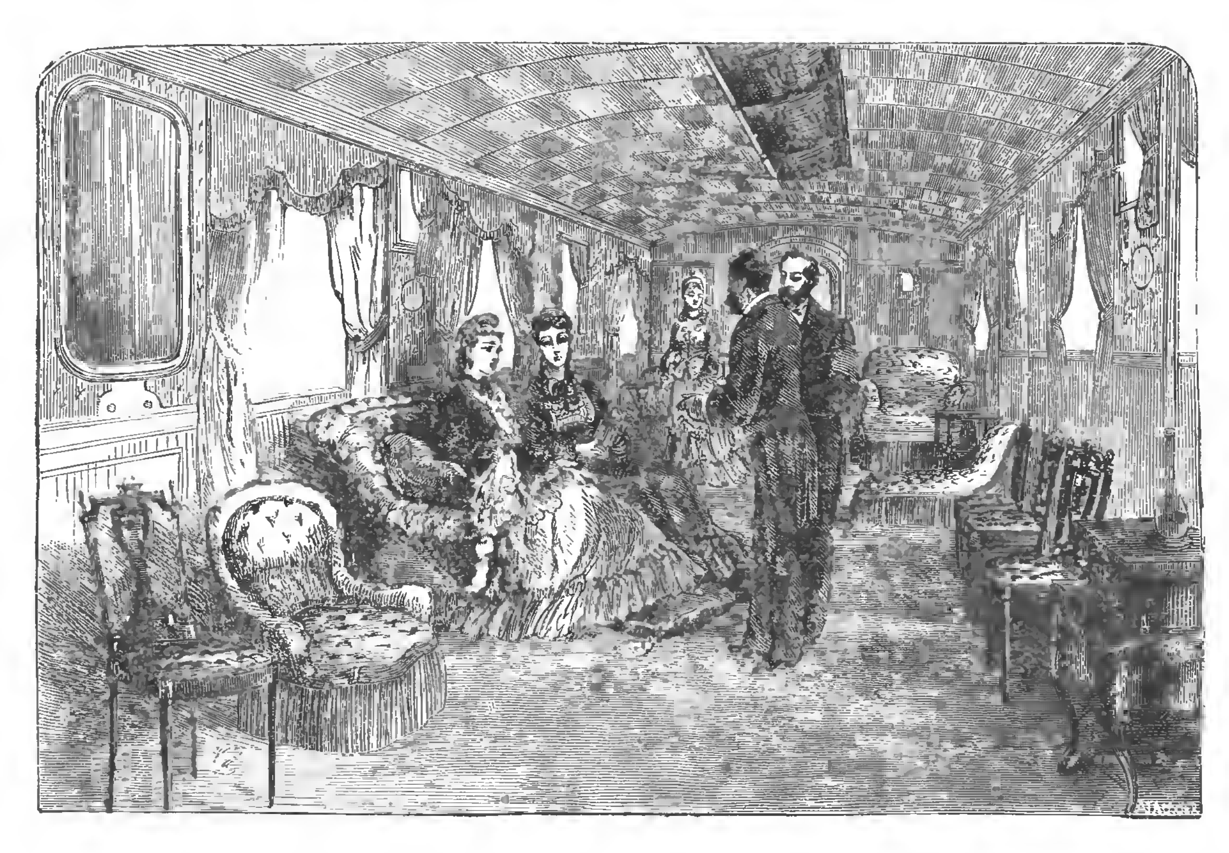
Брукъ перебилъ ее:

— А-а, романическая исторія, которую *тоже* вѣрно разсказываютъ за прялкой!... И такъ, трагическій конецъ... смерть покинутой женщины—это-то и было причиной...

— Не одно это. Всего больше Генріэтта напугала меня...

— Но она больна; нервная система ея сильно потрясена, а это дѣлаетъ ее въ умственномъ отношеніи ненормальной, болѣзненной... Вы-же здоровы и тѣломъ и духомъ.

— Это правда, но есть вещи, о которыхъ своего собственнаго сужденія не имѣешь, потому что молодость, незнаніе...

Американская желѣзная дорога. Внутренность общаго салона.

Американская желѣзная дорога Внутренность дамскаго отдѣленія.

— Относительно, напримѣръ, чувства любви, снова перебилъ докторъ и взглянулъ на дѣвушку мелькомъ, робко...

— Да, подтвердила она просто, спокойно.

Онъ опустилъ голову, вновь впадая въ глубокое раздумье...

Американская желѣзная дорога. Видъ общей столовой.

Они стояли около большого камня изъ песчаника, въ формѣ куба, который лежалъ среди лужайки, какъ разъ противъ крыльца. Брукъ машинально стукнулъ концемъ палки въ этотъ камень... Въ былыя времена песчаниковый кубъ былъ для Кэты довольно оригинальнымъ, красивымъ столомъ. Она думала, что его нарочно поставили тутъ, чтобы она могла забавляться, раскладывая на немъ собранные фрукты, цвѣты и камешки. Теперь, конечно, Кэта знала, что это былъ не столъ, а пьедесталъ исчезнувшей статуи; на горизонтальной, верхней, сторонѣ куба, покрытой зеленымъ мхомъ, уцѣлѣли остатки маленькой, хорошенькой ножки.

Молодая дѣвушка ласково погладила эту ножку.

— Тутъ стояла нимфа, а можетъ быть муза, заговорила она,—и навѣрно ручки ея были подняты: стройная фигурка улетала въ высь, только кончикъ ножки и прикасался къ камню... Я живо представляю себѣ эту нимфу, благодаря только вотъ этимъ остаткамъ. Прекрасная головка статуи, быть можетъ, была обращена лицомъ къ мосту... Нимфа *тоже* глядѣла на всадника, ѣхавшаго черезъ мостъ сюда, а потомъ видѣла она и горделивую хозяйку замка въ ея цвѣтномъ парчевомъплатьѣ...

Кэта, сама не зная почему, вдругъ умолкла и взглянула въ лицо Брука... Мысли его, очевидно, были гдѣ то далеко; онъ не слышалъ ея словъ, но, должно быть, то, о чемъ онъ думалъ—навѣрно дѣйствовало на его душу подавляющимъ образомъ... Въ самомъ дѣлѣ, Кэтѣ пришлось въ первый разъ такъ ясно замѣтить на этомъ благородномъ, прекрасномъ, спокойно-харатерномъ лицѣ печать тоски... Флора!... Да, она была проклятіемъ для этого человѣка!... Страсть его къ ней сгубитъ его...

Молодая дѣвушка, внезапно замолчавъ, заставила этимъ доктора поднять глаза.

— Ахъ, да! Вы объ этой статуѣ... заговорилъ онъ, видимо собираясь съ мыслями... Практическіе люди, долго тутъ хозяйничавшіе, находили удовольствіе въ уничтоженіи подобныхъ украшеній. Говорятъ, прежде весь садъ изукрашенъ былъ статуями изъ песчаника, да и теперь еще въ кустарникѣ встрѣчаются такіе-же пьедесталы. Я постараюсь устроить здѣсь все по старому. Хотя садъ со совсѣмъ почти заглохъ, но распланировка его еще видна.

— Тогда тутъ будетъ очень красиво, весьма даже аристократично, но уже не будетъ этой великолѣпной, дикой зеленой чащи... Видъ измѣнится изъ вашего кабинета...

— Въ моемъ кабинетѣ — съ октября поселится одна добрая пріятельница моей тетушки, перебилъ онъ ее спокойно: —я осенью переберусь въ Л—гъ.

Кэта удивленно посмотрѣла на доктора и, невольно сложивъ руки, воскликнула:

— Въ Л—гъ?.. Боже мой, такъ вы хотите разстаться съ ней?

Какъ же она къ этому относится?...

— Флора?.. Само собою разумѣется, она поѣдетъ со мной.

Брукъ сказалъ это ледянымъ тономъ, однако въ глазахъ его блеснулъ огонекъ горечи и гнѣва.

— Не думаете-ли вы, что я оставлю вашу сестру здѣсь?... Относительно этого можете быть спокойны...

О, какъ рѣзко звучалъ его голосъ!...

Кэта спросила не о Флорѣ, о тетушкѣ она спраши-

вала, но теперь никакъ не могла указать на это недоразумѣніе, такъ ужъ смутилъ ее отвѣтъ Брука... Вѣдь Брукъ такъ увѣренъ былъ, что не ошибается.

— Вы только сейчасъ съ виллы? спросила она робко, съ лихорадочнымъ волненіемъ.

— Нѣтъ, я совсѣмъ и *не* былъ на виллѣ, отвѣтилъ докторъ, подчеркивая словечко „не"... Кэтѣ показалось, что онъ просто смѣется надъ ней.. Такой деликатный человѣкъ, никогда не позволявшій себѣ подтрунивать— и вдругъ—смѣется!...

— Да и вообще я не имѣлъ еще сегодня счастья видѣть кого-либо изъ тамошнихъ обитателей. Съ Морицемъ я-бы охотно повидался, но въ то время, какъ я проходилъ мимо виллы — гости его только что кончили завтракъ, ну, развеселились, зашумѣли... По этой причинѣ лучше ужъ было удалиться незамѣченнымъ, что я и сдѣлалъ.

А, значитъ, съ Флорой онъ и не говорилъ сегодня и — не смотря на это—какая въ немъ увѣренность!... Ужасно!... Кэта пожелала быть теперь какъ можно подальше отъ всей этой исторіи; ей казалось, что она— несчастная дочь Пріама, которая, среди толпы ослѣпленныхъ, одна только и видѣла истину... Хорошо еще, что въ эту минуту около будки опять чуть было не досталось хвосту свѣтло-желтой курицы: курица, забывъ, о данномъ ей урокѣ, смѣло приближалась къ своему свирѣпому непріятелю. Молодая дѣвушка воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, чтобы прекратить разговоръ, и, подбѣжавъ къ глупой птицѣ, загнала ее въ сарай, а дверь сарая заперла засовомъ.

(Продолженіе будетъ)

Кошка изъ дому - мыши на столъ.

Такъ назвалъ анверскій художникъ (М. Бонъ) свою прекрасную картину. Она не нуждается въ объясненіяхъ. Хозяева ушли куда то въ гости, и прислуга, вообразивъ, что они долго не вернуться, устроила себѣ маленькій пиръ. Они разсѣлись на диванчикѣ. Метръ д'отель, закуривъ добрую сигару, предлагаетъ хорошенькимъ горничнымъ дессертъ. Онъ любезенъ и доволенъ успѣхомъ своего угощенія и остроумія. Онѣ такъ смѣются и съ такимъ аппетитомъ кушаютъ предложенныя лакомства. Какъ онѣ всѣ сконфузятся и какъ вытянутся ихъ лица, когда они обернутся и увидятъ хозяевъ, возвратившихся ранѣе, чѣмъ ихъ ожидали. Мы видимъ уже хозяевъ, но передъ ними пока беззавѣтное веселье. Судя строго, это веселье противузаконное, но кто Богу не грѣшенъ. Конечно, лучше веселиться, небоясь послѣдствій. Истина эта, къ сожалѣнію, не для всѣхъ доступна, — и запретнымъ плодомъ люди искони плѣняются.

Вагоны американскихъ поѣздовъ.

Передъ нами три вида американской желѣзно-дорожной жизни. Судя по приложеннымъ рисункамъ, она полна довольства и удобствъ намъ незнакомыхъ. Довольство жизнью, ея удобства, роскошь, комфортъ дѣйствуютъ на воображеніе обаятельно. Мало этого—онѣ являются иногда и двигателями нашей дѣятельности. Но вѣрными и полезными двигателями все это является только тамъ, гдѣ каждый, затративъ извѣстную сумму личнаго труда, можетъ разсчитывать на опредѣленное улучшеніе своего быта съ возможно меньшими потерями въ пользу другихъ. Сознавать, что улучшеніе личнаго положенія зависитъ отъ опредѣленнаго числа часовъ суточной работы, отдаться съ убѣжденіемъ этой работѣ и достигнуть ожидаемыхъ результатовъ—значитъ жить, а жить хочется всякому.

Америка долго, до современнаго переполненія ея работниками-переселенцами и искателями приключеній, удовлетворяла этому условію. Въ этомъ и была ея зазывающая сила, переманившая изъ Европы столько эмигрантовъ. Поставленные въ необходимость упорно трудиться своими руками, они долго не встрѣчали никакого соперничества или конкурренціи и постепенно улучшая свое личное положеніе, не мало способствовали ея нынѣшнему величію, созданному прежде всего руками свободныхъ работниковъ. Не будемъ говорить о томъ, что представляетъ Америка для такихъ работниковъ теперь, когда въ ней уже являются разнородныя монополіи, эксплуатація труда и множество злоупотребленій администраціи. Во всякомъ случаѣ многое изъ современнаго прекраснаго у американцевъ и притомъ труднаго для насъ, есть именно слѣдъ ея прежней, кипучей дѣятельности, ея ежедневнаго труда и заработка, поставившаго начинателей въ такія немыслимыя для европейца условія удобства, довольства и роскоши жизни!

Примѣромъ этого могутъ служить и приведенные нами вагоны американскихъ желѣзныхъ дорогъ. Конечно, эти вагоны построены для достаточнаго класса людей, но есть ли для нихъ что нибудь подобное въ Европѣ? Нашъ капиталистъ, взявшій за большіе деньги экстренный поѣздъ, ни въ какомъ случаѣ не будетъ пользоваться тѣмъ, что предоставляется въ Америкѣ богатымъ пассажирамъ и въ общихъ поѣздахъ. Преимущество это важно, въ немъ сводится многое, выражаемое коротко такъ: богатымъ американцамъ живется лучше, чѣмъ богатымъ европейцамъ, т. е. Америка выработала для матеріальной жизни больше, чѣмъ Европа.

Посмотрите на этотъ дамскій вагонъ. Многія ли изъ дамъ Европы пользуются на переѣздахъ такими удобствами, такими будуарами. Эта висячая качающаяся постель, такъ же заманчиво приглашаетъ въ свое лоно счастливую обладательницу ея, какъ и неподвижная постель домашней спальни. Протянувъ ножки подъ столикъ туалетнаго зеркала, также какъ и дома— американка отдала въ распоряженіе горничной свою хорошенькую головку и несмотря на то, что поѣздъ летитъ со скоростью 50—60 верстъ въ часъ, несмотря на всѣ путевыя тревоги, она выйдетъ изъ этого вагона въ общую залу, также въ вагонѣ — только другомъ, не менѣе свѣженькая и миленькая, чѣмъ и въ обыкновенномъ домашнемъ быту. Вагонъ—куда она перейдетъ, имѣетъ всю обстановку салона; онъ настолько же идетъ къ ней, какъ гнѣздышко—къ птичкѣ. Прекрасная мебель, ковры, кипсеки, вазы, цвѣты, а главное любезные американскіе джентльмены и сосѣдки, обитательницы другихъ такихъ же будуаровъ, не дадутъ задуматься и соскучиться молодой путешественницѣ, имѣющей всѣ права не только быть веселою и счастливою, но и дѣлать счастливыми другихъ. Мистеръ Робертъ Рендель разсказываетъ такія уморительныя вещи, что нельзя не смѣяться, мистеръ Хаупкинсонъ, совсѣмъ другое дѣло: толстый, съ огромной цѣпочкой на животѣ, все говоритъ о каменномъ углѣ или читаетъ газету—съ нимъ скучно и зачѣмъ онъ торчитъ тутъ, шелъ бы себѣ въ библіотеку; при немъ и мистриссъ Хаупкинсонъ все какъ-то помалчиваетъ, а ей такъ и хочется разговориться съ Джорджемъ Раулингомъ... Но вотъ входитъ во фракѣ слуга и приглашаетъ общество къ завтраку. Подавъ дамамъ руки, джентльмены переводятъ ихъ въ другой, столовый вагонъ: поѣздъ продолжаетъ летѣть,—и весело сидится за роскошнымъ, отлично сервированнымъ столомъ, видя передъ собою летящія поля плантацій, коттэджи, фермы и пейзажи хорошо обработанной земли, труженика—жителя полей и временнаго посѣтителя того города, куда съ такою быстротою мчится поѣздъ.

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

ВЫСОЧАЙШІЯ ГРАМОТЫ.

I.

Нашему тайному совѣтнику, чрезвычайному посланнику и полномочному министру при его величествѣ королѣ Италіи, барону Карлу Икскулю.

Во вниманіе къ ревностной службѣ вашей и отличнымъ трудамъ, понесеннымъ при исполненіи возложенной на васъ обязанности, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашего святаго равноапостольнаго князя Владиміра второй степени. коего знаки при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ Императорскою милостію Нашею къ вамъ благосклонны.

II.

Нашему генералъ-адъютанту, генералъ-лейтенанту, чрезвычайному и полномочному послу при его величествѣ султанѣ, Николаю Игнатьеву.

Отличное исполненіе многотрудныхъ обязанностей, довѣріемъ Нашимъ на васъ возложенныхъ, даетъ вамъ право на особенное Монаршее благоволеніе, въ ознаменованіе

коего Всемилостивѣйше пожаловали Мы вамъ препровождаемые при семъ знаки Императорскаго ордена Нашего святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго съ алмазными украшеніями. Пребываемъ императорскою милостію Нашею къ вамъ благосклонны.

III.

Нашему генералъ-адъютанту, генералъ-лейтенанту, чрезвычайному и полномочному послу при французскомъ правительствѣ, князю Николаю Орлову.

Въ ознаменованіе особенной Нашей признательности за доблестное служеніе ваше Престолу и Отечеству, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашего святаго благовѣрнаго великаго Князя Александра Невскаго, коего знаки при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ Императорскою милостію Нашею къ вамъ благосклонны.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ С.-Петербургѣ, 4-го апрѣля 1876 года.

Дѣла церкви.

30-го марта, по словамъ «Риж. Вѣстн.», епископъ рижскій и митавскій, вмѣстѣ съ начальникомъ края барономъ Икскулемъ, осматривалъ мѣсто, отведенное подъ постройку православнаго собора въ Ригѣ. Соборъ, котораго Высочайше утвержденный планъ составленъ архитекторомъ академикомъ г. Флугомъ, построенъ будетъ въ византійскомъ стилѣ; онъ будетъ имѣть пять куполовъ и вмѣщать въ себѣ отъ 2—3,000 человѣкъ. Постройку опредѣлено кончить въ теченіе пяти лѣтъ. Соборъ будетъ находиться на срединѣ эспланадной площади въ небольшомъ разстояніи отъ Александровскаго бульвара, фасадомъ къ тому же бульвару.

Военное дѣло.

ИЗЪ ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Въ бывшемъ Кокандскомъ ханствѣ, нынѣшней Ферганской области, большой процентъ кочевого населенія составляютъ кара-киргизы, кочевья которыхъ сгруппированы, главнымъ образомъ, въ горахъ восточной и южной части долины Ферганы. По водвореніи спокойствія, въ минувшемъ февралѣ, на всемъ пространствѣ нынѣшней Ферганской области, населеніе бывшаго Кокандскаго ханства повсемѣстно изъявило покорность, радостно привѣтствуя принятіе его въ русское подданство. Этому всеобщему настроенію населенія Ферганской долины не послѣдовали лишь нѣсколько кара-киргизскихъ родовъ и между ними наиболѣе значительный родъ Барга. Сосредоточившись, подъ предводительствомъ Абдула-бека, въ Гульшѣ, этотъ родъ упорствовалъ въ подчиненіи русской власти и въ изъявленіи покорности. Раннею весной, въ концѣ февраля и началѣ марта, кара-киргизы, зимующіе въ юго-восточномъ углѣ Ферганской долины, обыкновенно перекочевываютъ на лѣтовку на Алай. По совершеніи ими этой перекочевки, трудно было бы подчинить ихъ нашей власти. Въ этихъ видахъ, генералъ-лейтенантъ Колпаковскій командировалъ генерала Скобелева въ Ушъ, съ тѣмъ, чтобы кара-киргизамъ данъ былъ трехдневный срокъ для изъявленія покорности и вноса части кибиточнаго сбора; въ противномъ случаѣ предполагалось употребить противъ нихъ вооруженную силу.

Нынѣ, какъ передаетъ «Русск. Инв.», получена отъ генерала Колпаковскаго телеграмма изъ Ходжента, отъ 25-го марта, изъ которой видно, что, по донесенію генерала Скобелева, кара-киргизскіе родоначальники изъявили въ Ушѣ полную покорность; изъ рода Барга явились біи всѣхъ подраздѣленій, исключая Абдула-бека, Омаръ-бека и Сулейманкула. За Абдуломъ-бекомъ посланы 50 вооруженныхъ джигитовъ.

— По сообщенію главнаго военнаго прокурора, объявлено по войскамъ гвардіи приказаніе о воспослѣдовавшемъ 18-го марта сего года Высочайшемъ повелѣніи относительно пріостановленія пріема офицеровъ въ военно-юридическую академію на будущій 1876—77 учебный годъ.

Морское дѣло.

«Петербургское общество естествоиспытателей» снаряжаетъ въ текущемъ году, между прочимъ, экспедицію для изслѣдованія фауны Каспійскаго моря. Море это, несмотря на значительныя затраченныя для обслѣдованія его суммы, до сихъ поръ чрезвычайно мало извѣстно въ научномъ отношеніи, особенно же относительно его животной жизни. Въ текущемъ году «обществу» удалось выхлопотать себѣ новую субсидію въ 3,000 рублей, и оно сооружаетъ ученую экспедицію, главная цѣль которой будутъ новыя обстоятельныя изслѣдованія и пополненіе уже собранныхъ данныхъ. Настоящая экспедиція представитъ какъ бы продолженіе арало-каспійской. По этому поводу высказывается сожалѣніе о томъ, что «общество» избираетъ для своихъ изслѣдованій столь отдаленныя мѣстности, какъ Каспійское море, тогда какъ районъ его дѣйствій собственно окрестныя мѣстности Балтійскаго моря, гдѣ еще далеко не окончены естественно-историческія изслѣдованія, несмотря на близость этихъ мѣстностей отъ столицы.

— Пароходъ «Везувіусъ», шедшій изъ Одессы въ Ротердамъ съ грузомъ въ 13,000 четвертей хлѣба, столкнулся съ другимъ пароходомъ и пошелъ ко дну недалеко отъ Голландіи.

— Въ «Кронштадтскій Вѣстникъ» телеграфируютъ, что фрегатъ «Свѣтлана», подъ командою Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича, 27-го марта (8-го апрѣля) благополучно прибылъ въ Пирей.

— Въ статьѣ «Арханг. Губ. Вѣд.» Нѣсколько словъ о нашихъ сѣверныхъ мореходцахъ, приводятся факты, подтверждающіе сообщенное нами уже не разъ мнѣніе, доказывающее, что пройденный въ прошедшемъ году Норденшельдомъ путь — путь не новый и не имъ открытый. Такъ, еще въ 1595 году голландскіе мореходы, дойдя до острова Калгуева, извѣстились тамъ отъ нашихъ промышленниковъ, что холмогорцы ежегодно на своихъ ладьяхъ ходятъ въ рѣку Обь и даже до рѣки Енисея, чтобы торговать съ тамошними инородцами сукнами и другими товарами. Плаванія эти совершались Карскимъ моремъ и Обскою Губой изъ Архангельска въ три и четыре недѣли, а изъ Оби въ Енисей - двѣ или три недѣли. Затѣмъ, обская экспедиція, предпринятая адмиралтействъ-коллегіей въ 1734—1738 годахъ, въ которой самое дѣятельное участіе принимали мезенцы, въ качествѣ лоцмановъ, прошла въ 1737 году Бѣлый Островъ, и 18-го августа вошла въ Обскую Губу, а въ 1739 году, моремъ же, вернулась въ Архангельскъ. Наконецъ, въ 1648 году сибирскій казакъ, Дежневъ, совершилъ плаваніе чрезъ проливъ, получившій, 80 лѣтъ спустя, названіе Берингова, по имени мореплавателя, которому и приписана честь открытія этого пролива. Всѣ эти факты доказываютъ, что открытія въ нашихъ сѣверныхъ моряхъ принадлежатъ не иностранцамъ, а, въ большинствѣ случаевъ, русскимъ поморамъ.

Слухи.

«Русскій Міръ» передаетъ, что носятся слухи, что на заключеніе министерства путей сообщенія внесено предположеніе частнаго общества о проведеніи желѣзной дороги отъ Курска до Брянска, Орловской губерніи, которая, соединивъ эти два города прямою линіею, вышла бы на воронежско-грушевскую дорогу, къ станціи Каратаево. По мнѣнію учредителей, разрѣшеніе постройки этой вѣтви было бы важно въ интересахъ сообщенія одной части дороги отъ Каратаева до Курска съ кіево-волочисскою, а остальной до Брянска — для прямого сообщенія съ Ригою.

— Введеніе свидѣтельствъ на право ходатайства въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, какъ показываетъ опытъ, мало повліяло на измѣненіе состава нашей столичной неприсяжной адвокатуры, такъ какъ почти всѣ ходатаи, подвизавшіеся въ нашихъ мировыхъ судахъ до введенія новыхъ правилъ, успѣли запастись свидѣтельствами, несмотря на свою некомпетентность въ юриспруденціи. Въ виду этого, какъ слышали «Бирж. Вѣд.», въ административныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ о введеніи испытаній на право полученія свидѣтельствъ на ходатайство по чужимъ дѣламъ. Сообщая этотъ слухъ, упомянутая газета замѣчаетъ, что, по собраннымъ свѣдѣніямъ, свидѣтельства принесли свою долю пользы, такъ какъ частные повѣренные, допускавшіе до введенія новыхъ правилъ самыя возмутительныя продѣлки, въ настоящее время, подъ вліяніемъ опасенія лишиться права ходатайства, сдѣлались гораздо осмотрительнѣе и осторожнѣе.

Извѣстія.

Издаваемая въ Петербургѣ литографированная газета «Correspondance de l'Agence Générale Russe» сообщаетъ, что депутація оренбургскихъ киргизовъ имѣла счастіе представляться въ пятницу, 26-го марта, Государю Императору, оказавшему ей самый благосклонный пріемъ. Послѣ аудіенціи депутація была допущена къ обзору Зимняго дворца и Эрмитажа. На послѣднемъ смотру, на который была приглашена депутація, Государь Императоръ изволилъ милостиво сказать ей нѣсколько словъ. Изъ Петербурга депутація выѣдетъ послѣ Пасхи.

— Ликвидаціонная коммисія по дѣламъ коммерческаго ссуднаго банка въ Москвѣ предъявила, будто-бы, въ здѣшнемъ коммерческомъ судѣ искъ къ русскому для внѣшней торговли банку, въ Петербургѣ, въ суммѣ 287,000 р. по условію о поставкѣ вагоновъ главному обществу россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

— Въ томъ же судѣ предъявленъ искъ обществомъ готобужскихъ фабрикъ и заводовъ къ петербургскому учетному и ссудному банку въ 12,000 руб. Первое дѣло будетъ слушаться 12-го апрѣля, а второе, кажется, 15-го апрѣля.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Б. О. М—нъ и С. Д. Ч—нъ.** Портретъ, который вы желаете видѣть на страницахъ Нивы, будетъ вскорѣ помѣщенъ.

2) **В. Л. въ Ялтѣ.** На сколько извѣстно Редакціи Нивы, Редакція журнала «Природа и Люди», расчиталась со всѣми своими подписчиками честно, возвративъ имъ подписныя деньги, или передавъ таковыя, по желанію гг. подписчиковъ, въ Редакціи другихъ изданій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА

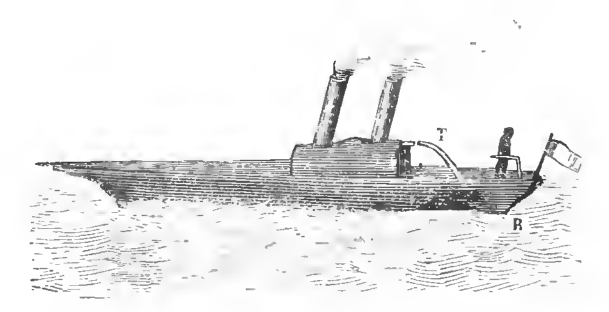
9-го апрѣля 1876 года,

	Покупатели	Продавцы	Продано.	
5% заемъ съ выигр. 1-го выпуска	200	201	202	20[illegible]
5% заемъ съ выигр. 2-го выпуска	196	197	196 1/2	
5% банк. бил. 1-го выпуска	100	100 1/4	100	100 1/4 [illegible]
5% » » 2-го »	100	100 1/4	100	100 1/4 [illegible]
5% » » 3-го »	—	100	—	—
5% обл. Спб. Гор. Кред. Общ.	92 1/8	92 3/8	92 3/8	1/4
АКЦІИ.				
125 р. Гл. Общ. Рос. Жел. Дорогъ	162 1/2	162 3/4	162	162 1/4
125 » Рижско-Динабургск.	—	132 1/2	—	
100 » Московск.-Рязанск.	333	—	—	
225 » Орловск.-Витебск.	—	130	—	
16 ф. с. Витебск.-Динаб.	—	141	—	
100 р. Рыбинск.-Бологов	87	87 1/2	87 1/2	87
100 » Тамбовск.-Козлов.	—	75 1/2	—	
125 » Моск.-Брестск.	78	78 1/2	—	

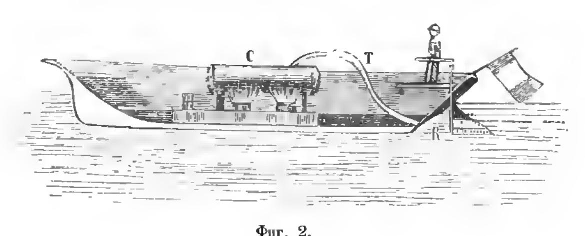
Новыя изобрѣтенія.

Политехническія новости.

Воздушная паровая лодка. Подъ этимъ названіемъ мы рекомендуемъ нашимъ читателямъ очень красивую и весьма поучительную игрушку, которая легко можетъ быть приготовлена всякимъ, болѣе или менѣе искуснымъ, жестяныхъ дѣлъ мастеромъ. Фигура 1, изображаетъ ея наружный видъ, а фигура 2, представляетъ ее въ продольномъ разрѣзѣ. Въ С представленъ котелъ, отапливаемый одною или двумя спиртовыми лампами и окруженный жестянымъ футляромъ съ двумя дымовыми трубами,— что способствуетъ равномѣрному и спокойному горѣнію пламени.

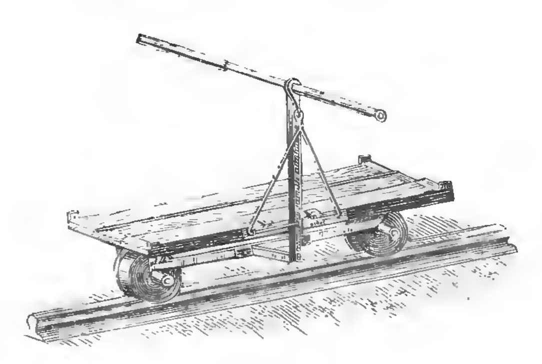
Фиг. 1.
Воздушная паровая лодка.

Фиг. 2.
Воздушная паровая лодка.

Съ котла сверху выходитъ пароотводная трубка, къ концу съуживающаяся и горизонтально загнутая назадъ. Другая болѣе широкая трубка, S—образно изогнутая, поставлена такимъ образомъ, что одинъ конецъ ея T обращенъ какъ разъ противъ отверстія вышеупомянутой паровой трубки, а другимъ концомъ R открывается на достаточной глубинѣ подъ поверхностію воды, въ нижней части косого кормового планшера (т. е. задней поверхности лодки). Паръ, вгоняющійся съ сильнымъ напоромъ нъ трубку T, увлекаетъ съ собою туда большое количество атмосфернаго воздуха, который выступаетъ изъ отверстія R въ видѣ пузырьковъ; поднимающіеся изъ воды пузырьки, ударяя на косую поверхность планшера, своимъ давленіемъ обусловливаютъ движеніе лодочки впередъ. Если придавать рулю косое положеніе, то лодочка приметъ вращательное, круговое движеніе. Игрушечныя пароходы съ дѣйствительнымъ паровымъ механизмомъ съ колесами или винтами не только стоятъ гораздо дороже, но представляютъ еще то неудобство, что, при сложности механизма, они несравненно скорѣе подвержены порчѣ, чѣмъ эта такъ просто и такъ остроумно устроенная игрушка.

Мадеронъ. Австрійскій оберъ-инженеръ К. Маадеръ въ Темешварѣ устроилъ недавно для мѣстной транспортировки рельсовъ, лежней и другихъ желѣзнодорожныхъ строительныхъ матеріаловъ—особаго рода тачку о двухъ колесахъ, представляющую ту особенность, что оба колеса, снабженныя желобообразною окружностію, вращаются не вокругъ одной оси, а стоятъ одно позади другого и могутъ такимъ образомъ двигаться по одному только рельсу. Тачка эта приводится въ движеніе однимъ или двумя работниками и посредствомъ поперечной рукоятки, что вмѣстѣ съ тѣмъ предохраняетъ ее отъ опрокидыванія. Мадеронъ представляетъ ту несомнѣнную выгоду, что даетъ возможность по одноколейному пути одновременно передвигать тяжести въ противоположномъ направленіи, и что въ случаѣ нужды, при внезапномъ приближеніи поѣзда, онъ гораздо легче снимается съ рельсовъ, чѣмъ обыкновенные четырехколесные вагоны, употребляемые для этой цѣли.

Мадеронъ.

СОДЕРЖАНІЕ: **Кабанъ въ деревнѣ и горьнія его ягодки** (съ 2-мя рисунками) — Изъ путевой книжки (стихотвореніе) **W. W.** — **Добыча съ берега** (съ рисункомъ). — **Въ домѣ коммерціи совѣтника** Повѣсть **З Марлитта** (продолженіе). — **Кошка изъ дому — мышк на столъ** (съ рисункомъ). — **Вагоны американскихъ поѣздовъ** (съ 3-мя рисунками). — Разныя извѣстія. — Почтовый ящикъ — С.-Петербургская биржа. — **Новыя изобрѣтенія.** Политехническія новости (съ 3-мя рисунками) — Объявленія.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 12 Апрѣля 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб., Больш. Морская, д. № 9. Тип. Веллинга. Англ. пр., № 10

№ 17 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 26 Апрѣля 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

По военно-грузинской дорогѣ.

Чертова долина на Кавказѣ. Рис. Бланшаръ, грав. Моранъ.

По военно-грузинской дорогѣ.

(Листки изъ исторіи Кавказа).

Описывать военно-грузинскую дорогу—эту грандіозную и въ то же время изящную поэму природы—значило бы конкурировать съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ, посвятившимъ ей страницы, исполненныя высокой поэзіи. Да къ тому же кто незнакомъ по разсказамъ или лично съ этимъ чуднымъ уголкомъ Кавказа, гдѣ грозные понорамы горныхъ вершинъ, громады мрачныхъ утесовъ смѣняются долинами, прелесть которыхъ не разъ вдохновляла истинныхъ поэтовъ.

Въ Ларсѣ начинается Дарьялъ. Черная «трещина — жилище змѣя» открываетъ вблизи свою пасть. Вокругъ самаго мѣстечка поднимаются горы одна выше другой, такъ что между ними кажется жалкой саклей, величавая сама по себѣ руина старой Грузинской крѣпости, словно орлиное гнѣздо нависнувшей надъ духанами и убогими осетинскими жилищами. Твердыня эта, вѣнчающая грозную массу утеса, повидимому оберегала нѣкогда входъ въ ущелье... Одинъ изъ путешественниковъ очень удачно охарактеризовалъ это небольшое мѣстечко: подъѣзжая къ Ларсу, говоритъ онъ, вамъ кажется, что вы попали въ глухой переулокъ, изъ котораго нѣтъ другого пути кромѣ обратнаго. Стѣснившіяся горы большею частію застилаются здѣсь облаками, почти всегда ползающими по ихъ голымъ, скалистымъ ребрамъ. Вамъ дѣлается страшно отъ этой тѣсноты. но вы еще только у входа въ Дарьяльское ущелье, чернѣющееся въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ крыльца станціи.

Въ Ларсѣ окрестность васъ гнететъ и давитъ. Точно что-то тяжелое легло на вашъ мозгъ, придавило ваши чувства. Потомъ свыкаешься съ этимъ, но начала дѣйствительно не говоришь ни слова, мысль не работаетъ, точно тупѣешь. Впрочемъ достаточно войти въ первый попавшійся духанъ, чтобы опять очнуться и прійти въ себя.

Тутъ настоящая суматоха и толкотня.

За стойкой, если она есть, а то просто на тохтѣ, въ заманчивомъ обществѣ козлиныхъ бурдюковъ, восѣдаетъ красноносый, толстый армянинъ, равнодушно поглядывая на толпу осетинъ-потребителей его плохого вина. Пока въ духанѣ одни осетины—тишина мало нарушается. Эти—племя трезвое, молчаливое. Но бѣда если привалитъ сюда же партія солдатиковъ, пробирающихся куда-нибудь по военно-грузинской дорогѣ, или армяне-торговцы или черные евреи. Въ духанѣ тогда—дымъ коромысломъ! На все тихое мѣстечко звучатъ тогда громкія пѣсни, шумный споръ будоражитъ сосѣдей, смотришь—мало по малу и собираются сюда всѣ наличные обитатели деревни.

Осетины такое интересное племя, что нельзя не остановиться на немъ. Мы въ нашемъ очеркѣ воспользуемся неизвѣстными публикѣ превосходными изслѣдованіями кавказскаго ученаго Пфафа.

Сами себя они зовутъ иръ или иранъ и занимаютъ средоточіе Кавказскихъ горъ, т. е. мѣстности, лежащія на сѣверъ къ Тереку и его западнымъ притокамъ вплоть до Кабарды. Верховье Ляхвы составляютъ южную границу этого племени. Всего ихъ до 65.000 человѣкъ, раздѣляющихся на четыре главныя отрасли: дигорцевъ, живущихъ въ суровыхъ верховьяхъ Уруха, это—превосходные и смѣлые охотники. Алагирцы, живущіе по Ардону, самая непривлекательная часть осетинскаго племени, отличающаяся трусостью и даже трусливостью. Тагаурцы заняли лѣвый берегъ Терека въ горахъ, у Ларской станціи. Это самое гордое и передовое племя между осетинами. Они себя считаютъ потомками Тагаура, по преданію, наслѣдника армянскаго престола, будто бы, спасшагося въ горахъ отъ преслѣдованія своихъ братьевъ. Они поэтому причисляютъ себя къ высшему сословію и остальные ихъ очень недолюбливаютъ. Куртатинцы самое честное и преданное русскимъ осетинское племя живетъ на западъ отъ Тагаурцевъ за р. Ардона.

Чрезвычайно интересна исторія этого племени, разработанная въ Тифлисѣ г. Пфафомъ. Она восходитъ въ отдаленнѣйшія времена. Языкъ этого племени признанъ индо-европейскимъ нарѣчіемъ. На этомъ основаніи доказывается, что осетины—иранцы по происхожденію и принадлежатъ къ той вѣтви мидо-персидскаго племени, которое извѣстно подъ названіемъ сарматовъ, жившихъ между рр. Дунаемъ и Дономъ. Донъ на нынѣшнемъ осетинскомъ нарѣчіи значитъ вода и рѣка: донъ-бпре (Днѣпръ)—много воды, полноводная рѣка, дон-стиръ (Днѣстръ)—большая рѣка, Дунеі-донъ, всемірная рѣка. Тѣмъ не менѣе чистыми сарматами осетины не были. Въ отдаленнѣйшей древности они уже перемѣшались съ другими племенами и прежде всего съ какимъ-то семитскимъ племенемъ, сообщившимъ еврейскій оттѣнокъ наружности, челюстямъ и говору осетинъ. Осетинскіе обряды погребенія и жертвоприношенія во многомъ сходны съ древне еврейскими. У коренныхъ осетинъ сынъ почти всегда остается жить при отцѣ и всю жизнь безпрекословно подчиняется ему и всѣмъ старшимъ въ родѣ. Это—учрежденіе чисто семитское, патріархальное. По коренному осетинскому праву братъ былъ обязанъ жениться на вдовѣ умершаго брата—тоже семитскій обычай. Всякій достаточный осетинъ, сверхъ законной жены имѣлъ наложницъ, дѣти которыхъ назывались кавдасардами, потому что рождались въ ясляхъ. Они служили отцу и старшимъ братьямъ какъ рабы. У осетинъ является сверхъ того нѣсколько еврейскихъ именъ мѣстностей. По выводу Пфафа, Самиты, съ которыми смѣшались осетины, жили на Кавказѣ ранѣе XV вѣка до Рождества Христова.

Осетинскія преданія разсказываютъ о какихъ то нартахъ — богатыряхъ, пришедшихъ въ незапамятную старь изъ Азіи на Кавказъ. Во время ихъ нашествія средняя часть Кавказа была занята племенами Дзау и Задами. Нарты въ ущельяхъ Ардона, Нардона и Фіагдона долго боролись съ этими племенами. Главный мифическій герой осетинъ былъ Батиросъ. На сторонѣ же туземцевъ богатыри Бурефаарнигъ и Сайнагъ. Они убили отца Батроса, за что этотъ мстилъ имъ кровью. Наконецъ онъ загналъ Сайнаага въ крѣпость, гдѣ послѣдняго стали защищать ангелы, которые завлекли нартовскаго героя въ безводное мѣсто. Здѣсь стояла такая жара, что «мѣдный» черепъ Батроса раскалился и Батиросъ умеръ. Разложившееся тѣло его распространяло страшный смрадъ по окрестности, отчего «и умерли многіе ангелы». Оставшіяся послѣ смерти Батироса парты смѣшались съ своими побѣдителями. Г. Пфафъ доказываетъ, что Дзау и Зай или Закъ были племенами семитовъ, а Нарты—мидо-персидскими. Изъ сліянія ихъ образовалось общее племя—осетинъ. Въ патріархальныя, управлявшіяся родоначальниками, семитскія общины древняго Кавказа Нарты внесли воинственность и личную волю. До I-го вѣка (до Р. Х.) осетины жили мирно и счастливо. Сказанія ихъ показываютъ этотъ періодъ блаженнымъ вѣкомъ. Женщины были у нихъ свободны, но послѣ великаго переселенія народовъ. когда въ въ Осетію ворвалось и поселилось одно изъ племенъ Аланъ, народъ оставилъ мирныя занятія и сталъ вести настоящую войну, состоявшую изъ грабежей. Тѣмъ не менѣе общины жили по прежнему. дворянъ у нихъ не было, народъ управлялся родоначальниками, ни царей, ни династій не существовало.

Тѣмъ не менѣе владычество римлянъ здѣсь было очень шатко. Оно поддерживалось подарками, дѣлаемыми вліятельнымъ осетинамъ, отличіями и чинами, раздаваемыми Императорами — и только. Повидимому всѣ вѣрноподданническія обязанности аланъ состояли въ принятіи этихъ подарковъ и отличій.

Въ 569 г. Юстинъ II отправилъ къ Хозарамъ посольство. На возвратномъ пути оно «съ великимъ трепетомъ» спѣшило въ Аланію, потому что боялось народа горскихъ и «московъ». Прибывъ къ Аланамъ, послы пожелали посѣтить герцога осетинъ (dux) Ародія въ его столицы «Аланіи». Аланія лежала въ долинѣ р. Терека, она не могла быть большою, потому что въ настоящее время на плоскости сѣверной Россіи не встрѣчаются остатки значительнаго древняго населенія. Это былъ просто аулъ, въ которомъ среди самой патріархальной обстановки жили потомки родоначальника осетинскаго владѣтельнаго или княжескаго дома. Позднѣе жилища Осетіи находились въ ущельи р. Фіагдона, гдѣ теперь еще стоятъ древніе аулы Далагкау, Ладже Цимити. На этомъ мѣстѣ накоплена такая масса камней, тщательно обтесанныхъ, что здѣсь долженъ былъ находится большой городъ. Въ девятомъ вѣкѣ осетины впервые почувствовали на себѣ вліяніе арабовъ. Рабъ и полководецъ Багдадскаго калифа Бугъ, сначала потерпѣвшій пораженіе отъ осетинъ, потомъ въ свою очередь разбилъ ихъ и по Дарьяльскому ущелью вывелъ изъ Осетіи 3000 семействъ для заселенія Дманисса. Затѣмъ исторія осетинъ—становится совершенно неизвѣстной.

Въ XI вѣкѣ у осетинъ является царскій домъ. Дочери осетинскихъ царей—на престолахъ Грузіи, Абхазіи и Византіи. Осетія имѣетъ многолюдную и блестящую столицу. По всей Осетіи въ замкахъ живутъ феодалы. Всюду стѣны, башни. крѣпости, правильно сооруженные. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ — таможенныя заставы. У осетинъ является аристократія съ ея роскошью и утонченными нравами; распространяется грамотность. Понятно, что феодализмъ занесенъ былъ въ Осетію изъ Грузіи и первыми феодалами здѣсь были грузины. Только часть осетинъ, жившая на востокъ отъ Терека до Каспійскихъ воротъ,—до конца оставалась чуждой феодальному устройству и сохраняла свой семитской порядокъ управленія родоначальниками. Тѣмъ не менѣе феодализмъ здѣсь не совсѣмъ уничтожилъ власть общины. Зачастую община подвергала сына своего феодала—собственному суду. Собственно, осетинскіе феодалы произошли отъ абрековъ, т. е. людей исключенныхъ изъ среды патріархальнаго общества, беззащитныхъ и безправныхъ, осужденныхъ на изгнаніе и поэтому ставшихъ разбойниками. Абрекъ значитъ «заклятьcя». Это самый страшный звѣрь горъ, опасный для своихъ и чужихъ. «Кровь его стихія, кинжалъ—неразлучный другъ, самъ-же вѣрный слуга шайтана». Завидѣвъ въ горахъ папаху кабардинку, опушенную бѣлымъ мѣхомъ гор-

наго козла, а изъ подъ ея прядей густыя массы волосъ, раскинутыхъ вѣеромъ сдвали не по плечамъ наѣздника — мутный и безумно-блуждающій взглядъ, бѣгите—это абрекъ. Дитя-ли женщина, дряхлый-ли старикъ—ему все равно, была бы жертва, была бы жизнь, которую можно отнять хотя бы съ опасностью потерять свою собственную. Абреки соединялись общинами, грабить вѣдь одному трудно. Въ общинахъ выдѣлялись начальники, становившіеся феодалами, когда имъ удавалось завоевать себѣ достаточный кусокъ землицы. Изъ осетинъ являлись люди, дѣлавшіеся абреками по побужденіямъ въ высшей степени благороднымъ: для защиты слабыхъ и угнетенныхъ. Очень хорошо замѣчаетъ, г. Пфафъ, что варягъ и абрекъ — одно слово и одно дѣло. Оба названія происходятъ отъ одного слова warg—изгнанникъ. Вначалѣ осетинскіе феодалы боролись съ патріархальнымъ обществомъ, потомъ, подчинивъ его себѣ, стали бороться между собою. Въ это время выдѣлились болѣе сильные феодалы, присвоившіе себѣ названіе «алдаровъ» въ сѣверной Осетіи. Наконецъ, въ борьбѣ выше всѣхъ сталъ одинъ феодальный домъ, главы которыхъ присвоили себѣ имена «великихъ царей». Такимъ образомъ явились и цари Осетіи, опиравшіеся между прочимъ на духовенство. При нихъ границы Осетіи значительно раздвинулись къ сѣверу и западу. Замѣчательно, что вольнолюбивые осетины не любятъ вспоминать періодъ царей изъ своей исторіи. Тѣмъ не менѣе «великимъ царямъ» Осетіи принадлежала вся страна, занятая теперь кабардинцами и татарами. Послѣ царя осетинскаго, Доргулеля, сильные феодалы отложились и образовали удѣлы. Пришли татары и захватили часть Осетіи. Въ концѣ XI вѣка — въ Осетіи уже не было царя, а существовало только множество мелкихъ владѣній. Царская власть опять уже всплываетъ наверхъ при Багратидахъ. Царица Тамара, выйдя замужъ за одного изъ царей осетинскихъ, соединила подъ своею властію, Осетію и Грузію. Съ начала появленія царей и до конца ихъ столица помѣщалась въ долинѣ р. Фіагдока, о чемъ мы уже говорили. Тутъ встрѣчаются замѣчательныя развалины, остатки восточныхъ бань. Вообще видно, что тутъ жили люди передъ которыми нынѣшнее населеніе осетинъ — полудикари. Тутъ есть развалины монастыря, высѣченнаго въ скалѣ, кругомъ на окрестныхъ горахъ виднѣются древнія башни. На рынкѣ Осетинской столицы обращались грузинскія деньги.

При царяхъ Осетія выставляла 40,000 войска. За службу всей страны войска хорошо вознаграждались. Военно плѣнныя дѣлались рабами. Въ осетинскихъ замкахъ время убивалось на оргіи. Г. Пфафъ такимъ образомъ описываетъ рыцарскіе осетинскіе банкеты того отдаленнаго времени. Въ просторной комнатѣ башни сидѣлъ рыцарь съ своими гостями, каждый на красивомъ полукругломъ креслѣ. По пріѣздѣ гостей отдавалось приказаніе зарѣзать нѣсколько барановъ или одного быка. Въ задней комнатѣ замка, женщины съ помощью рабовъ варили мясо или жарили его на вертѣлахъ и приготовляли шашлыкъ,– переданный древними обитателями Кавказа въ наслѣдство намъ. Куски мяса клались на маленькіе, круглые и низкія треножники, замѣняющіе у осетинъ столы. Оруженосецъ бралъ такой столикъ и относилъ въ комнату, гдѣ сидѣли гости. Тамъ онъ ставилъ его передъ почетнѣйшимъ изъ нихъ. Подъ столикомъ на особенной тарелкѣ клалась баранья голова. Второй оруженосецъ является съ кружкой воды рукомойникомъ и полотенцемъ къ тому же почетнѣйшему гостю. Рыцари поочередно мыли себѣ ротъ и полоскали руки, между тѣмъ комната наполнялась людьми, становившимися полукругомъ въ полномъ вооруженіи съ папахами на головѣ. Третій оруженосецъ вносилъ кувшинъ араки. Наполнивъ имъ гладкій бараній рогъ, подносилъ его почтительно хозяину. Тотъ снималъ папаху и, сказавъ краткое привѣтствіе почетнѣйшему гостю, опоражнивалъ рогъ до дна. При этомъ присутствовавшіе желали ему «добраго пути» и восклицали «съ богомъ!» Старшій гость, взявъ пальцами кусокъ мяса начиналъ обѣдъ. Передъ каждымъ гостемъ на столикѣ разсыпали горсточки соли. Рогъ поочередно обходитъ обѣдающихъ, 20—30 разъ каждый опорожнялъ его и ѣлъ пока принималъ желудокъ. Послѣ араки пили пиво, наиболѣе уважаемый у осетинъ напитокъ. Напившись вдоволь, старшій гость съѣдалъ половину бараньей головы, а остальную часть отдавалъ второму послѣ себя гостю, затѣмъ приносили въ деревянныхъ чашкахъ, приправленный зеленью и лукомъ, бараній супъ. Попойка продолжалась нѣсколько часовъ. Рыцари запѣвали веселую пѣсню или призывали баяна, который подъ акомпаниментъ двухструнной осетинской скрипки монотоннымъ голосомъ воспѣвалъ древнихъ нартовъ. Это продолжалось часовъ по пятнадцати. Рыцари выпивали цѣлыя бочки—но никогда не пьянѣли. Опьянѣніе считалось величайшимъ стыдомъ. Осрамивъ себя такимъ образомъ, рыцарь готовъ былъ на самоубійство. Народъ любовался на эти пиршества, не смѣя даже присѣсть. По окончаніи празднества оруженосецъ приносилъ опять воды. Рыцари мылись и ложились спать.

Асетія или Аланія никогда не была государствомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Со II вѣка по Р. Х. Грузины, побѣдившіе Осетинъ, хотѣли создать изъ нихъ ѳеодальное государство на южныхъ склонахъ хребта. Исторія аланъ-осетина, по словамъ г. Пфафа, была постоянной войной. На плоскости они нѣсколько разъ были поражаемы и спасали свое существованіе уходя въ глубокія ущелья Кавказа. Мужчины знали одну войну, земледѣліемъ занимались урывками также въ горныхъ ущельяхъ. На плоскостяхъ они же отбивали у пришельцевъ-номадовъ стада, которыми и кормились. Въ битвахъ осетинъ зачастую участвовали женщины. Всѣ стремленія аланъ были направлены къ тому, чтобы главнымъ образомъ отстоять свои ущелья, особенно же Куртатинское и Валаджирское въ которыхъ по временамъ помѣщался весь осетинской народъ. Голодъ ихъ опять выгонялъ оттуда на плоскость. Осетинскіе аланы были люди жестокіе и безпощадные. Они поступали по найму на службу къ армянамъ, грузинамъ, персамъ, хазарамъ, дрались тамъ только за плату и часто измѣннически переходили къ непріятелю. Во время этихъ же войнъ Осетины застроили входы въ свои ущелья стѣнами. И теперь даже въ большинствѣ ущелій, обитаемыхъ ими, встрѣчаются остатки этихъ стѣнъ, запиравшихъ двери, въ котловины гдѣ въ полной уже безопасности осѣдали аланы. Стѣны эти нельзя смѣшивать съ великой Кавказской стѣной, которая подобно Китайской, пересѣкала Кавказъ отъ моря Каспійскаго до Чернаго моря. Они и построены иначе и въ другихъ направленіяхъ. Аланы и Осетіи очень усилились. Такъ, во время похода Помпея на Кавказъ, покорившіеся сначала аланы (осетины) поднялись потомъ и выставили противъ римлянъ по Аппіану 60.000 ч. пѣхоты и 22.000 конницы. Помпей остался побѣдителемъ, и римскіе солдаты замѣтили много женщинъ, сражавшихся въ аланскихъ дружинахъ. Разрывая трупы убитыхъ, они нашли амазонскіе щиты и женскую обувь. Тутъ впервые появляются свѣденія о царствѣ амазонокъ, жившихъ близъ Каспія. Свѣденія эти настойчиво повторяются потомъ многими писателями. По словамъ Зонараса между царствомъ Амазонокъ и Осетинами жили Галчайцы и Лезгины. Съ ними онѣ сходились ежегодно на два мѣсяца на р. Термодона. Остальное время амазонки обходились безъ мужчинъ. Рождавшихся дѣвочекъ они оставляли у себя, а мальчиковъ выкидывали около земли ихъ отцевъ.

«Въ Средней Африкѣ и въ глубинѣ Средне-Азіатскаго плоскогорья даже въ настоящее время существуютъ амазонскія общества и государства различныхъ видовъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заведена поліандрія, въ другихъ живутъ на тѣхъ же началахъ, какъ жили нѣкогда кавказскія амазонки. Подобныя общества являются преимущественно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ велись продолжительныя и жестокія войны».

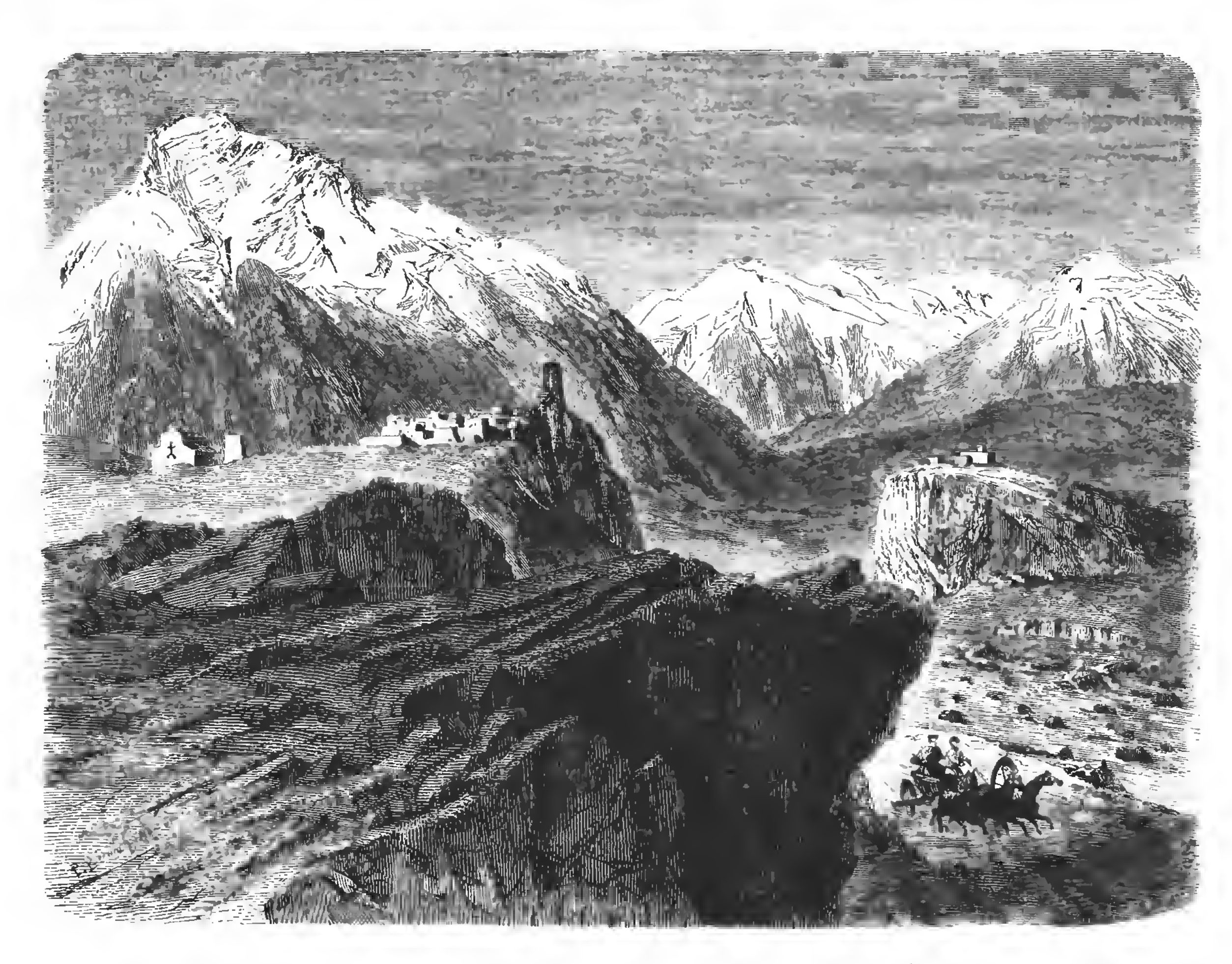
По географіи Моисея-Хоренскаго, въ половинѣ 5-го вѣка осетины уже подъ разными названіями жили въ различныхъ пунктахъ Кавказа, на западѣ вблизи Абхазцевъ подъ названіемъ царскихъ Сарматовъ, на востокѣ около Каспійскаго моря и Дербента подъ именемъ массагетовъ. Въ теченіи перваго вѣка по Р. Х. осетины принимали участіе во всѣхъ смутахъ и войнахъ закавказья. Вотъ, напримѣръ, какъ Тацитъ разсказываетъ объ участіи кавказскихъ сарматовъ (осетинъ) въ битвѣ съ парѳянами. «Они слѣдовали не одному голосу вождя, но подстрекали другъ друга, совѣтовали бросать стрѣлы, смѣлымъ натискомъ подступать къ врагамъ и кинуться въ рукопашный бой. Наконецъ, оставивъ луки, которыми не такъ ловко владѣли, бросились на парѳянъ съ мечами, и парѳяне должны были уступить». Въ это время осетины стали уже такъ могущественны, что врывались въ среднюю азію. Осетины же принимали постоянное участіе въ распряхъ армянъ съ грузинами, между 83 и 103 годами. Осетины держали сторону грузинъ, и народныя преданія приписываютъ этому времени много поэтическихъ легендъ. Въ 182 г. Осетины уже грабятъ недавнихъ своихъ союзниковъ грузинъ. Вообще это было чисто разбойничье племя, высматривавшее зорко изъ за своихъ горныхъ твердынь. Чуть представлялся поводъ кинуться на ту или другую сторону, осетины сходили въ долины и воевали, не разбирая, враги или союзники стоятъ противъ нихъ. Христіанство стало распространяться между осетинами уже около этого времени. Здѣсь проповѣдывали въ первомъ вѣкѣ апостолы Андрей, Симеонъ Кананатъ, Ѳаддей и въ южномъ дагестанѣ Варѳоломей. За тѣмъ уже въ IV вѣкѣ Св. Нина, при содѣйствіи Епископа Іоанна распространила христіанство у нѣкоторыхъ осетинъ южнаго склона. Г. Пфафъ полагаетъ, что христіанство у осетинъ пустило глубокіе корни. Иначе нельзя объяснить множество древне христіанскихъ легендъ, всюду распространенныхъ между осетинами. Послѣ Грузіи на Кавказѣ нѣтъ кромѣ Осетіи страны, гдѣ находилось бы такое множество древнихъ церквей и монастырей. Нельзя думать, чтобы они были построены при одной царицѣ Тамарѣ. Во время переселенія народовъ исторія Осетинъ мало извѣстна. Знаютъ только, что разъ Гунны переходили черезъ владѣнія осетинъ, но при какихъ обстоятельствахъ—преданія не разсказываютъ. Гунны, впослѣдствіи, подъ именемъ сабировъ или аваровъ населившіеся въ Дагестанѣ, забросили въ Осетію очень небольшія общины, чему многіе осетинскіе аулы обязаны аварскими названіями. Въ началѣ VI вѣка Дарьяльскій проходъ попалъ было въ руки Гунновъ, но Осетины опять захватили его. Они пользовались этимъ ущельемъ, какъ доходною статьей. Дарьяль—единственныя ворота въ закавказьѣ, и Осетины брали пошлины съ каждаго переходившаго этими дефилеями съ Юга на Сѣверъ или съ Сѣвера на Югъ.

По Грузинскимъ лѣтописямъ въ 449 году осетины предали Карталинію страшному разгрому и, воротясь назадъ черезъ Дагестанъ, увели съ собою трехлѣтнюю сестру Грузинскаго царя Вахтанга Горчаслана, по имени Мирандухту. Черезъ шесть лѣтъ шестнадцати лѣтній Вахтангъ съ огромнымъ войскомъ двинулся черезъ горы въ Дарьялъ. Осы и хозары заняли всѣ утесы вдоль ущелья своими скопищами. Битва началась поединками. Вахтангъ убилъ въ единоборствѣ двухъ предводителей осовъ и хазаръ и разбивъ ихъ, принудилъ возвратить свою сестру. Вахтангъ то именно и возобновилъ при этомъ крѣпость Ларсъ и другую знаменитую Дарьяльскую твердыню. Въ VI вѣкѣ осетины вступаютъ въ сношенія съ Персами, подстрекавшими ихъ обрушиться на ближайшія римскія владѣнія—долину рѣки Ріона. Аланы—осетины впрочемъ въ это время сражались на обѣихъ сторонахъ за деньги. Такъ, что частямъ одного и того же племени зачастую приходилось съ римлянами сражаться противъ персовъ и съ персами противъ римлянъ. Наконецъ уже Юстіанъ, примирившись съ персами, сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ походовъ въ Осетію и присвоилъ себѣ титутъ царя Аланскаго, Alanicus. Въ странѣ Осетинъ, близь нынѣшняго Нальчика, Юстиніанъ учредилъ даже епископство.

ложенія. Осетія раздѣлилась на отдѣльныя роды, которые вели войну между собою, Въ это время и остальные феодалы потеряли свою власть и силу. Общины явились ихъ судьями и часто изгоняли или убивали безпощадно, по постановленію народнаго суда, недавнихъ своихъ владыкъ.

Въ XV вѣкѣ осетины приняли участіе въ междоусобіяхъ Кабарды, что подало поводъ къ возникновенію прежней вражды между Осетинами и Кабардинцами. Кабарда скоро стала вытѣснять горныя племена на югъ. Осетины же заняли ущелья сѣверной Грузіи. Племя стало въ очень затруднительное положеніе. На сѣверныя плоскости кабардинцы не пропускали ни одного осетина, на южные ихъ не допускали Грузины. Хлѣба было достать не откуда, «Роскошныя и величественные горные ущелья края представляли видъ страшной и отвратительной темницы, гдѣ отцы и матери убивали своихъ малолѣтнихъ и даже взрослыхъ дѣтей, чтобы не дать имъ умереть мучительною голодною смертью. Съ этого времени убійства и выкидываніе дѣтей стало у Осетинъ народнымъ обычаемъ. Такимъ образомъ вражда Осетинъ съ Кабардинцами упрочилась и, начавшись съ XV, покончилась только въ XIX вѣкѣ.

У большинства осетинъ вмѣстѣ съ паденіемъ феодализма и-

Горы Сіонъ и Орсетъ на Кавказѣ. Рис. Бланшаръ, грав. Фришонъ.

Обычай этотъ черезъ тысячу лѣтъ сохранился и до настоящаго времени.

Когда царская власть въ Осетіи стала разрушаться, страна по прежнему находилась еще подъ вліяніемъ Грузіи, что не помѣшало татарамъ, во время ихъ владычества надъ Кавказомъ, подчинить себѣ это племя нравственно. Татары поддерживая осетинъ, вызвали войну за независимость Осетіи. Осетины вторглись въ 1291 г. въ Грузію и взяли городъ Горы, гдѣ держались нѣсколько лѣтъ. Борьба велась съ страшнымъ ожесточеніемъ. Плѣнныхъ убивали, Бареджанъ, царь осетинскій, пошелъ на Тифлисъ и взялъ его, но вслѣдъ затѣмъ былъ разбитъ. Къ этому же времени относятся и подвиги знаменитаго осетинскаго героя и богатыря Осгебогатара, котораго поэтому народъ и считаетъ своимъ родоначальникомъ. Борьба Осетіи съ Грузіей вызвала на свѣтъ вновь старинныя общины. Послѣ паденія царей оставшіеся феодалы снова начали терзать другъ друга, что помогло народу вѣтѣснить ихъ вонъ. Рыцарскія замки скоро поэтому оказались въ развалинахъ, церкви и монастыри расхищены и опустошены.

Со времени Осгебагатаря, т. е. съ начала XIV столѣтія вся исторія осетинъ представляетъ только картину борьбы и разло и христіанство. У языческаго большинства этого племени каждый родъ имѣетъ своего бога «дчаура», т. е. «родоваго бога». Въ извѣстные дни года ему приносятъ жертвы. Жрецами прежде были старшіе въ родѣ, теперь являются и другіе, считающіеся въ обществѣ безгрѣшными. Въ капища входятъ только жрецы. Въ капищахъ—кубическій жертвенникъ, на немъ много стаканчиковъ съ пивомъ и различныя приношенія. Христіанскія святыя Георгій, Илья и Николай обратились въ дзауровъ. Есть нѣсколько особенныхъ божествъ: Авсати—покровитель скота, Донбеттеръ—важный богъ, Саубарягъ—богъ воровъ и разбойниковъ...

Въ XVI и XVII вѣкѣ часть осетинъ приняла магометанство. Новая религія охватила Дигорію, Тагаурію и Курпати.

Теперь осетины живутъ мелкими обществами, члены которыхъ въ родствѣ между собою. Глава общества — старшій въ родѣ. Эти общины не подчиняются въ дѣлѣ суда ничьей власти. Частной собственности—нѣтъ. Заработки принадлежатъ роду и родъ же снабжаетъ каждаго средствами къ жизни. Малѣйшее отступленіе отъ обычая исключаетъ виновнаго изъ общества навсегда. Исключенный дѣлается абрекомъ. Число абрековъ такъ усилилось, что еще недавно они населяли цѣлые

Ларсъ. Военно грузинская дорога. Рис. Подбѣльскій грав. Сташковскій.

аулы. Кровная месть распространялась не на одного виновнаго, но на весь его родъ. Семейства часто цѣлые годы проводили въ своихъ башняхъ, чтобы не быть убитыми. По коренному осетинскому уголовному праву преступленіе надъ чужимъ—не преступленіе, а удальство, геройство. Былъ даже богъ Саубарегъ, которому отправляющіеся на воровство приносили публично жертву.

Общество стало разлагаться окончательно. Дѣти убивали своего отца и дѣлались абреками. Братья ссорились и убивали одинъ другого. Только со времени подчиненія ихъ Россіи начинается возрожденіе этой страны, хотя и медленное.

Вотъ обстановка жизни нынѣшнихъ осетинъ: аулы разбросанные по косогорамъ скалъ, большею частію плетневыя, вымазанные глиною или же коровьимъ пометомъ. Каждый дворъ состоитъ изъ двухъ сакель; одна *уать*—тутъ помѣщаются женщины. Въ уатѣ на нарахъ вдоль стѣны возвышаются тюфяки, одѣяла и подушки. Вдоль стѣны противоположной двери—спитагъ, огромная койка, замѣняющая собою диванъ. За спитагомъ—сундуки, одинъ на другомъ, по величинѣ. На стѣнѣ доспѣхи хозяина—ружье, шашка, пистолетъ. Другая сакля—тавдаганъ. Назначеніе тавдагана, всегда прилегающаго къ уату— согрѣвать семью. Въ тавдаганѣ печь или огромный каминъ. Лѣтомъ тавдаганъ—складочное мѣсто, кладовая. Необходимая пристройка—хадзаръ, тутъ кухня и помѣщеніе для работниковъ и узденей. У бѣдныхъ осетинъ въ хадзарѣ живетъ семья. Къ хадзару лѣпится плетневый курятникъ. За курятникомъ также навѣсъ для арбъ. Въ очень богатыхъ домахъ пристраивается комната для гостей—кунацкая. Каждый дворъ прежде былъ обнесенъ стѣнами (теперь же просто окружается плетневою изгородью). Въ горахъ есть еще и старые аулы, сплетенные изъ горнаго камыша, при чемъ посреди каждаго поселка неизбѣжно высится сторожевая башня.

Невдалекѣ отъ Ларса, близь Крестовой горы, находится глубокая Чертова долина, описанная подробно у Лермонтова.

Немировичъ-Данченко

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

XVI.

Кэта, обернувшись, увидѣла, что докторъ стоялъ на томъ же мѣстѣ, но глаза его пристально были устремлены на мостъ, а лицо—совсѣмъ стало блѣднымъ. Она могла видѣть его только въ профиль... Брукъ сжалъ губы такъ, какъ это сдѣлалъ онъ на „замковой мельницѣ, когда она обратилась къ нему съ вопросомъ относительно смерти старика-дѣда. Видно было, что докторъ старался подавить сильное душевное волненіе...

Молодая дѣвушка посмотрѣла по тому-же направленію... Если-бы тамъ, надъ рѣкой, плыла тѣнь благородной женщины-утопленицы—Кэта не такъ-бы испугалась, удивилась, какъ теперь!... По мосту спокойнымъ, граціознымъ шагомъ шла ея красавица—сестра... Въ самомъ дѣлѣ, Флора шла такъ непринужденно-спокойно, какъ будто вчера вечеромъ „весело распрощалась" со своимъ женихомъ!... Но возможно-ли это?... Да! Вонъ она скользитъ, съ легкостью змѣи, по тому самому мѣсту, гдѣ освободилась на всегда отъ человѣка, которымъ пренебрегла... А вѣдь прошло только нѣсколько часовъ! Съ какимъ презрѣніемъ отнеслась она вчера къ этому домику—и что-же? сегодня идетъ сюда, сегодня прекрасное лицо ея улыбается при видѣ „ужасной трущобы"!... Ни плескъ волны, ни струя вѣтерка не напоминали ей о винѣ ея, а солнечные лучи даже золотили стройную фигуру красавицы, лаская ее, какъ любимицу свою.

Флора была въ темномъ платьѣ. Роскошное черное кружево лежало на ея бѣлокурыхъ локонахъ, обвивало бѣлоснѣжную шею и падало на плечи, такъ что длинные концы его издали походили на опущенныя темныя крылья ангела ночи. За Флорой слѣдовалъ коммерціи совѣтникъ; онъ казался такимъ оживленнымъ, веселымъ... Онъ велъ подъ руку президентшу и такъ „почтительно" велъ, что Кэта серьезно призадумалась: да не во снѣ-ли видѣла она насмѣшливые его взгляды, не во снѣ-ли слышала непочтительныя рѣчи о „старой кошкѣ съ бархатными лапками"?...

Брукъ медленно пошелъ теперь на встрѣчу идущимъ, Кэта-же, какъ пригвожденная, осталась стоять у сарая... Рука ея невольно вцѣпилась въ задвинутый засовъ. Молодая дѣвушка видѣла, какъ всѣ они просто, непринужденно поздоровались съ докторомъ; ничего необыкновеннаго не случилось, и ни одного непріятнаго слова не было произнесено. Коммерціи совѣтникъ обнялъ Брука, причемъ поздравилъ его, пожелавъ ему всякаго успѣха. Г-жа президентша, благосклонно, предупредительно улыбаясь, показала кончики бѣлыхъ своихъ зубовъ... А Флора? Дѣйствительно, щеки ея на мгновеніе покрылись яркимъ румянцемъ, а обычный самоувѣренный взглядъ, скользнувъ по лицу доктора, упалъ и остановился на травѣ, однако она, какъ всегда, по-товарищески, протянула ему руку... Кончики ея пальцевъ весьма не долго оставались въ рукѣ Брука, да ихъ и не удерживали, какъ и тогда, когда женихъ и невѣста поздоровались при Кэтѣ въ день ея пріѣзда. Молодая дѣвушка замѣтила, что лицо доктора было такое спокойное, что казалось почти окаменѣлымъ.

Флора, едва только вошла въ садъ, какъ уже насмѣшливо закачала головой, окинувъ съ ногъ до головы быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ младшую сестру; потомъ она обратилась къ коммерціи совѣтнику съ какимъ-то, очевидно, злостнымъ, колкимъ замѣчаніемъ... Но вотъ, когда красавица приблизилась къ Кэтѣ, эта послѣдняя замѣтила, какъ въ ея прищуренныхъ глазахъ сверкнуло нѣчто похожее на сдержанный гнѣвъ, даже что-то враждебное засвѣтилось въ нихъ.

— Ну, Кэта, да ты, кажется, успѣла ужь тутъ славно устроиться! воскликнула Флора. Ты держишь себя такъ, какъ будто тутъ ты дома, у себя, и уже носишь за поясомъ связку разныхъ ключей и ключиковъ!...

Молодая дѣвушка ничего не отвѣтила. Снявъ руку съ засова, она повернула къ сестрѣ лицо свое, такое серьезное, со строго-сжатыми губами. Неужели эта заносчивая особа не испугалась... не устыдилась при звукѣ собственнаго голоса—тутъ, на этомъ мѣстѣ?.. „Никогда больше не увидятъ меня здѣсь!" восклицала вчера Флора, а вонъ, теперь, она поставила ногу на первую ступеньку крыльца, намѣреваясь снова войти въ это „жалкое жилище, подавляющее своею нищенскою обстановкою".

Коммерціи совѣтникъ быстро подошелъ къ Кэтѣ и взялъ ее подъ руку.

— Сердишься на Флору, миленькая моя? Но вѣдь она пошутила... Ты преспокойно можешь примириться съ этимъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, ты прелестная хозяюшка!... Ты такъ была хороша посреди этихъ пестренькихъ курицъ, что хоть сейчасъ приглашай живописца—прямо на полотно тебя!.. Погоди, у тебя будетъ такой птичникъ, великолѣпнѣе котораго и вообразить нельзя.

Президентша, величественно всходившая теперь на крыльцо, вдругъ остановилась на мгновеніе, какъ бы задыхаясь, и обернулась, чтобъ окинуть презрительнымъ взглядомъ нѣжнаго опекуна... Голова ея слегка дрожала.

— Вздорный болтунъ! Какимъ былъ—такимъ остался и останется пошлымъ комми-вояжеромъ!.. пробормотала она съ горечью въ тонѣ, обращаясь къ Флорѣ, которая поторопилась поднести платокъ къ губамъ, чтобы не фыркнуть, не расхохотаться громко.

Кэта какъ-то невольно оставила свою руку на рукѣ опекуна. Она почти не слыхала, что говорилъ онъ ей, даже не замѣтила страннаго удивленія на лицѣ Брука, когда тотъ, безмолвный, неподвижный какъ статуя, стоялъ въ сторонѣ, чтобы дать имъ пройти... Молодая дѣвушка только и видѣла тонкую руку Флоры, зажимавшую ротъ платкомъ: рука эта, удивительно бѣлая, была въ черной ажурной полуперчаткѣ, что гармонировало съ костюмомъ красавицы; обнаженные пальчики казались еще изящнѣе, но... бриліантовыхъ колечекъ уже не было, за то „простое золотое колечко, давившее какъ желѣзный обручъ" подъ черною кружевною тканью слабо поблескивало на четвертомъ пальцѣ... Можетъ-ли это быть?!. Что за чудо!.. Вѣдь кольцо—*тамъ*, гдѣ шумятъ волны... Кэта вдругъ почувствовала, что она очутилась въ какомъ-то хаосѣ, какъ будто міръ вверхъ дномъ перевернулся... Ей казалось, что она уже не можетъ больше довѣрять ни глазамъ своимъ, ни ушамъ, хотя эти органы у нея совершенно здоровы...

— Это что же такое? спросила удивленно президентша, остановившись въ сѣняхъ и указывая на стоявшіе рядышкомъ кресла съ зелеными подушками. Она видимо была оскорблена. Брови ея были мрачно сдвинуты.

Генріэтта такъ настойчиво просила удалить все это изъ комнаты, что я долженъ быть исполнить ея желаніе, холодно-равнодушно отвѣтилъ Брукъ глухимъ голосомъ.

— И она совершенно права. Въ самомъ дѣлѣ, что за странная идея была у тебя (не сердись на меня, бабушка!) такъ загромоздить комнату больной, замѣтила Флора, пожавъ плечами. Бѣдняжка и безъ того сильно страдаетъ удушьемъ, а тутъ вдругъ—куча мягкой мебели!.. Ну, понятно, Генріэттѣ казалось, что она задохнется...

Съ языка бабушки чуть не сорвался жестокій, ѣдкій отвѣтъ, что легко было подмѣтить, но она сдержала себя, такъ какъ въ присутствіи доктора и служанки, стоявшей въ дверяхъ кухни, не хотѣла уязвить Флору. Генеральша, шурша платьемъ, молча прошла въ комнату больной. На порогѣ она слегка вздрогнула и отшатнулась: Генріэтта сидѣла на кровати, сильно подавшись туловищемъ впередъ; она была очень взволнована; ея широко-раскрытые, блестящіе глаза, устремленные на дверь, такъ горѣли, что президентша испугалась, полагая, что съ больной начинается лихорадочный припадокъ, однако, почтенная дама сейчасъ же успокоилась: внучка поздоровалась съ ней, какъ всегда, холодно-вѣжливо. Президентша замѣтила, что глаза Генріэтты обнаруживали страшное нетерпѣніе и были устремлены именно на Флору, которая въ эту минуту входила въ комнату.

Красавица-невѣста прямо подошла къ тетушкѣ-діаконицѣ (при появленіи гостей старушка встала) и такъ любезно, предупредительно подала ей руку, какъ будто хотѣла этимъ загладить вчерашнюю свою забывчивость, потомъ она приблизилась къ кровати.

— Ну, милочка, ты, какъ я слышала, чувствуешь себя отлично...

— А ты, Флора, какъ чувствуешь себя? живо спросила Генріэтта, едва сдерживая нетерпѣніе и разсѣянно подавая руку подошедшему къ ней коммерціи совѣтнику.

Флора съ трудомъ подавила насмѣшливую улыбку.

— Какъ я себя чувствую?.. Да такъ себѣ... сносно. Вчерашняя тревога, конечно, еще до сихъ поръ отзывается на моихъ нервахъ, но у меня есть настолько воли, самообладанія, чтобы казаться спокойной. Правда, вчера на душѣ у меня было очень скверно. Я была почти больна и, кажется, вслѣдствіе нервнаго раздраженія, походила на полупомѣшанную... По крайней мѣрѣ, ничего я не помню, не могу дать себѣ яснаго отчета въ томъ, что дѣлала потомъ, что говорила .. Да и неудивительно! Положеніе мое въ лѣсу было самое критическое.

— Ну, не *самое*, раздражительно замѣтила Генріэтта:—вѣдь съ тобой была Кэта.. Припомни-ка!..

Коммерціи совѣтникъ, желая прекратить такой разговоръ, заговорилъ объ удивительномъ счастьи своей питомицы.

— Твоя доля прибыли, которая получится теперь, благодаря новой счастливой аферѣ—просто—громадна!..

При этихъ словахъ глаза президентши, обыкновенно полуоткрытые, такъ сказать аристократически-утомленные, вдругъ расширились... Словечко „прибыль" даже зажгло въ нихъ алчный огонекъ... Такъ ярко они не горѣли, можетъ быть, никогда въ годы молодости, когда красота ея желала побѣдъ.

— Громадна? повторила она, порывисто дыша... Значитъ, мои акціи не такъ прибыльны... Я сейчасъ же продамъ ихъ и приму участіе въ новомъ предпріятіи.

— Что-жь, устроить это весьма легко, дражайшая бабушка. Извольте, я сегодня же распоряжусь надлежащимъ образомъ вашими акціями. Ну, какъ не сказать, что простой народъ совершенно вѣрно говоритъ: „Ужь гдѣ завелись голуби, туда и другіе голуби прилетятъ"... Никогда изреченіе это не было такъ правдиво, какъ въ наше удивительное время!.. Да-съ, капиталистъ—это, такъ сказать, нѣкая скала, къ которой волны прибиваютъ все новыя и новыя сокровища...

— Въ глазахъ людей солидно-разумныхъ это не такъ, Морицъ, заговорилъ д-ръ Брукъ, который еще раньше подошелъ къ Генріэттѣ и, взявъ ея руку, нѣжно успокоивалъ больную. Онъ и теперь стоялъ у кровати, такой серьезный, даже важный, еще во фракѣ и пальто; лѣвая рука была въ перчаткѣ. Кэта замѣтила, что прекрасное лицо его, обращенное теперь къ присутствующимъ, особенно рѣзко выражало то самое страданіе, которое она въ первый разъ сегодня увидѣла на немъ.

— Давно уже стали недовѣрчиво посматривать на это, продолжалъ докторъ, и легкую наживу, наживу безъ труда, начинаютъ теперь обозначать весьма жесткимъ словомъ...

— Прожектерствомъ—хочешь ты сказать? весело подхватилъ коммерціи совѣтникъ.—Любезнѣйшій докторъ, тебя и твои познанія я уважаю, отдаю тебѣ полную справедливость, но въ дѣлахъ коммерческихъ ужь предоставь судить *мнѣ*! Ты—отличный врачъ, ты прославился, имя твое стало знаменитымъ.

Генріэтта вдругъ приподнялась и, задыхаясь, какъ будто ее душило чувство побѣды, торжества, рѣзко спросила:

— Знаешь ты объ этомъ, Флора?..

— Ну, конечно, знаю, дурочка! Знаю все, хотя г. докторъ до сихъ поръ находилъ, что не зачѣмъ трудиться сообщать лично мнѣ о своей счастливой практикѣ въ Л*. (Флора проговорила эти слова такъ просто, развязно, причемъ глаза ея, встрѣтившись съ глазами сестры, бросили ей дерзкій вызовъ). Мнѣ также извѣстно, что фюрстъ щедро осыпалъ его своими милостями, такъ щедро, какъ еще никого... Конечно, все это пока придворная, государственная тайна... До поры до времени даже невѣста не должно знать объ этомъ!..

Обворожительная, плутовская улыбочка заиграла на губахъ Флоры, обнаруживъ блестящіе, острые зубки; легкій румянецъ, вдругъ покрывшій ея щеки, очень шелъ къ ней.

Генріэтта, ощутивъ горькое разочарованіе, опустила голову на подушку... Да, она даже ошиблось въ ней, въ этой женщинѣ съ душой хамелеона!

Президентша, находясь возлѣ Брука, потрепала его по плечу какъ-то нѣжно-вкрадчиво До сихъ поръ она никогда не обращалась съ нимъ подобнымъ образомъ, т. е. такъ по-родственному.

— Неужели и теперь намъ нельзя узнать всѣхъ подробностей? Развѣ дѣло это не рѣшено еще? ласково спросила она своимъ пріятнымъ голосомъ.

— Онъ—прямо отъ фюрста, сказала тетушка, не отрывая отъ племянника своего сіявшаго гордостью взгляда.

— А-а, слѣдовательно, отставка г. ф.-Бера — совершившійся уже фактъ? .

Почтенная дама сдѣлала этотъ вопросъ аристократически-равнодушнымъ тономъ, однако—притаила дыханіе.

— Этого не знаю, да это меня и не интересуетъ, совершенно спокойно отвѣтилъ докторъ. Фюрстъ желаетъ, чтобы я—пока я еще тутъ—принялъ на себя лѣченіе его ноги, которая уже много лѣтъ безпокоитъ его...

— Пока ты еще тутъ, Брукъ?! порывисто живо проговорила Флора.. Развѣ ты намѣренъ уѣхать?..

— Въ началѣ октября я переѣду въ Л—гъ.

Холодно отвѣтилъ онъ, даже не взглянулъ на нее; глаза его были устремлены на зеленыя вѣтви яблони, стоявшей передъ окномъ.

— Какъ! Вы, значитъ, отказались отъ званія.. мѣста при нашемъ дворѣ? воскликнула генеральша, всплеснувъ руками—такъ ее смутило, поразило это обстоятельство.

— Нѣтъ, званіе остается при мнѣ (чуть замѣтная улыбка мелькнула на его губахъ), такъ какъ serenissimus не можетъ же допустить, чтобы его лѣчилъ безчиновный врачъ: это не согласовалось бы съ этикетомъ... Поэтому онъ настаиваетъ на томъ, чтобы сдѣлать меня гофратомъ.

Тутъ произошла трогательная сцена: тетушка, не вытерпѣвъ, протянула руку племяннику, а племянникъ, всегда такой сдержанный, обнялъ старушку и крѣпко, горячо прижалъ ее къ своей груди.. Да, много вынесли они, мужественно борясь, много горечи испытали! Не дешево достались имъ эти минуты счастья... Ничего общаго, казалось, не было *теперь* между ними и тѣми, которые были тутъ-же, въ комнатѣ.

Флора отвернулась и тихими шагами подошла къ окну. Она чуть не до крови кусала себѣ нижнюю губу... Видно было, что у нея чесались руки—оттолкнуть отъ *него* эту вѣрную, любящую женщину, столкнуть ее съ мѣста, которое она, вѣроломная невѣста, безвозвратно потеряла...

— Онъ уѣзжаетъ, тетушка, проговорила Генріэтта хриплымъ, беззвучнымъ голосомъ...

— Да, онъ идетъ навстрѣчу своему счастью, отвѣтила старушка и, улыбаясь сквозь слезы, подняла голову съ его плеча... Что-жь, я охотно останусь тутъ, у этого очага, даннаго мнѣ сыновнею любовью, если буду знать, что *его* тамъ уважаютъ, почитаютъ, что самъ онъ счастливъ, имѣя возможность удовлетворить своему великому призванію... И безъ того скоро я буду для него лишней — *другая* будетъ заботиться о немъ, она и займетъ мое мѣсто...

Голосъ тетушки уже больше не звучалъ нѣжно: она говорила теперь твердымъ, серьезнымъ тономъ, а глаза ея, обыкновенно такіе кроткіе, почти строго смотрѣли на красивую фигуру дѣвушки, стоявшей у окна.

— Одаренная богатымъ умомъ, она, конечно, съумѣетъ (продолжала старушка) яснѣе, лучше, чѣмъ я, понять, оцѣнить святость его призванія, а въ минуты тяжелой невзгоды (ихъ много бываетъ въ жизни врача) обнаружить болѣе теплое сочувствіе... Поэтому она навѣрно устроитъ ему такой очагъ, у котораго, независимо отъ внѣшнихъ условій, обстоятельствъ, онъ всегда найдетъ тихую радость, отдыхъ, словомъ прелести *всегда*-согласной, задушевной семейной жизни.

Тетушка сдѣлала удареніе на словѣ „всегда“, и это дало Кэтѣ ясно понять, что старушка очень хорошо замѣтила вчера, какъ Флора некрасиво вела себя—вѣроятно вслѣдствіе каприза.

— Все это прекрасно, любезная моя г-жа діаконица, и я нисколько не сомнѣваюсь, что изъ Флоры выйдетъ весьма солидная профессорша, холодно заговорила президентша (ее видимо раздражилъ тонъ рѣчи простой женщины, вдовы діакона, которая, хотя и осторожно, дерзнула прочесть нравоученіе ея внучкѣ), но для пріятной семейной жизни въ наше время требуется еще кое-что, напр., комфортабельное помѣщеніе, приличная обстановка... Ахъ, вотъ это послѣднее обстоятельство сильно озабочиваетъ меня теперь!.. Полчаса тому назадъ, не больше, я имѣла пренепріятное объясненіе съ мебельнымъ фабрикантомъ... Онъ вдругъ началъ увѣрять (ужъ почему—не знаю), что положительно не можетъ доставить къ Троицыну дню „булевскую“ мебель!.. А вѣдь она давно была заказана ему для салона Флоры. И сама Флора крупно поговорила съ содержательницей магазина бѣлья: эта барыня баснословно медлитъ, да еще объявляетъ, что все приданое будетъ готово не ранѣе первыхъ чиселъ іюля... Ну, что намъ дѣлать?...

— Подождемъ, отвѣтилъ Брукъ, по обыкновенію избѣгая многословія, и взялъ шляпу и палку, чтобы отнести ихъ въ свою комнату.

Президентша слегка вздрогнула; отвѣтъ этотъ озадачилъ ее... На лицѣ ея даже была видна какая-то боязнь, но она быстро оправилась, овладѣла собой и, снова похлопавъ Брука по плечу, произнесла:

— Вотъ это похвально, милѣйшій докторъ! Вы сами пожелали вывести насъ изъ мучительнаго затрудненія, а я ужь думала, что вы сейчасъ станете (и, конечно, справедливо) настаивать на своемъ... Право, этотъ Троицынъ день сталъ даже пугать меня... почти какъ грозный призракъ! Вы вѣдь не допускали никакой отсрочки...

— Это совершенно вѣрно, но такъ какъ я переѣзжаю въ Л—гъ, то, по необходимости, не могу уже по прежнему настаивать, отвѣтилъ Брукъ и спокойно вышелъ изъ комнаты.

— Ну, а какъ невѣста думаетъ объ этомъ? спросила тетушка не совсѣмъ твердымъ голосомъ. Ее видимо удивилъ дѣловой тонъ племянника, его хладнокровное спокойствіе и то, что присутствующіе какъ-то вдругъ, въ смущеніи, замолчали.

Флора повернула къ ней свое личико, сіявшее веселостью.

— Отсрочка эта мнѣ весьма пріятна въ томъ отношеніи, что я могу теперь лучше приготовиться: вѣдь мое будущее положеніе въ свѣтѣ такъ вдругъ круто измѣнилось! Тутъ нужно собраться съ мыслями, все обдумать... Боже мой, вышла вѣдь такая громадная разница! Отъ жены университетскаго профессора, съ громкимъ именемъ, свѣтъ требуетъ гораздо больше, чѣмъ отъ простой докторши, хотя бы мужъ ея былъ и гофратомъ, и лейбъ-медикомъ фюрста.

Какимъ неизъяснимымъ высокомѣріемъ вѣяло отъ этого нѣжнаго, стройнаго существа! Въ каждомъ словѣ звучали скрытая радость и торжество, сдерживаемое съ трудомъ... Теперь Флора была у цѣли своихъ страстныхъ желаній.

Коммерціи совѣтникъ потиралъ руки отъ удовольствія. Онъ готовъ былъ неудержимо, звонко расхохотаться, прямо глядя ей въ глаза. Что касается генеральши, то она, какъ кажется, боролась съ какимъ-то пренепріятнымъ чувствомъ... Теперь, пожалуй, внучка вообразитъ, что, сдѣлавшись женой знаменитаго профессора, она поднимется на нѣсколько ступеней выше даже своей бабушки—высокопоставленной вдовы президента!..

— Въ какія это сферы забираешься ты? О чемъ мечтаешь, Флора? наконецъ промолвила она, сердито, неодобрительно качая головой.

По дорогѣ въ школу. Картина Жанны Боль, грав. Ст. Паннемакеръ сынъ.

— Мечтаю я о моей блестящей будущности, бабушка!

Внучка шаловливо улыбалась, но улыбка эта была злая... Затѣмъ Флора такъ краснорѣчиво повернулась спиной къ президентшѣ, какъ будто хотѣла дать понять, что уже окончательно порѣшила съ непріятнымъ прошлымъ и не желала, чтобы ей напоминали о быломъ ни единымъ словомъ.

— Ну-съ, любезная тетушка, теперь я отдаю себя въ ваше полное распоряженіе, обратилась Флора къ старушкѣ, которая умнымъ, пытливымъ взоромъ слѣдила за малѣйшимъ движеніемъ прекрасной невѣсты:— дѣлайте со мной что вамъ угодно! Я заранѣе подчиняюсь всему, только укажите средства, какъ сдѣлать мнѣ Лео счастливымъ?.. Я готова шить, стряпать...

Тутъ она быстро сдернула полуперчатку, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ намѣревалась сейчасъ-же отправиться въ кухню...

— Ахъ! вскрикнула Флора въ испугѣ и задвигала пальцами протянутой руки, какъ-бы ловя что-то въ воздухѣ: „простое золотое колечко“ слетѣло съ ея пальца, когда она сдергивала перчатку, и никто не слыхалъ, чтобы оно звякнуло на полу. Начали искать, но—тщетно, точно воздухъ поглотилъ его.

— Оно навѣрно гдѣ нибудь въ твоихъ подушкахъ, Генріэтта! жалобно воскликнула старшая сестра. Лицо ея было совсѣмъ блѣдно... Позволь поднять тебя на минутку... поискать, посмотрѣть...

— Я не могу этого допустить, рѣшительно объявила тетушка, нельзя безпокоить больную и безъ нужды заставлять ее перемѣнять положеніе. Она такъ удобно лежитъ.

— Безъ нужды?.. повторила Флора тономъ упрека и надулась, какъ дитя. Вѣдь это мое обручальное кольцо, тетушка!..

Кэта вздрогнула при этихъ словахъ... Да неужели Флора въ самомъ дѣлѣ была такимъ баловнемъ счастья, что ради нея даже чудеса являются: невидимая рука возвращаетъ ей исчезнувшее въ волнахъ кольцо?... Или это дерзкая ложь, нахальный обманъ съ ея стороны?... Молодая дѣвушка напрасно старалась прочесть истину въ боязливо-блуждавшихъ глазахъ этого сфинкса.

— Конечно, случай непріятный, замѣтила тетушка-діаконица, но кольцо не можетъ совсѣмъ затеряться. Нынче-же вечеромъ, укладывая Генріэтту спать, мы найдемъ его, и служанка моя тотчасъ-же отнесетъ кольцо на виллу.

— О, я по княжески награжу ее! Я дамъ ей полную горсть золота, если она принесетъ мнѣ его сегодня-же вечеромъ.

Флорой овладѣло мучительное безпокойство; видно было, что ей стóило не малаго труда покориться необходимости и терпѣливо ждать вечера.

Президентша и коммерціи совѣтникъ пододвинули теперь стулья поближе къ кровати. Больная никакого участія не принимала въ разговорѣ, лежала смирно, только разъ бѣлокурая ея голова вдругъ отдѣлилась отъ подушки и горькая усмѣшка слегка скривила губы, которыя уже открылись — но ни одного слова не вылетѣло... Это было именно тогда, когда бабушка стала наивно увѣрять, что не понимаетъ, по какой причинѣ мебельный фабрикантъ такъ медлитъ доставкою мебели?... Генріэттѣ хотѣлось тутъ крикнуть: „По той причинѣ, что вы вѣдь почти отказались отъ этого заказа!“.. но она спохватилась, вспомнивъ, что съ этого дня ни однимъ словомъ не слѣдуетъ напоминать о прошломъ.

XVII.

Тетушка отправилась приготовлять дессертъ. Кэта послѣдовала за ней. Чувство омерзѣнія, отвращенія заставило ее выйти изъ комнаты, гдѣ только что была розыграна самая возмутительная комедія. Молодая дѣвушка попросила тетушку предоставить сегодня ей трудъ приготовленія дессерта; старушка охотно согласилась и передала Кэтѣ связку ключей.

— Вотъ, милое, милое мое дитя, моя неизмѣнная, честная душа, Кэта! проговорила она такимъ нѣжнымъ, дрожащимъ голосомъ, какъ будто старалась удержать глубокій вздохъ, и, обнявъ станъ молодой дѣвушки, нѣжно-любовно прижалась къ ней... Мнѣ такъ сладко-спокойно, когда я вижу ваше открытое, свѣжее личико!.. Какъ посмотрю на него—сейчасъ и вспомню о любимой Кэтѣ Лютера, этой мужественной женщинѣ, которая рука объ руку съ борцемъ храбро шла впередъ!...

Тутъ тетушка не выдержала и тяжело вздохнула— такъ крѣпко была она чѣмъ-то озабочена.. Сильно-покраснѣвшую молодую дѣвушку старушка выпустила изъ объятій и сейчасъ-же вернулась въ комнату больной.

Кэта достала изъ кладовой банку съ кофе и захватила также корзинку съ печеньемъ, изготовленнымъ ради этого дня. Добрая служанка въ это время подкладывало дрова подъ котелокъ съ водой. Вытеревъ хрустальную дессертную тарелку, молодая дѣвушка принялась нарѣзывать печенье и раскладывать ломтики. Кто-то вышелъ изъ комнаты больной, — она слышала это, потому что кухонная дверь была только притворена... Черезъ широкую щель Кэта увидѣла Флору, вышедшую въ сѣни.

Прекрасная невѣста робко озиралась и, какъ видно растерялась, не зная куда идти, такъ какъ ей расположеніе комнатъ въ „трущобѣ“ было совершенно незнакомо, но сіяніе этихъ блуждающихъ глазъ, казалось, словно магнитъ, притягивало сюда доктора: онъ какъ разъ въ эту минуту вышелъ изъ тетушкиной комнаты.

Флора ринулась навстрѣчу ему съ распростертыми объятіями. Длинный темный шлейфъ зашуршалъ по полу, а концы черной вуали, на подобіе развѣвающихся прядей волосъ, волновались за ея плечами. Рукава платья, отдѣланные широкимъ кружевомъ, завернулись, обнаживъ бѣлыя, тоненькія, почти дѣтскія, руки: эти руки и матово блѣдное лицо Флоры напоминали одну изъ тѣхъ призрачныхъ красавицъ, которыя (какъ разсказывается въ народныхъ легендахъ) выходятъ изъ гроба и, бросаясь на любое цвѣтущее, молодое существо, убиваютъ его...

— Лео! ясно прозвучало въ сѣняхъ, но такъ нѣжно, мелодично, какъ будто слово это вылетѣло изъ устъ самого зефира.

Кэта стала прислушиваться, затаивъ дыханіе. Она была потрясена до мозга костей. Неужели въ самомъ дѣлѣ это голосъ Флоры—такой нѣжный, сладкій?.. Неужели это та-же самая женщина, которая способна заговорить рѣзко, грубо и такъ ядовито улыбаться?.. Молодая дѣвушка потупила глаза, она не хотѣла смотрѣть туда... Ножъ дрожалъ въ ея рукѣ. Слѣдовало-бы плотнѣе припереть дверь, чтобы совсѣмъ ничего не видѣть, да и самой не быть замѣченной, но—странное дѣло! у Кэты не хватило на это мужества, она не могла двинуться съ мѣста..

А въ сѣняхъ было тихо, но никто не уходилъ оттуда.

— Лео, погляди на меня! громче проговорила Флора. Въ голосѣ ея слышалось почти мольба и что то повелительное... Зачѣмъ эта пытка? Вѣдь твое собственное сердце противъ этого... Знаю я—ты мужественно подавляешь въ себѣ чистое, самое святое чувство, тебѣ это больно, но ты хочешь казаться жесткимъ, суровымъ, чтобы покарать меня!... И за что? За то, что я вчера почти обезумѣла отъ волненія, не знала, что говорила, что дѣлала... Лео, вѣдь жизнь моя принадлежитъ тебѣ—и жизнь эта была въ опасности!.. Кровь кипѣла во мнѣ, а... ты еще раздражилъ меня...

Кэта невольно подняла голову — возлѣ нея стояла кухарка. Эта добрая толстая женщина широко улыбалась; ей, должно быть, было пріятно и забавно видѣть

и слышать, какъ вонъ та прекрасная дама въ сѣняхъ принуждена въ чемъ-то извиняться... Это заставило молодую дѣвушку встрепенуться: схвативъ тарелку съ печеньемъ, она смѣло, рѣшительно вошла въ сѣни. Ей удалось еще увидѣть такую сцену: Брукъ стоялъ неподвижно, скрестивъ руки на груди и отвернувъ лицо отъ Флоры. Онъ смотрѣлъ куда-то вдаль чрезъ отворенную наружную дверь. Загорѣлыя щеки его были совсѣмъ блѣдны, а зубы ожесточенно, крѣпко стиснуты... Флора почти висѣла у него на шеѣ; эта мрачная фигура льнула къ нему нѣжно, горячо, какъ льнетъ къ своей жертвѣ сказочный вампиръ кровопіецъ. Когда дверь съ шумомъ распахнулась и Кэта, съ тарелкой въ рукѣ, появилась на порогѣ—докторъ вздрогнулъ, и въ то-же мгновеніе его робко-блуждающій взглядъ встрѣтился съ глазами Кэты... Брукъ такъ сильно вздрогнулъ, какъ будто его поймали на самомъ ужасномъ преступленіи. Флора удивленно оглянулась, повернувъ только голову; прекрасныя руки ея, крѣпко обвивавшія шею жениха, не опустились, остались тамъ-же.

— Ахъ, Господи! Да вѣдь это, Лео, *только* Кэта! проговорила она, и еще крѣпче прижалась головою къ его груди.

Молодая дѣвушка почти пробѣжала черезъ сѣни и скрылась въ комнатѣ больной. Но какъ постукивало ея сердце отъ испуга и стыдливаго смущенія,—она вѣдь помѣшала любовной сценѣ à la Romeo и Юлія... Дрожащими руками Кэта поставила тарелку на столъ и, по просьбѣ Генріэтты, опасавшейся нападенія своихъ пернатыхъ любимцевъ на принесенныя лакомства и сахаръ, заманила въ клѣтку порхавшихъ по комнатѣ канареекъ. Запирая дверцу птичьей тюрьмы, она вдругъ увидѣла въ клѣткѣ, на бѣломъ пескѣ, золотое колечко, слетѣвшее съ пальца Флоры... Но странно, какъ это кольцо пролетѣло туда, не задѣвъ ни за одинъ изъ мѣдныхъ прутьевъ клѣтки?..

Кэта достала колечко и опустила его въ карманъ. Теперь ей нужно было-бы снова уйти и заняться приготовленіемъ кофе, но она почти дрожала отъ страха и отвращенія, желая провалиться въ преисподнюю... По неволѣ пришлось заняться канарейками и слушать, какъ президентша разсказывала тетушкѣ о приданомъ Флоры и о томъ, что слѣдуетъ еще закупить на случай переѣздки новобрачныхъ въ Л—гъ. При этомъ генеральша давала чувствовать, что знаменитый племянникъ діаконицы вступаетъ въ бракъ съ принцессой—въ лицѣ прекрасной дочери банкира.

Въ эту минуту Брукъ вошелъ въ комнату. Кэта вздохнула свободнѣе и, не взглянувъ на него, сейчасъ-же вышла. Въ сѣняхъ никого не было. Флора, вѣроятно, отправилась въ садъ... Въ кухнѣ скрипѣла кофейная мельница—не этотъ-ли скрипъ заставилъ Флору такъ скоро положить конецъ сценѣ примиренія? Кэта не думала, чтобы помѣхой была именно она. — Когда кофе былъ готовъ, и служанка, надѣвъ чистый передникъ, взяла подносъ, чтобъ отнести кофейный сервизъ въ комнату больной, Кэта подошла къ окну и, вынувъ колечко изъ кармана начала разсматривать его... Сердце ея сильно билось... На внутренней сторонѣ кольца было вырѣзано: „Э. М. 1843“—Эрнстъ Мангольдъ... Слѣдовательно, въ рукахъ у нея—обручальное кольцо матери Флоры. Такая безграничная безшабашность старшей сестры при желаніи ея ловко выпутаться изъ затруднительнаго положенія, устранить всякія сомнѣнія—совершенно поразили Кэту... Значитъ, Флора была одною изъ тѣхъ женщинъ, которыя не растеряются никогда и не передъ чѣмъ не остановятся! И это—сестра ея, передъ превосходствомъ ума и характера которой такъ смиренно преклонялось ея юное сердце!.. Эту маленькую, скромную эмблему супружеской вѣрности кроткосердечная мать Флоры носила до самой своей смерти—и вотъ теперь колечко это осквернено родною ея дочерью—комедіанткой!.. Оно жгло пальцы Кэты; молодой дѣвушкѣ очень хотѣлось куда нибудь забросить его, такъ чтобы никогда никому оно и на глаза не попалось... Но—колечко, по праву наслѣдства, принадлежало и принадлежитъ Флорѣ, слѣдовательно и должно быть возвращено ей.

Кэта немедленно оставила кухню и вышла на крыльцо. Тамъ, у шпалеры, стояла Флора и глядѣла вдаль, скрестивъ руки на груди. Ея бѣлокурые волосы подъ кружевною вуалью, освѣщенные солнцемъ, блестѣли, какъ золото. Дворовая собака заливалась злобнымъ лаемъ, негодуя на безмолвную незнакомую ей фигуру, а куры робко бродили около шлейфа, растянувшагося темною полосой на лужайкѣ.

Собака такъ шумѣла, что шаговъ Кэты не было слышно, а потому Флора только тогда замѣтила младшую свою сестру, когда та близко подошла къ ней, и быстро обернулась. Нѣжное лицо красавицы было покрыто красноватыми пятнами: очевидно, она была взволнована и находилась въ сквернѣйшемъ настроеніи, а теперь брови ея сдвинулись еще суровѣе, въ глазахъ сверкали молніи вспыхнувшаго гнѣва.

— Опять! Ты ужъ здѣсь.... Явилась, какъ неизбѣжная Deus ex machina?... Но какая ты безтактная;—разлетѣлась тогда въ сѣни!

Флора заговорила такимъ тономъ, какъ будто передъ ней стояла не взрослая дѣвушка, а шалунья—сестренка которую не мѣшаетъ иногда познакомить съ розгой.

(Продолженіе будетъ)

По дорогѣ въ школу.

(Картина Жанны Боль).

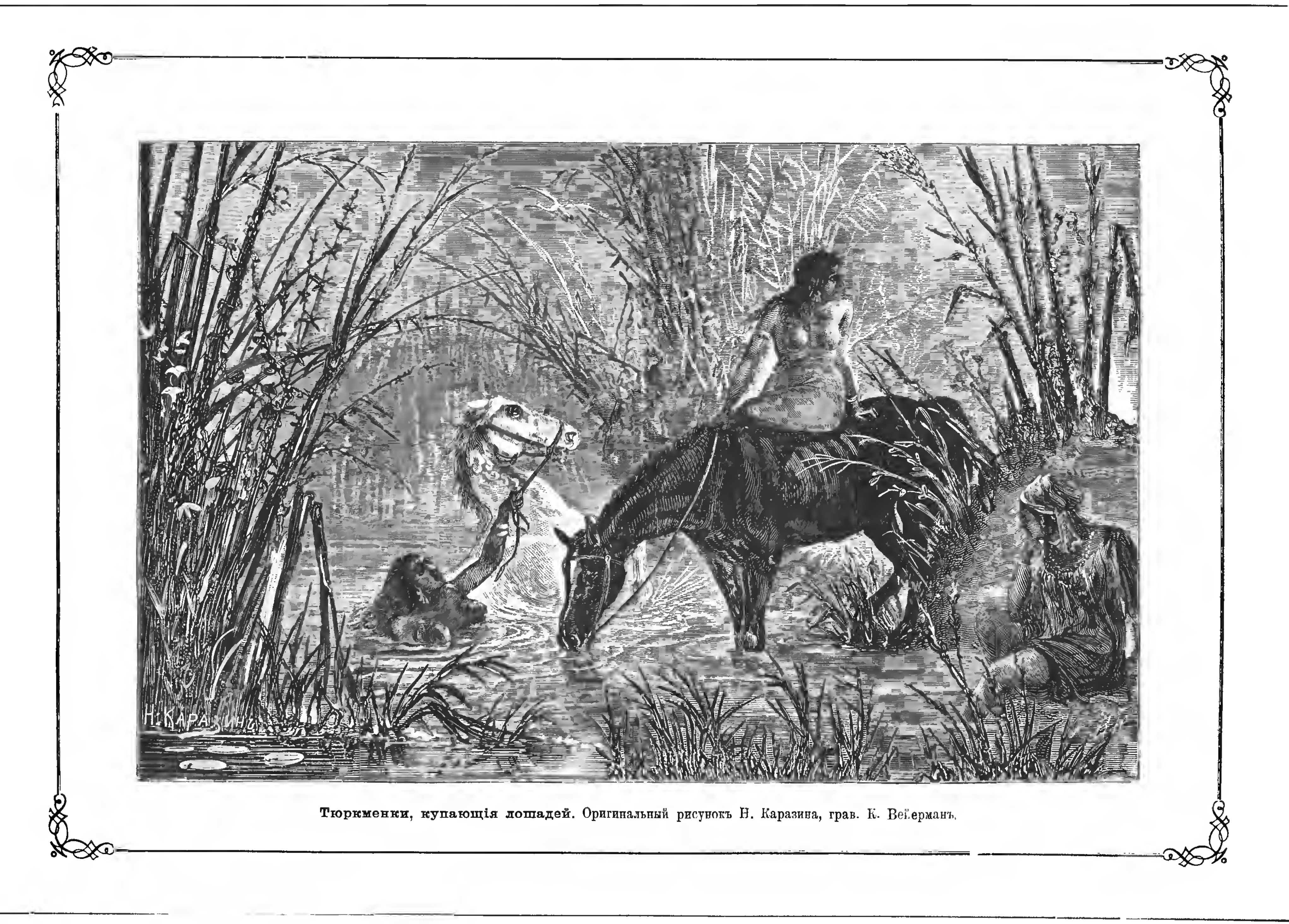
Дѣвочка идетъ въ школу — вотъ и весь сюжетъ этой простенькой, но удивительно изящной картинки! Первое основное требованіе искусства есть правда, простота и ясность въ сюжетѣ и въ его выполненіи. Припомните то или другое изъ произведеній, привлекшихъ когда либо ваше вниманіе, и анализируйте ваше чувство въ отношеніи къ нему, — и вы прежде всего замѣтите, что это произведеніе привлекло васъ непремѣнно правдой, простотой и ясностію сюжета. Такъ равно въ сюжетахъ многосложныхъ, полныхъ различныхъ подробностей и въ обстановкѣ сюжета и во взаимныхъ положеніяхъ лицъ,—и въ такихъ произведеніяхъ всегда вы замѣтите непремѣнно прежде всего то, что въ нихъ болѣе выдается своей ясностію, простотой и правдой. Безъ этого условія достоинство художественнаго произведенія не мыслимо, и если вы припомните какое либо изъ замѣчательныхъ классическихъ произведеній, выдающихся въ области искусства, въ живописи-ли, въ музыкѣ-ли или въ литературѣ вы постоянно замѣтите, что оно необыкновенно естественно, ясно и полно правды. Глубокіе художники всегда умѣютъ постигать ту великую истину, что все фигурное, искусственное, удовлетворяющее временнымъ интересамъ и симпатіямъ общества—суть скоропроходящее. Вѣчна только одна правда, и въ чемъ бы она не проявлялась, въ обыденныхъ-ли поступкахъ людей, въ результатахъ-ли ихъ высшей духовной дѣятельности, — она вездѣ блещетъ красотою, ибо красота не мыслима безъ правды.

Всѣ эти мысли навѣяла на насъ маленькая картинка Жанны Боль (M-lle Jeanne Bôle). Въ самомъ дѣлѣ, поглядите: сколько чисто-женственной граціи въ позѣ этой хорошенькой школьной ученицы! Она слегка приподняла свое платьице, хотя обѣ руки ея заняты, и кокетливо-серьезно посматриваетъ по сторонамъ, сложивъ губы сердечкомъ... Еще-бы! Ножки у нея такія стройныя, да и сама-то она развѣ не миленькая и не—паинька? Да, вотъ. пусть всякій видитъ: идетъ она по грязной дорогѣ въ школу, идетъ туда учиться, ума набираться. Книжка изъ корзинки торчитъ, книжка толстая, серьезная... Что-жъ! она не боится никакой книжки, потому что бабушка разсказала ей сказку о свѣтѣ и потемкахъ, закончивъ свое повѣствованіе словами: «ученье—свѣтъ, не ученье—тьма».

Рыба телескопъ.

На прилагаемомъ рисункѣ мы видимъ оригинальную, и въ высшей степени безобразную рыбу телескопъ съ раздутымъ, какъ пузырь, тѣломъ и огромными выпученными глазами, имѣющими по наружному виду большое сходство съ выпуклыми стеклами биноклей и другихъ оптическихъ приборовъ. Вотъ причина, почему рыбѣ этой, по своеобразному устройству глазъ ея, дано названіе рыбы телескопа. Водится она въ водахъ Китая и принадлежитъ къ породѣ карповъ. Заведя рѣчь объ этой китайской диковинкѣ, нельзя не остановиться и на самихъ китайцахъ, на ихъ оригинальностяхъ и странностяхъ. Искусство побѣждать и видоизмѣнять природу въ органическихъ субъектахъ—растеніяхъ и животныхъ, не исключая и людей, издавна составляетъ отличительную черту китайцевъ. Кому не извѣстна старинная и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени оригинальная мода аристократическаго круга дѣлать ногу женщины, ради красоты, неимовѣрно малою, при чемъ отецъ и мать новорожденной дѣвочки, принимаютъ всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, чтобы какъ можно скорѣе завернуть ножки ребенка въ листовой свинецъ, который уже и не развертывается до совершеннолѣтія. Такимъ образомъ, нога, сдавленная свинцомъ, лишается способности рости и въ концѣ концовъ дѣвушка дѣлается вовсе не красавицею, а просто жалкимъ уродомъ, потому что, вмѣсто соразмѣрныхъ тѣлу ногъ, она стоитъ на какихъ то подставкахъ или копытахъ и не имѣетъ возможности ходить, ежеминутно теряя равновѣсіе. Но Китайцы не ограничились ножками своихъ красавицъ и перенесли свое оригинальное искусство на деревья, цвѣты и вообще растенія, а также и на животныхъ. Не говоря уже о томъ, что Китайцы прославились какъ искуснѣйшіе садовники во всемъ свѣтѣ, они отличаются еще своеобразнымъ умѣньемъ видоизмѣнять растительныя породы прививкою однихъ растеній къ другимъ и, соединяя такимъ образомъ разнородные соки, достигли особенныхъ цвѣтовъ и плодовъ. Такъ нѣжная дочь Персіи роза, хотя и бываетъ различна по разнообразію мѣстностей, въ которыхъ мы ее встрѣчаемъ, все таки можетъ быть узнана и признана за розу, какъ по запаху, такъ и по очертанію листьевъ и отчасти по цвѣту, но роза китайская—дѣло другое. Садовники Небесной Имперіи съумѣли такъ видоизмѣнить индійскій шиповникъ, что сдѣлали его въ теченіе вѣковъ растеніемъ неузнаваемымъ, хотя весьма красивымъ и весьма употребительнымъ. Подобно шиповнику, они видоизмѣнили даже могучій дубъ, давъ ему искусственнымъ образомъ маніатюрные размѣры дѣтской игрушки. Но искусство состоитъ именно въ томъ, что эти маніатюрные дубы живутъ долго, цвѣтутъ и красуются также своею зеленью, какъ и обыкновенные дубы, лишь высота ихъ не восходитъ болѣе двухъ аршинъ и листья пропорціональны стволу, то есть маленькіе, рѣзные, какъ бы кружевные. Мы можемъ представить въ примѣръ нѣсколько такихъ маніатюрныхъ дубовъ въ Царскосельскомъ дворцомъ саду, въ Гамбургскомъ ботаническомъ саду и въ Парижскомъ Jardin des plantes, куда привезены въ прошломъ 1875 году китайскимъ посольствомъ въ подарокъ французской республикѣ. Когда китайцамъ удалась попытка надъ ножками и надъ различными растеніями, они позаботились явить свое искусство и на животныхъ. Изображеніе крылатыхъ драконовъ и разныхъ зубастыхъ чудовищъ на китайскихъ картинкахъ ясно обнаруживаетъ ихъ вкусъ ко всему сверхъестественному, чудесному

Рыба телескопъ.

Тюркменки, купающія лошадей. Оригинальный рисунокъ Н. Каразина, грав. К. Вейерманъ.

и страшному, но все таки китайцы понимали всегда и сами, что всѣ эти страшилища, изображенныя на ширмахъ, на стеклахъ, подносахъ, обояхъ, матеріяхъ и т. п. не болѣе, какъ плодъ ихъ экзальтированной фантазіи, поэтому имъ хотѣлось добиться до умѣнья создать живого фантастическаго урода или чудовище. И они добились на самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, поймавъ случайно въ высшей степени уродливую рыбу, какъ по строенію тѣла, такъ головы и особенно глазъ, китайцы сохраняли ее долго, какъ драгоцѣнное сокровище, пока не удалось подъискать къ пойманному экземпляру такой же уродливой самки. Приплодъ отъ этой пары далъ цѣлое новое поколѣніе рыбъ уродовъ, которое явилось такимъ образомъ въ рѣчныхъ водахъ Китая какимъ то особымъ семействомъ рыбъ, поражающимъ зрителя необыкновенностію своего вида и неуклюжестію формъ, особенно стекловиднымъ строеніемъ глазъ, напоминающимъ оптическіе бинокли, лупы и другіе зрительные приборы. Повторяемъ, что эта баснословная рыба явилась изъ породы весьма обыкновенныхъ золотистыхъ китайскихъ карповъ. Тѣло этой химерной рыбы почти круглое хвостъ и плавники двойные и притомъ, къ удивленію, такъ сильно развиты и, хотя срослись, но такъ хорошо приспособлены къ плаванію, что рыба телескопъ совершаетъ всѣ плавательныя эволюціи свои съ необыкновенною легкостію и скоростію, не взирая на свою почти шарообразную форму, мало пріятствующую плаванію. Самые уродливые глаза ея, вмѣсто помѣхи зрѣнію, расположившись фантастическими слоями зрительныхъ стеколъ, дали этой рыбѣ самое обширное поле зрѣнія и она видитъ или чрезвычайно далеко, такъ въ этомъ значеніи имя телескопа, какъ нельзя болѣе прилично этому необыкновенному существу. Не взирая на всю уродливость по сложенію и виду вообще, она не утратила красоты яркаго золотого и серебрянаго металлическаго блеска своихъ чешуй, такъ что, играя въ водѣ на солнцѣ, она попеременно блещетъ всѣми переливами и всею роскошью этихъ двухъ благородныхъ металловъ.

Н. Зуевъ.

Весной.

Ярче солнце горитъ, съ каждымъ днемъ все теплѣй,
Лугъ зеленой травой покрывается,
И, журча, побѣжалъ по лощинѣ ручей;
Лѣсъ въ роскошный нарядъ одѣвается.

* * *

Изъ далекой страны птицы въ гости летятъ,
Воздухъ пѣснями ихъ оглашается,
И въ саду, разливая вокругъ ароматъ,
Вся цвѣтами сирень убирается.

* * *

Всюду звуки и жизнь... вѣетъ счастьемъ, тепломъ,
Всюду слышится что-то свободное...
На поляхъ, гдѣ лежалъ снѣгъ широкимъ ковромъ,
Закипаетъ работа народная.

* * *

Всюду звуки и жизнь... сердце бьется смѣлѣй,
Словно силы во мнѣ прибавляются;
И слабѣетъ тоска, на душѣ веселѣй:
Снова вѣрится, снова мечтается.

* * *

Пусть впослѣдствіи жизнь всѣ мечты разобьетъ,
Сердце снова и горько обманется...
Но тому, кто въ себѣ вовсе вѣру убьетъ—
Что же свѣтлаго въ жизни останется?

А. Кругловъ

Тюркменки, купающія лошадей.

Женщина, забитая, униженная, лишенная почти всѣхъ человѣческихъ правъ пресловутымъ кораномъ, у кочевыхъ народовъ мусульманскаго вѣроисповѣданія пользуется несравненно большою свободою, чѣмъ у осѣдлыхъ мусульманъ.

Вслѣдствіе ли того, что самое ученіе Магомета не могло имѣть слишкомъ полнаго развитія у кочевниковъ, оказавшихся не очень-то усердными поклонниками пророка, вслѣдствіе ли другихъ, чисто бытовыхъ причинъ, но женщина номадка живетъ въ такихъ условіяхъ, которымъ позавидовала бы стѣсненная, связанная по рукамъ и ногамъ, обитательница осѣдлыхъ, городскихъ гаремовъ.

Можетъ быть кочевая, разбойничья жизнь, отвлекая мужей часто изъ дома и отдавая въ руки женщинъ управленіе хозяйствомъ и семьею, вызвало эту свободу и поставило женщину номадку въ уровень съ мужчиною.

Даже магометанство, болѣе всего унижающее женщину, превращая ее не въ подругу мужа, а въ какую-то табунную самку, не привилось въ степяхъ... Рѣдко у кого вы можете насчитать здѣсь двухъ женъ, и одна только изъ нихъ пользуется законными правами хозяйки, другая же просто на просто рабыня, иноплеменка—добыча удачнаго набѣга.

Женщины тюркменки одни изъ самыхъ красивыхъ женщинъ въ мірѣ. Высокій ростъ, стройное тѣлосложеніе, развившееся подъ свободнымъ костюмомъ—это отличительное достоинство ихъ. Принадлежа къ кавказкой расѣ—тюркменки обладаютъ правильнымъ оваломъ лица, большимъ, но красивымъ носомъ, миловиднымъ ртомъ и большими выразительными глазами, глядящими на васъ не украдкою, не изподлобья, а прямо и ясно.

Костюмъ тюркменки состоитъ изъ долгополой бумажной рубахи ярко-краснаго цвѣта, стянутой выше бедеръ широкимъ поясомъ, съ вышитыми концами, висящими ниже колѣнъ. Поверхъ этой рубахи надѣтъ въ рукава шелковый бешметъ съ тальею, а поверхъ этого накинутъ халатъ, преимущественно суконный, который и составляетъ собственно верхній костюмъ, надѣваемый при выходѣ изъ дома.

На головѣ тюркменки носятъ или маленькую шапочку, или же красиво навернутый тюрбанъ изъ кисеи и въ рѣдкихъ случаяхъ особый головной уборъ, похожій на наши старые военные кивера, весь унизанный тяжеловѣсными металлическими украшеніями и золотыми и серебряными монетами.

При этомъ парадномъ головномъ уборѣ надѣвается еще суконный или бархатный нагрудникъ, тоже сплошь унизанный монетами и разнообразными металлическими украшеніями тюркменки носятъ длинныя серьги въ ушахъ, но никогда не вдѣваютъ колецъ въ ноздри, какъ то дѣлаютъ сартянки... Они украшаютъ руки свои тяжелыми кованными браслетами—и носятъ на стройныхъ, загорѣлыхъ шеяхъ ожерелья изъ бусъ и цвѣтныхъ камешковъ, въ перемежку съ раковинками.

Тюркменки имѣютъ голосъ въ семьѣ и въ общественныхъ дѣлахъ, они участвуютъ въ совѣтахъ и въ рѣшеніяхъ дѣлъ, онѣ очень воинственны и потому только не ходятъ съ мужьями въ набѣги, что кто же тогда останется смотрѣть за домомъ, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ. Онѣ отлично знакомы съ уходомъ за верблюдами и лошадьми, превосходныя наѣздницы, сильныя, смѣлыя и мужественныя.

Рисунокъ нашъ изображаетъ именно одну изъ подобныхъ сценъ. Вечеръ, берегъ поросшій густыми гигантскими камышами, рьяные тюркменскіе кони и голыя наѣздницы, приведшія ихъ къ рѣкѣ на водопой и для купанья.

Н. Каразинъ.

Политическое обозрѣніе.

Неопредѣленность, противорѣчіе извѣстій по восточному вопросу лишаетъ почти всякой возможности сказать что либо положительное относительно даже самаго близкаго будущаго. Если, съ одной стороны тревога, возбужденная телеграммой, извѣстившей объ окончательно принятомъ Портой рѣшеніи объявить Черногоріи войну, отчасти уже улеглась, вслѣдствіе появленія депеши, увѣдомившей, что оттоманское правительство отказалось отъ своего намѣренія, а также и въ виду заявленія, напечатаннаго въ Правительственномъ Вѣстникѣ, то, съ другой стороны, печать указываетъ на то, что Черногорія и Сербія, вооружившись съ ногъ до головы, вполнѣ готовы уже къ войнѣ, и что на дняхъ уже объявятъ ее Турціи, при чемъ сообщаютъ даже, что послѣднее княжество должно объявить войну 16/28-го апрѣля. Сербскія войска раздѣлены на 6 дивизій, нѣкоторыя отряды двинуты къ границѣ, князь Миланъ, съ адъютантами и штабомъ, отправляется въ главную квартиру. Часть сербской арміи, въ 15 тысячъ человѣкъ, по словамъ нѣкоторыхъ газетъ, вступятъ въ Боснію, которая уже почти вся охвачена пламенемъ возстанія, Болгарію подымаютъ изъ Румыніи и тамъ уже появились отдѣльные небольшіе отряды. Мухтаръ-паша,

по слухамъ, требуетъ отъ правительства провіанта и денегъ, грозя тѣмъ, что несчастные, голодные солдаты его разбѣгутся. Въ тоже время другія газеты утверждаютъ о готовности инсургентовъ изъявить покорность, утверждаютъ, что свои требованія они сократили болѣе, чѣмъ на половину. Чему вѣрить, на чемъ остановиться? Не находя возможнымъ дѣлать какія бы то ни было предположенія относительно настоящей минуты, мы позволимъ себѣ сказать, что пока видимъ въ перспективѣ одно изъ двухъ—или австрійское занятіе, которое повело бы, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, съ неисчислимымъ усложненіямъ, или достиженіе славянами цѣли, которую считаютъ единственной наградой за вѣковое мученичество и за принесенныя жертвы.

Франція занята ожесточенною борьбою партій. Бонапартисты нисколько не сомнѣваются въ томъ, что имъ удастся снова возстановить имперію въ республиканской Франціи и одинъ изъ нихъ злорадно замѣтилъ, что Макъ-Магонъ, стоя во главѣ Франціи, исполняетъ только свое назначеніе *«сохранить мѣсто для Наполеона IV теплымъ»*. Недумаемъ, впрочемъ, что-бы это въ дѣйствительности могло случиться. Въ настоящую минуту тамъ происходитъ перетасовка префектовъ, изъ которыхъ одинъ, даже, отставленъ. Кантальскій префектъ, г. де Шазелль, завѣдомый антиреспубликанецъ, былъ перемѣщенъ на постъ префекта департамента Верхнихъ Пиренеевъ. Это чрезвычайно разсердило его, и онъ написалъ министру внутреннихъ дѣлъ дерзкое письмо, которое и повлекло за собой его отставку. Замѣчательно то обстоятельство, что онъ былъ уволенъ не прямымъ своимъ начальникомъ, г. Рикаромъ, не находившимся въ то время въ Парижѣ, а совѣтомъ министровъ, который былъ такъ возмущенъ письмомъ префекта, что рѣшилъ его отставку, не дожидаясь мнѣнія своего отсутствующаго члена.

Въ испанскихъ кортесахъ пренія по проекту новой конституціи идутъ своимъ чередомъ. Можно ясно прослѣдить, какъ министерство все болѣе и болѣе, такъ сказать, gagne de terrain. Весьма характеристичны въ этомъ отношеніи двѣ фразы, произнесенныя въ двухъ различныхъ засѣданіяхъ кортесовъ главой нынѣшняго кабинета, г. Кановасоли-дель-Кастильо. Онѣ служатъ рельефнымъ указаніемъ того, насколько правительство, неувѣренное или крайне осторожное въ началѣ сессіи, подвинулось уже теперь по тому пути, по которому должно слѣдовать. Такъ, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій испанскій премьеръ на одинъ вопросъ Кастеляра, относившійся къ правамъ монархіи, отвѣчалъ, что права короля узаконены кортесами, избранными націей и служащими представителями ея воли. Въ другомъ же засѣданіи, болѣе близкомъ къ намъ по времени, онъ, тому же безпокойному депутату, отвѣчалъ, что королевскія права, права монарха не нуждаются въ утвержденіи парламента, такъ какъ имѣютъ болѣе высокое происхожденіе. Если президентъ совѣта рѣшился на такое торжественное заявленіе, опровергающее тотъ первый его робкій отвѣтъ, значитъ онъ, зная, повидимому свою сторону и соотечественниковъ, увѣренъ въ томъ, во что съ давнихъ поръ въ Испаніи потеряли вѣру — въ возможность установленія болѣе или менѣе прочнаго правительства, утвердить въ ней какой нибудь порядокъ. По Европѣ не мало разсыпано утопическихъ носителей всякаго рода принциповъ, желающихъ ихъ осуществленія, ихъ проведенія въ жизнь quand même, руководящихся болѣе правиломъ «fiat justitia pereat mundus», чѣмъ дѣйствительными, реальными потребностями времени и обстоятельствъ. Понятно, что разъ эти фантазеры становятся у дѣлъ (что бываетъ рѣдко)—дѣло это не спорится въ ихъ рукахъ, они оказываются совершенно непригодными и что бываетъ, обыкновенно при этомъ чрезвычайно комично—они непремѣнно, силою вещей, бываютъ вынуждены, своею дѣятельностью, прямо отрицать тѣ начала, которыя проповѣдывались ими во всеуслышаніе, всему міру, всѣмъ, кто хотѣлъ и не хотѣлъ слушать. Такъ случилось и съ Кастеляромъ во время его краткаго калифствованія. Этимъ обстоятельствомъ съумѣлъ воспользоваться Кановасоли-дель-Кастильо, и указалъ кортесамъ, какъ этотъ краснорѣчивый и энергическій противникъ смертной казни, сдѣлался ея сторонникомъ когда былъ президентомъ испанской республики. Вообще Кастеляру не везетъ въ его парламентской борьбѣ противъ президента совѣта. Полагаемъ, что это объясняется тѣмъ, что несчастная страна утомилась тою неурядицей, которая причинила ей столько неисчислимыхъ бѣдствій, и которую олицетворяютъ личности, въ родѣ Кастеляра и tutti quanti. Испаніи нужно твердое, прочное правительство, честно относящееся ко всѣмъ правамъ, твердо ихъ охраняющее, правительство, искренно преданное дѣлу возрожденія страны. Оно должно вырвать съ корнемъ всѣ плевелы на пути къ благосостоянію, должно слѣдовать по тому пути неуклонно.

Америка съ нетерпѣніемъ ждетъ открытія Филадельфійской выставки, и конечно надѣется поразить Европу своимъ богатствомъ и развитіемъ промышленности. Открытіе монумента Аврааму Линкольну. въ Вашингтонѣ происходило 14 апрѣля. Монументъ этотъ, какъ извѣстно сооруженъ на деньги, пожертвованные только неграми и прочимъ *цвѣтнымъ* населеніемъ. Американцы сильно заняты процессомъ военнаго министра, генерала Белькнапа, начавшимся уже въ сенатѣ 17 апрѣля. Процессъ этотъ, какъ извѣстно, разскрываетъ многія темныя стороны американской жизни, по отношенію къ честности ея администраціи.

Греція относительно восточнаго вопроса сохраняетъ нейтралитетъ.

Въ Японіи взволнованы происшедшимъ обмѣномъ русскихъ Курильскихъ острововъ на часть японскаго острова Сахалина и таможняя газета «Choya Shimbun», вѣроятно наученная Англіею, выражаетъ опасенія на счетъ завоевательныхъ замысловъ честолюбивой Россіи. Названная газетка, въ заключеніе своихъ соображеній объ этомъ, говоритъ: «Въ настоящее время Россія—одно изъ могущественнѣйшихъ государствъ въ мірѣ, и Японія должна зорко слѣдить за ея успѣхами. (?) Какъ мы ни слабы, мы не побоялись бы соединенныхъ силъ Китая и Кореи, но если мы еще болѣе ослабимъ Корею, то ускоримъ приближеніе того роковаго часа когда хищный орелъ бросится на нее и Россія сдѣлаетъ новый шагъ къ югу». Черезъ чуръ преувеличенныя опасенія Японцевъ видимо возбуждены посторонними причинами, а не фактомъ мирнаго обмѣна территорій.

Замѣтки о локомотивѣ.

(25 Сентября 1825 г.)

Въ концѣ 1825 года пущенъ былъ въ ходъ первый желѣзнодорожный поѣздъ между Дарлингтономъ и Стоктономъ, двумя незначительными англійскими провинціальными городками. «Всадники, сопровождавшіе на превосходныхъ лошадяхъ поѣздъ вдоль полотна дороги, никакъ не могли съ нимъ поровняться»,—такъ описываетъ это событіе изумленный «очевидецъ», занесшій такимъ образомъ на столбцахъ Times'а первую страницу въ хронику желѣзныхъ дорогъ, нисколько не подозрѣвая тогда будущаго значенія этого могучаго дѣятеля новѣйшей цивилизаціи. Хроникеръ графства Дургама (Durham) конечно и тогда уже сообразилъ, что событіе, о которомъ онъ извѣщаетъ, имѣетъ важное значеніе для его родины; но, что черезъ пять десятилѣтій весь земной шаръ съ восторгомъ вспомнитъ объ этомъ событіи,—это ему никогда и не снилось. Но даже тотъ, кто догадался бы тогда, что открывшаяся только что желѣзная дорога между Дарлингтономъ и Стоктономъ составитъ первую вѣточку той громадной сѣти рельсовъ, петли которой покроютъ нѣсколько десятилѣтій спустя, весь земной шаръ,—и тотъ едвали могъ бы составить себѣ самое отдаленное понятіе о томъ, какое обширное развитіе производительности, какую высоту промышленной дѣятельности, какое быстрое повышеніе всѣхъ цѣнъ вызоветъ волшебная сила этихъ рельсовъ.

Даже когда локомотиву минулъ уже первый десятокъ лѣтъ его существованія, почти весь образованный міръ, глядя на него, качалъ недовѣрчиво головой. Въ англійскомъ парламентѣ довольно серьезно выражено было тогда сомнѣніе въ томъ, въ состояніи ли будутъ всѣ выгоды отъ желѣзной дороги вознаградить хоть бы за возможность того, что быстро мчащійся паровозъ вконецъ раздавитъ какую нибудь, застигнутую имъ врасплохъ корову. Министръ торговли въ Пруссіи обнародовалъ въ 1837 году особый циркуляръ, въ которомъ онъ торжественно предостерегаетъ всю страну отъ этого губительнаго нововведенія, конфискуя въ тоже время полотно Верхне-Силезской желѣзной дороги, составляющей въ настоящее время самую важную вѣтвь Германской Юговосточной сѣти. Желѣзнодорожная нетерпимость, господствовавшая въ то время, бросаетъ тѣнь на очень многія громкія имена.

За исключеніемъ бельгійскаго короля Леопольда I-го, вызвавшаго геніальнаго изобрѣтателя паровоза, Георга Стефенсона въ Брюссель, — всѣ царствующія лица того времени съ предубѣжденіемъ отвернулись отъ нововведенія, преобразовательное значеніе котораго они не могли тогда понимать. Когда Ротшильдъ ходатайствовалъ предъ недавно умершимъ австрійскимъ императоромъ Фердинандомъ о концессіи на сѣверную (Фердинандскую) желѣзную дорогу, покойный монархъ, которому вообще не легко было отказать кому нибудь въ просьбѣ, разрѣшилъ наконецъ эту дорогу, замѣчая при этомъ: чтожь дѣлать, подобныхъ вещей нельзя ужь дольше задержать.»

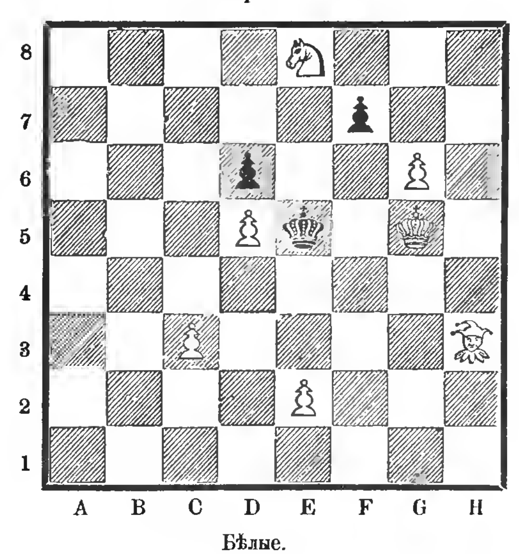
На европейскомъ континентѣ первая желѣзная дорога возникла въ Баваріи для соединенія Нюрнберга съ Фортомъ. Нюрнберго-Фортовская Людовикская дорога, имѣвшая впрочемъ протяженіе не больше одной мили, открыта была 7-го декабря 1832 года т. е. слишкомъ 7 лѣтъ со времени открытія первой англійской дороги. Но не смотря на это медленное вначалѣ движеніе впередъ, не успѣло еще пятое десятилѣтіе кануть въ вѣчность, а стефенсоновское изобрѣтеніе распростерло уже свои желѣзныя объятія на всѣ пять частей свѣта. На сѣверѣ Европы и Америки желѣзнодорожные рельсы достигаютъ уже чуть ли

Мать. Ну, чего плачешь, и я шла замужъ, да не плакала.

Дочь. Хорошо тебѣ матушка, какъ ты шла за батюшку, а я то вѣдь иду за чужова.

ЗАДАЧА

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода

РѢШЕНІЕ

задачи въ «Нивѣ» № 12.

Бѣлые.	Черные.
1) F3 — D3 ×	1) Ферзу беретъ Конь.
2) F2 — F4 ×	2) Ладья F5 беретъ Ладья.
3) B5 — E5 ×	3) D6 беретъ Ферзу.
4) D7 — C5 ××	

ие до самаго полярнаго круга. Атлантическій океанъ связанъ теперь желѣзною цѣпью съ Великимъ океаномъ. Непреодолимыя доселѣ препятствія совершенно теперь устраняются, надъ самыми широкими рѣками, чуть ли ие надъ морскими проливами перекидываются мосты; надъ снѣжными вершинами Альповъ и черезъ нѣдра исполинскихъ горъ повсюду паровозъ пробилъ себѣ дорогу. На всѣхъ дорогахъ земного шара, протяженіе которыхъ доходитъ, круглымъ числомъ, до 40,000 миль, ежедневно проѣзжаетъ до трехъ милліоновъ людей, ежедневно перевозится больше 75 милліоновъ пудовъ груза; около 60,000 паровозовъ и гораздо больше милліона вагоновъ поддерживаютъ это гигантское движеніе; весь капиталъ, потраченный на желѣзнодорожное дѣло, простирается до слишкомъ 15 милліардовъ талеровъ, т. е. въ десять разъ больше, чѣмъ чудовищная французская контрибуція.

При гигантскомъ переворотѣ, вызванномъ желѣзнодорожнымъ дѣломъ, во всѣхъ сферахъ международныхъ отношеній, не слѣдуетъ забывать: изъ какихъ незначительныхъ и едва замѣтныхъ обстоятельствъ все это первоначально возникло. Мы, съ гордымъ взглядомъ озирающіеся назадъ, съ высоты достигнутыхъ нами результатовъ,—мы не должны забывать тѣхъ скромныхъ тружениковъ науки, остроумію и изобрѣтательности которыхъ мы обязаны настоящимъ нашимъ могуществомъ. Только теперь, по прошествіи цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ, девятнадцатое столѣтіе вспомнило объ одномъ изъ своихъ величайшихъ благодѣтелей; только теперь взоры всего цивилизованнаго міра обратились на маленькій англійскій городокъ, Дарлингтонъ, гдѣ 27 минувшаго сентября происходило открытіе памятника, воздвигнутаго благодарнымъ потомствомъ основателю желѣзныхъ дорогъ Георгу Стефенсону.

Подобно телеграфу, и первые зачатки желѣзнодорожнаго дѣла теряются въ глубокой древности. Мысль—передвигать перевозочныя средства по твердой полосѣ—такъ незатѣйлива, что еще при сооруженіи пирамидъ въ Египтѣ употреблялись въ дѣло рельсовые пути. Для передвиженія тяжестей въ древности были во всеобщемъ употребленіи каменныя дороги съ желобообразными колеями. Въ пропилеяхъ Элевзинскаго храма Цереры найдены были подобныя же дороги, снабженныя даже разъѣздными пунктами. Раскопы, произведенные на мѣстѣ древняго римскаго города Помпеи, открыли тамъ много такихъ дорогъ изъ каменныхъ рельсовъ для каретъ. Сюда же относится вѣроятно и дорога, построенная подъ владычествомъ Бакхіадовъ, около 700 лѣтъ до Р. Х., на Коринѳскомъ перешейкѣ; эта дорога, приспособленная къ передвиженію кораблей между Коринѳскимъ и Саронскимъ заливами, справедливо можетъ считаться предтечей новѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ среднихъ вѣкахъ во многихъ мѣстахъ, особенно въ Германіи, въ горнозаводской промышленности часто употреблялись рельсовые пути въ формѣ деревянныхъ дорогъ для транспортировки рудъ отъ рудниковъ къ плавильнямъ. Это примѣненіе рельсовыхъ путей перенесено было въ Нью-Кастлерскія каменноугольные копи нѣмецкими рудокопами, приглашенными въ Англію королевою Елизаветою съ цѣлью поднять тамъ горную промышленность. На этихъ деревянныхъ дорогахъ желѣзо употреблялось весьма рѣдко и въ ничтожныхъ размѣрахъ; только въ 1767 году директоръ англійскаго желѣзнаго завода Рейнольдъ, вслѣдствіе печальнаго состоянія желѣзной промышленности и единственно для того, чтобы не приходилось ему задувать свои доменныя печи, задумалъ приготовлять желѣзныя рельсы въ формѣ вогнутыхъ полосъ, которымъ ему удалось доставить хорошій сбытъ. Разъ нашедши примѣненіе, желѣзные рельсы стали на твердую почву, съ которой они не сошли и досихъ поръ. Вскорѣ послѣ этого, а именно въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, директоръ машинной фабрики Фридрихсъ ввелъ и въ Германіи употребленіе желѣзныхъ рельсовъ для заводскихъ цѣлей, откуда они скоро распространились по всему европейскому континенту.

Въ первомъ періодѣ развитія рельсовыхъ путей, даже послѣ введенія желѣзныхъ рельсовъ, двигательною силою служила только мускульная сила лошадей и человѣка. Даже, когда сила пара стала всѣмъ извѣстна, тѣмъ не менѣе опыты, сдѣланные надъ этимъ двигательнымъ средствомъ, не привели сначала ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Представившіяся при этомъ препятствія были конечно только воображаемыми. Въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ всѣ были того убѣжденія, что примѣненію паровоза помѣшаетъ непремѣнно то обстоятельство, что треніе между колесами и рельсами будто бы не на столько сильно, чтобы обусловливать собою поступательное движеніе машины, и что поэтому колеса будутъ только вращаться отъ силы пара вокругъ своей оси, нисколько не подвигаясь впередъ. Много остроумія пущено было въ ходъ съ цѣлью обойти эту мнимую гору, пока не удалось Стефенсону въ 1814 году сообщить своей паровой машинѣ способность къ поступательному движенію. Только въ локомотивѣ найдена была наконецъ та могучая двигательная сила, которая лежитъ въ основаніи желѣзнодорожнаго дѣла новѣйшихъ временъ, и событіе 17-го сентября 1825 года блистательно доказало, что сила пара такъ цѣлесообразно передается колесамъ локомотива, что въ возможности спокойной и безопасной перевозки людей и товаровъ уже нечего болѣе сомнѣваться. Съ тѣхъ поръ, и особенно въ самое послѣднее время, сдѣлано было, конечно, много полезныхъ усовершенствованій въ этомъ дѣлѣ; но спеціальное разсмотрѣніе ихъ завлекло бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы нашей статьи.

Въ настоящее время круглымъ числомъ имѣютъ теперь: Великобританія—25,000 километровъ желѣзной дороги, Германія—

(Продолженіе на стр. 303, 304, 305 и 306).

22,000, Франція—18,000, Россія—17,500, Австрія—13,000, Италія—7,000, Испанія и Португалія—6,500, Бельгія—3,100, Швеція и Норвегія—2,500, Голландія — 1,700. Швейцарія — 1,500, Турція и Греція—1,200. Данія—900 километровъ. Въ Великобританіи на каждый милліонъ жителей приходится 800 километровъ, въ Бельгіи 625, въ Германіи 530, въ Франціи 490, въ Австріи 350, въ Россіи 236, и въ Турціи 60 километровъ.

О всемірномъ преобразовательномъ значеніи стефенсоновскаго открытія можно было бы, конечно, говорить очень много. Мы коснемся только двухъ особенно выдающихся сторонъ этого общественнаго явленія. Первое наиболѣе важное слѣдствіе этого громаднаго переворота въ способахъ сообщенія людей между собою—это обширное пассажирское движеніе, вызванное желѣзными дорогами. Принимая во вниманіе вышеупомянутый фактъ, что на всѣхъ существующихъ желѣзныхъ дорогахъ ежедневно путешествуетъ свыше трехъ милліоновъ людей, мы легко можемъ сосчитать, что одинъ путешественникъ приходится на каждые 100 человѣкъ населенія земного шара. Цифра весьма почтенная! Легкость сообщенія людей между собою естественно должна была способствовать взаимному обмѣну мыслей и расширенію человѣческаго кругозора, что конечно имѣетъ громадное цивилизующее вліяніе на современное общество.

Далѣе находимъ умѣстнымъ указать еще на одно приведенное нами выше статистическое данное. Тотъ фактъ, что сооруженіе желѣзныхъ дорогъ поглотило цѣлыхъ 15 милліардовъ талеровъ, ясно доказываетъ, что это гигантское дѣло не могло быть совершено средствами однихъ только крупныхъ капиталистовъ. Пришлось, конечно, призвать къ дѣлу и мелкихъ капиталистовъ, которые до сихъ поръ ревниво и безпроизводительно хранили подъ спудомъ сбереженную копѣйку. Желѣзнодорожное дѣло произвело на свѣтъ акцію, эту пресловутую и столь часто проклинаемую акцію, внушающую самому скромному капиталисту бодрость и предпріимчивость. Но она совершила уже свое дѣло и пора ей въ отставку. Во многихъ странахъ въ послѣднее время распространяется все болѣе и болѣе мнѣніе, что слѣдовало бы обратить желѣзнодорожное дѣло въ государственную статью. До сихъ поръ однакожь рѣдко кто осмѣливается открыто объявить себя въ пользу этой идеи, такъ какъ многимъ трудно отказаться отъ вкоренившагося въ народѣ убѣжденія, что только одна акція была и будетъ въ состояніи давать желѣзнодорожной сѣти то обширное развитіе, которое она уже получила и которое ей предстоитъ еще получить во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ.

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

Высочайшія повелѣнія:

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, 26-го марта сего года, Высочайше соизволилъ предоставить обществу харьково-николаевской желѣзной дороги сооруженіе и эксплоатацію сумской линіи отъ станціи Мерефа (курско-харьково-азовской желѣзной дороги), черезъ станцію Люботинъ, на городъ Сумы, до станціи Ворожба, курско-кіевской желѣзной дороги.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра государственныхъ имуществъ, 15-го минувшаго марта, Высочайше повелѣть соизволилъ, въ видахъ усиленія правительственныхъ поощреній къ производству лошадей для кавалеріи, независимо наградъ, существующихъ для конноводчиковъ, по ст. 70 прил. къ ст. 410 ч. IV кн. IV свод. воен. пост. (по 6 продолж.), установить еще новую мѣру: награжденіе коннозаводчиковъ за лучшихъ лошадей ежегодныхъ ремонтовъ золотыми медалями отъ главнаго управленія государственнаго коннозаводства.

— Въ № 32-мъ «Собранія узаконеній и распоряженій правительства» обнародованы слѣдующія постановленія.

1) 2-го марта 1876 года. Объ установленіи частнаго сбора съ земель башкиръ-вотчинниковъ, на покрытіе расходовъ по отграниченію оныхъ.

2) 2-го марта. О мѣрахъ къ увеличенію числа врачей въ имперіи.

3) 12-го марта. О цѣпномъ пароходствѣ по р. Невѣ, учреждаемомъ отставнымъ коллежскимъ регистраторомъ Н. И. Евреиновымъ.

4) 22-го марта. Объ учрежденіи рубановскаго ссудо-сберегательнаго товарищества.

5) 22-го марта. Объ учрежденіи сухо-вязовскаго ссудо - сберегательнаго товарищества.

6) 7-го апрѣля. О предоставленіи льготы 3-го разряда по семейному положенію лицамъ, старшіе братья которыхъ добровольно остались на сверхсрочной дѣйствительной службѣ.

Дѣла церкви.

Газета «Мшакъ» сообщила въ одномъ изъ своихъ нумеровъ извѣстіе, что тифлисское отдѣленіе библейскаго общества намѣревалось напечатать евангеліе на живомъ армянскомъ языкѣ (до сихъ поръ Свящ. Писаніе печаталось только на древнемъ языкѣ) и представило рукопись своего перевода армянскому патріарху въ Эчміадзинѣ. Но святѣйшій армянскій синодъ не разрѣшилъ печатать евангеліе на живомъ и армянской массѣ единственно понятномъ языкѣ.

— Изъ Елисаветграда пишутъ въ «Новор. Телегр.», что 310 уніатовъ мужчинъ переселились въ южный край и размѣщены по разнымъ городамъ Херсонской губерніи. Въ Елисаветградѣ ихъ 42 души, изъ пяти уѣздовъ Сѣдлецкой губерніи.

— Та же газета сообщаетъ о распространившейся въ Одессѣ сектѣ штундистовъ-нѣмцевъ. Сектанты въ количествѣ около 20 человѣкъ, прибыли въ Одессу и остановились на Пересыпи, въ домѣ Шузера. Лица эти, разъѣзжая по окрестностямъ, привлекаютъ къ себѣ простодушныхъ нѣмцевъ. Обрядъ крещенія былъ уже совершенъ надъ 3 мужчинами и 1 дѣвушкою.

Морское дѣло.

— 27-го апрѣля будетъ спускъ на Темзу самаго большаго англійскаго броненосца «Inflexible», для котораго въ Вульвичѣ отлита пушка въ 81 тонну. Принцесса Луиза, герцогъ Эдинбургскій и многіе члены парламента и палаты депутатовъ будутъ присутствовать на церемоніи спуска.

Изящныя искусства.

Въ Херсонѣ 5 апрѣля открылась выставка, устроенная херсонскимъ обществомъ изящныхъ искусствъ. На выставкѣ находится болѣе 200 предметовъ, доставленныхъ херсонскими и одесскими любителями изящныхъ искусствъ.

Народное хозяйство.

Изъ Кіевской и Волынской губерніи сообщаютъ «Gaz. Pols.», что тамъ уже озимые хлѣба покрыли землю довольно густою зеленью. Можно надѣяться на хорошій урожай.

— «Нов. Тел.» пишутъ изъ окрестностей Одессы, что утренніе холода совсѣмъ уничтожили надежду на фруктовый урожай. Всходы хлѣба идутъ весьма туго, земля еще не совсѣмъ оттаяла, а дождей нѣтъ. Изъ Подольской губерніи вѣсти еще хуже: тамъ земля на полъ-аршина почти замерзшая; одна надежда на весенніе посѣвы.

— Въ селахъ: Раевѣ и Генераловкѣ, Моршанскаго уѣзда, пало отъ безкормицы, по сл. «Моск. Вѣд.», крупнаго и мелкаго скота до 300 головъ.

— «Нов. Тел.» пишутъ изъ Аккерманскаго уѣзда, что уѣздная земская управа предписала всѣмъ волостнымъ и сельскимъ правленіямъ снарядить для работъ, по истребленію яичекъ саранчи, всѣхъ крестьянъ, мужчинъ и женщинъ, отъ 15-ти до 50-тилѣтняго возраста. Яички зарыты на пространствѣ 30,000 десятинъ, и для уничтоженія ихъ крестьянамъ предстоитъ не мало работы.

— «Новороссійскій Телеграфъ» въ № 355 указываетъ, что двѣ волости Херсонскаго уѣзда, новоодесская и гурьевская, поражены почти голодомъ. Командированный губернскою управою членъ донесъ, что хлѣба у населенія нѣтъ и питается оно только квашеной капустой и печеными бураками. Заработковъ нѣтъ, скотъ продать невозможно, по случаю невѣроятно низкихъ на него цѣнъ. Единственное занятіе жителей — рѣзка камыша въ плавняхъ, продаваемаго по копѣйкѣ пучекъ, что даетъ, при затратѣ сутокъ на провозъ его въ Николаевъ, отъ 60 до 70 копѣекъ.

— По свѣдѣніямъ изъ Таганрога, требованіе на хлѣбъ въ Европу вообще, а во Францію въ особенности, усилилось. Сравнительно съ зимними цѣнами пшеница и ленъ поднялись до одного рубля на четверть; съ 4 по 11 марта продано изъ амбаровъ въ Таганрогѣ болѣе 30,000 четвертей разнаго хлѣба и приторговывается еще нѣсколько большихъ партій, по которымъ сдѣлки еще не заключены. Есть надежда, что цѣны на хлѣбъ еще поднимутся. Въ Керчь уже пришло изъ разныхъ мѣстъ Европы 15 судовъ.

Промышленность.

Въ «Нов. Вр.» сообщаютъ изъ Москвы, что нынѣшнимъ лѣтомъ въ Кремлевскихъ садахъ будутъ начаты постройки для мануфактурной выставки 1877 года.

— По словамъ «Gazet. Polsk.» на филадельфійской выставкѣ будетъ 70 экспонентовъ изъ Привислянскаго края.

— Изъ Сѣдлецкой губерніи въ «Gazet. War.» сообщаютъ, что цѣны на сѣмена кормовыхъ травъ достигли тамъ неслыханныхъ размѣровъ, за четверть платили по 200 р.

— Изъ Поти пишутъ, что 25-го марта открыло тамъ свои дѣйствія потійское общество взаимнаго кредита. Число членовъ болѣе 90 и основный капиталъ общества, составленный изъ членскихъ взносовъ, представляетъ собою цифру въ 13 тысячъ руб.

— «Gazeta Polska» сообщаетъ, что въ Варшавѣ съ нѣкотораго времени стали продавать курскій рогатый скотъ. Скотъ этотъ хорошо выкормленъ и большихъ размѣровъ.

— На одной изъ дачъ около Ростова г. Баташовымъ сдѣланъ опытъ акклиматизаціи сиговъ. Оплодотворенная икра этой рыбы, въ количествѣ 3.000 яичекъ, выписана была г. Баташовымъ изъ Никольскаго завода, Новгородской губерніи. Третья часть яичекъ пропала, и выплодилось только двѣ тысячи маленькихъ рыбокъ. Пріучивъ ихъ къ мѣстной водѣ сначала въ комнатѣ, г. Баташовъ выпустилъ все стадо въ довольно обширный прудъ. Всю осень, пока не сталъ ледъ, рыба держалась стадомъ и, сколько можно было замѣтить, нимало не пострадала.

Разныя извѣстія.

— «Бирж. Вѣд.» сообщаютъ изъ Москвы, что на послѣднихъ дняхъ страстной недѣли въ VII отдѣленіе московскаго окружнаго суда поступило, наконецъ, изъ московской судебной палаты извѣстное дѣло о московскомъ коммерческо-ссудномъ банкѣ съ утвержденнымъ палатою обвинительнымъ актомъ. По обвинительному акту по этому дѣлу преданы суду 21 человѣкъ членовъ правленія и совѣта означеннаго банка, обвиняемыхъ въ различныхъ преступленіяхъ и, между прочимъ, даже въ подлогахъ. Свидѣтелей вызывается болѣе 100 человѣкъ. Подлинный обвинительный актъ изложенъ чуть не на сорока писанныхъ листахъ. Производство судебнаго слѣдователя обнимаетъ собою 14 громадныхъ томовъ. По слухамъ, передаваемымъ «Русск. Вѣдом.», нѣкоторые изъ членовъ правленія московскаго коммерческаго ссуднаго банка обвиняются также во взятіи съ Струсберга милліонной взятки.

Вскрытіе рѣкъ.

Большинство рѣкъ вскрылось между 8 и 11 марта. Такъ напримѣръ, Волга вскрылась отъ Астрахани до Каспійскаго моря 10 марта; у Ярославля 22. Днѣпръ тронулся у Кіева 5 марта, у Кременьчуга 8; судоходство же открылось 14. Ледоходъ по Окѣ у Бѣлева и Деснѣ у Чернигова открылся 10; Цна у Моршанска 11; Донъ 8: Висла 7 марта. Москва рѣка въ текущемъ году тронулась раньше—14 апрѣля; въ 1875 году она тронулась 18 апрѣля, а въ 1874 году—28 марта. Нева окончательно освободилась отъ льда 7 апрѣля; Бугъ и Лиманъ—къ 4 марта. Навигація въ Ревелѣ открыта 6 апрѣля.

Некрологи.

27 февраля скончался въ Иркутскѣ проф. русск ист. А. П. Щаповъ. Въ послѣднее время покойный работалъ въ сибирскихъ архивахъ географич. общества. Болѣе извѣстны его сочиненія: «Земство и расколъ» «Голосъ древней церкви на защиту несвободныхъ людей» и мног. другихъ.

— 30 марта скоропостижно умеръ въ Воронежѣ драматическій писатель Дьяченко. Лучшія піесы его: — «Жертва за жертву», «Гувернеръ», «Свѣтскія ширмы». Литературную карьеру покойный началъ въ 40-хъ годахъ.

— 3 апрѣля въ Москвѣ умеръ, 40 съ небольшимъ лѣтъ отъ роду, извѣстный писатель Б. Н. Алмазовъ. Онъ писалъ, между прочимъ, юмористическія стихотворенія, которыя потомъ издалъ подъ названіемъ «Диссонансы». «Пѣсни о Роландѣ» и «Катенька» повѣсть—самыя крупныя, по объему, его сочиненія.

— 15-го марта, умеръ въ Петербургѣ 88 лѣтъ отъ роду, извѣстный докторъ Э. Б. Крейзеръ устроившій первыя водолечебницы въ Москвѣ и Петербургѣ.

— 14-го апрѣля скоропостижно скончался графъ *А. П. Шуваловъ* Покойный былъ извѣстенъ, какъ неутомимый общественный дѣятель, подвизавшійся на многихъ поприщахъ и вездѣ съ усердіемъ, самоотверженіемъ и заботою объ общей пользѣ. Онъ служилъ предсѣдателемъ петербургскаго губернскаго земскаго собранія, предводителемъ дворянъ петербургскаго уѣзда и гласнымъ петербургской городской думы. Умеръ черезъ часъ послѣ возвращенія изъ думы.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Станція Канаевка, А. Л. фонъ-Фр.** Что вы замѣтили, то произошло отъ ошибки наборщика.

2) Поступившіе въ редакцію, въ пользу семействъ пострадавшихъ отъ возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ: отъ г-на Зиновія **Богушъ** 10 р., отъ А. Н. **Котинова** изъ Епифани 1 р. 50 к., отъ Ѳ К. **Иванова**, изъ села Лажина, Новгор. губ. 80 к., отъ В. Н. **Будкевича** изъ г. Казалинска 50 к. и отъ А. И. **Архарова** изъ г. Хвалынска 50 к., сданы въ Главное управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА.

16-го апрѣля 1876 года,

	Покупатели.	Продавцы.	Продано.	
5% заемъ съ выигр. 1-го выпуска	205	206	206½	205
5% заемъ съ выигр. 2-го выпуска	201	202	203	202
5% банк. бил. 1-го выпуска	99¾	100	100	
5% » » 2-го »	99¾	100	—	
5% » » 3-го »	99¼	100	—	
5% обл. Спб. Гор. Кред. Общ.	91½	92	92	
АКЦІИ.				
125 р. Гл. Общ. Рос. Жел. Дорогъ	162	162½	162¼	
125 » Ряжско-Динабургск.	—	131	—	
100 » Московск.-Рязанск.	—	335	—	
225 » Орловск.-Витебск.	—	138		
16 ф. с. Витебск.-Динаб.	139	141	139	
100 р. Рыбинск.-Бологов	86½	87	87½	87
100 » Тамбовск.-Козлов.	—	73½	—	
125 » Моск.-Брестск.	78¼	—	78	78¼

СОДЕРЖАНІЕ: **По военно-грузинской дорогѣ** (Листки изъ исторіи Кавказа) (съ 3-мя рисунками). **Немировича-Данченко. — Въ домѣ коммерціи совѣтника** Повѣсть **Э. Марлитта** (продолженіе). — **По дорогѣ въ школу** (съ рисункомъ).—**Рыба телескопъ** (съ рисункомъ) **Н Зуева — Веской** (стихотв.) **А. Круглова.—Тюркменки, купающія лошадей** (съ рисунк.) **Н. Каразина.**—Политическое обозрѣніе. — Замѣтки о локомотивѣ **Юмористическіе очерки** (съ рис.).—**Шахматы.**—Разныя извѣстія.—Почтовый ящикъ —С.-Петербургская биржа.—Объявленія.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ)**

Рекомендуемъ нашимъ читателямъ слѣдующія книги:

Христова Невѣста, повѣсть **Н А. Лейкина. Изданіе второе.** Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Повѣсти, Разсказы и Драматическія сочиненія **Н. А. Лейкина.** Цѣна за 2 тома 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Содержаніе I тома.

1) Апраксинцы. 2) Кусокъ хлѣба. 3) Ямская въ будни и праздникъ. 4) Крестины въ Ямской. 5) Похороны. 6) Сивая борода за галстукомъ. 7) Театроманія. 8) Критика. 9) Дружественная лотерея.

Содержаніе II тома.

Учебный день въ нѣмецкой школѣ.—Биржевые артельщики.—Извощикъ.—Швейцаръ.—Маркеръ.—Прачка поденщица. — Охтенка. — Парикмахерскій подмастерье.—Букинистъ. — Горничная.—Торговый мальчикъ.—Мастеричка.—Лихачъ.—Кухарка.—И я, да не я.—Ласковый человѣкъ—Отецъ и сынъ.—Прикащикъ на отчетѣ. — Водогрѣйщикъ.—Искусъ.—Тесть и зять.—Рукобитье.—Ряженые.

Историческіе Очерки и Разсказы С. Н. Шубинскаго. Изданіе второе, дополненное. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Содержаніе.

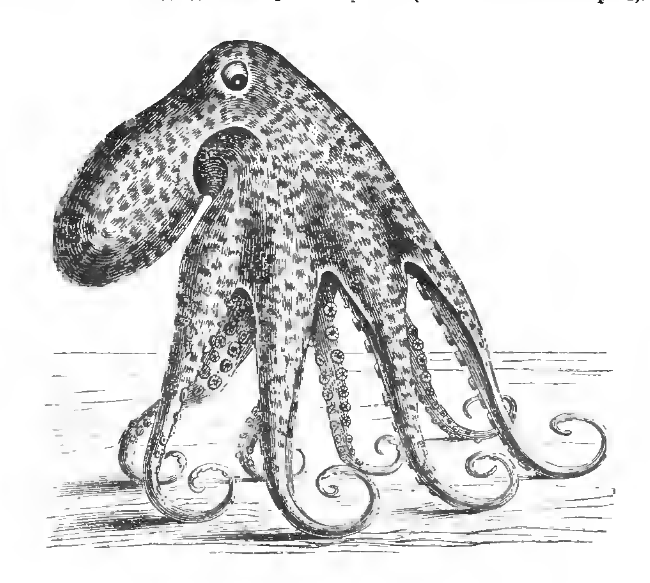
Придворные шуты и шутовскія свадьбы въ царствованіе Петра Великаго и Анны Іоановны.— Березовскіе ссыльные.—В. В. Головинъ.—Убійство Синклера. —Дочь Бирона.—Н. А. Демидовъ.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Императрица Екатерина 2 и ея два статсъ-секретаря.—Принцъ Нассау-Зигенъ.—Подпоручикъ Федосѣевъ. — Пѣвица Габріелли.

Записки Слѣдователя, сочиненіе **Н. П. Тимофѣева.**

Содержаніе: 1) Первыя впечатлѣнія. 2) Убійство и самоубійство. 3) Поджигатели. 4) Тюремный міръ. 5) Грабительская шайка. 6) Преступленіе суевѣрія. 7) Проститутка. **Цѣна 2 руб. съ перес. 2 руб. 50 коп**

Э. А. Россмесслеръ. На Досугѣ. Популярныя Бесѣды, съ политипажами въ текстѣ, переводъ съ нѣмецкаго **П. Андреевскаго.** Цѣна 3 руб. 50 коп. съ пересылкою 4 руб.

Содержаніе Отд. I. Въ повѣствовательной формѣ. Деревушка въ горахъ (перспектива въ народное естествознаніе) - Маленькій пастухъ.—Комиссія.— Личности.—Выставка.—Путь къ просвѣщенію. — **Отд. II. Обильныя дары.** Царство злаковъ. — Зелень растеній.—Альпійская роза.—Крахмалъ.—Дерево.—Кружевное дерево.—Какъ и по какому плану строитъ улитка свой домъ.—Древесный жукъ. Растутъ ли камни.—Парнасія.—Микроскопическіе грибы.—Альпійскія растенія.—Ивовая роза.—Метаморфозы или превращенія растенія —Чернильная рыба или каракатица. **Отд. III. Подъ деревьями.** Садъ паркъ и лѣсъ.—Лѣсъ. **Отд. IV. На свободѣ.** Изъ Валенсіи.—Странствованія песчинки.—Весна на дворѣ (въ день рожденія подруги).—На Венгернальнѣ.—Двѣ прогулки.—Первая.—Вторая.—День изъ путешествія по Южной Испаніи —Два маленькія приключенія изъ путешествія съ естественнонаучною цѣлью. **Отд. V.** Къ вопросу о естествоиспытаніи. Естествознаніе.—Путешествія человѣка, свѣдущаго въ природѣ. **Отд. VI. Ради дѣтей.** Игра или обученіе? (Наставникамъ и матерямъ). —

Чернильная рыба.

Для маленькаго міра.—Три за одно (Рождественная картинка).—Естествознаніе и народное обученіе. **Отд. VII. Воззваніе къ уму и сердцу.** Собирательница хвороста.—Моровая язва религіознаго умопомѣшательства.—Здѣсь и тамъ.—Чѣмъ отличаемся мы отъ животныхъ?—Братъ и сестра —Поэзія и естествознаніе.—Искусство и природа.—Сдѣлайтесь способными къ защитѣ.—Думайте объ этомъ. **Отд. III. Для жизни.** Тѣлодвиженія, пріемы или жесты.—Плачъ.—Смѣхъ.—Стекло (Рождественское разсужденіе) —Бумага.—Каменныя мысли.—Лейпцигская ярмарка. **Отд. IX. Памяти Гумбольдта.** 6 мая 1859 года.—Похороны Гумбольдта.—Общины Гумбольдта. — 14 сентября 1859 года.

Всѣ эти пять изданій объявленныхъ здѣсь можно выписывать чрезъ Редакцію «Нивы».

Къ нашимъ читателямъ.

Симъ имѣю честь обратить вниманіе читающей публики, особенно гг. фабрикантовъ, промышленниковъ, книгопродавцевъ, помѣщиковъ, домовладѣльцевъ, гувернеровъ, гувернантокъ, учителей и проч. и проч. на значительное распространеніе издаваемаго мною журнала „Нива", въ видахъ возможнаго желанія воспользоваться имъ для объявленій.

Такъ какъ „Нива" въ настоящее время—наиболѣе читаемый журналъ (онъ выходитъ въ количествѣ 25,000 экземпляровъ), то помѣщаемыя въ немъ объявленія распространяются въ 4—12 разъ болѣе, нежели напечатанныя въ менѣе распространенной газетѣ или журналѣ. Сверхъ того „Нива", какъ журналъ художественно-иллюстрированный, сохраняется отъ перваго до послѣдняго нумера, и къ концу года переплетается, почему каждое объявленіе въ немъ можетъ быть дѣйствовать въ теченіи цѣлаго года, тогда какъ въ ежедневныхъ газетахъ, оно не сохранятся дольше двухъ-трехъ дней.

Чрезвычайно распространенъ предразсудокъ, будто бы скорѣе достигаютъ цѣли большія объявленія, печатаемыя крупнымъ лапидарнымъ шрифтомъ—и, если мы заглянемъ въ русскія ежедневныя газеты, то насъ поразитъ громадная трата мѣста и денегъ, расходуемыхъ непроизводительно на такія объявленія, чего недѣлается даже въ англійскихъ, американскихъ и проч. газетахъ. Я предлагаю публикѣ испробовать вліяніе **небольшихъ экономическихъ объявленій**, превосходно отпечатанныхъ въ издаваемомъ мною журналѣ. Можно быть тѣмъ болѣе увѣреннымъ въ успѣхѣ ихъ, что мелкій, но четкій новый шрифтъ, при хорошей бумагѣ и лучшей краскѣ гораздо удобочитаемѣе крупнаго, но дурно отпечатаннаго,—при чемъ каждому, само собою разумѣется, предоставлено и въ „Нивѣ" помѣщать объявленія такой величины, какую только допускаетъ форматъ журнала.

Въ каждой строкѣ „Нивы" помѣщается 37 буквъ, т. е. на всей страницѣ 480 строкъ или 18,240 буквъ.

Во всякомъ случаѣ, „Нива" представляетъ каждому возможность въ небольшомъ столбцѣ ея заявить то же самое, что можетъ быть напечатано въ большихъ размѣрахъ на листахъ ежедневной газеты, при чемъ громадное распространеніе издаваемаго мною журнала значительно болѣе противъ другихъ изданій можетъ дать преимуществъ печатаемымъ въ ней объявленіямъ.

На оборотѣ прилагается точный тарифъ, по которому, въ случаѣ заказа, могутъ быть назначены №№, соотвѣтствующіе желаемымъ размѣрамъ объявленія. Если, напр. требуется помѣстить объявленіе въ 20 строкъ, то № 13 покажетъ его величину и цѣну, 5 р. Для болѣе пространныхъ объявленій можно соединять вмѣстѣ по нѣскольку №№ тарифа.

При чрезвычайно умѣренныхъ, въ сравненіи съ заграничными, цѣнахъ моего тарифа (считая число выхода экземпляровъ и дорогую цѣну хорошей бумаги), смѣю надѣяться на многочисленные заказы.

Особенно я еще рекомендую **приложенія объявленій, тарифовъ и прейсъ-курантовъ** при „Нивѣ", считая **за каждую тысячу по 5 руб.**

Для приложеній **иногороднымъ** подписчикамъ „Нивы" нужно объявленій въ количествѣ 17,000 экз.

Для приложеній **городскимъ** (с.-петербургск.) подписч. „Нивы" нужне объявленій въ количествѣ 6,000 экз.

Такъ какъ составъ каждаго № „Нивы", т. е. наборъ, корректура, поправка рисунковъ, глазировка бумаги, печать, фальцовка, упаковка и проч. занимаетъ двѣ недѣли, то необходимо доставить объявленія заблаговременно въ контору Редакціи „Нивы".

Издатель „Нивы" **А. Ф. Марксъ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 20 Апрѣля 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб., Больш. Морская, д. № 9. Тип. Вейдинга, Англ. пр., № 10.

ТАРИФЪ и ПОСТРОЧНЫЕ РАЗМѢРЫ объявленій въ журналѣ „НИВА“.

№ 1. 2 строки 50 коп.

№ 2. 3 строки 75 коп.

№ 3. 4 строки 1 руб.

№ 4. 5 строкъ 1 р. 25 к.

№ 5. 6 строкъ 1 р. 50 к.

№ 6. 7 строкъ 1 р. 75 к.

№ 7. 8 строкъ 2 руб.

№ 8. 9 строкъ 2 р. 25 к.

№ 9. 11 строкъ 2 р. 75 к.

№ 10. 13 строкъ 3 р. 25 к.

№ 11. 15 строкъ 3 р. 75 к.

37 буквъ.

№ 12. 17 строкъ 4 р. 25 к.

№ 13. 20 строкъ 5 руб.

№ 14. 25 строкъ 6 р. 25 к.

№ 15. 30 строкъ 7 р. 50 к.

№ 16. 31 строка 7 р. 75 к.

№ 17. 35 строкъ 8 р. 75 к.

№ 18. 2 двойн. строки 1 руб.

№ 19. 3 двойн. строки 1 руб. 50 коп.

№ 20. 4 двойн. строки 2 руб.

№ 21. 5 двойн. строкъ 2 руб. 50 коп.

№ 22. 6 двойн. строкъ 3 руб.

№ 23. 7 двойн. строкъ 3 руб. 50 коп.

№ 24. 8 двойн. строкъ 4 руб.

№ 25. 9 двойн. строкъ 4 руб. 50 коп.

№ 26. 11 двойн. строкъ 5 руб. 50 коп.

№ 27. 13 двойн. строкъ 6 руб. 50 коп.

№ 28. 15 двойн. строкъ 7 руб. 50 коп.

76 буквъ.

№ 29. 17 двойн. строкъ 8 руб. 50 коп.

№ 30. 20 двойн. строкъ 10 руб.

Каждое объявленіе, помѣщенное въ «Нивѣ» сохраняется долгое время, такъ какъ читатели иллюстрированнаго журнала, нумера **не бросаютъ** подобно нумерамъ **ежедневныхъ газетъ**, — а напротивъ того, **въ концѣ года отдаютъ въ переплетъ.** Кромѣ 23,000 экземпляровъ для подписчиковъ, печатается еще 2000 лишнихъ экз. «Нивы» для продажи комплектныхъ брошюрованныхъ и переплетенныхъ томовъ въ концѣ года, т. е. каждый нумеръ печатается въ количествѣ 25.000 экз.

Въ каждой строкѣ одного формата помѣщается **37** буквъ нонпареля. Въ каждой строкѣ двойнаго формата помѣщается **76** буквъ нонпареля. Одна страница или **480** стр., или **18.240** буквъ стоитъ **120** руб. Половина страницы или **240** стр. или **9.120** буквъ стоитъ **60** р

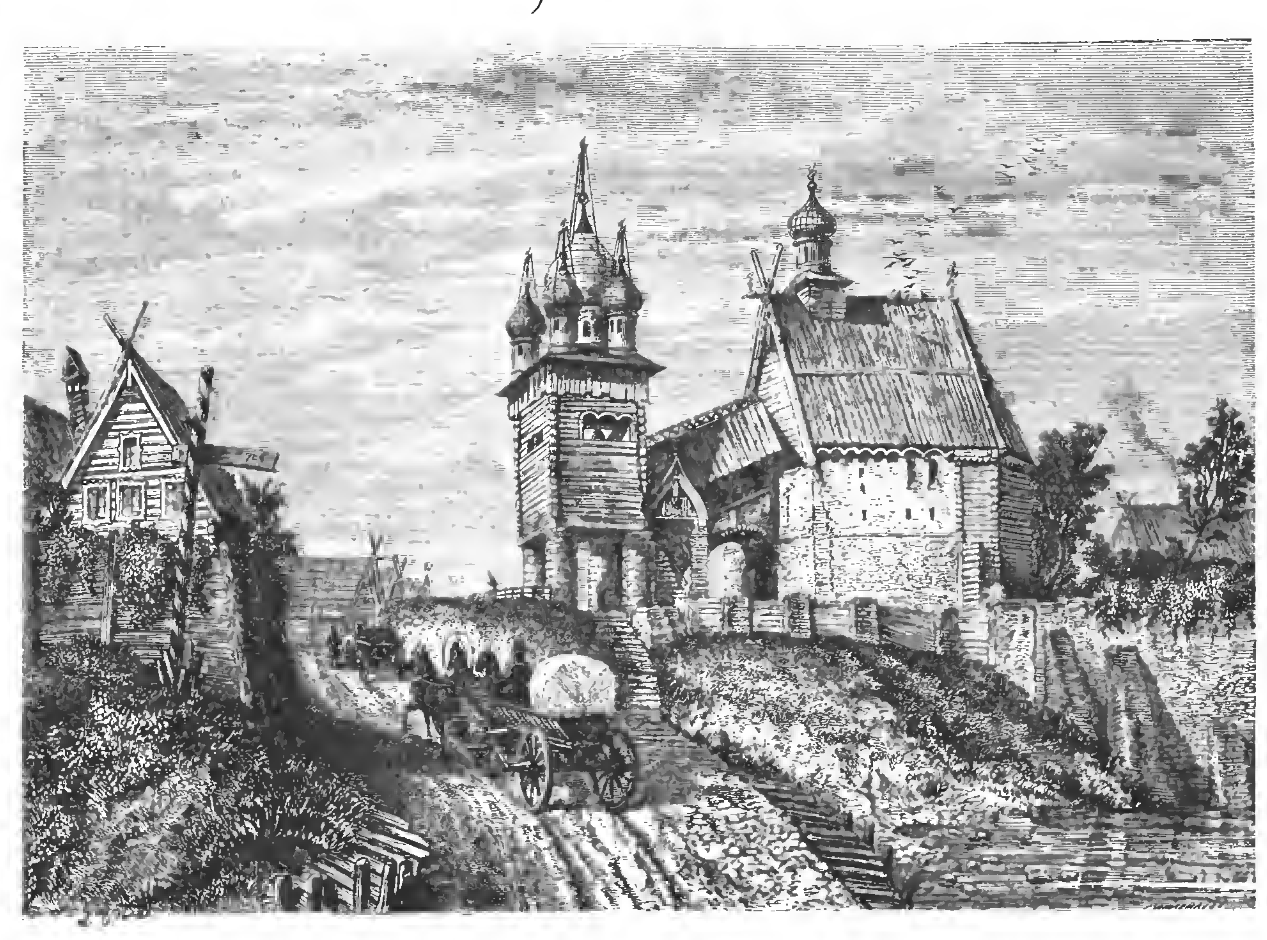
ЛИТЕРАТУРЫ,
№ 18 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 3 Мая 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за МАЙ съ 32 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 36 чертежомъ.

Исайка.

Приходская церковь (къ статьѣ Немировича-Данченко «Исайка»). Рис. Ганье, грав. Паннемакеръ.

Исайка

(Изъ путевыхъ набросковъ).

Не упомню я даже теперь, какъ и называлась эта деревня, хоть и стояла она на бойкомъ почтовомъ трактѣ.

Только и осталась въ памяти старинная приходская церковь, за то она и до сихъ поръ такъ и рисуется передъ моими глазами, живописная, красивая въ самомъ запустѣніи своемъ. Къ каменному, на подобіе четырехугольной башни выведенному корпусу, съ двумя узенькими въ родѣ бойницъ окошками, примыкала крытая полувоздушная галлерейка надъ аркою главныхъ воротъ. Рядомъ, на четырехъ каменныхъ столбахъ, точно деревянная мельница, поставлена была колоколенка съ четырьмя маленькими и однимъ большимъ куполомъ. Позади церкви за каменной же стѣною, кое гдѣ уже осыпавшейся, тянутся зеленые сады. Молодыя вѣтви березовой чащи перекидывались за стѣну. Ярко красныя рябиновыя кисти рдѣли въ темной листвѣ. А тутъ, у самой стѣны, пламенѣли, точно сейчасъ только вспыхнувшіе, алые вѣнчики маку и скромные голубенькіе колокольчики стыдливо жались къ нахальному желтому курослѣпу, красовавшемуся на всемъ зеленомъ просторѣ небольшаго лужка. Золотыми пятнами тамъ и сямъ разбрасывались колоніи ромашки—а внизу едва струилась въ тихомъ заводьѣ спокойная вода «студеной» криницы...

— Видалъ ли ты гдѣ такую церкву? хвастался ямщикъ, весело поглядывая на старыя стѣны, сквозь осыпавшіеся кирпичи которыхъ выглядывали мелкіе побѣги какой-то зелени.

— Ты въ Питерѣ бывалъ-ли? оглянулся онъ на меня.

— Бывалъ, какъ же.

— Сказываютъ и тамъ такихъ храмовъ мало. Наша церква старая, сказываютъ, Грознымъ ставлена. Казнилъ, вишь, онъ тутъ неправедно сорокъ сороковъ народу неповиннаго, ну и какъ опамятовался, за упокой ихъ душъ поставилъ, чтобъ кровь значитъ, не вопіяла къ небу... Тутъ подъ церковью должно быть и косточки ихъ покоются. Въ прошлое время, сказываютъ, и чудеса бывали, ну а понѣ народъ вишь оскудѣлъ вѣрою—и чудесовъ нѣтъ. Опять то сказать, и чудесамъ нонѣ, пожалуй не повѣрятъ...

— А приходъ-то у васъ великъ-ли?

— Нашего приходу—нѣтъ больше. И попы у насъ богатые поэтому. Одинъ у насъ попъ былъ—тотъ сына-то въ генералы вывелъ, въ Питерѣ служилъ на царской службѣ, сколько орденовъ нахваталъ, страсть, а пріѣхалъ къ отцу сюда — ничего: почтительно держалъ себя. У него въ дому и останавливался. Мы первое время тоже опасались его... Ну а потомъ, ничего. Видимъ, генералъ кроткій, народа не трогаетъ... Пожилъ, пожилъ—сестру взялъ съ собой и уѣхалъ. Опосля этого нашъ попъ страсть какъ превозноситься сталъ. Съ кѣмъ вы это разговариваете, кричитъ. У меня у самого сынъ въ генералахъ служитъ! Ну и ему почетъ тоже... нельзя. Мы разъ даже большую защиту изъ-за этого самаго генерала получили.

— Это какъ же?

— Обидѣлъ насъ баринъ сусѣдній. Брались мы ему работать на полѣ три дня въ недѣлю, а онъ намъ за это лужокъ предоставилъ, лѣсокъ отдалъ. Только мы какъ убрали, все ему предоставили какъ слѣдуетъ—смотримъ, онъ и лѣсъ опять къ себѣ оттягивать сталъ. Кажи, говоритъ, контракту, а какая тутъ контракта, коли мы на совѣсть его полагались.

— Ну, а генералъ тутъ при чемъ же?

— Генералъ! А онъ живетъ въ Питерѣ и баринокъ нашъ въ Питерѣ. Отецъ Гавріилъ и написалъ сынку, тотъ и сократилъ баринка, пристыдилъ его. Извѣстно, спознаешь совѣсть, ежели приструнятъ. А безъ струны тоже нельзя. Безъ струны человѣкъ брюхо свое выпретъ, да и величается промежду народа, точно онъ и невѣсть ипостасный господинъ какой.

— Гдѣ это ты словамъ такимъ научился.

— Я грамотный! Тоже учены, слава Богу. У насъ учителемъ былъ унтеръ одинъ, такъ онъ съ нами точно съ азіатами. Возьметъ палку и давай учить!.. Я, говоритъ, привыкъ такъ, потому на Кавказѣ сколько, можетъ, крови непріятельской пролилъ.

Наконецъ, кони лихо подкатили къ станціонному дому.

Станція, большая дорога, перекладная тройка! Гдѣ вся эта поэзія почтоваго тракта, эти остановки въ вытянувшихся вдоль дороги селахъ, эти пустыя станціонныя комнаты съ лубочными картинами, съ писаремъ, лѣниво и нехотя заносящимъ вашу подорожную въ книгу, эти случайныя встрѣчи или съ прелестнымъ личикомъ шестнадцатилѣтней степной наяды, или съ добродушнымъ ея папашей, тучнымъ и лѣнивымъ, гостепріимнымъ и сообщительнымъ; эти озаренныя солнцемъ золотыя поля по обѣимъ сторонамъ дороги, эти взмыленныя гривы удалыхъ коньковъ, уносящихъ вашу телѣжку въ ту синюю заманчивую даль, эти, то гремучіе и лихіе, то унылые, словно ползкомъ разстилающіяся пѣсни ямщика?.. Гдѣ все это!.. Каждый часъ въ то доброе время приводилъ съ собою новыя впечатлѣнія, каждую минуту вы видѣли новыя картины, каждая остановка дарила васъ новой встрѣчей... Пыль клубится позади васъ... дробно переливаются колокольчики... пристяжныя завились кольцомъ и словно сослѣпа, вытянувшись, стремглавъ уноситъ васъ коренной... Вы перегнали и жемчужную тучку на небѣ и вѣтеръ, лѣниво гонящій зеленыя волны по всколосившимся нивамъ... И свѣжо, и хорошо кругомъ, ароматъ полевыхъ цвѣтовъ обливаетъ васъ... свищетъ воздухъ разсѣкаемый вами... а глаза зорко приглядываются впередъ... впередъ, гдѣ въ туманной синевѣ сливаются и рощи, и поля, и только зубчатая линія, невѣдомо куда убѣгающихъ холмовъ, мерещится, точно окраина тучки, чуть чуть приподнявшейся на небосклонѣ. И хорошо, и весело, и самъ человѣкъ запоетъ на весь этотъ просторъ!..

А теперь!.. Запрутъ васъ въ вагоны, точно въ душное стойло, набьютъ туда людей, дико оглядывающихся другъ друга. Противно... Отворили бы вы вагонъ хоть на одну минуту наглядѣться на золотой просторъ лѣтняго полудня, глотнуть полевого воздуха—да вдругъ забрюжжитъ подвязанный сосѣдъ, захнычетъ какая-нибудь мокрица въ салончикѣ, обладающая всевозможными недугами и болѣзнями. А и дохнетъ воздуха въ окнѣ—небольшая радость. Отравляющій запахъ каменнаго угля, противный, доводящій до тошноты. Остановки—по командѣ, только что выползли вы—гонятъ назадъ... Удобно сидѣть и быстро везутъ—ни слова! Только отъ этой быстроты и удобства убѣжалъ бы куда-нибудь подальше.

Не разъ вздохнешь, вспоминая старую столбовую дорогу!..

— Исайка, гдѣ Исайка! слышалось когда-то на станціи.

— Гони его сюда, распоряжался станціонный смотритель.

— Да что это за Исайка?

— Писарекъ у насъ такой! И писарекъ самый плюгавенькій. Такъ держимъ, для ради пріюту... Да вотъ и онъ бѣжитъ.

Въ дверяхъ показалась преоригинальная фигурка.

Сѣденькій старичёкъ лѣтъ этакъ пятидесяти. Волосы—до плечъ и еще густые... Усы и борода—щетиной, видно съ мѣсяцъ небрился... Глаза изъ-подъ сѣдыхъ, словно ставшихъ дыбомъ, бровей глядятъ на васъ крайне презрительно. Черты лица крупны и какъ то нелѣпы. Носъ не въ мѣру толстъ—распираетъ его, повидимому, на этомъ лицѣ во всю; морщины крупныя—точно ихъ тушью намалевали, губъ нѣтъ—такъ провалъ какой-то... Ходитъ Исайка козыремъ. Руки въ карманы, осанистъ.. Грудь впередъ, ноги точно тактъ отчеканиваютъ.

— Проѣзжающій? важно спросилъ Исайка.

— А ты поди опять въ кабакѣ былъ? замѣтилъ смотритель.

— Молчи, не съ тобой, холопомъ, говорятъ..

— Ой ты, пустозвонъ... Баринъ, въ банѣ паренъ, дубьемъ выколоченъ, цѣпомъ вымолоченъ.

— Зажужжалъ!.. Съ кѣмъ ты говоришь?.. сановито оглянулся Исайка

— Комедьянъ! Извольте посмотрѣть на него, господинъ. Такую театру представитъ, лучше, чѣмъ ахтеръ заправскій.

— Съ кѣмъ ты это говоришь? уже нѣсколько громче продолжалъ Исайка.

— Съ кѣмъ, съ тобой кабацкая затычка...

— А коли со мной, зачѣмъ сидишь, мужикъ... Встань, дерево!

— Я мужланъ... Да на мнѣ четырнадцатый классъ! уже обидѣлся въ свою очередь смотритель.

— Холопъ ты! Какъ смѣешь говорить такъ съ...

— Исайкой?

— Не Исайкой, а княземъ Бѣлогубъ - Свѣтозаровымъ!.. Да знаешь ли ты, холопъ, что лѣтъ сто тому назадъ могъ бы я тебя выпороть на конюшнѣ и управы ты никакой не нашелъ бы. Мой дѣдъ, князь Иванъ, дай ему Господь царствіе небесное, такихъ чиновниковъ, какъ ты, смердъ, медвѣдями травилъ, гонялъ, что зайцевъ сворами поселкомъ. Знаешь ли ты, что мой прадѣдъ, князь Симеонъ, повѣсилъ бы тебя на воротахъ, и гнилъ бы ты тамъ, и расклевали бы тебя вороны, и истлѣлъ бы ты безъ христіанскаго погребенія!..

Исайка говорилъ ровно, не волнуясь, какъ говоритъ не бѣдняга, терпимый «для ради пріюта», а власть и силу имѣющій. Я подумалъ, не образчикъ ли захудалыхъ княжескихъ родовъ передо мною.

— Молчи же, душа чернильная, піявка! И Исайка снова степенно принялся вносить содержаніе моей подорожной въ книгу.

Станціонный смотритель сидѣлъ молча. Огорошенъ былъ ужь очень.

— Вотъ ужь именно громъ не изъ тучи... Охъ ты Исайка, Исайка... Форсу то у тебя на пять почтмейстеровъ хватитъ. А ты сократись, сожми хвостъ-то, вишь, онъ у тебя топорщится. Онамедни ревизоръ былъ, такъ ужь простилъ тебя по добротѣ своей, а то быть бы бычку на веревочкѣ.

— Простилъ?! Воровское племя! Да развѣ я у него просилъ прощенія.

— Да что съ тебя взять, коли ты вишь полоумный какой!..

— Простить!.. Меня, князя Бѣлогубъ-Свѣтозарова.

— Была тоже фальшивая бумажка, рублемъ величалась, пока становой не поймалъ ее!... Какой ты князь. Такихъ князей по-

ди страсть сколько понасыпано. Эдакихъ то князей подп подеревни у насъ.

— Да что онъ, дѣйствительно, князь? спросилъ я тихо у смотрителя.

— Была къ князьямъ взята изъ деревни въ горничныя Анюта, старостина дочка. А на то время изъ Питера молодой баринокъ пріѣхалъ, сказываютъ. Ну и спознался съ ней... долго ли! Вотъ и произошелъ на свѣтъ нашъ князекъ Исайка. Ужъ его какъ ругали за это, страсть. На бумагахъ вздумалъ подписываться княземъ Бѣлогубъ-Свѣтозаровымъ, судили за это его, онъ и на судѣ стоялъ на своемъ, ну, за дурость эту самую оправдали! Смолоду то онъ прыткій былъ. Старикъ князь его сдѣлалъ было управляющимъ въ селѣ одномъ, страсть какъ свирѣнствовалъ онъ. Помни, говоритъ, князей Свѣтозаровыхъ! Онъ и теперь ужъ на что голодный человѣкъ, ни у него двора, ни у него хозяйства, а ни за что къ мужику въ гости не пойдетъ... Женить его хотѣли—не пошелъ. Стану я, говоритъ, свою кровь съ подлой кровью мѣшать...

— Получите вашу подорожную. Исайка точно и не слышалъ, что мы говорили о немъ. Голосъ былъ попрежнему надмѣненъ.

Зная уже изъ объясненій смотрителя, что Исайка человѣкъ бѣдный, «голодный» человѣкъ, я положилъ передъ нимъ деньги. Онъ даже и не взглянулъ на меня. Я думалъ, что незамѣтилъ.

— Это вамъ, за труды!..

Господи! какимъ взглядомъ онъ меня окинулъ!..

— Эй ты, холопъ! обратился онъ къ смотрителю. Проѣзжающій тебѣ вотъ на чай деньги оставилъ!

Смотритель не заставилъ повторять. Мелкимъ шажкомъ подбѣжалъ онъ къ столу и съ поклономъ взялъ мелочь.

Исайка всталъ, выпрямился и, не оглянувшись на меня, вышелъ вонъ.

Скоро почтовая тройка вынесла меня изъ села, на просторъ зеленыхъ полей. Позади давно уже темныя избы слились въ одну неопредѣленную массу, и только бѣлая стѣна старинной церкви съ своими куполами еще мерещилась, вся въ золотой дымкѣ солнечнаго блеска...

Немировичъ-Данченко.

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

Справедливое негодованіе всецѣло овладѣло Кэтой. Она по натурѣ настолько не была кроткой: молодая кровь ея закипѣла при обидѣ, и бьющему по одной щекѣ—подставлять другую—она не могла... Однако, на этотъ разъ, Кэта преодолѣла себя и отрывисто, холодно сказала:

— Я принесла кольцо.

— Давай его сюда!

Лицо Флоры нѣсколько просвѣтлѣло. Она торопливо взяла колечко съ ладони Кэты и надѣла его на четвертый палецъ.

— Ну, я очень рада, что этотъ маленькій дезертиръ отыскался! Это недобрый знакъ...

Такая безграничная дерзость сильно поразила молодую дѣвушку, такъ что она едва выговорила:

— Въ данномъ случаѣ вѣдь не о дурномъ же предзнаменованіи говоришь ты?...

— А почему-жъ-бы и не такъ? Или ты думаешь, что умные люди должны быть непремѣнно свободны отъ суевѣрія?.. Наполеонъ I былъ суевѣренъ, какъ баба,—вотъ и знай, если не знала этого, моя малютка!... Что касается меня, то я... я, по крайней мѣрѣ, не отрицаю предзнаменованій.

Проговоривъ эти слова, Флора такъ прямо и дерзко посмотрѣла на сестру, какъ будто была увѣрена, что подобный взглядъ уничтожитъ въ головѣ молодой дѣвушки всякую самостоятельную мысль и заставитъ ее совершенно забыть о прошломъ. Но прекрасной невѣстѣ пришлось имѣть дѣло съ существомъ неумолимоправдивымъ, обладающимъ горячимъ сердцемъ...

— Ты забываешь, что вчера вечеромъ ты не одна была тамъ! И Кэта указала рукой на мостъ.

Флора злобно разсмѣялась.

— Да, вотъ какъ намъ говорятъ, если мы меньшихъ сестрицъ своихъ не держимъ на приличной дистанціи, не подпускаемъ ихъ къ себѣ по крайней мѣрѣ шаговъ на десять! Впрочемъ, это ужъ такая манера у свѣженькихъ, новенькихъ дѣвицъ — принимать важный, таинственный видъ, какъ будто онѣ и въ самомъ дѣлѣ Богъ вѣсть что знаютъ, а потомъ неуклюже, безтактно касаться непріятно-звучащей струны въ человѣческомъ сердцѣ, о существованіи которой желали бы совсѣмъ забыть... Разлюбезнѣйшая моя Кэта, обладательница неизсякаемаго источника мудрости, ты хочешь сказать мнѣ, что я вообще не могу уже связывать съ моимъ обручальнымъ кольцомъ никакого предзнаменованія, потому что... ну, потому что оно лежитъ на днѣ рѣки?.. Такъ, что ли, сокровище мое?..

И она снова отрывисто, рѣзко засмѣялась

— Ну, и что, если я, не взирая на всю мою пылкость, безуміе, гнѣвъ (мнѣ вѣдь пришлось выслушать несправедливую, пристрастную критику... Безпощадно были брошены тѣ слова прямо въ лицо мнѣ!) — что, если я, все таки почувствовала жалость, состраданіе и —*не* бросила тогда мою маленькую драгоцѣнность?.. Развѣ ты, дитя, слышала, какъ колечко упало?.. Разумѣется—нѣтъ: оно вѣдь—здѣсь!..

Флора, играя, вертѣла кольцо на пальцѣ.

— Да, здѣсь, повторила она, хотя незадолго передъ этимъ оно возымѣло намѣреніе самовольно покинуть меня...

— Ну, да, покинуть потому, что кольцо это не по пальцу тебѣ—велико... перебила неумолимая Кэта, отъ негодованія дрожа всѣмъ тѣломъ:—у тебя пальцы потоньше пальцевъ покойной твоей матери.

Флора вздрогнула и даже вытянула руку, какъ бы желая оттолкнуть сестру.

— Ахъ, ты, змѣенышъ! прошипѣла она гнѣвно... Съ первой встрѣчи здѣсь, какъ только взглянула я на тебя—я ужъ знала, что твоя мужицкая, неотесанная фигура кинетъ гадкую тѣнь на мою дорогу... Какъ же смѣешь ты слѣдить за мной, шпіонить... наблюдать за моими дѣйствіями? Ты—*за мной*?! Такъ это-то „честныя правила“, которыя вбивала тебѣ въ голову твоя *славная* Лукасъ?.

— Мою Лукасъ оставь въ покоѣ, сказала Кэта, сохраняя холодное, величавое спокойствіе, тогда какъ Флора была страшно раздражена. Если я *такъ* думаю и поступаю *такъ*, то это вовсе не отъ воспитанія. Я знаю, что эти „честныя правила“ у меня въ крови—по наслѣдству отъ моего честнаго отца. Комедій въ жизни я ненавижу, и лучше совсѣмъ, навсегда онѣмѣть, чѣмъ одобрять ложь. Если ты привыкла озадачивать тѣхъ, которые окружаютъ тебя, своими отважными поступками и запугивать ихъ до такой степени, что они молчатъ, видя твою ложь,—то со мной тебѣ не удастся продѣлать этого, не смотря на то, что я и молода, и неопытна. Меня ты не введешь въ заблужденіе: у меня вѣдь здоровые глаза и память хорошая...

— Ну, конечно, гдѣ же тягаться тонкому организму,

чуткой душѣ, съ дюжимъ деревенскимъ произрастеніемъ!"

Флорѣ хотѣлось съ насмѣшливой улыбкой уйти, не дослушавъ монолога Кэты, оставить эту „резонерствующую юную дѣвицу", но—она не ушла, она сжимала пальцы въ кулакъ, кусала губы, рвала молодые листочки бука и, оставшись, вдругъ заговорила, такъ разсудительно, такимъ сдержаннымъ тономъ, какъ будто душа ея пребывала въ совершенномъ покоѣ.

— Не знаю, поймешь ли ты меня, дитя... (она пожала плечами). Ты морализируешь, употребляя скучный, старый пріемъ, въ который дѣтски вѣруешь, и относишься поэтому къ душѣ человѣческой, какъ лавочникъ, отсчитывающій извѣстное число аршинъ, который не обращаетъ вниманія на качество и цвѣтъ матеріи... Можетъ быть, это тебѣ не ясно?..

Флора шагнула къ сестрѣ и такъ приблизилась къ ней, что Кэта чувствовала ея дыханіе.

— Ну да, ты не ошиблась, заговорила она, понизивъ голосъ и искоса посмотрѣвъ на окна домика:—мое обручальное кольцо тамъ—въ рѣкѣ. Я швырнула его въ порывѣ страшнаго отчаянія, подъ вліяніемъ чувства невыразимаго отвращенія къ нищенской жизни съ Брукомъ. Дѣвушки твоего сорта, конечно, не поймутъ этого... Вы вѣдь выбираете себѣ мужа, зная его средства, ознакомившись съ его наружностью, причемъ принимаете въ соображеніе пріятный видъ лица и... даже красивую бороду. Сказавъ разъ „да", вы идете за нимъ въ огонь и воду... Что-жь, это очень хорошо. Такія дѣвушки становятся честными матерями благовоспитанныхъ сыновей; сидя въ родномъ гнѣздѣ, онѣ боязливо и скромно закрываютъ глаза, если вдругъ видятъ передъ собой летящаго орла, который стремится въ страшную высь... Вотъ, съ такимъ-то орломъ хочу жить *я*! Тамъ, гдѣ онъ паритъ—тамъ я могу дышать, тамъ область моя, родина... Я всегда буду возлѣ него, буду восхищаться имъ, вдохновлять его во время гордаго полета...

— Н-да, чтобы потомъ, если коварная пуля случайно подрѣжетъ ему крылья, громко назвать орла вороной и трусливо, потихоньку бросить его, подхватила Кэта, ярко обрисовавъ постыдную измѣну эгоистки - сестры... И если бы ты ушла еще украдкой, молча, какъ обыкновенно дѣлаютъ вѣроломные люди, но—нѣтъ, уходя, ты дала волю ожесточенной своей ненависти, ты *тутъ же* объявила, что будто бы тебя предательски обманули—и, вотъ, теперь снова стоишь на поруганной тобою землѣ!..

— Да, стою здѣсь, какъ обожаемая невѣста Брука, которой—увы, пришлось тяжко ошибиться, не понять во время, громадности предназначеннаго ей счастья!..

На губахъ Флоры играла торжествующая усмѣшка. Она смѣрила сестру съ головы до ногъ гнѣвно-сверкающимъ взглядомъ.

— Э, да ты можешь быть очаровательно - дерзкой, малютка! Меня положительно поразила твоя хорошенькая фраза, сказанная по поводу моего сравненія... относительно орла... Ахъ, ну, конечно, ты обладаешь преизрядной дозой мѣщанскаго, доморощеннаго ума! Только ума-то этого хватаетъ развѣ на разсужденія вкривь и вкось о порывахъ геніальной натуры, пламенной души... И что смыслишь ты въ психологическихъ тайнахъ и загадкахъ?.. Вотъ, если бы я заговорила о дружбѣ—ну, пожалуй, это было бы комедіей, но любовь и ненависть уживаются вмѣстѣ, онѣ воспламеняютъ другъ друга, и часто причиной жгучей ненависти бываетъ избытокъ чувства любви. Вы, съ вашимъ притупленнымъ сердцемъ, конечно, не поймете этого. Женщины, подобныя тебѣ, чтобы примириться съ мужчиной, котораго онѣ оскорбили, начинаютъ варить ему его любимое кушанье!.. Я-же — и вообще натуры моего пошиба—способны искупить смертью содѣянное преступленіе.

Флора прижала кулакъ къ груди, какъ будто вонзала кинжалъ въ сердце свое.

— И вотъ еще что скажу я тебѣ: никогда не любила я Брука такъ страстно, самоотверженно, какъ теперь, съ той минуты, какъ я узнала, что онъ страдалъ, былъ мученикомъ, молчалъ, какъ герой! Да, съ той минуты, когда я должна была сознаться, что смертельно оскорбила его—любовь моя вспыхнула съ новой силой, и... никогда еще (она быстро схватила руку Кэты и притянула къ себѣ молодую дѣвушку... Пальцы ея были холодны какъ ледъ)—никогда еще, шептала Флора на ухо ей,—не была я такъ ревнива, такъ жгуче ревнива!.. Замѣть это себѣ, дитя мое! Здѣсь *мое* царство... Хотя я слишкомъ далека отъ мысли считать тебя опасной... Ты для него вовсе не симпатична, что я давно замѣтила, да, наконецъ, онъ только и дышетъ мной... но, все таки, я не привыкла терпѣть возлѣ себя существо, которое такъ умышленно представляетъ изъ себя пріятную особу!.. Твое „хозяйничанье" здѣсь, развязное расхаживанье по всему дому, манеры твои—не нравятся мнѣ. На будущее время ты должна оставить все это... Поняла, сокровище мое?..

Энергично отчеканивъ эти слова, Флора подобрала свой шумящій шлейфъ, и такъ поспѣшила въ домъ, какъ будто хотѣла лишить Кэту возможности сдѣлать какое-либо возраженіе, но такая торопливость оказалась совершенно напрасной: молодая дѣвушка стояла съ крѣпко сжатыми, поблѣднѣвшими губами. Честная, неиспорченная юность молчитъ въ такихъ случаяхъ; нѣтъ у нея отвѣта на такой вызовъ, проникнутый страшнымъ высокомѣріемъ, нахальствомъ, указывающій на поразительное двоедушіе.

Наступилъ май. Фруктовыя деревья уже отцвѣли, зелень замѣтно погустѣла, а уютный домикъ за рѣкой совсѣмъ потонулъ въ зеленомъ морѣ листьевъ, благодаря густо разросшимся винограднымъ лозамъ, которыя доползли почти до самой крыши. Гостиная въ домикѣ снова опустѣла. Генріэтта давно уже перебралась на виллу. Больная видимо поправилась; казалось даже — развитіе болѣзни пріостановилось. Тетушка-діаконица говорила, что все это сдѣлала Кэта—такъ хорошо ухаживала она за сестрой. Обѣ сестры вели теперь въ бель-этажѣ пріятную, уединенную жизнь. Новый рояль стоялъ уже въ комнатѣ Кэты. Благодѣтельное вліяніе на больную имѣло сближеніе ея съ тетушкой: Генріэтта иначе смотрѣла теперь на жизнь, оставила прежнія привычки и стала равнодушно относиться къ свѣтскому шуму.

Никогда еще въ домѣ коммерціи совѣтника не было такъ весело и людно, какъ въ настоящее время, т. е. когда хозяинъ сталъ дворяниномъ. Завелись новыя, весьма пріятныя, желанныя знакомства; нужно было устраивать разнообразныя празднества, задавать широкіе пиры, и тутъ то изобрѣтательность президентши и кошелекъ г. ф.-Рэмера оказались неистощимыми. Да, человѣкъ этотъ, можно сказать, былъ необычайно счастливъ! Во всемъ была ему блестящая удача: золотой дождь падалъ на него; говорили, что коммерціи совѣтникъ ворочаетъ милліонами... И онъ умѣлъ такъ поставить себя, что имъ интересовались во всѣхъ слояхъ общества. Побывать на виллѣ Баумгартенъ—считалось солиднымъ шикомъ. Владѣлецъ ея не жалѣлъ денегъ на устройство роскошной обстановки: онъ покупалъ дорогія картины, статуи, составлялъ коллекцію рѣдкостей, а серебряной посуды было у него больше чѣмъ у фюрста.

Около виллы постоянно что-то строилось, такъ что, мѣстами, паркомъ почти нельзя было пройти, не наткнувшись на цѣлыя глыбы плитняка или на куски бѣлоснѣжнаго мрамора, предназначеннаго для возведенія новыхъ конюшенъ. Коммерціи совѣтникъ былъ страстный любитель лошадей, а ихъ у него таки прибавилось, и что за великолѣпныя лошадки были у него!..

Ожиданіе. Картина Улиса Бютена, грав. Хожé.

Цѣлая толпа рабочихъ рыла обширный прудъ; строились новыя теплицы для пальмовыхъ деревьевъ... На все это летѣли громадныя суммы денегъ. Но этого мало: въ одинъ прекрасный день явились плотники, маляры, обойщики и—около красиваго, большого павильона, стоявшаго въ чащѣ парка, закипѣла работа. Павильонъ этотъ былъ почти заброшенъ; двери его были заколочены, но теперь около него лѣпились уже новыя пристройки изящной архитектуры, въ окнахъ блестѣли широкія зеркальныя стекла. По временамъ коммерціи совѣтникъ вынималъ изъ кармана образцики обой и рисунки паркета, которые и преподносилъ президентшѣ, прося ее по вкусу выбрать то или другое, и всегда въ такомъ случаѣ генеральша становилась особенно колкой, сердилась, а Флора хихикала въ платокъ .. Почтенная дама, хотя и указывала на образцики, однако же увѣряла, что ее совсѣмъ не интересуетъ эта новая затѣя—перестройка павильона — ради разныхъ дѣловыхъ людей, пріятелей хозяина. Она даже говорила, что нога ея никогда не будетъ тамъ...

Коммерціи совѣтникъ хлопоталъ, суетился, зачастую уѣзжалъ „по дѣламъ“, но это, заявлялъ онъ иногда, скоро кончится: купитъ онъ себѣ славное рыцарское помѣстье и заживетъ сельскимъ дворяниномъ. Если ему удавалось оставаться дома—онъ почти весь день проводилъ въ бель-этажѣ, гдѣ даже пилъ послѣобѣденный кофе—къ великой досадѣ президентши, которая лишала себя удовольствія посидѣть часокъ въ зимнемъ саду... Конечно, она была слишкомъ внимательна къ „милому Морицу“, чтобы оставлять его одного съ угрюмой, больной и молоденькой „новоиспеченной“ дѣвицей... Генеральша приносила жертву, отправляясь одновременно съ Морицемъ въ бель-этажъ. Это было очень пріятно Кэтѣ... Она чувствовала какую-то непреодолимую, непріятную робость передъ зятемъ-опекуномъ, и именно съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ къ ней странно-предупредителенъ, такъ нѣженъ, обнаруживая въ то же время тонкую фальшивость, удивительное коварство, относительно президентши, съ которой, однако, продолжалъ обращаться съ обычною своею любезностью. Кэта невольно сдѣлалась застѣнчивой, сдержанной; дѣтская игривость ея исчезла... Но это-то, кажется, еще пуще подзадоривало „милаго Морица“ поступать такъ, а не иначе; онъ смотрѣлъ ей въ глаза, угадывалъ ея желанія... Онъ давно уже объявилъ Кэтѣ, что согласенъ на продажу фабричнымъ рабочимъ заброшенной части сада при мельницѣ. Молодая дѣвушка любила помогать бѣднымъ и опекунъ не препятствовалъ ей въ этомъ, даже заботился, чтобы кошелекъ ея никогда не оставался пустымъ. „Что жь, ты можешь позволить себѣ такую забаву“, говорилъ онъ, намекая на поразительное увеличеніе капитала ея: „мнѣ вотъ скоро придется купить новый желѣзный денежный шкафъ!“...

Кэта обыкновенно отвѣчала на это мрачнымъ молчаніемъ. Коммерціи совѣтникъ долженъ былъ признаться ей, что все это богатство пріобрѣтено безжалостнымъ барышничествомъ... Президентша никогда не пропускала случая подтвердить это... Молодая дѣвушка еще недавно заявляла, что находитъ восхитительнымъ *быть богатой*, а теперь страхъ обуялъ ее при мысли, что она обладаетъ такой массой денегъ... Богатства ростутъ и ростутъ, какъ-бы подъ вліяніемъ дьявольскаго наважденія! И кажется ей, что наступитъ, наконецъ, день, когда вся эта золотая гора станетъ давить ее, явясь орудіемъ справедливаго возмездія...

Кэта стала вообще серьезнѣе, и, если веселость и овладѣвала ею, то это случалась только тамъ—въ „домикѣ за рѣкой“. Тетушка-діаконица безвозмездно обучала бѣдныхъ дѣвочекъ разнымъ рукодѣліямъ. Дѣвочки являлись къ ней по средамъ и субботамъ, въ послѣобѣденное время. И вотъ Кэта, съ согласія старушки, стала заниматься съ ребятишками, и вдругъ почувствовала, что педагогія—настоящее ея призваніе. Она дарила дѣтямъ платья и заботилась о томъ, чтобы они не уходили домой голодными, что тетушкѣ было бы не по средствамъ. Занятія происходили обыкновенно въ саду, гдѣ дѣти дышали чистымъ воздухомъ и могли на свободѣ порѣзвиться, а это имъ было нужно: бѣдняжки вѣдь жили въ душномъ городѣ. Кэта заказала скамейки для этой маленькой школы и вообще постаралась обставить все, какъ слѣдуетъ, даже не забыла купить игрушекъ. Ученицамъ, во время отдыха, давались мячики, обручи и т. п. увеселительные предметы.

Флора очень сердилась на Кэту, такъ какъ ей вообще не нравились отношенія, существовавшія между младшей сестрицей и старухой - діаконицей. Такое сближеніе, думала она, нарушало ея права и выставляло ее въ невыгодномъ свѣтѣ передъ тетушкой. Конечно, невѣста не говорила объ этомъ въ домикѣ за рѣкой... Вѣдь старуха всегда дѣлаетъ недовольное лицо, если слышитъ, что любимицу ея—эту дюжую дѣву—не хотятъ признать за образецъ всевозможныхъ добродѣтелей. Флора ежедневно являлась въ домъ доктора. Она велѣла сшить себѣ двѣ—три дюжины бѣлыхъ передниковъ (передники были украшены вышивкой), и ужь безъ передника никогда не посѣщала жениха. Такая прибавка къ костюму была ей „очень къ лицу“. И нельзя было упрекнуть Флору въ нежеланіи, во чтобы то ни стало, понравиться тетушкѣ: прекрасная невѣста училась печь блины, не отворачивала отъ жаркой плиты своего нѣжнаго лица, мариновала фрукты и овощи, смотрѣла за бѣльемъ, а однажды, даже вооружилась горячимъ утюгомъ, чтобы выгладить что-то... Но, не смотря на всѣ эти проявленія добродѣтели, ей не удавалось сблизиться со старушкой: жертвы пропадали даромъ—тетушка относилась къ невѣстѣ чрезвычайно вѣжливо, но сдержанно, и эта сдержанность явилась именно послѣ того рокового вечера... Какъ будто эта добрая женщина знала, что Флора, вернувшись на виллу, обнаруживала ужасную усталость и, чуть не съ проклятіемъ, швыряла въ уголъ передникъ, а потомъ, оправившись, садилась въ карету и летѣла въ городъ навѣстить своихъ пріятельницъ. Пріятельницы, конечно, завидовали ея счастью, и такъ какъ плохо скрывали завпсть, то этимъ самымъ проливали на ея душу цѣлительный бальзамъ.

На внезапную перемѣну въ судьбѣ д-ра Брука, на его блестящую карьеру, все еще посматривали, какъ на нѣкое чудо: ничтожный лекарь—и вдругъ—онъ гофратъ, лейбъ-медикъ фюрста! Но какъ могло это случиться?.. Не понимали и удивлялись, а потому, скоро стали превозносить его до небесъ. Многіе больные, узнавъ, что Брукъ переѣзжаетъ въ Л—гъ, захотѣли полечиться у него... хотя временно; — отъ приглашеній не было отбоя. Докторъ принужденъ былъ оставить начатую рукопись; ему приходилось теперь ночевать въ городѣ, обѣдать въ ресторанѣ... Впрочемъ, онъ бывалъ и на виллѣ, и у тетушки, но на самое короткое время.— „Эти минуты, говорилъ Брукъ, я краду у моихъ паціентовъ.“

Кэта видѣла его не часто, а потому, можетъ быть, видъ доктора поражалъ ее: и дѣйствительно, Брукъ казался очень утомленнымъ, былъ блѣденъ, а сдержанность его и задумчивость приняли какой-то мрачный оттѣнокъ; онъ, какъ говорится, ушелъ въ себя. Съ той минуты, когда Кэта застала его въ сѣняхъ въ объятіяхъ Флоры, онъ почти и не разговаривалъ съ ней... Такъ, двумя—тремя словами перекинулся, и то какъ-то робко, мимоходомъ. Молодая дѣвушка думала, что онъ сердится на нее (не впору влетѣла въ сѣни!), а потому обидѣлась и старалась, гдѣ только могла, избѣгать его... Тутъ были замѣтны и упрямство, и смущеніе.

Брукъ относился къ Флорѣ совершенно по прежнему. Кэта никакой перемѣны не замѣтила въ немъ въ этомъ

отношеніи. Иногда она даже спрашивала себя: да не была-ли та страшная сцена въ тетушкиной гостиной плодомъ ея фантазіи?.. Нѣтъ, Брукъ долженъ быть безпредѣльно счастливъ, потому что теперь то онъ будетъ обладать ею... Страстная любовь его непоколебима!.. Что-жъ, быть можетъ, онъ таитъ счастье свое въ глубинѣ души, никому не показываетъ его, а Флора утѣшается мыслью, что такой человѣкъ, какъ Брукъ, не можетъ-же такъ скоро примириться съ нею, ну, а послѣ свадьбы (она будетъ въ сентябрѣ) — начнется иная, новая жизнь.

Время шло и вотъ настало 20-е мая—день рожденья Флоры. Въ комнатѣ ея, на всѣхъ столахъ благоухали цвѣты—поздравительные букеты отъ пріятельницъ новорожденной. Супруга фюрста также прислала ей букетъ, какъ невѣстѣ гофрата. Высокопоставленныя придворныя лица письменно поздравили ее въ самыхъ любезныхъ, лестныхъ выраженіяхъ... Свѣтлый, торжественный день снова выпалъ на долю прекрасной невѣсты, которая еще тверже убѣдилась въ томъ, что она—любимица боговъ... И, однако-же, на лицѣ ея замѣтно было легкое облачко, а брови по временамъ хмурились, обнаруживая какое-то нетерпѣніе, досаду... На столѣ, стоявшемъ посреди комнаты, между подарками бабушки и сестеръ, красовались изящные черные мраморные столовые часы: д-ръ Брукъ рано утромъ прислалъ эту вещь при запискѣ, въ которой поздравлялъ невѣсту съ днемъ рожденья и извинялся, что лично не можетъ явиться, а посѣтитъ виллу только послѣ обѣда: на рукахъ у него былъ опасно-больной въ городѣ.

— Я не понимаю Лео, сказала Флора президентшѣ, съ досадой указывая на подарокъ Брука, неужели онъ не могъ выбрать для меня ничего красивѣе этой каминной вещицы? Въ день рожденья обыкновенно не дарятъ вещей *чернаго цвѣта*... На мой взглядъ—часы эти просто—безвкусица.

Президентша въ это время старательно обнюхивала букетъ супруги фюрста, какъ будто цвѣты эти проливали совсѣмъ особенный ароматъ.

— Нѣтъ, подарокъ этотъ подходящій, совсѣмъ въ твоемъ вкусѣ, Флора. Онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ необыкновенно-глубокомысленной обстановкѣ твоего кабинета, проговорила Генріэтта, насмѣшливо поглядывая на черные бюсты. Она полулежала на красной кушеткѣ.

— Вотъ, глупости! Тебѣ, кажется, также хорошо должно быть извѣстно, что не могу же я взять съ собою въ Л* всѣ эти вещи!... Положимъ, Морицъ устроилъ этотъ кабинетъ такъ, какъ я желала, но, насколько я знаю, онъ *не подарилъ* мнѣ, ни мебели этой, ни прочихъ украшеній... Да я ни за что и не потащила-бы туда эту дрянь! На что они мнѣ? Мой будуаръ въ Л—гѣ будетъ сиреневаго цвѣта, а отдѣлка будетъ состоять изъ бронзовыхъ арабесокъ.

— Конечно, хорошенькій, свѣжій букетикъ куда лучше часовъ! Но вѣдь ты, Флора, не сантиментальна...

Кэта (она была сегодня въ первый разъ въ бѣлоснѣжномъ платьѣ) молча стояла около великолѣпнаго миртоваго деревца — воспитанника тетушки-діаконицы. Старушка подарила его сегодня невѣстѣ. Молодая дѣвушка, грустно улыбаясь, поглаживала гибкія вѣтки мирты, усыпанныя мелкими листочками. Никто не обратилъ вниманія на этотъ рѣдкій, чудный подарокъ, а вѣдь тетушкѣ разстаться съ этимъ деревцомъ, навѣрно, было очень тяжело.

Послѣ обѣда всѣ сидѣли въ балконной гостиной, такъ какъ все еще являлись лица, желающія поздравить новорожденную.

Генріэтта лежала въ качалкѣ, стоявшей противъ отворенной двери на балконъ. Она тоже принарядилась, пожелавъ одѣться „по майски, по весеннему“, какъ и ея младшая сестра, но ей холодно было въ одномъ кисейномъ бѣломъ платьѣ, и она ежилась, закутавшись въ дорогую шаль изъ crêpe de Chine. На ея матово-блѣдномъ лицѣ лежали лихорадочно-красныя пятна. Больная попросила Кэту отправиться къ „старому“ роялю, отыскать „Lob der Thränen“ Шуберта и сыграть эту пьеску. Кэта согласилась и пошла въ „музыкальную комнату“. Вдругъ лицо Генріэтты вспыхнуло, пятна обозначились рѣзче, и она невольно приложила руку къ сердцу—въ гостиную вошелъ Брукъ.

Флора порхнула къ нему на встрѣчу и повисла у него на рукѣ. Едва давъ ему время поздороваться съ присутствующими, она увлекла его въ свою комнату, чтобы показать всѣ подарки. Красавицѣ исполнилось сегодня двадцать девять лѣтъ, но она, стряхнувъ съ себя серьезно-ученый видъ, вдругъ превратилась въ наивную, веселенькую шестнадцатилѣтнюю дѣвочку, и дѣйствительно — казалась удивительно моложавой, совсѣмъ очаровательной, юной барышней.

Когда женихъ и невѣста проходили въ красный кабинетъ—Кэта стояла у нотнаго шкафа, отыскивая въ немъ „Lob der Thränen“. Она оглянулась. Докторъ какъ-то застѣнчиво поклонился ей... Молодая дѣвушка совсѣмъ уткнулась въ ноты.

— Ну, Лео, сегодня я разрываю то, что еще связывало меня съ моимъ прошлымъ! Да, я такъ сильно заблуждалась тогда, что чуть было сама не разрушила своего счастья... (Флора проговорила эти слова уже въ кабинетѣ, и какимъ невыразимо сладкимъ голосомъ!) Слушай, я не хотѣла напоминать о томъ злосчастномъ вечерѣ, но... вѣдь тогда, потерявъ самообладаніе, я, въ волненіи, раздраженіи, высказала такія вещи, такія мысли, противъ которыхъ возстаютъ и сердце мое, и душа моя! Однако, правды ради, и ради собственнаго своего интереса, я обязана, я должна сказать тебѣ, что и ты тогда ошибался, изрекая такой приговоръ. Знай же: не желаніе выставить себя на показъ побудило меня выступить на литературное поприще, а единственно—дарованія мои толкнули меня на эту дорогу, или, лучше сказать, геніальность моя. Не задавай мнѣ никакихъ вопросовъ! Могу тебя увѣрить, что сочиненіе мое „Женщины“ (сочиненія этого ты не знаешь) прославило бы Флору Мангольдъ!... По отзывамъ людей компетентныхъ, трудъ этотъ сдѣлалъ бы имя мое знаменитымъ въ цѣломъ мірѣ... Но—мнѣ и въ голову теперь не приходитъ, заживъ *съ тобой*, идти своей отдѣльной дорогой, проявлять свои собственные таланты. Нѣтъ, Лео, я буду упиваться только *твоей* славой, какъ и подобаетъ это женѣ... И вотъ, для того, чтобы въ будущемъ и соблазна не было—тетрадь эта, плодъ усердныхъ ученыхъ занятій, поэтическаго вдохновенія, вспыхивающаго въ моей груди, волнующаго мою душу—должна исчезнуть съ лица земли!..

Въ эту минуту Кэта подходила съ нотной тетрадкой къ роялю. Она видѣла, какъ Флора, чиркнувъ спичкой, зажгла рукопись свою и бросила ее въ каминъ, а затѣмъ повернула голову къ окну (Брукъ, вѣроятно, стоялъ у окна)... Быть можетъ красавицѣ-невѣстѣ желательно было, что бы *онъ* бросился спасти „Женщинъ“, но... докторъ не бросился, потому что въ кабинетѣ было тихо, не слышно было шаговъ *его* по направленію къ камину... Значитъ „драгоцѣнное топливо“ погибло въ пламени. Дымъ, отброшенный весеннимъ вѣтромъ обратно въ трубу, влетѣлъ въ комнату и запахъ гари проникъ даже и въ музыкальной салонъ.

Въ то время, какъ Флора, крѣпко закусивъ нижнюю губу, съ странно-сверкающими глазами, отходила отъ камина, Кэта торопливо сѣла за рояль и начала играть фантазію на тэму „Lob der Thränen“.

Ей не хотѣлось услышать словъ Брука; ей, наконецъ, просто было противно постоянно быть невольнымъ свидѣтелемъ сценъ между женихомъ и невѣстой... Вѣдь такъ Брукъ по-неволѣ возненавидитъ ее, Кэту. Но эта новая комедія, только что разыгравшаяся на ея гла-

захъ, ужасно возмутила молодую дѣвушку: манускриптъ, порядкомъ таки потертый, постранствовавшій по бѣлу-свѣту (по „кривымъ дорожкамъ“), нѣсколько разъ возвращенный автору, какъ непригодный, по отзыву „компетентныхъ людей“—долженъ былъ играть роль жертвы, жертвы трогательнаго свойства, приносимой строгому господину и повелителю! Даровитая женщина, проявляя великодушіе свое, самоотверженіе, отказывалась отъ самой себя, отъ своего генія!...

Въ комнатѣ Флоры завязался разговоръ. Кэта на этотъ разъ громче, энергичнѣе ударяла по клавишамъ, однако ей все-таки слышался серьезный, спокойный голосъ доктора, но она утѣшалась тѣмъ, что слова въ отдѣльности не долетали до ея слуха, а когда кончила играть—Флора вышла изъ кабинета, чтобы вернуться въ гостиную. Невѣста уже не висѣла теперь на рукѣ жениха: угрюмая, недовольная, какъ ребенокъ получившій нахлобучку и принужденный смолчать, шла она рядомъ съ Брукомъ, держа въ рукахъ букетъ супруги фюрста... Да, пришлось и Флорѣ склонить голову, встрѣтиться *со своимъ господиномъ*. Сердито, искоса поглядѣла она на сестру, еще сидѣвшую за роялемъ, потомъ остановилась и произнесла:

— Ну, слава Богу, кончила ты! Гремишь на инструментѣ такъ, что я даже собственныхъ своихъ словъ не могу разслышать... Вотъ, свои сочиненьица ты исполняешь очень мило! Вещички эти—невинные, дѣтскіе мотивы, мелодіи безъ всякой глубины... Но играть произведенія Листа и Шуберта тебѣ, Кэта, не слѣдовало-бы, потому что тутъ не хватаетъ у тебя умѣнья, а главное—пальцы не имѣютъ надлежащей бѣглости.

— Генріэтта желала прослушать эту пьесу, спокойно отвѣтила Кэта и закрыла рояль.—Я никогда и не выдавала себя за хорошую піанистку...

— Да, ты никогда этого не заявляла, милая Кэта! Ты совсѣмъ не виртуозка, пальцы твои не прыгаютъ по козлиному на клавишахъ, заговорила Генріэтта, вдругъ очутившись въ дверяхъ музыкальнаго салона,—но хотѣлось-бы мнѣ видѣть дѣвушку, которая понимала-бы Шуберта такъ глубоко, какъ ты... А, можетъ быть, сестрица Флора думаетъ, что слезы, навертывающіяся на глаза слушателя во время твоей игры—слезы приторныя, выжимаемыя чисто изъ любезности?..

— Разстроенные нервы, милочка,—вотъ и все! засмѣялась Флора и послѣдовала за докторомъ въ гостиную. Брука позвала туда президентша.

Почтенная дама сидѣла въ креслахъ. Лицо ея было красновато; въ одной рукѣ она держала лорнетку, въ другой—письмо, только что поданное лакеемъ.

— Ахъ, любезнѣйшій, милѣйшій гофратъ (генеральша кстати и не-кстати титуловала такъ Брука, потому что словечко это ласкало ея слухъ... Ну, что-бы тамъ ни было, а все-таки *онъ* гофратъ!),—вотъ, пріятельница моя, баронесса Штейнеръ, пишетъ мнѣ, что на дняхъ пріѣдетъ сюда, чтобы посовѣтоваться съ вами. Она, видите-ли въ ужасномъ отчаяніи, боится за своего маленькаго внука—представителя древней фамиліи ф. Брандау. Мальчикъ этотъ вдругъ сталъ хромать... И наилучшіе врачи не могутъ указать на причину такой болѣзни. Не примете-ли вы на себя трудъ осмотрѣть ребенка и полечить его?

— Съ удовольствіемъ, но, само собою разумѣется, если эта дама не будетъ отнимать у меня слишкомъ много времени.

Брукъ зналъ этихъ дамъ - аристократокъ (ему приходилось сталкиваться съ ними, какъ врачу), зналъ, какъ любятъ онѣ заставлять „ждать себя“, да еще желаютъ, чтобы докторъ относился къ простому насморку совершенно серьезно, какъ къ опасной болѣзни.

Президентша видимо была оскорблена такимъ, ужъ слишкомъ равнодушнымъ, отвѣтомъ, а потому, не повторяя просьбы, обратилась теперь къ Флорѣ:

— Баронессу очень обидѣло послѣднее мое письмо... Я писала, что по нѣкоторымъ обстоятельствамъ остановиться ей у насъ нельзя, поэтому пріѣздъ ея сюда не можетъ состояться... Письмецо (она постучала лорнеткой по письму) изобилуетъ тонкими колкостями, остренькими фразами... Если-бы баронесса такъ не тревожилась и не боялась за внука—она совсѣмъ и не отвѣтила-бы мнѣ... Я не могу выразить, какъ мнѣ это больно!.. Баронесса пишетъ, что готова остановиться въ первомъ попавшемся отелѣ, ближайшемъ къ квартирѣ гофрата, и проситъ меня *по крайней мѣрѣ* сдѣлать ей *одолженіе*: пріискать помѣщеніе въ пять комнатъ.

Широкія, полуопущенныя вѣки президентши приподнялись, и она бросила уничтожающій взглядъ на молодую дѣвушку въ бѣломъ платьѣ... Кэта стояла въ трехъ-четырехъ шагахъ отъ генеральши, положивъ руки на спинку стула и потупивъ глаза. Хорошенькое личико ея, то краснѣло, то блѣднѣло... Вѣдь въ каждомъ словѣ почтенной дамы звучалъ упрекъ, относившійся къ ней...

— Ахъ, конечно, нашлось-бы помѣщеніе въ бель-эгажѣ, если-бы только эта добрая Штейнеръ не настаивала à tout prix на пяти комнатахъ, продолжала президентша:—ей именно необходимо имѣть два салона—для себя и дочери Маріи, потомъ комнату для маленькаго Іова ф. Брандау и его гувернантки, ну, и, по крайней мѣрѣ, три спальни: она вѣдь и горничную привезетъ съ собой.

Генеральша, видимо озабоченная, недовольная, склонила голову на руку.

— Короче сказать, заговорила Генріэтта рѣзко и занальчиво:—все дѣло въ томъ, что Кэта является помѣхой... мѣшаетъ пріѣзду совершенно-незнакомой намъ барыни—высокомѣрной баронессы!..

— Но, я вѣдь говорила, что могу переселиться на мельницу, замѣтила молодая дѣвушка безъ тѣни обидчивости и провела рукой по головѣ сестры, какъ-бы успокоивая ее.

— О, нѣтъ, Кэта, я знаю лучшій исходъ! воскликнула больная, причемъ глаза ея разгорѣлись, ужь если ты должна уступить, то мы попросимъ тетушку-діаконицу, чтобы она отдала тебѣ свою славную, уютную гостиную. Я знаю, она будетъ очень рада пожить съ тобой—вѣдь ты любимица ея!.. Ну, рояль твой перенесутъ туда... И знаешь, мнѣ тогда можно будетъ приходить къ тебѣ, когда вздумается...

Она вдругъ умолкла и взглянула на доктора: Брукъ сначала отвернулся и глядѣлъ въ окно, но теперь мрачное лицо его было обращено къ Генріэттѣ, и она прочла въ его глазахъ гнѣвъ и сильное недовольство... Можетъ-ли это быть?.. Вѣдь онъ совсѣмъ на себя не похожъ!..

— Я нахожу практичнѣе устроиться такъ: пусть мальчикъ съ гувернанткой помѣстятся въ моемъ домѣ, холодно и принужденно проговорилъ Брукъ.

Президентша въ смущеніи теребила газовый шарфъ, концы котораго были завязаны у нея подъ подбородкомъ, и едва-едва могла скрыть мимолетную, ироническую улыбку.

— Это трудно будетъ устроить, любезнѣйшій гофратъ, возразила она.—Моя старая пріятельница ни за что не разстанется съ Іовомъ, ну, и, кромѣ того.. О, вы и понятія не имѣете, какъ страшно избалованъ этотъ юный, единственный представитель фамиліи ф. Брандау! Онъ привыкъ къ атласу, привыкъ спать подъ бархатнымъ балдахиномъ... Да, эта тощенькая, невзрачная фигурка чрезвычайно изнѣжена. Впрочемъ, что-жъ, жить въ подобной роскошной обстановкѣ они могутъ, имѣя на то средства, а вотъ мы даже затрудняемся дать имъ мѣсто. .

— А почему ты, Лео, предпочитаешь навязать этого уродца (онъ несноснѣйшій, негодный мальчишка, какихъ

Характерныя женскія лица. Рис. И. Адамъ, грав. Боденмиллеръ.

поискать—не сыщешь!) на шею бѣдной тетушки-діаконицы?.. спросила запальчиво Генріэтта. Ею вдругъ овладѣло то болѣзненное раздраженіе, подъ вліяніемъ котораго она часто высказывала такія вещи, что потомъ и сама была не рада, горько раскаивалась... Что тебѣ сдѣлала Кэта?.. Я давно уже съ неудовольствіемъ вижу, что ты несправедливъ къ ней, предубѣжденъ противъ нея... Можетъ быть, она недостаточно аристократична для тебя: дѣдъ ея былъ только зàмковымъ мельникомъ? Тебѣ какъ-то и въ голову никогда не приходитъ заговорить съ ней, а вѣдь это просто даже смѣшно!.. Кэта была, есть и будетъ сестрой Флоры, какъ и я. Всѣ мы говоримъ другъ другу „ты"—только она одна составляетъ для тебя исключеніе...

Тутъ Флора вмѣшалась въ разговоръ:

— Милочка моя, это „ты" давно уже стоитъ у меня поперекъ горла... И, если-бы это зависѣло отъ меня одной—я-бы постаралась, чтобы, ни ты, ни Кэта не смѣли употреблять въ разговорѣ съ *нимъ* этого мѣстоименія. Говоря откровенно, я не уступлю никакой женщинѣ ни іоты изъ тѣхъ преимуществъ, которыя принадлежатъ мнѣ. Ну, что касается тебя—пусть милость превратится въ право, пусть будетъ по старому, но такой короткости въ отношеніяхъ между Кэтой и Лео—я рѣшительно не потерплю... Серьезно запрещаю это!..

Она охватила обѣими руками плечо Брука и, нѣжно поглядывая на него, прильнула ка нему.

Нѣжность-ли Флоры или упреки Генріэтты заставили вздрогнуть доктора, только онъ такъ вздрогнулъ, какъ будто къ плечу его прикоснулась змѣя, а не прекрасныя, нѣжныя ручки невѣсты... Лицо жениха почти помертвѣло.

Кэта отвернулась, ей хотѣлось сейчасъ-же выйти изъ комнаты; она готова была расплакаться—такъ жестоко оскорбили ее! Но молодая дѣвушка совладала съ собой и, повидимому, осталась совсѣмъ спокойной, однако-же направилась къ дверямъ... Какъ разъ въ эту минуту дверь отворилась — вошелъ коммерціи совѣтникъ.

Странно, Кэта тутъ совершенно забыла о томъ, какъ она нерасположена къ этому человѣку (чувство это недавно шевельнулось въ ея сердцѣ); теперь она думала только, что вотъ это ея опекунъ, заступившій ей мѣсто отца, поэтому онъ долженъ защитить ее... Молодая дѣвушка подошла къ нему и взяла его подъ руку.

Г. ф. Рэмеръ удивленно посмотрѣлъ на Кэту, а потомъ, весело улыбаясь и плутовски подмигнувъ, прижалъ ея руку къ сердцу, учинивъ это прижатіе локтемъ, такъ какъ руки его были заняты: онъ держалъ небольшой ящикъ, который и былъ поставленъ имъ на столъ передъ президентшей.

Появленіе коммерціи совѣтника вышло очень кстати: въ самомъ дѣлѣ, тяжелая, мучительная сцена такъ и осталась недоигранной, и Генріэтта, вызвавшая ее, готова была теперь броситься къ нему на шею въ благодарность за его веселый, непринужденный тонъ, какимъ онъ заговорилъ.

— Ну съ, вотъ, я и утѣшенъ, наконецъ! Мой подарокъ тебѣ, Флорочка, прикатилъ сюда. Берлинскій мой коммисіонеръ оправдываетъ медленность свою тѣмъ, что главная задержка была со стороны фабрикантовъ... (Рэмеръ открылъ ящикъ).

Но вотъ въ рукахъ г. Рэмера заблестѣла атласная матерія палеваго цвѣта, а затѣмъ онъ развернулъ кусокъ бархата прелестной фіялковой краски. И то, и другое было преподнесено Флорѣ. Коммерціи совѣтникъ вѣрно разсчиталъ на эффектъ, зная, какъ подобныя вещи обольщаютъ женскій глазъ; даже Генріэтта увлеклась, забыла о своей досадѣ, когда увидѣла изящные вѣера и картонажи съ парижскими цвѣтами и перьями. Ящикъ еще не опустѣлъ... Любезный хозяинъ оговорился, что онъ кстати ужь и другимъ дамамъ привезъ подарки (зачѣмъ откладывать?), которые и будутъ сейчасъ же вручены по принадлежности. Президентша получила драгоцѣнную кружевную шаль, Генріэтта поблагодарила зятя за бѣлое шелковое платье; что касается Кэты, то она невольно должна была взять футляръ (солидныхъ размѣровъ), потому что опекунъ почти насильно сунулъ ей въ руки эту вещь, бросивъ на молодую дѣвушку особенно выразительный взглядъ, взглядъ многозначущій... Это сильно встревожило ее; она ощутила нѣчто чрезвычайно непріятное — именно въ отношеніи къ зятю своему—опекуну. Кэта сама удивилась, отчего ей за послѣднее время г. ф.-Рэмеръ сталъ какъ-то противенъ?.. Онъ взглянулъ такъ пламенно, задушевно... Какъ будто между ними была какая-то тайна, извѣстная только имъ... Что же это такое? Развѣ онъ смѣетъ такъ посматривать на нее? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!.. Чувство стыда, отвращенія овладѣло Кэтой, что и отразилось ясно на ея лицѣ... Но это приписали просто смущенію молодой дѣвушки.

— Ну, Кэта, развѣ это для тебя такая новость — получать подарокъ? спросила Флора. А что преподнесъ тебѣ Морицъ? Вѣдь все равно когда нибудь эта сладкая тайна не будетъ для насъ тайной... Покажи-ка, милочка!

Футляръ чуть не выпалъ изъ рукъ Кэты. Флора подхватила его и надавила пружинку—крышка отскочила и—на черномъ фонѣ бархата блѣдно-краснымъ огнемъ засверкали камни ожерелья.

Президентша поднесла къ глазамъ лорнетку.

— Великолѣпная работа!.. Строго говоря—ужъ слишкомъ художественная отдѣлка для подобной поддѣльной вещицы, хотя это нынче въ модѣ и даже принято дамами высшаго круга... Стеклышки замѣчательно чисты, огоньки чудесно поблескиваютъ!..

Она старательно щурилась, а потомъ небрежно протянула руку, чтобы взять футляръ и разсмотрѣть ожерелье.

— Стеклышки? оскорбился коммерціи совѣтникъ... Но, бабушка, какъ можете вы считать меня такимъ неприличнымъ человѣкомъ?.. Развѣ, напримѣръ, вотъ здѣсь есть хоть одна не шелковая нитка? Онъ провелъ рукою по палевому атласу Я никогда, никогда не покупаю поддѣльныхъ вещей! Вы это должны, кажется, знать по опыту...

Президентша закусила губы.

— О, я знаю это, Морицъ... Но фактъ *этотъ* невольно смутилъ меня: вѣдь такихъ рубиновъ (насколько мнѣ извѣстно) нѣтъ у нашей многоуважаемой супруги фюрста.

— Что-жь, мнѣ остается пожалѣть фюрста. . Значитъ, у него не хватаетъ средствъ! воскликнулъ Рэмеръ, смѣясь и принявъ надменный видъ. Да я и не могъ подарить Кэтѣ, этой счастливицѣ, что нибудь дешевенькое... Она вѣдь черезъ два года *сама* можетъ накупить себѣ кучу бриліантовъ, ну, и тогда ожерелье (если бы оно было съ поддѣльными камнями) навѣрно полетѣло бы въ уголъ, какъ оскорбительный подарокъ!

Кэта не обнаружила желанія снова взять футляръ. Ея дрожащія руки опять легли на спинку стула.

Почтенная дама заговорила теперь о томъ, что вообще слишкомъ наряжаться и украшаться неприлично восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ, а эту-то именно слабость она и подмѣтила въ Кэтѣ.

— Ахъ, бабушка, да развѣ ей всегда будетъ восемнадцать лѣтъ? Не останется же она дѣвушкой! шаловливо воскликнула Флора... Ужь это мнѣ лучше всѣхъ извѣстно... А?.. Не такъ ли, Кэта?..

Чувство стыдливости было оскорблено, и Кэта молча и гордо отвернулась отъ сестры, только глаза ея засверкали.

Невѣста была раздосадована и смущена, но ей не удалось вполнѣ скрыть это; она принужденно разсмѣялась и весело проговорила:

— Э, поглядите-ка, какую величественную осанку можетъ принять эта малютка!.. Она смотритъ такъ, какъ будто я совсѣмъ нечаянно, безъ всякаго умысла, просто болтая, коснулась строжайшей государственной тайны!.. Но развѣ желать выйти замужъ — преступленіе?.. Полно, милочка ты моя, жеманиться!.. Не слѣдуетъ отнѣкиваться отъ того, что вырывается въ минуту откровенности... (Флора подложила бѣлоснѣжные пальчики свои подъ свѣтящіеся рубины и, плутовски щурясь, многозначительно посмотрѣла на коммерціи совѣтника) А вѣдь это, Морицъ, правда: дѣйствительно такое ожерелье можетъ носить только жена милліонера!..

Президентша поднялась при этихъ словахъ и, какъ-то особенно торопливо, взяла дрожащими пальцами письмо, лорнетку и поправила на себѣ мантилью, намѣреваясь уйти.

— Хотя ты, любезный Морицъ, и не терпишь ничего поддѣльнаго, заговорила она важнымъ, спокойнымъ тономъ, но шампанское, которое мы пили сегодня за обѣдомъ за здоровье Флоры, было не настоящее: оно причинило мнѣ невыносимую головную боль, и я должна отдохнуть нѣсколько времени...

Дойдя до середины комнаты, генеральша обернулась и прибавила:

— Послѣ отдыха мнѣ желательно было бы узнать рѣшеніе твое вотъ по этому дѣлу (она подала коммерціи совѣтнику письмо бароне сы Штейнеръ). Прочти эти строки. Ты долженъ будешь убѣдиться, что вторично отвѣтить отказомъ—нельзя, это значило бы оскорбить баронессу. Сначала я было покорилась, желая не нарушать мира, но теперь положеніе мое вовсе не такое, чтобы идти на подобную непростительную уступку... Особы нашего званія не позволяютъ вертѣть собою, какъ вертятъ маріонетками, и не допускаютъ также устраненія, если ихъ желаютъ удалить, находя неудобными. Рекомендую хорошенько подумать объ этомъ, Морицъ!..

XIX.

— Ну, Морицъ, тебя ожидаетъ тяжелая борьба, замѣтила Флора, указавъ на дверь, за которою скрылась генеральша: бабушка-то совсѣмъ готова сразиться, вооружена съ ногъ до головы... (Коммерціи совѣтникъ громко разсмѣялся). Смѣйся, но ты увидишь: не захочетъ она уступить *другой* ни одной пяди земли, которую ты самъ любезно предоставилъ ей съ правомъ неограниченнаго господства. Я вѣдь не разъ предостерегала тебя.. Теперь не мѣшаетъ тебѣ подумать о томъ, какъ-то ты справишься съ ней?..

Она вдругъ умолкла и, съ озабоченнымъ видомъ, схватила жениха за руку, воскликнувъ страстнымъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Скажи мнѣ, ради Бога скажи, что съ тобою, Лео?.. У тебя что-то есть на душѣ, ты страдаешь... я вижу, какъ ты страдаешь и хочешь скрыть это отъ меня?... Другихъ, пожалуй, тебѣ удастся обмануть, но глаза любящей лучше видятъ — ты не обманешь ихъ!.. Вотъ здѣсь (она провела бѣленькими пальчиками по лбу Брука, при чемъ все лицо его покраснѣло)—здѣсь легли морщинки... Онѣ пугаютъ меня!.. Да это и понятно: ты слишкомъ утомляешься!.. Знаешь что? Я позволю себѣ одну вольность: съ сегодняшняго же дня стану командировать одного изъ нашихъ лакеевъ въ городъ, къ тебѣ на квартиру, съ приказомъ: отгонять непремѣнно всѣхъ назойливыхъ мѣщанъ, которые такъ еще недавно чуть не каменьями швыряли въ тебя, порицая твою докторскую дѣятельность, а теперь—безсовѣстно лѣзутъ, отдохнуть не дадутъ!..

Генріэтта совсѣмъ смутилась и молча поглядывала на смѣлую, самоувѣренную болтунью—сестрицу; коммерціи совѣтникъ легонько покашливалъ, поглаживая изящную свою бородку, чтобы скрыть насмѣшливую улыбку. Лицо Брука, до сихъ поръ такое неподвижное, почти застывшее, теперь нѣсколько оживилось, и онъ улыбнулся—но какъ мрачно, горько, презрительно..

— Нѣтъ, ужь это ты оставь, Флора, сказалъ докторъ суровымъ, повелительнымъ тономъ: — я долженъ разъ навсегда воспретить тебѣ вообще вмѣшиваться въ дѣла мои, какъ врача.

Проговоривъ эти слова, Брукъ сейчасъ же обратился къ коммерціи совѣтнику:

— А мнѣ нужно переговорить съ тобой относительно одного трудно-больнаго. Сильныя душевныя потрясенія сломили его, и физически, и нравственно... Позволь мнѣ объ этомъ дѣлѣ побесѣдовать съ тобою наединѣ?...

— Трудно-больной? повторилъ г. ф. Рэмеръ и призадумался на секунду, а затѣмъ мрачно сдвинулъ брови, при чемъ губы его какъ-то жестко, непріятно скривились... Ахъ ца, ну, теперь знаю, о комъ это ты хлопочешь, заговорилъ онъ, сдѣлавъ презрительный жестъ: это—безшабашная головушка, купецъ Ленцъ, безразсуднѣйшій изъ спекулянтовъ, проигравшій почти все!.. Задумалъ теперь спасаться, запустить поглубже руку въ мой карманъ... Весьма благодаренъ!..

— Не лучше-ли намъ уйти *туда*? замѣтилъ Брукъ, сильно подчеркивая каждое слово... Вѣдь Ленцъ, кромѣ насъ, никому ничего не говорилъ о своемъ положеніи; даже жена его не знаетъ..

— Пожалуй, пойдемъ... Послушаю, но наврядъ ли протяну я ему даже палецъ, чтобы спасти его. Дѣло это совсѣмъ проигранное, дѣло—дрянь, говорю тебѣ.

Г. ф.-Рэмеръ лѣниво пожалъ плечами... Счастье, деньги засушили его сердце (а прежде оно было мягкое, доброе), и онъ утратилъ способность ставить себя на мѣсто человѣка, терзаемаго мучительными заботами.

— Какъ *ты*-то принимаешь въ немъ участіе?.. Вѣдь онъ *тоже* швырялъ въ тебя каменьями! напомнилъ коммерціи совѣтникъ.

— Что-жь, неужели мнѣ принимать *это* въ соображеніе? спросилъ Брукъ серьезно.

Рэмеръ покраснѣлъ. Они вышли изъ комнаты.

Сестры остались однѣ. Флора сильно позвонила, чтобы вызвать горничную и приказать ей убрать подарки. Кэта взяла зонтикъ.

— Ты гулять идешь? спросила Генріэтта, снова улегшись на качалкѣ.

— Да, сегодня у тетушки-діаконицы урокъ рукодѣлья. Я и то опоздала. Надо поторопиться. Она...

Молодая дѣвушка не договорила. Флора такъ сильно швырнула картонку съ цвѣтами въ корзинку, принесенную горничной, что крышка отскочила, и бѣлые, нѣжные цвѣточки разсыпались по палевому атласу. Она вспылила.

— Ахъ, какъ мнѣ эти „занятія“, вся эта возня тамъ опротивѣла! Такъ противно, что и выразить не могу! Тетушка эта—олицетвореніе чувства долга—отклонила сегодня мое приглашеніе: я звала ее на чашку кофе, но она отказалась!.. Ну, какъ же можно отослать обратно въ городъ дѣвчонокъ съ пустыми руками?.. То-же вѣдь гости—изъ самаго паскуднаго въ городѣ квартала!.. А фрейлейнъ Кэта, само собою разумѣется, старается совершенно серьезно относиться къ этому фарсу... У нея чувство долга и добродѣтель прекрасно развиты!..

Давъ уйти горничной, Флора схватила Кэту за руку, замѣтивъ, что „младшая сестра“ намѣрена была молча удалиться, и прямо объявила, что разъ на всегда воспрещаетъ ей имѣть подобныя сношенія съ домомъ Брука: „Ты ставишь меня въ неловкое положеніе, принимая такое горячее участіе въ занятіяхъ тетушки (говорила Флора); не могу-же я, въ самомъ дѣлѣ, возиться съ этими скверными, грязными дѣвчонками... Вѣдь это пытка!.. Но какъ мнѣ отказаться?.. Вѣдь если я брошу всю эту возню—тетушка начнетъ шептать Бруку, что, вотъ, молъ, она какая—чудовище, женщина безсердеч-

ная, не любящая малютокъ, лишенная женственности!.. Опираясь на права свои, я запрещаю тебѣ *вообще* помогать тетушкѣ, бывать тамъ... Слышала?...

— Слышала, но все-таки буду дѣлать все то̀, что не запрещаетъ мнѣ совѣсть, отвѣтила Кэта твердымъ, спокойнымъ тономъ и, энергически тряхнувъ рукой, сбросила руку сестры.—Ты говоришь: „опираясь на свои права̀“, но вѣдь ты *при мнѣ*, сама-же, отреклась отъ этихъ правъ, какъ отъ обузы, слишкомъ тяжелой...

— Что̀ вѣрно, то вѣрно! воскликнула Генріэтта,

— О, ты милѣйшая, мудрѣйшая изъ всѣхъ ревнительницъ морали, воскликнула она,—ты немножко ошибаешься! Слушай-же: любовь, пережившая самыя жгучія испытанія, которымъ я умышленно подвергла Брука—ничего не боится; ничто на свѣтѣ не угрожаетъ такой любви!...

— Но это довольно печально! пробормотала Генріэтта хриплымъ голосомъ... Она почти задыхалась, гнѣвно сжимая кулаки. Если бы я постоянно не помнила, что Брукъ обладаетъ мужественною твердостью, всегда по-

Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Рис. Бокурь, грав. Шанонъ.

вдругъ очутившись возлѣ Кэты. Глаза больной горѣли непримиримою ненавистью къ старшей сестрѣ.

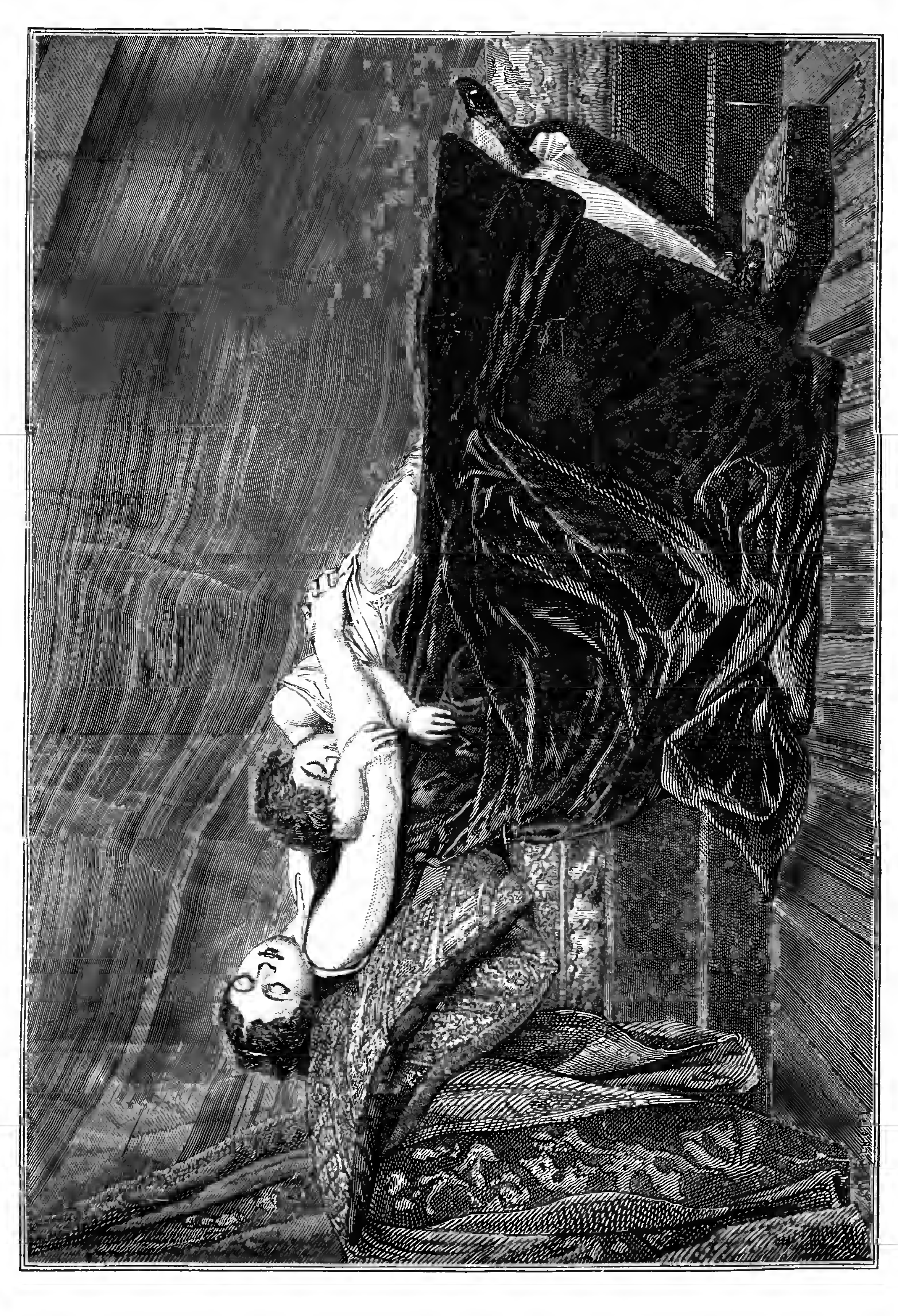
— Слѣдовательно, продолжала молодая дѣвушка, этихъ правъ я не нарушаю. Я знаю, что̀ говорю, тутъ нѣтъ ничего непонятнаго... Но .. плохо-же тебѣ приходится, если въ каждомъ хорошемъ, похвальномъ поступкѣ другихъ лицъ ты усматриваешь нѣчто враждебное, могущее повредить тебѣ...

— Повредить... мнѣ?!

Флора хихикнула и даже всплеснула руками.

ступаетъ послѣдовательно—я бы въ данномъ случаѣ могла назвать его безхарактернымъ человѣкомъ...

— Я вамъ говорю это только потому, что до свадьбы нашей осталось немного времени; свадьба будетъ въ сентябрѣ, продолжала Флора, обращаясь къ младшей сестрѣ (на замѣчаніе Генріэтты она только презрительно пожала плечами)—если я хочу дѣйствовать такъ, то это ничто иное, какъ вѣжливая уступка старухѣ съ моей стороны... Я желаю быть съ нею въ ладахъ. Въ Л—гѣ, конечно, все пойдетъ по новому; тамъ у меня

Сонъ. Рис. Лекалеръ, грав. Бенетъ.

такихъ мыслей не будетъ, ну, а что касается Брука, то не пройдетъ трехъ-четырехъ недѣль послѣ нашей свадьбы, какъ онъ увидитъ, убѣдится, что такая жена, какую прочила ему тетушка—была бы для него не только постыднымъ бременемъ, но—просто—невозможностью. Да, и онъ, лишь тогда вполнѣ оцѣнитъ меня, когда кружокъ нашъ, представительницей котораго буду я, придастъ настоящій блескъ его видному положенію въ обществѣ; мужъ будетъ видѣть меня всегда элегантной женщиной, которая увѣренно пользуется своими правами. Если я и буду стоять вдали отъ хозяйства и «дѣтской», то вѣдь это не потребуетъ матерьяльныхъ жертвъ со стороны мужа. Я ужь все разсчитала: за вычетомъ изъ моихъ доходовъ денегъ на мой туалетъ и на булавки, у меня останется еще довольно, чтобы платить изъ собственнаго кармана отличнѣйшей кухаркѣ, экономкѣ, нянькѣ и даже гувернанткѣ.

Тутъ Флора посмотрѣла на свои пальчики съ розовыми ноготками, а потомъ и на себя—въ зеркалѣ. Да, она была ослѣпительно прелестна, и, навѣрно, никому въ голову не пришло бы, при взглядѣ на эту женщину, представить ее въ тѣсномъ семейномъ кругу «доброй, любящей мамашей», у которой на колѣняхъ копошится маленькій любимчикъ, или нѣжной матерью надъ больнымъ ребенкомъ...

Прекрасная невѣста, насладившись своею красотою, остановила теперь взглядъ на Кэтѣ (она могла видѣть ее въ зеркалѣ), какъ бы желая заняться сравненіемъ... Если Флора казалась женщиной пожившей, опытной, то младшая сестра ея походила на цѣломудренную «бѣлую лебедку», на существо невинное, чистое... Быть можетъ, это не совсѣмъ понравилось Флорѣ: она насмѣшливо улыбнулась своему изображенію въ зеркалѣ и кивнула на Кэту.

— Ахъ, ну, конечно, малютка моя, вѣдь не всегда же ты останешься такой наивной скромницей! Твоя наклонность хозяйничать (Лукасъ неблагоразумно слишкомъ рано развила ее въ тебѣ!), такъ же неумѣстна для тебя, какъ и для меня, при условіяхъ моей будущей жизни. Морицъ не позволитъ тебѣ таскать непріятно-побрякивающія связки ключей—ужь въ этомъ можешь быть увѣрена, хотя онъ теперь и обѣщаетъ тебѣ такъ любезно цѣлый птичникъ!.. Новенькій дворянчикъ, увидишь, будетъ гораздо строже наблюдать за бѣлыми, выхоленными ручками своей жены, чѣмъ самъ фюрстъ, относительно своей супруги...

Кэта, совсѣмъ красная, удивленно глядѣла на сестру и наконецъ проговорила:

— Да пусть Морицъ думаетъ, какъ ему угодно. Мнѣ-то какое до этого дѣло?..

— Но, послушай, Флора, какъ можешь ты такъ безтактно, такъ безцеремонно... подталкивать Морица! воскликнула Генріэтта въ испугѣ, такъ какъ она исподтишка серьезно-озабоченно слѣдила за выраженіемъ лица молодой дѣвушки.

— Э, все это пустяки! Онъ скорѣе долженъ благодарить меня за то, что я, такъ сказать, расчищаю ему дорожку... И неужели ты думаешь, что я высказала нѣчто такое, о чемъ Кэта сама давно не знала?. Развѣ можно найти дѣвушку (старше пятнадцати лѣтъ), которая однимъ чутьемъ тотчасъ же не узнала бы, что она любима?.. Это все равно, что электрическій ударъ —по-неволѣ почувствуешь. Тѣ, которыя не сознаются въ этомъ, или ужь очень глупы, или онѣ утонченныя кокетки (она снова оглянула себя въ зеркалѣ и поправила локончики)... Кто съумѣлъ замѣтить, полчаса тому назадъ, какъ наша младшая сестрица умѣетъ искренно, довѣрчиво прижаться, тотъ уже не можетъ сомнѣваться въ истинѣ... Не правда-ли, Кэта?.. Вѣдь ты меня понимаешь?..

Флора лукаво прищурила глаза и улыбнулась ей.

— Нѣтъ, я тебя не понимаю, отвѣтила молодая дѣвушка, задыхаясь. Какое-то странное ощущеніе сильнаго отвращенія и предчувствіе чего то недобраго овладѣло ея сердцемъ; ей даже стало страшно.

— Уйдемъ, обратилась, Генріэтта къ младшей сестрѣ и обняла ее за талью, чтобы увлечь изъ комнаты: — я не терплю такихъ нескромныхъ допросовъ! прибавила она, топнувъ ногой.

— Ну—ну, не горячись такъ! фыркнула Флора и подала Кэтѣ футляръ съ ожерельемъ. Возьми-ка, милочка. Вѣдь не оставишь же ты такую драгоцѣнность здѣсь: комната проходная, постоянно ходитъ тутъ прислуга.

Кэта (такъ дѣлаютъ иногда дѣти) невольно спрятала за спину правую свою руку, въ которую хотѣли сунуть футляръ.

— Морицъ можетъ взять это обратно, отрѣзала она рѣшительнымъ тономъ. Твоя бабушка права: подарокъ для меня неподходящій; мнѣ неприлично носить такое ожерелье.

— Какъ это простодушно!.. Ты ловко играешь... Но неужели я повѣрю тебѣ? (Флора горячилась; казалось, сцена эта ей надоѣла). Перестань!.. Такой большой, здоровенной дѣвушкѣ вовсе не къ лицу подобное дѣтское жеманство. Посмотри: вонъ кружевная шаль—подарокъ бабушкѣ—валяется еще здѣсь! Бабушка пренебрегаетъ этимъ подаркомъ; она, какъ видно, обидчивѣе меня и Генріэтты; мы находимъ совершенно естественнымъ, чтобы Морицъ преподнесъ тебѣ вещь, стоющую вчетверо дороже всѣхъ остальныхъ подарковъ... Ну, и ты хочешь увѣрить, что ты одна не понимаешь причины такой разницы?.. Охота представлять себя смѣшной! Да, развѣ ты не слышишь ежедневно стукотню около павильона?.. Тамъ кипитъ работа, и всѣ, рѣшительно всѣ, знаютъ, что это устраивается новое жилище для бабушки, которая должна уступить эти блестящія комнаты молодой госпожѣ—коммерціи совѣтницѣ... Ну, невинная крошечка, не прикажешь ли еще яснѣе выразиться?..

Молодая дѣвушка стояла неподвижно, притаивъ дыханіе и начиная понимать намеки сестры; глаза ея глядѣли такъ испуганно, какъ будто у ногъ ея развернулась пестрая ядовитая змѣя... Но теперь Кэта гордо улыбнулась, хотя губы были блѣдны.

— Не нужно, не трудись... Я, наконецъ, поняла тебя, отвѣтила она съ горечью въ тонѣ, слегка дрожащимъ отъ испуга голосомъ: ты взялась за дѣло умнѣе, практичнѣе, чѣмъ твоя бабушка.. Дѣйствительно, благодаря тебѣ, дальнѣйшее пребываніе мое въ этомъ домѣ становится невозможнымъ.

— Кэта! не выдержала больная:—нѣтъ, Кэта, относительно этого ты ошибаешься! Флора, какъ всегда, была ужасно неделикатна, но злаго умысла съ ея стороны тутъ не было... Генріэтта крѣпко прижалась къ сестрѣ и, нѣжно глядя ей въ глаза, робко прошептала:

— А если бы и такъ—зачѣмъ же уѣзжать тебѣ? Стоитъ-ли обращать вниманіе на такое поддразниванье? Но неужели ты не подозрѣвала, что Морицъ любитъ тебя? Вѣдь онъ это такъ явно обнаруживаетъ... Слушай, Кэточка: теперь вотъ я часто страстно желаю умереть, а если бы *это* уладилось и... ты стала бы госпожей въ нашемъ родномъ домѣ—тогда...

Кэта порывисто высвободилась изъ объятій Генріэтты:

— Никогда! крикнула она, сильно потряхивая головой, такая гнѣвная, ожесточенная, какою можетъ быть только гордая дѣвушка, оскорбленная до глубины души.

— Хе!.. Ни—ког—да! повторила Флора съ оттѣнкомъ сарказма. Партія эта, что-ли, для тебя недостаточно аристократична—а?.. Ужь не поджидаешь ли ты какого-нибудь запутавшагося въ долгахъ графа или принца? Такіе графы и принцы въ наше время пробуждаютъ отъ заколдованнаго сна... но не принцессу прекрасную, а ея денежные мѣшки. Да, нынче подобные

браки не рѣдкость. Ну, а каково приходится тутъ „несчастному приданому“, то есть *женѣ*—кому же это неизвѣстно?.. Если тебѣ постоянно желательно выслушивать рѣчи о томъ, что дѣдъ твой погонялъ лошадей на мельницѣ, а бабка босикомъ бѣгала—тогда, что-жь, выходи замужъ за какого-нибудь горделиваго аристократа, влѣзь въ его семью!.. Однако, мнѣ, право, хотѣлось бы знать, что именно не нравится тебѣ въ Морицѣ? Спрошу прямѣе: почему, по какому праву отвергаешь ты его руку?.. Ну, да, ты очень богата.—это такъ, но вѣдь мы знаемъ, какая загвоздка сидитъ въ твоемъ богатствѣ... Ты свѣжая, здоровая юница, однако, далеко не красавица. Что касается таланта твоего (конечно, ты умѣешь кстати блеснуть имъ), то это просто искорка, которую нарочно раздули честолюбивые преподаватели музыки. Искорка эта очень скоро погаснетъ—почти одновременно съ прекращеніемъ уроковъ, то есть, когда учителямъ этимъ уже не придется получать отъ тебя жирнаго гонорарія...

— Флора! перебила ее Генріэтта, которую слова эти сильно возмутили.

— Ахъ, молчи!.. Я говорю это въ твоихъ же интересахъ!

Грубо оттолкнувъ слабенькую сестру, Флора снова обратилась къ Кэтѣ:

— Неужели тебѣ хочется видѣть Морица пылкимъ, страстно-влюбленнымъ въ тебя, словомъ — не такимъ, каковъ онъ есть?.. Но, милочка моя, вѣдь онъ мужчина среднихъ лѣтъ; гдѣ же ему играть роль героя въ романѣ, представлять юношу?.. Да постой: женится-ли на тебѣ когда-либо, кто-нибудь *по любви*... ради тебя самой? Это еще вопросъ... Такія маленькія милліонерки никогда не могутъ быть увѣрены въ томъ, *что* именно привлекло къ нимъ мужчину?.. Я не понимаю тебя. До сихъ поръ ты претендовала на роль сидѣлки, какъ какая-нибудь перезрѣлая дѣва, настаивала на этомъ потому, что этого никто не желалъ, а теперь, когда Генріэтта, можно сказать, жизнь свою связываетъ съ постояннымъ пребываніемъ твоимъ въ этомъ домѣ — ты хочешь уѣхать!.. У меня вѣдь тоже (когда я буду жить вдали отъ васъ) было бы поспокойнѣе на душѣ: я бы знала, что за нашей больной сестрой ты заботливо ухаживаешь. А что касается Брука... Развѣ ты, бѣдняжка моя, вотъ опять, сегодня, не имѣла случая убѣдиться въ томъ, какъ мало симпатична ты ему?.. Онъ скорѣе согласенъ впустить въ свой домъ негоднаго крикуна, Іова Брандау, чѣмъ терпѣть тамъ возню твою по хозяйству... Вѣдь Бруку придется же, во всякомъ случаѣ, оставить Генріэтту, какъ паціентку свою, и—это я навѣрно знаю—онъ охотнѣе всего передалъ бы ее тебѣ, зная, какъ она къ тебѣ привязана.

Генріэтта, совсѣмъ блѣдная, стояла прислонившись къ стѣнѣ. Она не могла вымолвить ни слова — такъ глубоко возмутила ее Флора, постаравшаяся выставить на видъ все, что должно было оскорбить, унизить обѣихъ сестеръ. Кэта, напротивъ, вполнѣ овладѣла собой и, обратившись къ больной, сказала спокойно:

— Насчетъ этого послѣдняго пункта я еще переговорю съ тобой. Холодными, какъ ледъ, губами прикоснулась она ко лбу Генріэтты, искренно пожимая въ тоже время ея руку... И какъ пальцы ея были холодны!

— Ну, ты теперь пойдешь, конечно, въ свою комнату, прибавила молодая дѣвушка, взглянувъ на часы,— пора тебѣ принимать капли. Я вернусь скоро.

И она вышла. не бросивъ даже взгляда на Флору.

— Экая спѣсивая дѣвчонка! Мнѣ кажется—она еще обижается, что ее не считаютъ первой красавицей, и что мужчины, подобные Бруку, не принадлежатъ къ числу ея поклонниковъ!.. воскликнула прелестная невѣста и, напѣвая какую-то пѣсенку, направилась къ комнатѣ, куда удалились Брукъ и коммерціи совѣтникъ. Когда Генріэтта молча уходила, унося подаренное ей платье и футляръ съ рубиновымъ ожерельемъ, Флора безцеремонно постучала пальцемъ въ дверь, крикнувъ въ замочную скважину, что „весьма нелюбезно оставлять сегодня *новорожденную* совсѣмъ одну“!..

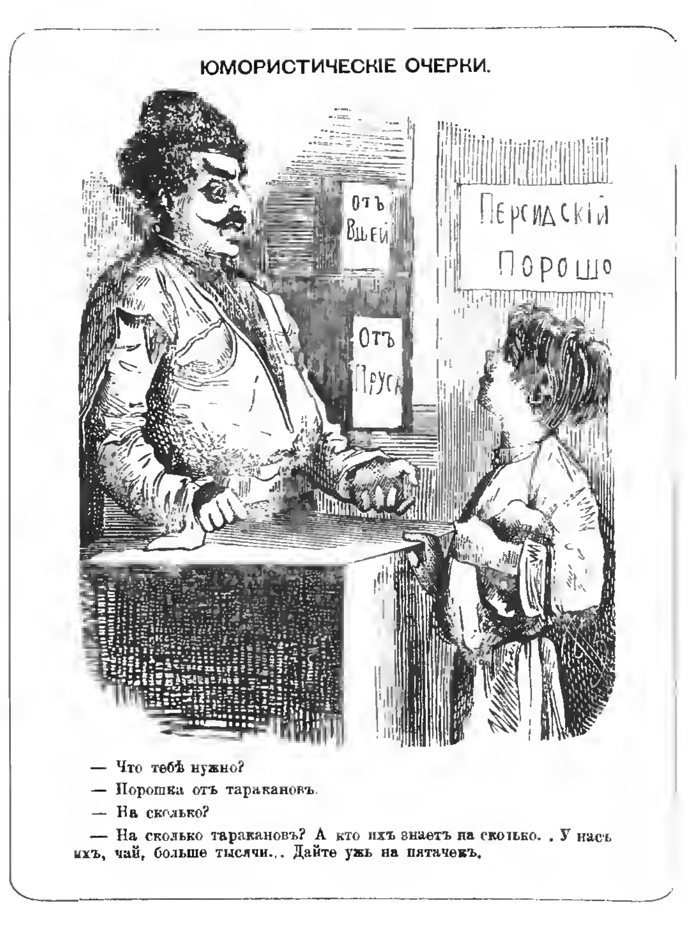
XX.

Кэта долго, безцѣльно бродила по парку и, наконецъ, забралась въ самую глушь его. Она слишкомъ была взволнована, а потому ей не хотѣлось въ такомъ видѣ предстать передъ тетушкой-діаконицей. Старушка, навѣрно, начнетъ распрашивать ее—ну, и придется во всемъ признаться! А вѣдь тетушка тоже, вѣроятно, принадлежитъ къ тѣмъ, которые желаютъ ее, Кэту, сдѣлать коммерціи совѣтницей... Да, тутъ всѣ противъ нея: и Флора, и Генріэтта, и докторъ... Эгоисты они! Теперь она знаетъ это... Только—нѣтъ, не позволитъ запереть себя въ золотую клѣтку и—улетитъ.

Невесело, горько было на душѣ молодой дѣвушки. Шла она, шла, наконецъ, утомившись, остановилась передъ руиной. Солнце закатывалось. Вечерѣло. Кэта враждебно смотрѣла на старую башню... Вонъ тамъ, наверху, за громаднымъ зеркальнымъ стекломъ, виситъ тяжелая, алая шелковая занавѣсь; складки ея походятъ на струи страшнаго кроваваго потока... А за этими складками—пресловутый денежный, желѣзный шкафъ. До сегодняшняго дня она только боялась его, теперь же возненавидѣла эту четырехугольную сокровищницу, которая уничтожала, убивала ея „я“, ея горячее сердце, становясь на мѣсто самой владѣлицы богатства, молодой дѣвушки, полной идеальными надеждами, желаніями, чувствующей пылкое стремленіе къ счастливой, безмятежной семейной жизни... Кто бы не явился просить ея руки—онъ станетъ умильно поглядывать на „желѣзное чудовище“, неразлучное съ ней; каждый пламенный взглядъ, брошенный на нее, будетъ собственно относиться къ милліонеркѣ... Вотъ, ея руку горячо пожимаютъ, мысленно превращая эту руку въ пачку процентныхъ бумагъ... Господинъ коммерціи совѣтникъ ф.-Рэмеръ навѣрно тоже имѣетъ это въ виду: богачъ хочетъ еще болѣе разбогатѣть!.. Да, коварная Флора съумѣла впустить въ ея сердце ужаснаго червяка... Вѣчно терзаться, не разставаясь съ такою мучительною мыслью, невольно слѣдить за тѣмъ, что уничтожаетъ чувство собственнаго достоинства!..

Теперь глаза Кэты были устремлены на нижнюю часть башни. Тамъ, въ обширномъ подвалѣ, хранились бочки съ драгоцѣннымъ, тонкимъ виномъ, и тамъ-же, въ самомъ темномъ углу, помѣщались двѣ кадки съ „историческимъ порохомъ“. Кадки эти были такія новенькія, опрятныя, что Кэта какъ-то разъ замѣтила, смѣясь: вѣроятно, эта почтенная святыня обновляется по временамъ, какъ подновляется знаменитое чернильное пятно въ Вартбургѣ!... Этотъ темный уголъ погреба всегда казался ей страшнымъ; она не понимала, какъ такой богатый человѣкъ могъ хронически терпѣть у себя подъ ногами эти кадки. У Кэты волосы становились дыбомъ, когда воображеніе рисовало ей фигуру родоначальницы Баумгартеновъ, которая, какъ гласило преданіе, появляясь здѣсь, бродила по всей руинѣ съ горящимъ факеломъ въ рукѣ и заглядывала въ темный погребъ.... Камни, составляющіе башню, почернѣли отъ времени; вся руина казалось теперь Кэтѣ дѣйствительно руиной, и въ головѣ дѣвушки мелькнула мысль: довольно одной искры, чтобы все это взлетѣло на воздухъ и превратилось въ прахъ.... „Историческій порохъ“ сдѣлаетъ свое дѣло—разбросаетъ, уничтожитъ всѣ сокровища, да и желѣзному шкафу, съ его бумагами и золотомъ, на которыхъ лежитъ печать проклятія бѣдняковъ—не уцѣлѣть.

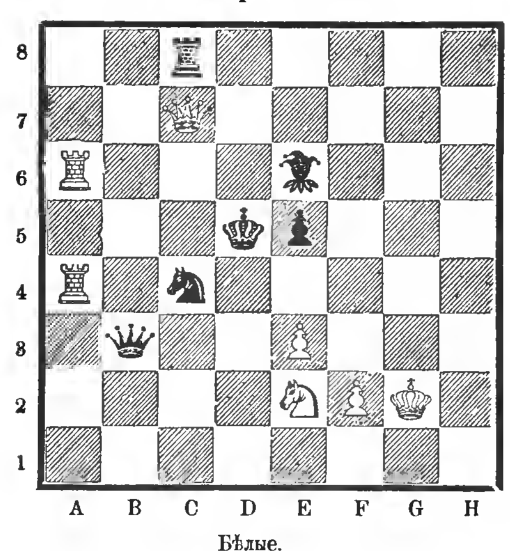
Кэта испугалась самой себя: въ глубинѣ души ея шевельнулось желаніе, чтобы *это* случилось, чтобы взрывъ освободилъ ея „я“, сорвавъ золотую маску съ

— Что тебѣ нужно?
— Порошка отъ таракановъ.
— На сколько?
— На сколько таракановъ? А кто ихъ знаетъ на сколько. . У насъ ихъ, чай, больше тысячи... Дайте ужь на пятачекъ.

ЗАДАЧА

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

РѢШЕНІЕ

задачи въ «Нивѣ» № 17.

Бѣлые.	Черные.
1) E 8 — F 6	1) F 7 — беретъ G 6
2) H 3 — F 5	2) G 6 — беретъ Слонъ.
3) E 2 — E 3	3) F 5 — F 4
4) E 3 беретъ F4 и Матъ.	

лица, къ которой руки такъ алчно тянулись.... Ее ужаснула картина разрушенія, и молодая дѣвушка закрыла руками глаза, а потомъ, глубоко вздохнувъ, устремила взоръ въ тихую, темную синеву неба. Это успокоило, развѣяло ея мрачныя, дурныя мысли, и она пошла вдоль берега рѣки. Вскорѣ до слуха ея долетѣли веселые дѣтскіе голоса: маленькія ученицы тетушки-діаконицы играли еще въ саду! Не смотря на глубокую тоску и душевныя страданія (что собственно мучило ее, она не совсѣмъ еще уяснила себѣ), Кэта повеселѣла, радостное чувство наполнило ея сердце, какъ только услышала она эти звуки. Ахъ, вѣдь дѣти, съ чистыми, невинными глазками, не смотрѣли на нее, какъ на милліонерку! Они ничего еще не знали о желѣзномъ шкафѣ и, когда она ихъ кормила, не спрашивали: кто заплатилъ за кушанье?.. Да, *тамъ ее* любили, любили отъ всего сердца!...

Молодая дѣвушка ускорила шаги и, чѣмъ ближе подходила къ домику, тѣмъ живѣе чувствовала, что возвращается какъ будто домой, послѣ долгаго странствія. Она видѣла, какъ служанка отправилась съ корзинкой въ городъ за покупками. Вотъ, и эта женщина тоже не ради однѣхъ денегъ служила.... Когда Кэта переходила мостъ, ей не было видно дѣтей, такъ какъ они играли по другую сторону дома; по лужайкѣ расхаживалъ крикунъ-пѣтухъ, а куры, завидя знакомую гостью, начали поглядывать на нее, ожидая обычнаго угощенія, къ которому она ихъ пріучила, каждый разъ бросая имъ зерна; дворовый песъ даже радостно завертѣлъ хвостомъ,—онъ уже подружился съ Кэтой, пересталъ ворчать на нее, и вообще сталъ настолько цивилизованнымъ, что позволялъ желтой курицѣ безпрепятственно разгуливать около будки. Входная дверь была открыта настежь, а вѣдь кухарка ушла—значитъ, тетушка находилась въ домѣ. Кэта, всходя на крыльцо, вдругъ услышала голосъ доктора, раздававшійся въ сѣняхъ, и остановилась, какъ бы замерла на мѣстѣ...

— Нѣтъ, тетушка, отъ этого шума мнѣ тяжело.... Голова моя стала нынче что-то очень чувствительной, говорилъ Брукъ. Если я на короткое время убѣгаю сюда, въ этотъ зеленый уголокъ, то мнѣ и хочется отдохнуть здѣсь. Да, мнѣ покой нуженъ, покой!... (Неужели это дѣйствительно говорилъ докторъ? Такой спокойный человѣкъ и вдругъ—столько раздраженія, столько муки въ тонѣ его голоса!) Я требую отъ тебя жертвы, тетушка, это я знаю, но все таки настоятельно прошу прекратить занятія съ дѣвочками... пріостановить уроки эти, пока я еще здѣсь. На это время я охотно готовъ нанять въ городѣ помѣщеніе для школы, платить учительницѣ, чтобы ученицы твои ничего не потеряли...

— Лео... Ради Бога! Тебѣ стоитъ только пожелать и—все будетъ исполнено! воскликнула старушка въ испугѣ. Какъ могла я угадать, что это вдругъ не понравится тебѣ? Будь-же покоенъ — я позабочусь, чтобы ничто, ничто не тревожило тебя здѣсь!... Только.... вотъ жаль мнѣ тутъ Кэты...

— Вѣчно она—эта дѣвушка! вспылилъ Брукъ, какъ будто жалобный голосъ тетушки вывелъ его изъ терпѣнія, лишило самообладанія... А обо *мнѣ* ты недумаешь!

— Но, Лео, послушай... Да что съ тобой? Мнѣ кажется даже, что ты ревнуешь свою старую тетушку!?..

И старушка засмѣялась, удивленно, недовѣрчиво посматривая на племянника. Брукъ промолчалъ; онъ шагнулъ къ выходной двери, но пріостановился, потому что тетушка снова заговорила:

— Ахъ, бѣдная моя Кэта! Я просто понять не могу, какъ можетъ кому нибудь быть непріятной ея гуманная, скромная дѣятельность и... сама она!.. Да, я еще не видѣла подобной дѣвушки: невинна, какъ голубь, остроумна, чистосердечна... Меня тянетъ къ ней неудержимо и... мнѣ кажется, что и Лео моему не слѣдовало-бы быть такимъ несправедливымъ.... Можно обожать невѣсту, но нужно же воздать должное и другой достойной женщинѣ...

Тутъ Кэта вздрогнула—докторъ разразился сардоническимъ смѣхомъ, захохоталъ такъ громко и дико, что она даже ужаснулась, невольно попятилась, желая убѣ-

(Продолженіе на стр. 323, 324, 325 и 326).

жать и... все-таки не убѣжала! Вѣдь смѣхъ этотъ относился къ ней; она хотѣла теперь знать, какое возраженіе сдѣлаетъ Брукъ. Слова тетушки заставили покраснѣть молодую дѣвушку.

Докторъ разомъ оборвалъ смѣхъ и сказалъ:

— Ты такая умная, проницательная женщина, но на этотъ разъ проницательность твоя измѣнила тебѣ.... Э, да все равно!... Конечно, я не стану оспаривать твоего мнѣнія: кому охота дать самому себѣ пощечину?... Объ одномъ только попрошу тебя—пусть до дня моего отъѣзда житье-бытье наше пойдетъ по старому. Будемъ здѣсь совсѣмъ одни.... Это мое желаніе. Вѣдь ты прежде не скучала-же, не искала общества молодыхъ дѣвушекъ? Ну, постарайся на короткое время не скучать въ одиночествѣ.... Я не хочу никого видѣть тутъ!...

— Никого.... Значитъ—и Кэту?

На кирпичномъ полу сѣней заскрипѣлъ песокъ, — Брукъ, какъ видно, порывался къ двери. Какимъ-то страннымъ голосомъ, полнымъ горечи, воскликнулъ онъ:

— Тетушка! Неужели же мнѣ въ самомъ дѣлѣ насильно....

— Сохрани Господи! подхватила старушка въ испугѣ, не скрывая однако скорби своей.... Все, все будетъ по твоему, Лео! Я устрою это, какъ можно деликатнѣе, чтобы не оскорбить ее.... Но, Боже мой, какъ ты взволнованъ!... Какая у тебя горячая рука.... Да ты—боленъ? Охъ, нынче у тебя практика слишкомъ велика, ты утомляешься... Ну, хорошо: здѣсь ты найдешь отдыхъ, настоящій отдыхъ!.. Ужь будь увѣренъ въ этомъ. Не хочешь-ли выпить лимонаду? Я сейчасъ приготовлю....

Онъ поблагодарилъ (тонъ голоса былъ спокойнѣе) и простился съ тетушкой. Кэта слышала, какъ старушка пошла въ кухню, вѣроятно, для того, чтобы приготовить угощеніе для дѣтей.

Брукъ вышелъ на крыльцо.

XXI.

Прислонившись къ стѣнѣ, у самаго косяка двери, неподвижно стояла молодая дѣвушка. Лицо ея было блѣдно, зубы крѣпко стиснуты, а глаза безцѣльно глядѣли куда-то, не обращая вниманія на Брука. Она *не хотѣла* его видѣть.

Докторъ вздрогнулъ и молча остановился передъ ней. Прошла секунда.

— Кэта!.. проговорилъ онъ боязливымъ шопотомъ, какъ человѣкъ, желающій разбудить спящаго, которому снится тяжелый, мучительный сонъ.

Она выпрямилась во весь свой ростъ и медленно сошла со ступенекъ крыльца. Остановившись на лужайкѣ, Кэта какъ-то машинально обернулась одной только головой и, бросивъ теперь на Брука гнѣвный, блестящій взглядъ, спросила:

— Что угодно вамъ, г. докторъ?

Онъ вспыхнулъ, какъ дѣвушка, и подошелъ къ ней. Каждая черточка лица его обнаруживала крайнее нетерпѣніе. Робкимъ голосомъ онъ началъ:

— Вы слышали....

— Да, отъ слова до слова, перебила Кэта, горько усмѣхнувшись.... Что-жь, вы правы, вы охраняете свой домъ отъ непрошенныхъ гостей. Стѣны имѣютъ уши....

И отошла еще на нѣсколько шаговъ отъ крыльца, какъ будто оно было слишкомъ близко къ ней: вѣдь переступить порогъ этого дома она уже не имѣла теперь права.

Брукъ успѣлъ овладѣть собой. Бросивъ шляпу свою на садовый столикъ, стоявшій по близости, онъ тоже выпрямился. Краска исчезла съ его лица, но, казалось, на душѣ у него стало легче, онъ словно обрадовался такому обороту дѣла, какъ счастливому случаю.

— То, что я высказалъ тетушкѣ—вовсе не заставило-бы меня бояться быть подслушаннымъ, заговорилъ онъ спокойнымъ и серьезнымъ тономъ:—здѣсь, въ этомъ тихомъ уголкѣ, нѣтъ тайнъ... Ну, а то, что слѣдуетъ затаить въ груди—такъ и останется не высказаннымъ, даже въ стѣнахъ, неимѣющихъ ушей.... Вы слышали все, отъ слова до слова, слѣдовательно — знаете, что только желаніе на время отдохнуть принудило меня обратиться къ тетушкѣ съ такой просьбой.... Да, я хочу совершенной тишины. Къ сожалѣнію, я долженъ отказаться отъ возможности извинить.... оправдать такой грубый эгоизмъ. Вы, конечно, не можете представить себѣ, что есть такія души, которыя изо дня въ день, безпрерывно, устремляются прочь отъ мыслей, бѣгутъ отъ образовъ.... Но вамъ, быть можетъ, легче будетъ вообразить человѣка, попавшаго въ такое положеніе: его преслѣдуютъ, онъ претерпѣваетъ муки отъ этого преслѣдованія, гнѣвъ его доходитъ до болѣзненности, и вотъ, человѣкъ этотъ, изнемогая, спѣшитъ укрыться въ своемъ домѣ и –какъ разъ встрѣчаетъ тамъ тѣхъ, отъ которыхъ бѣжитъ!...

Она робко, пытливо взглянула на доктора своими свѣтлыми, умными глазами... Брукъ стоялъ теперь такъ близко къ ней. Да, онъ говорилъ совершенно серьезно и не только *изображалъ* страданія преслѣдуемаго, но и *ощущалъ* ихъ въ эти минуты.... Лицо было блѣдно, глаза блуждали.... Но отъ кого-же бѣжалъ онъ!... Конечно, не отъ невѣсты.... А кромѣ нея, Кэты, кто-же бываетъ тутъ?... Значитъ, она не ошиблась: она стала для него невыносимой, потому что ей пришлось быть *третьимъ лицомъ* въ сценахъ между нимъ и Флорой. Брукъ не хочетъ встрѣчаться съ ней по крайней мѣрѣ у себя въ домѣ, поэтому и занятія съ дѣвочками должны прекратиться, т. е. нужно отнять у нея всякій предлогъ являться сюда.... Да, это такъ, и сомнѣнія быть не можетъ!... Ледяная улыбка недовѣрія застыла на губахъ Кэты.

— Да вы вовсе и не обязаны объясняться, замѣтила она холоднымъ тономъ:—вы здѣсь—хозяинъ, довольно и этого. Однако, принимая въ свой домъ маленькаго крикуна ф. Брандау съ гувернанткой, какое удивительное уваженіе должны вы питать къ баронессѣ Штейнеръ!...

Голосъ ея рѣзко звучалъ. Брукъ, удивленный, смущенный, хотѣлъ было возразить, но Кэта порывисто остановила его:

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Не нужно никакихъ оговорокъ! воскликнула она. — Я не хочу, чтобы вы, просто изъ вѣжливости, говорили не то, что думаете.... Вѣдь я же очень хорошо знаю, что заставляетъ васъ поступать такъ!... (Слезы начинали душить ее). Мнѣ пришлось раза два-три быть непрошеннымъ свидѣтелемъ.... Я вполнѣ понимаю то чувство ожесточенія, съ которымъ вы произнесли эти слова: „Вѣчно она—эта дѣвушка!“ И сама я никогда не прощу себѣ этого, но.... собственно говоря, я только одинъ разъ и была виновата, когда нарочно отвела вашу руку. Да, относительно меня—вы самый строгій, неумолимый судья! Меня вы преслѣдуете за промахъ.

(Продолженіе будетъ).

Характерныя женскія лица.

Есть такія физіономіи, которыя сами о себѣ безъ словъ краснорѣчиво говорятъ. Правда, наружность иногда и обманываетъ, но, безъ сомнѣнія, существуютъ удачно очерченныя природой и житейскими обстоятельствами лица, невольно выдающія настоящій характеръ ихъ обладателя. Просимъ обратить вниманіе читателя на помѣщенные въ настоящемъ № нашего журнала

четыре женскіе портрета. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ эта женщина, съ повязаннымъ кое-какъ на головѣ платкомъ, развѣ не первѣйшая сплетница въ околодкѣ? Она и теперь, кажется, прислушивается къ чему-то.... Какъ видно, существо это добрѣйшее. Если она и сплетничаетъ, мутитъ добрыхъ людей, то совсѣмъ не потому, что-бы досадить имъ, не изъ злородства—нѣтъ, эта особа просто любительница всякихъ новостей и новыхъ ощущеній. Такъ какъ она обладаетъ довольно-развитымъ воображеніемъ, фантазіей, то зачастую окрашиваетъ новость въ болѣе яркій цвѣтъ,прибавляетъ, дополняетъ, сочиняетъ, словомъ—вретъ, но вретъ также искренно, какъ Иванъ Александровичъ Хлестаковъ. Это *живая газета*. Обитая въ какомъ нибудь громаднымъ домѣ, она знаетъ подноготную исторію всѣхъ жильцовъ этого дома; она знаетъ, что вотъ у Петровыхъ, напримѣръ, сегодня пекли пироги, а у Ивановыхъ вчера была домашняя война, потому что супруга-то... Но ужъ тутъ начинается шептанье и пускается въ ходъ мимика.

Вы, навѣрно, видѣли также и эту почтенную даму (въ чепчикѣ, съ очками на носу) и, если не сказали сами себѣ, то подумали: «Добрая, веселая старушка, пожалуй – юмористка. Не сплетница, но любитъ поболтать о быломъ. Къ дѣтямъ относится нѣжно и способна избаловать ихъ. Довольно развитая нижняя челюсть указываетъ, что эта старушка не прочь сладко покушать и за компанію выпить пару рюмочекъ крѣпкой, хорошей, мадеры. Съ такими особами можно весь вѣкъ прожить мирно, и ихъ всѣ любятъ за ровный, спокойный характеръ и постоянное веселое настроеніе духа.

Описывать-ли нравственныя свойства третьей дамы, съ набожно-сложенными руками? Кто не видалъ этихъ благочестиво-приподнятыхъ бровей, закрытыхъ по кошачьи глазъ, этой скромной полуулыбки? «У! съ этой тихонькой дамой надо быть поосмотрительнѣе.... Положи ей палецъ въ ротъ, она всю руку съѣстъ, и совершенно незамѣтно съѣстъ! Только потомъ увидишь, что безъ руки остался..» Такія мысли какъ-то невольно лѣзутъ въ голову при видѣ этой смиренной фигуры.

Послѣдняя дама—это настоящая фурія. Такихъ женщинъ въ семьѣ, въ глаза и за глаза, называютъ «вѣдьмами». Сварливость, воинственность, безсердечіе—вотъ отличительныя черты ея характера. О такой особѣ, обыкновенно, говорятъ такъ: «Нѣтъ, съ нею, пива не сваришь!

—Ъ.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ

Рядъ замѣчательныхъ литературныхъ произведеній Ивана Александровича Гончарова, блещущихъ многостороннимъ знаніемъ современной русской жизни и разнообразіемъ созданныхъ имъ типовъ, быстро, и вполнѣ заслуженно, поставилъ его на степень нашихъ популярнѣйшихъ современныхъ писателей, выросшихъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ критики Бѣлинскаго и высоко-художественныхъ образцовъ Гоголя. Отзывы и разборы нашихъ лучшихъ журналовъ уже давно сказали все, что можно было сказать о такихъ романахъ, какъ «Обыкновенная Исторія», «Обломовъ» и «Обрывъ», конечно, прочитанныхъ каждымъ русскимъ, сознающимъ значеніе литературы.

И. А. Гончаровъ, сынъ довольно зажиточнаго купца родился 6 Іюня 1813 г. въ Симбирскѣ. Трехъ лѣтъ онъ уже потерялъ отца и остался на полномъ попеченіи своей матери, одной изъ прекрасныхъ простыхъ русскихъ женщинъ, способныхъ забывать самихъ себя для пользы и счастья своихъ дѣтей. Не получивъ никакого образованія, сама матушка Ивана Александровича не жалѣла ничего для образованія сына и это, конечно, повліяло на развитіе его природныхъ дарованій. Другимъ счастливымъ обстоятельствомъ для дѣтства И. А. былъ пріѣздъ въ Симбирскъ его крестнаго отца—стараго моряка, образованнаго, умнаго и живого человѣка. Выйдя въ отставку, онъ поселился въ домѣ матери Ивана Александровича и сталъ дѣятельно помогать ей въ воспитаніи своего крестника. Живые, разнообразные и интересные морскіе разсказы о дальнихъ плаваніяхъ и странахъ рано заставляли задумываться Ивана Александровича и по его собственному признанію, совершенное впослѣдствіи плаваніе на фрегатѣ «Паллада», было только отголоскомъ ранней страсти къ путешествіямъ, возбужденной бесѣдами съ крестнымъ отцомъ. Дальнѣйшее воспитаніе Ивана Александровича продолжалось за симъ въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ, составлявшихъ въ Россіи въ то время замѣчательное явленіе. Помѣщаясь за Волгою, среди нѣсколькихъ богатыхъ имѣній крупныхъ землевладѣльцевъ, пансіонъ этотъ былъ основанъ мѣстнымъ священникомъ. Ученикъ Казанской духовной академіи, священникъ этотъ былъ женатъ на француженкѣ. Воспитанники его пансіона, большею частью дѣти окрестныхъ, богатыхъ помѣщиковъ, учились у ней французскому языку и, благодаря этому, И. А. началъ обладать имъ съ дѣтства.

Замѣчательна также и ранняя страсть Ивана Александровича къ чтенію, проявившаяся въ немъ еще до 12 лѣтъ т. е. въ томъ же заволжскомъ пансіонѣ. Небольшая, но разнообразная библіотека пансіона была повидимому всегда въ полномъ распоряженіи его воспитанниковъ, и чего не перечиталъ въ дѣтствѣ И. А! Путешествіе Кука и Крашенинникова, Мунго-Парка и Палласа, историческія сочиненія Карамзина, Голикова, Роллена, Милота; произведенія Нахимова и Расина, фонъ-Визина и Тасса, мрачные разсказы г-жи Радклифъ и даже одинъ томикъ знаменитаго нѣкогда Эккартсгаузена: «Ключь къ таинствамъ природы»—все возбуждало вниманіе любознательнаго ребенка и, если не дарило ему положительныхъ, систематическихъ знаній, то, конечно, расширяло его взглядъ на Божій міръ и могло только способствовать ускоренію и полнотѣ его общаго духовнаго развитія.

Двѣнадцати лѣтъ И. А. былъ отправленъ въ Москву, въ одно изъ частныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, откуда онъ и поступилъ въ 1831 г. на филологическій факультетъ Московскаго университета. Товарищами студентами И. А. были Лермонтовъ и Ставкевичъ, но познакомиться съ послѣдними ему не вришлось: одинъ садился всегда на переднія, а другой на заднія скамейки, и такимъ образомъ ихъ постоянно раздѣляло пространство огромной университетской аудиторіи. Говоря о московскихъ профессорахъ филологическаго факультета того времени, нельзя не вспомнить именъ Шевырева, Надеждина и Давыдова, вліявшихъ на слушателей, и признаннымъ достоинствомъ лекцій, въ ученомъ отношеніи, и самою энергіею ихъ чтенія, потому что всѣ трое ученыхъ были еще сами молодыми людьми, недавно разставшимися съ университетомъ и не успѣвшими забыть его коллегіальныхъ традицій. Шевыревъ читалъ исторію древнихъ и западныхъ литературъ. Надеждинъ — теорію изящныхъ искусствъ и археологію, а Давыдовъ—исторію русской литературы. При этомъ особенно замѣчательно то, что профессора эти не ограничивались однѣми только оффиціальными программами курса и читали добровольно другіе дополнительные предметы: Давыдовъ—очеркъ исторіи философіи, а Надеждинъ—очеркъ философіи въ искусствѣ.

Университетъ не могъ не имѣть вліянія на умы такихъ молодыхъ людей, какимъ былъ Ив. Алекс. Послѣ долгаго застоя, внесеннаго въ науку рутиною и схоластикою, она только что начинала оживать подъ вліяніемъ новыхъ дѣятелей, указывавшихъ на связь ея съ искусствомъ и жизнью. Сама жизнь представлялась средствомъ для достиженія идеально-высокихъ цѣлей: истины, добра, красоты и т. п., что совпадало вполнѣ и съ новымъ направленіемъ литературы, также покидавшей, хотя и не безъ борьбы, прежвюю риторическую школу, среди реформъ Пушкина и его послѣдователей.

Кончивъ курсъ въ университетѣ, И. А., послѣ непродолжительнаго пребыванія на родинѣ, отправился въ Петербургъ и опредѣлился на службу переводчикомъ въ министерство финансовъ. Но такая перемѣна положеній не могла вязаться съ его любимою дѣятельностью художника-литератора. Постоянныя занятія по службѣ, а весьма часто и простая, казенная формалистика, отнимая у него на каждомъ шагу время, должны были только вредить его литературной дѣятельности. Занятія русскою и иностранною литературами сдѣлались для него возможными только въ часы отдыха; при талантѣ Ивана Александровича такое условіе, безъ сомнѣнія, могло быть для него только лишеніемъ и даже тяжкимъ.

Но русское общество конца 30-хъ и начала 40 годовъ относилось къ литературнымъ вопросамъ и интересамъ съ участіемъ и искренностью, теперь уже все болѣе и болѣе рѣдкими. Петербургская жизнь была богата частными кружками, считавшими литературные интересы самыми живыми, разносторонними и близкими

И. А. Гончаровъ посѣщалъ, какъ извѣстно, чаще другихъ кружковъ, домъ Николая Аполлоновича и Евгеніи Александровны Майковыхъ. (Николай Аполлоновичъ Майковъ, отецъ нашего поэта Аполлона Николаевича Майкова, былъ извѣстный въ свое время художникъ, умеръ въ 1872 году). Здѣсь собирались литературныя и художественныя знаменитости того времени: очень можетъ быть, что сближеніе съ ними вызвало окончательное рѣшеніе Ивана Александровича предпринять разомъ первое крупное литературное произведеніе, появляющееся, какъ это чаще случается, только послѣ нѣсколькихъ очерковъ, разсказовъ, или небольшихъ повѣстей, служащихъ какъ бы мѣркою силы начинающаго писателя.

Напечатанная въ «Современникѣ» 1847 г., издававшемся тогда подъ редакціею Панаева и Некрасова «Обыкновенная исторія» имѣла полный успѣхъ, вполнѣ оправдавшій горячія похвалы и одобренія Бѣлинскаго, случайно прочитавшаго ранѣе только одну ея первую часть, когда вторая еще не была кончена.

Одновременно съ «Обыкновенной исторіей» авторъ ея задумалъ уже и другое произведеніе и замѣчательно, что помѣстивъ первые отрывки его въ «Современникѣ» 1848—49 г. подъ заглавіемъ «Сонъ Обломова», онъ напечаталъ все произведеніе это только черезъ десять лѣтъ. Трудно допустить, чтобы при-

чиною такой значительной проволочки могло быть бездѣйствіе писателя, написавшаго уже гораздо ранѣе нѣсколько томовъ, а потому и остается заключить, что это время пошло на обработку произведенія, всегда чрезвычайно художественную и оригинальную въ романахъ И. А. Гончарова.

Слѣдующимъ произведеніемъ Ив. Алекс. было «фрегатъ Паллада». Оно заключаетъ въ себѣ письма о кругосвѣтномъ плаваніи, неподражаемыя по языку и обилію поэтическихъ красотъ.

Получивъ въ 1852 г. предложеніе морского министерства отправиться въ кругосвѣтное плаваніе секретаремъ адмирала Путятина, И. А., не колеблясь, принялъ его. За долгимъ, болѣе чѣмъ двухъ-лѣтнимъ плаваніемъ фрегата, И. А. предстоялъ не менѣе трудный переѣздъ черезъ пустыни и горы Сибири; высоко-художественное описаніе всего путешествія, изданное въ двухъ большихъ томахъ, вышло въ 1856 и 1857 годахъ, и въ 1858—вторымъ изданіемъ. Судовыя сцены и разговоры автора съ матросами займутъ даже и долго плававшаго моряка, не потому, чтобы онъ могъ увидѣть въ нихъ, что нибудь для себя новое, а именно потому, что онъ самъ все это нѣсколько разъ видѣлъ и слышалъ и не обратилъ на видѣнное и слышанное никакого вниманія.

По возвращеніи въ Петербургъ, несмотря на множество занятій по службѣ и свѣжія воспоминанія о путешествіи, И. А. Гончаровъ, повидимому, былъ не въ силахъ оторваться отъ задуманнаго имъ созданія «Обломова» и въ 1857 г. отправился на воды въ Карлсбадъ. Здѣсь, въ 47 дней онъ успѣлъ написать всю вторую часть романа, на обдумываніе котораго имъ было употреблено десять лѣтъ! Иванъ Александровичъ писалъ его не отходя отъ стола, какъ будто не надѣялся дожить до его напечатанія. Наконецъ въ 1858—59 г. «Обломовъ» явился на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» и произведенное имъ впечатлѣніе было поразительно. Поражало умѣніе сочетать въ одномъ *живомъ* типѣ самыя существенныя стороны русскаго человѣка, со всѣми его достоинствами и недостатками.

«Обломовъ» и по мысли и по художественному исполненію установилъ окончательно И. А. на то мѣсто въ ряду нашихъ современныхъ писателей, какое принадлежитъ ему по праву.

Послѣдній романъ И. А. «Обрывъ», напечатанный въ 1868 году въ «Вѣстникѣ Европы» и вышедшій отдѣльною книгою въ 1870 г., задуманъ авторомъ почти одновременно съ «Обломовымъ»; многіе находятъ, что «Обрывъ» слабѣе своего предшественника.

Съ 1868 г. и по настоящее время Иванъ Александровичъ не писалъ болѣе романовъ и только въ «Вѣстникѣ Европы» за 1871 г. помѣщенъ имъ небольшой критическій очеркъ о «Горѣ отъ ума», озаглавленный «Милліонъ терзаній». Авторъ «Обломова» съумѣлъ и здѣсь взглянуть совершенно съ новой точки зрѣнія на геніальное произведеніе Грибоѣдова и указалъ въ въ характерѣ Чацкаго черты еще не замѣченныя до сихъ поръ никѣмъ изъ нашихъ критиковъ. Заслуга не маловажная.

Скажемъ въ заключеніе, что таланты, подобные дарованію И. А., и одаренные его анализомъ и художественнымъ тактомъ, не судятся по общей мѣркѣ; Рафаэль написалъ много мадонъ, но лучшая изъ нихъ только одна, и притомъ не послѣдняя.

Сонъ.

(Картина Э. Лекадера).

Говорятъ, пишутъ и даже доказываютъ, что человѣчество вырождается, т. е. умаляется ростъ человѣка, исчезаетъ красота, физическая сила, изящность формъ. Можетъ быть, это и такъ, но все-таки среди насъ сколько еще живетъ людей, которые могутъ послужить (по выраженію художника) «натурою» для созданія статуи Діаны, Венеры, Аполлона Бельведерскаго и, пожалуй, Геркулеса! Посмотрите на эту стройную фигуру женщины-матери, которая уснула, обнявъ прекрасными античными руками своего первенца-сына. Сколько пластической красоты въ этой фигурѣ! И развѣ такая мраморная или бронзовая группа не была-бы украшеніемъ залы любителя искусствъ? Эта сладко-уснувшая могла-бы послужить, образцомъ для современной Пенелопы.

—Ъ.

Библіографія.

«Русскія охоты» *съ акварелей П. П. Соколова. Хромолитографированное изданіе Фельтена въ С.-Петербургѣ. Вып. 1. Цѣна 20 р. съ пер. 23 руб.*

Недавно поступилъ въ продажу первый выпускъ большой коллекціи охотничьихъ акварельныхъ рисунковъ Петра Соколова, издаваемой владѣльцемъ магазина эстамповъ Фельтеномъ въ С.-Петербургѣ. Нельзя не поблагодарить его за предпріятіе такого роскошнаго изданія картинъ нашего талантливаго художника. Хромолитографія съ большой точностью передаетъ всѣ достоинства акварельнаго оригинала и даетъ возможность пріобрѣсти произведенія художника и тѣмъ любителямъ изящнаго, которые не обладаютъ большими средствами. Намъ удалось видѣть всю коллекцію рисунковъ—оригиналовъ, приготовленныхъ къ изданію, и мы истинно порадовались тому, что публика получитъ возможность купить ихъ за недорогую, сравнительно, цѣну.

Всѣ картины изображаютъ сцены и моменты изъ русской охотничьей жизни и отличаются большимъ мастерствомъ въ исполненіи и постановкѣ фигуръ. Вездѣ наша русская природа съ ея лѣсами, перелѣсками и островами; съ ея безбрежнымъ степнымъ пространствомъ, покрытымъ травой, полями подъ снѣгомъ, болотами и озерами.

То скудные и унылые, то роскошные и веселые, ландшафты русской природы являются, и рано утромъ—чуть-чуть брезжетъ заря; и въ знойный полдень, и вечеромъ, и почти совсѣмъ ночью — послѣдніе лучи потухающей зари чуть виднѣются сквозь стволы деревъ.

На такихъ-то ландшафтахъ разыгрываются сцены изъ жизни нашихъ доѣзжачихъ и борзятниковъ крѣпостныхъ временъ и схватки русскихъ мужичковъ, вооруженныхъ дрянными ружьишками, съ царемъ нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ — Михайломъ Топтыгинымъ.

Для охотниковъ это собраніе, помимо своей высокой художественности, будетъ имѣть значеніе по той вѣрности и правдѣ, съ которыми переданы всѣ техническіе пріемы и условныя движенія охотниковъ. Первыя четыре картины, составляющія первый выпускъ альбома, изображаютъ слѣдующія сцены: 1) *Сборъ гончихъ въ островъ.* Въ густомъ лѣсу шалашъ; въ шалашѣ и около его нѣсколько фигуръ охотниковъ—одинъ изъ нихъ трубитъ въ рогъ, сзывая собакъ, нѣсколько изъ нихъ толпится у его ногъ. 2) *Травля рыси по порошѣ.* Изображена группа охотниковъ; на деревѣ, злобно оскалившись и прижавъ къ сучку, сидитъ рысь, и огрызается на кидающихся къ ней гончихъ. Третья—*Охота по тетерю на току,* освѣщена яркою утреннею зарею, на фонѣ которой рѣзко выдѣляются сучья кустарника. Охотникъ прицѣливается въ тетерева, важно разгуливающаго по сучку. Картина, названная: «*Ату его!*», (охотничій терминъ) ни въ чемъ не уступаетъ тремъ предшествовавшимъ: охотникъ съ поднятою нагайкою, группа собакъ; вдали также охотники, приближающіеся по направленію къ зрителю и зайка, притаившійся въ травѣ. Всѣ четыре картины очень хороши, но онѣ, по нашему мнѣнію, не лучшія во всей коллекціи. Есть вещи, исполненныя чрезвычайной экспрессіи и движенія,—напримѣръ, сцена поимки крестьянами охотника, помявшаго, въ гоньбѣ за зайцемъ, рожь. Дюжій мужикъ въ синей посконной рубахѣ замахивается на попавшагося охотника дубиной; другой схватилъ лошадь подъ узды. У ногъ борющихся валяется заяцъ и невинно пострадавшая гончая, убитая крестьянами. Къ той и другой сторонѣ спѣшатъ подкрѣпленія и свалка, вѣроятно, выдетъ не маленькая. Другія картины отличаются чрезвычайно удачнымъ освѣщеніемъ — къ такимъ принадлежитъ картина, изображающая охотниковъ, «подвывающихъ» къ себѣ волка. Лѣтняя ночь въ лѣсу; вдали, низко надъ землею, горятъ послѣдніе блѣдные лучи вечерней зари; Во мракѣ видны двѣ фигуры конныхъ охотниковъ, нагруженныхъ добычею и возвращающихся съ охоты. Въ лѣсу имъ пришла мысль закончить еще блестящѣе свою удачную охоту, и къ шкуркамъ лисицъ и зайцевъ прибавить еще шкуру лѣсного хищника—волка. Одинъ изъ нихъ, сложивъ руки у рта, подражаетъ вытью волковъ, а другой устремилъ глаза въ темную лѣсную чащу и ждетъ—не покажутся-ли гдѣ два горящихъ глаза волка. Глядя на картину, чувствуешь, будто самъ находишься здѣсь-же, въ этомъ темномъ лѣсу и жутко становится въ этомъ таинственномъ мракѣ. Хороша также лунная ночь въ лѣсу, зимою, на какой не помню, картинѣ. Отраженіе луны на дѣвственно-чистомъ снѣгу передано съ большою правдой, равно какъ и даль лѣсной поляны окаймленной лѣсомъ. Словомъ, коллекція картинъ П. Соколова, въ общей сложности 24 картины, представляетъ вѣрное изображеніе нашей природы, и весною, и осенью, и зимою, и лѣтомъ. Любителя изящнаго онѣ удовлетворятъ вполнѣ и составятъ роскошное украшеніе всякаго дома, всякаго кабинета и галлереи. Любящій свою родину, русскій увидитъ въ картинахъ П. Соколова вѣрное отраженіе тѣхъ ландшафтовъ, которыми самъ нерѣдко любовался и надъ которыми нерѣдко грустилъ.

Тѣмъ болѣе удачна мысль воспроизвести дорогія акварели

дешевымъ хромолитографическимъ способомъ и дать возможность купить ихъ *большинству*, а не избраннымъ только. Мы конечно далеки отъ того, чтобы утверждать, что картины П. Соколова chef-d-oeuvre искусства, но насъ радуетъ то, что стѣны русскихъ любителей изящнаго украсятся наконецъ иллюстраціями нашей, *русской*, *родной*, жизни и природы и помѣстится и нашъ дремучій Брынскій лѣсъ, или вязкое болото.

Были и до этого собранія картины русской природы и жизни, но, во первыхъ: онѣ, будучи оригиналами, стоили громадныхъ денегъ, а во вторыхъ—не давали такой полной и всесторонней картины ея.

Пожелаемъ этому роскошному изданію успѣха среди русскихъ состоятельныхъ людей, ибо успѣхъ одного, повлечетъ за собою другое, подобное-же, изданіе, а это намъ, русскимъ, очень не мѣшаетъ.

Мы далеко отстали въ этомъ дѣлѣ отъ запада—постараемся же восполнить этотъ пробѣлъ, тѣмъ болѣе, что у насъ въ художникахъ-то нѣтъ недостатка.

А. Арс.

Смѣсь.

Ожиданіе.

(Картина Улиса Бютена).

«Кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался» говоритъ пословица; но кто никогда не ждалъ никого послѣ бури, тотъ также не знаетъ, что значитъ пламенно, всей душой, взывать къ Богу, когда уже послѣдняя надежда слабѣетъ въ сердцѣ. А море, какъ неумолимое божество, требующее себѣ дани, каждый годъ поглощаетъ новыя и новыя жертвы.

Картина наша представляетъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда, послѣ улегшейся бури, всякій изъ прибрежныхъ жителей, оставшихся дома, спѣшитъ на берегъ въ ожиданіи возлюбленныхъ своего сердца. Жены и матери съ трепетомъ смотрятъ въ даль, возсылая горячія молитвы къ небу о возвращеніи своихъ дорогихъ кормильцевъ. Но многіе ли изъ нихъ вернутся?...

Когда, сидя въ вашей уютной комнатѣ, въ кругу вашей семьи, собравшейся за столомъ, вокругъ ярко горящей лампы, вы, беззаботные и веселые, наслаждаетесь своимъ счастьемъ, — вспомните о тѣхъ, кто на морѣ, и помолитесь за тѣхъ несчастныхъ, которые, можетъ быть, погибаютъ въ эту минуту.

Существованіе бразильской **водяной змѣи** «Sucuruyu», о которой ничего не говорится въ зоологіи, было оспариваемо до послѣдняго времени даже въ ея родинѣ (въ Бразиліи.) Въ № 42 «Deutsche-Auswanderer-Zeitung», говорится, однако, что недавно при Тапирѣ, на берегахъ Паргауса, десятилѣтній ребенокъ былъ поглощенъ этой водяной змѣей, которая, какъ увѣряютъ, показывается иногда во время наводненія, даже близь населенныхъ мѣстностей. Нѣкій г. Константино-де-Роха убилъ недавно одну изъ этихъ змѣй, длиною 430 вершковъ и корреспондентъ «Deutsche-Auswanderer-Zeitung», жившій 8 лѣтъ въ Парагуасѣ, тоже увѣряетъ, въ 1861 г. онъ видѣлъ водяную змѣю Sucuruyu, длиною отъ 35 до 40 футовъ. Вѣрно только то, что насчетъ водяныхъ змѣй, какъ сознаются и сами зоологи, намъ еще мало извѣстно. Впрочемъ, приведенныя въ упомянутой газетѣ свѣдѣнія не достаточны для того, чтобы опредѣлить, къ какой породѣ водяныхъ змѣй принадлежитъ «Sucuruyu».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Петербургъ, г. Н. В.** Портретъ нашего уважаемаго, маститаго артиста, Осипа Афанасьевича Петрова и его біографія будутъ помѣщены въ «Нивѣ» въ самомъ непродолжительномъ времени

2) **Щигры, Курск. губ., Ив. Ф—теръ.** Мы искренно вамъ совѣтуемъ оставить занятія стихотворствомъ, сами же вы говорвто, что

Не каждому природа счастье равное даетъ.

3) **Сарапулъ, Вятской губ., А. Г. Р—ху.** Судя по вашей орфографіи, вамъ первоначально слѣдуетъ поучиться, по крайней мѣрѣ, хоти въ приходскомъ училищѣ. Вы пишете: «Если поглянется только что сочиненное мое стихотвороніе, поилю болѣе пріятныхъ новыхъ». Нѣтъ, ужъ, Богъ съ вами: намъ ваши стихи «неглянутся».

4) **Петербургъ, Парфентьевскому.** Прежде всего требуется отъ всякой рѣчи, умной или глупой, хорошей или дурной, согласованіе словъ въ числѣ и падежѣ, чего въ вашихъ стихахъ не всегда замѣтно. Кромѣ того и такія рифмы, какъ «поразитъ» и «поразит»» давно осмѣяны, даже въ пресловутой Прекрасной Еленѣ.

5) **Петербургъ, гостиница «Демутъ», г. А. П. Ш—ову** Посылая свои стихи, вы пишете, что если мы васъ не оцѣнимъ, то другой оцѣнитъ, если не другой, то третій; если, наконецъ, не при жизни, то послѣ смерти оцѣнятъ васъ. Послѣ смерти всѣ наши дѣянія будутъ по достоинству оцѣнены; но вы хорошо дѣлаете, что заранѣе просите у людей прощенія, ибо если вы умрете непрощеннымъ, то вамъ, за ваши стихи, и въ особенности за ихъ грамматику и рифмы, на томъ свѣтѣ достанется порядочно.

6) **Харьковъ, А. Др—ову.** Ваши желанія, выраженныя въ стихотворной формѣ, совершенно неисполнимы. Вы пишете:

Все бы слушалъ волшебныя сказки,
Когда-бъ ты говорила ихъ мнѣ,
Да глядѣлъ на капризные глазки
Посадивъ на колѣни къ себѣ.

Кто же глаза на колѣни садитъ?

СОДЕРЖАНІЕ: **Исайка.** Изъ путевыхъ набросковъ (съ рисункомъ) **Немировичъ-Данченко.**—**Въ домѣ коммерціи совѣтника** Повѣсть **Э. Марлитта** (продолженіе).— **Характерныя лица** (съ рисункомъ). — Иванъ Александровичъ **Гончаровъ** (съ портретомъ). — **Сонъ** (съ рисункомъ). — **Юмористическіе очерки** (съ рисункомъ). — **Шахматы.** — Библіографія **А. Арс.** — Смѣсь. **Ожиданіе** (съ рисункомъ). — Почтовый ящикъ — Объявленія.—**Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за МАЙ съ 32 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 36 чертежами.**

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ. 27 Апрѣля 1876 г. Изданіе **А. Ф. Маркса**. Въ Спб., Больш. Морская д. № 9. Тип. Веллинга, Англ. пр., № 10

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 19 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 10 Мая 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

СЕРНА

(ANTILOPE SIVE CAPELLA RUPICARPA).

Серна (capella rupicarpa) служитъ представительницею особаго рода антилопъ, отличающихся формою роговъ и носитъ еще другое латинское названіе antilope rupicarpa. Прямые рога этого животнаго стоятъ прямо и на концахъ загнуты назадъ. Настоящею родиною сернъ почитаются Альпійскія горы и именно горы Швейцаріи; отчасти водятся онѣ въ Тиролѣ, Зальцбургѣ, Каринтіи и Крайнѣ, въ Карпатахъ, въ горахъ Татра и Фазра, въ горахъ Пиринейскихъ и частію Астурійскихъ, а у насъ, въ Россіи, на Кавказѣ, въ хребтѣ Яйла или горахъ Таврическихъ и горныхъ мѣстностяхъ Сибири. Цвѣтъ сернъ грязно-рыже-бурый, но серны молодыя—рыжевато-бураго цвѣта. Альпійскіе охотники различаютъ два особенно выдающихся вида, а именно: лѣсныхъ и горныхъ сернъ. Серны обыкновенно избираютъ себѣ самыя высокія, неприступныя мѣстности, на обрывистыхъ скалахъ, на каменныхъ, выдающихся выступахъ и держатся преимущественно вблизи снѣжной линіи. Лѣтомъ предпочитаютъ онѣ западные и сѣверные склоны, а зимою восточные и южные. Въ большинствѣ случаевъ серны живутъ по-одиночкѣ, но нерѣдко собираются въ значительныя стада отъ десяти до двадцати головъ и пасутся на высокихъ солнечныхъ мѣстахъ, дружно и весело проводя время въ рѣзвой игрѣ. Самки, избравшія себѣ самцовъ, живутъ съ ними попарно въ уединеніи. Кромѣ чрезвычайно легкаго и быстраго бѣга, серны отличаются необыкновенно чуткостію и смѣтливостію при малѣйшей, грозящей имъ опасности. Чуя непріятеля, онѣ не успокоиваются до тѣхъ поръ, пока неувидятъ его и слѣдовательно сознаютъ свое положеніе и возможность своего спасенія, тѣмъ или другимъ способомъ. Поэтому, ложась спать, стадо оставляетъ бодрствовать одного стараго вожака, который неутомимо слѣдитъ за малѣйшимъ шумомъ, и во все время своей стражи обращается въ слухъ и зрѣніе, не отводя глазъ ни на одно мгновеніе отъ того предмета, который кажется ему сколько нибудь опаснымъ или подозрительнымъ. Но быстрота бѣга и осторожная бдительность не единственныя качества этой породы антилопъ; серны отличаются удивительнымъ искусствомъ скакать чрезъ огромныя пропасти и выбирать себѣ путь въ самыхъ непроходимыхъ и скользкихъ ледникахъ. Многіе охотники и путе-

Серна. (Antilope sive capella rupicarpa). Рис. Ростоскій, грав. **О. Ротъ.**

шественники увѣряютъ единогласно, что серна, спасаясь отъ человѣка и достигнувъ, наконецъ, обрыва, въ то время, когда, повидимому, ей нѣтъ спасенія, ни въ дальнѣйшемъ бѣгствѣ, ни въ отступленіи, — съ быстротою молніи перепрыгиваетъ зіяющую пропасть и твердою стопой становится на противоположномъ утесѣ. Сернѣ достаточно какого нибудь выдающагося камешка, сучка или засохшаго куста, чтобы найти въ нихъ точки опоры и скользить какою то тѣнью по самымъ ужасающимъ пропастямъ. Падая стремглавъ съ большой высоты, серна все таки не теряетъ надежды спасти свою жизнь, принимая всегда въ паденіи своемъ направленіе косвенное и скользящее, относительно скалъ, и пользуется первымъ предметомъ, чтобы уцѣпиться за него и снова стать твердою ногою. Эта находчивость, неустрашимость и необыкновенная ловкость въ минуты самой безвыходной опасности всегда поражали удивленіемъ всѣхъ естествоиспытателей и туристовъ, утверждающихъ единогласно, что серна никогда не теряется, никогда не останавливается въ нерѣшимости и безпомощномъ испугѣ, какъ это дѣлаютъ козы, которыя стоятъ съ жалобнымъ блеяніемъ у какого нибудь обрыва, пока пастухъ, съ опасностію собственной жизни, не придетъ ихъ выручить. Серна скорѣе убьется, чѣмъ остановится предъ опасностію. Серна, какъ говоритъ Брэмъ, можетъ служить эмблемой бдительности. Ея необыкновенно тонкія чувства дѣлаютъ ее чуткой болѣе всякаго другаго животнаго. У нея одинаково хорошо развиты: обоняніе, зрѣніе, слухъ и осязаніе Забота о самосохраненіи не покидаетъ ее никогда: даже во снѣ не перестаютъ работать органы ея чувствъ. Во время отдыха она рѣдко ложится на землю плашмя, но спитъ такъ, что ей во всякую минуту легко подняться на ноги и бѣжать. Для отдыха серны охотно прячутся въ рѣдкій кустарникъ, но болѣе всего любятъ выступы скалъ, гдѣ, прикрытыя сзади, могутъ свободно обозрѣвать окрестность съ боковъ и спереди. Ухо и глазъ работаютъ у сернъ наравнѣ съ чуткимъ носомъ.

Какъ въ общемъ характерѣ серны, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ движеніи выражается весьма много расудительности. Память серны превосходная: она помнитъ цѣлые годы тѣ мѣста, гдѣ ее преслѣдовали и избѣгаетъ ихъ, какъ опасныя; знаетъ и тѣ мѣста, которыя вполнѣ для нихъ безопасны и гдѣ ее любятъ. На такъ называемыхъ *«Вольныхъ горахъ»*, гдѣ запрещено охотиться за сернами и гдѣ животное сознаетъ свою полную безопасность, оно дѣлается смѣлѣе и безъ робости близко подходитъ къ людямъ.

Отъ паденія снѣжныхъ лавинъ серны погибаютъ только тогда, когда бываютъ застигнуты ими внезапно. Обыкновенно они живутъ въ лощинахъ, покрытыхъ натуральнымъ сводомъ или мостомъ въ видѣ громаднаго камня или нависшаго утеса. Хотя въ такихъ мѣстахъ и свергаются лавины, но серны, защищаемыя самой природой, мирно выжидаютъ, пока пронесется надъ ихъ головами этотъ грозный горный ураганъ.

Пища сернъ въ лѣтнее время состоитъ изъ лучшихъ альпійскихъ растеній, произрастающихъ на снѣговой границѣ, преимущественно же изъ альпійскихъ розъ, молодыхъ побѣговъ разныхъ деревьевъ, не исключая и хвойныхъ, то-есть елей и сосенъ, зимою же изъ поблекшей длинной травы, торчащей изъ-подъ сугробовъ горныхъ снѣговъ, изъ мховъ и лишаевъ, откапываемыхъ изъ подъ снѣгу передними ногами. Вообще почти нѣтъ или весьма рѣдки примѣры, чтобы серны погибали съ голоду, но естествоиспытатель Чуди приводитъ, какъ примѣръ, разсказъ одного охотника въ Бернскихъ Альпахъ, что однажды онъ видѣлъ повисшій на сучьяхъ скелетъ серны, вѣроятно подымавшейся при жизни на заднія ноги, чтобы добыть съ дерева наросшій на немъ лишай, и зацѣпившейся рогами за сучья.

Поздняя осень является у сернъ временемъ любви. Тутъ наступаетъ для нихъ шумная и веселая жизнь. Все стадо, къ которому присоединяются и старые самцы, жившіе до сего времени особнякомъ, рѣзвится, прыгаетъ и играетъ по цѣлымъ часамъ. Но нерѣдко эти милыя сцены рѣзвыхъ забавъ и удовольствій смѣняются сценами трагическими. Между влюбленными самцами выступаетъ ревность, и непримиримые соперники вступаютъ въ серьезныя схватки и бьются въ нихъ на смерть. Побѣдитель старается обыкновенно сбросить своего соперника въ пропасть и потому, сбивъ его съ ногъ, добиваетъ рогами, ударяя ими сверху внизъ, и затѣмъ сбрасываетъ его въ пропасть, причемъ побѣжденный, ударяясь объ утесы и выступы, разбивается до смерти.

Беременная самка, послѣ двадцатинедѣльнаго ношенія, разрѣшается, обыкновенно, однимъ и рѣдко двумя дѣтенышами, которые, спустя часъ или два послѣ своего рожденія, начинаютъ уже бродить за своими матерями, которыя вообще очень нѣжно любятъ своихъ дѣтей, учатъ ихъ отыскивать кормъ, взбираться на крутизны, скакать чрезъ расщелины и, наконецъ, чрезъ опасныя пропасти, такъ что чрезъ два-три мѣсяца является въ горахъ молодая серна со всѣми физическими и умственными условіями своей породы. Но и дѣти платятъ матери такою же безграничною привязанностью и любовью. Охотники неоднократно видѣли, какъ дѣтеныши или молодыя серны выражали тяжкую скорбь свою, не отходя прочь отъ тѣла умершей или убитой матери и не покидали его даже при приближеніи человѣка, то есть явной опасности, причемъ почти добровольно отдавались въ его руки.

Н. Зуевъ.

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

Брукъ ничего не сказалъ, но, казалось, старался покрѣпче сжать губы, какъ-бы борясь противъ искушенія заговорить. Онъ глядѣлъ на нее какъ-то сбоку (взглядъ былъ твердъ и выразителенъ), а правая рука его судорожно сжималась... При взглядѣ на этого человѣка нельзя было не сознаться, что онъ обладаетъ сильнымъ характеромъ, и настолько умѣетъ владѣть собой, что только въ крайнемъ случаѣ позволитъ себѣ высказаться.

— Я очень, очень неохотно ѣхала сюда, снова заговорила Кэта.—Почтенная дама — вонъ тамъ (она указала на виллу Баумгартенъ), оставила во мнѣ пренепріятное впечатлѣніе: когда я была ребенкомъ, эта женщина, съ президентской своей гордостью, гдѣ только могла—отравляла мою жизнь... И я никогда не прощу ей горькихъ слезъ, которыя проливала въ то время моя бѣдная Лукасъ, благодаря постояннымъ дерзостямъ со стороны президентши. Вы знаете, съ перваго дня моего пріѣзда сюда, какъ я боялась встрѣчи съ сестрой Флорой, гордящейся своимъ умомъ, и какъ, завидя виллу, мнѣ ужасно захотѣлось сейчасъ-же отправиться обратно, вернуться въ свой Дрезденскій домъ... И зачѣмъ я тогда-же не уѣхала?.. На виллѣ — чиновное чванство, и умомъ тамъ чванятся, да кромѣ того царитъ тамъ еще невыносимое высокомѣріе кармана, — даже, самый воздухъ пропитанъ золотою пылью, насыщенъ надменностью!.. Всякая живая мысль, свѣжее, молодое чувство но неволѣ должны зачахнуть въ такой атмосферѣ. Я, по натурѣ своей, не способна сродниться съ подобной обстановкой, мнѣ не ужиться тамъ, но здѣсь (она указала на домикъ и садъ) — здѣсь я чувствовала себя хорошо и даже могла-бы забыть мой родной уголокъ въ Дрезденѣ... Почему это такъ—я этого и сама не знаю.

Какъ мила была она въ эту минуту въ своемъ бѣлоснѣжномъ платьѣ, съ задумчиво поникшей головой, украшенной роскошными косами!..

— Мнѣ кажется, меня обворожила славная старушка-тетушка, прибавила Кэта, весело поднявъ глаза:—у нея такая благородная, непринужденная манера держаться, что у меня сейчасъ становится легче, я успокоиваюсь, когда побываю съ ней... Тихо, скромно идетъ она своей дорогой; рѣзкихъ возраженій отъ нея не услышишь, не видно упрямой настойчивости, и однако-же эта женщина ни на волосъ не измѣнитъ своихъ убѣжденій; что, по ея мнѣнію, хорошо и справедливо, то и должно стоять на первомъ планѣ; слова и дѣло для нея—одно и тоже. Это имѣетъ благотворное вліяніе на того, кто видитъ тутъ-же, рядомъ, столько пустаго чванства, лжи, надменности и... даже постыдной слабости! Да, слабости,

которая, къ сожалѣнію, можетъ овладѣть даже мужчиной...

Мрачно нахмуривъ брови, она, съ видимымъ презрѣніемъ, швырнула зеленую вѣточку, сорванную мимоходомъ, которою до сихъ поръ играла. Довольно было и этого, чтобы раздражить и заставить вспыхнуть стоявшаго передъ ней человѣка... Глаза доктора загорѣлись мрачнымъ огнемъ... Онъ понялъ, что хотѣла сказать молодая дѣвушка.

— Но вы забыли, перечисляя добродѣтели „славной старушки", упомянуть еще объ одной, а именно: о мягкости и осторожности ея въ приговорахъ надъ людьми, заговорилъ рѣзко и укоризненно Брукъ. — Никогда не произнесла бы она такъ смѣло подобнаго рѣшительнаго приговора... вотъ какъ вы сдѣлали это сейчасъ потому что она знаетъ, какъ легко ошибиться!.. Тетушка знаетъ, что даже часто (какъ и въ данномъ случаѣ, на который вы намекаете) за мнимою слабостью скрывается усиленная твердость; можетъ быть, всѣ силы души находятся въ напряженномъ состояніи...

Докторъ былъ чрезвычайно взволнованъ,—такимъ тономъ онъ никогда еще не говорилъ; куда дѣвалось все хладнокровіе его!

Кэта сначала смутилась и потупила глаза, причемъ щеки ея загорѣлись, но тѣмъ не менѣе она все-таки чувствовала себя правой: вѣдь *онъ* былъ поразительно слабъ относительно собственнаго своего „я", слабъ въ своей страстной любви и въ чувствѣ нерасположенія... Да, и это послѣднее пришлось ей только что испытать на себѣ...

Молодая дѣвушка упрямо откинула голову. Въ эту минуту маленькія ученицы, игравшія въ жмурки, выбѣжали изъ за угла дома. Увидать Кэту и броситься къ ней, было для нихъ дѣломъ одной минуты. Дѣти не обратили вниманія на глубоко-сумрачное лицо доктора, который стоялъ возлѣ дѣвушки, и дѣлалъ имъ знаки не подходить; въ одну секунду стройная дѣвушка была окружена, маленькія рученки толкались и хватались за нее, каждый изъ дѣтей хотѣлъ обнять „красивую тетю" или по, крайней мѣрѣ, схватить ее за руку. Несмотря на свое волненіе, Кэта чуть было не разсмѣялась, глядя на толпу дѣтей, которыя не смотря на ея силу, чуть было не уронили ее; докторъ разсердился не на шутку, и вышелъ изъ себя, такъ что дѣвушка никогда не видала его въ такомъ гнѣвѣ. Онъ разбранилъ дѣтей, и сердито отстранилъ ихъ, приказавши дѣтямъ удалиться за уголъ дома и ждать тамъ, покуда ихъ не отпустятъ домой.

Дѣти ушли опечаленныя и испуганныя.

Кэта закусила нижнюю губу, провожая дѣтей печальнымъ взоромъ, пока они не скрылись за уголъ дома. „Какъ бы охотно пошла я за ними, чтобы успокоить ихъ, но я ни сдѣлаю шага назадъ туда, откуда я навсегда ушла", прибавила она голосомъ, въ которомъ слышались, и скорбь, и сильный гнѣвъ.

— Успокоить! повторилъ докторъ насмѣшливо. „Вы теперь готовы назвать меня извергомъ, какъ передъ тѣмъ, назвали меня слабохарактернымъ? Утѣшьтесь— дѣтскій возрастъ носитъ въ самомъ себѣ задатки къ самоуспокоенію; у нихъ смѣхъ и плачь идутъ рука объ руку. Послушайте, какъ тамъ хихикаютъ дѣти?" Докторъ съ улыбкой показалъ туда откуда слышался смѣхъ. „Я увѣренъ, что теперь онѣ подсмѣиваются надо мной и надъ моей строгостью. Я остановилъ дѣтей ради вашего спокойствія, не могъ же я спокойно смотрѣть, какъ онѣ бросились на васъ, какъ позволяете вы, чтобы вамъ такъ надоѣдали? Дѣти дурно воспитаны".

— „Это потому что онѣ любятъ меня! Слава Богу, что это такъ. Имъ по крайней мѣрѣ, могу я вѣрить! воскликнула дѣвушка, сжимая крѣпче руки на груди. Можетъ быть вы хотите увѣрить меня, въ виду всего происходившаго, что вся эта любовь, эти ласки относятся единственно къ моему денежному шкафу? Но, нѣтъ, въ ихъ дѣтскую неподкупность и искренность я крѣпко вѣрою, и вамъ меня въ этомъ не разувѣрить, можете положиться на это!"

Какъ непріятно и грустно было слушать этотъ протестъ, это предупрежденіе, изъ устъ молодой дѣвушки!

Онъ удивленно отошелъ отъ нея.

— „Что за странная мысль".

„Неужели васъ удивляетъ, что я, наконецъ, отдѣлалась отъ моей, болѣе чѣмъ дѣтской, довѣрчивости, которая воображаетъ, что люди дорожатъ теплымъ чувствомъ, честной и искренней волей? Не правда-ли, что наконецъ во мнѣ проснулся тяжелый на подъемъ, нѣмецкій Михель, открылъ глаза и увидалъ, что онъ страшно смѣшонъ съ своими давно отжившими воззрѣніями на добро и зло, на правду и ложь?" Она поблѣднѣла и невольно содрогнулась. *Есть что-то ужасное въ внезапно явившемся сознаніи, что ты вовсе не то, чѣмъ воображала себя*: ты думала, что ты молодое существо, имѣющее право сдѣлаться счастливой по своему.

Онъ молча отвелъ отъ нее взглядъ; она, тяжело вздохнувши, продолжала:

— Вы меня спрашивали, при нашей первой встрѣчѣ, какъ отношусь я къ моему неожиданному богатству? Я теперь въ состояніи дать вамъ положительный отвѣтъ на вашъ вопросъ. Мнѣ кажется, что я похожа на утопающую въ денежномъ морѣ, и что-жь: находится много такихъ, которые готовы протянуть мнѣ руку, но не ради меня, а потому только, что за мной стремятся золотыя волны!

Докторъ въ волненіи отошелъ отъ нея.

— Боже мой, какимъ путемъ пришли вы къ подобнымъ безотраднымъ, ужаснымъ выводамъ?

Она нервно, дико засмѣялась.

И это спрашиваете вы меня, докторъ? Развѣ не укрѣпляютъ во мнѣ люди это убѣжденіе?... И укрѣпляютъ каждодневно, ежечасно? Вѣдь въ моемъ миломъ Дрезденѣ занимаются мной, потому что я только „золотая рыбка", учителя стараются развить во мнѣ слабый музыкальный талантъ, надѣясь на хорошій гонаръ, опекунъ дѣлаетъ мнѣ предложеніе, такъ какъ лучше всѣхъ умѣетъ меня оцѣнить. Она, говоря это, смотрѣла на небо и незамѣтно перевела взоръ свой на доктора.—

— Неужели это правда? проговорилъ онъ, проводя рукою по лбу.—Вамъ вѣрно очень грустно думать, что и Морицъ принадлежитъ къ числу подобныхъ людей? прибавилъ дакторъ послѣ минутнаго молчанія.

Она съ удивленіемъ слушала его, голосъ его былъ полонъ грусти и казался разбитымъ.—Меня еще болѣе оскорбляетъ, что каждый считаетъ своей обязанностью вмѣшиваться въ это дѣло, сказала она,—въ эту минуту ея высокая и стройная фигура дышала гордостью и воплощала въ себѣ выраженіе сопротивленія всякому чужому вмѣшательству,—она покачала головой съ горькой усмѣшкой.

— „Подобная мнѣ „золотая рыбка", продолжала она, должна серьезно бороться, если только она не желаетъ попасть въ руки эгоистовъ, которые будутъ играть ею какъ несчастнымъ мячикомъ, а я этого не хочу, положительно не хочу! Вы, докторъ, принадлежите къ тѣмъ людямъ, которые также совѣтуютъ мнѣ, какъ осиротѣвшей молодой дѣвушкѣ, чтобы я подчинялась чужому вліянію, и пользоваться тѣмъ преимуществомъ, которымъ я обладаю, а именно тѣмъ, что мое присутствіе въ извѣстномъ мѣстѣ радуетъ и веселитъ окружающихъ. Отсюда вы меня изгоняете, а тамъ вы бы меня готовы были приковать цѣпями, чтобы только я осталась. Я желала бы знать: кто даетъ вамъ право на по-

добный произволъ? „Я готова", продолжала она съ нервно-дрожащимъ губами, удерживая слезы, спросить васъ вмѣстѣ съ Генріэттой: „Чѣмъ я виновата?"

Послѣднее вырвалось у ней въ видѣ страстной жалобы и замерло у ней вдругъ на губахъ, докторъ взялъ ее за кисть руки и его холодные пальцы сжали ея руку какъ бы желѣзомъ.

— „Не говорите болѣе, Кэта!" сказалъ онъ ей голосомъ, который испугалъ ее. „Я знаю слишкомъ хорошо васъ, чтобы быть увѣрену, что у васъ нѣтъ слѣда фальши, а то я бы готовъ вѣрить, что вы придумали для меня утонченнѣйшія пытки, чтобы заставить выдать глубоко сберегаемый мною секретъ". Онъ оставилъ ея руку, „но я не хочу этого — ни подъ какимъ условіемъ!"

Онъ скрестилъ руки на груди и отошелъ отъ нея нѣсколько шаговъ, какъ бы желая идти домой... но вдругъ онъ обратился къ словно окаменѣлой дѣвушкѣ и снова подошелъ къ ней. „Меня интересуетъ знать, какъ понимаете вы то, что будто я готовъ былъ приковать васъ только для того, чтобы вы остались?" сказалъ онъ спокойно. Онъ остановился около нея.

Кэта сильно покраснѣла; она сначала, какъ молодая дѣвушка, застыдилась, но потомъ она твердо отвѣчала: „Вы желаете, чтобы я сдѣлалась госпожею въ баумгартенской виллѣ?"

„Я—я?" Онъ прижалъ руки къ груди и разразился тѣмъ злобнымъ смѣхомъ, который испугалъ ее, еще ранѣе, при разговорѣ его съ теткой. „На чемъ еще основываете вы это обвиненіе? Къ чему долженъ я желать, чтобы вы сдѣлались хозяйкой въ баумгартенской виллѣ? спросилъ ее докторъ, съ трудемъ сдерживая себя.

— „Потому что вы", какъ говоритъ Флора, „не желаете такъ легко бросить Генріэтту на произволъ судьбы", произнесла она съ рѣшительной откровенностью, которая не допускаетъ неяснаго отвѣта. „Вы увѣрены, что я люблю мою сестру самоотверженной любовью, готовой на всевозможныя жертвы, чтобы сохранить только за домомъ совѣтника, бывшій нашъ отцовскій домъ, пріютъ для сестры. Я готова сдѣлать все, а достичь этого возможно только тѣмъ, что я сдѣлаюсь женою коммерціи совѣтника".

— „И вы думаете что я стою въ главѣ подобной семейной интриги? Вы вѣрите серьезно въ это? Развѣ вы забыли, что я сначала былъ противъ подобной жертвы и противъ ея дальнѣйшаго пребыванія въ домѣ Рёмера"...

— „Послѣ того многое измѣнилось", отвѣчала она живо и съ горечью, „Вы оставляете въ сентябрѣ М. навсегда, а по этому вамъ совершенно все равно, кто будетъ хозяйничать и распоряжаться въ виллѣ; ваше спокойствіе не будетъ возмущено личностью, которая вамъ не симпатична".

— „Кэта!" воскликнулъ онъ.

— „Господинъ докторъ?..." Она гордо подняла голову и спокойно выдержала его пламенный взглядъ.—Достигнуть такого окончанія дѣла очень не трудно, и только такое тяжелое, размышляющее существо, какъ я, могла такъ долго оставаться ослѣпленной и незамѣчать ничего", проговорила она съ искуственнымъ спокойствіемъ. Въ ея голосѣ, во всемъ ея существѣ, было столько обдуманнаго, что она какъ будто бы обогатилась вдругъ многолѣтнимъ опытомъ. „Такимъ образомъ въ семейную жизнь не войдетъ чужой элементъ: вся семейная обстановка могла бы остаться въ томъ же видѣ. Домашнее спокойствіе и привычки могли бы остаться неизмѣненными, какъ въ виллѣ, такъ и въ башнѣ. Все осталось бы на своемъ мѣстѣ, даже мой желѣзный шкафъ могъ бы спокойно стоять въ „казнохранилищѣ" Морица; все придумано такъ практично"...

— „Что васъ даже не беретъ раздумье ни на одну минуту", сказалъ докторъ, ожидая съ страшнымъ нетерпѣніемъ отвѣта, который, какъ ему казалось, придетъ недовольно скоро.

— „Нѣтъ, докторъ, вы слишкомъ рано торжествуете побѣду, воскликнула она съ какимъ то злорадствомъ:— упрямая золотая рыбка прорываетъ сѣть. Я сегодня же уѣду. Мои сестры открыли мнѣ глаза и показали мнѣ въ блестящей перспективѣ счастье, которое мнѣ приготовляли. Въ ту минуту, когда я сдѣлала это открытіе, я почувствовала, что изъ голубаго салона президентши для меня одинъ только выходъ, одинъ только путь, прямо ведущій къ желѣзной дорогѣ, которая увезла бы меня домой. И я направилась бы туда, если бы я не вспомнила принятыхъ на себя обязанностей. Я уѣзжаю не на долго, на столько времени, сколько нужно мнѣ для того, чтобы доказать Морицу, что между нами нигдѣ и никогда не можетъ быть никакихъ другихъ отношеній, кромѣ вытекающихъ изъ опеки надо мною, что я ему буду выказывать самое рѣшительное нерасположеніе, всегда, какъ только ему вздумается говорить тономъ не совѣтника, а отца.

Изъ облегченной груди ея вырвались глубокіе вздохи, лицо ея покрылось яркой краской, словно огнемъ охваченное, но видно было, что она, во что бы то ни стало, хотѣла выяснить все человѣку, который высоко и надмѣнно выпрямился пока она говорила, словно съ его плечъ внезапно свалилась тяжелая ноша.

Съ того времени, какъ мы привезли глубоко-страждущую Генріэтту къ вамъ, въ домъ діаконицы, между ею и моей бѣдной сестрой, прервались хорошія отношенія; продолжала Кэта съ еще бо̀льшею живостью. Если тетка заступится заГенріэтту, я могу уѣхать съ спокойнымъ сердцемъ. Я хочу ее объ этомъ попросить и для этого я пришла сюда. Я ей буду писать изъ Дрездена, и понятно, что изгнанная изъ вашихъ владѣній, никогда не перешагнетъ и порога этого дома.

Сказавъ это, она, прошла мимо него. „Прощайте, докторъ" сказала она, слегка наклонившись, и направилась къ мосту. Дошедши до тополя, она остановилась и еще разъ обернулась посмотрѣть на дорогой ей старый домъ. На самомъ углу его дѣтскія головки весело, съ любопытствомъ выглядывали; у садоваго стола стоялъ докторъ, особымъ образомъ оперши руки столъ, и мутные глаза его какъ-то дико устремлены были вслѣдъ за нею.

Странно женское сердце! Безсознательно она перебѣжала обратно мостъ и ступила на запретный путь, по которому она больше никогда не хотѣла ходить.

Она подошла къ Бруку.

— Ахъ, вы больны, залепетала она боязливо, положивъ свои теплыя и гибкія руки на его руки.

— Нѣтъ, я не боленъ, Кэта, а за что вы меня осудили, хотя бы и въ другомъ смыслѣ—я жалкій, слабохарактерный человѣкъ, почти застоналъ онъ и сильнымъ движеніемъ руки, откинулъ назадъ упавшія на лобъ кудри. „Идите, идите! Развѣ не видите, что я въ такомъ душевномъ состояніи, когда каждое слово утѣшенія, каждый сострадательный взглядъ,—ружейный ударъ, воскликнулъ онъ дико, и съ быстротою молніи онъ нагнулся и крѣпко, горячо прижалъ свои губы къ лежавшей у него на плечѣ рукѣ дѣвушки.

Молодая дѣвушка съ испугомъ отскочила, но она почувствовала, что сердце ея переполнилось какимъ-то, до того невѣдомымъ ей, чарующимъ чувствомъ нѣжности, и на устахъ ея были уже слова: „Нѣтъ, я не поѣду, ты во мнѣ нуждаешься". Но тутъ онъ снова поднялся, выпрямился и съ выраженіемъ глубокой горести

Галлерея Виктора Эммануила въ Миланѣ. Рис. Бурландо, грав. Фарберъ.

на лицѣ, но повелительно указалъ ей на мостъ, и дѣвушка побѣжала, словно ангелъ съ огненнымъ мечемъ шествовалъ за нею.

Нѣсколько часовъ спустя, въ шляпѣ съ вуалью, съ саквояжемъ въ рукѣ она сошла съ боковой лѣстницы виллы безъ шума, она уходила также внезапно и неожиданно, какъ и пришла. Генріэтта, съ горячими слезами на глазахъ и въ глубокой горести, не соглашалась на быстрый отъѣздъ сестры и разлуку на много недѣль. Наконецъ она согласилась, но при этомъ она поставила условіемъ, чтобы Кэта, гдѣ бы она ни была, и когда бы то ни было, возвратилась, если больная сестра будетъ нуждаться въ ея помощи.

Генріэтта стояла наверху, лѣстницы въ то время какъ Кэта покрывала вуалью заплаканные глаза. Въ дому было цѣлое моря огня: газовые рожки были зажжены, и къ подъѣзду подъѣзжали безпрестанно экипажи. Кэта принуждена была скрыться въ одномъ изъ боковыхъ корридоровъ и, прижавшись къ стѣнѣ, она видѣла проходящихъ мимо дамъ въ роскошныхъ вечернихъ туалетахъ. Лакеи широко открывали двери голубого зала и посреди комнаты стояла Флора, въ шелковомъ свѣтло-розовомъ платьѣ, отдѣланномъ кружевами, привѣтствуя гостей, которые пріѣзжали къ ней, такъ какъ коммерціи совѣтникъ дѣлалъ для нея балъ, по случаю дня ея рожденія.

При взглядѣ на все это, ей показалось, что въ душу ея запало что то горькое. Тамъ стояла Флора гордая, окруженная счастьемъ, которое навязчиво шло за ней, хотя она часто отталкивала его отъ себя; здѣсь же скрывалась та, у которой не осталось надеждъ, стыдливо скрываясь отъ взоровъ какъ порочная. Зачѣмъ выпало на долю одной такъ много счастья, такой избытокъ жизни, той, которая могла бы обойтись и безъ этого, тогда какъ другой сестрѣ, при всемъ богатствѣ, ничего не остается, какъ пройти жизнь печально, отказывая себѣ во всемъ...

Двери затворились, и Кэта выбѣжала въ паркъ, полная безнадежной тоски, которое охватываетъ иногда молодое, страстное сердце. (Въ то же самое время ея горничная напрасно ожидала молодую дѣвушку, чтобы помочь ей одѣться на балъ). Кэта, пройдя по парку, постучалась въ освѣщенное окно мельницы и вызвала Франца, чтобы онъ ее проводилъ до станціи желѣзной дороги...

XXII.

Послѣ этого прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ. Никогда еще Кэта не занималась такъ усиленно музыкой, какъ въ это время, а также она страстно предалась и другимъ занятіямъ, углубляясь въ нихъ съ той лихорадочной дѣятельностью, которая объясняется желаніемъ забыться въ усиленныхъ занятіяхъ и трудахъ. Генріэтта вела для нея дневникъ, который посылала ей еженедѣльно. Она въ этихъ листкахъ разсказывала ей, какъ текла жизнь на виллѣ. Она читала между строчекъ, что президентша ожила; но за то сдѣлалась еще болѣе невыносимой и деспотичной; за то бабушка восхваляетъ Кэту за выказанный ею тактъ, умѣніе жить, тогда какъ Флора пожимаетъ плечами и называетъ все это дѣтскими выходками. Коммерціи совѣтникъ бранился съ ней нѣсколько дней сряду за ея, лишенныя основанія, вмѣшательства Онъ былъ въ тотъ вечеръ, когда Генріэтта ему сообщила о случившемся въ углу музыкальной залы, совершенно разстроенъ и навѣрно бы произошла сильная домашняя сцена, если бы его не стѣсняло присутствіе гостей; сцена эта приняла бы болѣе широкіе размѣры, такъ какъ Флора была всѣмъ недовольна, благодаря тому обстоятельству, что женихъ, ссылаясь на свои должностныя обязанности, не пріѣхалъ на званый вечеръ.

Коммерціи совѣтникъ въ тотъ же вечеръ написалъ Кэтѣ и докторшѣ и, ссылаясь на давнишнее желаніе, собирался пріѣхать въ іюнѣ въ Дрезденъ. Дневникъ сообщалъ, что въ это время на виллѣ получались часто депеши, что коммерціи совѣтникъ былъ чаще въ Берлинѣ, чѣмъ дома и что онъ заваленъ дѣлами. Посѣтителей не было; изрѣдка приходили дѣловыя письма отъ опекуна и послѣдній денежный пакетъ отправленъ былъ, чего никогда не случалось, бухгалтеромъ.

Кэта свободно вздохнула: опасное столкновеніе, котораго она боялась, миновало. Опекунъ узнавши, что ему нечего надѣяться, оставилъ ее въ покоѣ. Молодая дѣвушка могла возвратиться назадъ, но противъ этого сильно возстала докторша, такъ какъ Кэта возвратилась домой, утративши со свѣжестью лица и дѣтскую веселость и беззаботность. Къ тому же въ виллу пріѣхала баронесса Штейнеръ на два мѣсяца, и поселилась тамъ съ такой значительной свитой, что не было свободнаго угла.

Кэта ужасалась при одной мысли о возвращеніи ранѣе того, какъ молодые переѣдутъ въ Л—гъ. Она сознавала, что тамъ она не сохранитъ кажущагося спокойствія, даже въ Дрезденѣ ей нужна была вся душевная сила, чтобы не показать, что она лишилась своего внутренняго покоя, что ей приходится выносить почти не человѣческую борьбу съ той чарующей силой, которая овладѣваетъ ея душой и которую называютъ грѣхомъ. Генріэтта ея не вызываетъ, не смотря на страстныя жалобы о скорѣйшемъ желаніи видѣть „сильную, солнцемъ освѣщенную сестру“. Въ своихъ письмахъ она говоритъ съ энтузіазмомъ о самопожертвованіи тетки, которая за ней ухаживаетъ и балуетъ ее. Дневникъ ея содержалъ лишь текущія новости; главное мѣсто въ дневникѣ принадлежало тетушкѣ и доктору. Описывалось особенно все, что случалось въ домѣ у рѣки, хотя бы это была простая смерть курицы, съѣденной собакой; сообщались свѣдѣнія объ урожаѣ винограда, даже въ одномъ мѣстѣ говорилось о новопріобрѣтенной кошкѣ, „которая разлеглась на софѣ у тетушки“, все это не было забыто и придавало дневнику болѣе веселый видъ, тогда какъ остальное было болѣе чѣмъ строгаго оттѣнка. Многія письма имѣли слѣды слезъ, другіе были такъ воодушевлены, что казалось были писаны огнемъ. Объ отношеніяхъ невѣсты и жениха, Флоры къ доктору, не упомянуто было ни однимъ словомъ, хотя писала, что докторъ, вслѣдствіе усиленной докторской дѣятельности, замѣтно измѣнился; только относительно больныхъ онъ остается все тѣмъ же; тогда какъ въ обществѣ—онъ мраченъ, неразговорчивъ и къ тому же раздражителенъ; все это замѣтно бросается въ глаза всѣмъ и каждому.

Понемногу пришелъ срокъ, назначенный для свадьбы.

Флора не хотѣла пригласить дальнихъ родственницъ; у ней множество заботъ, писала Генріэтта, она насилу ходитъ отъ праздниковъ, которые даются въ честь ея, къ тому же она капризничаетъ, какъ и всегда, измѣняя и передѣлывая заказанное, къ полному отчаянію поставщиковъ, она не хочетъ оставаться одна въ этой свадебной суетѣ. Тетушка-діаконица не поможетъ ей въ „ужасныхъ дняхъ“, такъ какъ она сама находится подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ развода. Эти жалобы усиливались все болѣе и болѣе въ каждомъ письмѣ; наконецъ, въ одинъ изъ вечеровъ, Кэта получила телеграмму слѣдующаго содержанія: „Тотчасъ же пріѣзжай! Я нездорова не только душою, но и тѣломъ“!

Тутъ нельзя было медлить и докторша была согласна на то, чтобы Кэта уѣхала... А молодая дѣвушка сама? Нервная дрожь пробѣжала по ея тѣлу изъ страха предъ будущимъ, но въ то же время она испытывала необыкновенное блаженство при мысли, что она еще разъ увидитъ того, кто дѣлался ея шуриномъ.

И вотъ въ одно сентябрьское утро она снова стояла въ мельницѣ замка. Она ѣхала съ ночнымъ поѣздомъ и только что прибыла. Передъ отъѣздомъ она телеграммою дала знать Францу о предстоящемъ прибытіи ея, и родная, любящая мать не приготовила бы ей лучшаго пріема, чѣмъ тотъ, какой ей приготовила Суза. Большая комната, наполненная полумракомъ отъ высокихъ каштановыхъ деревъ, врывавшихся въ комнату, была пропитана ароматомъ геліотроповъ, розъ и резеды, стоявшихъ на окнѣ; на всѣхъ столахъ были чистыя скатерти, изъ алькова выглядывала бѣлоснѣжная кровать, а на большомъ дубовомъ столѣ стояла извѣстная намъ мѣдная жаровня, на которой подогрѣвался кофе. И пирогъ собственнаго печенія былъ уже готовъ и, обсыпанный сахаромъ, стоялъ рядомъ съ позолоченной чашкой, самой лучшей вещью изъ стекляннаго шкафа покойной мельничихи.

Она снова ходила по чисто вымытымъ бѣлымъ поламъ и чрезъ открытое окно слышалось воркованье голубей и шумъ отдаленныхъ мельничныхъ колесъ. Отсюда она хотѣла навѣстить больную сестру и рѣшилась ни въ какомъ случаѣ не принимать навязчиваго гостепріимства совѣтницы, которой навѣрно не понравятся странныя отношенія между мельницей и виллой.

Кэта была въ странномъ настроеніи духа. Боязнь за первую встрѣчу въ виллѣ, болѣзненное желаніе видѣть домъ у рѣки, флагъ котораго она видѣла изъ южнаго угловаго окна; но посѣтить этотъ домъ она не имѣла права, страстное нетерпѣніе видѣть высокій образъ человѣка, котораго она въ первый разъ встрѣтила на мельницѣ и видѣла его постоянно въ разныхъ обстоятельствахъ жизни Все это въ ней снова ожило, и при этомъ появилось вовое чувство боязни и неувѣренности въ самой себѣ. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ уже стали появляться въ газетахъ извѣстія изъ Вѣны о лихорадочной игрѣ на биржѣ и устройствѣ разныхъ обществъ; такія же извѣстія стали появляться изъ Берлина. Во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ только и говорили о происшедшихъ крушеніяхъ въ финансовомъ мірѣ, даже въ маленькомъ эстетическомъ кружкѣ докторши разсуждали объ этихъ новостяхъ. Во время поѣздки изъ Дрездена въ М. эти новости были причиной разнообразныхъ преній и разговоровъ всѣхъ пассажировъ—разсказывали ужасныя вещи и обѣщали еще болѣе худшаго въ будущемъ. Вскорѣ стали появляться слѣдствія ненормальныхъ спекуляцій.

— „Все такъ идетъ на свѣтѣ“, говорилъ Францъ, внося дорожный сундукъ Кэты на верхъ.

— Благо тому, кто умѣетъ приберечь денежку на черный день! продолжалъ Францъ, спокойно похлопывая по карману. Только наживай честно, трудись и —спи себѣ безмятежно А кто не мастеръ спекулировать—ну, тому и не слѣдъ соваться въ такія дѣла. Вотъ, примѣрно, господинъ коммерціи совѣтникъ—молодецъ! Вся эта сумятица и не касается его… Его не пошатнешь; онъ—умница, и чутье у него хорошее. Видѣлъ я его вчера—ну, и веселымъ же пріѣхалъ онъ изъ Берлина! Говорятъ, опять загребъ деньжищъ цѣлую кучу. А долгонько онъ нынче былъ въ Берлинѣ, да пожалуй и теперь не вернулся бы, если бы сегодня на виллѣ не справляли дѣвичника.

Дѣвичника! Значитъ, послѣ завтра—свадьба... Послѣ вѣнца новобрачные сейчасъ же и уѣдутъ. . Вѣдь знала же это молодая дѣвушка (благодаря дневнику Генріетты), знала и—все таки какъ-то такъ внезапно почувствовала страхъ, даже сердце болѣзненно сжалось, потому что услышало эту вѣсть отъ живого человѣка... Мельникъ проговорилъ послѣднія слова такъ просто, непринужденно — вотъ это-то и защемило сердце Кэты.

— Н-да, сегодня тамъ—пиръ горой, прибавила Суза, подавая ей чашку кофе, и затѣмъ начала описывать праздничную обстановку на виллѣ: гостей будетъ тьма тмущая, театръ будетъ, костюмированный балъ, а зелени да цвѣтовъ—цѣлые возы подъѣзжаютъ туда.

На фабрикѣ пробило одиннадцать, когда Кэта вилась на вилу. Да, Францъ правъ: коммерціи совѣтника ничто не пошатнетъ, и бури среди денежнаго рынка не грозятъ ему; надъ Морипемъ —ясная лазурь неба... Вонъ тамъ какъ чудесно прудъ блеститъ! Лебеди плаваютъ, лодочка на цѣпи покачивается у берега... Успѣли таки все это устроить! Да и много же рукъ работало тутъ, — денегъ не жалѣли. Готовы тоже и новыя, великолѣпныя конюшни: они словно изъ земли выросли!.. Дѣйствительно, электрическіе удары, заставлявшіе дѣловой, денежный міръ корчиться въ судорогахъ, не долетали сюда, и здѣсь попрежнему высоко билъ золотой фонтанъ.

Идя по тѣнистой, липовой аллеѣ, Кэта все ближе и ближе подходила къ виллѣ. Никогда еще этотъ маленькій волшебный замокъ не казался ей такимъ аристократичнымъ, почти неприступнымъ, какъ сегодня, при ярко-золотистомъ утреннемъ освѣщеніи. Надъ верхней платформой, высоко въ воздухѣ, развѣвался пестрый флагъ, какъ бы приглашая избранныхъ гостей.

Молодая дѣвушка невольно прижала руку къ сердцу, которое тревожно забилось... Вѣдь ее не приглашали, а она все-таки явилась! Что-жь, только изъ любви къ сестрѣ приносится ею такая громадная жертва...

На подъѣздѣ Кэта встрѣтилась съ дамой, которая, закрывъ лицо платкомъ, проскользнула мимо нея, однако молодая дѣвушка успѣла замѣтить, какъ сильно заплаканы были глаза этой особы, и узнала въ ней одну красивую маіоршу, утопавшую въ роскоши, и первую модницу въ резиденціи.

— Маіору-то ничего больше не остается, какъ пустить себѣ пулю въ лобъ, проговорилъ одинъ изъ лакеевъ.

— Ну, неужели такъ плохо? спросилъ другой.

— Плохи дѣла. У него все опишутъ .. И по дѣломъ! Не офицерское это дѣло—играть бумажками. Что онъ понимаетъ въ коммерческихъ штукахъ?.. Теперь. вотъ, маіорша является сюда и реветъ передъ нашимъ бариномъ... „Спасите, дескать, помогите!“... Да такихъ-то много нынче къ нему ходитъ... Ежели всѣмъ помогать — самому, значитъ, сдѣлаться нищимъ!.. Такъ-то.

Кэта слышала этотъ разговоръ... Она слегка вздрогнула и, никѣмъ незамѣченная, поднялась на лѣстницу.

— Вотъ, и еще жертва страшной катастрофы, мелькнуло у нея въ головѣ.

Въ бель-этажѣ царила торжественная тишина. Молодая дѣвушка машинально подошла къ бывшей своей комнатѣ и отворила дверь. Баронессы Штейнеръ уже не было здѣсь, но комната была не свободна: на большихъ столахъ разложено было по-истинѣ княжеское приданое госпожи профессорши in spe, и прежде всего въ глаза бросилось бѣлое атласное платье съ длиннымъ шлейфомъ, убранное кружевами и померанцовыми цвѣтами. Это было подвѣнечное платье Флоры. Кэта отвернулась и заперла дверь; черезъ нѣсколько секундъ она лежала въ объятіяхъ Генріэтты, которая пришла въ такой восторгъ, какъ будто пріѣздъ сестры избавлялъ ее отъ невыразимыхъ мукъ.

Больная сестра была одна. Сегодня (жаловалась она) всѣ въ домѣ такъ заняты, что бросили ее одну; коммерціи совѣтникъ справляетъ Флорину свадьбу съ неслыханной роскошью Онъ хочетъ, пользуясь этимъ случаемъ, показать всей резиденціи, на сколько онъ выше всѣхъ остальныхъ, когда ему вздумается сыпать золотомъ—такова ужь его слабость!..

Генріэтта, согласно своей привычкѣ поступать независимо, сочла излишнимъ увѣдомить своихъ родныхъ о томъ, что она телеграфировала Кэтѣ. Это совершенно не нужно, сказала она, когда Кэта въ смущеніи покачала головой,—я всегда имъ говорила, что сестра возвратится и станетъ ухаживать за мной, слѣдовательно это для нихъ не новость... Что же касается до неожиданной встрѣчи съ коммерціи совѣтникомъ, то она можетъ быть покойна: у него, навѣрно, есть новая страсть въ Берлинѣ; оба послѣдніе раза, и особенно вчера, онъ возвращался довольно разсѣянный, и на поддразниванія Флоры только улыбался, но не отнѣкивался.

Кэта ничего не возражала на слова сестры; она нашла только, что ея пріѣздъ былъ дѣйствительно необходимъ: она застала больную въ высшей степени возбужденной; припадки глухого, удушливаго кашля повторялись теперь чаще; руки горѣли, какъ въ огнѣ, дыханіе было тяжелое, затрудненное. До сихъ поръ Генріэтта, даже при самыхъ сильныхъ страданіяхъ, никогда не плакала, у нея была необыкновенно сильная воля, сегодня же ея прекрасные глаза были сильно заплаканы. Она терзалась мыслью, что Брукъ, не смотря на всю свою любовь къ Флорѣ, все-таки будетъ несчастливъ, и что она убѣждена, хотя объ этомъ никогда не было говорено ни слова, что и тетушка думаетъ также, и тоже страдаетъ... Кэта остановила сестру, сказавъ, что это дѣло Брука; онъ больше, чѣмъ кто либо другой могъ убѣдиться въ эгоизмѣ Флоры, и если онъ послѣ того все таки хочетъ быть ея мужемъ, то съумѣетъ потомъ справиться съ своей судьбой, какова бы она ни была... Генріэтта даже вздрогнула, такъ рѣзокъ былъ этотъ отвѣтъ; вообще, въ манерѣ младшей сестры было что-то странное, незнакомое: Кэта была сдержанна и замкнута въ самой себѣ, какъ будто и она послѣ тяжелой борьбы рѣшила уже свою участь...

XXIII.

Вскорѣ послѣ этого разговора Кэта, поддерживая больную сестру, спустилась по маленькой лѣстницѣ въ нижній этажъ, чтобы „представиться“. Онѣ вошли въ узкій корридоръ, смежный съ большой залой, занимавшей почти весь боковой флигель, въ которой давались знаменитые балы богатаго человѣка.

Проходя корридоромъ мимо залы, Генріэтта пріостановилась и проговорила съ презрительной улыбкой:

— Тамъ идетъ теперь репетиція къ сегодняшнему вечеру подъ акомпаниментъ молотка рабочихъ, устраивающихъ сцену и декораціи. Какъ противны мнѣ всѣ эти дѣвушки тамъ! Всѣ онѣ были бы готовы выцарапать глаза невѣстѣ, а вечеромъ будутъ ее прославлять въ стихахъ! А Морицъ съ своей безграничной расточительностью ведетъ себя при этомъ какъ дуракъ. Вчера вечеромъ, тотчасъ по пріѣздѣ, онъ велѣлъ сорвать со стѣнъ всю обивку, потому что въ темныхъ углахъ рабочіе употребляли для декораціи шерстяную матерію, вмѣсто шелковой. Онъ просто противенъ своимъ чванствомъ богача-милліонера! Вотъ посмотри!

Она пріотворила дверь. Въ узкую щель нельзя было видѣть сцены, на которой репетировали; за то былъ видѣнъ великолѣпный балдахинъ изъ краснаго бархата съ золотой бахрамой, назначенный для жениха и невѣсты.

— Какъ то онъ будетъ выглядѣть съ своимъ блѣднымъ, мрачнымъ лицомъ подъ этой шутовской финтифлюшкой! прошептала Генріэтта, въ отчаяніи прижимаясь къ сестрѣ. И она будетъ стоять возлѣ него побѣдоносная, торжествующая, какъ всегда, въ ловко обдуманномъ туалетѣ изъ бѣлой кисеи съ маргаритками, какъ подобаетъ быть невинной невѣстѣ въ такой день. Ахъ, Кэта, есть что-то странное, непонятное въ этой исторіи! Мнѣ иногда кажется, что тутъ скрывается страшная тайна, нѣчто въ родѣ невидимо-тлѣющаго огня подъ сѣрымъ пепломъ.

Въ столовой за завтракомъ сидѣли: президентша, Флора и коммерціи совѣтникъ. Невѣста была въ изящномъ утреннемъ костюмѣ съ розовой отдѣлкой; утренній чепчикъ покрывалъ ея волосы въ папильоткахъ. Кэта почти испугалась—такимъ отцвѣтшимъ казалось лицо ея красавицы сестры безъ золотистаго ореола локончиковъ; сегодня она въ первый разъ замѣтила, что Флора уже не молода, что безпокойное стремленіе къ извѣстности, жгучее честолюбіе состарили ее.

— Боже мой, Кэта, что это тебѣ вздумалось явиться сюда именно сегодня? вскричала Флора, вскочивъ и не сдерживая досады. Въ какое затруднительное положеніе ставишь ты меня! Волей или неволей, а я должна присоединить тебя къ своей свитѣ. У меня уже есть двѣнадцать подружекъ—не могу же я взять тринадцатую, ты сама это понимаешь!.. Она вдругъ умолкла и слегка вскрикнула.

Коммерціи совѣтникъ, сидѣвшій спиною къ двери и державшій въ рукѣ стаканъ съ бургундскимъ, уронилъ его при возгласѣ Флоры, возвѣстившемъ о приходѣ сестеръ... Красное вино пролилось на скатерть и платье невѣсты.

Съ секунду коммерціи совѣтникъ стоялъ неподвижный, смущенный и совершенно блѣдный и испуганно глядѣлъ на дверь, какъ будто тамъ появился призракъ, а не величаво-стройная дѣвушка съ серьезнымъ лицемъ, и спокойными, увѣренными манерами. Но онъ быстро оправился. Извинившись передъ Флорой и позвавъ лакеевъ, онъ подошелъ къ Кэтѣ и ввелъ ее въ комнату. Въ манерѣ его незамѣтно было и тѣни чувствъ отвергнутаго влюбленнаго, въ каждомъ его словѣ, въ пожатіи руки видѣнъ былъ только опекунъ, который радъ видѣть свою питомицу здравой и невредимой. Онъ ласково похлопалъ ее по плечу и дружески привѣтствовалъ.

— Я не смѣлъ пригласить тебя, сказалъ онъ, да къ тому же въ послѣднее время я былъ слишкомъ заваленъ дѣлами, не могъ много думать о Дрезденѣ... Ты извинишь...

— Я пріѣхала сюда *только* для ухода за Генріэттой, перебила его быстро Кэта; въ ея тонѣ не замѣтно было и тѣни обидчивости за нелюбезное привѣтствіе со стороны Флоры.

— Это очень хорошо, дитя мое, сказала президентша съ прояснившимся лицомъ; въ виду такой непринужденной встрѣчи въ ней исчезло всякое опасеніе. Но куда помѣстить тебя? Въ твоей прежней комнатѣ выставлено приданое Флоры...

— Поэтому вы должны будете позволить мнѣ помѣститься въ моемъ собственномъ домѣ, какъ я это уже и сдѣлала, сказала Кэта вѣжливо и сдержанно.

— Покамѣсть мнѣ ничего болѣе не остается, какъ согласиться на это, возразила почтенная дама съ улыбкой и какъ видно въ очень хорошемъ расположеніи духа. Сегодня послѣ обѣда нашъ домъ будетъ переполненъ, къ тому же у насъ столько хлопотъ, мы едва собрались позавтракать. Съ самаго утра стучатъ, репетируютъ...

— Да, онѣ тамъ декламируютъ такъ, что балки дрожатъ, сказала злобно Генріэтта и опустилась въ кресло. Мимоходомъ мы слышали „Палладу Аѳину“, „Розы Кашмира“ и „Новую профессуру“...

— Ухъ! крикнула Флора, затыкая себѣ уши, это просто безсовѣстно! Вотъ, придется сидѣть спокойно и виду не подавать, что готова откусить себѣ языкъ, сдерживая насмѣшку и хохотъ...

Президентша остановила ее жестомъ руки. Въ эту

Молодая мавританка. Картина Ф. Вайбарда, грав. П. Гэлперъ.

минуту репетировававшія барышни вошли въ столовую за своими шляпками и зонтиками. Флора удалилась изъ комнаты. Фрейленъ ф.-Гизе съ аффектированной радостью подошла поздороваться съ Кэтой и подала руку коммерціи совѣтнику.

— Очень рада, что вижу васъ здѣсь. Мы можемъ поблагодарить васъ за ваше любезное содѣйствіе въ нашей маленькой забавѣ сегодня вечеромъ. Какая прелесть! Такую сказочную обстановку можно встрѣтить только на виллѣ Баумгартенъ. Съ этимъ всѣ согласны! Кстати, слыхали вы уже о несчастьи маіора Бредова? Онъ совершенно раззоренъ... Всѣ встревожены... Боже мой, въ какое ужасное время мы живемъ! Раззореніе за раззореніемъ, и такъ быстро!

— Маіоръ Бредовъ безумно спекулировалъ, сказала президентша равнодушно. Какъ же можно поступать такъ рискованно, такъ необдуманно?

— Въ этомъ виновата его жена, прекрасная Юлія, она слишкомъ много тратила: одни ея туалеты стоили ей три тысячи талеровъ въ годъ.

— Ба! она могла бы и впередъ это дѣлать, если бы ея супругъ осторожнѣе обращался съ своимъ капиталомъ, не рисковалъ бы такъ. Въ такихъ случаяхъ нужно идти за авторитетомъ, какъ, напр., иду я... Не правда ли, Морицъ? Мы можемъ спать покойно?

— Полагаю, что да, отвѣтилъ онъ съ улыбкой, лаконически, и наполнилъ свой стаканъ бургундскимъ, который и осушилъ разомъ. Конечно, при такомъ ужасномъ крахѣ не обойдется безъ маленькихъ потерь; приходится потерять небольшіе капиталы, которыми рисковалъ шутки ради... Это все булавочные уколы, отъ которыхъ, какъ извѣстно, не истекаютъ кровью...

— Ахъ, да! Я сегодня не получила биржевой газеты, перебила его президентша и выпрямилась. Обыкновенно мнѣ приносятъ ее аккуратно въ девять часовъ (Онъ равнодушно пожалъ плечами).

— Вѣроятно ошиблись въ почтамтѣ, или же газета попала въ мой пакетъ съ письмами и газетами и отослана въ башню; я справлюсь... Съ этими словами онъ поставилъ стаканъ на столъ.

— Pardon, mesdames! сказалъ Рэмеръ, извиняясь въ такомъ поспѣшномъ осушеніи стакана. Я вдругъ почувствовалъ приближеніе моей страшной головной боли; она появляется внезапно, и я обыкновенно прогоняю ее, залпомъ выпивъ стаканъ вина. Дѣйствительно, передъ этимъ лицо его было багровое.

Онъ быстро откупорилъ бутылку сладкаго канарскаго вина и наполнилъ имъ нѣсколько стакановъ, стоявшихъ на буфетѣ, а затѣмъ пригласилъ дамъ выпить съ нимъ за успѣхъ вечерняго представленія, за процвѣтаніе молодости, красоты, за чудесную жизнь, которая имъ всѣмъ улыбается, и за сладкую причину бытія.

Стаканы зазвенѣли... Президентша весело смѣялась.

Кэта отошла къ окну и встала неподалеку отъ кресла Гэнріэтты. Она видѣла, какъ при провозглашеніи безтолковаго тоста глаза больной стали влажны, и какъ она болѣзненно закусила губы: вѣдь для нея жизнь была мученіемъ, она платила страданіемъ за всякій вздохъ. Молодая дѣвушка не взяла стакана, да и опекунъ не предложилъ ей выпить. Ея взоръ мрачно былъ устремленъ на оживленное лицо коммерціи совѣтника. Она до сихъ поръ и не подозрѣвала, что за этимъ гладкимъ, безстрастнымъ лицомъ скрывалось другое, искаженное сильной душевной бурей, и вотъ эта буря ясно выражалась теперь въ безпокойно горѣвшихъ глазахъ, въ легкомъ, судорожномъ подергиваніи губъ, въ усиленно веселомъ тонѣ.

Казалось, что богатый человѣкъ чувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ. Онъ невольно взглянулъ по направленію къ оконной нишѣ, потомъ быстро поставилъ стаканъ на столъ и провелъ обѣими руками по лбу и волосамъ; къ головной боли, не поддавшейся на этотъ разъ лѣченію виномъ, присоединился легкій припадокъ головокруженія.

XXIV.

Послѣ обѣда шумъ въ нижнемъ этажѣ виллы сталъ просто невыносимъ. Окрестные дворяне пріѣзжали одинъ за другимъ; всѣхъ нужно было размѣстить. Изъ города тащили картоны съ театральными костюмами, ибо благородныя актрисы должны были костюмироваться на виллѣ. Парикмахеры, портнихи бѣгали взадъ и впередъ; тутъ же толкались и помощники садовниковъ, изнемогавшіе подъ тяжестью громадныхъ пальмъ и померанцевыхъ деревьевъ. Не смотря на весь этотъ шумъ, Генріэтта покойно уснула въ своей комнатѣ. Въ сосѣдней горницѣ сидѣла ея горничная Нанни и проворно нашивала серебряныя блестки на газъ, понадобившійся обойщикамъ, все еще работавшимъ въ залѣ.

Кэта осторожно отворила дверь и, попросивъ Нанни не уходить изъ комнаты до ея возвращенія, сошла внизъ, чтобы идти на мельницу и сдѣлать тамъ нужныя распоряженія.

Она миновала главный корридоръ (тамъ было слишкомъ много народа) и повернула въ другой, тянувшійся за залой, который былъ почти пустъ, но въ концѣ его, въ узкой двери, стоялъ коммерціи совѣтникъ въ соломенной шляпѣ и, повидимому, намѣревался отправиться въ башню. Онъ отдавалъ какія то приказанія своему лакею Антону, жившему съ нимъ башнѣ, и посылалъ его зачѣмъ-то въ городъ.

— *Не торопись!* крикнулъ онъ ему вслѣдъ. Я буду переодѣваться не ранѣе шести часовъ.

Кэта шла медленно, неслышными шагами; она надѣялась, что Морицъ спуститься въ садъ, но онъ машинально засунулъ руки въ карманы своего легкаго пальто и не уходилъ. Съ этого мѣста онъ могъ видѣть значительную часть великолѣпнаго парка, и это, повидимому, остановило его. По движенію его головы молодая дѣвушка видѣла, что онъ любовался разстилавшеюся передъ нимъ картиною, какъ будто впервые сознавалъ всю красоту этой мѣстности, залитой въ эту минуту розоватымъ свѣтомъ вечерняго солнца; она видѣла также, какъ порывисто, быстро, вздымалась его грудь и замѣтила легкую дрожь его тѣла; она видѣла, какъ судорожно сжимались его руки, засунутыя въ карманы, и какъ онъ, вздрогнувъ, закрылъ потомъ правой рукой глаза. Онъ, конечно, боролся съ недугомъ, на который жаловался сегодня утромъ, и боролся мужественно, чтобы не разстроить вечерняго праздника.

Кэта умышленно стала ступать тверже и шумъ ея шаговъ заставилъ его вздрогнуть.

— Твоя головная боль усилилась? спросила она съ участіемъ.

— Да, и въ эту минуту у меня опять былъ припадокъ головокруженія, отвѣтилъ онъ нерѣшительнымъ тономъ и двинулъ шляпу на лобъ. Оно и неудивительно. Если бы я могъ предвидѣть, сколько хлопотъ и непріятностей причинитъ мнѣ сегодняшнее празднество, то навѣрно бы отказался отъ него, прибавилъ онъ спокойнѣе. Эти глупые рабочіе въ мое отсутствіе. все сдѣлали шиворотъ на выворотъ: они не поняли моихъ распоряженій, и вотъ, пришлось все передѣлывать сызнова. Оттого-то возня и длится еще!

Онъ спустился съ крыльца медленно, нерѣшительно, какъ будто туманъ снова застилалъ все передъ его глазами.

— Не принести ли тебѣ стаканъ сельтерской воды? спросила Кэта, останавливаясь на порогѣ, или не лучше ли будетъ послать за докторомъ?

— Нѣтъ, благодарю тебя, отвѣтилъ онъ особенно

нѣжнымъ голосомъ, а его влажные глаза остановились на стройной дѣвушкѣ, такъ искренно заботившей о немъ. Впрочемъ ты ошибаешься, если воображаешь, что Брука такъ легко найти. Онъ будетъ рыскать по своимъ паціентамъ до послѣдней минуты; мнѣ кажется, что и послѣ завтра его придется везти къ вѣнцу прямо отъ постели больного. Саркастическая улыбка (какъ будто въ душѣ онъ потѣшался надъ всѣми) мелькнула на его губахъ. У меня у самого есть отличное средство, сказалъ онъ вслѣдъ за тѣмъ, — это мой прохладный погребъ въ башнѣ. Я иду туда, чтобы выдать вина для сегодняшняго вечера; свѣжій воздухъ погреба подѣйствуетъ, какъ холодный компрессъ.

Кэта завязала покрѣпче ленты шляпки и вышла на крыльцо.

— Ты идешь теперь на мельницу? Надѣюсь, что не дальше? спросилъ онъ, поглядѣвъ на часы. Этотъ простой вопросъ былъ сдѣланъ небрежно, а Кэтѣ, все-таки, показалось, что Морицъ почти задыхался, произнося эти слова.

Спускаясь со ступенекъ, она сказала ему, зачѣмъ идетъ на мельницу и потомъ, ласково кивнувъ головой, пошла по площадкѣ, усыпанной пескомъ: коммерціи же совѣтникъ отправился по направленію къ башнѣ. Дойдя до перваго кустарника, она невольно еще разъ оглянулась на зятя; онъ несомнѣнно страдалъ сильнѣе, чѣмъ хотѣлъ это показать. Походка его опять была не тверда, ноги его какъ будто подкашивались; онъ сдвинулъ шляпу на затылокъ, какъ будто кровь снова бросилась ему въ голову, а его взоръ безцѣльно блуждалъ по парку.

Теперь и ей въ голову хлынула кровь, ею овладѣло мрачное предчувствіе. Этотъ больной человѣкъ—одинъ въ погребѣ! Страшная мысль, посѣтившая ее уже однажды, при видѣ развалины, снова промелькнула у нея въ головѣ.

— Пожалуйста, Морицъ, будь осторожнѣе съ огнемъ! боязливо крикнула она ему вслѣдъ.

Услышавъ это предостереженіе, онъ сильно вздрогнулъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать? крикнулъ Морицъ хриплымъ голосомъ.... Или ты видишь призраки среди бѣлаго дня, Кэта? присовокупилъ онъ и разразился громкимъ смѣхомъ, пристыдившимъ молодую дѣвушку, а затѣмъ, выпрямившись, повернулъ въ одну изъ аллей и скрылся изъ виду Кэты.

Полчаса спустя, Кэта шла вдоль берега рѣки. Дѣла на мельницѣ были окончены, а у нея оставалось еще довольно времени, чтобы взглянуть украдкой на милый, старый докторскій домъ. Какъ забилось у нея сердце, когда сквозь листву прибрежныхъ березъ она увидѣла флюгера, блестѣвшіе на солнцѣ! Она шла, какъ изгнанница, желавшая бросить послѣдній взглядъ на обѣтованную землю. Она прислонилась къ тополю у моста,— и вспомнила, что отсюда ей въ послѣдній разъ пришлось видѣть *его*, находившагося подъ гнетомъ непонятныхъ, тревожныхъ чувствъ. Этотъ образъ съ тѣхъ поръ не покидалъ ее. Въ саду и въ домѣ все было тихо. Ей захотѣлось хоть мелькомъ взглянуть на угловое окно, гдѣ стоялъ письменный столъ! Вѣдь доктора нѣтъ дома, онъ у больныхъ... Да и комнату эту занималъ уже не онъ. На окнахъ висѣли бѣлыя занавѣски, обшитыя кружевами: на подоконникѣ, около горшковъ съ цвѣтущими альпійскими фіалками, лежала бѣлая кошечка, а вотъ теперь въ окно выглянула сѣдая старушка въ бѣломъ кисейномъ чепчикѣ значитъ — старая пріятельница тетушки-діаконицы уже пріѣхала. Да, докторъ уже готовъ къ отъѣзду; послѣ завтра гордая, безсердечная сестра ея встанетъ возлѣ него въ бѣломъ атласномъ платьѣ, чтобы сдѣлаться „представительницей салона знаменитаго человѣка“.

Были ли страданія, благородной женщины, жившей здѣсь когда-то, мучительнѣе страданій, которыя испытывала теперь молодая дѣвушка? Она, горько плача, обвила руками стволъ дерева и прижалась лбомъ къ грубой корѣ его. Та блондинка была любима, и хотя осталась покинутой, но виновной она не была; сердце же Кэты терзала преступная ревность, и та, которой она завидовала—была ея сестра.

Твердые мужскіе шаги, раздававшіеся позади нея, заставили ее вздрогнуть. Это шелъ мельникъ Францъ, съ желѣзной палкой; онъ намѣревался осмотрѣть верхнюю плотину, какъ онъ объявилъ. Эта встрѣча заставила молодую дѣвушку покинуть свой наблюдательный постъ, и въ то время, какъ Францъ быстрыми шагами пошелъ впередъ, Кэта медленно двинулась дальше по берегу рѣки. Она не могла еще рѣшиться возвратиться на виллу,—вѣдь успѣетъ еще переодѣться!

Здѣсь было такъ тихо, уединенно. Здѣсь никто не видѣлъ ея заплаканныхъ глазъ, ея борьбы съ своимъ непокорнымъ сердцемъ, съ своимъ грѣховнымъ желаніемъ, которое привело ее сюда.... Да, только это желаніе влекло ее сюда, она не посмѣла лгать самой себѣ и прикрашивать свое страстное томленіе! Не уютный домъ, не славную старушку хотѣлось ей видѣть—она въ тайнѣ надѣялась увидѣть *его*, и когда въ угловомъ окнѣ показалось чужое, а не его лицо, то этотъ уютный уголокъ показался ей пустыннымъ, покинутымъ...

Мельникъ, шедшій впереди, давно уже скрылся изъ виду... Кэта подходила къ руинѣ. Вода сверкала вдали, и сквозь рѣдкій кустарникъ молодая дѣвушка могла видѣть изящный мостикъ, который былъ перекинутъ черезъ ровъ... Въ эту минуту черезъ мостъ, по направленію отъ башни, переходилъ человѣкъ съ большой, рыжеватой бородой. Подъ небрежно закинутымъ сюртукомъ у него была голубая рабочая блуза; онъ палкой гналъ передъ собой двухъ сернъ, которыя буквально пролетѣли черезъ мостъ и пропали въ паркѣ.

Кэта не обратила бы вниманія на этого человѣка (рабочіе часто бывали тутъ), если бы ее не поразило странное его поведеніе. Коммерціи совѣтникъ нѣжно любилъ сернъ; онъ сильно сердился, когда находилъ ихъ въ циркѣ, а этотъ незнакомецъ преспокойно гналъ именно туда этихъ робкихъ животныхъ... Рыжій блузникъ пошелъ къ главнымъ воротамъ парка, выходящимъ на большую дорогу; Кэта слѣдила за нимъ, пока онъ не скрылся въ чащѣ. Какое сходство!.. По осанкѣ, по росту, по тѣлосложенію—этотъ человѣкъ въ рабочемъ костюмѣ могъ бы быть бѣлокурымъ братомъ—близнецомъ коммерціи совѣтника...

Она, какъ очарованная, стояла на мѣстѣ и невольно поглядѣла на башню, откуда онъ вышелъ... и опять стало все тихо, только шуршанье голубей, кружившихся надъ башней, едва долетало до слуха Кэты... Птички эти граціозно плавали въ прозрачномъ воздухѣ, вылетая и влетая въ амбразуры каменнаго вѣнца, зубцы котораго рѣзко очерчивались на глубокой синевѣ неба, подрумяненнаго вечерней зарей... Нѣтъ, это былъ уже не каменный вѣнецъ!.. Башня вдругъ превратилась въ грозный вулканъ, выбрасывавшій изъ своего жерла громадные клубы чернаго дыма, которые съ громомъ и трескомъ уносились въ высь... Кэта почувствовала, какъ земля вдругъ исчезла подъ ея ногами, и молодая дѣвушка упала, словно ее опрокинула однимъ ударомъ чья-то могучая рука, а затѣмъ къ ней стали приближаться холодныя волны откуда-то хлынувшей воды...

(Продолженіе будетъ).

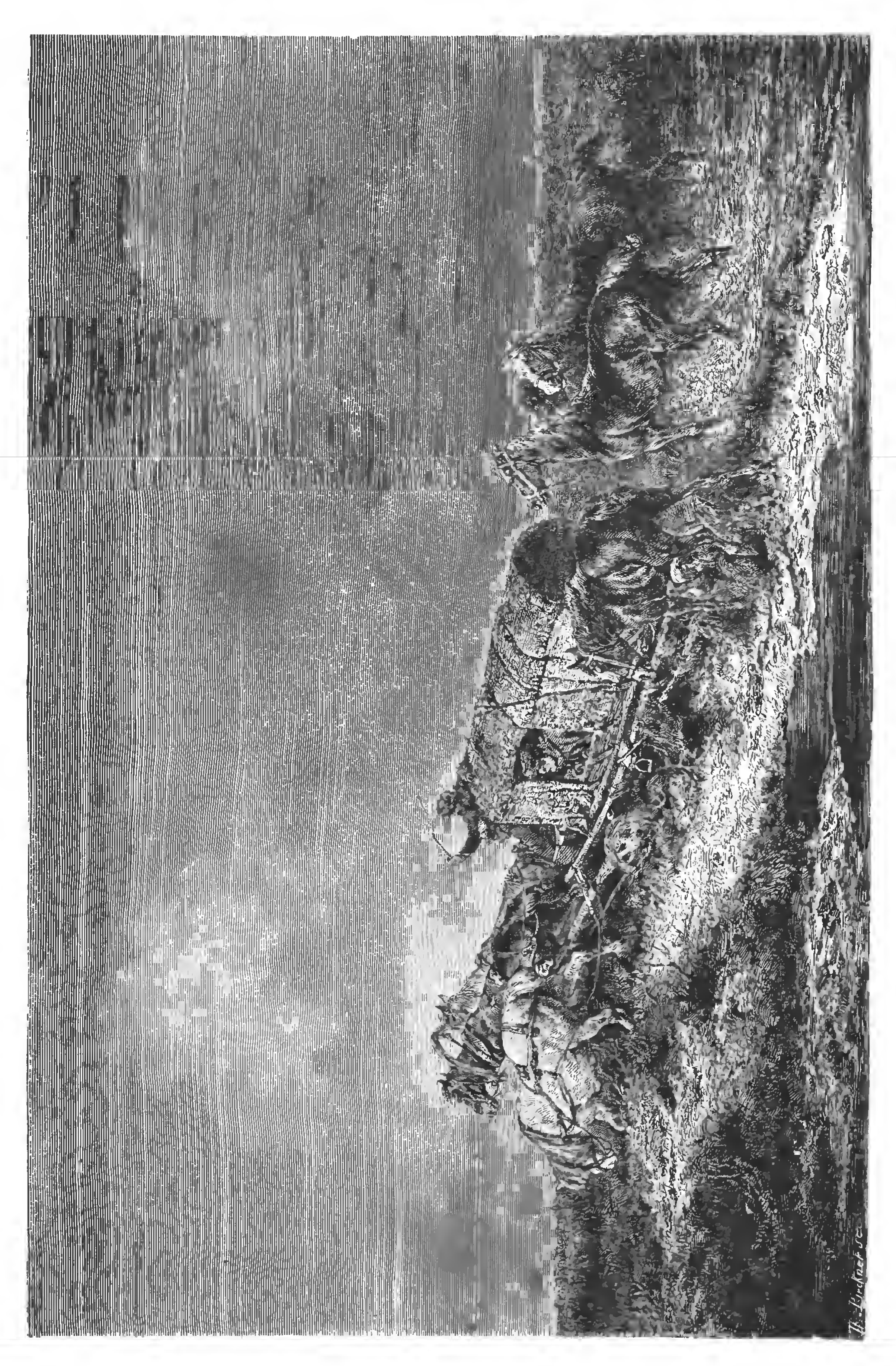
Галлерея Виктора Эммануила въ Миланѣ.

Изображенная на этомъ рисункѣ галлерея Виктора Эммануила, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ зданій города Милана. Постройка ея началась въ мартѣ 1865 г. Нужно замѣтить, что постройка этой галлереи началась при самыхъ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ строителей, но, не смотря на это, была окончена въ сентябрѣ 1867 г. Строилась она подъ руководствомъ знаменитаго архитектора Менгони, удостоивавшагося неоднократно премій на разныхъ иностранныхъ выставкахъ за свои работы. Въ Миланѣ есть еще другая галлерея, называемая Кристофорисъ. Постройка ея относится къ 1834 году. Эта галлерея считалась когда-то громаднѣйшимъ зданіемъ, но теперь, въ сравненіи съ галлереею Виктора Эммануила, она потеряла всякое значеніе и кажется просто корридоромъ. Нужно замѣтить, что не только Кристофорисъ, но даже пассажи Лондона, Брюсселя и Парижа, во всѣхъ отношеніяхъ превосходящіе Кристофорисъ своей архитектурой и размѣрами, должны уступить первенство галлереѣ Виктора Эммануила. Галлерея имѣетъ форму креста. Она занимаетъ въ окружности 1450 м., имѣя въ наибольшемъ протяженіи 195 м. и въ боковомъ 105 м.

Нашествіе варваровъ на Римъ. Картина Люмине, грав. Роберъ.

Подъ куполомъ крестообразные углы усѣчены, и образуютъ восьмиугольникъ, четыре стороны котораго изукрашены фрес-

Конскій барышникъ на Дону. Картина профессора Зурландта, грав. Пиркиеръ.

ками, работы знаменитыхъ художниковъ Каснеди, Пієтрасанто, Паліано, Джуліано и др. На 24 колоннахъ красуются статуи работы извѣстныхъ художниковъ г. Милана. Весь полъ галлереи состоитъ изъ мозаики. Внутренность ея украшена камнями различныхъ цвѣтовъ, придающими ей очень красивый видъ. Находясь въ центрѣ города, галлерея часто посѣщается, какъ мѣстными жителями, такъ и иностранцами. Снаружи галлерея освѣщается при помощи особаго аппарата, который дастъ возможность моментально зажечь тысячи газовыхъ рожковъ, свѣтъ которыхъ, при ихъ многочисленности, распространяется на весьма большое пространство. Моментальное освѣщеніе галлереи въ особенности служитъ предметомъ удивленія простолюдиновъ, всегда падкихъ до необычайнаго. Но нужно замѣтить, что если простолюдины дивятся тому, какъ моментально зажигаются по галлереѣ огни, то путешественники, не только изъ обыкновенныхъ смертныхъ, но и изъ царственныхъ особъ—восхищаются архитектурной стороной галлереи.

Молодая мавританка.

(Снимокъ съ картины Ф. Вайбарда).

Это не фантазія художника, это портретъ безспорно хорошенькой женщины, способный внушить поэту такія вдохновенныя рѣчи:

О, вѣрь: ты, нѣжная, дороже славы мнѣ!
Скажу-ль? Мнѣ иногда докучно вдохновенье:
Мѣшаетъ мнѣ его волненье
Дышать любовью въ тишинѣ!
Я сердце предаю сердечному союзу;
Приди, мечты мои разсѣй,
Ласкай, ласкай меня, о другъ души моей,
И покори себѣ бунтующую музу.

Это стихи Баратынскаго, и, конечно, они были вызваны живымъ образомъ.

Другой поэтъ (Лермонтовъ) о могучемъ вліяніи красоты говоритъ, что почувствовалъ демонъ при видѣ Тамары:

...На мгновенье
Неизъяснимое мученье
Въ себѣ почувствовалъ онъ вдругъ.
Нѣмой души его пустыню
Наполнилъ благодатный звукъ,
И вновь постигнулъ онъ святыню
Любви, добра и красоты.
И долго сладостной картиной
Онъ любовался,—и мечты
О прежнемъ счастьѣ цѣпью длинной,
Какъ будто за звѣздой звѣзда,
Предъ нимъ катилися тогда...

Нашествіе варваровъ на Римъ.

Паденіе могущественной Римской имперіи произошло отъ ея внутреннихъ неустройствъ и отъ того, что римскій народъ въ послѣднее время своего существованія извратилъ понятія о чести, правдѣ, религіи; пошатнулъ главное основаніе и могущество всякаго государства—семью.

Гунны, вандалы и германцы послужили только орудіемъ судьбы и исполнили то, что должно было исполниться непремѣнно, въ силу исторической необходимости. Здоровый и даровитый Римскій народъ, поднявшійся на самую высокую, какая только возможна была въ то время, ступень цивилизаціи и государственнаго благоустройства, быстро шелъ впередъ до тѣхъ поръ, пока надѣялся на собственныя силы, пока былъ воздерженъ и дѣятеленъ. Окрестные народы скоро подпали подъ власть Римлянъ и сдѣлались его рабами.

Обогащенные большими боевыми добычами, римскіе полководцы и воины стали жить роскошнѣе, начали пользоваться услугами рабовъ, заставляя ихъ дѣлать, то, что самимъ было лѣнь исполнить. Лѣность повлекла за собою всякіе пороки, перешедшіе отъ отдѣльныхъ личностей и сословій ко всему римскому народу. Легкое удовлетвореніе всѣхъ прихотей и капризовъ породило цѣлое поколѣніе богачей—патриціевъ, которые не знали предѣловъ своимъ желаніямъ и не вѣрили въ невозможность ихъ исполненія.

Во что бы то ни стало—они добивались своего, и тѣмъ падали все ниже, и ниже. За богачами потянулись и средній и низшій классы. Народъ, потерявшій честные идеалы и не имѣвшій никакихъ твердыхъ нравственныхъ основъ, долженъ былъ пасть. Такъ и случилось.

Огромный организмъ Римской имперіи распался на множество частей, изъ которыхъ многія развились, окрѣпли и образовали новые организмы, перерожденные, и болѣе способные къ соціальной жизни и прогрессу.

Разскажемъ вкратцѣ факты, сопровождавшіе это паденіе.

При развратномъ и жестокомъ императорѣ Валентиніанѣ III, вступившемъ на престолъ въ 425 году, послѣ Р. Х., талантливый, но честолюбивый римскій полководецъ Аэцій привелъ въ Римскую имперію 50,000 гунновъ, чтобы возвести на престолъ Іоанна, секретаря императора Гонорія. Аэцій имѣлъ намѣреніе занять при немъ первое мѣсто. Но онъ не засталъ въ живыхъ Іоанна и кое какъ вывернулся изъ своего затруднительнаго положенія, спровадивъ гунновъ назадъ и подольстившись къ новому императору Валентиніану III. Потворствуя слабостямъ и порочнымъ наклонностямъ Валентиніана, Аэцій неудовольствовался тѣмъ, что самъ занялъ видное мѣсто—онъ захотѣлъ уничтожить другихъ, пользующихся такимъ-же авторитетомъ, какъ и онъ. Однимъ изъ такихъ соперниковъ былъ Бонифацій, намѣстникъ Африки.

По клеветѣ Аэція, Валентиніанъ послалъ Бонифацію приказъ явиться въ Римъ для отвѣта и оправданія во взведенныхъ на него преступленіяхъ. Въ тоже время и Аэцій написалъ Бонифацію дружеское письмо, предупреждая, что ему готовъ уже смертный приговоръ.

Бонифацій повѣрилъ письму мнимаго друга и къ императору не поѣхалъ, а въ предупрежденіе нападенія изъ Италіи, пригласилъ къ себѣ въ союзники противъ Рима вандаловъ подъ предводительствомъ Гензериха. Вандалы, придя въ Африку въ 430 г., вмѣсто помощи Бонифацію, стали грабить и разорять страну, нисколько не обращая вниманія на ея намѣстника. Бонифацій, успѣвшій уже въ это время оправдаться передъ римскимъ дворомъ, долженъ былъ взяться за оружіе, чтобы прогнать вандаловъ изъ Африки, но былъ ими побѣжденъ и съ остатками войска убѣжалъ въ Италію, къ императору. Аэцій былъ въ это время въ Галліи. Узнавъ, что ему не удалось уничтожить соперника интригами, онъ пошелъ на него съ войскомъ, но былъ Бонифаціемъ побѣжденъ и вновь убѣжалъ къ гуннамъ. Придя во второй разъ въ Италію съ войскомъ и напугавъ императора, Аэцій получилъ прощеніе и вновь занялъ видное положеніе при императорѣ. Бонифацій былъ смертельно раненъ на войнѣ.

Въ это время сестра императора Валентиніана III, Гонорія, обладавшая пылкимъ и страстнымъ темпераментомъ и воспитанная въ обществѣ съ нестрогими понятіями о чести, предавалась излишествамъ и вела нескромную жизнь. Мать ея, Плацидія, желая исправить дочь, заперла ее, но Гонорія, на зло всѣмъ, послала кольцо и письмо съ предложеніемъ своей руки Аттилѣ, грозному предводителю полудикихъ гунновъ. Аттила потребовалъ ея руки и, получивъ отказъ, поднялъ на ноги всю свою орду и двинулся на Римъ, губя и попирая все на пути.

Въ Римѣ приготовились къ его приходу, и Аэцій, прежній союзникъ Аттилы, соединившись съ храбрымъ вестготскимъ королемъ Теодорихомъ, сразился съ гуннами на поляхъ Каталаунскихъ (близь нынѣшняго Шалона-на-Марнѣ). Эта битва, и по громадности количества войскъ, въ ней участвовавшихъ, и по важности значенія ея исхода для тогдашняго міра, называется «великою битвою народовъ». Она должна была рѣшить — подпадетъ ли цивилизованный міръ подъ власть полудикарей, тьмами нахлынувшихъ съ востока. Битва эта произошла въ 451 году; Аттила былъ побѣжденъ и бѣжалъ въ Паннонію, но черезъ годъ, оправившись, снова потребовалъ руки Гоноріи. Къ нему отправленъ былъ для переговоровъ епископъ (папа) римскій Левъ Великій.

Посольство это было успѣшно, и Аттила отказался отъ Гоноріи, взявъ только ея приданое. Вскорѣ Аттилла женился на красавицѣ Ильдикѣ, изъ королевскаго бургундскаго дома, и въ первую же брачную ночь былъ ею убитъ. Со смертью Аттилы (прозваннаго за его свирѣпость и искусство въ войнѣ «бичемъ Божіимъ») распались и орды гунновъ.

Въ это время Валентиніанъ, по наущенію придворныхъ, собственноручно убилъ Аэція, и самъ, въ свою очередь, былъ убитъ сенаторомъ Петровіемъ-Максимомъ, жену котораго Валентиніанъ соблазнилъ и обезчестилъ. На престолъ взошелъ Петроній Максимъ и взялъ въ жены себѣ вдову Валентиніана.

Вдова-императрица, оскорбленная тѣмъ, что ее сдѣлали женою выходца и убійцы своего мужа, рѣшилась отомстить имъ и позвала на помощь вандаловъ. Гейзерихъ съ ордами вандаловъ примчался въ 455 г. въ Римъ, и бросился грабить богатую и роскошную столицу міра. Драгоцѣнности, утварь, рабы, знать римская и патриціи—все было захвачено въ плѣнъ и ограблено. 14 дней продолжался грабежъ Рима вандалами.

Съ этихъ поръ германцы пріобрѣтаютъ огромное вліяніе на судьбы Рима и слѣдующій императоръ, Авитъ, взошелъ на престолъ западной Римской имперіи уже съ помощью Теодориха, короля вестготовъ. Рицимеръ, начальникъ германскихъ дружинъ, свергъ

Авита съ престола и посадилъ на него Маіоріана. Маіоріанъ, начавшій оказывать сопротивленіе Рицимеру, былъ измѣннически убитъ воинами, и на престолъ взошелъ Северъ. За этимъ императоромъ слѣдуетъ Амфимъ, который тоже былъ за неповиновеніе свергнутъ Рицимеромъ, а Римъ снова разграбленъ.

Послѣднимъ Римскимъ императоромъ былъ Ромулъ-Августулъ, сынъ предводителя наемныхъ германскихъ дружинъ, Ореста. Во время царствованія этого императора на Римъ возсталъ Одоакръ, полководецъ войска, собраннаго изъ разныхъ мелкихъ народовъ и, побѣдивши Ореста, заставилъ послѣдняго римскаго императора, Ромула-Августула, покорно сложить передъ собою знаки его императорскаго достоинства. Римомъ сталъ управлять самъ Одоакръ, но титула императора не принялъ, а сталъ называться просто патриціемъ. Съ этого времени (съ 476 года) исчезаетъ титулъ римскаго императора и отъ прежней могучей Римской имперіи остается только скелетъ.

Такъ произошло паденіе Рима. Римляне сами призвали своихъ враговъ и тѣмъ ускорили свою гибель.

Изъ за достиженія личныхъ, честолюбивыхъ и мелкихъ цѣлей, они призвали полудикихъ гунновъ и германцевъ на свою родину и предали ее разграбленію. Въ тоже время внутренніе раздоры, причиною которыхъ были опять таки животныя, развратныя побужденія и стремленія, лишили государство внутренней опоры и оно пало, не выдержавъ свирѣпаго напора «варваровъ», какъ ихъ называли Римляне. Послѣ Римлянъ намъ осталось богатое наслѣдство, заключающееся въ языкѣ, литературѣ, искусствѣ, и, наконецъ, въ законодательствѣ, которое и до сихъ поръ служитъ основаніемъ и краеугольнымъ камнемъ всѣхъ законодательствъ позднѣйшихъ временъ.

Предлагаемая картинка изображаетъ одну изъ сценъ, относящихся къ этой эпохѣ Римской исторіи. Толпа варваровъ, проѣзжая по улицѣ Рима, увидѣла предметъ, невиданный ими доселѣ, и потому привлекшій ихъ вниманіе и удивившій ихъ. Они увидали негритянку съ чернымъ какъ смоль тѣломъ и остановились, чтобы разсмотрѣть это невиданное чудо. Нѣкоторые, не удовольствовавшись разсматриваніемъ, хотятъ потрогать ее и убѣдиться, что это живой человѣкъ. Негритянка, страшно испуганная и непонимающая, что хотятъ съ нею дѣлать «варвары», прижалась къ подножію колонны и подняла руку, какъ бы защищаясь отъ удара, или отмахиваясь. Двѣ собаки, тоже не менѣе своихъ господъ удивленныя, скалятъ зубы и порываются къ негритянкѣ, чтобы растерзать ее, но, удерживаемыя сильною рукою, ничѣмъ не могутъ выразить своего неудовольствія, кромѣ свирѣпаго рычанія. Между колоннъ видны столпившіяся въ страхѣ женщины римскія, принесшія варварамъ свои сокровища для умилостивленія свирѣпыхъ побѣдителей.

На второмъ планѣ видны толпы воиновъ, въ безпорядкѣ проходящихъ по улицѣ.

А. А.

НАШИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Симъ честь имѣю объявить гг. подписчикамъ, что относительно **безплатной преміи къ журналу „Нива“** на нынѣшній годъ мною приняты заблаговременно мѣры, и съ первыхъ же мѣсяцевъ настоящаго года уже приступлено къ ея изготовленію.

На этотъ предметъ назначена мною **значительная сумма капитала**, и я, имѣя въ виду желанія многочисленныхъ подписчиковъ, нашолъ лучшимъ, вмѣсто нѣсколькихъ посредственныхъ премій, дать **одну, вполнѣ превосходную и замѣчательную въ художественномъ отношеніи**. Смѣю думать, что такихъ премій **никогда** еще до сихъ поръ **безплатно неприлагалось ни къ какимъ журналамъ**.

Премія эта будетъ состоять изъ **великолѣпно исполненной олеграфической картины, отпечатанной въ 20 тоновъ настоящими масляными красками** и притомъ, съ тѣмъ условіемъ, что картина съ **такою-же прочностію сохраняетъ краски, какъ-бы писанная на полотнѣ**. Названіе картины:

Спящая красавица

Картина Э. Белэ.

Она соединяетъ въ себѣ **превосходный колоритъ, красоту рисунка, экспрессію лицъ и живописную характерность взаимнаго соотношенія фигуръ**. Пейзажная часть картины нисколько неуступаетъ по своимъ достоинствамъ жанровой ея части.

Причина того, что картина до сихъ поръ не высылается подписчикамъ заключается въ томъ, что: 1) то количество экземпляровъ, въ какомъ картина должна быть отпечатана, могло быть болѣе или менѣе опредѣлено только въ концѣ февраля, 2) изготовленіе такой массы картинъ (25000 экзем.) требуетъ весьма много времени, и мы не можемъ эту премію выдавать нашимъ подписчикамъ по частямъ, а должны выдать всѣмъ въ одно время; 3) печатать можно такую картину только на ручной машинѣ, и два человѣка, работая весь день не могутъ сдѣлать болѣе 250 оттисковъ **одной краской (т. е. всего до 12 полныхъ картинъ въ одинъ день)**, но такъ какъ для того числа экземпляровъ, въ какомъ выходитъ „Нива“ требуется 25,000 экземп., то это составитъ ровно **500.000 оттисковъ**.

Если-бы два человѣка на одной машинѣ печатали это число экземпляровъ, то потребовалось-бы **2083 дня или 5 лѣтъ и 259 дней**. Заведеніе, работающее нашу картину, печатаетъ ее на **громадномъ числѣ ручныхъ машинъ** въ одно время, и такимъ образомъ всѣ 25000 экземп. будутъ готовы въ теченіи шести мѣсяцевъ и **разошлются подписчикамъ въ Октябрѣ. При отсылкѣ будетъ обращено вниманіе на то, чтобы картина была получена подписчиками въ совершенной исправности и въ неизмятомъ видѣ**.

Нѣсколько экземпляровъ этой картины **теперь уже готовы, и желающіе могутъ ихъ видѣть:**

Въ С.-Петербургѣ: **Въ Главной Конторѣ Редакціи «Нива»**, и у книгопродавц.: **Я. А Исакова, Анисимова и Колесова и Михина**, и въ магазинѣ **Аванцо** (à la Palette de Raphael). Б. Морская, № 9.
» **Москвѣ**: у книгопродавцевъ **И Г. Соловьева, А Лангъ, Живарева, Мамонтова и Васильева.**
» **Одессѣ**, въ книжномъ магазинѣ **В. П. Дубецкаго** (бывшій **Бортневскаго**), и у **Эмиля Берндта**
» **Казани**, въ книжн. магаз. **Дубровина**, и у **Рязанова.**
» **Кіевѣ**, книжн. магаз. **Литова** (владѣлецъ Оглоблинъ), у **Гюнтера** и у **Малецкаго.**
» **Екатеринбургѣ**, въ книжномъ мазазинѣ **Наумова.**
» **Астрахани**, въ книжномъ магазинѣ **Ф. Н. Савинова.**
» **Воронежѣ**, въ книжн. маг. **Е. Агафонова.**
» **Вяткѣ**, въ книжн. магаз. **В. Красовскаго.**
» **Екатеринославѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Ульмана.**
» **Житомірѣ**, въ книжномъ магазинѣ **В. Менчица.**
» **Калугѣ**, у книгопродавца **Н. Ив. Мясникова.**
» **Кишиневѣ**, въ книжн. магазинѣ **Андр. Тараненко.**
» **Костромѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Н. Солодовникова.**
» **Кронштадтѣ**, въ магазинѣ **Карла Раковскаго.**
» **Курскѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Васил. Суслова.**
» **Нижнемъ-Новгородѣ**, въ кн. маг. **Павла Богданова.**
» **Новгородѣ**, въ книжн. магаз. **Парамонова.**
» **Новочеркаскѣ**, въ книж. магаз. **Васил. Дюжикова.**
» **Пензѣ**, въ книжномъ магазинѣ г. **Шемаева.**
» **Перми**, въ книжной лавкѣ **Гусева.**
» **Полтавѣ**, въ книжной торговлѣ **Богоявленской.**
» **Ревелѣ**, у книгопродавца **Клуге и Штремъ.**
» **Ригѣ**, у книгопродавца **Гауфа.**
» **Ростовѣ на Дону**, у книгопродавца **Ден. Прѣснова.**
» **Рязани**, въ книж. маг. **Конст. Өедор. Александрова.**
» **Саратовѣ**, въ книж. магаз **Стеф. Сем. Знаменскаго.**
» **Симбирскѣ**, въ **Карамзинск. обществ. библіотекѣ.**
» **Таганрогѣ**, въ книжн. магаз. **Ващиненко.**
» **Твери**, въ **городской общественной библіотекѣ.**
» **Тулѣ**, въ **Публич. библіот. Дворянскаго Собранія.**
» **Харьковѣ**, въ книж. маг. и библіотекѣ **Максимовича**
» **Ярославлѣ**, въ кн. маг. и библіотекѣ **Раф. Кокуева.**

Настоящее заявленіе дѣлается съ нашей стороны воизбѣжаніе всѣхъ излишнихъ вопросовъ со стороны подписчиковъ о высылкѣ преміи и въ объясненіе тѣхъ причинъ, въ силу которыхъ мы не имѣемъ возможности **выдать премію ранѣе Октября мѣсяца**. Причины эти, какъ могутъ изъ изложеннаго убѣдиться читатели, заключаются въ **физической невозможности изготовить премію ранѣе вышеозначеннаго времени.**

А. Ф. Марксъ.

Конскій барышникъ на Дону.

Рисунокъ этотъ изображаетъ донскую степь, оживленную лишь телѣгою конскаго барышника, ведущаго заарканенныхъ имъ молодыхъ коней на конскую ярмарку. Между конскими барышниками, разумѣется, бываютъ такіе, которые находятъ, что краденая лошадь не въ примѣръ дешевле купленой обходится. Такіе барышники, подмѣтивъ хорошихъ молодыхъ коней, отгоняютъ ихъ, при помощи своихъ старыхъ скакуновъ, какъ можно дальше отъ чужого конскаго табуна и такимъ способомъ овладѣваютъ ими. Если кони были «отаврены», т. е. имѣли на себѣ извѣстные выжженные знаки, то эти знаки барышниками иногда передѣлываются въ другіе, иногда же совсѣмъ уничтожаются, благодаря различнымъ способамъ деревенскихъ знахарей. Иногда бываетъ такъ, что на ярмаркѣ хозяинъ молоденькой степной лошадки находитъ ее, узнаетъ по разнымъ мелочнымъ, лично ему извѣстнымъ, примѣтамъ, но уличить конокрада не можетъ: его защищаетъ искусно измѣненное на украденной лошади «тавро». Конокрадству способствуетъ главнымъ образомъ то, что всѣ вообще донскіе табуны - совершенно дики: они ходятъ круглый годъ въ степи, и только во время весьма глубокаго снѣга или гололедицы загоняются въ «базы» (открытыя огороженныя мѣста), гдѣ и кормятся сѣномъ. Въ одной только сѣверной части донской земли, по причинѣ продолжительныхъ и постоянныхъ тамъ зимъ, лошади часто содержатся на базахъ по нѣскольку мѣсяцевъ; напротивъ того, въ полосахъ среднихъ, въ самыя жестокія зимы, табуны кормятся сѣномъ не болѣе одного мѣсяца; въ южной-же полосѣ весьма часто круглый годъ остаются на волѣ.

Донская степь лѣтомъ представляетъ несносный путь по огромнымъ, перерѣзаннымъ балками и ярами пространствамъ, безлюднымъ, безлѣснымъ, усѣяннымъ лишь изсохшими, поблеклыми травами. Среди яркаго неба катится пламенное солнце и выжигаетъ всю траву степи. Цѣлыя сотни верстъ можно здѣсь ѣхать по мѣстности прожженной огнемъ солнца, — и не увидѣть ни колоска зерноваго хлѣба, только блѣдная полынь, да зеленая «малаканка» (молочай по мѣстному), встрѣчаются на пути и наводятъ уныніе своимъ однообразіемъ. Впрочемъ, кой гдѣ встрѣчаются шалаши «бахчевниковъ» (сторожей стерегущихъ бахчи т. е. арбузные посѣвы въ степи), да и эти единственные признаки жизни въ степи часто скрываются за густою пылью, въ тучѣ которой бѣжитъ телѣга проѣзжаго. Вмѣсто ржи, ячменя, проса, пшеницы и кукурузы, занимающихъ въ южной части Россіи цѣлыя сотни верстъ, здѣсь разстилаются на огромныхъ, необозримыхъ пространствахъ: колючка, ямурка, полынь и молочай. Въ степяхъ зачастую бываетъ такъ, что травы и хорошо всходятъ, но не успѣваютъ дозрѣть и сгораютъ отъ солнца.

Бездождіе въ донскихъ степяхъ явленіе—очень частое: иногда съ Пасхи до августа ни капли не выпадетъ; но за тѣмъ потоки дождя льются неудержимо, затопляютъ запасы сѣна, иногда при несчастіи въ болѣе низменныхъ мѣстахъ, при быстротѣ теченія воды, почти мгновенно наполняемыхъ, тонетъ даже скотъ. Проѣзжая по степи во время засухи, можно истомиться отъ жажды, а потому опытные люди, а въ особенности мѣстные жители берутъ съ собой въ дорогу необходимый запасъ воды въ кувшинахъ и глубоко прячутъ ихъ въ сѣно на днѣ телегъ, сохраняя такимъ способомъ воду отъ вліянія солнечныхъ лучей. Кромѣ того, они пускаютъ въ воду стебли полыни, отчего вода хотя и дѣлается горькою, но за то безвредною и не затхнетъ.

Случается иногда, что въ степи вдругъ словно покажется и вода, вотъ вдали зыблется бѣлая и обнявшая весь горизонтъ полоса; прозрачна эта полоса, какъ струи зеркалистой, хрустальной воды, бѣжитъ и рѣетъ она вверху земли: рѣка, рѣка, положительно вѣрится измученному жаждою путнику. Онъ спѣшно подъѣзжаетъ—рѣки нѣтъ, она ушла далѣе, далѣе... и прежде, и послѣ, и кругомъ васъ обдаетъ все таже свѣтлая мгла. Что же это? Это *марево* (миражъ). Когда наступитъ полдень, такъ оно, будто для утоленія взора, является на степи и обольщаетъ призракомъ своимъ путешественника. Донской простолюдинъ очень наглядно выражается объ этомъ восхитительно-обманчивомъ маревѣ: «полдень бѣгаетъ», говоритъ онъ.

Въ такихъ-то степяхъ живутъ донскіе табуны. Степи, какъ извѣстно, богаты травами и кромѣ тѣхъ, которыя идутъ исключительно на кормъ скота, въ степяхъ не мало другихъ, нашедшихъ тоже свое примѣненіе въ потребностяхъ человѣка. Такъ, чернобыломъ и курою степняки топятъ свои избы; полынкомъ и желѣзникомъ настаиваютъ водку; щавель, котранъ, таканъ, дубецъ употребляютъ въ очень вкусную пищу; изъ сибирька вяжутъ вѣники; дурманъ, буркунъ, ромашка, чистякъ, коровятникъ, бобовникъ, пуговникъ, мята, полынь, шалфей, молочай, филонникъ и множество другихъ степныхъ растеній имѣютъ примѣненіе въ медицинѣ и приносятъ значительную долю пользы. Кромѣ того, въ степи, пока ее не сожжетъ іюльское солнце,—бездна душистыхъ цвѣтовъ и превосходныхъ ягодъ, изъ которыхъ тернъ всего превосходнѣе. А бахчи, это ничто иное, какъ великолѣпные, благодатные оазисы донской степи, когда созрѣвшій арбузъ, освѣжительнымъ, всегда холоднымъ своимъ сокомъ даетъ путнику такое средство къ утоленію мучающей его жажды, какого не дастъ ни одинъ самый превосходный ручей или колодезь. Бахча, обыкновенно, предшествуетъ осѣдлому жилью донскаго хуторянина, который кромѣ своего хозяйства любитъ еще и поохотиться въ степи, а вѣдь степи донскія полны дикими птицами, каковы: стрепетъ, куропатка, дрофа (дудакъ), дикій гусь, дикая утка. Изъ четвероногихъ, въ этихъ степяхъ много дикихъ козъ и великолѣпныхъ сайгаковъ, но стрѣляніе и ловля ихъ крайне затруднительны, по причинѣ необыкновенной чуткости этого животнаго.

Вслѣдъ за бахчею—предвѣстникомъ хуторнаго жилья, путникъ встрѣчаетъ хуторъ, и хуторъ этотъ примиряетъ его со степью и заставляетъ отбросить всякую мысль о безлюдности ея. Вотъ около большого «става» (пруда), нарочно тутъ выкопаннаго и тщательно содержимаго—стоитъ домъ (разумѣется мазанковый или плетневый) съ высокимъ чердакомъ; передъ балкономъ «оливадъ» (садъ), гдѣ и вербы, и цвѣтовъ, и плодовыхъ деревъ весьма много. Хорошо и сладко, послѣ труднаго и томительнаго пути по опаленнымъ жгучимъ солнцемъ донскимъ степямъ, отдохнуть у пріютавшаго хуторянина.

По поводу картинки, изображающей донскаго коннаго барышника, уводящаго чрезъ донскую степь заарканенныхъ имъ табунныхъ лошадей, считаемъ не лишнимъ представить еще слѣдующія свѣдѣнія о задонской табунной степи.

Задонская «табунная» степь управляется особымъ полиціймейстеромъ подъ названіемъ «смотрителя степей», имѣющаго нынѣ двухъ помощниковъ и казачью команду; калмыцкимъ же народомъ (20,000 душъ), подраздѣленнымъ на 3 улуса: верхній, средній и нижній, по теченію рѣки Сала, составляющіе 13 сотенъ (сотня кочевья соотвѣтствуетъ осѣдлой станицѣ), правитъ, по выборамъ отъ донскаго дворянства, калмыцкій судья (судья калмыцкаго народа).

Въ старину, говорятъ, въ отдаленныхъ по Манычу урочищахъ водились *дикія лошади*, въ видѣ тарпановъ и кулановъ. Нынѣ все это не болѣе, какъ преданія, сохранившіяся отъ временъ давнопрошедшихъ. Впрочемъ, какъ уже мы и сказали, если на Дону этихъ «дикихъ» лошадей вовсе нѣтъ, то за тѣмъ «одичалыхъ» тамъ многое множество, и вотъ, эти то одичалыя лошади, будучи выѣзжаны и усмирены, являютъ собою тотъ превосходный типъ «чистокровнаго донца», который такъ уважаемъ всѣми истинными любителями хорошихъ, быстролетныхъ и неутомимо-сильныхъ коней. Попробуемъ здѣсь сдѣлать набросокъ типа донской породы. Настоящая донская лошадь гибка и ловка, потому что, будучи хорошо наѣзжана, дѣлаетъ самые крутые повороты на всемъ скаку; она спориста, не требуетъ побужденій при состязаніяхъ и идетъ охотно черезъ препятствія: рвы и изгороди. Махъ ея рѣдокъ, но широкъ. На Дону скакунъ идетъ ни почемъ 10, 15, 20 верстъ безъ передышки. Шагъ донца очень хорошъ: шесть верстъ въ часъ обыкновенно, а не въ рѣдкость ходуны и по 7 верстъ въ часъ. Сносливость донца такова, что, при хорошемъ сбереженіи, онъ служитъ отмѣнно исправно до 20—25 лѣтняго возраста. На кормъ лошади эти неразборчивы, ни сколько не жеманны, благодаря суровымъ превратностямъ степной жизни и своему, какъ бы спартанскому, воспитанію. Степная лошадь, привыкшая оберегать себя и своихъ жеребятъ отъ нападенія звѣрей, преимущественно въ темныя южныя ночи, постепенно сдѣлалась чуткою, сторожкою и очень зоркою—качества, передаваемыя ею въ крови и своему приплоду, вмѣстѣ съ отвагою и смѣлостью. Пугливыя лошади между донскими очень рѣдки: донская лошадь подъ казакомъ идетъ всегда смѣло впередъ и не закидывается ни передъ какимъ бы то ни было препятствіемъ, ни передъ выстрѣлами; она понятлива и памятлива отъ природы, что доказывается тысячами фактовъ. Характеръ чистокровнаго донца: твердый, ровный и довольно горячій, но недовѣрчивый, по крайней мѣрѣ, на первое время, пока животное освоится, какъ слѣдуетъ съ человѣкомъ, будь то ее хозяинъ или конюхъ, или табунщикъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ послѣднее время восточный вопросъ держитъ Европу въ постоянно-напряженномъ состояніи, между страхомъ и надеждой, то давая ей нѣсколько минутъ относительнаго успокоенія, но затѣмъ снова пугая призракомъ войны. Мы пишемъ наше обозрѣніе въ одну изъ такихъ тревожныхъ минутъ. Въ Далмаціи Австрійское правительство сосредоточило до 30,000 солдатъ...

Продолженіе въ прибавл. на стр. 343 и 344.

Турція, не смотря на невѣроятное разстройство своихъ финансовъ, тратитъ все, что успѣваетъ перехватить, исключительно на вооруженіе... полагаютъ, что Порта намѣрена выиграть время, собраться съ силами и очертя голову, не взирая на послѣдствія, нанести рѣшительный ударъ—конечно Сербіи и Черногоріи... Общее вниманіе, однако, при настоящихъ обстоятельствахъ, хватается за предстоящее свиданіе въ Берлинѣ трехъ канцлеровъ. Что касается насъ—мы снова обращаемся къ нашему предчувствію австрійскаго занятія.

По новѣйшимъ извѣстіямъ оказывается, что мушаръ (маршалъ) Мухтаръ-паша, хотя и прорвалъ у Дужскаго ущелья славянскую линію, но, все таки, не дошелъ до Никшича, «не ночевалъ тамъ», какъ онъ донесъ о томъ; самый дальній пунктъ, до котораго онъ могъ добраться по трупамъ и крови, оказывается все тотъ же Прессѣкъ, сюда успѣли приблизиться нѣсколько сотъ человѣкъ Никшичскаго гарнизона и частью на вьючныхъ лошадяхъ, частью на собственныхъ плечахъ доставить провіантъ въ осажденную крѣпость. Мухтаръ не могъ долго держаться въ Прессѣкѣ и не смотря на мужество, съ которымъ дрались его войска, дикая, безумная отвага славянъ взяла свое, и турки снова должны были отступить къ Гацко. Битвы, происходившія въ этихъ мѣстахъ, обошлись страшной цѣной обѣимъ сторонамъ. Но чего бы онѣ не стоили славянамъ—со всѣхъ сторонъ получаются извѣстія о томъ, что возстаніе разгорается. За эти дни оно замѣтнымъ образомъ усилилось въ Босніи, гдѣ на сцену выступилъ новый элементъ — тамошніе католики; одинъ ихъ отрядъ, подъ предводительствомъ францисканканскаго монаха, имѣлъ уже стычку съ турками и одержалъ побѣду.

На этотъ разъ обзоръ нашъ мы должны пополнить весьма печальнымъ извѣстіемъ: изъ Константинополя получена телеграмма, сообщающая объ умерщвленіи фанатической мусульманской толпой нѣмецкаго консула г. Аббонса (по слухамъ британскаго иодданнаго) и французскаго, г. Мулена. По словамъ депеши (турецкой оффиціальной, напечатанной «Journal de St.-Petérsbourg», дѣло произошло слѣдующимъ образомъ: одна христіанская дѣвушка приняла магометанство и, привезенная въ Салоники, по желѣзной дорогѣ, должна была, по заведенному порядку, въ сопровожденіи нѣсколькихъ заптіевъ (жандармовъ), быть доставлена со станціи желѣзной дороги въ домъ губернатора; небольшой кортежъ уже выступилъ, когда появившаяся внезапно подъ предводительствомъ американскаго консула толпа христіанъ, отбила дѣвушку и скрыла ее у одного изъ своихъ единовѣрцевъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ свою очередь, собралась толпа мусульманъ и раздраженная событіемъ, бросилась сначала къ дому губернатора, съ требованіемъ выдачи дѣвушки, а потомъ въ одну мечеть, куда увлекла съ собой гг. Абонса и Мулена. Губернаторъ узнавъ объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, немедленно отправился въ мечеть, съ цѣлью успокоить народъ и освободить консуловъ, но изувѣры, видя, что требованіе ихъ относительно христіанки не исполнено, дойдя до крайней степени раздраженія, вооружившись выломанными изъ рѣшотки перекладинами, бросились на консуловъ и, не смотря на всѣ усилія губернатора, прикрывавшаго несчастныхъ собой, умертвили ихъ тутъ же. Въ этотъ моментъ (только въ этотъ!) прибыли войска и разсѣяли толпу. Порта тотчасъ же командировала въ Солоники 2-хъ уполномоченныхъ, отправившихся туда въ сопровожденіи делегатовъ германскаго и французскаго посольства въ Константинополѣ и обѣщаетъ быструю и скорую расправу съ злодѣями.

Намъ кажется, что если бы мѣстныя власти, хорошо знакомыя съ мѣстными условіями, приняли, въ виду такого явленія, какъ прибытіе христіанки, перешедшей въ мусульманство (по желанію или нѣтъ—это, конечно, должно было быть разслѣдовано при участіи иностранныхъ консуловъ)—надлежащія мѣры, если бы во время вызвали войска и не дали собраться фанатической толпѣ—то несчастіе бы не случилось бы.

Болгарскій комитетъ въ Бухарестѣ дѣятельно ведетъ свое дѣло. Успѣетъ ли дипломатія создать плотину, способную удержать напоръ этого моря пламени, все болѣе и болѣе разливающагося по полуострову, прочна ли будетъ эта плотина, долго ли она будетъ выдерживать напоръ этотъ и какія она, въ свою очередь, будетъ имѣть, въ другихъ отношеніяхъ, послѣдствія—все это еще вопросы проблематическіе, трудно разрѣшимые, или лучше сказать, едва ли разрѣшимые теперь, когда каждый день можетъ создать цѣлую эпоху.. Между Турціей и окаймляющими ее княжествами дѣло дошло уже до того положенія, когда, по удачному, извѣстному выраженію: «ружья сами стрѣляютъ». Князю Николаю чрезвычайно трудно сдерживать порывы его подданныхъ, но это ему, въ виду болѣе тѣсной связи, существующей обыкновенно между черногорскимъ народомъ и государемъ—все таки отчасти легче, чѣмъ князю Милану, который, повидимому, болѣе и болѣе теряетъ расположеніе сербскаго народа. Недавно, по поводу демонстраціи въ честь дѣвицы Меркусъ, толпа встрѣтила князя, вышедшаго на балконъ, характеристическимъ молчаніемъ. Новое румынское министерство заявило о своемъ намѣреніи сохранять «строгій нейтралитетъ», но едва ли это заявленіе можетъ быть вполнѣ искренно, какъ справедливо замѣчаетъ одна нѣмецкая газета. «У новаго кабинета, говоритъ она, много работы по внутреннимъ дѣламъ, ему еще надо упрочить свое положеніе въ странѣ, и если бы оно стояло уже твердо—то, вѣроятно, приняло бы иное положеніе въ отношеніи Турціи, сообразно событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ». По послѣднимъ извѣстіямъ, палата выразила довѣріе министерству Флореско. На дипломатіи лежитъ обязанность не только отвратить бѣдствія войны, но и не положить, при настоящихъ обстоятельствахъ, зародыши усложненій въ будущемъ.

Переговоры между обѣими главными частями Австро-Венгерской имперіи относительно соглашенія по таможенному и финансовому вопросамъ пришли къ желаемому окончанію; но тѣмъ не менѣе въ Венгріи обошлось не безъ волненій. Вечеромъ, 28-го апрѣля, въ Пештѣ происходилъ факельцугъ, демонстрація въ пользу самостоятельнаго таможеннаго тарифа и національнаго банка, а также въ честь тѣхъ депутатовъ, которые высказались противъ проектовъ соглашенія, выработанныхъ до того Вѣнѣ. Въ 9 часовъ толпа, состоявшая преимущественно изъ молодежи и студентовъ, съ криками «эліенъ», направилась къ зданію, въ которомъ помѣщается либеральный клубъ. Здѣсь было произнесено нѣсколько рѣчей. Одинъ изъ ораторовъ требовалъ отдѣльной таможенной системы и учрежденія національнаго банка, напоминая при этомъ депутатамъ ихъ обязанности исполнять волю народа. Въ томъ же духѣ говорилъ и другой ораторъ, Юсій Верховай, заявившій, что Тисса или долженъ дѣйствовать сообразно этимъ требованіямъ, или же немедленно возвратиться въ Пештъ. Народъ шумными одобреніями привѣтствовалъ говорившихъ; но либеральные депутаты, собравшіеся тутъ въ значительномъ числѣ, не обращались къ толпѣ, дѣлая видъ, что не считаютъ демонстрацію предпринятою въ честь ихъ партіи. Руководители манифестаціи же отправили делегатовъ въ эти клубы и толпа, посѣтивъ, затѣмъ, клубы правой стороны и крайней лѣвой, разошлась спокойно по домамъ. Это происходило до воспослѣдованія соглашенія, интересно знать, какъ венгерцы примутъ то, къ чему пришли уже въ Вѣнѣ.

Въ Германіи большого шума надѣлало удаленіе отъ дѣлъ президента имперской канцеляріи Дельбрюка. Общественное мнѣніе, до сихъ поръ еще, не привело въ ясность истинныхъ причинъ этого событія. Одни газеты утверждаютъ, что президентъ былъ противникомъ уступки имперіи желѣзныхъ дорогъ, что въ качествѣ сторонника свободной торговли, онъ не пожелалъ содѣйствовать обнаруживающемуся, въ послѣднее время, направленію въ пользу покровительственной системы, другіе же указываютъ на причину, имѣющую нѣсколько частный личный характеръ, утверждая, что Дельбрюкъ выходитъ потому, что власть, предоставленная ему до настоящаго времени, подверглась чувствительному уменьшенію въ объемѣ. Дѣло въ томъ, что имперская канцелярія, независимо центральнаго отдѣленія, состояла изъ 4-хъ другихъ—а именно — отдѣленій: почтъ, телеграфовъ, дѣлъ Эльзасъ-Лотарингіи и юстиціи; теперь же, съ учрежденіемъ для Эльзасъ-Лотарингіи особаго министерства, которое ставится въ непосредственное подчиненіе имперскому канцлеру, а также, съ изъятіемъ изъ вѣдомства канцеляріи отдѣленій почтъ и юстиціи, она утратила и весьма много изъ своего прежняго значенія, которымъ, будто бы, Дельбрюкъ поступиться не хотѣлъ. Достойно замѣчанія, между прочимъ то обстоятельство, что князь Бисмаркъ, въ своихъ разъясненіяхъ палатѣ относительно удаленія Дельбрюка, ограничился болѣе общими мѣстами, увѣреніями въ всегда царствовавшемъ между ними обоими согласіи, а также отрицалъ, чтобы они расходились и по вопросу о желѣзныхъ дорогахъ, но ничего не сказалъ по поводу слуха о вліяніи на рѣшеніе Дельбрюка измѣненій въ имперской канцеляріи.

Между тѣмъ дѣло объ уступкѣ имперіи прусскихъ желѣзныхъ дорогъ, дружно поддерживаемое кабинетомъ, подвигается впередъ—министерское предложеніе выслушано уже въ 3-мъ чтеніи.

29-го апрѣля обнародована наконецъ прокламація, возвѣщающая о принятіи королевой Викторіей титула индійской императрицы. Титулъ этотъ, выражающійся въ латинскихъ словахъ—«Jmperatrix Indiae» и въ англійскихъ «Empress India» (индійской формулы не приведено въ прокламаціи), не будетъ употребляться въ хартіяхъ, жалованныхъ грамотахъ, патентахъ и другихъ актахъ, дѣйствіе которыхъ не распространяется за предѣлы соединеннаго королевства. Это, впрочемъ, заявлялось министерствомъ еще и прежде. Неизвѣстно, скоро ли уляжется, искренно, или только искусственно возбужденное противъ принятія титула общественное мнѣніе. Полагаемъ, что англичане скоро освоятся съ этою новостью, особенно въ виду глубокаго уваженія, которое они питаютъ къ своей королевѣ. Индійцевъ же много спрашивать не будутъ.

Петиціонное движеніе во Франціи въ пользу амнистіи возбудило нѣкоторое волненіе въ провинціи, нѣсколько напугало также общественное мнѣніе. Оффиціозные органы поспѣшили, однако, заявить, что рѣшенія министерства на этотъ счетъ остаются и останутся неизмѣнными. На дняхъ розданъ членамъ сената докладъ Пари, составленный имъ отъ имени парламентской коммиссіи амнистіи. Докладъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, высказывается противъ амнистіи, хотя и съ нѣкоторыми исключеніями. Такъ, раздѣливъ осужденныхъ коммуналистовъ на 2 разряда—на увлекшихъ и увлеченныхъ, и неумолимый въ

отношенін къ первымъ, онъ допускаетъ возможность участь послѣднихъ повергнуть на милосердіе президента республики, въ тѣхъ, впрочемъ, случаяхъ, когда окажется, что бывшая коммисія помилованія 1871 года была несправедлива къ нимъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Редакція покорнѣйше проситъ своихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 21 коп. почтовыми марками за типографскіе расходы.

РѢШЕНІЕ
шахматной задачи въ «Нивѣ» № 18.

Бѣлые.	Черные.
1) А 6 — D 6 ✕	1) Конь С 4 беретъ Ладья (самый лучшій ходъ.
2) Е 3 — Е 4 ✕	2) Конь D 6 беретъ Е 4.
3) Ладья А 4 — D 4 ✕	3) Е 5 беретъ Ладья.
4) Конь Е 2 — F 4 ✕✕	

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

Распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ 21-го апрѣля 1876 года.

— 15-го сего апрѣля открыта въ Могилевѣ городская дума.

— Наконецъ рѣшенъ вопросъ о времени введенія судебной реформы въ Кіевской губерніи. Съ 1-го января будущаго года предполагается открытіе въ Кіевѣ окружного суда. Институтъ присяжныхъ засѣдателей будетъ и тамъ; но для составленія списковъ ихъ полагается иной порядокъ, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ.

Для введенія судебной реформы въ Кіевской губерніи уполномоченъ С. С. Гончаровъ, будущій предсѣдатель кіевскаго окружного суда. Съ мая нынѣшняго года зданіе присутственныхъ мѣстъ будетъ приспособляться подъ помѣщеніе новыхъ судебныхъ учрежденій.

Дѣла церкви.

«Нов. Вр.» пишутъ изъ Астрахани, что тамъ, по иниціативѣ мѣстнаго епископа открыто «Братство во имя Пресвятыя Троицы». Цѣлію братства будетъ забота объ ослабленіи въ епархіи молоканства.

— Передавая о пребываніи игумена московскаго никольскаго единовѣрческаго монастыря отца Павла въ станицѣ Николаевской, «Дон. Газ.» говоритъ, что его бесѣды съ старообрядцами шли довольно хорошо: особенно рѣзкихъ выходокъ со стороны старообрядцевъ не было, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ; напримѣръ, въ станицѣ Нагаевской, одинъ фанатикъ кричалъ: «Братіе, во имя Бога Саваоѳа, читайте «Царю Небесный». да изженемъ этого антихриста отъ насъ». Газета надѣется, что посѣщеніе Николаевской станицы о. Павломъ не останется безслѣдно для донскихъ старообрядцевъ.

— Во вторникъ, 20-го апрѣля, по словамъ «Варш. Дневника», высокопреосвященный Леонтій, архіепископъ холмскій и варшавскій, отправляется для обозрѣнія вновь возсоединенныхъ съ православною церковью, бывшихъ греко-уніатскихъ приходовъ Сѣдлецкой и Люблинской губерній. Высокопреосвященный предполагаетъ посѣтить всего 98 приходовъ, причемъ въ нѣкоторыхъ будутъ совершены архіепископомъ литургіи.

Народное образованіе.

Сообщаютъ, что въ началѣ апрѣля послѣдовало разрѣшеніе на открытіе въ городѣ Маріуполѣ (Екатеринославской губерніи) женской гимназіи, и что въ томъ же городѣ уже открыта мужская гимназія.

— Въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривалось на-дняхъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ открытіи четырехклассныхъ прогимназій въ городахъ: Азовѣ—Екатеринославской, Бѣлевѣ—Тульской и Сорокахъ—Бессарабской губерніи.

— По слухамъ, начальныя сельскія училища, учрежденныя въ собственныхъ имѣніяхъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ отношеніи къ отбыванію воинской повинности, отнесены будутъ къ IV разряду учебныхъ заведеній.

Учебныя заведенія, подвѣдомственныя министру Императорскаго Двора, предполагается отнести по отбыванію воинской повинности, именно:

Практическія отдѣленія барнаульскаго окружнаго училища—ко II разряду учебныхъ заведеній.

Техническое училище Имп. фарф. завода, нерчинское окружное училище и барнаульское окружное училище, кромѣ практическихъ отдѣленій,—къ III разряду.

Школу вольноприходящихъ Имп. фарф. завода, начальныя школы при заводахъ и рудникахъ Алтайскаго горнаго округа и при петровскомъ заводѣ нерчинскаго округа, училище при колыванской шлифовальной фабрикѣ и при Имп. петергорской гранильной фабрикѣ и школу придворно-конюшенно-служительскихъ дѣтей — къ IV разряду учебныхъ заведеній.

Народное хозяйство.

Яранское уѣздное земское собраніе послѣдняго очереднаго созыва признало полезнымъ разведеніе въ томъ уѣздѣ табачныхъ плантацій, и для этой цѣли, въ видѣ опыта, опредѣлило выписать табачныя сѣмена, съ тѣмъ, чтобы раздать ихъ лицамъ, которыя изъявятъ желаніе заняться разведеніемъ табаку.

— Въ видахъ сохраненія влаги на Крымскомъ полуостровѣ, возбужденъ вопросъ о принятіи всѣхъ необходимыхъ мѣръ для сохраненія и улучшенія лѣсовъ по сѣверному скату Таврическихъ горъ, откуда текутъ, какъ извѣстно, все мѣстные рѣки и ручьи. Въ числѣ этихъ неотложныхъ мѣръ предполагается: запрещеніе пастбища скота въ лѣсахъ и постепенный переходъ частныхъ лѣсовъ въ казну. Относительно же степной части Крыма, то тамъ предполагаютъ сдѣлать обязательною посадку деревьевъ возлѣ каждаго селенія и возлѣ каждаго жилья, а также заняться разведеніемъ лѣсовъ вдоль по теченію балокъ, возлѣ запрудъ.

— Съ изданіемъ предписаній о запрещеніи провоза спирта, чрезъ таможни, которыя не находятся на желѣзно-дорожныхъ линіяхъ, земледѣліе Калишской губерніи получило жестокій ударъ, потому что, вслѣдствіе этого распоряженія, неминуемо должны упасть всѣ винокуренные заводы, отдаленные отъ желѣзной дороги.

— „Нов. Вр.“ сообщаетъ, что въ Ригѣ, съ разрѣшенія г. министра государственныхъ имуществъ, съ 3-го по 10-е августа настоящаго года, будетъ происходить третій всероссійскій съѣздъ сельско-хозяевъ, причемъ всѣ поступающіе на обсужденіе съѣзда доклады будутъ напечатаны и разосланы заблаговременно лицамъ, которыя изъявятъ желаніе участвовать на съѣздѣ. Заявленія о желаніи принять участіе въ съѣздѣ могутъ быть дѣлаемы лѣсному обществу до 15-го іюля 1876 г., а затѣмъ—до начала съѣзда распорядительной коммисіи въ гор. Ригѣ.

Новыя изобрѣтенія.

Одесскій механикъ-самоучка, крестьянинъ О. Тимченко изобрѣлъ электрическіе сигналы, указывающіе звономъ выходъ поѣзда со станціи и электрическій аппаратъ для паровозовъ, указывающій поврежденіе пути или недостающіе рельсы.

— Въ мастерскихъ русскаго общества пароходства и торговли изготовляется весьма несложный аппаратъ инженера Д. Л. для повѣрки положенія рельсъ желѣзной дороги.

Археологія.

Въ Кіевѣ, 18-го марта, на углу Десятинной улицы и Десятиннаго переулка, рабочіе, при копаніи земли для фундамента новаго дома, нашли кладъ, состоящій изъ разныхъ очень древнихъ предметовъ. Вещи помѣщались въ большой мѣдной кубышкѣ и глиняномъ горшкѣ; сверхъ того, найдено было четырнадцать продолговатыхъ, угловатыхъ плитокъ серебра, примѣрно, фунта въ $3^1/_2$ вѣсомъ. Къ сожалѣнію, большая часть найденныхъ вещей расхищены. Уцѣлѣвшія древности осмотрѣны были профессорами кіевскаго университета, гг. Антоновичемъ и Роговичемъ, признавшими за ними древность свыше восьмисотъ лѣтъ.

Некрологъ.

28 апрѣля скончался Кіевскій митрополитъ *Арсеній*.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Въ Сергачъ, г. Незымайлову** и въ **Родзивилишки, г. Сущевичу.** На вопросы ваши о положеніи газеты «Новости» и о ея расчетахъ съ своими подписчиками, мы отвѣтить ничего не можемъ, ибо точное положеніе дѣлъ газеты «Новости» извѣстно только ея издателямъ.

2) **Казань, С—ву.** Ваши стихи, безъ размѣра и риѳмы, не будутъ напечатаны.

3) **СПБ., П. Жиг—ту.** Вы рисуете очень неправдоподобныя картины природы. У васъ, напр.

..*Дрожала* луна, въ тучахъ черныхъ плыла
И чертила круги огневые!..

Сколько намъ извѣстно, блѣдная, медленно-плывущая луна не дрожитъ и не чертитъ огневыхъ круговъ.

4) **СПБ., Л. Ѳед—ву.** Стихи ваши напечатаны не будутъ.

5) **Мелитополь, С. С. р. ву.** Дай Богъ, чтобы ваши «первыя въ жизни *Литературныя* попытки» были и послѣдними. Вы говорите: «сперва здаюсь на вашъ Судъ и Критику, которая безъ сомнѣнія признаетъ меня глупымъ риѳмоплетомъ». Конечно, такимъ тономъ можно только отзываться о самомъ себѣ, и намъ остается только молчаніемъ признать справедливость вашего о себѣ отзыва.

6) **Ржевъ, А. Мы—и—ву.** Виршей, „нивкакихъ газетахъ, ни журналахъ, до сихъ поръ еще ненапѣчатаныхъ“, не напечатаемъ и мы, да полагаемъ, и никто не напечатаетъ такой безграмотности.

7) **Новгородъ, М. Ник—ну.** Ваши стихи напечатаны не будутъ.

8) **Москва, Л. Л—ху.** Хотя вы и не требуете „гонораріи“, но стиховъ, въ родѣ слѣдующихъ:

Сердце страшно замираетъ,—
Дѣлаю послѣдній згибъ;
Но весло вдругъ выпадаетъ,
И я думаю: «погибъ!»

никто не возьметъ и даромъ, также, какъ и беззубыхъ темъ для юмористическаго отдѣла.

9) **Глуховъ, А. А—но.**
10) **Самара, П. С—ву.** } Стиховъ не напечатаемъ.

11) **С. Горкино, К. Мал—вскому.** «Поощрять Васъ къ дальнѣйшему труду» въ стихотворствѣ мы не согласимся низачто, а посовѣтуемъ Вамъ отъ души заняться чѣмъ, гдѣ вы можете оказать истинныя услуги отечеству. Стихотворство же вамъ не по плечу.

СОДЕРЖАНІЕ: **Серна.** Antilope sive capella rupicapra (съ рисункомъ). — **Въ домѣ коммерціи совѣтника.** Повѣсть **Э. Марлитта** (продолженіе). — **Галлерея Виктора Эммануила въ Миланѣ** (съ рисункомъ). — **Молодая мавританка** (съ рисункомъ). — **Нашествіе варваровъ на Римъ** (съ рисункомъ) **А. А.** — Нашимъ подписчикамъ. — **Конскій барышникъ на Дону** (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе. — О перемѣнѣ адреса.—Рѣшеніе шахматной задачи въ „Нивѣ“ № 18.— Разныя извѣстія. — Почтовый ящикъ.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 2 Мая 1876 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб., Больш. Морская, д. № 9. Тип. Балашева, Англ. пр., № 10.

ЛИТЕРАТУРЫ,
№ 20 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 17 Мая 1876 г. (ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ). Цѣна этого № „Нивы" 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Николай Михайловичъ Пржевальскій.

Подполковникъ генеральнаго штаба Николай Михайловичъ Пржевальскій—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ путешественниковъ—родился 31 марта 1839 года. Происходя изъ дворянъ Смоленской губерніи, Н. М. получилъ первоначальное воспитаніе въ Смоленской губернской гимназіи, откуда въ 1855 году поступилъ на службу въ Рязанскій полкъ юнкеромъ. Первый офицерскій чинъ Н. М. получилъ въ 1856 г., а въ 1861 году поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба, гдѣ окончилъ курсъ по второму разряду въ маѣ 1863 года. Занимая за тѣмъ послѣдовательно должности полковаго адъютанта и старшаго адъютанта штаба 7-ой пѣхотной дивизіи, г. Пржевальскій преподавалъ географію въ Варшавскомъ юнкерскомъ училищѣ, составилъ курсъ географіи и вмѣстѣ съ тѣмъ изучалъ естественныя науки. Но служба въ штабахъ и учительская дѣятельность неудовлетворяли г. Пржевальскаго: «съ дѣтства взлелѣянная страсть къ путешествіямъ» заставила его, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ подготовки, хлопотать о переводѣ на службу въ Восточную Сибирь, и вотъ въ 1867 году Н. М. отправился въ Иркутскъ. Съ этого времени начинается его дѣятельность, какъ путешественника и изслѣдователя малоизвѣстныхъ странъ. Черезъ мѣсяцъ по прибытіи въ Иркутскъ, онъ получилъ командировку въ Уссурійскій край для производства различныхъ статистическихъ работъ. Этимъ порученіемъ г. Пржевальскій воспользовался для всесторонняго изученія природы и населенія края, изложивъ результаты изученія въ прекрасномъ сочиненіи, изданномъ въ 1870 году подъ заглавіемъ: «Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ въ 1867 и 1869 годахъ».

Николай Михайловичъ Пржевальскій. Рис. и грав. Нейманъ.

Доѣхавъ до селенія Хабаровки, лежащаго при впаденіи Уссури въ р. Амуръ, ученый путешественникъ отправился на лодкѣ вверхъ по Уссури, безпрестанно выходя на берегъ для охоты, собиранія растеній и изслѣдованія общаго характера мѣстности. Рѣка Уссури составляетъ главную жилу водъ пріобрѣтеннаго нами отъ Китая въ 1860

году Уссурійскаго края, который входитъ въ составъ нашей Приморской Области и лежитъ, вмѣстѣ съ бассейномъ озера Ханка, или такъ называемымъ Зауссурійскимъ краемъ, въ полосѣ отъ 42° до 48° сѣверной широты, т. е. въ мѣстности, находящейся почти на одной параллели съ Испаніей, Италіей и Южной Россіей. Горный хребетъ Сихотъ-Аллинь, опредѣляющій топографическій характеръ края, начинается въ Манчжуріи и тянется по берегу Японскаго моря, достигая средней высоты надъ уровнемъ моря отъ 3000 до 4000 футовъ. Орошеніе обильное. Удивительная природа представилась глазамъ путешественника; отличительное свойство ея: разнообразіе формъ и крайнее однообразіе въ распредѣленіи. Виды растеній, попадающихся при устьѣ Уссури, можно встрѣтить и у залива Посьетъ; но за то во всемъ краѣ господствуетъ смѣшеніе формъ, свойственныхъ далекому сѣверу, съ южными формами. «Здѣсь», говоритъ г. Пржевальскій, «растительная жизнь является во всей силѣ, и часто на небольшомъ пространствѣ тѣснятся самыя разнообразныя породы деревьевъ и кустарниковъ, переплетенныхъ вьющимися растеніями, (какъ напримѣръ виноградъ, встрѣчающійся во всемъ краѣ)». «Невозможно забыть впечатлѣнія, производимаго, въ особенности въ первый разъ, подобнымъ лѣсомъ. Правда, онъ также дикъ и недоступенъ, какъ и всѣ прочія сибирскія тайги, но въ тѣхъ однообразіе растительности, тонкая тундристая почва, устланная мхами и лишаями, навѣваютъ на душу какое то уныніе; здѣсь наоборотъ: на каждомъ шагу встрѣчаешь роскошь и разнообразіе, такъ что не знаешь, на чемъ остановить свое вниманіе. То высится передъ вами громадный ильмъ, съ своею широкою вѣтвистою вершиною, то стройный кедръ, то дубъ и липа съ пустыми дуплистыми стволами, болѣе сажени въ обхватѣ, то орѣхъ и пробка съ красивыми перистыми листьями, то пальмовидный диморфантъ, довольно впрочемъ рѣдкій». Животная жизнь представляетъ не менѣе разнообразія: на ряду съ соболемъ и медвѣдемъ можно встрѣтить тигра, неуступающаго по величинѣ и силѣ своему Бенгальскому собрату. Рыбы самыхъ разнообразныхъ породъ очень много какъ въ Уссури, такъ и въ ея притокахъ. Но среди этой роскоши природы, въ мѣстности, гдѣ, по словамъ Пржевальскаго, стоитъ только пойти съ ружьемъ, чтобы убить козу или изюбря, и закинуть сѣть, чтобы поймать множество рыбы, — среди всего этого богатства, поселенные по р. Уссури казаки живутъ въ крайней бѣдности. Чтобы сколько нибудь спасти населенье отъ голодной смерти, казна должна кормить большую часть населенія почти половину года. Рыбною и мясною пищею пользуются только немногіе счастливцы; большинство же питается кирпичнымъ чаемъ и ржаной мукой, разболтанной въ теплой водѣ (бурдюкъ). «Результатомъ такой ужасающей нищеты являются различныя болѣзни, гнусный развратъ и апатія ко всякому честному труду». Достигнувъ устья Сунгачи, составляющей истокъ озера Ханки и вливающейся въ Уссури, г. Пржевальскій отправился на пароходѣ вверхъ по чрезвычайно извилистой рѣкѣ Сунгачъ въ озеро Ханка, на западной сторонѣ котораго поселены русскіе крестьяне, перешедшіе сюда съ Амура, откуда они были выжиты постоянными наводненіями. Положеніе этихъ поселенцевъ не имѣетъ ничего общаго съ бѣдствіями казаковъ. Благодаря своему трудолюбію, богатству почвы и громадному количеству земли, переселенцы достигли сравнительнаго благосостоянія, которое болѣе и болѣе увеличивается. Углубившись во внутрь страны, Пржевальскій изслѣдовалъ поселенія и образъ жизни различныхъ инородцевъ, каковы: китайцы (или манзы), гольды, ороги и др. Онъ посѣтилъ китайскія жилища, или фанзы, познакомился съ образомъ жизни и занятіями инородцевъ. Главный промыселъ большей части изъ нихъ—охота за соболями. Китайцы занимаются земледѣліемъ, которое доведено у нихъ до высокой степени совершенства и въ которомъ немаловажную роль играетъ разведеніе корня Жинь-Шенъ, весьма дорого цѣнимаго въ Китаѣ. Торговля соболями почти вся находится въ рукахъ китайцевъ, которые, покупая ихъ по дешевымъ цѣнамъ у инородцевъ, перепродаютъ русскимъ купцамъ, пріѣзжающимъ для этого въ Хабаровку. Собственно мѣстная торговля находится въ рукахъ нѣсколькихъ мелкихъ проходимцевъ, обирающихъ и безъ того бѣдное населеніе. Главный предметъ торговли—водка: остальные товары, самаго плохого качества, привозятся изъ Николаевска, Иркутска или же иногда изъ Москвы и продаются въ Уссурійскомъ краѣ по баснословно-высокимъ цѣнамъ. На ряду съ этими наблюденіями, прерывавшимися лѣтомъ 1868 г. необходимостью принять участіе въ войнѣ съ китайскими разбойниками, г. Пржевальскій усердно занимался составленіемъ зоологическихъ и ботаническихъ коллекцій. Въ особенности его интересовали орнитологическія изысканія, сдѣланныя преимущественно въ бассейнѣ озера Ханка. Имъ препарировано болѣе 300 птицъ и 10 чучелъ млекопитающихся, собрано 300 различныхъ видовъ растеній и 80 сѣмянъ. Ихтіологическія наблюденія также не были забыты: Пржевальскій въ своей книгѣ перечисляетъ множество родовъ рыбы, найденныхъ имъ въ бассейнахъ р. Уссури и озера Ханка. По окончаніи командировки въ Уссурійскій край, Н. М. былъ назначенъ въ 1869 году Адъютантомъ при Управленіи Приморской области, а въ 1870 году причисленъ къ Главному Штабу.

Второе ученое путешествіе было предпринято г. Пржевальскимъ въ 1871 г. въ Монголію и страну Тангутовъ—по иниціативѣ Географическаго общества и благодаря просвѣщенному содѣйствію Военнаго Министерства. Изслѣдованія этихъ странъ представляются особенно цѣнными, какъ по совершенной почти ихъ неизвѣстности, такъ и по тѣмъ трудностямъ, которыя пришлось преодолѣть ученому путешественнику. «Три года сряду, говоритъ г. Пржевальскій, выносили мы борьбу со всѣми трудностями странствованія въ дикихъ странахъ Азіи и только, благодаря необыкновенному счастію, могли достигнуть своей цѣли: пробраться на озеро Куку-Норъ и даже въ сѣверный Тибетъ, на верховья Голубой рѣки». Въ теченіи трехъ лѣтъ (1871, 1872 и 1873 г.) путешественникъ прошелъ 11.100 верстъ; изъ нихъ 5.300 верстъ сняты глазомѣрно буссолью. Въ 9 пунктахъ сдѣланы наблюденія магнитнаго склоненія, а въ 7-ми—горизонтальнаго напряженія земного магнетизма. «Ежедневно 4 раза производились метеорологическія наблюденія, часто наблюдалась температура почвы и воды, а психрометромъ, по временамъ, измѣрялась сухость воздуха; анероидомъ и точкою кипѣнія воды опредѣлялись абсолютныя высоты мѣстностей». Въ тоже время путешественниками собраны и привезены слѣдующія коллекціи: 238 видовъ птицъ, въ числѣ около 1000 экземпляровъ; 130 шкуръ млекопитающихся, принадлежащихъ къ 42 видамъ; десять видовъ пресмыкающихся, въ числѣ 70 экземпляровъ; 11 видовъ рыбъ, болѣе 3000 экземпляровъ насѣкомыхъ; отъ 500 до 600 видовъ растеній въ числѣ около 4000 экземпляровъ. (Зоологическая коллекція поступила въ музей Академіи Наукъ, а ботаническая въ императорскій ботаническій садъ). Результаты изслѣдованій, произведенныхъ г. Пржевальскимъ во время путешествія, изложены въ сочиненіи, озаглавленномъ: «Монголія и страна Тангутовъ». Первый томъ этого сочиненія, вышедшій въ 1875 году, содержитъ въ себѣ географическія и этнографическія свѣдѣнія о посѣщенныхъ Н. М. мѣстахъ; остальные 2 тома, еще не вышедшіе, будутъ заключать въ себѣ изслѣдованія о климатѣ а также, зоологическія и ботаническія описанія. Постараемся въ нѣсколькихъ строкахъ дать, если не понятіе, то по крайней мѣрѣ хоть нѣкоторый намекъ на предметъ, составляющій содержаніе 1-го тома прекраснаго сочиненія г. Пржевальскаго. Въ первой главѣ авторъ описываетъ путь отъ Кяхты, черезъ г. Ургу, монгольскую степь Гобь, и чрезъ великую стѣну въ китайскій г. Калганъ, а оттуда въ Пекинъ, изъ котораго собственно должна была отправиться экспедиція въ предположенный путь къ озеру Куку-Норъ. Мѣстность между Кяхтою и Ургою, весьма похожая по виду на лучшія части нашего Забайкалья, смѣняется пустынною и почти безплодною степью Гобь, тянущеюся на сотни верстъ однообразною волнистою поверхностью и смѣняющеюся въ свою очередь горнымъ хребтомъ и плодородными, густо-населенными равнинами собственно Китая. Монгольскія степи заселены 2-хъ-милліоннымъ кочующимъ народомъ—монголами Ламайской вѣры. Нравы, характеръ и образъ жизни этихъ кочевниковъ описаны г. Пржевальскимъ чрезвычайно подробно и съ большимъ мастерствомъ. Передъ вами ярко обрисовывается фигура грязнаго, обжорливаго номада, погруженнаго въ крайнее суевѣріе, болтливаго и лицемѣрнаго, хитраго и въ тоже время постоянно поддающагося обманамъ китайца, труса и неутомимаго наѣздника, не имѣющаго понятія о нравственности и нѣжно любящаго своихъ дѣтей. Скотоводство составляетъ главное занятіе номада; на стадѣ сосредоточены его главные интересы. «Здоровъ ли твой скотъ?» вотъ первый вопросъ, который задаетъ монгольскій кочевникъ, послѣ обычнаго «здравствуй» *)! Монголы имѣютъ нѣкоторыя другія занятія: они занимаются охотой и въ послѣднее время перевозкою изъ Калгана черезъ Ургу и въ Кяхту грузовъ съ чаями, но всѣ эти занятія второстепенныя, не могущія идти въ сравненіе съ главнымъ источникомъ богатства—скотоводствомъ. Путешествіе къ кумирнямъ доставляетъ развлеченіе въ однообразной степной жизни номадовъ. Они, будучи крайне суевѣрны, вмѣстѣ съ тѣмъ религіозны и очень почитаютъ своихъ святыхъ, главою коихъ почитается живущій въ Лассѣ Далай-Лама. Послѣдній можетъ имѣть огромное вліяніе на кочующее населеніе, и потому Китайцы употребляютъ всѣ старанія, чтобы выборъ новаго Далай-Ламы (назначаемаго обыкновенно предшественникомъ) не упалъ на энергическаго человѣка, способнаго произвести возстаніе между монголами. Управленіе лежитъ на монгольскихъ князьяхъ, дѣйствующихъ на основаніи писаннаго уложенія и подчиненныхъ надзору китайскихъ губернаторовъ. Подати взимаются князьями со скота. Китай не получаетъ съ монголовъ никакихъ податей, кромѣ отбыванія натуральной военной повинности. Взяточничество и чиновническій произволъ въ монголіи, какъ и во всѣхъ прочихъ частяхъ Китайской имперіи, распространены въ высшей степени. Изъ Пекина Пржевальскій отправился на сѣверъ къ оз. Далай-Норъ, съ цѣлью наблюденія надъ весеннимъ пролетомъ птицъ. Путешествіе по китайскимъ владѣніямъ представляетъ чрезвычайныя затрудненія для европейца, вслѣдствіе взяточничества чиновниковъ и вообще ненависти къ заморскимъ чертямъ (такъ называютъ тамъ европейцевъ); собственно же для г.

*) Отъ стада они получаютъ свою любимѣйшую пищу. «Вкусно, какъ баранина» есть высшая похвала на языкѣ монголовъ.

Пржевальскаго трудности увеличивались недостаткомъ денежныхъ средствъ: путешественникамъ не одинъ разъ приходилась голодать въ пути вслѣдствіе невозможности купить барана, а невозможность взять съ собой болѣе 2-хъ казаковъ заставила самаго начальника экспедиціи, вмѣстѣ съ его топарищемъ г. Пальцовымъ, вьючить верблюдовъ, пасти ихъ, собирать на топливо орсакъ (помстъ) и поочередно караулить каравалъ по ночамъ. Съ озера Далай-Норъ г. Пржевальскій направился по нагорной Монголіи, через китайскій городъ Бауту, въ страну Ордосъ, представляющую степную равнину, прорѣзанную по окраинамъ невысокими горами. Отсюда путешественники прошли въ страну Ала-Шань, составлявшую крайній предѣлъ, до котораго ему удалось достигнуть въ первый годъ путешествія. Недостатокъ денегъ и необходимость перемѣнить сопровождавшихъ его казаковъ и запастись оружіемъ, заставили г. Пржевальскаго возвратиться въ Калганъ.

Вторая экспедиція была предпринята Н. М. въ февралѣ 1872 года. Достигнувъ по прежнему пути до Ала-Шаня, ученый путешественникъ присоединился къ каравану Тангудовъ и съ нимъ отправился къ озеру Куку-Норъ, составлявшему главную цѣль путешествія. Пройдя песчаную пустыню Тангери, въ которой ощущался крайній недостатокъ въ водѣ, наши путешественники вступили въ плодородную и живописную провинцію Гань-Су, прорѣзанную горами того же имени, подымающимися на высоту отъ 7 до 13 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Флора и фауна этой провинціи чрезвычайно роскошны. Изъ животныхъ особенно замѣчателенъ—якъ, особая порода тангутскихъ коровъ, а изъ растеній—ревень, вывозимый отсюда через Пекинъ и Тянь-Дзинъ въ Европу. Наконецъ, 12-го октября 1872 г., были достигнуты берега озера Куку-Норъ. Тангуты, составляющіе кочевое населеніе провинціи Гань-Су и страны Куку-Норъ—напоминаютъ по наружности нашихъ цыганъ; главное ихъ занятіе—скотоводство; земледѣліемъ же занимаются только немногіе изъ Тангутовъ, живущихъ вмѣстѣ съ китайцами. По нечистоплотности и образу жизни тангуты сходны съ монголами, хотя не имѣютъ простодушія, свойственнаго симъ послѣднимъ. Въ ноябрѣ 1872 года наши путешественники перешли въ Тибетъ; но по недостатку средствъ не могли добраться до Лассы и, пройдя по горнымъ пустынямъ сѣвернаго Тибета, они возвратились весною 1873 года на озеро Куку-Норъ, гдѣ были произведены наблюденія надъ весеннимъ пролетомъ птицъ, который впрочемъ здѣсь оказался не столь разнообразнымъ, какъ на озерѣ Далай-Норъ. Отсюда, черезъ степь Гоби, экспедиція Пржевальскаго возвратилась въ г. Ургу и 19-го сентября 1873 года, послѣ почти трехлѣтняго странствованія, прибыла въ Кяхту. Во все продолженіе пути охота, составляя одинъ изъ главныхъ источниковъ существованія, дозволяла нашимъ путешественникамъ знакомиться съ разными видами животныхъ Монголіи и Тибета. Описаніе охоты занимаетъ много любопытныхъ страницъ въ сочиненіи Пржевальскаго; въ особенности интересны разсказы объ охотѣ на дзеренъ (особый видъ антилопъ), аргалей и яковъ, сильныхъ рогатыхъ животныхъ Монголіи и Сѣвернаго Тибета. Путешествіе г. Пржевальскаго, по отзывамъ компетентныхъ людей, составляетъ географическій подвигъ. Исполнивъ его, онъ сталъ на ряду съ другими нашими учеными путешественниками: Сѣверцевымъ, Миклухою-Маклаемъ и Федченко. Труды Н. М. по достоинству оцѣнены Государемъ Императоромъ, всемилостивѣйше назначившимъ ему пожизненную пенсію въ 600 рублей въ годъ. Различныя ученыя общества отнеслись сочувственно къ дѣлу Пржевальскаго. Въ настоящее время Н. М. занятъ приготовленіемъ къ новому путешествію къ озеру Лобъ-Норъ. Судя по тѣмъ, сравнительно большимъ средствамъ, которыя предоставлены нынѣ въ распоряженіе Н. М. и по громадной его опытности, надо ожидать, что результаты новой экспедиціи будутъ еще плодотворнѣе тѣхъ, которые достигнуты ученымъ путешественникомъ при самыхъ ничтожныхъ средствахъ.

Д. Б.

Буйволъ.

(Bubalus).

Буйволъ (Bubalus) принадлежитъ также, какъ и обыкновенный быкъ (Bos), къ семейству копытныхъ (Ungulata). Буйволы отличаются выпуклымъ и низкимъ лбомъ, крѣпкимъ, сильнымъ и тяжелымъ туловищемъ; рога утверждены въ задней части черепа и также необыкновенно крѣпки и сильны при весьма большой толщинѣ; они отдаются и закругляются назадъ и обыкновенно бываютъ покрыты неправильными кольцами и бугристыми наростами. Толщина роговъ у корня равняется четвертой части всей головы. Ноги буйвола толстыя, большія и крѣпкія, какъ желѣзо. Глаза расположены въ глубокихъ впадинахъ, уши висятъ внизъ на цѣлый футъ. Тѣло буйвола голубовато-черное, а цвѣтъ шерсти густой черный. Голова косматая и густая, раздвоенная борода изъ весьма жесткихъ волосъ. Взглядъ свирѣпый и дикій. Каффрскій буйволъ (Bubalus caffer) занимаетъ первенствующее мѣсто между всѣми породами буйволовъ и притомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ страшны и свирѣпы буйволы, доказывается тѣмъ, что каффры и другіе африканцы боятся ихъ болѣе льва и слона. Центральная и южная Африка почитаются настоящею родиною буйволовъ. Особенно много ихъ въ первобытныхъ лѣсахъ, гдѣ они совершенно удалены отъ человѣка. Какъ силенъ и свирѣпъ буйволъ, лучшимъ доказательствомъ служитъ, то что смѣлый и кровожадный левъ никогда не рѣшается напасть на него въ одиночку, а всегда цѣлою стаею. Не говоря уже о самцахъ, даже самки буйволовъ, такъ сильно пыряютъ львовъ своими рогами, что нерѣдко убиваютъ ихъ, или по крайней мѣрѣ отнимаютъ всякую охоту къ такимъ неудачнымъ нападеніямъ. Освелю и Бардону случилось видѣть одну замѣчательную схватку, въ которой три льва довольно долго и напрасно силились повалить буйвола, не смотря на то, что онъ былъ уже смертельно раненъ тяжелою пулей. Именно, на берегахъ Лимпопо, они ѣхали вслѣдъ за подстрѣленнымъ ими буйволомъ, какъ вдругъ, откуда не возмись, на него бросились разомъ три льва. Буйволъ встрѣтилъ ихъ смѣлымъ рычаньемъ и долгое время оборонялся отъ нихъ на бѣгу, но, наконецъ, пришлось сдаться: онъ упалъ, а львы съ жадностью припали къ совершенно ослабѣвшему животному. Между тѣмъ охотники подкрались и выстрѣлили. Одинъ левъ повалился мертвымъ на буйвола, другой убѣжалъ, а третій спокойно приподнялъ голову и опять принялся рвать свою добычу, но новые выстрѣлы свалили и этого смѣльчака.

Не трудно понять, какъ опасно встрѣтиться съ гигантскимъ африканскимъ буйволомъ. Такъ какъ буйволу приходится вести часто ожесточенныя войны съ другими свирѣпыми обитателями лѣсовъ и часто приходится пробираться чрезъ густую чащу колючихъ акацій, то длинныя уши его бываютъ постоянно изорваны и покрыты многочисленными рубцами и ранами. Буйволы необитаемыхъ странъ и лѣсовъ или, по крайней мѣрѣ, такихъ, куда еще не проникло огнестрѣльное оружіе и гдѣ нѣтъ смѣлыхъ охотниковъ, вовсе не злы, и тамъ можно встрѣтить ихъ беззаботно пасущимися цѣлыми стадами въ открытыхъ мѣстностяхъ, вмѣстѣ съ антилопами и зебрами. Въ другихъ мѣстахъ они даже боязливы, живутъ въ густой чащѣ лѣсовъ, но, будучи преслѣдуемы, оказываются весьма хитрыми и злыми животными. Спасаясь отъ охотника, буйволъ обращается въ бѣгство или прячется такъ искусно, что его нельзя видѣть, хотя бы онъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ сбоку въ кустарникѣ. Иногда, впрочемъ, получивъ рану, онъ самъ нападаетъ на непріятеля или прямо, или изъ засады, употребляя слѣдующую военную хитрость: онъ возвращается назадъ и прячется въ сторонѣ, въ густомъ кустарникѣ или травѣ, чтобы потомъ напасть на своего противника съ фланга. Поэтому охота на буйвола, особенно безъ собакъ, весьма опасна, какъ это испыталъ на себѣ Куммингъ, гоняясь однажды за большимъ буйволомъ, въ сопровожденіи лишь одного спутника. Животное засѣло до самой шеи въ тину, а голову спрятало въ траву. Устремивъ все свое вниманіе на слѣдъ, Куммингъ самъ не подозрѣвалъ того, что подъѣхалъ къ нему очень близко, какъ вдругъ звѣрь, съ яростнымъ ревомъ, выскочилъ изъ своей засады, бросился на его спутника и повалилъ его вмѣстѣ съ лошадью. Этому проводнику удалось, однакоже, вскочить на ноги и онъ бросился бѣжать, но звѣрь не покидалъ его, лишь къ счастію поскользнулся и совсѣхъ ногъ свалился въ тину, а покуда онъ вылѣзалъ оттуда съ страшнымъ ревомъ, Куммингъ успѣлъ уже послать ему надежную пулю. У лошади мясо оказалось прорваннымъ до самыхъ костей.

Во время путешествія по берегамъ Замбези, Ливингстону пришлось также встрѣтиться съ буйволомъ. Сопровождаемый дикарями, онъ ѣхалъ по густой чащѣ кустарника и деревьевъ, и ничего не опасаясь, вдругъ приблизился къ нѣсколькимъ буйволамъ, которые вѣроятно вообразивъ себя въ опасности, яростно бросились на пѣшеходовъ. Услышавъ крикъ, докторъ обернулся и увидѣлъ одного изъ своихъ спутниковъ взлетѣвшимъ футовъ на семь въ воздухѣ надъ забрызганнымъ кровью животнымъ, которое мчалось со всѣхъ ногъ. Вслѣдъ за тѣмъ дикарь упалъ на лицо и, не смотря на то, что буйволъ пронесъ его на рогахъ по крайней мѣрѣ шаговъ двадцать, прежде чѣмъ вскинулъ на воздухъ, онъ, кромѣ небольшихъ царапинъ рогами, не получилъ ни одной серьезной раны, ни одного перелома и уже чрезъ недѣлю послѣ того былъ опять на охотѣ.

Въ другой разъ охотники подстрѣлили огромнаго и сильнаго буйвола изъ стада, къ которому подкрались незамѣтно. Одинъ буйволъ упалъ, другіе же обернулись съ удивленіемъ, желая знать, откуда явилась опасность, потому что мирная мѣстность эта представляла настоящій рай для буйволовъ, огромныя стада которыхъ паслись вездѣ даже днемъ, а это доказывало, что они еще не были знакомы съ самымъ хищнымъ животнымъ на землѣ—человѣкомъ и его оружіемъ. Когда показались охотники, животныя разыграли преоригинальную сцену, поднявъ на рога своего раненаго товарища и пробѣжавъ такимъ образомъ до-

вольно далеко, впрочемъ не для того, чтобы спасти, а скорѣе чтобы доканать его, такъ какъ буйволы, подобно многимъ другимъ животнымъ, имѣютъ обыкновеніе убивать или прогонять раненыхъ изъ стада, а теперь они, повидимому, готовы были добить его своими рогами, но увидя людей, обратились въ бѣгство.

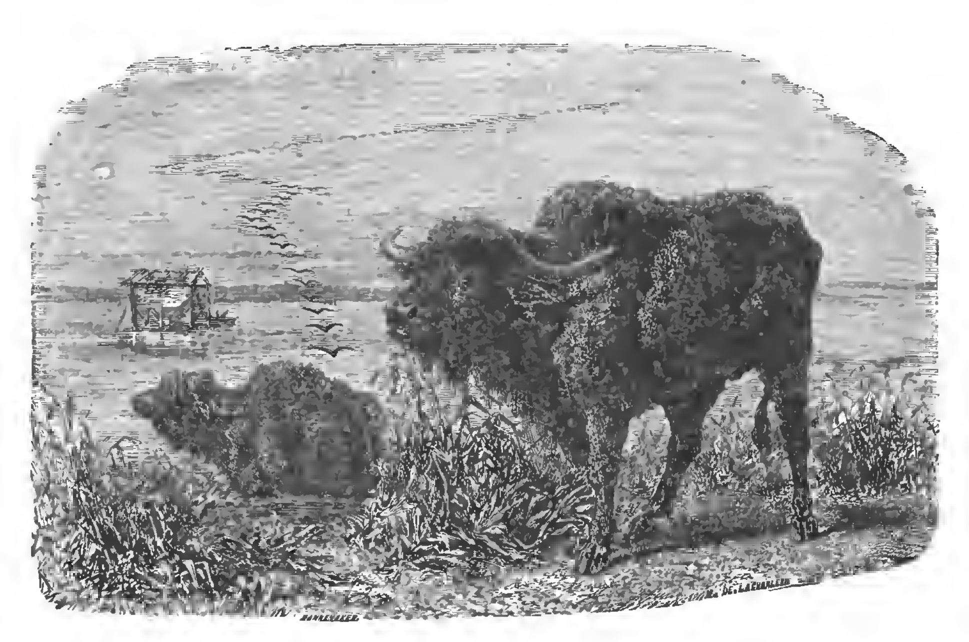
Андерсонъ встрѣтилъ нѣсколько буйволовъ на лѣсистыхъ берегахъ Тіоге, и туземцы такъ боятся ихъ тамъ, что достаточно было одного слова «буйволы», чтобы всѣ бросились бѣжать, какъ безумные. Одинъ разъ онъ наткнулся на стадо, состоявшее, по крайней мѣрѣ, изъ двухсотъ штукъ. Какъ ураганъ пронеслось оно мимо него, опрокидывая все на пути и поднимая такую пыль, что его почти было не видно за нею. Охотникъ выстрѣлилъ на удачу и повалилъ одну самку. Тогда все стадо вдругъ остановилось и выстроилось передъ нимъ во фронтъ, обмѣривая его съ головы до ногъ своими угрожающими взглядами. Андерсонъ спрятался за дерево, находившееся въ 150 шагахъ отъ этой страшной фаланги, оперся ружьемъ на крѣпкую вѣтвь и, прицѣлившись въ вожака, выстрѣлилъ въ него. Хотя можно было ясно слышать, какъ пуля впилась въ животное, но оно оставалось неподвижнымъ, какъ скала. Между тѣмъ одинъ изъ туземцевъ собрался съ духомъ, какъ можно осторожнѣе подкрался къ охотнику и подалъ ему другое, заряженное ружье. Андерсонъ выстрѣлилъ въ другого буйвола и опять, какъ казалось, безъ всякаго успѣха. Наконецъ онъ послалъ въ стадо по крайней мѣрѣ, еще шесть пуль, и ни одно изъ раненыхъ животныхъ не отступило ни на дюймъ отъ стада. Всѣ они какъ будто приросли къ мѣсту и не спускали съ него своихъ зловѣщихъ глазъ. Хотя Андерсонъ и имѣлъ возможность, въ случаѣ ожидаемаго нападенія, взлѣзть на сосѣднее дерево, но подобная тактика столь отважному и знаменитому охотнику была не по душѣ. Вдругъ все стадо, сверхъ ожиданія, повернуло въ другую сторону и съ страшнымъ, потрясающимъ ревомъ, съ поднятыми хвостами и опущенной головой, какъ бѣшеное, ринулось въ бѣгство.

У буйволовъ, какъ и у носороговъ, всегда есть свой крылатый спутникъ и тѣлохранитель, отыскивающій въ немъ насѣкомыхъ и вспархивающій при всякой опасности, которую онъ, благодаря своему острому зрѣнію, замѣчаетъ скорѣе чѣмъ буйволъ. Эта птица принадлежитъ къ породѣ, сродной съ бдительной *буфаго*, охраняющей въ подобныхъ опасностяхъ носорога. При каждомъ стадѣ буйволовъ паритъ непремѣнно цѣлая воздушная стая этихъ пернатыхъ, сопровождающая грозныхъ животныхъ, даже во время ихъ бѣгства. Буйволы очень любятъ эту птицу за то, что она, садясь на нихъ цѣлыми десятками, непрестанно клюетъ на тѣлѣ многочисленныхъ жалящихъ насѣкомыхъ, терзающихъ это громадное, но въ тоже время вполнѣ беззащитное противу ничтожнаго насѣкомаго животное и тѣмъ облегчаетъ страданія буйвола. Въ благодарность птичкѣ за такую великую услугу буйволы дозволяютъ ей безнаказанно щипать носикомъ мягкую шерсть изъ хребта, которая нужна птицамъ для устиланія своихъ гнѣздъ.

Послѣ каффрскаго и вообще африканскаго буйвола, видное мѣсто занимаетъ буйволъ индійскій, который ведетъ такіе же ожесточенныя войны съ тиграми, какъ первый со львами и также почти всегда остается побѣдителемъ. Европейскіе буйволы, которыхъ мы встрѣчаемъ въ Венгріи и Италіи, по общему мнѣнію натуралистовъ, имѣютъ своего прапращура не въ африканскомъ, а именно въ индійскомъ буйволѣ.

Буйволы японскіе также очень сильны и свирѣпы и часто употребляются тамъ на аренахъ для битвъ съ тиграми. Однажды микадо сидѣлъ на своемъ тронѣ, окруженный 30 придворными дамами, 3 женами, своими министрами и приглашенными на зрѣлище европейцами. Предъ ними стояла огромная желѣзная клѣтка и въ ней запертъ былъ буйволъ. Возлѣ буйвола находился также въ клѣткѣ тигръ, который выступилъ на арену для битвы съ буйволомъ съ страшнымъ ревомъ, что видимо обнаруживало его боязнь. Бой начался, тигръ старался ловко увертываться отъ могучихъ роговъ буйвола и неоднократно вскакивалъ ему на шею, чтобы разодрать ее когтями, но буйволъ такъ страшно придавливалъ его къ стѣнѣ клѣтки, что тигръ, задыхаясь отъ изнеможенія, выпускалъ его изъ когтей своихъ. Сраженіе кончилось полною побѣдою буйвола, чему очень радуются японцы, высоко чтящіе и любящіе это животное и ненавидящіе тигровъ. Однажды, когда самому большому и лютому королевскому тигру удалось въ одинъ день побѣдить трехъ буйволовъ, скорбные японцы, огорченные ихъ смертію, повѣсили хищное животное тотчасъ послѣ представленія.

Н. Зуевъ.

Буйволъ, Bubalus. Рис. Шарлеръ, грав. Паннемакеръ.

Эдистонскій маякъ

Въ самыя отдаленныя, древнія времена, когда мореплаваніе находилось еще въ младенчествѣ, человѣкъ сознавалъ, какъ необходимо обозначать опасныя прибрежныя мѣста (рифы и мели, гибельныя для кораблей), а потому для мореплавателей на такихъ моряхъ днемъ выставлялись различные цвѣтные сигналы, ночью же зажигались огни. Благодаря тому гуманному обычаю, въ древности, столь богатой художественными твореніями, явились два произведенія искусства, которыя по смѣлости замысла и выполненія и по красотѣ, причислены къ семи чудесамъ древняго міра, а именно: знаменитый маякъ въ Александрійской гавани и колоссъ Родосскій — исполинская человѣческая фигура у входа въ гавань острова того же имени. Въ ворота, образуемыя широко-разставленными ногами колосса, могли проходить самые большіе корабли съ мачтами и развернутыми парусами. Эта послѣдняя статуя держала въ поднятой рукѣ горящій факелъ. Въ средніе вѣка было сооружено нѣсколько новыхъ маяковъ попроще на видъ, а въ наше время на маяки обращено особое вниманіе. При подобныхъ сооруженіяхъ теперь обнаруживается съ одной стороны высшая степень изобрѣтательности и искусства, съ другой — стремленіе воспользоваться новѣйшими научными данными въ видахъ наилучшаго устройства маячнаго освѣщенія.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ маяковъ новаго времени считается по справедливости маякъ, устроенный на Эди-

Эдистонскій маякъ. Рис. В. И. Бостъ, грав. Рикаръ.

стонскомъ утесѣ, передъ входомъ въ Плимутскую гавань. Маякъ этотъ знаменитъ, какъ самой постройкой своей, такъ и трудностями, которыя приходилось преодолѣть при сооруженіи его, а также славенъ онъ своей судьбой. Рисунокъ, помѣщенный въ настоящемъ нумерѣ журнала, изображаетъ маякъ въ нынѣшнемъ его видѣ. Могучія волны, устремляющіяся изъ Атлантическаго океана въ Британскій каналъ, разбиваются объ Эддистонскій утесъ съ такой силой, что въ бурную погоду образуютъ водоворотъ, въ которомъ уже погибъ не одинъ прекрасный корабль. Вслѣдствіе частыхъ кораблекрушеній на этомъ мѣстѣ, давно уже чувствовалась настоятельная потребность въ сооруженіи именно здѣсь маяка. Самый утесъ, совершенно обнаженный, отстоитъ отъ берега болѣе чѣмъ на нѣмецкую милю; поэтому не только весь матерьялъ для постройки приходилось доставить туда на судахъ, но нужно было имѣть въ виду и то, что работать на утесѣ можно только въ рѣдкіе дни, когда море бываетъ совсѣмъ спокойно, да къ тому же слѣдовало еще опасаться сильнаго прибоя волнъ, который могъ уничтожить за ночь весь дневной трудъ. Несмотря на все это, одинъ изъ богатѣйшихъ граждaнъ Плимута, по имени Винстенлей, рѣшился, на зло стихіямъ, построить маякъ именно на этомъ утесѣ. Онъ заказалъ изготовить планъ и затѣмъ приступили къ дѣлу. Фундаментъ былъ сложенъ изъ массивныхъ плитъ; на немъ утвердили высокія колонны, поддерживавшія самый фонарь и коморку для сторожа. Строитель сообразилъ, что сквозная башня, т. е. изъ отдѣльныхъ колоннъ, будетъ менѣе противодѣйствовать напору волнъ, чѣмъ массивная, а потому и рѣшили соорудить сквозную, такъ какъ это было цѣлесообразнѣе. Однако безъ бѣды не обошлось: въ одну страшную бурную ночь маякъ вмѣстѣ съ строителемъ, случайно находившимся тамъ, былъ снесенъ волнами. Построили новый маякъ уже въ видѣ исполинской круглой колонны, обшитой снаружи толстыми дубовыми досками, чтобы умѣрить удары волнъ; этотъ маякъ хорошо выполнялъ свое назначеніе въ продолженіи слишкомъ сорока лѣтъ, пока въ 1755 году не былъ разрушенъ ударомъ молніи. Тогда приступили къ сооруженію третьяго маяка и на этотъ разъ изъ одного камня; громадныя плиты были соединены желѣзными полосами, а снаружи тѣсными рядами обвиты чудовищной желѣзной цѣпью, которая была предварительно раскалена и затѣмъ уже наложена, вслѣдствіе чего звенья ея при охлажденіи стянули башню еще крѣпче. Внутренность маяка наполнена цементомъ и камнями; входъ въ него находится на значительной высотѣ. Самый фонарь, устроенный по чертежу полковника Смитона, находится на разстояніи 93 футовъ отъ поверхности земли и, несмотря на то, волны иногда достигаютъ до верху, причемъ такъ бьютъ, что вся башня дрожитъ. Три сторожа денно и нощно находятся въ башнѣ. Обязанность ихъ состоитъ въ поддерживаніи огня, который видѣнъ мореплавателямъ издалека.

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

Что... что это такое?.. Всѣ, рѣшительно всѣ, бывшіе на виллѣ, бросились стремглавъ въ садъ, чтобы спасаться... Домъ былъ потрясенъ до основанія, казалось, что онъ сейчасъ рухнетъ. Землетрясеніе!.. Блѣдные, какъ полотно, затаивъ дыханіе, стояли люди въ саду, ожидая ежеминутно, что вотъ-вотъ земля провалится подъ ихъ ногами. Тамъ, на болѣе низменныхъ частяхъ лужайки, уже струились потоки воды; въ воздухѣ пахло гарью; хлопья пепла сыпались дождемъ на крупный песокъ площадки... Оконныя стекла горделивой прекрасной виллы полопались, а въ большой залѣ огромныя зеркала лежали на паркетѣ въ кускахъ; бархатныя и шелковыя занавѣси были оборваны съ наскоро построенной сцены; рабочимъ приходилось защищаться отъ тяжелыхъ стѣнныхъ бронзовыхъ украшеній, которыя падали на нихъ.

Тѣ, которые гуляли близь виллы, теперь тоже бѣжали сюда; между ними былъ и Антонъ, только что вернувшійся изъ города. „Вонъ гдѣ! Тамъ! Тамъ!“ кричали нѣкоторые, обращаясь къ президентшѣ, которая почти въ изнеможеніи опиралась на плечо Флоры; кричавшіе указывали ей въ глубь парка. Пожаръ былъ тамъ— густые, черные клубы дыма поднимались столбами, и среди этого непрогляднаго мрака только по временамъ взлетали, подобно ракетамъ, огненные языки.

— Порохъ въ башнѣ вспыхнулъ! крикнулъ кто-то изъ толпы.

— Вздоръ! отвѣтилъ Антонъ, почти смѣясь, но стуча зубами отъ страха и ужаса. Этотъ дрянной, старый порохъ и вспыхнуть-то не могъ, а нѣсколько щепотокъ свѣжаго (баринъ потѣхи ради насыпалъ его сверху) не могли бы сдвинуть съ мѣста и одного кирпича!...

Не смотря на это, Антонъ какъ безумный бросился въ паркъ черезъ залитую водой лужайку... Вѣдь онъ зналъ, что его *баринъ* былъ тамъ, гдѣ горѣло... Толпа устремилась за нимъ. На городской башнѣ ударили въ набатъ.

Какое опустошеніе! Въ одну секунду прелестный уголокъ, земной рай коммерціи совѣтника, превратился въ безобразную дымящуюся кучу, среди которой грозно высилась башня, лишенная верхняго этажа, украшеннаго зубчатой короной... Только что отстроенная великолѣпная стеклянная теплица для пальмовыхъ деревьевъ являлась теперь въ видѣ рѣшета: каменный дождь ни одного стекла не оставилъ цѣлымъ.

Миновавъ послѣдній кустарникъ, скрывавшій самое мѣсто катастрофы, запыхавшаяся толпа невольно отшатнулась при видѣ страшной картины разрушенія!.. Волосы у всѣхъ стали дыбомъ. Неужели прародительница Баумгартеновъ въ самомъ дѣлѣ подожгла „историческій“ порохъ, чтобы положить конецъ фиглярству выскочки, лишить возможности „новаго хозяина“ кощунственно относиться къ почтеннымъ остаткамъ ея родового замка?.. И все таки руина не погибла: правда, верхній этажъ башни съ своей зубчатой короной развалился и его разнесло по парку; отъ нижней же части этого каменнаго колосса сила взрыва могла оторвать только нѣсколько каменныхъ плитъ, которыя и лежали неподалеку отъ рва. Огонь продолжалъ работать въ самой башнѣ; желтоватое пламя по временамъ вылетало оттуда, унося въ массѣ дыма красныя искры...

— О, мой бѣдный баринъ, стоналъ Антонъ, въ отчаяніи протягивая руки ко рву, гдѣ бурлили волны.... Страшный подземный толчекъ заставилъ воду выступить изъ береговъ и разлиться далеко по парку; теперь она широкими потоками снова устремлялась въ свое ложе, увлекая съ собою песокъ, дернъ и окровавленные трупы голубей и галокъ. Изящный мостикъ исчезъ безслѣдно; красивые, зеленые склоны холма дали глубокія трещины, а старыя орѣховыя деревья, украшавшія это мѣсто, были совсѣмъ выворочены изъ земли.

Толпа любопытныхъ увеличивалась, явились и пожарныя трубы, бочки, багры — но къ чему все это? Спасти что нибудь не было уже возможности. Да и кто станетъ искать въ этомъ дымящемся кратерѣ остатковъ драгоцѣнной мебели, осколковъ знаменитой коллекціи бокаловъ, статуй, перемѣшанныхъ съ обрывками произведеній живописи и клочками богатыхъ ковровъ?.. Какъ бы въ насмѣшку, одна изъ алыхъ шелковыхъ занавѣсей, пощаженная огнемъ, вылетѣла изъ окна и, зацѣпившись, повисла на оконномъ карнизѣ. Издали этотъ кусокъ матеріи казался страшнымъ кровавымъ пятномъ на стѣнѣ развалины.

Въ толпѣ перешептывались; одни говорили другъ другу о цѣлыхъ грудахъ сохранявшагося въ башнѣ золота и серебра... Другіе толковали о томъ, что раз-

ныхъ бумагъ и документовъ (напр., купчихъ крѣпостей) тамъ больше хранилось чѣмъ золота... Уцѣлѣли-ли эти-то драгоцѣнности, гдѣ онѣ теперь?.. Очень можетъ быть, что желѣзные шкафы, въ которыхъ хранилось все это, провалились въ подвалъ, и теперь, среди пламени, пребываютъ невредимы, какъ чудесные фениксы?..

Ну, а что сталось съ *самимъ-то*, съ богатымъ бариномъ? Антонъ увѣрялъ всѣхъ и каждаго, что часъ тому назадъ баринъ отправился въ башню, чтобы достать изъ погреба вина. Толпа, затаивъ дыханіе, глядѣла въ это огненное море... Вѣрный слуга бродилъ, ломая руки, около рва и громко звалъ своего господина... Ахъ, что за непростительная неосторожность! Какъ можно было держать порохъ въ такомъ мѣстѣ, куда приходится ходить съ огнемъ?!..

— Ну, только не пресловутый „историческій" порохъ натворилъ все это. Такое разрушеніе — могло учинить какое либо другое взрывчатое вещество, замѣтилъ громко и рѣшительно инженеръ, явившійся однимъ изъ первыхъ на мѣсто катастрофы.

— Хорошо-съ, но какимъ образомъ попало это другое вещество въ погребъ? пробормоталъ Антонъ, остановившись и безсмысленно глядя испуганными глазами на говорившаго.

Инженеръ промолчалъ и, съ двусмысленной улыбкой пожавъ плечами, отошелъ вмѣстѣ съ другими. Пожарныя трубы начали работать. Вода вступила въ борьбу съ огнемъ. Натащили досокъ и жердей и стали хлопотать надъ устройствомъ моста черезъ ровъ; шумъ, сумятица возрастали съ каждой секундой... Вдругъ, среди этого гвалта, раздался раздирающій душу вопль. Тамъ, довольно близко отъ башни, по дорогѣ къ верхней плотинѣ, нашли трупъ мельника Франца: тяжелый камень упалъ на него и раздавилъ ему грудь.

Казазось, будто вопль, вырвавшійся у мельничихи при видѣ бездыханнаго тѣла мужа, повторили сотни, тысячи голосовъ—такой стонъ стоялъ въ паркѣ.

Президентша вздрогнула и пролепетала:

— Они нашли его... Морица!..

Въ изнеможеніи сидѣла она на садовой скамейкѣ, неподалеку отъ дома; у нея почти отнялись ноги—попробовала было подняться и не могла. Почтенная дама слишкомъ была потрясена; старческая слабость невольно обнаружилась.

— Они нашли его? Что-жъ, умеръ онъ?.. Убитъ?.. лепетала она, совсѣмъ утративъ свой горделиво спокойный видъ и крѣпко ухватившись за руку Флоры, стоявшей возлѣ нея.

Одна только красавица невѣста не теряла присутствія духа. Какой контрастъ! Среди дыма, грязи, груды осколковъ стекла и опрокинутыхъ деревьевъ, среди всего этого гвалта и суетни, стояла она въ своемъ бѣлоснѣжномъ платьѣ съ букетами бѣлыхъ маргаритокъ на груди и на бѣлокурыхъ локонахъ, блѣдная какъ полотно, но спокойная и такая разсудительная — какъ будто *личное* несчастье не смѣло коснуться ея.

— Хоть бы ты выпустила мою руку, бабушка! проговорила она нетерпѣливо.—Можетъ быть, я могла бы тогда доказать тебѣ, что тебя пугаютъ только призраки... Почему ты вообразила, что Морицъ непремѣнно погибъ?.. Ха!.. Онъ-то, Морицъ, съ своимъ баснословнымъ счастьемъ?!. Я увѣрена, что онъ здравъ и невредимъ и находится гдѣ нибудь тамъ въ толпѣ, а наша безмозглая прислуга, которая, кстати замѣтить, считаетъ совершенно излишнимъ позаботиться о насъ, и только мимоходомъ сообщаетъ намъ разный вздоръ, эта безмозглая челядь не видитъ передъ собой своего барина.

Флора смотрѣла на мокрую лужайку, а потомъ взглядъ ея остановился на ея собственной ножкѣ въ бѣлой ботинкѣ, кончикъ которой выглядывалъ изъ подъ платья. Подумаютъ, что и *я* тоже немножко съ ума спятила, сказала она, пожавъ плечами; однако мнѣ слѣдуетъ пойти туда...

— Нѣтъ, нѣтъ! Ты останешься здѣсь, вскричала президентша и вцѣпилась руками въ складки бѣлаго платья. Ты не оставишь меня одну съ Генріэттой — вѣдь она еще безпомощнѣе, чѣмъ я, она не можетъ подать мнѣ никакой помощи... О, Боже мой, я умираю!.. Что если его уже нѣтъ?.. Что будетъ тогда?

Ея голова склонилась на грудь, на которой сверкали бриліанты. Какой дряхлой старухой казалась въ эту минуту эта женщина, и какъ не-кстати пышное желтое платье облекало ея фигуру!

Генріэтта пріютилась на другомъ концѣ скамейки; блѣдная отъ волненія, она дѣтски - испуганными глазами глядѣла куда-то вдаль.

— Кэта! Гдѣ же это Кэта? шептала она дрожащими губами, автоматически повторяя эти слова.

— О, Господи, подкрѣпи меня! Вѣдь, всякое терпѣнье лопнетъ, пробормотала сквозь зубы Флора. Бѣда съ этими слабыми женщинами... Ну, скажи на милость, Генріэтта, зачѣмъ ты безъумолку зовешь Кэту? Никто не отниметъ ее у тебя!

Она съ явнымъ нетерпѣніемъ глядѣла по направленію къ дому, но тамъ не было видно ни одного живого существа, которое могло бы освободить ее отъ насильно навязанной ей роли защитницы; вся челядь была около башни, да и собравшіеся гости поспѣшили туда-же. Но вотъ пріѣхали изъ города молодыя дѣвушки, которыя должны были играть сегодня на виллѣ въ качествѣ благородныхъ актрисъ. Онѣ-то и освободили Флору.

— Скажите, ради Бога, что такое случилось у васъ? воскликнула фрейлейнъ ф. Гизе, стремительно подходя къ президентшѣ.

Флора пожала плечами.

— Въ башнѣ былъ взрывъ—вотъ и все, что мы знаемъ. Всѣ бѣгутъ, не обращая на насъ вниманія, никто ничего не объяснитъ, я-же не могу двинуться съ мѣста, потому что бабушка потеряла голову и въ превеликомъ своемъ страхѣ рветъ, именно рветъ, на мнѣ платье. Она вообразила, что Морицъ погибъ!...

Такая страшная мысль сильно поразила молодыхъ дѣвушекъ. О, неужели этотъ цвѣтущій, красивый кавалеръ, еще за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ провозглашавшій тостъ за „чудную жизнь", погибъ тамъ, среди пламени или былъ разорванъ на мелкіе куски. Ахъ, эта мысль просто невыносима!..

— Невозможно! простонала фрейлейнъ ф. Гизе.

— Невозможно! повторила президентша, и въ голосѣ ея слышались и рыданья, и безумный смѣхъ... Вдругъ она встрепенулась, встала, но покачнулась, какъ пьяная, и робко указала на ближайшую рощицу...

— Вотъ, вотъ—они несутъ его! Боже праведный! Морицъ! Морицъ!..

Дѣйствительно, молча-торжественно оттуда несли кого-то; среди толпы любопытныхъ, сопровождавшей носильщиковъ, шелъ и докторъ Брукъ; онъ былъ безъ шляпы, его высокая фигура сразу бросалась въ глаза.

Флора побѣжала на встрѣчу печальной процессіи; президентша разразилась истерическимъ рыданіемъ. При приближеніи величаво-прекрасной невѣсты толпа невольно разступилась... Взглянувъ мелькомъ на человѣка, котораго несли на кушеткѣ, Флора тотчасъ же вернулась и крикнула:

— Успокойся, бабушка! Нѣтъ, это не Морицъ..

— Это она—Кэта!.. Я такъ и знала, прохрипѣла Генріэтта, почти рыдая, и поспѣшила къ тому мѣсту, гдѣ усталые носильщики опустили кушетку, чтобы перевести духъ.

Несчастная лежала на старомодной кушеткѣ, взятой изъ кабинета доктора; платье Кэты было въ такомъ видѣ, какъ будто ее сейчасъ вытащили изъ рѣки. Спи-

па и голова молодой дѣвушки покоились на мягкихъ подушкахъ; если бы не струйка крови на лѣвой щекѣ и не перевязка на лбу (значитъ голова ранена), то можно было бы подумать, что молодая дѣвушка спитъ —такъ покойно опущены были ея вѣки, такъ небрежно лежали ея руки.

— Что случилось съ Кэтой, Лео? Зачѣмъ пошла она туда, на мѣсто страшной катастрофы? Что ей тамъ понадобилось? спросила Флора, подходя къ кушеткѣ. Тонъ ся голоса и взглядъ выражали скорѣе досаду на такое (будто бы) любопытство младшей сестры, ни тревоги, ни испуга не было замѣтно.

Передъ тѣмъ, когда Флора крикнула: „Успокойся, бабушка! Нѣтъ, не Морицъ!“ глаза доктора гнѣвно сверкнули; теперь же онъ, повидимому, вовсе не слышалъ того, что она говорила—такъ крѣпко были сжаты его губы, такъ равнодушно скользнулъ его взглядъ по ней и потомъ остановился на Генріэттѣ.

Бѣдная Генріэтта стояла задыхаясь передъ нимъ и, сквозь слезы, боязливо смотрѣла ему въ лицо.

— Только одно слово, Лео—жива она? пролепетала больная, съ мольбой протягивая къ нему руки.

— Да, жива; отъ сильнаго сотрясенія воздуха и потери крови она лишилась чувствъ; опасность въ настоящую минуту только въ томъ, что на ней мокрое платье; рана на лбу незначительна... Слава Богу! Слова эти Брукъ проговорилъ дрожащимъ голосомъ и нѣжно, какъ братъ, обнялъ слабенькую Генріэтту, которая едва держалась на ногахъ.

— Ну, двигайтесь! скомандовалъ докторъ отдыхавшимъ носильщикамъ; онъ видимо былъ встревоженъ и горѣлъ нетерпѣніемъ...

Толпа разошлась, видимо разочарованная: что-жь, отдѣлалась барышня счастливо, опасности не было никакой... Кушетку понесли черезъ площадку, мимо президентши, которая совершенно безсознательно глядѣла на безчувственную Кэту и, повидимому, ничего не понимала, ничего не сознавала. Испуганныя молодыя дѣвушки робко жались другъ къ другу и какъ-то безпомощно глядѣли на молодого врача, который, не обращая на нихъ вниманія, шелъ рядомъ съ носильщиками. Лѣвой рукой онъ все еще поддерживалъ Генріэтту, правую же руку онъ положилъ на лобъ Кэты, какъ бы желая предотвратить малѣйшее болѣзненное сотрясеніе. Этотъ застѣнчивый, сдержанный человѣкъ (его въ послѣднее время видѣли постоянно мрачнымъ, подавленнымъ) глядѣлъ теперь съ нескрываемой нѣжностью на блѣдную молодую дѣвушку, какъ будто она одна была у него на свѣтѣ.

Флора шла слѣдомъ за ними; казалось, что она тутъ совершенно постороннее лицо. Бѣленькія ботинки и шлейфъ тарлатановаго платья невѣсты порядкомъ таки позагрязнились. Красавица поспѣшно сняла съ головы вѣнокъ изъ бѣлыхъ маргаритокъ: кстати-ли теперь, думала она, украшать себя цвѣтами?.. Машинально срывая цвѣточки, Флора роняла ихъ, оставляя за собою слѣдъ изъ маленькихъ бѣлоснѣжныхъ звѣздочекъ.

Невѣста прошла мимо бабушки и подругъ своихъ, не взглянувъ на нихъ. Ея сверкающій взглядъ былъ устремленъ на высокую фигуру жениха — видно было, что она каждую секунду ждала, что онъ обернется, чтобы посмотрѣть на нее; и такимъ образомъ она шла за нимъ шагъ за шагомъ черезъ площадку и вошла въ домъ. Президентша окликнула ее, но тутъ вдругъ со стороны руины послышался снова сильный трескъ, такъ что земля дрогнула, а затѣмъ оглушительно загудѣли человѣческіе голоса..

Флора даже не оглянулась... Какое же ей дѣло до всего этого—она шла съ непреклонной рѣшимостью постоять за „свои права“.

XXV.

Кончился этотъ страшный день, и наступила безмолвная, тяжелая ночь, полная мучительныхъ, тревожныхъ ожиданій. Никто не ложился спать; всѣ газовые рожки въ домѣ были зажжены; прислуга или ходила на цыпочкахъ, или шепталась, сидя по угламъ, и только когда со стороны башни приближались шаги пожарнаго или кто нибудь осторожно отворялъ наружную дверь —люди вскакивали и бросались въ корридоры, думая встрѣтить хозяина дома,.. Онъ долженъ же былъ явиться! Но вотъ и ночь прошла, утренняя заря занялась, а хозяинъ не приходилъ... да и не придетъ онъ!..

Розоватый свѣтъ, предвѣщавшій ясный день, разлился надъ виллой Баумгартенъ и заигралъ въ разбитыхъ оконныхъ стеклахъ. Онъ проникъ и въ залу, освѣтилъ тамъ алый бархатъ опрокинутаго балдахина, поигралъ на поблекшей зелени свалившихся, поломанныхъ оранжерейныхъ деревьевъ... Что за хаосъ! Одного удара было достаточно, чтобы превратить эту волшебную декорацію изъ „тысячи и одной ночи“ въ груду осколковъ, тряпья и щепокъ.

Сегодня, можетъ быть впервые, утренній лучъ солнца могъ освѣщать эти аристократическіе покои, такъ какъ ставни не были заперты, сторы не были спущены; солнечные лучи могли даже свободно проникнуть въ великолѣпную спальню въ партерѣ, выходившую окнами на сѣверо-востокъ, съ ея богатыми, красными шелковыми занавѣсями и съ дорогой кроватью, покрытой кружевнымъ покрываломъ. Утреннее солнце играло также и въ брилліантахъ, украшавшихъ голову президентши. Почтенная дама не ложилась спать, она въ своемъ тяжеломъ желтомъ шелковомъ платьѣ ходила по длинной амфиладѣ комнатъ, ходила среди опрокинутой мебели и статуй, упавшихъ съ карнизовъ.

Газовый шарфъ, покрывавшій шею и подбородокъ пожилой особы, развязался, и угловатая, нижняя челюсть, обыкновенно такъ тщательно скрываемая, выступала теперь особенно рѣзко. Да, президентша была очень стара, дни ея были, можно сказать, сочтены—и, несмотря на то, старуха лихорадочно вздрагивала, со страхомъ думая только объ одномъ: „Кто наслѣдуетъ Морицу?“ Она сама не имѣла ни малѣйшихъ правъ на наслѣдство внезапно погибшаго, она не имѣла правъ даже на кровать, на которой спала... Коммерціи совѣтникъ рано осиротѣлъ; сколько старухѣ было извѣстно, у него не было родныхъ, носившихъ его фамилію, но онъ довольно часто помогалъ родной теткѣ своей, женщинѣ бѣдной, жившей гдѣ-то на Рейнѣ. Неужели эта нищая будетъ наслѣдницей? Такая мысль доводила президентшу до бѣшенства. Жена какого-то писца, жалкая бѣлошвейка, сдѣлается обладательницей колоссальныхъ богатствъ, а г-жа президентша Урахъ, привыкшая къ богатой, вполнѣ комфортабельной обстановкѣ, должна вдругъ лишиться всего этого!.. Ей придется стащить съ чердака свою старую мебель, нанять тѣсную квартиру, остаться безъ лошадей, безъ ливрейныхъ лакеевъ и уже не имѣть княжески-роскошнаго стола... Вѣдь она и обѣ ея внучки не были кровными родственницами милліонера, который не успѣлъ сдѣлать духовнаго завѣщанія.

Пріѣхавшіе наканунѣ гости (все изъ дворянскихъ фамилій), не оставляли президентшу почти всю ночь; хотя они не затрогивали вопроса о наслѣдствѣ, однако, мимоходомъ, нѣкоторые изъ нихъ указывали на путаницу въ денежныхъ дѣлахъ несчастнаго, которая навѣрно увеличится вслѣдствіе страшной катастрофы... Въ самомъ дѣлѣ, коммерціи совѣтникъ хранилъ всѣ документы и книги въ башнѣ, а все это исчезло теперь безслѣдно...

Положимъ, что погибли милліоны—но развѣ земля и вилла, гдѣ находилась въ эту минуту почтенная дама,

Онъ будетъ нашъ! Картина Л. Журдана, грав. Паточка.

не стоили десятковъ тысячъ? Развѣ здѣсь внизу, подъ крѣпкими каменными сводами не хранились груды разныхъ серебряныхъ вещей и сервизовъ? Развѣ въ конюшняхъ не было лошадей самой благородной породы? А собраніе картинъ знаменитыхъ художниковъ? Одного этого было бы достаточно, чтобы обезпечить за г-жей президентшей, до конца ея дней, роскошную жизнь!..

Заходилъ разговоръ и о той, которая лежала теперь въ комнатѣ Генріэтты, интересовались судьбою внучки замковаго мельника; всѣмъ, разумѣется, было извѣстно, что все ея громадное состояніе хранилось въ башнѣ. Президентша, находясь въ тревожномъ состояніи, почти не слушала, что говорилось... Да и какое ей дѣло до жидовскихъ денегъ бывшаго мельничнаго батрака!

Флора, обладавшая замѣчательнымъ хладнокровіемъ и умѣньемъ владѣть собою, даже въ такія минуты, напротивъ: внимательно прислушивалась къ разговору, взвѣшивая разныя случайности, ожидавшія ея сводную сестру вслѣдствіе гибели всѣхъ документовъ.

Невѣста въ десять часовъ оставила бэль-этажъ. При взглядѣ на ея красивое лицо нельзя было не замѣтить, что ее мучила какая-то затаенная злоба. Еще бы: вѣдь она, душа общества, красавица, умъ и мнѣнія которой были закономъ для ея знакомыхъ, и что же?—ей приходится, къ величайшей досадѣ своей, играть тамъ, на верху, въ комнатѣ больной, жалкую роль лишняго человѣка!... Кромѣ Генріэтты, которая, пріютившись на диванѣ, ни за что не хотѣла покидать Кэты, для ухода за больной явилась и тетушка-діаконица. Старушка вынуждена была просить пріюта на виллѣ, такъ какъ въ домикѣ надъ рѣкой, вслѣдствіе близости его къ мѣсту катастрофы, провалились трубы; стѣны же дали подозрительныя трещины; окна были разбиты, ни одна дверь не запиралась... Пріятельница тетушки и кухарка помѣстились на мельницѣ, у Сузы. Докторъ нанялъ двухъ сторожей, поручивъ имъ ночью смотрѣть за опустѣвшимъ домомъ.

У постели больной Кэты не нашлось мѣста для Флоры. У изголовья, въ креслѣ, сидѣла тетушка съ сильно заплаканными глазами, напротивъ нея—докторъ. „Старуха" держала себя такъ, будто легкая рана на лбу Кэты и ея продолжительный обморокъ были самымъ большимъ несчастьемъ этого роковсго дня; Брукъ ни на минуту не покидалъ своего мѣста;—онъ тогда только оставлялъ руку Кэты, когда нужно было положить свѣжій компрессъ на ея голову. „Быть смиренной свидѣтельницей такой заботливости о „дюжей дѣвицѣ", обладавшей нервами и мускулами бабки Зоммеръ, было очень трудно для Флоры, и она употребляла всѣ усилія, чтобы терпѣніе ея не лопнуло.

Боязливый, осторожный шопотъ крѣпко надоѣлъ ей; увидѣвъ, что съ этими встревоженными особами сегодня нельзя заговорить какъ слѣдуетъ, разумно, прекрасная невѣста сочла за лучшее удалиться и спустилась въ нижній этажъ, сильно раздосадованная .. Кровь кипѣла въ ея сердцѣ—вѣдь докторъ не только не помогъ сойти ей съ лѣстницы, но даже не проводилъ ее до двери!..

Флора тоже не легла спать, она сняла только съ себя бѣлое тарлатановое платье и закуталась въ бѣлый кашмировый платокъ греческаго покроя; передъ разсвѣтомъ она прилегла на красную кушетку въ своемъ кабинетѣ.

Эта комната казалась теперь такою пустынною и неуютною, какъ еще никогда. Черный письменный столъ былъ пустъ; на немъ лежалъ густой слой пыли; съ книжныхъ полокъ всѣ книги были сняты и уложены въ большіе ящики, стоявшіе посреди комнаты. Пьедесталы вмѣстѣ съ бюстами валялись на полу; дурно заправленная висячая лампа коптила потолокъ, тускло освѣщая стѣны кабинета.

Дождавшись утра, Флора послала на верхъ попросить доктора придти къ ней; черезъ нѣсколько минутъ она услышала его твердые шаги въ корридорѣ. Поспѣшно поправивъ подъ утреннимъ чепчикомъ растрепавшіеся локончики, она крѣпче прижала свое мраморное лицо къ краснымъ подушкамъ кушетки и прищурясь глядѣла на дверь, въ которую долженъ былъ войти женихъ.

Брукъ вошелъ... Она никогда не видала его *такимъ*, и потому невольно приподнялась и встала, какъ будто передъ нею стоялъ совершенно незнакомый человѣкъ.

— Я чувствую себя что-то нехорошо, Лео, сказала она нерѣшительно, не отводя удивленнаго взгляда отъ его лица. Лицо доктора хотя и было блѣдно, но казалось очень оживленнымъ, свѣтилось какимъ-то новымъ, радостнымъ чувствомъ, и вдругъ приняло теперь совсѣмъ иное выр женіе...

— Голова моя горитъ... испугъ и простуда—вотъ, вѣроятно, причина лихорадочнаго состоянія.

Она проговорила это съ запинкой, замѣтивъ, какъ его глаза холодно-пытливо были устремлены на нее... Онъ спокойно наблюдалъ ее, какъ и подобаетъ врачу... Этотъ взглядъ вскипятилъ ея кровь.

— Берегись, Брукъ! произнесла она совершенно спокойнымъ тономъ, причемъ однако грудь ея порывисто поднималась и опускалась, а двѣ глубокія морщинки прорѣзались на бѣлой кожѣ ея лба. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я терплю соперницу—и эта соперница—*твоя практика*! Она сдѣлалась твоей возлюбленной!.. Такъ это и пойдетъ, знаю, чувствую, но, благодаря моему возвышенному образу мыслей, я могу покориться этому. . И покорюсь, потому что знаю, что такая горячая любовь къ своему дѣлу сдѣлаетъ знаменитымъ человѣка, имя котораго я буду носить.

Тутъ Флора откинула голову и устремила взглядъ въ пространство, какъ будто передъ ея умственнымъ окомъ развернулся обширный міръ, утопавшій въ сіяніи этого славнаго, громкаго имени... Прекрасная невѣста потому и не замѣтила, какъ вспыхнули щеки Брука.

— Но я рѣшительно не потерплю ни малѣйшаго невниманія съ твоей стороны, когда мнѣ самой нужна твоя помощь, какъ врача, продолжала она. Намъ всѣмъ пришлось пострадать отъ этой страшной катастрофы, а мнѣ, бѣдной жертвѣ, выпало на долю еще заботиться о бабушкѣ, почти обезумѣвшей отъ страха, присматривать за больной Генріэттой... Ну, задача не совсѣмъ-то легкая!., И несмотря на это, тебѣ и въ голову не пришло спросить меня: „Какъ-то ты переносишь такое несчастье?"..

— Я не спрашивалъ потому, что знаю, что ты хорошо справляешься съ подобными душевными потрясеніями, вообще подчиняешь сердце разсудку, да, наконецъ—я съ перваго взгляда увидѣлъ, какъ мало и тѣлесно то пострадала ты...

Флора съ удивленіемъ прислушивалась къ звуку его голоса: Брукъ очевидно желалъ говорить спокойно, по обыкновенію, но голосъ его дрожалъ, какъ бы отъ сильнаго сердцебіенія.

— Что касается твоего послѣдняго предположенія, то ты ошибаешься, сказала она послѣ минутнаго молчанія,—у меня, дѣйствительно, стучатъ виски, относительно же перваго пункта—ты, можетъ быть, и правъ. Я стараюсь въ каждомъ случаѣ, и какъ можно скорѣе, овладѣть собою и взглянуть здраво, ясно на вещи. Тебѣ, кажется, не нравится во мнѣ эта черта? Я это слышу въ странномъ тонѣ твоего голоса... Да, и вотъ именно сегодня ты долженъ былъ бы въ этомъ отношеніи отдать мнѣ справедливость. Я никогда не поддавалась на уговариванія насчетъ спекуляціи модными облигаціями, наслѣдованными отъ папа. Если бы я, какъ нѣкоторые другіе, увлеклась баснословнымъ счасть-

емъ, то, навѣрно, сегодня стояла бы передъ тобой съ пустыми руками: мое приданое улетучилось бы, какъ и несмѣтныя богатства, разлетѣвшіяся вчера на всѣ четыре стороны. Что-жъ, смотри, смотри на меня, Брукъ! (Она понизила голосъ). Я не позволяю морочить себя и называю вещи прямо по имени. Бабушка вонъ бѣгаетъ тамъ и ломаетъ руки, она внѣ себя, потому что „громадное богатство" достанется другимъ; наши любезные гости до полуночи предавались скорби и плакали о богатомъ человѣкѣ, этомъ баловнѣ счастья, котораго злая насмѣшница судьба такъ трагически вырвала изъ его земного рая... Ну, а я вотъ что скажу: театральный финалъ былъ плохо устроенъ, послѣдняя картина совсѣмъ не хорошо поставлена была въ глубинѣ сцены... Въ одной декораціи не доглядѣли дыры, а черезъ эту-то дыру можно добраться до истины... Вотъ, погоди, можетъ быть надняхъ судъ объявитъ, что Рэмеръ сначала былъ легкомысленнымъ спекуляторомъ, а подъ конецъ—просто... мошенникомъ.

Эта послѣдняя мысль Флоры, какъ предсказаніе, могло поразить своею неожиданностью, да и Брукъ никакъ не ожидалъ услышать этого отъ Флоры, а она—она стояла въ своей бѣлоснѣжной одеждѣ Ифигеніи на томъ же красномъ коврѣ, подъ той же висячей лампой, даже на томъ же самомъ мѣстѣ, съ котораго еще въ декабрѣ мѣсяцѣ клеймила передъ коммерціи совѣтникомъ дѣятельность своего жениха и говорила тогда-же: „Я не терплю тайны въ своей душѣ!"...

(Продолженіе будетъ).

Онъ будетъ нашъ!

(Картина А. Журдана).

Занятія жителей побережій океана и вообще островитянъ, какъ извѣстно, заключаются преимущественно въ рыболовствѣ, потому что этотъ трудъ лучше вознаграждается, даетъ больше средствъ къ жизни и, сравнительно, требуетъ меньше затратъ и усилій, чѣмъ при земледѣліи. Да и не вездѣ земля годна для обработки. Такъ, напр., на французскихъ островахъ почва—безплодный песокъ, да не лучше она и на приморскомъ берегу: съ одной стороны—необозримое море, съ другой—такъ называемыя *дюны*, тоже море, но песчаное, неподвижное, беззвучное, словомъ—мертвая пустыня. На этихъ сыпучихъ песках, съ которыми ничего нельзя подѣлать, ничѣмъ удобрить, жители умерли бы съ голоду, или ушли бы куда нибудь, если бы море не давало имъ средствъ къ жизни. Мужчины занимаются исключительно ловлею рыбы, не только крупной, но и мелкой (сардинокъ); ловятъ они также омаровъ, краббовъ (морскихъ раковъ и пауковъ), съѣдобныхъ улитокъ, и вся эта добыча отправляется на рынокъ. Женщины трудятся не меньше мужчинъ: кромѣ домашнихъ работъ, онѣ во время отлива идутъ на берегъ, и тамъ, стоя въ водѣ по самыя плечи, собираютъ устрицъ. Дѣти тоже не сидятъ сложа руки. Ростутъ они на свободѣ, съ младенчества привыкая къ самостоятельности, труду и золотой добродѣтели—терпѣнью. Выдается хорошій, теплый денекъ—ну, какъ не убѣжать на берегъ, къ морю? И развѣ они боятся моря?.. Только не прогулки у нихъ на умѣ... Нѣтъ! «Авось удастся изловить славнаго, крупнаго омара (думаютъ дѣти), ну тогда его сейчасъ въ корзинку, а тамъ и на рынокъ! Мамѣ денегъ принесемъ, а то и сами купимъ себѣ что нибудь»... Сказано—сдѣлано.

Картинка А. Журдана не требуетъ многословнаго описанія. Мальчикъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ сестренкой своей, добрался таки до желаннаго пункта—большого камня на самомъ берегу моря. Зоркій глазъ его подмѣтилъ сидящаго въ норкѣ большого крабба... «Ухъ, славная добыча! Давай-ка рыбку! Приманить надо его—такъ-то не поймаешь. Да приготовь другую на всякій случай»... Рыбка насажена на сучекъ... Ну, теперь надо смотрѣть въ оба. Ракъ зашевелился при видѣ соблазнительной приманки, но, какъ видно, не рѣшается схватить ее. Можетъ быть онъ удивляется и никакъ не можетъ понять, почему эта рыбка надъ водой, а не въ водѣ? Тутъ что-то не ладно!.. Пусть ракъ размышляетъ, медлитъ—а ужъ быть ему въ корзинкѣ, потому что мальчикъ терпѣливъ, и такой добычи ни за что не упуститъ. Взгляните на личико дѣвочки: какъ она заинтересована этой охотой! Губки ея сжаты, но она, кажется, говоритъ: «Вотъ—сейчасъ—сейчасъ... онъ будетъ нашъ!»...

Эмсъ.

Нассауская провинція обладаетъ необыкновеннымъ богатствомъ минеральныхъ водъ, между которыми наиболѣе замѣчательны и извѣстны около 20 источниковъ и колодцевъ въ Эмсѣ. Черезъ нихъ небольшой городокъ Эмсъ, съ 5,600 жителей, пріобрѣлъ всемірную славу цѣлебнаго мѣста. Благопріятное мѣстоположеніе въ живописной долинѣ быстрой рѣчки Ланы, прелестныя, прохладныя, лѣсистыя окрестности, близость Рейна—этой большой дороги всѣхъ туристовъ и частыя посѣщенія высокихъ особъ—сдѣлали изъ Эмса роскошныя минеральныя воды, которыя ежегодно посѣщаются больными въ числѣ отъ 10 до 11 тысячъ человѣкъ. Множество очень хорошихъ гостинницъ, съ устройствомъ и цѣною для людей всѣхъ состояній и замѣчательныя удобства для лѣченія способствуютъ увеличенію числа посѣтителей и дѣлаютъ жизнь во время лѣченія тѣмъ болѣе пріятною и занимательною, что здѣсь удовлетворяется потребность быть въ хорошемъ обществѣ. Кабинеты для чтенія, концерты, нѣмецкій и французскій театры доставляютъ богатый источникъ для развлеченія.

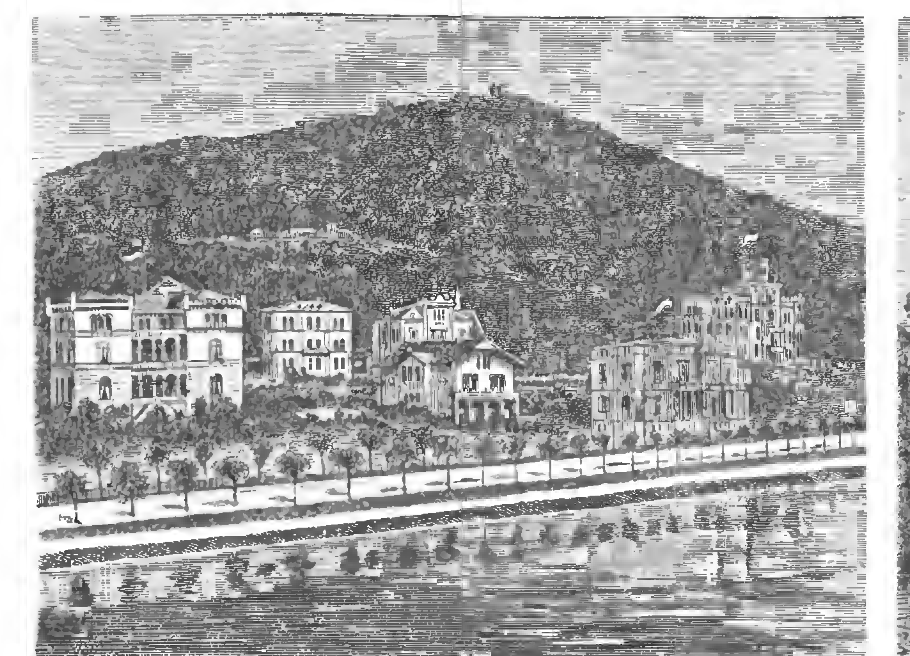
Наши картинки могутъ дать наглядное понятіе о мѣстоположеніи города и зданій его минеральныхъ водъ. Лѣсистые склоны горъ близко подходятъ здѣсь къ берегу Ланы, и узкая долина у подошвы ихъ вся застроена рядомъ великолѣпныхъ зданій минеральныхъ водъ, отелей, публичныхъ и частныхъ построекъ. Между ними наибольшій интересъ для насъ представляютъ кургаузы и источники, которымъ Эмсъ обязанъ своею извѣстностью и множествомъ посѣтителей. Такъ, на первой картинѣ мы представляемъ нашимъ читателямъ видъ курзала; здѣсь находится часть источниковъ, у которыхъ толпятся массы народа въ утренніе и предъобѣденные часы дня. Въ курзалѣ находятся естественные и искусственно проведенные источники, которые служатъ частью для питья, а частью для купанья. Въ разныхъ частяхъ зданія устроено множество ваннъ, стоющихъ отъ 7 зильбергрошей до 1 талера, смотря по большей, или меньшей роскоши ихъ устройства. Комнаты же верхняго этажа отдаются для помѣщенія пріѣзжающимъ. Кургаузъ, предназначенный для пріѣзда Германскаго Императора, занимаетъ значительную часть долины праваго берега Ланы и состоитъ изъ обширныхъ построекъ. На второй картинѣ изображенъ курзалъ съ изящными замками, построенный въ 1839—1844 г. на правомъ берегу рѣки Ланы. Онъ представляетъ сосредоточіе и сборный пунктъ всего лечащагося общества, такъ какъ кромѣ собственно курзала, украшеннаго фресками въ помпейскомъ стилѣ и мраморными колоннами въ нижнемъ этажѣ зданія помѣщаются различныя боковыя залы съ рестораномъ и съ читальнями, а наверху концертныя и театральныя залы; снаружи идетъ колоннада съ магазинами.

Садъ, прилегающій къ курзалу, соединяется прекрасными аллеями съ лѣсистыми склонами горъ, которые, окружая Эмсъ какъ бы величественнымъ природнымъ паркомъ, вмѣстѣ съ прелестными окрестными виллами, деревенскими домиками и живописными постройками, увеличиваютъ удовольствія здѣшняго мѣстопребыванія.

Третья картинка представляетъ нѣкоторыя изъ изящныхъ комфортабельныхъ виллъ въ окрестности города, а на четвертой изображенъ красивый видъ кургауза, носящаго названіе «Четырехъ Башенъ» и состоящаго въ связи съ образцовымъ отелемъ англійскаго двора, гдѣ неоднократно помѣщался и пребываетъ въ настоящее время Его Величество Государь Императоръ Всероссійскій.

Правый болѣе населенный берегъ соединенъ съ лѣвымъ, на которомъ находятся новый домъ для купанья и мѣстечко Шписъ-Эмсъ, посредствомъ мостовъ: чугуннаго на аркахъ, съ рѣшоткою на мраморныхъ столбахъ и плашкоутнаго вблизи Англійскаго двора. (Первые два моста видны на картинкѣ, изображающей общій видъ города). Для питья изъ Эмскихъ источниковъ особенно замѣчательны Кессельбрунненъ, Крэнхенъ, Фюрстенбрунненъ, Августафельзенквелле, Викторія и Энзенфельзенквелле, съ температурой отъ 16 до 37° R; вслѣдствіе чего ихъ слѣдуетъ пить непосредственно изъ источника.

Пребываніе Государя Императора за границею: виды города Эмса.

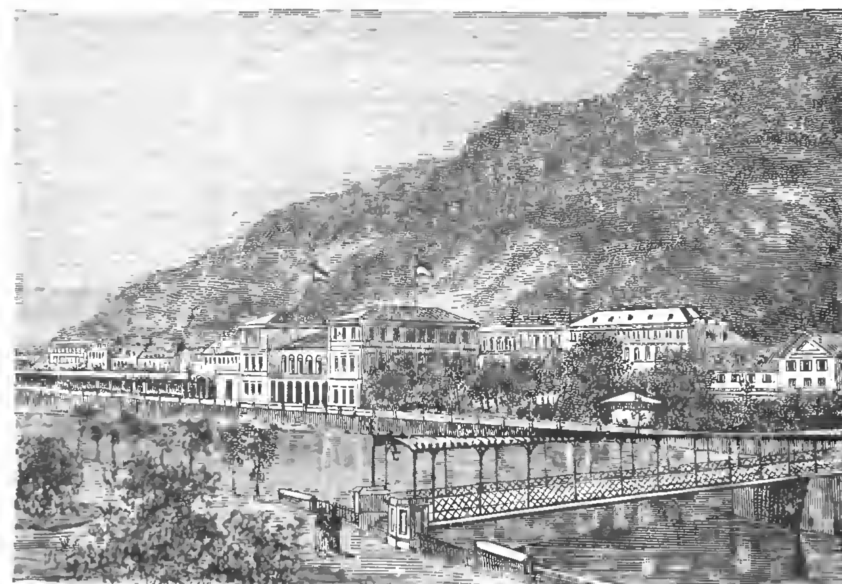

Разныя дачи въ окрестностяхъ Эмса.

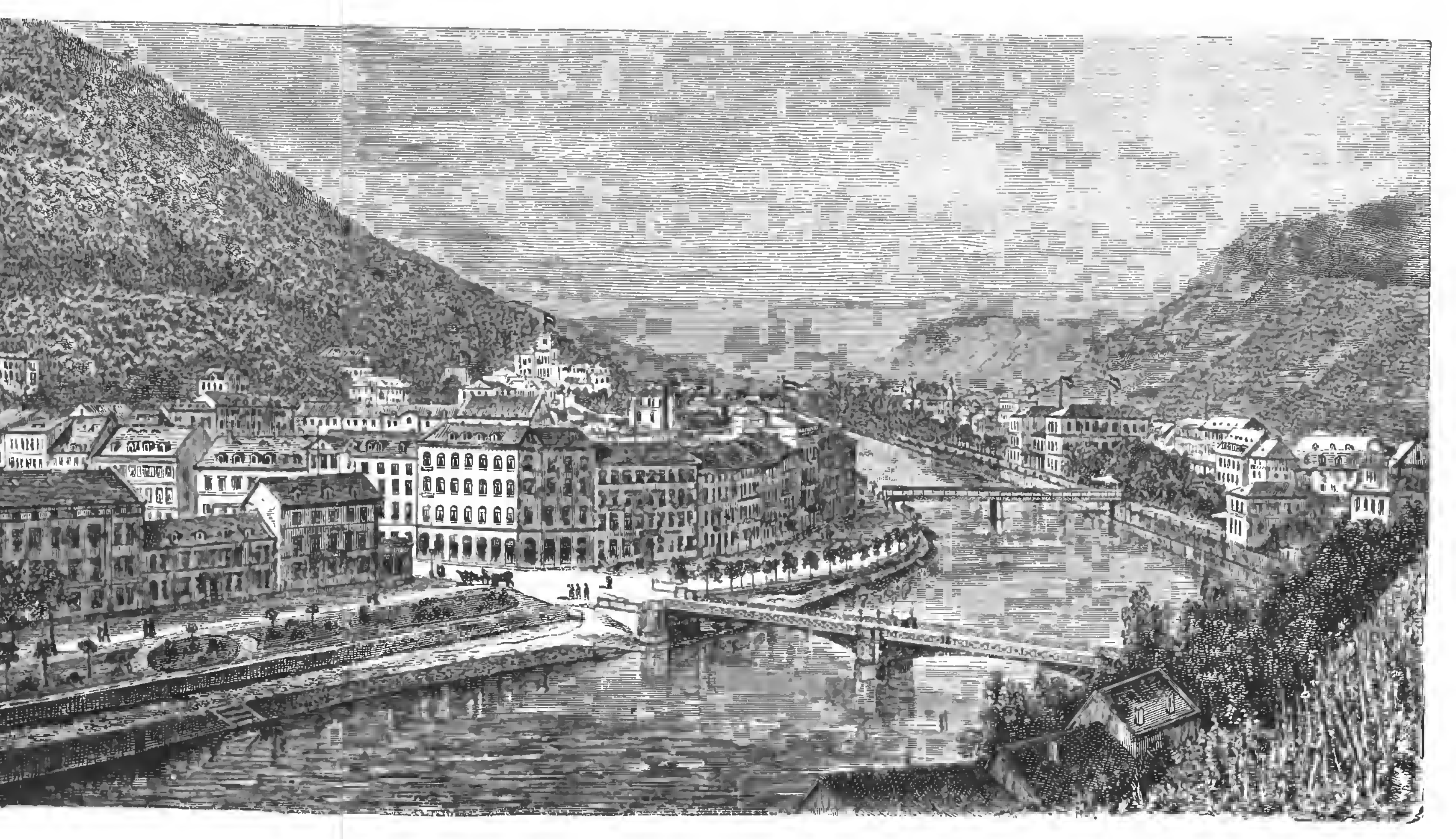
Четырехбашенный замокъ, мѣстопребываніе Императора Всероссійскаго.

Кургаузъ, мѣстопребываніе Императора Германскаго.

Общій видъ курзала въ Эмсѣ.

Общій видъ города Эмса.

Хозяйственные совѣты.

Хорошее копченое мясо приготовлять можно по слѣдующему способу: окорокъ или вообще мясо, которое желательно прокоптить, пропитать хорошенько смѣсью изъ 32 частей поваренной соли и одной части селитры, затѣмъ обсыпать его ржавыми или пшеничными отрубями, завернуть въ бумагу, употребляемую для печати, и приступить къ копченію мяса. Бумага предохраняетъ это мясо отъ вліянія непріятныхъ испареній и не даетъ ему слишкомъ засохнуть.

Фрикадели. Остатокъ жареной телячьей ляшки разрѣзать на кусочки въ палецъ длиною, въ палецъ толщиною и въ два пальца шириною, прошпиговать ихъ шпекомъ и опустить прошпигованныя фрикадели въ горшокъ, употребляемый для приготовленія душенаго мяса. Въ горшокъ этотъ прибавить: полфунта масла, штукъ шесть сардинокъ въ рубленномъ видѣ, лимонъ разрѣзанный на кружки, бѣлаго перца въ цѣльномъ видѣ, небольшое количество воды и мушкатнаго цвѣту и, накрывъ горшокъ, поставить его въ горячую духовую печь. Кость ляшки можно отварить въ водѣ и полученный такимъ образомъ отваръ употребить вмѣсто воды. Фрикадели эти идутъ къ тертому картофелю и т. п.

Пересылка живой рыбы. Намочивъ кусокъ хлѣбнаго мякиша водкой, положить его въ ротъ рыбы и влить туда еще небольшое количество водки. Затѣмъ нужно завернуть рыбу въ свѣжую солому, перевязать солому толстыми нитками и запаковать ее въ холстъ. По доставленіи рыбы на мѣсто назначенія, слѣдуетъ освободить ее скорѣй отъ соломы и пустить въ свѣжую воду, въ которой рыба приходитъ скоро въ себя и начинаетъ плавать. Большихъ рыбъ можно такимъ образомъ сохранить живыми въ продолженіи восьми дней и отправить за тысячи верстъ.

О картофельной мукѣ. Картофельная мука во многихъ домашнихъ хозяйствахъ хотя и бываетъ употребляема нерѣдко для приготовленія разныхъ пирожныхъ, тортовъ, пуддинговъ, кремовъ и т. п., но покупка ея обходится не дешево, такъ какъ въ продажу мука эта идетъ въ незначительномъ количествѣ. Между тѣмъ способъ приготовленія картофельной муки домашними средствами довольно простъ. Этотъ испытанный способъ состоитъ въ слѣдующемъ: очистить отъ шелухи по возможности крупныя красныя картофелины, которыя должны непремѣнно заключать въ себѣ значительное количество мучныхъ частицъ; затѣмъ промыть ихъ и растереть. Полученную массу нужно окатить водой и хорошенько протереть, потомъ пропустить ее чрезъ мелкое сито, всего лучше волосяное, и полученную такимъ образомъ осадку слѣдуетъ промывать нѣсколько разъ и до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлается достаточно бѣлой. Затѣмъ этотъ осадокъ нужно просушить на воздухѣ или на солнцѣ и растереть его руками какъ можно мелче. Болѣе твердые комки муки, которые невозможно будетъ раздавить, могутъ быть употребляемы вмѣсто саго, приготовленная же такимъ образомъ мука можетъ замѣнить крахмалъ. Во всякомъ случаѣ растертыя картофелины должны быть промываемы до тѣхъ поръ, пока мучныя частицы не отдѣлятся совершенно отъ волоконъ, которыя могутъ быть употребляемы затѣмъ въ кормъ для домашняго скота.

Для приготовленія обыкновеннаго уксуса нужно употребить два боченка, изъ которыхъ одинъ для приготовленія, а другой для сохраненія уксуса. Оба боченка должны быть дубовые и хорошо обиты желѣзными обручами. На первомъ изъ боченковъ, на передней сторонѣ, въ прямомъ направленіи подъ краномъ или трубкой, на 1 или $1^1/_2$ дюйма отъ края, необходимо просверлить отверстіе, которое должно имѣть въ поперечникѣ $^1/_2$ дюйма. Оба боченка поставить въ погребъ, который зимой можетъ быть содержимъ въ теплѣ. Сперва наполнить первый боченокъ до отверстія совершенно чистымъ, химическимъ уксусомъ, для чего достаточно будетъ употребить около 10 мѣръ. Дать боченку простоять двѣ недѣли и затѣмъ, отливъ изъ него три мѣры, вылить ихъ въ другой боченокъ и замѣнить таковымъ же количествомъ кипяченой воды, въ которую, прежде слитія въ боченокъ, прибавить еще 12 унц. чистѣйшаго 90° (по Трал.) виннаго спирта. По истеченіи еще двухъ недѣль, операцію эту слѣдуетъ опять повторить и поступать такимъ образомъ непрерывно. Послѣ того, какъ второй боченокъ будетъ наполненъ, можно приступить къ употребленію въ дѣло находящагося въ немъ и очень пріятнаго на вкусъ уксуса.

Мыло для вывода жирныхъ и другихъ пятенъ на одеждѣ. Взять 2 фун. такъ называемаго испанскаго мыла и $^1/_2$ фун. поташу, распущеннаго въ $^1/_2$ бут. воды; разрѣзать мыло на кусочки и проварить ихъ вмѣстѣ съ поташемъ. Когда масса эта начнетъ сгущаться, то нужно прибавить къ ней: $^1/_2$ унц. камфоры, 1 унц. алкоголя и 1 унц. спирту оленьяго рога, и затѣмъ полученную массу формовать въ видѣ дощечекъ.

Полировка мебели. Смѣшавъ въ горшкѣ, не бывшемъ въ употребленіи, одинъ лотъ алканнаго корня съ 5—6 столовыми ложками льнянаго масла, дать прокипѣть этой массѣ на угольяхъ, жаръ которыхъ долженъ быть умѣренный. По охлажденіи массы, мазать ею мебель, а по прошествіи сутокъ полировать ее посредствомъ замши или суконной тряпки. Мебель, принявшую отъ времени тусклый видъ, можно сдѣлать такимъ образомъ вновь блестящею и придать ей приличный видъ.

Сохраненіе зимою яицъ. Одинъ изъ самыхъ лучшихъ и простѣйшихъ способовъ сохраненія зимою яицъ заключается въ томъ, чтобы уложить ихъ концами внизъ на чистой, сухой соли, насыпанной въ горшки или боченки, и за тѣмъ поставить послѣдніе въ сухомъ мѣстѣ. Соль въ этомъ случаѣ можетъ быть также замѣнена и древесной золой. Яица сохраняются еще лучше, если прежде укладки вымазать ихъ какимъ либо жирнымъ или масляным веществомъ.

Чистка бѣлыхъ гипсовыхъ фигуръ. Если на гипсовыхъ фигурахъ образовался отъ времени затвердѣлый слой пыли, то нужно покрыть ихъ слоемъ густого, горячаго крахмала на 1 вершокъ толщиной Когда слой крахмала совершенно высохнетъ, слѣдуетъ отдѣлить его отъ гипсовой фигуры посредствомъ какого-либо остроконечнаго инструмента, при она получаетъ свой первобытный бѣлый видъ. Вслучаѣ, если фигуры уже черезчуръ грязны, то изъ смѣси гипсоваго порошка съ водой необходимо приготовить растворъ, коимъ и слѣдуетъ вымазать фигуры послѣ промывки ихъ крахмаломъ.

Средства для истребленія древесныхъ червей. Находящагося въ деревѣ и для мебели столь вреднаго червя можно истребить вливаніемъ бензина въ отверстія, сдѣланныя червемъ. Предохранить дерево отъ появленія новыхъ червей можно смазываніемъ его совершенно легкимъ, для рукъ безвреднымъ слоемъ раствора сулемы (хлористой ртути).

Смѣсь.

Самая большая фабрика спичекъ находится въ Богеміи, близь Пильзена. Она расходуетъ ежегодно 3,000 австр. клафт. дерева, 300 центн. сѣры и отъ 6 до 7 центн. фосфора. Коробки для упаковки спичекъ, въ количествѣ не менѣе трехъ милліоновъ, доставляетъ одно изъ исправительныхъ заведеній. Спички на этой фабрикѣ приготовляютъ посредствомъ обыкновеннаго струга, съ помощію котораго одинъ рабочій, въ продолженіи двѣнадцати часовъ можетъ сдѣлать до двухъ милліоновъ спичекъ.

По извѣстія изъ Калькутты, королева, въ память посѣщенія принцемъ Уэльскимъ Индіи, назначила его полковникомъ восьми туземныхъ полковъ, изъ числа которыхъ, полковъ его имени будетъ четыре, а остальные—имени королевы. 11 марта принцъ, принявъ прощальный адресъ отъ жителей Бомбея, отправился изъ этого города въ Англію на пароходѣ «Сераписъ». Кромѣ симпатій населенія, высокій путешественникъ привезъ съ собою еще много подарковъ. За исключеніемъ дорогихъ подарковъ, состоящихъ изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, а также своей собственной охотничьей добычи, заключающейся въ тигровыхъ шкурахъ и слоновыхъ клыкахъ, принцъ привезъ еще много представителей животнаго царства Индіи, какъ-то: маленькихъ тигровъ и молодыхъ слоновъ, под..ренныхъ ему индѣйскими князьями.

Въ послѣднихъ числахъ февраля черезъ станцію Саарбрюкенъ провозилось много римскихъ древностей какъ-то: рельефныя изображенія, части колоссальной мраморной урны и т. д. Всѣ эти древности были найдены въ селѣ Велленъ (къ сѣверозападу отъ Саарбурга, напротивъ Люксембургскаго мѣстечка Гревенмакеръ) и будутъ выставлены въ археологическомъ музеѣ въ Боннѣ. О томъ, какъ отыскали эти девности, разсказываютъ слѣдующее: при производствѣ земляныхъ работъ, во время постройки трирско-диденгофенской желѣзной дороги, наткнулись въ саду одной гостиницы на стѣны, очевидно римской постройки. При дальнѣйшихъ раскопкахъ, сдѣланныхъ съ величайшею осторожностью, открылись подземные своды римской бани. Баня, какъ кажется, составляла часть римской виллы, построенной въ 3 или 4 столѣтіи по Р. Х., и судя по найденнымъ остаткамъ колоннъ, украшеній, рельефовъ и мозаикъ, была устроена весьма роскошно. Въ томъ же самомъ мѣстѣ, найдено еще, какъ слышно, довольно много римскихъ монетъ, колецъ и женскихъ золотыхъ украшеній.

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

Особая коммисія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ пришла къ заключенію, что генералъ-губернаторства могутъ имѣть мѣсто лишь на окраинахъ Азіатской Россіи, и полагала необходимымъ образовать три генералъ-губернаторства: 1) степное — съ центромъ въ Омскѣ, изъ областей: Уральской, Орской, нынѣ Тургайской (съ землей оренбургскихъ казаковъ), Омской, нынѣ Акмолинской, и Семипалатинской; 2) туркестанское, съ центромъ въ Ташкентѣ—изъ областей Сыр-Дарьинской, Самаркандской и отдѣловъ Тянь-Шанскаго и Аму-Дарьинскаго; 3) амурское—съ центромъ въ Благовѣщенскѣ, изъ губерній Забайкальской (нынѣ области) и области Приамурской (нынѣ областей Амурской и Приморской).

Военное дѣло.

Утверждены военнымъ министромъ временныя правила, для храненія, перевозки, испытанія и освѣженія комплектныхъ металлическихъ, герметически укупоренныхъ патроновъ; правила приняты для руководства на два года, по истеченіи каковаго срока вмѣнено въ обязанность представлять соображенія, относительно удобопримѣнимости ихъ, согласно указаніямъ опыта.

— Мы слышали, что, по вопросу о введеніи въ Финляндіи всеобщей воинской повинности, предполагается установить, чтобы молодые люди, окончившіе курсъ въ университетѣ или политехническомъ институтѣ, несли дѣйствительную службу не болѣе шести мѣсяцевъ, а студенты и гимназисты—не болѣе года и трехъ мѣсяцевъ; наконецъ, юноши, окончившіе образованіе въ городскихъ или другихъ низшихъ школахъ, несли бы дѣйствительную службу по два года, а всѣ прочіе граждане, не получившіе образованія, находились бы въ дѣйствующемъ корпусѣ по три года.

Морское дѣло.

Изъ Лондона телеграфируютъ: „Франція присоединилась къ Англіи, Россіи и Германіи въ дѣлѣ уничтоженія пиратства на китайскихъ водахъ».

— Въ „Moniteur de Flotte“ пишутъ, что число погибшихъ на англійскихъ купеческихъ корабляхъ въ 1870, 1871 и 1872 годахъ простирается до 5,916 человѣкъ; изъ этого числа погибло моряковъ 5,531 и пассажировъ 385 человѣкъ, что составляетъ среднимъ числомъ до двухъ тысячъ погибшихъ въ годъ.

Народное образованіе.

«Gazeta Handlowa» слышала, что проектъ устава о ремесленныхъ училищахъ, на устройство которыхъ завѣщанъ г. Канарскимъ капиталъ, уже пересланъ въ С.-Петербургъ.

— «Русск. Инв.» говоритъ, что школы оренбургскаго казачьяго войска, давая значительное число грамотныхъ людей въ строевыя части, приносятъ большую пользу въ дѣлѣ упроченія чисто-русскихъ началъ на войсковой территоріи, такъ какъ въ составъ войска входитъ значительный процентъ инородческаго мусульманскаго населенія, которое, одинаково съ русскимъ, отдаетъ своихъ дѣтей въ войсковыя школы. Въ настоящее время, во всѣхъ трехъ отдѣлахъ войска 325 школъ съ 12,629 учащимися. Сверхъ того, есть школа офицерскихъ дѣтей съ 35-ю учениками.

— Слышно, что существуетъ предположеніе установить преміи для тѣхъ содержателей и содержательницъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаваніе и воспитаніе будетъ идти особенно успѣшно.

Промышленность.

Изъ напечатанныхъ въ «Твер. Губ. Вѣд.» свѣдѣній о фабричномъ и заводскомъ производствѣ Тверской губерніи видно, что всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ 1875 г. было въ дѣйствіи 530, изъ коихъ 252 въ городахъ и 278 въ уѣздахъ; производительность ихъ опредѣлялась въ 19.517,221 руб., а число рабочихъ простиралось до 20,874 человѣкъ.

— «Gazeta Polska» сообщаетъ, что варшавскимъ промышленнымъ и земледѣльческимъ комитетомъ предполагается въ нынѣшнемъ году устроить двѣ выставки: одну—земледѣльческую, другую—промышленную.

Пути сообщенія.

Въ Тулѣ будетъ приступлено въ непродолжительномъ времени къ постройкѣ постояннаго моста чрезъ рѣку Упу, вмѣсто нижне-перекопскаго. Мостъ долженъ быть желѣзный, раскосной системы, шириною не менѣе девяти аршинъ проѣзднаго полотна, а стоимостью не превышать представленной смѣты въ 70,000 рублей.

Желѣзныя дороги.

«Вѣстникъ желѣзныхъ дорогъ и пароходства» сообщаетъ, что нарицательный капиталъ всѣхъ существующихъ въ Россіи обществъ желѣзныхъ дорогъ равняется 1,320,000,000 р. Изъ этой суммы, безъ гарантіи правительства, обращается 249,284,048 руб., а съ правительственною гарантіей 1,070,859,033 р.

Благотворительность.

«Wiek» сообщаетъ, что нѣкто, докторъ Боневичъ, умирая, завѣщалъ 7,500 руб. въ пользу недостаточныхъ вдовъ мѣстныхъ врачей; сумма эта, должна быть причислена къ постоянному капиталу варш. врач. общества, съ тѣмъ, чтобы проценты выдавались ежегодно въ день имянинъ жертвователя пяти вдовамъ врачей.

— «Kuryer Codzienny» сообщаетъ, что въ правленіе варш. благотворит. общества прислано неизвѣстнымъ лицомъ 500 рублей, съ просьбою, чтобы на эти деньги были куплены швейныя машины, и чтобы въ одной изъ залъ принадлежащаго обществу зданія дозволено было бѣднымъ женщинамъ безплатно шить на этихъ машинахъ.

— Кіевское общество попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ предполагаетъ, по словамъ «Кіевлянина», образовать въ Кіевѣ общину сестеръ краснаго креста, по образцу общины св. Георгія въ Петербургѣ.

— Въ Ригѣ, существуетъ заведеніе для идіотовъ. Въ заведеніи находятся въ настоящее время 10 воспитанниковъ, въ возрастѣ отъ 6 до 32 лѣтъ. Для развитія скудныхъ способностей этихъ несчастныхъ съ ними предпринимаются различныя физическія и психическія упражненія. Для развлеченія ихъ устраиваются разнаго рода игры, на подобіе употребляемыхъ въ дѣтскихъ садахъ, причемъ въ особенности музыка оказываетъ сильное и благотворное вліяніе на эти бѣдныя существа.

Новыя изобрѣтенія.

Передаютъ извѣстіе, что, во время американской выставки, поѣзды между Филадельфіею и Нью-Йоркомъ будутъ ходить со скоростью ста пятидесяти верстъ въ часъ. Для этой цѣли приготовлены особаго рода локомотивы на механическомъ заводѣ президента Грана. Директоръ этого завода, а также изобрѣтатель такихъ локомотивовъ—уроженецъ Варшавы и бывшій воспитанникъ варшавскаго реальнаго училища, Ѳома Краевскій.

Слухи.

Газеты сообщаютъ, что нѣсколько европейскихъ ученыхъ имѣютъ намѣреніе посѣтить нынѣшнимъ лѣтомъ Россію. Говорятъ, что изъ Франціи пріѣдетъ Катрфажъ, изъ Германіи—Вирховъ, а изъ Англіи—Дарвинъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Кишиневъ, подписчикамъ «Нивы»** Мы увѣрены, что совѣты ваши искренни, но не все то исполнимо, что искренно совѣтуется, и притомъ,—на всѣхъ не угодишь. Сравните «Ниву» прежнихъ лѣтъ съ «Нивою» настоящаго года, и убѣдитесь, что заботы наши объ улучшеніи изданія неограничиваются только приложеніемъ премій. Мы не говоримъ уже о приложеніи модъ, которыхъ, напримѣръ, въ 1870—71 г. вовсе не было, въ 1873 г. было очень мало и на которыя расходы наши въ настоящее время болѣе чѣмъ удесятерились, но указываемъ на улучшенія «Нивы» въ художественномъ и литературномъ отношеніяхъ. Разныя извѣстія не могутъ не отставать отъ газетныхъ, ибо «Нива», во первыхъ, не ежедневный журналъ, а во вторыхъ печатаніе 25 тысячъ экземпляровъ требуетъ заблаговременнаго заготовленія матеріала. Обѣщанныя оригинальныя повѣсти и разсказы будутъ въ настоящемъ году своевременно напечатаны; что же касается указанія на замедленіе въ печатаніи продолженій нѣкоторыхъ статей, то нужно быть болѣе близко знакомымъ съ внутренней жизнью изданія, чтобы ставить ему въ упрекъ это замедленіе и въ особенности указывать на необходимость немедленнаго печатанія такихъ статей, которыхъ печатаніе редакція обусловила обѣщаніемъ въ формѣ «*когда нибудь*». За симъ упрекъ за ненапечатаніе въ 1875 году нѣкоторыхъ обѣщанныхъ повѣстей мы, конечно, обязаны принять молча, но, повторяемъ, если бы читатели ближе стояли къ издательскому дѣлу и были бы знакомы съ тѣми многочисленными обстоятельствами, въ коихъ находится литературная сторона изданія, то не сдѣлали бы намъ такого упрека.

2) **Моншаны, г. В. Л—ову.** Пожары и падежи скота, какъ вы можете убѣдиться изъ статистическихъ свѣдѣній, ежегодно публикуемыхъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», составляютъ несчастіе не только Мокшанъ, но и всей Россіи. Для того, чтобы страна могла съ достаточною силой бороться противъ этого величайшаго зла, мало тѣхъ печатныхъ обличеній, на пользу отъ которыхъ вы возлагаете надежду, необходимы другія мѣры, и, насколько намъ извѣстно, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ вопросъ о борьбѣ съ этимъ зломъ занимаетъ видное мѣсто.

3) **Варшава, г. Т. Д.** Стихи не будутъ напечатаны. Если хотите знать почему, то прочтите любую изъ теорій словесности и узнаете, что достоинства художественнаго произведенія выражаются, какъ въ музыкѣ, такъ равно въ живописи и литературѣ, такъ называемою художественною правдою, т. е. воспроизведеніемъ явленій дѣйствительной жизни въ ясныхъ и опредѣленныхъ образахъ, полныхъ мысли и чувства. Ничего подобнаго нѣтъ въ вашихъ стихахъ.

4) **Игуменъ** (Минской губерніи) **Самуилу Н—вичу.** Вы пишете, что ваши произведенія не разъ «выдержали уже самые зоркіе взгляды строжайшихъ критикъ». Это хорошо, что они такъ выносливы, но это не можетъ все таки искупить ихъ литературныхъ недостатковъ. И хороши же должны быть критики, посовѣтовавшіе вамъ печатать ваши произведенія!

5) **Ржевъ, А. Л. Гр—еву.** Въ стихахъ вы просите смягчить муки вашего сердца. Средство для этого, по нашему мнѣнію, есть вѣрное—не писать вовсе стиховъ.

6) **Станція Нитновна** (Черниговской губерніи) **М. Р—вой.** Ваше сочиненіе: «Институтъ и институтки» не можемъ принять. Институтская жизнь сто разъ уже описывалась и, извините, болѣе талантливо. Что касается послѣдней главы (о гимназіяхъ), то смѣемъ увѣрить васъ, что вы имѣете къ высшей степени ложное понятіе о человѣческихъ достоинствахъ

7) **Москва** (д. Трапезникова) **П. В. Я—ву.** Повѣсть ваша неудобна къ печати по своему сюжету, да и вообще, напрасно вы беретесь поучать, когда нужно самому еще поучиться.

8) **Тула, П. С Трипновсному.** Разсказы Соснецкаго, «Рамсъ» и «Странный человѣкъ» не годятся. Повѣсть же „На рубежѣ паденія“ можно принять при сокращеніи на половину и подъ другимъ названіемъ. Просимъ увѣдомить объ условіяхъ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА.

7-го мая 1876 года,

	Покупатели.	Продавцы.	Продано.
5% заемъ съ выигр. 1-го выпуска	$218\frac{1}{4}$	219	218,219,$218\frac{1}{2}$
5% заемъ съ выигр. 2-го выпуска	$212\frac{1}{4}$	213	$212\frac{1}{2}$,213
5% банк. бил. 1-го выпуска	100	$100\frac{1}{4}$	—
5% » » 2-го »	100	$100\frac{1}{4}$	$100\frac{1}{8}$
5% » » 3-го »	$99\frac{7}{8}$	$100\frac{1}{4}$	—
5% обл. Спб. Гор. Кред. Общ.	$91\frac{7}{8}$	$92\frac{1}{8}$	92,$92\frac{1}{8}$
АКЦІИ.			
125 р. Гл. Общ. Рос. Жел. Дорогъ	$164\frac{1}{2}$	$164\frac{3}{4}$	$164\frac{1}{2}$
125 » Рижско-Динабургск. .	128	129	—
100 » Московск.-Рязанск. .	309	—	310,$310\frac{1}{2}$
125 » Орловск.-Витебск. . .	138	—	—
20 ф. с. Витебск.-Динаб. .	139	141	—
100 р. Рыбинск.-Вологов. . .	93	$93\frac{1}{2}$	$93\frac{3}{4}$,$93\frac{1}{4}$
100 » Тамбовск.-Козлов. . .	—	73	—
125 » Моск.-Брестск.	$79\frac{1}{4}$	80	$79\frac{1}{2}$

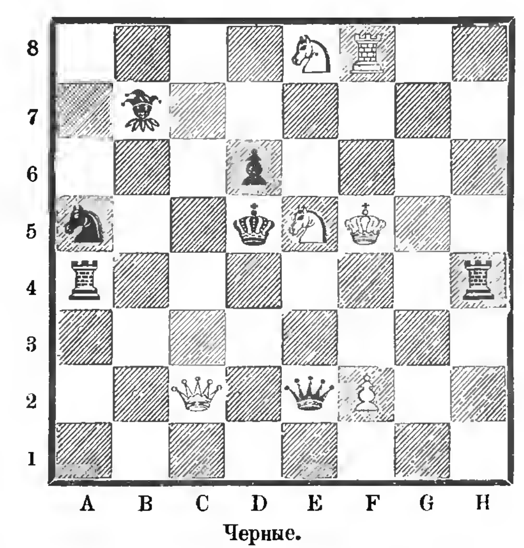
ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Жидъ Купи, панъ, ружье.
Хохолъ. Да чтожь оно кривое?
Жидъ. А такъ и нузно: и прямо мозно палить, и изъ за угла не страсно.

ЗАДАЧА

Бѣлые.

A B C D E F G H

Черные.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Рѣшеніе задачи въ слѣдующемъ нумерѣ.

СОДЕРЖАНІЕ. **Николай Михайловичъ Пржевальсиій** (съ портретомъ). **Д. Б.—Буйволъ** (Bubalus) (съ рисункомъ). **Н. Зуева.—Эдистонсиій маякъ** (съ рисункомъ).—**Въ домѣ иоммерціи совѣтиика.** Повѣсть **Э. Марлитта** (продолженіе).—**Онъ будетъ нашъ!** (съ рисункомъ). **Эмсъ** (съ 5-ю рисунками).—Хозяйственные совѣты.—Смѣсь.—Разныя извѣстія.—Почтовый ящикъ. — С.-Петербургская биржа. — **Юмористичесиіе очерии** (съ рисункомъ).—Шахматная задача.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 11 Мая 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб., Больш. Морская, д. № 6. Тип. [illegible] Англ. пр., № 10.

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 21 — 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ. (ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ).

Выданъ 24 Мая 1876 г.

Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Салоники.

Салоники, древнія Ѳессалоники, нынѣ главный городъ Румелійскаго санджака, расположенный полукругомъ въ одномъ изъ заливовъ архипелага, среди гористой, многоводной и богатой многими естественными и минеральными произведеніями мѣстности, считается однимъ изъ главнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ Европейской Турціи. Благодаря своему географическому положенію, Салоники уже въ древности былъ цвѣтущимъ и роскошнымъ городомъ. Здѣсь сохранились многіе остатки римскаго зодчества, къ сожалѣнію обезображенные; еще цѣла тріумфальная арка, воздвигнутая, какъ думаютъ, въ честь Августа,

Общій видъ города Салоники. Съ фотографіи грав. Вейерманъ.

древній гипподромъ и часть колоннады, выстроенной при Неронѣ. При раскопкахъ въ городѣ отрыто множество античныхъ барельефовъ, мозаикъ и монетъ. Много замѣчательныхъ по своей архитектурѣ церквей свидѣтельствуютъ о прежнемъ богатствѣ и набожности христіанскаго населенія Салоникъ, до подчиненія его мусульманскому игу. Нынѣ многіе изъ этихъ древнихъ и прекрасныхъ церквей обращены въ мечети, какъ, напримѣръ, храмъ Св. Георгія и Св. Димитрія. Городъ очень красивъ съ моря; высокія зубчатыя стѣны и безчисленные минареты придаютъ ему очаровательный видъ. Внутренность же города, какъ вообще на востокѣ, представляетъ неправильныя узкія улицы и переулки и ряды однообразныхъ домовъ съ маленькими рѣшетчатыми окнами. По этимъ кривымъ и узкимъ улицамъ тянутся цѣлые караваны верблюдовъ, нагруженныхъ товарами и сопровождаемыхъ толпою оборванныхъ болгаръ — погонщиковъ. Множество разнообразныхъ типовъ толпится здѣсь, на улицамъ и площадяхъ; испанскіе евреи, греки, магометане, цыгане, негры и европейцы смѣшиваются здѣсь и пестрѣютъ своеобразными нарядами. Городъ раздѣленъ на нѣсколько кварталовъ, отдѣльныхъ для турокъ, христіанъ, евреевъ и цыганъ. Турки составляютъ преобладающее населеніе, и изъ нихъ преимущественно состоитъ низшій и средній классъ жителей. По своей численности за ними слѣдуютъ евреи, которыхъ приходится 35,000 на 80,000 жителей. Евреи называютъ здѣсь себя испанцами, такъ какъ они бѣжали сюда изъ Испаніи въ 1571 году, спасаясь отъ преслѣдованія инквизиціи. Умѣніе вести свои дѣла, столь свойственное еврейской расѣ, здѣсь, какъ и вездѣ, сосредоточило въ ихъ рукахъ самыя выгодныя профессіи: банкировъ, купцовъ, маклеровъ и ростовщиковъ, такъ что въ Левантѣ они считаются за самыхъ способныхъ и дѣловыхъ людей. Эти испанскіе евреи раздѣляются на множество разнообразныхъ сектъ, питающихъ другъ къ другу полнѣйшій антагонизмъ, доходящій до того, что они не могутъ ни жить подъ одною кровлей, ни пить, ни ѣсть изъ одного сосуда. Секта Мамини преобладаетъ въ Салоникахъ; приверженцы этой секты наружно исповѣдуютъ исламъ, а въ тайнѣ іудейство; по необходимости посѣщаютъ мечети, даже пилигримствуютъ въ Мекку, но не вступаютъ въ брачные союзы ни съ турками, ни съ евреями другихъ сектъ. Ихъ вѣроученіе и обрядность содержатся въ глубокой тайнѣ, и всѣ попытки турецкаго правительства разоблачить ихъ были вполнѣ неуспѣшны. Христіанъ въ городѣ весьма немного, по профессіи они преимущественно врачи, учителя и содержатели различныхъ торговыхъ заведеній; не мало встрѣчается австрійскихъ выходцевъ и даже существуетъ чешскій оркестръ увеселяющій въ садахъ и кофейняхъ разнохарактерную публику своими національными мотивами.

Въ Салоникахъ, какъ въ каждомъ приморскомъ городѣ, господствуетъ полнѣйшее смѣшеніе какъ племенъ, такъ обычаевъ и нравовъ. Новогреки, англичане и итальянцы несомнѣнно вліяли на складъ жизни мѣстнаго населенія; но этого цивилизующаго, европейскаго вліянія было недостаточно чтобы подавить фанатизмъ господствующаго мусульманскаго населенія. Послѣднія печальныя событія въ Салоникахъ—убійство европейскихъ консуловъ,—ясно доказываютъ настроеніе массы и враждебныя ея отношенія къ христіанскому населенію.

А. Н.

Рабочій день на биржѣ.

(Мои личныя впечатлѣнія и наблюденія).

I.

Бѣдность, нужда и невозможность найдти частной службы заставили меня, чиновника оставшагося за штатомъ, идти на голландскую биржу. Памятенъ мнѣ этотъ день. Было 4 часа утра, когда подошелъ я къ университету. Смотрю: идетъ какой-то бѣднякъ, съ веревкой черезъ плечо, съ узелкомъ, какъ и я же; пошолъ я за нимъ слѣдомъ.

Отъ угла университета, гдѣ стоитъ будка, мы пошли на противоположную сторону по какой-то галлереѣ, и дошли наконецъ до рѣшотки. Тутъ были люди всякихъ сословій и возрастовъ: и деньщики, въ своей характерной форменной фуражкѣ съ кантами, и кучера съ отекшей отъ пьянства физіономіей, въ изодраной нанковой безрукавкѣ, спившіеся мастеровые, заворовавшіеся прикащики, артельщики, повара съ генеральскихъ кухонь. Были тутъ и такіе экземпляры, о которыхъ трудно сказать положительно, что и кто они были прежде чѣмъ явились на биржу, потому что, ни по костюму, ни по физіономіи нельзя было опредѣлить, что это за субъекты; ихъ можно назвать биржевыми завсегдатаями, поденьщиками по профессіи; они тутъ родились, и какъ будто имъ на роду было написано дальше биржи не распространять своей дѣятельности. Такія завсегдатаи день работаютъ на биржѣ, ночь проводятъ въ петровскомъ или александровскомъ паркахъ на травкѣ-муравкѣ, или въ пустыхъ баркахъ, подъ мостами, и вездѣ, гдѣ только можно пріютиться на нѣсколько часовъ, не замѣченнымъ полиціей. Этотъ классъ поденьщиковъ представляетъ положительно особенность въ средѣ другихъ. Это совершенно отдѣльный типъ рабочихъ, встрѣчающійся исключительно на биржѣ. Зимой, когда прекращается навигація, они разсѣеваются по больницамъ и наводняютъ тюрьмы. Костюма они неимѣютъ, если не считать рубахи, штановъ, да иногда жилета. Штаны въ ихъ доспѣхахъ играютъ не маловажную роль, и потому болѣе предпочитаются парусинныя, какія употребляются рабочими на заводахъ. Были съ виду и на меня похожіе, не то чиновники, не то семинаристы, и мнѣ, глядя на нихъ, стало веселѣй. Потому ли, что я увидалъ себѣ подобныхъ, или почему другому—не знаю, но только, присмотрѣвшись къ толпѣ, я понялъ, что самъ представляю живое звено этой цѣпи, составленной изъ столь разнообразнаго матеріала.

У воротъ явился дрягильскій десятскій съ связкою жестяныхъ билетиковъ на веревочкахъ. Начался наборъ.

— На первый, двадцать человѣкъ, по полтиннику! кричитъ десятскій, и каждому рабочему выдаетъ по жестянкѣ.—На второй 30 человѣкъ, и т. д.

При первыхъ выкрикахъ дрягиля я началъ тискаться къ рѣшоткѣ, что бы получить нумеръ.

— Куда лезешь, чиновалъ, надорвешся! Я почувствовалъ что здоровенная рука остановила меня за фалды сюртука, оглянулся: сзади меня стоитъ плечистый парень, въ дырявой широкополой тирольской шляпѣ, въ рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, надѣтой поверхъ испачканныхъ дегтемъ парусинныхъ штановъ, съ засученными выше локтя рукавами. Я смотрѣлъ на него въ недоумѣніи.

— Ты, какъ видно, не полированъ еще, — продолжалъ онъ наставительно — лѣзешь на второй. Отъ словъ этого тирольца я остановился.

— На 10-й, тридцать два-по тридцати! прокричалъ снова дрягиль.

На десятый, не смотря на то, что вмѣсто полтинника давали только тридцать коп., всѣ, точно наэлектризованные, кинулись къ воротамъ, наперерывъ хватая у дрягиля жестянки.

Тиролецъ, изъ первыхъ кинувшійся къ рѣшоткѣ, оглянулся, и увидѣвъ что я стою, началъ мнѣ махать рукой.

— Ты должно еще новикъ, первый день тутъ работаешь — отнесся ко мнѣ другой поденьщикъ — такъ, значитъ, и не знаешь гдѣ тепло, а гдѣ дуетъ.

Я сознался.

— Ну, такъ ты держись за насъ обѣимъ рукамъ, мы тебя худому не научимъ, мы тутъ завсегда, кажный день, работаемъ. — Эй, Васька! Смотри, нашего полку прибываетъ: самъ его высоко не перескочишь пожаловалъ!

Васькой оказался мой совѣтникъ въ тирольской шляпѣ.

Молодецъ! заключилъ онъ, потрепавши меня по плечу. Немного жидковатъ, ну да ничего, поокрѣпнешь!

Маршъ на штабель! скомандовалъ дрягиль.

— Это куда же? полюбопытствовалъ я у одного изъ рабочихъ въ ватномъ бухарскомъ халатѣ и валенкахъ.

— А на 10-й штабель, значитъ, отвѣтилъ халатъ, а ты иди не отставай, добавилъ онъ, такъ увидишь.

Пошолъ я сзади. Пришли на пристань. Штабелемъ оказалось пространство, на которое раздѣлялась вся пристань; во всю длину пристани, на равномъ одно другому разстояніи, въ гранитной обшивкѣ набережной были высѣчены нумера, обозначающіе нумера штабелей. Всѣхъ штабелей на пристани было 17.

Каждый штабель заключалъ въ себѣ такое пространство, какое могъ занять корабль. Кромѣ того, въ каждомъ штабелѣ, помѣщалось нѣсколько кораблей рядомъ. На нашемъ десятомъ штабелѣ было три. Пристань сплошь была завалена разнымъ товаромъ: бочками съ масломъ, ящиками съ какими то машинами, сортовымъ желѣзомъ, чугунными трубами и проч.

На штабелѣ наша команда выстроилась въ шеренгу. Штабельный дрягиль провѣрилъ народъ счетомъ по жестянкамъ.

— Эй вы! закричалъ Васька:—за дегтемъ!

Принесли дегтю въ лагункѣ и швабру мочальную. Слѣдовало до звонка у всѣхъ тележекъ на своемъ штабелѣ вымазать оси дегтемъ.

— Ну-ка, ваше сіятельство! Берись за швабру, а я, значитъ, буду повертывать да указывать, говоритъ халатъ, тебѣ, чай, это внову, такъ ты учись, потому—подъ старость хлѣбъ будетъ. Я взялъ швабру и началъ такъ усердно мазать, точно и въ самомъ дѣлѣ ожидалъ отъ этой работы хлѣба подъ старость. Поденьщики, смотря на мою работу, скалили зубы, поощряли остротами.

— Ай-да чинарь! Ишь какъ у него густо выходитъ!

— Это онъ въ регистратурѣ научился, печати прикладывавши, вставилъ другой.

— Колеса мазать мастакъ, значитъ—не хвастунъ!

— Слышь, Васька! Мы его теперь на первый разъ пустимъ въ корню, посмотримъ: какъ его благородіе въ корню ходитъ.

Я отмалчивался.

— А ты думаешь какъ! Мы съ нимъ въ первой парѣ пойдемъ, продолжалъ Васька. Это что у тебя въ узелкѣ? полюбопытствовалъ онъ.

— Это мнѣ жена на завтракъ припасла, отозвался я простодушно.

— Ишь ты! Его, братцы, жена кормитъ, ухмыльнулся халатъ, а Васька не удовлетворился отвѣтомъ, пощупалъ руками висѣвшій у меня на поясѣ узелокъ.

Между тѣмъ пристань все болѣе и болѣе оживлялась. На корабляхъ матросы тоже готовились къ работѣ: снимали брезенты съ люковъ, приготовляли и прилаживали къ мачтамъ шторы, на которыхъ посредствомъ лебедки выгружали изъ кораблей товары. Нѣкоторые уже распорядились на счетъ кофе. Въ нашей командѣ оказался одинъ рабочій, пропившійся парикмахеръ, кое что мараковавшій по французски. Онъ пробрался на корабль и уже присусѣдился къ французскимъ матросамъ пить кофе. Тѣ, разумѣется, рады, что нашли съ кѣмъ поболтать на своемъ родномъ языкѣ, пріютили его и болтали, какъ со старымъ пріятелемъ. Но вотъ на Петропавловской крѣпости заиграли куранты 6 часовъ; раздался звонокъ на работу. Явились два досмотрщика: одинъ выгрузной или провожатый, а другой штабельный, въ каррикатурно сшитыхъ кепи, въ пиджакахъ, похожихъ на матросскіе, которые до того выгорѣли на солнцѣ, что трудно было опредѣлить, изъ какого матеріала они сшиты были: одна сторона рукава была черная, а другая рыжая, спина желто-зеленаго цвѣта, а клапанъ стягивающій талію—черный: такъ что весь костюмъ, казалось, былъ сшитъ изъ стараго сукна съ новымъ въ перемѣжку. Выгрузной, высокій солдатъ, съ загорѣлой подъ цвѣтъ костюма физіономіей, съ подстриженными усами, съ ярко вычищенной, мѣдной, таможенной бляхой на груди—держалъ въ рукѣ папку съ какими то бумагами. Къ папкѣ былъ привязанъ на ниткѣ кусочекъ карандаша. На пуговицѣ пиджака болтался пузырекъ съ чернилами.

Петру Ивановичу, наше вамъ-съ! Встрѣтилъ выгрузного Васька.

— А, ты опять ко мнѣ пожаловалъ, да и не одинъ ты, французъ тоже, кажется, здѣсь?

— Бонъ журъ, Петръ Ивановичъ! отозвался парикмахеръ съ корабля.

— Смотри ты, бунжуръ! У меня не накостить, какъ только замѣчу что, сейчасъ къ чертовой матери!

— Подавай телѣги! Закричали съ кораблей.

Началась выгрузка: завизжали, заскрипѣли, надрывающимъ душу звукомъ лебедки; поднимали изъ трюмовъ ящики, клали ихъ на телѣжки и потомъ свозили на пристань. Въ нашихъ корабляхъ оказался сахарный песокъ въ ящикахъ, орѣхи въ мѣшкахъ, черносливъ и вино въ бочкахъ. Васька, не смотря на дрягиля, ходившаго около телѣжекъ съ камышевкой, то и дѣло терся около мѣшковъ, да ящиковъ съ сахарнымъ пескомъ; то съ одной, то съ другой стороны пальцемъ поковыряетъ. Въ ожиданіи пока телѣжки нагрузятся, всѣ разсѣлись, гдѣ кто нашелъ удобнымъ, я тоже присѣлъ на уголокъ ящика.

— Ну, чтожь ты сидишь! Точно на имянинахъ! закричалъ на меня дрягиль, скоро повезутъ, а ты и присяги не припасъ!

Я вытаращилъ на него глаза

— Не тронь его, Митюха, вступился за меня Васька, его благородіе такъ потащитъ, просто ручками.

Тутъ я догадался въ чемъ дѣло: у меня не было лямки, тогда какъ у другихъ, у каждаго, висѣли на плечахъ мочальные веревки съ петлями на концахъ. У француза-парикмахера, та часть лямки, которая на плечахъ, была сшита изъ холстины и набита ватой, чтобы не больно было плечу. У Васьки была такая же лямка, но только съ приспособленіемъ не изъ холстины, а просто свернуть былъ въ нѣсколько разъ куль и надѣтъ на плечи, а отъ куля уже висѣла лямка съ петлей. Присягой ее называютъ именно потому, что безъ лямки на биржѣ нечего дѣлать. Лямками снабжали поденьщиковъ дрягили, вотъ почему дрягиль, увидя, что я сижу сложа руки и безъ лямки, закричалъ на меня. Спасибо, халатъ выручилъ, принесъ мнѣ откуда то новую, «на вотъ тебѣ, еще не надеванная», сказалъ онъ подавая мнѣ лямку. «Вашему брату все найди да подай». Я сталъ прилаживать ее на плечо, какъ у другихъ.

— А ты поцѣлуй ее, а потомъ прилаживай, а то она тебя изсушитъ, совѣтовалъ Васька.

Въ это время прошолъ мимо дежурный по пристани чиновникъ. Штабельный досмотрщикъ всталъ, неуклюже приложилъ ладонь къ козырьку, растопыривъ при этомъ пальцы, и вышло что то въ родѣ того, какъ говорится «честь отдалъ».

— Нуко-сь, молодцы, съ Богомъ! сказалъ выгрузной досмотрщикъ, намѣчая мѣломъ, которую телѣжку везти и въ какой пакгаузъ.

— Ну-ка, ваше благородіе, навались! Что плеча-то жалѣешь. Дѣйствительно пришлось навалиться. Трудность хожденія въ корню, заключалась въ томъ, что нужно было оглоблями править, и чуть если прозѣваешь, колесо попадетъ въ яму, тогда не подъ силу тронемъ вытащить. «Куда тебя прётъ, стрекула! Не видишь яма! Ты возьми глаза то въ зубы» училъ меня Васька.

Мостовая на пристани была торцовая и вся усѣяна выбоинами, и такими большими, что другой разъ, рискуя попасть однимъ колесомъ въ яму и свалить на бокъ всю телѣгу — нужно было сворачивать въ сторону и объѣзжать кругомъ выбоину. Понятная вещь, что вся трудность этой работы ложилась на переднюю пару, которая, лавируя передними колесами давала направленіе всей телѣгѣ. Не знаю, какъ Васька, а я положительно надрывался: потъ съ меня катился градомъ, лямка впивалась мнѣ въ плечо и рѣзала его самымъ варварскимъ образомъ. Но при всей боли, которую я испытывалъ, мнѣ нехотѣлось показать этимъ отпѣтымъ оборванцамъ, что я бѣлоручка.

— Вороти больше влѣво! Что голову-то на бокъ свѣсилъ!...

— Стой, передніе! раздалось сзади. Остановились. Халатъ, шедшій съ третьей телѣгой въ корню, сфальшивилъ и завезъ колесо въ яму, телѣга покосилась на бокъ и захрясла въ такомъ положеніи. Весь поѣздъ остановился и загородилъ другимъ дорогу. Дрягиль суетился около телѣжекъ и поминутно пускалъ въ дѣло камышевку, потому что рабочіе другихъ штабелей, почуявъ мѣшки съ орѣхами, налетѣли со всѣхъ сторонъ, какъ мухи на сахаръ. Слѣдовало посматривать, чтобы не подпороли мѣшка. Но общими усиліями телѣгу изъ ямы вывезли, послѣ минутнаго отдыха нужно было везти дальше, Васька понукаетъ, острить, что я силу совью, вмѣсто чернилъ, въ канцеляріи, на кляузы исписалъ. Ужь не помню, какъ мы поворотили съ пристани направо, проѣхали мимо сквера и очутились у пятаго пакгауза.

Нужно было вкатывать телѣги въ пакгаузъ, на высоту втораго этажа, по отлогому спуску. Тутъ уже къ намъ въ помощь припряглись еще четыре человѣка отъ другой телѣжки, и когда ввезли нашу, мы, въ свою очередь, помогли имъ ввезти ихъ телѣжку. Ввезли въ пакгаузъ, сгрузили на указанное мѣсто. «Ну, теперь, предлагаетъ Васька, ваше степенство, садись, а я тебя прокачу на курьерскихъ». Я полагалъ, что онъ хочетъ удрать со мной какую нибудь штуку, не соглашался сѣсть, но, видя что солдатъ съ парикмахеромъ усаживаются на телѣжку, рѣшился послѣдовать ихъ примѣру, и мы лихо скатились со спуска внизъ.

Воротились на пристань. Между тѣмъ, какъ мы возили товаръ, изъ одного корабля стали подавать сахарный песокъ въ корзинахъ изъ тростника, а изъ другого корабля кофе въ мѣшкахъ. Было около 9 часовъ; нѣкоторые поговаривали объ обѣдѣ; Васька тоже перемигивался и шептался, то съ парикмахеромъ, то съ халатомъ, искоса украдкой посматривая на дрягиля. Немного спустя, подходитъ ко мнѣ парикмахеръ и таинственно отзываетъ въ сторону. «У насъ составляется компанія, шепнулъ онъ мнѣ, Васька и халатъ, на шабашъ передъ обѣдомъ будутъ грузиться кофеемъ, если хочешь, то мы и тебя нагрузимъ». Я сказалъ что грузиться не желаю. На это парикмахеръ представилъ мнѣ тьму резоновъ, что если я не нагружусь, то буду дуракъ набитый. «Нехошь, такъ наплевать, только чуръ, уговоръ дороже денегъ, самъ не будешь, такъ намъ не мѣшай. Обдѣлаемъ чисто—солянкой угостимъ».

— Эй, эй, ты! крупа! кричитъ дрягиль на солдата въ нагрудникѣ, отгоняя его отъ мѣшка съ орѣхами, «пошолъ прочь, чего тамъ прислонился.

Солдатъ отошолъ.

Пріятное утро смѣнилось іюльскимъ солнопекомъ. Въ воздухѣ пахло смолой и дегтемъ, который при мазаньѣ телѣжекъ проливался и смѣшивался съ пылью, чрезъ что на мостовой образовался толстый слой дегтяной массы. Съ утра, пока еще было не очень жарко, мостовая не представляла ничего особеннаго, но какъ только стало припекать солнцемъ, деготь разогрѣлся, мостовая сдѣлалась мягкою, телѣжки оставляли по себѣ непрерывныя на ней колеи отъ колесъ, во всѣхъ направленіяхъ бороздившія пристань. Жарко, и не смотря на близость воды, было очень душно. Все, какъ говорится, раскисло, солнце палило невыносимо, по грязнымъ физіономіямъ рабочихъ, раскраснѣвшимся отъ жара, струился потъ, и отъ этого они казались еще чернѣй и непригляднѣй. Медленно сгибались и разгибались рабочіе, вертя лебедки, на которыхъ подымали изъ кораблей тяжести, и также медленно опускали ихъ на подаваемыя телѣжки. Визгъ и скрипъ отъ этихъ лебедокъ надрывали душу и раздражалъ нервы. Еще на иностранныхъ корабляхъ лебедки не такъ назойливы, какъ на нашихъ русскихъ судахъ, гдѣ вмѣсто лебедокъ работаютъ на шпилѣ, и каждая снасть свою пѣсню выговариваетъ.

— «Отдай!» раздается на кораблѣ—и грузно опускается бочка или ящикъ на телѣжку, только мостки затрещатъ.

Пришолъ досмотрщикъ съ печатью. Нужно было опечатать поврежденный ящикъ, иначе его не примутъ въ пакгаузъ. Пришолъ купоръ, задѣлалъ трещину, а досмотрщикъ сталъ прикладывать восковые печати; артельщикъ съ дрягилемъ и штабельный досмотрщикъ засмотрѣлись на эту работу; праздная толпа поденьщиковъ тоже обступила кругомъ, а Васька съ халатомъ и парикмахеромъ были заняты другой операціей: парикмахеръ съ халатомъ стали рядомъ и загородили такимъ образомъ Ваську, который, проворно разстегнулъ штаны и запустивъ руку въ мѣшокъ, началъ усердно сыпать кофе, сперва въ одну половинку штановъ, потомъ въ другую. Насыпавши по колѣно въ штаны, онъ застегнулся и потомъ сталъ насыпать себѣ кофе за рубаху. Нагрузившись, Васька отошолъ прочь и легъ въ

укромномъ мѣстечкѣ, будто отдыхая. За нимъ сталъ нагружаться халатъ, пригласивъ меня занять его мѣсто около парикмахера, я было не хотѣлъ, но Васька, лежа на землѣ, такой показалъ кулачище, что я волей-неволей повиновался, съ твердымъ намѣреніемъ, какъ только нагрузится халатъ, отойти отъ этой компаніи подальше. Кончивъ свое дѣло, халатъ отошелъ въ противуположную сторону, парикмахеръ торопливо поправилъ растерзанный мѣшокъ.

— Пошолъ въ 5-й, а я сейчасъ буду — приказалъ Петръ Ивановъ.

— Ладно, ухмыльнулся Васька, мы свое дѣло разумѣемъ. Какъ только довезли до сквера—новая пара явилась на смѣну Васьки и халата, которые вмигъ отцѣпили лямки и куда-то исчезли. Васька даже сдѣлалъ ручку парикмахеру и при этомъ мигнулъ особеннымъ образомъ. Новая пара пристягнула лямки. и поѣздъ даже не остановился, какъ бы ничего не произошло, все это сдѣлалось на ходу а другіе рабочіе даже не обратили вниманіе на этотъ пассажъ. Какъ только доѣхали до пакгауза, такъ и эти два молодца точно сквозь землю провалились. Черезъ десять минутъ мы также, какъ и въ первый разъ, скатились со спуска, но только правилъ вмѣсто Васьки парикмахеръ. Пришли на пристань. «Шабашъ! Не подавай больше, сейчасъ звонокъ!» распорядился дрягиль. Это было около 11 часовъ, на обѣдъ полагалось два часа. Зазвонили къ обѣду, всѣ повалили къ воротамъ. Парикмахеръ опять очутился на кораблѣ у французовъ, стоитъ въ одной рукѣ рюмка, а въ другой кусокъ морского сухаря. Тѣ, которые еще не успѣли уйти изъ нашей артели обѣдать, начали просить парикмахера, что бы онъ выпросилъ у француза всѣмъ по рюмочкѣ передъ обѣдомъ. Просьба увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: всѣмъ поднесли по рюмочкѣ вина, только въ закускѣ отказали. Я развязалъ свой узелокъ, въ немъ оказались три яйца, нѣсколько огурцовъ и хлѣбъ. Парикмахеръ навязался ко мнѣ въ нахлѣбники, представляя тотъ резонъ, что мы сейчасъ отправимся къ какому то Никитѣ, гдѣ насъ ждетъ Васька съ солянкой, а теперь закусить необходимо хоть немного. Вмигъ моего узелка какъ не бывало; я хотѣлъ было расположиться на отдыхъ, но парикмахеръ рѣшительно воспротивился воспрепятствовать этому и за любезность отплатить любезностію—накормить меня за закуску обѣдомъ. Какъ мнѣ ни противно было это товарищество, но отказаться я не могъ.

II.

Мы подошли къ воротамъ. У воротъ столпилось народу порядочно, потому что безъ обыска не пропускаютъ. Каждаго выходящаго изъ воротъ поденьщика обыскиваютъ казаки пограничной стражи, и если у кого что находятъ, отрываютъ жестянку и ведутъ въ присутствіе, отбираютъ накраденное, а вора отводятъ въ корабельную контору и сажаютъ за рѣшотку. Насъ обыскали и пропустили.

— Ты обѣдалъ когда нибудь на шереметьевской кухнѣ,— спрашиваетъ меня парикмахеръ, и не ожидая моего отвѣта, продолжаетъ: вотъ она!

Все пространство около рѣшотки было усѣяно торговцами и торговками. Пріѣзжаетъ, напримѣръ, баба съ телѣжкой, въ телѣжкѣ три чугуна, въ первомъ щи—или супъ, во второмъ—горло, сердце, печенка, легкое, какъ есть весь требухъ бычачій, въ третьемъ—гречневая каша. Всѣ три чугуна покрыты разной домашней вѣтошью: ватнымъ одѣяломъ, солдатскою шинелью и пр. Кромѣ этой снѣди, заключающейся въ чугунахъ, имѣется приличный запасъ ржаного хлѣба, порѣзаннаго на ровные куски, цѣной въ копѣйку каждый. Тутъ же стоитъ корзина съ ложками и деревянными чашками двухъ величинъ: въ 2 к. и 3 к. за порцію щей или супа, что на тотъ разъ случится; мясо продается отдѣльно. Рабочіе окружаютъ эту ходячую кухню и весь обѣдъ получаютъ за 10 коп., т. е. на 3 к. щей, на 3 коп. легкаго или печенки, на 3 коп. каши и на 1 коп. хлѣба. Вотъ эта то ходячая столовая и окрещена рабочими «шереметьской кухней». Кромѣ этого, здѣсь можно получить пироги съ картофелемъ по 2 к. и свиныя кишки съ кашей. Постомъ меню нѣсколько мѣняется: вмѣсто бычачьей требухи—треска и горячій картофель, селедка по копѣйкѣ за кусокъ и лукъ зеленый, вмѣсто скоромныхъ щей—горохъ, приправленный чернымъ конопляным масломъ. Болѣе смѣтливыя торговки запасаются и ведромъ квасу со льдомъ, по грошу за кружку, или за копѣйку—пей до сыта. Кто ѣлъ полный обѣдъ, т. е, щи, мясо и кашу, тотъ пользовался правомъ пить квасъ даромъ. Были между ними и холодные буфеты, также на колесахъ; въ нихъ можно было получить пеклеванники и бѣлыя булки, сыръ, масло, ветчину, колбасу и проч. Эти буфеты были аристократическіе, около нихъ толпится публика посостоятельнѣе, болѣе чиновная: артельщики, дрягили, досмотрщики—людъ болѣе или менѣе начальственный. Прибѣгаютъ сторожа изъ присутствія для закупокъ завтраковъ, посылаемые канцелярскими. Собственно говоря, большая торговля продолжается какихъ нибудь минутъ 45, въ эти минуты рабочій людъ, вооружившись ложками, старается какъ можно поскорѣй убрать свой обѣдъ, запить его квасомъ, да завалиться гдѣ-нибудь на часокъ, т. е. до звонка, на кипу съ хлопчатой бумагой, а затѣмъ площадь пустѣетъ до окончанія работы. Остаются только холодные буфеты, постоянные, да нѣсколько бабъ съ лакомствами, состоящими изъ подсолнечниковъ, да моченаго гороха, который они продаютъ на мѣру въ грошъ и копѣйку. Мѣрой служатъ разной величины банки изъ-подъ помады.

У парикмахера оказалось огромное знакомство. Проходя мимо поденьщиковъ, разсѣвшихся по турецки, на землѣ, онъ то и дѣло, раскланивался. «Это все наши!» подмигнулъ онъ мнѣ, какъ бы давая чувствовать, что вотъ, дескать, какой я здѣсь извѣстный человѣкъ.

Мы направились къ виднѣвшемуся напротивъ трактиру, называемому почему-то «небѣленымъ». Подъ трактиромъ была харчевня, или, какъ гласила закоптѣлая вывѣска: «продажа съѣстныхъ припасовъ». Мы спустились въ подвальчикъ.

Грязный и темный подвалъ былъ уставленъ большими столами и скамейками, на которыхъ сидѣли рабочіе и обѣдали. На противоположной сторонѣ двери былъ прилавокъ, на коемъ помѣщались разнаго рода закуски въ видѣ вареного мяса, ветчины и проч. На прилавкѣ стояло въ рядъ нѣсколько сковородокъ полныхъ солянкой съ крошеной говядиной и картофелемъ. Тутъ же на прилавкѣ, помѣщались вѣсы и хлѣбъ. Далѣе, за прилавкомъ, въ углу, пріютилась русская печь, плита и котлы со щами и горохомъ, а за печью дверь въ какую-то коморку. Въ эту коморку часто входили и выходили назадъ поденьщики и получали отъ маркитанта деньги. Съ прихода, около дверей, за столомъ, на которомъ дымилась огромная сковорода съ «солянкой» и красовался полуштофъ, значительно отпитый—сидѣли Васька и халатъ.

— А вотъ и мы поспѣли! Ишь какъ въ акуратъ,—сказалъ парикмахеръ, забираясь черезъ скамейку за столъ. Пригласили и меня.

— Ты у насъ молодецъ будешь,—началъ Васька, трепля меня по плечу,—держись пословицы: «съ волками жить, по волчьи выть».

— Ты, если когда что нибудь слимонишь на пристани, то тащи прямо къ Никитѣ Трифонычу: онъ все принимаетъ и разсчитываетъ по чести,—между прочимъ поучалъ меня парикмахеръ,—такъ прямо и проходи вонъ въ ту дверь за печку.

Я поблагодарилъ за совѣтъ и изъявилъ сомнѣніе, что едва ли имъ придется мнѣ воспользоваться.

— Дурень ты, ваше благородіе, сейчасъ видно, что еще не полированъ, тебѣ только бы колеса мазать, али чугунныя папиросы (трубы) выгружать, а не бакалею, вотъ какъ получишь за весь то день четвертакъ, такъ на другой день умнѣе станешь, значитъ просвѣтишься немного.

— Отчего же я получу четвертакъ?

— А отъ того, отъ праздника; я ужь эти порядки лучше тебя разумѣю, потому и говорю. Ты думаешь, дрягиль тебѣ повѣритъ, что ты, день у него проработавши, ничего не слимонилъ. Вонъ на второй штабель небось и по полтиннику мало охотниковъ работать: тамъ отъ чугунной то балясины пудовъ въ двадцать ничего не откусишь, да и въ пазуху не запрячешь, развѣ только, какъ зазѣваешься, такъ безъ ноги или руки останешься—за то тамъ и полтина. Здѣсь не то; здѣсь дрягиль порядитъ по тридцати, да при разсчетѣ по пятачку и сброситъ: «вы, дескать, украли каждый на рубль», вотъ оно какъ, значитъ, съ васъ и не грѣхъ по пятачку скинуть», ну, значитъ, и нарови неостаться въ накладѣ; а то, какъ получишь четвертакъ за цѣлый день, такъ нечего будетъ и за ночлегъ отдать. Ужь тутъ такъ подведено, что рука руку моетъ; ты думаешь, что дрягиль не видѣлъ, какъ Васька грузился?... шалишь!

— Стало быть и ты четвертакъ получишь, не я одинъ.

— Ты, милый человѣкъ, на меня не смотри. У насъ компанія, не я, такъ Васька выручитъ, не онъ, такъ другой, мы въ одной квартирѣ живемъ, у насъ все сообща.

На два часа прекратившееся движеніе уже опять просвулось. Минутъ черезъ десять дрягиль колонистъ зазвонилъ на работу.

— Вставай, вставай! собака пролаяла, — кричали дрягили, толкая въ бока сонныхъ, разметавшихся по пристани поденьщиковъ. Все зашевелилось: опять заныли лебедки; послѣ обѣда работа показалась еще скучнѣй, телѣжки нагружались медленней, да и жара стояла невыносимая.

Вдругъ, слышу, шумъ, оглянулся—двое артельщиковъ схватили па какой-то покражѣ поденьщика и расправлялись своимъ судомъ. Оказывается, что несчастный напихалъ въ брюки и сапоги хлопчатой бумаги (ваты), его поймали на мѣстѣ и безъ всякихъ околичностей начали бить. Рабочій сначала не оборонялся, сознавая вѣроятно, что скверно сдѣлалъ и слѣдуетъ поплатиться за это, но когда стало не втерпежъ, схватилъ валявшуюся въ пустой лагункѣ дегтярную швабру и перваго подвернувшагося такъ съѣздилъ по головѣ, что шапка отлетѣла на нѣсколько саженъ. Бой принялъ другой оборотъ: артельщики и дрягили, какъ дикіе звѣри, кинулись на поденьщика, вмигъ разорвали на немъ брюки, вытаскали вату, а потомъ схватили кто за волосы, кто за шиворотъ и потащили съ пристани за калитку. На пути приставали къ нимъ другіе артельщики и каждый какъ бы обязанностію считалъ дать ему затрещину. Я даже похолодѣлъ отъ такой расправы. Поденьщики и досмотрщики безучастно смотрѣли на эту травлю, и ие одного слова, ни одного взгляда не было въ пользу несчастнаго, только послѣ смѣялись цѣлый день надъ артельщикомъ, у

Рабочій день на биржѣ. Съ натуры рисов. Медвѣдевъ, грав. Сташковскій.

котораго вся голова и лицо оказались въ дегтю, а изъ носа текла кровь.

— Ишь какъ онъ тебя разрисовалъ, — смѣялся штабельный досмотрщикъ.

Васька тоже покатывался со смѣху, только халатъ нахмурился и молчалъ, наконецъ и тотъ заговорилъ.

— Нѣтъ, это не мода, пусть свой, штабельный дрягиль или артельщикъ расправляется, если у него украли, а со всей пристани собираться и бить, кому и не слѣдъ—не водится.

III.

Работалъ у насъ на штабелѣ отставной солдатикъ, еще не очень старый, его обязанность была завозить телѣжки на мостки и принимать поднятый изъ трюма товаръ. Такъ какъ мостки были настланы не надъ самымъ люкомъ, а немного въ сторону, то, когда ящикъ или бочка подымались въ уровень съ телѣжкой, то ихъ слѣдовало раскачать и крикнуть «отдай»; рабочіе по этому паролю опускають лебедку и грузъ ложится на телѣжку. Случилось такъ, что рабочіе въ извѣстный моментъ не опустили лебедку, и бочка тяжестію своею отошла назадъ отъ телѣжки; солдатикъ не успѣлъ, ни удержать эту бочку надъ телѣжкой, ни крикнуть «стопъ!» какъ рабочіе опустили: лебедка быстро завертѣлась, бочка, мимо телѣжки и мостковъ, полетѣла въ трюмъ корабля, а за ней, потерявъ балансъ, полетѣлъ внизъ головой и солдатикъ...

Какъ онъ тамъ ударился—Богъ его знаетъ. Набѣжалъ народъ, поденьщики, артельщики, явилось начальство, въ лицѣ дежурнаго по пристани чиновника. Кто совѣтовалъ сбѣгать за фельдшеромъ, а кто говорилъ, что ужъ поздно, не надо. Работа на нашемъ штабелѣ прекратилась. Лебедки перестали скрипѣть. Прибѣжалъ фельдшеръ, съ сумой черезъ плечо, его пропустили впередъ и толпа опять сплотилась. Пришолъ старшій корабельный смотритель, высокій, съ красной физіономіей, скуластый. Рабочихъ погнали съ корабля, стали разгонять и на пристани. Корабельный смотритель спустился по трапу въ трюмъ, гдѣ уже суетился фельдшеръ. Немного погодя, оба вылѣзли, а потомъ подняли на лебедкѣ и самаго солдатика. Оказалось, что голова его представляла облитую кровью массу. Матросы положили трупъ на тряпку и снесли на пристань. Меня удивило то обстоятельство, что таможня даже носилокъ не имѣетъ. Положили трупъ на рогожку и покрыли его солдатской шинелью, принадлежавшей покойному. Тутъ я увидѣлъ то, чего не ожидалъ: Васька взялъ солдатскую шапку, положилъ на покойника, досталъ серебряный гривенникъ, бросилъ въ шапку и перекрестившись на петропавловскую крѣпость, отошелъ прочь. Почти всѣ поденьщики послѣдовали его примѣру: кто пятачекъ, кто три копѣйки, кто копѣйку, однимъ словомъ казавшіеся до сей минуты безучастными, равнодушными къ товарищу, котораго артельщики били за кражу—тронулись какимъ-то особеннымъ чувствомъ къ несчастной судьбѣ труженика, за тридцать копѣекъ получившаго смерть. Бросая монетку въ шапку, вѣроятно многимъ приходило на мысль, что и съ нимъ могло случиться то же, а можетъ быть, когда нибудь и случится. Корабельный смотритель положилъ три рубля. Прибѣжалъ елисѣевскій артельщикъ «Непирка», бросилъ гривенникъ и оговорился притомъ, что больше мелкихъ нѣтъ. Шкипера съ кораблей тоже жертвовали.

— Эй вы, беритесь! что руки поразставили, покойника не видали, всѣ покойники будемъ!

Дрягиль сталъ отвязывать у покойника поденную жестянку.

— Стой братъ, не торопись,—остановилъ его Васька,—можетъ быть наслѣдники найдутся, вѣдь онъ больше полдня проработалъ!

Такъ и не дали отвязать жестянку.

Рабочіе снова брались за дѣло, но уже не такъ лихо, какъ до этого случая, видно было, что на нихъ это подѣйствовало весьма не утѣшительно. Зубоскальство прекратилось. Нужно было ѣхать. «Ну, братики, навались!» понукалъ Васька, вѣрно ужъ такая ему планида вышла, что помереть на голандской». Только вывезли къ скверу, смотримъ: бѣжитъ какая то бабенка, реветъ и голоситъ на все горло...

— Братцы родименькіе! Гдѣ солдатика-то пришибло?

— Твой штоли, тета! Ступай тамъ на пристани.

— Може и мой, касатки, посмотрѣть надо!

— Да не узнаешь, потому...

— Эва, не узнать, по одежѣ узнаегъ.

Но баба не дослушала и со всѣхъ ногъ пустилась на пристань.

— Да это никакъ та—говоритъ одинъ поденьщикъ—что утресь намъ пироги на мосту продавала; что то ровно похожа, только у той сарафанъ кажись не красный.

— Вотъ и овдовѣла. Теперь, какъ увидитъ, да если ее, такъ взвоетъ еще пуще.

— Ну это какъ придется. Намнясь на стрѣлкѣ рязанца хлопкой задавило, такъ жена то какъ пришла, слава тебѣ, говоритъ, Господи, что ослобонилъ ты меня; хорошъ онъ, говоритъ, былъ живой—а какъ убрался, такъ сталъ еще лучше. Даже перекрестилась, право.

— Всяко бываетъ.

Когда воротились на пристань, тамъ уже стоялъ околодочный надзиратель и городовой. Баба дѣйствительно пашла, кого искала, но узнала только по одеждѣ, потому что голова была обернута въ холстину и зашита. У солдатика, по словамъ бабы, было трое ребятишекъ, которые теперь остались сиротами.

Жаръ начиналъ спадать, было около 5 часовъ, а трупъ солдатика все еще лежалъ на пристани. Кто-то распорядился было перенести его въ часовню, находящуюся тутъ же на пристани, да таможенное начальство недозволило, «и тутъ де хорошо». Баба сидѣла и плакала надъ покойникомъ. День склонялся къ вечеру, уже скоро и шабашъ.

Передъ шабашомъ Васька отправился на рекогносцировку по прочимъ штабелямъ и гдѣ-то посчастливилось ему снова нагрузиться, на этотъ разъ не кофеемъ а кубовой краской, индиго, да непосчастливилось пробраться за ворота. Стражники при выходѣ обыскали его по тщательнѣй, нашли индиго около 10 фунт., схватили Ваську и потащили въ корабельную контору.

— Сходимъ что-ли заключеннаго навѣстить,—подбивалъ меня парикмахеръ,—«пока телѣжки наложатъ, мы живо слетаемъ, не успѣетъ стриженная дѣвка косы заплесть, какъ мы тутъ будемъ, кстати покуримъ». Курить мнѣ очень хотѣлось; я согласился.

Входъ въ корабельную контору былъ прямо съ пристани; мы вошли. Огромная комната, по одной стѣнѣ тянется перегородка, надъ перегородкою антресоли съ нарами, въ лѣвой сторонѣ печь, а за ней въ углу, въ довольно большой нишѣ, устроена арестантская, отдѣленная деревянною толстою рѣшоткою, запертою висячимъ замкомъ. Парикмахеръ, какъ вошелъ, направился прямо къ рѣшоткѣ, я за нимъ.

— Вы куда, лапманская гвардія! закричалъ на насъ старенькій, маленькаго роста, сѣденькій съ лысиной досмотрщикъ, съ длинной кавалеріей на груди.

— Къ тебѣ, Антонъ Митричъ, съ просьбой.

Старикъ уставилъ на него свои мутные глаза, удивленный, что его назвали по имени.

— Какова тебѣ шута нужно, сердился старикъ.

— Да вотъ пришолъ на брата поглядѣть, за рѣшоткой сидитъ.

— На брата поглядѣть, -передразнилъ Антонъ Митричъ—а самъ небось, ягнячья мать, водки принесъ!

— Нѣтъ, ей Богу нѣтъ, обыщи коли не вѣришь! распинался парикмахеръ.—А коли хошь понотчуемъ.

— Вы всѣ только сулите, проворчалъ Антонъ Митричъ.

Мы подошли къ рѣшоткѣ, тамъ было очень темно, и потому узнать кого бы то ни было можно было только по голосу.

— Васька.

— Оу!

— Ну что, какъ дѣла!

— Дѣло швахъ, отобрали все.

— Ходи еще! совѣтуетъ парикмахеръ.

— Изъ-за рѣшотки то?

— Эна! Первой разъ что ли! Давай денегъ, вотъ его благородіе пока здѣсь покуритъ, я сбѣгаю за сороковушкой, приподнесемъ ее Антону Митричу, онъ и выпуститъ.

— Да не успѣю ничего сдѣлать, сейчасъ шабашъ.

— Не успѣешь, не успѣешь—все равно, не сидѣть же тутъ.

— Такъ, айда! Васька далъ денегъ парикмахеру, который вмигъ исчезъ въ другія двери. Я закурилъ папироску, сѣлъ около печки на полѣно и сталъ наблюдать. Антонъ Митричъ принесъ изъ другой комнаты, гдѣ помѣщалась самая контора, лампадку, и вылилъ изъ нея масло въ бутылку. Явился молоденькій писарекъ съ перомъ за ухомъ.

— Антонъ Митричъ, кто дежурный сегодня изъ чиновниковъ?

— Сегодня?... Мошкинъ!

— То то ты и масло выливаешь.

— Я не выдью, такъ онъ выльетъ, да домой унесетъ. Ужъ такой скаредъ,—продолжалъ Антонъ Митричъ — теперь оставь ему цѣлую свѣчку, а на кой шутъ! Теперь лѣто, всю ночь свѣтъ, а на утро придешь,—подсвѣчникъ ужъ пустой! Такъ цѣльную свѣчку домой и унесетъ. Хошь зима, хошь лѣто, а ему чтобъ была свѣчка, ворчалъ Антонъ Митричъ,—чтобъ его волки заѣли.

— Ты потому на Мошкина сердитъ, что онъ тебѣ на выпивку не даетъ.

— Чего сердитъ, коли нагдысь самъ видѣлъ, какъ онъ свѣчку въ карманъ пряталъ.

— Да велѣли бы тебѣ посадить его за рѣшотку,—ты-бы обрадовался.

Въ это время явился парикмахеръ съ полуштофомъ, который передали сквозь рѣшотку Васькѣ. «Мавиръ», мигнулъ онъ мнѣ и мы вышли на пристань До конца работы оставался одинъ часъ. Убитаго солдатика уже не было, увезли въ полицію. Нужно было свезти до шабаша послѣднюю поѣздку; мы пристегнули лямки и тронулись. Не прошло пяти минутъ—какъ Васька былъ уже между нами,

Однако, братъ, ты скоро выплылъ, тебя, знать, за деревянной рѣшоткой не удержишь—говорили поденьщики.

— Ладно, смѣйтесь, а меня полуштофъ выручилъ.

— Ну, эй ты, краснобай! закричалъ дрягиль, чѣмъ лясы-то точить, тянулъ бы, а не то проваливай! Пошолъ, пошолъ, под-

гонялъ онъ. Пакгаузы запрутъ. Мы навалились и повезли скорѣй. «Порожнія телѣжки не бросать на дорогѣ, вези на штабель»! Распоряжался дрягиль. Сдали бочки въ пакгаузъ и съ порожними телѣжками нѣкоторые воротились на пристань, а нѣкоторые остались за калиткой.

— Э! Ребята, кричитъ дрягиль, кто хочетъ на шабашъ котелъ выкатывать, становись во фрунтъ! Стали строиться въ шеренгу, всталъ и я. Стой, довольно! Сосчиталъ, оказалось 63 человѣка, троихъ отбавилъ. По семи копѣекъ на рыло! объявилъ дрягиль.

— Мало, Костя! по гривеннику посули.

— Ну, ну, ладно, копѣйку прибавлю. Пошолъ на 15-й, скомандовалъ онъ. Толпа повалила на 15-й штабель.

Огромный паровикъ лежалъ на палубѣ бота. Его слѣдовало снять съ палубы, положить на большую телѣжку (медвѣдку) и отвезти къ часовнѣ. Положили два толстые бревна, однимъ концомъ па край бота, другимъ на пристань. Двѣ веревки, однимъ концомъ укрѣпили на пристани, а другіе два конца подсунуты были подъ котелъ и потомъ переброшены черезъ него рабочимъ. За каждый конецъ взялось по тридцати человѣкъ. Матросы на ботѣ вооружились толстыми дубинами и приготовились направлять ходъ котла, на случай, если бы онъ пошелъ не ровно. Дрягильскій десятскій, изъ колонистовъ, помѣстился въ серединѣ между обѣими рядами рабочихъ и приготовился запѣвать соло извѣстной дубинушки.

— Слышь эй, десяцкій! кричитъ съ бота шкиперъ,—смотри, сдюжитъ ли снасть! неравно лопнетъ, судно попортишь, и людей поколѣчишь! Смотри, эвонъ она тутъ размочалилась!

— Это борода твоя размочалилась! Равняйсь! кричалъ десятскій, не обращая вниманія на замѣчаніе шкипера, что въ кучу-то сбились, овцы! Все-ли готово, эй, шкиперъ! -

— Ладно, поспѣешь, не торопись, потопишь судно, такъ не тебѣ по міру то идти, ворчалъ шкиперъ, а самъ распорядился, чтобы матросы, по мѣрѣ того, какъ котелъ будетъ подаваться впередъ, немедленно подкладывали брусья, на тотъ случай, если бы веревка лопнула, то чтобы онъ не покатился назадъ на палубу, которую могъ пробить, или самъ съ размаха перекатиться черезъ судно и упасть въ Неву. Готово! закричалъ шкиперъ, когда все приладилъ на случай опасности.

— Подтянись, молодцы! закричалъ дрягиль, вынулъ изъ-за пояса кожанную рукавицу и дирижируя сю надъ головой затянулъ:

Ой, ребятушки, сбирайтесь,
За веревочку хватайтесь!

Хоръ подхватилъ:

Ой, дубинушка, ухни!
Ой, зеленая сама пойдетъ,
Идетъ!...

— Идетъ, идетъ, идетъ! Вали, вали, ребята!.. Судно накренилось на бокъ подъ тяжестью желѣзнаго гиганта. Толстые бревна, какъ спички, хрустѣли подъ нимъ. Смѣтливый шкиперъ работалъ со своей командой, и не напрасно.—Вали ребята, не выдавай молодчики! неистово ревѣлъ дрягиль. Вдругъ—трахъ! одна сторона молодчиковъ грянулась объ землю. Лопнула веревка. Шкиперъ былъ правъ. Поденьщики со всего размаха покатились въ перекувырку. Многіе получили ушибы и ихъ пришлось подинмать и отводить въ сторону. Одинъ рабочій, ткнувшись носомъ, попалъ на концы сортоваго желѣза— и трудно представить, что сдѣлалось съ его физіономіей. Всѣ накинулись на десятскаго, хотѣли его поколотить, но только ограничились бранью. Однако шестерымъ, болѣе потерпѣвшимъ, толпа принудила дрягиля дать по рублю. Пока сбѣгали въ дрягильскую контору за свѣжей веревкой, рабочіе понемногу оправились, но все таки болѣе десяти человѣкъ за веревку уже не брались. Приладили новую веревку, замѣнили раненыхъ здоровыми и работа пошла впередъ. Спѣли еще нѣсколько номеровъ дубинушки съ болѣе или менѣе нецензурными варіантами припѣвокъ, и какъ только котелъ перевалился съ палубы судна на пристань, шкиперъ тотчасъ велѣлъ отвязать тросы, и судно отошло отъ пристани. Картина приняла другой видъ. Рабочіе взбунтовались. Подай расчетъ! кричали они,—ты нанимаешь рабочихъ котелъ выкатывать, да снасти гнилыя даешь! Подай рваную снасть, мы его со снастью то въ фарталъ приставимъ! Десятскій струсилъ. Снастью рабочіе дѣйствительно завладѣли и тащили съ нею десятскаго въ полицію. Пришолъ дрягильскій староста разбирать, въ чемъ дѣло.

— Вы не орите всѣ, говори кто-нибудь одинъ, а то незнамо, кого слушать, урезонивалъ староста.

— Эй, Ванька-нѣмецъ, говори за всѣхъ. Ванька-нѣмецъ говорить будетъ!

Изъ толпы вышелъ здоровый мужикъ въ кучерской безрукавкѣ.

— Что вамъ отъ десятскаго нужно и почему вы не работаете? спрашиваетъ староста.

— А хоть бы потому, значитъ, неработаемъ,—началъ Ванька-нѣмецъ, подпершись кулаками въ бока и разставивъ ноги, что твой десяцкой подряжаетъ людей по 8 коп., даетъ гнилую снасть котелъ выкатывать, да на смерть людей калѣчитъ, вотъ отчего. Теперь, вонервыхъ, продолжалъ ораторъ, поворотившись къ дрягилю бокомъ и отставивъ одну ногу—теперь, если ты насъ, значитъ, по четвертаку на рыло не расчитаешь, то мы, значитъ, эту самую гнилую снасть, всей артелью въ часть приставимъ, и вонъ тѣхъ битыхъ сведемъ, да и тебя съ десятскимъ туда же притянемъ! а во вторыхъ, наше слово—олово! На своемъ поставимъ, небудь я, значитъ, Ванька-нѣмецъ, если не поставимъ.

— Это вѣрно: отъ насъ неоткашляешься, кричали изъ толпы нѣсколько голосовъ.

Староста смекнулъ, что дѣло дрянь, веревка была гнилая, да и покалѣченые тутъ на лицо, разсчиталъ, вѣроятно, что если дѣло дойдетъ до полиціи и мироваго, ему придется больше поплатиться.

— Ну ладно, расчитаютъ васъ по четвертаку, подайте сюда веревку!

Но веревку раньше разсчета рабочіе не отдавали.

— Ступайте за калитку! Тамъ васъ расчитаетъ десятскій! говорить староста.

— Нѣ, нѣ, братцы! За калитку идти не слѣдъ! Пусть насъ тутъ расчитаютъ! Мы порядки то знаемъ, кричалъ какой-то юристъ—за калитку выйдемъ, такъ тамъ полиція насъ разгонитъ, али въ часть за шумъ заберетъ! Пусть насъ тутъ удовлетворитъ, а за калитку мы не пойдемъ!

Староста повернулся къ нимъ спиной и велѣлъ десятскому расчитать рабочихъ по четвертаку.

— Кто у васъ деньги получаетъ.

— Ванька-нѣмецъ получаетъ! За всѣхъ онъ получитъ, кричали рабочіе.

Ванька-нѣмецъ стоялъ впереди всѣхъ, другой поденьщикъ сзади его держалъ разорванную веревку.

Десятскій вынулъ три синенькихъ, вручилъ Ванькѣ-нѣмцу, а взамѣнъ получилъ рваную веревку.

Вся толпа повалила за калитку.

Ванька-нѣмецъ сбѣгалъ въ кабакъ, что около университета, и размѣнялъ тамъ деньги. Начался расчетъ. Съ нѣкоторыхъ вычитали по 2 коп. Я получилъ полный четвертакъ. По окончаніи расчета, тѣ, съ которыхъ былъ вычетъ, пошли въ кабакъ запивать стачку.

Полученный четвертакъ я приложилъ къ прежде полученнымъ отъ дрягиля 30 коп., и у меня составился заработокъ въ 55 коп., и кромѣ того ломъ въ плечахъ и что-то очень тяжелое на душѣ. Вотъ все, что я заработалъ на биржѣ и съ чѣмъ воротился къ женѣ на р. Пряжку.

О. Ч-къ.

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

Флора была права: дѣйствительно, она называла вещи по имени—и высказала то, чего въ душѣ не отрицалъ и Брукъ, что мучило его и томило со вчерашняго дня; но его нѣжная, чуткая душа была глубоко возмущена тономъ и манерой Флоры: этотъ изящный женскій ротикъ не гнушался самыми рѣзкими выраженіями, чтобы только выставить на показъ проницательность, „не позволяющую себя обманывать".

— Ахъ, я вижу, что у меня сегодня ужь такое несчастье говорить все такія вещи, которыя тебѣ не нравятся, сказала она послѣ минутной паузы полу-саркастическимъ, полу-сердитымъ тономъ, идя за нимъ вслѣдъ (Брукъ не скрывалъ своего негодованія: отвернулся отъ нея и отошелъ къ окну). Можетъ быть я высказала свое мнѣніе нѣсколько рѣзко; можетъ быть, мнѣ изъ благодарности къ Рэмеру за его любезность и преду-

дупредительность слѣдовало бы быть менѣе откровенной —но, что дѣлать!.. я врагъ всякихъ слабостей и прикрасъ, да къ тому же имѣю много причинъ негодовать на него. Моя сестра Генріэтта, наслѣдствомъ которой Рэмеръ спекулировалъ, останется послѣ этой катастрофы нищей,—а Кэта? Будь увѣренъ, что отъ всего ея громаднаго состоянія у ней не останется теперь ни гроша!

— Тѣмъ лучше! прошепталъ докторъ и улыбнулся.

Какъ ни тихо были сказаны эти слова, но они долетѣли до слуха Флоры.

— Тѣмъ лучше? спросила она съ удивленіемъ и засмѣявшись, всплеснула руками. Откровенно говоря, и мнѣ наша младшая сестра не очень-то симпатична, но въ чемъ провинилась она предъ тобой, что ты такъ странно относишься къ ея несчастью?

Онъ, не говоря ни слова, прижался лбомъ къ оконному переплету, а она задумчиво глядѣла въ садъ.

— Конечно, дѣла Кэты не такъ плохи, какъ дѣла Генріэтты—у первой остается замковая мельница, а вѣдь мельница эта стоитъ порядочныхъ денегъ, прибавила, помолчавъ немного, Флора. Когда здѣсь все полетитъ вверхъ дномъ, Кэта можетъ пріютиться тамъ, да и для нашей бѣдной больной я не могу придумать болѣе подходящаго убѣжища; обѣ сестры любятъ другъ друга и, конечно, уживутся вмѣстѣ. Устроить дѣло иначе не возможно: бабушка съ своими скромными средствами положительно не можетъ содержать Генріэтту, а что касается насъ, то я никогда не потребую, чтобы ты взялъ больную сестру въ нашъ домъ. (Она вдругъ схватила его и обольстительно нѣжно поглядѣла на него). Ахъ, Лео, какъ я буду благодарить Бога, когда мы завтра сядемъ въ карету и уѣдемъ отъ всѣхъ ужасныхъ сценъ, которыя должны здѣсь еще разыграться...

Порывистымъ движеніемъ онъ высвободился изъ ея объятій; никогда еще не видала она это кроткое, серьезное лицо такимъ гнѣвнымъ...

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ хочешь покинуть этихъ несчастныхъ въ ихъ бѣдственномъ положеніи, зная, что на дняхъ на нихъ посыплются страшные удары судьбы? вскричалъ онъ внѣ себя. Ступай, куда хочешь—я остаюсь.

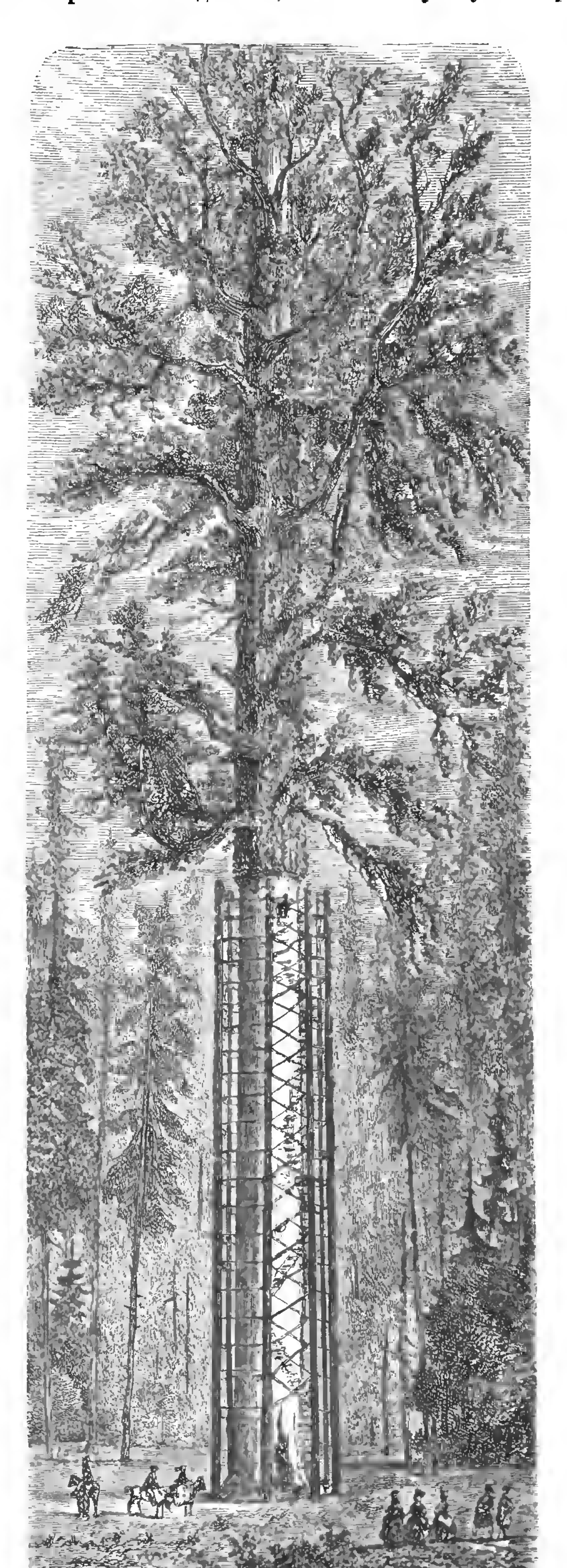
— Лео! крикнула Флора и на мгновеніе умолкла, стараясь сдержать порывъ невыразимаго гнѣва, а потомъ прижала руку къ сердцу, какъ будто его поразили ударомъ кинжала, и прибавила глухимъ голосомъ: Ты, навѣрно, не взвѣсилъ своихъ, слишкомъ опрометчивыхъ словъ, а потому я замѣчу тебѣ только одно: если мы не уѣдемъ завтра, прежде чѣмъ разразится ударъ (а никто не можетъ осудить насъ за это), то нашу свадьбу придется отложить на неопредѣленное время.

Онъ молчалъ и не обернулся даже къ ней; это молчаніе видимо раздражало ее: вся ея страстная натура обнаружилась въ ея большихъ, гнѣвно сверкавшихъ сѣрыхъ глазахъ.

— Я тебѣ передъ этимъ объявила, что готова всю жизнь добровольно уступать первое мѣсто въ твоемъ сердцѣ любви къ твоему призванію и дѣятельности, заговорила она настойчивѣе,—но никогда не пожертвую я своими интересами ради другихъ *женщинъ*... Замѣть себѣ это, Лео! Я не понимаю и никогда не пойму, почему я должна, ради бабушки и моихъ сестеръ, переживать здѣсь эту страшную катастрофу, когда имѣю полное право укрыться отъ всего этого у тихаго семейнаго очага, который ты обѣщалъ для меня устроить; такой жертвы ты не долженъ былъ бы и ожидать отъ меня. Развѣ въ моей власти измѣнить положеніе дѣлъ? Нѣтъ и нѣтъ!.. Къ чему же тогда эти безполезныя волненія и тревоги? Неужели я непремѣнно должна испытать удовольствіе быть тоже предметомъ людского состраданія? Я готова лучше сейчасъ же уйти отсюда... я не *хочу*, чтобы на меня указывали пальцами.

Флора въ волненіи прошлась по комнатѣ.

— Ты не можешь, относительно меня, ничѣмъ извинить своего рѣшенія остаться здѣсь, заговорила она снова, съ мрачно-нахмуренными бровями, не дождавшись отъ него ни слова. Ты не можешь даже сослаться на больныхъ въ бэль-этажѣ. Генріэтту ты и такъ долженъ былъ предоставить ея судьбѣ, а что касается Кэты, то ты не убѣдишь ме-

Отецъ лѣса, гигантское дерево въ Калифорніи.

Литературный альбомъ: Людмила въ замкѣ Черномора. Рис. Медвѣдевъ, грав. Р. Бонгъ.

ня, что ея шрамъ на лбу, который ты и самъ объявилъ неопаснымъ, требуетъ твоего искусства и помощи, какъ врача. Откровенно говоря, я сегодня ночью должна была удерживаться отъ смѣха, глядя на тебя и на тетушку. Если Генріэтта проливаетъ ребяческія слезы изъ-за нѣсколькихъ капель крови, то это еще понятно —она больна, нервозна—но ты... ты тоже держалъ себя такъ, какъ будто наша младшая сестра, этотъ дюжій отпрыскъ дровосѣковъ, была соткана изъ эфира... Она невольно умолкла -докторъ обернулся къ ней съ грозно поднятымъ пальцемъ, лицо его выражало сильное волненіе.

Она злобно разсмѣялась. Ты думаешь, что я боюсь? Я могу противупоставить твоему неумѣстному жесту совсѣмъ иную угрозу: берегись—еще у алтаря не произнесено „да"; еще въ моей власти дать дѣлу такой оборотъ, какой тебѣ едва-ли понравится... Дя, я еще разъ повторяю, что что твое вчерашнее докторское ухаживанье за Кэтой мнѣ стало наконецъ противно. Развѣ я могу не смѣяться, когда ты возишься съ ней, какъ съ какой-нибудь принцессой...

— Нѣтъ, Флора, не какъ съ принцессой, а какъ съ возлюбленной моего сердца, какъ съ первой и единственной любовью, перебилъ ее Брукъ.

Невѣста вздрогнула, какъ будто молнія ударила въ землю у ея ногъ; невольно воздѣвъ къ небу руки, она бросилась къ доктору.

Брукъ только отстранилъ ее, не измѣнивъ спокойной позы.

— То, что я до сихъ поръ, страшно борясь съ самимъ собою, таилъ въ своей груди (изъ стыда и ради принципа, который оказался ложнымъ, даже безнравственнымъ), теперь долженъ объявить тебѣ. Я не хочу ни оправдываться, ни прикрашивать (голосъ его дрогнулъ)—я былъ тебѣ невѣренъ съ той самой минуты, когда впервые увидѣлъ Кэту.

Флора медленно опустила руки. Какъ ни ясно было высказано это признаніе, оно показалось ей невѣроятнымъ, невозможнымъ. Ха, ха! Какъ могла она быть такой легковѣрной—выказать такой безумный страхъ! Часто, даже очень часто, случалось, что великолѣпная Флора Мангольдъ привлекала мужскія сердца, а потомъ немилосердно, жестоко отталкивала ихъ отъ себя., Да, это бывало,—но чтобы мужчина могъ измѣнить *ей*—ужь это что-то смѣшно! Невозможно! Этому никто не повѣритъ, а ужь тѣмъ болѣе она. Гораздо вѣрнѣе предположить, что докторъ Брукъ наконецъ рѣшился отомстить ей... Она довела „свое испытаніе" до крайности; она, въ своемъ справедливомъ негодованіи пригрозила за нѣсколько часовъ до вѣнчанья нарушить данное слово; это раздражило его, терпѣніе его истощилось и вотъ онъ вздумалъ наказать ее, возбудивъ въ ней ревность. Ея безграничное тщеславіе и легкомысліе отсрочили на нѣсколько минутъ самое горькое разочарованіе всей ея жизни.

Флора насмѣшливо сжала губы и, скрестивъ руки, заговорила ироническимъ тономъ:

— Ахъ, такъ вотъ какъ: съ перваго взгляда! Что-же, гдѣ это случилось? Тамъ, въ коридорѣ, когда она, по обычаю ремесленниковъ, явилась сюда въ запыленныхъ сапожкахъ, съ романтическимъ узелкомъ въ рукѣ...

Видно было, какъ отъ каждаго ея слова вскипала кровь въ жилахъ доктора: въ эту серьезную минуту, когда рѣшался вопросъ всей его жизни, его допрашивали, смѣясь, шутливо, какъ школьника. Онъ съ трудомъ сдерживалъ себя.

— Я самъ проводилъ ее сюда, я встрѣтился съ Кэтой на мельницѣ, отвѣтилъ Брукъ довольно спокойно.

Яркая краска удивленія разлилась по лицу Флоры; глаза ея загорѣлись; она закусила губы.

— А—а, я слышу объ этомъ въ первый разъ!... И эта хитрая особа съ „чистымъ" сердцемъ тоже вѣрно имѣла причины умалчивать объ этой интересной встрѣчѣ? (Она засмѣялась короткимъ, рѣзкимъ смѣхомъ). Ну, что же дальше, Брукъ?..

— Если ты будешь продолжать въ такомъ же тонѣ, то мнѣ придется письменно объясниться съ тобой.

Онъ сердито повернулся, чтобы уйти, но Флора не пустила его.

— Боже мой, какъ ты трагически къ этому относишься!.. Вѣдь я просто стараюсь разыгрывать, вмѣстѣ съ тобой, маленькую комедію. И такъ, ты хочешь начать со мной войну на бумагѣ? О, милый Лео, ты будешь побѣжденъ—будь увѣренъ въ этомъ!.. Хотя ты и выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько капитальныхъ брошюръ по медицинѣ, но—тутъ спасуешь!..

Горделивая улыбка, сопровождавшая эти слова, застыла на ея губахъ, подъ его ледянымъ, мрачнымъ взглядомъ. Теперь въ душѣ ея возникло подозрѣніе, что онъ, можетъ быть, не шутитъ, а говоритъ совершенно серьезно (не о своей *мнимой* любви къ Кэтѣ—это вѣдь немыслимо!), а о томъ, что онъ рѣшился, при всей своей любви къ ней, все таки разойтись съ капризной невѣстой, чтобы не остаться мученикомъ на всю жизнь. Она раскаялась теперь въ своемъ поведеніи, но неукротимое упрямство и заносчивость все таки взяли верхъ.

— Хорошо, иди! сказала она, быстро отходя въ сторону... Такихъ взглядовъ я не выношу! Иди-же! Я пальцемъ не шевельну для того, чтобы удержать тебя! (Она разразилась рѣзкимъ, презрительнымъ смѣхомъ.) О, мужчины! Было время, когда я чуть не на колѣняхъ вымаливала себѣ свободу... Но тогда ты былъ настолько низокъ, что насильно удерживалъ меня! Ну, посмотри и поучись у Флоры Мангольдъ, чѣмъ должна въ подобныя минуты руководиться даже „слабая, тщеславная женская душа"! Гордость...

— Да, именно это чувство побуждало меня тогда оставаться неумолимымъ, и эта гордость была неукротима, подхватилъ Брукъ, хотя и совсѣмъ иного рода, чѣмъ твоя... Ты вотъ называешь гордостью смѣсь упрямства и досады... Сознаюсь, что я жестоко ошибался; я не буду ни защищаться, ни оправдывать себя, сваливая вину на другихъ; я уже говорилъ это... Моими поступками въ то время руководила моя вѣра въ собственную силу, въ силу воли мужчины, который *долженъ* и можетъ справиться со всякой душевной бурей. Такъ думалъ я тогда. Я не возвратилъ тебѣ твоего слова, потому что привыкъ считать слово, данное мною, ненарушимымъ во вѣки вѣковъ; съ этой точки зрѣнія наше обрученіе казалось мнѣ такимъ же крѣпкимъ, неизмѣннымъ, какъ бракъ у католиковъ... Не отрицаю, что и остатки студенческихъ понятій о чести жили еще тогда во мнѣ. Въ тотъ вечеръ я высказалъ тебѣ только *эту* побудительную причину, а теперь долженъ повторить ее: я не хотѣлъ встать въ ряды твоихъ *отвергнутыхъ* поклонниковъ .. Говорю еще разъ: Эти понятія я считаю теперь юношески-незрѣлыми, потому что въ такихъ случаяхъ компрометируется не честь мужчины, а честь женщины.

Флора съ гнѣвно сверкающими глазами отвернулась отъ него и забарабанила пальцами по столу.

— Я никогда не скрывала отъ тебя, что до моей помолвки съ тобой, многіе, очень многіе добивались моей руки, сказала она гордо, небрежно, не поворачивая къ нему даже головы.

— Да, ни ты, ни мои знакомые не скрывали этого, замѣтилъ Брукъ. Ты, однако, не должна забывать, что ты была недосягаемымъ идеаломъ во дни моей юности. Въ университетѣ и во время похода меня поддерживала мысль, что твое гордое сердце никому еще не принадлежало, что оно сдѣлаетъ несказанно-счастливымъ того, кто завоюетъ его... Докторъ вдругъ умолкъ, онъ не долженъ былъ и не хотѣлъ намекать на ея кокет-

ство; ему казалось унизительнымъ прибѣгать даже къ справедливымъ упрекамъ... Флора вспылила:

— Не хочешь ли ты еще утверждать, что изъ всей толпы этихъ неизбѣжныхъ поклонниковъ я любила только *одного!*

— *Любила?..* Нѣтъ, Флора, ты никого, даже меня не любила! Любила ты только свою несравненную красоту, свой успѣхъ въ обществѣ, свое остроуміе, будущую славу великолѣпной Флоры Мангольдъ...

— Вотъ какъ!.. У тебя прежде никогда не находилось льстивыхъ словъ для меня; даже въ минуты нѣжной ласки ты не умѣлъ подобрать для меня льстиваго эпитета—а теперь, вознегодовавъ, ты рисуешь мой портретъ самыми привлекательными красками!...

Онъ покраснѣлъ и отвернулся, чтобы не видѣть ея смѣющихся глазъ.

Красавица воображала, что какъ разъ во время напомнила ему о прекрасномъ прошломъ. Ну, теперь игра выиграна! мелькнуло въ ея головѣ.

— Лео, неужели ты пришелъ сюда только для того, чтобы обойтись со мной жестоко, чтобы обвинять меня? спросила она, и быстро подойдя къ нему, положила свою руку на его плечо.

— Ты забываешь, что сама позвала меня сюда, отвѣтилъ онъ серьезно. По собственному побужденію я не пришелъ бы къ тебѣ... У меня двѣ больныхъ на верху; подъ утро положеніе Генріэтты стало опаснымъ... Безъ твоего настоятельнаго требованія я не оставилъ бы ее, точно также, какъ не подумалъ бы въ эти злосчастные дни окончательно разъяснить наши взаимныя отношенія. Ты сама толкнула меня на это... Я и рѣшилъ.

— Рѣшилъ?.. Какъ толкнула? То есть подъ вліяніемъ дѣтскаго упрямства и досады велѣла тебѣ уйти?.. Перестань! Какъ можешь ты относиться такъ серьезно къ порыву гнѣва сердца дѣвушки?

Кровь бросилась въ лицо доктору... Онъ увидѣлъ, что ни до чего еще не договорился, что надо начинать съизнова объясненія.

— Я не стану обвинять тебя и въ этомъ, отвѣтилъ Брукъ съ явнымъ нетерпѣніемъ. Я позволилъ себѣ увлечься и признаться тебѣ въ томъ, что...

— Ахъ да! Ты началъ говорить о своей силѣ воли, которая *должна* справиться со всякой душевной бурей. Что-же, эта сила воли измѣнила тебѣ?...

— Нѣтъ, не измѣнила... Взглядъ мой только *на нѣкоторыя вещи измѣнился... Флора, вѣдь я-же, кажется, достаточно объяснилъ тебѣ все... Словомъ сказать: ты никогда меня не любила, а я... просто увлекся!..*

Она молчала и не поднимала глазъ; она не смѣла солгать ему въ лицо.

— Я тѣмъ крѣпче, тѣмъ боязливѣе цѣплялся за ненарушимость моего слова, чѣмъ непокорнѣе становилось мое сердце, чѣмъ дальше были отъ тебя мои мысли...

— А—а, такъ это все правда?..

— Да, Флора, правда. Я боролся съ своей привязанностью, какъ съ самымъ ожесточеннымъ смертельнымъ врагомъ. (Онъ тяжело вздохнулъ). Я съ первой минуты сталъ поступать жестоко и съ собой, и съ дѣвушкой, внушавшей мнѣ новую непобѣдимую любовь. Я тщательно избѣгалъ малѣйшаго, самаго невиннаго сближенія съ *ней...* Даже тѣ цвѣты, которые она держала въ рукѣ и потомъ забыла у меня на столѣ, вынесъ я изъ своей комнаты.. Она охотно посѣщала мой домъ, но я запротестовалъ противъ этого, я былъ холоденъ съ ней, говорилъ ей грубости въ глаза, хотя глаза эти и лицо нравились мнѣ больше всего на свѣтѣ...

— Ахъ, Боже мой, это—понятно!.. Кэта восхищала тебя, какъ врача: лицо такое здоровое, круглое, бѣлое и розовое, точно размалеваное!.. но тутъ хладнокровіе измѣнило ей и, прижавъ руку къ груди, Флора крикнула:

— И ты смѣешь дѣлать подобныя признанія мнѣ?... Какъ! Эта наивная юница, бросающая цвѣты въ комнату мужчинъ, которыхъ хочетъ прельстить...

— Ни слова больше!..(онъ бросилъ на нее тотъ повелительный взглядъ, передъ которымъ умолкалъ даже дерзкій ея языкъ). Меня ты можешь осыпать упреками, я ихъ снесу терпѣливо, но Кэту я не позволю трогать. Кэта никогда сознательно не разжигала любви моей.... Она возвратилась въ Дрезденъ, не уяснивъ себѣ ни моихъ, ни своихъ собственныхъ чувствъ... Ты лучше всѣхъ знаешь, почему она тогда уѣхала. Съ одной стороны ее уговаривали выйти замужъ безъ любви, по разсчету, съ другой—ей ясно дали почувствовать, что она должна очистить свою комнату для баронессы ф. Штейнеръ. Я былъ свидѣтелемъ этой некрасивой сцены... Я чуть было тогда не забылся и не наговорилъ г-жѣ президентшѣ непріятностей... Однако, когда мнѣ косвенно предложили помѣстить въ моемъ домѣ эту *лишнюю*, тогда и у меня не оказалось мѣста для нея, а потомъ. часъ спустя, этой дѣвушкѣ пришлось услышать на порогѣ моего дома, какъ я просилъ тетушку прекратить съ нею сношенія на время моего пребыванія здѣсь. Тогда *она* ушла, глубоко оскорбленная, а я былъ настолько жестокъ,—нѣтъ—хуже: настолько безнравственъ, что ради ложнаго принципа, ради глинянаго идола, представителя извѣстныхъ понятій о чести, сталъ упорствовать въ громадной лжи, въ которой хотѣлъ увѣрить и Кэту, и самого, себя, и весь міръ!..

Брукъ въ волненіи умолкъ, а Флора бросилась на кушетку, охвативъ голову тоненькими своими ручками, какъ будто она не хотѣла ничего больше слышать. Онъ продолжалъ:

— Я далъ ей уѣхать; тогда я вздохнулъ свободнѣе, надѣясь, что безъ нея мнѣ будетъ легче, что мои мученія прекратятся... Безумецъ!.. Не замѣтилъ я, что въ ту самую минуту, когда она скрылась за прибрежнымъ кустарникомъ, ко мнѣ подкрался демонъ и поселился въ моемъ сердцѣ... Нѣтъ, не отъ утомленія, не отъ визитовъ провалились у меня щеки, и сталъ я тогда угрюмъ (работа всегда доставляла мнѣ удовольствіе): причиной этому была моя страсть, возраставшая съ каждымъ днемъ.

Онъ отошелъ отъ окна и началъ въ волненіи ходить по комнатѣ; Флора тоже встала и порывистымъ движеніемъ откинула локоны со лба.

— Страсть къ Кэтѣ?!.. вскричала она, горько разсмѣявшись.—О, хотѣлось бы мнѣ, чтобы папа могъ теперь видѣть, какой вѣрный инстинктъ руководилъ его старшею дочерью, когда она отказывалась называть дочь зaмковаго мельника „мамашей“, когда она отворачивалась отъ новорожденной младшей сестры! Нѣтъ, ты поступалъ до сихъ поръ не по ложному принципу.... Нѣтъ!.. Людей, не отступающихъ отъ такого принципа, всегда называютъ и будутъ называть респектабельными и честными...

— Я далъ себѣ слово не касаться прошлаго, перебилъ ее Брукъ, дрожащимъ голосомъ, однако съ твердой рѣшимостью покончить дѣло теперь же, — но ты принуждаешь меня возвратиться къ тому, что произошло между нами въ моемъ домѣ. Въ тотъ вечеръ я позволилъ невѣстѣ своей сказать прямо въ лицо мнѣ, что она меня *ненавидитъ*, или лучше—презираетъ, потому что неудача, повидимому, мѣшала мнѣ стать знаменитостью, а женой этой знаменитости ты и хотѣла быть... На другой день мнѣ пришлось увидѣть нѣчто небывалое: вслѣдствіе пожалованія меня въ гофраты—эта „ненависть“ моей невѣсты вдругъ превратилась въ самую преданную любовь!.. Скрывъ презрѣніе, я молча продолжалъ сносить свое ярмо, потому что хотѣлъ остаться „респектабельнымъ, честнымъ“. И я довелъ бы эту ужасную ложь до конца, если бы муки разбитаго сердца угрожали только мнѣ одному, но... тутъ замѣ-

шалось третье лицо, съ любящимъ горячимъ сердцемъ...

Легкій крикъ, вырвавшійся изъ груди Флоры, заставилъ умолкнуть доктора.

— Неужели эта лицемѣрка въ самомъ дѣлѣ дерзнула поднять глаза на жениха своей сестры?... Она призналась тебѣ въ своей преступной любви?! Призналась?...

Онъ глядѣлъ на нее съ минуту молча, глаза его горѣли невыразимымъ гнѣвомъ.

— Ты можешь употреблять какія угодно эпитеты, но тебѣ не удастся запятнать эту непорочную дѣвушку, проговорилъ наконецъ Брукъ.—Со времени отъѣзда ея въ Дрезденъ, я не говорилъ съ ней вовсе; даже въ эту ночь, очнувшись отъ обморока, она не промолвила ни слова... Кэта пріѣхала вчера, но я этого не зналъ. Отъ шума и суетни (во время приготовленій къ дѣвичнику) я ушелъ въ свой садъ, а потомъ увидѣлъ ее на другомъ берегу... Она, какъ изгнанница, не смѣла перейти черезъ мостъ!..

Докторъ вдругъ умолкъ; яркій румянецъ вспыхнулъ на его щекахъ... Нѣтъ, онъ ни за что не скажетъ Флорѣ, что въ ту именно минуту, когда увидѣлъ Кэту у моста впалъ въ восторженное состояніе, потому что во-очію увидѣлъ, узналъ, что эта дѣвушка тоже любитъ его!..

— Потомъ, послѣ того страшнаго взрыва, я отправился въ паркъ отыскивать ее, продолжалъ Брукъ болѣе покойнымъ тономъ: — когда я нашелъ и поднялъ ее, я сказалъ себѣ, что смерть пощадила ея молодую жизнь для моего счастья... Тутъ я покончилъ съ прошлымъ!..

По мѣрѣ того, какъ Брукъ говорилъ, все существо Флоры постепенно преображалось... Да, игра проиграна—все кончено, но Флора не была бы ловкой, проницательной интриганткой, если бы не съумѣла тотчасъ же найтись въ своемъ новомъ положеніи. Натянутость въ движеніяхъ ея исчезла, а въ манерахъ стало проглядывать что-то кошачье. Она торопливо поправила чепчикъ и, завязывая ленты подъ подбородкомъ, сказала съ сатанинской улыбкой, ехидно взглянувъ на него:

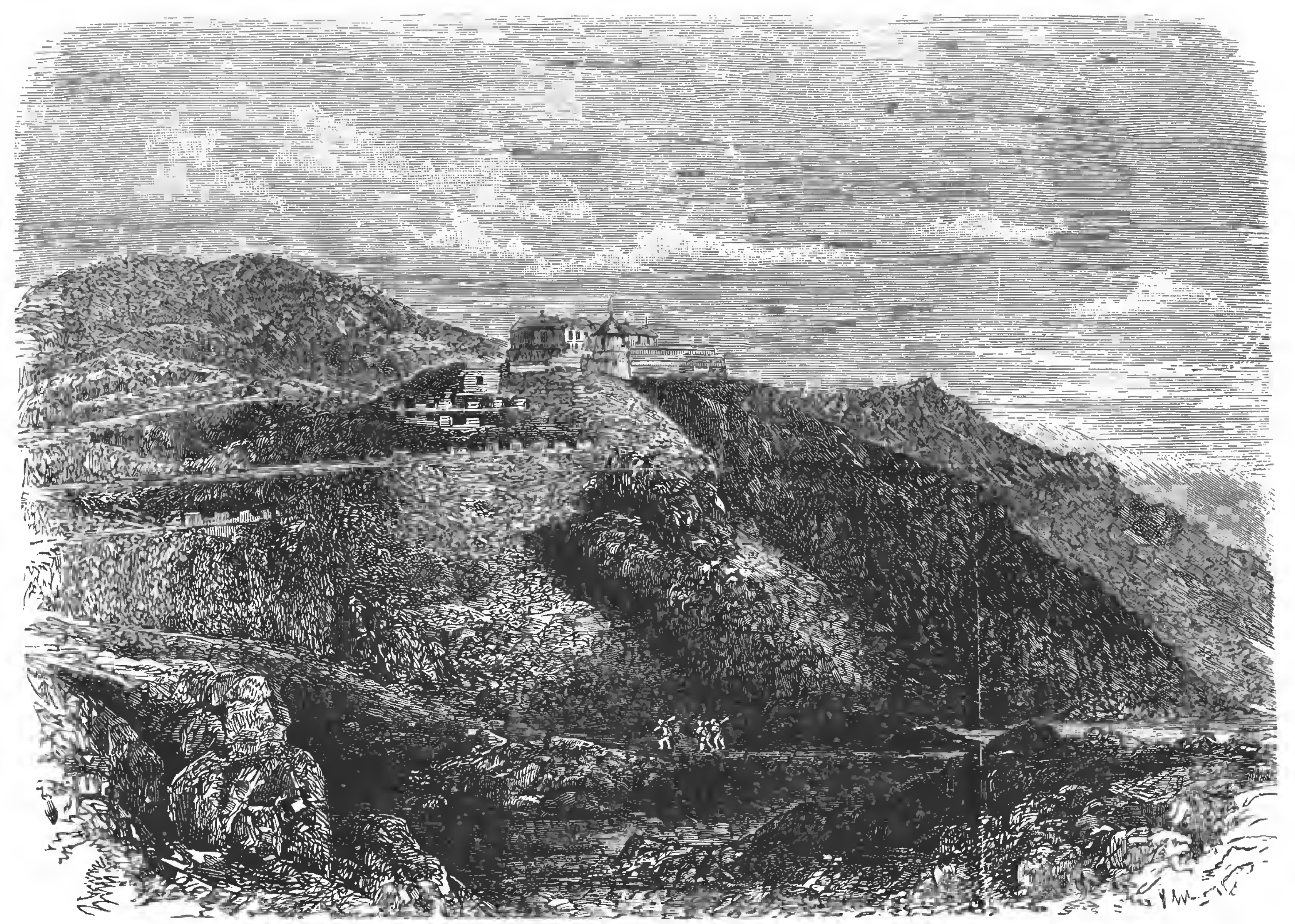
— Какъ? И даже не спросивъ меня покончили, господинъ докторъ? Ну, пусть будетъ такъ!.. Теперь я задаюсь такимъ вопросомъ: что сталось бы съ тобою Флора, если бы ты сдѣлалась женою такого сантиментальнаго мечтателя?.. Что-жь, и хорошо, что все такъ случилось, это хорошо для насъ обоихъ. Я возвращаю тебѣ твое слово и свободу, но освобождаю тебя такъ, какъ освобождаютъ птичку, т. е. одинъ конецъ веревочки оставляю у себя и крѣпко обматываю его вокругъ пальца (она съ насмѣшливой улыбкой постучала по обручальному кольцу).—Сватайся за любую молодую дѣвушку въ резиденціи (хотя бы за самую злую мою завистницу—ихъ вѣдь у меня довольно!), и я передамъ ей это колечко... Но на Кэтѣ и не думай жениться! Нѣ—ѣтъ!.. Слышишь?.. И если ты уѣдешь съ ней за-море, или захочешь обвѣнчаться съ ней гдѣ нибудь въ самой глухой деревушкѣ, знай: я непремѣнно, явлюсь во время, чтобы помѣшать вамъ!..

— Слава Богу, что это не въ твоей власти, замѣтилъ Брукъ, поблѣднѣвъ какъ мертвецъ... Онъ тяжело дышалъ.

— Ты такъ думаешь?.. Предоставь ужь мнѣ позаботиться о томъ, чтобы никогда тебѣ не быть счастливымъ *по своему*!.. О, вѣроломный, жалкій человѣкъ! Ты

Убійство французскаго и германскаго консуловъ въ Салоникахъ.
Рисов съ наброска, Бролингъ; грав. К. Вейерманъ.

Крѣпость Никшичъ на границѣ Герцеговины и Черногоріи. Съ фотографіи грав. Вейерманъ.

топчешь пышный цвѣтокъ, чтобы сорвать простую маргаритку!.. Ты услышишь еще обо мнѣ...

Презрительно хихикая, Флора быстро прошла въ свою комнату и заперлась тамъ, а вслѣдъ затѣмъ, постучались въ противоположную дверь, и вошедшій лакей попросилъ доктора пожаловать въ бельэтажъ, потому что у фрейлейнъ Генріэтты повторился сильный припадокъ удушья.

(Продолженіе будетъ).

Отецъ лѣса, гигантское дерево въ Калифорніи.

За предѣлами земледѣльческаго раіона Калифорніи, прилегающаго преимущественно къ берегамъ океана, начинаются ея рудокопныя графства, составляющія территорію золотопромышленниковъ. Одно изъ такихъ графствъ—Марипоза, лежащее на юго-востокъ отъ Стоктона, значительнаго Калифорнскаго города обладаетъ замѣчательною рѣдкостью растительнаго царства, заставляющею многихъ путешественниковъ, посѣтителей Санъ-Франциско, предпринимать довольно трудныя поѣздки внутрь страны. Рѣдкость эту составляетъ кедровый лѣсъ, вполнѣ справедливо названный—исполинскимъ. Уже по приближеніи къ нему начинаютъ попадаться огромныя деревья, составляющія какъ бы авангардъ чудовищъ, ожидающихъ впереди путешественника. Деревья лѣса мало по малу увеличиваются въ вышину и ширину, и наконецъ открывается плато Бекъ-Горнъ, представляющее одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ и поразительнѣйшихъ лѣсныхъ пейзажей въ мірѣ. На этомъ плато глухо шумятъ своими верхушками четыреста кедровъ, елей или кипарисовъ, болѣе половины которыхъ имѣютъ до тринадцати метровъ въ діаметрѣ, т. е. чтобы окружить каждое изъ этихъ деревьевъ, надо установить вокругъ него отъ двѣнадцати до тринадцати взявшихся за руки человѣкъ. Сваленное грозою, или сломившееся просто отъ дряхлости, одно изъ такихъ деревьевъ занимало по длинѣ протяженіе около 68 саженъ (болѣе 150 метровъ), т. е. болѣе въ восемь разъ выше обыкновеннаго, пятиэтажнаго дома. Окружность его составляла около 40 метровъ т. е. почти 18 саженъ. Это было, кажется, самое высокое и толстое дерево во всемъ лѣсу и въ цѣломъ мірѣ. По числу слоевъ ему было отъ роду около четырехъ тысячъ лѣтъ, такъ что оно могло застать еще потопъ. Разсказываютъ, что кора одного изъ такихъ деревьевъ, бывъ доставлена въ Санъ-Франциско, послужила впослѣдствіи оградою для одного изъ лотерейныхъ базаровъ. Поставивъ ее такъ, какъ она лежала на деревѣ можно было-бы устроить внутри ея балъ, болѣе чѣмъ на двадцать человѣкъ, установивъ въ это же пространство и фортепьяно. Размѣры этихъ деревьевъ такъ мало правдоподобны, что въ Англіи, для того, чтобы убѣдить невѣрующихъ, возстановили искуственно въ настоящую величину одинъ изъ исполинскихъ кедровъ Калифорніи; это было сдѣлано въ сиденгемскомъ кристальномъ дворцѣ близь Лондона. Другой исполинскій лѣсъ, хотя и уступающій, по величинѣ деревьевъ, описанному, находится также въ Калифорніи, въ графствѣ Калаверасъ, смежномъ съ графствомъ Марипозою. Деревья этого лѣса называются у американцевъ мамонтовыми mammoth trees. Названіе это можно считать очень удачнымъ, потому что эти колоссы растительнаго царства, такой же памятникъ его прошлаго, какъ и мамонтъ въ царствѣ животномъ. Деревья калавераскаго лѣса носятъ неизвѣстно кѣмъ данныя имъ имена. Тутъ есть: *Отецъ, Мать* и *Дочь* лѣса. Есть три *Сестры, Мужъ* и *Жена, Хижина Дяди Тома, Шалашъ Рудокопа* и т. п. На нашемъ рисункѣ представленъ *Отецъ лѣса,* самое высокое изъ калаверасскихъ деревьевъ. О ширинѣ или толщинѣ его можно судить по находящимся у подошвы этого дерева верховымъ людямъ; ему насчитываютъ около пятидесяти столѣтій, и подъ дѣйствіемъ такой старости оно уже видимо начинаетъ склоняться, что и заставило оградить нижнюю часть его ствола надежною рѣшоткою изъ вертикальныхъ стоекъ, соединенныхъ между собою укрѣпленіями. Лѣстница и снятая снизу кора служатъ для постояннаго осмотра ствола дерева, потому что паденіе его можетъ повредить и даже сломить другія, также болѣе или менѣе замѣчательныя деревья. Не очень давно тому назадъ Шалашъ Рудокопа, стоявшій вблизи Отца лѣса пораженъ молніею. Паденіе его было очень счастливо для другихъ деревьевъ и теперь онъ лежитъ, склонясь къ ногамъ Отца, близкій конецъ котораго предсказать не трудно.

Литературный альбомъ.

«Русланъ и Людмила», поэма А. С. Пушкина.

Эта поэма принадлежитъ къ самымъ раннимъ, юношескимъ произведеніямъ нашего великаго поэта, Александра Сергѣевича Пушкина. Онъ началъ писать ее, будучи еще въ Царскосельскомъ лицеѣ, 17 лѣтъ отъ роду, въ 1817 году, а окончилъ въ 1819 году. Въ 1820 году она появилась въ печати и возбудила чрезвычайно много самыхъ разнородныхъ толковъ и критическихъ разборовъ. Одни, восхищенные и удивленные легкостью и игривостью стиха и другими крупными достоинствами поэмы, превозносили ее до небесъ и въ авторѣ ея видѣли могучее дарованіе, геніальнаго поэта. Другіе, пуристы, видѣвшіе въ поэзіи только средство поучать, не наскучивая, и признававшіе только дидактическую поэзію истинно полезною, вооружились на нее за ея вольныя и безнравственныя, по ихъ мнѣнію, мѣста и разразились грозными филиппиками по поводу ея выхода. Одинъ изъ замѣтнѣйшихъ тогдашнихъ писателей сказалъ, прочитавъ «Руслана и Людьмилу»: «я тутъ не вижу ни мысли, ни чувства, вижу только чувственность». Кромѣ того, появились стихи, въ которыхъ про поэму говорилось: «Мать дочери велитъ на эту сказку плюнуть». Конечно, нельзя поручиться, что отзывы эти вполнѣ безпристрастны и что тутъ нѣтъ нѣкоторой доли зависти писателей, чувствовавшихъ, какъ блѣднѣютъ ихъ имена отъ сіянія вновь восходящаго на поэтическій горизонтъ свѣтила.

Какъ бы то ни было, но въ настоящее время подобные упреки, надѣемся, не повторятся и мы съ удовольствіемъ выписываемъ стихи, къ которымъ нарисована наша картинка.

Поэма начинается съ описанія пира по случаю свадьбы Руслана съ Людмилою, дочерью князя Владиміра-Красное солнышко. Для полноты впечатлѣнія выписываемъ и эти стихи, хотя они и не относятся непосредственно къ картинкѣ.

Пиръ конченъ, всѣ...

Встаютъ рядами,
Смѣшались шумными толпами,
И всѣ глядятъ на молодыхъ:
Невѣста очи опустила,
Какъ будто сердцемъ пріуныла,
И свѣтелъ радостный женихъ.
Но тѣнь объемлетъ всю природу,
Ужъ близко къ полночи глухой;
Бояре, задремавъ отъ меду,
Съ поклономъ убрались домой.
Женихъ въ восторгѣ, въ упоеньи:
Ласкаетъ онъ въ воображеньи
Стыдливой дѣвы красоту;
Но съ тайнымъ, грустнымъ умиленьемъ
Великій князь благословеньемъ
Даруетъ юную чету..

Но прекрасную княжну Людмилу вдругъ ночью похищаетъ старый волшебникъ Черноморъ и уноситъ въ свой волшебный замокъ. Не будемъ разсказывать содержаніе поэмы подробно, такъ какъ она, полагаемъ, извѣстна *всякому,* мало мальски знакомому съ литературою. Незнающихъ же отсылаемъ къ самой поэмѣ; а тутъ напомнимъ лишь то, что прямо относится къ иллюстраціи. Людмила перенесена въ замокъ и просыпается на другой день.

На встрѣчу утреннимъ лучамъ
Постель оставила Людмила,
И взоръ невольный обратила
Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ;
Невольно кудри золотые
Съ лилейныхъ плечъ приподняла;
Невольно волосы густые
Рукой небрежной заплела;
Свои вчерашніе наряды
Нечаянно въ углу нашла;
Вздохнувъ, одѣлась, и съ досады
Тихонько плакать начала;
Однако съ вѣрнаго стекла,
Вздыхая, не сводила взора,
И дѣвицѣ пришло на умъ,
Въ волненьи своенравныхъ думъ,
Примѣрить шапку Черномора.
Все тихо, никого здѣсь нѣтъ;
Никто на дѣвушку не взглянетъ...
А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
Какая шапка не пристанетъ!
Рядиться никогда не лѣнь!
Людмила шапкой завертѣла;
На брови, прямо, на бекрень,

И задомъ на передъ надѣла.
И чтожъ! о чудо старыхъ дней!
Людмила въ зеркалѣ пропала;
Перевернула—передъ ней
Людмила прежняя предстала;
Назадъ надѣла—снова нѣтъ;
Сняла—и въ зеркалѣ! «Прекрасно!
Добро, колдунъ, добро, мой свѣтъ!
Теперь мнѣ здѣсь ужь безопасно,
Теперь избавлюсь отъ хлопотъ!»
И шапку стараго злодѣя
Княжна, отъ радости краснѣя,
Надѣла задомъ на передъ.

Благодаря этой шапкѣ-невидимкѣ, Людмила могла скрываться отъ Черномора и не попадать ему въ руки. Долго Черноморъ искалъ ее, но ему не удавалось ни найти ее, ни поймать. Наконецъ имъ придумана хитрость: принявъ на себя образъ Руслана, онъ сталъ громко звать ее и она, обманутая наружнымъ видомъ, чуть было не попала въ его объятія. Въ этотъ моментъ Черноморъ слышитъ звукъ трубы, призывающій его на битву. Это Русланъ.

Черноморъ побѣжденъ Русланомъ, и ему отрѣзана борода—источникъ его могущества. Княжна Людмила, объятая глубокимъ чародѣйскимъ сномъ, снова въ рукахъ Руслана, и онъ мчится съ нею къ князю Владиміру...

Подлость труса Фарлафа опять одерживаютъ верхъ надъ Русланомъ, но, въ концѣ концовъ, съ помощью добраго волшебника Фина, Русланъ одерживаетъ побѣду надъ всѣми врагами и препятствіями и добивается счастья.

Прелестная, полная юношескаго жара и поэзіи, поэма имѣетъ прологъ, который начинается стихами:

«У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ...

Эти стихи сдѣлались любимыми у дѣтей, потому что въ нихъ въ короткихъ словахъ, но чрезвычайно образно, очерченъ весь причудливый, волшебный міръ русскихъ народныхъ сказокъ, которые такъ часто вдохновляли этого великаго поэта и до сихъ поръ служатъ любимымъ дѣтскимъ чтеніемъ.

А

Убійство французскаго и германскаго консуловъ въ Салоникахъ.

7-го мая разнеслась по Европѣ ужасная вѣсть объ умерщвленіи въ Салоникахъ двухъ европейскихъ консуловъ—германскаго, г. Аббота и французскаго, г. Мулена. На первыхъ порахъ было весьма трудно узнать съ полною достовѣрностью какъ самый поводъ убійства, такъ и обстоятельства, при которыхъ оно совершено. Мѣстный губернаторъ донесъ, что 6-го мая прибыла на станцію желѣзной дороги одна молодая болгорская дѣвушка, принявшая исламъ. Согласно существующему на тотъ случай порядку, ее слѣдовало доставить къ губернатору; съ этой цѣлью къ дебаркадеру было выслано нѣсколько заптіевъ; но когда кортежъ тронулся, то толпа христіанъ, собранная американскимъ консуломъ (русскій подданный, православный грекъ, г. Периклъ Лазаро), бросилась подъ его предводительствомъ, на жандармовъ, отбила дѣвушку и скрыла ее въ домѣ одного христіанина. Мусульманское населеніе, взволнованное подобнымъ «насиліемъ», толпой кинулось къ дому губернатора и, потребовавъ выдачи дѣвушки, удалилось, затѣмъ, въ одну изъ мечетей. Нѣсколько времени спустя, вали (губернатору) дали знать, что германскій и французскій консулы вошли въ мечеть за народнымъ скопищемъ; губернаторъ немедленно же отправился туда, но, не смотря на всѣ усилія, не смотря на то, что, рискуя собственной жизнью, сталъ между жертвами и убійцами, не могъ уже спасти несчастныхъ, которые, вскорѣ, пали подъ ударами разсвирѣпѣвшаго народа. Военная же сила, за которой было послано, прибыла, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Такъ доносилъ губернаторъ. Но вслѣдъ за оффиціальнымъ донесеніемъ, въ печати появилось не мало относившихся къ этому событію извѣстій, часто одно другому противорѣчившихъ, одно другое опровергавшихъ. Не вдаваясь въ перечень ихъ и оцѣнку, мы приводимъ разсказъ очевидца, заключающій въ себѣ самый достовѣрный отчетъ о происшествіи.

Съ нѣкоторыхъ поръ, по словамъ этого очевидца, въ турецкомъ кварталѣ замѣчалось возбужденіе противъ христіанъ. Въ виду этого, консулы обратились даже съ замѣчаніями къ вали, не принявшему никакихъ мѣръ предосторожности. 5-го мая, на станцію желѣзной дороги, расположенную за городомъ въ 2-хъ километрахъ изъ мѣстечка Богданца, пріѣхала, въ сопровожденіи своей матери и нѣсколькихъ мусульманъ, одна молодая болгарская дѣвушка. Мать ея начала звать на помощь, съ громкими криками объясняя, что турки силою заставили ея дочь принять исламъ. Сбѣжавшіеся на ея крики христіане отбили ее у заптіевъ, посадили въ экипажъ американскаго консула (экипажъ этотъ стоилъ вблизи станціи, въ ожиданіи г. Лазаро) и отвезли въ домъ греческаго негоціанта, г. Авчерино, который и спряталъ ее у себя. Около полудня слѣдующаго дня, на улицахъ мусульманскаго квартала было видно необыкновенное движеніе. Около сотни турокъ явились къ дому губернатора съ жалобой на христіанъ, осмѣлившихся схватить магометанку. Губернаторъ успокоилъ ихъ и просилъ удалиться въ близь стоящую мечеть, куда обѣщалъ прислать къ нимъ «меджлисъ» (родъ городского совѣта). Между тѣмъ, по улицамъ сновали уже различныя лица, призывавшія турокъ къ оружію во имя пророка. Въ городѣ распространился слухъ, что магометане готовятся умертвить всѣхъ христіанъ. Эти послѣдніе, въ ужасѣ, заперли всѣ свои лавки и баррикадировались въ своихъ домахъ. Излишне, конечно, говорить, что власти предоставили полную свободу взбунтовавшимся фанатикамъ. Французскій консулъ, желая удостовѣриться въ происходящемъ, отправился къ губернатору; но пути къ нему присоединился и германскій консулъ (слѣдуетъ замѣтить, что гг. Абботъ и Муленъ были родственники: жены ихъ, родныя сестры, гречанки по происхожденію и племянницы бывшаго турецкаго посла въ Берлинѣ, Аристархи-Бея). Придя къ вали, они потребовали, чтобы онъ принялъ необходимыя мѣры къ охраненію христіанъ отъ грозившей имъ опасности. Губернаторъ отвѣчалъ, что въ мечети собрался меджлисъ. Гг. Абботъ и Муленъ отправляются туда: турки, еще болѣе разсвирѣпѣвшіе при видѣ появившихся консуловъ, окружили ихъ, угрожая имъ смертью, если дѣвушка не будетъ немедленно доставлена. Г. Абботъ наскоро написалъ записку, дѣвушку ищутъ, ее нашли, приводятъ въ мечеть—но уже поздно!

Такъ какъ появленіе дѣвушки естественно замедлилось, то вся злоба расходившейся фанатической черни обрушилась на консуловъ. Одинъ турокъ, выломавъ изъ рѣшотки перекладину, ударилъ ею г. Аббота въ лицо. Г. Муленъ мужественно выступилъ впередъ, угрожая толпѣ жестомъ и голосомъ, — то была ужасная минута! Какъ стая голодныхъ тигровъ бросились изувѣры на двухъ несчастныхъ.... Всѣ находившіяся здѣсь власти исчезли моментально!

Муленъ получилъ сабельный ударъ, перерубившій ему горло, ударъ кинжаломъ въ сердце, 32 раны ножемъ и, кромѣ того, безчисленное множество ударовъ желѣзными перекладинами, разбившихъ ему всѣ кости. Онъ былъ страшно изуродованъ.

У Аббота разрублено саблей лицо, кромѣ того ему нанесено множество ранъ ножами и желѣзными перекладинами. Турки не оставили своихъ жертвъ въ покоѣ и послѣ смерти: они топтали ихъ, плевали имъ въ лицо, а затѣмъ, развернувъ зеленое знамя (священное знамя пророка) съ торжествомъ обошли улицы Салоникъ, угрожая смертью всѣмъ христіанамъ.

Итальянскій консулъ, г. Фоскарини, узнавъ о присутствіи консуловъ въ мечети, но еще не зная объ ихъ участи, тотчасъ же бросился къ пашѣ, надѣясь поспѣть еще во время, чтобы спасти своихъ несчастныхъ товарищей. Онъ находитъ вали спокойно сидящимъ за своимъ кофе; на отчаянные возгласы г. Фоскарини флегматическій турокъ отвѣчаетъ, что трупы консуловъ находятся въ мечети, и что онъ можетъ ихъ взять. Придя туда, онъ видитъ ужасные трупы Аббота и Мулена, видитъ, что нѣсколько турокъ продолжаютъ издѣваться надъ останками... Онъ приказываетъ перенести тѣло перваго на его квартиру, а тѣло второго—въ домъ сестеръ милосердія.

Только поздно ночью появились патрули на улицахъ и предъ консульствами. Въ воскресенье турки, вооруженные съ ногъ до головы, продолжали еще расхаживать по городу и грозить христіанамъ.

Крѣпость Никшичъ.

Эта герцоговинская крѣпость, расположенная неподалеку отъ черногорской границы, за Дужскимъ ущельемъ, грозно высится среди лѣсовъ и глубокихъ овраговъ. Ея стратегическое значеніе, въ особенности при настоящихъ событіяхъ, весьма важно для турокъ. Владѣя ею, они во 1-хъ, имѣли бы въ рукахъ какъ бы ключъ къ Черногоріи, а во 2-хъ, господствовали бы надъ ущельемъ, что доставило бы имъ большія преимущества. Все это хорошо понимается какъ славянами, тѣсно обложившими и уже нѣсколько мѣсяцевъ упорно защищающими Дужское ущелье, которое ведетъ къ форту, такъ и турками, тщетно, до сихъ поръ, пытающимися — уже не освободить его отъ осады, а хотя бы снабдить гарнизонъ провіантомъ въ достаточномъ количествѣ. Много жертвъ и крови стоили эти усилія, съ одной стороны, пробиться къ Никшичу, и съ другой, не допустить свободнаго прохода сквозь ущелье. Между тѣмъ гарнизонъ, въ послѣднее время, дошелъ до крайности, все, что

могло идти въ пищу, было уже съѣдено, и солдаты поддерживали свое существованіе мясомъ нѣсколькихъ лошадей, проведенныхъ какъ-то ночью въ крѣпость со стороны Черногоріи; все это вынуждало турокъ принять чрезвычайныя мѣры къ тому, чтобы доставить туда провіантъ. Мушаръ (маршалъ) Мухтаръ-Ахмедъ-Паша двинулся на свѣтлой недѣлѣ, съ большимъ отрядомъ къ ущелью, но послѣ цѣлаго ряда кровопролитныхъ битвъ, происходившихъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, принужденъ былъ отступить. Рѣшившись, во чтобы ни стало, придти на помощь осажденнымъ, онъ, чрезъ нѣсколько дней (27-го апрѣля н. ст.), и съ гораздо болѣе значительными силами снова аттаковалъ дефилеи и, хотя не пробился лично къ Никшичу, но далъ возможность гарнизону его выйдти за припасами, которые и были, въ пылу битвы, доставлены въ крѣпость. На другой день славяне получили подкрѣпленіе, аттаковали Мухтара, укрѣпившагося въ ихъ родномъ ущельи, и, послѣ упорнаго боя, стоившаго обѣимъ сторонамъ ужасныхъ потерь и продолжавшагося до ночи, выбили его изъ позицій и оттѣснили къ Гацко. Какъ бы ни былъ относителенъ успѣхъ, достигнутый Мухтаромъ, онъ, едва ли, могъ добиться и такого результата своихъ усилій, еслибы, по отзыву европейской печати, не прибѣгнулъ къ довольно неблаговидной хитрости. Весьма странно покажется, даже на первый взглядъ, что инсургенты, нанесшіе не за долго предъ тѣмъ, такое рѣшительное пораженіе турецкимъ войскамъ, допустили затѣмъ снабженіе Никшича провіантомъ и не противупоставили оттоманскимъ войскамъ серьезной преграды; но дѣло въ томъ, что въ промежутокъ времени между двумя нападеніями турокъ на ущелье, были начаты съ княземъ черногорскимъ переговоры о новомъ перемиріи и о доставленіи черногорцами провіанта въ Никшичъ. Успѣхъ переговоровъ этихъ казался до такой степени вѣроятнымъ, что инсургентскіе отряды разошлись по разнымъ направленіямъ на свои бивуаки и квартиры, вмѣстѣ съ тѣмъ были уже приняты мѣры къ снабженію турецкой крѣпости припасами, и нѣсколько старшинъ не принимавшаго участія въ возстаніи населенія Кучи и Брекаловичей, которые должны были при этомъ служить посредствующими лицами, отправились въ Подгорицу. Этотъ-то, именно, моментъ, когда непріятельскія дѣйствія пріостановились въ ожиданіи перемирія, все успокоилось, ввѣрившись происходившимъ переговорамъ,—Мухтаръ-Паша счелъ самымъ удобнымъ для того, чтобы выполнить то, что не удалось въ 1-й разъ, и неожиданно бросившись на инсургентовъ, которыхъ засталъ, конечно, врасплохъ и неприготовленными, вступилъ въ Дужское ущелье прежде, чѣмъ они успѣли собрать свои разрозненныя силы и дать отпоръ. Они, впрочемъ, какъ можно видѣть изъ вышеизложеннаго, быстро успѣли оправиться и отплатить Мухтару-Пашѣ за его коварство. Интересно, между прочимъ, то, что кучскіе и брекаловичскіе старшины—миротворцы были схвачены, связаны и отведены въ Скутари.

Политическое обозрѣніе.

Какъ только получилось оффиціальное извѣщеніе о преступленіи, совершонномъ толпой изувѣровъ, въ Салоникахъ, немедленно большая часть правительствъ отправили туда свои военные корабли; понятно, что только подъ прикрытіемъ этой внушительной силы и могла дѣйствовать смѣшанная коммисія, о которой мы упоминали въ прошлый разъ и которая была послана на мѣсто для суда надъ убійцами; только присутствіе этой силы и дозволило совершить безпрепятственно торжественные похороны жертвъ. Что салоникское убійство является лишь отдѣльнымъ, частнымъ проявленіемъ общаго фанатическаго возбужденія, въ какомъ находится теперь мусульманское населеніе Турціи—это доказывается положеніемъ дѣлъ въ самомъ Константинополѣ. Какъ уже извѣстно, тамъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, царствовалъ чуть не терроръ. Жители магометане массами ходили по городу, угрожая христіанамъ. Ходили слухи объ открытіи цѣлаго заговора, имѣвшаго цѣлью сверженіе султана и министровъ. Насколько это достовѣрно—трудно сказать утвердительно, но нельзя, однако, не принять во вниманіе, что чернь, возбуждаемая софтами (студентами богословія) и муллами, собралась ко дворцу и потребовала удаленія великаго визиря и «шейхъ-уль-исламе», на что правительство немедленно же согласилось (извѣстіе это было сообщено изъ Константинополя оффиціально). Положеніе грозило принять болѣе опасный характеръ. Извѣстно было, что софты и народъ запасались оружіемъ, всюду раскупали кинжалы, револьверы. Все это, вмѣстѣ съ бранью и оскорбленіями, направленными противъ христіанъ, естественно встревожили проживающихъ въ Стамбулѣ иностранцевъ, которые немедленно же обратились къ своимъ посланникамъ за защитой и покровительствомъ. Понадобилось, понятно, и здѣсь присутствіе «внушительной силы»—и вотъ, въ настоящее время, флаги всевозможныхъ государствъ развѣваются на водахъ Босфора, куда спѣшатъ еще и другіе военные корабли, въ помощь къ находящимся уже тамъ.

На театрѣ возстанія замѣтно нѣкоторое затишье. Изъ Босніи сообщаютъ, что турецкую Костайницу стараются укрѣпить насколько возможно сильнѣе, въ виду присутствія неподалеку отряда инсургентовъ въ 1,800 человѣкъ. Въ окрестностяхъ Баньялукъ жители 14-ти селъ сами сожгли свои жилища и удалились съ семействами въ горы. Съ тѣхъ поръ, какъ получилась вѣсть изъ Салоникъ, во всей Босніи царствуетъ страшное волненіе. Съ 10-го мая происходило нѣсколько стычекъ — такъ, въ день этого числа—близь Линники (гдѣ инсургентами командовалъ попъ Каранъ), 11-го при Враноградѣ, причемъ съ обѣихъ сторонъ пало очень много народа, затѣмъ—при Газарачѣ. 12-го мая бригаднымъ генераламъ Солиманъ и Селимъ Пашамъ были присланы подкрѣпленія съ приказаніемъ двинуться, вмѣстѣ съ дивизіоннымъ генераломъ Али-Пашой, противъ позицій инсургентовъ въ Казарачскихъ, Ризовачскихъ и Гремвичскихъ горахъ. Весьма вѣроятно, что турки и на этотъ разъ не будутъ имѣть никакого успѣха, потому что для взятія такихъ сильныхъ позицій необходимо, по крайней мѣрѣ, 30 тысячъ человѣкъ, тогда какъ число турецкихъ войскъ простирается всего до 18 тысячъ человѣкъ, считая тутъ же и баши-бузуковъ. Что же касается собственно Герцеговины, то, какъ пишутъ изъ Рагузы, тамъ, послѣ послѣднихъ большихъ битвъ между Дужскимъ горнымъ проходомъ и Никшичемъ, все это время сраженій не было. Подобное бездѣйствіе со стороны инсургентовъ объясняютъ полученнымъ, по слухамъ, въ ихъ лагерѣ конфиденціальнымъ совѣтомъ воздерживаться отъ нападеній до окончанія берлинскаго совѣщанія. Теперь конференція въ Берлинѣ уже окончена, но едва-ли, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, можно съ достовѣрностью утверждать, что борьба не возобновится. Если, съ одной стороны, выработанная въ Берлинѣ программа еще пока неизвѣстна, за то, съ другой, хорошо уже извѣстно, что она встрѣтила менѣе благосклонный пріемъ, чѣмъ Андрашіевская нота. Англія рѣшительно отказалась одобрить ее, Порта, согласно послѣднимъ телеграммамъ, намѣрена послѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру англійскаго правительства, находя, что нота заключаетъ въ себѣ условія, невыполнимыя для нея; но самымъ характеристически-неблагопріятнымъ для этой программы признакомъ служитъ извѣстіе о томъ, что сама Австрія готовится ко всякой возможной случайности. Послѣднія мѣры австро-венгерскаго правительства, выражаются въ заказѣ нѣкоторымъ желѣзнодорожнымъ правленіямъ поѣздовъ для раненыхъ, почти положительно утверждаютъ, что Австрія, въ случаѣ неудачи, могущей постигнуть берлинскую программу, намѣрена или сама непосредственно вмѣшаться въ дѣло возстанія, не желая дать Черногоріи и Сербіи возможности затянуть войну, или же оказать Турціи помощь.

Будемъ ждать, что скажетъ болѣе или менѣе близкое будущее.

Въ прусской палатѣ господъ начались пренія по вопросу о пріобрѣтеніи государствомъ желѣзныхъ дорогъ и въ засѣданіи 18-го мая происходило 1-е чтеніе желѣзнодорожнаго проекта. Министръ Ахенбахъ утверждалъ, что дѣло идетъ не о покупкѣ непремѣнно всѣхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, а о передачѣ въ собственность имперіи только главныхъ желѣзнодорожныхъ линій. Проектъ отнюдь не преслѣдуетъ частныхъ цѣлей, а предоставляетъ имперіи возможность дѣйствительнаго наблюденія надъ дорогами. Князь Бисмаркъ объявилъ, что опасеніе противниковъ проекта относительно того, что будто бы имперія на будущее время менѣе будетъ заботиться о старинныхъ провинціяхъ Пруссіи—не основательно; и всѣ провинціи будетъ постоянно обращаемо одинаковое вниманіе. Точно также лишено основанія опасеніе, что проектъ неисполнимъ по финансовымъ причинамъ, такъ какъ имперіи нѣтъ необходимости непремѣнно пріобрѣсть всѣ желѣзно-дорожныя линіи. Акціонеры довольны проектомъ и ему противятся только правленія желѣзныхъ дорогъ, по легко понятнымъ причинамъ. Нельзя также утверждать, чтобы передача имперіи главнаго управленія желѣзными дорогами представляла для нея какія либо затрудненія, какъ, равнымъ образомъ, неосновательны увѣренія, будто бы принятіе проекта повлечетъ за собой измѣненіе конституціи имперіи. Обладая обширною желѣзнодорожною сѣтью и управляя ею, имперія только основывается на опредѣленіяхъ конституціи, опасенія же, что не будутъ приниматься жалобы на желѣзныя дороги, не выдерживаютъ критики. Вз заключеніе государственный канцлеръ выразилъ, что рѣшеніями ландтага ни въ какомъ случаѣ не воспользуются для давленія на союзный совѣтъ или на Рейхсратъ. При послѣдовательномъ затѣмъ голосованіи, проектъ былъ принятъ большинствомъ 57 голосовъ противъ 26. Въ то же засѣданіе палаты утвержденъ проектъ закона о присоединеніи къ Германіи Лауэнбурга.

СОДЕРЖАНІЕ: Салоники (съ рисункомъ) А. Н. — Рабочій день на биржѣ. Мои личныя впечатлѣнія и наблюденія (съ рисункомъ) О. Ч—къ. — Въ домѣ коммерціи совѣтника. Повѣсть Э. Марлитта (продолженіе). — Отецъ лѣса, гигантское дерево въ Калифорніи (съ рисункомъ). — Литературный альбомъ: «Русланъ и Людмила» поэма А. С. Пушкина (съ рисункомъ) А. — Убійство французскаго и германскаго консуловъ въ Салоникахъ (съ рисункомъ). — Крѣпость Никшичъ (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 15 Мая 1876 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб., Больш. Морская, д. № 9. Тип. **Веллинга, Англ. пр., № 10.**

ЛИТЕРАТУРЫ,
№ 22 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 31 Мая 1876 г. (ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ). Цѣна этого № «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Осипъ Афанасьевичъ Петровъ,

заслуженный артистъ русской оперы.

Кому изъ просвѣщенныхъ русскихъ не дорого наше русское искусство! Кто не радуется, слыша объ успѣхахъ русскихъ артистовъ за границей, ставшихъ на ряду съ европейскими, и русскихъ оперъ, которыми восхищаются тамъ. «Жизнь за Царя»—это произведеніе чисто-русскаго музыкальнаго генія приводило въ восторгъ итальянцевъ — музыкальнѣйшій народъ въ мірѣ. Имя творца ея, Михаила Ивановича Глинки, конечно, по достоинству, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду именъ замѣчательнѣйшихъ композиторовъ. Но съ именемъ творца оперы «Жизнь за Царя» почти неразрывно связано имя маститаго исполнителя главной ея роли, Осипа Афанасьевича Петрова, въ апрѣлѣ нынѣшняго года праздновавшаго свой *полувѣковой* юбилей служенія русскому оперному искусству. Такого примѣра, сколько намъ извѣстно, не встрѣчалось еще ни на одной изъ европейскихъ оперныхъ сценъ. Полувѣковой юбилей О. А. Петрова былъ, поистинѣ, праздникъ *русской оперы*, потому что маститый юбиляръ и по происхожденію, и по воспитанію *вполнѣ русскій* человѣкъ, и его лучшія роли—въ русскихъ операхъ.

Осипъ Афанасьевичъ Петровъ. Рисов. и грав. Нейманъ.

Осипъ Афанасьевичъ родился въ Елисаветградѣ, въ 1807 г., 3-го ноября. Отецъ Осипа Афанасьевича былъ мелкимъ торговцемъ бакалейными товарами. Будущему пѣвцу было еще только два мѣсяца, когда умеръ его отецъ, и онъ остался на рукахъ своей матери и дяди, тоже торговца, человѣка строгаго и старинныхъ правилъ.

Первое дѣтство О. А. провелъ такъ, какъ проводитъ его большинство русскихъ дѣтей-простолюдиновъ — бѣгая съ товарищами по улицамъ и задворкамъ. Дядя прочилъ его въ торговцы и потому нисколько не заботился объ его образованіи. Только семи лѣтъ О. А. принялся за азбуку у дьячка, къ которому его стали посылать. Грамота даровитому ребенку далась скоро, въ это же время въ душу его запали первыя сѣмена любви къ тому искусству, которому пришлось потомъ послужить пятьдесятъ лѣтъ. Ходя въ церковь, онъ полюбилъ

церковное пѣніе и скоро самъ поступилъ на клиросъ. Громкій голосъ обращалъ на него вниманіе и снискалъ ему похвалы, которыя очень льстили его дѣтскому самолюбію.

Въ немъ съ самаго дѣтства проявлялась страсть и способность къ музыкѣ, и первымъ инструментомъ, на которомъ онъ скоро и легко, по слуху, научился играть—была гармоника ихъ кучера, лихого игрока. Но скоро обстоятельства сложились такъ благопріятно, что эта страсть къ музыкѣ получила возможность правильно развиться. Въ домъ его дяди былъ поставленъ полковой капельмейстеръ, который замѣтилъ въ мальчикѣ большія способности и началъ учить его разбирать ноты и играть на кларнетѣ. Ученіе шло успѣшно, и О. А. въ четыре мѣсяца научился хорошо играть на кларнетѣ. Подаривъ ему за это кларнетъ, капельмейстеръ сталъ учить его игрѣ на фаготѣ и другихъ инструментахъ и все съ одинаковымъ, быстрымъ успѣхомъ. Надобно замѣтить, что все это происходило скрытно отъ дяди-торговца, нелюбившаго чтобы его племянникъ отвлекался отъ занятій торговлею. Упражненія происходили ночью, или въ мѣстахъ, откуда бы не было слышно дядѣ это *баловство*, по его словамъ. Но, несмотря на всѣ эти препятствія, О. А. успѣлъ настолько ознакомиться съ вышеозначенными инструментами, что могъ уже играть въ полковыхъ оркестрахъ.

Въ 1826 г. въ Елисаветградъ прибыла труппа Жураховскаго и начала давать свои представленія. 19-тилѣтній О. А. увлекся игрою провинціальныхъ актеровъ и самъ возымѣлъ сильное желаніе поступить въ число этихъ актеровъ. Для опыта, онъ выступилъ въ первый разъ на сцену статистомъ, но скоро былъ принятъ и въ труппу. Первая пьеса, въ которой игралъ будущій знаменитый пѣвецъ, была оперетта князя Шаховскаго: «Казакъ-стихотворецъ». Разъѣзжая съ этою труппою по провинціальнымъ городамъ, О. А. попалъ наконецъ въ Курскъ. Здѣсь, исполняя роль матроса въ пьесѣ Коцебу «Амстердамскій палачъ», О. А. Петровъ очень понравился случайно тамъ бывшему режиссеру Императорскихъ С.-Петербургскихъ Театровъ, Лебедеву, который и предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Петербургъ, на оперную сцену. Неувѣренный въ себѣ, О. А. согласился на это съ тѣмъ условіемъ, что если онъ въ продолженіи года окажется не оправдавшимъ ожиданій и не годнымъ для Петербургской оперной сцены, то Лебедевъ обязуется доставить его обратно въ Харьковъ на казенный счетъ.

28-го Іюля 1830 года Осипъ Афанасьевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ и, по испытаніи его голоса капельмейстеромъ Кавосомъ, былъ принятъ на оперную сцену съ жалованьемъ въ 1,000 рублей ассигнаціями въ годъ. Первою ролью его на Петербургской оперной сценѣ, была роль Зороастра въ оперѣ Моцарта «Волшебная флейта». Свѣжій, сильный голосъ молодого пѣвца и его осмысленная игра обратили на него всеобщее вниманіе. Театральный рецензентъ «Сѣверной Пчелы», Яковлевъ, очень одобрительно отозвался объ этомъ дебютѣ и обратилъ вниманіе особенно на то, что О. А. Петровъ не пошелъ по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, и не удовлетворился заученными и принятыми разъ на всегда жестами и движеніями, а придалъ своей игрѣ, сообразно съ характеромъ роли, жизнь и правдивость. Второй разъ онъ игралъ въ оперѣ Боальдье: «Жанъ Парижскій», а третій—въ «Монтенерскомъ замкѣ». Усердно работая надъ своимъ талантомъ и развивая его въ правильной и хорошей школѣ подъ руководствомъ Кавоса, О. А. Петровъ дѣлалъ быстрые успѣхи и снискалъ горячія симпатіи публики.

Въ 1835 году за безподобное исполненіе роли Бертрана въ оперѣ «Робертъ-Дьяволъ», Осипъ Афанасьевичъ былъ награжденъ отъ имени Императора Николая I бриллiантовымъ перстнемъ.

Но вотъ, 27-го ноября 1836 года, была поставлена опера геніальнаго *русскаго* композитора Глинки, «Жизнь за Царя». Здѣсь Петровъ исполнялъ роль Ивана Сусанина и привелъ всѣхъ въ восторгъ. По поводу перваго представленія «Жизни за Царя» любителями русскаго искусства данъ былъ обѣдъ, на которомъ Осипу Афанасьевичу, еще молодому тогда пѣвцу, отъ дирекціи была назначена, кромѣ жалованья, поспектакльная плата въ 25 р. ассиг.

Роль Ивана Сусанина Осипъ Афанасьевичъ, въ продолженіи своего долгаго служенія оперѣ, исполнилъ 293 раза!

Вообще О. А. отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ и игралъ не только въ операхъ, но и въ драмахъ, комедіяхъ и водевиляхъ. Оперныхъ ролей онъ исполнилъ 131, въ 106 операхъ. Кромѣ русской, онъ игралъ и въ италіянской оперѣ, въ которой ему пришлось пѣть 18 разъ, не зная италіянскаго языка. За исполненіе италіянской роли Дона-Базиліо въ «Севильскомъ цирюльникѣ», О. А. получилъ отъ Государя Императора Николая Павловича, который очень любилъ и заботился о благоустройствѣ и успѣхахъ оперы и вообще театра, еще перстень.

6-го мая 1846 года О. А. получилъ званіе потомственнаго почетнаго гражданина. Лучшею, по силѣ производимаго впечатлѣнія на слушателя, ролью считается роль «мельника» въ оперѣ Даргомыжскаго: «Русалка», которая была поставлена въ первый разъ 6-го мая 1856 года.

1861 года справлялся двадцатипятилѣтній юбилей со времени постановки на сцену «Жизни за Царя». На этомъ представленіи О. А. Петрову было поднесено много драгоцѣнныхъ подарковъ отъ публики и отъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

Послѣ этого, въ 1866 году, въ день его бенефиса, ему поднесенъ былъ отъ русскаго музыкальнаго общества дипломъ на званіе почетнаго члена, отъ В. К. Елены Павловны—рескриптъ и опять много цѣнныхъ подарковъ. Всѣ эти оваціи и подарки вполнѣ заслужены талантливымъ и трудолюбивымъ пѣвцомъ, оказавшимъ неоцѣнимыя услуги русской оперѣ.

Въ нынѣшнемъ 1876 году исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени вступленія Осипа Афанасьевича Петрова на сцену, и 21-го апрѣля въ Маріинскомъ театрѣ, въ Петербургѣ состоялся бенефисъ его, на который собрались всѣ горячіе приверженцы русскаго искусства. Давалась въ 440-й разъ «Жизнь за Царя»; между дѣйствіями маститому юбиляру читали адресы отъ разныхъ обществъ, и подносили лавровые, серебряные, золотые и даже бриллiантовые вѣнки и множество другихъ цѣнныхъ подарковъ. Но всего утѣшительнѣе была, конечно, та непритворная, живая признательность, которую публика не стѣсняясь выражала своему маститому пѣвцу. Растроганный юбиляръ со слезами на глазахъ благодарилъ публику. Вечеромъ домъ, въ которомъ онъ живетъ, былъ роскошно иллюминованъ, и огромныя толпы почитателей его громкими криками неоднократно вызывали своего любимца.

Но ему готовилось еще болѣе блестящее торжество въ петербургскомъ отдѣленіи русскаго музыкальнаго общества.

24-е апрѣля было днемъ истиннаго торжества русскаго искусства въ лицѣ Осипа Афанасьевича Петрова.

Въ консерваторіи, среди роскошной обстановки, Осипу Афанасьевичу прочли рескриптъ Е. В. Великаго Князя Константина Николаевича и множество адресовъ: отъ консерваторіи и отдѣленій русскаго музыкальнаго общества.

На превосходный бюстъ юбиляра, возложенъ былъ лавровый вѣнокъ сестрою творца «Жизни за Царя» Л. И. Шестаковою (урожденною Глинкою), а юбиляру поднесена великолѣпная серебряная стопа. Отъ музыкальнаго общества юбиляру былъ поднесенъ бархатный, украшенный золотомъ, альбомъ съ портретами дѣятелей консерваторіи и музыкальнаго общества.

Кромѣ того, дирекціею русскаго музыкальнаго общества учреждена при консерваторіи стипендія имени Осипа Афанасьевича Петрова и предоставлено ему право самому помѣстить на нее ученика или ученицу по его выбору. Все это сопровождалось торжественною музыкою, (между прочимъ была исполнена хоромъ и оркестромъ кантата извѣстнаго русскаго композитора Чайковскаго на слова Н. А Некрасова) чтеніемъ стиховъ въ честь юбиляра и восторженными возгласами присутствовавшихъ. Такъ отпраздновался этотъ замѣчательный юбилей ветерана русской оперы, оставивъ въ сердцахъ всѣхъ самыя радостныя и свѣтлыя чувства и надежды.

Пожелаемъ, чтобы подобное торжество не было исключеніемъ и будемъ надѣяться, что въ русскомъ народѣ и еще найдется много талантовъ, которые поднимутъ высоко и прославятъ русское искусство. Примѣръ имъ—Осипъ Афанасьевичъ Петровъ, высокоталантливый русскій простолюдинъ, собственной энергіей и трудомъ добившійся и славы, и богатства, и всего, что люди называютъ благами жизни.

А. А.

Видъ города Бѣлграда.

Бѣлградъ (городъ и крѣпость) находится въ сѣверной части Сербіи, при впаденіи рѣки Савы въ Дунай; онъ расположенъ на правомъ берегу обѣихъ этихъ рѣкъ. Самая крѣпость построена на крутомъ каменистомъ холмѣ. Бѣлградъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ; еще римляне имѣли здѣсь свою колонію, называвшуюся Alba graeca, или Sigindunum, которая въ продолженіи многихъ лѣтъ играла важную роль въ торговомъ отношеніи. Въ 186 году нашей эры венгерскій король Соломонъ отнялъ у Греціи эту крѣпость вмѣстѣ съ небольшимъ городомъ, расположеннымъ у подножія ея; съ тѣхъ поръ маджары называютъ Бѣлградъ Нандаромъ, или Фейерваромъ. Въ средніе вѣка эта крѣпость была яблокомъ раздора для болгаръ, грековъ и венгровъ, причемъ городъ былъ неоднократно разрушаемъ. Въ 1343 году боснійскій король (или штатгальтеръ) Стефанъ Душанъ построилъ вновь крѣпость и укрѣпился въ ней; въ 1382 г., послѣ смерти венгерскаго короля Людвига I, крѣпость была завоевана сербами и оставалась подъ ихъ владычествомъ до 1433 года, когда снова перешла въ руки венгерскаго короля Зигмунда, который значительно увеличилъ и укрѣпилъ ее. Послѣ этого Бѣлградъ неоднократно осаждали турки, и наконецъ онъ былъ взятъ Солиманомъ II, въ 1521 году. Подъ владычествомъ турокъ этотъ городъ оставался до 1688 г; потомъ онъ былъ отнятъ у нихъ австрійцами подъ предводительствомъ курфюрста Максимиліана Баварскаго, но черезъ два года былъ снова отбитъ

туркамп. Въ 1717 г. принцъ Евгеній Савойскій осадилъ Бѣлградскую крѣпость и, по заключеніи Пассаровитскаго мира, она осталась за австрійцами, которые значительно улучшили укрѣпленія, а также подняли городскую промышленность и сдѣлали Бѣлградъ главнымъ торговымъ пунктомъ по нижнему теченію Дуная. Въ 1739 г. турки, однако, снова овладѣли городомъ. Подъ ихъ владычествомъ, продолжавшемся почти безъ перерыва до 1862 г., городъ пришелъ въ упадокъ, обнищалъ, какъ и всѣ турецкіе города, и только съ 1867 г., когда его окончательно присоединили къ Сербіи, и освободили отъ непосредственнаго турецкаго притязанія, онъ началъ оправляться.

Въ настоящее время Бѣлградъ имѣетъ около 27,000 жителей и состоитъ изъ нѣсколькихъ кварталовъ. Въ центрѣ—«верхній городъ» или крѣпость, обнесенная тройною стѣною и рвами, защищенная высокими башнями; въ ней устроены крѣпкіе казематы и, на всякій случай, подведены мины. Въ крѣпости находится дворецъ бывшаго паши, арсеналъ, знаменитый колодезь и нѣсколько жилыхъ домовъ; но сама она такъ дурно содержится (великолѣпные магазины, устроенные австрійцами въ 1738—39 гг., оставлены на произволъ судьбы), что производитъ впечатлѣніе какой-то древней развалины. У подножія крѣпости расположены остальныя части города, сообщающіяся съ ней тремя воротами. Если Бѣлградъ, вообще по наружному виду, смахиваетъ на восточный, азіатскій городокъ, то юго-восточный кварталъ его (Паланка) со своими узкими, мрачными и грязными улицами (тутъ же стоитъ 14 заброшенныхъ мечетей) имѣетъ совершенно турецкій характеръ. Лучшій кварталъ тотъ, который занимаетъ мысъ между Дунаемъ и Савою. Теперь Бѣлградъ служитъ мѣстамъ отправки продуктовъ страны и колыбелью сербской образованности, такъ какъ въ немъ существуютъ: академія (или университетъ), гимназія, реальное и ремесленное училища, 17 церквей, банкъ и разныя ученыя общества. Народонаселеніе его смѣшанное, но сербскій элементъ преобладаетъ. Прежнее промышленное значеніе Бѣлграда въ настоящее время сильно упало; прежде здѣсь очень дѣятельно занимались выдѣлкою кожи, производствомъ ковровъ, хлопчато-бумажныхъ тканей, красныхъ шерстяныхъ фесокъ, оружія и другихъ желѣзныхъ вещей; но эти издѣлія не выдерживаютъ теперь конкурренціи съ австрійскими и германскими. По своему географическому положенію Бѣлградъ можетъ разсчитывать на блестящую будущность.

Въ послѣднее время иностранная печать много говоритъ о пріѣздѣ въ Бѣлградъ генерала Черняева. По словамъ газетъ, генералъ имѣлъ продолжительную аудіенцію у князя Милана. Въ настоящее время онъ занялся подробнымъ ознакомленіемъ съ состояніемъ боевыхъ силъ Сербіи, объѣзжалъ и осматривалъ укрѣпленія и различныя оборонительныя приспособленія и средства княжества. Генералъ Черняевъ, какъ говорятъ газеты, поражаетъ всѣхъ вѣрностью и мѣткостью своихъ тактическихъ соображеній и своимъ блестящимъ организаторскимъ талантомъ. Печатающіяся въ настоящее время въ газетѣ «Русскій Міръ» депеши, за подписью генерала Черняева, присылаются собственно изъ Бѣлграда.

Городъ Торжокъ.

Г. Торжокъ, Тверской губерніи, одинъ изъ самыхъ старинныхъ городовъ древней Руси. Имя стараго Торжка появляется въ исторіи вслѣдъ за водвореніемъ христіанства въ Новгородскихъ областяхъ, занимавшихъ въ былыя времена нынѣшнюю Новгородскую губернію и часть губерній: Петербургской, Псковской и Тверской. Очень давно Новгородцы восточныхъ областей, производя торговыя сношенія съ финскими племенами Веси и Мери (коренными обитателями Ростовско-Суздальскаго края), образовали сначала Торжецъ, бывшій родоначальникомъ настоящаго Торжка, историческая жизнь котораго уже существовала до тысяча пятнадцатаго года.

Центромъ города служитъ соборный храмъ Преображенія и каменная одноглавая церковь св. Николая. Изъ этихъ двухъ старинныхъ памятниковъ города, постройка перваго относится къ 1815—1820 гг. Онъ построенъ на мѣстѣ основанной первоначально Новгородцами и Новоторжцами въ 1364 году древней деревянной церкви во имя всемилостиваго Спаса. Великій Князь Михаилъ Александровичъ Тверской, считая построеніе этого храма признакомъ могущества и силы Новгородцевъ и ихъ собратій Новоторжцевъ, и опасаясь этого могущества, послалъ въ Торжокъ въ 1382 г. своихъ намѣстниковъ, которыхъ раздраженные Михаиломъ Новгородцы выгнали изъ Торжка и вслѣдъ затѣмъ ограбили тверскихъ купцовъ. Подозрѣвая жителей Торжка въ доброжелательствѣ къ Михаилу, они взяли съ нихъ клятву быть вѣрными ихъ древнему правленію. Эта клятва въ связи съ самоуправствомъ Новгородцевъ раздражила Михаила. Его войска немедленно окружили Торжокъ, и когда жители города, вѣрные своей клятвѣ, отказались выдать ему виновниковъ и признать его своимъ княземъ, то Михаилъ немедленно приказалъ начать осаду и двинуть противъ города Тверскія дружины. Бывшіе въ Торжкѣ новгородскіе бояре, подъ предводительствомъ храбраго воеводы Александра Абакумовича вышли изъ города и стремительнымъ натискомъ опрокинули осаждавшихъ. Но эта отчаянная вылазка храбраго воеводы разбилась о большинство тверскихъ дружинъ, и когда въ неравной битвѣ палъ Александръ Абакумовичъ, то его дружина, разбитая на голову тверскими войсками, искала спасенія въ бѣгствѣ. Конныя дружины князя въ ожесточеніи топтали бѣглецовъ конями. Часть разбитыхъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ, успѣвшихъ спастись въ городѣ, подвергнулась всѣмъ ужасамъ пожара, въ нѣсколько часовъ обратившаго въ пепелъ всѣ каменныя и деревянныя постройки города, кромѣ собора, монастыря и двухъ-трехъ каменныхъ церквей. «И вбѣгоша въ церковь св. Спаса (соборную), спасавшіеся жители, ту задохшася», говоритъ лѣтописецъ. «Женъ и дѣвицъ одинаху до послѣдней наготы, говоритъ онъ далѣе: иже и погании тако не творятъ, и тѣ жоны и дѣвицы, истопились въ рѣцѣ, срама ради». Тверскія дружины, истребляя жителей, тонувшихъ въ рѣкѣ, спасаясь отъ непріятеля и горѣвшаго города, не оставили въ церквахъ и домахъ не одного золотого или серебрянаго оклада и толпы раздѣтыхъ до нага мужчинъ, женщинъ, дѣвицъ и даже монахинь, составляли трофеи дикой, необузданной мести.

На правой сторонѣ р. Тверцы до настоящаго времени сохранился Борисоглѣбскій мужской монастырь, основанный въ 1038 году на посадѣ стараго города, за земляныимъ валомъ, бывшимъ конюшеннымъ бояриномъ князя Бориса Ростовскаго, Ефремовымъ. Ефремовъ удалился въ 1015 г., послѣ смерти своего князя Бориса и вмѣстѣ съ нимъ убитаго меньшаго своего брата Георгія, въ восточные предѣлы новгородскихъ областей, гдѣ въ трехъ верстахъ отъ Торжка первоначально построилъ страннопріимный домъ, а затѣмъ, черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ того, переселился ближе къ городу и на посадѣ его основалъ, въ честь и память Бориса и Глѣба, Борисоглѣбскій монастырь. Въ немъ онъ и скончался первымъ архимандритомъ въ 1058 году.

На лѣвомъ берегу Тверцы доживаютъ свой вѣкъ ямщики, коренные жители этой стороны. Обстроившаяся и украсившаяся на современный ладъ, она, лѣтъ сорокъ тому назадъ, благодаря проведенному по ней Петербургскому шоссе, слыхала, какъ

Раздавался подъ дугой
Голосистый запѣвало,
Колокольчикъ разсыпной.

Типъ ямщиковъ, съ проведеніемъ Новоторжской желѣзной дороги, совершенно исчезаетъ. Забывается также и пѣсня:

Какъ по питерской, по дороженькѣ,
По тверской-ямской, съ колокольчикомъ...

Ямская улица до сихъ поръ сохранила свое названіе и украшеніемъ ея служитъ гостинница Ѳедухина-Пожарскаго, гдѣ до соединенія Петербурга съ Москвою желѣзной дорогой при проѣздѣ чрезъ Торжокъ, постоянно останавливалась Императорская фамилія, которую жители города встрѣчали и провожали всегда въ старинныхъ мѣстныхъ костюмахъ. О костюмахъ этихъ сохранились теперь однѣ только воспоминанія. Современныя моды замѣнили шитые золотомъ повойники, кокошники, жемчужныя ряски, фаты, платки съ золотою бахромой, ферязи, сарафаны и т. д.

Все это забыто, отжило свой вѣкъ и замѣнилось новымъ, которое, въ свою очередь, также забудется и замѣнится другимъ, и потомки наши будутъ, смотря на изображенія современныхъ нарядовъ, также находить ихъ странными, какъ находимъ мы странными нарядъ того времени.

И. Красницкій.

Отъ пирамидъ до Сенъ-Готардскаго туннеля.

Взглядъ на прошедшее и настоящее инженерныхъ наукъ *).

II.

Источники знаній, бывшіе въ Вавилонѣ и Ассиріи такой богатой струей, иссякли еще въ очень раннія времена. Съ паденіемъ Вавилона и разрушеніемъ Ниневіи, изъ плодородныхъ равнинъ исчезъ и переселившійся сюда народъ; тамъ, гдѣ до

*) См. «Нива» № 5-й.

устройства орошенія разстилалась необозримая пустыня, опять вступилъ въ свои права гонимый вѣтрами желтый песокъ, и засыпалъ памятники славной нѣкогда страны, пока европейскіе изслѣдователи не вызвали ихъ изъ забвенія.

Не то было въ Египтѣ. Достигнувъ высшей точки могущества и блеска, онъ долго еще оставался живымъ источникомъ, изъ котораго почерпали свою премудрость древніе греки и римляне. Эллинскіе философы, высочайшіе умы націи, ѣхали въ чудную страну пирамидъ какъ въ высшую школу, и даже въ позднѣйшія времена, потоки знаній щедро изливались изъ Александріи на западъ. Но страны Евфрата и Тигра также не мало способствовали созиданію древне-эллинской культуры; даже одинъ изъ современныхъ ассиріологовъ, Смитъ, прямо высказываетъ мнѣніе, что классическіе народы «почерпали гораздо больше изъ долины Евфрата, чѣмъ изъ долины Нила». Въ астрономіи первое мѣсто занимало древнее Халдейское царство. Въ Санхерибскихъ дворцахъ найдена была астролябія; тамъ же нашли доску съ раздѣленіемъ года по четыремъ его временамъ, при чемъ было обращено вниманіе на добавочное число одного мѣсяца въ високосномъ году. У Халдеевъ были карты звѣзднаго неба, они знали теченіе планетъ, наблюдали кометы, вычисляли солнечныя и лунныя затмѣнія и опредѣляли знаки зодіака.

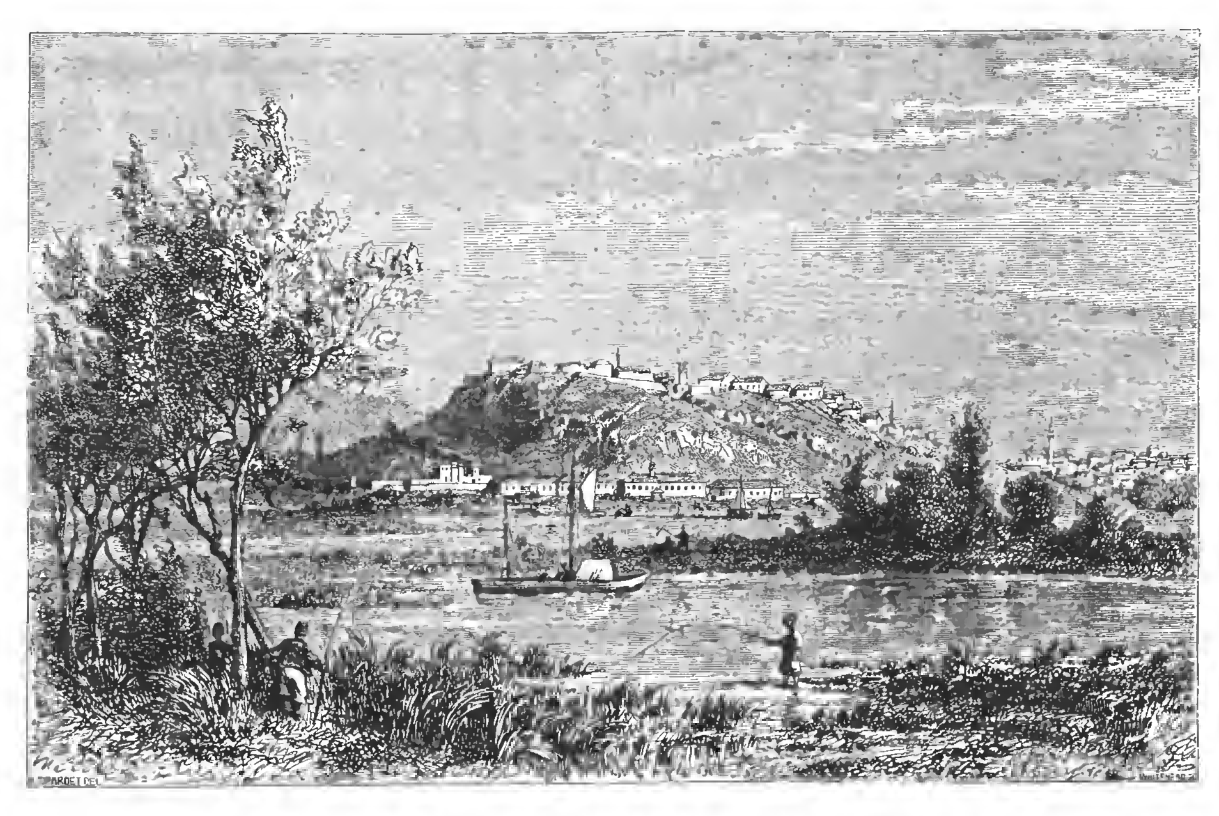
Черезъ посредство предпріимчивыхъ греческихъ купцовъ, корабли которыхъ во всѣхъ направленіяхъ пересѣкали Средиземное море, сокровища науки перешли съ востока на западъ. Уже по своему географическому положенію, Греція должна была сдѣлаться посредницей въ дѣлѣ цивилизаціи, но древнѣйшія постройки Греціи, приблизительно за семь столѣтій до Рождества Христова, представляютъ еще рѣзкую противоположность съ художественными формами Египта и Месопотаміи Такъ называемыя пелазгійскія постройки, огромныя массы безформенно, но прочно сложенныхъ камней, совершенно лишены той архитектурной красоты, которая позднѣе, въ золотой эллинскій вѣкъ, подъ вѣчно яснымъ небомъ Аѳинъ, обнаружилась въ высшихъ формахъ, какія только доступны искусству.

Въ настоящее время, когда вопросъ объ общественномъ здоровьи и санитарномъ устройствѣ большихъ городовъ, вездѣ стоитъ на первой очереди, не лишнимъ будетъ напомнить, что за 23 столѣтія тому назадъ, городъ Агригентумъ, теперешній Джирженти въ Сициліи, имѣлъ, какъ свидѣтельствуетъ Діодоръ, пространную сѣть сточныхъ каналовъ. И это отнюдь не единственный городъ древности, о которомъ мы знаемъ, что онъ былъ дренированъ. Еще за 200 лѣтъ раньше этого, была устроена въ Римѣ *Cloaca maxima*; подъ вавилонскими дворцами сохранились также могучіе своды, служившіе сточными каналами. Таковы примѣры тысячевѣковой древности, между тѣмъ, какъ въ настоящее время многіе большіе города, въ томъ числѣ и Петербургъ, все еще не могутъ придти даже просто къ предварительному рѣшенію вопроса, что лучше: «канализація или вывозъ нечистотъ?»

Относительно полезныхъ общественныхъ сооруженій, съ нашимъ временемъ можетъ поспорить только древній Римъ въ цвѣтущую его эпоху. Размѣръ нашей статьи не позволяетъ намъ дѣлать оцѣнки общественныхъ сооруженій древнихъ римлянъ. Къ счастію нѣкоторыя изъ нихъ сохранились до нашего времени и стоятъ къ намъ ближе, чѣмъ тѣ памятники, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, поэтому и судить о нихъ легче. Римляне, какъ завоеватели всего извѣстнаго тогда цивилизованнаго міра, дѣлали его данникомъ своей столицы на берегахъ Тибра, и украшали послѣднюю всѣми сокровищами покоренныхъ странъ, не забывая самыхъ отдаленныхъ провинцій.

Война, какъ ни ужасны непосредственныя ея слѣдствія, часто оказывала благодѣянія человѣчеству. Во время продолжительныхъ осадъ, какія предпринимали греки и римляне, умы изощрялись на изобрѣтеніе, какъ осадныхъ, такъ и оборонительныхъ орудій; величайшіе философы и математики того времени, служили на войнѣ, и великій Архимедъ, изобрѣтшій метательную машину, которая была пущена противъ римлянъ во время защиты родного его города Сиракузъ, самъ погибъ въ этой битвѣ. Такъ и въ наше время, искуснѣйшіе инженеры, соперничая между собою въ изобрѣтеніи страшныхъ боевыхъ орудій и панцырныхъ судовъ, стремясь дать военнымъ кораблямъ возможно быстрѣйшій ходъ, своими изобрѣтеніями и усовершенствованіями военнаго флота, вмѣстѣ съ тѣмъ оказываютъ услуги и мирному торговому флоту.

Тамъ, гдѣ торговля и сообщеніе не давали достаточнаго толчка къ постройкѣ дорогъ и мостовъ, это дѣлалъ солдатъ для военныхъ цѣлей; но, исполнивъ свое назначеніе, эти пути становились благодѣтельными посредниками мирнаго сообщенія. Такъ было въ древнемъ Римѣ: гдѣ проходили римскіе легіоны, возникали, даже въ отдаленныхъ варварскихъ провинціяхъ, великолѣпныя дороги, остатки которыхъ и теперь приводятъ насъ въ изумленіе, и которыя «всѣ вели въ Римъ» Не менѣе дорогъ замѣчательны были римскіе водопроводы. Наши города только въ послѣднія десятилѣтія снабжены водопроводами, между тѣмъ, какъ въ Римѣ, въ первомъ столѣтіи, были такіе водопроводы, что могли въ достаточномъ количествѣ снабжать водой до семи милльоновъ людей. Девять акведуктовъ вели воду съ горъ; сюда впослѣдствіи было присоединено еще пять водопроводовъ. Чтобы снабдить водой *теперешній* Римъ, достаточно только трехъ изъ этихъ древнихъ акведуктовъ. За этими гигантскими сооруженіями древняго инженернаго искусства, слѣдуютъ пристани, мосты, базилики, бани, и разнаго рода сооруженія въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, великолѣпно и прочно построенныя, такъ что многія изъ нихъ дошли до насъ.

Видъ города Бѣлграда. Рисов. Жираръ, гравир. Вятитъ.

Общій видъ города Торжка, Тверской губерніи. Съ фотографіи рисов. Подбѣльскій, грав. Сташковскій.

Съ паденіемъ Рима, въ культурѣ наступаетъ застой; дикія орды, во время переселенія народовъ пронесшіяся по Европѣ, не имѣли потребности ни въ мостахъ, ни въ дорогахъ. Новый толчокъ былъ данъ арабскими учеными; имъ мы много обязаны въ области астрономическихъ и математическихъ наукъ.

Отъ десятаго до четырнадцатаго столѣтія, когда наступилъ длинный періодъ церковныхъ построекъ, и поднялись къ небу стройныя башенки величолѣпныхъ готическихъ церквей, стали забывать, исключая впрочемъ Италіи, о другихъ общественныхъ постройкахъ, благодѣтельныхъ для народа. Въ одной Италіи, во время пробужденія наукъ и искусствъ въ 12 и 13 столѣтіяхъ, были предпринимаемы сооруженія пристаней, канализація рѣкъ, и проч. Въ 1481 г. были выстроены первые шлюзы на каналѣ; Леонардо-да-Винчи,—великій художникъ былъ въ то же время выдающимся инженеромъ, и отличился въ постройкѣ шлюзовъ.

Но гораздо легче провести воду туда гдѣ въ ней есть потребность, чѣмъ удержать ея напоръ, тамъ гдѣ она производитъ страшныя бѣдствія и опустошенія. Въ послѣднемъ отношеніи всего больше сдѣлали голландцы. Сама природа принудила ихъ къ этому, поставивъ омываемую и разъѣдаемую моремъ страну, въ полную зависимость отъ человѣческаго искусства. Когда началъ этотъ народъ свою борьбу съ моремъ, въ точности неизвѣстно; но мы знаемъ что уже въ 12 столѣтіи они строили плотины, чтобы защищать отъ моря низменности. Когда, вслѣдствіе смѣлыхъ морскихъ путешествій, выгодной колоніальной торговли, отважныхъ китоловныхъ экспедицій въ арктическія моря, благосостояніе Нидерландіи и увеличеніе ея народонаселенія росли все болѣе и болѣе, были предприняты сооруженія большихъ размѣровъ: у моря, шагъ за шагомъ, отнимали поглощаемую имъ землю, рыли каналы, воздвигали гигантскія машины для осушенія цѣлыхъ огромныхъ озеръ. До недавняго времени, оконченный въ 1825 г. Сѣверный голландскій каналъ, былъ величайшимъ въ своемъ родѣ; только Суэзскій каналъ затмилъ его. Но голландцы уже окончили сооруженіе, которое можетъ стать наравнѣ съ Суэзскимъ каналомъ,—это Амстердамскій каналъ съ его колоссальными шлюзами. По ширинѣ и глубинѣ, онъ еще превосходитъ твореніе Лессепса. Высушивъ все Гарлемское озеро и превративъ его въ плодоносную землю, голландцы уже возъимѣли теперь колоссальную мысль осушить Цуйдерское озеро.

Въ то время какъ голландцы служатъ остальнымъ народамъ учителями въ сооруженіи каналовъ, Франція выдвинулась съ прошлаго столѣтія постройкою дорогъ, которая поручалась научно-образованнымъ людямъ. Отсюда оставался уже одинъ шагъ къ дальнѣйшему облегченію путей сообщенія. Деревянные рельсы были въ первый разъ примѣнены въ 17 столѣтіи на Гарцскихъ рудникахъ; первые рельсы появились въ Англіи въ 1738 г. Слѣдовательно, основаніе желѣзной дорогѣ было уже готово.

Великій переворотъ въ способѣ сообщенія наступилъ только съ появленіемъ *паровой машины*. Вначалѣ, конечно, и не предвидѣли всѣхъ великихъ послѣдствій открытія Уатта; не мало дивились ужъ и тому, что паръ можетъ замѣнять водяныя и вѣтряныя мельницы, или лошадиные вороты. Посредствомъ его же осушались болота, выкачивалась вода изъ рудниковъ, что до этого дѣлалось только посредствомъ штопелъ, устройство которыхъ требовало большихъ издержекъ. Медленная работа рукъ и мускуловъ нашла другое употребленіе, вслѣдствіе чего число рабочихъ рукъ увеличилось въ нѣсколько тысячъ разъ.

Хотя, сравнительно говоря, паръ не скоро еще былъ примѣненъ къ облегченію путей сообщенія—только въ нашемъ столѣтіи,—но за то онъ рано началъ служить на пользу промышленности. Самымъ удивительнымъ остается до сихъ поръ его примѣненіе къ пряжѣ и тканью. Какъ огромно было вліяніе пара на *бумагопрядильную мануфактуру*! Извѣстная въ Индіи съ самыхъ раннихъ историческихъ временъ, бумага достигла Персіи и Египта только около Рождества Христова. Въ Испаніи начали обработывать хлопокъ лишь въ 10-мъ, въ Италіи въ 14-мъ столѣтіяхъ, а Манчестеръ,—въ настоящее время величайшая бумагопрядильная мануфактура въ мірѣ,—узналъ его только въ 17-мъ столѣтіи. Скажемъ здѣсь кстати нѣсколько словъ о почтенной старинной *льняной* пряжѣ. Родословная ея доходитъ до древнихъ египтянъ; многія изъ найденныхъ мумій обернуты въ льняныя ткани, не уступающія своей тонкостью лучшимъ билефельдскимъ батистамъ. Вавилоняне также носили, кромѣ шерстяныхъ, полотняныя одежды великолѣпныхъ цвѣтовъ и узоровъ. До 1738 г., пока не начались усовершенствованія въ прядильныхъ машинахъ—при чемъ имена Аркрэйта и Гаргрэвса навсегда останутся безсмертными въ исторіи прядильнаго искуства—всякая ниточка пряласъ на самопрялкѣ, которая была изобрѣтена брауншвейгскимъ каменотесомъ Юргенсономъ, и до сихъ поръ еще влачитъ свое жалкое существованіе въ деревняхъ, между тѣмъ какъ на фабрикахъ давно уже шумятъ и свистятъ милліоны паровыхъ стержней, обработывая новыя волокнистыя растенія, юту, новозеландскій ленъ, раміе и проч.

Введеніе пароходовъ, электрическаго телеграфа и желѣзныхъ дорогъ, совершилось еще на глазахъ нашего поколѣнія.

Ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ, одинъ знаменитый англійскій ученый объявилъ, что никогда *пароходъ* не въ состояніи переѣхать Атлантическій океанъ. Вскорѣ послѣ этого, въ 1838 году, «*Сиріусъ*» въ семнадцать дней пришелъ изъ Бристоля въ Нью-Іоркъ, это былъ первый корабль, дѣйствовавшій однимъ паромъ, между тѣмъ еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, корабль «Savannah» ходилъ изъ Англіи въ Америку, частію паромъ, частію подъ парусами. За «Сиріусомъ» послѣдовалъ «Грэтъ-Истернъ», который совершилъ этотъ переѣздъ уже въ 13½ дней. Этимъ открылось пароходное сообщеніе черезъ океанъ.

Не прошло еще время одного человѣческаго поколѣнія со времени рожденія трансатлантическаго пароходнаго сообщенія, а пароходы уже успѣли вытѣснить парусныя корабли; число первыхъ возрастаетъ въ гораздо бóльшихъ размѣрахъ, чѣмъ число послѣднихъ. Именно: къ концу 1860 г. число плавающихъ въ океанѣ европейскихъ пароходовъ простиралось до 2,964, число же парусныхъ кораблей до 92,272. Въ 1873 году число морскихъ пароходовъ возрасло до 6,228, между тѣмъ, какъ во всей Европѣ не насчитывалось больше 92,778 парусныхъ кораблей. Слѣдовательно, въ промежутокъ времени отъ 1860 до 1873 года европейскій торговый флотъ увеличился на 3,254 парохода, и всего на 506 парусныхъ кораблей, то есть въ эти 13 лѣтъ было выстроено пароходовъ въ шесть разъ больше противъ парусныхъ кораблей. Пароходный флотъ удвоился, парусный остался въ одномъ положеніи. Отъ увеличенія же числа пароходовъ зависитъ быстрота доставки и огромное увеличеніе оборотовъ, такъ какъ каждая подъемная тонна парохода равняется четыремъ тоннамъ паруснаго корабля, потому что пароходъ дѣлаетъ четыре рейса во столько времени, сколько нужно парусному кораблю для одного рейса.

Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа пароходовъ росли и размѣры ихъ, пока наконецъ въ «Грэтъ-Истернѣ», созданіи Брунеля, они не достигло своего maximum'а; однако это чудовище, въ финансовомъ отношеніи, было ошибкой; можно сказать, что въ «Грэтъ-Истернѣ» перешли уже за предѣлы, до которыхъ можетъ быть доведена, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, постройка пароходовъ.

Послѣ изобрѣтенія *электрическаго телеграфа* довольно много прошло времени, прежде чѣмъ онъ вошелъ въ общее употребленіе. Мюнхенъ и Богенгаузенская обсерваторія были первые соединены телеграфной проволокой; въ 1838 году лондонская Блэкъ-уэльская желѣзная дорога ввела на своей линіи электрическій телеграфъ, и съ тѣхъ поръ онъ уже покорилъ весь міръ. Со введеніемъ такъ называемой автоматической системы, быстрота его дѣйствія стала изумительна: онъ передаетъ 200 словъ въ минуту; это больше, чѣмъ можетъ написать лучшій стенографъ. На длинныхъ подводныхъ проволокахъ, сила его (вслѣдствіе различныхъ физическихъ причинъ) далеко слабѣе. Атлантическій телеграфъ, въ 1858 г. передавалъ только 2 слова въ минуту, между тѣмъ, какъ теперь онъ уже передаетъ среднимъ числомъ 15 словъ въ минуту, и даже можетъ довести до 24 словъ. Но всего удивительнѣе въ электрическомъ телеграфѣ,—это его «двойная система», которая даетъ возможность вдвойнѣ пользоваться одной и той же проволокой, то есть, одновременно телеграфировать по ней въ оба конца. Такимъ образомъ, благодаря этой системѣ, основанной на лучшемъ изолированіи, удвояется работа каждой проволоки.

Въ настоящее время телеграфная проволока опоясываетъ почти всю землю; ни море, ни степи, не служатъ для нея препятствіемъ. По всей вѣроятности, въ весьма недалекомъ будущемъ, пополнятся и остальные два недостающіе еще члена, между Санъ-Франциско въ Калифорніи и Іокогамой въ Японіи. Телеграфное сообщеніе между Европой и Америкой, возникшее около десяти лѣтъ тому назадъ, такъ обезпечено теперь пятью конкуррирующими линіями, что о перерывѣ сообщенія между этими обѣими частями свѣта, едва ли можетъ быть рѣчь. Съ Австраліей мы также имѣемъ съ 1872 г. правильное телеграфное сообщеніе. Длина всѣхъ телеграфныхъ проволокъ обнимаетъ теперь 95,000 географическихъ миль, а число телеграфныхъ станцій простирается до 30,000!

Съ научной точки зрѣнія, изобрѣтеніе электрическаго телеграфа стоитъ еще выше изобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ. Но по тѣмъ послѣдствіямъ, какія повлекло за собою громадное развитіе желѣзныхъ дорогъ, послѣднія выше телеграфа, такъ какъ служатъ гораздо большей массѣ людей, и имя Георга Стефенсона, изобрѣтателя желѣзной дороги, будетъ упоминаться въ числѣ величайшихъ благодѣтелей человѣчества, пока можетъ быть новое изобрѣтеніе не сдѣлаетъ желѣзныхъ дорогъ излишними.

Мы не станемъ распространяться здѣсь объ исторіи желѣзныхъ дорогъ, о препятствіяхъ, съ которыми приходилось бороться при введеніи ихъ и т. д. Остановимся лучше на отрадной картинѣ ихъ настоящаго состоянія, по прошествіи ровно 50 лѣтъ отъ открытія первой желѣзной дороги (между Штоктономъ и Дарлингтономъ, въ 1825 г.). Побѣды современной техники, для которой никакая горная стѣна не кажется слишкомъ могучей, чтобы нельзя было пробить ее, такъ часты и такъ извѣстны, что для осуществленія самыхъ смѣлыхъ проектовъ, весь вопросъ заключается теперь только въ соединеніи капиталовъ и въ непосредственной поддержкѣ правительствъ. Какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ задуманы въ настоящее

время такія работы, которыя заставятъ отдаленнѣйшихъ потомковъ признать величіе нашего вѣка.

Къ двумъ альпійскимъ желѣзнымъ дорогамъ черезъ Земмерингъ и Бреннеръ, въ 1871 г. присоединилась Монъ-Сенисская вѣтвь съ туннелемъ въ 12.236 метровъ длины. Остается еще четвертая гигантская работа: дорога черезъ Сенъ-Готтардъ; съ обѣихъ сторонъ, итальянской и швейцарской, работы ведутся такъ энергически и съ такими техническими усовершенствованіями, что окончаніе туннеля можно ожидать скорѣе раньше, чѣмъ позже назначеннаго срока. Длина туннеля разсчитана въ 14,913 метровъ (двѣ нѣмецкихъ мили): къ 1-му іюля 1875 г. отъ Гошенена, съ швейцарской стороны, было уже окончено 2,217 метровъ, и отъ Эроло, съ итальянской стороны, 1,976 метровъ. слѣдовательно всего 4,193 метра. Остается просверлить еще 10,720 метровъ, пока рабочіе обѣихъ сторонъ не протянутъ другъ другу руки, какъ это было пять лѣтъ тому назадъ въ нѣдрахъ Монъ-Сениса. Но какъ ни грандіозно это предпріятіе, его превзойдетъ еще другое-сооруженіе туннеля *подъ моремъ* для желѣзной дороги между Франціей и Англіей.

Что касается до сѣверныхъ и восточныхъ желѣзныхъ дорогъ Европы, то на нихъ можно смотрѣть, въ нѣкоторомъ родѣ, какъ на піонеровъ цивилизаціи. Проектъ желѣзной дороги въ Лапландію не принадлежитъ вовсе къ области фантазіи, такъ какъ норвежскія и шведскія желѣзнодорожныя линіи подвигаются все въ болѣе и болѣе высокія широты. Главныя линіи турецкихъ желѣзныхъ дорогъ, направляясь отъ востока на западъ, ведутъ къ Босфору, а проектируемая новая линія должна проникнуть въ глубь Малой Азіи до Ангоры. Россія имѣетъ уже шесть линій, которыя подходятъ къ Волгѣ и смотрятъ въ Азію. Отъ конечной станціи въ Царицынѣ на Волгѣ, пароходы приходятъ въ два дня въ Астрахань, къ устью Волги, впадающей въ Каспійское море; еще четыре дня, и вы уже на персидскомъ берегу. Въ 1873 году открыта на южномъ Кавказѣ Поти-Тифлисская линія. Это также одно изъ смѣлыхъ, грандіозныхъ предпріятій. На протяженіи 32 верстъ дорога слѣдуетъ изгибамъ быстрой Куры, дѣлая подъемы въ 1:45 на высотѣ, далеко превосходящей снѣжную границу. Собственно горный проходъ преодолѣваетъ она подъемомъ въ 1:18 на протяженіи слишкомъ девяти верстъ, и потомъ, также круто спускается внизъ. Черезъ колоссальныя плотины, черезъ горные туннели, черезъ 430 желѣзныхъ мостовъ, висящихъ надъ пропастями доходитъ дорога до Тифлиса. Мало того, есть мысль о соединеніи сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ съ Пешаверомъ, конечнымъ пунктомъ индѣйскихъ дорогъ; проектируются дороги, которыя должны будутъ соединить съ Европой населеннѣйшую страну востока, Китай, съ его 400 милліоннымъ населеніемъ. Трудно исчислить, какія выгоды могутъ произойти отъ этого непосредственнаго сообщенія, когда люди, товары и идеи въ двѣ недѣли будутъ доходить изъ главныхъ городовъ Европы въ Пекинъ! Впрочемъ, китайцы все еще уклоняются отъ постройки желѣзныхъ дорогъ. Уваженіе къ праху предковъ доходитъ у китайца до фанатизма, поэтому онъ не хочетъ, чтобы священную землю, гдѣ покоятся кости праотцевъ, перерывалъ заступъ желѣзно-дорожнаго рабочаго. Другое дѣло кровный родственникъ китайца. японецъ: этотъ ревностно заимствуетъ, что можетъ, отъ западной цивилизаціи; съ 1873 г. въ Японіи уже заведены желѣзныя дороги.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ сначала, просто можно сказать, съ бѣшенствомъ накинулись на постройку желѣзныхъ дорогъ, въ послѣднее время, вслѣдствіе общаго финансоваго кризиса, замѣтенъ поворотъ назадъ. Въ текущемъ году нѣсколько линій были даже совсѣмъ закрыты—событіе небывалое со времени введенія желѣзныхъ дорогъ. Тѣмъ не менѣе, величайшая американская дорога, оконченная 16-го мая 1869 г., такъ называемая *Тихо-океанская*, идущая отъ океана къ океану, пошлетъ отъ себя на сѣверъ и на югъ много побочныхъ линій; одна изъ нихъ, «Канзасъ-Океанійская желѣзная дорога» будетъ производить быстрѣйшее сообщеніе между Санъ-Франциско и Нью-Іоркомъ. Она будетъ проходить черезъ горный туннель въ 24 километра—больше трехъ нѣмецкихъ миль длины! При прорытіи этого послѣдняго, янки надѣятся напасть на такія драгоцѣнныя жилы металловъ, что это покроетъ всѣ издержки по постройкѣ туннеля. Соединенные Штаты обладаютъ величайшей желѣзнодорожной сѣтью въ мірѣ; уже къ концу 1873 г она доросла до протяженія 71,564 англійскихъ, или 14,670 нѣмецкихъ миль. Это почти столько же, сколько могутъ представить всѣ европейскія дороги, взятыя вмѣстѣ, такъ какъ въ 1873 году въ Европѣ считалось желѣзныхъ дорогъ на 16,071 нѣмецкую милю. При этомъ однако надо взять во вниманіе, что вся Европа имѣетъ 181,700 квадратныхъ миль, Соединенные же Штаты (вмѣстѣ съ Аляской), немногимъ менѣе, именно 168,400 квадратныхъ миль.

Южная Америка также не отстала въ этомъ отношеніи: Андская дорога отъ Лимы до Оройя въ Перу, какъ гигантское предпріятіе, возбуждаетъ величайшій интересъ. Назначеніе этой дороги—открыть путь къ приморскимъ городамъ Тихаго океана, произведеніямъ богатыхъ земледѣльческихъ странъ по восточному склону Кордильеровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ—раскрыть минеральныя сокровища этихъ горъ. Чтобы пройти горную цѣпь, эта желѣзная дорога должна промчаться черезъ туннель, лежащій на высотѣ вершины Монблана. Препятствія, съ которыми приходилось здѣсь бороться, были почти непреодолимы. Быстрое возвышеніе отъ морской поверхности до высоты 4,769 метровъ требовало мѣстами неразрывной связи туннелей, мостовъ, віадуктовъ. Вслѣдствіе этого постройка Андской дороги поглотила бóльшія суммы и бóльшее число человѣческихъ жизней, чѣмъ всѣ значительнѣйшія дороги въ мірѣ, исключая Панамской, которая идетъ черезъ тропическія болота и покрыта, какъ говорятъ, трупами китайскихъ кулієвъ.

Всѣ желѣзныя дороги на земномъ шарѣ имѣли къ концу 1873 г. 36,396 нѣмецкихъ миль протяженія; изъ этого числа 17,334 приходилось на Европу, 17,066 на Америку и 317 на Австралію. Общая сумма капиталовъ, потраченныхъ на сооруженіе всѣхъ дорогъ земного шара, равняется, по вычисленію компетентнаго въ этомъ дѣлѣ профессора Неймана. 16,188 милліонамъ рублямъ. Чтобы правильнѣе судить о величинѣ этой суммы, надо подумать о томъ, что она требуетъ только для четырехпроцентной оплаты *ежедневнаго* чистаго дохода, круглымъ числомъ 2 милліона рублей, или (считая только 40 процентовъ расходовъ) ежедневнаго валового дохода въ 3 милліона рублей. Число локомотивовъ на всѣхъ желѣзныхъ путяхъ земного шара считается въ 53,000, а вагоновъ въ $1\frac{1}{2}$ милліона.

Запрещенные плоды.

(Снимокъ съ картины М. А. Тульмуша).

Братецъ Сержъ и дядя Теодоръ сѣли въ гостиной играть въ шахматы... Ну, значитъ, часа два-три съ мѣста не встанутъ! Кабинетъ дяди Теодора не запертъ, а тамъ богатая библіотека, высокіе книжные шкафы... Много тамъ такихъ книжекъ, о которыхъ тётя Sophie и мама не иначе говорятъ, какъ съ гримасой: «Фи! это такія вредныя книжки!..» Дядя Теодоръ не пускаетъ племянницъ въ библіотеку свою и всегда самъ любезно предлагаетъ имъ принести «Фрегатъ Паллада», «Записки охотника» или какой нибудь романъ Вальтера Скотта, а то, пожалуй, и «Вѣчнаго жида» Эжена Сю. Братецъ Сержъ ничего не предлагаетъ, онъ безъ церемоніи говоритъ сестрицамъ: «Книжки вамъ совсѣмъ не къ лицу... Я вѣдь знаю, до чего вы добираетесь! Только *тѣ* сочиненія не про васъ писаны. Вотъ, когда за-мужъ выйдете—ну, тогда читайте что угодно!..»

И такъ, братецъ Сержъ и дяденька Теодоръ сидятъ за шахматнымъ столикомъ... Прекрасно! Почему-же не воспользоваться благопріятной минутой?.. Сидите-же, господа, подольше. играйте повнимательнѣе, обдумывайте аккуратнѣе каждый ходъ!..

Барышни по-очередно вышли изъ гостиной, на цыпочкахъ пробѣжали залу и впорхнули въ кабинетъ дяди Теодора.

— У меня слухъ хорошій, я буду караулить, вызвалась Катя, только ты, Маня, не забудь достать для меня Боккачіо... Не забудешь?..

— Ужъ я его вытяну, не безпокойся, отвѣтила Маня, которая взобралась уже на лѣстницу.

— А ты что для себя возьмешь?

— «Жертву вечернюю» Бобарыкина. Кузина Olga очень хвалитъ это сочиненіе.

— Разскажи мнѣ потомъ сюжетъ этой «Жертвы».

— Непремѣнно! А ты мнѣ что нибудь изъ Боккачіо.

А Лиза и Савва въ это время, овладѣвъ какимъ-то сборникомъ стихотвореній, упивались поэтическими звуками. Саша въ полголоса читала на распѣвъ стихотвореніе Мея:

Милый въ дверь мою кедровую
Стукнулъ смѣлою рукой;
Всколыхнуло грудь пуховую
Перекатною волной,
И полна желанья знойнаго
Встала съ ложа я покойнаго:
Съ смуглыхъ плечъ моихъ покровъ ночной скользитъ,
Жжетъ нога моя холодный мраморъ плитъ,
Съ черныхъ косъ моихъ струится ароматъ,
На рукахъ запястья цѣнныя бряцатъ.
Отперла я дверь докучную,
Статный юноша вошелъ
И со мною сладкозвучную
Потихоньку рѣчь повелъ,
И слилась я съ рѣчью нѣжною
Всей душой моей мятежною.

Читаютъ барышни и наслаждаются. Еще-бы не наслаждаться, читая такое, вполнѣ художественное, прекрасное стихотвореніе.

Плащеносная ящерица, игуана или легуанъ.

Древесныя ящерицы или игуаны (Hypsilophi) водятся въ тропической Америкѣ, но у нихъ много общаго съ древесными ящерами Стараго Свѣта. Подъ именемъ василиска древніе греки и римляне представляли себѣ змѣеобразное чудовище съ геркулесовскою силою, порожденное таинственнымъ, чудеснымъ образомъ чрезъ посредство неспособныхъ къ этому животныхъ—змѣи, жабы и пѣтуха. Для древнихъ игуана и была василискомъ, но, собственно, василиски (Basiliscus) имѣютъ на спинѣ и при началѣ хвоста кожистый гребень, поддерживаемый остистыми отростками позвонковъ, и чешуйчатые края на пальцахъ заднихъ ногъ. Голова и шея короткія, тѣло сухое, хвостъ очень длинный и сильно сжатый съ боковъ. Голова покрыта маленькими, килеватыми щитками, а туловище ромбоидальными чешуйками. Зубовъ безчисленное множество. Замѣчателенъ американскій или шлемоносный василискъ, имѣющій на затылкѣ острый шлемъ, покрытый снаружи килеватыми чешуйками и поддерживаемый хрящевыми пластинками.

Вотъ какъ описываетъ извѣстный туристъ – естествоиспытатель Шомбургкъ свое знакомство съ игуаною (Э. Бремъ):

«Два вида цвѣтущихъ сладкихъ бобовниковъ привлекли безчисленное множество насѣкомыхъ, а эти послѣднія, въ свою очередь, приманили необычайное число игуанъ. Съ каждымъ ударомъ веселъ, которымъ мы подвигались впередъ — три или четыре большихъ животныхъ бросались съ деревьевъ въ воду, или, съ быстротою мысли, скользя съ одной вѣтки на другую, исчезали въ густой листвѣ на деревьяхъ Но и это убѣжище не могло спасти ихъ отъ зоркаго глаза и мѣткихъ стрѣлъ индѣйцевъ. Все оживилось и пришло въ движеніе, потому что теперь дѣло шло о томъ, чтобы добыть на обѣдъ одинъ изъ самыхъ лакомыхъ кусочковъ. Охота съ ружьями была не такъ успѣшна, какъ со стрѣлами, потому что игуана, подстрѣленная дробью, но не раненая на смерть, мгновенно кидалась въ воду и навсегда пропадала изъ виду, стрѣлы же, при своей длинѣ, препятствовали этому. Въ числѣ добычи находились экземпляры въ 5—6 футовъ длиною и въ одинъ футъ толщиною. Не смотря на страшный видъ животнаго, мясо его принадлежитъ къ нѣжнѣйшимъ, яйца также очень вкусны. Благодаря этимъ качествамъ, животное становится все рѣже и рѣже, особенно на берегахъ, гдѣ къ туземцамъ присоединяются еще европейцы, цвѣтные люди и черные».

Iguana—Hypsilophus—Tuberculata можетъ служить прототипомъ этого семейства. Игуана достигаетъ 5 ф. длины, но около 3 ф. изъ этой длины приходится на хвостъ. Основной цвѣтъ кожи красивый, древесно-зеленый, который мѣстами переходитъ въ голубой, темнозеленый, бурый и сѣрый; нижняя сторона тѣла и ноги полосатыя; хвостъ украшенъ нѣсколькими рѣзкоочерченными полосками. Игуана, изображенная на нашемъ рисункѣ, водится въ сѣверной части Бразиліи и въ странахъ, окружающихъ Мексиканскій заливъ, а также и на Антильскихъ островахъ. Животное это живетъ на деревьяхъ и преимущественно—прибрежныхъ. Тутъ игуаны чувствуютъ себя очень хорошо; онѣ постоянно карабкаются и перепрыгиваютъ съ сучка на сучекъ; прячутся отлично, такъ что новичку ихъ и не замѣтить въ густой листвѣ. Къ вечеру игуана сходитъ на берегъ, чтобы поохотиться, но при малѣйшемъ шумѣ сейчасъ-же ударяется въ бѣгство—или на верхушку дерева, или въ воду. Въ водѣ она двигается, благодаря природному веслу (длинному хвосту), довольно свободно; говорятъ, что игуана долго можетъ оставаться подъ водою, и только черезъ часъ бываетъ принуждена вынырнуть для перемѣны воздуха. Въ точности еще неизвѣстно, чѣмъ именно питается это животное: растительною или мясною пищею, хотя въ желудкахъ нѣкоторыхъ игуанъ находили растительныя вещества, насѣкомыхъ и кусочки мяса.

Игуана, конечно, не можетъ похвастаться привлекательностью. Это животное еще мало наблюдали, но видѣвшіе его на свободѣ говорятъ, что оно не обладаетъ большою смышленостью, за то проявляетъ сильную злобу и хитрость. Обыкновенно игуана убѣгаетъ отъ человѣка—она привыкла видѣть въ немъ своего злѣйшаго непріятеля, однако, доведенная до крайности, храбро становится въ оборонительное положеніе, надувается (при этомъ *воротникъ* или *плащъ* расширяется вдвое), *) шипитъ и фыркаетъ. Игуана не прочь вспрыгнуть на своего врага и укусить его, а также нанести ему чувствительные удары сильнымъ хвостомъ. Во время любовнаго періода, разсказываетъ А. Брэмъ, онѣ бываютъ очень возбуждены и становятся еще злѣе. Самцы не оставляютъ избранную самку, яростно кидаются на каждое приближающееся къ ней существо и свирѣпо дерутся между собою за обладаніе самкою. Самка, черезъ нѣсколько недѣль послѣ оплодотворенія, кладетъ въ дыру, въ пескѣ круглыя, по величинѣ похожія на голубиныя, бѣлыя яйца съ гладкою скорлупою.

Игуанамъ нигдѣ не даютъ спуску и охотятся на нихъ съ особеннымъ остервенѣніемъ. Въ иныхъ мѣстахъ, для травли ихъ употребляютъ пріученныхъ собакъ. Чтобы обезопасить себя отъ укушенія, пойманнымъ животнымъ втыкаютъ въ кожу нижней челюсти и въ одну ноздрю острый стебель, затѣмъ связываютъ имъ рыло, послѣ этого у нихъ вытягиваютъ сухожилія длинныхъ среднихъ пальцевъ, скручиваютъ ими на спину обѣ пары ногъ и на слѣдующее утро приносятъ замученную такимъ образомъ жертву на рынокъ. Здѣсь покупаютъ ее охотно, и любители запекаютъ мясо въ кукурузное тѣсто, предвкушая грядущее гастрономическое наслажденіе.

Пойманныя игуаны бываютъ вначалѣ очень дики и чрезвычайно злы, норовятъ укусить своего хозяина, шипятъ и фыркаютъ на каждое приближающееся къ нимъ животное, а слабѣйшихъ изъ домашнихъ животныхъ нерѣдко убиваютъ. Мало по малу гнѣвъ ихъ слабѣетъ, и по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, онѣ дѣлаются совсѣмъ ручными. На родинѣ ихъ часто держатъ на свободѣ, въ садахъ или домахъ, гдѣ онѣ приносятъ пользу тѣмъ, что ловятъ вредныхъ насѣкомыхъ.

*) Воротникъ этотъ выростаетъ по бокамъ шеи, поддерживается лучисто-расположенными хрящами; онъназубренъ по краямъ, на поверхности покрытъ тонкими чешуйками, достигаетъ на затылкѣ значительнаго развитія, и можетъ развертываться въ видѣ зонтика во всѣ стороны, на разстояніе до шести дюймовъ, даже можетъ иногда завертываться на голову. Воротникъ обыкновенно бываетъ прижатъ къ тѣлу, но, при малѣйшемъ испугѣ животнаго, онъ развертывается.

Принцъ Уэльскій въ Индіи *).

(*Окончаніе*).

Изъ Бомбея принцъ Уэльскій поѣхалъ въ Бароду **), куда прибылъ утромъ 19-го ноября. Весь путь отъ станціи до жилища британскаго резидента, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться, былъ украшенъ тріумфальными арками, повсюду развѣвались знамена и флаги. У дебаркадера стояло 15 раскрашенныхъ въ сѣрый и красный цвѣтъ, богато убранныхъ слоновъ. Передній былъ покрытъ золотой парчей, надъ которой возвышался балдахинъ съ золотыми колонками, сбоку была спущена маленькая серебряная лѣсенка; громадное животное, по данному сигналу, опустилось на колѣни у нижнихъ ступеней подъѣзда дебаркадера, серебряная лѣстница была быстро прикрѣплена, и его высочество въ одно мгновеніе уже сидѣлъ подъ балдахиномъ, а за нимъ, сіяя своими брилліантами, вошелъ и гвиковаръ (господарь Бародскаго княжества) и помѣстился съ лѣвой стороны своего высокаго гостя; на заднемъ сидѣньи занялъ мѣсто Магдавъ-Рао, даровитый министръ юнаго государя, съумѣвшій возстановить финансы страны; свита размѣстилась на остальныхъ слонахъ и фантастически-роскошный кортежъ двинулся, предшествуемый значконосцами и замыкаемый военнымъ эскортомъ. За значконосцами, въ бѣлыхъ и красныхъ одѣяніяхъ, слѣдовалъ государственный зонтикъ, окруженный толпой служителей, съ опахалами и вытканными золотомъ платками въ рукахъ; далѣе ѣхали конные герольды и музыканты. На всемъ пути живою изгородью стояла разодѣтая въ самые яркіе цвѣта толпа, повозки туземцевъ, запряженныя быками съ посеребренными и позолоченными рогами, безчисленные всадники въ полномъ вооруженіи. По окончаніи оффиціальныхъ визитовъ, для принца былъ устроенъ бой звѣрей, любимая забава въ Бародѣ. Вотъ какъ описываетъ это зрѣлище одинъ изъ очевидцевъ: «Въ 4 часа насъ ввели въ расположенную позади арену, занимающую отъ 200 до 300 футовъ длины, около 100 ширины и и окруженную стѣной въ нѣсколько метровъ, со множествомъ довольно широкихъ, свободно пропускающихъ человѣка, отверстій. Изъ-за баррикадированной двери противъ входа слышался страшный вой и шумъ. Съ трехъ сторонъ стѣнки толпилась туземная публика, а съ 4-й возвышался павильонъ въ четыре этажа; въ нижнемъ помѣстился принцъ Уэльскій и гвиковаръ, во 2-мъ—дамы англійской колоніи Бароды, въ 3-мъ—корреспонденты иностранныхъ газетъ и, наконецъ, въ 4-мъ—офицеры и чиновники. Звѣри были выпущены не сразу —спектакль начался съ борьбы шестерыхъ туземныхъ гладіаторовъ, которые, поборовшись съ четверть часа, уступили мѣсто слонамъ. Чудовища, очутившись на свободѣ, ринулись другъ на друга и въ одно мгновеніе составили какую-то неуклюже-барахтавшуюся массу; ихъ клыки гнулись одинъ о другой, ихъ хоботы заплетались, какъ вдругъ одинъ изъ сражавшихся обратился въ постыдное бѣгство, его разъяренный противникъ бросился за нимъ и съ такою силою ткнулъ его клыками, что тотъ заревѣлъ отъ боли; ихъ немедленно розняли и увели. Слоновъ смѣнило зрѣлище, напоминающее испанскій

*) См. «Нива», № 8.

**) Значительное туземное государство, того же имени, въ предѣлахъ Бомбейскаго президентства. Въ немъ насчитывается 2,500,000 жителей; цифру доходовъ опредѣляютъ въ 37 милліоновъ франковъ.

Запрещенные плоды. Съ картины Тульмуша, Рисов. Бретонъ, грав. Тришонъ.

бой быковъ, но съ тою разницей, что вмѣсто быка, дѣйствовать опять таки слонъ. Затѣмъ, на арену выпустили двухъ носороговъ, которыхъ, впрочемъ, съ большимъ трудомъ заставили «согласиться» подраться. Они бодались какъ козлы, бороздя землю своими мордами; поединокъ прекратился послѣ нѣсколькихъ схватокъ; за носорогами послѣдовало сраженіе буйволовъ, имѣвшее нѣсколько болѣе серьезный исходъ; послѣдними дрались — и дрались ожесточенно — два барана. Если на этотъ разъ дѣло не имѣло трагическаго результата, то все-таки не обошлось безъ крови. Спектакль закончился оригинальною процессіею, открывшеюся крупными антилопами, за которыми шли газели, изъ коихъ нѣкоторыя были запряжены въ легкіе, миніатюрные экипажи, похожіе на тильбюри, далѣе огромные бараны, убранные драгоцѣнными матеріями, обезьяны, большой барсукъ и цѣлая вереница птицъ; наконецъ шествіе замыкалъ огромный тигръ, котораго вели на привязи двѣнадцать атлетовъ.

На другой день принцъ Уэльскій присутствовалъ на охотѣ пантеры на ланей. «Мы пріѣхали, разсказываетъ тотъ же очевидецъ, къ жонглямъ, гдѣ, въ густой травѣ, было расположено стадо, приблизительно въ 400 ланей. Завидѣвъ насъ, граціозныя животныя бросились въ сторону и растянулись въ длинную линію, которую мы поспѣшили разъединить въ центрѣ. Отрѣзанный, такимъ образомъ, арьергардъ, стараясь присоединиться къ другой части стада, быстрыми и легкими скачками мчался на самомъ близкомъ разстояніи. Охотники подвезли тележку съ пантерой, и снявъ съ головы этой послѣдней кожаную повязку, пустили на свободу. Страшный звѣрь остановился на нѣсколько секундъ, уставился на мелькавшихъ мимо его глазъ несчастныхъ ланей и, казалось, выбиралъ свою жертву; затѣмъ, въ нѣсколько прыжковъ, онъ нагналъ одну изъ нихъ, опрокинулъ и впился ей въ горло; но пантерѣ не дали долго тѣшиться,—ее немедленно схватили и привязали снова; впрочемъ, въ награду за подвигъ, ей подали въ особой чашѣ кровь тотчасъ же выпотрошенной жертвы».

По возвращеніи изъ Бароды въ Бомбей, принцъ Уэльскій отправился 25-го ноября въ дальнѣйшій путь, который теперь лежалъ на Цейлонъ. По дорогѣ царственный путешественникъ остановился въ португальскомъ Гоа, куда флотилія («Сераписъ», на которомъ плылъ принцъ, сопровождали, как извѣстно, суда «Осборнъ» и «Ралей») прибыла 27-го, вечеромъ. На другой день, рано утромъ, на встрѣчу принцу выѣхалъ, на своей галерѣ, губернаторъ португальской колоніи, дивизіонный генералъ Таваресъ-де-Аламейда; его галера являлась живописнымъ анахронизмомъ, въ особенности наряду съ паровыми судами: ея старинная форма и матросы, одѣтые въ костюмы XVII-го вѣка, въ красныхъ беретахъ съ серебряными, тонкой работы, бляхами,—все въ ней напоминало прошлое; губернаторъ и свита. въ парадныхъ мундирахъ, помѣщались посрединѣ, подъ навѣсомъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій и представленій, генералъ Таваресъ, его высокій гость и свита пересѣли на галеру, которая направилась къ берегу.

Въ губернаторскомъ дворцѣ, гдѣ принцу были представлены значительнѣйшія лица Гоа (этотъ городъ и окружающая его, между 14 и 15 градусами широты, мѣстность, на пространствѣ около 40 миль— вотъ все, что осталось отъ владѣній Португаліи въ Индіи), онъ оставался недолго и чрезъ четверть часа уѣхалъ осматривать «старый Гоа», оставленный болѣе 230 л. тому назадъ, по причинѣ нездороваго свойства мѣстности. Среди грудъ развалинъ нѣкогда знаменитаго города можно видѣть слѣды улицъ и площадей и высятся еще окруженные и обвитые зеленью большой соборъ, зданія инквизиціи и епископской тюрьмы. Соборъ—массивное зданіе снаружи—величественъ и изященъ внутри, къ нему ведутъ высокія со сводами ворота, въ нишѣ которыхъ помѣщается раскрашенная статуя «Васкода (а не де) Гама». Говорятъ, что каждый новый губернаторъ колоніи долженъ, по пріѣздѣ, непремѣнно посѣтить храмъ. Стѣны покрыты живописью и позолотой. Затѣмъ принцъ осматривалъ церковь «Bom-Iesu» (милосердаго Іисуса), гдѣ покоятся мощи Франциска Ксаверія, положенныя въ огромную серебряную раку, стоящую на бѣломъ мраморномъ пьедесталѣ, покрытомъ барельефами, и любовался богатыми, прекрасными серебряными и золотыми чашами и другими цѣнными вещами. Въ 12 часовъ принцъ Уэльскій уже возвратился на «Сераписъ», который въ 3 часа отплылъ дальше. Утромъ 1-го декабря флотилія достигла Цейлона и бросила якорь у порта Коломбо. Принцъ высадился въ 4 часа и былъ принятъ съ тѣмъ же энтузіазмомъ, какъ и въ Бомбеѣ. Сдѣланнымъ для его встрѣчи приготовленіямъ много придавали своеобразнаго изящества украшенія изъ пальмъ.

Коломбо, считающійся по своимъ размѣрамъ и значенію только третьимъ городомъ острова, представляетъ, согласно отзывамъ очевидцевъ, чрезвычайно красивый видъ: широкія улицы, по бокамъ которыхъ рисуются граціозныя, изящныя виллы съ арками. колоннадами и верандами, отдѣленныя другъ отъ друга зеленью садовъ и газоновъ. Что касается населенія, то преобладающимъ элементомъ являются смѣшанныя породы, иногда съ сильно-обозначеннымъ португальскимъ типомъ; въ массѣ попадаются стройныя, гибкія фигуры женщинъ, напоминающія своими маленькими ножками и черными глазами, испанокъ. Но костюмъ туземцевъ безобразенъ: «Издали, разсказываетъ одинъ путешественникъ, вамъ кажется, что приближается элегантная дама съ зонтикомъ, съ шиньономъ, поддерживаемыхъ черепаховою гребенкой, на дамѣ темная «tunique» поверхъ полосатой юбки; незнакомка подошла къ вамъ и—оказывается, что это мужчина-цейлонецъ. Нѣкоторые изъ нихъ, сверхъ этого костюма, надѣваютъ еще сюртукъ или черное пальто европейскаго покроя. Предоставляю вамъ судить объ эффектѣ!..»

Пріѣздъ принца сопровождался, по обыкновенію, артиллерійскими салютами, представленіями, привѣтственными рѣчами, адресомъ и восторженными кликами. Президентъ муниципальнаго совѣта поднесъ его высочеству шкатулку рѣзной слоновой кости превосходной работы, украшенную драгоцѣнными каменьями мѣстныхъ копей и заключавшую въ себѣ, кромѣ золотого лезвія кинжала, съ выгравированнымъ на немъ текстомъ адреса, еще образцы главныхъ мѣстныхъ продуктовъ: корицу, кофе, кокосъ, ваниль, перецъ, бетель и нѣкоторыя другія пряности. Тотчасъ же по окончаніи церемоніи пріема, принцъ совершилъ въ каретѣ прогулку по улицамъ города и, затѣмъ, возвратился на «Сераписъ». На слѣдующее утро принцъ выѣхалъ изъ Коломбо по желѣзной дорогѣ въ Канди. Этотъ единственный рельсовый путь на островѣ, начатый въ 1862 году, открытъ, собственно для торговаго движенія, только въ 1867 г., хотя 1-й поѣздъ по линіи прошелъ еще въ 1864 г., во время посѣщенія острова герцогомъ Брабантскимъ. Древнимъ туземнымъ царямъ Канди было нѣкогда предсказано, что ихъ независимость обезпечена только, пока телѣга не переѣдетъ ихъ рѣкъ, не замочивъ своихъ колесъ, и быкъ не перейдетъ ихъ горъ. Мосты и туннели маленькой коломбской линіи осуществили пророчество. Канди расположенъ въ глубинѣ долины, окруженной горами на берегу небольшаго озера. 10-ти тысячное населеніе городка принадлежитъ ко всевозможнымъ исповѣданіямъ, это можно видѣть изъ того, что тамъ находится нѣсколько индусскихъ пагодъ, мечетей, 7 протестантскихъ церквей и 1 католическая—и все это живетъ въ добромъ согласіи, подъ «отеческимъ окомъ британскаго правительства». Цейлонъ, впрочемъ, издавна былъ страною вѣротерпимости. Еще въ IV столѣтіи до нашей эры религіозная свобода была здѣсь фактомъ, признаннымъ и освященнымъ законами, на ряду съ свободой торговли и эмиграцій. Близь озера возвышается дворецъ прежнихъ царей Канди, служащій теперь жилищемъ губернатора. Къ нему пристроенъ 8-ми угольный павильонъ, на которомъ красуются изображенія солнца, луны и звѣздъ, считавшихся въ прежнія времена эмблемами королевской власти. Изъ этого павильона цари показывались народу. Рядомъ со старыми дворцами расположенъ храмъ «Далада-Малигава» или «Священнаго Зуба», состоящій, какъ вообще мѣстныя пагоды, изъ прямоугольнаго зданія посреди двора, по бокамъ котораго идутъ кельи. Внутренность центральнаго святилища вся изукрашена скульптурными работами и позолотой. Противъ этихъ зданій расположена еще пагода «Ната-Девали». Храмъ и дворецъ обнесены двойной стѣной. На другой день пріѣзда принца Уэльскаго, въ честь его происходила процессія «парагерра», (народное цейлонское торжество, отправляемое, обыкновенно, сжегодно въ августѣ, на этотъ разъ—въ день новолунія). «Во главѣ кортежа, пишетъ одинъ изъ присутствовавшихъ, шли музыканты съ флейтами и тамбуринами и знаменосцы, за ними слѣдовало до 40 богато-изукрашенныхъ слоновъ, нѣкоторые изъ нихъ, гигантскихъ размѣровъ, несли на себѣ балдахины на позолоченныхъ колонкахъ; въ интервалахъ шли туземные вожди, въ сопровожденіи людей ихъ свиты, вооруженныхъ алебардами и несшихъ зонтики и вѣера изъ пальмовыхъ листьевъ. По временамъ пробѣгали, при звукахъ тамбуриновъ, танцоры, останавливавшіеся предъ принцемъ, чтобы исполнить какое-нибудь особенно ловкое па, дотронуться лбомъ до земли и, поднявшись, однимъ скачкомъ исчезнуть въ массѣ кортежа. Но всего болѣе выдѣлялись «танцоры дьявола»: эти послѣдніе—увѣшанные бубенчиками и погремушками, украшенные браслетами, выдѣлывали такіе изумительные па и скачки, о которыхъ въ Европѣ не имѣютъ никакого понятія. Слоны, проходя мимо принца, опускались на колѣна, за что получали изъ рукъ царственнаго гостя куски сахара».

Затѣмъ, какъ извѣстно, принцъ Уэльскій посѣтилъ Мадрасъ. Этотъ разбросанный въ садахъ городъ, представляетъ какъ-бы цѣлую область связанныхъ между собой парками и рощами городовъ и деревень. Онъ рѣзко отличается отъ столицы Британской Индіи, «города дворцовъ»—Калькутты. Пребываніе царственнаго путешественника въ этомъ послѣднемъ ознаменовалось торжественною церемоніей раздачи туземнымъ раджамъ ордена «индійской звѣзды», высоко цѣнимаго туземцами. Проѣхавъ, далѣе, въ Аэру, Дели, гдѣ происходилъ смотръ войскамъ, Аллагабадъ, Непалъ, принцъ около половины марта возвратился въ Бомбей, и 11-го мая уже былъ въ Портсмутѣ.

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

XXVI.

Никто изъ старожиловъ въ резиденціи не запомнитъ такого всеобщаго волненія, какое было вызвано теперь въ городѣ взрывомъ въ башнѣ и гибелью двухъ человѣкъ—мельника Франца и хозяина виллы, коммерціи совѣтника ф. Рэмера.

Со времени взрыва прошло два дня, и въ эти двое сутокъ скорбныя чувства и сожалѣнія о погибшемъ „богатомъ человѣкѣ“ уступили мѣсто другимъ: въ городѣ начали распостраняться неопредѣленные, зловѣщіе слухи, встревожившіе особенно дѣловыхъ людей и ремесленниковъ, такъ какъ въ ихъ счетныхъ книгахъ значились за погибшимъ милліонеромъ большія суммы, у иного десятки тысячъ талеровъ. Всѣ новыя постройки и другія работы, имѣвшія цѣлью украсить старое помѣстье Баумгартеновъ, коммерціи совѣтникъ передалъ подрядчикамъ, по счетамъ которыхъ онъ успѣлъ уплатить только незначительную часть денегъ... И вотъ, къ мнѣнію, высказанному такъ безпощадно инженеромъ, при первомъ взглядѣ на картину страшнаго разрушенія, примкнули теперь и другіе компетентные люди: эта мысль переходила изъ устъ въ уста, и довѣрчивые подрядчики и рабочіе по неволѣ должны были задать себѣ вопросъ: „какъ и зачѣмъ попалъ динамитъ въ винный погребъ коммерціи совѣтника ф. Рэмера, и именно въ башню, гдѣ хранились всѣ его документы и дѣловыя книги?“... Отвѣта на этотъ вопросъ пришлось не долго ждать. Въ конфиденціальныхъ письмахъ изъ Берлина сообщалось о громадныхъ потеряхъ, которыя долженъ былъ потерпѣть коммерціи совѣтникъ (о его страшной смерти въ Берлинѣ еще не знали) при конкурсахъ, быстро слѣдовавшихъ теперь одинъ за другимъ. Никто изъ ближнихъ людей „богатаго человѣка“ не зналъ о положеніи его дѣлъ, даже секретарь его, бывшій бухгалтеръ прядильни, не имѣлъ понятія о биржевой игрѣ Рэмера. Милліонеръ обладалъ счастливою способностью скрывать за непроницаемымъ, блестящимъ облакомъ золотой пыли оборотную сторону своей медали. Такимъ образомъ, ему, можетъ быть, и посчастливилось бы, не смотря на извѣстіе о громадныхъ его убыткахъ, остаться въ глазахъ людей несчастной жертвой своего пристрастія къ исторической рѣдкости — пороху въ погребѣ руины, если бы онъ не ошибся въ дозѣ новаго взрывчатаго вещества... Это-то и была та „дыра въ одной изъ декорацій, черезъ которую можно добраться до истины“, какъ выразилась Флора.

Въ то время, какъ въ городѣ готовилась новая, неизбѣжная катастрофа, на виллѣ тоже дѣла принимали печальный оборотъ. Въ первый день послѣ взрыва въ башнѣ, всѣ друзья Рэмеровскаго дома явились навѣстить обитательницъ его, но уже на второй день ни въ партерѣ, ни въ бэль-этажѣ не было ни одного гостя. Г-жа президентша еще не подозрѣвала, что за страшной катастрофой долженъ послѣдовать еще второй тяжкій ударъ; всѣ ея чувства и мысли сосредоточивались пока только на одномъ вопросѣ: что осталось отъ безвозвратно погибшаго богатства и кому достанется то, что уцѣлѣло? Чувство эгоизма, свойственное особамъ преклонныхъ лѣтъ, заставило позабыть ее и думать о несчастномъ Рэмерѣ. Вообще эгоизмъ бабушки и старшей внучки никогда еще проявлялся такъ рѣзко, въ такомъ непривлекательномъ видѣ, какъ въ эти дни несчастья.

Послѣ объясненія съ докторомъ Флора въ короткихъ словахъ объявила президентшѣ о разрывѣ своемъ съ Брукомъ, не объяснивъ даже причины, почему они разошлись, впрочемъ, почтенная дама и не поинтересовалась узнать въ чемъ дѣло—она только разсѣянно поглядѣла на внучку и потомъ пожала плечами. Какой ничтожной казалась ей эта перемѣна въ судьбѣ Флоры рядомъ съ ея трагическимъ положеніемъ, черной тучей, грозившей лишить ее, высокопоставленную, избалованную старуху, княжеской роскоши и ввергнуть въ пучину всяческихъ матерьяльныхъ лишеній... Сообщивъ бабушкѣ о разрывѣ съ женихомъ, Флора удалилась въ свою комнату, подъ предлогомъ сильнаго нездоровья; она не выходила къ гостямъ и цѣлый день занималась уборкой и укладкой своихъ вещей.

Въ подвалѣ, гдѣ помѣщались лакеи и прочая прислуга, царствовала въ этотъ день (назначенный для свадьбы Флоры) страшная сумятица. Слухи, ходившіе по городу, проникли и сюда; они казались настолько правдоподобными, что уже въ первое утро послѣ взрыва нѣкоторые изъ лакеевъ рѣшились робко намекнуть, что „дѣло это, вѣрно, не совсѣмъ чисто, что-де несчастье случилось не спроста“. Теперь каждую минуту ожидали пріѣзда на виллу членовъ суда, каждый служащій собиралъ свое добро и готовился уходить; нѣкоторые мимоходомъ опустошали отпертую кладовую, гдѣ на длинныхъ столахъ помѣщались пирожное, торты и вина, приготовленные для дѣвичника.

Прислуга первая дала почувствовать г-жѣ президентшѣ Урахъ, что ея *царствіе* на виллѣ Баумгартенъ считается оконченнымъ. Прежде, бывало, лакеи являлись по первому звонку, а теперь почтенной дамѣ приходилось звонить по нѣскольку разъ и даже кликать прислугу; она слышала, какъ ея собачка, которую челядь, бывало, ласкала и баловала, теперь взвизгивала подъ неловкими ногами суетившихся людей; глаза, опускавшіеся прежде почтительно передъ ея взглядомъ, теперь нагло, развязно поглядывали на это строгое лицо.

Однако, прислуга держала себя по прежнему съ тѣми, которые находились теперь въ бель-этажѣ. Генріэтта была добра и снисходительна къ ней; простые люди глядѣли на это слабенькое существо, какъ на младенца, обреченнаго смерти; въ присутствіи больной привыкли ходить на цыпочкахъ и говорить въ полголоса, а сегодня эти предосторожности соблюдались даже вдвое строже, такъ какъ „г. гофратъ“ сказалъ, что положеніе фрейлейнъ Генріэтты опасно.

Дѣйствительно, Генріэтта сильно измѣнилась, только чудные голубые глаза ея оставались все тѣ же; она безропотно выносила страданія и покорялась своей судьбѣ, вполнѣ сознавая, что должна умереть... Ей не придется бѣжать изъ родного дома и искать убѣжища на замковой мельницѣ, какъ говорила Флора. Она успокоится раньше всѣхъ, она не увидитъ, какъ разносится по вѣтру все богатство ея зятя на удовлетвореніе кредиторовъ и не узнаетъ, какимъ тяжкимъ преступленіемъ заклеймена память этого человѣка... А то, что она такъ горячо всегда желала—все-таки исполнилось: она умретъ на рукахъ *своего* врача... Брукъ сказалъ ей, что останется здѣсь, не уѣдетъ въ Л—гъ, пока ей не будетъ лучше. Теперь она чувствовала себя такой же счастливой, какъ и въ домѣ тетушки-діакониссы: докторъ Брукъ ухаживалъ за ней, а Кэта помо-

гала ему—этихъ двоихъ она любила больше всего на свѣтѣ.

Кэта быстро поправлялась. На второй день послѣ обѣда она встала съ постели. Если бы не узкая повязка вокругъ головы и не распущенныя косы, то никому и въ голову не пришло бы, что страшный подземный ударъ далеко отбросилъ эту стройную дѣвушку, что она погибла бы, залитая водою, если бы ее номъ несчастьи... Она робко намекнула объ этомъ доктору Бруку—и онъ не могъ дать ей отрицательнаго отвѣта. Докторъ былъ сдержанъ и молчаливъ, какъ всегда. Этого требовало положеніе Генріэтты, но въ этой сдержанности было что-то особенно торжественное, и эта торжественность перешла, кажется, и къ тетушкѣ-діаконицѣ.

Подъ вечеръ перваго дня, послѣ разговора съ док-

Плащеносная ящерица или Легуанъ. Рисов. А. П Увехъ, гравир. Маррiонъ.

не отыскалъ любящій человѣкъ! Во всѣхъ ея движеніяхъ проявлялись по прежнему сила и энергія, ея обычная сдержанность и самообладаніе возвратились къ ней, хотя на душѣ у нея было далеко не спокойно... Она глубоко грустила при видѣ умирающей сестры, тяжелое впечатлѣніе оставила въ ней трагическая кончина Рэмера и, кромѣ того, ее преслѣдовала страшная мысль, что зять, опекунъ ея, не былъ неповиненъ въ ужас- торомъ въ комнатѣ, смежной съ спальней Генріэтты, старушка вышла оттуда съ заплаканнымъ, но сіяющимъ лицомъ и, попрощавшись, ушла домой. Ей нужно было распорядиться отправить кровати и мебель въ городскую квартиру доктора, куда она намѣревалась переселиться съ своей пріятельницей на время, необходимое для поправки докторскаго домика. Она не проронила ни слова о томъ, что творилось у нея на

Путешествіе Принца Уэльскаго. Охота на ланей, съ прирученными пантерами.

душѣ... По временамъ старушка заходила на виллу на нѣсколько минутъ, чтобы навѣстить Генріэтту, при чемъ явно старалась избѣгать встрѣчи съ Флорой.

Прекрасная невѣста всего только разъ появилась въ бэль-этажѣ, чтобы провѣдать тяжко больную сестру, и какъ нарочно—въ то время, когда докторъ Брукъ отправился къ фюрсту, присылавшему за нимъ. Проходя мимо постели Кэты, она даже не взглянула на молодую дѣвушку, которая приподнялась было, чтобы поздороваться съ ней. Странно, обидно было такое пренебреженіе! А тутъ еще Нанни сообщила, двусмысленно посмѣиваясь, что барышня уже готовится къ отъѣзду, хлопочетъ тамъ, внизу...

Тяжело было на душѣ у Кэты; она ничего не понимала, что-то загадочное окружало ее, и ей было даже страшно оставаться здѣсь—такъ все измѣнилось послѣ той ужасной катастрофы.

Въ теченіе дня на верхъ приходила нѣсколько разъ и президентша съ разстроеннымъ лицомъ, въ черномъ крепововъ чепчикѣ. Хладнокровіе и гордое спокойствіе совершенно ей измѣнили, хотя она и утверждала, что именно въ несчастьи эти качества и должны проявляться самымъ блестящимъ образомъ... Почтенная дама могла теперь только плакать и ломать руки... Изнуренная Генріэтта радостно вздыхала, когда шлейфъ черного шерстяного платья бабушки исчезалъ за дверью.

Утромъ, на третій день послѣ взрыва въ башнѣ, дверь краснаго кабинета распахнулась и на порогѣ появилась президентша съ газетой въ рукахъ. Въ это время Флора изготовляла ярлычки для своихъ вещей; она встала и, догадываясь въ чемъ дѣло, пошла на встрѣчу бабушкѣ, которая успѣла уже опуститься въ кресло.

— Мои... мои четыре тысячи талеровъ! простонала старуха. О, Флора! Меня обманули... Мошенники лишили меня состоянія, моего маленькаго наслѣдства, оставленнаго мнѣ дѣдушкой... Четыре тысячи талеровъ, которыя я берегла, какъ зеницу ока...

— Ахъ, бабушка, не искажай истины!.. Ужь скажи лучше: мои четыре тысячи талеровъ, которыми я слишкомъ легкомысленно спекулировала! перебила ее неумолимая Флора, желая сдѣлать упрекъ. Помнишь, какъ я тебя предостерегала?.. Тогда надо мною смѣялись, зачѣмъ это я не пускаю въ оборотъ свои вѣрныя, гарантированныя государственныя бумаги? А что, развѣ предпріятіе, въ которое ты вложила свои деньги, лопнуло?..

— Еще какъ!.. Мошенники! Вотъ, читай... Я думаю, у меня и пятидесяти талеровъ не останется! воскликнула президентша и закрыла лицо руками. Вотъ только чего не понимаю я: въ газетѣ ссылаются на прежнее заявленіе: о банкротствѣ было объявлено уже дня четыре тому назадъ—и Морицъ ничего объ этомъ не зналъ... Непостижимо!!..

— Можетъ быть, объ этомъ было объявлено въ биржевомъ листкѣ, котораго ты не получила... Помнишь?..

— А-а, такъ ты полагаешь, что нашъ бѣдный Морицъ хотѣлъ избавить меня отъ тревоги въ день свадебнаго праздника и самъ спряталъ этотъ листокъ?.. Да, дѣйствительно, это могло быть такъ!.. Но онъ выплатилъ бы мнѣ эту сумму, я знаю это... Вѣдь онъ самъ уговаривалъ меня пустить деньги въ оборотъ... Боже мой, эта мысль, кажется, внушена мнѣ свыше!.. Если будетъ нужно—я могу присягнуть, что Морицъ уговорилъ меня вложить мои деньги въ то предпріятіе... Но могу ли я, опираясь на это, потребовать вознагражденія за понесенные мною убытки, т. е. чтобы мнѣ выдали эту сумму изъ наслѣдства Морица...

Флора бросила газету на столъ. Эта, всегда неумолимая, безпощадно-откровенная особа, въ настоящую минуту не знала, какъ приступить къ объясненію, какъ разрушить иллюзіи бабушки... До сихъ поръ она молчала въ надеждѣ, что кто нибудь изъ добрыхъ друзей приметъ на себя трудъ разъяснить старухѣ—въ чемъ дѣло, но добрые друзья и глазъ не показывали, совсѣмъ забыли о виллѣ, а потому самой внучкѣ пришлось побесѣдовать объ этомъ съ бабушкой... Да Флора и не можетъ допустить, что бы бабушка ея осрамилась передъ цѣлымъ свѣтомъ, обнаруживъ свою довѣрчивость и непониманіе дѣла.

— Послушай, заговорила Флора, понизивъ голосъ и взявъ руку старухи,—вѣдь еще неизвѣстно, какъ велико это наслѣдство...

— О, милочка, оглянись, посмотри въ окно.. Довольно этого, чтобы сообразить, что и за вычетомъ моихъ четырехъ тысячъ талеровъ здѣсь останется еще много, очень много... Положимъ, громадный оборотный капиталъ Морица пропалъ безвозвратно, такъ какъ всѣ дѣловыя книги и документы уничтожены, но недвижимое имущество и другія цѣнности, оставшіяся послѣ него—развѣ это не состояніе, которое можно смѣло назвать огромнымъ, блестящимъ?.. (При этихъ словахъ ея груди вырвался тяжелый, болѣзненный вздохъ). Какъ бы я благодарила Бога, если бы имѣла неоспоримое право на это наслѣдство!..

Флора пожала плечами.

— Ну, даже и въ такомъ случаѣ это еще вопросъ: вступила ли бы ты во владѣніе...

Президентша вскочила

— Съ ума ты сошла, Флора!?.. Какъ ни слабы мои ноги, но я готова избѣгать цѣлыя мили, голодать, не спать по ночамъ, если только этимъ могла бы добыть себѣ право на наслѣдство... Могла ли я ожидать, что судьба такъ жестоко, такъ дьявольски насмѣется надо мной? Я... привыкшая жить въ аристократической обстановкѣ, должна покинуть этотъ домъ, который мнѣ одной обязанъ своимъ блескомъ?!., И неужели другая будетъ здѣсь хозяйничать?.. Какая нибудь штопальщица бѣлья... простая баба?..

— Тебѣ, бабушка, нечего волноваться изъ-за этого... Старуха, тетка Морица, не получитъ наслѣдства также какъ и ты...

— Да? Значитъ есть и другіе наслѣдники?

— Ну, конечно... кредиторы.

Президентша пошатнулась, вскрикнула и рухнулась въ кресло.

— Ахъ, потише, пожалуйста!.. Прошу тебя, не дѣлай скандала... пробормотала Флора. Внизу, въ подвалѣ прислуга, которая знаетъ все это получше меня... Наши люди собираются покинуть этотъ домъ, какъ крысы покидаютъ тонущій корабль. Я не могу и не должна скрывать отъ тебя истины... Намъ нужно быть на готовѣ, если мы, одураченныя, не желаемъ стать посмѣшищемъ въ глазахъ людей. (Она проворно поправила чепчикъ на головѣ почтенной дамы и привела въ порядокъ ея сѣдые локоны). Въ такомъ видѣ никто не долженъ тебя видѣть, бабушка, замѣтила Флора строгимъ тономъ Мы должны какъ можно скорѣе, съ надлежащимъ достоинствомъ, выпутаться изъ этого дѣла .. Оно слишкомъ пошло и гадко!.. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, тто взрывъ въ башнѣ—дѣло Морица... Въ порывѣ ли отчаянія совершилъ онъ это, или по просту—смошенничалъ, но только это вѣрно...

— Негодяй!.. Подлый обманщикъ! вскричала президентша и забѣгала въ волненіи по комнатѣ.

Флора указала на окно съ разбитыми стеклами, не загороженное ширмочками.

— Не забывай, бабушка, что тебя могутъ услышать! Съ самаго утра около дома шныряютъ разные подрядчики и коммерсанты... Говорятъ, что весь городъ сильно встревоженъ. Все, что въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ потреблялось въ нашемъ большомъ хозяйствѣ, бралось въ кредитъ. Мясникъ, напримѣръ, имѣлъ дерзость пробраться сюда и требовать, чтобы тебя разбудили, такъ

какъ ему необходимо переговорить съ тобой. Конечно, онъ хочетъ попытаться получить, какъ отъ хозяйки дома, свои шестьсотъ талеровъ. Этотъ мужикъ имѣлъ даже наглость сказать моей горничной, что и дамы коммерціи совѣтника тоже, вѣдь, кушали мясо, какъ и онъ!..

— О, Боже, въ какую яму бросилъ насъ этотъ жалкій негодяй! завопила президентша, задыхаясь отъ злобы и негодованія, однако, сейчасъ же отошла отъ окна.— Господи! Какое ужасное положеніе! Что намъ теперь дѣлать? спрашивала она, ломая руки.

— А вотъ что: прежде всего укладывать то, что, намъ принадлежитъ по праву, а потомъ уѣхать отсюда, если мы не желаемъ, чтобы и наша собственность была опечатана; въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы долго ждать, пока намъ возвратятъ наше добро!.. Я намѣрена пойти теперь на верхъ и... (она язвительно засмѣялась) уложить въ ящики свое приданое. Потомъ, вмѣстѣ съ прислугой, примусь за составленіе описи всего имущества бывшаго хозяина, и если ты не хочешь самолично вручить судебному приставу...

— О, нѣтъ, ни за что!

— Ну, тогда это можетъ сдѣлать экономка... Что-жъ, мы имѣемъ полное право сказаться больными...

Проговоривъ эти слова, Флора достала изъ письменнаго стола ключъ отъ комнаты, гдѣ было выставлено ея приданое, а президентша, все еще ломая въ отчаяніи руки, побѣжала къ себѣ, чтобы спасти свои вещи отъ опечатанія.

XXVII.

Легкій утренній вѣтерокъ игралъ, колыхая верхушки деревьевъ въ паркѣ, и по временамъ влеталъ въ настежъ отворенное окно, наполняя комнату больной ароматомъ резеды и левкоевъ. Генріэтта спала; ея постель, волосы и блѣдныя ручки были усыпаны мелкими листочками дикаго винограда... Эту зелень она просила нарвать и принести ей, „какъ послѣдній привѣтъ лѣта, которое тоже приготовлялось въ дальній путь...“

Кэта сидѣла у постели и охраняла сонъ сестры. Въ комнатѣ царствовала такая глубокая тишина, что можно было явственно слышать медленное, слабое дыханіе больной. Докторъ Брукъ долженъ былъ оставить на полчаса свою паціентку; фюрстъ непремѣнно желалъ ежедневно видѣть своего врача, такъ быстро вылечившаго его. Брукъ оставлялъ больную только тогда, когда она засыпала.

Горничная помѣстилась съ шитьемъ своимъ за занавѣской у кровати, чтобы, въ случаѣ надобности, быть тутъ подъ рукой; она по временамъ украдкой поглядывала на молодую дѣвушку, неподвижно сидѣвшую въ креслѣ, и дивилась спокойствію молодой особы, потерявшей на дняхъ пол-милліона!.. Гм! Такая молодая и ужъ такая степенная... Такая цвѣтущая, здоровая и такъ равнодушна къ свѣту и богатству!.. размышляла Нанни... Вонъ та-то красавица, что укладываетъ теперь свое приданое, гораздо умнѣе... Она прежде всего заботится о своемъ добрѣ... Н-да!.. Она гоняетъ свою горничную и туда, и сюда... Носовой платокъ—и тотъ ей подай!.. Невѣста не хочетъ ничего оставить тутъ... Да такъ она всегда поступала, а потому одна въ семьѣ и осталась теперь богатой, никакихъ убытковъ не потерпѣла!.. Пресчастливая она, право!.. Размышленія Нанни были прерваны сильнымъ шумомъ въ комнатѣ, гдѣ лежало приданое. Генріэтта вздрогнула.

— Это наша барышня-невѣста укладываетъ тамъ свои вещи, сказала Нанни притворно равнодушнымъ тономъ, когда Кэта въ испугѣ вскочила и протянула свои руки къ больной.

Между спальней Генріэтты и той комнатой, гдѣ шумѣли, находилась гостиная; вѣроятно, Флора не стѣснялась стучать ящиками, надѣясь, что больная не услышитъ этого шума. Кэта встала и, заперши за собою дверь гостиной, пошла прямо къ Флорѣ.

Флора вскрикнула (неизвѣстно, отъ неожиданности или отъ досады), когда увидала на порогѣ высокую, бѣлую фигуру сестры. Кэта попросила ее не шумѣть и не тревожить больную.

— Весьма сожалѣю, что такъ случилось, но я полагала, что тамъ шума не будетъ слышно... Хорошо-съ, мы будемъ осторожнѣе, отрывисто прибавила Флора съ видимымъ раздраженіемъ. Злая улыбка слегка скривила ея губы.—Ты бродишь такими неслышными шагами по дому, что можно подумать, что это прародительница Баумгартеновъ переселилась сюда, такъ какъ ея родовой замокъ разрушенъ... Да, несчастье слѣдуетъ за тобой по пятамъ, твое появленіе пророчитъ бѣду—и благочестивый христіанинъ долженъ открещиваться отъ тебя!..

Флора движеніемъ руки велѣла горничной удалиться.

— Стой! крикнула она, когда и Кэта хотѣла молча уйти. Если въ тебѣ есть хоть искра женской чести— ты должна теперь отвѣчать мнѣ!

Кэта холодно оттолкнула руку, державшую ее за платье, и отошла отъ двери.

— Я къ твоимъ услугамъ, сказала она спокойно и устремила свои серьезные глаза на гнѣвное, искаженное лицо сестры.—Только прошу тебя, не говори слишкомъ громко, чтобы Генріэтта не услышала...

Флора схватила Кэту за руку и увлекла ее къ окну.

— Сюда!.. Дай на тебя посмотрѣть... Я хочу знать, какъ ты глядишь... послѣ поцѣлуя мужчины...

Молодая дѣвушка отвернулась отъ наглаго взгляда сестры; слишкомъ развязная фраза этой послѣдней вызвала на ея лицѣ яркую краску стыда.

— Тебѣ, какъ старшей сестрѣ, не слѣдовало-бы говорить такія вещи...

— Ахъ, святая ты невинность!.. Ну, а я тебѣ скажу вотъ что: какъ младшая сестра, ты не должна была поднимать глазъ на человѣка, обрученнаго съ старшей сестрой!..

Кэта стояла, словно громомъ пораженная. Какъ проникли въ тайникъ ея сердца и узнали ея тайну, которую она всѣми силами старалась скрыть? Она чувствовала, что блѣднѣетъ... Она знала, что въ эту минуту она стоитъ передъ Флорой, какъ виновная, пойманная на мѣстѣ преступленія, и, все-таки не промолвила ни слова.

— Вотъ, она—нечистая-то совѣсть! Ты—олицетвореніе такой совѣсти, засмѣялась Флора и дотронулась пальцемъ до груди дѣвушки. — Ну, что—а?.. То-то и есть, сокровище ты мое: какъ не хитри, а старшую сестру не проведешь!.. Старшая сестра насквозь видитъ подобную „невинную“, дѣвственную душу... Она зорко прослѣдила за малѣйшими проявленіями *этого чувства* съ того самаго момента, когда были брошены въ комнату мужчины цвѣточки... съ наивнымъ желаніемъ обратить на себя вниманіе...

При этихъ словахъ Кэта встрепенулась и невольно всплеснула руками... Въ головѣ ея мелькнуло:

— Неужели за такой маленькій промахъ она заслуживаетъ такого гадкаго упрека?..

Справедливый гнѣвъ закипѣлъ въ ея душѣ.

— Послушай... Я вѣдь сама сердилась на себя за этотъ промахъ, проговорила молодая дѣвушка, гордо выпрямляя свой станъ... Но кто-бы тебѣ ни передавалъ объ этомъ...

— Кто-бы!.. Да онъ самъ сообщилъ мнѣ, крошечка ты моя...

— Въ такомъ случаѣ, ты сама придала не тотъ смыслъ... смыслъ ложный этому ничтожному факту.

— Ахъ, милочка, успокойся, охладись немножко... Полно! Пора опомниться...Долго сдерживаемая страсть горитъ въ твоихъ глазахъ! воскликнула Флора съ холодной усмѣшкой, нетерпѣливо топая каблучкомъ... Позвольте-съ, сударыня, значитъ—лгу *я*, а не *онъ*, захотѣвшій хвастнуть своей побѣдой?..

(Продолженіе будетъ).

Политическое обозрѣніе.

18-го мая совершился въ столицѣ халифовъ переворотъ, вслѣдствіе котораго султанъ Абдулъ-Азисъ-Ханъ, сынъ султана Махмуда, низверженъ съ престола халифовъ и турецкихъ падишаховъ, и сегодня уже провозглашенъ падишахомъ и султаномъ Султанъ Махмедъ-Мурадъ-Ханъ. Ему нѣтъ еще 36-ти лѣтъ Султанъ Мурадъ родился 21-го сентября 1840 г., онъ старшій сынъ покойнаго султана Абдулъ-Меджида (умершаго 25-го іюня 1861 года).

По мусульманскому закону, который уже пять сотъ лѣтъ строго выполняется въ Турецкой имперіи, престолонаслѣдіе династіи Османовъ переходитъ, по праву старшинства, не отъ отца къ сыну, а къ старшему въ родѣ, который и дѣлается законнымъ падишахомъ османской имперіи. Цѣль такого закона очевидна: законодатель безъ сомнѣнія хотѣлъ этимъ предупредить бѣдствія, часто бывающія при несовершеннолѣтіи наслѣдника престола,—опасности регентства, и проч. До сихъ поръ, какъ извѣстно, ни одинъ султанъ не касался этого основного закона и никто не осмѣливался его нарушить, хотя довольно часто бывали случаи, когда султаны желали измѣнить этотъ порядокъ вещей на европейскій ладъ и передать престолъ сыну.

Чтобы обойти такой законъ, весьма нерѣдко молодые султаны, по восшествіи своемъ на престолъ халифовъ, совершали даже братоубійства, которыя, со временъ Махмеда II (1444—1481) сдѣлались какъ бы обычными въ династіи Османовъ.

Въ силу именно этого закона, вступилъ на османскій престолъ, послѣ смерти султана Абдулъ-Меджида. 1861 г., его братъ Абдулъ-Азисъ, между тѣмъ какъ остальные семь братьевъ совершенно удалились отъ дѣлъ въ частную жизнь. У Абдулъ-Азиса четверо сыновей. Самый старшій—Султанъ-Юсуфъ-Изеддинъ-Эффенди—родился только 9-го октября 1857 года. Онъ не могъ вступить на престолъ, пока живы пятеро его дядей, именно: Султанъ Абдулъ-Мехмедъ-Мурадъ (род. 1840 г.), Абдулъ-Хамидъ (род. 1842 г.), Мехмедъ-Решадъ (род. 1844 г.), Ахмедъ-Кемалъ-Эддинъ (род. 1847 г.), Махомедъ-Буранъ-Эддинъ (род. 1849 г.), и Нуръ-Эддинъ (род. 1851 г.). Только послѣ смерти ихъ всѣхъ наступила бы очередь старшаго сына Абдулъ-Азиса, Юсуфа-Изеддинъ-Эффенди, имѣющаго уже званіе мушира (маршала).

Такимъ образомъ, законнымъ наслѣдникомъ былъ настоящій султанъ—Мехмедъ-Мурадъ-Ханъ V-й.

Совершившимся государственнымъ переворотомъ окончилось первое дѣйствіе разыгрываемой софтіями революціонной драмы. День этотъ имѣетъ, однако, еще болѣе важное историческое значеніе, какъ годовщина завоеванія турками столицы византійской имперіи. Ровно четыреста одинъ годъ тому назадъ, 18-го мая 1475 года, свирѣпый султанъ Мохамедъ II штурмомъ взялъ Константинополь и вступилъ въ этотъ городъ, перешагнувъ черезъ трупъ послѣдняго византійскаго императора Константина. За нимъ, въ Европу ворвалась орда азіатскихъ варваровъ, заклятыхъ враговъ цивилизаціи и христіанства.

Съ 18-го мая старая Турція перестала существовать. Возрожденіе Турціи на новыхъ началахъ становится теперь необходимостью. Конституціонная османская имперія должна отнынѣ доказать, имѣетъ ли она право на существованіе, кроются ли въ ней жизненныя силы, которыя были подавлены лишь прежнимъ деспотизмомъ, а нынѣ могли бы развиться съ установленіемъ свободы. Если Турція не представитъ несомнѣнныхъ доказательствъ своей жизненности, то она должна будетъ сойти со сцены Европы, несмотря на всю эту, разыгранную при столь торжественной обстановкѣ, парламентскую комедію, и начало новой эры будетъ не только концемъ стараго строя, но окончаніемъ, вообще, мусульманскаго господства въ Европѣ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Картину «Спящая красавиц»», назначенную въ безплатную премію подписчикамъ «Нивы» 1876 г.,—въ Новочеркасскѣ можно видѣть въ Донскомъ книжномъ магазинѣ И. Б. Засыпкина, а не въ магазинѣ Г. Дюжикова.

СОДЕРЖАНІЕ. **Осипъ Афанасьевичъ Петровъ,** заслуженный артистъ русской оперы (съ портретомъ). **А. А.- Видъ города Бѣлграда** (съ рисункомъ). **Городъ Торжокъ** (съ рисункомъ) **И. Красницкаго.—Отъ пирамидъ до Сенъ-Готардскаго туннеля.** Взглядъ на прошедшее и на текущее инж нерныхъ наукъ.—**Запрещенные плоды** (съ рисункомъ). **Плащеносная ящерица, игуана или легуанъ** (съ рисункомъ)—**Принцъ Уэльскій въ Индіи** (окончаніе) (съ рисункомъ).—**Въ домѣ коммерціи совѣтника.** Повѣсть **Э. Марлитта** (продолженіе).—Политическое обозрѣніе.—Заявленіе.—Объявленія.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 22 Мая 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб., Больш. Морская, д. [illegible] пр., № 10.

№ 23 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 7 Іюня 1876 г. (ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ). Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

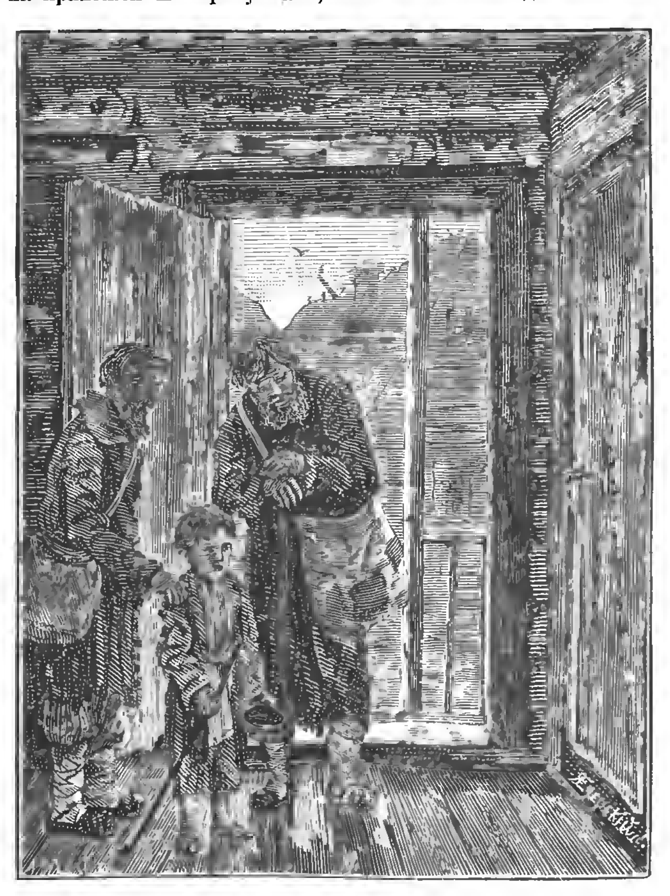
При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за ІЮНЬ съ 37 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 32 чертежами.

Нищие на Руси.

«Нищему подать — Богу подать».
Пословица.

Крестьянская женщина съ ребенкомъ на рукахъ, завернутымъ въ грязное тряпье, съ пятилѣтней босоногой дѣвчонкой, цѣпляющейся за мамкинъ сарафанъ; два слѣпыхъ, которыхъ ведетъ мальчикъ; перекинутыя черезъ плечо заплатанныя холщевыя сумы; бѣдная сельская обстановка: соломенныя крыши, ветхія крылечки и бѣдные люди—все это, читатель, вы видите на приложенныхъ рисункахъ, все это вамъ такъ давно знакомо.

Нищіе на Руси. Рисов. Лосевъ, гравир. Шласкій и Езерскій.

Лишній ломоть пирога, яйцо, краюшка хлѣба, лишняя копѣйка перепадаетъ въ нищенскую суму, отъ которой, говоритъ русская пословица, «не уйдешь». Едва раздастся подъ окномъ жа-

лобное причитанье: «Будьте, отцы, милостивы: сотворите святую милостыньку, помпнаючи родителей во царствіи небесномъ!» какъ протягивается рука крестящагося дателя. Въ рѣдкихъ случаяхъ услышитъ деревенскій нищій въ отвѣтъ на свои просящія слова короткое и какъ бы робкое: «Не прогнѣвайся!»

Мало ли что заставляетъ въ крестьянскомъ быту стать нищимъ... Причинъ такъ много, что ихъ можно намѣтить лишь въ общихъ, главныхъ чертахъ. Часто случай, играющій такую видную роль въ деревенской жизни: какой нибудь пожаръ, неурожай и т. п. разоряетъ въ конецъ или временно заставляетъ надѣть суму; важное мѣсто въ ряду причинъ занимаетъ также личная воля человѣка, дурныя склонности, привычки, выработанныя предшествовавшими обстоятельствами.

Едва ли не самымъ страшнымъ бѣдствіемъ, пускающимъ по міру десятки и сотни тысячъ людей, надо считать пожары. Въ несмѣтной толпѣ нищихъ всякаго разбора бродящихъ по городамъ и главное, по русскимъ селамъ, закинутымъ въ самую глушь, погорѣльцы составляютъ самый значительный процентъ. Вотъ какъ описываетъ Максимовъ эту, до сихъ поръ почти неизбѣжную, бѣду русскихъ крестьянъ въ своей «Бродячей Руси».

«У неосторожныхъ стали вспыхивать овины. Одинъ вотъ вечеръ ѣхали мы, а не одну такую бѣду видѣли: первую прямо, вторую налѣво. Вспыхивала вдали, какъ порохъ, свѣчка; на нашихъ глазахъ превращалась въ пламя и разливала свѣтъ отъ него по темному небу короткимъ заревомъ. Упало вскорѣ зарево, погасла и свѣчка, предварительно выбросивъ изъ себя облачко яркихъ искръ и густого чернаго дыма, который мы не видали только потому, что мѣшала вечерняя мгла и даль. Стало быть сбѣжались во время мужики, растаскали горѣвшія бревна, залили водой головешки, затоптали лаптишками затлѣвшуюся было солому, накиданную по гуменнику. Второе зарево держалось дольше: все искрилось и очень скоро встало въ ночномъ мракѣ и на темномъ небѣ огненной полосой несомнѣннаго пожара. Такъ понимаютъ и спутники, въ одно слово, со вздохомъ говоря оба:

— Деревня занялась!

— Упаси Богъ нѣтра.

— Клѣтищи, кажись, горятъ, словно бы въ ихней сторонѣ, али Объѣдалово?.. Угадай ты ночью-то!

— А можно. Дѣдушка! (проходящему старику) гдѣ горитъ?

— Пронастищи горятъ..

— Отъ овиновъ надо быть, дѣдушка?

— Отъ чего больше? Отъ нихъ, отъ овиновъ.

Дулъ вѣтеръ въ лазейку овина, на яму, гдѣ горятъ сухія дрова, выбивалъ изъ нихъ и крутилъ наверхъ крупныя искры. Одна крупная пролетѣла сквозь рѣшетины потолка, на которыхъ разостланъ сухой хлѣбъ, зажгла солому. А въ плохо притворенное окно «*садила*» опять влетѣлъ вѣтеръ и раздулъ тлѣвшее мѣсто; занялся и хлѣбъ и рѣшетины. Перепуганные мужики не сладили съ огнемъ и вѣтромъ: вырвалъ онъ головешку и вонзилъ въ первую соломенную крышу жилья, да такъ, что никто того и не примѣтилъ, слизнулъ огненнымъ языкомъ эту избу, а тамъ загорѣлась и сосѣдняя и еще третья въ другомъ порядкѣ, да такъ вся деревня подъ рядъ. Кричатъ на пожарѣ всѣ, что есть мочи, бѣгаютъ отъ избы къ избѣ, словно опоеные, наталкиваясь и сшибая съ ногъ ребятъ и бабъ, обходящихъ избы съ образомъ «неопалимой купины», который на такіе случаи имѣется во всякой деревнѣ...

«... Взошло солнышко, засіялъ свѣтленькій денекъ, освѣтилась дорога и на ней большая толпа задымленныхъ, немытыхъ, въ рваныхъ армякахъ погорѣльцевъ.

— Какіе такіе?—Изъ Дубковъ. — Когда погорѣли-то? — Да вотъ день ходимъ —Примите Христа ради.—Спаси тебя Богъ на святой твоей милостинкѣ!..

Подали и мы этимъ людямъ, этимъ осеннимъ встрѣчнымъ спутникамъ, въ томъ убѣжденіи, что ужь если они случайно погорѣли, то у нихъ сгорѣло все, что было изъ насенаго и коненаго. Дома у нихъ ничего не осталось. Иной безъ шапки выскочилъ и въ торопяхъ не успѣлъ захватить армячишка; такъ и остался. Другой въ лаптяхъ на одной ногѣ, а ребята всѣ въ однѣхъ рубашенкахъ. И сколько было въ деревнѣ жителей, всѣ вотъ они на лицо, всѣ вышли на большую дорогу.

— Не осталось ли кого?—Да дядя Митрій, петхій человѣкъ. Искали его—не нашли. Глухой онъ былъ и на ногахъ не твердый: сгорѣлъ.—Еще кого не забыли-ли?—Антонъ не пошелъ: у него зять богатый—пріютилъ Федосей, самъ мужикъ денежный, пошелъ къ кому вздумалъ. А остальные всѣ здѣсь въ кучѣ, всѣ здѣсь»...

Такова судьба этихъ бѣдныхъ людей. Но подъ словомъ «нищіе» разумѣются какъ я сказалъ, не одни погорѣльцы. Общая доля «бродячей Руси» скитанье по улицамъ селъ, городовъ и богатыхъ столицъ, по всѣмъ торнымъ путямъ между этими селами и городами. Имѣя до сихъ поръ въ виду лишь однихъ деревенскихъ нищихъ, обходя массу такого же рода людей въ городскомъ сословіи, мы считаемъ далеко не лишнимъ сдѣлать краткій обзоръ исторіи русскаго нищенства, которое составляло съ давнихъ поръ наше исконное непоправимое зло.

Еще въ первые вѣка христіанства русской земли раздавалась князьями милостыня неимущимъ. Нищіе искони считались богомольцами за міръ.

«Горе-злосчастіе», доведшее человѣка того времени до конечнаго раззоренья, ходило въ разныхъ образахъ; весь складъ жизни того давняго времени способствовалъ нарожденію и развитію нищенства и голытьбы. Не говоря о страшныхъ пожарахъ, моровыхъ повѣтріяхъ и голодахъ,—набѣги чужеземцевъ и внутреннія смуты, всякаго рода раззоренья, которымъ и счета нѣтъ въ нашей исторіи,—лишали народъ крова и хлѣба.

Виновными въ нищенствѣ древней Россіи, по словамъ Костомарова, были и воеводы, и дьяки, и служилые люди, и помѣщики. Разныя наименованія нищихъ указывали прямо на то, почему привязалось къ этимъ людямъ неотвязное горе-злосчастіе, о которомъ сохранилась такая тяжелая память въ народѣ. Бобыли, захребетники, бѣглые, погорѣлые, слѣпые, спившіеся, неимущіе—вотъ изъ кого состояла толпа просившихъ подаянія. Было бы излишнимъ объяснять, что бѣгали отъ тяжелыхъ податей и пр.

Взглядъ князей прежняго времени на нищихъ вичѣмъ не разнился отъ народнаго. — Нищихъ пускали даже въ царскіе терема, хорошо кормили и надѣляли богатой милостыней. На древнихъ поминкахъ, вообще при всякихъ торжествахъ, печальнаго или веселаго характера, нищей братіи многое перепадало со стола богатыхъ людей. Благодаря щедрымъ подачамъ народилось на Руси то нищенство, которое практикуется теперь какъ прибыльное ремесло людьми, повидимому совершенно здоровыми и молодыми.

Въ пользу раздаванія милостыни читались духовными лицами проповѣди, въ которыхъ укорялись затворявшіе отъ нищихъ *врата*. Установилось мнѣніе, что чѣмъ богаче милостыня, тѣмъ легче войти въ царство небесное. Все это, при общей бѣдности народа, «нищаго духомъ и тѣломъ», приводило нерѣдко къ полнѣйшей отдачѣ своего *я* на волю дававшаго. «Побейте меня, да покормите; руки, ноги поломайте, да милостыньки христовой подайте!» голосили нищіе на какихъ нибудь богатыхъ поминкахъ.

Такіе факты занесла на свои страницы позднѣйшая исторія нищенства, когда государственный механизмъ значительно усложнился.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ нищіе дѣлились на богадѣльныхъ, кладбищенскихъ, дворцовыхъ, патріаршихъ, соборныхъ, церковныхъ, монастырскихъ, гулящихъ и лежанокъ. Первые ютились въ избенкахъ, возлѣ церквей и монастырей. Много лѣтъ спустя, избенки эти преобразовались въ богадѣльни для неимущаго люда. Цари продолжали кормить нищую братію, въ числѣ которой значились такъ называемые *верховые* богомольцы, но кормленіе это не имѣло уже прежняго значенія, той, такъ сказать, простоты отношеній, какая была во время раздачи золота, серебра и платья Ярославомъ и послѣдующими князьями.

Въ Москвѣ были нищіе аптекарскаго двора, придворные; затѣмъ каждый соборъ имѣлъ своихъ нищихъ; тоже находимъ и въ другихъ городахъ, напр. въ Муромѣ, гдѣ на соборномъ дворѣ жили нищіе въ четырехъ кельяхъ. Съ церквей и монастырей собиралась въ пользу неимущихъ особая пошлина. При нѣкоторыхъ монастыряхъ сѣрой вереницей покривившихся избъ тянулись нищенскія слободы. Люди жившіе въ нихъ прозывались, по писцовымъ книгамъ, *бродящими*, бѣдными. Во то время слово «нищій» нерѣдко смѣнивалось съ словомъ «рабочій». И Новгородская земля не была изъята отъ нищихъ, которые селились среди ея лѣсовъ и топей. При Грозномъ число просящихъ милостыню страшно возросло вслѣдствіе многихъ вышеупомянутыхъ причинъ. Голодъ и пожары скопили въ Москвѣ огромное число нищаго люда—Царь милостиво относился къ нему, заискивая народное расположеніе. Дерзость московскихъ нищихъ дошла до того, что они дрались въ церквахъ. По Москвѣ ходили разные юродивые, блаженные и бѣснопатые.

При Годуновѣ голодъ пустилъ по міру множество семействъ, и въ его время *безъ числа нищихъ бѣ*.

Число это не уменьшилось, потому что раздача хлѣба и денегъ не въ силахъ были искоренить развившееся зло. Нищихъ еще хорошо кормили (такъ, напр., у патріарха перебывало ихъ въ 1678 году—двѣ съ половиной тысячи). Навязчивость многихъ переходила предѣлы. «Дай мнѣ, или убей меня!» говорили нищіе того времени, по словамъ одного иностранца. Отсюда недалеко была и другая фраза: «Не дашь мнѣ — я убью тебя!» Нищенство имѣло одной стороной прямую связь съ воровствомъ, обманомъ и даже разбоемъ. Во время разиновщины въ Москвѣ появились нищіе разбойники, безчеловѣчные *компрачикосы*, люди, калѣчившіе малолѣтнихъ дѣтей для того, чтобы ихъ крикомъ умилять проходящихъ. Появились городскіе трущобники. Въ такой ужасной школѣ выростало цѣлое поколѣніе нищихъ дѣтей, на что было обращено вниманіе правительства въ 1682 г. Разные калѣки и лежепки сидѣли на московскихъ перекресткахъ и мостахъ, вытягивая гнусливыми голосами «Лазаря» и другіе стихи. Для сбора милостыни многіе выставляли гроба, что придавало еще болѣе печальный видъ и безъ того невеселымъ московскимъ улицамъ. Петръ пошелъ и въ вопросѣ о нищихъ совершенно наперекоръ старой Руси. Начались ссылки въ Сибирь, тяжкія тѣлесныя наказанія гулящихъ людей; опредѣлены были люди для ловли нищихъ. За милостыню поданную на улицѣ налагался штрафъ, очень тяжелый даже и не потому времени. Петръ старался искоренить этими мѣрами ни-

щенство, если не въ Россіи, то, по крайней мѣрѣ, въ своей любимой столицѣ—Петербургѣ. Духовенство старательно помогало его начинаніямъ. «Нищіе», упоминалось въ духовномъ регламентѣ, написанномъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ приверженцевъ реформъ Петра Великаго. Новгородскимъ Епископомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, «младенцамъ очи ослѣпляютъ, руки скорчиваютъ, а иные члены развращаютъ».

Нищихъ отсылали въ монастырскія управленія, но горе злосчастіе преслѣдовало ихъ и здѣсь: монастыри спроваживали неимущихъ, говоря что *мѣста нѣтъ*.

Таковъ скорбный листъ нищей братіи...

Садовниковъ.

Среди природы.

(Рисунокъ Медвѣдева).

Картинка представляетъ лѣтній день и дѣвушку, спящую на травѣ и цвѣтахъ. Раскрытая книга на ея колѣняхъ говоритъ намъ, что дѣвушка читала; но теплый воздухъ и ароматная зелень лѣсовъ и полей усыпили ее. Какое спокойствіе на ея лицѣ и какую свободную, непринужденную позу съумѣлъ придать ей художникъ: головка покоится на рукахъ, а распустившіеся волосы волнами лежатъ на травѣ. Возлѣ спящей соломенная шляпа, полная цвѣтовъ. Вообще картинка очень красива и переноситъ насъ въ деревню, туда, гдѣ

Поле зыблется цвѣтами...
Въ небѣ льются свѣта волны...
Вешнихъ жаворонковъ пѣнья
Голубыя бездны полны.

Намъ, сѣверянамъ, обреченнымъ на 8 мѣсячное заточеніе въ нашихъ каменныхъ домахъ, почти не видя ясныхъ дней, особенно плѣнительно представленіе лѣта и картинка, изображенная здѣсь, полная красоты и изящества и прекрасная по содержанію, должна особенно нравиться. Къ ней такъ и хочется отнестись съ словами поэта (А. Н. Майкова):

Солнце, птицы! блескъ и счастье!
Лугъ росистъ, цвѣтетъ сирень.
А еще ты въ сладкой лѣни
Спишь, малютка!.. О, постой!
Я пойду, нарву сирени,
Да холодною росой
Вдругъ на сонную-то брызну...
То-то сладко будетъ мнѣ
Побѣдить въ ней укоризну
Свѣжей вѣстью о веснѣ.

Но, слава Богу, читатель, и мы съ вами вступаемъ въ пору теплаго времени.

Водопадъ Учанъ-су въ Крыму.

Южный берегъ Крыма—это очаровательно-прелестный уголокъ, особенно если его посѣтить послѣ утомительно-однообразныхъ малороссійскихъ и новороссійскихъ степей и безводныхъ солончаковъ Перекопа. Роскошная природа здѣсь удивляетъ на каждомъ шагу разнообразіемъ своихъ красотъ, богатствомъ растительности, изобиліемъ воды, зелени и утесовъ. Здѣсь, благодаря постоянному теплу и свѣту, почти круглый годъ цвѣтутъ розы и фіалки: зрѣетъ виноградъ и въ изобиліи произрастаютъ персики, оливки и винныя ягоды. Не удивительно, что число посѣщающихъ эту часть Крыма, съ каждымъ годомъ увеличивается, и можно надѣяться, что, благодаря удобному и недорогому сообщенію, наслажденія красотами южно-крымской природы не будетъ стоить въ экономическомъ отношеніи такъ дорого, какъ было до сихъ поръ. Одной изъ красотъ южнаго берега, можетъ считаться по всей справедливости водопадъ Учанъсу. Онъ находится вблизи городка Ялты, среди живописной и дикой мѣстности. Дорога къ водопаду идетъ между громадными скалами и въ чащѣ гигантскаго хвойнаго лѣса. Минуя древнее, полуразрушенное укрѣпленіе съ остатками свода высокихъ воротъ и узкими бобылицами, путешественникъ вскорѣ достигаетъ того мѣста, гдѣ водопадъ съ шумомъ надаетъ съ отвѣсной скалы, вышиною въ 350 футовъ. Водопадъ образуется изъ рѣчки, которую Татары называютъ учанъ-су, т. е. летучая вода, и особенно бываетъ грандіозенъ во время горнаго половодія, послѣ дождей или послѣ бури. Сбѣгая съ уступа на уступъ, водопадъ наконецъ образуетъ множество рукавовъ и падаетъ каскадами въ глубину оврага. Издали, при свѣтѣ солнца, онъ представляется бѣлоснѣжной пеленой, спускающейся съ высоты скалы и исчезающей за зеленью древесной чащи. Многіе путешественники, видѣвшіе знаменитые швейцарскіе водопады и потомъ посѣтившіе Учанъ-су, утверждаютъ, что онъ не уступитъ имъ ни въ красотѣ, ни въ грандіозности. Но только дѣло въ томъ, что сколько нибудь живописныя мѣстности Швейцаріи сняты тысячу разъ и извѣстны всѣмъ и каждому по фотографіямъ и рисункамъ. Тысячи туристовъ ежегодно посѣщаютъ ихъ и разносятъ потомъ свои восторги по всему міру. Тамъ при каждомъ нѣсколько замѣчательномъ водопадѣ устраивается гостинница и всѣ удобства для того, чтобы туристъ могъ съ разныхъ сторонъ любоваться паденіемъ горнаго потока. Учанъ-су, при всей своей красотѣ — лишенъ всякой извѣстности; число лицъ, посѣщающихъ его, весьма не обширно; около него глушь и дичь, и, если туристъ такъ любознателенъ, что захочетъ полюбоваться водопадомъ во всемъ его живописномъ величіи, то онъ долженъ цѣпляться и лѣзть по скаламъ, что, мимоходомъ сказать, не всегда бываетъ безопасно. Конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ скоромъ времени и Учанъ-су утратитъ свой дикій, нелюдимый характеръ и обзаведется разными удобствами для самыхъ прихотливыхъ туристовъ. Начало тому уже положено проведеніемъ прекрасной дороги отъ Ливадіи до самаго водопада. Со времени частаго пребыванія Государыни Императрицы въ Ливадіи и водопадъ Учанъ-су удостоивается иногда посѣщенія высочайшихъ особъ; здѣсь устроена императорская бесѣдка и проведена тропинка до перваго уступа, откуда открывается восхитительный видъ. Во время своего знаменитаго путешествія по Тавридѣ, Екатерина вторая, въ сопровожденіи князя Потемкина, посѣтила и Учанъ-су и долго любовалась этой живописной мѣстностью вновь завоеваннаго ею края. Евгеній Марковъ, одинъ изъ недавнихъ путешественниковъ по Крыму, слѣдующимъ образомъ описываетъ то впечатлѣніе, которое на него произвелъ Учанъ-су. «Еще издалека, говоритъ онъ гулъ, падающихъ водъ наполняетъ вашъ слухъ, и приковываетъ все вниманіе ваше; вблизи этотъ гулъ превращается въ немолчный ревъ. Дрожь стоитъ въ лѣсу, въ воздухѣ. Наконецъ послѣдніе ряды сосенъ разступились... вы очутились надъ обрывомъ. Съ недосягаемой высоты, изъ поднебесья, загороженнаго каменною стѣною скалъ, съ неистовымъ напоромъ несутся надъ самою головою вашею, массы водъ, темно-бурыя, вспѣненныя, только что вытопленныя солнцемъ изъ альпійскихъ снѣговъ Ялты; всею тяжкою массою своею онѣ рухаютъ съ обрыва гигантской стѣны, на одинъ уступъ, потомъ на другой и низвергаются, наконецъ, сплошнымъ полотномъ въ пропасть, надъ которою вы теперь стоите. Вы видите съ какою бѣшеною злостью онѣ клокочутъ и пляшутъ тамъ, зажатые камнями, или же, оторванныя грызутъ и треплютъ ихъ, и, вырвавшись, летятъ другъ черезъ друга, съ воемъ, съ плескомъ внизъ, къ морю, черезъ лѣсныя пропасти».

А. Невельской.

Выставка въ Филадельфіи.

(Павильонъ „женскаго труда“).

Въ № 11 «Нивы» за 1874 г. былъ помѣщенъ рисунокъ, представляющій «новое вавилонское столпотвореніе въ Филадельфіи», а въ № 44, за прошлый годъ, мы помѣстили видъ главной залы зданія этой выставки. Въ настоящемъ году въ № 4,—цѣлый рядъ рисунковъ разныхъ зданій на выставкѣ, а въ этомъ № нашего журнала представляемъ еще рисунокъ—видъ павильона «женскаго труда» на тойже всемірной выставкѣ въ Филадельфіи.

Американки обнаружили не менѣе мужчинъ, участіемъ своимъ въ всемірной выставкѣ 1876 года, глубокое пониманіе важности этого національнаго дѣла. Еще въ началѣ 1873 г., въ Филадельфіи организовался женскій центральный комитетъ изъ тринадцати дамъ, но число членовъ быстро росло, такъ что во всѣхъ штатахъ образовались комитеты, подчиненные главному, которые дѣятельностью своею и примѣрнымъ усердіемъ оказали этому «національному дѣлу» немаловажную помощь. Главный женскій комитетъ устраивалъ вечера, концерты, чтенія, на которые публика охотно шла, неся свои доллары, и такимъ образомъ, вскорѣ собрана была сумма въ 150,000 долл. Эти деньги немедленно были переданы въ полное распоряженіе финансоваго отдѣленія выставки. Однако, члены жен-

скаго комитета не удовольствовались этимъ и задумали соорудить собственное зданіе *исключительно* для женщинъ, «которое (по словамъ почтенной предсѣдательницы) служило-бы на выставкѣ помѣщеніемъ для издѣлій женскихъ рукъ, съ цѣлью воочію показать всему міру то, что уже сдѣлано женщинами, и доказать наглядно, что кругъ дѣятельности женщины не ограничивается *иголкой*». Въ сравнительно короткое время собрано было еще 30,000 дол., и вотъ, такимъ образомъ, возникъ «женскій павильонъ», двери котораго открыты только женщинамъ, желающимъ выставить свои труды—къ какой-бы области они не относились: промышленности, техники, искусства (живописи всѣхъ родовъ, ваянія, архитектуры). Этотъ отдѣлъ выставки обѣщаетъ быть однимъ изъ самыхъ интересныхъ и, можно сказать, изящныхъ... Въ самомъ дѣлѣ, что сравнится съ женскимъ вкусомъ? Гдѣ прошла рука женщины—тамъ, за рѣдкими исключеніями, все мило, хорошо, изящно и уютно!.. Павильонъ женскаго труда находится вблизи отдѣленія садоводства, у Бэльмонта-Авеню, и занимаетъ площадь въ 30,000 кв. ф. Онъ построенъ въ видѣ греческаго креста, обѣ пересѣкающіяся полосы котораго имѣютъ въ ширину каждая по 64 ф., а въ длину 192 ф. По угламъ оконечностей креста возведены маленькіе павильоны, центральный-же на 25 ф. выше остальныхъ частей зданія и увѣнчанъ обсерваторіей, украшенной высокимъ куполомъ. Вышина павильона—90 ф. Внутреннее убранство его представляетъ великолѣпный, даже величественный видъ: стѣны, напр., разукрашены аллегорическими группами, изображающими вѣру, надежду, любовь, геніевъ искуствъ, промышленности и т. д.

Выставка въ настоящее время, какъ извѣстно, уже открыта. Открытіе выставки происходило въ среду, 28 апрѣля (10 мая). Погода стояла блистательная. Небо прояснилось какъ разъ во-время, и церемонію освѣщали самые яркіе лучи солнца. На зарѣ раздались звуки колокола со «Зданія Независимости» (выстроеннаго для празднествъ, по случаю столѣтія независимости Соединенныхъ Штатовъ, 4-го іюля 1876 года), возвѣщая наступленіе торжественнаго дня. Немедленно, по телеграфу съ главной полицейской станціи, былъ данъ сигналъ начинать благовѣстъ во всѣ колокола города. Всѣ публичныя зданія разцвѣтились флагами всѣхъ націй; украшенія съ патріотическими аллегоріями повисли въ окнахъ и мачтами даже перекидывались черезъ улицы. Англійскій флагъ былъ въ особенности эффектенъ. «Зданіе Независимости», центръ интересовъ дня, было украшено 4,000 флаговъ. «Павильонъ», какъ разъ составляющій ему vis-à-vis, былъ украшенъ 200 флагами различныхъ націй, населяющихъ Соединенные Штаты.

Президентъ республики и прочіе члены вашингтонскаго кабинета, императоръ и императрица Бразиліи, равно какъ и большинство почетныхъ посѣтителей прибыли наканунѣ въ Филадельфію. Въ 10 часовъ вся Филадельфія была уже по дорогѣ къ зданію выставки. Въ 10 часовъ 30 минутъ процессія достигла главнаго зданія выставки, между которымъ и художественнымъ отдѣленіемъ были выстроены двѣ большія платформы: одна изъ нихъ для оффиціальныхъ лицъ и 2,000 приглашенныхъ гостей; (для императора и императрицы Бразиліи устроена была особенная ложа, рядомъ съ мѣстомъ для президента); на другой платформѣ помѣщался хоръ изъ 1,000 пѣвчихъ и оркестръ въ 160 человѣкъ музыкантовъ, подъ управленіемъ Теодора Томаса. Съ девяти часовъ стали пускать публику на мѣсто, окружающее зданія. Появленіе президента было привѣтствовано громкими кликами.

Послѣ рѣчи президента, объявившаго выставку открытою, оркестръ проигралъ юбилейный маршъ, сочиненный Рихардомъ Вагнеромъ, по заказу юбилейной коммисіи, заплатившей сочинителю за него 1,000 фунтовъ ст. Маршъ вызвалъ восторженныя рукоплесканія. Епископомъ Мэтью Симисономъ была произнесена молитва, за которой былъ исполненъ громаднымъ хоромъ въ 1,000 человѣкъ юбилейный гимнъ, написанный Уиттьеромъ.

При звукахъ генделевскаго хорала «Аллилуія!», матросы и морскіе офицеры, выстроясь шпалерой по дорогѣ, отдали честь президенту, императору, императрицѣ и всѣмъ почетнымъ посѣтителямъ, направившимся къ главному зданію; здѣсь президентъ и императоръ, положивъ одновременно руки на рычаги гигантскаго привода паровика Коллиса въ шестьсотъ лошадиныхъ силъ, повернули его и пустили въ ходъ весь безконечный рядъ машинъ выставки. Вообще выставка открыта въ гораздо лучшемъ видѣ, чѣмъ въ Парижѣ и Вѣнѣ.

Сербскій князь Кара-Георгій Петровичъ.

Георгій Петровичъ (кара или черный) родился въ селѣ Вышевцахъ, въ 1771 г., отъ одного поселянина, по имени Петронія и въ ранней молодости вмѣстѣ съ родителями жилъ въ Тополѣ, мѣстечкѣ, лежащемъ въ горахъ. Онъ участвовалъ въ первомъ возстаніи сербовъ, когда они, не дождавшись появленія австрійцевъ, еще въ 1787 году поднялись противъ турокъ. Это самое рѣшило его участь. Поставленный въ необходимость спасаться бѣгствомъ, онъ, въ то время 17-ти лѣтній юноша, собралъ все свое имущество и вмѣстѣ съ отцомъ, котораго не хотѣлъ оставить между турками, отправился на рѣку Саву. Старикъ, подобно многимъ другимъ тогдашнимъ сербамъ, всосавшимся, такъ сказать, въ угнетѣніе и рабство, лучше желалъ покориться туркамъ, и дорогою не разъ уговаривалъ сына воротиться домой. Уже Сава была недалеко, когда онъ снова началъ убѣждать Георгія, который не хотѣлъ и слышать о томъ; старикъ же хотѣлъ, во что бы то ни стало, поставить на своемъ. «Ну, такъ иди же ты одинъ, сказалъ старый Петроній, а я отправляюсь домой!» «Нѣтъ, воскликнулъ пылкій Георгій, я не потерплю, чтобы турки уморили тебя медленною смертью; лучше умри теперь отъ моей руки!» Онъ схватилъ пистолетъ, выстрѣлилъ въ отца, и не желая видѣть его предсмертныхъ содроганій, велѣлъ одному изъ товарищей добить его. Въ ближайшей деревнѣ онъ подарилъ поселянамъ свое стадо, сказавъ имъ: «Похороните моего старика, да выпейте за упокой его души!» и затѣмъ переправился на другой берегъ Савы.

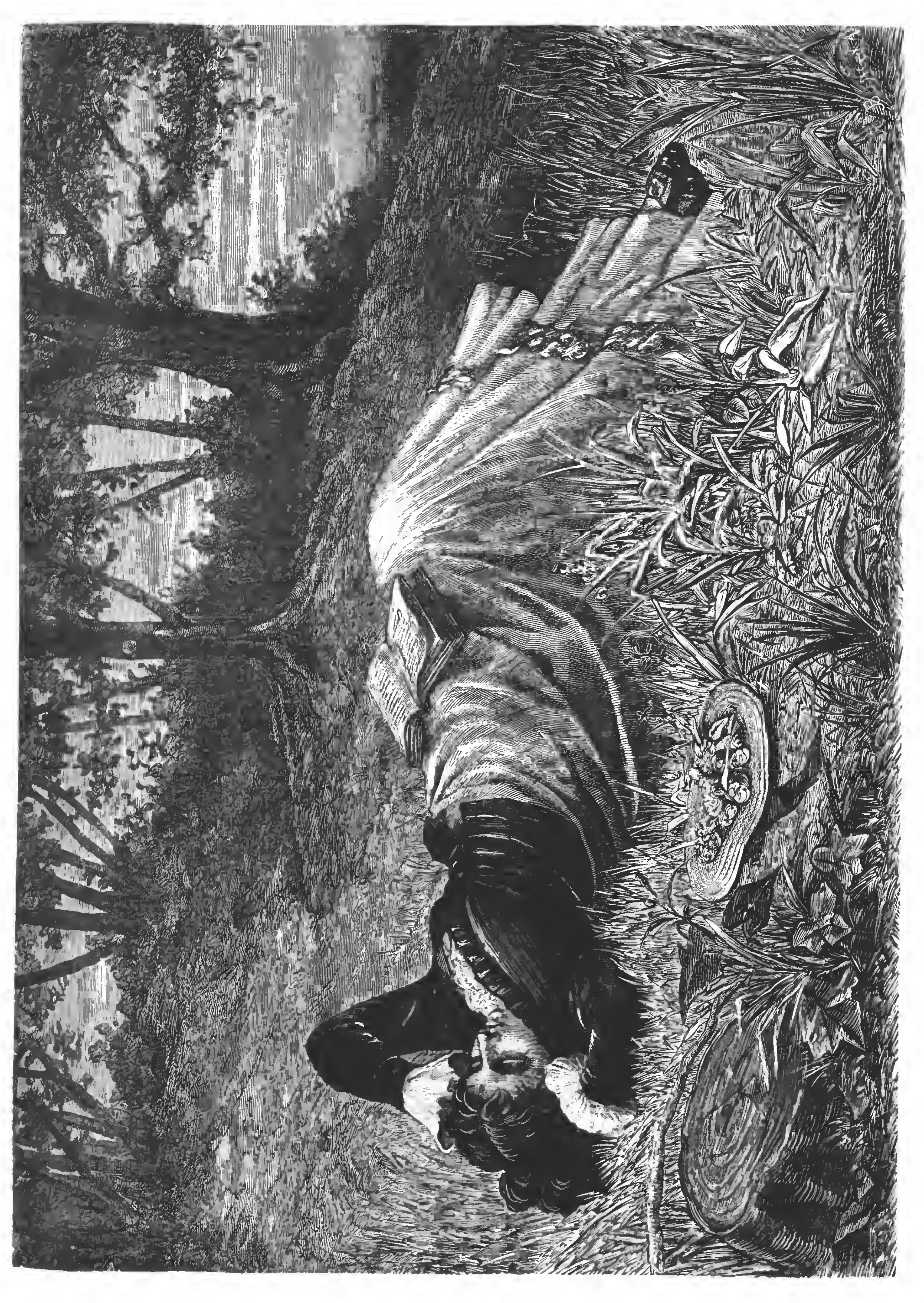
Этотъ поступокъ, совершенный имъ въ первыхъ лѣтахъ мужества, выдвинулъ его изъ обыкновенной колеи. Онъ возвратился въ Сербію фельдфебелемъ сербской національной арміи въ отрядѣ волонтеровъ; но, разсердившись на начальство, которое обошло его при раздачѣ медалей, ушелъ въ свои горы и сдѣлался гайдукомъ. Потомъ онъ помирился съ корпуснымъ полковникомъ Михалевичемъ, по заключеніи мира поселился въ Австріи, въ Крушедольскомъ монастырѣ и сторожилъ монастырскій лѣсъ. Но и въ Австріи ему не пожилось: услыхавъ о кроткомъ правленіи тогдашняго сербскаго бетербея Хаджи Мустафы, онъ возвратился на родину и началъ усердно заниматься прежнимъ своимъ промысломъ, свиноводствомъ. Этотъ промыселъ онъ покинулъ въ 1804 году, имѣя уже независимое состояніе, чтобъ стать во главѣ возстанія, результатомъ котораго было созданіе княжества сербскаго.

Георгій былъ человѣкъ необыкновенный. Часто, бывало, онъ просиживалъ цѣлые дни, не говоря ни слова и кусая себѣ ногти. Иногда онъ ничего не отвѣчалъ на вопросы и только покачивалъ головою. За виномъ онъ становился словоохотливъ, и развеселившись, даже пускался плясать «коло» (національный сербскій танецъ). Роскошь и внѣшній блескъ нисколько не привлекали его: на верху своего могущества онъ продолжалъ носить свои старые свѣтлосиніе шаровары, короткую истасканную шубку и всѣмъ сербамъ столь извѣстную черную шапку, хранящуюся нынѣ подъ стекломъ въ Бѣлградскомъ національномъ музеумѣ. Дочери его также не отличались отъ деревенскихъ дѣвушекъ и ходили съ ведрами за водою, въ то время, какъ отецъ ихъ, уже князь и александровскій кавалеръ, пожалованный отъ Русскаго Императора Александра 1, занимался государственными дѣлами въ сенатѣ, съ 12-ю сенаторами.

Въ Тополѣ (названіе его дачи подъ Бѣлградомъ) всякій счелъ бы Георгія за обыкновеннаго поселянина. Онъ работалъ съ своими «момками» (гвардейцами) въ лѣсу, спускалъ воду на мельницѣ, или ловилъ съ ними рыбу въ ручьѣ Асеницѣ. Онъ пахалъ и косилъ и однажды сломалъ свою серебряную александро-невскую звѣзду (съ которой никогда не разставался), набивая обручь на бочку. За то въ битвѣ Георгій былъ истиннымъ воиномъ. Сербы воодушевлялись, завидя его въ толпѣ его почетной стражи; узнать его было легко по необыкновенно высокому росту, сухощавому стану, широкимъ плечамъ, большому рубцу отъ сабельнаго удара вдоль всего лица, по маленькимъ, сверкающимъ глазамъ. Обыкновенно онъ слѣзалъ съ боеваго коня, любя ходить пѣшкомъ. Еще когда онъ былъ гайдукомъ, пуля исковеркала ему правую руку; но это не мѣшало ему отлично владѣть ружьемъ. Появленіе его пугало турокъ, потому что побѣда почиталась его спутницею.

Въ гражданскихъ дѣлахъ Георгій обнаруживалъ любовь къ порядку и письмоводству, хотя самъ не умѣлъ писать; хотѣлъ, чтобы дѣла шли своимъ чередомъ, но когда они слишкомъ тревожили его, то въ рѣшеніяхъ своихъ былъ скоръ и жестокъ. Единственный его братъ, надѣясь на него, много себѣ дозволялъ лишняго; Георгій все терпѣлъ; но когда братъ его обезчестилъ одну дѣвушку, и родственники ея начали громко жаловаться, говоря, что и турокъ прогнали за такія дѣла, Кара-Георгій разсвирѣпѣлъ, и какъ ни любилъ своего единственнаго меньшого брата, но велѣлъ повѣсить его на воротахъ дома обезчещенной имъ дѣвицы и запретилъ родной матери плакать о немъ.

Несмотря на свое добродушіе и честность, Георгій вѣрилъ, когда о комъ нибудь говорили ему дурное, хотя бы не задолго предъ тѣмъ и убѣжденъ былъ въ противномъ. Стоило только раздражить его, и тогда его гнѣвъ не зналъ предѣловъ. Въ такихъ случаяхъ онъ не щадилъ никого, и даже не призывалъ тѣлохранителей (момковъ), а самъ убивалъ на мѣстѣ своего противника. Такъ погибъ князь Теодосій, тотъ самый, которому онъ былъ обязанъ въ 1804 году своимъ саномъ и возвышеніемъ. Но опомнившись, онъ даже плакалъ и обыкновенно го-

Среди природы. Рисов. Медвѣдевъ, гравир. Г. Бонгъ.

варивалъ: «Суди того Богъ, кто затѣялъ ссору». Чувство мести было Георгію вовсе не знакомо, и, простивъ своего врага, онъ уже никогда больше не вспоминалъ о полученномъ имъ оскорбленіи.

Въ Кара-Георгіѣ есть много сходнаго съ народными героями сербскихъ пѣсенъ.

Онъ получилъ политическое значеніе, какъ представитель великой идеи освобожденія христіанскихъ народовъ отъ ненавистной власти Турокъ. Имя его сдѣлалось извѣстнымъ повсюду, чему отчасти способствовала даже самая его трагическая смерть отъ подкупнаго убійцы. Въ сербскихъ, и въ особенности въ Черногорскихъ пѣсняхъ, имя Кара-Георгія повторяется постоянно. Бывшій владыка Черногоріи, Петръ Петровичъ Нѣгушъ I, умѣвшій превосходно властвовать, былъ въ тоже время и поэтомъ, посвятившимъ перо свое всего болѣе воспѣванію великаго, какъ онъ выражается, «освободителя всего славянства». Походъ 1809 года, когда войска сербскія соединились съ войсками черногорскими, вполнѣ оправдалъ смыслъ всей народной поэзіи, воспѣвавшей имя безсмертнаго князя Сербіи, Кара-Георгія Петровича.

Съ 1812 по 1816 годъ Георгій находился вдали отъ всякой дѣятельности и жилъ въ Австріи и въ Бессарабіи, откуда тайное общество «гетеристовъ», создавшееся въ Европѣ, надѣясь на величайшій успѣхъ новаго возстанія противъ турокъ, отъ одного имени Кара-Георгія, вызвало его на театръ дѣятельности, при содѣйствіи нѣкоего сербскаго бояра Вунца, жившаго въ мѣстечкѣ Смедеровѣ, близъ Бессарабской границы. Вунцъ разыгрывалъ роль агента тайнаго европейскаго общества, цѣлью котораго было освобожденіе христіанъ и изгнаніе турокъ. Этотъ Вунцъ однако оказался измѣнникомъ, служившимъ тогдашнему мѣстному пашѣ съ усердіемъ вѣроломнаго агента деспотизма. По его приказанію одинъ изъ его тѣлохранителей умертвилъ Георгія, разрубивъ ему, спящему, топоромъ грудь. Сила крѣпкой натуры Кара-Георгія была такъ велика, что онъ, сраженный ударомъ, могъ еще обнажить до половины саблю, на рукояти которой и во снѣ постоянно покоилась его правая рука. Но герой не имѣлъ уже силы встать, кровь душила его и убійца отсѣкъ ему голову, которая потомъ и была бѣлградскимъ пашой, по обычаю, препровождена къ Султану. При этомъ нельзя не обратить вниманія на одинъ изъ эпизодовъ рисунка, изображающаго умерщвленіе Георгія Чернаго. Эпизодъ этотъ изображаетъ съ правой стороны, на далекомъ планѣ, одного человѣка, который упалъ, сраженный неожиданно другимъ, притаившимся въ кустахъ съ ружьемъ въ рукахъ. Это одинъ изъ вѣрныхъ слугъ Георгія, сопровождавшій его и теперь, въ поѣздкѣ его на мызу Вунца. Онъ случайно узналъ о намѣреніи послѣдняго умертвить Георгія и спѣшилъ къ нему на помощь; но за нимъ слѣдили и онъ палъ жертвою своей преданности и усердія близъ трупа своего господина.

Султанъ былъ въ восторгѣ, воображая, что со смертью Кара-Георгія настанутъ для него дни спокойствія, но изъ исторіи извѣстно, какъ непрочны были эти надежды падишаха. Новый князь, Милошъ Обреновичъ вскорѣ съумѣлъ такъ отмстить туркамъ смерть Кара-Георгія, своего знаменитаго предшественника въ дѣлѣ управленія Сербіею, что турецкое правительство, волею-неволею пошло на всевозможныя уступки и, при содѣйствіи Россіи, въ то время необыкновенно высоко стоявшей на политическомъ горизонтѣ всего просвѣщеннаго міра, заключило съ Сербіею миръ, выгодный и благотворный для послѣдней.

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

Кэта поблѣднѣла, но энергически затрясла головой.

— Нѣтъ и нѣтъ! И если ты мнѣ тысячу разъ повторишь это—не повѣрю тебѣ! Я скорѣе повѣрю чему угодно, только не этому. *Онъ* даже мысленно солгать не въ состояніи... Развѣ можетъ онъ хвастаться побѣдой, какъ какой нибудь хлыщеватый франтъ?.. Онъ, который... (Она вдругъ умолкла, какъ-бы испугавшись собственнаго страстнаго порыва)—Ты наклеветала на него и тогда, когда я въ первый разъ пріѣзжала сюда, прибавила Кэта болѣе спокойнымъ тономъ... Въ то время я не смѣла возражать тебѣ, хотя инстинктивно тотчасъже приняла его сторону, но теперь, когда я узнала его—я не потерплю, чтобы его такъ поносили... И *я* должна говорить тебѣ это?!. Это что-то такое невѣроятное!.. Какъ можешь ты оскорблять на каждомъ шагу честь человѣка, имя котораго сама-же будешь носить?..

Флора вздрогнула и недовѣрчиво посмотрѣла на сестру, словно не вѣря собственнымъ ушамъ.

— Одно изъ двухъ: или ты—отличная актриса, или тебѣ нужно разжевать, да въ ротъ положить „объясненіе въ любви“, чтобы ты раскусила его. Неужели въ самомъ дѣлѣ, ты *ничего* не знаешь? громко и дерзко спросила она засмѣявшись. Флора схватила обѣими руками Кэту за руку и оттолкнула ее отъ себя... Ха, ха, ха! Что-жь я, однако, говорю?.. Развѣ передъ этимъ ты не горячилась, не ратовала за него такъ, какъ будто готова была пожертвовать для него жизнью?..

Кэта повернулась и пошла къ двери.

— Не понимаю, зачѣмъ ты удержала меня здѣсь, проговорила она съ досадой.

— Ахъ, такъ ты не поняла меня? Должна-ли я высказаться прямѣе?.. Ну, хорошо, моя милая!.. Мнѣ хочется знать, о чемъ говорилъ съ тобой Брукъ вчера и сегодня?..

— Объ этомъ ты можешь сейчасъ узнать все, безъ утайки, отвѣтила Кэта:—Онъ старался заставить меня (а это было ему не легко сдѣлать) не надѣяться такъ смѣло на выздоровленіе больной... Онъ старался приготовить меня къ тому... (тутъ голосъ ея дрогнулъ и слезы заблестѣли въ глазахъ) ну, къ тому, что Генріэтта навсегда оставитъ насъ...

Флора молча, въ смущеніи, отошла къ окну; при всемъ своемъ самообожаніи она, можетъ быть, почувствовала въ эту минуту, что ей всегда приходилось играть далеко не похвальную роль относительно этихъ двухъ людей.

— Но, милочка, развѣ тебѣ самой давно не было это извѣстно? проговорила она глухимъ голосомъ.

— Развѣ ты не сознавала, что всѣ мы должны молить Бога, чтобы Онъ избавилъ бѣдную страдалицу отъ тяжкаго креста, ниспосланнаго ей свыше? (Флора неслышными шагами снова подошла къ молодой дѣвушкѣ). Постой! Ты можешь увѣрить меня, что вы *только объ этомъ* говорили другъ съ другомъ?...

Чувство невыразимаго презрѣнія шевельнулось въ душѣ Кэты. Она знала, что пошлая ревность Флоры—ревность женщины не любящей, тщеславной, наблюдающей тайкомъ за мужчиной только ради того, чтобы улавливать его на каждомъ словѣ.

— А ты полагаешь, что въ тѣ минуты, когда Брукъ долженъ явиться утѣшителемъ, поддержать бѣдную страдалицу—способенъ онъ думать о чемъ нибудь другомъ, интересоваться чѣмъ нибудь постороннимъ? отвѣтила Кэта серьезно, съ оттѣнкомъ укоризны... Нѣтъ, это невозможно! прибавила она:—Въ такое-то время, у постели, на которой умираетъ вѣрнѣйшій другъ его на землѣ—и думать о другомъ?!..

— Н-да, она любила его, сказала Флора холоднымъ тономъ.

При этихъ словахъ Кэта вспыхнула... Старшая сестрица наслаждалась дѣвическимъ смущеніемъ и тщетнымъ желаніемъ младшей сестры скрыть эту краску.

— О, да! Этотъ человѣкъ можетъ гордиться своимъ обаяніемъ... Вѣдь его обаятельная личность привлекаетъ къ себѣ сердца дѣвушекъ также неудержимо, какъ огонь мотыльковъ!.. А сколько смѣху будетъ, когда узнаютъ, что всѣ три дочери банкира Мангольда были

такими мотыльками относительно Брука... Постой, останься!..

Пока Кэта не отвернулась и не направилась къ двери, красавица говорила почти игривымъ тономъ, теперь же слова ея „постой, останься!“ прозвучали какъ-то дико, рѣзко... Молодая дѣвушка остановилась, какъ вкопанная, она боялась двинуться съ мѣста изъ опасенія, что крикъ можетъ повториться и испугать больную.

— Да-съ, и наша меньшая сестрица, прекрасная мельничиха, здоровячка, обладающая мужественной душой, тоже не устояла, тоже обожглась, продолжала Флора, снова впадая въ саркастическій тонъ.—О, ужъ, не желаешь-ли ты протестовать, сдѣлавъ такую упрямую мину?.. Это только жалкая попытка представиться гордой, оскорбленной!.. Ну, хорошо, — я повѣрю тебѣ; можешь оправдаться, если отречешься отъ словъ, которыя ты передъ тѣмъ съ такой неподражаемой выразительностью произнесла желая возвеличить Брука...

— Нѣтъ, ни одного слова своего не возьму я назадъ!..

— А!.. Видишь, грѣшная ты душа, ты всѣмъ существомъ своимъ отдалась преступной любви своей! Погляди-ка мнѣ въ глаза! Можешь ли ты сказать въ лицо своей обманутой сестрѣ „нѣтъ?“

Кэта подняла голову и бросила взглядъ на Флору черезъ плечо, а потомъ прикоснулась рукой къ ранѣ на лбу, которая вслѣдствіе первнаго возбужденія начала болѣть... Молодая дѣвушку сдѣлала это машинально; если бы рана грозила даже опасностью ея жизни—она въ эту минуту не обратила бы на это вниманія, потому что всѣ ея мысли и чувства были сосредоточены только на одномъ...

— Ты не имѣешь права задавать мнѣ подобные вопросы, произнесла она твердо, хотя въ голосѣ ея слышалось сильное волненіе;—я не обязана отвѣчать тебѣ. Ты назвала меня грѣшницей, говорила объ измѣнѣ.. Что-жъ, я и сама обвиняла себя въ этомъ, казнилась, пока *не поняла* того чувства, которое ты называешь преступнымъ...

— Вотъ какъ! Это, значитъ, самое откровенное признаніе... Кроткая улыбка заиграла на блѣдно-розовыхъ губахъ Кэты, просвѣтлѣло поблѣднѣвшее лицо ея, казавшееся въ эту минуту такимъ же бѣлымъ, какъ повязка на лбу.

— Да, Флора, это откровенное мое признаніе: вѣдь мнѣ нечего стыдиться и, если я призналась, то сдѣлала это ради нашего покойнаго отца... Уважая его память, я не хочу принимать на свою душу небывалаго грѣха:—*будто я посягнула на священныя права одной изъ моихъ сестеръ*. Мы не властны въ своихъ чувствахъ, мы можемъ отвѣчать только за ту власть, которую даемъ имъ надъ собой... Это узнала я послѣ безуспѣшной борьбы съ загадочной любовью, про которую говорятъ, что она родилась съ человѣкомъ, что она всегда жила въ немъ—только не была активной, находилась въ дремотномъ состояніи. И развѣ грѣшитъ человѣкъ, подходя съ благоговѣніемъ къ семейному очагу другаго? Развѣ грѣшно глядѣть и любоваться на величественное дерево, растущее въ саду сосѣда? Неужели и это грѣхъ, если я люблю безкорыстно, не требуя взаимности?.. Мнѣ ничего не нужно отъ васъ... Я никогда не буду помѣхой ни тебѣ, ни Бруку. Вы никогда не услышите обо мнѣ, да никогда и не вспомните меня. Какъ же могу я помѣшать вашему супружескому счастію, если буду любить *его* вѣчно, до могилы, если буду вѣрна ему, какъ нѣкоторыя личности бываютъ вѣрны своимъ милымъ усопшимъ...

Дерзкій смѣхъ заглушилъ слова Кэты.

— Ха, ха! Берегись, малютка, ты, пожалуй, въ порывѣ вдохновенія сейчасъ стихами заговоришь..

— Нѣтъ, Флора, ужъ это предоставляю тебѣ! Я не та, что была прежде... Чувства мои стали глубже, понятія шире, и именно съ тѣхъ поръ, какъ любовь закралась въ мою грудь.

Кэта сдѣлала нѣсколько шаговъ въ глубину комнаты и, проходя мимо вѣшалки, машинально дотронулась до висѣвшаго на ней подвѣнечнаго платья, которое, слегка зашуршавъ, вдругъ свалилось съ колышка. Молодая дѣвушка испугалась и сейчасъ-же нагнулась, чтобы поднять, но Флора концомъ ботинки презрительно отшвырнула его въ уголъ.

— Оставь эту тряпку, произнесла она рѣзко... Однако, вотъ видишь, даже мертвая матерія была возмущена, когда къ ней прикоснулось преступное существо...

— А себя... ты считаешь совершенно невинной, Флора? спросила Кэта быстро и порывисто дыша, потомъ, не дождавшись отвѣта, заговорила:

— Первое чувство, закравшееся въ мою душу, было состраданіе, невыразимое состраданіе къ благородному человѣку, котораго ты не поняла, съ которымъ ты на нашихъ глазахъ обращалась дурно... Отъ этого человѣка ты хотѣла освободиться во что бы то ни стало. Если все это не было тяжкой виной — зачѣмъ же ты просила тогда прощенія? Я видѣла тебя кающейся... Когда ты бросила кольцо въ рѣку...

— О, Боже мой! Кэта, да перестань ты говорить о призракѣ! Вѣдь это—игра твоего собственнаго воображенія, воскликнула Флора и на мгновеніе зажала уши обѣими руками, а потомъ, вздернувъ верхнюю губу, поднесла къ глазамъ молодой дѣвушки четвертый палецъ лѣвой руки своей.

— Ну, вотъ... вотъ, это кольцо! Могу тебя увѣрить, что оно настоящее... Буквы, вырѣзанныя на внутренней сторонѣ его—самое лучшее доказательство. Однако, чтобы покончить это дѣло, скажу тебѣ: вещица эта въ судьбѣ моей не играетъ теперь уже никакой роли... Колечко это для меня—просто только веревочка, посредствомъ которой можно управлять маріонеткой... То, что соединяло меня съ Брукомъ, уже не существуетъ... Мы—разошлись.

Кэта, пораженная, отшатнулась.

— Но... ты вѣдь и прежде добивалась—только безуспѣшно—этого разрыва, пробормотала она въ смущеніи, затаивъ дыханіе.

— Да, и прежде, въ то время, когда въ душѣ этого жалкаго человѣка была еще сила, теперь-же онъ превратился въ послушный воскъ.

— А онъ, Флора, освободилъ тебя?..

— Боже мой! Ну-да, если тебѣ *непремѣнно* хочется еще разъ услышать эту радостную вѣсть...

— Если такъ, то онъ никогда не любилъ тебя... По какой нибудь другой причинѣ Брукъ настаивалъ тогда на своихъ правахъ.. Слава Богу, теперь онъ еще можетъ быть счастливъ!..

— Ты такъ думаешь? Но вѣдь я еще жива, сказала Флора и стиснула руку молодой дѣвушки, причемъ ея выразительный, демоническій взглядъ впился въ ясные, каріе глаза Кэты.—Я *никогда* не прощу ему, не забуду того часа, когда онъ заставилъ меня напрасно молить о возвращеніи мнѣ свободы. Теперь онъ долженъ почувствовать, каково бываетъ человѣку, когда у него вырываютъ изъ рукъ кубокъ съ желаннымъ напиткомъ—вырываютъ въ ту самую минуту, когда онъ поднесъ его уже къ губамъ!.. И я не отдамъ ему кольца, если бы даже онъ ухватился за него зубами!!.

— Поддѣльнаго кольца...

— А ты можешь доказать это, малютка? Гдѣ же свидѣтели?... Меня не смутитъ недоказанное обвиненіе,—вѣдь не даромъ же говорятъ про меня, что во мнѣ сидитъ геній юриста... Впрочемъ, ты можешь успокоиться. Я не на столько безчеловѣчна, чтобы запретить бывшему моему жениху жениться: онъ можетъ обвѣнчаться хоть завтра, если это ему угодно, но, само собой разумѣется, съ *нелюбимой женщиной*... Я ничего

не имѣю противъ такого брака... Я буду слѣдить за малѣйшими, неосторожными проявленіями его чувства, и—горе ему, если поймаю его на дорожкѣ, которая ведетъ его не туда, куда по моимъ планамъ надлежитъ ему идти!..

Флора подняла померанцевую вѣточку (ихъ много валялось на полу) и стала вертѣть ее. Что-то хищное было въ позѣ этой женщины, похожей на красиваго плотояднаго звѣря, алчно обнюхивающаго свою жертву.

— Ну, Кэта, и такъ, ты любишь его... Не желаешь ли походатайствовать за него—а? заговорила она снова, подчеркивая каждое слово.—Видишь-ли, счастье его въ моихъ рукахъ; я, смотря по желанію, могу раздавить его, могу и воскресить. Такая власть, конечно, для меня неоцѣненна, но—я едва могу устоять противъ искушенія отказаться отъ этой власти единственно для того, чтобы испытать, насколько тверда и непоколебима восхваляемая, такъ называемая, истинная любовь.. Положимъ, что я отдала бы тебѣ это кольцо съ правомъ распоряжаться имъ, какъ тебѣ угодно... Пойми меня хорошенько: *лично* я отказалась бы тогда отъ всякаго права вмѣшиваться... была ли бы ты согласна подчиниться любому условію съ моей стороны для того, что бы освободить Брука, предоставить ему свободный выборъ?..

Кэта невольно скрестила руки и прижала ихъ къ порывисто поднимавшейся груди... Видно было, что въ этой юной душѣ шла теперь тяжелая, страшная борьба.

— Хорошо... Принимаю любое условіе, даже самое тяжкое, если могу этимъ освободить Брука изъ сѣтей твоихъ, проговорила она наконецъ глухимъ голосомъ, но рѣшительнымъ тономъ.

— Не торопись такъ, дитя мое! Вѣдь принесеніе подобной жертвы можетъ легко уничтожить твое собственное счастье...

Кэта молчала, и опять правая рука ея прикоснулась къ больному лбу. Видно было, что юношеская отвага, самонадѣянность, вѣра въ конечную побѣду надъ собой—покидали эту сильную дѣвушку... Одна только воля оставалась непреклонной, неизмѣнной.

— Я знаю, чего хочу; мнѣ нечего раздумывать, сказала она

Флора прильнула лицомъ къ померанцовой вѣткѣ, какъ бы вдыхая ароматъ искусственныхъ цвѣтовъ.

— Ну, а если *онъ*—хотя бы для того, чтобы страшно унизить меня—сдѣлаетъ предложеніе тебѣ самой? спросила она, прищуривъ глаза.

При этихъ словахъ Кэта почти замерла.

— Этого онъ не сдѣлаетъ... Я никогда не была ему симпатична.

— Это такъ, совершенно вѣрно. *Предположимъ*, однако, что онъ скажетъ, что любитъ тебя, тогда вѣдь залогъ его свободы окажется въ очень ненадежныхъ рукахъ... Какъ ты думаешь?.. Въ одинъ прекрасный день посватается онъ за любимую дѣвушку, а она будетъ не въ силахъ отказать ему—и вотъ, мнѣ, обладающей неоспоримымъ правомъ, придется быть свидѣтельницей этого!.. О, нѣтъ, пусть колечко мое и останется у меня!..

— Господи! Да неужели же сестра можетъ подвергать сестру такой страшной пыткѣ? воскликнула Кэта въ негодованіи. Слушай: именно теперь, вотъ въ эту минуту, когда весь твой безграничный эгоизмъ, твое сердце, не знающее состраданія, твоя непреодолимая страсть къ интригѣ обнаруживаются во всемъ своемъ блескѣ—именно теперь-то чувствую я особенно сильно, что должна во что бы то ни стало избавить Брука отъ вампира, жаждущаго его крови... Нѣтъ, ты *не должна* имѣть надъ нимъ власти!.. Пусть онъ начнетъ новую жизнь... У своего семейнаго очага онъ успокоится и будетъ наслаждаться счастьемъ, котораго ему никогда не найти въ пустой, свѣтской жизни, рядомъ съ безсердечной, тщеславной женой ..

— Очень благодарна за такое лестное мнѣніе обо мнѣ! Но... ты слишкомъ горячо желаешь ему счастья, а потому я боюсь ввѣрить тебѣ мою драгоцѣнность...

— Дай кольцо!.. Ты можешь быть спокойна.

— Постой... Ну, а если-бы онъ въ самомъ дѣлѣ искренно любилъ тебя?..

Губы молодой дѣвушки судорожно подергивались — такія невыразимыя муки претерпѣвала она въ эти минуты... Ломая въ отчаяніи руки, Кэта осталась все-таки твердой, непоколебимой.

— Если бы это было и такъ... Что-жь, вѣдь я не такая ужь рѣдкость... Какъ легко будетъ ему найти дѣвушку лучше меня!.. Горькій опытъ спасетъ его отъ вторичной ошибки. Ну, давай кольцо! Хоть я и знаю, что оно *поддѣльное*, что, на самомъ дѣлѣ, съ нимъ не связано и тѣни какого бы то ни было права—все равно: отдай!.. Я обѣщаю тебѣ смотрѣть на него какъ на настоящее, которое покоится теперь въ рѣкѣ... Да, какъ *на настоящее*, потому что, не взирая на все, это колечко будетъ служить мнѣ ручательствомъ въ томъ, что Брукъ будетъ свободенъ отъ тебя.

— На сколько я тебя знаю, я могу разсчитывать, что ты будешь настолько честна, чтобы никогда не воспользоваться имъ *для себя*, проговорила Флора выразительно, снимая съ пальца кольцо.

Легкая дрожь пробѣжала по тѣлу Кэты, когда золотая „драгоцѣнность“ очутилась на ея ладони; затѣмъ пальцы ея судорожно сжали колечко, и въ то же время горькая, презрительная улыбка мелькнула на губахъ дѣвушки... Кэта была слишкомъ горда, чтобы еще разъ обѣщать сестрѣ то, что уже обѣщано.

— Ну, что-жь ты? почти воскликнула въ тревогѣ Флора.

Въ эту самую минуту, когда Кэта переступила порогъ комнаты, на верхней ступенькѣ противоположной лѣстницы показался докторъ Брукъ. Быстрымъ взглядомъ окинулъ онъ двѣ женскія фигуры... Одна стояла посреди комнаты — такая гордая, торжествующая, съ холодной усмѣшкой поглядывавшая ему въ глаза другая—уходила... И онъ видѣлъ, какъ раскраснѣвшаяся молодая дѣвушка чуть не упала при взглядѣ на него... Недоумѣвая, что бы это значило, Брукъ поспѣшилъ къ ослабѣвшей Кэтѣ, и, не долго думая, смѣло обнялъ ее...

Дверь за ними захлопнулась—и хорошо знакомый имъ тихій смѣхъ послышался за этой дверью.

XXVIII.

Послѣ обѣда нагрянула буря, которую предвѣщали носившіеся, какъ чайки, около дома слухи о пріѣздѣ незванныхъ гостей—и дѣйствительно: пріѣхали судейскіе. Съ самаго утра готовились къ оффиціальной описи, наложенію печатей запрещенія и, все таки, появленіе этихъ господъ у подъѣзда виллы было для всѣхъ живущихъ на ней громовымъ ударомъ. „Судейскіе“ явились слишкомъ рано. Лакеи не успѣли еще перетащить съ чердака въ главный корридоръ старомодныхъ столовъ и комодовъ изъ краснаго дерева, принадлежавшихъ президентшѣ, дивановъ, стульевъ, запыленныхъ съ разорванной обивкой; ящики, съ уложеннымъ въ нихъ приданымъ Флоры, стояли еще на верху въ ожиданіи подводъ; въ кладовыхъ и въ винномъ погребѣ оставалась еще изрядная батарея неоткупоренныхъ бутылокъ съ различными питіями.

Президентша гордо и важно удалилась въ свою спальню—она не хотѣла видѣть „судейскихъ“... Какъ ни были эти послѣдніе вѣжливы и почтительны — они все таки не могли надлежащимъ образомъ обратить вниманіе на нервные припадки почтенной дамы; господа эти должны были спросить: составляетъ ли убранство этой спальни собственность президентши? Полу-

Водопадъ Учанъ-Су, въ Крыму. Съ фотографіи, гравир. Халупа.

чивъ отрицательный отвѣтъ, имъ пришлось попросить ее перейти на время въ другую, пустую комнату, потому что эта спальня *должна быть запечатана*... И вотъ, старая мебель была перенесена въ небольшую, хорошенькую комнату, старыя перины провѣтрены и уложены на кровать, покрытую полинялымъ, коричневымъ шелковымъ одѣяломъ, много лѣтъ уже не попадавшимся на глаза президентши... При видѣ этого одѣяла дрожь отвращенія пробѣжала по ея тѣлу. Горничная старалась прибрать комнатку какъ можно красивѣе и уютнѣе; она разставила на цвѣточномъ столикѣ у окна лиственныя растенія, добытыя ею изъ зимняго сада, кромѣ того успѣла захватить изъ прежней спальни самыя любимыя и необходимыя для ея избалованной госпожи вещи, однако же почтенная дама и не замѣтила, какъ старалась ея камеристка: генеральша сидѣла у окна и смотрѣла въ паркъ на павильонъ, украшенный новой блестящей крышей, которая виднѣлась изъ-за рощицы.

Это когда-то столь страшное, столь ненавистное „вдовье жилище" стало теперь для нея настоящимъ волшебнымъ маленькимъ замкомъ. Сквозь листву клена были видны богатыя кружевныя занавѣси за зеркальными стеклами углового окна; все блестѣло тамъ новизною: гладкій паркетъ, элегантная мебель, живопись на потолкахъ, люстры въ салонахъ; даже кухня была снабжена съ избыткомъ всѣмъ нужнымъ... И эта-то „дорогая игрушка" должна была принадлежать ей до конца ея жизни, а она, президентша, съ презрѣніемъ оттолкнула тогда эту игрушку изъ одного страха, что это отдалитъ ее отъ веселой жизни въ домѣ коммерціи совѣтника... Что же теперь-то, теперь?..

Между тѣмъ Флора отстаивала свое добро, но, не смотря на всѣ доводы ея и, наконецъ, даже на ссылку на свидѣтельство прислуги, желаннаго результата не получилось, ибо ей вѣжливо, но рѣшительно отвѣчали, что фрейлейнъ Мангольдъ можетъ *потомъ* требовать свои вещи, въ настоящую же минуту все должно быть опечатано. Бѣготня взадъ и впередъ по лѣстницамъ продолжалась нѣсколько часовъ. Кадки и горшки съ цвѣтами, украшавшіе виллу, были отнесены въ оранжереи; слышно было, какъ щелкали замки то въ одной, то въ другой комнатѣ, ставни запирались—даже страшно становилось при видѣ того, какъ вслѣдъ за исполнителями закона въ домѣ воцарялись мракъ и безмолвіе. Среди всей этой суматохи слышались брань и проклятія прислуги, которая теперь уже не стѣснялась и громко заявляла свои сѣтованія на задержку жалованья, собираясь покинуть домъ, гдѣ все было уже подъ замкомъ... Остался только садовникъ, который и былъ водворенъ въ лакейской.

Во время всей этой суматохи, всеобщаго смятенія, на верху, въ бэль-этажѣ, одна душа человѣческая, душа дѣвушки, расправляла уже крылья, чтобы послѣ многолѣтней, упорной борьбы разстаться тихо, покорно съ своей бренной оболочкой—больнымъ тѣломъ.

„Судейскіе" не заглянули въ комнаты Генріэтты—тамъ все принадлежало ей. Въ бэль-этажѣ старались не шумѣть, даже ходили осторожно, такимъ образомъ больную никакой шумъ не потревожилъ. Въ открытое окно Генріэтта видѣла только розовое небо да бѣлокрылыхъ ласточекъ, носившихся серебристыми стрѣлами подъ розовыми вечерними облаками... Птички готовились къ перелету, а потому видимо были встревожены. Вчера еще запахъ дыма, доносившійся со стороны руины, и отдаленный шумъ привлекали вниманіе больной; мысли ея безпрестанно блуждали около мѣста катастрофы, гдѣ подъ обрушившимися стѣнами погибъ „неосторожный", котораго она, не смотря на его слабости и недостатки, любила, какъ брата... Сегодня ничто уже не нарушало торжественной тишины угасающаго дня и не тревожило угасающей недолгой дѣвичьей жизни...

Докторъ сидѣлъ у постели Генріэтты. Онъ видѣлъ, какъ смерть налагала свою печать на это умное, выразительное лицо; пульсъ больной слабѣлъ, промежутки между ударами становились больше...

— Фло—ра, прошептала Генріэтта и выразительно посмотрѣла на Брука.

— Позвать ее? спросилъ онъ, приподнимаясь, чтобы сходить за Флорой.

Генріэтта отрицательно покачала головой.

— Ты не сердись на меня за то, что я желаю остаться наединѣ съ тобой и Кэтой, пока... (она не договорила и начала считать ослабѣвшими пальчиками поблекшіе виноградные листочки, лежавшіе на ея одѣялѣ). Я хочу избавить ее отъ послѣдняго свиданія со мной, и она будетъ благодарна мнѣ за это (саркастическая улыбка въ послѣдній разъ мелькнула на ея губахъ). Она терпѣть не можетъ трогательныхъ сценъ... Ну, Лео, передай ей только мой поклонъ...

Брукъ молча наклонилъ голову. Возлѣ него стояла Кэта. Сильно билось сердце въ ея груди... Умирающая, ничего не подозрѣвая, намекала на тѣ отношенія, которыя уже не существовали... Узнаетъ ли она еще всю правду? Кэта робко заглянула въ лицо доктора—оно было серьезно и покойно... Да, отходящую въ лучшій міръ не слѣдовало волновать, тревожить неожиданною вѣстью, а приготовить ее къ такому факту уже не было времени; *смерть стояла у изголовья.*

Генріэтта устремила свой взоръ въ небеса.

— О, какъ тамъ чудесно! Какой прозрачный, розовый цвѣтъ! Какое наслажденіе для освобожденной души окунуться въ эти волны эфира, пролепетала она съ чувствомъ... А можно ли увидѣть оттуда, что дѣлается на землѣ?.. Только на одно хотѣла бы я поглядѣть... (Она съ трудомъ повернула голову и въ первый разъ поглядѣла на Брука съ выраженіемъ безпредѣльной любви). Будешь ли ты счастливъ, Лео? Увидя тебя счастливымъ, я бы исчезла тогда въ безконечномъ пространствѣ...

Робкая, сдержанная дѣвушка даже въ предсмертный часъ свой не рѣшилась проговорить: „Я должна это знать для своего успокоенія, потому что я любила тебя всѣмъ существомъ своимъ!"...

Лицо Брука вдругъ просвѣтлѣло.

— Все измѣнилось къ лучшему для меня, счастье мнѣ улыбнулось, Генріэтта, сказалъ онъ съ чувствомъ. Я могу льстить себя надеждой, что совершу жизненный путь не одинокимъ и скорбящимъ... Скажу смѣлѣе: я *знаю*, что пробьетъ часъ, и осуществится моя мечта объ истинномъ счастьи... Довольна ты этимъ, сестра моя?... Онъ поцѣловалъ тонкую, похолодѣвшую руку, которую держалъ въ своей, и прибавилъ: благодарю тебя!

Нѣжный, какъ вечерняя заря, румянецъ показался на мгновеніе на щекахъ умирающей; съ выраженіемъ тихаго счастья она невольно перевела свой взглядъ на Кэту, которая стояла облокотившись правой рукой на кресло Брука. Кэта очевидно боролась съ какимъ-то скорбнымъ, подавляющимъ ощущеніемъ, но въ то же время лицо ея выражало и смущеніе, и удивленіе. При видѣ молодой дѣвушки, чувства грусти и состраданія овладѣли Генріэттой.

— Взгляни на мою Кэту, Брукъ! заговорила умирающая тихимъ, прерывающимся голосомъ. Позволь мнѣ высказать теперь то, что всегда тяготило и печалило меня... Ты былъ къ ней всегда такъ холоденъ и, однажды, даже жестокъ до грубости, а вѣдь никто... никто не сравнится съ ней! Лео, я никогда не могла понять твоего предубѣжденія... О, будь добръ къ ней... Не покидай ее...

— Не покину!.. Никогда!.. До гробовой доски! Умру

—и тогда не оставлю ее! подхватилъ Брукъ, едва сдерживая бурный порывъ своего сердца.

— Ну... теперь... все хорошо... Я знаю, если ты будешь вѣренъ ей, то моя крѣпкая, славная Кэта всегда будетъ облегчать твое сердце отъ всѣхъ невзгодъ.

— Какъ вѣрная *сестра*, какою онъ можетъ считать меня съ этой минуты, добавила Кэта полушопотомъ.

Неземная улыбка блуждала на губахъ Генріэтты; больная лежала съ закрытыми глазами. Она не видѣла, что ея „крѣпкая, славная" сестра дрожала, какъ въ лихорадкѣ, что она отвернулась и оттолкнула руку доктора, которую онъ протянулъ ей, оттолкнула, какъ бы считая непозволительнымъ даже пожать ее...

Исчезла улыбка, и умирающая прохрипѣла:

— Кланяйся бабушкѣ... Теперь я хочу покоя... Лео!.. покоя, во что бы то ни стало... Слышишь?.. прошептала она боязливо.

— Черезъ десять минутъ ты уснешь, Генріэтта, отвѣтилъ Брукъ успокоивающимъ тономъ. Онъ положилъ ея руку на одѣяло и, привставъ, просунулъ свою подъ подушку. Такъ покоилась она, какъ дитя у его груди... Блаженная смерть!

Прошло десять минутъ. Больная спала. Виноградные листочки тихо шуршали у окна, какъ бы отъ нѣжнаго дуновенія вѣтерка, а розовое небо *тамъ*—на верху, куда стремилась дѣвственная душа, внезапно вспыхнуло яркимъ заревомъ... Маленькая, бойкая птичка вдругъ появилась на подоконникѣ и тихонько защебетала, глядя въ послѣдній разъ на восковое личико дѣвушки.

Но вотъ, наконецъ, и въ комнатѣ Генріэтты уже съ шумомъ заперли ставни. . Ихъ откроютъ тогда, когда явятся какіе нибудь новые хозяева виллы коммерціи совѣтника.

Явилась президентша, согбенная, удрученная, какъ будто старость, долго подстерегавшая ее, теперь свирѣпо вцѣпилась въ нее своими когтями. Бѣлое газовое облако снова прикрывало ея подбородокъ и шею: она сбросила черный креповый чепчикъ, сказавъ, что „по мошенникѣ не носятъ траура". Почтенная дама подошла къ кровати и—легкая судорога искривила ея губы, когда она взглянула на покойное, мертвое личико внучки.

Флора пришла и ушла, не сказавъ ни слова: (Кэта и Брукъ *не существовали* для нея)... Она поцѣловала въ лобъ покойную сестру и, закинувъ голову, направилась къ той самой двери, черезъ которую вошла. На порогѣ она остановилась, но не повернула головы и даже не взглянула въ ту сторону, гдѣ стоялъ д-ръ Брукъ, который серьезнымъ, строго-торжественнымъ тономъ передалъ ей поклонъ усопшей. Красавица только кивнула головой и вышла, шурша шлейфомъ. Она отправилась внизъ за шляпой и плащемъ, намѣреваясь уйти въ ближайшій отель, гдѣ уже успѣла нанять комнаты для себя и президентши. Никому изъ членовъ семейства Мангольдъ, даже покойницѣ, не слѣдовало оставаться долѣе подъ кровлей преступника—Морица Рэмера.

Когда, съ наступленіемъ вечера, тѣло Генріэтты было вынесено, тогда и послѣднія комнаты въ бель-этажѣ заперли. Кэта и докторъ сошли съ лѣстницы. Какъ отчетливо раздавались ихъ шаги въ безмолвномъ, опустѣломъ домѣ! Садовникъ несъ впереди ихъ небольшую лампу, и какъ призрачно мерцалъ свѣтъ ея на стѣнахъ сѣней и корридоровъ,—этихъ безмолвныхъ свидѣтелей безумно-роскошной жизни въ золотые дни на виллѣ.

(Продолженіе будетъ).

Политическое обозрѣніе.

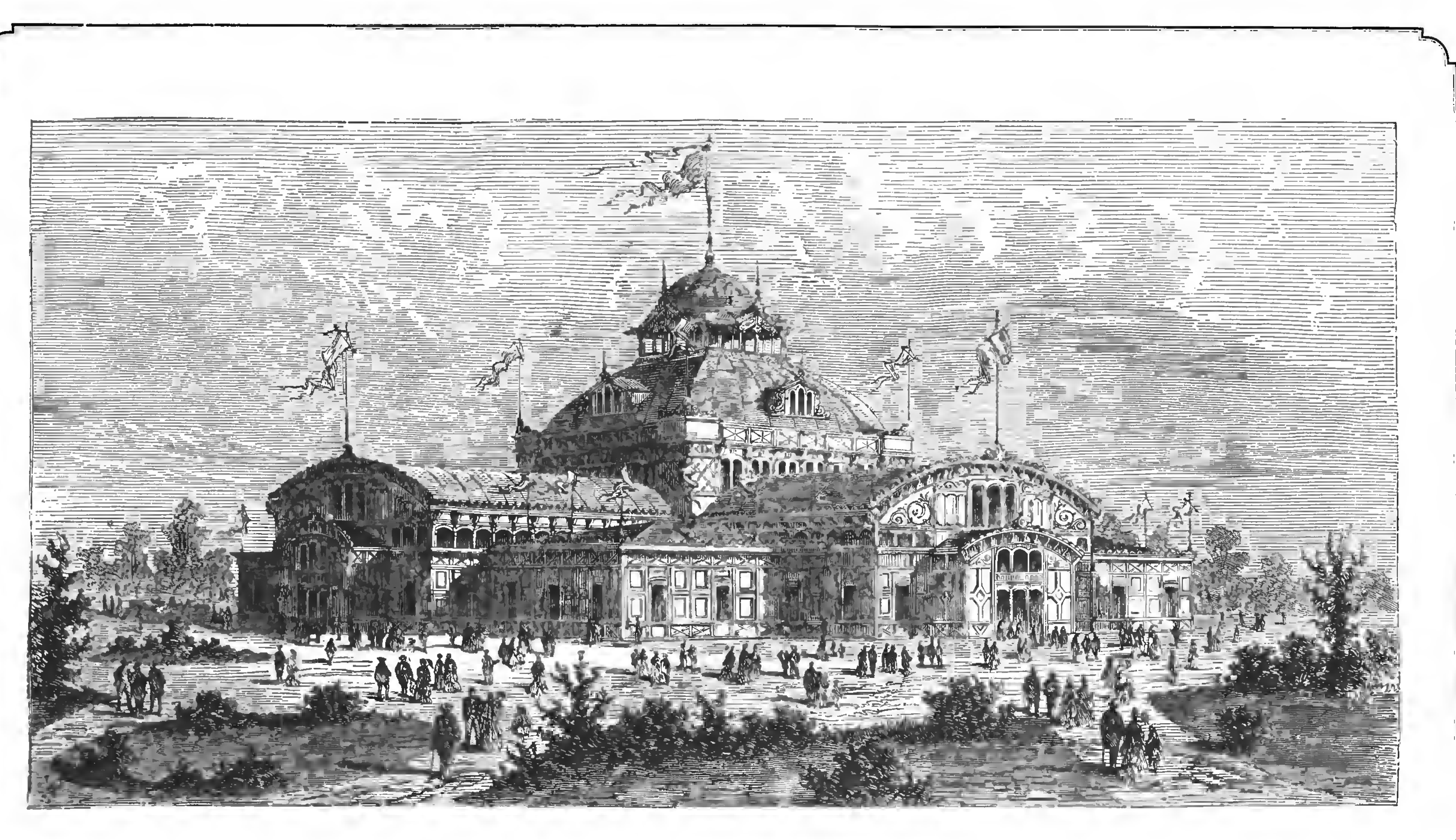
Султанъ Абдулъ-Азисъ не многимъ пережилъ свое низложеніе—онъ умеръ нѣсколько дней спустя послѣ катастрофы, «лишивъ себя жизни въ припадкѣ умопомѣшательства», какъ гласятъ оффиціальныя извѣстія изъ Константинополя. Мы не будемъ останавливаться надъ этимъ фактомъ, ограничиваясь лишь замѣчаніемъ, что событія во всей своей истинности рѣдко извѣстны современникамъ—будущее, не справляясь съ оффиціальными отчетами, и даже съ протоколомъ, подписаннымъ 19 врачами (какъ сказано въ оффиціальной депешѣ изъ Константинополя), разъяснитъ, конечно, вполнѣ фактъ «самоубійства» Абдулъ-Азиса. Новый султанъ издалъ уже свой ираде, которымъ, даруетъ амнистію политическимъ преступникамъ, т. е. герцеговинскимъ и боснійскимъ инсургентамъ, а также перемиріе на 6 недѣль, съ цѣлью «дать имъ время изъявить покорность и представить свои жалобы и требованія мѣстнымъ властямъ».

Чѣмъ отвѣтятъ на это возставшіе славяне—полагаемъ, отгадать не трудно. Пользуемся случаемъ, чтобы напомнить читателямъ мнѣніе, высказанное нами нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Мы говорили тогда, что дѣло освобожденія славянъ, проходя различные фазисы, неизбѣжно дойдетъ до конца, желаннаго инсургентами, не щадящими, въ виду своей цѣли, ни крови, ни имущества. Если еще, пока, мы не видимъ, чтобы ожиданія и надежды ихъ осуществились уже, то, съ другой стороны, вся европейская печать (и между прочимъ «Times»—вѣрный отголосокъ общественнаго мнѣнія Англіи), значительнѣйшая часть которой высказывалась противъ самостоятельности возставшихъ провинцій, эта печать, въ одинъ голосъ, твердитъ только одно—о необходимости предоставить имъ автономію, независимость.

Истинныя въ этомъ отношеніи намѣренія Мурада V неизвѣстны еще. Неизвѣстно пока еще и то, насколько онъ будетъ имѣть возможности обнаружить эти намѣренія, насколько, въ дѣлахъ управленія, будетъ руководиться собственными побужденіями. Всѣ извѣстія по этому предмету, надо сказать правду, довольно сбивчивы. Если его возвела на престолъ партія духовенства, фанатиковъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, о немъ говорятъ, что онъ пользуется репутаціей просвѣщеннаго человѣка, человѣка, чувствующаго большую склонность къ европейцамъ и цивилизаціи. Далѣе говорилось, что возведеніе его на тронъ падишаховъ обусловлено дарованіемъ народу «представительства». Все это не даетъ яснаго понятія объ истинномъ значеніи Мурада, какъ государя, не объясняетъ вполнѣ опредѣленно—самостоятельный ли онъ повелитель правовѣрныхъ, или только орудіе партій.

Что касается до Черногоріи и Сербіи, то настроеніе, господствующее въ первомъ княжествѣ, трудно опредѣлить съ точностью. Вообще, оно представляетъ какъ бы смѣсь стремленія къ дѣйствію съ дипломатическою осторожностью, къ чему присоединяется еще недовольство медленнымъ ходомъ событій. Но во всякомъ случаѣ, въ положеніи обоихъ княжествъ, весьма понятно, можно видѣть большое сходство. Утверждаютъ, что князь Николай, чрезъ посредство Петровича, далъ понять державамъ, совѣщавшимся въ Берлинѣ, что онъ долженъ будетъ принять участіе въ возстаніи, если только замедлится умиротвореніе возставшихъ провинцій. Въ признакахъ приготовленій къ войнѣ и ожиданій ея недостатка нѣтъ. Такъ, княгиня Милена, супруга князя Черногорскаго, отправившаяся, какъ извѣстно, на морскія купанья въ Кантіаро, сказала собравшемуся провожать ее народу: «Какъ только начнется война, я возвращусь сюда—мѣсто мое будетъ тогда рядомъ съ сражающимся супругомъ».

Далѣе, княжеское правительство поглощено заботой о закупкѣ провіанта. Изъ Тріеста доставлено въ Цетинью довольно значительное количество провіанта. Сербскіе торговые дома въ Тріестѣ отпускаютъ пшеницу въ кредитъ. Уплатить же часть расходовъ по вооруженію обязалась, какъ слышно, Сербія. Въ Цетиньи оказываютъ большое уваженіе племени мирндитовъ. Повидимому, послѣдніе не прочь вступить въ тѣсный союзъ съ Черногоріей. По крайней мѣрѣ, въ столицѣ княжества часто бываетъ одинъ глава миридитовъ изъ поколѣнія Дода, который, кажется, ведетъ переговоры съ княземъ Николаемъ. Племя миридитовъ, исповѣдующее католическую религію, населяетъ около 50 селъ и соперничать съ нимъ въ воинственности могутъ, во всей Турціи, только родственные ему арнауты. Въ случаѣ войны, князь Николай намѣренъ раздѣлить всю черногорскую армію на 2 части. Одна будетъ расположена близъ Подгорицы, чтобы отражать наступленіе турокъ, другая же пойдетъ на помощь герцоговинскимъ инсургентамъ и постарается установить сообщеніе съ сербскими войсками близъ Новаго Базара. Объ отношеніи Сербіи къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ, намъ, какъ мы уже сказали выше, придется повторить тоже самое, что мы говорили о Черногоріи. Князь Миланъ (такъ телеграфируютъ газетѣ «Daily Telegraph») заявилъ еще энергичнѣе о необходимости для него присоединиться къ дѣлу славянъ: онъ объявилъ консуламъ о принятомъ имъ рѣшеніи адресовать державамъ ноту, въ которой объясняетъ, что Сербіи не остается иного выбора, какъ стать во главѣ возмущенія,

Выставка въ Филадельфіи. Павильонъ женскаго труда. Съ фотогр. грав. на деревѣ.

Смерть Сербскаго князя Кара-Георгія Петровича. Рис. и грав. Яде.

или же погибнуть. Сообщеніе этой ноты замедлилось вслѣдствіе трудности опредѣлить положеніе Черногоріи, но, въ настоящую минуту, этотъ вопросъ уже разрѣшенъ. Сербскія войска (5 тысячъ регулярныхъ, 125 тысячъ милиціи—дѣйствующихъ и 160 тысячъ—прикрытіе страны) продолжаютъ движеніе къ границамъ и недавно изъ Бѣлграда, въ присутствіи князя Милана и генерала Черняева выступили піонеры и часть военнаго обоза Бѣлградскаго округа.

Библіографія.

«Общественная и домашняя жизнь животныхъ». *Сатирическіе очерки, иллюстрированные 158 рисунками Гранвиля. СПБ. 1876 г., ц. 2 р. 50 к.*

Далеко не нова мысль изображать людскіе недостатки и пороки, приписывая ихъ животнымъ, растеніямъ и разнымъ неодушевленнымъ предметамъ. Еще въ глубокой древности, во времена полудикаго состоянія человѣчества, существовали сказанія такъ называемаго *животнаго эпоса*, гдѣ дѣйствующими лицами были животныя, растенія, а, иногда и человѣкъ. Въ этихъ безыскусственныхъ произведеніяхъ первобытнаго человѣка является отличительною чертою торжество добродѣтели и правды надъ пороками и ложью, хотя бы послѣдніе и торжествовали, но всегда торжество это временное. Въ позднѣйшія времена произведенія животнаго эпоса переходятъ въ басни, гдѣ уже ясно выражена опредѣленная моральная тенденція.

Цибетъ предлагаетъ понюхать табаку старому Бобру.

Басни имѣли еще въ древности писателя, давшаго имъ литературно-изящную форму. Это былъ Эзопъ, знаменитый фригійскій философъ и баснописецъ, жившій за пять съ половиною вѣковъ до Рождества Христова. Басни Эзопа имѣли множество подражателей, заимствователей и переводчиковъ, но изъ этого множества выдались только два баснописца: у французовъ—Лафонтенъ и у насъ — Крыловъ, обезсмертившіе себѣ славу не только переводомъ басенъ Эзопа, но и своими собственными оригинальными произведеніями въ этомъ родѣ. Засимъ, въ новѣйшее время, стали появляться въ литературѣ такія произведенія, гдѣ дѣйствующими лицами, подобно сказаніямъ животнаго эпоса, были звѣри, птицы и проч. Такая форма всего болѣе удобна для произведеній сатирическихъ, ибо даетъ возможность дѣлать очень остроумныя сопоставленія между человѣкомъ, одареннымъ разумомъ, и животнымъ, дѣйствующимъ лишь инстинктивно. Конечно, эти произведенія и по формѣ, и по содержанію вполнѣ принадлежатъ новому времени. Самое замѣтное изъ подобныхъ произведеній есть, безспорно, «Рейнеке-Лисъ», которое, впрочемъ, справедливѣе будетъ отнести къ произведеніямъ древне-германской поэзіи, ибо та форма, въ которой мы знаемъ «Рейнеке-Лисъ», дана ему впослѣдствіи знаменитымъ Гете, заимствовавшимъ сюжетъ этого произведенія изъ старинныхъ сказаній.

«Подержите-же меня хорошенько!» сказалъ заяцъ собакѣ — секунданту, «вы свидѣтель, что я сдѣлалъ все возможное для того чтобы это отвратительное убійство не состоялось!»

«Общественная и домашняя жизнь животныхъ» относится отчасти къ подобному же роду произведеній и есть сборникъ очерковъ, принадлежащихъ перу лучшихъ французскихъ писателей. Въ этой книгѣ, представляющей только первый томъ всего сочиненія, находятся слѣдующія имена: П. Ж. Сталь, де-Бальзакъ, Э. де-Бедольеръ, Жоржъ-Зандъ, Б. Франклинъ, Густавъ Дрозъ, Жюль Жаненъ, Эд. Лемуанъ, Поль-Мюссе, Ш. Нодье и Луи Віардо.

Общій характеръ этого сборника—сатирическій, но тамъ попадаются вещи и не чисто-сатирическія. Есть произведенія, отличающіяся большою глубиной психическаго анализа, какъ напр., «Сѣтованія одной старой жабы», Густава Дроза, «Приключенія мотылька», П. Ж. Сталя, и «Неудачи одной левретки» Г. Дроза. Остальные представляютъ болѣе или менѣе ѣдкую сатиру на общественные нравы, политическое и соціальное устройство разныхъ государствъ и народовъ. Такъ «Сердечныя страданія одной англійской кошки», «Оселъ-путеводитель» и «Путешествіе африканскаго льва въ Парижъ», принадлежащія перу де-Бальзака, мѣтко осмѣиваютъ: первая — нелѣпыя требованія англійской лицемѣрной нравственности, считающей внѣшнее приличіе выше и прежде всего; вторая—шарлатанство ученыхъ, а третья — затрогиваетъ политическіе вопросы.

Къ политической сатирѣ принадлежитъ также и «Путешествіе парижскаго воробья, съ цѣлью отыскать наилучшій образъ правленія», Жоржъ-Занда.

Кромѣ этихъ, особенно замѣтныхъ произведеній, въ книгѣ есть еще нѣсколько, написанныхъ тоже съ большимъ талантомъ. «Страданія зеленаго жучка», Поля де-Мюссе, есть сатира на уродливости нравовъ и понятій, такъ называемаго великосвѣтскаго общества, grand mond'a; «Жизнь и философскія мнѣнія Пингвина»—осмѣиваетъ ученія нѣкоторыхъ соціалистовъ; «Первый фельетонъ пистолета» выставляетъ смѣшныя стороны театральныхъ нравовъ и фанфаронство посредственныхъ театральныхъ критиковъ и проч. и проч.

Выписывать заглавія всѣхъ статей и опредѣлять ихъ содержаніе было бы излишне — скажемъ только, что всѣ статьи написаны живо и талантливо.

Не менѣе талантливы и живы иллюстраціи, которыми украсилъ настоящую книгу французскій художникъ Гранвиль, этотъ неподражаемый мастеръ въ изображеніи физіономій животныхъ. Физіономіямъ звѣрей онъ умѣетъ, съ свойственнымъ ему искусствомъ, придать выраженіе вполнѣ человѣческое, освѣтить эту физіономію движеніями всевозможныхъ человѣческихъ страстей и чувствъ: гнѣва, ревности, хитрости, глупости, добродушія и такъ далѣе, до безконечности. Наиболѣе удачны въ этомъ отношеніи фигуры животныхъ четвероногихъ.

Для того, чтобы дать возможность читателю ближе познакомиться и съ литературными достоинствами книги, и съ рисунками Гранвиля, мы сдѣлаемъ нѣкоторыя извлеченія изъ книжки и помѣстимъ нѣсколько, наиболѣе характерныхъ, гравюръ оттуда на страницахъ «Нивы». Книга начинается прологомъ, гдѣ разсказывается, какъ въ одну ночь, «тайно отъ всѣхъ великихъ державъ», собрались животныя всѣхъ странъ на совѣщаніе. «Въ эту ночь, когда весь міръ спалъ, всѣ замки были взломаны, какъ бы волшебствомъ, всѣ двери отворились разомъ — и обитатели клѣтокъ вышли въ молчаніи на своихъ оконечностяхъ.

«Образовался большой кругъ: домашнія животныя помѣстились по правую сторону, дикіе звѣри заняли мѣсто на лѣвой, моллюски находились въ центрѣ. Тотъ, кто увидѣлъ бы эту странную сцену — тотчасъ бы понялъ всю ея важность.

Исторія хартій не представляетъ ничего подобнаго тому, что происходило въ этой средѣ травоядныхъ и плотоядныхъ знаменитостей. Гіены поражали своей энергіей; гуси были трогательны. Всѣ представители цѣловались подъ конецъ засѣданія, но посреди всеобщаго изліянія чувствъ, произошло, къ сожалѣнію, два-три прискорбныхъ случая: *лисица*, упоенная радостью, *задушила утку*; *волкъ*, въ порывѣ энтузіазма, *задавилъ барана*; а *тигръ*, обезумѣвшій отъ восторга, — *лошадь*. Такъ какъ эти господа съ давнихъ поръ находились во враждѣ со своими жертвами, то они объявили, что сила чувства и привычки взяла надъ ними верхъ, и что это легкое забвеніе приличій — должно быть приписано только счастью примиренія. Одна утка обѣщалась сочинить оду на смерть своей сестры и другихъ мучениковъ, погибшихъ за отечество. Она сказала, что охотно воспоетъ этотъ прекрасный конецъ, который долженъ доставить имъ безсмертіе. Увлеченное этими краснорѣчивыми словами, собраніе положило перейти къ очереднымъ занятіямъ. Точно также рѣшено было оставить безъ послѣдствій и то обстоятельство, что *слонъ*, говоря противъ смертной казни, *раздавилъ ногою гнѣздо крысъ*».

Собраніе обсуждаетъ сдѣланныя ему предложенія.

Въ слѣдующемъ затѣмъ «протоколѣ собранія» подробно описаны пренія и дебаты собравшихся, предлагавшихъ каждый свое средство для возстановленія мира и всеобщаго благосостоянія между животными.

Въ рѣчахъ ораторовъ ясно изобличается ихъ характеръ и порода: левъ и тигръ предлагаютъ всеобщую, безпощадную войну противъ человѣка; съ ними соглашаются хищныя животныя. Олень проситъ свободы, англійская лошадь — уничтоженія желѣзныхъ дорогъ; собака превозноситъ домашній бытъ и выгоды цивилизованной жизни; соловей воспѣваетъ ясное солнце, теплый воздухъ, синее небо; барашекъ вздыхаетъ о прелестяхъ сельской жизни.

Всѣ эти рѣчи возбуждаютъ шумъ и пренія. Хамелеонъ, взойдя на каѳедру, соглашается *со всѣми* ораторами. Наконецъ на трибуну всходитъ лисица и резюмируетъ всѣ произнесенныя рѣчи. Выписываемъ это замѣчательное резюме: «лисица говоритъ, что она съ глубокимъ вниманіемъ выслушала все, что было сказано до настоящей минуты: она благоговѣетъ предъ возвышенными и благородными идеями льва; никто больше ея не уважаетъ величіе его характера, но, тѣмъ не менѣе, она считаетъ долгомъ замѣтить, что почтенный членъ есть единственный левъ въ собраніи; а для всѣхъ остальныхъ членовъ, разстояніе отъ Ботаническаго сада до степей слишкомъ громадно; что она и хотѣла бы вѣрить иллюзіямъ собаки, но видитъ у ней на шеѣ ошейникъ. (Собака почесываетъ себѣ ухо. Какой-то шутникъ замѣчаетъ, что у нея уши стали, какъ будто, поменьше и спрашиваетъ, не въ модѣ-ли теперь носить ихъ короткими? Общій смѣхъ). Ораторъ продолжаетъ, что онъ самъ увлекся было геройскимъ духомъ тигра и чуть-чуть не повторилъ за нимъ его воинственнаго призыва; но, что война хороша только для тѣхъ, кто отъ нея уцѣлѣетъ, вообще же она оставляетъ много вдовъ и сиротъ; что порохъ выдуманъ человѣкомъ, а животныя еще не умѣютъ владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ. И притомъ фактами, доказано, что на этомъ свѣтѣ не всегда правые остаются побѣдителями, и что, наконецъ, цѣпи ихъ порваны еще такъ недавно, что, по всей вѣроятности, многіе не успѣли еще запастись заграничными паспортами. (Одобреніе съ правой. Лѣвая молчитъ. Центръ не говоритъ ничего и ничего не думаетъ. Скворецъ замѣчаетъ, что многіе прослыли умниками за то, что молчали). Рѣчь соловья, продолжаетъ лисица, безъ сомнѣнія — прекрасна, но она нисколько не подвинула вопроса. Слѣдовало-бы также условиться въ пониманіи нѣкоторыхъ словъ; равенство, желаемое нѣкоторыми, есть потребность матеріальная, которую никогда не признаетъ разумъ (лѣвая протестуетъ). Олень, прося свободы, долженъ бы былъ вмѣстѣ съ тѣмъ просить и умѣнья пользоваться ею. Если непріятно быть рабомъ, то, съ другой стороны, иногда и свобода очень стѣсняетъ: рабство усовершенствовано до такой степени, что рабъ и за дверями своей тюрьмы не встрѣчаетъ ничего, кромѣ горя. Бывали примѣры, что люди, освобожденные отъ крѣпостной зависимости, не зная, куда дѣваться, опять возвращались къ ней. (Изъ глазъ огорченнаго оленя медленно текутъ слезы, дроздъ свищетъ, что неспособность рабовъ обусловливается рабствомъ-же). Разсужденіе свиньи имѣетъ ту хорошую и ту дурную сторону, что оно нисколько не измѣняетъ дѣла; мнѣніе-же, высказанное кабаномъ, въ сущности, ничѣмъ не отличается отъ мнѣнія свиньи. (Одобреніе сторонъ. Цибетъ пред-

лагаетъ понюхать табаку старому бобру. Сосѣдка его, свинья, сконфузившись, закрываетъ глаза, какъ будто сбираясь чихнуть).

Благородныя чувства барашка глубоко растрогали меня, прибавляетъ ораторъ но, къ сожалѣнію, свѣтъ устроенъ такъ, что излишняя доброта вредитъ. Пусть барашекъ вспомнитъ, что восхваляемый имъ добрый пастухъ, отвелъ его мать на бойню. (Барашекъ, рыдая, бросается въ объятія барана, который упрекаетъ лисицу за ея жестокосердныя слова. Сцена эта производитъ тяжелое впечатлѣніе на собраніе. Голубь говоритъ, такъ, чтобы всѣ слышали, что отсутствіе деликатности есть почти всегда признакъ отсутствія сердца). Лисица, желая оправдаться, сожалѣетъ, что не всѣ истины можно высказывать; она увѣряетъ, что сантиментальная политика была-бы ей совершенно по вкусу, но что бываютъ такія болѣзни, для которыхъ не годятся палліативныя средства, и Макіавелли находитъ, что иногда жестокость бываетъ спасительна и благотворна. Она отвѣчаетъ затѣмъ хамелеону, что всемірныхъ животныхъ не существуетъ.

Каждый долженъ имѣть свою особенность, а такъ какъ особенность хамелеона заключается въ одобреніи всѣхъ и каждаго, то ораторъ надѣется, что будетъ имъ также одобренъ»... Опровергнувъ такимъ образомъ всѣхъ ораторовъ, лисица предлагаетъ свое средство. Средство это заключается въ томъ, чтобы издать сначала популярную иллюстрированную жизнь животныхъ, написанную самими животными. Изданіе этой исторіи имѣетъ цѣлью всесторонне выяснить нужды животныхъ. Предложеніе лисицы принято, и затѣмъ составлена была редакція изъ обезьяны и попугая, долженствовавшая просматривать рукописи и поправлять ихъ. Такимъ образомъ образовался настоящій сборникъ. Прилагаемая здѣсь картинка, изображаетъ собраніе, обсуждающее сдѣланныя ему предложенія. Если разсмотрѣть картинку хорошенько, то можно увидѣть, что тутъ бездна типичности. Все эти животныя *разговариваютъ*, обсуждаютъ что-то, очень для нихъ интересное.

Обезьяна въ очкахъ что-то весьма обстоятельно доказываетъ серьезному пуделю въ ермолкѣ и тоже въ очкахъ; съ какимъ жаромъ, въ другой группѣ, гіена опровергаетъ или доказываетъ что-то солидному медвѣдю; позади ихъ тигръ, пунктъ за пунктомъ, опровергаетъ мирную политику барана. Тигръ видимо увлекается, глаза загорѣлись, такъ и хочется ему броситься на смиреннаго барана и доказать превосходство своихъ мнѣній на его шкурѣ... А впереди собралась мелкота и тоже разсуждаетъ: черепаха и ракъ, два политика, нелюбящіе спѣшить, забѣгать впередъ, и помнящіе мудрую классическую пословицу: «festina lente» (спѣши медленно), сѣтуютъ на поспѣшность, оживленіе и волненіе окружающихъ, тогда какъ, по ихъ мнѣнію, можно все это сдѣлать потихоньку, помаленьку, обдумавши и обсудивши. Лягушка никакъ не можетъ согласиться съ доводами хорька и безнадежно разставила лапы; а вокругъ великана-пингвина въ шляпѣ, собрались мелкія птички и слушаютъ мудрыя рѣчи глубокомысленной птицы... словомъ, бездна юмора, типовъ и удачно нарисованныхъ фигуръ!

Обратимся къ очеркамъ. Первый очеркъ принадлежитъ перу П. Ж. Сталя и озаглавленъ: «Исторія одного зайца, разсказанная сорокою». Старый заяцъ, чувствуя приближеніе смерти, собралъ своихъ сыновей и разсказываетъ имъ свою жизнь. Разсказъ этотъ записала сорока. Повѣствованіе свое онъ ведетъ отъ самаго дѣтства, какъ, затѣмъ, онъ попалъ въ Тюльерійскій дворецъ, къ придворному лакею и служилъ забавою его маленькой дочкѣ. Тутъ онъ былъ свидѣтелемъ іюльской революціи. При первыхъ звукахъ выстрѣловъ, заяцъ вообразилъ, что это его родичи, зайцы, вздумали отомстить людямъ за всѣ ихъ притѣсненія. «Боже мой, подумалъ я, неужели у зайцевъ достало безумія забраться въ Парижъ, гдѣ такъ много людей, собакъ и ружей? И ужасное воспоминаніе объ охотѣ въ лѣсу оледенило меня ужасомъ. Навѣрно, подумалъ я, когда нибудь, давно, людямъ сильно досталось отъ зайцевъ: я, по крайней мѣрѣ, не могу иначе объяснить себѣ такой страшной ненависти, какъ потребностью мщенія, и я посмотрѣлъ на мою хозяйку, прося у нея защиты. По лицу ея я увидѣлъ, что она сама струсила не меньше меня. Я только что хотѣлъ поблагодарить ее за жалость, которую ей, повидимому, внушало бѣдственное положеніе моихъ братьевъ, какъ вдругъ замѣтилъ, что ея испугъ былъ чисто личный...

«Эти ружейные выстрѣлы, отъ которыхъ у меня застывала кровь въ жилахъ, были вовсе не по зайцамъ. Оказалось, что люди стрѣляли въ людей же...

«У людей такъ велика потребность охотиться, что они предпочитаютъ убивать другъ друга, чѣмъ не убивать никого.

— Въ томъ, что вы разсказываете, нѣтъ ничего удивительнаго, отвѣчала я (сорока) Сколько разъ, когда наступала ночь, мнѣ приходилось подвергаться выстрѣламъ охотниковъ, у которыхъ страсть разряжать ружья по сорокамъ, чтобы, какъ они говорятъ, не пропадалъ даромъ порохъ. А между тѣмъ мы не годимся въ пищу. Такіе подлецы!

— Но страннѣе всего то, продолжалъ мой старый пріятель, утвердительно кивнувъ головой на мои слова, что люди, вмѣсто того, чтобы стыдиться, еще гордятся этой противоестественной рѣзней. Кажется, они употребляютъ въ дѣло пушки всякій разъ, какъ не поладятъ между собой, и время, въ которое пролито особенно много крови, считается въ ихъ лѣтописяхъ самымъ замѣчательнымъ періодомъ».

Такого рода наивныя замѣчанія заяцъ дѣлаетъ при каждомъ фактѣ, поразившемъ его своею противоестественностію, съ точки зрѣнія животнаго. Далѣе онъ описываетъ безпорядки во дворцѣ, оставленномъ всѣми, и въ который приходятъ сначала роялисты, а потомъ республиканцы. По вскорѣ, по словамъ зайца, все успокоилось. Въ Тюльери ровно ничего не перемѣнилось, кромѣ короля, и высшее общество скоро стало опять показываться на гуляньи.

Очень хорошо также то мѣсто въ этомъ очеркѣ, гдѣ заяцъ описываетъ свою невольную дуэль съ пѣтухомъ — бреттеромъ. Нелѣпый обычай «смывать кровью» самыя незначительныя обиды, господствующій и до сихъ поръ въ извѣстной части общества, въ этомъ описаніи является очень глупымъ и отвратительнымъ.

Вотъ какъ разсказываетъ заяцъ этотъ случай:

«Какъ разъ около самой деревни Пюто, я увидалъ пѣтуха. Глаза мои, утомленные постояннымъ созерцаніемъ мужчинъ и женщинъ, съ удовольствіемъ отдохнули наконецъ на этомъ животномъ. Это былъ пѣтухъ превосходной породы, на очень высокихъ ногахъ. Онъ ходилъ, покачиваясь, какъ животное, которое не прочь похвастать своимъ ростомъ; да вообще въ его походкѣ и осанкѣ было что-то воинственное, напоминавшее мнѣ французскихъ солдатъ; которые часто, бывало, толпились около нашего театра въ Елисейскихъ поляхъ.

— Клянусь моимъ гребнемъ! сказалъ онъ мнѣ вдругъ. вы что-то слишкомъ долго на меня смотрите; я нахожу, что для зайца вы очень дерзки.

— Какъ, отвѣчалъ я, развѣ запрещено находить васъ красивой птицей! Я возвращаюсь изъ Парижа, гдѣ не видѣлъ никого, кромѣ людей, и очень радъ, что наконецъ встрѣтилъ животное.

Отвѣтъ мой кажется, былъ совершенно простъ; но онъ всетаки нашелъ поводъ обидѣться.

— Я деревенскій пѣтухъ, вскричалъ онъ, и не допущу, чтобы какой нибудь скверный заяцъ смѣлъ безнаказанно оскорблять меня!»

За симъ дѣло дошло до дуэли. На сколько типична эта сцена въ рисункѣ Гранвиля, предоставляемъ судить читателю.

Внѣшность этого изданія не оставляла бы желать ничего лучшаго, еслибы прелестные рисунки Гранвиля не были нѣсколько испорчены небрежнымъ печатаніемъ. Невыгоды печатать въ плохой типографіи видны на подобныхъ изданіяхъ съ большою осязательностію; желаемъ, чтобы рисунки второго тома не подверглись той же участи.

А. Арс.

СОДЕРЖАНІЕ: **Нищіе на Руси** (съ 2-мя рисунками). **Садовникова. — Среди природы** (съ рисункомъ). — **Водопадъ Учанъ-су въ Крыму** (съ рисункомъ). **А. Невельского. — Выставка въ Филадельфіи.** Павильонъ «женскаго труда» (съ рисункомъ). — **Сербскій князь Кара-Георгій Петровичъ** (съ рисункомъ). — **Въ домѣ коммерціи совѣтника.** Повѣсть **Э. Марлитта** (продолженіе). — Политическое обозрѣніе. — **Библіографія** (съ 3-мя рисунками). **А. Арс.** — Объявленія. — **Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за ІЮНЬ съ 37 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 32 чертежами.**

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 3 Іюня 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб., Больш. Морская, д. № 8. Тип. Боклинга. Англ. пр., № 10.

ЛИТЕРАТУРЫ,
№ 24 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 14 Іюня 1876 г. (ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ). Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Султанъ Мурадъ V.

Мурадъ V, новый турецкій султанъ. Рис. В. Тагаццо, грав. Путцъ.

Султанъ Мурадъ V.

Ровно пятьсотъ лѣтъ тому назадъ Амурадъ I (1376 г.) организовалъ отборное войско—*сипайевъ* (кавалерія), которое вмѣстѣ съ янычарами одерживало славныя побѣды,—такъ были завоеваны этимъ султаномъ провинціи на Балканскомъ полуостровѣ. Въ одной отчаянной битвѣ этотъ Амурадъ былъ убитъ. Послѣ смерти перваго Амурада до воцаренія Амурада V (Мурада) прошло пять вѣковъ, отмѣченныхъ въ исторіи Турціи, всякими треволненіями и блестящими побѣдами. Владычество турокъ длилось до 70-хъ годовъ XVIII вѣка, т. е. до смерти Селима II, когда, впервые, при Лепанто, былъ нанесенъ чувствительный ударъ возрастающей силѣ «правовѣрныхъ». Эта битва доказала, что не всегда побѣда можетъ быть на сторонѣ *кривыхъ* сабель. Взглянемъ теперь на судьбу тѣхъ султановъ, которые носили имя Амурадъ. При Амурадѣ II турки въ первый разъ дошли отъ Адріанополя до Константинополя, но, ничего не сдѣлавъ, вернулись. Въ царствованіи этого султана впервые вспыхнулъ янычарскій бунтъ, который при Амурадѣ III повторялся до десяти разъ и всегда былъ погашаемъ богатыми подарками, преподносимыми возставшимъ, слѣдовательно безъ кровопролитія. Турецкое знамя въ царствованіи Амурада III особенно часто было побѣднымъ знаменемъ. Главный военачальникъ турецкихъ полчищъ, Уздемиръ-Оглу-Османъ, завоевалъ Арменію и сѣверную пограничную персидскую провинцію Азербэджанъ, затѣмъ достигъ Тавриса и прислалъ много богатой добычи повелителю своему въ Стамбулъ. Въ то время на берегахъ Босфора возвышался великолѣпный, въ персидскомъ вкусѣ, дворецъ, котораго и слѣдовъ теперь уже нѣтъ. Грозою своего времени и тираномъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, тираномъ, какимъ можетъ быть только восточный деспотъ—былъ Амурадъ IV. Войска его одерживали блистательныя побѣды, самъ-же онъ былъ просто палачемъ и вообще, какъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, имѣлъ натуру звѣрскую: присутствовать при казняхъ было для него наслажденіемъ. Онъ умеръ въ 1640 г. Послѣ этого на тронѣ османовъ не было султана, носящаго имя Мурадъ, и только теперь, вслѣдствіе всеобщей неурядицы въ европейской Турціи и удавшагося заговора—Абдулъ-Азисъ палъ (онъ, будто-бы, кончилъ жизнь самоубійствомъ, въ припадкѣ умопомѣшательства) и на его мѣсто сѣлъ Мурадъ *пятый*. Абдулъ-Азисъ царствовалъ почти 15 лѣтъ. Онъ былъ братомъ Абдулъ-Меджида, который умеръ въ 1861 г. Умирая, Абдулъ-Меджидъ принялъ отъ наслѣдника своего торжественную клятву, что *новый* султанъ не будетъ притѣснять и вообще вредить племянникамъ своимъ (у Абдулъ-Меджида осталось шесть сыновей и восемь дочерей). Абдулъ-Меджидъ особенно любилъ Абдулъ-Гамида и Мурада, и потому объ участи этихъ двухъ сыновей онъ очень заботился. Абдулъ-Азисъ сначала энергически принялся за управленіе государствомъ, желая быть образцовымъ государемъ, но потомъ свернулъ на торную дорожку, ударился въ роскошь и сталъ вести расточительную жизнь. Слово, данное имъ покойному брату, онъ не сдержалъ, т. е. началъ враждебно относиться къ Мураду... И вообще, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, съ наслѣдниками Турціи обращались весьма дурно: до Мурада III наслѣдники допускались къ занятію государственными дѣлами и, такимъ образомъ, пріобрѣтая нужныя познанія, вступали на престолъ уже опытными правителями. Мурадъ III былъ послѣднимъ «свободнымъ» наслѣдникомъ; послѣ него каждаго наслѣдника (а случалось и всѣхъ братьевъ его) запирали во дворцѣ, позволяя имъ видѣться только съ извѣстными личностями. Нерѣдко бывало и такъ, что султанъ изъ страха за свой тронъ и жизнь *совершенно* устранялъ претендентовъ (Магометъ III приказалъ умертвить всѣхъ братьевъ своихъ, а ихъ было 17).—Обычай держать взаперти наслѣдниковъ престола вредно вліялъ на нихъ, потому что, становясь султанами, представителями свѣтской и духовной власти въ Турціи, они должны были учиться многому тогда, когда уже объ ученіи и рѣчи не могло быть, ибо требовалось знаніе и умѣнье прилагать его на практикѣ. Такой порядокъ, конечно, имѣлъ пагубное вліяніе на внутреннюю жизнь государства. Мураду-Эффенди пришлось испытать на себѣ всю тягость такого положенія; хотя онъ и не былъ плѣнникомъ во дворцѣ, однако-же находился подъ надзоромъ, а потому открыто могъ видѣться только съ нѣкоторыми личностями (съ одною изъ своихъ сестеръ онъ любилъ бесѣдовать въ особенности). Разсказываютъ, что давая небольшіе денежные подарки сторожамъ своимъ, Мурадъ пользовался свободой и посѣщалъ (по вечерамъ) кафешантаны въ компаніи съ друзьями. Въ 1874 г. онъ часто видѣлся въ одномъ загородномъ домикѣ съ важными особами изъ турецкой аристократіи, а именно съ бывшимъ своимъ воспитателемъ—Эдхемамъ-пашой (теперешнимъ посланникомъ при Берлинскомъ дворѣ) и съ Митхадомъ-пашой. А въ это-то время Абдулъ-Азисъ, благодаря сговорчивости великаго визиря, совершенно серьезно задумывалъ уничтожить законный порядокъ престолонаслѣдія, имѣя намѣреніе сдѣлать сына своего Юсуфа-Изеддина наслѣдникомъ. Но это ему не удалось: самъ Абдулъ-Азисъ былъ свергнутъ съ престола, и законный наслѣдникъ Мурадъ V—объявленъ султаномъ. Замѣтимъ здѣсь, что султаны, носившіе имя Мурадъ, особенно старались украшать свою столицу, такъ, напр., въ мечети Ая-Софья нынѣшнему султану многое напоминаетъ о его предкахъ: великолѣпная каѳедра была поставлена въ этой мечети Мурадомъ IV; при предшественникѣ его, Мурадѣ III, Ая-Софья украсилась двумя громадными мраморными вазами; на позолоту полумѣсяца пошло не менѣе 50,000 дукатовъ. Церемонія восшествія на престолъ Мурада V уже совершена: онъ опоясанъ саблей въ Эюбской мечети (Эюбъ—это прелестное предмѣстье Стамбула на правомъ берегу Золотого Рога. Здѣсь, какъ гласитъ преданіе, палъ въ 668 г., при первой осадѣ Константинополя, Эюбъ-Ансари—знаменосецъ великаго пророка, гдѣ и былъ похороненъ).

Эюбская мечеть съ саркофагомъ этого турецкаго героя считается такой святыней, что иновѣрцу (гяуру) и въ наше время трудно проникнуть въ нее. Саркофагъ покрытъ роскошно-вышитымъ шелковымъ покрываломъ, на которомъ лежатъ остатки покрывала Кооба. Серебряная рѣшетка окружаетъ гробницу, по обѣимъ сторонамъ которой стоитъ по одному громадному канделябру изъ серебра. Извѣстно, что каждый новый падишахъ, при опоясаніи его саблей, долженъ торжественно произнести клятву, что будетъ распространять исламъ «огнемъ и мечемъ». Мурадъ V, ставъ падишахомъ «по милости Божіей и по волѣ націи» (съ этимъ воцареніемъ связываются надежды на возрожденіе Турціи), *едва ли* могъ дать подобную клятву, но доказать это, конечно, нельзя, такъ какъ ни одинъ европеецъ не могъ быть свидѣтелемъ этой церемоніи. Послѣдующія событія покажутъ—могутъ ли такіе сюрпризы, какъ низверженіе съ престола Абдулъ-Азиса, предотвратить паденіе современнаго калифата. Вотъ нѣкоторыя подробности о личности новаго султана Мурада V. Абдулъ-Меджидъ ласково обращался съ братомъ своимъ Абдулъ-Азисомъ, зная очень хорошо, что прежде султаномъ будетъ этотъ послѣдній, а не сынъ его—Мурадъ. Онъ полагалъ, что Абдулъ-Азисъ, въ отношеніи къ Мураду, постарается отплатить брату тѣмъ же. Мурадъ бралъ уроки музыки и французскаго языка у одного изъ французскихъ профессоровъ. При жизни отца молодой Мурадъ имѣлъ во дворцѣ свой штатъ; до 20-лѣтняго возраста онъ былъ баловнемъ, воспитывался на европейскій манеръ, посѣщалъ театры, заводилъ любовныя интрижки въ греческихъ домахъ и вообще велъ веселую жизнь. Великій визирь Мегметъ-Купресли не отчаявался въ сынѣ своего повелителя, надѣясь, что съ лѣтами пройдетъ легкомысліе Мурада, а потому не препятствовалъ ему вести разсѣянную жизнь. Мегметъ - Купресли познакомилъ Мурада со многими важными особами, пріѣзжавшими въ Константинополь, такъ, напримѣръ, онъ былъ знакомъ съ принцемъ Наполеономъ, герцогомъ Кембриджскимъ, графомъ Парижскимъ, герцогомъ Шартрскимъ, графомъ Шамборомъ и другими высокопоставленными лицами. Мурадъ никуда не выѣзжалъ изъ Турціи, только разъ (и то на короткое время) посѣтилъ Вѣну, когда тамъ была всемірная выставка. Мураду теперь 36 лѣтъ. Онъ похожъ на отца, но не имѣетъ отцовской кротости; онъ храбръ, отваженъ и наклоненъ къ фантазіи, хорошо сложенъ, но не особенно цвѣтущъ, даже блѣденъ; здоровье его уже расшатано; у него ясные, быстрые глаза; Мурадъ, какъ извѣстно, сынъ черкешенки. Наѣздникъ онъ отличный.

Тегеранскіе типы.

Какое разнообразіе физіономій и костюмовъ можно ежедневно видѣть на базарахъ города Тегерана, о томъ читатель едва можетъ составить себѣ понятіе.

Здѣсь можно встрѣтить индѣйцевъ, татаръ, кавказцевъ, армянъ, грузинцевъ; курдовъ, иліатцевъ, туркменовъ, турокъ, европейцевъ и чистокровныхъ персіянъ.

Базары, это мѣста сборищъ тегеранскихъ гражданъ; они имъ замѣняютъ и театры, и клубы; а потому здѣсь всегда, съ утра до вечера, бываетъ до того полно, что всадникъ только съ большимъ трудомъ и весьма медленно можетъ пробираться сквозь эту пеструю толпу.

Но для европейцевъ этотъ рай Ирана болѣе похожъ на адъ, и онъ лучше объѣдетъ городъ, чтобы только не попасть въ этотъ лабиринтъ смрадныхъ переулковъ подъ кирпичными сводами съ небольшими отверстіями для свѣта. Заблудиться здѣсь весьма не мудрено, такъ какъ базары занимаютъ почти половину всего стараго города.

Несмотря на препятствія, любопытство побуждаетъ иногда и европейца идти на эти базары. Прогуливаясь между открытыми лавками, между важно сидящими купцами, видишь картины, въ которыхъ для наблюдательнаго зрителя есть много интереснаго.

Купцы, отличающіеся отъ прочихъ чистотою и опрятностью, большею частью персіяне. Многіе изъ нихъ умѣютъ читать и писать, а что касается способовъ дѣйствія ихъ и торговли, то они всегда запрашиваютъ за свой товаръ значительно дороже, чѣмъ онъ стоитъ, и съ ними всегда слѣдуетъ торговаться.

Какъ уже сказано было выше, здѣсь можно найти большое разнообразіе національностей. Небольшія кучки курдовъ часто тѣснятся по базарамъ. Въ своихъ фантастическихъ костюмахъ, вооруженные старинными пистолетами съ кремнями, кинжалами, ножами, щитами и длинными бамбуковыми пиками—они выглядятъ совершенными разбойниками. Дервиши, похожіе на орангъутанговъ, съ крикомъ бросаются къ проходящимъ и просятъ милостыню. Эти дервиши постоянно странствуютъ, иногда цѣлыми партіями, и въ послѣднемъ случаѣ придираются къ одинокимъ путникамъ и не считаютъ грѣхомъ ограбить, если есть возможность. Они бываютъ иногда довольно чисто одѣты въ длинные индійскіе балахоны и носятъ на головѣ шапку, вышитую шелкомъ, а на плечахъ леопардовую шкуру; вооружены они палками съ желѣзными пулями на концѣ. Милостыню собираютъ въ блюдо, сдѣланное изъ кокосоваго орѣха. Кромѣ нищенства они также занимаются и торговлею хашишемъ и другими одуряющими веществами, которыхъ Персіяне покупаютъ очень много.

Муллы, или, такъ сказать, ихъ «начетчики», отличаются отъ всѣхъ бѣлою чалмою. Потомки пророка, сеиды, носятъ зеленую чалму и зеленые кафтаны; вообще этотъ цвѣтъ считается священнымъ, и никто, кромѣ ихъ, не имѣетъ права носить зеленое платье. Какъ муллы, такъ и сеиды имѣютъ большое вліяніе на народъ и суть главные враги цивилизаціи, своимъ фанатизмомъ заражающіе и массу.

Персіянки весьма тщательно закутываются въ длинные темно-синіе платки, чтобъ никто не видѣлъ лица ихъ. Дѣвочка восьми и девяти лѣтъ уже считается бракоспособной и выходитъ замужъ за того, кто больше всего заплатитъ денегъ. Каждый персіянинъ можетъ имѣть четырехъ женъ и сколько угодно наложницъ.

Наша картинка изображаетъ нѣкоторые изъ Тегеранскихъ типовъ. Въ серединѣ, (1) группа курдовъ въ ихъ своеобразныхъ азіатскихъ костюмахъ. Различное оружіе, которымъ они о бвѣшаны, дѣйствительно, придаетъ крайне подозрительный видъ этимъ статнымъ молодцамъ; на 2 изображена молодая азіатская женщина дома и потому не завѣшенная чадрою; на 3 вы видите другую женщину, изъ богатаго семейства; сидящую *по европейски*, на стулѣ. Красивая поза! Видно, что этотъ способъ сидѣнія ей несроденъ и что она съ удовольствіемъ промѣняла бы всѣ эти европейскія затѣи на покойный коверъ, на которомъ она могла бы гораздо спокойнѣе усѣсться по азіатски, подогнувъ подъ себя ноги. Далѣе, (4) персидская женщина на улицѣ, вся укутанная и прикрытая скромною чадрой, чтобы ни одинъ глазъ невѣрнаго *гяура*, и вообще посторонняго мущины, не могъ увидѣть ее. Внизу (5) святоша-дервишъ, грязный и растрепанный, внушаетъ нѣкоторое недовѣріе къ своей набожности и смиренію, и встрѣтиться съ нимъ, вооруженнымъ палкой, въ глухомъ мѣстѣ — крайне нежелательно. Группа купцовъ и горожанъ тоже довольно интересна своими восточными костюмами, равно какъ и мулла, сидящій съ раскрытою книгой Магомета—кораномъ.

Видъ города Люцерна въ Швейцаріи.

Люцернъ—главный городъ кантона того-же имени, расположенъ при истокахъ р. Рейса. вытекающей изъ Фирвальдштетскаго озера, у подошвы Пилатовой горы. Этотъ прелестный городъ со своими стѣнами, башнями и загородными домами, издали кажется гораздо больше, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Люцернъ стоитъ у одной изъ вѣтвей центральной швейцарской желѣзной дороги и раздѣляется р. Рейсомъ на двѣ неравныя части, изъ которыхъ одна (на правомъ берегу рѣки) называется «*Большимъ городомъ*», а другая—«*Малымъ*». Улицы въ городѣ широкія, съ хорошею мостовою; вообще, это одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ Швейцаріи. Между зданіями первое мѣсто занимаетъ церковь Св. Леодгара (построенная въ 1633 г. на мѣстѣ старой, сгорѣвшей тогда церкви), съ двумя башнями, изъ которыхъ одна, вышиною въ 250 фут., была сооружена въ 1406 г. Кромѣ того, замѣчательны еще: бывшая іезуитская коллегія и іезуитская церковь (1676 г.) съ великолѣпнымъ запрестольнымъ образомъ работы Франческо Торіани, прежній урсулинскій монастырь съ красивой церковью, новая реформатская церковь, ратуша съ прекрасными рѣзными работами и живописью, большой городской госпиталь, богадѣльня, сиротскій домъ, театръ, новый исправительный домъ, музей, зданіе библіотеки, новая школа, арсеналъ съ древними трофеями славныхъ битвъ союзниковъ. Черезъ р. Рейсъ перекинуто три моста; изъ нихъ два крытые, украшенные картинами, изображающими сцены изъ исторіи Швейцаріи.

Къ достопримѣчательностямъ Люцерна принадлежитъ и монументъ, сооруженный въ 1820 г. по иниціативѣ генерала Пфиффера въ память офицеровъ и солдатъ—швейцарцевъ, павшихъ 10 августа въ 1792 г. при защитѣ Тюльери; модель монумента сдѣлана Торвальдсеномъ, самый же памятникъ, представляющій умирающаго льва, который правой лапой защищаетъ гербъ бурбоновъ, былъ высѣченъ въ скалѣ ваятелемъ Агорномъ; надъ памятникомъ помѣщена надпись: «Helvetiorum fidei ac virtuti». Неподалеку отъ памятника находится капелла съ надписью: «Invictus pax», гдѣ ежегодно, 10 августа, служится панихида. Замѣчательны также рельефныя изображенія кантоновъ: Цуга и Унтервальдена и большей части кантоновъ Люцерна, Ури, Швица; барельефъ этотъ имѣетъ 22½ ф. длины и 12 ф. ширины. Люцернъ служитъ мѣстопребываніемъ папскаго нунція. Изъ учебныхъ заведеній въ городѣ имѣются: богословская семинарія, гимназія, лицей, французская школа, учительская семинарія, музыкальная и рисовальная школы, библіотека съ 80.000 томовъ, самая богатая въ Швейцаріи, естественноисторическій и монетный кабинеты и пр. Жителей въ городѣ 11,500; промышленная дѣятельность незначительна, фабрикъ мало, торговля, не смотря на выгодное положеніе города, тоже малогажна. Главные предметы вывоза: сыръ и крупный рогатый скотъ.

Енисейскъ.

Дальнія окраины Сибири обращаютъ на себя вниманіе, хотя и не особенно часто, ученыхъ путешественниковъ и туристовъ. Недавно шведская полярная экспедиція посѣтила этотъ малоизвѣстный край русской земли и, при слѣдованіи по рѣкѣ Енисею, побывала и въ городѣ Енисейскѣ, Енисейскъ, раскинувшійся вдоль лѣваго низменнаго берега Енисея, нынѣ—окружный городъ Енисейской губерніи, не смотря на свою скромную внѣшность, ведетъ довольно большую торговлю, особенно съ туруханскимъ краемъ. Исторія Енисейска, какъ вообще всѣхъ сибирскихъ городовъ, не особенно далекой древности и не заключаетъ въ себѣ важныхъ историческихъ событій. Основанъ онъ въ 1618 году по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича. Боярскій сынъ Албычевъ съ сотникомъ Рукинымъ и казаками, прибывъ къ мѣсту, занимаемому нынѣ городомъ, построили нѣсколько домиковъ, обнесенныхъ частоколомъ и заложивъ, маленькое укрѣпленіе съ тремя бойницами, чтобы обезпечить населеніе отъ набѣговъ сѣверныхъ дикарей, назвали его Енисейскимъ острогомъ. Рѣку, протекавшую вблизи поселенья, русскіе назвали Енисеемъ, передѣлавъ по своему тунгузское ея названіе Хоанъ-дези т. е. большая рѣка.

Въ 1678 году Енисейскъ былъ переименованъ въ уѣздный городъ и, при учрежденіи въ 1822 году Енисейской губерніи, Енисейскъ сдѣлался окружнымъ городомъ, а Красноярскъ—губернскимъ. До начала сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, Енисейскъ оставался главнымъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ пушныхъ товаровъ, и населеніе его получало большіе барыши отъ звѣроловства. Съ появленіемъ золотопромышленности другіе промыслы стали быстро падать: производство желѣзныхъ издѣлій уменьшилось значительно и совсѣмъ не стало рѣзчиковъ, которыхъ прежде было столь много, что всѣ мѣстныя церкви были украшены ихъ разнообразною рѣзьбою. Лучшіе золотые пріиски выработались, а большіе заработки, доставленныя жителямъ золотопромышленностью, не могли надолго ихъ обезпечить при упадкѣ торговли и другихъ промысловъ. Въ 1869 году (27-го августа) городъ Енисейскъ посѣтило новое горе: страшный пожаръ опустошилъ его и большую часть обратилъ въ развалины. Хотя городъ послѣ пожара значительно обстроился, но, все таки, требуетъ еще значительныхъ улучшеній. Что же касается до общественной жизни, то ее въ Енисейскѣ почти не существуетъ, публичныхъ увеселеній нѣтъ и жителямъ остается или ходить другъ къ другу въ гости, или бродить бездѣльно по улицамъ. Населеніе Енисейска, при замѣтной апатіи къ умственному труду и при равнодушіи ко всему полезному, тормозитъ развитіе города а, при такихъ условіяхъ, его будущность, конечно, не можетъ обѣщать многаго.

А. Невельской.

Лисица (Canis Vulpes.)

Съ юнаго дѣтства намъ знакомы разсказы и сказки нянекъ о хитрой и смѣтливой лисѣ, обманывающей другихъ простодушныхъ животныхъ. Въ возрастѣ перваго ученья, мы встрѣчаемся снова со старою знакомою въ басняхъ Лафонтена, Хемницера, Крылова; вступая въ юношество и зрѣлый возрастъ и читая спеціальныя сочиненія объ этомъ животномъ, мы находимъ въ лисѣ все тотъ же неизмѣнный характеръ, который, какъ грёза, слышался нами въ дѣтствѣ.

Рейнеке Фуксъ (лиса Рейнеке) было предметомъ всѣхъ средневѣковыхъ сказаній и легендъ о лисѣ, и даже великій германскій поэтъ Гёте не пренебрегъ этой старинной, и казалось бы, избитой темою, чтобы вывести ее вновь на сцену въ своемъ прославленномъ поэтическомъ твореніи, сохранившемъ тоже названіе: *Рейнеке Фуксъ*.

Хитрость и смѣтливость лисицы хорошо подмѣчена по дѣйствіямъ и отношеніямъ ея къ другимъ животнымъ; такъ, напримѣръ, желая устроить себѣ жилище, она хотя и не прочь сама выкопать себѣ нору со всѣми входами и другими удобствами, но предпочитаетъ всегда воспользоваться чужими трудами и преимущественно глупаго барсука. Барсукъ дѣлаетъ себѣ пространныя помѣщенія, нырывая ихъ своими крѣпкими когтями, и труды его часто остаются для него и его семейства совершенно безполезными. Лиса, подмѣтивъ хорошую и чистую нору, вырытую барсукомъ, съ нѣсколькими входами, употребляетъ всѣ усилія, чтобы выгнать его оттуда и воспользоваться готовою квартирою, но, такъ какъ барсукъ силенъ, больно кусается и крѣпко рветъ своими острыми когтями, то одолѣть врага силою нѣтъ никакой возможности, поэтому лиса прибѣгаетъ къ самой тонкой хитрости. Зная, что барсукъ любитъ безукоризненную чистоту, она старается досадить ему разными продѣлками, раздражающими въ немъ чувство опрятности и порядка. Она таскаетъ ко всѣмъ входамъ его жилища дохлыхъ крысъ, лягушекъ и подобные предметы, издающіе смрадный запахъ. Долго не сдается упрямый барсукъ, но, потерявъ наконецъ всякое терпѣніе, покидаетъ со своимъ семействомъ родную нору, а лисѣ только того и нужно: она немедленно вступаетъ въ полныя права наслѣдія, очищаетъ новое жилище отъ сдѣланныхъ ею же нечистотъ и поселяется съ своими лисятами, какъ законная хозяйка.

Лиса очень необщительна и весьма трудно приручается. Замѣчено, что она всегда держится особнякомъ во всѣхъ зоологическихъ садахъ и предпочитаетъ сидѣть дико, гдѣ нибудь въ углу своей клѣтки—тюрьмы, чѣмъ воспользоваться обширнымъ дворомъ для своей прогулки, что охотно позволяютъ ей содержатели звѣринцевъ, и чего они рѣдко достигаютъ. Сначала одиночное заключеніе приводитъ ее въ ярость и остервененіе, затѣмъ она, мало по малу, стихаетъ и, въ концѣ концовъ, безропотно покоряется своей участи. Принадлежа къ семейству собакъ, лиса отличается отъ всѣхъ своихъ сродниковъ наружностію, имѣетъ нѣжную, красивую шерсть, тонкую морду, осмысленную умными и выразительными глазами; особенно красивъ у лисы ея пушистый хвостъ, который она держитъ весьма граціозно, обвивая его около переднихъ ногъ, когда, подобно обыкновенной собакѣ, сидитъ на заднихъ лапахъ. Цвѣтъ лисьей шерсти, въ большей части случаевъ, красновато-бурый, съ бѣлыми просвѣтами, но не рѣдко попадаются и черно-бурыя лисицы, и преимущественно на сѣверѣ, мѣхъ которыхъ цѣнится весьма дорого. Величина лисицы отъ $2/2$ до $3^1/_2$ футовъ; чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ красивѣе мѣхъ животнаго. По образу жизни лиса любитъ уединеніе и хотя живетъ парами, но охотнѣе особнякомъ. Обществомъ живетъ только лисица-мать съ своими дѣтенышами и избираетъ въ такомъ случаѣ для себя жилища съ крайнею осторожностью, чтобы нора ея не была замѣчена ни людьми, ни животными и чтобы входы въ нору были непремѣнно закрыты отъ глазъ или кустами, или хворостомъ, или высокорастущею травою. Въ бурю и непогоду, въ сильный морозъ или жаръ, въ проливной дождь, лиса постоянно сидитъ у себя дома въ своемъ углубленномъ среди норы гнѣздѣ. Въ хорошую погоду днемъ она выходитъ погулять и подышать чистымъ воздухомъ, но, по свойственной ей предусмотрительной осторожности, она проводитъ время среди густыхъ кустовъ, въ высокой ржи или осокѣ, въ тростникѣ или камышахъ, не упуская при этомъ случая ловить сусликовъ, тушканчиковъ, полевыхъ мышей, неосторожныхъ птичекъ, легко поддающихся хитрой тактикѣ лисы, но, за неимѣніемъ этихъ лакомыхъ блюдъ, она довольствуется и дождевыми червями, и лягушками, и гусеницами, и осами, и шмелями, и пчелами. Днемъ она любитъ грѣться на солнцѣ, и охотно ложится подъ теплыми его лучами среди какой нибудь тихой и никѣмъ невозмущаемой мѣстности, гдѣ и проводитъ въ глубокомъ снѣ по нѣсколько часовъ сряду. Замѣчено, что она выходитъ на охоту, въ большинствѣ случаевъ, ночью, при чемъ, все-таки, предпочитаетъ ночи лунныя. При этомъ она нападаетъ на ягнятъ, на дикихъ козъ, на лебедей, индѣекъ, гусей, утокъ, куръ, кроликовъ, маленькихъ поросятъ, зайцевъ, воронъ и голубей. Смѣлость лисы доходитъ иногда и до того, что она отваживается нападать на молодыхъ отсталыхъ отъ стада оленей, и не пропуститъ случая перегрызть горло большимъ хищнымъ птицамъ, если тѣ, по неосторожности, близко подпустятъ къ себѣ это животное. Такимъ образомъ, благодаря своей неутомимости, ловкости и хитрости, лисица пользуется всегда сытнымъ и вкуснымъ обѣдомъ и только въ суровыя зимы, во время страшныхъ мятелей, терпитъ недостатокъ, причемъ, побуждаемая голодомъ, не брезгаетъ иногда и падалью. Лиса любитъ также рыбу, которую обманываетъ своею мертвою неподвижностію, и рыба, не подозрѣвая западни, весьма близко и довѣрчиво подплываетъ къ самому берегу, причемъ лиса, съ быстротою молніи, схватываетъ ее лапами и вытаскиваетъ на берегъ. Раки также входятъ въ число блюдъ лисьихъ обѣдовъ, приправляемыхъ и яблоками, и грушами, и сливами, и морковью, и огурцами, и рѣпою, и виноградомъ, и картофелемъ. Плоды и овощи, любимые лисою, избѣгаются прочими породами собачьяго семейства. Выходя на охоту, лиса вооружается всею, свойственною ей, осторожностію: она крадется, оглядывается, обнюхиваетъ каждую подозрительную травку, чтобы не попасться на глаза какому нибудь опасному врагу, въ родѣ волка, рыси или медвѣдя, и идетъ впередъ зигзагами, между камнями, и такими окольными путями достигаетъ предъизбранной цѣли своей охоты. Она обращаетъ свое чуткое вниманіе даже на такіе ничтожные предметы, предъ которыми не остановится ни одно, даже робкое, животное и съ поразительной ловкостью умѣетъ пользоваться каждымъ своимъ наблюденіемъ, въ чемъ много помогаютъ ей тонкіе органы ея чувствъ. Попавшись въ тенета, она, не теряя времени, быстро перегрызаетъ ихъ и, пользуясь благопріятною минутою, убѣгаетъ. Съ капканами она осторожна въ высшей степени и смотритъ на нихъ, какъ на предметъ самый подозрительный и самый опасный для ея существованія; подходя къ нему, она весьма долго осматриваетъ его съ большимъ вниманіемъ и, не взирая на лакомый кусокъ приманки, не скоро дается въ обманъ и лишь изрѣдка, и то слегка, дотрогивается до приманки лапою, и когда неподвижность куска убѣждаетъ ее въ безопасности, а предстоящее наслажденіе вкуснымъ кушаньемъ соблазняетъ ее взять приманку, то она бросается на нее моментально, чтобы тотчасъ же и убѣжать съ добычею, но эластическая пружина капкана быстро обвивается вокругъ шеи, и животное въ такомъ случаѣ безропотно покоряется своей участи, не крича, не вырываясь и не употребляя ни малѣйшихъ усилій къ своему освобожденію. Если же пружина захватитъ только ногу, то лиса быстро соображаетъ свою опасность, перегрызаетъ свою плѣнную ногу и убѣгаетъ на трехъ ногахъ. Иногда будучи подстрѣлена и неимѣя силы обороняться противъ человѣка, лиса притворяется мертвою, не обнаруживая ни малѣйшихъ признаковъ жизни. Тогда охотники съ увѣренностію берутъ ее въ руки и уносятъ къ себѣ домой, но едва достигнутъ они лѣса или какого нибудь ущелья, она быстро выскользаетъ изъ рукъ пораженнаго удивленіемъ охотника, не пропуская при этомъ удобномъ случаѣ отомстить своимъ врагамъ, разорвавъ ихъ платье и изранивъ зубами. Смѣтливость лисы обнаруживается еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: терзаемая лѣтомъ блохами она беретъ въ зубы клочекъ сѣна или травы и затѣмъ пятится задомъ постепенно въ рѣку: блохи испуганныя приближеніемъ воды, скачутъ на спину, а когда нода, мало по малу, подходитъ и къ спинѣ—на голову животнаго. Тогда лиса постепенно погружаетъ и голову, такъ что сѣно остается для насѣкомыхъ послѣднимъ мѣстомъ спасенія. Въ это время лиса быстро оставляетъ сѣно на водѣ, а сама выбѣгаетъ изъ воды на берегъ.

Лисица не теряется даже въ минуты самой безнадежной опасности, когда не могло бы спасти себя никакое другое животное и даже человѣкъ. Въ доказательство этого, одинъ охотникъ разсказываетъ, что, однажды, онъ видѣлъ лисицу, спасавшуюся быстрымъ бѣгомъ отъ преслѣдованій большого и сильнаго альпійскаго орла, который парилъ надъ нею и съ каждымъ взмахомъ своихъ могучихъ крыльевъ все ближе и ближе настигалъ избранную имъ жертву. У лисы недоставало уже болѣе силъ, чтобы ускорить свой бѣгъ, а на ровной мѣстности не видѣлось ни кустовъ, ни камней, за которыми могла бы она скрыться отъ ужасавшаго ее преслѣдованія. Роковая минута наступила, и орелъ спустился на нее, какъ грозная молнія, захватилъ жертву за хребетъ своими желѣзными когтями и взвился вмѣстѣ съ нею въ небесную высь. Долго слѣдилъ охотникъ за этой сценою, пока орелъ не началъ спускаться вновь, къ выступавшей скалѣ, чтобы растерзать на ней свою добычу. Скала мѣшала охотнику видѣть происходившее за нею, и онъ поспѣшилъ туда съ заряженнымъ ружьемъ, чтобы покончить дѣло разомъ и съ лисою, и съ орломъ, но каково же было его удивленіе, когда онъ, подходя къ этому мѣсту, увидѣлъ только одного орла, умирающаго въ мученіяхъ. По соображенію охотника оказалось, что лиса, во время высокаго полета, успѣла растерзать орлу шею, что, безъ сомнѣнія, заставило его такъ скоро спуститься съ нею къ скалѣ. Оказалось, что орелъ самъ могъ сдѣлаться для лисы обѣдомъ, но, она подъ вліяніемъ

Тегеранскіе типы. Рисов. съ фотографіи Н. Лосевъ, гравир. К. Вейерманъ.

1) Курды. 2) Молодая женщина. 3) Женщина изъ богатаго семейства въ домашнемъ костюмѣ. 4) Общій костюмъ всѣхъ персидскихъ женщинъ внѣ дома. 5) Дервишъ. 6) Купцы и граждане. 7) Мулла сеидъ.

страха, видимо уже не думала о пищѣ и спѣшила только обезпечить свое собственное спасеніе.

Охотникъ Винкель подстрѣлилъ однажды переднюю ногу лисицы, которая тотчасъ-же бросилась спасаться бѣгствомъ, но, такъ какъ передняя болтавшаяся нога мѣшала ей бѣжать, то она, ни мало не задумываясь, отгрызла ее и продолжала бѣжать, пока не скрылась изъ виду.

Разсказавъ многое объ осторожности, лукавствѣ, умѣ и хитрости лисы, намъ необходимо сказать нѣсколько словъ и о ея кровожадности и ненасытномъ хищничествѣ. Всѣхъ наблюдателей за нравами лисицъ удивляетъ то, почему она душитъ такое множество куръ и другихъ домашнихъ животныхъ, когда для своего насыщенія нуждается не болѣе, какъ въ одной штукѣ. Самыя кровожадныя животныя, какъ тигры, барсы, ягуары, львы, пантеры, рыси, хотя и безжалостны къ попадающимся имъ животнымъ и птицамъ, но ограничиваются одною жертвою и рѣдко уже двумя, если голодъ такъ великъ, что одно маленькое животное не въ состояніи удовлетворить его. Кровожадность лисицы особенно замѣтна изъ того, что она безцеремонно поѣдаетъ своихъ сородичей, такихъ же лисицъ, какъ и сама и даже изъ собственнаго семейства. Однажды лиса, вернувшись въ нору, увидѣла въ крови собственнаго своего дѣтеныша, что сильно разлакомило ее, и она, недолго задумываясь, съѣла его; въ другомъ примѣрѣ маленькія лисята подрались между собою въ норѣ, и когда одинъ изъ нихъ былъ прокушенъ до крови, то немедленно былъ съѣденъ своими же братьями и сестрами. Въ третьемъ примѣрѣ лисица—мать, раненая пулею, возвратилась къ своему семейству, исходя кровью, но встрѣтила въ родной своей семьѣ не участіе и ласки вскормленныхъ ею дѣтей, а была ими же немедленно съѣдена.

Лисицы трудно дѣлаются ручными, но бываютъ случаи, хотя и рѣдкіе, что онѣ привязываются къ человѣку, какъ собака особенно если пойманы въ самой ранней молодости и вскормлены коровьимъ молокомъ. Такъ Ленцъ приручилъ лисицу, которая слѣдовала за нимъ, какъ собака, бѣжала къ нему на встрѣчу и съ визгомъ бросалась къ нему отъ радости, если долго не видала, расточая ему самыя непритворныя ласки, но онъ не могъ никакими строгостями отъучить ее душить куръ и часто, гуляя съ нею, видѣлъ, какъ она яростно бросалась на куръ и утокъ, за которыхъ часто приходилось ему расплачиваться съ недовольными хозяевами. Однажды она скрылась отъ него въ небольшой лѣсъ; посланная за ней домашняя прислуга не могла возвратить ее, но когда онъ самъ пошелъ туда за нею, то она тотчасъ же вышла изъ норы, услышавъ любезный для ея сердца голосъ хозяина, стала къ нему ласкаться и охотно вспрыгнула къ нему на руки, ни мало не сопротивляясь возвращенію домой. Въ другой разъ она забралась на высокій заборъ и хотя хорошо знала всю прислугу Ленца, но не покорилась никому изъ нихъ, не сходя съ забора; когда же явился онъ самъ—она немедленно соскочила, только побѣжала къ лѣсу, безпрестанно оглядываясь на него и какъ будто желая ему дать знать, что она хочетъ быть лишь съ нимъ однимъ и покорится одному ему. Догадавшись, онъ велѣлъ всѣмъ уйти домой, и когда, дѣйствительно, лиса осталась съ нимъ наединѣ, то тотчасъ исполнила всѣ его приказанія и радостно возвратилась вмѣстѣ съ нимъ въ квартиру. Этотъ, рѣдкій впрочемъ, случай указываетъ, все таки, на возможность прирученія лисы.

Н. Зуевъ.

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

Струя мягкаго ночного воздуха бальзамически дѣйствовала на воспаленные, заплаканные глаза Кэты. Звѣздный шатеръ развернулся надъ уснувшимъ паркомъ; можно было различить каждую группу деревьевъ; вдали сверкала зеркальная, серебристая поверхность пруда. Крупный песокъ хрустѣлъ подъ ногами, а издали доносился шумъ воды, стремящейся черезъ плотину, но ни одинъ листокъ не шевелился на деревьяхъ и кустарникахъ. Тутъ вокругъ было также тихо, какъ и въ комнатѣ покойницы, гдѣ въ этотъ день всѣ говорили шопотомъ, а потому Кэта испугалась и вздрогнула, когда докторъ нарушилъ эту тишину, заговоривъ своимъ звучнымъ голосомъ. (Они подходили теперь къ тѣнистой аллеѣ, и тутъ Брукъ остановился):

— Черезъ нѣсколько дней я уѣзжаю изъ резиденціи и, насколько знаю я васъ, вы до отъѣзда моего не придете къ моей тетушкѣ, да и мнѣ не позволите придти на мельницу. (Въ словахъ его слышались невыразимая тоска и тревога)... И такъ, мы идемъ теперь въ послѣдній разъ другъ возлѣ друга... то есть, это *покамѣстъ только*... потому что...

— Навсегда! перебила его Кэта беззвучнымъ, но твердымъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ Брукъ рѣшительно:— разлука эта была бы дѣйствительно вѣчной, если-бы я долженъ былъ считать неизмѣннымъ то, что вы высказали нѣсколько часовъ тому назадъ, потому что... мнѣ не нужно *сестры*!.. Вы думаете, что мужчина можетъ всю жизнь довольствоваться милыми, ласковыми письмами „сестры“ тамъ, гдѣ онъ жаждетъ услышать отъ любимой женщины живое слово?.. Но... нѣтъ!.. Сегодня мнѣ не хотѣлось-бы говорить объ этомъ... Эгоистическое чувство заставляетъ меня безпокоить васъ въ такую минуту, когда душа ваша переполнена печалью... Однако, относительно одного пункта, я долженъ высказаться: сегодня, послѣ обѣда, у васъ былъ разговоръ въ той комнатѣ, изъ которой вы вышли такая взволнованная... Вамъ сообщили, конечно, о томъ, что произошло, ну, и, само собою разумѣется, говорили, что вся вина падаетъ на меня... Совершился разрывъ, и виновнаго выставили передъ вами въ некрасивомъ свѣтѣ! Я узналъ это по вашему лицу... Потомъ, когда вы, отвергая болѣе близкія между нами отношенія, обѣщали—изъ любви къ Генріэттѣ—быть мнѣ сестрой, — я услышалъ, что вы повѣрили злымъ навѣтамъ... Слава Богу, не на вѣки-же, однако, повѣрили!.. Я знаю это. Вашъ ясный, умный взглядъ можетъ помрачиться, но не на долго; вы не останетесь глухи къ истинѣ... Слушайте, Кэта: въ день катастрофы въ паркѣ, послѣ обѣда, я былъ въ своемъ саду, стоялъ я за прибрежнымъ кустарникомъ и видѣлъ на другомъ берегу рѣки дѣвушку... Эта дѣвушка, прижавшись лицомъ къ древесному стволу, горько плакала...

Кэта сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла убѣжать въ аллею, но Брукъ успѣлъ крѣпко схватить ея руку, которую и не выпустилъ изъ своей.

— Да, я увидѣлъ *ее*, живое существо, съ плотью и кровью! А передъ тѣмъ, въ воображеніи своемъ, я страстно обнималъ и прижималъ къ груди своей эту дѣвушку... Въ эти минуты въ душѣ моей происходила послѣдняя, рѣшительная борьба, терзавшая меня въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ... И я остался побѣдителемъ: отдѣлался отъ ложныхъ взглядовъ и тутъ же сказалъ себѣ, что буду клятвопреступникомъ, если вступлю въ ненавистный бракъ, потому что ношу здѣсь... въ сердцѣ, непобѣдимую, страстную любовь къ *другой*... Потомъ, вся душа моя возликовала: я увидѣлъ, какъ глаза *ея*, полные слезъ, были устремлены на окно, но не на окно тетушки...

Онъ умолкъ и поцѣловалъ руку Кэты... Молодая дѣвушка стояла, прислонившись къ липѣ, безмолвная, смущенная... Языкъ не повиновался ей.

— Упрекать бывшую мою невѣсту я не имѣю права; но если въ чемъ и я виноватъ, такъ это въ томъ, что отношенія наши прекратились такъ внезапно и насильственно... Вѣдь я изъ-за фразы „что скажетъ свѣтъ?“ проявилъ слабость—не могъ отретироваться въ ту минуту, когда, ощущая смертельную тоску въ душѣ, убѣ-

дился, что увлекся поразительно прекрасною формою, нравственное содержаніе которой оказалось, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ, дурного качества, почти ничтожнымъ... А прозрѣлъ я черезъ двѣ-три недѣли послѣ нашей помолвки...

Нѣтъ, не ничтожество скрывалось подъ этой очаровательно-прекрасной оболочкой! Женская душа, полная дьявольской злобы, сидитъ въ этомъ прекрасномъ тѣлѣ... Вѣдь Флоря знала (благодаря собственному признанію Брука) о любви его къ ней, Кэтѣ... О, какая подлая интрига! Кольцо теперь въ карманѣ у обманутой молодой дѣвушки: она дорого купила его, желая имѣть это колечко, во что бы то ни стало... И она *сама* оспаивала и опровергала хитрые доводы сестры интриганки, и потомъ дала честное слово не употреблять этого кольца въ свою пользу, если бы даже Брукъ попросилъ ея руки... Кэта въ порывѣ отчаянія устремила глаза въ звѣздное небо. Она знала, что Флора *ни за что* не возвратитъ ей даннаго слова, хоть на колѣняхъ умоляй ее объ этомъ; она знала также, что всѣ осудятъ ее и Брука, потому что никто вѣдь не зналъ настоящаго положенія дѣла, никто не могъ отнестись къ нимъ надлежащимъ образомъ, безъ предразсудка. Не нужно даже обладать блестящимъ краснорѣчіемъ Флоры, чтобы убѣдить свѣтъ, что обманута *она*, Флора, что младшая сестра отбила у нея жениха... Флора именно *такъ* все и объяснитъ, ужь это вѣрно, какъ дважды два—четыре... Вонъ тамъ—высоко—какъ блестятъ эти золотыя звѣзды!.. На которую изъ нихъ попала освобожденная душа Генріэтты? Видитъ ли она оттуда, что творится на землѣ? Знаетъ ли, что счастье любимаго ею человѣка разбито?..

— Вы ничего мнѣ не отвѣчаете, Кэта... Вы, я вижу, молча даете мнѣ понять, что разговоръ этотъ считаете неумѣстнымъ. Мнѣ не слѣдовало бы объясняться *сегодня*, заговорилъ снова докторъ: и потому не буду больше надоѣдать вамъ. Я очень хорошо знаю, что мои просьбы и желанія погрузятъ вашу душу въ тяжелое раздумье, потому что справедливость и честь присущи вашей натурѣ... Вѣдь я знаю васъ, Кэта! И я достигну желанной цѣли, не прибѣгая къ огненнымъ цвѣтамъ краснорѣчія... Да, это такъ. Теперь даю время подумать и подвергнуть меня испытанію... Пусть уляжется сначала глубокая печаль, овладѣвшая вашей душой... Печаль эта придаетъ совсѣмъ другой колоритъ вашимъ мыслямъ и чувствамъ... Я уѣду не осчастливленнымъ, но вернусь къ вамъ. Идемъ же теперь на мельницу! Вы можете спокойно дать мнѣ вашу руку: сегодня я вашъ охранитель и защитникъ, какъ братъ, горячо, безкорыстно любящій свою сестру... А почему бы вамъ не присоединиться къ намъ, когда мы поѣдемъ въ Л—гъ?..

— Я не вернусь въ Саксонію, отвѣтила Кэта.

Она оперлась на руку Брука, и они пошли по аллеѣ. Молодая дѣвушка чувствовала, какъ она цѣпенѣетъ... Могильный холодъ сталъ прохватывать ее, онъ останавливалъ порывистое біеніе ея сердца и сжималъ горло, что дѣлало голосъ глухимъ и грубоватымъ...

— Когда я въ послѣдній разъ была въ Дрезденѣ, то уже и тогда чувствовала, что исключительное занятіе изученіемъ языковъ и музыки, мелкіе хлопоты по хозяйству и т. п.—трудъ совсѣмъ не годный для меня при теперешнемъ состояніи моей души... Мнѣ нужна теперь другая дѣятельность—какая-нибудь тяжелая, напряженная работа, работа изо дня въ день. Прежде, то есть, нѣсколько дней тому назадъ, я не рѣшалась обнаружить этого намѣренія, потому что знала, что заикнись я только объ этомъ и—мой опекунъ воспротивится... Вѣдь у „золотой рыбки“ уже было своего рода призваніе и свой кругъ дѣятельности: тратить съ безукоризненнымъ шикомъ свои деньги... Теперь все это кончено. Страшный денежный шкафъ не существуетъ больше, или вѣрнѣе—бумаги, хранившіяся въ немъ, еще раньше потеряли всякую цѣнность, превратились въ ничто прежде, чѣмъ онъ взлетѣлъ на воздухъ. Я убѣдилась въ этомъ сегодня послѣ обѣда, когда Нанни шепнула мнѣ, что внизу, на виллѣ, чиновники все опечатали. А что—вѣдь мои сотни тысячъ талеровъ уже не существуютъ?..

— Да... И я полагаю, что едва ли возможно будетъ что нибудь спасти...

— Мельница моя, однако, принадлежитъ мнѣ... Здѣсь я и останусь. Можетъ быть, вы станете серьезно порицать меня, если я скажу вамъ, что съ этихъ поръ хочу сама управлять своимъ имуществомъ? Могутъ, пожалуй, сказать, что это „эмансипація“, то есть, когда молодая дѣвушка является самостоятельной представительницей фирмы.

— Я не раздѣляю такихъ невѣрныхъ взглядовъ на вещи—напротивъ, я на сторонѣ такой самостоятельности женщинъ. Я знаю, что вы, обладая силой и энергіей, поведете дѣло какъ слѣдуетъ, но, Кэта, это не ваша дорога. Ваше призваніе—семья, вы должны создать и упрочить семейное счастье, а не стоять изо дня въ день за конторкой, занимаясь цифрами и разсчетами. Лучше и не беритесь за это! Въ одинъ прекрасный день за вами явятся и не спросятъ, на чемъ вы остановились въ вашихъ дѣловыхъ книгахъ, подвели итоги? Ну, и тутъ можетъ выйти большая путаница!..

Если бы хоть одинъ голубой лучъ съ звѣзднаго неба проникъ въ темную аллею, то Брукъ не разстался бы съ молодой дѣвушкой... Онъ увидѣлъ бы, какое безпредѣльное отчаяніе выражалось въ каждой чертѣ ея лица; онъ взялъ бы ее подъ свою защиту и поторопился бы разузнать настоящую причину ея сдержанности и сопротивленія... Но мракъ ночи скрывалъ отъ его глазъ слѣды страшной борьбы, происходившей въ душѣ молодой дѣвушки, которая молча шла возлѣ него... Она даже ни разу не вздохнула, не выдала себя... Брукъ думалъ, что смерть Генріэтты слишкомъ сильно опечалила Кэту, и вотъ она до сихъ поръ находится подъ гнетомъ грусти и унынія, а потому и голосъ ея такъ глухъ и однозвученъ .. Особенно явственно, среди безмолвія, слышался плескъ рѣчныхъ волнъ. Но вотъ, Кэта и Брукъ дошли до конца липовой аллеи, и надъ ними развернулось снова звѣздное небо, на лучисто-синемъ фонѣ котораго рѣзко очерчивалась пара стройныхъ тополей, стоявшихъ возлѣ деревяннаго моста.

Брукъ невольно прижалъ руку молодой дѣвушки къ своей груди.

— Взгляните туда, Кэта, прошепталъ онъ съ чувствомъ:—вонъ тамъ вы всегда рвали первыя фіалки... Помните, я говорилъ вамъ, что вы всегда можете приходить сюда за этими цвѣточками? Обѣщаніе это я могу исполнить: праздникъ Пасхи я всегда буду проводить здѣсь.

Кэта притиснула правую руку къ груди... Ей казалось, что она вотъ-вотъ задохнется—такъ сильно застучало ея сердце, но прошла секунда, и молодая дѣвушка спросила, повидимому, совершенно спокойно:

— А тетушка ваша поѣдетъ съ вами въ Л—гъ?..

— Поѣдетъ. Тетушка будетъ тамъ хозяйничать у меня... до поры до времени... пока я буду одинокимъ. Уѣзжая со мной туда, она ради меня приноситъ великую жертву и, конечно, будетъ благодарить Бога, когда ей возможно будетъ стряхнуть съ ногъ своихъ пыль городскую—и вернуться сюда—въ свой любимый, земной уголокъ. Я... я знаю, что благородная, великодушная дѣвушка, которой я предлагаю руку, не заставитъ ждать себя слишкомъ долго и освободитъ старушку отъ обязанностей хозяйки, прибавилъ Брукъ мягкимъ, просящимъ голосомъ.

Тутъ увидѣли они огонекъ на мельницѣ. Тѣло мельника Франца сегодня принесли туда. Несчастный оста-

вилъ послѣ себя вдову и троихъ сиротъ. Кровля, защищавшая ихъ теперь, не принадлежала уже имъ, а небольшой капиталъ, скопленный этимъ трудолюбивымъ человѣкомъ, не могъ обезпечить семью. Суза на минутку заходила сегодня на виллу, чтобы провѣдать свою госпожу. Она говорила Кэтѣ о томъ, въ какомъ безвыходномъ и отчаянномъ положенiи находится осиротѣвшее семейство Франца, жаловалась также на безпорядки на мельницы, оставшейся безъ хозяина.

Въ полукругломъ окнѣ жилой комнаты на зàмковой мельницѣ, которое выходило въ паркъ, не видно было огня. Мрачной, почти безобразной массой возвышалось зданiе мельницы, казавшейся теперь покинутой, запустѣлой... Залаяли собаки, заслышавъ шумъ приближавшихся шаговъ, но лай этотъ звучалъ какъ-то странно, словно среди пустыря. Мельничныя колеса бездѣйствовали, мукомольня была пуста — и тамъ царила такая торжественная тишина, какъ будто въ моментъ смерти мельника оттуда выбрались маленькiе гейнцельменхены и ушли куда-то, закрывъ свои печальныя рожицы темнымъ капюшономъ.

Надо было отворить калитку, но докторъ привлекъ къ себѣ молодую дѣвушку и заговорилъ робкимъ, нерѣшительнымъ голосомъ:

— Мнѣ, знаете, кажется, будто я провожаю васъ въ изгнанiе... Почему-бы вамъ не избавить меня отъ горя—оставить васъ одну именно сегодня, въ такiя тяжелыя минуты?.. Пойдемте со мной! О, какъ счастлива была-бы тетушка, если бы вы посѣтили ее!.. Она стала бы заботиться о васъ такъ, какъ нѣжная мать...

— Нѣтъ... нѣтъ! воскликнула Кэта. Ахъ, не думайте, пожалуйста, что въ одиночествѣ я всецѣло отдамся безплодной тоскѣ... У меня не будетъ времени на это, да я и не хочу этого. Мнѣ слѣдуетъ идти туда (она указала на полукруглое окно, гдѣ теперь за ситцевой занавѣской показался слабый свѣтъ), я должна утѣшить этихъ несчастныхъ сиротъ, такъ какъ они остались на моемъ попеченiи...

— Милая, дорогая Кэта! произнесъ Брукъ и снова прижалъ ея руку къ груди... Да, идите туда и—да благословитъ васъ Богъ! Я почелъ бы за тяжкiй грѣхъ помѣшать вамъ... Вы мужественно вступаете на кремнистый, но вѣрный путь, чтобы заглушить въ сердцѣ безплодное горе. Только не будьте слишкомъ строги къ себѣ въ первое время! Вѣдь вы еще не совсѣмъ поправились!.. Не снимайте-же повязки съ заживающей раны. И такъ, теперь... до свиданiя, до Пасхи, до той поры, когда зимнiе туманы исчезаютъ, когда снѣгъ и ледъ превращаются въ воду... Въ тѣ дни и сердце человѣческое становится мягче, добрѣе... На Пасхѣ я вернусь сюда, а до тѣхъ поръ не забывайте, что тамъ... далеко у васъ есть горячо-преданный вамъ человѣкъ... Пусть же между мной и вами *никогда* не будетъ мѣста ни клеветѣ, ни недовѣрiю!

— *Никогда*! почти вырвалось изъ груди Кэты.

Брукъ горячо поцѣловалъ ея руку, но она сейчасъже высвободила ее—и калитка захлопнулась за молодой дѣвушкой. Кэта не сдѣлала ни шага дальше; прижавшись къ холодной, сырой стѣнѣ и закрывъ лицо руками, она прислушивалась, затаивъ дыханiе, къ его удаляющимся шагамъ. Что значила смерть Генрiэтты въ сравненiи съ муками ея бурнаго, горячаго сердца, которое должно еще жить и страдать?. Она все стояла и прислушивалась до тѣхъ поръ, пока кругомъ нея все стало опять тихо... Не проронивъ ни одной слезы, Кэта направилась къ дому, чтобы явиться тамъ ангеломъутѣшителемъ вдовы мельничихи и ея дѣтей.

Черезъ три дня, тотчасъ послѣ погребенiя Генрiэтты, д—ръ Брукъ и тетушка дiаконица уѣхали изъ резиденцiи. Такъ Кэта и не видѣла больше доктора; старушка приходила къ ней нѣсколько разъ и просиживала два три часа на мельницѣ. Въ тотъ-же день уѣхали Флора и президентша. Почтенная дама отправилась нà воды, а Флора—въ Цюрихъ, гдѣ какъ поговаривали въ резиденцiи, она намѣревалась прожить нѣкоторое время и заняться изученiемъ медицины.

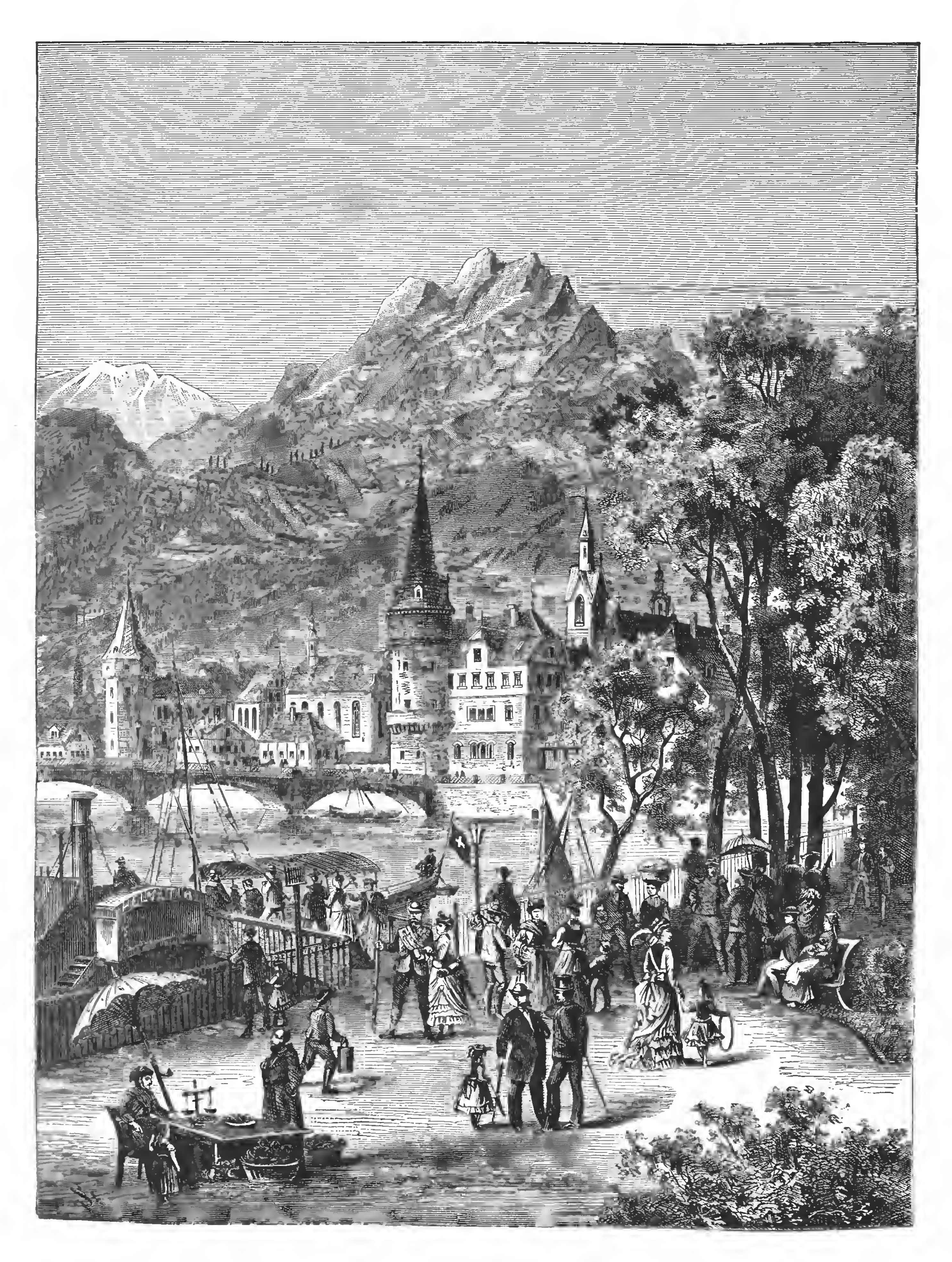
XXIX.

Прошло болѣе года съ того мартовскаго дня, когда Кэта Мангольдъ, внучка и единственная наслѣдница богатаго замковаго мельника, шла по проѣзжей дорогѣ изъ города въ домъ своего опекуна, чтобы представиться тамъ въ своомъ новомъ званiи „золотой рыбки".

Дорога эта, прежде вѣчно грязная, теперь была шоссейною; по правую сторону ея тянулся цѣлый рядъ красивыхъ маленькихъ домиковъ; эти домики принадлежали рабочимъ прядильни и стояли на мѣстѣ прежняго мельничнаго сада, на той землѣ, которую Кэта успѣла отвоевать у своего опекуна для фабричныхъ. Обыватели резиденцiи очень охотно ходили теперь по этой дорогѣ. Здѣсь прежде возвашалась старая, толстая стѣна, окружавшая владѣнiя зàмковаго мельника; тропинка, змѣившаяся вдоль этой стѣны, почти никогда не просыхала, такъ что мѣсто это называли болотомъ. Въ настоящее время тутъ красовалась аллея изъ кустовъ акацiи. Домики, зàново выкрашенные, выглядѣли такими чистенькими и красивенькими; около каждаго былъ разбитъ палисадникъ, въ которомъ пестрѣли цвѣтущiе кусты. На заднемъ планѣ этой картинки гордо возвышалась зàмковая мельница, порядкомъ таки почернѣвшая отъ времени; окна ея выходили на противуположную сторону, и казалось будто эта „старина" гнѣвно отвернулась отъ манiатюрныхъ новыхъ строенiй. Въ самой мельницѣ не произошло никакихъ перемѣнъ; только старые, поистершiеся солнечные часы были подновлены, да калитка въ стѣнѣ, отдѣлявшей мельницу отъ парка, была задѣлана. Теперь не существовало уже никакихъ отношенiй между зàмковой мельницей и бывшимъ помѣстьемъ вымершихъ рыцарей ф. Баумгартеновъ, отъ которыхъ она во время òно и получила свой титулъ „зàмковая",—однако-же, оглушительная стукотня въ этомъ почтенномъ зданiи среднихъ вѣковъ раздавалась теперь съ удвоенною силой — работа кипѣла тамъ, а по дорогѣ, ведущей во дворъ мельницы, безпрерывно тянулись подводы съ зерномъ и мукой. Дѣломъ на мукомольнѣ заправляла, какъ видно, сильная рука, послушная смѣтливой, коммерческой головѣ. Предпрiятiе Кэты вполнѣ удалось: она нашла для своей мельницы честнаго, опытнаго управляющаго; относительно веденiя книгъ ей помогалъ купецъ Ленцъ, теперь совершенно обѣднѣвшiй.

Молодая дѣвушка опредѣлила себя въ ученицы при своей мельничной конторѣ; благодаря познанiямъ своимъ, ясному уму и быстрой сообразительности, Кэта въ короткое время догнала своего учителя и даже не уступала ему въ умѣнiи вести конторскiя дѣла. Она, дѣйствительно, работала изо дня въ день, не хуже мужчины. Дѣло быстро росло, развивалось и давало такiе результаты, какихъ не могъ добиться даже покойный замковый мельникъ. Довольныя лица, окружавшiя Кэту, поддерживали ее на „кремнистомъ" пути жизни, по которому она сама пошла. А ужь какой порядокъ былъ во всемъ! Всякому воздавалось должное. Вдову и дѣтей злосчастнаго Франца Кэта помѣстила въ новомъ, небольшомъ флигелѣ. Бывшая мельничиха и Суза завѣдывали небольшой экономiей при мельницѣ; хозяйство также лежало на ихъ рукахъ; что касается дѣтей погибшаго мельника, то они получали такое воспитанiе, какого, навѣрно, не далъ бы имъ отецъ, заботившiйся преимущественно о прiобрѣтенiи матерiальныхъ средствъ.

Отъ громаднаго наслѣдства замковаго мельника у Кэты, дѣйствительно, ничего не осталось, за исключенiемъ мельницы и нѣсколькихъ тысячъ талеровъ, которыя, вмѣстѣ съ кускомъ земли, она выпросила у опе-

Люцернъ и гора Пилатусъ въ Швецаріи. Съ фотографіи рѣзалъ Пейне.

куна, отдавъ эти деньги взаймы рабочимъ для постройки домиковъ. Сотни же тысячъ талеровъ исчезли безслѣдно въ огнѣ, послѣ взрыва, а небольшіе слитки золота и серебра, найденные среди развалинъ на мѣстѣ катастрофы, получились скорѣе отъ расплавившейся посуды и кубковъ, чѣмъ отъ монетъ. При конкурсѣ, послѣдовавшемъ за взрывомъ въ башнѣ, множество кредиторовъ коммерціи совѣтника лишились своихъ капиталовъ. Оставшіяся послѣ „богатаго человѣка" недвижимое имущество и другія цѣнности не могли покрыть всѣхъ его долговъ; вообще конкурсъ этотъ оказался однимъ изъ самыхъ ужасныхъ и безнадежныхъ, какіе только могъ вызвать страшный биржевой крахъ. Вилла и паркъ снова попали въ дворянскія руки; новые владѣльцы велѣли убрать куда-нибудь (и какъ можно скорѣе) всю руину, отвести воду въ рѣку, а самый ровъ засыпать, даже холмъ приказано было срыть... Новымъ хозяевамъ хотѣлось, чтобы ничто на землѣ этой, изстари принадлежавшей родовымъ дворянамъ, не напоминало о высокомѣрномъ выскочкѣ, окончившемъ свой прыжокъ такъ позорно. Старый, уже знакомый читателю, почтенный мостъ черезъ рѣку былъ тоже сломанъ, а потому чтобы попасть теперь въ докторскій домикъ —нужно было пройти новый, каменный мостъ неподалеку отъ прядильни и повернуть потомъ въ красивую аллею вдоль берега рѣки.

Домикъ надъ рѣкой стоялъ теперь пустой, хотя былъ поправленъ еще осенью Старая пріятельница тетушки діаконицы осталась на зиму въ прежней городской квартирѣ доктора и только весной собиралась опять поселиться тутъ... Кэта почти ежедневно ходила къ докторскому домику. Ни туманы осенніе, ни грязь, ни снѣжная мятель, ни вѣтеръ не могли удержать ее: съ наступленіемъ сумерекъ она бросала перо, закутывалась потеплѣе и отправлялась къ мѣсту своей прогулки...

Тутъ она на полчаса стряхивала съ себя дѣловыя заботы, разставалась съ своими цифрами и ужъ не думала о сухихъ вычисленіяхъ; здѣсь она не была серьезной, аккуратной хозяйкой... Въ эти часы сумерекъ, Кэта была молодой дѣвушкой, вполнѣ отдававшейся своимъ пылкимъ чувствамъ, и какъ ни строго относилась она къ своему упрямому сердцу—все таки бывали минуты, когда она не могла удержаться, чтобы сладко не помечтать о счастьи и радостяхъ взаимной любви.

Кэта входила обыкновенно черезъ узкую калитку въ палисадникъ, мимоходомъ она всегда съ любовью проводила рукой по каменному, поросшему мхомъ пьедесталу, у котораго однажды стояла съ Брукомъ; потомъ подходила къ тому мѣсту, гдѣ находился прежде садовый столикъ... Тутъ страдалъ Брукъ, *страдалъ изъ-за нея*... Теперь это она знала. Молодая дѣвушка, обойдя запустѣлый домъ съ закрытыми ставнями, останавливалась у главной двери и жадно прислушивалась... Если тамъ и было все тихо, то все же это не была могильная тишина, къ тому же Кэта знала, что право отперетъ эту дверь принадлежало любимому человѣку... Да, въ одинъ прекрасный день въ этомъ домикѣ снова будутъ раздаваться шаги, а въ окнахъ замелькаютъ милыя, дорогія лица... Вѣдь такъ было рѣшено, хотя Кэта и говорила самой себѣ, что она будетъ всегда уѣзжать куда-нибудь на то время, пока, наконецъ, Брукъ не явится сюда подъ руку съ какой нибудь молоденькой дѣвушкой—и этой-то дѣвушкѣ она, Кэта, и передастъ то кольцо...

А въ Л—гѣ ему вѣрно хорошо, тамъ за нимъ ухаживаютъ... Еще-бы! Слава его росла съ каждымъ днемъ; его аудиторія была всегда переполнена слушателями. Репутація его, какъ отличнаго врача, облетѣла чуть-ли не весь свѣтъ. Письма тетушки діаконицы (а она частенько писала Кэтѣ) дышали счастьемъ и были для молодой дѣвушки источникомъ наслажденія, но въ тоже время и—причиною страшной душевной тревоги, и потому Кэта рѣже давала отвѣты старушкѣ, и тонъ ея писемъ звучалъ весьма умѣренно. Брукъ не писалъ Кэтѣ (обѣщалъ вѣдь не надоѣдать ей поры, до времени), онъ посылалъ ей только поклонъ (въ письмахъ тетушки), и Кэта отвѣчала ему тѣмъ же.

Такъ и шла, изо дня въ день, въ уединеніи, ея молодая жизнь. Она и не подозрѣвала, что въ городѣ занимаются ею гораздо больше съ тѣхъ поръ, какъ она такъ энергично добилась объявленія себя совершеннолѣтней и такъ рѣшительно встала во главѣ обширнаго предпріятія; она не знала, что ею интересуются тамъ и уважаютъ ее гораздо больше теперь, чѣмъ прежде, когда она слыла „золотой рыбкой"... Эта добрая молва объ молодой дѣвушкѣ была причиною того, что на мельницу стала приходить теперь очень часто одна гостья, при первомъ появленіи которой Кэта не мало удивилась. Г-жа президентша Урахъ уже не находила унизительнымъ для себя, гуляя въ сопровожденіи горничной, заходить на мельницу для того, чтобы, какъ она говорила, „провѣдать меньшую дочь своего милаго, покойнаго зятя»...

Почтенная дама довольно скоро вернулась въ резиденцію, она «не могла жить» на чужбинѣ. Занимая двѣ небольшія комнаты въ верхнемъ этажѣ (домъ находился въ какой-то узкой улицѣ), она жила, сообразно съ своими скромными средствами, вдали отъ свѣта, позабытая почти всѣми. Тайный совѣтникъ ф. Бэръ купилъ себѣ помѣстье и уѣхалъ изъ столицы, такъ что президентша ничего и не знала о немъ; изъ прежнихъ друзей ее посѣщали двѣ-три пріятельницы старушки, да отставной полковникъ ф. Гизэ, приходившіе поиграть съ ней въ карты. Почтенная дама внезапно начала чувствовать себя очень хорошо въ „большой, высокой комнатѣ на мельницѣ, гдѣ такъ легко дышется"; утомившись во время прогулки, она удобно усаживалась на старомодномъ мягкомъ диванѣ замковаго мельника, и съ наслажденіемъ пила дорогой кофе, который Кэта всегда варила для нея на конфоркѣ. Президентша вовсе не протестовала, когда Суза, по знаку своей молодой барыни, передавала генеральской горничной большую корзину съ свѣжимъ масломъ, яйцами и окорокомъ.

О Флорѣ старая дама не любила говорить: внучка, не потерявшая ни одной копѣйки изъ своего состоянія, мало помогала бабушкѣ, платя только за квартиру и прислугѣ ея: все же остальное тратила на себя и „едва могла свести концы съ концами", какъ зачастую увѣряла она бабушку въ письмахъ своихъ. Красавица не долго пробыла въ Цюрихъ — „ужасная" медицинская наука раздражала нервы ея до „сумашествія". Флора принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя кокетничаютъ умомъ и хотятъ во что бы то ни стало играть видную роль, обращать на себя вниманіе; онѣ принимаютъ глубокомысленный видъ, ударяются въ ученыя разглагольствованія, а самомъ-то дѣлѣ для нихъ серьезная умственная работа—хуже горькой рѣдьки. Но вотъ и праздникъ Пасхи уже не за горами, а за плечами. Въ саду докторскаго домика давно начались работы. Брукъ прислалъ изъ Л—га садовника, который теперь прокладывалъ новыя дорожки, или лучше сказать, приводилъ садъ въ его первоначальный видъ, руководствуясь при этомъ старымъ планомъ. Много рукъ работало тутъ: рыли, сажали, расчищали мѣста для статуй (статуи эти, присланныя изъ Л—га, стояли еще въ ящикахъ). Ставни въ домѣ открыты были двѣ недѣли тому назадъ; стѣны комнатъ оклеивались новыми обоями, потолки бѣлились, а на кровельномъ конькѣ появилась даже палка для флага. Когда все было готово, въ домъ переѣхала пріятельница тетушки и привезла съ собой цѣлый отрядъ поденьщиковъ для мытья половъ, оконъ и дверей.

Кэта продолжала по прежнему прогуливаться сюда. Еще сегодня, накануне праздника Пасхи, она пришла после обеда взглянуть на свое любимое местечко. Въ саду еще сажали и сѣяли; между группами тисовыхъ деревьевъ, среди темной зелени, красовались статуи изъ песчаника; дорожки были усыпаны бѣлымъ пескомъ; вмѣсто деревянной, скрипучей калитки въ заборѣ палисадника вставлена была изящная черная желѣзная рѣшетка; бесѣдку тетушки діаконицы заново выкрасили бѣлой краской, а позади дома досчатый заборъ окружалъ новый птичникъ.

На каменномъ (уже извѣстномъ читателю) пьедесталѣ, передъ домомъ красовалась теперь статуя Терпсихоры. Богиня эта, граціозно вытянувъ руки, стояла на пальчикахъ своей маленькой ножки, принявъ ту именно позу, въ какой представляла ее себѣ Кэта.

— Статуйка эта, можно сказать, прелесть, замѣтилъ Л—ій садовникъ,—только стоитъ-то она вовсе не на мѣстѣ. Этотъ лужокъ (онъ обвелъ около себя рукой) какой-то дикій пустырь, но г. профессоръ строго-на строго запретилъ мнѣ даже прикасаться лопатой къ этому дикому мѣсту.

Яркая краска разлилась по лицу Кэты... Молодая дѣвушка молча нагнулась и начала рвать фіалки около пьедестала. Цвѣточки эти росли здѣсь въ изобиліи.

— Н—да, лужайка эта совсѣмъ поросла дрянной травой, прибавилъ садовникъ и ушелъ.

Домикъ надъ рѣкой, превратившійся въ настоящій маленькій зàмокъ, сіялъ новизной; онъ имѣлъ какой-то особенно — праздничный видъ, „какъ будто невѣста должна пріѣхать сюда", сказала съ простодушной улыбкой старушка, пріятельница тетушки, обратившись къ Кэтѣ... Бѣлая кошечка неслышными шагами расхаживала въ сѣняхъ по новому мозаичному полу; въ въ комнатѣ тетушки діаконицы, за филейными оконными занавѣсками, среди лавровыхъ и миртовыхъ деревьевъ, зимовавшихъ въ городѣ, громко распѣвала канарейка; золотыя рыбки по прежнему плавали въ стеклянной вазѣ... Все было по старому, но тутъ уже трепетала новая жизнь... Сама тетушка должна была пріѣхать сегодня послѣ обѣда. „Старушка-пріятельница", таинственно прищуривъ глаза, сообщила Кэтѣ, что тетушка привезетъ съ собой гостью, но кого именно—не знаетъ. Ей, „пріятельницѣ", поручили только разставить въ гостиной новую, красивую мебель. „Взгляните-ка туда!" пригласила она Кэту и, съ чувствомъ собственнаго достоинства, распахнула обѣ половинки двери гостиной... Заглянувъ въ эту комнату, Кэта не выдержала и залилась слезами... Она вспомнила Генріэтту, которая тутъ страдала и все таки была безконечно счастлива, находясь въ домѣ любимаго человѣка. . Но, рядомъ съ этимъ горестнымъ воспоминаніемъ, молодая дѣвушка ощутила въ душѣ совершенно новое, незнакомое ей жгучее чувство—чувство *ревности.* Кто же *та* незнакомка, которую тетушка полюбила такъ горячо, что даже пригласила ее гостить къ себѣ?..

Ситцевыя занавѣски съ розовыми букетами и висячія вазы съ цвѣтами остались въ этой комнатѣ, за то старомодная, неуклюжая мебель и выцвѣтшія картины исчезли куда-то, давъ мѣсто другимъ, новенькимъ... Какъ хорошо, уютно стало теперь здѣсь!.. Небольшой кабинетъ, смежный съ этой комнатой, стоявшій прежде совершенно пустымъ, былъ обращенъ теперь въ спальню.

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ).

Библіографія.

Путешествіе въ Сѣверную Африку Л. Ѳ. Костенко. С. П. Б. 1876 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Трудъ г. Костенко представляетъ яркій контрастъ съ произведеніями того же рода, очень часто знакомящими насъ только съ личными ощущеніями «туриста», его диллетантскими замѣтками, дающими лишь смутное понятіе о странѣ, которую онъ посѣтилъ. Г. Костенко, проѣхавъ Алжиръ отъ морского берега, поперекъ, до Сахары и посѣтивъ Тунисъ, сообщаетъ массу любопытныхъ, какъ статистическихъ данныхъ, такъ и свѣдѣній по топографіи, этнографіи, объ экономическомъ положеніи обѣихъ странъ, фауны, флоры и т. д., свѣдѣнія, не только почерпнутыя имъ изъ личнаго посѣщенія, но и заимствованныя изъ довольно богатой литературы, относящейся къ Африкѣ.

Въ своей книгѣ авторъ проводитъ параллель, намѣчаетъ аналогію, существующую между нашими среднеазіатскими владѣніями и французскою Алжиріею, какъ въ отношеніи экономическаго быта туземцевъ и ихъ нравственнаго уровня, такъ и въ отношеніи тѣхъ ожиданій и надеждъ, которыя мы возлагаемъ на наши пріобрѣтенія въ центральной Азіи, а французы — на сѣверѣ Африки. Сравненіе это, однако, оказывается не въ пользу Алжиріи. Дѣйствительно, Французы, въ теченіи своего почти полувѣковаго владычества ничего не извлекли изъ африканской провинціи, почти ничего не успѣли сдѣлать для нея. Экономическое положеніе, нравственный и интеллектуальный бытъ туземной массы остался тотъ же, что и въ 30-хъ годахъ, т. е. въ эпоху начала войны. Причины того слѣдуетъ, главнымъ образомъ, отнести, конечно, къ самымъ неблагопріятнымъ мѣстнымъ условіямъ страны, но, въ извѣстной степени, виноваты и завоеватели. Скудная почва Алжира, лишенная къ тому же воды,—тѣ незначительныя рѣчки и потоки, которые и встрѣчаются мѣстами, высыхаютъ лѣтомъ,—орошаемая, по большей части, только дождями, заключаетъ въ себѣ мало данныхъ къ культурѣ хлѣбныхъ растеній (хлѣбъ привозится изъ Марселя, Швеціи и Россіи), а отсутствіе, въ то же время, залежей ископаемаго топлива, исключаетъ возможность эксплоатаціи минеральныхъ богатствъ, которыми обладаетъ Тель—гористая полоса, тянущаяся отъ Марокко до Туниса, параллельно морскому берегу и отдѣляющая Малую Сахару отъ Большой. Такимъ безотраднымъ естественнымъ условіямъ отвѣчаетъ и экономическое положеніе туземцевъ. Если осѣдлая часть населенія бѣдна, если все ея богатство заключается въ грязныхъ домишкахъ, да нѣсколькихъ, охраняемыхъ какъ зѣница ока, пальмахъ (мы говоримъ, конечно, о массѣ), а все производство состоитъ изъ фабрикаціи «шапія» (фески), бурнусовъ и сушеныхъ фиников, то кочевые, дикіе сыны пустыни живутъ лишь щепоткой риса. Матерьяльному уровню соотвѣтствуетъ и умственный и нравственный. Странно сказать, французы, до сихъ поръ, не съумѣли сдѣлать ничего дѣйствительнаго для того, чтобы хотя сколько-нибудь вывести туземное населеніе изъ его жалкаго состоянія. Принимаясь за перевоспитаніе кочевниковъ, они примѣнили нѣсколько системъ, которыя, однако не дали практическихъ результатовъ. Такъ, сначала были устроены «шимы»—родъ военныхъ поселеній, куда поселялись туземцы, которыхъ пріучали къ земледѣлію командированные для того солдаты и унтеръ-офицеры; но это не повело ни къ чему: плата инструкторамъ была такъ ничтожна, что ничѣмъ не вознаграждала за неудобства жизни и за трудъ, и все велось, конечно, безъ всякаго усердія, спустя рукава, и, какъ мы только что сказали, не дало никакихъ результатовъ; затѣмъ администрація попробовала учреждать среди кочевниковъ и сельскаго населенія—колоніи французовъ—послѣдствія вышли не лучше: вызванные изъ метрополіи цивилизаторы оказались въ большинствѣ случаевъ авантюристы; понятно, что и тутъ ожиданія не могли оправдаться. Въ настоящее время правительство возложило всѣ свои надежды на трудолюбивыхъ и нравственныхъ эльзасцевъ, не пожелавшихъ остаться въ своемъ отечествѣ подъ властью пруссаковъ—но авторъ, видѣвшій ихъ поселенія, сомнѣвается въ успѣхахъ. Что же остается сказать о цивилизаторскомъ вліяніи Франціи въ Алжиріи—въ виду чудовищнаго факта, приводимаго авторомъ, который указываетъ, насколько неискренно различные западные «носители культуры» относятся къ возвѣщаемымъ ими «великимъ интересамъ человѣчества» — дѣло въ томъ, что французы, въ нѣкоторыхъ, расположенныхъ въ Сахарѣ оазисахъ, какъ Варгла, Лезабъ, Эль-Голеа, оазисахъ, находящихся подъ протекторатомъ Франціи, и въ которыхъ расположены французскіе гарнизоны, — открыто практикуется торгъ невольниками! Нужны ли здѣсь комментаріи? Не лишнимъ ли является тутъ и самый вопросъ о томъ—чего слѣдуетъ ожидать отъ французскаго владычества въ отношеніи моральнаго прогресса Алжира? Едва ли самая система управленія является въ достаточной степени благоразумною: администрація, подобранная изъ разныхъ вліятельныхъ туземцевъ—кандовы, абатъ-агъ, калифа и т. д., награждая ихъ отличіями, давая имъ довольно значительное содержаніе (достигающее иногда до 20 тысячъ франковъ), въ то же время облагаетъ народъ стѣснительнымъ налогомъ, падающимъ на каждаго верблюда, на каждую овцу, что, конечно, раздражаетъ народъ и не ослабляетъ въ немъ враждебнаго чувства къ завоевателямъ.

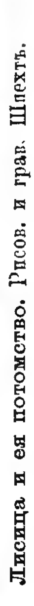
Нечего и говорить, что африканская провинція достаточнымъ

Главная улица въ Енисейскѣ. Рисов. Манкель.

Ратуша въ Енисейскѣ. Рисов. Манкель.

Лисица и ея потомство. Рисов. и грав. Шпехтъ.

образомъ вознаграждаетъ усилія метрополіи. Алжиръ ежегодно обходится Франціи до 50 милліоновъ франковъ, не говоря уже объ удобствѣ имѣть дѣло съ дикими, необузданными племенами, то подымающимися противъ властителей, то враждующими между собой. Вообще, какъ справедливо замѣчаетъ г. Костенко, положеніе французовъ въ Алжирѣ не завидно—они, можно сказать, съ самаго момента завоеванія, силою вещей, должны стремиться все впередъ и впередъ, отыскивая естественную оборонительную, охранительную границу для своихъ владѣній. Необходимость эта имѣла уже то послѣдствіе, что, дойдя сначала до Сахары, въ пограничной чертѣ которой они полагали найдти необходимую охранительную линію, они, вызываемые набѣгами и волненіями племенъ, принуждены занимать одинъ оазисъ за другимъ—и неизвѣстно, гдѣ это движеніе закончится, и что еще будетъ это стоить.

Въ книгѣ г. Костенко мы находимъ много интереснаго и о Тунисѣ. Любопытенъ тотъ фактъ, что нынѣ царствующій бей, Магометъ-Эль-Садыкъ, человѣкъ, по отзыву автора гуманный и довольно просвѣщенный, далъ въ 60-хъ годахъ, своему народу либеральную конституцію, но подданные, не съумѣвшіе оцѣнить намѣреній своего государя и возбужденные фанатическими учителями, возстали противъ нововведенія и принудили его возстановить прежній порядокъ, такъ что страна снова возвратилась къ порядкамъ патріархальнаго добраго стараго времени.

Всего, заключающагося въ книгѣ г. Костенко, не перечислить въ бѣгломъ очеркѣ, и мы отсылаемъ читателей, интересующихся предметомъ, къ этому добросовѣстному труду. Книга издана изящно. Политипажи (22 рисунка) оставляютъ, впрочемъ, желать лучшаго ибо рисунки при печатаніи замѣтно пострадали и утратили значительную долю своихъ достоинствъ.

Политическое обозрѣніе.

Конституція въ Турціи! Какое странное сопоставленіе! А между тѣмъ, приходится, по крайней мѣрѣ, констатировать газетныя и телеграфическія извѣстія объ этомъ странномъ явленіи. Такъ, «Международное телеграфное агентство» сообщило 31-го мая (12-го іюня) слѣдующую депешу: «Султанъ Мурадъ пригласилъ великаго визиря представить ему, въ теченіи этой недѣли, правительственную программу и объявилъ, что намѣренъ принять ее. На Мидхадъ-Пашу возложена разработка проекта о созваніи національнаго совѣта, который будетъ заниматься исключительно «финансовыми дѣлами и обсуждать бюджетъ». Прежде чѣмъ подѣлиться съ читателями нѣкоторыми размышленіями, на которыя вызываетъ «турецкая конституція», мы познакомимъ ихъ съ основными началами новой государственной системы, въ томъ видѣ, въ какомъ они сдѣлались извѣстными до появленія этой телеграммы. Вотъ главныя начала этого совокупнаго труда великаго визиря Мегемета-Рушди-Паши и главы реформатскаго министерства, Мидхада-Паши: «1) Всѣ оттоманы, т. е. всѣ жители, подданные имперіи всѣхъ націй и исповѣданій, будутъ равны предъ закономъ и будутъ пользоваться равнымъ участіемъ въ обязанностяхъ и правахъ гражданъ; 2) такъ какъ всѣ особыя привилегіи уничтожены, и между прежними завоевателями и побѣжденными не должно существовать никакого различія, то всѣ налоги, въ томъ числѣ и военный, будутъ распредѣлены, съ полнымъ равенствомъ, между всѣми гражданами; 3) должность великаго визиря упраздняется; 4) исполнительная власть будетъ ввѣрена министерству, члены котораго вполнѣ солидарны и въ которомъ предсѣдательствуетъ первый министръ; 5) каждый изъ административныхъ областныхъ совѣтовъ будетъ посылать въ Константинополь 2-хъ делегатовъ; 6) делегаты эти образуютъ «большой національный совѣтъ», на обязанности коего будетъ лежать обсужденіе и опредѣленіе государственнаго бюджета доходовъ и расходовъ, а также и разсмотрѣніе проектовъ законовъ, вносимыхъ министерствомъ; 7) большой національный совѣтъ будетъ, равнымъ образомъ, имѣть право предлагать измѣненіе и расширеніе основъ конституціи». Съ перваго же взгляда бросается въ глаза то различіе, которое существуетъ между обѣими извѣстіями о конституціи. Въ первомъ—къ кругу законодательной компетенціи большаго національнаго совѣта отнесенъ не только бюджетъ, но и разсмотрѣніе и одобреніе или неодобреніе самыхъ законовъ, во второмъ же извѣстіи—дѣятельность турецкой палаты представителей ограничена лишь однимъ бюджетомъ. Такое различіе является, какъ говорятъ, результатомъ борьбы, происходившей въ средѣ министерства изъ-за реформы. Дѣло въ томъ, что Мегеметъ-Рушди-Паша и Мидхадъ-Паша, съ одной стороны, стояли за нововведенія, Гуссейнъ-Авни-Паша противился имъ—весьма возможно, слѣдовательно, что сокращеніе предѣловъ вѣдомства большаго національнаго совѣта есть уступка, цѣною которой куплено согласіе противника конституціонной формы правленія въ оттоманской имперіи.

Нужно ли говорить, что реформа эта останется для «христіанъ-оттомановъ» реформой на бумагѣ, что она ничѣмъ не улучшитъ ихъ положенія? Ни коранъ, до сихъ поръ почти безгранично властвующій надъ понятіями мусульманской массы, ни вкоренившееся убѣжденіе о превосходствѣ мусульманина надъ «христіанскою собакою», не допустятъ проникновенія въ жизнь «полнаго и совершеннаго равенства» между прежними завоевателями и побѣжденными, не устранитъ существующаго въ продолженіе вѣковъ различія! Какая же можетъ быть, по этому роль делегатовъ-христіанъ? Можно до нѣкоторой степени составить себѣ представленіе о ней по той жалкой участи, которую испытываютъ немногіе члены административныхъ совѣтовъ. Турецкій христіанинъ у власти немедленно превращается въ безгласное орудіе своихъ повелителей, или же онъ не долго терпимъ. Въ состояніи ли онъ, при такомъ порядкѣ вещей, быть оффиціальнымъ защитникомъ своихъ угнетенныхъ братій?

Слѣдуетъ ли далѣе говорить также и объ абсолютной невозможности установить между магометанами и христіанами равенство въ отношеніи военной повинности и службы вообще.

Наконецъ, какое конституціонное значеніе можетъ имѣть представительное учрежденіе, лишенное существеннѣйшихъ своихъ прерогативъ, и необходимѣйшихъ функцій?

Но готовящаяся реформа, независимо своихъ теоретическихъ недостатковъ, едва ли способна внушить христіанамъ довѣріе уже въ силу того одного обстоятельства, что исходитъ отъ турецкой власти. Въ настоящую минуту недовѣріе это имѣетъ еще болѣе оправданія, чѣмъ прежде: вопреки всѣмъ обѣщаніямъ, вопреки всѣмъ торжественнымъ заявленіямъ Порты о ея намѣреніяхъ, исключительно клонящихся ко благу христіанскихъ подданныхъ, вопреки самому положенію дѣлъ — та же Порта—отдаетъ снова на откупъ налоги Босніи! Естественно рождается вопросъ: есть-ли какая либо возможность требовать отъ возставшихъ славянъ, чтобы они, принеся покорность, отдались безоружными въ руки турокъ?

Великій визирь, какъ уже извѣстно, обратился къ князю Милану съ требованіемъ дать разъясненія относительно вооруженій Сербіи. «Увѣренія вашего высочества, писалъ визирь, устранили тѣ опасенія, которыя возникли у Порты подъ вліяніемъ значительныхъ вооруженій Сербіи. Между тѣмъ, вооруженія все еще продолжаются въ широкихъ размѣрахъ и сербская армія готовится нынѣ выступить въ походъ. Турецкое правительство тѣмъ менѣе можетъ равнодушно относиться къ положенію вещей, неблагопріятствующему сохраненію спокойствія въ ея провинціяхъ, что образъ дѣйствій Сербіи только способствуетъ къ усиленію волненій. Въ виду этого, его величество султанъ, одушевленный желаніемъ поддерживать неизмѣнно дружественныя отношенія къ княжескому правительству, поручилъ мнѣ оффиціально обратиться къ вашему высочеству и пригласить васъ дать прямыя и точныя разъясненія на счетъ причины и цѣли упомянутыхъ вооруженій». Сербія, съ своей стороны, отвѣчала въ формально-примирительномъ духѣ, выразивъ серьезное искреннее желаніе сербскаго правительства не нарушать мира. Сербія вовсе не думала о вооруженіяхъ, а только заканчиваетъ свою военную организація на основаніи принципа всеобщей воинской повинности. Послѣдовавшія недавно назначенія офицеровъ соотвѣтствуютъ нормальнымъ потребностямъ. О войнѣ и о томъ, чтобы угрожать неприкосновенности Турціи, Сербія тѣмъ менѣе могла думать, что именно сохраненіе этой неприкосновенности представляетъ собою высокій интересъ для Сербіи. Къ временному занятію границъ Сербія была вынуждена чрезвычайнымъ положеніемъ дѣлъ въ пограничныхъ съ нею провинціяхъ и совершившимся, конечно противъ воли мѣстныхъ турецкихъ властей, нарушеніемъ территоріальныхъ правъ Сербіи. Впрочемъ, сербское правительство сердечно желаетъ удалить нѣкоторыя возникшія затрудненія и съ этою цѣлью отправитъ спеціальныхъ уполномоченныхъ въ Константинополь. Во всякомъ случаѣ, постоянное желаніе Сербіи—сохранить наилучшія отношенія къ Портѣ.

Энергическое вмѣшательство Англіи, сопровождавшееся отправленіемъ флота въ Безикскую гавань, рѣшило, по видимому, судьбу Берлинскаго меморандума. Сколько извѣстно, Дизраэли съ самаго начала, выразилъ въ парламентѣ надежду, что меморандумъ не будетъ сообщенъ Портѣ. Въ засѣданіи палаты общинъ, 9-го іюня, на запросъ лорда Гартингтона (вождя оппозиціи) первый министръ подтвердилъ уже положительно тоже самое, присовокупивъ, что державы согласились не допускать давленія на султана Мурада V-го и дать ему и его министрамъ время зрѣло обдумать и привести въ исполненіе всѣ мѣры, необходимость которыхъ будетъ ими признана.

Вообще—принципъ невмѣшательства оставленъ Англіею совершенно въ сторонѣ. Напротивъ того, она дѣятельно вмѣшалась не только, какъ мы видѣли,—явно, но и тайно. Что касается ея закулисныхъ махинацій то много интересныхъ подробностей объ этомъ предметѣ сообщаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ извѣстный корреспондентъ газеты «Русскій Міръ», Петръ Петровъ. Изъ одного письма мы, напримѣръ, узнаемъ, что въ Мостарѣ, ни съ того, ни съ сего, появились путешественники-англичане, которымъ пребываніе обошлось уже очень что-то дорого, по крайней мѣрѣ, по пріѣздѣ ихъ, турецкія войска—немедленно получили жалованье, въ первый разъ послѣ 18-ти мѣсячнаго

ожиданія! Денегъ надо было очень много; затѣмъ, турки получили $1^1/_2$ милліона отъ хлѣба и т. д. Мы не видимъ, чтобы какое либо другое государство относилось къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ съ подобною же заботливостью.

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

Въ «Собраніи узаконеній и распоряженій правительства» обнародованы слѣдующія постановленія:

— О пропускѣ безпошлинно среднеазіатскихъ произведеній (кромѣ чая), привозимыхъ въ Астрахань чрезъ Александровскій фортъ и другія мѣстности Мангишлакскаго полуострова.

— О примѣненіи къ губерніямъ юго-западнаго края правила объ опредѣленіи размѣра вознагражденія за порчу войсками полей.

— Газетамъ передавали, что въ министерствѣ юстиціи составляется проектъ измѣненія въ нашихъ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Предполагается, будто бы, уничтожить нынѣшніе мировые съѣзды, замѣнивъ ихъ судомъ изъ коронныхъ судей, въ числѣ четырехъ человѣкъ, къ которымъ будетъ присоединяться одинъ почетный мировой судья. Этотъ судъ будетъ имѣть болѣе обширный районъ, чѣмъ нынѣшніе съѣзды мировыхъ судей, и для рѣшенія дѣлъ будетъ выѣзжать на сессіи въ уѣзды.

Дѣла церкви.

Для цѣлей миссіонерства въ Лифляндіи собрано, по словамъ «Балт. Вѣстн.» въ 1875 году 4,747 р. 25 к., изъ коихъ для обращенія язычниковъ—3.569 р., а евреевъ — 1,178 руб. 27 коп.

Морское дѣло.

Изъ Николаева пишутъ, что 27-го мая вышли изъ гавани военные корветы: «Воинъ», «Львица», «Память Меркурія», подъ флагомъ адмирала Баженова, въ практическое плаваніе. Всѣ эти суда имѣютъ полное боевое снабженіе.

— Въ «Moniteur de la flotte» пишутъ, что въ Шербургѣ недавно испытывалось достоинство приготовляемаго въ этомъ портѣ пластыря, котораго назначеніе—прекращать течь въ суднѣ, получившемъ пробоину; для опыта употребленъ былъ батопортъ, подъ одну изъ водоотливныхъ трубъ котораго подведенъ былъ пластырь, прекратившій почти абсолютно, при давленіи воды, доходившемъ до 5 метровъ (16 ф. 5 д.) проникновеніе ея въ батопортъ.

Некрологъ.

15-го мая скончался Францъ Палацкій, знаменитый чешскій ученый и историкъ. Онъ родился въ 1798 году; замѣчательнѣйшія его сочиненія: «Исторія Чехіи», «Критика чешскихъ лѣтописцевъ» и «Политическое завѣщаніе чехамъ».

Слухи.

Нынѣшнимъ лѣтомъ Петербургъ посѣтятъ многіе царственные гости: король и королева Эллиновъ, датское королевское семейство, императоръ бразильскій, итальянскій наслѣдный принцъ и принцъ Воа-Элвое, дядя японскаго микадо.

Новыя изобрѣтенія.

Сообщаютъ, что житель Каховки, мастеръ Илья Бѣляевъ, изобрѣлъ *разобщительный аппаратъ*, который при неправильномъ движеніи вагоновъ (во время схода ихъ съ рельсъ) разобщаетъ соединительныя цѣпи смежныхъ вагоновъ и, такимъ образомъ, предупреждаетъ сходъ остальныхъ вагоновъ съ рельсъ.

Смѣсь.

«Times», говоря о кенсингтонской выставкѣ научныхъ аппаратовъ, замѣчаетъ, что на первомъ планѣ фигурируютъ Россія и Германія. Участіе же Англіи вовсе незамѣтно. Особенно богатое собраніе аппаратовъ прислано русскимъ педагогическимъ музеумомъ, которое, по мнѣнію «Times'а, ясно доказываетъ, что «въ Англіи цѣнятъ научное образованіе гораздо ниже, чѣмъ въ Россіи».

— *Вывозъ золота.* По 6 мая вывезено за границу золота и серебра на 26,783,309 руб.; болѣе противъ 1875 г. на 23,035,261 руб. Привезено на 1,094,532 руб. менѣе противъ 1875 года на 1,609 руб.

— *Сожженіе кредитныхъ билетовъ.* 6-го мая сожжено на дворѣ Государственнаго банка кредитныхъ билетовъ на сумму 38,720,716 руб., полученныхъ за проданное съ 28-го января по 1-е мая изъ металлическаго фонда золото по номинальной цѣнѣ на 32,200,355 руб. Разница противъ номинальной цѣны въ 6,520,361 руб. представляетъ полученный при продажѣ лажъ на золото ($22^1/_2$%).

— *Уменьшеніе отпуска хлѣба.* Въ январѣ и февралѣ сего года вывезено хлѣба изъ Россіи всего 1,239,407 четвер. противъ 1,882,985 четв. одновременно въ 1875 году, т. е. на 643,578 четв. менѣе, въ томъ числѣ пшеницы ра 317,956 четв. и овса на 246,629 четв.

— *Таможенные сборы* дали по 6-е мая 13,137,162 руб.; противъ 1875 года на 526,421 руб. менѣе.

Новое изобрѣтеніе.

Посуда фабрики Боде. Котелки для варки пищи съ герметически-закупориваемой крышкой, препятствующей улетученію паровъ, уже давно вошли въ употребленіе во многихъ хозяйствахъ, вслѣдствіе какъ значительнаго сбереженія времени и дровъ, такъ и скорости, съ которой можно разваривать въ нихъ даже и трудно-варимую пищу. Бывшіе до сихъ поръ въ употребленіи подобные котелки, приготовляемы были изъ эмалированнаго литого желѣза, или изъ луженой жести съ крышкою изъ литого желѣза. Котелки изъ литого желѣза тяжелы и употребленіе ихъ не совсѣмъ безопасно въ томъ отношеніи, что при паденіи или толчкѣ, они могутъ получить трещины, отъ которыхъ во время варки могутъ лопнуть отъ давленія паровъ. Вѣнская фабрика М. Боде и Комп. (V. Siebenbrunngasse, 30) приготовляетъ съ недавняго времени изъ луженой бессемеровой стали такіе котелки, которые отличаются не только своею легкостью, но и тѣмъ, что они не могутъ лопнуть, даже и въ такомъ случаѣ, если случайно засорятся краны, потому что крышка, вслѣдствіе своей эластичности, при увеличивающемся давленіи паровъ, расширяется, такъ что излишекъ паровъ можетъ улетучиться между крышкою и краями котелка.

Котелокъ для варенія бульона.

Подобные котелки, въ различную величину, можно получить въ С.-Петербургѣ, въ оптическомъ и механическомъ магазинѣ И. Э. Милька, находящемся по Большой Морской улицѣ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Издатель считаетъ необходимымъ заявить гг. подписчикамъ, что при печатаніи № 23 журнала „Нива“ встрѣтилась остановка отъ разрыва клише одной изъ картинъ, а именно „Смерть Сербскаго князя Георгія Чернаго“. Вслѣдствіе этого разсылка означеннаго № нѣсколько замедлилась, такъ какъ картину пришлось рѣзать на деревѣ вновь.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Кишиневъ.** Портретъ Ю. Ѳ. Самарина, съ біографіею его, будетъ помѣщенъ въ одномъ изъ ближайшихъ № журнала «Нива».

2) **Могилевъ, И. Н.** Ваше обращеніе къ редакціи, по нашему мнѣнію, для васъ же самихъ оскорбительно. «Взывать» можно только къ Богу. Вы просите, вашимъ, покровительства нашему таланту; какой же талантъ видѣнъ въ такихъ стихахъ:

И подражать Везалію и очень радъ,
Но вотъ бѣда! Во мнѣ хранится
Слѣдъ грѣха, что я не могу
Взирать на мертвеца.

Какого же это *грѣха слѣдъ* на васъ хранится—не убійства же, полагаемъ? Далѣе вы говорите:

Все это грезы, пустяки!
Зачѣмъ же данъ намъ отъ Творца
Разсудокъ здравъ, а мы далеки
Развѣять страхъ хотя глупца.

Вамъ, конечно, извѣстно, что разсудокъ дается человѣку между прочимъ и для того, чтобы онъ не маралъ понапрасну бумагу. Оставьте же стихи и позаботьтесь, чтобы нашъ разсудокъ «былъ здравъ».

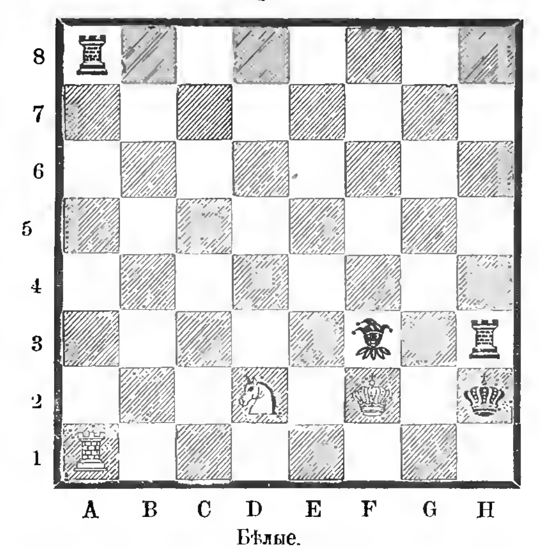
ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

— Мой крестный папаша фонъ!
Нашла чѣмъ хвастать! у меня родной папаша Трифонъ, да еще кондукторъ, и то я носъ не задираю.

ЗАДАЧА

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

РѢШЕНІЕ.

задачи въ «Нивѣ» № 20.

1) Конь E 8 – C 7×	1) Король D 5 — D 4
2) Конь C 7 — E 6×	2) Король D 4 — D 5
3) Ферзь C 2 — C 5×	3) D 6 беретъ ферзь C 5
4) Ладья F 8 — D 8××	

СОДЕРЖАНІЕ: **Султанъ Мурадъ V.** (съ портретомъ) — **Тегеранскіе типы** (съ рисункомъ). — **Видъ города Люцерна въ Швецаріи** (рисункомъ). — **Енисейскъ** (съ рисункомъ) **А. Невельского.** — **Лисица (Canis Vulpes)** (съ рис.). **Н. Зуева. Въ домѣ коммерціи совѣтника.** Повѣсть **Э. Марлитта** (продолженіе). — Библіографія. — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Новыя изобрѣтенія (съ рис.). — Заявленіе. Почтовый ящикъ. — **Юмористическіе очерки** (съ рис.). — Шахматная задача. — Объявленія.

Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 10 Іюня 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб., Больш. Морская, д. № 6. Типогр. В. Безобразова и Ко, Вас. Остр., 8 лин. пр., № 10.

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 25 — 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 21 Іюня 1876 г. — Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Францъ Палацкій.

Въ Прагѣ, 26-го прошлаго мая скончался Францъ Палацкій, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей современной Австріи, организаторъ и видный представитель чешско-національнаго движенія. Чехи имѣютъ много причинъ глубоко скорбѣть о потерѣ Палацкаго. Этотъ человѣкъ всю жизнь свою былъ краснорѣчивымъ выразителемъ и пропагандистомъ желаній и надеждъ чеховъ. Францъ Палацкій — сынъ кальвинистскаго школьнаго учителя. Онъ родился 14-го іюня 1798 года въ Гетцендорфѣ, въ Моравіи. Въ 1807 г., когда ему минуло девять лѣтъ, его отдали для обученія нѣмецкому языку въ деревенскую школу въ Куневальдѣ. Образованіе свое онъ началъ и окончилъ въ Венгріи, сначала въ Треитшинѣ (1809—1812 г,) а потомъ въ евангелическомъ лицеѣ въ Пресбургѣ (1812—1819 г.), гдѣ одновременно съ предметами школьнаго преподаванія онъ занимался и усвоилъ себѣ почти всѣ европейскіе языки. Первое литературное произведеніе, вышедшее въ свѣтъ съ его именемъ (1817 г.) былъ богемскій переводъ нѣкоторыхъ пѣсенъ Макферсонова Оссіана. Въ то же время онъ издавалъ съ однимъ профессоромъ латинскую газету «Ephemerides politico-statisticae Posonieuses». Въ 1818 г. въ Пресбургѣ вышла книга: «Основныя правила богемской поэзіи вообще и просодіи въ частности», составленная Палацкимъ и Шафарикомъ. Въ 1828 году Палацкій при-

Францъ Палацкій. Рис. Тагацци, грав. Веберъ.

былъ въ Прагу и взялъ мѣсто воспитателя въ домѣ графа Хотека (впослѣдствіи старшаго бургграфа), что доставило ему значеніе въ аристократическихъ кружкахъ, гдѣ онъ ревностно агитировалъ въ пользу пробуждевія чешско-національнаго сознанія. Благодаря знакомству съ графами Каспаромъ и Францемъ Штернбергами, онъ получилъ мѣсто во главѣ управленія богемскимъ музеемъ; тутъ Палацкій трудился надъ изданіемъ какъ нѣмецкаго, такъ и чешскаго журнала при музеѣ; при немъ этотъ чешскій журналъ сталъ органомъ національнаго дѣла. Съ 1827 г. Палацкій неутомимо изслѣдовалъ богемскіе архивы. Вмѣстѣ съ Іосифомъ Юнгмаромъ и Преслемъ онъ основалъ «Matice Czesca». Въ 1828 году ему предложили продолжать сочиненіе богемскаго іезуита Пубичка: «Исторія Богеміи», но Палацкій предложилъ государственнымъ чинамъ Богеміи обработать исторію этой страны научно, на основаніи историческихъ данныхъ. Государственные чины приняли предложеніе, однако, богемскій канцлеръ графъ Саурау отказался поддержать просьбу о назначеніи Палацкаго оффиціальнымъ исторіографомъ. Между тѣмъ Палацкій продолжалъ заниматься изслѣдованіемъ источниковъ, предпринималъ съ этою цѣлью нѣсколько поѣздокъ, такъ, напр. посѣтилъ Римъ (1837 г.), гдѣ по ходатайству бывшаго австрійскаго посланника, графа Лютцова, получилъ дозволеніе заниматься въ ватиканскихъ архивахъ. Когда въ 1836 г. вышелъ первый томъ его исторіи Богеміи, Палацкій былъ утвержденъ въ званіи богемскаго исторіографа. Послѣдующіе годы онъ исключительно занимался своимъ сочиненіемъ. Благодаря связямъ своимъ со многими вліятельными особами, Палацкій успѣшно работалъ въ смыслѣ, развитія своихъ политическихъ плановъ. Онъ всегда умѣлъ ловко заставить служить богемскихъ феодаловъ чешско-національному дѣлу. Зимою 1834 года, въ домѣ князя Карла Шварценберга, въ присутствіи двадцати членовъ избранной богемской аристократіи, онъ читалъ лекціи о чешскомъ государственномъ правѣ, о земскихъ постановленіяхъ при Фердинандѣ и о роли дворянства относительно стремленій чешскаго народа. Результатъ его дѣятельности обнаружился въ 1848 г., въ которомъ Палацкій открыто вступилъ на политическое поприще. Комитетъ *пятидесяти* Франкфуртскаго предварительнаго парламента приглашалъ его способствовать отправленію депутатовъ въ этотъ парламентъ. Палацкій отказался отъ этого (извѣстное письмо его отъ 11-го апрѣля 1848 г., заключавшее первую его политическую программу). Чехи то же принимала участіе въ выборахъ въ нѣмецкій парламентъ, хотя они и не могли помѣшать богемскимъ нѣмцамъ послать своихъ депутатовъ. Въ 1848 году Палацкій былъ членомъ національнаго комитета; онъ издалъ прокламацію къ моравамъ о возстановленіи союза земель Богемской короны, но прокламація не имѣла успѣха. Въ этомъ же году онъ предсѣдательствовалъ въ славянскомъ конгрессѣ, который, какъ извѣстно, окончился ничѣмъ. Въ то же время ему предлагали портфель министра просвѣщенія, но онъ отъ него отказался. На рейхстагахъ въ Вѣнѣ и въ Кремзирѣ Палацкій былъ самымъ виднымъ, дѣятельнымъ членомъ; его планъ конституціи легъ въ основу Кремзирской редакціонной коммисіи. Послѣ 1848 г. Палацкій снова предался своимъ научнымъ трудамъ. Въ Вѣнѣ онъ являлся только во время общихъ засѣданій академіи наукъ, членомъ которой состоялъ съ самаго ея учрежденія. Съ пробужденіемъ политической жизни въ 1860 г., Палацкій опять явился во главѣ чешской оппозиціи, которую вмѣстѣ съ зятемъ своимъ Ригеромъ и организовалъ. Призванный Шмергелингомъ въ Палату господъ, онъ высказалъ тамъ свои федералистическіе взгляды. Самыя замѣчательныя изъ рѣчей его: — сказанная 27-го августа 1862 г., при обсужденіи перваго адресса, и рѣчь 28-го сентября 1861 г. о законѣ касательно отмѣны леннаго союза, въ которой онъ открыто защищалъ взгляды феодаловъ. 30-го сентября 1861 года Палацкій взялъ «отпускъ» и болѣе уже не появлялся въ Палатѣ господъ. Съ тѣхъ поръ онъ былъ вождемъ оппозиціи въ богемскомъ ландтагѣ; дѣйствовалъ также и въ пражскомъ магистратѣ, гдѣ управленіе было въ рукахъ чеховъ. Чешская оппзиція обнаружилась во время ландтага протестами и отсутствіемъ депутатовъ. 19-го апрѣля 1861 г. Палацкій, вмѣстѣ съ Ригеромъ, заявилъ протестъ противъ февральской редакціи богемскаго избирательнаго закона. Въ мартѣ 1863 г. въ богемскомъ ландтагѣ Палацкій предложилъ пересмотрѣть этотъ избирательный законъ, но послѣ горячихъ преній предложеніе его было отвергнуто 130 голосами противъ 70. Въ томъ же году, по случаю польскаго возстанія, онъ открыто высказался противъ стремленія поляковъ, а послѣ поѣздки въ Москву, вмѣстѣ съ Ригеромъ, еще рѣзче и рѣшительнѣе напалъ на партію возстанія.

Въ 1868 году чехи, и во главѣ ихъ опять Палацкій, обнародовали извѣстную декларацію, объясняя причины, по которымъ они не участвуютъ въ необязательныхъ по закону для чешскаго королевства конституціонныхъ учрежденіяхъ, и рѣзко поставили свою программу. Только въ 1871 г. императоръ Францъ-Іосифъ обратился через своего министра-президента графа Гогенварта, къ чехамъ съ извѣстнымъ манифестомъ и рескриптомъ 12 сентября. Онъ торжественно призналъ права чешскаго народа. Но противъ этого возстали вѣнскіе нѣмцы, соціалисты и мадьяры, и императоръ Францъ-Іосифъ черезъ мѣсяцъ обнародовалъ уже новый рескриптъ, въ которомъ чешское государственное право толкуется совершенно иначе, чѣмъ въ первомъ. Тогда, конечно, всѣ были поражены этимъ. Весь авторитетъ Палацкаго и Ригера былъ нуженъ, чтобы въ Чехіи не вспыхнуло открытаго сопротивленія Брожение умовъ было очень сильное; но скоро чехи нашли поводъ высказаться противъ иностранной политики графа Бейста, когда былъ княземъ Горчаковымъ поднятъ черноморскій вопросъ. Тогда всѣ депутаты чешскаго сейма, и во главѣ ихъ Палацкій и Ригеръ, прямо высказались въ своей деклараціи, что Россія давно имѣетъ право на Черное море, но что Бейстъ не имѣетъ права говорить отъ имени славянъ Австріи, которые въ этомъ вопросѣ вполнѣ раздѣляютъ мнѣніе Россіи. Такое энергическое заявленіе имѣло желанный результатъ.

Нѣсколько недѣль тому назадъ, окончилъ Палацкій свою «Исторію чешскаго народа», и чехи торжественно праздновали это событіе. Палацкій, благодаря за оказанное ему сочувствіе, сказалъ, что онъ «одною ногой уже въ могилѣ». Предсказаніе его скоро исполнилось: съ той поры онъ сталъ чувствовать себя все хуже и хуже. Воспаленіе легкихъ и должно было имѣть такой неблагопріятный исходъ въ его преклонныя лѣта.

Видъ города Тюбингена.

Въ самомъ сердцѣ Швабіи, въ прелестной, очаровательной холмистой мѣстности между Шварцвальдомъ и швабскими альпами, покоится древняя колыбель швабской учености— провинціальный и университетскій городъ Тюбингенъ. Тюбингенскій университетъ самый южный изъ германскихъ университетовъ, а въ научномъ значеніи онъ съ давнихъ поръ играетъ весьма видную роль въ Германіи. О красотѣ мѣстоположенія города читатель можетъ судить по картинкѣ, помѣщенной въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала. Въ 1877 году городъ будетъ праздновать *четвертый* столѣтній юбилей своего знаменитаго университета, основаннаго герцогомъ Эбергардомъ въ 1477 г.

Въ благопріятной мѣстности, при устьѣ двухъ небольшихъ рѣчекъ, Штейнаха и Аммера, впадающихъ въ Неккаръ, у подошвы трехъ красивыхъ холмовъ, гнѣздится старый и довольно тѣсно построенный, но уютный городъ. На вершинѣ одного изъ холмовъ возвышается укрѣпленный древній замокъ бывшихъ пфальцграфовъ. Уже римляне имѣли въ Тюбингенѣ свою колонію, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ найденные тамъ римскіе памятники и остатки римскихъ улицъ. Съ половины XII столѣтія Тюбингенъ сдѣлался резиденціей пфальцграфовъ тюбингенскихъ, обширныя владѣнія которыхъ простирались до Ульма, а потомъ имъ принадлежала и бо̀льшая часть Верхней Швабіи. Эти пфальцграфы были на столько-же могущественны, на сколько и благочестивы: они основали нѣкоторые изъ самыхъ значительныхъ швабскихъ монастырей. Блаубэйренъ, Бебенгаузенъ, Мархталь и Августинскій монастырь въ Тюбингенѣ. Бебенгаузенская община съумѣла такъ умно воспользоваться благочестіемъ пфальцграфовъ, что мало по малу пріобрѣла въ распоряженіе монастыря самый городъ, отстроившійся у подножія могучаго пфальцграфскаго замка. Но въ 1342 году графъ Виртембергскій въ силу купчей крѣпости, заключенной съ пфальцграфами, вырвалъ городъ изъ рукъ монаховъ. Рядъ пфальцграфовъ вымеръ окончательно въ 1631 году.

Городъ Тюбингенъ разцвѣлъ только подъ виртембергскимъ владычествомъ; въ 1388 году онъ получилъ свое первое, очень ограниченное, городское право. Возвышенію города способствовалъ главнымъ образомъ благородный герцогъ Эбергардъ, основатель университета, одинъ изъ богатѣйшихъ фюрстовъ, который могъ справедливо похвастаться на рейхстагѣ въ Вормсѣ тѣмъ, что онъ можетъ спокойно положить свою голову на колѣни каждаго изъ своихъ подданныхъ. При этомъ герцогѣ, на мѣстѣ прежней небольшой романской церкви, была построена большая церковь св. Георгія, въ склепѣ которой и погребенъ этотъ фюрстъ. Далѣе, при немъ, же были сооружены: мостъ черезъ Неккаръ, нѣсколько зданій для университета, а Августинскій монастырь обращенъ въ закрытое учебное заведеніе; старый-же замокъ былъ еще болѣе укрѣпленъ.

Не останавливаясь болѣе на прошломъ города, обратимся къ современному Тюбингеру, который со своимъ драгоцѣннѣйшимъ университетомъ и 9,000-мъ населеніемъ принадлежитъ къ жемчужинамъ въ Виртембергской королевской коронѣ. За послѣдніи десятилѣтія, послѣ соединенія его съ общей сѣтью германскихъ желѣзныхъ дорогъ, Тюбингенъ достигъ значительной степени процвѣтанія. Главными доходами городъ обязанъ своему университету, славящемуся особенно своими теологическимъ и медицинскимъ факультетами и богатыми учебными

средствами, но, кромѣ того, здѣсь дѣятельно занимаются сельскимъ хозяйствамъ, преимущественно разведеніемъ хмѣля, винограда и фруктовыхъ деревьевъ; въ послѣднее-же время тутъ начала развиваться и промышленная дѣятельность: книжная торговля, пивовареніе, суконное производство, устроены мельницы, бѣлильни и пр. Въ городѣ существуютъ отличныя приготовительныя учебныя заведенія: гимназія, реальное училище, учительская семинарія и т. п. Въ университетѣ насчитывается до сотни профессоровъ и доцентовъ, а студентовъ среднимъ числомъ отъ 800—900 человѣкъ. Общественная жизнь въ Тюбингенѣ носитъ на себѣ печать университетскаго города, т. е. немножко скучновата, но великолѣпныя окрестности, пріятный климатъ и дешевизна предметовъ первой необходимости стали привлекать въ этотъ уголокъ и чужестранцевъ. Человѣкъ, пожившій въ Тюбингенѣ, уноситъ на родину пріятнѣйшія воспоминанія объ этомъ городѣ.

Круговоротъ жизни.*)

Вблизи одно отъ другого, можно даже сказать, рядомъ, помѣщались нѣкогда два гнѣзда: одно качалось на вѣтвяхъ старой яблони, другое—ютилось подъ ея сѣнью. Первое было гнѣздо птицъ, второе—небольшой домикъ священника.

Бѣлые и розоватые лепестки которыми яблонь украшалась весной, часто падали въ гнѣздо птицъ; и пернатая мать не разъ бывала недовольна этимъ, находя цвѣточные лепестки недостаточно хорошими для своихъ будущихъ дѣтей и считая свой собственный нѣжный пухъ несравненно лучше.

Въ старомъ, окруженномъ зеленью домѣ священника, тоже порхали двѣ веселыя птички: мальчикъ и дѣвочка.

Старый священникъ, любуясь ихъ дѣтскими играми, часто называлъ ихъ рѣзвыми птичками, и вздыхая, вспоминалъ давно прошедшія дни своего дѣтства, когда онъ самъ, былъ подобенъ имъ.

Окна мезонина выходили на ту сторону, гдѣ стояла старая яблонь, и дѣти не разъ видали, какъ птицы устраивали свои гнѣзда.

Птицы тоже заглядывали въ окна дома, и довѣрчиво садились на подоконники, чтобы полакомиться хлѣбными крошками, которыя разсыпались тамъ для нихъ ласковыми дѣтскими руками.

«Вотъ и аистъ!» говорили дѣти весной, когда красноногій ихъ другъ прилеталъ осмотрѣть свое старое гнѣздо на вехушкѣ амбара: теперь скоро и птички прилетятъ.

— Маша! Маша! кричалъ не разъ весной мальчикъ, прыгая на одной ножкѣ и подбѣгая къ окну мезонина, — Маша, бѣги сюда, бѣги скорѣе ко мнѣ: птички уже прилетѣли; смотри-ка, смотри-ка, вонъ они!

Маша бросала своихъ куколъ и то же подбѣгала къ окну; но она была разсудительнѣе брата и тотчасъ же за порывомъ перваго восторга, начинала серьезно шептать брату, упрашивая его не кричать громко. И братъ притихалъ, и вотъ они оба таинственнымъ шопотомъ передаютъ одинъ другому свои впечатлѣнія, наблюдаютъ за птичками и любуются ими.

— Милые наши птички, шепчутъ они.

— Дѣдушка! бабушка! возглашаютъ они чрезъ нѣсколько времени, сбѣгая съ лѣстницы въ нижнія комнаты домика — наши милыя птички прилетѣли.

Они говорили «наши птички», точно также какъ «наше дерево», какъ будто ежегодно прилетали тѣ же самыя птички, которыя на ихъ глазахъ учились летать. Для дѣтей это были именно тѣ самыя птички, которымъ онѣ прошлымъ лѣтомъ давали кормъ изъ окна мезонина. Имъ не приходило въ голову, что молодыя птички въ свою очередь подрастали и могли нуждаться въ своемъ собственномъ гнѣздѣ.

Они росли не такъ скоро, какъ птицы, и долго еще не имѣли сознанія о томъ, что такое собственный кровъ.

Беззаботно, какъ лиліи на полѣ, жили онѣ. Впрочемъ, опасности, угрожавшія жизни ихъ любимцевъ, знали онѣ хорошо. Парила, напримѣръ, надъ домомъ хищная птица, и онѣ трепетали при ея появленіи.

— Ахъ, Ваня, Ваня! громко кликала дѣвочка къ себѣ на помощь брата и суетливо металась около яблони, отыскивая чѣмъ бы оградить птичекъ отъ злого врага. Или, случалось, подкрадывался пестрый котъ, тотъ самый, который, лежа на скамейкѣ у печки, умѣлъ мурлыкать съ такимъ удовольствіемъ и такимъ возбуждающимъ довѣріе образомъ.

— Ахъ, гадкій, гадкій васька! Ванечка, милочка, умоляла сестра, неси скорѣе скорѣе, камень и самый большущій. .

Умоляетъ она брата жалобнымъ тоненькимъ голоскомъ, а сама суетливо вовсѣ стороны бросается, отыскивая «большущій камень». И бровки ея сильно нахмурены и глазеньки горятъ гнѣвомъ на злодѣя, такъ коварно подкрадывавшагося къ гнѣзду любимыхъ птичекъ.

Мальчикъ желалъ имѣть ружье, чтобы излѣчить коварнаго злодѣя отъ всякой страсти къ охотѣ за птицами. Дѣдъ очень справедливо замѣчалъ, что ружье имѣть нельзя потому что оно, пожалуй, можетъ выстрѣлить, и вслѣдствіе этой уважительной причины приходилось занеимѣніемъ ружья кидать въ кота камнемъ, и хитрецъ обращался въ бѣгство.

Опасности и страданія людской жизни дѣти еще не знали. Подъ кровлей стараго дома священника имъ ничто не угрожало.

Много разъ возвращалась весна и снова цвѣло старое дерево. Много разъ приходила осень, и дѣти подбирали краснощекіе яблоки.

Съ каждымъ годомъ умножались сѣдины въ темныхъ волосахъ жены священника, и самъ онъ все медленнѣе и медленнѣе ходилъ, при звукѣ колокола, въ ближнюю церковь, чтобы проповѣдывать тамъ слова любви и мира, но его сердце оставалось молодо Съ собственными дѣтьми ему пришлось разстаться рано, но съ внуками онъ продолжалъ жить, старый съ виду, но молодой сердцемъ.

Мальчикъ и дѣвочка, полные силы юности, рѣзвились подъ старымъ деревомъ, а на вершинѣ его молодыя птицы, перелетая съ вѣтки на вѣтку, испытывали въ первый разъ силу своихъ крыльевъ.

Тысячи отношеній связывали дерево съ обитателями гнѣздъ. Въ его корѣ были вырѣзаны имена дѣтей и внучатъ священника, жившихъ нѣкогда тоже вблизи этой старой яблони; нѣкоторыя изъ именъ были уже покрыты мохомъ, нѣкоторыя еще совсѣмъ свѣжи, какъ память о недавно утраченномъ.

Каждый годъ, въ день рождества внучатъ, старый священникъ ставилъ подрастающихъ дѣтей подлѣ ствола дерева и дѣлалъ на немъ знакъ, насколько они выросли въ теченіи года.

-- Мы оба скоро можемъ смѣрить себя, на сколько мы стали меньше! шутя говаривалъ онъ потомъ своей женѣ

Дѣти подросли. Скоро не кого уже было мѣрить. Мальчикъ выучилъ все, чему могъ научить его дѣдъ.

— Ну, голубчикъ, говорилъ дѣдъ внуку, птица оперилась и летитъ въ даль, чтобы научиться владѣть своими крыльями; ты подросъ и тоже долженъ идти въ свой путь, чтобы сдѣлаться самостоятельнымъ человѣкомъ». И вотъ прежній Ваня, восторженно когда-то прыгавшій на одной ножкѣ при видѣ птичекъ, теперь серьезный юноша.

Какъ перелетная птица возвращался онъ иногда домой, и каждый разъ при его прибытіи была весна въ сердцѣ стариковъ и самъ онъ былъ невыразимо счастливъ подъ роднымъ кровомъ. Да, счастливъ тотъ, кто среди многотревожной и полной заботъ жизни, пробиваясь между ея терніями, имѣетъ хотя изрѣдка сладкую минуту утѣшенія при мысли о томъ, что тамъ, въ дали, гдѣ нибудь въ тихомъ укромномъ уголкѣ, помнятъ его и любовно слѣдятъ за его борьбой, близкіе люди хотя можетъ быть и бѣдные матеріально, но богатые той любовью, которая возвышаетъ человѣка надъ всѣми окружающими его видимыми твореніямъ.

— Гдѣ-то нашъ Ваня, вспоминаетъ дѣдъ зимнимъ вечеромъ, сидя предъ каминомъ и слѣдя за догорающими угольками.

Старушка въ отвѣтъ на это молча вздыхаетъ, и въ памяти ея быстро проносятся одно за другимъ воспоминанія о рѣзвыхъ дняхъ Вани, какъ онъ, бывало, тутъ, около нихъ прыгалъ, рѣзвился и восторгался всѣмъ окружающимъ.

— Да, послѣ нѣкотораго молчанія произноситъ вдругъ старушка, какъ бы въ подтвержденіе вопроса своего мужа.

— И не пишетъ что-то, грустно и уныло подсказываетъ дѣдъ.

Но вотъ и письмо отъ Вани пришло и самъ онъ потомъ вскорѣ опять появился между стариками ненадолго, блеснулъ какъ метеоръ.

— Милые мои, дѣдушка и бабушка! восклицаетъ онъ прощаясь,—ждите весны, прилетятъ птички, будутъ устраивать свое гнѣздышко, прилечу въ одно время съ ними и я.

Насталъ также и для Маши часъ разлуки съ дѣдомъ и бабушкой. Плачетъ она, переходя изъ одной комнатки домика въ другую и мысленно прощаясь совсѣмъ тѣмъ, среди чего прошли золотые годы ея дѣтства. Вотъ и мезонинъ, и окно въ садикъ, гдѣ красуется, широко раскинувъ свои вѣтви, старая яблоня, вотъ и гнѣздо птичекъ...

И бѣгутъ, бѣгутъ воспоминанія одно за другимъ, и льются тихіе, грустныя слезы, слезы безотчетныя.

— Не плачь же моя дорогая! говоритъ вблизи Маши ласковый нѣжный голосъ, не плачь..

Маша отнимаетъ платокъ отъ глазъ и поспѣшно старается оправиться.

— Я не плачу, шепчетъ она, я такъ только... дѣтство вспомнила...

И глаза ея уже блестятъ и видно что она счастлива и видно, что утѣшающій и успокоивающій ее обладатель ласковаго и нѣжнаго голоса есть ея близкій человѣкъ, избранникъ ея сердца—будущій мужъ.

— Не плачь же мой ангелъ... утѣшаетъ онъ.

*) Подражаніе Ellen Lucio.

— Ты видишь, я не плачу, я уже успокоилась...

И они идутъ вмѣстѣ изъ маленькой комнатки мезонина внизъ— веселые и любящіе, и радуются, глядя на нихъ старики.

— А она у васъ плакса таки порядочная, шутя замѣчаетъ

— Ну полно-же, ахъ, въ самомъ дѣлѣ, Машенька, полно-же. И дѣдъ, и бабушка и женихъ утѣшаютъ ее, а она уже расплакалась и не можетъ удержаться отъ рыданій.

Я сейчасъ... я сейчасъ успокоюсь... все пройдетъ...

И сами старики плачутъ, да и женихъ то что-то сильно жму-

Круговоротъ жизни: 1) Весна. Рис. Гіакомелли, грав. Меоль.

женихъ,—на гнѣздо птичекъ засмотрѣлась, а слезки, такъ одна за одной, одна за одной...

У Маши въ самомъ дѣлѣ опять полились слезы, снова хлынули одно за однимъ воспоминанія, и любитъ то она своего избранника сердца, и жаль оставить родное гнѣздышко.

ритъ глаза, видно и ему близко то чувство, которое такъ охватило Машу при расставаньи съ роднымъ гнѣздышкомъ.

— Теперь ты должна позаботиться, дорогая моя, о томъ, чтобы построить свое собственное гнѣздо говорила старушка утирая слезы.

— Да будетъ Тотъ, кто охраняетъ молодыхъ птичекъ, твоей охраной и щитомъ говорилъ дѣдъ, провожая дорогую внучку изъ своего мирнаго домика.

И такъ они удалились, и въ старомъ домикѣ стало пустынно, но не смотря на это, вѣчно юная надежда царила въ немъ. Старики тихо доживали свои дни, думая о своихъ далекихъ милыхъ внучатахъ.

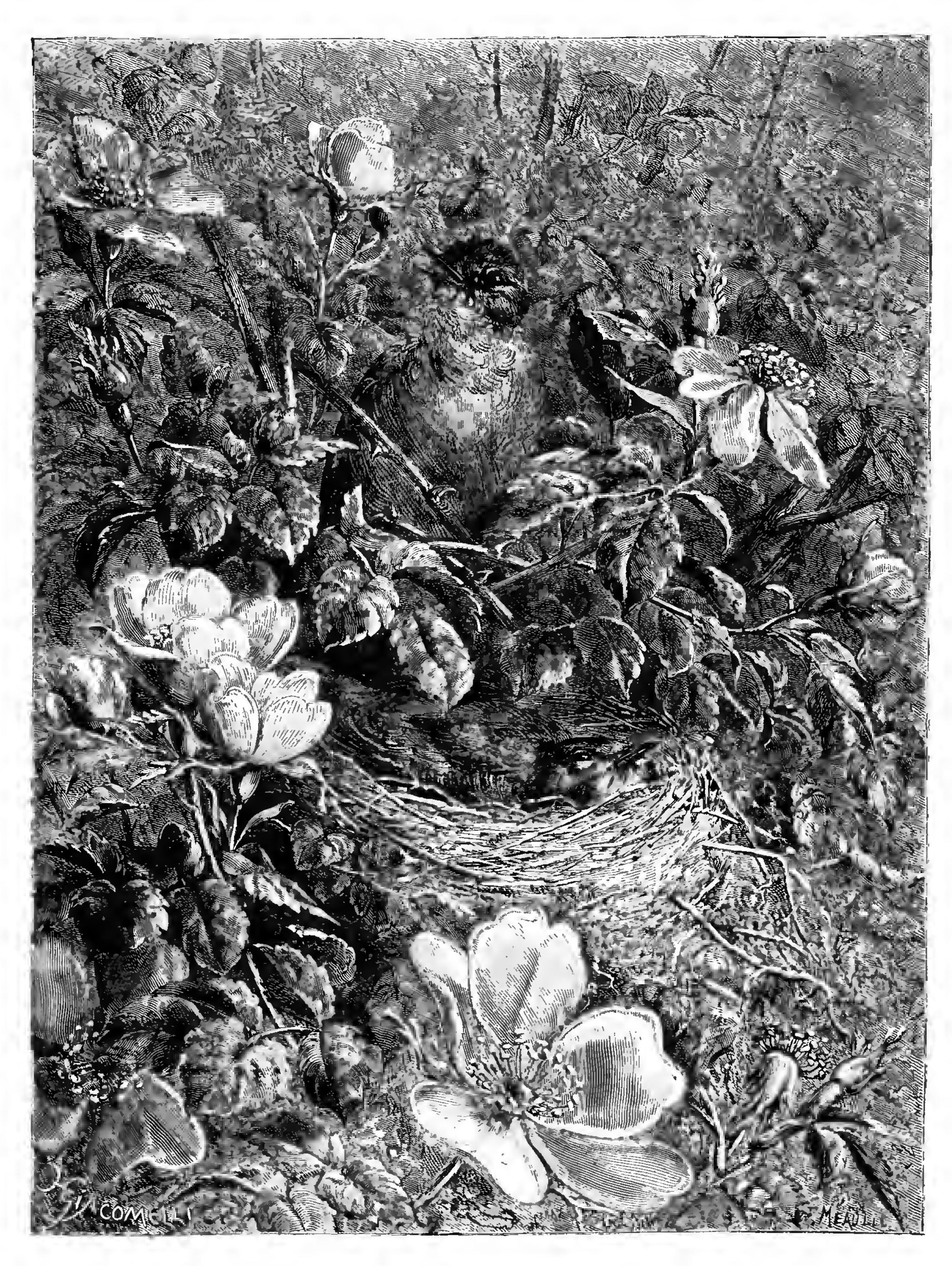
— Настаетъ и для насъ зима! не разъ уже замѣчалъ священникъ.

Они не боятся этого! Стремленіе, непонятное для нихъ самихъ, принуждаетъ ихъ подняться и летѣть далѣе и далѣе къ новой родинѣ—тоже стремленіе присуще и сердцу человѣка.

Такимъ образомъ старики часто сидѣли подъ деревомъ. Цвѣты уже давно опали, плодъ за плодомъ тоже скатился на зеленую траву.

Теплое солнце свѣтило поздней осенью на опадающіе листья.

Пришолъ часъ — и старики смежили свои утомленные глаза. Опустѣло въ старомъ домѣ. Пусто было и старое гнѣздо на де-

Круговоротъ жизни: 2) Лѣто. Рис. Гіакомелли, грав. Меоль.

— Осень наша была благословенна и счастлива! говорила въ отвѣтъ старушка, пусть приближается наша зима, мой милый. Зимой старое дерево покойно спитъ подъ теплымъ, бѣлымъ одѣяломъ, пока не придетъ весеннее солнце и пробудитъ его къ новой жизни. Небесное солнце разбудитъ также и насъ для вѣчной весны. Чего горевать намъ?

— Да! со вздохомъ замѣтилъ священникъ, да будетъ благословенно имя Господне! Слышишь, птицы еще поютъ на деревѣ, а между тѣмъ, близка осень и имъ скоро придется улетѣть.

ревѣ. Стоитъ около яблони старый домикъ занесенный снѣгомъ, окна забиты ставнями и во время вѣтра скрипятъ они на ржавыхъ петляхъ, точно жалуются на свое одиночество. И яблонь вся въ снѣгу—уныло поникла черными сучьями, угрюмая и осиротѣлая.

Но вотъ опять настала весна; міръ Божій обновился. Щебеча, прилетѣла молодая чета птичекъ и осмотрѣла старое гнѣздо. Вѣточки и стебельки начали приносить они, какъ нѣкогда старыя птицы.

А тамъ внизу въ обвитый зеленью домъ священника тоже вступила молодая чета.

— Тутъ я счастливо провела свое дѣтство, сказала растроганнымъ голосомъ Маша, теперь уже молодая мать: да будетъ благословенно это воспоминаніе.

И вотъ снова украшается милое старое гнѣздо.

Снова зацвѣла яблонь; лепестки ея цвѣтовъ, падали, какъ прежде, въ гнѣздо птицъ, и дѣти молодой хозяйки такъ-же любовались птичками и приманивали ихъ хлѣбными крошками на окно мезонина, какъ когда-то дѣлала ихъ мать. И снова слышны веселые голоса дѣтей, и молодая хозяйка сидитъ подъ тѣнью яблони, вспоминая тѣ дни своего дѣтства, когда она бѣгала тутъ такъ-же, какъ бѣгаютъ теперь ея дѣти.

Подростутъ они, возмужаютъ, состарятся и сойдутъ въ свою очередь «подъ вѣчные своды», и «у гробоваго входа, младая будетъ жизнь играть».

Удивительная, непостижимая тайна!..

Д. Стахѣевъ.

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

ПОВѢСТЬ

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Окончаніе).

Кэта еще разъ взглянула на все это отуманенными отъ слезъ глазами и отправилась на мельницу, чтобы сѣсть тамъ за письменный столъ и написать нѣсколько дѣловыхъ писемъ. Ленцъ долженъ былъ вечеромъ сегодня возвратиться (онъ уѣхалъ по дѣламъ); до пріѣзда его молодой хозяйкѣ нужно было окончить кой-какіе разсчеты, послѣ чего, освободившись отъ конторскихъ занятій, она намѣревалась уѣхать недѣли на двѣ въ Дрезденъ къ своимъ пріемнымъ родителямъ.

Но какая разсѣянность напала сегодня на Кэту! Какъ лихорадочно бился ея пульсъ, какъ безсвязны были мысли и какой нетвердой рукой выводила она буквы!... А тутъ еще явилась горничная президентши, съ большой, пустой корзиной (она шла въ городъ за кое-какими покупками къ празднику). Г-жа президентша изволила сказать, что она можетъ зайти на мельницу, это—небольшой крюкъ, и потому отдала ей для передачи „милой фрейлейнъ Кетѣ“ только что полученное письмо отъ фрейлейнъ Флоры.

Сузѣ тотчасъ же было приказано наполнить корзину до-верху превосходнымъ печеньемъ и другими вкусными снадобьями изъ кладовой, что и было исполнено. Горничная давно уже успѣла вернуться въ городъ, а письмо фрейлейнъ Флоры все еще лежало непрочитаннымъ на письменномъ столѣ Кэты.

Президентша уже неоднократно давала молодой дѣвушкѣ для прочтенія письма Флоры... Каждый разъ приэтомъ Кэтѣ казалось, что исписанный листокъ жжетъ ей пальцы, но она, все-таки, терпѣливо прочитывала каждое письмо, чтобы не обнаружить передъ генеральшей враждебныхъ чувствъ своихъ къ сестрѣ. Вотъ и теперь чудилось молодой дѣвушкѣ, будто изъ раздушеннаго конверта высовывалось огненное жало змѣи, готовое впиться въ ея тѣло. Въ порывѣ досады, Кэта отпихнула локтемъ ненавистный пакетикъ, который и попалъ подъ кипу счетовъ. И зачѣмъ ей каждый разъ раздражать себя чтеніемъ фривольныхъ посланій, преисполненныхъ тщеславія и высокомѣрія.

Кэта снова взялась за перо, но не надолго... Она была взволнована; желая какъ нибудь успокоить себя, ухватилась, какъ за спасительный талисманъ—за принесенныя съ собою фіалки, стоявшія передъ ней въ стаканѣ, и начала жадно вдыхать ихъ освѣжающій сладкій ароматъ; потомъ подошла къ роялю и сыграла для собственнаго успокоенія простенькую, тихую мелодію; затѣмъ отворила окно и начала ласкать бойкихъ голубей, пріютившихся на подоконникѣ.. Тутъ въ головѣ ея нѣсколько разъ промелькнула мысль, что сегодняшняя присылка письма—только предлогъ, то есть, президентша отправила горничную сюда, единственно имѣя въ виду кладовую Кэты... Но, должно быть, какія то злыя чары были въ этомъ злосчастномъ конвертѣ, потому что кровь быстрѣе и бурливѣе приливала къ головѣ молодой дѣвушки, и вотъ она, наконецъ, какъ бы въ лихорадочномъ жару, отодвинула кипу счетовъ и схватила коварный пакетъ.

Развертывая письмо, Кэта выронила изъ него запечатанную записочку и не замѣтила этого: она пробѣгала глазами первыя строчки посланія; чувство удивленія яснѣе, рѣзче стало проявляться на ея лицѣ, и эта сильная дѣвушка, чтобы устоять на ногахъ, принуждена была ухватиться за край стола... Вотъ что писала Флора изъ Берлина:

„Ты будешь смѣяться и торжествовать, любезная бабушка, но... по моему—такъ лучше; часъ тому назадъ я обручилась съ твоимъ бывшимъ protégé, Карломъ ф.-Штеттеномъ. Н-да, онъ сталъ еще *прелестнѣе* — совсѣмъ обрюзгъ, да къ тому же носитъ теперь (представь физіономію бульдога!) синіе очки... Въ синихъ очкахъ—fi donc!.. Я до гроба буду стыдится идти съ нимъ подъ руку,—впрочемъ, его собачья вѣрность и поистинѣ глупѣйшая страсть ко мнѣ—пробудили, наконецъ, въ моемъ сердцѣ какое-то человѣческое чувство къ нему, а такъ какъ онъ, благодаря скоропостижной смерти своего молодаго кузена, сдѣлался вдругъ маіоратнымъ владѣльцемъ Лингена и Штромберга, то ему открыта дверь во дворецъ и, какъ кажется, мой будущій супругъ состоитъ на хорошемъ счету въ обществѣ. Вотъ поэтому то я и не имѣю ничего противъ такой партіи...“

Кэта бросила письмо на столъ... И такъ, Брукъ свободенъ, цѣпи его порваны... Теперь онъ имѣетъ право придти даже на замковую мельницу... Неужели *это* правда, неужели это *возможно*?.. Такая внезапная, неожиданная перемѣна послѣ семи мѣсяцевъ страшныхъ страданій! Вѣдь она, Кэта, напрягала всѣ свои силы, чтобы побороть свое непокорное сердце, разсѣять тѣ мысли, и дойти до такого стоическаго хладнокровія, мужественнаго спокойствія души, при которомъ легко было бы вручить ненавистное золотое колечко избранной Брука, а затѣмъ пройти суровый жизненный путь и одинокой очутиться у могилы, не запятнавъ своей чести, не нарушивъ даннаго слова...

Молодая дѣвушка закрыла лицо руками, какъ будто, опьяненная счастьемъ, вдругъ увидѣла передъ собой страшный призракъ... Боже, неужели же она ошиблась, не такъ поняла?!. Ахъ, нѣтъ — вѣдь *это* же вѣрно?.. Флора, это загадочное существо, дѣйствительно обручилась?.. Послѣ многократныхъ неудачныхъ попытокъ прославиться, она, въ концѣ концовъ, все таки выходитъ замужъ?.. Кэта снова взяла пространное, раздушенное письмо... Да, дѣйствительно, она не ошиблась: все это и было тамъ изображено „долговязыми каракульками“... Далѣе въ письмѣ слѣдовала точная инструкція относительно того, какъ и въ какой формѣ объявить знакомымъ въ резиденціи о помолвкѣ; потомъ говорилось о свадьбѣ, которая, какъ бы въ память прошлаго, была назначена въ духовъ день, и затѣмъ уже Флора обращалась къ бабушкѣ съ приглашеніемъ на свадебное празднество. Все это было неопровержимо и ясно какъ день... Но что это?.. Вдругъ мертвенная блѣдность покрыла лицо молодой дѣвушки... Сердце

ея такъ сжалось, какъ будто смерть явилась передъ ней... Вотъ что еще писала Флора:

„По дорогѣ въ Берлинъ я останавливалась на нѣсколько дней въ Л—гѣ. Тебѣ небезынтересно будетъ узнать, что извѣстному намъ гофрату и профессору Бруку, пользующемуся баснословнымъ счастьемъ, не только слава свалилась съ неба, но и одна прекрасная графиня упала къ его ногамъ. Меня многіе увѣряли, что онъ втайнѣ обручился съ своей очаровательной паціенткой... Когда всѣ доктора отказались помочь ей —онъ одинъ взялся вылечить ее и — вылечилъ, дѣйствительно спасъ графиню отъ смерти, сдѣлавъ отчаянно-смѣлую операцію. Родители молодой графини ничего не имѣютъ противъ этого брака, да и милѣйшая, благочестивая тетушка-діаконица тоже, кажется, не отказываетъ въ своемъ благословеніи. Я видѣла старуху эту въ театральной ложѣ, рядомъ съ женихомъ и невѣстой; она казалась, по обыкновенію, спокойной, какъ всегда „добродѣтельной“ и, если не ошибаюсь, была въ нитяныхъ вязаныхъ перчаткахъ. Графиня очень хороша собой, хотя лицо ея безъ всякаго выраженія, словомъ —особа эта напоминаетъ куклу... А *онъ*? Ну, тебѣ, бабушка, я могу сказать это: я до крови искусала себѣ губы отъ злобы и досады, потому что дурацкое счастье сдѣлало этого человѣка предметомъ всеобщаго обожанія... Вѣдь онъ стоялъ за стуломъ своей невѣсты въ такой спокойной позѣ, такой самоувѣренный, какъ будто всѣ почести должны быть отдаваемы ему по праву, какъ будто слабость и безхарактерность неизвѣстны этому господину... Негодяй!.. Передай Кэтѣ прилагаемую здѣсь записку“...

Ахъ—да, вонъ куда упала эта запечатанная записочка съ надписью „Кэтѣ Мангольдъ“... Въ глазахъ у молодой дѣвушки зарябило, руки ея дрожали, какъ въ лихорадкѣ, и едва не выронили тоненькій свертокъ бумаги. Въ запискѣ было только нѣсколько словъ: „Сдѣлай одолженіе—передай ввѣренное тебѣ кольцо графинѣ Витте, или, если хочешь, пожалуй, брось его въ рѣку—къ другому кольцу.

Флора».

На душѣ у Кэты вдругъ стало и хорошо, и спокойно. Она машинально разгладила записку и положила ее на столъ вмѣстѣ съ письмомъ... Ужь не прекрасная ли графиня Витте та *гостья*, для которой приготовили гостиную въ домикѣ надъ рѣкой?.. Молодая дѣвушка энергично тряхнула красивой своей головой, изящно-украшенной роскошными косами: ея каріе глаза начали проясняться, и она крѣпко прижала обѣ руки къ своей груди. Если хоть на секунду она усумнится въ *немъ* —можетъ ли она тогда считать себя достойной прямо взглянуть ему въ глаза? Вѣдь онъ сказалъ: „на Пасхѣ я снова буду здѣсь“. И онъ явится сюда... Самые краснорѣчивые доводы не могли бы убѣдить ее въ противномъ: она вѣритъ, что онъ любитъ ее и придетъ за ней... Прочь сомнѣнья!.. Да, какой-нибудь высокомѣрный владѣтель замка былъ способенъ привести въ домъ когда-то любимой имъ несчастной, бѣлокурой женщины новую, гордую хозяйку въ подвѣнечномъ платьѣ - но *онъ*, этотъ человѣкъ, съ такой искренней душой, *не можетъ* поступить такъ... Онъ не нарушитъ слова, даннаго внучкѣ мельника, онъ не измѣнитъ ей ради *другой*, хотя бы эта другая и была графиней.

Чувство невыразимаго счастья наполнило все существо Кэты, даже голова у нея закружилась, мысли стали путаться... Она устремилась къ южному угловому окну, чтобы взглянуть, только взглянуть на милый, старый домикъ надъ рѣкой... Боже! Тамъ, за верхушками деревьевъ, уже развѣвался пестрый флагъ... Ужь не пріѣхали ли желанные гости? Не пойти ли ей туда, чтобы обнять тетушку-діаконицу? Нѣтъ, въ такомъ расположеніи духа она не должна идти туда... Нѣтъ, пусть прежде исчезнетъ этотъ предательскій румянецъ и сердце станетъ постукивать ровнѣе—ну, тогда можно будетъ стать лицомъ къ лицу съ ясноокой старушкой... Надо поуспокоиться, поуспокоиться!..

Кэта подошла къ письменному столу и наклонилась надъ раскрытой гроссъ-бухъ; тутъ же лежало шесть дѣловыхъ писемъ, на которыя слѣдовало немедленно отвѣтить... А вонъ тамъ, на дворѣ, застучала тяжелая телѣга, нагруженная мѣшками съ зерномъ. Собаки неистово лаяли на нищаго, которому Суза подала кусокъ хлѣба изъ окна передней... Вотъ она, суровая то дѣйствительность, проза жизни!... Да и въ комнатѣ этой все такъ чинно, буднично... Тутъ всякое волненіе сердца скоро утихнетъ!...

Взоръ молодой дѣвушки блуждалъ по комнатѣ; потомъ она взяла почтовый листъ бумаги, обмакнула перо и написала: „Г. Шиллингу и Комп. въ Гамбургѣ“... Ахъ, какъ неразборчиво вышли буквы! Вѣдь такъ и прочесть нельзя... Кэта въ отчаяніи провела рукой по горячему лбу и откинула назадъ каштановые локоны, что обнаружило узкій красный рубецъ на верхней части лба. Закрывъ лѣвой рукой глаза, а правую съ непослушнымъ перомъ положивъ на бумагу, она просидѣла такъ неподвижно съ минуту. Вдругъ холодная струйка воздуха скользнула по ея щекѣ... Вѣтерокъ могъ ворваться или въ отворенную дверь, или же въ окно. Кэта подняла голову и—увидѣла *его*: *онъ*, улыбающійся, радостный, стоялъ на верхней ступенькѣ деревянной лѣстницы, ведущей въ комнату.

— Брукъ!!. Я такъ и знала! воскликнула Кэта и, швырнувъ перо, кинулась съ распростертыми объятіями на грудь доктора.

Въ эту минуту черезъ сѣни проходила Суза. „Это что значитъ? подумала она, дверь отворена настежъ, въ апрѣлѣ-то мѣсяцѣ, когда приходится ежедневно жечь такія дорогія дрова?“... Восклицаніе Кэты она тоже слышала...

Старуха такъ растерялась, что засунула себѣ въ ротъ конецъ синяго передника, которымъ передъ тѣмъ собиралась обтереть потъ со лба... Еще-бы — вѣдь тамъ, внизу стоялъ самъ господинъ д—ръ Брукъ и держалъ въ своихъ объятіяхъ барышню ея такъ крѣпко, какъ будто собирался не разставаться съ ней во всю жизнь... „Господи Боже!.. Какъ-же это... вѣдь онъ не женихъ ей, да и она не невѣста?“...

Осторожно, по стѣнкѣ, подошла Суза поближе къ двери, чтобы притворить ее, но Кэта увидѣла Сузу, покраснѣла и возымѣла намѣреніе высвободиться изъ объятій доктора.

Брукъ засмѣялся—такимъ веселымъ смѣхомъ—и, еще крѣпче прижавъ дѣвушку къ своей груди, проговорилъ:

— Ну, нѣтъ, Кэта, хотя ты и сама подбѣжала ко мнѣ, я, все таки, не довѣряю тебѣ! Глупцомъ-бы я былъ, если бы далъ тебѣ время опомниться... и... и снова сдѣлаться *только сестрой*... А пожалуйте сюда, сударыня Суза! крикнулъ докторъ, замѣтивъ у дверей старую экономку. — Будьте вы свидѣтелемъ того, что Кэта *невѣста моя*, и тогда я, пожалуй, выпущу ее изъ рукъ!

Суза отерла заслезившіеся глаза и разсыпалась въ многорѣчивыхъ поздравленіяхъ, потомъ торопливо затворила дверь и побѣжала черезъ дворъ къ вдовѣ мельника Франца, чтобы сообщить ей эту новость... „Да, вотъ и наступилъ конецъ славному времечку на мельницѣ, потому что барышня хочетъ идти за-мужъ...“

Брукъ подошелъ къ письменному столу и торжественно закрылъ гроссъ-бухъ.

— Карьера прекрасной мельничихи окончена, потому что настала праздникъ Пасхи, произнесъ онъ. — А какъ считалъ я дни до этого срока! Самъ вѣдь я долженъ былъ назначить его, если не желалъ потерять

тебя навсегда! Ты не знаешь, что значитъ уѣхать, не получивъ рѣшительнаго отвѣта, находиться въ неизвѣстности и постоянно дрожать за счастье всей своей жизни!.. Единственнымъ моимъ утѣшеніемъ были письма твои къ тетушкѣ, эти ясныя, свѣтлыя письма, преисполненныя силы воли и серьезнаго взгляда на жизнь... Между строкъ я читалъ въ этихъ письмахъ о тайной любви... Но какъ скупилась ты писать!.. Онъ взялъ ея руку и снова привлекъ къ себѣ молодую дѣвушку.—Я зналъ и видѣлъ, что долженъ былъ пройти нѣкоторый промежутокъ времени между печальнымъ прошлымъ и *новой* моей жизнью, зналъ, что подвергнусь тяжелому испытанію,—но, Кэта, и до настоящей минуты для меня остается загадкой, *почему* хотѣла ты навсегда разлучиться со мной и одинокой пройти свой жизненный путь?..

Брукъ внезапно умолкъ... Яркая краска разлилась по его лицу, потому что тутъ только онъ замѣтилъ записочку, лежавшую рядомъ съ закрытой гроссъ-бухъ. Доктору хорошо былъ извѣстенъ этотъ крупный, но не твердый почеркъ—такія записочки онъ частенько получалъ отъ Флоры въ первое время послѣ обрученія своего съ нею.

Кэта, съ видомъ рѣшимости не уступать, поспѣшно прикрыла рукой оба письма Флоры... Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ обнаруживать эту гнусную интригу? Пусть ужъ все это будетъ предано забвенію, похоронено на вѣки-вѣчные!.. Теперь вѣдь *ничто* уже не могло быть помѣхой счастью молодой дѣвушки... Однако, *упрямый* докторъ вытащилъ письмо и записку, при чемъ произнесъ рѣшительнымъ тономъ:

— Я не могу допустить никакой тайны между нами, а тутъ, Кэта, что-то скрывается...

Онъ прочелъ письмо и записку, а затѣмъ потребовалъ объясненія. Выслушавъ исповѣдь молодой дѣвушки, Брукъ понялъ, какую страшную душевную борьбу пришлось вынести ей, но за то въ тоже время онъ узналъ, какъ глубока безкорыстная любовь ея къ нему. Да, чтобы освободить его—она охотно жертвовала всею своею будущностью...

— Ну, а что-же прекрасная-то графиня Витте? Я думала—она пріѣдетъ сюда съ тетушкой и будетъ жить въ гостиной, прибавила Кэта, смѣясь сквозь слезы... Ей хотѣлось прекратить непріятный разговоръ, такъ сильно взволновавшій доктора, и это ей удалось. Онъ засмѣялся.

— Въ гостиной буду жить *я*, отвѣтилъ Брукъ. Я нарочно не предупредилъ тебя о своемъ пріѣздѣ, и, какъ видишь, сдѣлалъ хорошо... Чутье не обмануло меня. Что-же касается молодой графини, то она, излеченія ради, прожила три мѣсяца у меня въ домѣ, теперь же, благодаря тому обстоятельству, что мнѣ посчастливилось вылечить ее, сія особа ужъ слишкомъ пылко стала выражать свою благодарность... Вотъ и все. Недѣли черезъ двѣ ты, дорогая моя, познакомишься съ ней, такъ какъ профессоръ хочетъ уѣхать отсюда съ профессоршей... О, вѣдь *семь* долгихъ мѣсяцевъ длилась наша разлука!.. Подумай объ этомъ!.. Согласишься-ли ты обвѣнчаться со мной вонъ тамъ?.. И указавъ на церковь сосѣдней деревушки, онъ прибавилъ:—это мѣстечко всегда нравилось мнѣ.

— Куда поведешь—туда и пойду за тобой, отвѣтила Кэта тихимъ, задушевнымъ голосомъ—но... у меня тутъ есть еще кое-какія дѣла...

— Да?.. Ну, гроссъ-бухъ уже закрыта, а съ „Шиллингомъ и К° въ Гамбургѣ" можетъ покончить разсчетѣ твой вѣрный Ленцъ.

Кэта разсмѣялась.

— Пусть будетъ такъ!.. Повинуюсь и выхожу, значитъ, въ отставку... Теперь для бѣднаго Ленца наступятъ лучшіе дни: онъ будетъ арендаторомъ мельницы и, такимъ образомъ, быстро поправитъ свои дѣла!..

Вотъ, наконецъ и комната на зàмковой мельницѣ заперта, потому что Кэта пошла подъ руку съ Брукомъ по той самой тропинкѣ, по которой она такъ часто ходила одна и въ бурю, и въ непогоду. А ужъ какъ чудесно было идти сегодня подъ живымъ навѣсомъ вѣтвей, покрытыхъ почками!.. Бархатистыя сережки вербы ласкали разгорѣвшіяся щеки молодой дѣвушки... Вотъ повѣялъ легкій вечерній вѣтерокъ съ рѣки, тихо катившей свои синія волны. Вдали темнѣлъ паркъ, и видно было, какъ лебеди лѣниво скользили по зеркальной поверхности пруда, а тамъ, высоко въ воздухѣ, надъ верхушками деревьевъ, развѣвался желто-голубой флагъ, слѣдовательно—„господа" уже на виллѣ.

При видѣ этой картины, сколько воспоминаній воскресло въ душѣ Кэты и Брука, которые только что поклялись другъ другу въ взаимной вѣрности до гроба...

— А знаешь, вѣдь говорятъ, что Морица видѣли гдѣ-то въ Америкѣ, шепнулъ докторъ Кэтѣ.

Она утвердительно кивнула головой.

— Нѣсколько дней тому назадъ вдова Франца получила изъ Калифорніи отъ *неизвѣстнаго* пятьсотъ талеровъ—ну, и ломаетъ теперь голову надъ вопросомъ: кто этотъ благодѣтель?.. Я-то знаю этого благодѣтеля...

Тутъ Кэта разсказала Бруку о работникѣ, съ длинной русой бородой, который не за долго до взрыва въ башнѣ, гналъ въ глубь парка сернъ, чтобы спасти ихъ отъ страшной смерти... Вѣдь эти серны были *когда-то* его любимыми животными...

Но вотъ женихъ и невѣста дошли наконецъ до милаго, „стараго домика надъ рѣкой", окутаннаго густыми вечерними сумерками. Рабочихъ уже не было въ саду, и кругомъ царила торжественная тишина. Со ступенекъ крыльца неслышными шагами сходила старушка съ распростертыми руками, чтобы прижать къ своему материнскому сердцу „милое, дорогое существо", которое она такъ долго вымаливала у неба для своего любимца...

Въ эту самую минуту въ городѣ раздался первый, протяжный ударъ колокола, возвѣстившій всѣмъ наступленіе свѣтлаго праздника Пасхи...

Завтракъ на полѣ

На приложенной картинкѣ изображена группа крестьянъ, завтракающихъ въ полѣ, послѣ работы. Мужикъ среднихъ лѣтъ и молодой парень сидятъ на землѣ; возлѣ нихъ на разостланомъ столешникѣ — чашка, горшокъ молока и каравай черпаго хлѣба; позади—заслоняясь рукой отъ солнца, стоитъ баба въ пестромъ платкѣ, опершись на наклеску телѣги; кругомъ — поле. Однимъ словомъ, передъ вами знакомая картина, переданная вѣрно, до мельчайшихъ подробностей «крестьяне завтракаютъ», думаете вы, глядя на фотографическій снимокъ: одинъ подноситъ ложку ко рту, другой сейчасъ зачерпнетъ изъ деревянной чашки. Лапти, грубыя рубахи, волоса въ кружало, небольшая велико-русская бородка, знакомый сарафанъ, нехитрая соха съ бороной, торчащія позади, и грязныя колеса широкой, тряской телѣги.

Почему же эта картинка изъ трудовой крестьянской жизни не производитъ на васъ такого впечатлѣнія какъ напримѣръ картина Рѣпина «Бурлаки на Волгѣ»? Потому что она не художественное произведеніе а фотографія, передавшая вѣрно одинъ небольшой фактъ и только. Изображенныя лица, или дѣйствительно такъ сидѣли, или были нарочно посажены неподвижной живой картиной. Всѣ трое, видимо заняты не столько ѣдой, сколько снимающимъ *бариномъ*, который навелъ на нихъ свою непонятную машину. Живопись, музыка и литература — три великіе настройщика, но на долю не каждаго изъ людей, причастныхъ имъ, выпало счастье одинаково настраивать своихъ зрителей и слушателей на благое и великое. Многіе должны считать себя довольными если ихъ работа, ихъ трудъ нейдетъ въ разладъ съ великими цѣлями дѣйствительныхъ художниковъ.

Ждать частаго появленія такихъ произведеній, какъ картина

Городъ Тюбингенъ. Рисов. Р. Штилеръ, грав. Бренд'Амуръ.

Рѣпина, было бы нескромнымъ желаніемъ; въ ней широкій историческій сюжетъ; при взглядѣ на его «Бурлаковъ» въ умѣ каждаго промелькнетъ цѣлый рядъ историческихъ воспоминаній. Но развѣ народная жизнь бѣдна другими сюжетами? И зачѣмъ брать одни историческіе? Въ промежутки между появленіями выдающихся произведеній живописи не надо бросать собираніе фактовъ, и благая доля тѣхъ фотографовъ, которые избрали для своихъ альбомовъ народную жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ, могущихъ отразиться на негативѣ. Разъ вниманіе публики приковано къ извѣстной мысли—явятся и выразители этой мысли.

На берегахъ Балтійскаго моря.

Между различными водорослями, составляющими растительность океановъ и морей (водорослями, которыя прибиваются къ берегу морскимъ теченіемъ или морскою зыбью), нѣтъ почти ни одной ненужной, безполезной въ хозяйствѣ человѣка. Многія изъ этихъ растеній употребляются въ пищу, другія идутъ на кормъ домашнему скоту, а нѣкоторыя доставляютъ отличное удобреніе для полей и луговъ, или служатъ хорошей подстилкой въ хлѣвахъ и конюшняхъ. Отъ сожженія морскихъ водорослей получается зола, изобилующая солью, или поташъ, необходимый при производствѣ различныхъ предметовъ,—поэтому въ Европѣ прибрежные жители (поморяне) тщательно собираютъ такія морскія травы и затѣмъ просушиваютъ ихъ. Сердитыя волны, обыкновенно недружелюбно относящіяся къ человѣку, тутъ прислуживаютъ ему, несутъ добро, оказываютъ хорошую помощь — умѣй только пользоваться подарками стараго суроваго Нептуна, который любитъ казнить, но любитъ и миловать. На нашей картинкѣ изображенъ сборъ морской травы на берегу Балтійскаго моря. Здѣшніе поморяне, преимущественно рыбаки, послѣ каждаго почти отлива, и ужь непремѣнно послѣ сильной бури, отправляются на побережье, вооружившись длинными граблями, которыми они сгребаютъ эту траву. Собранныя такимъ образомъ водоросли, разбрасываются для просушки на берегу или складываются въ стога; въ послѣднемъ случаѣ трава, подвергаясь гніенію, превращается въ весьма цѣнное удобреніе. Часть наловленныхъ водорослей идетъ на потребу, въ хозяйствѣ самыхъ тружениковъ, другая — продается. Тяжела и не совсѣмъ благодарна эта работа, но обитатели нашего остзейскаго побережья — народъ весьма трудолюбивый, въ требованіяхъ своихъ умѣренный, скромный; онъ не боится никакой работы, не бѣжитъ отъ тяжкаго труда, если трудъ этотъ можетъ доставить ему честный заработокъ.

„Ивановъ день" и канунъ его „Аграфена купальница".

(Царь огонь и царь водица).

Наступило лѣто, наступило тепло, наступили и лѣтнія удовольствія, отличающіяся такимъ обильнымъ разнообразіемъ, особенно въ провинціальномъ и сельскомъ быту. Тамъ каждое подобное удовольствіе или праздество непремѣнно основано на обычаѣ, на повѣрьи или преданіи, а каждый обычай и каждое преданіе имѣетъ начало въ сѣдой, далекой старинѣ. Большинство праздниковъ русскаго народа перешло къ нему изъ славянскаго язычества, и не взирая на христіанство, принятое Русью еще при Владимірѣ Святомъ, всѣ народныя игрища по сіе время сохраняютъ въ себѣ явные слѣды язычества, даже среди обрядовъ христіанства. Такимъ образомъ сохранилось вѣрованіе въ счастливые и несчастные дни, въ счастливыя и несчастныя числа разныхъ мѣсяцевъ. *Понедѣльникъ* считался и считается самымъ несчастнымъ днемъ недѣли и ведетъ свое начало даже не изъ славянскаго, а изъ римскаго язычества. Въ древнемъ Римѣ былъ обычай выводить преступниковъ на казнь только по понедѣльникамъ (dies Lunae), а потому весьма естественно, что понедѣльникъ, по своему тяжелому впечатлѣнію на народъ, казался ему самымъ несчастнымъ днемъ недѣли и назывался *тяжелымъ* днемъ. Среда и пятница, дни поста, также не принадлежатъ къ благопріятнымъ человѣку днямъ, но за то вторникъ, четвергъ и особенно воскресенье почитаются легкими.

Въ первые вѣка христіанства въ Россіи впечатлѣніе язычества было еще такъ сильно, а новое ученіе еще такъ непрочно, что не только самъ народъ, но иногда и духовенство, не противилось сочетанію языческихъ обрядовъ съ обрядами христіанства. Только къ XVI столѣтію, когда христіанство твердо упрочилось въ нашемъ отечествѣ, началось преслѣдованіе языческихъ обрядовъ, которые всѣ вообще, безъ исключенія, подведены были тогдашнимъ духовенствомъ подъ одинъ уровень колдовства и скоморошества, куда причислены были также всѣ игрища, сопровождавшіяся пляскою, пѣснями и музыкой. По языческимъ понятіямъ музыка и пѣсни имѣли чудодѣйственную силу, какъ и заклинанія заговоровъ и вмѣстѣ съ пляской принадлежали къ числу языческихъ обрядовъ. Если въ первые вѣка христіанства эти игрища не преслѣдовались формально, то уже осуждались положительно, какъ видно изъ того, что Кириллъ Туровскій называетъ ихъ играми бѣсовскими. Продолжая свое порицаніе, лѣтописецъ говоритъ: «дьяволъ льстится всяческими «лестьми, пробаняя трубами и скоморохи, гусльми и русалью «(русальи игры); видимъ бо игрища и людей много множество, позоры дѣюще отъ бѣса».

Книга *Стоглавъ* вооружается противъ слѣдующихъ явленій: «въ мірскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы, и органники, и «смѣхотворцы, и гусельники, и бѣсовскія пѣсни поютъ... да «предъ свадебными поѣзды со всѣми тѣми игры рыщутъ, да «по дальнимъ странамъ ходятъ скоморохи, совокупляясь многими ватаги по шестидесятъ, по семидесятъ и до ста чело«вѣкъ... На погостахъ (кладбищахъ) егда учнутъ скоморохи и «гудцы и прегудницы играти, тогда всѣ бывшіе, преставъ отъ «плача, начнутъ скакати и плясати и въ ладони бити, и пѣсни сатанинскія пѣти».

Такимъ образомъ Стоглавъ говоритъ противъ пѣсенъ, музыки и плясокъ, сопровождавшихъ всѣ обрядныя церемоніи и свадьбы, и праздники въ честь умершихъ, и разныя игрища. Кромѣ Стоглава противъ всѣхъ подобныхъ соблазновъ предохраняютъ разные лѣтописцы и между прочими игуменъ Памфилъ въ посланіи своемъ къ псковскимъ властямъ (1605 г.); замѣчателенъ также патріаршій указъ Іоакима въ 1684 году и грамата 1648 года. Эта грамата особенно любопытна по своимъ подробностямъ; въ ней патріархъ требуетъ. чтобы православные не призывали къ себѣ скомороховъ (плясуновъ) съ домрами, сурнами *), волынками, гудками и всякими играми, и на улицахъ, и поляхъ, и во время свадебъ «бѣсовскихъ» пѣсенъ не пѣли бы и по ночамъ не плясали, и въ ладони не били, и скоморошныя платья и личинъ (масокъ) на себя не накладывали. Воеводамъ предписывалось отбирать у всякаго музыкальные инструменты, ломать и жечь; а тѣхъ, у кого они найдутся, бить батогами (кнутомъ) и ссылать въ украйныя мѣста. Такой строгій взглядъ на скоморошество понятенъ. Скомороху принадлежало въ языческомъ мірѣ особенное значеніе; пѣсни и пляски были необходимыми обрядами при языческихъ жертвоприношеніяхъ и возваніяхъ къ божествамъ. Въ одномъ старинномъ сборникѣ сказано: «не подобаетъ крестьянамъ (христіанамъ) игоръ бѣ«совскихъ играти, иже есть пляска, гудьба, пѣсни бѣсовскія и «жертвы идольскія». Здѣсь пляска и музыка прямо отнесены къ одному разряду съ жертвами идоламъ.

Вмѣстѣ съ плясками, музыкой и пѣснями, какъ воеводы, такъ и высшія духовныя лица постоянно дѣлали предписанія подчиненнымъ имъ властямъ о преслѣдованіи и отбираніи всѣхъ бѣсовскихъ инструментовъ, каковы были: рожки, дудки, жалейки, сиповки, свирѣли, сопѣлы, роги, волынки, балалайки, гусли, гудки, ложки и тарелки.

Какъ ни стремились къ изгнанію бѣсовскихъ игръ воеводы и епископы, даже патріархи и самые цари, стремленіе ихъ оказывалось безсильнымъ противу народнаго влеченія къ играмъ, неизбѣжно сопровождавшимся музыкой и пѣніемъ; точно также трудно было изгнать и уцѣлѣвшіе обряды язычества, заключавшіе въ себѣ такъ много поэзіи и доставлявшіе такъ много удовольствія народу. Правда. разные указы и сильныя мѣры временно подавляли народныя празднества, но при первомъ удобномъ случаѣ—онѣ вновь возстановлялись со всѣми обычаями и милой старины.

Весенніе праздники начинаются у русскаго народа Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ, а за нимъ слѣдуютъ: *Преполовеніе*, *Вознесеніе*, *Троицынъ день* и *Духовъ день*. Но всѣ эти праздники отличаются чисто христіанскимъ характеромъ, а потому мы перейдемъ къ «*Иванову дню*» и кануну его «*Аграфенѣ купальницѣ*», сохранившимъ до сихъ поръ въ народныхъ увеселеніяхъ много языческаго.

Наши предки говаривали: «*обычай не клѣтка, не переставишь*», то есть другими словами: если бы и не хотѣлъ отпраздновать Иванова дня, какъ подобаетъ, то не достанетъ на это ни силы воли, ни умѣнья. При этихъ словахъ праотцы наши, вмѣстѣ съ преданіями старины, вмѣстѣ съ завѣтными чувствами русскаго сердца, передали намъ и разные суевѣрные обряды. Въ глубокой старинѣ эти обряды имѣли конечно свое значеніе, вытекавшее изъ образа воззрѣнія древняго человѣчества вообще и предковъ нашихъ въ особенности на мірозданіе, на

*) *Домра*—балалайка, *сурна*—скрипка.

господствующую въ немъ гармонію, на стихіи природы, которыя, или служатъ человѣку и его выгодамъ, или, напротивъ, враждебно сталкиваются съ нимъ. Но человѣкъ боготворилъ одинаково и милостивое, и грозное, въ окружавшей его природѣ, потому что въ первомъ имѣлъ нужду, а второго боялся. Кромѣ солнца, луны и звѣздъ, у славянъ большимъ почетомъ пользовались громъ и молнія, олицетворявшіеся въ кіевскомъ Перунѣ, которому приносились человѣческія жертвы. Далѣе, огонь и вода занимали между богами далеко не послѣднее мѣсто, чему служатъ яснымъ доказательствомъ празднества въ честь огня въ *Ивановъ день* и въ честь воды въ день *Аграфены купальницы*. На этихъ пиршествахъ всегда присутствовали вѣщіе *баяны* и, подобно скальдамъ и бардамъ, воспѣвали по преимуществу доблесть убитыхъ воиновъ, сопровождая пѣніе свое игрой на струнахъ особаго инструмента, походившаго на цимбалы.

Славяне были, по преимуществу, народъ земледѣльческій и имѣли два земледѣльческихъ языческихъ празднества: *Коляда* и *Купало*. Коляда соотвѣтствуетъ тому времени, когда плоды уже собраны съ полей, когда земледѣлецъ чувствуетъ потребность возблагодарить божество за дарованныя имъ и уже осуществившіяся блага. Оно совершалось зимой, по прошествіи долгой осени и праздновалось 24 декабря, въ канунъ христіанскаго праздника Рождества Христова. Святки, съ ихъ переодѣваньями и масками, составляютъ праздникъ чисто языческій, лишь подходящій случайно по времени къ великому празднику христіанскому, а потому колядованія и всѣ святочныя забавы, гаданья и увеселенія, хотя не имѣютъ ничего общаго съ христіанскими обычаями, но такъ сроднились съ духомъ народа, что по сіе время упорно держатся въ народѣ. Ровно чрезъ полгода, то есть 24-го іюня, празднуется *Купало*. Это уже праздникъ не благодарности божеству, а надеждъ на его милосердіе. Земледѣлецъ видитъ предъ собою поляну, покрытую зеленью, видитъ хлѣбъ, который колосится и цвѣтетъ. Въ хорошемъ урожаѣ заключается вся его надежда на настоящій годъ. Малѣйшая немилость какого-нибудь божества, особенно же воды и солнца, истребитъ все его благосостояніе. Чувство страха и надежды борются въ сердцѣ пахаря, и что же ему остается дѣлать, какъ не умилостивлять празднествами свои божества? Все это обще-славянское относится всецѣло и до коренныхъ обитателей Россіи. Замѣчательно, что дни, посвященные православною церковью памяти святой Агриппины (Аграфены купальницы) и Рождество святаго Іоанна Предтечи совпадаютъ съ древне-языческими служеніями въ честь воды и огня (солнца, свѣта). Достойно также вниманія, что у разныхъ народовъ, занимающихся однимъ и тѣмъ же промысломъ, и религіозныя убѣжденія одинаковы: они одного и того же боятся, одно и тоже боготворятъ, и между празднествами, существующими у каждаго изъ нихъ, всегда встрѣчается большое сходство. Напримѣръ у древнихъ германцевъ Ивановъ день праздновался всегда среди лѣта. Тогда зажигались такъ называемые «*ивановы огни*», чрезъ которые германцы переводили свои стада для предохраненія ихъ отъ заразы и отъ злого духа; золу же бросали на поле и около воды, для истребленія вредныхъ насѣкомыхъ. Тоже самое вѣрованіе въ силу ивановыхъ огней, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, встрѣчается и въ другихъ, особенно же славянскихъ земляхъ, въ которыхъ праздникъ Купалы носитъ разныя названія. Такъ въ Литвѣ, наканунѣ дня святаго Іоанна Предтечи (23-го іюня) справлялся праздникъ *росы*; въ Польшѣ онъ назывался «*соботками*» (отъ слова *собить*, то есть приспособлять), какъ день, въ который приготовляются или приспособляются къ полевымъ работамъ (къ сѣнокосу). Но у большей части славянскихъ народовъ, а также и у русскихъ, празднество это называлось *Купалою*. Оставляя въ сторонѣ различныя мнѣнія ученыхъ о происхожденіи слова «*Купало*», должно только вспомнить о существующемъ во всей Россіи повѣрьѣ, что купаться можно только съ 23-го іюня, со дня *Аграфены купальницы*, равно какъ и томъ, что въ Ивановъ день вездѣ собираютъ различныя травы, которымъ приписывается цѣлебная и нерѣдко чудодѣйственная сила. Много сохранилось въ народѣ разсказовъ про свойства *папоротника* и его *цвѣтка*, о чудесныхъ дѣйствіяхъ *разрывъ-травы* и другихъ травахъ, менѣе важныхъ, изъ которыхъ однако каждая имѣетъ свое свойство и значеніе. Въ подтвержденіе же производства слова *Купало*, отъ времени, когда у насъ начинаютъ купаться, можно привести въ примѣръ нѣкоторыя пѣсни, относящіяся къ этому празднеству. Въ Малороссіи, по этому случаю, поется пѣсня, которая начинается такъ: «*Купався Иванъ, да въ воду упавъ*». Другая подобная же пѣсня пѣлась въ Галичѣ, на Днѣпрѣ:

У пана Ивана посередь двора
Стояла верба,
На вербѣ горѣли свѣчи.
Съ той вербы капля упала,
Озеро стало:
Въ озерѣ самъ богъ купанся
Съ дѣтками, судѣтками».

Какъ бы то ни было, но въ народѣ до сихъ поръ господствуетъ повѣрье, что *Купало* есть *царь-огонь*, а *купальница—царь-водица*. Этимъ вполнѣ объясняется боготвореніе двухъ важнѣйшихъ и необходимыхъ для земледѣльца условій, особенно въ то время, когда совершается въ честь ихъ празднество. Не у всѣхъ народовъ славянскихъ, равно какъ не во всѣхъ частяхъ Россіи празднество это происходитъ одинаково. У славянъ, жившихъ на Арконѣ, праздникъ въ честь огня и свѣта совершался слѣдующимъ образомъ: еще наканунѣ празднества народъ собирался во множествѣ около храма. Въ самый день праздника, по принесеніи кумиру разныхъ жертвъ, совершался большой народный пиръ. Жрецъ, который вопреки общему обыкновенію страны, не стригъ ни головы, ни бороды, еще за день до праздника являлся въ святилище храма, куда только ему одному дозволенъ былъ входъ, выметалъ полъ вѣникомъ, какъ можно чище, стараясь при этомъ совершенно не дышать внутри храма, а потому всякій разъ, принужденный выдохнуть или вдохнуть въ себя воздухъ, онъ выбѣгалъ къ наружнымъ дверямъ, чтобы не осквернить человѣческимъ дыханіемъ присутствія чтимаго божества.

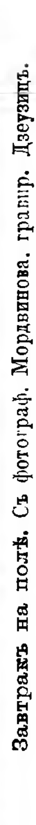
На другой день жрецъ, въ виду толпившагося вокругъ храма народа, бралъ рогъ изъ рукъ кумира и если находилъ, что вина въ немъ много убыло, то возвѣщалъ безплодный годъ и повелѣвалъ беречь хлѣбъ къ будущему году, если же вино стояло въ рогѣ у кумира на значительной высотѣ, то верховный жрецъ предсказывалъ плодородіе; затѣмъ онъ возливалъ старое вино къ ногамъ кумира, а рогъ наполнялъ новымъ. Почтивъ идола особыми обрядами, какъ будто бы онъ пилъ это вино, жрецъ исчислялъ народу всѣ почетныя *прозвища* и *титулы* божества; себѣ и отечеству желалъ счастія, а присутствующимъ и отсутствующимъ гражданамъ приращенія имущества и славныхъ побѣдъ. Окончивъ рѣчь, жрецъ залпомъ очищалъ рогъ, наполнялъ его снова виномъ и подносилъ съ благоговѣніемъ идолу. При этомъ праздникѣ употребляли еще круглый пирогъ, начиненный разными сластями и необыкновенной величины, въ ростъ большого человѣка. Жрецъ ставилъ этотъ пирогъ между собою и народомъ и спрашивалъ гражданъ, видятъ ли они его изъ за пирога?

Когда присутствовавшіе отвѣчали, что видятъ, то онъ выражалъ желаніе, чтобы годъ былъ такъ плодороденъ, чтобы на слѣдующій разъ его вовсе не было видно изъ за пирога. И славяне вѣрили, что такой обрядъ способствуетъ не только благосостоянію народа, но и обилію слѣдующей жатвы. Наконецъ верховный жрецъ привѣтствовалъ народъ именемъ божества, просилъ его не скупиться и ревностно приносить жертвы, обѣщая за это вѣрныя и несомнѣнныя побѣды надъ врагами на морѣ и сушѣ.

Остальная часть дня проходила въ шумномъ пиру, гдѣ потреблялись жертвы и гдѣ невоздержность была добродѣтелью, а умѣренность стыдомъ. Для содержанія кумира каждый житель острова, обоихъ половъ, вносилъ въ этотъ день серебряную, а бѣдный мѣдную монету, и изъ этихъ приношеній, почти обязательныхъ, составлялись значительные капиталы; кромѣ опредѣленныхъ взносовъ ему дарили третью часть добычи и хищенія, вѣря, что его защита даруетъ вѣрный успѣхъ. Въ день празднества приводили къ истукану триста лошадей и столько же всадниковъ, которые тотчасъ же вручали верховному жрецу все то, что было добыто ими въ теченіи года насиліемъ или хитростію. Все внесенное въ день торжества къ ногамъ идола относилось жрецами въ огромные сундуки и запиралось большими висячими замками, отпереть которые могъ только самъ богъ своимъ могуществомъ и силою, или свыше вдохновенный жрецъ или волшебная *разрывъ-трава*; въ этихъ сундукахъ скоплялось огромное количество золота, въ нихъ лежало и множество пурпуровыхъ одеждъ, пришедшихъ въ ветхость и гнилость отъ времени. Слава божества разносилась далеко и доходила до государей иноземныхъ, которые, будучи также язычниками, съ благоговѣніемъ посылали кумиру для его умилостивленія богатые подарки: между прочими король Свенонъ прислалъ ему въ даръ драгоцѣнную чашу самой художественной работы.

Между особенными наружными отличіями бога свѣта и огня былъ посвященный ему одному совершенно бѣлый конь. Выдернуть хоть одинъ волосъ изъ гривы священнаго коня почиталось тяжкимъ преступленіемъ. Одинъ верховный жрецъ имѣлъ право его кормить и на немъ ѣздить, чтобы ѣзда обыкновенныхъ людей не унизила божественное животное. Славяне вѣрили, что богъ свѣта и огня ведетъ на немъ войну, а это заключали они изъ того, что часто по утрамъ видали коня стоявшаго ночью въ стойлѣ, покрытаго пѣною и грязью, какъ будто онъ воротился изъ дальней дороги. Такъ чтилось и прославлялось божество, олицетворявшее собою свѣтъ и солнечное тепло, не малымъ почетомъ пользовались также его *прибоги* или подчиненные ему боги.

Праздникъ Свято-Ивановскихъ огней 24 іюня былъ на Волховѣ былъ и праздникомъ богини любви *Лады*. Веселыя сборища мущинъ и женщинъ появлялись съ пѣснями, играми и плясками въ лѣсахъ и тѣшились тамъ до исхода другихъ сутокъ и до полнѣйшаго истомленія силъ, но эти сборища удовольствія современемъ потеряли свой безвинный характеръ и сдѣлались предметомъ общаго осужденія, какъ самый безнравственный разгулъ, и зажиганіе живого огня, какъ это было въ Костромской губерніи, сдѣлалось синонимомъ полнѣйшаго разврата; бо-

Завтракъ на полѣ. Съ фотограф. Мордвинова. гравир. Дзеузинъ.

На берегу Балтійскаго моря. Сборъ морской травы. Рис. профес. Геберлинъ, грав. Бренд'Амуръ.

гиня же любви *Лада* переименовалась въ *Лайдачку*, то есть мерзкую и безстыдную женщину. Какъ нравились славянамъ и русскимъ подобные праздники, можно видѣть изъ нерехтской пѣсни, гдѣ съ треножнымъ нетерпѣніемъ ожидаются праздникъ за праздникомъ, а именно:

«Скоро приходитъ праздникъ *Купальницы*:
«Первый праздникъ *Семикъ* честной,
«Второй праздникъ *Троицынъ день*,
«А третій праздникъ *Купальницы*».

Необъятное множество разныхъ сказаній имѣемъ мы о возжиганіи огня въ ночь съ 23-го на 24-е іюня. Общаго въ этомъ праздникѣ то, что молодые люди, мужчины и женщины, холостые и женатые выходятъ изъ своихъ селеній съ ликованіемъ и пѣснями, разводятъ огонь, лучше всего на горѣ, при рѣкѣ, въ рощѣ; пляшутъ вокругъ огня, скачутъ черезъ него, распѣвая пѣсни нѣжно или страстно-любовнаго содержанія и гадая, исполнятся ли желанія сердца, или надежды честолюбія, или расчеты домовитаго хозяйства. Вникая глубже въ праздники *Купалы* и *Купальницы* мы убѣждаемся, что огонь и вода почитались у славянъ началами высшей животворности. И по сіе время у насъ, на Волховѣ, въ ночь на Ивановъ день, достаютъ *живой огонь* или царь-огонь посредствомъ тренія сухого дерева о мокрое. Этимъ огнемъ на Руси окуриваютъ отъ падежа скотину. Поляки палили *соботки* и чтобы былъ настоящій *дьявольскій свѣтъ*, доставали также этотъ дьявольскій огонь треніемъ сухихъ досокъ о мокрыя. Въ старинной сербской балладѣ описывается *Будимская* королева сожигающею на *царь-огнь* заколдованную рубашку, которая неоднократно обращала ея сына въ чудовище.

Это дѣйствіе жизни огня при праздиествѣ, во время стоянія солнца на самой большой его высотѣ, славяне распространили на всю природу, на урожай и на неурожай. Такъ русскіе, совершая торжество купальницъ, ожидаютъ изобилія плодовъ и хорошей жатвы. Въ Богеміи скачутъ чрезъ пламя такъ высоко, какъ желаютъ, чтобы имѣла ростъ конопель. Кто скакнетъ выше, у того и конопель выростетъ выше. Въ Сербіи, навязавъ факеловъ и бересты, и зажегши то и другое, обходятъ такимъ образомъ хлѣвы и пастбища, потомъ уходятъ на гору и сжигаютъ факелы при шумныхъ пляскахъ. Въ Малороссіи бѣгаютъ вокругъ огня съ березками, приговаривая:

«Кобъ мой, лепъ мой, такъ великій, какъ этая фаразина!»

Изъ разныхъ пѣсенъ видно, что огни зажигаются для прогнанія вѣдьмъ и злыхъ духовъ. Ускоки держутъ, надъ огнемъ маленькихъ дѣтей, чтобы отогнать отъ нихъ чары злого духа. Въ Малороссіи считается за дурное, если выпустить коня на свободу въ Ивановъ день, иначе на немъ уѣдутъ чародѣйки или вѣдьмы. Сербы, для удаленія злыхъ духовъ, вѣшаютъ на кровляхъ домовъ и на хлѣвахъ душистые вѣнки. Чехи, высокими прыжками чрезъ огонь, оберегаютъ себя отъ заколдованія и отъ обращенія въ *оборотней*. Польскія дѣвушки въ Галиціи припѣваютъ:

«Кто на *соботкѣ* не будетъ,
У того боль въ головкѣ будетъ».

Въ Ивановъ день колдуны и знахари отыскиваютъ травы, имѣющія власть надъ духами: такъ въ Вильнѣ ходятъ въ Ивановъ день на *Росу* искать волшебный цвѣтъ *папроць*, *папортникъ* или *кочедыжникъ*; исканіе продолжается до полуночи; тогда этотъ цвѣтъ разцвѣтаетъ и въ мгновеніе ока опять опадаетъ. Кто владѣетъ такимъ цвѣткомъ, тотъ можетъ, по желанію, сдѣлаться невидимкою и оборотнемъ. По всей Россіи существуетъ обычай исканія цвѣтка кочедыжника, который оказываетъ, будто бы, несомнѣнныя услуги при исканіи кладовъ. Между волшебными травами самыми вѣрными и чародѣйственными почитаются: *колюка* трава, *Адамова голова*, собираемая въ Ивановъ день, но силу волшебства имѣющая лишь въ Великій четвергъ, *трава прикрышъ*, разрушающая чародѣйства при свадьбахъ, то есть спасающая заколдованныхъ невѣстъ и жениховъ, *сонъ-трава*, *кочедыжникъ* или *папортникъ*, *тирличъ-трава*, собираемая подъ Кіевомъ на Лысой горѣ, населенной знаменитыми кіевскими вѣдьмами; *разрывъ трава*, *прыгунъ или скакунъ трава*, имѣющая свойство разрывать желѣзо, сталь, золото, серебро, мѣдь на мелкіе куски, *плакунъ-трава*, страшная бѣсамъ, полубѣсамъ, колдуньямъ и старымъ вѣдьмамъ кіевскимъ, *не-чуйвѣтеръ трава*, растущая зимою. *Перуника трава*, носящая грозное имя Перуна, но служащая нынѣ лишь для раскраски щекъ сербскихъ красавицъ. *Калоперъ-трава*, имѣющая свойство усыплять женщинъ подъ вечеръ когда хотятъ испытать ихъ вѣрность.

Кто же былъ это царь-огонь, живой огонь? Чей кумиръ пользовался такимъ высокимъ почетомъ, горѣлъ въ огнѣ, принималъ жертвы и былъ осыпанъ приношеніеми, ѣлъ хлѣбъ и пилъ вино. Если свѣтъ, добывавшійся отъ тренія дерева, былъ настоящимъ *дьявольскимъ свѣтомъ*, кто же этотъ дьяволъ и духъ свѣта? Конечно Свѣтовитъ, пользовавшійся высокимъ богопочитаніемъ славянъ въ храмѣ Арконы.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣвицы плетутъ изъ цвѣтовъ вѣнки, возлагаютъ ихъ себѣ на головы и пляшутъ вокругъ огня, справляя зеленыя святки и проводя домашнихъ животныхъ чрезъ очистительный огонь. Дѣвушки поютъ при этомъ случаѣ свои гадальныя пѣсни и замѣчаютъ на огнѣ по разнымъ примѣтамъ, сбудутся ли ихъ желанія? Въ Украйнѣ это празднество совершается другимъ образомъ. Въ мѣсто, назначенное для празднества, приносятъ вѣтвь вербы, или же родъ куклы, величиной около трехъ четвертей аршина, утверждаютъ ее въ землѣ, украшаютъ вѣнкомъ изъ душистыхъ травъ, потомъ ходятъ вокругъ нея и поютъ различныя пѣсни въ честь Купалы. Это продолжается болѣе часу, пока молодые мужчины, стоящіе въ сторонѣ, не бросятся на вербу, которую, не смотря на защиту дѣвушекъ, они обрываютъ и уносятъ, чѣмъ и кончается обрядъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, вмѣсто огня, перепрыгиваютъ черезъ кучи крапивы, и проводятъ также чрезъ нее скотъ. Крапиву кладутъ на окнахъ хатъ и даже на порогахъ дверей для защиты себя отъ нападенія вѣдьмъ, которыя, по общему преданію, въ Ивановскую ночь бываютъ гораздо злѣе и зловреднѣе, чѣмъ во всякое другое время. На эту ночь онѣ слетаются для какого то важнаго совѣщанія съ цѣлью, напримѣръ, испортить посѣвы хлѣба и вообще какъ бы помѣшать осуществленію надеждъ земледѣльца. Мѣста, для празднованія Купалы, избираются обыкновенно гористыя или лѣсистыя, изобилующія травами и водою, такъ, чтобы можно было собирать разныя *ивановскія травы* для предохраненія себя и своего скота отъ пагубнаго дѣйствія злыхъ духовъ, а также, чтобы потомъ выкупаться для очищенія себя и сохраненія отъ болѣзней на цѣлый годъ. Въ Москвѣ, и понынѣ бываетъ въ этотъ день гулянье на трехъ горахъ, замѣчательныхъ своей водою и растительностію травъ. Въ Петербургѣ сохранилось преданіе, что болѣе ста лѣтъ тому назадъ ижорцы собирались, въ десяти верстахъ отъ Петербурга по Рижской дорогѣ, къ липѣ, вѣтви которой сплетались съ вѣтвями другихъ деревьевъ, такъ что составляли собою природную бесѣдку. Тутъ они проводили всю ночь, при разложенномъ огнѣ, съ пѣніемъ, воплями и плясками. Наконецъ сожигали бѣлаго пѣтуха, сопровождая это жертвоприношеніе пѣснями и скачками. Кромѣ того, всѣмъ извѣстное, шумное народное гулянье въ томъ же Петербургѣ, совершается въ ночь на Ивановъ день. Избранная для этой цѣли мѣстность—*Куллербергъ*, находится на юго-западной сторонѣ Крестовскаго острова. Здѣсь, уже безъ всякой вѣры въ Купалу, веселятся отъ всей души, скачутъ чрезъ огонь, пляшутъ вокругъ него по болотнымъ кочкамъ, спотыкаются, валятся, снова встаютъ, снова спотыкаются и снова валятся подъ отягчающимъ вліяніемъ винныхъ паровъ и только уже на третій день, то есть не ранѣе полудня 25 іюня усталые и истомленные чтители ивановскихъ огней возвращаются въ полусознаніи по домамъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ празднество въ честь Купальницы совершается съ другими обрядами, хотя значеніе праздника одно и тоже, именно: предохраненіе себя чудесною силою травъ и воды отъ вреднаго вліянія вѣдьмъ. Напримѣръ, въ Архангельской губерніи, въ день Аграфены Купальницы топятъ бани, настилаютъ полъ травою *«лютикомъ»* (травой купальницей) и потомъ купаются въ рѣкѣ. Въ окрестностяхъ Москвы и въ другихъ мѣстахъ въ этотъ день дѣвушки парятся въ баняхъ свѣжими вѣниками, связанными изъ разныхъ жгучихъ и цѣлебныхъ травъ: крапивы, папортника, богородицкой травы, Иванъ да Марьи, ромашки, мяты, полыни. Странный и нѣсколько отличный отъ обыкновеннаго обрядъ въ этотъ день совершается въ Костромской губерніи, въ Нерехтскомъ уѣздѣ: наканунѣ Аграфены Купальницы дѣвушки собираются къ одной изъ своихъ подругъ: *«толочи въ ступѣ ячмень»*, что сопровождается веселыми пѣснями. На другой день варятъ изъ ячменя кашу, которую ѣдятъ вечеромъ; потомъ берутъ передніе колеса телѣги съ осью и оглоблями, возятъ сидящихъ на оси дѣвушекъ по селенію и полямъ, распѣвая до утренней росы пѣсни, и наконецъ умываются росою, думая, что она приноситъ имъ здоровье и красоту. Купальскія пѣсни не имѣютъ особеннаго характера, приноровленнаго къ этому празднеству. Въ нихъ обыкновенно заключаются мечты парней о своихъ возлюбленныхъ, и упоминаются какія нибудь растенія, даже и такія, которымъ приписывается волшебная сила.

Ивановская ночь страшна по тѣмъ вѣрованіямъ, которыя распространены о ней въ народѣ: это ночь вѣдьмъ и злыхъ духовъ. По народному повѣрью, для отвращенія отъ человѣка этого ужаса, растутъ разныя купальскія травы, имѣющія огромную силу, и кромѣ того предохраняющія отъ болѣзней и злыхъ духовъ, а также открывающія тайны. Самая чародѣйственная трава папортникъ, по преданіямъ старины, только и можетъ цвѣсти въ ночь на Ивановъ день и отыскать ее очень трудно и не иначе, какъ при самыхъ затѣйливыхъ обрядахъ и заклинаніяхъ. Кто найдетъ разцвѣтшій папортникъ, почитается особеннымъ счастливцемъ, потому что въ его руки, вмѣстѣ съ чуднымъ огненнымъ цвѣткомъ, переходитъ и необыкновенное сверхъестественное могущество. Предъ нимъ открываются желѣзные запоры, ему доступны клады и всѣ сокровища міра, даже нечистые духи безропотно повинуются ему. Но если такъ хорошъ и соблазнителенъ цвѣтокъ папортника, то уже конечно трудно овладѣть имъ по общему закону природы: все трудно

достающееся бываетъ хорошо, а все хорошее достается не легко. Какъ цвѣтетъ папортникъ и какія принимаются средства для его пріобрѣтенія, объ этомъ разсказываютъ, такъ называемые, *знахари*, и вотъ ихъ разсказъ. Изъ широколиственнаго папортника является цвѣточная почка и поднимается постепенно: она то движется, то останавливается, и вдругъ замотается, перевернется и запрыгаетъ, какъ живая. Иные даже слышатъ при этомъ голосъ и щебетаніе, и все это дѣлаетъ адская власть, чтобы, пугая людей, не допустить ихъ до цвѣтка. Когда почка созрѣетъ, тогда наступаетъ ровно двѣнадцать часовъ ночи; почка разрывается съ трескомъ, вся покрывается огненнымъ цвѣтомъ, такимъ яркимъ, что глаза не могутъ вынести: отъ цвѣтка пышетъ жаромъ. Вокругъ и вдали разливается яркій свѣтъ, и только невидимая рука срываетъ цвѣтокъ. Искатели цвѣтка очерчиваютъ около папортника кругъ, становятся на немъ и, произнося заклинаніе, ожидаютъ полуночи. Надобно, чтобы рѣшившійся на такой опасный подвигъ, былъ неустрашимъ, и могъ бы безбоязненно перенести всѣ ужасы привидѣній. Если онъ отзовется на голосъ или поверется къ какому либо призраку, то лишится жизни: злой духъ сорветъ съ него голову, вмѣсто папортника, и пошлетъ его душу въ адъ на мученіе за то, что онъ дерзнулъ похитить цвѣтокъ, составляющій лучшее украшеніе преисподней.

Всѣ эти суевѣрные обряды и вѣрованіе не могли не обратить на себя вниманія какъ гражданскихъ, такъ и духовныхъ властей, которыя, подъ страхомъ наказанія, запрещали народу держаться подобныхъ суевѣрій и укоряли тѣхъ, которые «въ громное громленіе купаются въ рѣкахъ и озерахъ и чинятъ безстыдное скаканіе и плясаніе и поютъ бѣсовскія пѣсни». Въ Стоглавѣ, между прочимъ, упоминается о праздиствѣ Купалы слѣдующее: «егда сходятся мужья, жены и дѣвицы на «ночное плещованіе и на безчинный говоръ и на скаканіе и «егда нощь мимо ходитъ, отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кри«чаніемъ и умываются водою, и егда учнутъ заутреню звонити, «отходятъ въ домы своя и падаютъ, аки мертвы, отъ великаго «клокотанія». Далѣе мы находимъ: «Егда бо приходитъ велій «праздникъ, день Рождества Предтечева, и тогда, во святую «ту нощь, мало не весь градъ взмятется и взбѣсится, бубны и «сопѣлы и гудѣніемъ струннымъ и всякими неподобными, са«танинскими игры, плесканіемъ и плясаніемъ, и того ради дви«нется и всяка встанетъ непріязненная угодія, яко въ поруга«ніи и безчестіе Рождеству Предтечеву. Сатана же красуется и «печалуетъ ими и т. д...»

Въ настоящее время, если и сохранились разные обряды скаканія чрезъ огонь, исканія травъ и гаданья, то уже безъ всякаго языческаго значенія; канунъ Иванова дня въ нынѣшнее время празднуется исключительно только ради удовольствія и забавы, какъ пріятная встрѣча лѣта во всей заманчивой его красотѣ. Праздникъ Рождества Іоанна Предтечи справляется во всѣхъ мѣстахъ тѣмъ охотнѣе и веселѣе, что на долю Ивановой ночи достается почти всегда отличная погода; исключенія конечно бываютъ, но они рѣдки; впрочемъ страсть къ удовольствіямъ такъ велика, что если идетъ и дождь, то и онъ не остановитъ, особенно молодежь, справить любимый народный праздникъ.

Н. Зуевъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ послѣднее время Константинополь служитъ сценой, на которой разыгрываются трагедіи одна мрачнѣе другой. Сверженіе могущественнаго падишаха, полновластнаго главы милліоновъ правовѣрныхъ, его смерть, затѣмъ—почти всего нѣсколько дней спустя,—умерщвленіе, или лучше сказать—избіеніе министровъ, неизвѣстность судьбы султанши Валидэ, матери покойнаго Абдулъ-Азиса, его сына Иззедина-Эффенди, толки о ихъ смерти—все напоминаетъ темныя страницы кроваваго прошлаго Оттоманской имперіи. Вотъ какъ передаетъ послѣднія событія телеграмма „Международнаго агентства“:

Константинополь, 4-го (16-го) іюня, пятница. Великій визирь сообщилъ иностраннымъ посламъ и посланникамъ о происшедшихъ въ прошлую ночь убійствахъ слѣдующее: человѣкъ, по имени Хассанъ, родомъ черкесъ, выпущенный 4 года назадъ изъ военной школы съ чиномъ поручика, а затѣмъ произведенный въ капитаны, съ назначеніемъ въ багдадскую армію, по нѣкоторымъ причинамъ, былъ оставленъ въ Константинополѣ и назначаемъ на разныя должности. Произведенный, затѣмъ, въ чинъ адъютантъ-маіора и получивъ должность при упомянутой арміи, онъ придумывалъ отговорки, чтобы не уѣзжать, былъ посаженъ подъ арестъ и долженъ былъ сегодня отправиться къ мѣсту назначенія. По освобожденіи его вчера изъ-подъ ареста, онъ вечеромъ отправился во дворецъ сераскира. Узнавъ тамъ, что сераскиръ находится у Митхадъ-Паши на совѣщаніи съ товарищами по министерству, онъ отправился туда. Часовые безпрепятственно пропустили его, какъ адъютанта, въ конференцъ-залу. Хассанъ на самомъ близкомъ разстояніи выстрѣлилъ изъ револьвера въ Гуссейнъ-Пашу. Въ то время, какъ всѣ присутствующіе спѣшили схватить убійцу, имъ умерщвлены еще Рашидъ-Паша, адъютантъ великаго визиря, Ахмедъ — слуга Митхадъ-Паши и одинъ солдатъ и ранены морской министръ и одинъ солдатъ. Убійца арестованъ“. Мы можемъ прибавить уже, что убійца повѣшенъ, такъ какъ судъ свершился надъ нимъ съ тою же поражающею быстротою, съ какою онъ успѣлъ исполнить свое злодѣйское дѣло. Несмотря, однако, на то, что правосудіе получило удовлетвореніе—истинное значеніе, истинный смыслъ трагедіи, до сихъ поръ не можетъ считаться разъясненнымъ.

Невольно теряешься въ догадкахъ и предположеніяхъ. Весьма естественно, что въ такое смутное время, какое переживаемъ мы теперь—время полное сомнѣній — событіе, въ родѣ только что упомянутаго, непремѣнно должно вести ко всевозможнымъ подозрѣніямъ... Съ одной стороны, оффиціальныя свѣдѣнія объясняютъ преступленіе чувствомъ личнаго мщенія, съ другой же, слухи, идущіе изъ источниковъ неимѣющихъ оффиціальнаго или оффиціознаго характера, относятъ его къ другимъ причинамъ, относящимся къ низложенію Абдулъ-Азиса, при дворѣ котораго Хассанъ находился въ положеніи фаворита. Мы предпочитаемъ пока воздержаться отъ какихъ бы то ни было предположеній по этому поводу и подождать дальнѣйшихъ разъясненій, если онѣ только появятся, въ чемъ, признаться, нѣсколько сомнѣваемся.

Собственно, самый восточный вопросъ находится въ эту минуту въ крайне неопредѣленномъ еще состояніи. Въ этомъ отношеніи возможно только констатировать одну лишь подготовительную работу—державы готовятъ дипломатическое разрѣшеніе вопроса, готовитъ Турція свою «конституцію», свои военныя силы, готовятся инсургенты, Черногорія, Сербія. По послѣднимъ извѣстіямъ, форпосты турецкихъ и сербскихъ войскъ стояли другъ противъ друга на разстояніи ружейнаго выстрѣла; генералъ Черняевъ начальствуетъ въ Алексинацѣ и, согласно слухамъ, ему будетъ въ скоромъ времени предоставлено еще болѣе важное командованіе.

О ходѣ торговыхъ и таможенныхъ переговоровъ въ Австро-Венгріи сообщаютъ, что до сихъ поръ произошло уже 4 засѣданія, на которыхъ разсмотрѣны 7 первыхъ классовъ общаго таможеннаго тарифа. Обсужденіе подвигается довольно успѣшно, хотя на переговорахъ и приходится согласовать, иногда противоположныя другъ другу воззрѣнія. Пока, впрочемъ, не могли еще высказаться сильныя разногласія, такъ какъ еще не было приступлено къ ожидаемому на дняхъ пересмотру пошлинъ на промышленныя издѣлія. Засѣданія рейхстага закроются на 3-й недѣлѣ іюня. Въ числѣ проектовъ, которые будутъ предложены осенью на разсмотрѣніе рейхстага будетъ, находиться и проектъ объ образованіи палаты господъ. О возобновленіи засѣданій въ сентябрѣ будетъ, какъ утверждаютъ, упомянуто въ рескриптѣ о закрытіи.

Недавно, разнесся слухъ объ уступкѣ Англіею Германіи острова Гельголанда, и хотя Дизраэли, на запросъ по этому поводу въ палатѣ общинъ, отвѣчалъ—очень кратко и очень категорично,—что слухъ этотъ лишенъ основанія, тѣмъ не менѣе событія часто измѣняютъ рѣшенія министровъ и заставляютъ ихъ, потомъ, отказываться отъ своихъ словъ. Такъ можетъ случиться и на этотъ разъ, тѣмъ болѣе, что обладаніе Англіи нѣмецкимъ островомъ, находящемся въ устьяхъ Эльбы, какъ-то не ладится съ провозглашеннымъ Германіей (т. е. Бисмаркомъ) принципомъ соединенія въ одно цѣлое всѣхъ земель, «гдѣ раздается нѣмецкая рѣчь», и, къ тому же, не можетъ не вести къ нѣкоторой натянутости отношеній. «Національная Газета» замѣчаетъ по этому вопросу, что уступка острова скрѣпитъ узы дружбы между обѣими державами и послужитъ доказательствомъ того, что «онѣ не будутъ придерживаться политики, которая бы стремилась къ противоположнымъ интересамъ». Въ виду положенія, принятаго Англіею относительно восточнаго вопроса, положенія, въ которомъ она нуждается въ союзникахъ, слова нѣмецкой газеты имѣютъ свое опредѣленное значеніе.

Заявленіе.

Издатель журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ гг. **полугодовыхъ** подписчиковъ поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**,—въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики теряютъ право на полученіе преміи **„Спящая красавица“**.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА.

11-го Іюня 1876 г.

	Покупатели.	Продавцы.	Продано.
5% заемъ съ выигр. 1-го выпуска	$210\frac{1}{2}$	$211\frac{1}{2}$	$211\frac{1}{2}$
5% заемъ съ выигр. 2-го выпуска	205	206	$205\frac{1}{4}$
5% банк. б. 1 вып.	$100\frac{1}{8}$	$100\frac{3}{8}$	$100, 100\frac{1}{4}$
5% » » 2 »	100	$100\frac{1}{4}$	$100, 100\frac{1}{4}$
5% обл. Спб. Гор. Кред. Общ.	92	$92\frac{1}{4}$	$92, 92\frac{1}{8}$
5% облигаціи Моск. Гор. Кред. Общ.	88	$88\frac{1}{4}$	—

АКЦІИ.	Покупатели.	Продавцы.	Продано.
125 р. Гл. Общ. Росс. Жел. Дорогъ.	166	$166\frac{1}{2}$	166
125 » Рижско-Динаб.		$127\frac{1}{2}$	—
100 » Моск.-Рязанск.	313	314	$313\frac{1}{2}$
125 » Орловско-Вит.	$132\frac{1}{2}$	—	—
20 ф. с. Вит.-Динаб.	$132\frac{1}{2}$	—	—
100 р. Рыб.-Бологъ.	$85\frac{3}{4}$	86	—
100 » Тамб.-Козлов.	67	—	—
125 » Моск.-брест.	$81\frac{3}{4}$	$82\frac{1}{4}$	82

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Оренбургъ. А. И. Н—чу.** Вашъ рисунокъ, не будетъ помѣщенъ.

2) **Москва, Балнанъ. Проф. П—ву.** Помѣстивъ копію съ вашей картины, «Нива» могла отличнымъ образомъ ее популяризировать. Выгоды такой популяризаціи художники западно-европейскихъ странъ всегда сознавали и сознаютъ до сихъ поръ. Конечно ваши взгляды, какъ и взгляды другихъ русскихъ художниковъ мнящихъ себя знаменитостями—намъ непередѣлывать; но платить *за одно право* помѣщенія копій такія суммы какую вы вздумали назначить, мы признаемъ невозможнымъ.

3) **Подписчику «Нивы».** Портретъ Н. Каразина былъ помѣщенъ въ «Нивѣ» 1874 г. № 36. Цѣна № «Нивы» съ пересылкою—20 к.

4) **Тамбовъ. Н. В. Тих—ову.** Никакого опредѣленнаго отвѣта дать не можемъ. При случаѣ воспользуемся вашимъ предложеніемъ.

5) **Чембаръ** (Пенз. губ.) **П. К. Шу—ву.** Напрасно вы *вполнѣ* надѣетесь, что редакція помѣститъ такіе стихи:

Желая каждому и всѣмъ
Наступившій этотъ годъ
Провѣсть съ радостями и весельемъ
И безъ множества заботъ...

6) **Слоб. Александровна.** (Воронеж. губ.) **Кр. А. П. Ш—кову.** Согласно вашей *покорнѣйшей* просьбѣ, увѣдомляемъ васъ *о достоинствѣ* вашихъ стиховъ: по нашему это не стихи, а безграмотные обрывки словъ напоминающіе безсвязную и торопливую рѣчь школьника, пойманнаго на мѣстѣ преступленія.

7) **СПБ. А. А. Мей—неру.** Ваша: «Пѣсня» и «Совѣтъ» не будутъ напечатаны.

8) **А. А. Алекс—ову.** Ваши обличенія «юнаго задолжавшагося франтика» обличаютъ васъ самихъ... въ полномъ незнакомствѣ съ правилами стихосложенія. Вы пишете:

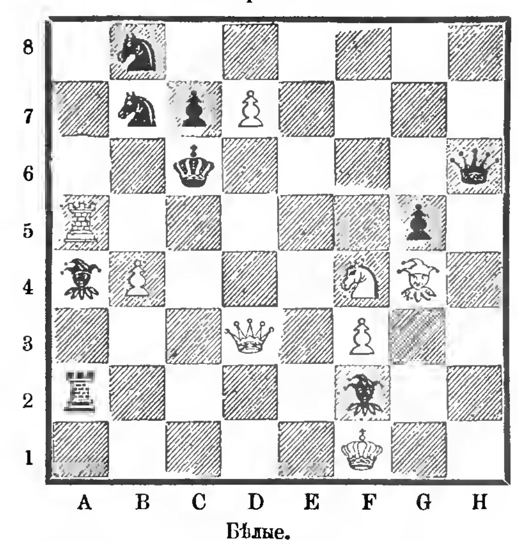
...Но нашъ франтъ не унываетъ
И поетъ денно, нощно
И за галстухъ заливаетъ:
«Ему все равно...»

9) **Екатеринославъ. П. В. Бык—у.** Посылая стихотвореніе «Съ чешскаго», Вы, вѣроятно, помнили французскую пословицу: «La sauce fait manger le poisson». Вы ошиблись, если думали подъ соусомъ Вашей фамиліи якобы знаменитой, сбыть недоброкачественный продуктъ-стихотвореніе. Хорошо еще, что авторы переводимыхъ Вами стихотвореній очень извѣстны, а то пожалуй, публика могла-бы получить совершенно превратное понятіе объ ихъ талантѣ.

10) **А. К. Сучкову.** Премію получатъ только *годовые подписчики* на «Ниву»; покупающіе отдѣльными №№ ея не получатъ.

ЗАДАЧА

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

РѢШЕНІЕ

задачи въ «Нивѣ» № 24.

Бѣлые.	Черные.
1) D 2 — F 1×	1) H 2 — H 1
2) F 1 — G 3×	2) H 1 — H 2
3) A 1 — H 1×	3) Слонъ F 3 беретъ Ладья H 1
4) G 3 — F 1××	

СОДЕРЖАНІЕ: **Францъ Палацкій** (съ портретомъ). — **Видъ города Тюбингена** (съ рисункомъ). — **Круговоротъ жизни** (съ 2 рисунками). **Д. Стахѣевъ.** — **Въ домѣ коммерціи совѣтника.** Повѣсть **Э. Марлитта** (окончаніе). — **Завтракъ въ полѣ** (съ рисункомъ). — **На берегахъ Балтійскаго моря** (съ рисункомъ). — «Ивановъ день» и канунъ его «Аграфена Купальница» **Н. Зуевъ.** — Политическое обозрѣніе. — Заявленіе. — С.-Петербургская биржа. — Почтовый ящикъ. — Шахматная задача. — Объявленія.

Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 17 Іюня 1876 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб., Больш. Морская, [illegible] Тип. [illegible] пр., № 10.

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 26 — 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 28 Іюня 1876 г. — Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Князь Антіохъ Кантемиръ.

...живи тихъ, ища, что честно
Что и тебѣ и другимъ пользуетъ нелестно
Къ нравовъ исправленію; слава твоя вѣчне
Между добрыми людьми будетъ жить конечне.
(*А. Кантемиръ*, Сатира шестая).

Громадные и смѣлые планы и замыслы Петра I-го о коренномъ преобразованіи всегогосударственнаго строя, застали Русь совершенно неподготовленною къ такимъ грандіознымъ реформамъ. Столѣтіями установившаяся жизнь текла тихо и медленно развивалась; всѣ существовавшіе порядки и понятія были глубоко укоренены въ самомъ народѣ и не поддавались легко внѣшнему реформаціонному вліянію. Но могучій царь-богатырь Петръ I-й нашелъ въ себѣ достаточно силы такъ повести дѣло преобразованія, что вѣковые нравы и обычаи или измѣнялись подъ его могучею рукою, или рушились. Въ случаѣ особенно сильнаго сопротивленія онъ прибѣгалъ къ самымъ крайнимъ мѣрамъ и всегда, такъ или иначе, справлялся съ дѣломъ. Онъ въ одно время и рушилъ старое, и созидалъ новое: отстраняя отъ дѣлъ вельможъ, крѣпко преданныхъ старинѣ, онъ въ то же время посылалъ за границу молодыхъ людей учиться и зоркимъ окомъ высматривалъ въ толпѣ окружающихъ его людей, способныхъ быть

Князь Антіохъ Кантемиръ. Рисов. и гравир. А. Нейманъ.

ему усердными помощниками, сознательно идти за нимъ по тому новому пути, который онъ расчищалъ. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла образовались двѣ большія партіи, рѣшительно расходившіяся въ убѣжденіяхъ и взглядахъ на вещи. Старое боярство, видѣвшее въ сохраненіи дѣдовскихъ традицій и формъ высшую степень благоустройства, возмутилось противъ этихъ нововведеній и горячо вступилось за свои идеалы, но вскорѣ, увидѣвъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, начало уступать и подаваться. Наиболѣе упорные въ сопротивленіи —погибали.

Совершенную противоположность этой партіи составляла партія приверженцевъ Петра, — людей, понимавшихъ пользу преобразовательныхъ трудовъ его и потому ревностно помогавшихъ ему въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Она состояла изъ русскихъ, наиболѣе образованныхъ молодыхъ людей, иностранцевъ, вызванныхъ Петромъ въ Россію и вообще лицъ, стоявшихъ по своему умственному развитію выше массы.

Къ этой же партіи

«птенцовъ гнѣзда Петрова» принадлежалъ и князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ, знаменитый сатирикъ и лучшій выразитель въ литературѣ того новаго идеала, который выработался у тогдашнихъ русскихъ прогрессивныхъ людей подъ вліяніемъ европейскаго образованія.

Князь Антіохъ Кантемиръ былъ сынъ молдавскаго господаря Дмитрія Константиновича, постоянно боровшагося за обладаніе престоломъ Молдавіи. Антіохъ родился 10-го сентября 1708 г. въ Константинополѣ, отъ первой жены его отца, Кассандры Сергіевны, изъ рода греческихъ князей Кантакузиныхъ. Отецъ Антіоха былъ очень образованный для своего времени человѣкъ, зналъ много языковъ и чрезвычайно любилъ занятія наукою. Имъ написаны: «Система мохамеданскаго закона», «Исторія о возвышеніи и упадкѣ оттоманской имперіи», «Свѣтъ и душа», «Физическое разсужденіе о монархіи», «Сокращенная логика» и много другихъ, большею частью философскихъ и историческихъ, сочиненій. Онъ владѣлъ *десятью* восточными, древними и новыми языками. Во время возникшей между Турціею и Россіею войны, Дмитрій Кантемиръ рѣшилъ свергнуть съ Молдавіи тяжкое турецкое иго и потому обратился къ Петру Великому съ просьбою принять Молдавію подъ свою державу. Петръ щедро одарилъ его, и Кантемиръ съ семействомъ и съ знатнѣйшими боярами переселился въ Россію. Эта война съ Турціею кончилась для Россіи неудачно: Петръ былъ окруженъ при рѣкѣ Прутѣ 200 тысячною турецкою арміею и долженъ былъ отдать Турціи Азовъ и устья Дона: но онъ рѣшительно отказалъ Туркамъ, когда они потребовали выдачи Дмитрія Кантемира. Маленькому Антіоху въ это время былъ только третій годъ. Имѣя высокообразованныхъ родителей, Антіохъ съ малыхъ лѣтъ началъ получать блестящее образованіе, подъ руководствомъ ученаго грека Анастасія Кондоиди, обучавшаго, между прочими предметами, дѣтей господаря греческому, латинскому и итальянскому языкамъ.

Въ первое, по переселеніи въ Россію, время, Кантемиръ жилъ въ Харьковѣ, но вскорѣ все семейство переѣхало въ Москву, и Антіоха отдали въ греко-уніатскую школу. Отлично подготовленный дома, Антіохъ былъ тамъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ, и настолько хорошо владѣлъ древними языками, что въ 1718 году, 10-ти лѣтъ отъ роду, говорилъ въ церкви при Академіи, въ присутствіи Петра, похвальное слово св. Дмитрію Селунскому на греческомъ языкѣ.

Около этого времени умерла мать Антіоха, Кассандра Кантакузенъ, и отецъ его женился во второй разъ на знаменитой въ свое время красавицѣ, княжнѣ Трубецкой. Блестящая, свѣтская, воспитанная на европейскій ладъ Трубецкая, все перевернула по своему: мужъ сбрилъ бороду и перемѣнилъ свой молдавскій національный костюмъ на французскій камзолъ и штиблеты. По ея же настоянію, Кантемиръ переселился изъ Москвы въ Петербургъ и устроилъ свой домъ вполнѣ по европейски и роскошно. Грекъ Кондоиди до переѣзда въ Петербургъ былъ взятъ Петромъ на службу, и его мѣсто заступилъ русскій учитель, бывшій студентъ московской академіи, Иванъ Ильинскій. Этотъ учитель не забылъ занятія, которое было въ большомъ ходу у тогдашнихъ студентовъ академіи и въ свободное время кропалъ силлабическія вирши. Силлабическій размѣръ (основанный на равномъ числѣ слоговъ въ строкѣ) былъ заимствованъ съ польскаго и весьма неудачно примѣненъ къ русскому языку. Еще въ XVII столѣтіи, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, Симеонъ Полоцкій дѣлалъ попытки писать этимъ размѣромъ. Силлабическими стихами онъ переложилъ Псалтирь и написалъ «Вертоградъ многоцвѣтный», Рифмологіонъ или стіхословъ» и комедію «Навуходоносоръ». Подобныя комедіи, или, какъ ихъ тогда называли «комидійныя дѣйства», разыгрывались на придворной сценѣ и, позже, были въ большомъ ходу въ академіяхъ и семинаріяхъ, гдѣ ихъ сами сочиняли и разыгрывали. Прежній семинаристъ, Иванъ Ильинскій не оставилъ виршеплетства и даже поселилъ къ нему склонность и въ своемъ воспріимчивомъ ученикѣ, Антіохѣ. Плодомъ этихъ совмѣстныхъ занятій стихотворствомъ была «Симфонія на псалтирь», напечатанная въ 1727 году. Это былъ первый литературный трудъ Кантемира—восьмнадцатилѣтняго юноши. Самъ Иванъ Ильинскій написалъ въ это время «Симфонію на четвероевангеліе». Подъ его руководствомъ Кантемиръ основательно познакомился съ русскимъ и церковнославянскимъ языками и значительно пополнилъ свое греческое образованіе.

Въ 1822 году онъ, вмѣстѣ съ учителемъ своимъ, сопутствовалъ отцу въ персидскомъ походѣ, а въ 1823 году его отецъ умеръ, оставивъ завѣщаніе, что наслѣдство получитъ не старшій, а тотъ, кто больше всѣхъ окажетъ успѣховъ въ наукахъ. Высокая любовь къ наукѣ, которую Дмитрій Константиновичъ Кантемиръ питалъ во всю свою жизнь, чрезвычайно сильно сказалась въ этомъ завѣщаніи. Ни одинъ изъ его сыновей еще не былъ въ совершенныхъ лѣтахъ и потому никто изъ нихъ его не получилъ, но видно было, что, по смыслу завѣщанія, наслѣдство перейдетъ къ Антіоху, какъ наиболѣе прилежному и образованному.

Въ 1825 году, по открытіи Императорской Академіи Наукъ, Антіохъ, состоя на службѣ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, слушалъ въ Академіи лекціи русской литературы и разныхъ наукъ. Кромѣ того, онъ просился за границу для окончанія курса наукъ, но его просьба почему то не была уважена. Несмотря на это затрудненіе, онъ все-таки окончилъ свое образованіе подъ руководствомъ академиковъ: Бернулли, Байера и Гросса. Это было уже по смерти Петра, въ царствованіе Екатерины I, которое продолжалось всего два года. Она завѣщала престолъ малолѣтнему внуку Петра, Петру Алексѣевичу, а до его совершеннолѣтія управленіе государствомъ поручила верховному тайному совѣту.

Въ этотъ періодъ всѣ Кантемиры достигли совершеннолѣтія, и вопросъ о наслѣдствѣ долженъ былъ, наконецъ, разрѣшиться. По общему мнѣнію наслѣдство должно было перейти къ Антіоху Кантемиру, такъ какъ онъ, будучи только двадцати лѣтъ, слылъ за образованнѣйшаго человѣка своего времени, но, противъ всякаго ожиданія, наслѣдство получилъ не Антіохъ, а Константинъ Кантемиръ, зять одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ верховнаго совѣта, князя Дм. Мих. Голицына. Остальные братья и сестры остались съ весьма скудными средствами, а Антіохъ принужденъ былъ жить ничтожнымъ жалованьемъ гвардейскаго офицера.

Вообще, со смертью Петра Великаго, дѣло реформы затормозилось и Петровы любимцы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, находились въ опалѣ.

Вскорѣ пришлось имъ выйдти изъ опальнаго положенія. Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ на престолъ была выбрана Анна Іоанновна, причемъ власть ея была ограничена; но когда она прибыла въ Москву для коронованія, ей была подана отъ дворянства просьба о возстановленіи самодержавія. Подъ этой просьбой, въ числѣ прочихъ, находилась и подпись Кантемира. Анна Іоанновна вступила на престолъ самодержавной императрицей, и дѣла Кантемира поправились. Онъ получилъ въ награду 1030 душъ крестьянъ, а верховный совѣтъ, гдѣ было много недоброжелателей Кантемира, вскорѣ былъ уничтоженъ. Въ 1727 году Кантемиръ, какъ сказано было выше, напечаталъ «Симфонію на псалтирь», а въ 1829 г., будучи двадцати съ небольшимъ лѣтъ отъ роду, онъ написалъ первую свою сатиру «Къ уму моему, или на хулящихъ ученіе». Появленіе этой сатиры ясно свидѣтельствуетъ о томъ желчномъ настроеніи и пессимизмѣ, которые овладѣли всегда спокойнымъ и умѣреннымъ Кантемиромъ. Это настроеніе было вызвано разными житейскими невзгодами, и въ особенности явно-несправедливымъ присужденіемъ наслѣдства Константину, далеко отставшему отъ Антіоха въ наукахъ. Въ сатирѣ «Къ уму моему» Кантемиръ выводитъ нѣсколько типовъ современныхъ ему «хулителей ученія» и вообще весьма рѣзко бичуетъ тогдашніе пороки. Сначала онъ съ горечью говоритъ, что заниматься науками не стоитъ, что есть пути къ благосостоянію, гораздо легчайшіе и быстрѣе приводящіе къ цѣли.

«...Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна марморами саду,
Овцу не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду»...

Ханжа Критонъ говоритъ, что ученіе отбило людей отъ церкви, что «къ церкви соблазну, библію честь стали», захотѣли знать причины окружающихъ явленій и пр. «Силванъ другую вину наукамъ находитъ: «Ученіе», говоритъ, «намъ голодъ наводитъ».

«Живали мы прежъ сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли».

Далѣе, въ сатирѣ выведенъ Лука—типъ кутилы, совѣтующій «съ кубкомъ прогулять дни и ночи»; Медоръ, щеголь («петиметръ» по тогдашнему) тужитъ, что ему не осталось бумаги на завертку завитыхъ кудрей. Затѣмъ Кантемиръ указываетъ нѣкоторые пути, по которымъ всего легче дойти до благосостоянія, ничему не учась и ничего не зная. Сатира эта, хотя и не была напечатана, но быстро получила огромную извѣстность и заслужила всеобщія похвалы ея молодому автору, Новгородскій епископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, горячій приверженецъ Петровыхъ реформъ, еще не знавшій Кантемира, привѣтствовалъ это произведеніе стихами:

«Не знаю, кто ты, пророче рогатый,
Знаю, великой достоинъ ты славы.
Да почто-жъ было имя укрывати?
Знать тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы?
Плюнь на ихъ грозы. Ты блаженъ трикраты.
Благо, что Богъ далъ умъ тебѣ здравый.
Пусть весь міръ будетъ на тебя голосливый—
Ты и безъ счастія довольно счастливый»... и т. д.

Съ этого времени начинается тѣсная дружба этихъ, образованнѣйшихъ для своего времени, людей и ихъ совмѣстная борьба противъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Въ 1731 году Антіохъ Кантемиръ былъ назначенъ резидентомъ въ Лондонъ и ему поручено было возстановить мирныя отношенія между Великобританіею и Россіею. Это порученіе было имъ исполнено успѣшно и потому, пробывъ шесть лѣтъ

въ Лондонѣ (1732—1738 гг.), онъ получилъ новое назначеніе, въ Парижъ. Въ 1738 году онъ уже былъ при французскомъ дворѣ, въ качествѣ полномочнаго министра съ чиномъ камергера. Порученіе, данное ему на этотъ разъ, состояло въ томъ, чтобы убѣдить французскаго короля признать императорское достоинство русской императрицы и тѣмъ самымъ снять съ Россіи репутацію дикой, варварской страны, населенной медвѣдями и пресловутыми «cosaques».

Кантемиръ прибылъ въ Парижъ, къ блестящему французскому двору, во время царствованія короля Людовика XV-го. Это была эпоха, когда французскій дворъ поражалъ своимъ великолѣпіемъ и распущенностью нравовъ, о которыхъ въ исторіи и мемуарахъ сохранилось много анекдотовъ самаго пикантнаго свойства. Въ дѣлѣ управленія государствомъ появляются имена великолѣпныхъ фаворитокъ: маркизы де-Помпадуръ, герцогини де-Шатору, графини Дюбарри. Чрезмѣрная расточительность короля и его полный индиферентизмъ къ дѣламъ государства вошли даже въ пословицу. Говорятъ, что когда королю представляли всѣ несчастія, которыя неминуемо обрушатся на государство, если онъ не умѣритъ своей расточительности и не займется дѣлами, то онъ отвѣчалъ на это поговоркою маркизы Помпадуръ: «Eh! apres nous—le déluge!» (Послѣ насъ—хоть трава не рости!)

Королю «великой націи» сначала даже показалось страннымъ, что «страна медвѣдей», т. е. Россія, послала *полномочнаго министра* и что этотъ министръ проситъ у него аудіенціи. По этому поводу много было сказано французскими придворными остротъ, но, въ концѣ концовъ, Кантемиръ аудіенцію получилъ.

Но ему всетаки неудалось исполнить главнаго его порученія и блестящій Людовикъ XV не призналъ недавно пробудившуюся Россію имперіею. При французскомъ дворѣ Кантемиръ прожилъ шесть лѣтъ, вплоть до самой смерти.

Умѣренный и твердо-нравственный Кантемиръ и при французскомъ дворѣ съумѣлъ обставиться такъ, что жизнь его потекла мирно и спокойно. Въ занятіяхъ литературою и въ бесѣдахъ съ друзьями онъ находилъ отдыхъ отъ хлопотливыхъ дипломатическихъ дѣлъ. Въ числѣ друзей его были: Монтескье, Мопертюи, аббаты Гуаско и Венути и много другихъ ученыхъ людей.

Въ это время онъ перечитывалъ и изучалъ классическихъ и новѣйшихъ авторовъ, а также занимался переводами съ иностраннаго на русскій. Незабывались и сатиры: онъ ихъ писалъ, изливая въ нихъ горечь своихъ трудныхъ минутъ, которыхъ у него, когда онъ состоялъ на дипломатической службѣ, было не мало. Всѣхъ сатиръ имъ написано девять; изъ нихъ пять до 1732 года, т. е. до назначенія его резидентомъ въ Лондонъ. Содержаніе первой уже извѣстно читателямъ; вторая, озаглавленная «Филаретъ и Евгеній, или на зависть и гордость дворянъ злонравныхъ» осмѣиваетъ гордыхъ не заслугами, а происхожденіемъ дворянъ и ихъ претензіи на всеобщее уваженіе. Третью: «О различіи страстей человѣческихъ онъ написалъ въ эпистолярной формѣ, обращаясь къ Ѳеофану Прокоповичу, котораго онъ чрезвычайно уважалъ.

«Дивный первосвященникъ, которому сила
Высшей мудрости своей тайны всѣ открыла,
И вся твари, что міръ сей отъ вѣкъ наполняютъ,
Показала, изъяснивъ, отъ чего бываютъ!
Ѳеофанъ, которому все то далось знати,
Здрава человѣка умъ, что можетъ понятi!» и т. д.

Онъ спрашиваетъ, почему люди, одинакіе по наружности, бываютъ такъ различны по характеру? и затѣмъ рисуетъ нѣсколько типовъ: Хризиппа-скупца, Лонгина-фанфарона и болтуна, Клеарха-мота и гуляку и многихъ другихъ.

Въ четвертой, «Къ музѣ своей, о опасности сатирическихъ стихотвореній», Кантемиръ приводитъ толки, которые возбуждали его сатиры въ тогдашнемъ обществѣ. Толки эти были не утѣшительны для автора, такъ какъ его смѣлое перо многихъ задѣло за живое и вооружило на обличителя. Пятая—«Сатиръ и Періергъ, на человѣческія злонравія вообще», въ діалогической формѣ рисуетъ нѣсколько отрицательныхъ типовъ. Самою важною изъ всѣхъ, считается шестая сатира: «О истинномъ блаженствѣ», потому что въ ней онъ выразилъ свой нравственный идеалъ; то, что онъ считалъ истиннымъ счастьемъ въ жизни. Какъ видно, онъ ставилъ выше всего на свѣтѣ чистоту и спокойствіе совѣсти и независимость убѣжденій. Чуждый суетныхъ помысловъ о славѣ, богатствѣ и извѣстности, онъ высшее благо жизни полагалъ въ тихихъ занятіяхъ наукою и литературою. Вся жизнь его доказываетъ, что эти убѣжденія *дѣйствительно* руководили имъ во всѣхъ его поступкахъ и дѣйствіяхъ.

Сатира начинается такъ:

«Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели, къ концу неизбѣжну.
Малый свой домъ, на своемъ построенный полѣ,
Кое даетъ нужное умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ, и средню забаву,
Гдѣ-бъ съ другомъ съ другимъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишны часы прогнать скуки бремя,
Гдѣ-бъ, отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провожать межъ мертвыми греки и латыни,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины.
Учася знать, образцомъ другихъ, что полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно иль любезно:
Желанія всѣ мои крайни составляетъ»!...

Далѣе онъ говоритъ, что неразумно всю жизнь бороться изо всѣхъ силъ, интриговать, подставлять ногу другому человѣку, изъ-за того, чтобы самому достигнуть минутнаго счастія и богатства и удовлетворить своему пустому тщеславію; что люди, въ погонѣ за большимъ богатствомъ, часто теряютъ и то малое, которое имѣли, «какъ песъ басенный кусокъ съ зубъ опустилъ мяса»; что можно быть счастливымъ и безъ богатства, уважаемымъ безъ множества слугъ и что, наконецъ, всѣ эти блага, которыхъ съ такимъ жаромъ добиваются люди — ничто иное, какъ прахъ и тлѣнъ скоропреходящій.

Содержаніе остальныхъ сатиръ мы пересказывать не станемъ, скажемъ только, что въ нихъ выразился тотъ новый взглядъ на вещи, на людскія отношенія и на человѣческое достоинство, который выработался у лучшихъ русскихъ образованныхъ людей того времени. Взглядъ этотъ чрезвычайно вѣренъ и, несмотря на то, что вырабатывался подъ вліяніемъ тогдашней европейской цивилизаціи, онъ вполнѣ согласенъ съ христіанскими воззрѣніями. Будучи образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени, Кантемиръ съумѣлъ остаться высоко-нравственнымъ и благочестивымъ, не впавши въ крайнее отрицаніе, что зачастую случалось тогда съ умами менѣе сильными, съ людьми менѣе его твердыми.

Кромѣ сатиръ, Кантемиръ занимался переводами; изъ нихъ наиболѣе извѣстны: «О множествѣ міровъ» Фонтенеля, «О свѣтѣ» Альгаротти, переводы изъ Анакреона, Іустина, десять «писемъ» Горація. Изъ оригинальныхъ произведеній его извѣстны, кромѣ сатиръ, «Правила русскаго стихосложенія Харитона Макентина» и поэма «Петрида», начатая имъ незадолго передъ смертью и неоконченная, и много другихъ, оставшихся въ рукописяхъ. Въ занятіяхъ литературою и науками Антіохъ Кантемиръ, какъ мы сказали выше, находилъ отдохновеніе отъ своихъ дипломатическихъ трудовъ. Это влеченіе къ наукѣ перешло къ нему отъ отца, который былъ тоже ученый для своего времени человѣкъ. Страсть къ научнымъ занятіямъ у нихъ является родовою.

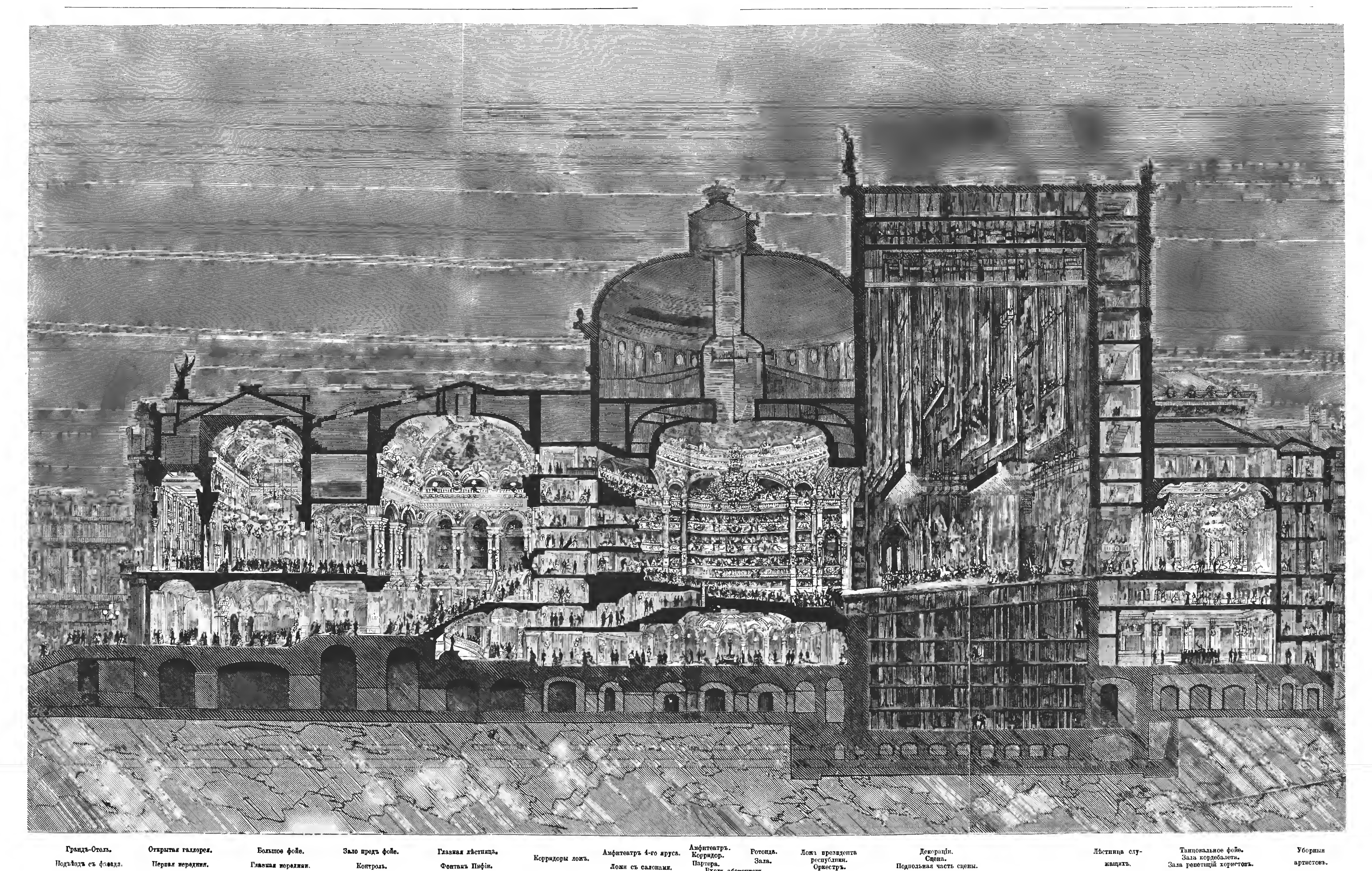
При французскомъ дворѣ Антіохъ Кантемиръ служилъ шесть лѣтъ, получая безпрестанно замѣчанія и выговоры отъ иностраннаго министерства, которымъ въ то время управлялъ хитрый и искусный дипломатъ графъ Остерманъ, сильно нерасположенный къ Кантемиру. Кантемира это обстоятельство сильно разстраивало, дакъ тому же дипломатическая служба, требующая нѣкоторой хитрости, изворотливости и двуличности, была не по душѣ честному и открытому Кантемиру. Слѣдствіемъ этого недовольства службою была просьба его объ увольненіи. Онъ сильно желалъ возвратиться въ Россію и отдохнуть отъ трудовъ на лонѣ обожаемой имъ науки: ему предложено было званіе президента Академіи Наукъ, членомъ которой онъ уже давно состоялъ. Но Кантемиру не удалось воспользоваться полученнымъ наконецъ увольненіемъ отъ дипломатической должности, потому что онъ, послѣ тяжкой болѣзни, умеръ 31-го марта 1744 года, 36 лѣтъ отъ роду. Тѣло его было привезено въ Москву и погребено въ греческомъ монастырѣ.

Личность князя Антіоха Кантемира, какъ *человѣка*—особенно рѣзко выдѣляется изъ общей массы своею непреклонною честностью и отсутствіемъ той лихорадочной жажды славы, почестей и богатства, которою мучилось современное ему общество. Умѣренный въ желаніяхъ и потребностяхъ относительно самого себя, онъ въ то же время хотѣлъ принести возможно больше пользы другимъ и словомъ, и дѣломъ.

Какъ ученый, онъ тоже весьма замѣчателенъ тѣмъ, что обладая обширнѣйшими познаніями, съумѣлъ найти истинный путь, по которому и шелъ неуклонно, не сворачивая ни на сторону отрицателей, ни на сторону тѣхъ людей, которые пользуются своею ученостью для достиженія цѣлей, ничего общаго съ наукой неимѣющихъ. Его безкорыстная, жаркая преданность къ наукѣ снискала ему большое уваженіе и современниковъ и потомковъ.

Литературная дѣятельность Кантемира, существенно полезная для современниковъ—для насъ важна лишь, какъ фактъ, знаменательный для той эпохи, въ которую совершился. Его сатиры, конечно, въ наше время, утратили въ нѣкоторой степени свое значеніе, вслѣдствіе измѣненія понятій и склада общественной жизни; но его нравственный идеалъ, выраженный въ шестой сатирѣ, по своей высотѣ, можетъ имѣть отчасти руководящее значеніе не только для настоящаго времени, но и для многихъ послѣдующихъ поколѣній.

А. Арс.

Новая опера въ Парижѣ. Продольный разрѣз зданія. Рисов. М. А. Деруа, грав. А. Доденардъ.

Новая опера въ Парижѣ.

Парижане вправѣ гордиться своей Новой Оперой. Зданіе это (построенное архитекторомъ Гарнье) всѣми признается за одно изъ великолѣпнѣйшихъ произведеній современаго искусства.

Постараемся дать читателямъ нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія.

Начнемъ съ фасада. Эта часть зданія вызвала въ первое время послѣ снятія лѣсовъ, много нелестныхъ о себѣ отзывовъ: фасадъ находили слишкомъ пестрымъ, тоны ея красокъ слишкомъ рѣзкими и бросающимися въ глаза. Строитель однако мало обращалъ на это вниманія, будучи убѣжденнымъ что время придастъ колориту фасада пріятную мягкость и гармонію.

Налюбовавшись вдоволь прелестнымъ видомъ фасада съ его цѣльными колоннами, зритель невольно обращаетъ вниманіе на группы, украшающія главный подъѣздъ. Группы эти сдѣланы изъ камня песчаника и изображаютъ трагедію, музыку, поэзію и танцы. Одну изъ этихъ четырехъ группъ, а именно изображающую танцы, мы помѣщаемъ въ этомъ нумерѣ «Нивы» (страница 448). Съ главнаго подъѣзда входъ ведетъ въ первую переднюю, предназначенную собственно для публики, собирающейся въ театръ за долго до начала спектакля. Рядомъ съ первой находится главная передняя — большая свѣтлая зала во всю ширину зданія, гдѣ находится касса и контроль билетовъ. Эта обширная комната не богата украшеніями: кромѣ пяти паръ канделябровъ, по парѣ у каждой двери, въ ней находится четыре статуи знаменитыхъ музыкальныхъ композиторовъ, изображенныхъ сидящими на креслахъ съ рукописями своихъ твореній въ рукахъ,—это статуи:—Рамо, Люлли, Генделя и Глюка, представляющихъ музыкальный геній четырехъ національностей: французской, англійской, итальянской и нѣмецкой.

Когда возникъ вопросъ о томъ, кого избрать въ представители національной музыки, г. Гарнье обратился въ Парижскую Академію и Консерваторію а также и къ свѣтиламъ музыкальнаго міра съ просьбой руководить его въ выборѣ артистическихъ знаменитостей. Въ отвѣтъ на это приглашеніе г Гарнье получилъ цѣлый ворохъ списковъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ похожъ на другой; убѣдившись въ полнѣйшемъ отсутствіи согласія между музыкантами, строитель оперы рѣшился выбирать самъ. Для Франціи онъ избралъ Рамо, для Англіи—Гэнделя, для Италіи—Люлли, для Германіи—Глюка.

Выходъ изъ этого контрольнаго зала ведетъ къ парадной лѣстницѣ, на которую есть, впрочемъ, еще другой входъ для абонентовъ, имѣющихъ особый подъѣздъ Подъ сводами лѣстницы струится фонтанъ съ бронзовой статуей Пиѳіи—работы княгини Колонны Кастальоне, извѣстной въ артистическомъ мірѣ подъ именемъ Марсели.

Лѣстница такъ великолѣпна, что, по отзывамъ знатоковъ, она одна могла бы обезпечить безсмертіе за творцомъ ея. Ступени лѣстницы изъ розоваго мрамора перила изъ оржерскаго оникса. Четверной рядъ балконовъ, обвивающихъ лѣстницу, даетъ возможность зрителю, отдыхая на каждомъ ярусѣ, любоваться оживленной картиной лѣстницы, и обозрѣвать входящую и выходящую публику, залитую цѣлымъ моремъ огня.

Балконъ перваго яруса мраморный, остальные изъ золоченой бронзы. Своды лѣстницы поддерживаются тридцатью колоннами на которыхъ изображена исторія Аполлона.

Изъ перваго этажа есть выходъ въ залъ передъ фойе, украшенный восемью колоннами зеленовато-желтаго мрамора; изъ этой комнаты нѣсколько дверей ведутъ въ главное фойе—громадную, роскошную залу, гдѣ г. Гарнье выказалъ въ полномъ блескѣ все богатство фантазіи архитектора-колориста. Онъ покрылъ позолотой всевозможныхъ оттѣнковъ, колонны, карнизы и потолки, украсилъ всю залу прелестнѣйшими твореніями лучшихъ французскихъ ваятелей и живописцевъ и сдѣлалъ изъ этого фойе волшебную залу изъ тысячи и одной ночи. Двѣнадцать люстръ обливаютъ залъ потоками свѣта (по словамъ французскихъ газетъ, яркаго какъ африканское солнце). Двадцать соединенныхъ попарно колоннъ окружаютъ стѣны; надъ каждой изъ нихъ виднѣется золоченая статуя—символъ одного изъ качествъ или добродѣтелей, необходимыхъ для артиста, а именно: воображеніе, надежду, преданіе, фантазію, страсть, силу, мысль, благоразуміе, умѣренность, изящество, волю, грацію, знаніе, вѣру, благородство, красоту, мудрость, философію, независимость и скромность.

У основанія сводовъ на карнизахъ видны изваянія сидящихъ дѣтей.

Въ простѣнкахъ между колоннами красуются музы кисти г Бодри, развившаго въ этихъ фрескахъ необыкновенно широкую свободу рисунка, богатство и оригинальность фантазіи.

Что можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, банальнѣе, на первый взглядъ, этого старинпаго сюжета.

Сколько ваятелей, сколько живописцевъ въ древнія времена и въ эпоху возрожденія эксплоатировали эту тему и прославляли девять цѣломудренныхъ сестеръ, покровительствуемыхъ Аполлономъ (*смотри выноску*). Таково уже свойство, простыхъ народныхъ миѳовъ, что, являясь результатами наблюденій надъ природой, они живутъ долго и часто переживаютъ породившія ихъ религіи, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, и постоянно возобновляясь.

Такимъ образомъ музы и теперь, какъ много вѣковъ тому назадъ, служатъ символомъ самыхъ возвышенныхъ, самыхъ благородныхъ занятій человѣческаго ума а потому г. Бодри имѣлъ полное право, не опасаясь впасть въ банальность (это bête-noire французовъ), представить глазамъ современниковъ древнихъ музъ, заставивъ говорить нашей рѣчью и жить нынѣшней жизнью.

Въ его картинахъ эти цѣломудренныя дѣвы-богини, гордо взирающія на облаченныхъ въ черные фраки смертныхъ изъ всего древняго сохранили только имена, благородныя одежды и величественныя осанки — во всемъ же остальномъ: въ живости и разнообразіи очертаній лица, въ его выразительности, въ остроумныхъ и игривыхъ улыбкахъ — эти дѣвы вполнѣ изображаютъ собою музъ XIX столѣтія.

Это настоящія француженки или, лучше сказать, чистокровныя парижанки. Цѣлая пропасть отдѣляетъ этихъ музъ Парижской оперы отъ древнихъ музъ Ватиканскаго музея (*).

Кліо, напримѣръ, подъ вліяніемъ времени и его переворотовъ, теперь уже долго раздумываетъ, прежде, чѣмъ вписать чье нибудь имя на свои мѣдныя доски. Видъ ея теперь сталъ гордымъ и неприступнымъ—она суровѣе смотритъ на жизнь.

За то граціозная Эвтерпа, флейтистка, стала гораздо веселѣе, съ тѣхъ поръ какъ изъ укромнаго сельскаго уголка она переселилась въ шумныя залы Парижской оперы и замѣнила тихія мелодіи Эллиновъ современной музыкой.

Также преобразилась и Талія: маска не скрываетъ уже болѣе ея лица, плоды и виноградъ сняты съ ея головы; въ нарядѣ небрежность, въ глазахъ столько игривости и веселья — что трудно представить себѣ болѣе вѣрное изображеніе современной комедіи, постоянно вѣтреной и болтливой и такъ рѣдко серьезной.

Воплощая въ своихъ музахъ характеръ современной жизни, г. Бодри хотѣлъ, какъ видно, придать имъ и нѣкоторый сатирическій оттѣнокъ. Принужденный размѣрами фойе довольствоваться изображеніемъ только восьми сестеръ, художникъ изгналъ изъ храма новѣйшаго искусства самую серьезную и умную изъ девяти богинь—Полигимнію—музу философіи и знанья.

Остальныя музы отличаются такимъ же характеромъ: полунагая Терпсихора, съ растрепавшимися волосами, небрежно сбрасываетъ съ ножки башмакъ; влюбчивая Эрато, лицомъ своимъ

(*) Музы у Грековъ и Римлянъ считались богинями пѣнія, музыки, поэзіи и въ особенности тѣхъ изящныхъ искусствъ, которыя способствуютъ развитію человѣческаго образованія. Всѣхъ музъ было девять, отцомъ ихъ считался Юпитеръ (творческій разумъ), матерью Мнемозида (память).

Музы обитали на вершинахъ Геликона. Парнаса и Пинда, у священныхъ горныхъ ключей, и тамъ упражнялись въ изящныхъ искусствахъ, вдохновляя смертныхъ мужей. Часто являлись они на Олимпѣ, чтобы чудпымъ своимъ искусствомъ украшать блаженную жизнь безсмертныхъ боговъ. Музы наказывали тѣхъ дерзкихъ, которые осмѣливались соперничать съ ними въ пѣніи и музыкѣ, какъ было напр. съ Сиренами. Самъ Аполлонъ стоялъ во главѣ музъ и носилъ названіе Музонта.

Древніе изображали музъ всегда и вездѣ въ одинаковыхъ одеждахъ—въ длинныхъ хитонахъ, съ закрытой грудью (у всѣхъ остальныхъ древнихъ богинь грудь всегда обнажена), головы ихъ увѣнчаны лаврами или плющемъ, они сидятъ или стоятъ на скалахъ Парнасса съ соотвѣтствующими аттрибутами въ рукахъ: цитры, арфы, рукописные свертки и т. п.

Замѣтимъ мимоходомъ, что собраніе подобныхъ свертковъ послужило къ образованію первоначальныхъ библіотекъ и хранилищъ различныхъ произведеній искусствъ, названіе этихъ хранилищъ —музеи и въ настоящее время напоминаетъ ихъ первоначальное пр исхожденіе.

Перечислимъ имена музъ и укажемъ на характеръ дѣятельности каждой изъ нихъ.

I. *Кліо*—богиня исторіи. Имя ея означаетъ славу, доставшуюся въ удѣлъ тѣмъ, которымъ исторія даруетъ безсмертіе. Богиня эта изображалась увѣнчанной лаврами съ развернутымъ свиткомъ пергамента въ рукахъ, возлѣ нея урна съ подобными же свитками.

II. *Калліопа*, имя которой означаетъ прекрасный голосъ, была богиней краснорѣчія и въ особенности поэзіи героической. Ее изображали сидящей съ дощечками и графіемъ (рѣзцъ) въ рукахъ или стоящей, въ вѣнкѣ и съ рукописнымъ свиткомъ или *тубой* (родъ музыкальнаго инструмента, похожаго на трубу) въ рукахъ.

III. *Мельпомена*—муза драмы и трагедіи. Имя ея значитъ: я пою; идеалъ ея мужественнѣе и строже, нежели другихъ сестеръ. Она изображалась въ видѣ высокой, величественной дѣвы въ длинныхъ одеждахъ съ короткой туникой сверху; опираясь на камень лѣвой ногой, богиня держитъ въ правой рукѣ трагическую маску. Это муза иногда изображалась въ блестящей діадемѣ или въ вѣнкѣ изъ кипарисныхъ вѣтвей; въ рукѣ же кинжалъ или палица.

IV. *Талія*—муза комедіи и сценической шутки, изображалась, стоящей въ длинной туникѣ съ бахромой; въ одной рукѣ пастушій узловатый посохъ, вверху загнутый крючкомъ, а въ другой смѣющаяся маска.

V. *Полигимнія*—муза пѣнія и философіи. Имя ея означаетъ: многозвучная, пѣсне-обильная. Ее почитали изобрѣтательницей миѳовъ а потому и изображали въ лавровомъ вѣнкѣ съ задумчивымъ видомъ приложившую палецъ къ устамъ.

VI. *Уранія* т. е. небесная, муза астрономіи, изображалась сидящей съ небеснымъ полузакрытымъ глобусомъ; въ одной рукѣ циркуль, другая указываетъ на небо. Иногда ее изображали стоящей въ звѣздномъ вѣнцѣ съ лирой, устремивъ къ небу взоръ.

VII. *Эвтерпа*—то есть веселящая, муза музыки, изображена, играющей на двойной флейтѣ.

VIII. *Эрато*—т. е. любимая, муза пѣсенъ любви, и брачныхъ пѣснопѣній. Она изображалась въ вѣнцѣ и въ пышной одеждѣ, съ многострунной лирой, иногда съ лирой у ногъ, со стрѣлой въ одной рукѣ и миртовымъ или розовымъ вѣнкомъ въ другой.

IX. *Терпсихора*—муза пляски, на однихъ изображеніяхъ—въ длинныхъ одеждахъ въ вѣнкѣ играетъ на малой лирѣ; на другихъ же—богиня со звучнымъ бубномъ и въ легкой позѣ, какъ бы устремляющаяся въ пляску.

и глазами ясно говоритъ что ей не трудно утѣшиться отъ горя и невзгодъ.

Только двѣ изъ музъ не поддались вліянію вѣка и сохранили суровость нравовъ и серьезность — Мельпомена, муза трагедій и Калліопа муза эпопеи (героической пѣсни). Въ этихъ двухъ фигурахъ выразилась вся сила ихъ творца. «Его Мельпомена, говорятъ французскіе артисты, приблизили его къ знаменитому флорентинцу Микель Анджело, духъ котораго руководилъ кистью парижанина». Въ изображеніи Калліопы высказался французъ—патріотъ. По лицу богини видно, что на дощечкахъ своихъ она начертила слово надежды на лучшее будущее и скорое наступленіе времени «возмездія».

Пять большихъ стеклянныхъ дверей отдѣляютъ главное фойе отъ открытой галлереи (La Loggia), которая есть ничто иное, какъ лѣтнее фойе; изъ балконовъ галлереи открывается обширный и оживленный видъ на площадь, улицы и бульвары.

Теперь перейдемъ въ главную залу. Въ акустическомъ отношеніи она безукоризненна, чего не съумѣли достигнуть въ другихъ большихъ театрахъ, напр. въ Вѣнской оперѣ. Акустика вообще наука очень фантастическая и любитъ дѣлать сюрпризы, издѣваясь надъ самыми тщательными планами и тончайшими предосторожностями. На этотъ разъ ей угодно было благосклонно позволить г. Гарнье построить удачно залу и сцену—резонансъ превосходенъ, артисты въ восторгѣ, что имъ такъ легко поется.

Восемь коринфскихъ колоннъ раздѣляютъ четыре яруса ложъ и поддерживаютъ своды потолка. украшеннаго фресками.

Относительно украшеній залы, иногда замѣчаютъ, что слишкомъ много позолоты ослѣпляетъ зрителя и лишаетъ украшенія изысканной простоты. Но къ позолотѣ этой глаза скоро привыкаютъ, потому что она самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, красноватаго, розоваго, зеленоватаго, фіолетоваго и др. Цвѣта эти притомъ же такъ сочетаются, что отраженіе ихъ смягчаетъ рѣзкій желтый основной тонъ.

При всѣхъ ложахъ есть маленькія гостинныя; мебель вся обтянута темно-синимъ бархатомъ.

О сценѣ скажемъ лишь, что она величайшая изъ всѣхъ сценъ стараго и новаго свѣта.

Болѣе всего парижане интересуются *фойе для танцевъ*, запрещенный плодъ, доступъ къ которому открытъ только для свѣтилъ политическаго и финансоваго міра.

Здѣсь собирается весь персоналъ балета въ ожиданіи выхода на сцену, въ антрактахъ и послѣ спектакля.

Стѣны этого фойе украшены четырьмя картинами, изображающими различные роды танцевъ: военный, вакхическій, любовный и сельскій. Рѣзкость колорита и нагота фигуръ вызываютъ негодованіе многихъ. Колонны со спиральной рѣзьбой доходятъ до сводовъ, у основанія которыхъ двадцать статуй изображающихъ дѣтей, поддерживаютъ столько же медальоновъ съ портретами двадцати танцовщицъ—первоклассныхъ звѣздъ блиставшихъ въ различныя эпохи на горизонтѣ французской оперы и балета.

За уборными артистовъ помѣщается вся администрація оперы, и, конечно, лица, входящія въ ея составъ, болѣе всѣхъ соотечественниковъ довольны новымъ театромъ, потому что имъ кромѣ пѣнія, музыки и блеска, достались еще обширныя, изящныя и прекрасно устроенныя, а главное—безплатныя квартиры.

Вотъ, въ заключеніе, нѣкоторыя числовыя данныя о новой оперѣ. Постройка продолжалась съ 1861 по 1874 годъ т. е. 13 лѣтъ. Размѣры зданія слѣдующіе: длина—90 саж. ширина 65 саж. высота 29 саж., съ подземной же частью 42 саж. Мѣстъ 2,156. Въ сооруженіи и постройкѣ зданія приняли участіе: сорокъ пять подрядчиковъ, десять орнаментистовъ, тридцать семь скульпторовъ и семь живописцевъ.

Изъ Гейне.

Разставаяся на вѣки
И подавъ другъ другу руки,
Двое милыхъ долго плачутъ
И вздыхаютъ въ часъ разлуки.

Не рыдали, не вздыхали
Мы съ тобой при разставаньи;
Но за то потомъ явились
Къ намъ и вздохи, и рыданья.

Ив. Тх...

Новое мѣсто

(этюдъ съ натуры).

Н. Успенскаго.

Въ одно осеннее утро семейство овдовѣвшаго священника сидѣло за объемистымъ самоваромъ. Глава дома, одѣтый въ нанковую куртку, понюхивая табачекъ, дѣлалъ наставленіе своимъ дѣтямъ:

— Я вотъ до сѣдыхъ волосъ работаю... Можно сказать, на вѣку хватилъ горячаго до слезъ... Ну-ко, понянчись съ такимъ хороводомъ! Да! Попробуй, поживи на своихъ хлѣбцахъ! Нынче дніе лукавы суть; кого ни спроси: всѣ охаютъ да вздыхаютъ; крестьяне жалуются на подати, помѣщики на безденежье, купцы на торговлю, духовные на сокращеніе штатовъ и упраздненіе наслѣдственныхъ мѣстъ... Ужь нынче не до жиру, хоть бы до живу... А то велика персона, какой-нибудь исключенный изъ философіи! Онъ хочетъ у отца на печкѣ лежать? Нѣтъ, братъ! стара дудка... Не хочешь быть сельскимъ наставникомъ, ступай въ кондукторы, въ почтальоны, въ писаря... Вонъ Семенецкій волостной писарь выстроилъ себѣ постоялый дворъ, да каждый годъ десятинъ полтораста земли снимаетъ на аренду... Вотъ тебѣ и неученый! въ нынѣшнее время жизнь-то стала, что твоя академія!

Проповѣдникъ накрылъ свою чашку вверхъ дномъ и, поднимаясь изъ-за стола, продолжалъ:

— Хоть бы Алешка... на кого онъ надѣется, буйная голова? Развѣ онъ не видитъ, что отецъ бьется какъ рыба объ ледъ...

— Онъ намъ самимъ надоѣлъ, какъ горькая рѣдька, вставилъ юноша съ угреватымъ лицомъ, подстриженный въ скобку и съ серьгой въ ухѣ: только и знаетъ, что книжки почитываетъ, либо рыбу удитъ, а то за перепелками шляется...

— Ничего! пусть его разгуляется! Я ему сказалъ разъ навсегда, чтобы онъ ко мнѣ на дворъ не показывался, заключилъ глава семейства и отправился въ свой кабинетъ.

— Зачѣмъ ты еще поджигаешь отца? тихо обратилась къ угреватому юношѣ дѣвушка лѣтъ семнадцати.

— А по твоему я буду объ немъ плакать? Если бы моя была воля, я бы и не этакъ съ нимъ поступилъ.

— Спасибо, не имѣешь права! утирая фартукомъ слезы, проговорила дѣвушка: онъ такой же сынъ, какъ и ты...

— Нѣтъ, ошибаешься! выколачивая о подоконникъ кучерскую трубочку, возразилъ юноша: позволь спросить: почему онъ бросилъ учительское мѣсто въ Зарытовѣ? Почему онъ не хотѣлъ ѣхать въ Болотово, когда самъ тятенька хлопоталъ объ этомъ мѣстѣ?

— А ты отчего нейдешь въ учителя?

— Мнѣ и тутъ хорошо... Я работаю... На мнѣ, можно сказать, весь домъ держится...

— А онъ по три мѣсяца жалованье не получалъ да мерзнулъ цѣлую зиму въ холодной избѣ...

— Вишь, какой благородный!..

Сельскій учитель, о которомъ шла рѣчь, одѣтый въ ветхую кавказскую бурку, подъѣзжалъ на крестьянской телѣгѣ къ дому псаломщика села Судьбищъ, говоря своему подводчику:

— Ты, Еремеичъ, погоди уѣзжать... Можетъ быть, тебя тутъ покормятъ...

— Нѣтъ, благодаримъ... Я, признаться, захватилъ съ собой хлѣбушка.

— Какъ знаешь...

— Это я только для васъ, Ликсѣй Өедорычъ... а то бы не взялъ Богъ знаетъ чего... Сами знаете: теперь самая молотьба...

— Спасибо, братъ... Просто выручилъ!.. Ну, кланяйся нашимъ, слѣзая съ телѣги, сказалъ Алексѣй Федорычъ.

— Доправлю...

Усталая лошадь тронулась въ обратный путь.

Молодой человѣкъ, держа въ рукѣ связанный веревкою узелъ, вошелъ въ просторную, опрятную горницу, гдѣ его встрѣтила сухопарая хозяйка въ синемъ капотѣ. Гость поклонился и проговорилъ:

— Вы меня, Манефа Егоровна, должно быть, не узнаете... Я сынъ Залегощинскаго священника... Красновъ... немного довожусь вамъ съ родни... Лѣтъ шесть, какъ я у васъ не былъ...

— Лицо что-то знакомое... Позвольте, позвольте... не на Спасовъ ли день вы у насъ были?

— Такъ точно... съ нашимъ управляющимъ... Помните, еще въ горѣлки играли у церкви?

— Ахъ, братецъ, какъ же вы измѣнились... вы тогда были совсѣмъ мальчикъ... А теперь.. усы ужь пробиваются... Ну, здравствуйте!.

Родственники поцѣловались. Учитель снялъ съ себя бурку, досталъ изъ бокового кармана визитки гребешокъ и, расхаживая по комнатѣ, принялся расчесывать свои черные, густые волосы.

— Ну, какъ дяденька поживаетъ! спросила хозяйка.

— Плохъ сталъ! доктора совсѣмъ запретили ему употреблять спиртные напитки... Онъ въ приходѣ, вмѣсто вина, беретъ деньги...

— Конечно, это хорошо! замѣтила хозяйка, накрывая на столъ скатерть: по крайности доброе не пропадаетъ... Вы теперь что же, братецъ, на службѣ состоите или еще учитесь?

— Нѣтъ, я уже два года какъ оставилъ семинарію... изъ философіи вышелъ... потому, не стоитъ... по нонѣшнему времени... нынче и богослова безъ мѣста ходятъ... Я занимаю должность сельскаго наставника. Въ каникулярное время живу на кондиціяхъ у господъ...,

— Такъ-съ... Это ничего... все-таки родителю помощь...

— Въ настоящее время я ѣду на новое мѣсто: въ село Болотово: туда назначили меня наставникомъ... Говорятъ, село изрядное...

— Веселое село! подхватила хозяйка: первое дѣло не далеко отъ желѣзной дороги, второе—тамъ три явленныхъ ключа. къ которымъ стекаются богомольцы, и два раза въ годъ бываетъ ярмарка... А какія тамъ постройки, какой барскій садъ!.. Духовные тамъ живутъ, какъ помѣщики, особливо отецъ Варѳоломей... у него пятьсотъ десятинъ своей собственной земли... пролетки —не пролетки, дрожки—не дрожки... Вѣдь вы у него будете подъ начальствомъ; онъ членъ училищнаго совѣта

— Я знаю... Папаша ѣздилъ къ нему хлопотать объ учительскомъ мѣстѣ...

— А какія у него хорошенькія дочки!

— Слышалъ... слышалъ...

— Вотъ бы вамъ убить бобра!..

— Это все такъ... да говоритъ пословица: хороша Маша, да не наша...

— Пожалуйте, братецъ, съ дорожки выпить, закусить, что Богъ послалъ... Въ этакого молодца, какъ вы, любая барышня влюбится... Я отвѣчаю Богъ знаетъ чѣмъ, если вы не подхватите дочку отца Варѳоломея...

— Кабы вашими устами да медъ пить...

— А то что ваша учительская должность? Въ курной избѣ день деньской гомите съ мальчишками и получаете какихъ-нибудь сто рублей въ годъ...

— Я ужь хотѣлъ давно бросить эту музыку, да отецъ велитъ служить... Ничего не подѣлаешь!

— А вы до поры до времени не бросайте... а то за шатущаго ни одна не пойдетъ...

— Въ самомъ дѣлѣ: учился, учился, а какую я себѣ сдѣлалъ карьеру? Ровно никакой... Что я такое? У меня нѣтъ ни угла, ни семьи... не имамъ, гдѣ главу приклонить...

— Ничего, братецъ, не унывайте! Не унывайте! Голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ... Слыхали вы это?

— Что, Антонъ Иванычъ дома? спросилъ вдругъ учитель.

— Нѣтъ, онъ на богомолье уѣхалъ... А что?

— Я было хотѣлъ у него попросить лошадку... доѣхать до Болотова.

— Это я и безъ него сдѣлаю... Вотъ оказія какая! Авось вы намъ не чужой... Тутъ всего то восемь верстъ... Я, пожалуй, сама съ вами поѣду: мнѣ давно хотѣлось провѣдать сестру въ Дубровкѣ...

— Вотъ и прекрасно! А я запрягу лошадь... чай, у васъ батрака-то нѣтъ?

— И! какой батракъ! Мы, братецъ, живемъ по просту. Я часто говорю мужу: надо благодарить заступницу, что дѣтей нѣтъ...

— Вотъ вамъ и кончившій курсъ богословія, разсуждалъ Алексѣй Федорычъ,—дѣлая себѣ папиросу.

— Вы когда же хотите ѣхать въ Болотово?

— Если можно, сегодня; потому, время осеннее: надо убираться за погодку.

— Вы бы у насъ денекъ-другой погостили... съ мужемъ повидались бы... Сколько времени не видались.

— Нѣтъ, Манефа Егоровна, у насъ теперь пошли

Къ статьѣ: „НОВАЯ ОПЕРА ВЪ ПАРИЖѢ“.

Танцы. Группа скульптора Карпо. Рис. Бокуръ, гравир. Сотенъ.

Съ добрымъ утромъ. Картина Т. Гольтмана, гравир. Бренд'Амуръ.

строгости: разные члены да смотрителя разъѣзжаютъ... за каждымъ шагомъ наблюдаютъ... Намъ надо быть въ струнѣ!..

— Ну, когда такое дѣло, я сейчасъ попрошу церковнаго сторожа сходить за лошадью ..

Часа въ два пополудни родственники отправились въ село Болотово. Учитель уступилъ своей кузинѣ устланное свѣжей соломой дно въ телѣгѣ, а самъ помѣстился у передка. Онъ оказался исправнымъ кучеромъ, умѣвшимъ стегнуть кнутомъ лошадь и собакъ, вереницей провожавшихъ телѣгу.

Проѣхавъ село, путники очутились на большой дорогѣ, пролегавшей черезъ казенную засѣку. Такъ какъ, засѣчная дорога, на протяженіи семи верстъ, составляла одинъ изъ самыхъ капитальныхъ вопросовъ, поднимаемыхъ въ земской управы, и ежегодно испытывала на себѣ разнаго рода улучшенія въ видѣ насыпей, канавъ и рытвинъ, то телѣга двигалась такъ, что давала путникамъ полную возможность любоваться столѣтними дубами, нескончаемыми просѣками, питомниками, отводами и завалившимися верстовыми столбами. Пользуясь досужимъ временемъ, Манефа Егоровна принялась разсказывать учителю о Болотовскомъ отцѣ Варѳоломеѣ. Оказалось, что онъ былъ женатъ на дочери полковаго священника, прельстившись ея приданымъ, на которое пріобрѣлъ пятьсотъ десятинъ отличнаго чернозему. Не смотря на то, что онъ слылъ во всемъ уѣздѣ за „евангельскаго богача“, воздвигавшаго одну житницу за другой, на немъ, по словамъ Манефы Егоровны, вполнѣ оправдалась мудрая пословица, что „и черезъ золото слезы льются...“ Въ его семействѣ происходитъ такая неурядица, что онъ, бѣдный, не радъ и богатству. Его сожительница съ юныхъ лѣтъ перекочевывала изъ города въ городъ вмѣстѣ съ Бутырскимъ полкомъ и усвоила себѣ такія повадки, которыя лишь свойственны однимъ сынамъ Марса; она дѣлала окрики на мужа и дѣтей, какъ ротный командиръ; каждое ея слово отецъ Варѳоломей уподоблялъ ружейному выстрѣлу. Въ своемъ благовѣрномъ она ненавидѣла все: его бороду, библейскій костюмъ, привычку спать послѣ обѣда, славянскія изрѣченія, приводимыя съ цѣлію показать разницу между супружескимъ счастіемъ и боевыми схватками. Проживъ съ мужемъ 18 лѣтъ, она все еще жаловалась на свою судьбу и безпрестанно вспоминала двухъ молодыхъ прапорщиковъ, во время оно вскруживших ей голову. Варѳоломей Сидоровичъ съ первыхъ же дней своей женитьбы убѣдился, что не ему должно принадлежать „главенство“ въ домѣ и смирился до зѣла: по требованію своей супруги, онъ не только совершалъ отдаленныя поѣздки съ порученіемъ пригласить къ себѣ офицера или прибывшаго изъ столицы студента, но даже удалялъ изъ дома свою родную матьстаруху, называвшую невѣстку „антихристомъ“. „Польстился на приданое—по дѣломъ вору и мука!“ говаривариваль онъ.

— Одно слово, змѣя! заключила свой разсказъ Манефа Егоровна.

— Авось мнѣ съ нею не дѣтей крестить, возразилъ учитель.

— Насчетъ себя-то вы не безпокойтесь... Она страсть какъ любитъ молодыхъ людей... Посмотрите, какъ она васъ приметъ!..

На крутой горѣ показалось село Болотово съ двумя колокольнями и множествомъ барскихъ построекъ съ зелеными крышами; у подошвы горы сверкалъ широкій прудъ, въ который превращалась глубокая рѣчка: среди плотины, усаженной ветлами, красовалась мельница съ жестянымъ флагомъ на тесовой крышѣ.

Путники поднялись въ гору, внимательно разсматривая дворню, волостное правленіе, торговыя лавочки, питейныя заведенія, украшенныя скворечницами и окруженныя мужиками, барскій садъ, и наконецъ подъѣхали къ церковной оградѣ, близъ которой стояло деревянное, покрытое соломой, Болотовское училище.

— Ну, сестрица, привязывая лошадь къ периламъ крыльца, весело проговорилъ Алексѣй Федорычъ: теперь пожалуйте ко мнѣ въ гости. Ужь не взыщите, если не чѣмъ будетъ подчивать...

— Вы сперва обзаведитесь, отвѣчала Манефа Егоровна, слѣзая съ телѣги: вотъ тогда я нарочно къ вамъ пріѣду—не одна, а съ мужемъ... Посмотрите, братецъ! указывая на рѣку, продолжала она: чисто—городъ! какое раздолье!

— Признаюсь, я такихъ селъ не встрѣчалъ... Нечего сказать, тутъ не соскучишься... есть гдѣ разгуляться... и сады, и лѣса...

— Здравія желаю! вдругъ проговорилъ пожилой солдатъ въ холстинномъ фартукѣ и въ ременномъ наголовникѣ, выходя изъ церковныхъ воротъ.

— Послушай, служба! Какъ бы отпереть школу?.. Я здѣшній учитель.

— А—а! Милости просимъ! А мы васъ все поджидали... Батюшка, отецъ Варѳоломей, вчера вспоминалъ объ васъ...

— Да нельзя ли тутъ гдѣ нибудь добыть самоварчикъ?..

— Это все можно! Пожалуйте въ горницу...

Манефа Егоровна наотрѣзъ отказалась отъ чаю, говоря, что она немедленно поѣдетъ къ своей сестрѣ, какъ только посмотритъ школу.

Болотовскій разсадникъ просвѣщенія не составлялъ предмета особенной заботливости ни для крестьянъ, ни для мѣстныхъ предержащихъ властей: онъ находился въ такомъ запустѣніи, которое могло быть объяснено лишь цвѣтущимъ состояніемъ питейныхъ заведеній, въ Болотовѣ, не уступавшихъ своею численностію любому уѣздному городу. Ближайшій начальникъ Болотовскаго училища, отецъ Варѳоломей, какъ человѣкъ практическій, по преимуществу занятъ былъ хозяйствомъ въ своемъ купленномъ имѣніи: устроивалъ молотилки, разводилъ сады, скупалъ на ярмаркахъ овецъ и лошадей, сбывалъ въ Москву свою пшеничку, такъ что даже для исправленіи церковныхъ требъ у него не хватало времени; для этого онъ нанималъ отставного батюшку, помѣщавшагося вмѣстѣ съ батраками. Не мало времени также отнимали у него поѣздки съ порученіями отъ жены и разнаго рода семейныя умиротворенія, хотя въ своихъ воскресныхъ поученіяхъ онъ возставалъ противъ индифферентизма прихожанъ къ дѣлу просвѣщенія и не совсѣмъ одобрялъ ихъ излишнее пристрастіе къ водкѣ. Болотовскій помѣщикъ постоянно жилъ въ Кіевѣ, ограничивая свое содѣйствіе народному образованію присылкою въ школу душеспасительныхъ книгъ.

Церковный сторожъ, входя на крыльцо, предупредилъ пріѣзжихъ, что онъ нанятъ „только другой день“, а потому даже не успѣлъ и побывать въ училищѣ. Вотъ какая картина предстала передъ глазами родственниковъ, когда они вступили въ школу: гигантскихъ размѣровъ шкапъ съ классными принадлежностями и оторванными дверцами, опрокинутая учительская кафедра, жестяная купель для крещенія младенцевъ, завалившаяся печка, на которой лежали вѣники, тетради, мѣлъ, восковыя свѣчи, грифельныя доски и пр., остатки картинъ съ изображеніями ветхозавѣтныхъ лицъ украшали стѣны. За досчатой перегородкой, испещренной всевозможными надписями, скрывалась учительская комната съ однимъ окномъ; она имѣла девять аршинъ въ длину и два въ ширину, напоминая длинный корридоръ. Въ ней находился дубовый столъ, два табурета, какія-то плетушки, и кровать, на которой можно было спать не иначе, какъ поднявъ ноги на стѣну или свернувшись калачикомъ.

Все это хотя и не ново было для Алексѣя Федорыча, но онъ почти съ ужасомъ взглянулъ на свою кузину,

какъ бы приглашая ее объяснить столь неожиданное зрѣлище. Манефа Егоровна только всплеснула руками.

Относительно „продовольствія", о которомъ завела рѣчь добрая кузина учителя, сторожъ сообщилъ, что, по примѣру „сбѣжавшаго" предшественника, Алексѣй Федорычъ можетъ поступить „на хлѣбы" къ волостному писарю, содержащему бѣлую харчевню.

Мечты родственниковъ о „новомъ мѣстѣ" разлетѣлись въ прахъ. Грустная перспектива учительской дѣятельности заставила Манефу Егоровну еще разъ напомнить Алексѣю Федорычу, что ему необходимо жениться.

— Ничего, сестрица! говорилъ послѣдній: я вотъ поживу—посмотрю... Если очень жутко покажется, поступлю на желѣзную дорогу... Нынче вездѣ люди нужны... Одна голова—не бѣдна; а если и бѣдна — такъ одна!

— Нѣтъ, ваше благородіе, возразилъ солдатъ: нонѣ изъ мѣстовъ дюже трудно... Я ужъ это знаю... А вамъ на что лучше—жениться на духовной? будете жить у тестя... харчи, стало быть, вольные...

И сторожъ началъ описывать привольную жизнь духовныхъ. Проводивъ свою родственницу Алексѣй Федорычъ отправился съ визитомъ къ отцу Варѳоломею.

Н. Успенскій.

Съ добрымъ утромъ!

(Картина Г. Гольтмана).

Благодаря ловкой кисти художника, сцепка эта почти не требуетъ описанія. Кому неизвѣстно, какъ дѣти дружелюбно относятся вообще къ животнымъ и какъ животныя (конечно, домашнія) любезно обращаются съ ребятами?.. Иногда даже удивляешься долготерпѣнію собаки или кошки, попавшей въъ объятія маленькаго человѣка!.. Ребенокъ видитъ въ собачкѣ, котенкѣ, и даже птичкѣ, прежде всего забавную, «живую» игрушку, съ которою и входитъ въ самыя короткія, пріятельскія отношенія: онъ готовъ бесѣдовать съ такими друзьями, дѣлиться съ ними пряникомъ, конфеткой и вообще сочувственно относиться къ безсловеснымъ товарищамъ, видя въ нихъ, безъ обиды для себя, одухотворенныя существа, которыя почему-то не умѣютъ говорить.

Педагогъ, можетъ воспользоваться богатымъ матерьяломъ, если будетъ наблюдать за своими питомцами въ отношеніяхъ ихъ къ животнымъ.

На жизнь и на смерть.

(Съ англійскаго).

Я, Гарри Линдманъ, одинъ изъ многихъ молодыхъ англичанъ, которыхъ надежда на быстрое обогащеніе, заманила на далекій западъ Америки, жилъ въ это время въ Тѣксонъ-Сити, въ качествѣ комми торговаго дома братьевъ Куртисъ.

Братья Куртисъ, достигшіе рядомъ умныхъ операцій, вліянія и почета, имѣли въ это время въ виду одну чрезвычайно важную спекуляцію. Они сдѣлали, преимущественно въ Техасѣ, весьма большія закупки рогатаго скота, овецъ и свиней, назначавшихся для продовольствія быстро возрастающаго населенія неплодородныхъ горно-заводскихъ округовъ, гдѣ всѣ жизненные припасы, а въ особенности мясо, стояли въ очень высокой цѣнѣ. Дѣло обѣщало тѣмъ бо́льшія выгоды, что двѣ язвы Новой Мексики, засуха и саранча, произвели громадную смертность скота въ Аризонѣ и пограничныхъ съ нею территоріяхъ.

Однако всѣ эти разсчеты должны были кажется поколебаться вслѣдствіе вновь вспыхнувшей кровавой войны съ индѣйцами, войны, которой и конца никогда не будетъ въ этой, полной опасностей, странѣ. Ходили слухи, что апахи, непримиримые враги всѣхъ бѣлыхъ, въ союзѣ съ другими племенами, кіовасами, навайясами и страшными команхесами, встали на военную ногу. Изъ отдаленныхъ поселеній доходили до насъ ужасные разсказы о разныхъ жестокостяхъ индѣйцевъ. Войска были поспѣшно двинуты туда, отчего караваны, намѣревавшіеся идти черезъ прерію, должны были стоять на мѣстѣ, за неимѣніемъ конвоя. Отдалиться больше, чѣмъ на двѣ, три мили отъ обитаемаго поселенія, считалось безумной отвагой. Между тѣмъ приближался срокъ, когда должна была сполна быть уплачена остальная сумма за быковъ и свиней, пригнанныхъ въ Кристобаль. Принципалы мои отлично знали, что кредитъ фирмы сильно пострадаетъ, если плата за скотъ не будетъ внесена чистоганомъ въ блестящихъ долларахъ. Господа Куртисъ напрягли всѣ усилія чтобы реализировать требуемую сумму, и она была на лицо; но все предпріятіе должно было, повидимому, лопнуть по причинѣ опасности дорогъ, вслѣдствіе войны. Ни въ одиночку, ни вооруженной толпой, даже за большое вознагражденіе, никто не соглашался отвезти деньги черезъ прерію. Тѣмъ болѣе удивились мои принципалы, когда я добровольно вызвался исполнить это порученіе, безъ всякаго конвоя.

Мой караковый конь, изъ Кентуки, былъ отлично выдрессированъ, необыкновенно выносливъ и быстръ на ходу. Я любилъ какъ друга мою лошадь (ее звали «Молнія»), которая была столько же умна и понятлива, какъ и проворна, и зналъ что вѣрное животное всюду пойдетъ за мной, какъ собака, и что стоитъ мнѣ только опустить поводья на его гладкую шею, чтобы оно сейчасъ же остановилось, какъ вкопанное.

Мнѣ нельзя было тратить много лишняго времени на прощанья. Было уже далеко за полдень, когда я выѣхалъ въ сопровожденіи полъ-дюжины молодцовъ изъ Тѣксона. Черезъ полъ-часа я простился съ своими спутниками. Всѣ искренно пожали мнѣ руку, и очень растроганные, желали мнѣ счастливаго возвращенія домой. Я еще и теперь живо помню, какъ, доѣхавъ до одного маленькаго пригорка на преріи, я кивнулъ имъ головой, въ отвѣтъ на ихъ размахиванья шляпами и платками, и какъ потомъ они повернули въ сторону, а я одинъ поѣхалъ по опасной дорогѣ.

Тяжелый, удушливый зной стоялъ надъ преріей. Ни одинъ листокъ не шевелился въ рощахъ хлопчатника, мимо которыхъ я проѣзжалъ въ углубленныхъ мѣстахъ равнины; на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ, высокая трава вся была спалена солнцемъ, такъ какъ дождя не было давно. Рѣзкая трескотня прерійнаго кузнечика да отдаленный лай страннаго животнаго, прерійной собаки, одни прерывали, почти мертвую тишину. Часа черезъ три послѣ того, какъ я оставилъ Тѣксонъ, мелькнула мнѣ въ сторонѣ голубая вода бухты; я отпустилъ подпругу моей лошади, и пустилъ ее пить, наполнивъ въ тоже время и мою походную фляжку, которая была привязана къ сѣдлу, такъ какъ въ этой пустынной странѣ, не скоро опять могла представиться возможность утолить жажду. Эта предосторожность оказалась весьма благоразумною, потому что, оставивъ луговую прерію, я поѣхалъ по мѣстамъ еще болѣе унылымъ и пустыннымъ; топотъ копытъ моего коня но голой, изсохшей землѣ былъ здѣсь единственнымъ звукомъ.

Далеко влѣво виднѣлось что-то, будто какая высокая стѣна, только ее нельзя было различить ясно. Я зналъ, что это зубчатые гребни и горные пики Мимберна, естественной крѣпости, гдѣ жили варварскія племена, факелъ и томагаукъ, которыя опустошили не мало цвѣтущихъ, счастливыхъ поселеній.

Кости муловъ и воловъ, бѣлѣющія по дорогѣ, гдѣ я теперь ѣхалъ, служили мнѣ достаточными предостереженіями. Тамъ и сямъ попадались грубые деревянные кресты, на которыхъ крупными буквами, гдѣ черной, гдѣ красной краской, было написано либо имя, либо однѣ начальныя буквы съ краснорѣчивой надписью «убитъ апахами!»

Солнце зашло, на травѣ и кустахъ дикаго шалфея блеснула роса, давно желанный вѣтерокъ охладилъ раскаленный воздухъ, и полный, ясный мѣсяцъ, словно серебряный щитъ, взошелъ на небѣ, и освѣтилъ далекую прерію своимъ ровнымъ матовымъ свѣтомъ. Я взялъ немножко вглубь, пока не доѣхалъ до одного уютнаго мѣстечка въ родѣ оазиса, гдѣ было довольно травы, деревьевъ и воды и выбралъ его для своего ночлега. Съ разсвѣтомъ я опять ужь былъ въ сѣдлѣ, и ни въ этотъ, ни въ слѣдующій день, со мной не приключилось никакой бѣды. Воды, конечно, находилъ я очень мало, и скверного качества, но и та муть, какая попадалась, всё-таки могла утолить мучительную жажду, самую ужаснѣйшую изъ напастей путешествующаго по этимъ сожженнымъ солнцемъ равнинамъ. Гдѣ встрѣчалась вода, тамъ было вмѣстѣ съ тѣмъ и пастбище для моей лошади; между тѣмъ, какъ для самаго себя у меня имѣлся запасъ буйволоваго мяса, разрѣзаннаго по мексиканской манерѣ полосками, которыя сушатся на солнцѣ, и еще мѣшокъ съ маисовыми булочками. Эти предметы, да бутылка водки, испанскій плащъ и заряды для моего карабина и револьвера, вмѣстѣ съ упомянутой выше походной фляжкой, составляли весь мой багажъ.

На третій день, вечеромъ, я расположился на отдыхъ въ одной маленькой, богато-орошенной долинѣ, вблизи обширной бухты; отъ Тѣксона я отъѣхалъ уже приблизительно миль сто

Къ статьѣ: „НОВАЯ ОПЕРА ВЪ ПАРИЖѢ“.

CLIO.

Клio.

MELPOMÈNE.

Мельпомена.

VRANIE.

Уранія.

ERATO.

Эрато.

Калліопа. Эвтерпа. Терпсихора. Талія.

„МУЗЫ“. Живопись Поля Бодри въ фойе новой оперы. Рисов. Л. Шапонъ. грав. Жюль Лаве.

двадцать. Еще восемьдесят миль, и я достигну форта Вебстера, а стоитъ только перебраться на ту сторону Жилы,—тамъ ужъ я буду въ полной безопасности и могу безпрепятственно продолжать свое путешествіе до Кристобаля. До сихъ поръ мнѣ не встрѣтилось еще ни единой души, ни дружеской, ни враждебной. Не разъ казалось мнѣ, какъ будто на окраинѣ темнаго горизонта виднѣлись копья и перистыя головы; разъ на голой коричневой поверхности степи взвилось облако пыли; но оно могло быть поднято стадомъ бизоновъ или дикихъ лошадей, столько же, сколько апахами или кѣмъ нибудь изъ ихъ союзниковъ. Увѣренность моя возрастала, по мѣрѣ того, какъ я подвигался впередъ; я былъ увѣренъ что преблагополучно достигну цѣли своего путешествія.

На слѣдующую ночь, когда я заснулъ, плотно завернувшись въ плащъ и положивъ голову на сѣдло, мнѣ приснилось будто я на родинѣ, въ старой Англіи, еще маленькій, и играю съ своими сестрами и братьями, какъ вдругъ меня разбудило громкое, пронзительное ржанье моей лошади, привязанной рядомъ. Открывъ глаза, я встрѣтился съ огненнымъ взглядомъ отвратительно раскрашеннаго лица, которое было такъ близко ко мнѣ, что я почти прикасался къ нему. Я почувствовалъ на своей щекѣ горячее дыханіе индѣйца, и увидѣлъ, какъ въ правой его рукѣ блеснулъ ножъ. Я схватился за револьверъ, лежавшій у меня подъ головой, но другая рука индѣйца стиснула мою руку, между тѣмъ, какъ лошадь моя сызнова принялась жалобно ржать; когда я приподнялся на одномъ колѣнѣ, то увидѣлъ, что она сильно лягается задними ногами, и въ то же время двѣ темныя фигуры подкрадываются къ тому мѣсту, гдѣ была привязано животное, съ очевиднымъ намѣреніемъ отвязать лошадь.

Изъ того что, произошло потомъ, осталось у меня одно смутное воспоминаніе. Я помню короткую, отчаянную борьбу, во время которой по мнѣ два раза скользнулъ ножъ индѣйца; послѣ этого рука моя освободилась изъ-подъ варварскихъ тисковъ дикаря; курокъ щелкнулъ, и звукъ трехъ выстрѣловъ нарушилъ тишину пустыни. Непосредственно затѣмъ я услышалъ топотъ отчаяннаго галопа и увидѣлъ несущихся въ темнотѣ двухъ всадниковъ съ пучками перьевъ на головахъ. Первый мой противникъ лежалъ у моихъ ногъ. Рука его, когда я ее поднялъ, безжизненно упала на землю, мрачное лицо его, только что раскрашенное свѣжими красками, уже мертвенно окоченѣло. Два орлиныхъ пера, прикрѣпленные къ его длиннымъ черньмъ волосамъ посредствомъ серебряной брошки, показывали въ немъ вождя, а по цвѣту татуировки можно было видѣть, что онъ принадлежитъ къ племени апаховъ.

Мною овладѣлъ новый страхъ, что два ускакавшіе товарища позовутъ своихъ на помощь. Самымъ благоразумнымъ казалось мнѣ—это какъ можно поскорѣе убраться отсюда. Было то сѣрое, непріятное время, которое предшествуетъ разсвѣту, но я осѣдлалъ своего взволнованнаго коня и пустился въ дорогу. До сихъ поръ я берегъ Молнію, но теперь, не смогря на наступавшій по мѣрѣ приближенія дня жаръ, сталъ подгонять моего коня пошибче. Бѣдное животное въ первый разъ обнаружило признаки усталости, когда мы подъѣхали къ берегу одной рѣки; мутная вода ея кажется жгла губы, пившія ее съ такой жадностью, но сколько я могъ разсчитать, мы находились еще по крайней мѣрѣ въ трехъ часахъ отъ Жилы, по ту сторону которой я считалъ себя въ безопасности.

Безплодная, каменистая пустыня, разстилавшаяся передо мной, когда я, на своей измученной лошади, пустился въ дальнѣйшій путь, была почти совершенно лишена растительности. Продолжительныя засухи и палящіе лучи солнца не оставили ни одной зеленой былинки; все пожелтѣло и повяло, а озера и рѣки повысохли, испуская изъ себя злокачественные пары. Я раздѣлилъ съ Молніею послѣднюю каплю воды, какая оставалась въ моей фляжкѣ, и добрѣйшее животное кажется было благодарно мнѣ за это: оно ласково терлось о мою руку своей бархатистой мордой, въ то время, какъ я гладилъ его по шеѣ, которая уже не была мягка и гладка, какъ шелкъ, потому что отъ изнуренія и лишенія шерсть его взъерошилась и глаза потеряли блескъ. Стоя подлѣ него, я оглянулся кругомъ, и вдругъ увидѣлъ зрѣлище, отъ котораго вся кровь во мнѣ похолодѣла.

Я ясно увидѣлъ толпившіяся густыми кучками на одномъ пригоркѣ дикія фигуры съ украшенными перьями головами, съ копьями, щитами, въ ярко-красныхъ покрывалахъ или буйволовыхъ кожахъ. Когда я вложилъ ногу въ стремя и вскочилъ въ сѣдло, индѣйцы, державшіеся до сихъ поръ смирно, подняли свой яростный воинственный крикъ, сопровождая его отвратительными гримасами и жестами и пустились преслѣдовать меня съ такой яростью, которая показывала, чего я долженъ ожидать, еслибы попался имъ въ руки. Началась отчаянная погоня—скачка на жизнь и на смерть. Молнія бодро слушалась моихъ понудительныхъ возгласовъ и первыя четыре, пять миль, враги почти не были видны, но наконецъ, топотъ ихъ лошадей сталъ безпощадно приближаться, они уже скоро должны были настичь меня. Будь это въ первый день моего путешествія, я бы насмѣялся надъ своими преслѣдователями, но теперь, когда моя лошадь была уже измучена, а ихъ маленькія, пѣгія лошадки, сравнительно свѣжи, то мнѣ трудно было тягаться съ ними. Стонъ вырвался изъ моей груди, когда я почувствовалъ, что Молнія начала изнемогать подо мною, хотя мои крики и ласки воспламеняли благородное животное.

Миля за милей мчались мы такъ по пустынной преріи, но при неровности почвы, которая теперь постоянно то возвышалась, то опускалась: мой конь началъ спотыкаться по временамъ. Индѣйцы видѣли свои преимущества, и не щадили ничего, чтобы настичь меня. Стрѣла слегка ранила моего коня въ шею: другая стрѣла задѣла меня по щекѣ, и я почувствовалъ при этомъ, будто по шеѣ прошло каленое желѣзо. И по сіе время виденъ еще тонкій, синій шрамъ. Но въ безумно-возбужденномъ состояніи, въ какомъ я былъ, я далъ Молніи шпоры, и на нѣсколько времени откинулъ своихъ преслѣдователей; наконецъ, впереди засеребрилась рѣка, которая не могла быть никакой другой, какъ Жилой; по ту сторону ея возвышались стѣны однокаго зданія, безъ всякаго сомнѣнія, форта Вебстера.

«Впередъ, Молнія, впередъ!» Еще одно усиліе преданнаго животнаго,—и мы внѣ опасности!

Я поглаживалъ взмыленную шею моего коня: благородное животное отвѣчало на мою ласку и еще рванулось изо всѣхъ силъ впередъ. Рѣка, окаймленная высокими деревьями и тростникомъ, была уже совсѣмъ близко; ужъ слышенъ былъ плескъ ея быстрыхъ волнъ, какъ вдругъ Молнія упала на колѣни, и потомъ совсѣмъ свалилась, чтобъ ужъ никогда не вставать больше. Въ ея боку торчала стрѣла, которой я не замѣчалъ раньше, и чудесное животное истекло кровью, съ неизмѣннымъ мужествомъ неся своего господина по неровной преріи. Въ первую минуту отъ горя я почти забылъ страшную опасность, грозившую мнѣ, однако долго предаваться горести было нѣкогда, такъ какъ уже слышались звуки ударовъ копытъ вражескихъ лошадей; индѣйцы уже нагоняли меня, издавая отвратительные, дикіе вопли.

Рѣка была не дальше какъ шагахъ въ тридцати отъ меня, но она была слишкомъ глубока и быстра, чтобы я при моемъ изнеможеніи былъ въ состояніи переплыть ее. Но пока оставался хоть какой нибудь шансъ, я не терялъ еще надежды спасти свою жизнь. Револьверъ былъ у меня за поясомъ, но пистолетъ и оба мѣшка съ деньгами братьевъ Куртисъ были прикрѣплены къ сѣдлу. Быстро отвязалъ я эти вещи, хотя рѣшительно не зналъ, какими судьбами я могу спастись съ ними. Разъяренные враги были отъ меня не дальше какъ на разстояніи шести копій, какъ я бросился въ кусты, чтобы спрятаться въ тростникахъ, питая слабую надежду, что крики дикарей вызовутъ гарнизонъ изъ форта. Въ величайшей моей радости, я увидѣлъ привязанный къ мимозѣ челнъ съ неводомъ, принадлежавшій вѣроятно кому нибудь изъ солдатъ; вспрыгнувъ въ него, я схватилъ весла и выѣхалъ на середину рѣки; въ эту самую минуту, четверо или пятеро индѣйцевъ, сойдя съ лошадей, съ ножами и томагауками въ рукахъ, продирались сквозь кусты къ берегу.

Теченіе было очень быстро, и я былъ не изъ слишкомъ искусныхъ гребцовъ, но индѣйцы колебались приближаться къ берегу, очевидно опасаясь близости форта, и хотя они преслѣдовали меня неистовыми криками и градомъ стрѣлъ, изъ которыхъ одна слегка ранила меня въ кисть руки, я все таки счастливо перебрался на ту сторону, гдѣ былъ встрѣченъ радостными криками гарнизона, при появленіи котораго горько разочарованные апахи быстро удалились. Вскорѣ я увидѣлъ себя окруженнымъ дружескими лицами, но усталость и волненіе до того изнурили меня, что не дойдя до форта Вебстера, я лишился чувствъ и безъ памяти упалъ на землю.

Мой краткій разсказъ подходитъ къ концу. Благодаря обязательности командующаго фортомъ, я имѣлъ возможность продолжать мое путешествіе, какъ только возстановились мои силы. Безъ дальнѣйшихъ приключеній достигъ я Кристобаля, и прибылъ туда какъ разъ во время, чтобы спасти кредитъ фирмы, представителемъ которой я былъ, и обезоружить такимъ образомъ непріязненность полудикихъ мексиканскихъ торговцевъ, уже начинавшихъ ворчать на замедленіе платежа. Быки и другой скотъ, нѣсколько недѣль спустя, были отосланы въ Тёксонъ при сильномъ прикрытіи кавалеріи; я и самъ бы воспользовался этимъ случаемъ для обратнаго пути, если бы отъ чрезмѣрнаго физическаго утомленія и напряженія не сдѣлалось у меня горячки, уложившей меня въ постель.

Разъ послѣ болѣзни, еще блѣдный и слабый, сидя подъ тѣнью магнолій и кофейныхъ деревьевъ, я увидѣлъ весело приближавшихся въ мою сторону двухъ знакомыхъ дѣницъ, доброта которыхъ во время моей болѣзни была безгранична.

«Можете-ли вы перенести хорошія вѣсти, Гарри?» улыбаясь спросила меня одна изъ нихъ; и дѣйствительно вѣсти были очень хорошія. Мои добрые старики—принципалы сдѣлали больше, чѣмъ обѣщали; они не только приняли меня въ компаньоны, но еще назначили меня постояннымъ агентомъ въ Кристобалѣ, гораздо болѣе пріятномъ и здоровомъ мѣстѣ, чѣмъ Тёксонъ, и здѣсь, благодаря щедрости братьевъ Куртисъ, зажилъ я богачемъ. Такой переворотъ въ моей карьерѣ заставилъ мистера Грея окончательно рѣшиться отдать мнѣ руку своей дочери; но среди моего счастья, на меня часто находятъ грустныя минуты при воспоминаніи о моемъ спасителѣ, вѣрномъ моемъ конѣ, кости котораго бѣлѣютъ на берегахъ Жилы.

Библіографія.

В. И. Немировичъ-Данченко. *На просторъ* (очерки). Подъ этимъ заглавіемъ вышла книжка, въ которой собрано четыре разсказа: „Затерянные въ океанѣ“, „Въ тихой и мирной пристани“, „Полярное лѣто“ и „Мертвая бухта“. Содержаніе перваго очерка слѣдующее: Старикъ охотникъ, молодой парень, рыбакъ, и культурный человѣкъ, отъ имени котораго ведется разсказъ, носятся на ледяной глыбѣ по безконечному океану. Съ ними находится собака „Вѣрный“. Положеніе ихъ ужасно: набѣгающія на льдину морскія волны безпрестанно угрожаютъ разбить и затопить ее; несчастныхъ преслѣдуетъ акула, готовая проглотить свалившагося въ море или даже близко подошедшаго къ краю глыбы человѣка; они раздѣлили послѣдній остатокъ пищи и, близость голодной смерти дополняетъ ихъ бѣдствія. Лежа на холодной льдинѣ, каждый изъ погибающихъ припоминаетъ наиболѣе выдающіяся событія изъ его жизни и наиболѣе дорогіе ему образы: молодой парень, рыбакъ, жалѣетъ объ оставленной имъ дома невѣстѣ, старикъ разсказываетъ своимъ собесѣдникамъ о лежащемъ на немъ тяжкомъ грѣхѣ—онъ задушилъ малютку сына и любовницу; наконецъ культурному человѣку представляется „счастливая ночь“, когда онъ, идя по облитой свѣтомъ улицѣ большого города, услышалъ пѣніе, выходившее изъ устъ неизвѣстной женщины съ распущенными волосами и съ граціознымъ изгибомъ шейки; она пѣла „громкую пѣснь любви“, небрежно перебирая пальцами клавиши рояля!.. На минуту передъ несчастными мелькнулъ лучъ надежды: на горизонтѣ имъ представилась земля. Они ожили, дѣлаютъ различныя предположенія, но увы! Надежда обманула ихъ — земля оказалась тучею, вскорѣ поднявшеюся надъ горизонтомъ и повергшую путниковъ еще въ большее отчаяніе. Старикъ, разсудивъ, что кара Божія постигаетъ ихъ за его грѣхи, бросается въ пасть акулы, которая мгновенно его проглатываетъ; молодой парень умираетъ съ голоду, а культурный человѣкъ съ собакою спасаются отъ погибели подошедшею къ нимъ на помощь поморскою шкуною. Очеркъ можетъ считаться бойко написаннымъ упражненіемъ на заданную тему. Отличительная черта его —отсутствіе жизненной правды и дѣланность рѣчи и положеній. Часто разсказъ прерывается восклицаніями въ родѣ: „ни звука, ни слова“, „ни мысли, ни сознанія“; вѣроятно, этимъ предполагалось усилить впечатлѣніе, производимое трагизмомъ положенія.

Отрывокъ „Въ тихой и мирной пристани“ представляетъ, по словамъ автора, быль начала настоящаго столѣтія. Авторъ ведетъ читателя въ отдаленный густой лѣсъ; въ срединѣ его раскинулось обильное рыбой озеро, на островѣ котораго помѣщается раскольничій скитъ, гдѣ нашли убѣжище и укрылись отъ преслѣдованія иноки стараго благочестія. Сюда же отсылаются разгнѣванными родителями дѣвицы—дочери, погрѣшившія противъ правилъ строгой морали. Все содержаніе очерка, въ его теперешнемъ видѣ, заключается въ томъ, что московскій купецъ отдалъ свою виновную дочь въ названный скитъ подъ начальство матери Аполлинаріи. Дѣвица помѣщается въ скитѣ, свободная жизнь котораго приходится ей какъ нельзя болѣе по сердцу, и очеркъ оканчивается тѣмъ, что молодыя бѣлицы посылаются въ видѣ послушанія для сбора грибовъ въ лѣсъ, гдѣ онѣ встрѣтились съ парнями-шатунами, разбились на пары „и вѣтви кустарника скоро совершенно укрыли ихъ отъ посторонняго взгляда“. Очеркъ написанъ бойко и читается легко, но въ настоящемъ его видѣ онъ не только не даетъ понятія о томъ, какую именно быль имѣетъ намѣреніе разсказать авторъ, но даже не знакомитъ читателя съ обстановкою жизни скита и нравами его обитателей, если не считать указаній на легкомысліе обитательницъ скита.

„Полярное лѣто“ состоитъ изъ нѣсколькихъ живыхъ и интересныхъ разсказовъ изъ жизни рыбаковъ Мурманскаго берега. Рыбаки отправились на работу; ловъ былъ особенно удаченъ; все лѣто продолжается эта удача; рыбы наловлено видимо-невидимо: есть чѣмъ разсчитаться съ хозяевами, да можно и себя незабыть. Можно напиться чаю у поселившагося въ становищѣ финна, закупить у него, что слѣдуетъ, и покутить вдосталь въ городѣ Колѣ. Тамъ рыбаки пируютъ въ свое удовольствіе и расхваливаютъ до небесъ сѣверный городъ, которому по красотѣ не находятъ равнаго во всей Норвегіи. Прошелъ слухъ, что на становище ѣдутъ норвежцы. Закручинился честный финнъ, другъ нашихъ рыбаковъ. Пришельцы отобьютъ у него покупателей и лишатъ его плодовъ долгихъ и упорныхъ усилій; да не лучше будетъ и рыбакамъ: норвежцы съумѣютъ высосать изъ нихъ послѣднія денежки. Опасенія сбываются: ловкіе норвежцы заставляютъ уйти финна изъ становища, обираютъ рыбаковъ и дѣлаютъ имъ различныя притѣсненія, до тѣхъ поръ, пока выведенная изъ себя толпа рыбаковъ силою не заставляетъ своихъ эксплуататоровъ убраться во свояси. Къ сожалѣнію дѣланность разговорнаго языка и какое-то оригинальничанье въ описаніяхъ составляютъ принадлежность и этихъ очерковъ. Многое какъ то особенно подчеркивается, что, по нашему мнѣнію, придаетъ слогу вычурность и претенціозность. Напримѣръ: „Вглядитесь въ океанъ, зорко вглядитесь“. „Вонъ чернѣютъ какія-то точки. Недвижно чернѣютъ“. „Застываютъ онѣ на застывшемъ морѣ“. Описывая разговоръ рыбаковъ, авторъ заставляетъ ихъ пересыпать разсужденія о душѣ и загробной жизни соображеніями о томъ: дорогъ или дешевъ ромъ. Г. Данченко совершенно вѣрно подмѣтилъ привычку русскаго человѣка, разговаривая о высокихъ предметахъ, неожиданно перейти на водку или что-нибудь подобное, но у него рыбаки ведутъ почти *цѣлый разговоръ*, въ которомъ первая фраза относится къ душѣ, а послѣдняя къ рому и на оборотъ, что всякій, сколько-нибудь знакомый съ нравами простолюдина, несомнѣнно признаетъ за грубую утрировку.

Впрочемъ, несмотря на такіе промахи, очерки, вошедшіе въ составъ „Полярнаго лѣта“, читаются съ интересомъ. Очеркъ „Мертвая бухта“ изображаетъ ужасы полярной бури у береговъ Ледовитаго океана и Бѣлаго моря. Она разбиваетъ корабли, выбрасываетъ на берегъ расплющенныхъ о прибрежныя скалы китовъ и трупы людей, и приводитъ въ тревожное состояніе бѣлыхъ медвѣдей. Вычурность языка и погоня за образностью выраженій въ этомъ очеркѣ превышаютъ всякую мѣру. Сравнивая всю землю съ застигнутымъ штурмомъ кораблемъ, авторъ говоритъ: „А провозвѣщающія смерть трубы архангеловъ все громче и громче“. „Чаще и чаще поднимаются небесныя вѣжды, грознѣе и пристальнѣе смотритъ оттуда кровавое око“ (?!). Не много заботы и о правдѣ выказываетъ авторъ, изображая глядящія изъ-подъ снѣга прямо на небо мертвыя очи шести окоченѣвшихъ труповъ. „Тѣлъ ихъ не видно. Снѣгъ и недвижные глаза, да черныя космы волосъ“!!.

Резюмируемъ общее впечатлѣніе, вынесенное нами изъ чтенія книжки г. Данченко. Авторъ не лишенъ извѣстной доли беллетристическихъ способностей, но ему не достаетъ основательнаго изученія описываемаго предмета и надлежащей простоты въ описаніяхъ, взамѣнъ чего въ его произведеніяхъ господствуетъ вычурность языка, невозможность положеній и трескучіе эффекты.

Политическое обозрѣніе.

Нѣсколько времени тому назадъ телеграфъ принесъ извѣстіе о томъ, что турецкіе и сербскіе форпосты еще сократили раздѣляющее ихъ разстояніе, еще ближе подвинулись другъ къ другу и стоятъ теперь на менѣе, чѣмъ «благородной» дистанціи —на дистанціи, дозволяющей пулямъ и ядрамъ легко достигать цѣли. Теперь полученъ рядъ депешъ, дорисовывающихъ картину: «25-го іюня, архимандритъ Дучичъ, съ сильнымъ легіономъ волонтеровъ, переправился чрезъ рѣку Дрину при Любовьи, недалеко отъ Вальева. Ему удалось счастливо пробиться сквозь турецкій пограничный отрядъ. «И такъ, говоритъ телеграмма, дѣйствія начались». Далѣе идутъ извѣстія не менѣе опредѣленнаго характера: 10-го при Жуповцѣ, близь Алексинаца (гдѣ командуетъ генералъ Черняевъ), 400 черкесовъ вторглись на сербскую территорію, но, окруженные въ лѣсу батальономъ Бѣлградской бригады, перестрѣляны всѣ до единаго. Всѣ постановленія скупщины на случай войны приведены уже въ исполненіе. Жалованье чиновникамъ сокращено. Генералъ Захъ командуетъ моравской арміей, Алимпичъ—сильнѣйшею дринскою арміей, а генералъ Черняевъ—южною, стоящею противъ укрѣпленнаго турецкаго лагеря въ Нишѣ. 13-го іюня, при Ложницѣ, переправились черезъ рѣку Дрину 7 тысячъ волонтеровъ подъ начальствомъ подполковникм Груи Мишковича, маіора Влайковича и капитана Путника.

Изъ Бѣлграда сообщаютъ, что князь Миланъ отъѣзжаетъ въ армію 30-го (т. е, 18-го) іюня, въ этотъ же день будетъ обнародованъ манифестъ о войнѣ, а затѣмъ, 1-го іюля, вся Сербія будетъ объявлена въ осадномъ положеніи.

Въ Черногоріи призваны подъ знамена всѣ способные носить оружіе мужчины отъ 17-ти до 60-ти лѣтъ, до окончанія войны управлять страною будетъ сенатъ, именемъ князя. Ходитъ между прочимъ слухъ о томъ, что въ Цетинье отправляется депутація отъ инсургентовъ, съ цѣлью побудить князя Николая, объявленнаго княземъ Герцеговины, принять господство надъ этою страною.

Что касается Константинополя, то, согласно тѣмъ же депешамъ, и тамъ тоже считаютъ столкновеніе съ Сербіей неизбѣжнымъ. Правительство султана отложило до времени свои работы по реформамъ и сосредоточило все вниманіе на военныхъ приготовленіяхъ, Турецкія войска на сербской границѣ (главное командованіе поручено Абдулъ-Кериму-Пашѣ) и турецкая дунайская флотилія получили приказаніе быть готовыми къ началу военныхъ дѣйствій по первому сигналу.

Признаться—мы не вполнѣ еще убѣждены въ полной несомнѣнной неизбѣжности войны въ настоящую минуту, не вполнѣ вѣримъ, что она начнется, или завтра, или послѣ завтра. Не потому сомнѣваемся мы, чтобы обстоятельства противорѣчили

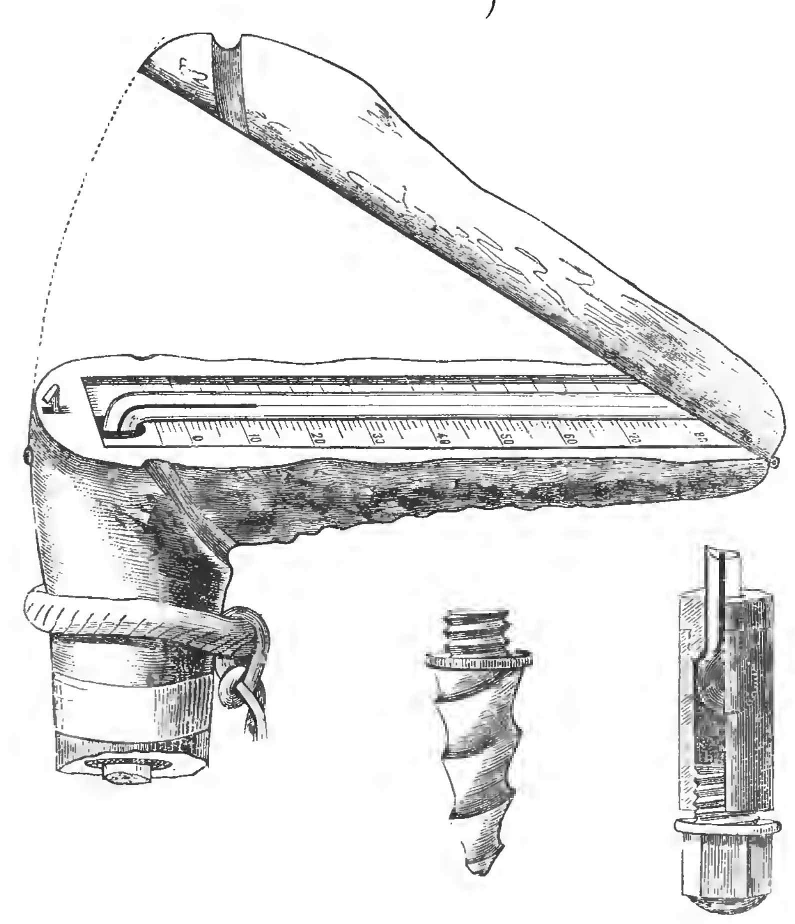
этой неизбѣжности—насколько возможно — всѣ условія борьбы на лицо. Но, дѣло въ томъ, что условія эти уже давно находились «на лицо» и, однако, несмотря на массу полученныхъ и прочтенныхъ нами, со времени начала возстанія, депешъ,—борьба эта не начиналась. Извѣстно, что державы, руководимыя благороднымъ желаніемъ мира, прилагаютъ всѣ усилія къ тому, дабы отклонить борьбу. Авторитетъ Европы извѣстенъ какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Цетиньи и въ Бѣлградѣ—мы твердо вѣримъ въ то, что война не можетъ начаться безъ разрѣшенія 6 участниковъ Парижскаго трактата. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что между Портой и Бѣлградскимъ правительствомъ идутъ, или шли въ послѣднее время, переговоры о территоріальныхъ уступкахъ, для чего въ Константинополь отправленъ спеціально къ тому уполномоченный—г. Ристичъ; съ другой стороны — Черногорія послала въ Эмсъ, Вѣну, Берлинъ своего агента—сенатора Станко Радонича—съ тою же цѣлью и въ тѣхъ же видахъ. Мы не будемъ говорить о предѣлахъ требованій, потому что, конечно, достовѣрно это не можетъ быть извѣстно никому, до окончанія дѣла.

Невольно сопоставляются въ головѣ эти одновременныя переговоры и военныя приготовленія... Невольно, приэтомъ, послѣднія кажутся угрожающею демонстраціей въ подкрѣпленіе первыхъ, почему и допускаются державами...

Мы откровенно высказываемъ читателямъ наши подозрѣнія, но, само собой, не настаиваемъ на ихъ полной основательности; весьма можетъ быть, что Великобританія, настаивая на «невмѣшательствѣ» въ восточномъ вопросѣ, противъ воли довела дѣло до настоящаго положенія, изъ котораго надѣется вывести Турцію тайною помощью деньгами и иными средствами, желая доставить ей возможность самой справиться съ славянами—подданными и вассалами и, тѣмъ самымъ, дать Европѣ очевидное доказательство излишности ея участія въ событіяхъ на востокѣ. Впрочемъ, по ея мнѣнію, такой образъ дѣйствій поведетъ еще къ тому послѣдствію, что поселитъ въ христіанахъ убѣжденіе въ необходимости подчиненія султанскому правительству, въ необходимости сохраненія «statu quo» отношеній, что упрочитъ существующій порядокъ вещей и, въ свою очередь, устранитъ надолго (?) перспективу измѣненія политической карты Европы.

А между тѣмъ, независимо кабинетныхъ разсчетовъ, плановъ и соображеній, подымаются славянскія земли, протягиваютъ другъ другу руки братья разрозненной семьи, семьи униженной, оскорбленной, подавленной!

Новое изобрѣтеніе.

Термометръ, вдѣланный въ трость. Сельскимъ хозяевамъ и вообще сельско-хозяйственнымъ промышленникамъ (напр., пивоварамъ, сахарнымъ заводчикамъ) чрезвычайно важно имѣть такой термометръ, которымъ можно было-бы удобно измѣрять температуру *внутри* скученнаго матерьяла (въ кучѣ картофеля, копнѣ сѣна, массѣ солода и т. п.) для того, чтобы узнать степень развившейся теплоты и устранить во время опасность, грозящую всему матерьялу, вслѣдствіе слишкомъ высокой температуры. Въ «Нѣмецкой сельско-хозяйственной газетѣ» сообщается о вновь изобрѣтенномъ землевладѣльцемъ Мейеромъ термометрѣ — *термометръ-палка* — вдѣланномъ въ трость. Термометръ этотъ отличается отъ обыкновеннаго тѣмъ, что ртутный шарикъ, заключенный въ полый металлическій наконечникъ палки, окруженъ ртутью. Этимъ, съ одной стороны, достигается большая прочность инструмента, съ другой — ртутная оболочка обусловливаетъ быстроту сообщенія шарику съ ртутью температуры массы, изслѣдуемой Мейеровскимъ термометромъ. Отъ ртутнаго шарика вдоль всей палки идетъ узкая трубка, окруженная дурными проводниками тепла; загнутый конецъ этой трубки, вмѣстѣ со скалой, находится въ открывающейся рукояткѣ трости, что и видно на нашемъ рисункѣ. «Мейеровскіе» термометры, въ видѣ простой палки или изящно-сдѣланной трости, изготовляются въ мастерской г. Шульца, фабриканта издѣлій изъ слоновой кости, въ Берлинѣ (Wasser-gasse,), и стоютъ отъ 6 — 8 руб. за штуку.

СОДЕРЖАНІЕ. **Князь Антіохъ Кантемиръ** (съ портретомъ). **А. Арс** — **Новая опера въ Парижѣ** (съ 10-ю рисунками). — Стихотвореніе Изъ Гейне. **Иа. Тх...**—**На новомъ мѣстѣ** (этюдъ съ натуры). **Н. Успенскаго.**—**Съ добрымъ утромъ!** (съ рисункомъ).—На жизнь и на смерть (съ англійскаго).—Библіографія.—Политическое обозрѣніе.—Новое изобрѣтеніе (съ рисункомъ).—Объявленія.

Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 24 Іюня 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб., Больш. Морская, д. № 8. Тип. [illegible] пр., № 10.